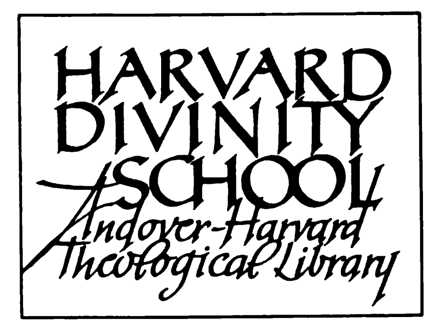
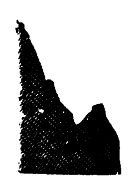
Digitized by Google
Распознавание текста
ABK/FR


HARVARD
DIVINITY
SCHOOL
Andover-Harvard
Theological Library

IE

2 vols in 1)

ПАВЛА



овой.

ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ВОСЬМИ ГЛАВЪ

(Commentary on Romans, 2 vols in 1)

ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ РИМЛЯНАМЪ.

Theophan, Bishop

Епископа Ѳеофана.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.

Типо-Литографія И. Ефимова, Большая Якиманка, домъ Смирновой.

1890.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. 17 апрѣля 1890 года.

Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*

ВВЕДЕНІЕ.

1.

Просвѣщеніе Римлянъ вѣрою.

Апостолъ Павелъ пишетъ къ Римлянамъ, не видавши ихъ. Ибо не онъ просвѣтилъ ихъ вѣрою: она зашла къ нимъ помимо его,—зашла и образовала изъ нихъ славное христіанское общество, слава котораго, ко времени написанія посланія, возвѣщалась во всемъ мірѣ (1, 8). Какъ же это сдѣлалось?

Какъ это сдѣлалось, опредѣленныхъ указаній не имѣется. Но можно построевать о семъ предположенія очень вѣроятныя.

Въ Климентовыхъ рекогницiяхъ (1, 6) говорится, что, еще во время пребыванія Господа видимо на землѣ, вѣсти о Немъ и о дѣлахъ Его доходили до Римлянъ и возбуждали не удивленіе только къ Нему, но и вѣру въ Него. Это сказаніе не можетъ быть подвергаемо сомнѣнію. Въ Римѣ, со времени подчиненія ему Іудеи Помпеемъ (63 г. до Р. Хр.), начало жить множество Іудеевъ, для которыхъ потомъ отведенъ былъ и особый кварталъ за Тибромъ. Но живя здѣсь, они не отчуждались отъ своего отечества, особенно отъ Іерусалима, и бывали тамъ на праздникахъ, и паче на главномъ—Пасхѣ. Бывавшіе въ Іерусалимѣ могли не только слышать о Господѣ, но и видѣть Его и вѣровать въ Него; затѣмъ, возвратясь въ Римъ, разсказать о Немъ другимъ, и возбудить у однихъ желаніе самимъ видѣть Его, чтобъ и

себѣ вѣровать, у другихъ—прямо вѣру. Новые посѣтители Іерусалима могли возвращаться новыми вѣрующими и приносить новыя возбуждающія вѣру вѣсти. Такимъ образомъ, еще до крестной смерти и воскресенія, Господь могъ имѣть многихъ чтителей среди жившихъ въ Римѣ Іудеевъ.

Въ день сошествія Св. Духа на Апостоловъ въ числѣ другихъ свидѣтелей сего событія были и Римляне (Дѣян. 2, 10). Крестилось въ этотъ день три тысячи вѣрующихъ. Очень невѣроятно, чтобы въ такомъ количествѣ не оказался ни одинъ Римлянинъ, особенно если былъ среди ихъ кто-либо изъ подготовленныхъ прежде. Этотъ увѣровавшій и крестившійся, если онъ былъ одинъ, или нѣсколько такихъ, если не одинъ, возвратясь въ Римъ; могли окрестить всѣхъ подготовленныхъ прежде и приложить къ нимъ новыхъ вѣрующихъ. Крещеніе сопровождалось тогда дивными измѣненіями крещенныхъ, и служило несомнѣннымъ знаменіемъ истины вѣры крещаемыхъ. А это не могло не привлекать къ Господу тѣхъ, кои были предназначены быть отъ двора Его. Допустивъ это, должны будемъ согласиться, что поелику квасъ вложенъ въ смѣшеніе муки, то онъ не могъ оставаться безъ дѣйствія. Общество вѣрующихъ должно было расти, привлекая новыхъ чтителей Господа не изъ Іудеевъ только, но и изъ прозелитовъ, а чрезъ нихъ и изъ прочихъ язычниковъ. Это дѣйствіе могло усугубляться, если примемъ, что изъ числа новыхъ посѣтителей Іерусалима, иные возвращались вѣрующими и крещенными; что очень не дивно. Къ тому же въ Римъ всегда стекалось изъ разныхъ мѣстностей множество лицъ, изъ которыхъ иные тамъ и оставались, или по дѣламъ своимъ, или и совсѣмъ на жительство. Въ числѣ такихъ могли быть увѣровавшіе, Іудеи и язычники, которые не могли тамъ быть внѣ связи съ обществомъ вѣрующихъ. По всѣмъ этимъ вѣроятностямъ, сколько могло образоваться вѣ-

рующихъ въ Римѣ, въ продолженіи двадцати пяти уже лѣтъ существованія церкви Христовой на землѣ, до написанія посланія къ Римлянамъ?—Вотъ и общество вѣрующихъ. вѣра котораго возвѣщалась во всемъ мірѣ!

Но симъ путемъ можно объяснить только, какъ образовалось въ Римѣ такое множество вѣрующихъ и крещенныхъ; а устроенія изъ нихъ церкви, въ полномъ ея чинѣ и составѣ, нельзя такъ объяснить. Крестить могъ всякій, и крещеніе тотчасъ являло всю силу свою очевидно для всѣхъ; но пріятіе даровъ Св. Духа было невозможно иначе, какъ чрезъ возложеніе рукъ св. Апостоловъ, или ими рукоположенныхъ предстоятелей—епископовъ (нынѣ мvропомазаніе). Между тѣмъ св. Павелъ, пиша въ посланіи для Римлянъ правила жизни, поминаетъ о разныхъ благодатныхъ дарахъ, дѣйствовавшихъ въ нихъ,—о пророчествѣ, ученіи, предстояніи или настоятельствѣ церковномъ (—12, 6—8). Это значитъ, что тамъ церковь была въ полномъ ея устройствѣ. Какъ же это могло состояться?—Или былъ тамъ кто-либо изъ Апостоловъ и лично устроилъ тамошнюю церковь, или кто-нибудь изъ Апостоловъ рукоположилъ другаго достойнаго и довѣреннаго, и ему поручилъ устроить ее и управлять ею. Она и является вполнѣ устроенною и хранящею общій всѣмъ церквамъ чинъ и порядокъ.—Что же принять?

Преданіе Римской церкви говоритъ, что въ Римѣ былъ св. Петръ и устроилъ тамъ Христову церковь,—что прибылъ онъ туда послѣ чуднаго освобожденія изъ темницы, въ которую заключенъ былъ Иродомъ (Дѣян. 12, 3. 9), въ 43 г. по Р. Х., и съ этого времени 25 лѣтъ епископствовалъ въ Римѣ. Что св. Петръ могъ быть въ Римѣ, этого нельзя отвергать на томъ основаніи, что онъ есть Апостолъ Іудеевъ: ибо и въ этомъ качествѣ ему надлежало дѣйствовать не въ одномъ Іерусалимѣ, и не въ одной Іудеѣ, но во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ Іудеи

жили въ большомъ количествѣ. Нельзя этого отвергать и на томъ основаніи, что, по указанію Дѣяній, св. Петръ, послѣ освобожденія изъ темницы, былъ въ Іерусалимѣ, во время Апостольскаго собора, потомъ вскорѣ въ Антіохіи, а далѣе въ Вавилонѣ, египетскимъ ли его считать городомъ, или признать древнимъ Вавилономъ. Изъ этихъ указаній видно только, что св. Петръ не сидѣлъ постоянно въ Римѣ; но на основаніи ихъ нельзя считать невозможнымъ, чтобъ св. Петръ былъ въ Римѣ и устроилъ тамъ церковь. Онъ могъ быть тамъ и, сдѣлавъ свое дѣло, отбыть въ другія мѣста, какъ требовалъ его апостольскій долгъ. Между освобожденіемъ св. Петра изъ темницы и соборомъ прошло лѣтъ пять; а чтобы побывать въ Римѣ изъ Палестины и устроить тамъ нужное, достаточно одного года.

При всемъ томъ бытіе св. Петра въ Римѣ и личное дѣйствованіе его въ устроеніи тамошней церкви нельзя считать несомнѣннымъ. Что св. Петра не было въ Римѣ, когда писано св. Павломъ посланіе, объ этомъ и говорить нечего. И писать бы его не сталъ св. Павелъ, еслибъ тамъ былъ св. Петръ; или, еслибъ ужь и рѣшился писать по какимъ-либо важнымъ причинамъ, не могъ бы писать прямо къ обществу христіанъ, безъ всякаго отношенія къ св. Петру, съ которымъ былъ въ искреннихъ отношеніяхъ. Но и то, что устроеніе тамошней церкви не св. Петру одолжено своимъ началомъ, тоже видно изъ посланія. Ибо какимъ-либо образомъ намекнулъ бы объ этомъ св. Павелъ, по обычнымъ между людьми порядкамъ. Надо же прибавить, что онъ и долженъ былъ это сдѣлать, еслибъ это было дѣйствительно, чести ради вѣры и апостольства Христова. Ибо что это за Апостолы, когда и знать не хотятъ труда единовластныхъ себѣ лицъ, и что за вѣра, исходящая отъ такихъ учителей?—Хвалитъ Апостолъ вѣру ихъ: какая бы могла быть выше для нихъ въ семъ отношеніи похвала,

какъ указаніе, что она насаждена у нихъ первоверховнымъ Апостоломъ, и что самая вѣрность ихъ вѣрѣ чрезъ то получаетъ особенный вѣсъ? Если ничего такого нѣтъ въ посланіи, то надо принять, что св. Петръ дотолѣ не дѣйствовалъ лично въ Римѣ. Къ тому же, если писать посланіе и учить значитъ созидать,—Апостолъ же Павелъ не имѣлъ обычая строить на чужомъ основаніи; то трудно допустить, чтобы онъ рѣшился и писать посланіе, развѣ только по порученію самого св. Петра. Если пишетъ и—самъ отъ себя, значитъ,—въ Римѣ не была еще апостольская нога.

Такимъ образомъ навѣрное надо полагать, что св. Петра не было въ Римѣ, до написанія св. Павломъ посланія къ Римлянамъ. Не было его тамъ и до окончанія первыхъ узъ св. Павла: ибо иначе онъ помянулъ бы объ этомъ въ какомъ-либо изъ своихъ посланій, а онъ, если пишетъ что о себѣ, всегда такъ говоритъ, что пребыванія въ то время другаго какого Апостола въ Римѣ предположить нельзя. Если былъ св. Петръ въ Римѣ, то уже послѣ первыхъ тамъ узъ св. Павла.—Итакъ, кто же властно устроялъ Римскую церковь?

Кто-нибудь изъ полномочныхъ апостольскихъ. Этимъ можно удовольствоваться, не доискиваясь точнѣйшаго опредѣленія, кто именно. Что дары Св. Духа и предстоятельство въ церкви не иначе могли явиться въ Римѣ, какъ чрезъ преемство отъ Апостоловъ, это несомнѣнно; но какъ именно это совершилось, по недостатку свидѣтельствъ, сказать нельзя.—Гадать можно, и именно такъ: лица, къ которымъ св. Павелъ шлетъ свои цѣлованія, очевидно, были ему очень близки и извѣстны. Гдѣ же онъ и какъ спознался съ ними и сблизился? Тамъ же и такъ, какъ спознался и сблизился онъ съ Прискиллою и Акилою, которые стоятъ во главѣ привѣтствуемыхъ лицъ. Т.-е. всѣ они суть изгнанники изъ Рима, разсѣявшіеся по Греціи, Македоніи и Асіи, гдѣ встрѣчались

со св. Павломъ, и иные просвѣщены имъ вѣрою, другіе болѣе утверждены въ вѣрѣ, а нѣкоторые поступили къ нему въ сотрудники въ дѣлѣ благовѣстія. По смерти Клавдія при Неронѣ, они теперь всѣ возвратились въ Римъ, и св. Павелъ шлетъ имъ свои благожеланія. Итакъ, они были и прежде въ Римѣ; между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ названы избранниками, труженниками о Господѣ и искусными въ дѣлѣ Его. Андроникъ же и Юнія прямо названы нарочитыми во Апостолѣхъ, прежде самого св. Павла увѣровавшими въ Господа. Вотъ и устроители церкви Римской, по полномочію отъ Апостоловъ, хотя нельзя дѣло это опредѣленно приписать тому-то, или тому-то.

При этомъ приходитъ на мысль такое предположеніе объ образованіи преданія, будто церковь Римская лично св. Петромъ основана. Если принять, что первые вѣрующіе въ Римѣ были изъ числа обращенныхъ и крещенныхъ въ день Пятьдесятницы, когда дѣйствующимъ представляется преимущественно св. Петръ, другіе же вѣрующіе тамъ или этими обращены, или познали вѣру подобно имъ въ другіе праздники въ Іерусалимѣ; то вѣрующимъ въ Римѣ совершенно справедливо было отцомъ своимъ духовнымъ почитать св. Петра и вѣру свою производить отъ него. Всѣ послѣдующіе вѣрующіе, сколько ихъ не прилагалось, прививались къ этому корню, и мысль о происхожденіи Христовой вѣры въ Римѣ отъ св. Петра могла быть общею среди христіанъ. Когда потомъ св. Петръ принялъ мученическую кончину въ Римѣ, преданіе, сливъ конецъ съ началомъ, самое происхожденіе вѣры Римлянъ стало производить отъ личнаго дѣйствованія св. Петра въ Римѣ. Такъ это потомъ внесено и въ историческіе памятники: Евсевіеву хронику подъ 43 годомъ, Іеронимову книгу De vir illust. c. I, Орозіеву исторію (7, 6).

2.

Составъ церкви Римской.

Однимъ кажется, что Римская церковь состояла преимущественно изъ Іудеевъ, другимъ — что изъ язычниковъ. Вѣрнѣе будетъ сказать, что сначала больше было Іудеевъ, а потомъ стало больше язычниковъ,— и это даже ко времени написанія посланія. Вотъ что наводитъ на эту мысль! Какъ только показались Іудеи въ Римѣ, они начали привлекать къ себѣ прозелитовъ полныхъ или неполныхъ. Благороднымъ душамъ тяжело становилось отъ языческихъ суевѣрій и недобрыхъ нравовъ. Истина, скрывавшаяся въ іудейскомъ исповѣданіи вѣры, успокоительно повѣяла на ихъ духъ, и они стали преклоняться предъ нею. Это дѣло пошло такъ успѣшно, что не могло не быть замѣченнымъ; и Сенека, смотря на это сказалъ, что побѣжденные даютъ законы вѣры побѣдителямъ, а Ювеналъ смѣялся надъ іудействующими Римлянами и особенно Римлянками. Но если іудейство такъ привлекало возбужденныя души, не тѣмъ ли паче могло это дѣлать христіанство? Христіанство давало не одну истину, но вмѣстѣ съ нею сообщало и новую благодатную жизнь. Это было для всѣхъ осязательно. Такое осязательное преимущество могло ли оставаться безъ особаго дѣйствія на тѣхъ, кои искали лучшаго?! — И видимъ, что прозелиты іудейскіе вездѣ почти тотчасъ переходили къ Евангелію, какъ только оно касалось ихъ слуха, и становились христіанами. Это и потому, что христіанство давало полное удовлетвореніе ихъ духу, и потому, что, становясь христіанами, они дѣлались полными членами вѣрующаго общества, тогда какъ іудейское прозелитство держало ихъ будто за воротами дома Божія, въ какомъ живущими представляли себя Іудеи. Какъ бывало вездѣ, такъ было и въ Римѣ. Съ самаго нача-

ла больше было вѣрующихъ изъ Іудеевъ, но не подавляющимъ множествомъ. Было не мало ихъ и изъ язычниковъ.

За что іудеи изгнаны были Клавдіемъ изъ Рима? За то, какъ замѣтилъ Светоній, что среди ихъ поднимались все смуты изъ-за Христа. Это даетъ мысль, что вѣра во Христа Господа побѣдоносно дѣйствовала среди Іудеевъ и сильно раздражала безпокойныхъ ревнителей іудейства. Если припомнимъ, что было съ архидіакономъ Стефаномъ, или потомъ съ Апостоломъ Павломъ въ Филиппахъ и Солуни, въ Коринѳѣ и Ефесѣ; то можемъ вообразить, что̀ происходило и въ Римѣ отъ Іудеевъ,—смятеніе за смятеніемъ. Нынѣ шумъ и крикъ, завтра—тоже. Правительство унимало, унимало, и порѣшило—выгнать ихъ всѣхъ изъ Рима, чтобъ не нарушали общаго спокойствія. Оно не входило глубоко въ дѣло; слышало только, что возмутители покоя выкрикивали имя Христа, и остались при мысли, что это онъ какъ-нибудь возбуждалъ ихъ. Разбредутся по разнымъ мѣстамъ, полагало оно, и не будутъ имѣть возможности составлять такихъ буйныхъ партій, какія составляются ими въ Римѣ; но всяко Римъ останется безъ нихъ въ покоѣ.

Изъ этого обстоятельства нельзя заключать, что первые христіане были только изъ Іудеевъ, и что смуты поднимались среди ихъ, то отцами на сыновъ, то сыновьями на отцовъ, то сосѣдями на сосѣдей, и подобное,— по причинѣ отступленія ихъ отъ вѣры отцовъ. Не мало могло быть и такихъ случаевъ, когда смятеніе зарождалось изъ-за потери прозелитовъ или прозелитокъ, какъ даютъ разумѣть смуты противъ св. Павла, бывшія въ Филиппахъ, Солуни и другихъ мѣстахъ. Въ такомъ случаѣ смятеніе изъ ихъ квартала должно было переходить и въ самый городъ. Это-то можетъ быть особенно и побудило правительство принять строгія мѣры. — Отсюда вотъ что выходитъ: какъ изгнаніе Іудеевъ было не за вѣру, а за смуты, то эта кара не должна была коснуться

вѣрующихъ изъ язычниковъ. Они остались въ Римѣ, и начали христіанствовать одни, развиваясь и внутренно въ духѣ и внѣшно въ числѣ: ибо благодать Божія не вяжется внѣшними стѣснительными мѣрами и не зритъ на лица. Могли остаться среди ихъ и пастыри—руководители,—и общество зрѣть и полнѣть.— Вотъ обстоятельство, которое дало въ Римѣ перевѣсъ вѣрующимъ изъ язычниковъ надъ вѣрующими изъ Іудеевъ. Ибо хотя и изъ изгнанныхъ Іудеевъ иные могли увѣровать въ Господа въ изгнаніи и воротиться въ Римъ вѣрующими, но другіе изъ вѣровавшихъ прежде изгнанія могли найти себѣ покойное мѣсто гдѣ-либо во время изгнанія и остаться тамъ навсегда. Такимъ образомъ вѣрующіе изъ Іудеевъ могли не возрасти въ числѣ; тогда какъ вѣрующіе изъ язычниковъ, покойно пребывая на мѣстѣ, не могли не привлекать къ себѣ другихъ вѣрующихъ и не рости въ числѣ.

Это же обстоятельство послужило поводомъ и къ тому, что христіанское общество совсѣмъ отособилось отъ Іудеевъ. Вѣрующіе изъ язычниковъ и сами по себѣ не могли тяготѣть къ нимъ, а теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ житія и дѣйствованія особо отъ нихъ, и заставить ихъ нельзя было вступать съ ними въ какое-либо общеніе. Но и вѣрующіе изъ Іудеевъ, въ изгнаніи, имѣя болѣе свободы жить сами по себѣ, по духу новой вѣры, привыкли особиться отъ другихъ Іудеевъ, а особенно удалявшіеся въ мѣстности, которыя входили въ кругъ дѣйствованія св. Павла Тутъ они всюду встрѣчали общества христіанъ, отособленныя отъ Іудеевъ, и отъ нихъ научались, какъ вести подобнаго рода жизнь религіозную.—Съ такою подготовкою вѣрующіе Іудеи, возвратясь въ Римъ, не затруднялись, и никакимъ недоумѣніемъ не были смущаемы касательно того, какъ имъ отнестись къ Іудеямъ. Они прямо отдѣлились отъ нихъ, и вступили въ общеніе съ вѣрующими изъ язычниковъ, составивъ съ

ними такимъ образомъ единое цѣлое. Изъ привѣтствій св. Павла нѣкоторымъ изъ сихъ возвратившихся видно, что они вступили тамъ и въ чинъ руководящихъ и заправляющихъ дѣлами религіозной жизни. У Акилы и Прискиллы уже есть и домашняя церковь; другіе привѣтствуются не одни, но съ сущею съ ними братіею, или всѣми святыми сущими съ ними,—что также указываетъ на домашнія у нихъ церкви.—Изъ сего заключить надобно, что вѣрующіе Іудеи, возвратившись въ Римъ совсѣмъ очищенными отъ іудейства, слились съ вѣрующими изъ язычниковъ. Церковь Римская стала церковію совершенно въ духѣ св. Павла, т.-е. такою, какъ слѣдуетъ быть истинно-христіанской церкви. Такое отособленіе вѣрующихъ отъ Іудеевъ рѣзко обозначилось при вступленіи св. Павла въ Римъ, года два спустя послѣ посланія. Вѣрующіе выходятъ къ нему на встрѣчу до Аппіева торга и трехъ корчемницъ; изъ прочихъ Іудеевъ никого. И потомъ цѣлыхъ три дня прошло, а изъ нихъ никто не пришелъ привѣтить его: такъ что св. Павелъ принужденъ былъ самъ пригласить ихъ къ себѣ, чтобъ дать имъ точное о себѣ свѣдѣніе, — что онъ не по винѣ какой въ узахъ, а *надежды ради Израилевы обложенъ веригами сими* (Дѣян. 28, 20). Это сдѣлалъ онъ для того, чтобъ не распустили о немъ невѣрные худой молвы и не помѣшали тѣмъ приходить къ нему желавшимъ слышать слово благовѣстія. Приглашены были перваки;—и съ какою холодностью отвѣчали они св. Павлу: не слышали о тебѣ и писемъ не получали!—Это притворно сказано. А въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ: *да слышимъ, яже мудрствуеши: о ереси бо сей вѣдомо есть намъ, яко всюду сопротивъ глаголемо есть* (Дѣян. 28, 22), слышится и нескрываемое уже отвращеніе къ евангельскому благовѣстію. Но не всѣ были таковы; ибо когда въ назначенный день св. Павелъ потолковалъ съ собравшимися въ большомъ числѣ Іудеями,

многіе увѣровали (——24), а многіе приходили слушать его послѣ и, конечно, тоже прилагались къ вѣрующимъ.

Этимъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія о Римской церкви; но и ихъ достаточно, чтобъ составить правильный взглядъ на посланіе св. Павла къ Римлянамъ.

3.

Когда и гдѣ написано посланіе.

Еще прежде написанія перваго посланія къ Коринѳянамъ, св. Павелъ положилъ *въ дусѣ, прошедъ Македонію и Ахаію, идти во Іерусалимъ, рекъ, яко бывшу ми тамо подобаетъ ми и Римъ видѣти* (Дѣян. 19, 21). Затѣмъ, пиша первое посланіе къ Коринѳянамъ, говоритъ: *пріиду къ вамъ, егда Македонію прейду* (1 Кор. 16, 5). Пиша же посланіе къ Римлянамъ, онъ говоритъ: *нынѣ гряду во Іерусалимъ, служай святымъ: благоволиша бо Македонія и Ахаія общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ, живущимъ въ Іерусалимѣ* (—15, 25—27). Значитъ, Македонія и Ахаія пройдены, Апостолъ въ Коринѳѣ и собирается въ Іерусалимъ съ милостынею, собранною въ тѣхъ мѣстахъ. Вотъ гдѣ и когда написано посланіе къ Римлянамъ! Въ Коринѳѣ, въ послѣднее трехмѣсячное пребываніе тамъ св. Павла,—о чемъ въ книгѣ Дѣяній пишется, что св. Павелъ, во исполненіе начертаннаго прежде плана, точно прошелъ Македонію, прибылъ въ Элладу (Ахаію) и пробылъ тамъ три мѣсяца (—20, 1—3). Что слова посланія къ Римлянамъ: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ,* не означаютъ, что посланіе писано гдѣ-нибудь на дорогѣ въ Іерусалимъ, а сказываютъ только, что Апостолъ лишь совсѣмъ собрался въ путь сей, видно изъ того, что онъ рекомендуетъ Римлянамъ Фиву, діакониссу Кенхрейскую, съ которою отправлялось и посланіе; Кенхрея же есть предмѣстіе Коринѳское. По вѣроятному размѣщенію дѣяній св. Павла по го-

дамъ, —посланіе къ Римлянамъ надо поставлять подъ тѣмъ же годомъ, подъ какимъ и оба посланія къ Коринѳянамъ, т.-е. подъ 58 или 59.

4.

Поводъ, побужденіе и цѣль написанія.

Когда Апостолъ Павелъ былъ въ Коринѳѣ, въ Римъ собралась отправиться Фива, Кенхрейская діакониcса, особа, оказавшая немалыя услуги дѣлу вѣры и церкви. Она имѣла дѣла въ Римѣ; и Апостолъ Павелъ, зная, какъ она сама *заступница бысть многимъ* и ему самому (—Рим. 16, 2), считалъ долгомъ своимъ рекомендовать ее тамошнимъ христіанамъ и просить ихъ споспѣшествовать ей въ дѣлахъ ея.—Это рекомендованіе могло быть изображено коротко; но св. Павелъ по сему поводу разсудилъ написать цѣлое посланіе, большее по объему и значительнѣйшее по содержанію, чѣмъ всѣ другія посланія. Что его къ тому побудило?

Духъ Божій, осязательно руководившій во всемъ св. Павла, внушилъ ему сдѣлать это.—Языческіе народы—всѣ составляли область, ввѣренную св. Павлу: онъ считалъ себя обязаннымъ возвѣстить благовѣстіе Христово и Еллинамъ и варварамъ (—1, 14). Слыша, что въ Римѣ засѣменена вѣра и образовалось общество вѣрующихъ,—онъ искренно радовался тому; но вмѣстѣ не могъ избавить себя отъ тревожнаго помышленія—такъ ли идетъ тамъ дѣло, какъ предначертано свыше ему самому вести его среди языковъ. Отсюда желаніе—поскорѣе побывать въ Римѣ, чтобъ своими очами удостовѣриться, что у нихъ все хорошо. Объ этомъ и пишетъ онъ: сколько разъ, говоритъ, порывался я придти къ вамъ. Зачѣмъ? Не затѣмъ, чтобы просвѣтить ихъ вѣрою, но чтобы утвердить ихъ въ ней; *соутѣшитися*, говоритъ, *общею вѣрою вашею и моею* (—1. 11. 12). Другими словами это можно такъ

пересказать: чтобъ въ бесѣдѣ съ вами перебрать по пунктамъ ваше вѣрованіе, и привесть его въ полное соглашеніе съ моею вѣрою, или, что тоже, съ нормою вѣры, которая дана мнѣ свыше самимъ Господомъ. Сколько естественно такое желаніе, столько же естественно и безпокойство въ св. Павлѣ, что время посѣщенія ихъ все будто отдаляется и отдаляется. Наконецъ время это подошло. Ему оставалось только посѣтить Іерусалимъ, чтобъ оттуда направиться и въ Римъ. Кажется, зачѣмъ бы и писать?!

Но эту близость только Апостолъ предполагаетъ; на дѣлѣ же она отдалялась еще года на два и съ половиною. Такого отдаленія не видѣлъ Апостолъ. Но его видѣлъ Духъ Божій, руководившій Апостола, и внушилъ ему написать посланіе, чтобъ оно на время замѣнило его личное посѣщеніе. Внушеніе сіе могло выражаться у Апостола непреодолимымъ желаніемъ написать, *да плодъ нѣкій имѣю и въ нихъ, якоже и во всемъ мірѣ,* въ общихъ чертахъ изобразивъ имъ путь спасенія. Онъ и написалъ, желаніе свое исполняя и долгу Апостольскому удовлетворяя. Не напиши онъ въ это время, во сколько бы утяжелились ожидавшіе его узы?! Блюдущій и покоящій своихъ слугъ Господь и расположилъ его сдѣлать пока на письмѣ то, что предполагалъ онъ дѣлать лично.

Такъ думать заставляетъ то, что изъ посланія не видно, чтобы побужденіемъ къ писанію его послужило что-либо со стороны вѣрующихъ Римлянъ. Посланіе имѣетъ совершенно общій характеръ и ни на какихъ случайныхъ частностяхъ не останавливается. Напрасно думаютъ, будто споры и разлады вѣрующихъ изъ Іудеевъ съ вѣрующими изъ язычниковъ побудили св. Павла написать умиротворяющее посланіе, подводя тѣхъ и другихъ подъ одинъ уровень въ дѣлѣ спасенія, т.-е. излагая, что ни тѣ, ни другіе не имѣютъ въ себѣ силъ ко спасенію, но что оно дается туне благодатію о Христѣ

Іисусѣ Господѣ. Но ни одною чертою не дается намекъ, чтобы точно такія разномыслія, простиравшіяся до споровъ, дѣйствительно существовали въ Римѣ среди вѣрующихъ. Пишется точно объ этомъ; но въ общихъ чертахъ. Кто ни стань разсуждать о дѣлѣ спасенія, не другое бы что сказалъ, какъ то же, что писалъ тогда св. Павелъ. Грѣшны мы и безотвѣтны передъ Богомъ. Судъ ожидаетъ насъ и нѣтъ намъ спасенія. Но милостивый Богъ устроилъ намъ спасеніе Самъ, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Прилѣпись къ Нему вѣрою и спасешься. Другаго же пути къ спасенію нѣтъ. Это и есть главнымъ образомъ содержаніе посланія. Та разность въ поведеніи язычниковъ и Іудеевъ относительно употребленія яствъ, которую смягчить и сгладить старается Апостолъ въ 14 и въ началѣ 15 главы, не касается основъ вѣры.

Такимъ образомъ побужденіе къ написанію посланія— все было въ самомъ св. Павлѣ. Если привходило сюда что-либо и со стороны Римлянъ, то развѣ то обстоятельство, что не слишкомъ давно, можетъ быть только за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, вѣрующіе въ Римѣ изъ язычниковъ снова срѣтились съ вѣрующими изъ Іудеевъ, возвратившихся туда. Что точно это случилось недавно, можно заключить изъ того, что, пиша первое къ Коринѳянамъ посланіе, св. Павелъ привѣтствовалъ Коринѳянъ отъ лица Акилы и Прискиллы: значитъ они были въ Ефесѣ, а пиша посланіе къ Римлянамъ, онъ привѣтствуетъ Акилу и Прискиллу, уже въ Римѣ находящихся. Промежутокъ времени былъ полгода или около года. Итакъ Акила и Прискилла недавно въ Римъ возвратились. Если всѣ, кому пишетъ Апостолъ привѣтствія, были изъ изгнанниковъ, спознавшихся съ св. Павломъ въ своемъ изгнаніи, то вѣроятно, что и они всѣ воротились въ Римъ тоже недавно, въ этотъ же промежутокъ времени.

Какого-либо столкновенія при сей встрѣчѣ св. Павелъ

не могъ ожидать. Ибо изъ возвратившихся вѣрующихъ Іудеевъ, лицъ нарочитыхъ, какъ видится, въ церкви, сколько было искреннихъ учениковъ св. Павла, единодушныхъ ему и единомышленныхъ, навыкшихъ уже образу жизни и дѣйствованія, словомъ и дѣломъ, въ совершенномъ отрѣшеніи отъ іудейства! Смотрите, какъ онъ ихъ называетъ? Возлюбленные мнѣ, споспѣшники, сплѣнники, много потрудившіеся о Господѣ. На такихъ Апостолъ вполнѣ могъ положиться, что они не только не возбудятъ разнорѣчія и спора, а напротивъ, еслибъ и стало что возраждаться подобное, способны были всѣхъ умиротворить и привесть въ соглашеніе. Если въ семъ отношеніи требовалось что-либо со стороны Апостола, то развѣ только то, чтобъ, на всякій случай, придать своимъ апостольскимъ авторитетомъ большую силу слову ихъ. Ученики его толковали бы въ Римѣ о дѣлѣ спасенія конечно по той нормѣ, какую свыше получилъ св. Павелъ, какъ они отъ него узнали. Но ихъ слову могло недоставать авторитетной силы. Чтобъ ее придать, пишетъ онъ посланіе, начертывая въ немъ общую программу ученія христіанскаго. Не къ нимъ онъ пишетъ, а ко всему обществу христіанъ. Они же предполагаются только вѣрнѣйшими истолкователями излагаемаго ученія, еслибъ оно показалось гдѣ темноватымъ, на что привѣты имъ въ концѣ посланія будто уполномочивали ихъ. А чрезъ это и всякому ихъ слову давался вѣсъ, обязывавшій ко вниманію и послушанію. Все же сіе въ совокупности способствовало къ тому, чтобы все общество скрѣпить единодушіемъ—этимъ высокимъ благомъ, которымъ св. Павелъ дорожилъ паче всего.

Подобное начертаніе христіанскаго ученія послать въ Римъ, можетъ быть, и прежде не разъ приходило желаніе св. Павлу; но ему недоставало тогда точки соприкосновенія съ Римлянами. Самъ онъ имъ былъ неизвѣстенъ, и изъ нихъ никого не зналъ. Теперь же, какъ

только открылась дорога, онъ не медлитъ писать. Ученики его тамъ уже все разсказали о немъ и приготовили добрый пріемъ его посланію. Представился случай — отъѣздъ Фивы, онъ и пишетъ. Пишетъ о томъ, чѣмъ всегда полна была душа его, о спасеніи въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Можно спросить только, чего ради помѣщенъ въ посланіи особый трактатъ о промыслительномъ значеніи народа еврейскаго,—гл. 9—11? Вотъ почему, думается.

Вѣрующіе изъ Іудеевъ ученики св. Павла не могли не приходить въ столкновеніе съ невѣровавшими. Что сказать въ оправданіе себя, что увѣровали и въ обличеніе тѣхъ, что не вѣруютъ, они знали. Относительно сего руководствомъ имъ могло служить посланіе къ Галатамъ, или выраженныя въ немъ положенія св. Павла, отъ него самого слышанныя. Но изъ подобнаго объясненія могли выходить смутительныя недоумѣнія: какъ же это вышло? Обѣтованія Божіи Израилю были такъ рѣшительны, а между тѣмъ сколько невѣрующихъ Іудеевъ! Апостолъ объясняетъ, что, и въ теперешнемъ положеніи дѣла, невѣріе Іудеевъ не дѣлаетъ невѣрными обѣтованій Божіихъ, а тѣмъ паче неумѣстно такое помышленіе, если приложимъ къ сему, что имѣетъ быть по сихъ, т.-е. что ослѣпленіе Израилеви отчасти бысть. Отклонились они немного отъ праваго пути, чтобъ дать мѣсто языкамъ; но когда эти войдутъ, возвратятся и тѣ, и спасеніе содѣлается всеобщимъ. Послѣднихъ положеній ученики его могли не знать: ибо это возвѣщается по новому особому откровенію. Между тѣмъ сколько въ такихъ истинахъ вразумленія для Іудеевъ! Могли ли они изъ сего не видѣть, что, несмотря на невѣріе, все еще состоятъ во вниманіи у Бога? Чувство же милости Божіей могло ли не умягчать ожестѣвшаго ихъ сердца? Сознавъ все прописанное, они должны были видѣть себя среди двухъ возбудителей, равно чувствительныхъ: тамъ страхъ рѣ-

шительнаго отверженія, если останутся въ невѣріи, а здѣсь готовность вступить опять въ полную милость Божію, если бросятъ невѣріе. Такое представленіе дѣла углаждало путь къ обращенію необратившихся еще Іудеевъ.

Таковы побужденія къ написанію посланія къ Римлянамъ: имъ соотвѣтствуютъ и цѣли. Писалъ, чтобъ плодъ нѣкій имѣть и въ нихъ, свѣтло начертивъ ликъ вѣры яснымъ изображеніемъ дѣла нашего спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, и тѣмъ сводя всѣхъ къ единомыслію,— чтобъ нарочитымъ ученикамъ своимъ, лицамъ, какъ видно, вліятельнымъ въ обществѣ тамошнемъ, придать авторитета и дать руководство для веденія бесѣдъ и въ обществѣ вѣрующихъ и, когда случится, среди Іудеевъ невѣрныхъ. Можно къ этому приложить и третье,—чтобы дать вѣрующимъ предохранительное средство на случай, еслибъ проникли къ нимъ іудействующіе лжеучители. Эти всюду втѣснялись и вездѣ по неразумной ревности возмущали покой вѣрующихъ. Что дивнаго, если дойдутъ и до Рима? Но чтобъ они были уже тамъ не видно. Краткое предостереженіе отъ нихъ высказалъ Апостолъ въ концѣ посланія (16, 17—20). Приложимъ еще и четвертое, — чтобъ прежде личнаго посѣщенія Рима познакомить съ собою тамошнихъ вѣрующихъ, которыхъ надѣялся вскорѣ увидать лицомъ къ лицу. Посланіе не содержало только образъ ученія свыше ввѣреннаго Павлу, но изображало характеръ, духъ и сердце и его самого. Въ посланіи они не могли не увидѣть его самого и спознаться съ нимъ заочно, какъ иные изъ нихъ спознались лично. Такъ посылая посланіе, онъ имѣлъ въ виду подготовить пріемъ себѣ въ Римѣ, и вмѣстѣ успособить свое тамъ дѣйствованіе ко благу вѣры. Ибо онъ не имѣлъ въ мысли долго оставаться въ Римѣ, а зайти туда мимоходомъ, направляясь въ Испанію. Чтобъ не пришлось ему много трудиться у нихъ, настроивая ихъ умы

на должныя воззрѣнія, онъ предпослалъ ихъ впередъ, чтобъ при личномъ свиданіи, соуслаждаться только общею вѣрою и разъяснять ее, если что еще оставалось неяснымъ.

5.

Содержаніе и раздѣленіе.

Главный предметъ—единственный способъ спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, какъ для язычника, такъ и для іудея. Изложеніе его занимаетъ большую часть посланія. 11 главъ. Къ сему потомъ прилагаются общія наставленія и о жизни христіанской. Но, какъ и во всѣхъ посланіяхъ, предшествуетъ всему предисловіе, которое составляютъ надписаніе и привѣтствіе съ приличнымъ началомъ, —а въ концѣ всего слѣдуетъ соотвѣтствующее послѣсловіе съ извѣстными цѣлованіями и пр.

Итакъ посланіе расположено слѣдующимъ образомъ:

1. За Предисловіемъ, состоящимъ изъ а) надписи, привѣтствія 1, 1—7 и б) приличнаго начала посланія 1, 8—17, слѣдуетъ—

2. Вѣроучительная часть—о спасеніи въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, —1, 18- 11, 36. Потомъ—

3. Нравоучительная часть,—гл. 12—15, 13. И

4. Наконецъ послѣсловіе—15, 14—16, 24.

Болѣе подробное раздѣленіе будетъ предполагаемо при самомъ толкованіи.

Вопроса о подлинности посланія не ставимъ, находя его окончательно рѣшеннымъ тѣмъ самымъ, что его даетъ намъ Церковь, какъ посланіе св. Павла. Рѣшеніе это сильнѣе и успокоительнѣе всякаго другаго. Слышимъ голосъ матери и не тревожимъ себя никакими недоумѣніями.

Руководствомъ при толкованіи служили исключительно древніе толковники: св. Іоаннъ Златоустъ, блаженный Ѳеодоритъ, Августинъ, Амвросіастъ (Августинъ cont. duas epist. Pelag... L. 4. с. 7 приводитъ одно мѣсто изъ сего толкованія подъ именемъ св. Иларія), св. Дамаскинъ, Экуменій, Ѳеофилактъ.

ТОЛКОВАНІЕ

ПЕРВЫХЪ ВОСЬМИ ГЛАВЪ

ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ

РИМЛЯНАМЪ.

Предисловіе.

1, 1—17.

а) Надпись и привѣтствіе.

1, 1—17.

Надпись и привѣтствіе, подобно какъ въ посланіяхъ къ Галатамъ и Титу, имѣютъ и въ семъ посланіи ту особенность, что заключаютъ въ себѣ вводныя положенія высокаго догматическаго достоинства. Довольно было сказать, какъ обычно св. Павелъ и дѣлалъ вездѣ: ***Павелъ Апостолъ сущимъ въ Римѣ званнымъ святымъ благодать и миръ*** (Ѳеод. и Экум.). Но онъ не довольствуется этимъ, а привноситъ мысли о своемъ особенномъ избраніи, о предъизображеніи Евангелія въ Ветхомъ Завѣтѣ и о Богочеловѣчествѣ Христа Спасителя. Объясняя это, блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „все это помѣстилъ Апостолъ между тѣхъ словъ съ намѣреніемъ показать, чьимъ проповѣдникомъ онъ поставленъ, о чемъ повелѣно ему проповѣдывать, и кому назначено предложить проповѣдь“.— Можно и то предположить, что св. Павелъ имѣлъ намѣреніе въ краткомъ словѣ предуказать, о чемъ будетъ посланіе. Имѣлъ онъ писать о единственномъ для всѣхъ способѣ спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ,—и предначертываетъ ликъ Его, яко Богочеловѣка; имѣлъ онъ объяснить промыслительные планы Божіи въ прекраще-

ніи особности, въ какой держаны были дотолѣ Іудеи,— и говоритъ напередъ, что такъ издревле было предвозвѣщено; о своемъ же избраніи на проповѣдь языкамъ помянулъ затѣмъ, чтобъ сказать чрезъ то, что если онъ пишетъ къ нимъ, не видавъ и не зная ихъ, то не втѣсняется незаконно въ чужую область, а исполняетъ долгъ свой. Можно допустить и то, что такія прибавленія невольно проторглись въ слово. Мысль о спасеніи въ Господѣ всего человѣчества глубоко обняла все сознаніе св. Павла, и онъ не могъ удержаться, чтобъ не освятить указаніемъ на то первыхъ своихъ словъ, обращенныхъ къ тѣмъ, къ кому расположился писать о томъ.

Ст. 1. *Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ, званъ Апостолъ, избранъ въ благовѣстіе Божіе.*

Имя свое ставитъ Апостолъ впереди, по тогдашнему обычаю. Такъ и Лисій, пиша къ Феликсу, начинаетъ: *Лисій достопочтенному правителю Феликсу* (Дѣян. 23, 26) (Фотій у Экум.).—Но какъ изъ Савла Павелъ?

Наши толковники всѣ даютъ сей перемѣнѣ имени небесное происхожденіе. Такъ св. Златоустъ полагаетъ, что Самъ Богъ перемѣнилъ Апостолу имя,—и рѣшаетъ только вопросъ, для чего это Онъ сдѣлалъ: „для чего Богъ перемѣнилъ ему имя и изъ Савла переименовалъ Павломъ? Для того, чтобы ему и въ этомъ не быть меньше Апостоловъ; напротивъ какое преимущество имѣлъ верховный изъ Апостоловъ, такое же получилъ и Павелъ, для тѣснѣйшаго съ Нимъ союза.“ Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Называетъ себя Павломъ, не первоначально и отъ родителей получивъ сіе наименованіе, но удостоившись онаго по призваніи, какъ Симонъ наименованъ Петромъ, сыны Зеведея — сынами громовыми.“ — Такъ полагаютъ и другіе. Противъ этого ничего нельзя сказать основательнаго. То, что объ этомъ не помянуто ни въ Дѣяніяхъ, ни въ посланіяхъ — не основаніе: ибо св.

Павелъ самъ говоритъ, что много имѣлъ откровеній, о которыхъ умолчалъ.

Другіе объясняютъ это естественнымъ путемъ. Изъ восточныхъ такъ дѣлаетъ Оригенъ. Онъ пишетъ: „почему Савлъ—Павелъ? Находимъ въ Писаніи, что какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ перемѣняемы были имена, напр. Аврама и Сары—въ Авраама и Сарру; такъ и въ новой благодати Симонъ переименованъ въ Петра, сыны Зеведеевы—въ сыновъ громовыхъ. Но это дѣлалось по повелѣнію Божію, о святомъ же Павлѣ не видимъ такого повелѣнія. Почему надо поискать простаго человѣческаго объясненія такой перемѣны. Инымъ думалось, что Апостолъ взялъ это имя отъ проконсула Кипрскаго Павла, въ знакъ покоренія его вѣрѣ, какъ цари побѣдители брали иногда себѣ имена отъ побѣжденныхъ. Можно не бросать такой мысли; но какъ въ Писаніи не находимъ такого обычая, то намъ надо разрѣшить этотъ вопросъ своими примѣрами. Находимъ въ Писаніи, что иные по два, а другіе даже и по три имѣли имени: такъ Соломонъ—Іедиди, Седекія—Іоахинъ (2 Цар. 12, 25; 4 Цар. 25, 27); и въ Еванґеліи—Матѳей - Левій (Мѳ. 9, 9; Лк. 5, 27); Ѳаддей—Леввей (Мѳ. 10, 3. 4; Мр. 3, 18).—Матѳей говоритъ такъ, а Маркъ или Лука иначе. Не ошибались Евангелисты; но поелику въ обычаѣ было носить разныя имена, то одинъ—одно, а другой—другое употребилъ наименованіе нѣкоторыхъ Апостоловъ.—По этому обычаю и Павелъ имѣлъ два имени. И пока дѣйствовалъ среди своего народа, именовался Савломъ, а какъ перешелъ въ среду грековъ и римлянъ, сталъ называться Павломъ. Само Писаніе, когда говоритъ: *Савлъ, иже и Павелъ* (Дѣян. 13, 9), даетъ разумѣть, что не тогда только придано ему это имя, но что оно издавна принадлежало ему“.—Но если Господь переименовалъ его въ началѣ обращенія, то и это будетъ давно.

Рабъ Іисусъ Христовъ. „Вмѣсто великаго почетнаго титла употребляетъ наименованіе раба“ (св. Злат.). „Правители областей и военачальники въ началѣ своихъ писаній ставятъ наименованія своихъ достоинствъ, надмеваясь этимъ и по мѣрѣ чина возвышая и горделивую о себѣ мысль; но божественный Павелъ... именуетъ себя *рабомъ Іисуса Христа*, котораго всѣ невѣрующіе называли мертвымъ, распятымъ, сыномъ тектоновымъ, тогда какъ Апостолъ рабство Ему возлюбилъ паче всякаго царства“ (Ѳеод.). Рабъ имѣетъ здѣсь обыкновенное уничижительное значеніе. Поелику имѣлъ сказать о себѣ нѣчто великое, то предпосылаетъ тому смиренное, чтобы внушить, что если говоритъ великое, то говоритъ не по самовозношенію. Я рабъ, говоритъ, Христовъ, будто послѣдній въ дому Его, не независимый какой распорядитель, а слуга послушный, исполняющій одни повелѣнія. Все, что ни говорю, ни дѣлаю, говорю и дѣлаю потому, что такъ приказано.

Или въ той мысли рабомъ себя исповѣдуетъ Христовымъ, что прежде войну велъ противъ Него. Съ какимъ жаромъ и съ какою самонадѣянностію преслѣдовалъ онъ Имя сіе! а теперь говоритъ—я рабъ, побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ; и не оплакиваю узы рабства, а величаюсь ими, самымъ высокимъ для себя благомъ почитая то, что есмь рабъ Іисусъ Христовъ. Кого гналъ, тому теперь вседушно рабствую.

Званъ Апостолъ. И всѣхъ христіанъ св. Павелъ называетъ званными, какъ тутъ же и римлянъ; но то званіе есть званіе только къ вѣрѣ, такъ что вся церковь есть совокупность званныхъ (св. Злат.). О себѣ же говоритъ онъ здѣсь, что званъ не къ вѣрѣ только, но и къ апостольству (Экум.). Для него оба званія совершились въ одинъ моментъ, подобно какъ это было и съ 12 Апостолами. Какъ имъ говорилъ Господь: идите въ слѣдъ Ме-

не, сотворю васъ ловцами человѣковъ, въ самомъ началѣ ихъ увѣрованія,—такъ эту же благодать явилъ и на св. Павлѣ. Самъ онъ сказываетъ о семъ въ рѣчи своей предъ Агриппою и Фестомъ, говоря, что когда Господь явился ему на пути въ Дамаскъ, то тутъ же сказалъ: *на се бо явихся ти, сотворити тя слугу и свидѣтеля, яже видѣлъ еси, и яже явлю тебѣ: изимая тя отъ людей Іудейскихъ и отъ языкъ, къ нимже азъ тя послю, отверсти очи ихъ, да обратятся отъ тмы въ свѣтъ, и отъ области сатанины къ Богу, еже пріяти имъ оставленіе грѣховъ, и достояніе во святыхъ, вѣрою, яже въ Мя* (Дѣян. 26, 16—18).

Но зачѣмъ прибавилъ—*званъ*, когда слово *Апостолъ* предполагаетъ уже званіе?—Этимъ словомъ онъ ставитъ себя въ рядъ 12-ти, которыхъ лично позвалъ и послалъ на проповѣдь Самъ Господь. Въ то время многіе назывались апостолами, которые благовѣстили, или по своей ревности, или по порученію другихъ Апостоловъ и вѣрующихъ Но настоящіе Апостолы, — законодатели и основоположители вѣры и церкви, были только 12, Самимъ Господомъ избранные и посланные. Какъ св. Павелъ избранъ подобно имъ, и подобно имъ посланъ; то и говоритъ о себѣ: *званъ Апостолъ.* Это то же, что въ посланіи къ Галатамъ: Я Апостолъ ни отъ человѣкъ, ни человѣками, но Іисусъ-Христомъ.

Съ какою цѣлію поминается о семъ здѣсь?—Съ одной стороны это есть продолженіе выраженія того же смиреннаго чувства, о которомъ свидѣтельствуютъ слова— *рабъ Іисусъ Христовъ.* „Не самъ искалъ и нашелъ; но былъ призванъ и повиновался“ (св. Злат. и Ѳеоф.). И то, чтобъ проповѣдывать, и то, о чемъ проповѣдывать— ничто отъ меня не зависитъ. Я въ семъ исполнитель воли не своей. Почему къ Коринѳянамъ пиша, говорилъ:

въ томъ, что благовѣствую, *нѣсть мнѣ похвалы: строеніе мнѣ предано* (1 Кор. 9, 17).

Но съ другой стороны этимъ же самымъ намекаетъ и на свое великое достоинство, и говоритъ такъ, выставляя похвалы достойную черту въ себѣ, послѣ изъявленія своего смиренія (св. Дамаск.). Ибо не все одно, кѣмъ ни быть звану, и къ чему ни быть позвану. Званъ св. Павелъ; но—Богомъ и Господомъ, и званъ къ апостольству,—дѣлу, выше котораго ничего на землѣ не было и не будетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „и вѣрные всѣ званы, но званы только къ тому, чтобы увѣровать. а Павлу вручено еще апостольство,—служеніе, заключающее въ себѣ тысячи совершенствъ, всѣ дарованія совмѣщающее и превосходящее“.

Такъ совмѣстилъ здѣсь св. Павелъ смиреніе съ достоинствомъ; тѣмъ и другимъ внушаетъ внимать и покоряться своей проповѣди. Я апостольствую, но не есмь самозванецъ въ семъ чинѣ. „Не восхищаю апостольства, но принялъ оное отъ Владыки, который сказалъ мнѣ: *иди, яко Азъ во языки далече послю тя*“ (Дѣян. 22, 21) (Θеод.). *Званъ* и творю волю позвавшаго и пославшаго. Поелику же позвавшій и пославшій есть Богъ всяческихъ, то покорствуйте безпрекословно слову моему. Ибо общій повсюду законъ—принимать посла какъ пославшаго. Кто посмѣетъ Богу противорѣчить? Не дерзайте же противиться и моему слову.—Такое внушеніе предпосылаетъ Апостолъ не въ томъ смыслѣ, какъ въ посланіяхъ къ Галатамъ и къ Коринѳянамъ. Тамъ пространно выяснялъ онъ и образъ своего званія апостольскаго, потому что были не признававшіе его, а здѣсь говоритъ онъ о семъ, только чтобъ расположить къ вниманію не видѣвшихъ его, а только слышавшихъ о немъ.

Это же внушеніе продолжается и въ слѣдующихъ за симъ словахъ: *избранъ въ благовѣстіе Божіе.*

Избранъ,—ἀφωρισμένος,—отряженъ. „Какъ въ домѣ каждый назначается для особаго дѣла, такъ и въ церкви различны жребіи служенія“ (св. Злат.). Св. Павлу назначено благовѣствовать, или быть Апостоломъ. Потому эти слова: ***избранъ въ благовѣстіе*** служатъ поясненіемъ предъидущихъ: ***званъ Апостолъ***. Какъ тѣми, такъ и этими онъ говоритъ какъ бы: „не самъ на себя возложилъ я это, но отъ самого Бога принялъ служеніе проповѣди“ (Θеод.). Говоритъ же это „въ самомъ началѣ, возбуждая вниманіе слушателей“ (св. Дамаск.). „Поелику писалъ тщеславнымъ Римлянамъ, которые всѣмъ надмевались, то и внушаетъ вездѣ, что онъ поставленъ отъ Бога. что Самъ Богъ призвалъ, Самъ избралъ его. Внушаетъ же для того, чтобы посланіе его признали достойнымъ вѣры и приняли“ (св. Злат.).

Когда и кѣмъ отряженъ на проповѣдь? Въ самомъ началѣ предназначенъ онъ на это Самимъ Господомъ; потомъ Имъ же, явившимся ему въ храмѣ, и прямо отряженъ; ибо Господь сказалъ: иди къ язычникамъ благовѣствовать (Дѣян. 22, 17—21). Это для св. Павла было то же, что для прочихъ Апостоловъ: ***шедше научите вся языки***. Затѣмъ отряженіе его на проповѣдь, по внушенію Духа Божія, изъ Антіохіи было только исполненіемъ прежняго опредѣленія Господня (Дѣян. 13, 2). Но и все это, во времени происходившее, было исполненіемъ того, что предопредѣлено прежде времени. Если св. Павелъ хотя однажды доходилъ до сознанія, что онъ избранъ прежде, чѣмъ вышелъ на свѣтъ (а онъ доходилъ. Гал. 1, 15); то нельзя отрицать. чтобъ онъ не имѣлъ такой мысли и всякій разъ, какъ говорилъ о своемъ избраніи. Почему св. Златоустъ говоритъ: „я думаю что Павелъ разумѣетъ здѣсь не только выборъ на служеніе, но и предопредѣленіе къ оному еще до рожденія. Такъ и Іеремія свидѣтельствуетъ о себѣ, что

Богъ сказалъ о немъ: *прежде неже изыти тебѣ изъ ложеснъ, освятихъ тя, пророка во языки поставихъ тя* (Іер. 1, 5).“

Въ благовѣстіе Божіе. „Благовѣстіемъ называетъ свою проповѣдь св. Апостолъ; потому что пришелъ не съ печальною какою вѣстію, какъ приходили пророки съ обличеніями укоризнами, угрозами, но съ добрыми вѣстями, съ благовѣстіемъ Божіимъ о неисчетныхъ сокровищахъ, постоянныхъ и непреложныхъ благахъ,—не настоящихъ только, но и будущихъ“ (св. Злат.). Евангеліе есть то же, что вѣсть больному о выздоровленіи, плѣнному о искупленіи, заключенному въ узы—о дарованіи свободы. Проповѣдь Апостола была, какъ и изображается она въ посланіи къ Римлянамъ, слѣдующая: вы грѣшны, состоите подъ гнѣвомъ Божіимъ, и по смерти должны идти въ адъ на вѣчныя муки; Богъ сжалился надъ вами и Сына Своего единороднаго послалъ, чтобы Онъ смертію своею загладилъ грѣхи ваши и открылъ вамъ входъ въ царство небесное. Вѣруйте и креститесь,—и получите отпущеніе грѣховъ, и благодать Духа Святаго пріимете, чтобъ жить свято и непорочными выдти изъ сей жизни и прейти туда, гдѣ и Спаситель нашъ. Которые вѣровали—все это получали и удостовѣреніе въ себѣ имѣли, что все то у нихъ есть и вѣчно имъ принадлежитъ. Почему бл. Θеодоритъ пишетъ: „проповѣдь назвалъ благовѣстіемъ, потому что обѣщаетъ дарованіе многихъ благъ, благовѣствуетъ примиреніе съ Богомъ, низложеніе діавола, отпущеніе грѣховъ, прекращеніе смерти, воскресеніе изъ мертвыхъ, вѣчную жизнь, царство небесное.“

Божіимъ называетъ благовѣстіе, потому что „оно отъ Бога дано и о Богѣ даетъ истинное вѣдѣніе“ (Θеоф.),—что оно „не есть что-либо человѣческое, но божественно, неизреченно, превыше всякаго естества“ (св. Злат.).

Ст. 2. *Еже прежде обѣща Пророки своими въ писанiихъ святыхъ.*

Всѣ эти слова можно замѣнить такою фразою: въ благовѣстiе прежде обѣщанное. Довольно уже возбуждено вниманiе тѣмъ, что онъ сказалъ о себѣ, — что избранъ свыше и посланъ на благовѣстiе Божiе. Теперь усиливаетъ его Апостолъ, говоря, что благовѣстiе его не ново, а издревле предположено. Мысль о новости ученiя колеблетъ довѣрiе къ нему и требуетъ отъ предлагающаго его усиленныхъ доказательствъ. Напротивъ указанiе, что оно издавна предсказано, располагаетъ умъ къ покорности. Почему всегда считалось и есть однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ божественности христiанскаго откровенiя то, что оно предвозвѣщено Пророками. И св. Павелъ нерѣдко имъ пользовался. Такъ въ рѣчи къ Ироду съ Фестомъ онъ говоритъ, что немолчно свидѣтельствуетъ истину Божiю *и малу и велику, ничтоже вѣщая развѣ яже пророцы рекоша хотящая быти и Моисей* (Дѣян. 26, 22). На тоже наводитъ онъ мысли и здѣсь, чтобъ проложить путь слову своему въ сердца, какъ iудеевъ, такъ и язычниковъ. Iудей и слышать не могъ что либо новое, напротивъ становился агнцемъ покорнымъ, когда говорили къ нему словомъ отцовъ его и пророковъ. Язычника это не могло преклонить къ вѣрѣ, ибо не его отцы предвозвѣщали; но онъ не могъ не почтить ученiя, столь давно предвозвѣщеннаго и предъизображеннаго. Предвозвѣщенiе, по общему всѣхъ понятiю, есть дѣло Божiе; Божiе дѣло—и исполненiе предвозвѣщеннаго. Кто возвѣщаетъ такое ученiе, и самъ не можетъ не быть изъ Божiей области и сразу обязываетъ къ вѣрѣ. Къ тому же и среди язычниковъ, какъ увѣряютъ Светонiй и Тацитъ, ходили тогда рѣчи, что вотъ-вотъ выдутъ изъ Iудеи учители, которые покорятъ своему ученiю весь

міръ. Слыша слова Апостола: *еже прежде обѣща*, они не могли не подумать: вѣрно это то, о чемъ у насъ ходитъ слухъ; а подумавши такъ, не могли не сказать себѣ: надо послушать, если не повѣрить сразу. Св. Златоустъ и говоритъ на это: „ты не оставляй безъ вниманія, почему о семъ предвозвѣщено за столько времени. Ежели Богъ предуготовляетъ что-либо великое, то предсказываетъ о томъ за долгое время, дабы настроить слухъ къ принятію сего при исполненіи."

Апостолъ говоритъ, что обѣщано было благовѣстіе. Такъ и было. Моисей давалъ законъ, но тутъ же сказалъ: смотрите, пошлетъ вамъ Богъ другаго Пророка, того послушайте. Пророки убѣждали народъ быть вѣрнымъ закону данному, но въ то же время говорили, что дастъ ему Богъ другой законъ, который начертается на сердцахъ ихъ. Св. Давидъ провидѣлъ, какъ *Господь дастъ глаголъ благовѣствующимъ силою многою* (Пс. 67, 12), а св. Исаія предъизобразилъ и красныя ноги благовѣствующихъ (Исаіи 52, 7).

Но благовѣстіе потому и есть благая вѣсть, что возвѣщаетъ о благахъ. Потому обѣщаніе благовѣстія было обѣщаніемъ благъ роду человѣческому. Т. е. обѣщано было не слово только благое, но и самое дѣло благое. Такое обѣщаніе точно и началось тотчасъ по паденіи, и во все послѣдующее время не прекращалось, а шло непрерывно, раскрывая имѣющее совершиться дѣло благое во всѣхъ его подробностяхъ. Евангельскія событія какъ на картинѣ предъизображены всѣ въ Ветхомъ Завѣтѣ. Богопросвѣщенные мужи знали, что готовится нѣчто дивно-великое, и желали видѣть лично событіе того, но не видѣли (Мѳ. 13, 17). Только одному Аврааму дано было видѣть все особеннымъ нѣкіимъ образомъ. *И видѣ и возрадовася* (Ін. 8, 56).

Для предвозвѣщенія Богъ воздвигалъ Пророковъ,

просвѣщалъ ихъ умъ Духомъ Святымъ, и они видѣли будущее, и о видѣнномъ говорили. „И не только говорили, но и писали, что говорили“ (св. Злат.). Такъ благовѣстіе предобѣщено Пророками въ писаніяхъ святыхъ.

Стт. 3. 4. *О Сынѣ своемъ, бывшемъ отъ сѣмене Давидова по плоти, нареченнѣмъ Сынѣ Божіи въ силѣ, по Духу святыни изъ воскресенія отъ мертвыхъ Іисуса Христа Господа нашего.*

Вотъ предметъ благовѣстія и обѣщаннаго, и дѣломъ совершившагося—Единородный Сынъ Божій воплотившійся!—Приступая къ сему, св. Златоустъ взываетъ: „Что ты дѣлаешь, Павле? Куда восхищаешь души наши, на какую возводишь высоту, какіе высокіе и неизреченные предметы открываешь нашему созерцанію?!“

О Сынѣ своемъ. Намѣренно поставлено слово сіе впереди, чтобъ заранѣе дать мысль,—что когда услышатъ: *бывшемъ отъ сѣмени Давидова,* то не должны думать, что Онъ тутъ только началъ и существовать, но чтобъ внушить, что Онъ былъ прежде яко Сынъ Божій и Богъ, потомъ благоволилъ стать Сыномъ Давида, сокрывъ свѣтъ Божества подъ покровомъ человѣческаго естества, сквозь который просіяло однакожъ величіе Божества и всѣми было признано и исповѣдано. Ту же истину подкрѣпляетъ онъ затѣмъ и словомъ *во плоти*. Ибо симъ ясно дается разумѣть, что если Онъ сынъ Давидовъ, то только однимъ естествомъ, и что слѣдовательно должно исповѣдать въ Немъ другое естество, не созданное, предваряющее явленіе Его въ міръ чрезъ рожденіе отъ сѣмени Давидова.

„Устами всѣхъ Пророковъ Отецъ предвѣщалъ о Сынѣ, Который прежде вѣковъ рожденъ Имъ по естеству; наименованъ же Сыномъ Давидовымъ, какъ отъ Давидова сѣмени пріявшій естество человѣческое; посему, упомянувъ о Давидѣ, по всей необходимости Апостолъ при-

совокупилъ: *по плоти,* чтобы не почли Его сыномъ Давидовымъ по естеству, а Сыномъ Божіимъ по благодати. Ибо сіе присовокупленіе *по плоти* даетъ разумѣть, что дѣйствительно Онъ—Сынъ Бога и Отца по божеству; такъ какъ не находимъ, чтобы и въ разсужденіи тѣхъ, которые не больше того, что въ нихъ видимо, присовокуплялось сіе—*по плоти.* Свидѣтель тому блаженный Евангелистъ Матѳей. Ибо, сказавъ: *Авраамъ роди Исаака, Исаакъ же роди Іакова, Іаковъ же роди Іуду* (Мѳ. 1, 12), и изложивъ по порядку все родословіе. нигдѣ не присовокупилъ—*по плоти.* Имъ, какъ людямъ, и не приличествовало такое присовокупленіе. Но здѣсь, поелику вочеловѣчившійся Богъ-Слово. есть не человѣкъ только, но и предвѣчный Богъ, божественный Апостолъ, упомянувъ о сѣмени Давидовомъ, по необходимости присовокупилъ *по плоти,* ясно научивъ тѣмъ насъ, въ какомъ смыслѣ Онъ есть Сынъ Божій, и въ какомъ наименованъ сыномъ Давидовымъ“ (Ѳеод.). „Итакъ не о человѣкѣ простомъ—Евангеліе: ибо оно есть о Сынѣ Божіемъ, и не о Богѣ нагомъ: ибо есть о бывшемъ отъ сѣмени Давидова по плоти,—объ одномъ и томъ же бывшемъ обоя—и Сыномъ Божіимъ и сыномъ Давидовымъ. Да постыдится убо Несторій“ (Ѳеоф.). „Но для чего началъ Апостолъ съ рожденія по плоти?—Для того, что такъ начинаютъ Матѳей, Лука и Маркъ. Да и чтобы возвесть кого на небо, необходимо должно вести его снизу вверхъ. Такъ было и на самомъ дѣлѣ. Сына Божія сперва видѣли на землѣ человѣкомъ, а потомъ признали Его Богомъ. А какой способъ ученія употребилъ Самъ Онъ, такимъ же и ученикъ Его пролагаетъ путь, ведущій къ Нему. Сначала говоритъ о рожденіи по плоти не для того, что оно было первое, но для того, чтобъ отъ него возвесть слушателей и къ тому, что Онъ есть безъ плоти“ (св. Злат.).

Нареченнѣмъ Сынъ Божіи. Нареченнѣмъ ὁρισθέντος,—

опредѣлившемся. Какъ смотря на идущаго издали Государя, сначала видятъ въ немъ только образъ человѣка, а потомъ, когда онъ ближе подойдетъ, признаютъ въ немъ какого-либо вельможу; когда же онъ станетъ совсѣмъ близко, взглянувъ на него, восклицаютъ: Государь! — такъ было и въ отношеніи къ Сыну Божію, зракъ раба пріявшему ради нашего спасенія. Сначала всѣ смотрѣли на Него, какъ на человѣка, сына древодѣля, исключая, можетъ быть, только слагавшей въ сердцѣ своемъ всѣ о немъ глаголы Владычицы-Богородицы а потомъ, когда Онъ явилъ Себя міру, и сталъ являть божественную въ Себѣ силу, всѣ съ изумленіемъ вопрошали: *кто есть сей?* (Мѳ. 8, 27), признавая однакожь Его только необыкновеннымъ человѣкомъ: *пророкъ велій воста* (Лук. 7, 16). Къ концу видимаго пребыванія Его на землѣ увидѣли, что никакое человѣческое величіе не можетъ идти въ сравненіе съ тѣмъ, которое являетъ въ Себѣ Іисусъ Христосъ—Господь силъ, но что же Онъ есть, все еще не опредѣлялось. Апостолы исповѣдали Его Сыномъ Божіимъ, но это просвѣтленіе вѣры не держалось на сродной высотѣ, и величіе Господа было затемняемо земными помышленіями. Уже по воскресеніи Его и сошествіи Св. Духа, когда о имени Его начали повсюду совершаться Духомъ Святымъ чрезъ Апостоловъ и вѣрующихъ предивныя знаменія, всѣ уразумѣли, что Тотъ, о имени Коего все сіе творится, есть Единородный Сынъ Божій и Богъ. Опредѣлился наконецъ ликъ Господа и всѣ, узрѣвавшіе то вѣрою, восклицали со св. Ѳомою: *Господь мой и Богъ мой*. „Вотъ что значитъ: *нареченнъмъ!* Указанномъ, открывшемся, исповѣданномъ по суду и приговору всѣхъ“ (св. Злат.). Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „До креста и страданія не только прочіе Іудеи, но и самые Апостолы не были увѣрены о Владыкѣ Христѣ, что Онъ Богъ. Преткно-

веніемъ было для нихъ во Христѣ человѣческое, — когда видѣли, что ѣстъ, пьетъ, спитъ, утруждается; и чудеса не приводили ихъ къ увѣренію въ семъ. Поэтому, напримѣръ, увидѣвъ чудо на морѣ, сказали: *Кто есть Сей* человѣкъ, *яко и вѣтры и море послушаютъ Его?* (Мѳ. 8, 27). Почему и Господь сказалъ имъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Ін. 16, 12. 13). Посему до страданія Апостолы имѣли о Немъ таковыя мысли, но по воскресеніи и восшествіи на небо, по сошествіи Всесвятаго Духа, и послѣ чудесъ всякаго рода, какія совершили, призывая досточтимое имя Христово, всѣ вѣрующіе познали, что Христосъ есть Богъ и Единородный Сынъ Божій. Посему и здѣсь божественный Апостолъ научилъ тому, что названный Сыномъ Давидовымъ по плоти, нареченъ и явленъ Сыномъ Божіимъ по силѣ, какою воздѣйствовалъ Всесвятый Духъ, по воскресеніи изъ мертвыхъ Самого Господа нашего Іисуса Христа.“

Слова: *въ силѣ, по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ,* указываютъ источники, изъ которыхъ вѣра вѣрующихъ черпала себѣ убѣжденіе въ божествѣ Господа Іисуса Христа. *Въ силѣ*—указываетъ на дивныя знаменія, которыя Господь совершалъ Своею собственною, а не по благодати полученною силою (Экум.), и особенно которыя совершались потомъ Апостолами и вѣрующими именемъ Его: ибо эти послѣднія убѣдительнѣе первыхъ. *По Духу святыни*—указываютъ на обновленіе вѣрующихъ Св. Духомъ съ приложеніемъ къ сему и особыхъ даровъ благодатныхъ. Вѣрующіе чрезъ таинства становились совершенно иными, новою преисполнялись жизнію, которая ставила ихъ выше всѣхъ окружающихъ, и по нравамъ, и по просвѣтленію ума, и по явленіямъ силы. Это всѣ испытывали въ себѣ, и

предъ всѣми являли. Какое доказательство убѣдительнѣе этого, что Тотъ, по вѣрѣ въ Коего все сіе дается, есть Владыка всяческихъ?—*Изъ воскресенія отъ мертвыхъ*—указываетъ на воскресеніе Господа собственною силою, и притомъ такъ, что Онъ уже не видѣлъ смерти: смерть имъ не обладаетъ. Это убѣдительнѣйшее доказательство пріобрѣтало изумляющую силу, когда вѣра вводила вѣрующаго въ созерцаніе общаго всѣхъ воскресенія, имѣющаго совершиться Господомъ, основаніе и силу которому положилъ Онъ своимъ воскресеніемъ: ибо Апостолы учили, что воскресшій Господь своскресилъ всѣхъ.

Св. Златоустъ спрашиваетъ: „Чѣмъ доказывается, что воплотившійся (бывшій отъ сѣмени Давидова по плоти) есть Сынъ Божій?" И отвѣчаетъ, что,—послѣ помянутаго выше исполненія на Немъ всѣхъ пророчествъ и чуднаго, превышающаго уставъ природы, рожденія Его отъ Приснодѣвы,—это доказывается „въ третьихъ,—чудесами, какія совершилъ Христосъ, доказавъ тѣмъ необыкновенную силу; что и выражено словомъ — *въ силѣ*. Въ четвертыхъ, - Духомъ, Котораго даровалъ вѣрующимъ въ Него, и чрезъ Котораго всѣхъ содѣлалъ святыми, почему сказано—*по Духу святыни;* такъ какъ единому Богу свойственно раздавать таковые дары. Въ пятыхъ, воскресеніемъ Господа, потому что Онъ первый и одинъ только воскресилъ Самъ Себя; и сіе самъ Онъ называетъ знаменіемъ, преимущественно предъ всѣми другими достаточнымъ заградить уста даже безстыднымъ. Ибо сказалъ: *разорите церковь сію, и треми денми воздвигну ю* (Ін. 2, 19). И еще: *егда вознесете* Мене отъ земли, *тогда уразумѣете, яко Азъ есмь* (Ін. 8, 28). И въ другомъ мѣстѣ: *родъ сей знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны пророка*" (Мѳ. 12, 39).

Такъ понимаютъ сіи слова всѣ наши толковники.

Слова: *Іисуса Христа Господа нашего*, по-словянски

стоять въ зависимости отъ—*воскресенія*,—такъ: *изъ воскресенія отъ мертвыхъ Іисуса Христа Господа нашего*: Но лучше поставлять ихъ въ соотношеніе съ словомъ. *о Сынѣ Своемъ*, чтобъ выходило: *о Сынѣ своемъ*,—*бывшемъ.... нареченнѣмъ....* т.-е.—объ Іисусѣ Христѣ Господѣ нашемъ. Ибо о Немъ все Евангеліе и вся проповѣдь Апостоловъ.

Стт. 5. 6. *Имже пріяхомъ благодать, и апостольство въ послушаніе вѣры во всѣхъ языцѣхъ, о имени Его, въ нихже есте и вы звани Іисусу Христу*.

Уже сказалъ, что званъ и избранъ; теперь указываетъ, что это совершилось не однимъ словеснымъ назначеніемъ, какъ бываетъ у людей, но паче подаяніемъ силъ выше человѣческихъ, дарованіемъ благодати всепобѣждающей, которой не могутъ противиться и сами противящіеся истинѣ. Господь облекъ, говоритъ, насъ благодатію, но не затѣмъ, чтобъ мы одни услаждались ею, но чтобъ шли и другихъ дѣлали въ ней участниками. Почему благодать сія есть особенная благодать. Благодать и всѣ вѣрующіе получаютъ, но намъ дарована апостольская благодать, по коей мы облечены силою свыше—покорять вѣрѣ всѣ народы.

„Замѣть признательность служителя (Христова въ апостольствѣ); онъ ничего не хочетъ приписать себѣ, но все приписываетъ Господу. Не своими усиліями и трудами достигли мы того, чтобы стать Апостолами, а получили благодать; и апостольство есть даръ свыше“ (св. Злат.). „Оно дѣло высшаго устроенія и промышленія Божія о родѣ нашемъ“ (св. Дамаск.). Почему *благодать и апостольство*—тоже, что благодать къ апостольствованію (Экум.) или апостольская благодать.

Мы, говоритъ, *пріяхомъ*. Кто это мы?—Прямѣе будто,—св. Павелъ себя одного здѣсь разумѣетъ; но можно

думать, что онъ говоритъ такъ отъ лица всѣхъ Апостоловъ, и изображаетъ силу и значенiе апостольскаго чина вообще. Или о себѣ одномъ имѣя нужду сказать, выразился такъ, что подалъ мысль и о всѣхъ Апостолахъ, какъ бы такъ: какъ они, такъ и я, или и я, какъ они. Ибо какъ имъ Господь сказалъ: *шедше научите вся языки*, такъ и ему: *иди, яко далече во языки пошлю тя.*— Бл. Θеодоритъ и пишетъ: „Самъ Онъ (Господь Iисусъ Христосъ) поставилъ насъ проповѣдниками, поручивъ намъ спасенiе всѣхъ народовъ и даровавъ соотвѣтственную сей проповѣди благодать, чтобы прiемлющiе проповѣдь и намъ повиновались и вѣровали слову.“

Въ послушанiе вѣры во всѣхъ языцѣхъ.—*Въ послушанiе*,—чтобъ всѣ услышали о вѣрѣ и, услышавши, послушались вѣры или увѣровали. Однимъ словомъ хотѣлъ выразить св. Павелъ, что назначенiе Апостоловъ есть пронести имя Господа по всей вселенной, но не для того только, чтобъ слышали о Немъ всѣ, но чтобъ и покорились Ему,—чтобъ между всѣми народами были истинно вѣрующiе въ Него и искренно Ему работающiе по вѣрѣ. Слово исходило изъ устъ Апостоловъ; вмѣстѣ съ словомъ шла благодать и покоряла сердца избранныхъ вѣрѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „Успѣхъ проповѣди зависѣлъ не отъ Апостоловъ, но отъ предшедшей (и сопутствовавшей) имъ благодати. Хотя ихъ было дѣло ходить и проповѣдывать, но убѣжденiе производилъ самъ Богъ, дѣйствовавшiй въ Апостолахъ. Такъ и св. Лука сказалъ: *отверзе сердце* (Дѣян. 16, 14).“ И потому покорность вѣрѣ должно почитать дѣломъ Божiей силы, что проповѣди сопутствовали знаменiя. Они удостовѣряли, что проповѣдь есть дѣло, по волѣ Божiей совершаемое, и потому требовали покорности проповѣдуемому, несмотря на непостижимость его. „Сила свыше есть свидѣтельство истины ученiя, чтобъ, по причинѣ ея

безпрекословно принимаемо вѣрою то, что казалось невѣроятнымъ въ проповѣди" (Амвр.).

Если апостольская проповѣдь въ послушаніе вѣрѣ, то предъ нею надо слагать орудія ума и душу свою представлять чистою хартіею для безпрепятственнаго напечатанія на ней истинъ вѣры. Апостолы приняли ее безъ умствованія, и передаютъ, какъ приняли; и слушающимъ ихъ слово надлежитъ принимать оное безъ мудрованія. Св. Златоустъ и говоритъ: „Не сказалъ: для изслѣдованія и доказательства, но—въ послушаніе. Мы посланы, говоритъ, не умозаключенія дѣлать, но передать, что намъ ввѣрено. Когда произноситъ что-нибудь Владыка,—слушающіе должны только принимать слова Его, не разбирая и не перетолковывая ихъ сами. И Апостолы были посланы для того, чтобы пересказать, что слышали, ничего не прибавляя къ тому отъ себя, дабы и мы тому увѣровали".

Во всѣхъ языцѣхъ. Таково назначеніе апостольства, чтобъ проповѣдь Евангелія пронести по всѣмъ народамъ. Пронесли ли? Въ продолженіе жизни своей Апостолы только и дѣлали, что проносили слово Евангелія, и пронесли его всюду, куда только можно было достигнуть, или докуда достигнуть достало ихъ жизни. Но и по смерти ихъ проповѣдь ихъ не умолкаетъ, чрезъ писанія ихъ и чрезъ устное слово преемниковъ ихъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Что это? Ужели Павелъ проповѣдывалъ всѣмъ народамъ? Изъ посланія къ Римлянамъ видно, что онъ проповѣдывалъ многимъ: ибо обошелъ всѣ страны отъ Іерусалима до Иллирика, и оттолѣ опять доходилъ до послѣднихъ предѣловъ земли; впрочемъ, если онъ и не у всѣхъ былъ народовъ, сказанное имъ нимало не ложно. Потому что говоритъ не объ одномъ себѣ, но о двѣнадцати Апостолахъ и о всѣхъ благовѣствовавшихъ слово съ ними. Между тѣмъ нельзя оспорить сказаннаго

разумѣя оное и объ одномъ Павлѣ, если представить себѣ усердіе Павлово и то, что онъ послѣ кончины своей не перестаетъ проповѣдывать въ цѣлой вселенной. Не оставь безъ вниманія того, сколько Павелъ превозноситъ даръ апостольства, показываетъ его величіе и большее превосходство предъ ветхозавѣтнымъ. Обѣтованія ветхозавѣтныя простирались на одинъ народъ; а апостольство привлекло сушу и море.“

О имени Его. Это выраженіе всеобъемлющее. Оно означаетъ—и именемъ Его и во имя Его или славу, и опираясь на имя Его, и о Немъ и въ Него. Ибо въ вѣрѣ Христовой все отъ Господа исходитъ и все къ Нему возвращается и на Немъ стоитъ. Св. Златоустъ говоритъ: „о имени Его (значитъ что) мы не должны углубляться въ сущность Его, но вѣровать во имя Его. Ибо имя сіе творило чудеса. *Во имя Іисуса Христа*, говоритъ Петръ, *востани и ходи* (Дѣян. 3, 6). Оно само требуетъ вѣры: и всего этого постигнуть нельзя разумомъ“.—Экуменій прибавляетъ: „вѣра была во имя Его. Ибо самого Его не видѣли, но увѣровали по одному благовѣстію о имени Его. Воистину полно благодати было апостольство учениковъ, когда они убѣдили увѣровать и покориться Христу народы, будучи людьми неучеными, простыми рыболовами.“

Въ нихже есте и вы. Если говоря предъ симъ объ апостольствѣ: *пріяхомъ благодать* и проч., св. Павелъ себя только разумѣлъ, то словами: *въ нихже есте и вы*, онъ сказываетъ: и вы къ моей области принадлежите и въ васъ я долженъ апостольствовать, покоряя васъ вѣрѣ и утверждая въ ней. Ѳеодоритъ и пишетъ: „и вы въ числѣ сихъ народовъ, дѣланіе которыхъ поручено мнѣ. Ибо не думайте, что присвояю себѣ чуждое, и восхищаю нивы. предоставленныя другимъ. Меня поставилъ Владыка проповѣдникомъ у всѣхъ народовъ.“

Если же тамъ говорилъ онъ вообще объ апостольствѣ. то здѣсь выражаетъ: и вы не забыты Богомъ и васъ имѣлъ Онъ въ промыслительномъ опредѣленіи—покорить вѣрѣ чрезъ апостольское слово, которое уже и достигло васъ. Этимъ сколько воодушевляетъ ихъ и обвеселяетъ, столько же и смиряетъ. Почему св. Златоустъ говоритъ: „Не оставь безъ замѣчанія и того, сколько душа Павлова далека отъ всякой лести. Обращая рѣчь къ Римлянамъ, которые были какъ бы главою цѣлой вселенной, онъ не отдаетъ имъ никакого преимущества предъ прочими народами Хотя Римляне тогда владычествовали и господствовали; но Павелъ не говоритъ, чтобы они имѣли сколько-нибудь больше духовныхъ дарованій. Но какъ проповѣдуемъ всѣмъ народамъ, пишетъ онъ, такъ и вамъ, ставя ихъ на ряду съ Скиѳами и Ѳракіянами. А еслибы не это хотѣлъ онъ сказать, то были бы излишни слова: *въ нихже есте и вы*. Поступаетъ же такъ, дабы низложить ихъ высокомѣріе, смирить кичевіе ума и научить не превозноситься предъ другими. Для сего присовокупилъ слова: *въ нихже есте и вы звани Іисусу Христу*, т.-е. съ которыми и вы призваны. Не сказалъ, что Христосъ другихъ призвалъ съ вами, но говоритъ, что васъ призвалъ съ другими. Ибо если во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни раба, ни свободнаго, а тѣмъ паче ни царя, ни простолюдина, то и вы также призваны, а не сами собою пришли.“

Звани Іисусу Христу—погречески,—Іисуса Христа. Мысль таже: Господь Іисусъ Христосъ призвалъ васъ къ Себѣ чрезъ благовѣстіе, до васъ достигшее; и вы стали званники Христовы. Какъ будто Апостолъ хотѣлъ этимъ словомъ, послѣ предыдущей смирительной фразы, нѣсколько и приподнять ихъ, давая однакожь вмѣстѣ разумѣть, что тутъ нѣтъ мѣста превозношенію. Если позваннымъ быть къ царю только на бесѣду есть велико

и честно: сколько выше и честнѣе быть позвану къ Господу не затѣмъ только, чтобы видѣть Его и слышать, но чтобъ быть едино съ Нимъ и въ Немъ съ Богомъ Отцемъ благодатію Духа Святаго? Такъ приподнимаетъ онъ ихъ и будто въ уровень съ собою подводитъ; но вмѣстѣ и отъ смиренныхъ мыслей о себѣ не отвлекаетъ ихъ; ибо говоритъ—*звани*, а не сами дошли и вошли, и—званный есть еще только предназначенный. Званіе на великое не поводъ кичиться, а побужденіе всеусильно трудиться, чтобъ оказаться достойнымъ званія.

Ст. 7. *Всѣмъ сущымъ въ Римѣ, возлюбленнымъ Богу, званнымъ святымъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.*

Всѣмъ сущымъ въ Римѣ. Всѣмъ равное свидѣтельствуетъ благорасположеніе и тѣмъ продолжаетъ держать всѣхъ въ смиренныхъ чувствахъ. „Между вѣрующими находились вѣроятно и префекты, и консулы, и бѣдные, и простолюдины; но св. Павелъ, не обращая никакого вниманія на различіе чиновъ, ко всѣмъ посылаетъ одно привѣтствіе. Ибо если рабы и свободные одинаково участвуютъ во всемъ нужнѣйшемъ и духовномъ, каковы: любовь Божія, званіе, благовѣстіе, усыновленіе, благодать, миръ, освященіе и все прочее; то не крайнее ли будетъ безуміе различать по земнымъ принадлежностямъ тѣхъ, которыхъ Богъ соединилъ и содѣлалъ равночестными въ важнѣйшемъ? Посему-то Апостолъ въ самомъ началѣ, изгоняя сей тяжкій недугъ, утверждаетъ Римлянъ въ смиренномудріи, которое есть матерь всего добраго. Смиренномудріе и слугъ содѣлывало лучшими, научая ихъ, что рабство не причиняетъ вреда имѣющимъ истинную свободу, и господъ обращало къ умѣренности, вразумляя ихъ, что нѣтъ пользы въ свобо-

если они не отличаются преимущественно вѣрою“ (Св. Злат.; то же и Ѳеод.).

Возлюбленнымъ Богу, званнымъ святымъ. „Вотъ какъ часто св. Павелъ употребляетъ слово *званный!* Таковое повтореніе однакожь не излишне: Апостолъ хочетъ чрезъ то въ памяти Римлянъ укоренить благодѣяніе Божіе“ (Св. Злат.). Избранныхъ своихъ Богъ отъ вѣка возлюбилъ; приближается же къ нимъ въ дѣйствительности благоволеніемъ любви чрезъ призваніе. *Никтоже ко Мнѣ пріидетъ, аще не Отецъ мой небесный привлечетъ его* (Ін. 6, 44), говоритъ Господь. Призваніе и есть влеченіе къ Господу. Званнымъ и призваннымъ надлежитъ считать того, кто, услышавъ гласъ зовущій, пошелъ въ слѣдъ его, а не того, кто слышалъ только его: ибо такой, услышавъ, можетъ презрѣть его и идти своею дорогою. Пошедшіе въ слѣдъ гласа зовущаго куда идутъ?—Къ Господу Спасителю, чтобъ чрезъ Него придти ко Отцу: ибо, говоритъ, *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною.* Этимъ заключается круговращеніе званія. Любовь Отчая позвала къ Господу, позванный пошелъ къ Господу, чрезъ Господа пришелъ къ Зовущему и сочетался съ Нимъ. Въ таковыхъ любовь Отчая почиваетъ и насыщается ими; въ отношеніи же къ непокорнымъ, любовь простирается поверхъ всѣхъ ихъ, не входя внутрь, ибо они заперты въ себѣ. Когда св. Павелъ называетъ Римлянъ возлюбленными Богу, то разумѣетъ эту любовь Божію, насыщающуюся ими и ихъ насыщающую. Римляне ощущали ее и ясно понимали сердцемъ, что говоритъ имъ Апостолъ.

Званнымъ святымъ. Позваны, увѣровали, по вѣрѣ обновились въ крещеніи, воспріявъ начала духовной жизни, а потомъ чрезъ возложеніе рукъ (нынѣ мѵропомазаніе) въ сосудъ обновленнаго естества своего приняли благодать Святаго Духа, и содѣлались святыми;

въ образѣ мыслей, въ начинаніяхъ воли и въ чувствахъ сердца содѣлались храмомъ Божіимъ святымъ. Не потому ли и возлюбленны Богу, что такъ святы? Да, не иначе. Какъ же это? Святость приходитъ по измѣненіямъ въ духѣ вслѣдствіе призванія; призваніе же само есть дѣло любви. Слѣдственно возлюбленіе предшествуетъ тому, что дѣлаетъ боголюбезнымъ.—Вѣсть Господь сущія Своя и возлюбляетъ ихъ, по предувѣдѣнію, что послушаютъ званія Его и воспріимутъ освященіе, Его устроеніемъ подаваемое,—возлюбляетъ, яко чистыхъ и святыхъ, и тѣхъ, кои еще не чисты и не святы, но имѣютъ возлюбить чистоту и святость и стать благодатію Духа святыми и непорочными.

Благодать вамъ и миръ. Они уже имѣли и благодать и миръ. Потому смыслъ сего благожеланія такой же' какой прямо выражается у св. Петра: *да умножится* въ васъ благодать и миръ. Вступили вы подъ потоки благодати—да изливается она на васъ паче и паче, и да преисполняетъ васъ обильнѣе и обильнѣе; воспріяли вы миръ съ Богомъ, умиротворились въ себѣ, сочетались между собою любовію во взаимный союзъ мира, да входитъ въ васъ сіе благо глубже, и глубже проникая васъ и всѣ отношенія ваши. Бл. Θеодоритъ пишетъ на сіе: „Испрашиваетъ Римлянамъ: вопервыхъ благодати Божіей, потому что при ея помощи всѣ увѣровавшіе получили спасеніе, потомъ мира, подъ которымъ даетъ разумѣть всякое преспѣяніе въ добродѣтели. Ибо тотъ въ мирѣ съ Богомъ, кто возлюбилъ евангельское житіе и ревностно старается во всемъ угождать Богу.“ Св. же Златоустъ говоритъ: „Привѣтствіе, приносящее несчетныя блага. Такъ Христосъ заповѣдалъ Апостоламъ, чтобы, когда входятъ въ домъ, это слово произносимо было первое. Такъ и Павелъ всегда начинаетъ тѣмъже: *благодать вамъ и миръ.* Брань, которую прекратилъ Христосъ.

была не легкая, но съ разныхъ сторонъ, всякими способами и долговременно насъ тревожившая: прекращена оная не нашими трудами, но Его благодатiю. И какъ любовiю дарована благодать и благодатiю миръ, то Апостолъ, такому именно порядку слѣдуя въ своемъ привѣтствiи, молитъ о непрерывномъ и ненарушимомъ пребыванiи любви, благодати, мира, дабы опять не восгорѣлась новая брань, и проситъ Подателя сохранить ихъ непреложными.“

Отъ Бога Отца нашего и Господа Iисуса Христа. „Здѣсь показываетъ Апостолъ, что податель даровъ сихъ есть не только Отецъ, но и Сынъ: чѣмъ вполнѣ научаетъ насъ равенству Отца и Сына“ (Θеодор.). „Ибо не сказалъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца чрезъ Господа нашего Iисуса Христа, но говоритъ: отъ Бога Отца нашего и Господа Iисуса Христа. О какъ всесильна любовь Господня! Враги и отверженные стали вдругъ святыми и сынами. Ибо Апостолъ, назвавъ Бога Отцемъ, далъ разумѣть, что они сыны; а наименовавъ сынами, открылъ все сокровище благъ. Итакъ не престанемъ являть жизнь достойную дара,—блюсти миръ и святость“ (Св. Злат.).

б) Начало посланiя.

8—17.

Въ началѣ посланiя, какъ обычно сiе дѣлать въ письмахъ, св. Павелъ помѣщаетъ такiя мысли, какiя сильны расположить въ пользу посланiя и заохотить къ чтенiю его. Для сего аа) хвалитъ вѣру Римлянъ, благодаря за нее Бога (——8), и бб) свидѣтельствуетъ свое къ Римлянамъ расположенiе, выражая желанiе видѣть ихъ и сдѣлать ихъ причастниками благъ апостольства своего

— —9—13). Указывая же вв) причину такого желанія въ лежащей на немъ обязанности всѣхъ просвѣщать вѣрою (— — —14. 15), переходитъ къ гг) предмету всего посланія,—что спасеніе устрояется лишь вѣрою въ Господа Іисуса Христа (——16. 17).

аа).

Ст. 8. *Первое убо благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ о всѣхъ васъ, яко вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ.*

„Вступленіе приличное блаженному Апостолу!“ (Злат.). Имѣя нужду похвалить Римлянъ, онъ хвалитъ ихъ, такъ однакожъ, что вмѣстѣ отнимаетъ всякій поводъ къ превозношенію: ибо не имъ приписываетъ хвалимое имъ въ нихъ добро, но Богу, источнику всякаго добра. Говоря: благодарю Бога за вѣру вашу, онъ и ихъ возбуждаетъ къ благодаренію, отвлекая вниманіе отъ себя и приковывая оное къ Божію благодѣянію и къ Божіей любви. Этимъ и каждаго Апостолъ „достаточно вразумляетъ, что начатки добрыхъ дѣлъ и словъ надлежитъ посвящать Богу и благодарить Его не только за свои успѣхи въ добрѣ, но и за успѣхи другихъ. Чрезъ сіе душа дѣлается чистою отъ зависти и недоброжелательства, и на благодарныхъ привлекается большее благоволеніе Божіе“ (Св. Злат.).

Благодарю Бога моего. „Съ какою горячностію благодаритъ онъ! Сказалъ не просто: *Бога,* но — *Бога моего.* Такъ поступаютъ Пророки, присвояя себѣ принадлежащее всѣмъ. И удивляться ли въ томъ Пророкамъ? Не то же ли, повидимому, наблюдаетъ всегда самъ Богъ касательно рабовъ Своихъ, называя себя исключительно Богомъ Авраамовымъ, Исааковымъ и Іаковлевымъ?“ (Св. Злат.). Совершенные богобоязненники и боголюбцы

имѣютъ Бога своимъ въ чувствахъ сердца, и себя — Божіими. Чувствуя великую любовь Божію лично къ себѣ и сами пламенѣя любовію къ Богу, они естественно Бога себѣ присвояютъ и себя — Богу. И это есть полное выраженіе истиннаго богообщенія, не мысленно представляемаго, а самымъ дѣломъ установляющагося между духомъ вѣрующаго и Богомъ. Пока Богъ зрится, какъ нѣчто чужое и общее, вѣра еще слаба, еще не вошла въ силу. Равно кто не служитъ Богу всѣми силами, а привязанъ бываетъ къ чему-либо другому, не можетъ имѣть Бога своимъ Богомъ.

Благодарю... Іисусомъ Христомъ. Все отъ Бога къ намъ нисходитъ чрезъ Господа Іисуса Христа и отъ насъ къ Богу все должно восходить чрезъ Него же; не смѣемъ мы являться предъ Бога, не нося печати Христовой, не имѣя Его въ умѣ и сердцѣ вѣрою, упованіемъ, преданностію. Почему и въ молитвѣ приступать къ Богу заповѣдалъ Господь—во имя Его, увѣряя, что если такъ кто помолится, то непремѣнно получитъ просимое (Ін. 14, 13. 14). И жертвы никакой не принимаетъ отъ насъ Богъ, кромѣ Господа. Всюду приносятъ жертвы Богу. Мы же христіане что приносимъ?—небольшой хлѣбъ и малую чашу вина раствореннаго водою. Столько ли намъ слѣдуетъ приносить?! Но эти хлѣбъ и вино содѣлываются тѣломъ и кровію Господа, и чрезъ это наша жертва, столь малоцѣнная по себѣ, становится безцѣнною. Такъ благоволилъ устроить Богъ.—Если ни съ чѣмъ не имѣемъ мы являться предъ Бога иначе какъ чрезъ Господа Іисуса Христа, то и съ благодареніемъ. Это и внушаетъ Апостолъ, благодаря Бога за Римлянъ Іисусомъ Христомъ. „Онъ есть посредникъ благодаренія нашего Богу не потому только, что научилъ насъ благодарить Бога, но и потому, что самъ приноситъ наше благодареніе предъ Бога“ (Θеоф.).

Благодарю Бога моего, яко вѣра ваша возвѣщается во

всемъ міръ. „Замѣть, за что благодаритъ Павелъ,—не за земное и гибнущее, какъ-то за власть, могущество, славу,—сіе не стоитъ вниманія; но за блага истинныя, вѣру и дерзновеніе (предъ Богомъ)"! (Св. Злат.). Благодаритъ, что вѣра возвѣщается; но какъ ей возвѣщаться нельзя бы было, еслибы она не была тверда, свѣтла и совершенна, то, выражая благодареніе за возвѣщеніе ихъ вѣры, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ за нею и сіи качества, давая разумѣть, что она высока и по познанію предметовъ вѣры и по дѣламъ соотвѣтствующимъ вѣрѣ и вмѣстѣ столько воодушевлена, что не кроется, а дерзновенно являетъ себя предъ всѣми. Но и самое возвѣщеніе вѣры есть предметъ достойный благодаренія: ибо примѣръ Римлянъ могъ побѣдоносно дѣйствовать на преклоненіе къ вѣрѣ всѣхъ слышавшихъ о ней. „Не угождая имъ, но по самой истинѣ сказалъ сіе Апостолъ. Ибо не могло утаиться отъ живущихъ по вселенной совершавшееся въ Римѣ. Въ немъ издревле Римскіе цари имѣли дворъ свой; оттуда посылались правители народовъ и собирающіе дань съ городовъ; въ него также стекались всѣ искавшіе царскихъ милостей, и всѣ они повсюду дѣлали извѣстнымъ, что и городъ Римъ принялъ ученіе Христово. А это весьма великую доставляло пользу слышащимъ. Почему бл. Апостолъ и прославилъ за сіе Владыку" (Ѳеод.).

Возвѣщается во всемъ мірѣ. „Какъ это? Ужели вся земля слышала о вѣрѣ Римлянъ? По словамъ Павла, вся; и сіе нимало не странно. Римъ былъ не маловажнымъ городомъ, но, будучи поставленъ какъ бы на нѣкоторой высотѣ, обращалъ на себя взоры всѣхъ. И не сказалъ: явною стала, но *возвѣщается*, т.-е. для всѣхъ составляетъ предметъ разговоровъ" (Св. Злат.).

„Представь же себѣ силу проповѣди, какъ она въ короткое время чрезъ мытарей и рыбарей покорила се-

бѣ первый изъ городовъ, и какъ нѣсколько Сиріанъ стали учителями и наставниками Римлянъ. О двоякомъ успѣхѣ проповѣди свидѣтельствуетъ здѣсь Павелъ: что Римляне увѣровали, и увѣровали съ полною твердостію, такъ что слава о нихъ обтекла всю землю. Римляне, недавно возобладавъ вселенною, слишкомъ много мечтали о себѣ, жили богато и роскошно, а проповѣдь принесли рыбари—Іудеи, люди принадлежавшіе къ народу презрѣнному, которымъ всѣ гнушались. И сіи рыбари повелѣвали покланяться Распятому, воспитанному въ Іудеѣ; и сіи учители людямъ, изнѣженнымъ и погруженнымъ только въ настоящее, вмѣстѣ съ этимъ ученіемъ внушали строгую жизнь; и сіи проповѣдники были люди бѣдные, неученые, изъ низкихъ низкіе. И однакоже все сіе не попрепятствовало успѣху вѣры. Такова была сила Распятаго, что слово распространялось всюду. Проповѣдь нигдѣ не останавливалась, но быстрѣе огня обхватывала цѣлую вселенную“ (Св. Злат.).

бб).

Стт. 9. 10. *Свидѣтель бо ми есть Богъ, Емуже служу духомъ моимъ во благовѣствованіи Сына Его, яко безпрестани память о васъ творю, всегда въ молитвахъ моихъ моляся, аще убо когда поспѣшенъ буду волею Божіею, пріити къ вамъ.*

Похваливъ теперь благораспоряженіе свое къ нимъ, св. Павелъ свидѣтельствуетъ тѣмъ, что помнитъ о нихъ и порывается къ нимъ. Помнитъ, значитъ, носитъ ихъ всегда въ мысляхъ; порывается къ нимъ, значитъ, не довольствуется однимъ мысленнымъ общеніемъ, ищетъ живаго общенія лицемъ къ лицу, жаждетъ объятій любви. То и другое есть свидѣтельство теплаго расположенія и горячей любви, коими и дышатъ эти и послѣдующія слова.

Само дѣло не такъ велико и важно, именно, что св. Павелъ помнитъ Римлянъ и порывается къ нимъ; но великой важности дѣло есть, чтобъ никто не усумнился въ искренности словъ Апостола о семъ: ибо сіе сомнѣніе могло потомъ перейти и на все посланіе. Вотъ почему, говоря о семъ, Апостолъ призвалъ Бога во свидѣтели, Бога, коему посвящена вся жизнь его, предъ Которымъ, слѣдовательно, онъ не можетъ позволить себѣ подумать, или сказать что-либо не истинное.

Свидѣтель, говóритъ, *ми есть Богъ.* „Конечно это языкъ апостольскаго духа и сердца, выраженіе отеческой попечительности; но что именно значатъ слова сіи, и для чего Павелъ призываетъ во свидѣтели Бога?— У него шла рѣчь о его привязанности; и какъ еще не видался онъ съ Римлянами, то призываетъ во свидѣтели не людей, но Испытующаго сердца.—Сказавъ—*люблю васъ* и въ доказательство того представивъ, что всегда молится и желаетъ придти къ нимъ, что однакожъ не было для нихъ извѣстно, прибѣгаетъ въ достовѣрному свидѣтельству" (Св. Злат.).

Емуже служу духомъ моимъ, во благовѣствованіи Сына Его. „Упомянулъ о благовѣствованіи, дабы показать родъ служенія. Ибо много есть разныхъ родовъ служенія вообще, какъ и служенія Богу. Какъ при земныхъ царяхъ, хотя всѣ подчинены одному государю, впрочемъ не всѣ одинаково служатъ; но служба одного состоитъ въ начальствѣ надъ войскомъ, другого въ управленіи городами, а иного въ храненіи казны: такъ и въ дѣлахъ духовныхъ, одинъ служитъ и работаетъ Богу тѣмъ, что вѣруетъ и строго наблюдаетъ за своею жизнію; другой тѣмъ, что обязался прислуживать странникамъ, а иной тѣмъ, что взялъ на свое попеченіе ходатайствовать за нуждающихся. Подобно и у самихъ Апостоловъ Стефанъ и его сослужители работали Богу тѣмъ, что снабжали

вдовиць, а иной служилъ ученіемъ слова, каковъ былъ и Павелъ, служившій Богу проповѣдію Евангелія. Вотъ родъ его служенія, къ сему онъ былъ приставленъ! Посему не только призываетъ Бога во свидѣтели, но и сказываетъ, что ему было ввѣрено, давая тѣмъ знать, что удостоенный такой довѣренности не призоветъ ложно во свидѣтели Довѣрившаго“ (Св. Злат.).

Итакъ служеніе, коимъ св. Павелъ служилъ Богу, было благовѣстіе. Какъ исправлялъ онъ это служеніе? — *Духомъ*, говоритъ, *моимъ*. Что же значитъ служить Богу въ благовѣстіи духомъ? Даннымъ ему дарованіемъ. Такъ отчасти разумѣетъ и св. Златоустъ, говоря: „симъ показываетъ намъ Апостолъ вмѣстѣ и благодать Божію и свое смиренномудріе; благодать Божію въ томъ, что ему ввѣрено такое дѣло, а свое смиренномудріе въ томъ, что все приписываетъ не своему раченію, но помощи Духа“. — Но яснѣе эту мысль высказываетъ бл. Θеодоритъ: „Много видовъ служенія Богу. Ему служатъ и кто молится, и кто постится, и кто внимаетъ божественнымъ словесамъ, и также кто имѣетъ попеченіе объ услугахъ страннымъ. А божественный Апостолъ сказалъ, что служитъ Богу, предлагая народамъ благовѣствованіе Сына Его, и служитъ духомъ, т.-е. даннымъ ему дарованіемъ“. Такъ и другіе толковники. То, что св. Павелъ называетъ духъ сей своимъ, не препятствуетъ видѣть подъ симъ словомъ даръ св. Духа: ибо духовное дарованіе усвояется тому, кому даруется. Апостолъ могъ такъ сказать, разумѣя: духомъ благодати, даннымъ мнѣ. Подкрѣпляетъ сію мысль то, что онъ духомъ симъ служилъ во благовѣстіи; въ благовѣстіи же все — и усердіе, и сила, и самыя истины отъ Духа суть.

Можно подъ тѣмъ, какъ св. Павелъ служилъ Богу духомъ своимъ въ благовѣстіи, разумѣть и — всѣмъ существомъ моимъ, всѣми силами, со всею искренностію,

или, какъ говоритъ онъ о себѣ къ св. Тимоѳею, *чистою совѣстію* (2 Тим. 1, 3). Можно и такъ полагать: Апостолъ служитъ Богу не тѣломъ только и душею, но паче высшею своею частію, т.-е. духомъ: ибо онъ въ человѣкѣ различаетъ три сія, пиша къ Солунянамъ: *всесовершенъ вашъ духъ, душа и тѣло непорочно въ пришествіе Господа нашего Іисуса Христа да сохранится* (1 Сол. 5, 23). Въ комъ духъ возстановленъ въ правахъ своихъ благодатію Духа, у того онъ властвуетъ надъ душею и тѣломъ и увлекаетъ ихъ въ слѣдъ себя; и таковой духомъ служа Богу служитъ всѣмъ существомъ своимъ. Такой мысли можно не считать чуждою ума Апостола въ сказанномъ выраженіи.

Можно подъ служеніемъ духомъ разумѣть и служеніе духовное, въ противоположность служенію плотскому—ветхозавѣтному, какъ и въ посланіи къ Филиппійцамъ говоритъ Апостолъ: *мы есмы обрѣзаніе, иже духомъ Богу служимъ, а не въ плоти надѣемся* (Фил. 3, 3). Св. Златоустъ говоритъ: „словами—*духомъ моимъ* Апостолъ внушаетъ сіе, что служеніе его Богу гораздо выше языческаго и іудейскаго. Ибо служеніе языческое есть ложное, а іудейское, хотя истинное, но плотское; служеніе же церкви языческому противоположно, а іудейскаго несравненно выше. Потому что въ нашемъ служеніи Богу не приносится ни овецъ, ни тельцовъ, ни дыма, ни куренія, а приносится духовная душа, что изобразилъ Христосъ, сказавъ: *Духъ есть Богъ; и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Ін. 4, 24)“. Такъ и другіе наши толковники. Благовѣстіе есть духовнѣйшее служеніе.

Во благовѣствованіи Сына Его—или о Сынѣ, или которое отъ Сына. Евангеліе все—о Сынѣ, какъ пришелъ, воплотился, пострадалъ, умеръ, воскресъ, вознесся на небо и возсѣлъ одесную Отца и, яко Глава церкви, пра-

вить ею и всѣмъ во благо ея. Но оно же есть и отъ Сына: ибо Онъ началъ благовѣстіе, а пронести его по міру поручилъ Апостоламъ; въ Апостолахъ хотя дѣйствовалъ Духъ, но Онъ все принялъ отъ Сына же. Св. Златоустъ говоритъ: „благовѣстіе, приписавъ выше Отцу, приписываетъ теперь Сыну; такъ безразлично говорится объ Отцѣ и Сынѣ! Ибо Апостолу, по блаженному изреченію Христову, извѣстно было, что Отцево принадлежитъ Сыну, и Сыновнее Отцу. *Моя вся*, говоритъ Христосъ, *Твоя суть, и Твоя Моя* (Ін. 17, 10)“. Такъ и всѣ наши толковники.

Яко безпрестани память о васъ творю, всегда въ молитвахъ моихъ моляся. „Вотъ истинная любовь! Повидимому, говоря объ одномъ, четыре мысли совмѣщаетъ здѣсь Павелъ: воспоминаетъ, воспоминаетъ непрестанно, воспоминаетъ въ молитвахъ, воспоминаетъ моляся о дѣлѣ для нихъ пріятномъ. Не разъ, два или три воспоминаетъ, а непрестанно; непрестанно же носить кого нибудь въ памяти нельзя, не имѣя великой любви. Такъ разсуди, какую означаетъ привязанность и любовь—воспоминать въ молитвахъ, и воспоминать непрестанно“ (Св. Злат.).

Моляся, аще убо когда поспѣшенъ буду волею Божіею, пріити къ вамъ. Таково настроеніе богопреданныхъ душъ—не только творить угодное Богу, но и такъ творить, какъ угодно Богу. Таковъ былъ Апостолъ. „Соблюдая точность, сказалъ не просто, что просилъ Бога о пришествіи къ нимъ, но волею Божіею, т.-е., если угодно сіе Правителю всяческихъ“ (Ѳеод.). „Апостолъ и сильно желалъ видѣть Римлянъ, однакоже не рѣшается на то противъ воли Божіей, но желаніе свое умѣряетъ страхомъ Божіимъ. Какъ ни любилъ ихъ, какъ ни влекло его къ нимъ; однакоже не захотѣлъ видѣться съ ними противъ воли Божіей. Вотъ какъ обильно преисполненъ онъ былъ тѣмъ и другимъ,—и страхомъ Божіимъ и усерді-

емъ къ Римлянамъ! Его сильная любовь открывалась въ томъ, что онъ непрестанно молился, молился даже и тогда, когда не получалъ просимаго, а страхъ Божій въ томъ, что, любя, не переставалъ быть покорнымъ мановенію Божію. Нѣкогда Павелъ трижды просилъ Господа, но не получилъ просимаго; и не получивъ просимаго, счелъ за великую милость то, что не былъ услышанъ. Сколько во всемъ преданъ былъ онъ Богу! Теперь хотя получилъ просимое, однакоже не въ то время, какъ просилъ, а послѣ; но и тѣмъ не огорчился. Говорю это для того, чтобы и намъ не скорбѣть, когда бываемъ не услышаны, или услышаны позже. Мы не лучше Павла, который то и другое признаетъ за милость; и совершенно справедливо. Однажды отдавъ себя всеуправляющей Рукѣ, онъ подчинился ей такъ, какъ глина горшечнику; и всегда слѣдовалъ водительству Божію" (Св. Злат.). „Если, гдѣ было въ виду спасеніе стольких тысячъ, божественный Апостолъ не просилъ безусловно, но съ прошеніемъ сопоставлялъ волю Божію; то достойны ли мы какого извиненія, когда и разсуждая и молясь о вещахъ чувственныхъ, касающихся до насъ, не поставляемъ сего въ зависимость отъ изволенія Божія" (Θеод.).

Ст. 11. *Желаю бо видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное, ко утвержденію вашему.*

Сказавши, что молитъ Бога, да поблагопоспѣшитъ ему побыть у нихъ, теперь объясняетъ, въ какомъ смыслѣ этого желаетъ. Желаетъ побыть у нихъ не какъ путешественники, чтобъ полюбопытствовать, что есть въ городѣ, или подивиться на ихъ бытъ столичный,—и вообще не ради чего-либо человѣческаго, но все въ видахъ того духовнаго дѣла, которое призванъ онъ насаждать въ душахъ всѣхъ повсюду. „Желаетъ онъ предпринять путешествіе къ нимъ не даромъ, не такъ, какъ многіе путешествуютъ нынѣ безъ цѣли и нужды; напро-

тивъ его побуждали дѣла необходимыя и требующія крайней поспѣшности, хотя не хочетъ сказать сего ясно, а только намекаетъ“ (Св. Злат.).

Какимъ же словомъ намекаетъ? *Да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное.* Какое дарованіе, не сказываетъ, а говоритъ—нѣкое,—что-нибудь изъ сокровищницы апостольства. Апостолы были носители всѣхъ благодатей, и когда являлись куда, Господь раздавалъ чрезъ нихъ все, что оказывалось нужнымъ для живущихъ тамъ: кому вѣру, кому утвержденіе въ ней, кому утѣшеніе, кому какое-либо сверхъестественное пособіе для души, или для тѣла, кому облагодатствованіе чрезъ таинства. Апостолы не что хотѣли, то и давали, но что угодно было Господу взять изъ ихъ сокровищницы и передать другимъ, то и передавалось. Не распорядители они, а исполнители высшихъ распоряженій. Вотъ почему и Апостолъ не говоритъ прямо, что именно подастъ, а выражается неопредѣленно: *нѣкое дарованіе*, хотя несомнѣнно, что то будетъ изъ круга апостольскихъ даяній.

Примѣнительно къ этому употребилъ онъ и глаголъ *подамъ*,—μεταδῶ,—что значитъ—передамъ. Какъ хозяинъ приказываетъ прикащику своему: тому-то то дай, а тому-то это, и прикащикъ ни какъ не подумаетъ, что самъ далъ: такъ Апостоламъ Господь внушалъ, что гдѣ излить благодатное, и они изливали это, и не дерзали думать и говорить, что сами раздаютъ, а—только передаютъ: ибо хотя бы сами они и захотѣли что дать, не далось бы, еслибы то не согласовалось съ волею Божіею. Вотъ почему и св. Павелъ говоритъ здѣсь: да передамъ, „давая тѣмъ знать, что не свое (и не по своему произволу) имъ дастъ, а передастъ что получилъ (и что внушено будетъ ему передать)“ (Св. Злат.). „Слова сіи исполнены смиренной о себѣ мысли; не сказалъ: желаю дать, но да подамъ (передамъ); ибо передаю что самъ получилъ“

(Феод.). Почему одно слово сіе приводитъ на мысль трехъ: Бога дающаго, Апостола передающаго и вѣрующихъ пріемлющихъ (Амвр.).

Ко утвержденію вашему. Что бы ни сообщилъ имъ Апостолъ изъ благодатной сокровищницы своего апостольства, все то послужитъ къ утвержденію ихъ въ вѣрѣ и въ жизни по вѣрѣ. Таковъ обыкновенный плодъ соприкосновенія Апостоловъ съ вѣрующими. Это можетъ быть и выражаетъ только Апостолъ, не содержа въ мысли, что въ нихъ слѣдовало бы что нибудь утверждать. А можетъ быть и это было, какъ говоритъ св. Златоустъ: „сказавъ — *ко утвержденію вашему,* скрытнымъ образомъ даетъ разумѣть, что Римлянъ надлежитъ во многомъ исправить. Ибо вотъ что хочетъ сказать имъ: съ давняго времени желалъ и просилъ я Бога видѣться съ вами не для чего другаго, но чтобы установить, утвердить, сдѣлать васъ неподвижными въ страхѣ Божіемъ, дабы вы никогда не колебались".—Но и безъ этого предположенія Св. Павелъ могъ такъ сказать, потому что нѣтъ степени въ жизни, на которой не требовалось бы нѣкое утвержденіе. Всякая степень свои приноситъ нужды и недоумѣнія; удовлетвореніе этихъ нуждъ и рѣшеніе недоумѣній и есть утвержденіе духа въ порядкахъ своей жизни.

Ст. 12. *Сіе же есть, соутѣшитися въ васъ вѣрою общею, вашею же и моею.*

О чемъ будетъ рѣчь у Апостола, когда придетъ къ нимъ? Конечно о вѣрѣ и о всемъ до нея касающемся. При этомъ когда по всѣмъ пунктамъ пересмотрѣна будетъ вѣра, вѣрующіе увидятъ, что у нихъ въ отношеніи къ вѣрѣ все находится въ должномъ порядкѣ, и премного утѣшатся—и тѣмъ, что такъ есть, и тѣмъ. что отъ лица Апостола получатъ печать утвержденія своей вѣрѣ высшимъ авторитетомъ. И то послужитъ въ утѣшеніе, если окажется что неисправнымъ и будетъ исправлено:

ибо кто, ища вѣры спасительной, не желаетъ вѣровать совершеннѣйшимъ образомъ? Для Апостола же здѣсь утѣшительно будетъ то, что найдетъ ихъ исправными, или исправитъ неисправное. Ибо если онъ изнемогалъ вмѣстѣ съ изнемогающими, то какъ могъ не утѣшаться, встрѣчая сильныхъ въ вѣрѣ, или жаждущихъ исправности во всемъ, и исправляющихся? Почему онъ говоритъ какъбы: да ужь одно то, что при свиданіи соутѣшимся общею нашею вѣрою, будетъ не малое дарованіе духовное; ибо и это все отъ Духа, и духовно.

Св. Златоустъ раскрываетъ, какъ особенно утѣшительно бывало тогда для христіанъ увидѣть среди себя Апостола по причинѣ тѣснотъ, въ какихъ находились тогда христіане почти повсюду. „Симъ какъбы сказалъ Апостолъ: не подозрѣвайте, что я говорилъ (слова: *ко утвержденію вашему*) въ обвиненіе ваше. Не съ такимъ расположеніемъ сказаны слова мои. А что же хотѣлъ я выразить? То, что вы окружены гонителями и терпите много притѣсненій; почему мнѣ желательно стало видѣться съ вами, дабы утѣшить, или, лучше сказать, не только утѣшить, но и самому принять утѣшеніе.—А какъ же можемъ взаимно утѣшать другъ друга? *Общею вѣрою вашею же и моею.* Что бываетъ съ огнемъ,—когда кто вмѣстѣ возжигаетъ много свѣтильниковъ, чрезъ это усиливаетъ пламя: то же случается обыкновенно и съ вѣрными. Когда раздѣлены мы между собою, тогда слабѣе духомъ. А когда, взирая другъ на друга, взаимно себя поддерживаемъ, тогда много получаемъ утѣшенія. Не суди по настоящимъ временамъ, когда по благодати Божіей и въ селѣ, и въ городѣ, и въ самой пустыни многочисленны сонмы вѣрныхъ, всякое же нечестіе изгнано; напротивъ вообрази, какъ въ тѣ времена вожделѣнно было и учителю увидѣть учениковъ, и братіямъ свидѣться съ братіями, пришедшими изъ другаго города.

Чтобы яснѣе представить вамъ сказанное, приведу примѣръ. Еслибы случилось (чего избави Богъ), что по какимъ нибудь обстоятельствамъ, увели бы насъ въ Персію, или въ Скиѳію, или въ другую варварскую землю, и въ тамошнихъ городахъ разсѣяли насъ по двое и по трое, а потомъ нечаянно увидѣли бы мы когонибудь прибывшаго отсюда; то представь себѣ, какого исполнились бы мы утѣшенія! Развѣ не видывали вы, какъ заключенные въ темницахъ, свидѣвшись съ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ, вскакиваютъ и прыгаютъ отъ радости? И не дивись, если тогдашнія времена сравниваю съ плѣномъ или съ темницею. Гораздо большія напасти терпѣли тогда христіане: разсѣянные, преслѣдуемые терпѣли голодъ и брань повсюду, ежедневную боязнь смерти; не смѣли положиться на друзей, домашнихъ, родныхъ, въ цѣломъ мірѣ были какъ странники, или лучше сказать, больше переносили трудностей, нежели живущіе на чужой сторонѣ. Посему-то говоритъ Апостолъ: *ко утвержденію вашему*, и—*соутѣшитися общею вѣрою*. Но не въ томъ смыслѣ сказалъ сіе, чтобы самъ нуждался въ ихъ содѣйствіи; ни мало. Ибо въ чемъ нуждаться тому, кто былъ столпомъ церкви, твердѣйшимъ желѣза и камня, духовнымъ адамантомъ, у котораго доставало силъ проповѣдывать въ тысячѣ городовъ? Если же кто скажетъ, что въ семъ случаѣ утѣшало и веселило Апостола приращеніе вѣры въ Римлянахъ, и что въ этомъ св. Павелъ имѣлъ нужду, то и такое изъясненіе словъ не будетъ погрѣшительно.“

Ст. 13. *Не хощу же не вѣдѣти вамъ, братіе, яко множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ доселѣ, да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцѣхъ.*

Усиливаетъ рѣчь: не только желалъ побывать у нихъ и молился о томъ, но и самымъ дѣломъ покушался на

то, – порывался, и все были препятствія. Какія препятствія, не сказываетъ. Къ Солунянамъ пиша, говоритъ тоже, что разъ и два покушался придти къ нимъ, но возбранилъ ему сатана (1 Сол. 2, 18) тѣмъ, что возбуждалъ противъ него враждебныхъ Іудеевъ. Прежде же того, хотѣлъ онъ идти изъ Галатіи и Фригіи въ Асію, но возбраненъ былъ отъ Святаго Духа, какъ свидѣтельствуетъ св. Лука (Дѣян. 16, 6), какимъ либо извѣщеніемъ, внутреннимъ ли только, или и внѣшнимъ.—Здѣсь же ничего такого не указываетъ, а говоритъ только: *возбраненъ быхъ доселѣ*. Надо полагать что это возбраненіе устроялось обстоятельствами и теченіемъ его апостольскаго служенія. Ниже онъ поминаетъ, что потому до сихъ поръ не пришелъ къ нимъ, что въ этихъ странахъ не всѣхъ обошелъ; теперь же, какъ здѣсь вездѣ побывалъ, собираюсь и къ вамъ (Рим. 15, 22 и д.). Апостолы были строго внимательны къ указаніямъ Промысла Божія въ обстоятельствахъ ихъ служенія. Вѣровали они, что и благодатное слово всю силу дѣйствія своего являетъ надъ тѣми и другими только во время, Богомъ опредѣленное. Потому не насиловали событій и не порывались чрезъ преграду ихъ куда либо съ проповѣдію, а напротивъ ихъ принимали въ руководство, куда направлять шествіе свое. Они всѣ не куда хотѣли ходили, но куда были водимы, какъ ведомые. Эту именно мысль и хотѣлъ здѣсь внушить св. Павелъ, говоря: *возбраненъ быхъ*. „И свое намѣреніе показалъ, и далъ видѣть Божіе смотрѣніе. Ибо говоритъ: мною управляетъ Божественная благодать, какъ ей угодно“ (Θеод.). Пространнѣе излагаетъ сію мысль св. Златоустъ. „Но спросятъ: есели желаешь, молишься, надѣешься получить утѣшеніе и подать оное; что препятствуетъ тебѣ придти? Въ разрѣшеніе такого недоумѣнія Павелъ присовокупляетъ только: *возбраненъ быхъ доселѣ*. Вотъ мѣ-

ра рабскаго послушанія, и примѣръ глубокой признательности! Сказываетъ только, что были ему препятствія; а какія, не говоритъ. Потому что не изслѣдуютъ велѣній Владыки, а только повинуются; хотя естественно было затрудниться, почему Богъ столь знаменитому и обширному городу, на который обращены были взоры цѣлой вселенной, препятствовалъ такъ долго пользоваться такимъ учителемъ. Овладѣвши главнымъ городомъ, легче нападать на прочіе; а, миновавъ столицу, покорять подвластные ей города, значитъ нерадѣть о главнѣйшемъ. Впрочемъ Апостолъ не разсуждаетъ ни о чемъ подобномъ, а предается непостижимому Промыслу, обнаруживая тѣмъ благонастроенность души своей, и научая всѣхъ насъ ни мало недопытываться отъ Бога о причинахъ дѣлъ Его, хотя бы оныя, повидимому, смущали многихъ. Ибо господинъ долженъ повелѣвать, а рабъ долженъ повиноваться. Посему Павелъ хотя сказываетъ, что были ему препятствія, но не говоритъ, какія. Я самъ не знаю, разсуждалъ онъ, и ты не спрашивай о намѣреніи и волѣ Божіей. *Еда речетъ зданіе создавшему е, почто мя сотворилъ еси тако?* (Рим. 9, 20).—И скажи мнѣ, для чего старается ты узнать? Развѣ не знаешь, что Богъ о всемъ печется? Что Онъ премудръ? Что ничего не дѣлаетъ безъ цѣли и напрасно? Что любитъ тебя больше родителей и несравненно превосходитъ отца любовію и мать сердоболіемъ? Итакъ не спрашивай больше, не простирайся далѣе; и сего довольно для твоего успокоенія. Судьба Римлянъ доселѣ устроялась премудро. Если не знаешь, какими способами, не безпокойся. Тѣмъ больше докажешь вѣру, когда, не зная способовъ домостроительства Божія, признаешь однако пути Промысла.—Итакъ Павелъ достигъ того, о чемъ заботился. Чего же именно? Доказалъ, что не по нерадѣнію о Римлянахъ не приходилъ къ нимъ, но что были

ему препятствія, какъ ни сильно желалъ придти. Отклонивъ же отъ себя нареканіе въ безпечности и увѣривъ, что не менѣе ихъ желаетъ свиданія съ ними, приводитъ новыя доказательства любви своей. При всѣхъ препятствіяхъ, говоритъ онъ, я не переставалъ домогаться; и хотя при всѣхъ домогательствахъ непрестанно встрѣчалъ препятствія, однакожь никакъ не оставилъ своего намѣренія; хотя волѣ Божіей не противоборствую, но и любовь храню. Тѣмъ, что располагался придти и не оставлялъ своего намѣренія, доказалъ Апостолъ усердіе къ Римлянамъ; а тѣмъ, что былъ удерживаемъ и не противился, обнаружилъ всю любовь свою къ Богу.“

Да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцѣхъ. Эти слова надо ставить впереди—*возбраненъ быхъ*, послѣ — *множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ* (Экум.). Они показываютъ, что побуждало Апостола порываться къ нимъ. „Хотя выше представлялъ уже причину своего желанія и показалъ, сколько оное прилично Апостолу (*да нѣкое подамъ дарованіе духовное)*; впрочемъ и здѣсь приводитъ причину того вновь, дабы въ нихъ никакого не осталось подозрѣнія. Такъ какъ Римъ былъ славный, единственный на сушѣ и морѣ городъ, и одно любопытство посмотрѣть его завлекало многихъ къ путешествію; то Павелъ непрестанно повторяетъ причину своего желанія, дабы и о немъ не заключили подобнаго, и не стали подозрѣвать, что хочетъ побывать въ Римѣ единственно въ намѣреніи прославиться своимъ общеніемъ съ Римлянами“ (Св. Злат.).

Да нѣкій плодъ имѣю въ васъ—говоритъ Апостолъ примѣнительно къ притчѣ о талантахъ. Благодать апостольства есть, какъ талантъ. Пустить въ обращеніе сей талантъ и пріобрѣтать на него прибыль значитъ посѣвать вѣру въ сердцахъ невѣдающихъ Бога, научать ихъ

благонравію, освящать благодатію,—словомъ содѣлывать людей спасающимися. Чѣмъ больше кто приводитъ людей на путь спасенія, тѣмъ болѣе талантъ его приноситъ прибыли, или плода. Всѣ Апостолы на то и избраны, чтобъ это именно плодоприносить, какъ говоритъ Господь: *Азъ избрахъ васъ и положихъ, да вы идете и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ* (Ін. 15, 16). Апостолъ Павелъ во многихъ мѣстахъ уже принесъ свой плодъ Господу; но такой-же плодъ желаетъ онъ принесть и въ средѣ Римлянъ. Тамъ, хотя вѣра уже насаждена была, но было еще надъ чѣмъ потрудиться и въ самихъ вѣрующихъ, а тѣмъ паче надъ не увѣровавшими еще. Для принесенія такого плода апостольства онъ и порывается въ Римъ. Само собою очевидно, что мысль здѣсь таже, что и въ словахъ: *да нѣкое подамъ дарованіе духовное*. Кто раздаетъ порученное ему, тотъ приноситъ достойный плодъ тому, кто поручилъ ему это дѣлать.

Св. Златоустъ съ особенною силою раскрываетъ при семъ нравственную сторону словъ: *якоже и въ прочихъ языцѣхъ*. „Властелиновъ поставилъ Апостолъ наравнѣ съ подвластными; несмотря на тысячи трофеевъ, на побѣды, на знаменитость государственныхъ сановниковъ, помѣстилъ Римлянъ на ряду съ варварами. И весьма справедливо. Ибо гдѣ благородство вѣры, тамъ нѣтъ ни варвара, ни еллина, ни чужеземца, ни гражданина, но всѣ стоятъ на одной степени чести.—Не подумайте, говоритъ онъ, что такъ какъ вы богаты и имѣете у себя больше всякаго, то о другихъ прилагаю я меньше старанія. Мы ищемъ не богатыхъ, а вѣрныхъ.—Проповѣдь предлагается для всѣхъ вообще, безъ наблюденія и различія чиновъ, и преимущества народовъ и тому подобнаго. Она требуетъ одной вѣры, а не умствованій. Тѣмъ особенно и достойна удивленія, что не только полезна

и спасительна, но легка, удобна, для всѣхъ вразумительна. Въ семъ особенно заключается дѣйствіе Промысла Божія; потому что Богъ дары Свои предлагаетъ всѣмъ безъ различія. Какъ распорядился Онъ солнцемъ, луною, сушею, моремъ, и тому подобнымъ, не далъ большой доли богатымъ и мудрымъ, а меньшей бѣднымъ, напротивъ всѣмъ дозволилъ пользоваться въ равной мѣрѣ; такъ распорядился и съ проповѣдію, и еще гораздо болѣе, поколику проповѣдь нужнѣе всего исчисленнаго выше".

вв).

Ст. 14. *Еллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь.*

Округливъ свое желаніе повидѣть Римлянъ указаніемъ и его напряженія, и цѣли, и препятствій. теперь выставляетъ главное ему основаніе въ сознаніи долга всѣмъ проповѣдать: *долженъ есмь.* Я приставникъ, говоритъ, мое дѣло раздавать всѣмъ въ свое время житомѣріе. Господу угодно было облечь меня въ чинъ апостольства и снабдить благодатями его съ тѣмъ, чтобы я передавалъ то людямъ. Въ семъ передаваніи—моя жизнь; въ задержаніи—смерть. Я и стремлюсь всѣмъ передавать, потому что это мой неотложный долгъ. „Говоритъ сіе Апостолъ, объясняя Римлянамъ, что не милость какую оказываетъ имъ, но исполняетъ повелѣніе Господа, научая воздавать благодареніе Богу всяческихъ" (Св. Злат.).

Подъ *еллинами* разумѣетъ онъ образованныхъ; равно какъ и подъ *мудрими.* А подъ *варварами* разумѣетъ необразованныхъ, равно какъ и подъ *неразумными.* Этимъ хочетъ онъ сказать, что долженъ есть всѣмъ безъ различія, и народамъ и частнымъ лицамъ. Всякій можетъ требовать отъ него ученія, какъ долга; и онъ сознаетъ, что обязанъ воздать ему сей долгъ. „Поставленъ я учителемъ всѣхъ народовъ. Поэтому обязанъ всѣмъ воздать

долгъ ученія, не еллинамъ только, но и варварамъ. Для сего благодать Духа даровала намъ и разные языки, и надлежитъ уплачивать долгъ сей и высокодумающимъ о своей образованности, и непосвященнымъ въ словесныя науки. Ибо мудрыми называетъ величающихся искусствомъ въ словѣ, а неразумными тѣхъ, которыхъ таковыми именуютъ за необразованность такъ называемые у нихъ мудрецы" (Θеод.).

Ст. 15. *Тако есть еже по моему усердію и вамъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити.*

Вотъ откуда, говоритъ, мое усердное желаніе быть у васъ,—изъ сознанія долга. Когда фонтанъ въ дѣйствіи, вода бьетъ изъ него не останавливаясь. Такъ и сознаніе долга моего проповѣдывать въ непрестанномъ находится дѣйствіи и, приводя въ движеніе сердце, возжигаетъ въ немъ усердіе взыскивать тѣхъ, кои желали бы слушать слово. Итакъ что касается до меня, то у меня всегда кипитъ сердце усердіемъ благовѣствовать. *Еже по моему усердію* (τὸ κατ' ἐμὲ πρόθυμον),—что до меня, то у меня всегда присуща готовность благовѣствовать, готовность жаждущая благовѣстія и стремящаяся къ тому. Какъ ко всѣмъ, такъ и къ вамъ. Въ этомъ не сомнѣвайтесь. А на соприкосновенности благовѣстія, на труды путные, на опасности отъ невѣровъ, на сопротивленія неблагонамѣренныхъ, на всегдашнія смерти Апостолъ и вниманія не обращалъ. Мое дѣло, говоритъ, благовѣствовать, лишь только найду и встрѣчу слушающихъ; а что съ этимъ сопряжено, то все устроитъ Богъ во благое. „Подлинно благородная душа, предпріемлющая дѣло исполненное столькихъ опасностей, предпріемлющая путешествіе моремъ, подвергающаяся искушеніямъ, навѣтамъ, нападеніямъ! Ибо, намѣреваясь проповѣдывать въ такомъ городѣ, гдѣ владычествовало нечестіе, естественно было ожидать бури искушеній. Но ожиданіе

такихъ бѣдствій не охладило его усердія; напротивъ онъ спѣшилъ, мучился отъ нетерпѣнія, сгаралъ желаніемъ“ (Св. Злат.).

гг).

Главный предметъ посланія.

Ст. 16. 17.

Ст. 16. *Не стыждуся бо благовѣствованіемъ Христовымъ: сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему, Іудеови же прежде и Еллину.*

Не стыждуся... „Что ты говоришь, Павелъ? Надлежало сказать: хвалюсь, ставлю себѣ въ честь, превозношусь; но ты не только не говоришь сего, а еще сказываешь нѣчто меньшее, именно, что ты не стыдишься, какъ обыкновенно отзываемся мы о чемъ-нибудь не очень важномъ. Итакъ что значатъ слова Павловы? Почему онъ такъ выражается, хотя благовѣствованіемъ дорожилъ болѣе, чѣмъ небомъ?“ (Св. Злат.).

Впереди сказалъ: и у васъ готовъ благовѣствовать, а теперь прибавляетъ: ибо не стыжусь благовѣствованіемъ. Могутъ быть двѣ мысли: не стыжусь войти съ вами въ сношеніе личное. Есть люди, съ которыми порядочному человѣку дѣло вести стыдно. Апостолъ говоритъ какъ бы: будьте вы столько низки по положенію въ обществѣ, или среди другихъ народовъ, что съ вами общиться было бы стыдно, я и тогда не постыжусь благовѣствовать вамъ. Мой долгъ не лица разбирать, а сѣять слово благовѣстія, лишь бы открыты были уши для слышанія, чьи бы они ни были. Другая мысль: не стыжусь явиться къ вамъ съ такимъ благовѣстіемъ. Вы такъ высоки, а слово благовѣстія такъ просто и такъ съ перваго раза представляется не сообразнымъ, что оно будто и не къ лицу вамъ; но я не стыжусь предлагать его. Какъ ни будь высоки слушающіе, я всегда съ дерзно-

веніемъ проповѣдую Христа распята, хотя знаю, что это для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе.

Св. Златоустъ говоритъ: „Римляне были слишкомъ привержены къ мірскому занятію богатствомъ, владычествомъ, побѣдами и самыми царями своими. Много были они надменны; а Павелъ долженъ былъ проповѣдывать Іисуса, мнимаго плотникова сына который былъ воспитанъ въ Іудеѣ, въ домѣ незнатной женщины, не имѣлъ при себѣ оруженосцевъ, не нажилъ денегъ, а напротивъ умеръ съ злодѣями, какъ преступникъ, и претерпѣлъ множество разныхъ поруганій. И всего этого естественно было стыдиться Римлянамъ, которые не знали неизреченныхъ и великихъ таинъ. Посему Апостолъ говоритъ: *не стыждуся*, научая между прочимъ и ихъ не стыдиться. Ибо зналъ, что успѣвши въ семъ, прострутся вскорѣ на большее и будутъ хвалиться. Посему и ты, услышавъ вопросъ: ужели покланяешься Распятому? не стыдись, не потупляй очей, но хвались и величайся, съ смѣлымъ взоромъ, съ поднятымъ вверхъ челомъ подтверди свое исповѣданіе. И если спросятъ: такъ ты Распятому покланяешься? опять отвѣчай: но не прелюбодѣю, не отцеубійцѣ, не дѣтоубійцѣ, каковы всѣ языческіе боги; а напротивъ крестомъ побѣдившему демоновъ, и уничтожившему тысячи ихъ чародѣйствъ. Ибо крестъ для насъ есть дѣло неизреченнаго человѣколюбія, знакъ великаго попеченія.—Сверхъ того, поелику слявящіеся витійствомъ и напитанные мірскою мудростію надмѣваются; то я, говоритъ о себѣ Павелъ, навсегда отказавшись отъ такихъ умствованій, иду проповѣдывать крестъ,—и не стыжуся того.“

Сила бо Божія есть во спасеніе. Вотъ почему *не стыджуся!*—Какъ стыдиться предъ больными тому, кто приноситъ имъ цѣлительное врачевство? Или предъ заключенными въ узы тому, кто приходитъ помочь имъ раз-

бить сіи узы? Благовѣстіе не слово только, но и сила. Надлежитъ разумѣть здѣсь подъ нимъ не одну совокупность явленныхъ во Христѣ Іисусѣ таинъ, или богооткровенныхъ новозавѣтныхъ истинъ; но все домостроительство спасенія человѣческаго во Христѣ Іисусѣ. Съ нимъ всюду приходили Апостолы и въ него вводили вѣрующихъ. Они всѣмъ говорили: мы безотвѣтно грѣшны предъ Богомъ; и нѣтъ намъ спасенія. Ждетъ насъ судъ неумытный и по суду кара. Но Богъ сжалился надъ нами и послалъ Сына Своего Единороднаго, Который воплотился и пострадалъ за насъ, снялъ съ насъ вину; по воскресеніи же, вознесшись на небо и сѣдши одесную Отца, Духа Святаго ниспослалъ отъ Отца, Который всѣхъ вѣрующихъ въ Сына обновляетъ, и дѣлаетъ сильными всякую благую волю Божію исполнять и Ему благоугождать, чтобы, потрудившись здѣсь, сподобиться пріятія туда, гдѣ и Сынъ Божій воплотившійся. Вотъ вамъ путь спасенія!—Внимавшіе воодушевлялись надеждою, и приходили въ нравственное напряженіе и готовность на все. Но еслибы благовѣстіе тѣмъ и ограничивалось, то сила сія нравственная скоро бы испарялась, и жизнь каждаго опять принимала бы прежній не богоугодный видъ. Потому тѣхъ, кои вѣровали и такъ воодушевлялись, оно приводило къ таинствамъ и въ нихъ обновляло и исполняло благодатными силами. Послѣ таинствъ вѣрующій не воодушевленіе только имѣлъ, но исполнялся чувствомъ силы, которое, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, переходило въ дерзновеніе, ничѣмъ не сокрушимое. Это всякій испытывалъ; но уже по вѣрѣ и принятіи благодати въ таинствахъ. И всѣ вѣрующіе были свидѣтели того, что благовѣстіе, — домостроительство спасенія, вѣра Христова, — точно есть сила во спасеніе.—На первый разъ какая сила: вѣруй въ Распятаго, и спасешься? Но потомъ она тотчасъ открывалась и

была ощущаема,—только увѣруй и прими таинства. Униженіе Христово, мракомъ непроницаемымъ покрывая силу домостроительства, цѣлою бездною раздѣляло слышащихъ благовѣстіе отъ Христа Господа. Вѣра разсѣевала мракъ и переводила чрезъ сію бездну. Но какъ зараждалась и зараждается вѣра, сіе есть тайна Божія. Господь сказалъ, что никто къ Нему не придетъ, если Отецъ небесный не привлечетъ его. Это какъ тогда, такъ и теперь, среди не носящихъ и носящихъ имя Христово: ибо и изъ христіанъ не всѣ христіане.—Итакъ кто миновалъ эту первую преграду, для того тотчасъ раскрывалась сила благовѣстія; а на первый разъ оно являлось уничиженнымъ. Горчичное зерно мало и холодно; но кто раскуситъ его и разжуетъ, тотчасъ ощутитъ, какъ велика сила его жженія. Подобнымъ сему сравненіемъ и бл. Ѳеодоритъ объясняетъ тайну силы благовѣстія. Онъ пишетъ: „Взираю, говоритъ Апостолъ, не на кажущееся безчестіе, но на происходящее отъ сего благодѣяніе. Ибо увѣровавшіе пожинаютъ въ немъ спасеніе. Такъ и во многомъ чувственномъ собственная сила его бываетъ сокровенна. Ибо перецъ имѣетъ холодную наружность, и для незнающихъ не показываетъ ни малаго признака своего горячительнаго свойства. Но кто разжуетъ зубами, тотъ ощущаетъ его, подобную огню, воспаляющую силу. Потому врачи называютъ въ возможности только горячительнымъ то, что не таково по видимости, но можетъ таковымъ оказаться. Такъ и пшеничное зерно можетъ быть корнемъ, соломою, колосомъ, но не кажется таковымъ, пока не посѣяно въ бразды земли. Посему божественный Апостолъ справедливо спасительную проповѣдь нарекъ силою Божіею, такъ какъ сила ея однимъ вѣрующимъ открыта и даруетъ спасеніе.“ — И св. Златоустъ говоритъ: „какъ благовѣстіе сила Божія есть? - Выслушай слѣдующее: *всякому вѣрую-*

щему. Не просто всѣмъ, но пріемлющимъ. Хотя ты Еллинъ, хотя погруженъ во всѣ пороки, хотя Скиѳъ, хотя варваръ, хотя настоящій звѣрь, лишенъ всякаго знанія, обремененъ тысячами грѣховъ; но коль скоро принялъ слово крестное и крестился, ты загладилъ все.“

Благовѣстіе есть сила во спасеніе всякому вѣрующему, но, говоритъ Апостолъ, *Іудеови прежде*. Іудеевъ предпоставилъ онъ Еллинамъ, потому что отъ нихъ Христосъ, изъ нихъ Апостолы, они блюли обѣтованія (Ѳеод.). Но въ дѣлѣ спасенія они ничего лишняго не имѣютъ. Ко Христу Господу всѣмъ открытъ доступъ,—и всякій получаетъ отъ Него все, положенное по домостроительству спасенія; плотское происхожденіе не оказываетъ на это никакого вліянія. Если есть мѣра, то она опредѣляется вѣрою. Св. Златоустъ говоритъ: „Почему же говоритъ здѣсь Павелъ: *Іудеови же прежде и Еллину?* Въ чемъ состоитъ сія разность? Самъ часто говорилъ, что обрѣзаніе ничто и необрѣзаніе ничто; какъ же теперь различаетъ, и Іудея ставитъ выше язычника? Что это значитъ? Первый не больше получаетъ благодати потому только, что онъ первый. Тотъ же даръ дается Іудею и язычнику, а слово *прежде* означаетъ только порядокъ. Іудей не больше получаетъ оправданія, а удостоенъ только получить оное прежде. Просвѣщенные всѣ приступаютъ ко крещенію, но не всѣ крещаются въ одно время; впрочемъ хотя одинъ бываетъ первымъ, другой вторымъ; но первый получаетъ не больше втораго, и вторый не больше за нимъ слѣдующаго; напротивъ, всѣмъ подается одно и то же. Итакъ, словомъ *прежде* выражается здѣсь первенство въ порядкѣ рѣчи, а не какое-либо преимущество въ благодати.“

Ст. 17. ***Правда бо Божія въ немъ является отъ вѣры въ вѣру, якоже есть писано: праведный же отъ вѣры живъ будетъ.***

Сказалъ, что благовѣстіе есть сила Божія во спасеніе, но не всякому безъ различія, а только вѣрующему, Іудей ли онъ или язычникъ. Теперь подтверждаетъ то и другое, и то, что благовѣстіе есть сила Божія во спасеніе, и то, что она бываетъ такою силою не иначе какъ чрезъ вѣру. Что оно сила,—сіе подтверждается словами: *правда бо Божія является въ немъ,* а что оно—сила чрезъ вѣру, сіе подтверждается словами: *отъ вѣры въ вѣру,* и послѣдующимъ свидѣтельствомъ пророческимъ. Но того и другаго положенія Апостолъ не раскрываетъ подробно, а только изрекаетъ ихъ. На разъясненіе ихъ у него опредѣлено все посланіе, такъ что справедливо признается, что симъ мѣстомъ указываетъ Апостолъ главный предметъ всего посланія.

Однакожь содержаніе сего мѣста надлежитъ намъ опредѣлительно уяснить, чтобъ видно было, чего ожидать и отъ послѣдующей рѣчи.

Правда Божія является. — Правда Божія — можетъ означать свойство Божіе,—что Богъ праведенъ, всегда и во всемъ праведно дѣйствуетъ; и можетъ означать праведность Божескую — полную и совершенную, отъ Бога человѣку сообщаемую и дѣлающую его праведнымъ и святымъ. Какая здѣсь разумѣется? По ходу рѣчи прямѣе послѣдняя. Ибо словами сими подтверждается сказанное выше, что благовѣстіе есть сила Божія во спасеніе. А это ничѣмъ столько не подтверждается, какъ тѣмъ, что оно пріемлющихъ его съ вѣрою дѣлаетъ праведными и святыми. Св. Златоустъ то дивнымъ, знаменитымъ и славнымъ находитъ въ благовѣстіи, что чрезъ него прелюбодѣй, сластолюбецъ, чародѣй вдругъ не только освобождается отъ наказанія, но и становится праведнымъ.“

Но отъ сего не можемъ не перейти къ мысли и о правдѣ, какъ свойствѣ Божіемъ: ибо Богъ явилъ намъ

такую безпредѣльную милость праведно, благоволивъ, чтобъ Единородный Сынъ Божій, воплотившись, умеръ за насъ и тѣмъ открылъ къ намъ путь всеосвящающему дѣйствію Св. Духа. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Благовѣстіемъ *является правда Божія,* не только намъ подаваемая, но и явственно показуемая въ самой тайнѣ домостроительства. Ибо не властію домостроительствовалъ Богъ наше спасеніе, не повелѣніемъ и не словомъ сокрушилъ державу смерти, но милость срастворилъ и съ правдою. И само единородное Слово Божіе, облекшись въ естество Адамово и сохранивъ оное чистымъ отъ всякаго грѣха, принесло сіе за насъ и, воздавъ долгъ естества, уплатило общую повинность всѣхъ людей.—Сіе божественный Павелъ яснѣе излагаетъ въ послѣдствіи.“

Итакъ св. Апостолъ, сказывая, что благовѣстіе есть сила Божія потому, что въ немъ является правда Божія, даетъ разумѣть, что чрезъ Евангельское домостроительство Богъ дѣлаетъ насъ, благодатію Своею, праведными и святыми по непреложнымъ законамъ правды своей,—или праведно дѣлаетъ насъ праведными и святыми.

Правда Божія является,—явною для всѣхъ дѣлается. Если при словѣ—*правда Божія* будемъ имѣть въ мысли праведность и святость, вѣрующимъ сообщаемую, то *является правда* — будетъ: для всѣхъ явлено бываетъ, какъ неправедные дѣлаются праведными, лишь только повѣрятъ Евангелію и по вѣрѣ примутъ благодать въ таинствахъ. Сердитый становится кроткимъ: отпадаетъ отъ сердца гнѣвливость и онъ становится кроткимъ, какъ агнецъ, такъ что и разсердить его не разсердишь; блудный дѣлается цѣломудреннымъ: отпадаетъ всякая похотливость, такъ что когда товарищи старые тянутъ опять на блудныя дѣла, онъ отвѣчаетъ: я уже теперь не тотъ. Такъ и всякій другой неправедный нравъ отпадаетъ, и

мѣсто ихъ заступаютъ праведныя и святыя расположенія. Въ этомъ видна осязательно сила Божія.

Если при словѣ—*правда Божія* остановимся на мысли о праведности Божіей, или на томъ, что, оставляя намъ грѣхи и дѣлая насъ праведными по домостроительству спасенія, Онъ дѣйствуетъ праведно, то *правда является*—будетъ: чрезъ благовѣстіе открывается, какъ, въ силу домостроительства спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, праведность Божія является во всей своей силѣ. Богъ милуетъ праведно: ибо правда Его удовлетворена смертію Единороднаго Сына Божія. Это тайна, сокрытая отъ вѣкъ и отъ родовъ. И никому бы недомыслиться до нея, еслибы не возвѣстило о ней Евангеліе. Она была сокрыта въ писаніяхъ пророческихъ и въ образахъ подзаконныхъ; на всемъ этомъ лежалъ покровъ. Самые пророки недоумѣвали о многомъ, что являлъ имъ Духъ. Но еще прежде пророковъ совѣтъ о семъ сокровенъ былъ въ Богѣ. Пришествіемъ Господа во плоти покровъ Ветхаго Завѣта снятъ и стало всѣмъ явлено, что тамъ скрывалось; явленъ сталъ и предвѣчный совѣтъ Божій о спасеніи нашемъ. Бл. Өеодоритъ пишетъ: „научаетъ насъ св. Павелъ, что такъ издревле домостроительствовалъ о насъ Богъ и предвозвѣщалъ о семъ чрезъ пророковъ, а прежде пророковъ въ Немъ самомъ сокрытъ былъ совѣтъ о семъ. Ибо сіе говоритъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ: *Тайна сокровенная въ Бозѣ создавшемъ всяческая* (Еф. 3, 9); и еще: *глаголемъ премудрость, въ тайнѣ сокровенную, юже предъустави Богъ прежде вѣкъ въ славу нашу* (1 Кор. 2, 7). Такъ и здѣсь сказалъ Апостолъ: *является правда,* потому что сокрытое прежде дѣлается явнымъ.“

Та и другая правда въ пріемлющихъ благовѣстіе, и съ нимъ усвояющихъ всю силу домостроительства является совокупно. Правда, освященіе и избавленіе, благодатію

Божіею всуществляемыя вѣрующихъ, явны бываютъ не имъ только, но и всѣмъ видящимъ ихъ; такъ что они справедливо могутъ быть названы *свѣтомъ, свѣтящимъ предъ человѣки;* Божественная же правда въ устроеніи сего дивнаго намъ благодѣянія явною дѣлается только въ сознаніи вѣрующихъ, когда, пріявъ благовѣстіе по вѣрѣ мысленной, пріобщаются потомъ благъ его, и ставъ чистыми и святыми, вступаютъ въ вѣру чувства,—осязающую, хотя не постигающую умомъ осязаемаго,—и вводятся въ созерцаніе таинъ Божіихъ сокровенныхъ.

Но въ сихъ дивныхъ дѣйствіяхъ и измѣненіяхъ все условливается вѣрою. Вѣрою пріемлется благовѣстіе, вѣрою усвояется сила домостроительства, вѣры ради освящается естество человѣка и вѣрою вводится онъ въ созерцаніе таинъ Божіихъ. Сіе выражаетъ Апостолъ словами: *отъ вѣры въ вѣру*, и слѣдующимъ затѣмъ изреченіемъ пророческимъ. Нельзя не видѣть, что указаніе на вѣру и было цѣлію Апостола въ семъ мѣстѣ; ибо оставивъ безъ подтвержденія, какъ является правда Божія въ благовѣстіи, подтверждаетъ только, что она является подъ условіемъ вѣры.

Апостолъ сказалъ не просто: отъ вѣры, а: *отъ вѣры въ вѣру,* чтобы показать, что въ Евангельскомъ домостроительствѣ все отъ вѣры: вѣрою начинается, вѣрою продолжается, вѣрою кончается, и по достиженіи конца, на вѣрѣ стоитъ, какъ и пророческое изреченіе подтверждаетъ, что праведный не начинаетъ только жить, но и непрерывно живетъ и жить будетъ отъ вѣры. Можно бы такимъ пониманіемъ изреченія: *отъ вѣры въ вѣру* и ограничиться; но какъ оно представляется нѣсколько особеннымъ, и этою особенностію останавливаетъ на себѣ вниманіе, то наши толковники считали не безполезнымъ уяснить, чего ради сказано: *отъ вѣры въ вѣру.* Общая у нихъ мысль та, что въ дѣлѣ нашего спасенія, по Еван-

гелію устрояемаго, все условливается вѣрою, но вѣрою не на одной степени стоящею, а восходящею все выше и выше, по мѣрѣ, конечно, дѣятельнаго углубленія всякаго въ содѣваніе своего спасенія. Сію общую мысль выражаетъ бл. Ѳеофилактъ: „потому такъ сказано у Апостола, что вѣра должна возрастать въ большую и большую вѣру; ибо недостаточно того, чтобы сначала увѣровать, но мы должны восходить отъ первоначальной вѣры въ вѣру совершеннѣйшую, т.-е. въ состояніе непоколебимое и твердое, какъ и Апостолы сказали Господу: *умножь намъ вѣру* (Лк. 17, 5)“.

Какія же восхожденія по степенямъ или измѣненія на высшую и высшую должна проходить вѣра? Экуменій пишетъ: „*правда Божія*, говоритъ Апостолъ, *является* въ благовѣстіи, т.-е. полная добродѣтельность чрезъ Евангеліе приходитъ въ совершенство; ибо правдою часто называется добродѣтельность. Какъ же является и въ комъ? Въ тѣхъ, кои съ вѣрою приступаютъ къ благовѣстію. Благовѣстіе всѣмъ проповѣдуетъ добродѣтель и всѣхъ убѣждаетъ ятися за нее; но красоту добродѣтели открываетъ и любителями ея дѣлаетъ только тѣхъ, которые съ вѣрою приступаютъ къ нему. Что же?—Престаетъ вѣра, когда справится добродѣтель? Никакъ, но восходитъ на совершеннѣйшую и высшую степень. Первая вѣра была нѣкое сокрушеніе и готовность души (престать отъ грѣха и приступить къ добродѣтели). Вѣра же, дѣланіемъ добродѣтелей возращаемая, усовершенствовавшаяся, есть убѣжденіе (вкушеніе истины чувствомъ) непоколебимое и непреложное. Та подобна сѣянію, а эта, въ дѣланіи добродѣтелей дѣйствующая, есть плодоприношеніе. Та же, которая чрезъ нихъ восходитъ къ совершенству, есть блаженное упокоеніе и почитіе (отъ трудовъ). Вотъ какъ правда Божія въ благовѣстіи является отъ вѣры въ вѣру. Божіею же правдою называетъ

Апостолъ добродѣтель потому, что она есть нѣчто божественное и что всякое добро отъ Бога есть".

„Можно и такимъ образомъ это понимать: правда Божія является въ благовѣстіи тѣмъ, что Богъ, взявъ начальную нашу вѣру, какъ сѣмя, возращаетъ ее и укореняетъ, и насъ совершенствуетъ въ сей самой вѣрѣ. Это поистинѣ будетъ Божія правда, когда Богъ, взявъ только начало и поводъ въ нашемъ произволеніи (вѣровать), прочее все совершаетъ уже Самъ. Такъ какъ св. Павелъ сказалъ выше, что благовѣстіе есть сила Божія во спасеніе, то чтобъ не возразилъ кто, какъ можно сему повѣрить слыша о страданіяхъ, о крестѣ и смерти? онъ прибавилъ къ тому: *правда Божія въ немъ является*,—какъ бы такъ говоря: не останавливайся на такихъ предлогахъ; ибо какъ только явишь ты произволеніе (вѣровать), удивишься Божію о тебѣ попеченію и благоволенію Его къ тебѣ; потому что, взявъ твою, въ произволеніи лишь, вѣру, Онъ возраститъ ее въ тебѣ,—претворивъ ее въ вѣру, въ чувствѣ сердца укорененную, твердую и непоколебимую. Потомъ чтобы не подумалъ ты, что тутъ говорится нѣчто новое и неслыханное, Апостолъ приводитъ свидѣтельство пророка. То же самое, говоритъ, и древній пророкъ Аввакумъ утверждаетъ, когда говоритъ, что жизнь праведнаго объемлется вѣрою, которая зачинаясь вѣрою, въ произволеніи зараждающеюся, восходитъ потомъ къ вѣрѣ по воздѣйствію Божію на сердце и сокровеннымъ его удостовѣреніямъ" (Экум. же).

Святый Исаакъ Сиріанинъ въ своихъ писаніяхъ указываетъ на разныя степени вѣры такъ: Вѣра въ Бога естественно насаждена въ духѣ нашемъ, равно какъ и вѣдѣніе добра и зла въ совѣсти. Вѣра сія пробуждаясь раждаетъ страхъ; сей страхъ оживляетъ совѣсть и раждаетъ покаяніе. Все сіе вмѣстѣ понуждаетъ желать и искать Спасителя и спасенія въ Немъ. Услышавъ благо-

вѣстіе, таковый охотно приступаетъ къ нему вѣрою. Сія начальная вѣра есть только вѣра отъ слуха. Когда вступитъ онъ въ область Евангельскаго устроенія жизни, тогда опытно вкуситъ благъ Евангелія и вѣра его преобразится въ вѣру чувства. Но и эта вѣра есть только вѣра въ таинства Божіи,—въ догматы. Вѣра окончательная есть увѣренность въ Богѣ и почитіе въ Немъ. Такъ неизбѣжно восхожденіе отъ вѣры въ вѣру. Что однакожъ есть вмѣстѣ явленіе правды Божіей, или силы Его дѣйствующей во спасеніе наше въ Евангельскихъ порядкахъ.

Экуменій приводитъ и другія мнѣнія о смыслѣ словъ: *отъ вѣры въ вѣру*. „Это значитъ и то, что дѣло жизни святой и праведной какъ начинается вѣрою, такъ должно характеризоваться вѣрою и стоять на ней. Вступивъ въ Евангельскіе порядки, не должно пытливо изслѣдовать всего усматриваемаго въ нихъ, но все принимать вѣрою. Или такъ: должно вѣровать пророкамъ и въ нихъ почерпать руководство къ вѣрѣ Евангельской. Иначе еще: вѣрующій Христу Господу и благодать крещенія пріявшій чрезъ сіе руководится къ тому, чтобъ вѣровать несомнѣнно будущимъ благамъ,—воскресенію мертвыхъ, жизни вѣчной и царству небесному. Ибо вѣровать должно, что Богъ явился на землѣ во плоти,—что есть начало,—и что наслѣдіемъ вѣрующихъ будетъ царство небесное,—что есть конецъ вѣры. (Послѣднія два мнѣнія слово въ слово взяты у бл. Ѳеодорита). Или такъ: *отъ вѣры въ вѣру*—для Іудея, отъ вѣры подзаконной въ вѣру Іисусъ Христову, а для Эллина отъ вѣры естественной въ ту же Іисусъ-Христову вѣру“ (Мнѣніе Акакія).

Всѣ эти пониманія не чужды назиданія для того, кто ищетъ его. Но всѣ же они сводятся къ тому, чтобъ внушить, что въ дѣлѣ спасенія все отъ вѣры,—что̀, можно полагать, и Апостолъ имѣлъ въ виду внушить. Ибо при-

водя вслѣдъ за симъ свидѣтельство пророческое въ подтвержденіе выраженной имъ мысли, привелъ такое, въ коемъ говорится просто о вѣрѣ: *якоже есть писано: праведный отъ вѣры живъ будетъ* (Авв. 2, 4). Онъ какъ бы говоритъ: благовѣстіе есть сила Божія во спасеніе, но вѣрующему; чрезъ него является во всякомъ правда Божія, или всякій дѣлается праведнымъ, но отъ вѣры въ вѣру. Итакъ вѣруй и вѣруй. Кто вѣруетъ, живъ будетъ жизнію святою и праведною; а невѣрующій остается въ области смерти, грѣхомъ всѣхъ мертвящей и губящей (слова Господа. Ін. 6, 8; 3, 15—18). Жизнь истинная есть жизнь праведная; но праведный можетъ праведно жить только вѣрою. Безъ вѣры нѣтъ истинной праведной жизни, нѣтъ и спасенія. Это подтверждаетъ и Пророкъ, когда говоритъ: *праведный отъ вѣры живъ будетъ.*

Слова Пророка не требуютъ особаго разъясненія; они ясны сами собою. Приложимъ только слѣдующее наведеніе.—Дѣла правды человѣкъ и самъ собою можетъ творить—не обижать, не присвоять чужаго, быть воздержнымъ, помогать нуждающимся, и во всемъ поведеніи своемъ можетъ являться правымъ и досточестнымъ. Но при всей своей праведности, пока одинъ пребываетъ, онъ похожъ на истуканъ исправно выдѣланный, но бездушный. Душу вдыхаетъ въ него вѣра тѣмъ, что привлекаетъ благодать, оживляющую всякаго, истинно-праведнаго. Предшествующая сему праведность, если она и бываетъ, бываетъ только подготовкою къ принятію благодати чрезъ вѣру, дѣлаетъ сосудомъ способнымъ пріять благодатное оживленіе, а не заканчиваетъ всего дѣла. Возьмите Іудея, въ совершенствѣ ходящаго по закону своему: его надлежитъ счесть праведнымъ. Возьмите язычника исправно живущаго по началамъ правды, написаннымъ въ сердцѣ его,—и онъ будетъ праведенъ. Но ни того, ни другаго не слѣдуетъ считать оживлен-

нымъ истинною жизнію. Сія жизнь явится въ нихъ, когда они сподобятся оживленія божественною благодатію по вѣрѣ въ Господа Спасителя. Очевиднѣйшее свидѣтельство сему представляетъ Корнилій сотникъ. Онъ былъ праведенъ, но истинно-живымъ сталъ, когда снишелъ на него Духъ Святый.

Св. Златоустъ сопровождаетъ слова Пророка такимъ наведеніемъ: „Пусть еретики услышатъ сей духовный гласъ! Умствованіе, подобно лабиринту и грифамъ, нигдѣ не имѣетъ конца, не даетъ мыслямъ установиться на камнѣ и ведетъ начало отъ самохвальства. Тѣ, которые стыдятся допустить вѣру, не знаютъ небеснаго и кружатся въ вихрѣ безчисленныхъ умствованій. Жалкій бѣднякъ, стоющій того, чтобъ непрестанно о тебѣ плакать!—Неприлично тебѣ спорить и безвременно любопытствовать. И что говорить о членахъ вѣры? Отъ самыхъ пороковъ настоящей жизни освобождаемся мы не иначе, какъ чрезъ вѣру. Вѣрою просіяли доселѣ жившіе: Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ. Вѣрою спаслася блудница (Раавъ. Евр. 11, 31). Не стала она разсуждать, какъ возмогутъ сіи плѣнники, бѣглецы, бродяги одолѣть городъ, защищенный стѣнами и башнями. Еслибъ такъ разсуждала, то погубила бы и себя и ихъ, какъ и дѣйствительно погибли предшественники спасенныхъ Раавою. Ибо тѣ, увидѣвъ людей великорослыхъ и сильныхъ, стали изыскивать средства, какъ побѣдить ихъ, и всѣ погибли безъ войны и сраженія. Видишь ли, какова бездна невѣрія, и какъ тверда стѣна вѣры! Невѣріе довело до погибели безчисленное множество людей, а вѣра жену блудницу не только спасла, но и содѣлала покровительницею народа Израильскаго. Зная сей и другіе многіе примѣры, не будемъ никогда доискиваться причины дѣлъ Божіихъ; но безъ изслѣдованія и излишней пытливости станемъ принимать повелѣнія Божіи,

хотя бы оныя казались несообразными съ человѣческимъ разумомъ. Ибо, скажи, что кажется несообразнѣе, какъ отцу самому умертвить единороднаго и возлюбленнаго сына? Однакоже праведникъ, получивъ такое приказаніе, не сталъ разсуждать о томъ, а принялъ повелѣніе единственно по достоинству повелѣвающаго и повиновался. Но другой, получивъ отъ Бога повелѣніе бить пророка, задумался надъ симъ дѣломъ, и не послушался просто. За сіе наказанъ онъ смертію, а бившій угодилъ Богу (3 Цар. 20, 35). И Саулъ, противъ воли Божіей спасшій жизнь людямъ, низложенъ съ престола, и подвергся строгой казни. Не трудно найти и другіе многіе примѣры, которые согласно научаютъ насъ никогда не изыскивать причины повелѣній Божіихъ, а въ простотѣ повиноваться имъ ни противясь. Если же опасно углубляться въ то, что повелѣно, и любопытныхъ ожидаетъ крайнее наказаніе, то какое извиненіе будутъ имѣть тѣ, которые судятъ о предметахъ непостижимыхъ и страшныхъ, напримѣръ, какъ Отецъ родилъ Сына? Какая Его сущность? (какъ Онъ воплотился, и смертію Своею спасъ родъ нашъ?). Итакъ, зная сіе, со всѣмъ благорасположеніемъ примемъ матерь всѣхъ благъ—вѣру, дабы намъ, какъ плывущимъ въ безмятежную пристань, соблюсти правильное ученіе, и со всею безопасностію направляя жизнь свою, получить вѣчныя блага.“

Установивъ такимъ образомъ вниманіе Римлянъ, а съ ними и всѣхъ насъ, на вѣрѣ, Апостолъ далѣе разъясняетъ и подробно излагаетъ существо ея, со всѣми къ тому соприкосновенностями, что и составляетъ вѣроучительную часть посланія.

ВѢРОУЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

О спасеніи въ Господѣ Іисусѣ Христѣ.

1, 18—11, 36.

Въ вѣроучительной части святый Павелъ

I. Указываетъ, что помимо вѣры въ Господа Іисуса Христа нѣтъ спасенія. 1, 18—3, 30.

II. Убѣждаетъ, привлекаетъ и склоняетъ къ ней. 3, 31—5, 21.

III. Излагаетъ главнѣйшее для вѣрующихъ обязательство вѣры—быть святыми. 6—7, 6.

IV. Изображаетъ благотворность ея для падшаго естества нашего и для всей твари съ утѣшительнымъ показаніемъ, сколь прочны основанія упованія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. 7, 7—8, 39.

V. И заключаетъ пространнымъ разъясненіемъ вопроса о невѣріи Іудеевъ,—гл. 9—11.

I.

Помимо вѣры въ Господа Іисуса Христа нѣтъ спасенія.

1, 18—3, 30.

Это изъясняетъ Апостолъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: а) положенъ судъ на всѣхъ, содержащихъ истину въ неправдѣ, 1, 18. Но б) въ этомъ виновны аа) какъ язычники 1, 19—2, 16—такъ бб) Іудеи 2, 17—3, 20.

Потому нѣтъ имъ обоимъ спасенія: судъ и осужденіе праведно падаютъ на главу тѣхъ и другихъ. И гибнуть бы имъ, но человѣколюбивый Богъ сжалился надъ ними и устроилъ имъ в) особый дивный образъ спасенія въ Сынѣ Своемъ, воплотившемся и умершемъ на крестѣ, и Своею смертію омывшемъ грѣхи всѣхъ,—3, 21—30. Итакъ, инаго спасенія нѣтъ, какъ ятися за вѣру въ Господа Іисуса Христа.

а).

Судъ Божій непреложенъ на всѣхъ, содержащихъ истину въ неправдѣ.

Ст. 18. *Открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ.*

Положеніе сіе св. Апостолъ не доказываетъ, а только выставляетъ на видъ. Истину его всякій сознаетъ по свидѣтельству совѣсти. Согрѣшилъ ли, жди должнаго воздаянія. Почему и говоритъ: *открывается*... положено неизмѣнно быть суду и воздаянію, и вотъ-вотъ разверзутся небеса и явится Судія всѣхъ. Гнѣвъ Божій означаетъ судъ, осужденіе и наказаніе. Гнѣвомъ назвалъ это Апостолъ человѣкообразно. Къ человѣку гнѣвному не подходи и не говори ему: слушать не станетъ. Такъ и судъ Божій неумолимъ и неизмѣненъ: какъ рѣшено на немъ, такъ и пребудетъ во вѣки. Положена грѣшнику вѣчная мука, не избѣжать ему ея, если не удовлетворитъ правдѣ Божіей. Потому или спѣши снискать примиреніе съ Богомъ, или не ожидай ничего другаго, кромѣ вѣчныхъ мученій. И грозность суда Божія также выражается симъ. Грознымъ изобразилъ его и Самъ Господь Спаситель, умершій для того, чтобъ всѣхъ избавить отъ суда сего. Да онъ и потому уже грозенъ,

что есть судъ. Какой преступникъ не трепещетъ предъ судомъ? Въ школахъ экзамены отъ начальства, всегда благосклоннаго, какимъ страхомъ сопровождаются?! Какъ не быть страху и грозности на судѣ томъ, который рѣшаетъ вѣчную участь?—Апостолъ вмѣсто *открывается* праведный судъ Божій,—и сказалъ: *открывается гнѣвъ Божій съ небесе.* Вотъ-вотъ разверзутся небеса и явится Судія всѣхъ.—*Съ небесе*, говоритъ, чтобъ означить, что въ семъ божественномъ дѣйствіи ничего не будетъ земнаго. На землѣ можно бываетъ еще какъ нибудь покривить вѣсы правды, а тамъ будетъ все проницать и рѣшать неумытная правда Божія.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ угрожаетъ будущимъ наказаніемъ, которое называется гнѣвомъ Божіимъ, не потому что Богъ наказуетъ по страсти, но чтобы именованіемъ симъ устрашить прекословящихъ; и сказалъ, что *гнѣвъ открывается съ небесе*, потому что съ неба явится Богъ и Спаситель нашъ. Ибо сіе изрекъ и самъ Господь: *тогда узрите Сына Человѣческаго, грядущаго на облацѣхъ небесныхъ съ силою и славою многою* (Мѳ. 24, 30)".

Св. Златоустъ, поставляя сіи слова въ соотношеніе съ предыдущими, гдѣ поминалось о Евангеліи, яко силѣ Божіей *во спасеніе всякому вѣрующему*, говоритъ: „замѣть искусство Павла, съ какимъ онъ, начавъ рѣчь краткими увѣщаніями, обращается къ угрозамъ. Сказавъ, что Евангеліе—причина спасенія и жизни, сила Божія, что имъ совершается спасеніе и оправданіе, онъ употребляетъ теперь выраженія, которыя могутъ устрашить даже невнимательныхъ. И какъ, обыкновенно, большая часть людей привлекается къ добродѣтели не столько обѣщаніемъ благъ, сколько страхомъ скорбей, Апостолъ влечетъ ихъ чрезъ то и другое. По сей причинѣ и Богъ не только обѣщаетъ царство, но и угрожаетъ геенною; и пророки, проповѣдуя Іудеямъ, всегда къ обѣтованіямъ

присоединяли угрозы. По той же причинѣ и Павелъ разнообразитъ рѣчь, и не безъ намѣренія предлагаетъ прежде пріятное, а потомъ непріятное; но показываетъ тѣмъ, что первое есть дѣло предваряющей воли Божіей, а послѣднее есть слѣдствіе худой жизни нерадивыхъ. Такъ и пророкъ о благахъ упоминаетъ прежде, говоря: *аще хощете и послушаете, благая земли снѣсте; аще же не хощете, ниже послушаете мене, мечь вы поястъ* (Ис. 1, 19. 20). Въ такомъ же порядкѣ располагаетъ рѣчь свою и св. Павелъ.—*Открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе.* И въ настоящей жизни часто открывается гнѣвъ Божій, и на каждаго въ особенности, и на всѣхъ вообще, чрезъ голодъ, язвы, брани. Что же тогда, на будущемъ судѣ, произойдетъ чрезвычайнаго? То, что наказаніе будетъ большее, общее и другаго рода; то, что нынѣ бываетъ, служитъ къ исправленію, а что случится тогда, будетъ казнь. Въ семъ смыслѣ сказалъ Павелъ (въ другомъ мѣстѣ), что нынѣ мы *наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. 11, 32). Нынѣ многіе во многомъ видятъ не гнѣвъ свыше, но обиду отъ людей, а тогда явно будетъ, что наказаніе отъ Бога:—Судія возсядетъ на страшномъ престолѣ и повелитъ влечь кого въ огонь, кого во тьму внѣшнюю, кого на другія, неизбѣжныя и нестерпимыя казни.—Почему же Апостолъ не сказалъ сего ясно,—что, напримѣръ Сынъ Божій придетъ со тьмами Ангеловъ и потребуетъ отчета у каждаго, а говоритъ: *открывается гнѣвъ Божій?* Потому, что слушатели недавно еще обращены были въ вѣру. И Апостолъ сначала на нихъ дѣйствуетъ тѣмъ, что они сами признавали. Притомъ, мнѣ кажется, говорится сіе язычникамъ; и потому Апостолъ начинаетъ съ общихъ понятій, а послѣ говоритъ о судѣ Христовомъ.“

То общій всему человѣчеству догматъ, въ сердцѣ написанный, что есть Богъ, что Ему должно угождать

исполненіемъ воли Его, и что тѣ, которые не дѣлаютъ сего, виновны предъ Нимъ. Почему всѣ исповѣдуютъ, что судъ Божій лежитъ *на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ.* „Ибо природа научила ихъ тому и другому,—и тому, что Богъ есть Создатель всѣхъ, и тому, что должно бѣгать неправды и любить правду“ (Θеод.). *Нечестіе* означаетъ грѣхи противъ Бога: невѣріе, или неправое вѣрованіе, ложныя вѣры; а *неправда* означаетъ грѣхи противъ ближняго, когда не соблюдаютъ къ нему должныхъ отношеній: любви, мира, справедливости, всякаго вспоможенія. Но и нечестіе есть неправда: ибо что можетъ быть несправедливѣе, какъ не знать Бога, не почитать Его, Создателя своего, какъ должно, и не благодарить Его за жизнь и за все подаемое Имъ въ жизни? И неправда есть нечестіе; ибо Богъ повелѣлъ соблюдать всякую правду къ соестественнику своему, и кто не соблюдаетъ ея, тотъ идетъ противъ Бога, потому истинно есть нечестивецъ.

Когда говоритъ св. Павелъ: *всякое нечестіе,* то „показываетъ, что путей нечестія много, а путь истины одинъ. Ибо зублужденіе есть нѣчто разнообразное, многовидное и смѣшанное, а истина одна“ (Св. Злат.). Этимъ словомъ Онъ подвергаетъ праведному суду Божію всѣ вѣры, измышленныя людьми, противныя здравому познанію о Богѣ. И *неправду* тоже разумѣетъ онъ всякую, т.-е. всякую несогласную съ волею Божіею и святыми заповѣдями Его жизнь. „Ибо неправды бываютъ разныя,— касаются или имѣній, когда въ этомъ обижаетъ кто ближняго, или женъ, когда бросивъ кто свою жену, расторгаетъ чужой бракъ. Иные вмѣсто жены и имѣнія похищаютъ честь ближняго; и это неправда, потому что доброе имя дороже огромнаго богатства“ (Св. Злат.). И не одно нарушеніе заповѣдей въ отно-

шеніи къ ближнему есть неправда, но и всякое неисполненіе того, что долженъ кто дѣлать для ближняго и не дѣлаетъ. И не помочь ближнему, когда видишь и можешь, есть неправда. Этимъ словомъ Апостолъ подвергаетъ суду Божію всякую грѣшную жизнь, въ какихъ бы видахъ ни являлась грѣшность ея.

Что значитъ: *содержащихъ истину въ неправдѣ?*—То, что знаютъ, а не исполняютъ; жизнь не отвѣчаетъ знанію; одно у нихъ въ умѣ и совѣсти, иногда и на словахъ, а другое—въ жизни и дѣлахъ, въ чувствахъ сердца и въ настроеніи воли. Кто знаетъ,—а кто сего не знаетъ?—что должно помнить Бога и благодарить Его, а между тѣмъ не помнитъ и не благодаритъ Его; тотъ содержитъ истину въ неправдѣ. Кто знаетъ,—а кто сего не знаетъ?—что не должно обижать ближняго, и напротивъ всячески благотворить ему, а между тѣмъ не только не благотворитъ, но и обижаетъ; тотъ содержитъ истину въ неправдѣ. Кто знаетъ,—а кто сего не знаетъ?—что не должно развратничать, только ѣсть, пить и веселиться, не помня о смерти, а между тѣмъ такъ живетъ: тотъ содержитъ истину въ неправдѣ.—И сія неправда во сто кратъ увеличивается, когда кто дѣлаетъ неправое въ то самое время, когда умъ и совѣсть претятъ ему и не велятъ того дѣлать. Истину содержащій въ неправдѣ тоже дѣлаетъ, какъ еслибы кто взялъ царскую дочь и отдалъ ее въ блудилище, или бы царскую порфиру драгоцѣнную затопталъ въ грязь. Въ семъ состоитъ хула на Духа Святаго, о которой Господь изрекъ страшное опредѣленіе—непрощенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.

б).

Показалъ св. Павелъ, на кого открывается гнѣвъ Божій съ небесе, показалъ это отвлеченно, изрекая законъ

правды Божіей. Теперь переходитъ къ дѣйствительности и указываетъ, кому придется подпасть подъ сей гнѣвъ. Съ сею цѣлію онъ обозрѣваетъ всѣхъ живущихъ на землѣ по ихъ отношенію къ правдѣ, чтобъ опредѣлительно сказать, что такіе-то содержатъ истину Божію въ неправдѣ, а такіе-то содержатъ ее въ правдѣ; и слѣдовательно тѣ гнѣву подпадутъ, а эти нѣтъ. Какъ тогда весь міръ въ религіозномъ отношеніи справедливо дѣлился на двѣ части—Іудеевъ и язычниковъ; то Апостолъ и испытываетъ тѣхъ и другихъ, какъ они содержатъ истину Божію. Что же находитъ? Находитъ, что ни тѣ, ни другіе не содержатъ истины Божіей въ правдѣ. О язычникахъ и говорить нечего; сами Іудеи свѣтомъ откровенія руководимые не лучше ихъ.—Итакъ слѣдуетъ теперь у Апостола разъясненіе, какъ—

аа).

Язычники содержатъ истину Божію въ неправдѣ.

1, 19—2, 16.

Начинаетъ съ язычниковъ потому, что если они окажутся безотвѣтными, то тѣмъ паче безотвѣтны будутъ Іудеи. Разъясняетъ же онъ сію ихъ безотвѣтность, обличая:

α) Нечестіе ихъ: знали Бога, но не какъ должно относились къ Нему,—19—23.

β) Неправду ихъ: знали какъ жить должно, а жили порочно и развращенно,—24—31.

Объяснивъ это Апостолъ прилагаетъ γ) потомъ наведеніе, насколько они въ слѣдствіе сего безотвѣтны, и сколько праведно будетъ осужденіе ихъ,—вставляя здѣсь и такія мысли, которыя служатъ переходомъ къ обличенію Іудеевъ 2, 1—16.—Итакъ—

а).

Язычники обличаются въ нечестіи.

19—23.

Ст. 19. *Зане разумное Божіе явѣ есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть имъ.*

Приступая къ объясненію, какъ язычники содержатъ истину въ неправдѣ, св. Павелъ встрѣтилъ будто возраженіе: чтобъ обличить кого, что онъ содержитъ истину въ неправдѣ, надо доказать, что онъ зналъ ее, а язычники откуда могли знать истину, когда не имѣли откровенія? Почему и ставитъ на первомъ мѣстѣ утвержденіе, что язычники знали, что нужно было знать о Богѣ и волѣ Его. Это имъ Богъ открылъ своимъ образомъ.—*Разумное Божіе,*—то, что можно знать о Богѣ, что доступно въ Немъ уму человѣческому и постиженію, то *явѣ есть въ нихъ,*—явно среди ихъ, въ ихъ кругу, или —въ нихъ—внутри ихъ, въ сердцахъ ихъ. *Явѣ*—такъ, какъ то, что предъ глазами стоитъ. Когда что предъ глазами находится, то оно неотразимо видится, пока открытъ глазъ. Такъ Богъ неотразимо зрится душею. Глазъ тѣлесный можно закрыть, а душевнаго нельзя закрыть: онъ непрестанно смотритъ. Таково вѣдѣніе души о томъ, что есть Богъ что Онъ все сотворилъ и все содержитъ, и что должно исполнять волю Его, въ совѣсти изрекаемую. „Богъ вѣдѣніе о Себѣ вложилъ въ человѣковъ при самомъ ихъ рожденіи“ (Св. Злат.). Это и значитъ: *Богъ бо явилъ есть имъ.*

Кромѣ того Писаніе удостовѣряетъ, что первоначально въ раю Богъ училъ человѣка разуму; потомъ, по паденіи и изгнаніи изъ рая, неоднократно являлся Самъ и Ангеловъ посылалъ для возвѣщенія ему истиннаго вѣ-

денія. Такъ было до потопа и послѣ потопа до столпотворенія и смѣшенія языковъ. Когда вслѣдствіе сего смѣшенія люди разселились по разнымъ мѣстамъ—всякой языкъ особо, тогда они понесли съ собою все, что было открыто роду человѣческому дотолѣ Богомъ и Ангелами Его. Такимъ образомъ языки знали о Богѣ и вещахъ божественныхъ не только изъ того, что въ душѣ ихъ напечатлѣно, но и изъ того, что Богъ потомъ особо открылъ и что, по преданію, переходило изъ рода въ родъ. Со временемъ источникъ преданія забытъ; и познанія сіи слились съ естественными. Все сіе въ совокупности Апостолъ указываетъ въ словахъ: *Богъ бо явилъ есть имъ.*

Но и это еще не все. Что говоритъ душа о Богѣ, то могло быть не услышано по причинѣ шума хлопотъ и заботъ человѣческихъ. Что шло путемъ преданія отъ лица самого Бога, то могло какъ-нибудь пресѣчься, или покрыться сомнѣніемъ. Почему, чтобы не дѣлалось неявнымъ среди языковъ *разумное Божіе*, Богъ раскрылъ предъ ними книгу природы, которой нельзя не читать, ибо она всегда предъ глазами, и въ которой Онъ преднаписалъ Себя и явилъ взору всѣхъ. „Онъ поставилъ предъ нами Свое твореніе, которое чрезъ одно созерцаніе красоты всего видимаго научало и мудреца и невѣжду, и скиѳа и варвара, возноситься мыслію къ Богу" (Св. Злат.).

Ст. 20. *Невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество, во еже быти имъ безотвѣтнымъ.*

Невидимъ Богъ самъ въ себѣ, но Онъ ясно видится умомъ, при размышленіи о тваряхъ, откуда онѣ, какъ устроились и явились въ такомъ дивномъ порядкѣ. То же подтверждаетъ Пророкъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Пс. 18, 1) (Св. Злат.). „Тварь и совершающееся

въ твари, смѣна годовыхъ временъ, перемѣна въ продолжительности дней, преемство дня и ночи, порожденіе облаковъ, вѣяніе вѣтровъ, плодоносіе растеній и сѣмянъ, и все иное сему подобное, даютъ намъ ясно разумѣть, что Богъ есть Творецъ всего и что Онъ премудро управляетъ кормиломъ твари. Ибо, сотворивъ все по единой благости Своей, никогда сотворенное Имъ не оставляетъ безъ попеченія" (Θеод.).

Въ Богѣ все невидимо—и божеское естество Его, и божественныя свойства Его какъ они есть, не для насъ только, но и для высшихъ духовъ. — Самыя дѣйствія Божіи невидимы. Еслибы былъ ты въ минуту творенія міра и смотрѣлъ, какъ все происходитъ, то видѣлъ бы только, что тварь за тварію являются на сцену бытія, образа же появленія сего не могъ бы видѣть. Пророкъ говоритъ: *рече и быша*. Но это *рече* не слышно для слуха чьего-либо,—это—внутреннее опредѣленіе воли Божіей всемогущей о бытіи твари; тварь и являлась. Явленіе сіе видѣлъ бы ты, а самое опредѣленіе Божіе не видѣлъ бы и не слышалъ. И теперь Богъ, создавшій міръ, держитъ его силою Своею, и онъ стоитъ. Что стоитъ, видимъ, а вседержительная сила Божія невидима для глаза.

Но для глаза все сіе невидимо; для ума же не можетъ быть невидимо, пока онъ не обуялъ. Слѣдъ бытія Своего, Своихъ божественныхъ свойствъ и присносущной силы Своей отпечатлѣлъ Богъ ясно на твореніи Своемъ. Не закрывай только очей ума, и не скашивай ихъ, и будешь видѣть. Какъ на снѣгу оставленный слѣдъ ясно показываетъ, кто проходилъ, человѣкъ или звѣрь; такъ ясно отпечатлѣнъ слѣдъ Божій на твореніи, общій ли сдѣлаешь ему обзоръ, или вникнешь въ каждую тварь особо.

Отдались мысленно отъ нашей солнечной системы, и

смотри, какъ махаютъ вокругъ солнца эти огромныя тѣла, то по-одиночкѣ, то со спутниками бѣгущими вокругъ ихъ; смотри далѣе, какъ само солнце имѣетъ свое движеніе, — не вокругъ ли это своего солнца? и не въ сообществѣ ли со многими подобными себѣ солнцами?— Смотри не имѣетъ ли и это общее ихъ солнце само своего же солнца, вокругъ коего движется въ сонмѣ подобныхъ себѣ солнцевъ? и такъ далѣе,—пока наконецъ досмотришься, если только досмотришься, — до единаго общаго всѣмъ центральнаго солнца. Стань потомъ, обозри все это заразъ, пробѣгши мысленно съ востока на западъ, съ сѣвера на югъ, съ высшей точки до нисшей, и увидишь на этомъ необъятномъ пространствѣ, котораго предѣловъ и мысль опредѣлить не можетъ, хотя они есть, неисчетныя множествомъ тѣла, кои составя хоры движутся въ разнообразныхъ направленіяхъ одни вокругъ другихъ, пресѣкая свои пути, то отвѣсно, то подъ угломъ, идя то рядомъ, то поперекъ, то насупротивъ одно другому, и однакожъ не мѣшая другъ другу и не возмущая взаимно путей а движась въ стройныхъ сочетаніяхъ и соотношеніяхъ. Увидѣвъ все это, можешь ли удержаться, чтобъ не воззвать съ Пророкомъ: *дивна дѣла Твоя, Господи, и душа моя знаетъ зѣло. Исповѣмся Тебѣ, яко удивился еси?* (Пс. 138, 14). — И Ангелы не могли удержаться отъ хвалебныхъ восклицаній Творцу всяческихъ, когда въ первый разъ пущена была въ ходъ эта огромнѣйшая, многосложнѣйшая, премудро устроенная, неподвижно стоящая и живо движущаяся въ себѣ, машина, какъ самъ Богъ засвидѣтельствовалъ о нихъ, говоря у Іова: *егда сотворены быша звѣзды, восхвалиша Мя гласомъ веліимъ вси Ангели Мои* (Іов. 38, 7). Подавляющее впечатлѣніе вынесъ изъ подобнаго созерцанія и св. Пророкъ Давидъ, исповѣдавъ: *Господи Господь нашъ! яко чудно имя Твое по всей земли, яко взятся*

великолѣпіе Твое превыше небесъ.—Яко узрю небеса—дѣла перстъ Твоихъ, луну и звѣзды, яже Ты основалъ еси, что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его? (Пс. 8, 2. 4).

Послѣ этого слабаго начертанія всякій можетъ понять, какимъ образомъ умъ, помышляя о твореніяхъ, не можетъ не узрѣть *присносущной силы Божіей* такъже ясно, какъ ясно видитъ кто тѣлесными глазами вещь, предъ нимъ находящуюся. Первое впечатлѣніе отъ созерцанія міра есть неотразимое сознаніе и исповѣданіе безпредѣльнаго всемогущества Божія, по коему Онъ столь необъятный міръ создалъ единымъ словомъ, и держитъ его единымъ хотѣніемъ Своимъ, и единымъ мановеніемъ воли Своей ведетъ его къ предназначенному концу.

Вникни въ творенія по частямъ и увидишь ясно отпечатлѣнными всюду непостижимую премудрость Божію и благость безпредѣльную, то, что Апостолъ означаетъ словомъ: *Божество.* Прямѣе этимъ означается вся совокупность свойствъ Божества, но изъ нихъ очевиднѣе для насъ премудрость и благость: премудрость въ устроеніи всякаго существа, благость въ окруженіи его всѣмъ потребнымъ для благобытія. И нѣтъ человѣка, который бы этого не видалъ и не исповѣдывалъ. Возьми снѣжинку, возьми цвѣтокъ, возьми крыло насѣкомаго, возьми глазъ — и стань разбирать, какъ все это устроено, и не надивишься премудрости сего устроенія. Посмотри далѣе: былинка травная прикрѣплена къ землѣ и двигаться не можетъ, но она находитъ нужное себѣ корнемъ въ землѣ и листьями въ воздухѣ и живетъ; маленькое насѣкомое на листѣ раждается, на листѣ и умираетъ, но тутъ же оно находитъ и все потребное для своей жизни; животныя раждаются слабыми дѣтенышами, но матерямъ ихъ вложена неотразимая забота о нихъ, не дающая имъ покоя, пока не воспитаютъ дѣтей. Кто окружилъ твари

такою попечительностію? — А о человѣкѣ, какъ много встрѣчаетъ онъ невѣдомо откуда исходящей попечительности о себѣ, что и говорить? - Все сіе и подобное не есть ли ясное зерцало безпредѣльной благости Божіей?

Не сила только Божія и божество видимы въ твореніяхъ Божіихъ, но и присносущіе Божіе, то, что когда все отъ Него, самъ Онъ ни отъ кого. Онъ —основа всего. Безъ Него все виситъ надъ бездною все-поглощающею. Общее сознаніе и чувство непосредственно исповѣдуетъ присносущіе Божіе, что Онъ отъ Себя есть и не быть не можетъ; и умъ разумный, ищущій основанія всему, тогда только успокоивается, когда доходитъ до убѣжденія въ присносущіи Божіемъ. Здравая часть человѣчества всегда почивала и будетъ почивать на этомъ убѣжденіи и вѣрованіи. Только больные умомъ теряютъ его, и на мѣсто его сплетаютъ положенія, несообразности которыхъ и несоизмѣримости съ дѣломъ, для объясненія котораго сплетаются, надивиться нельзя. Но такого рода отступленія отъ общей нормы вѣрованія и религіознаго сознанія никакъ не могутъ колебать той истины, которая выражается сею нормою.

Такъ всюду видимы *невидимая Божія*, „т.-е. Его творчество, промыслъ, правдивый о каждой вещи приговоръ и домостроительство всякаго рода. Потому недостойны извиненія имѣющіе столь строгихъ учителей и не извлекшіе никакой пользы изъ столькихъ уроковъ. Ибо сіе и присовокупилъ Апостолъ: *во еже быти имъ безотвѣтнымъ.* Ибо едва не вопіютъ самыя дѣла, что такіе не имѣютъ никакого оправданія къ освобожденію отъ угрожающихъ имъ золъ“ (Ѳеод.).

Богъ окружилъ людей такимъ множествомъ свидѣтельствъ о Себѣ для того, чтобъ они не могли не познать Его и не разумѣть. Если послѣ сего оказываются люди, не разумѣющіе Его, кто виноватъ? Никто какъ сами

Богъ все сдѣлалъ для сего; не уразумѣли по собственной винѣ, и въ оправданіе себя ничего представить не могутъ. Не та мысль у Апостола въ словахъ: *во еже быти имъ безотвѣтнымъ*, будто Богъ нарочно устроилъ все такъ, чтобъ подвергать людей безотвѣтному осужденію. Напротивъ—та, что Богъ все устроилъ, чтобъ люди не могли не познать и не уразумѣть Его, и тѣмъ избѣгнуть всякаго осужденія. Апостолъ изображаетъ полноту Божія руководства къ познанію Его, такъ что, если кто не познаетъ Его послѣ сего, не можетъ вину того возлагать на Бога: самъ виноватъ и виноватъ безотвѣтно. „Не для сей цѣли (т.-е. чтобъ сдѣлать безотвѣтными) сотворенъ міръ Богомъ, хотя это и случилось. Людямъ предложенъ сей урокъ (боговѣдѣнія отъ твари) не для того, чтобъ лишить ихъ извиненія, но для того, чтобы они познали Бога. Содѣлавшись же неблагодарными, они сами себя лишили всякаго извиненія.—Представь, что тотъ, кому ввѣрена царская казна и поручено издерживать оную для славы царя, истратитъ ее на блудницъ и чародѣевъ, содержа ихъ на царскія деньги,—какъ оскорбитель царскаго величія, понесетъ онъ наказаніе. Такъ и язычники, получившіе вѣдѣніе о Богѣ и славѣ Его, но приписавшіе оную идоламъ, поступили противъ сообщеннаго имъ вѣдѣнія, употребивъ оное не какъ слѣдовало“ (Св. Злат.). Кто потому не сочтетъ ихъ безотвѣтными?

Ст. 21. *Зане разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша, или благодариша, но осуетишася помышленіи своими, и омрачися неразумное ихъ сердце.*

Высказалъ Апостолъ положеніе, что на содержащихъ истину въ неправдѣ опредѣленъ судъ Божій и кара Божія; потомъ объяснилъ, что язычники знали истину; теперь указываетъ, какъ они истину сію содержали въ неправдѣ. Въ немногихъ словахъ (ст. 21—23) очерчи-

ваетъ онъ весь ходъ ниспаденія людей отъ истиннаго боговѣдѣнія и богопочтенія къ идолопоклонству не со внѣшней стороны (исторически), а съ внутренней (психологически). Всѣмъ этимъ онъ установляетъ ту мысль, что идолопоклонство не первоначальная религія, какъ инымъ кажется, а есть плодъ ниспаденія съ высоты истинной религіи, по развращенію сердецъ и умовъ.

Зане,—поелику,—грамматически связывается съ непосредственно предыдущимъ (*безотвѣтны*), а по ходу мысли со всѣмъ, что сказано выше, и особенно съ держаніемъ истины въ неправдѣ, ибо слѣдуетъ указаніе именно того, какъ это сдѣлалось.

Разумѣвше Бога. Что разумѣли? Не только то, что есть Богъ, но и что Онъ есть, что Онъ Творецъ, все содержитъ и о всемъ промышляетъ, что должно покланяться Ему и во всемъ угождать, съ сознаніемъ отвѣтственности предъ Нимъ, и наконецъ, что по смерти будетъ судъ и воздаяніе всѣмъ за всѣ дѣла ихъ добрыя и злыя. Эти истины въ сердцѣ напечатлѣны, и нѣтъ народа, который бы не исповѣдывалъ ихъ. Бл. Өеодоритъ объясняя, что язычники разумѣли о Богѣ, говоритъ: „они, какъ сами свидѣтельствуютъ, познали, что есть Богъ, потому что всегда въ устахъ ихъ сіе достопоклоняемое имя“. Это свидѣтельство язычниковъ о себѣ самихъ св. Златоустъ видитъ въ признаніи ими боговъ. „Признакомъ того, что язычники знали Бога, Апостолъ поставляетъ то самое, что они признавали многихъ боговъ“. А Фотій у Экуменія утверждаетъ, что они знали не только то, что есть Богъ, но и то, „что Онъ есть, что подъ Нимъ разумѣть должно, именно, — что Онъ есть Творецъ и Промыслитель всеблагій, что есть Владыка всяческихъ, и что Его должно почитать.“

Разумѣя такъ Бога, язычники однакожь, *не яко Бога прославиша (Его) или благодариша.* „Не воспользовались

симъ знаніемъ, какъ надлежало“ (Св. Злат.). „Невосхотѣли имѣть о Немъ достойныхъ Его мыслей“ (Θеод.).

Прославлять Бога значить исповѣдывать Его безпредѣльныя совершенства и дивныя Его дѣла и соотвѣтственныя тому питать чувства благоговѣинства, любви, поклоненія, паденія во прахъ предъ Нимъ и преданности Ему. *Благодарить Бога* значитъ,—исповѣдуя, что и наше бытіе и все, что есть въ насъ и всѣ блага, намъ ниспосланныя, равно какъ и видимыя во всѣхъ тваряхъ, суть непосредственный даръ многопопечительной любви Божіей къ намъ и тварямъ, любви, обнимающей не настоящее только наше, но и будущее на нескончаемые вѣки,—питать къ Нему благодарныя чувства, съ готовностію Ему посвящать всю жизнь свою, стараясь всевозможно благоугождать Ему строгимъ исполненіемъ святой воли Его. То и другое выражаетъ религію сердца, какъ ей должно быть, главная черта которой богобоязненность, все направляющая къ богоугожденію и его имѣющая главною и господственною цѣлію.

Первая степень ниспаденія изъ сего состоянія есть богозабвеніе, когда выпадаетъ изъ сознанія пресвѣтлый и предивный ликъ Божества; Богъ забывается,—и помышленіе о Немъ когда-когда вспадаетъ на умъ. Вмѣстѣ съ симъ охлаждаются и религіозныя чувства къ Богу и страхъ Божій испаряется. Богъ превращается въ нѣчто мысленное и перестаетъ заправлять всѣми внутренними движеніями человѣка. Сердце уже не славитъ и не благодаритъ Бога, хотя языкъ читаетъ славословія и благодаренія. Богоугожденіе уже перестаетъ быть главною цѣлію жизни; на мѣсто этого выступаютъ другія цѣли и занимаютъ всего человѣка.—Богъ есть еще, но уже не славится и не благодарится, яко Богъ. Это самое и выразилъ бл. Θеодоритъ словами: „не восхотѣли имѣть

о Немъ достойныхъ Его мыслей",—или хранить должныхъ Ему сердечныхъ чувствъ и расположеній.

Но осуетишася помышленіи своими. Это вторая степень ниспаденія, образующаяся вмѣстѣ съ первою, то какъ слѣдствіе, то какъ причина ея Они взаимнопроизводительны и взаимноподдержательны. Осуеченіе помышленіями надо понимать такъ, какъ оно представлено Соломономъ въ Екклезіастѣ,—какъ преданіе себя заботамъ о благахъ земныхъ, кои не даютъ однакожъ благобытія, а только манятъ имъ къ себѣ, всегда обманывая всякія надежды. Отвратившись отъ Бога, обращаются къ тварямъ, и въ тѣхъ хотятъ найдти, что можетъ дать единый Богъ, хотятъ благобытіе свое устроить безъ Бога, сами своими силами и своими, подручными имъ, средствами. Объ этомъ вся забота, тутъ всѣ помышленія, всѣ планы и всѣ цѣли жизни, — т.-е. какъ устроить земное счастіе, чувственными услаждаясь благами. Отношеніе къ Богу соблюдается только внѣшно, дѣла благочестія исполняются по обычаю, безъ участія не только сердца, но и мысли. Все стало земля, земля, земля. И то не вразумляетъ, что испытывается постоянно обманъ. Суетливость продолжается безъ устали въ суетной надеждѣ, можетъ быть, еще достанемъ, чего ищемъ. Какъ извинить такой образъ дѣйствія?! – И Богъ чрезъ Іеремію въ осужденіе имъ сказалъ: *два зла сотвориша людие Мои: Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушенныя* (Іер. 2, 13).

И омрачися неразумное ихъ сердце. Третья степень ниспаденія—плодъ двухъ первыхъ—омраченіе внутренняго человѣка. *Сердце*—внутреннѣйшій человѣкъ, или духъ, гдѣ самосознаніе, совѣсть, идея о Богѣ съ чувствомъ зависимости отъ Него всесторонней, вся духовная жизнь вѣчно-цѣнная. Вмѣстѣ съ осуеченіемъ помышленій идетъ и омраченіе сего человѣка. Правила жизни устанавли-

ваются несогласныя съ совѣстію,—и совѣсть заглушается, страхъ Божій отходитъ и помышленіе о Богѣ не занимаетъ; вмѣстѣ съ этимъ и здравыя истины о Богѣ забываются и темнѣютъ, равно скрываются истинныя понятія и о самомъ человѣкѣ, о значеніи его и цѣляхъ его. Внутри водворяется полный мракъ. Да туда и не заглядываетъ осуеченный человѣкъ, и некогда, и непріятно. Онъ весь вовнѣ.

Ст. 22. *Глаголющеся быти мудри, объюродѣша.*

Четвертая степень ниспаденія,—подведеніе всего этого превратнаго порядка жизни подъ начала разума, и установленіе его, какъ единой должной нормы жизни, свойственной человѣку. Это есть верхъ безумія; но по ихнему, это верхъ мудрости. Такими сознаютъ себя сіи люди, такимъ титломъ величаютъ свои порядки и по нимъ составленныя воззрѣнія. Самомнѣніе и самонадѣянность есть отличительная черта сей мудрости: всего надѣется она отъ себя, отъ своихъ способовъ и отъ своего умѣнія. Экуменій пишетъ: „мудрыми они считали себя, полагая, что ихъ самихъ достанетъ на все".—Св. Исаакъ Сиріанинъ такъ изображаетъ мудрость сихъ мудрецовъ: „Она именуется голымъ вѣдѣніемъ, потому что исключаетъ всякое Божественное попеченіе, и все попеченіе его (вѣдѣнія, или разума) о семъ только мірѣ. Вотъ понятіе о себѣ этого вѣдѣнія: оно, безъ всякаго сомнѣнія, есть мысленная сила, тайно правящая человѣкомъ, назирающая надъ нимъ и совершенно о немъ пекущаяся. Посему не Божію Промыслу приписываетъ оно управленіе міромъ, но все доброе въ человѣкѣ, спасеніе его отъ вреднаго для него, и естественное его остереженіе отъ затруднительнаго и отъ многихъ противностей, тайно и явно сопровождающихъ наше естество, кажутся ему слѣдствіемъ собственной его рачительности и собственныхъ его способовъ. Таково понятіе о себѣ глумящагося вѣ-

дѣнія. Оно мечтаетъ, что все бываетъ по его промышленію; и въ этомъ согласно съ утверждающими, что нѣтъ управленія симъ міромъ. Впрочемъ не можетъ оно пребывать безъ непрестаннаго попеченія и безъ страха за тѣло, а потому овладѣваютъ имъ: малодушіе, печаль, отчаяніе, страхъ отъ бѣсовъ, боязнь отъ людей, молва о разбойникахъ, слухи о смертяхъ, заботливость о болѣзни, попечительность въ скудости и недостаткѣ потребнаго, страхъ страданій и злыхъ звѣрей, и все прочее, сходное съ симъ и уподобляющееся морю, въ которомъ ежечасно день и ночь мятутся и устремляются на пловцевъ волны" (Сл. 26). Сколько самонадѣянія и самоувѣренности, столько же, или еще болѣе, трусости: и въ этомъ послѣднемъ—самое видное обличеніе буйства мудрости міра.—Св. Златоустъ такъ дополняетъ изображеніе сихъ лицъ: „мечтая о себѣ много и не восхотѣвши идти путемъ, какой предписанъ имъ Богомъ, они погрязли въ помыслахъ неразумія.—Кто въ безлунную ночь пускается идти неизвѣстною дорогою, или плыть по морю, тотъ не только не достигаетъ цѣли, но чаще губитъ себя. Такъ и язычники подверглись ужаснѣйшему кораблекрушенію, когда, предпринявъ идти путемъ ведущимъ къ небу, лишили самихъ себя свѣта, безтѣлеснаго ища въ тѣлахъ и неописуемаго въ образахъ." Въ этихъ послѣднихъ словахъ св. Златоуста—переходъ къ послѣдней степени ниспаденія въ идолопоклонство.

Ст. 23. *И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ.*

Все доселѣ сказанное было только подготовленіе, или путь.—Чего наконецъ достигли?—Идолопоклонства. Вмѣсто живаго Бога истиннаго стали богомъ почитать истуканы человѣковъ и другихъ тварей.—Въ этомъ собственно и состояло ихъ объюродѣніе. Въ иныхъ отношеніяхъ они были не мало мудры, какъ показываютъ остатки отъ

городовъ Ниневіи, Θивъ и другихъ; но въ религіозномъ оказались совершенными юродами. И умудреніе въ первомъ отношеніи не только не закрываетъ и не ослабляетъ объюродѣнія во второмъ, но напротивъ отяжеляетъ его безотвѣтною виновностію въ извращеніи истины. Превозношенію ихъ своею мудростію мѣры не было, а тутъ противъ ней стоитъ дѣло крайне нелѣпое и ни съ чѣмъ несообразное, неразумное до послѣднихъ предѣловъ. „Это увеличиваетъ ихъ обвиненіе. Ибо называя себя мудрыми, дѣлами показали, что они неразумны“ (Θеод.).

И измѣниша. Отъ чего еще большей подлежатъ винѣ. *Измѣнили,*—слѣдовательно прежде имѣли другое. Если теперь, *измѣнивъ,* впали въ ложь, то, значитъ, прежде обладали истиною. *Славу Бога*—безпредѣльныя совершенства, которыя разными путями явилъ имъ въ себѣ Богъ, какъ прежде указано, особенно въ твореніи и промышленіи (Экум.). *Нетлѣннаго*—или безсмертнаго, вѣчно живаго,—или невещественнаго, невидимаго, духовнаго. *Въ подобіе образа*—въ истуканъ, изображающій человѣка, или другое что. Фраза взята изъ псалма 105, 20 ст. Греки боготворили человѣческіе истуканы, а Египтяне—истуканы птицъ, четвероногихъ и гадовъ. Боготворили солнце, луну, звѣзды и другіе предметы тварные; но Апостолъ беретъ то, что тогда дѣлалось на глазахъ. *Измѣнили славу Бога*—можно иначе сказать такъ: Бога всесовершеннаго, вѣчно живаго Духа замѣнили истуканами, мертвыми и вещественными: эти грубые, мертвые, вещественные истуканы стали почитать богомъ, не представителями, или напоминателями о Богѣ, а самымъ Богомъ.

Непонятно, какъ могли дойдти до такого безумія, и притомъ послѣ того, какъ имѣли прежде истинныя понятія о Богѣ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ доказываетъ здѣсь,

что мудрость язычниковъ сама въ себѣ и внѣ всякаго сравненія есть юродство, одно обнаруженіе самохвальства. А дабы ты зналъ, что язычники имѣли знаніе о Богѣ, но сами погубили оное, Павелъ сказалъ: *измѣниша;* ибо измѣняющій, прежде нежели измѣнить, имѣетъ у себя нѣчто другое. Язычники хотѣли найти нѣчто большее, не удержались въ данныхъ предѣлахъ, за то и ниспали; ибо любили вводить новыя мнѣнія. Далѣе, усиливая обвиненіе, Апостолъ осмѣиваетъ идолослуженіе въ цѣломъ его составѣ. Если измѣнить только славу Божію само-по-себѣ чрезвычайно смѣшно, то измѣнить въ такія вещи совершенно неизвинительно. Разсуди же, во что измѣнили язычники, и чему воздали славу? О Богѣ надлежало представлять себѣ, что онъ Богъ, Господь всего; что Онъ сотворилъ несуществовавшихъ, что Онъ промышляетъ и печется. Въ семъ состоитъ слава Божія. Къ кому же приложили ее язычники? Не къ человѣкамъ, но къ *подобію образа тлѣнна человѣка.* Даже на семъ не остановились, но низошли до скотовъ, и до образовъ скотскихъ. И ты замѣть мудрость Павла, какъ онъ выставилъ двѣ крайности: Бога, Который выше всего,—и гадовъ, которые ниже всего, - или не гадовъ, а подобія гадовъ, дабы въ полномъ свѣтѣ показать безуміе язычниковъ. Познаніе, которое надлежало имѣть о существѣ безъ сравненія все превосходящемъ, приложили они къ предмету безъ сравненія всего презрѣннѣйшему... Діаволъ всѣми мѣрами старался низвесть людей до подобія гадовъ и самымъ несмысленнѣйшимъ тварямъ подчинить тѣхъ, которыхъ Богъ хотѣлъ возвести превыше небесъ.“

И безъ участія этого мудраго на зло дѣятеля нельзя объяснить происхожденіе идолопоклонства. Подготовку, то, какъ люди, низпадши отъ Бога въ самость и чувственность, стали жить въ богозабвеніи, такъ, какъ бы

не было Бога, можно еще объяснить развитіемъ при
вшедшей грѣховности; которую только раздувалъ и на
правлялъ отецъ грѣха; но какъ начали боготворить без
душныя вещи и истуканы, этого ничѣмъ не объяснишь
кромѣ какъ тѣмъ, что—наткнулъ на это діаволъ. Дѣло
шло такъ: стали забывать о Богѣ, осуетились, омрачи
лось сердце,—затмились здравыя понятія о Богѣ и о
вещахъ Божіихъ, все вниманіе и заботы обращены на
земное и житейское. Но того, что есть Богъ и что должно
чтить Его, выбить не могли изъ сознанія. Мысль эта
возвращалась, но вниманія къ ней не имѣлось. Она сама
собою вмѣстѣ съ огрубѣніемъ и овеществленіемъ чувствъ
и расположеній огрублялась и овеществлялась. При та-
комъ настроеніи приди вопросъ: что же есть Богъ? Онъ
поразитъ нечаянностію, но потребуетъ рѣшенія. При-
шелъ и рѣшили: вотъ боги твои! То солнце, то звѣзды
то животныя, то человѣкъ. Какъ не возвратились къ тому
что давало преданіе? Врагъ закрылъ ту сторону и на-
ткнулъ на это. Согласились принять ради того, что симъ
путемъ представляется удобнѣйшій способъ исполнять
то, что требовалось сознаніемъ обязательныхъ отноше-
ній къ Богу: стоитъ истуканъ,—воскури ѳиміамъ, — и
правъ,—все сдѣлано. Для Бога же, о Коемъ свидѣтель-
ствовало преданіе, этого не могло быть достаточно.

У Оригена, въ объясненіе явленія идолопоклонства,
говорится, что язычники въ суетности своихъ помышле-
ній, ища образовъ для Бога, потеряли истиннаго Бога.
И Экуменій выражаетъ нѣчто подобное, когда гово-
ритъ, что язычники заблудились, потому что взыскали
въ очертаніи нѣкоемъ представить необъятнаго и въ об-
разахъ тѣлесныхъ безтѣлеснаго.

Ходъ ниспаденія отъ Бога одинъ и тотъ же и нынѣ,
какъ тогда. Разность въ томъ, что тогда совсѣмъ безъ
Бога остаться не могли, а нынѣ на это смѣло дерзаютъ.

Состояніе тѣхъ изъ живущихъ нынѣ, которые долго живутъ въ богозабвеніи, не имѣя Бога ни въ мысли, ни въ чувствѣ, такое же, какъ оно всегда было и будетъ. Безъ того, чтобъ не приходила мысль о Богѣ и не требовала рѣшенія, обойтись нельзя. Наши смѣло рѣшаютъ: нѣтъ Бога. Они правы въ томъ отношеніи, что нѣтъ Его въ ихъ мысляхъ и чувствахъ, и что не умѣютъ они видѣть Его въ дивныхъ дѣлахъ Его. Но кто можетъ согласиться, что ихъ рѣшеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Сказать: нѣтъ Бога, не большее ли есть безуміе, чѣмъ сказать камню: ты мой Богъ?!

Объяснилъ Апостолъ, какъ язычники дошли до того, что стали содержать истину Божію въ неправдѣ, нисшадши въ идолопоклонство. Теперь приступаетъ къ изложенію того, какими вмѣстѣ съ тѣмъ, или въ слѣдствіе того, стали они въ нравственномъ отношеніи, или какъ содержали они въ неправдѣ и нравственную истину.

β.

Язычники обличаются въ неправдѣ.

24—32.

Съ потерею и извращеніемъ вѣры и благочестія шли въ рядъ извращеніе должнаго характера жизни и потеря добрыхъ нравовъ: *αα*) предались чувственности, 24—27; а ββ) затѣмъ стали чинить всякую неправду, 28—31.

αα.

Предались чувственности.

24—27.

Ст. 24. ***Тѣмже и предаде ихъ Богъ въ похотехъ сердецъ ихъ въ нечистоту, во еже скверитися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самѣхъ.***

Тѣмже—вслѣдствіе того; поелику они такъ нечество-

вали предъ Богомъ, то Богъ и *предаде ихъ.*—*Предаде,*—не понудительно и противъ воли ихъ, такъ что они, хотѣли ль того или не хотѣли, должны были ниспасть въ такую грубую жизнь; но потому, что они сами хотѣли и съ неудержимостію къ тому стремились. Когда дитя на рукахъ матери рвется отъ ней, ботая и руками и ногами, то мать, спуская его съ рукъ, дѣлаетъ только то, чего хотѣлось дитяти, хотя и видитъ, что это хуже для него. Такъ поступилъ и Богъ: рванулись отъ Него люди, и вмѣсто угодной Ему жизни стали предаваться чувственности; и Богъ предалъ ихъ возжеланной ими жизни, оставилъ ихъ идти избраннымъ ими путемъ; ибо не хотѣлъ стѣснять данной имъ при сотвореніи свободы, а только не несвидѣтельствована Себе и законъ Свой оставилъ, въ твореніяхъ и въ совѣсти.

Такъ слово *предаде* понимаютъ всѣ наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „Слово *предаде* значитъ здѣсь: попустилъ. Какъ предводитель воинства, оставивъ начальство и удалившись во время продолжающагося сраженія, предаетъ воиновъ врагамъ, не чрезъ содѣйствіе свое, но тѣмъ, что лишаетъ своей помощи, такъ Богъ не восхотѣвшихъ принять Его внушеній и самовольно отъ Него отпадшихъ оставилъ послѣ того, какъ употребилъ съ Своей стороны все, что было можно. И разсуди: Богъ предложилъ людямъ вмѣсто урока міръ, даровалъ имъ разумъ и разсудокъ, способный постигать правое; но они ничѣмъ тѣмъ не воспользовались для своего спасенія, а напротивъ превратили все, что получили. Что же дѣлать? Влечь ли ихъ силою и по неволѣ? Но это не значило бы сдѣлать ихъ добродѣтельными. И такъ надлежало ихъ оставить, что Богъ и сдѣлалъ, дабы люди, извѣдавъ опытомъ все, къ чему такъ сильно стремились, сами наконецъ бѣжали позора. Если царскій сынъ къ безчестію отца начнетъ жить съ ворами,

убійцами, грабителями мертвыхъ, и общество такихъ людей предпочтетъ отцовскому дому; то отецъ конечно оставитъ его, дабы собственнымъ опытомъ могъ онъ убѣдиться въ непомѣрной своей глупости.“ Бл. Θеодоритъ пишетъ: „*предаде* — попустилъ. Богъ, увидѣвъ ихъ непожелавшими, чтобы тварь возводила ихъ къ Творцу, и чтобы самимъ чрезъ различіе помысловъ въ дѣлахъ своихъ избирать лучшее, а избѣгать худшаго, лишилъ ихъ Своего промышленія, попустилъ имъ носиться, подобно неоснащенной ладьѣ. не восхотѣвъ управлять впадшими въ крайнее нечестіе, которое породило и беззаконную жизнь.“

Въ похотехъ сердецъ ихъ въ нечистоту. Предалъ ихъ Богъ въ ***нечистоту,***—срамнымъ плотскимъ грѣхамъ,—***въ похотяхъ сердецъ ихъ,*** т.-е не понудительно столкнулъ ихъ въ эту пропасть, а попустилъ имъ туда низринуться, потому что сами они воспохотствовали того. всѣмъ сердцемъ возжелали, вседушно предались похотному сластолюбію. Похоже однакожъ на то, что это есть и наказаніе за нечестіе, какъ неизбѣжное его слѣдствіе. Есть законы правды Божіей—естественные, которые караютъ виновныхъ по естественному теченію дѣлъ, какъ напримѣръ: разстройство здоровья отъ пьянства есть наказаніе за пьянство, естественнымъ путемъ постигающее. Шелъ бы кто по твердой дорогѣ, окруженной трясиною. Если онъ самъ соступитъ съ твердой дороги, то погрузится въ трясину самъ же собою, безъ воздѣйствія на его погруженіе сторонняго лица. Такъ случилось и съ погруженіемъ язычниковъ въ похотную срамную жизнь. По назначенію человѣка въ сотвореніи, ему надлежитъ жить духомъ въ Богѣ, чтобы духъ, чрезъ жизнь въ Богѣ пріемля свойственную ему силу, властвовалъ надъ душею и тѣломъ и правилъ ими. Условіе такого нормальнаго состоянія или такой силы духа—

то, чтобы человѣкъ духомъ жилъ въ Богѣ. Коль же скоро отпадаетъ онъ отъ Бога и начинаетъ нечествовать, духъ его теряетъ силу, и не только не властвуетъ надъ душею и тѣломъ, но подпадаетъ въ рабство имъ, служа имъ въ похотяхъ ихъ. Такъ какъ жизнь наша направляется наиболѣе исканіемъ пріятнаго, послѣ того какъ потеряетъ она исканіе достодолжнаго,—пріятное же чувственное сильнѣе дѣйствуетъ на сердце и влечетъ: то, за ниспаденіемъ духа отъ Бога и обезсиленіемъ его, чрезъ то естественно слѣдуетъ жизнь въ чувственныхъ удовольствіяхъ, и какъ изъ этихъ удовольствій слаще всѣхъ удовольствіе похоти плотской,—жизнь похотная. За ослабленіемъ вѣры и благочестія всегда слѣдовало и слѣдуетъ разліяніе блуда, въ разныхъ нерѣдко самыхъ срамныхъ видахъ. На основаніи сего преданіе язычниковъ въ похотяхъ сердецъ ихъ въ нечистоту можно назвать наказаніемъ естественнымъ, и какъ законы естества отъ Бога,—Божіимъ наказаніемъ.

Оригенъ, объясняя, почему за нечестіемъ послѣдовала жизнь плотская, говоритъ: „часто въ Писаніяхъ находимъ, что человѣкъ состоитъ изъ духа, души и тѣла. Но когда говорится, что *плоть похотствуетъ на духа, духъ же на плоть* (Гал. 5, 17), то очевидно душа полагается въ срединѣ, или устремляющеюся къ требованіямъ духа, или склоняющеюся къ похотямъ плоти. Когда она связывается съ плотію, то становится едино съ нею въ похоти и сластолюбіи; а когда вступаетъ въ общеніе съ духомъ, то бываетъ съ нимъ единъ духъ. Посему-то о тѣхъ, души которыхъ всецѣло связались съ плотію, Господь говоритъ въ Писаніи: *не имать духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3); а о тѣхъ, которыхъ душа содружилась съ духомъ, Апостолъ говоритъ: *вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ* (Рим. 8, 9). У того и другаго

рода жизни есть свои покровители и помощники. Когда плоть похотствуетъ на духа, ей покровительствуетъ діаволъ и ангелы его, всѣ духи нечистые, и всѣ, противъ кого слѣдуетъ вести брань человѣку, начала, власти и заправители тьмы вѣка сего. Напротивъ, когда духъ старается властвовать надъ плотію и душу человѣческую, посредѣ стоящую, къ себѣ привлечетъ,—помогаютъ и благопріятствуютъ ему всѣ оные ангелы, о коихъ сказалъ Господь: *яко ангели ихъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мѳ. 18, 10),—и Апостолъ: *не вси ли суть служебніи дуси въ служеніе посылаеми за хотящихъ наслѣдовати спасеніе* (Евр. 1, 14). Благопріятствуетъ и Самъ Господь, душу Свою положившій за овцы Своя (Ін. 10, 15). Вотъ какъ бываетъ, что когда душа, познавши Бога, не какъ Бога Его прославляетъ, или благодаритъ, но осуечается въ помышленіяхъ своихъ и измѣняетъ *славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ*, и во всемъ уклоняется къ плоти, и къ тѣмъ, кои благопріятствуютъ похотямъ плотскимъ; то она бываетъ оставляема тѣми, кои своимъ вліяніемъ возбуждали и воодушевляли ее сочетаваться съ духомъ, и предаема похотямъ сердца ея, въ коихъ она вся прилѣпляется къ плоти. Ибо не стать же влещи ее насильно къ тому, что она отвергаетъ и отъ чего бѣжитъ. Если это еще не такъ ясно, поясню это сравненіемъ. Представимъ себѣ жилище, гдѣ съ тѣломъ и духомъ, какъ съ какими-либо совѣтниками и сообщниками, обитаетъ душа; внѣ же сего жилища стоятъ съ одной стороны (со стороны духа) благочестіе и всѣ добродѣтели съ нимъ, а съ другой (со стороны тѣла) - нечестіе и всѣ виды похотей и грѣховъ плотскихъ,—стоятъ и ждутъ мановенія души какой изъ двухъ совнѣ наблюдающихъ за ея движеніями хоровъ пожелаетъ она ввести къ себѣ, и какой отогнать. Если,

лучшему послѣдуя совѣтнику, покорится она духу и призоветъ къ себѣ хоръ благочестія и чистоты,—не отступитъ ли тотъ другой, какъ презрѣнный и отверженный? Если же она, склонясь на внушенія плоти, введетъ къ себѣ толпу нечестія и похотей, то конечно все то содружество святости и благочестія, которому она предпочла совѣтъ злыхъ, отступитъ отъ ней съ праведнымъ негодованіемъ, оставляя ее похотямъ сердца ея, чтобъ безчестіемъ и срамотами осквернилось тѣло ея въ себѣ самомъ.“

Во еже скверниitися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самѣхъ.— Сквернится тѣло при беззаконномъ сожительствѣ. Но здѣсь соединяется мущина и женщина. Апостолъ говоритъ о скверненіи тѣлъ удовлетвореніемъ похоти безъ этого соединенія, и обличаетъ его, какъ дѣло неестественное и срамное. Это есть крайнее ниспаденіе въ похотствованіе, обезумленіе отъ него. Плотское возбужденіе само-по-себѣ ничего грѣшнаго не имѣетъ. Оно дано вмѣсто проводника къ дѣторожденію для распространенія и сохраненія рода, и въ естественномъ порядкѣ престаетъ вмѣстѣ съ исполненіемъ сего назначенія животнаго организма. Видимъ у животныхъ, что у нихъ это дѣло исполняется однажды въ годъ. Потомъ они успокоиваются и никакой тревоги съ этой стороны не испытываютъ, какъ исполнившіе долгъ естества. Въ людяхъ видится безпорядочность возбужденія плотскаго и похотствованіе непрестающее, даже помимо того возбужденія. Отъ чего это? Видимо, что здѣсь порядокъ естества извращенъ. Чѣмъ и какъ? Тѣмъ, что душа ниспала въ плоть, сочеталась съ нею во едино, и ея потребности восприняла въ себя, какъ бы онѣ были ея собственныя потребности. Восприняла она и плотскую потребность, превративъ ее въ похотѣніе. Потребность не можетъ непрестанно дѣйствовать, а только когда возбуждается,

и бывъ удовлетворена, престаетъ. Похотѣніе, какъ дѣло души, всегда дѣятельной, можетъ возвращаться поминутно и тревожить душу. Душа, присвоившая себѣ сіе похотѣніе, ищетъ удовлетворенія ему въ соотвѣтственныхъ сластяхъ, какъ бы это было ея собственное естественное желаніе. При этомъ потребность тѣла и назначеніе ея выпадаютъ изъ вниманія: имѣется въ виду одна похотная сласть и ея удовлетвореніе помимо готовности къ тому тѣла. Еслибъ можно было удовлетворить такое похотѣніе безъ тѣла, душа и на то рѣшилась бы. Но какъ нельзя, то она безъ разбора бросается на всякаго рода тѣла, лишь бы сласть была. Отсюда всѣ плотскіе грѣхи, въ самыхъ срамныхъ видахъ, — слѣдствіе одуренія похотію или маніи похотной. Въ словахъ Апостола, что язычники, въ похотяхъ сердецъ ихъ преданы въ нечистоту, чтобъ скверниться тѣламъ ихъ въ себѣ самихъ,—вопервыхъ обличается рабство похотѣнію съ совершеннымъ погрязновеніемъ въ него, — вовторыхъ удовлетвореніе похоти въ одномъ своемъ тѣлѣ, при чемъ собственно и сквернится тѣло въ себѣ самомъ. Это кажется имѣлъ въ виду бл. Θеофилактъ: „язычники преданы нечистотѣ собственнымъ непотребствомъ, такъ что не было надобности въ другихъ, которые бы оскорбляли ихъ (срамотою), но они сами себѣ причиняли оскорбленіе (осрамленіе); ибо таковы нечистыя страсти тѣ.“ По связи же рѣчи съ послѣдующимъ (ст. 26, 27) видно, что онъ указываетъ здѣсь и на удовлетвореніе похоти женщины съ женщиною, мущины съ мущиною.

Ст. 25. *Иже премѣниша истину Божію во лжу, и почтоша и послужиша твари паче Творца, иже есть благословенъ во вѣки, аминь.*

Снова поминаетъ объ ихъ нечествованіи противъ Бога, чтобъ сильнѣе напечатлѣть убѣжденіе, что такое нравственное униженіе было слѣдствіемъ ихъ нечестія, го-

воря какъ бы: и по дѣломъ имъ; это имъ за то, что истину Божію премѣнили во лжу. Можно и такъ: вотъ какъ низко пали тѣ, которые въ гордости ума своего дерзнули презрѣть истиннаго Бога и замѣнить Его ложными богами. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „за что же преданы они нечистотѣ? За то, что оскорбили Бога, ибо кто не хочетъ знать Бога, тотъ тотчасъ развращается и въ нравственности, какъ и Давидъ говоритъ: *рече безуменъ: нѣсть Богъ*,—потомъ *растлѣша и омерзишася въ начинаніихъ* (Пс. 13, 1). Они измѣнили то, что поистинѣ принадлежало Богу, и приложили это къ ложнымъ богамъ."

Премѣниша истину Божію во лжу, т.-е. истину о Богѣ, что Онъ есть Духъ, вѣчно живый, невидимый, нетлѣнный, замѣнили ложью, начавъ думать, что рукотворенный идолъ или другая какая тварь есть Богъ (Экум.). Или слова сіи можно переложить такъ: истиннаго Бога замѣнили ложными. Такъ бл. Ѳеодоритъ: „*истиною Божіею* называетъ Апостолъ имя: Богъ, а ложью рукотвореннаго идола. Они должны были покланяться истинному Богу, а воздавали божеское чествованіе твари."—Или потому такъ сказалъ, что „Богъ истинно есть Богъ, а идолы, коимъ покланялись, ложно именовались богами" (Севиріанъ у Экум.).

И почтоша и послужиша твари паче Творца. Вотъ въ чемъ состояло премѣненіе истины Божіей во лжу, или, какъ выше сказано, содержаніе истины въ неправдѣ! Вмѣсто Творца, явно о себѣ свидѣтельствовшаго, тварь почтили и ей послужили. *Почтоша* поставлено вмѣсто: воздавали честь; *и послужиша*—вмѣсто: „оказывали служеніе дѣлами; ибо λατρεία означаетъ честь оказываемую на дѣлѣ" (Ѳеоф.). Нечестіе было не внѣшнее только, но и внутреннее. И упованіе, вмѣсто Бога, на тварь возлагали, и страхъ къ ней, вмѣсто страха Божія, пріяли. Тварь стала какъ настоящій Богъ.

Паче Творца, - не вмѣсто только Творца, но и паче, какъбы такъ: прежде, когда слѣдовали истинѣ, Творцу Богу истинному такъ не служили, какъ теперь служатъ твари. Этимъ сопоставленіемъ Апостолъ усиливаетъ обличеніе. „И замѣть, какъ выразилъ онъ свою мысль. Сказалъ не просто: ***послужиша твари***, но присовокупивъ: ***паче Творца***, дабы сколько можно увеличить вину язычниковъ, и такимъ присовокупленіемъ лишить ихъ всякаго извиненія“ (Св. Злат.).

Иже есть благословенъ во вѣки, аминь. Не удержался Апостолъ, чтобы къ воспоминанію о Богѣ не приложить славословія Ему—знакъ всегда присущаго въ душѣ страха Божія и сердечнаго благоговѣинства предъ Нимъ. Или потому сіе сдѣлалъ, чтобъ духъ свой, будто оскверненный воспоминаніемъ о нечестіи языческомъ, очистить и освятить снова славословіемъ Бога истиннаго. Такъ, въ житейскомъ быту спѣшатъ провѣять комнату свѣжимъ воздухомъ, когда привтечетъ туда какъ-нибудь зловоніе. И та можетъ быть здѣсь мысль: они такъ нечествовали, но Богъ все же пребываетъ благословенъ во вѣки. Св. Златоустъ говоритъ: „но сіе (премѣненіе истины Божіей во лжу) не повредило славѣ Божіей, говоритъ Павелъ, потому что Богъ благословенъ во вѣки. Симъ Апостолъ даетъ разумѣть, что Богъ не мстилъ за Себя язычникамъ, когда оставилъ ихъ, такъ какъ Самъ Онъ ничего не потерпѣлъ. Если язычники и оскорбляли Его; слава Его не умалилась, напротивъ всегда пребываетъ Онъ благословеннымъ “ Это и въ наше время можно напомнить нечествующимъ: Богъ всегда пребываетъ Богомъ благословеннымъ во вѣки, какія лжи ни сплетали бы вы въ отношеніи къ Нему. Вредъ весь падаетъ на васъ самихъ. Кто о скалу ударяетъ лбомъ, чтобъ раздробить ее, не скалѣ вредитъ, а свою голову разбиваетъ. Такъ

и нечествующіе въ своихъ мудрованіяхъ противъ Бога не Божію умаляютъ славу, а себя самихъ губятъ.

Ст. 26. *Сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія: и жены бо ихъ измѣниша естественную подобу въ презъестественную.*

Сего ради—за это-то и предалъ ихъ Богъ соотвѣтственному униженію. Не почтили Бога, и Онъ предалъ ихъ страстямъ, ихъ безчестящимъ; не послужили они Богу, Который есть по естеству Богъ, и Онъ предалъ ихъ противоестественнымъ срамотамъ. „Беззаконіе соотвѣтствовало злочестію. Ибо какъ *истину Божію премѣниша во лжу,* такъ и законное употребленіе пожеланія обратили въ беззаконное“ (Θеод.). Напечатлѣть хочетъ Апостолъ убѣжденіе, что нечестіе противъ Бога само въ себѣ носитъ наказаніе, тотчасъ низвергая нечествующаго въ крайнее нравственное растлѣніе. Когда Бога оставляютъ, тогда и Богъ оставляетъ. „Но когда Богъ оставляетъ, тогда все приходитъ въ безпорядокъ. Посему у язычниковъ не только ученіе было сатанинское, но и жизнь діявольская“ (Св. Злат.). „Опять называетъ преданіемъ оставленіе Богомъ, происшедшее отъ того, что они служили твари. Какъ въ ученіи о Богѣ они развратились, оставивъ руководство творенія: такъ и въ жизни сдѣлались гнусны, оставивъ естественное удовольствіе (которое всего удобнѣе и пріятнѣе) и предавшись удовольствію противоестественному (которое всего затруднительнѣе и непріятнѣе)“ (бл. Θеоф.).

Эта общая мысль выясняется затѣмъ примѣрами страстей безчестія между женщинами и далѣе между мущинами.

Между женщинами происходило нѣчто непонятное: они измѣнили естественную подобу,—χρῆσιν, употребленіе, въ такое, которое было παρὰ φύσιν, помимо естества. Удовлетвореніе плотскаго возбужденія чрезъ законнаго мужа—была естественная подоба. Вмѣсто этого они

придумали что-то другое, чрезъ что удовлетвореніе происходило помимо естества. Если истолковывать это сравненіемъ съ тѣмъ, что было у мущинъ, то это было какое-то удовлетвореніе похоти у женщинъ чрезъ женщинъ. Св. Златоустъ говоритъ: „смотри, какъ Апостолъ и здѣсь лишаетъ возможности къ извиненію. Никто не можетъ сказать, говоритъ онъ, что дошли до того, не имѣя случая къ законному соитію, и что предались столь необычайному неистовству потому, что не могли удовлетворить своему похотѣнію. Ибо измѣнять можетъ только имѣющій. Могли имѣть удовольствіе сообразное съ природою, которымъ можно наслаждаться съ большею свободою. и притомъ безъ стыда. Но они не захотѣли сего и, нарушивъ уставы естества, содѣлались вовсе неизвинительными. Безчестнѣе же всего то, что женщины изобрѣли такія соитія, которыхъ имъ надлежало стыдиться болѣе, нежели соитія съ мущинами. И въ семъ случаѣ должно подивиться благоразумію Павла. Онъ хотѣлъ и выразиться благопристойно, и сильнѣе дать почувствовать слушателю. А сіе-то и невозможно было. Выразившись благопристойно, нельзя было тронуть слушателей; а дабы сильнѣе поразить ихъ, надлежало представить дѣло во всей ясности и наготѣ. Но разумная и святая душа Павла успѣла въ томъ и другомъ; имя естества усилило обвиненіе, и послужило какъ бы нѣкоторымъ покровомъ для благопріятности рѣчи.“

Ст. 27. *Такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола, разжегошася похотію своею другъ на друга, мужи на мужехъ студъ содѣвающе, и возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ воспріемлюще.*

„Высказавъ прикровенно о женщинахъ нѣчто постыдное и такое, что непристойно высказать ясно, говоритъ о мущинахъ, что они *разжегошася другъ на друга,* показывая, что они предались сладострастію и неистовой любви“ (Ѳеоф.).

„Замѣть, какія сильныя выраженія употребляетъ Апостолъ. Не сказалъ, что они питали взаимную любовь и вожделѣніе; но что *разжегошася похотію своею другъ на друга*. Видишь ли, что все произошло отъ неистоваго вожделѣнія, которое не любитъ держаться въ должныхъ предѣлахъ? Ибо всякій, преступающій законы постановленные Богомъ, питаетъ вожделѣніе къ несродному и незаконному. Такъ язычники воскипѣли сею беззаконною любовію. И если спросишь: отъ чего такая стремительность вожделѣнія? За беззаконіе, за то, что сами оставили Бога. *Мужи на мужехъ студъ содѣвающе. Содѣвающе* говоритъ, показывая, что они совершали грѣхъ на самомъ дѣлѣ, и непросто совершали, но съ ревностію. Не сказалъ также: вожделѣніе, но ясно: *студъ;* потому что поругали природу, попрали законъ“ (Св. Злат.).

„Смотри, какое большое замѣшательство произошло съ обѣихъ сторонъ (въ мущинахъ и женщинахъ). Не только голова стала внизу, но и ноги вверху; люди сдѣлались врагами себѣ самимъ и другъ другу; открыта жестокая брань въ разныхъ видахъ и съ разныхъ сторонъ,—брань, которая беззаконнѣе всякаго междоусобія; она раздѣлена на четыре рода, которые всѣ суетны и преступны. Такъ не двухъ и трехъ, но четырехъ родовъ происходила у нихъ брань. Разсуди самъ. Двоимъ, разумѣю жену и мужа, надлежало составлять одно, какъ сказано: *будета два въ плоть едину* (Быт. 2, 24). А сіе производилось склонностію жить не поодиночкѣ (не особо другъ отъ друга); но взаимно сопрягались оба пола. Діаволъ, истребивъ сію склонность и давъ ей иное направленіе, раздѣлилъ между собою полы и вопреки закону Божію изъ одного цѣлаго сдѣлалъ двѣ части. Хотя Богъ сказалъ: *будета два въ плоть едину,* но діаволъ единую раздѣляетъ на двѣ. Вотъ первая брань! Опять каждая изъ сихъ двухъ частей начала брань, какъ одна

съ другою, такъ и сама съ собою. Ибо женщины наносили поруганіе не только мущинамъ, но и женщинамъ; а мущины возставали другъ на друга и на женскій полъ, какъ бываетъ въ военной суматохѣ ночью. Видишь ли вторую и третію брань, четвертую и пятую? Но вотъ и еще брань! Они сверхъ сказаннаго возстали на самую природу. Діаволъ видѣлъ, что самое вожделѣніе всего болѣе соединяетъ полы; посему старался разорвать сей узелъ, дабы не только противозаконнымъ разсточеніемъ сѣмени пресѣчь родъ человѣческій, но истребить, вооруживъ людей другъ противъ друга" (Св. Злат.).

И возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, въ себѣ пріемлюще.—Возмездіе,—воздаяніе, и, какъ воздаяніе за грѣхъ,—наказаніе.—*Еже подобаше прелести ихъ.* Прелесть, πλάνη, заблужденіе, — то, что уклонились отъ истины Божіей и измѣнили ее во лжу. Наказаніе, которое слѣдовало получить имъ за такое нечестіе, они въ себѣ самихъ получали, получали въ самомъ униженіи и посрамленіи естества своего. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „они получали возмездіе за отступленіе отъ Бога и идолопоклонническое заблужденіе въ этомъ самомъ срамѣ и въ этомъ самомъ самоуслажденіи, имѣя въ немъ, какъ противоестественномъ и полномъ нечистоты, наказаніе для себя."— При наказаніи обыкновенно бьютъ; а они безъ боя сами себя больнѣе наказывали, чѣмъ бы истязалъ ихъ какой-нибудь злодѣй. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „какъ не покусился бы поступить съ ними ни одинъ изъ враговъ, то возлюбили они со всѣмъ усердіемъ,—и сами на себя навлекли наказаніе, къ которому не приговорилъ бы ихъ ни одинъ судья." Объяснивъ это мѣсто, св. Златоустъ прилагаетъ усовѣщиваніе, чтобы отстали отъ такихъ неестественныхъ срамныхъ дѣлъ виновные въ нихъ. Выразивъ мысль Апостола, что обезчещеніе естества такими дѣлами есть для дѣлающихъ ихъ наказаніе, онъ

будто слышалъ возраженіе: что за наказаніе, когда не чувствуютъ, а сами бросаются на него? — и отвѣчаетъ: „Не дивись, что они не чувствуютъ того, а услаждаются. Бѣшеные и страждущіе помѣшательствомъ ума, сами себя мучая и находясь въ жалкомъ положеніи, смѣются и забавляются тѣмъ, хотя другіе о нихъ плачутъ. Нельзя назвать и тѣхъ не наказываемыми а напротивъ въ томъ, что они не знаютъ своего положенія, должно видѣть жестокость наказанія, и т. д.“

ββ).

Язычники стали чинить всякое беззаконіе, и всякую неправду.

28—31.

Ст. 28. *И якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, (сего ради) предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная.*

Ниспали въ чувственность крайнюю и огрубѣли; всѣ высшія стремленія духа и требованія правды и любви заглохли; самость взяла верхъ надъ всѣмъ и никакого закона знать не хотѣла, кромѣ самоугодія въ похотяхъ, своихъ интересовъ и своей гордости. Отсюда расположеніе всякихъ пороковъ, не какъ случайныхъ дѣяній, а какъ постоянныхъ порядковъ жизни. Но какъ источникъ и этого нравственнаго развращенія тотъ же — забвеніе Бога и извращеніе истинныхъ о Немъ понятій, то Апостолъ и ставитъ сіе впереди.

Якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ. Имѣть Бога въ разумѣ значитъ и памятовать о Немъ, содержать Его въ умѣ и въ сознаніи, съ соотвѣтственными тому религіозными чувствами и расположеніями, и имѣть о Немъ здравыя понятія, истинно о Немъ умствовать, истинное содержать исповѣданіе вѣры. Ἐν ἐπιγνώσει, — можетъ означать то и другое. Язычники сначала, по при-

чинѣ осуеченія, стали забывать Бога, а забывая омрачаться и въ понятіяхъ о Немъ. Омрачавшіяся понятія рождали еще большее богозабвеніе, а большее богозабвеніе вело еще къ болѣе неправымъ о Немъ понятіямъ.

Не искусиша, — οὐκ ἐδοκίμασαν, не искусились, не сумѣли, даже болѣе, — не дѣлали опытовъ, не старались, не поставляли сего цѣлію своей жизни,—того т.-е., чтобъ помнить о Богѣ и заботиться объ угожденіи Ему, и чтобъ истинное хранить о Немъ вѣдѣніе.

Сего ради предаде ихъ Богъ.—Опять *предаде.* Сначала предалъ ихъ похотямъ сердецъ (—24), потомъ въ страсти безчестія (—26), а здѣсь—въ неискусенъ умъ творити неподобная. Какая постепенность ниспаденія! Она шла естественнымъ порядкомъ, но какъ и этотъ порядокъ низвращенія коренится въ законахъ естества, кои отъ Бога; то Апостолъ прямо относитъ его къ Богу, какъ къ непосредственно дѣйствующей причинѣ, или карающему правосудію Его. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Вотъ въ третій разъ повторяетъ туже мысль и употребляетъ тоже слово, говоря: *предаде*, а причиною того, что они оставлены Богомъ, вездѣ представляетъ нечестіе людей, какъ и теперь поступаетъ. Оскорбленіе, говоритъ, причиненное Богу, было не грѣхомъ невѣдѣнія, но намѣреннымъ. Ибо не сказалъ: поелику не познали, но говоритъ: *якоже не искусиша*, т.-е. рѣшили не имѣть Бога въ разумѣ и добровольно избрали нечестіе. Значитъ, грѣхи ихъ суть грѣхи не плоти, какъ утверждаютъ нѣкоторые еретики (не тѣла, не вещественнаго организма, какъ думали Манихеи), но неправильныхъ сужденій. Сначала они отвергли познаніе Бога, а потомъ уже Богъ попустилъ имъ вдаться въ превратный умъ; ибо отвращеніе Бога и оставленіе Имъ называется въ Писаніи преданіемъ. Богъ предалъ ихъ. Почему? Потому что они не познали Его. А они почему не познали Его? Потому что

не разсудили и не рѣшили познать Его.“ „Ибо если бы восхотѣли знать Его, продолжимъ словами Θеодорита, то послѣдовали бы божественнымъ законамъ. Но поелику отреклись Творца, то совершенно лишились Его промышленія; а потому небоязненно отважились на пороки разнаго рода.“

Предаде въ неискусенъ умъ творити неподобная. Неискусный умъ, неумѣющій дѣйствовать достодолжно, и вслѣдствіе сего, такъ какъ онъ не дѣйствовать не можетъ,—дѣйствующій недостодолжно, или творящій неподобная. По природѣ умъ вѣдаетъ, что добро и что зло, что право и что неправо, и умѣетъ дѣйствовать соотвѣтственно тому. Но жизнь чувственная низвратила его, и онъ сталъ называть доброе лукавымъ, и лукавое добрымъ. У язычниковъ и въ законодательство вошло много вопіющихъ неправдъ. Такъ онеискусился умъ! *Не искусиша* и *неискусенъ* — не игра словъ, а современное соотвѣтствіе слѣдствія причинѣ, или грѣху — наказанія. Умъ νοῦς—владычественная сила, тоже что духъ—отражатель Богоподобія, вдунутый въ лице человѣка. Въ немъ укоренены чувства Божества и правды Его, или страхъ Божій и совѣсть Страхъ Божій держится истиннымъ Боговѣдѣніемъ и памятію о Богѣ и оживляетъ совѣсть—вѣдѣніе воли Божіей, и сообщаетъ ей энергію. Когда память о Богѣ выходитъ изъ ума,—и Боговѣдѣніе омрачается ложью, страхъ Божій слабѣетъ, а отъ ослабленія страха Божія слабѣетъ и совѣсть. Вслѣдствіе сего чувственность возвышаетъ голосъ и увлекаетъ въ слѣдъ себя. Совѣсть возстаетъ сначала, но ее не слушаютъ, а заставить себя слушать она не имѣетъ силы, по причинѣ отсутствія страха Божія, въ коемъ ея жизнь. Она потомъ и смолкаетъ. Вмѣсто ея начинаетъ писать законы чувственность, руководимая самостію. И пошли всякаго рода *неподобія*. Склоняется на это наконецъ и умъ владыче-

ственный, и только придумываетъ ложныя начала въ оправданіе неправостей жизни. Въ древности плѣнныхъ царей употребляли вмѣсто подножки, когда садились на лошадь. Это очень хорошо изображаетъ показанное состояніе ума. Св. Златоустъ говоритъ: „поелику умъ ихъ сталъ превратенъ, то у неисправнаго ѣздока все пришло въ безпорядокъ и смятеніе."

Выразивъ эту общую мысль о томъ, какъ развилась неподобная жизнь, Апостолъ за тѣмъ показываетъ, въ какихъ дѣйствіяхъ она выражалась, перечисляетъ самые пороки, заправлявшіе порядками жизни. Подобное сему перечисленіе дѣлаетъ св. Павелъ въ посланіи къ Галатамъ (5, 19) и въ посланіи второмъ къ св. Тимоѳею (3, 2—4),—въ томъ и другомъ производя ихъ отъ преобладанія чувственности.—Въ перечисленіи не видится порядка: можно думать, что Апостолъ выставляетъ преимущественно то, что Римляне видѣли своими глазами среди своихъ согражданъ и въ чемъ иные изъ нихъ до обращенія, можетъ быть, сами были виноваты.

Ст. 29. ***Исполненыхъ всякія неправды, блуженія, лукавства, лихоимства, злобы: исполненыхъ зависти, убійства, рвенія, лсти, злонравія.***

Исполненныхъ. Связь рѣчи такая: предалъ ихъ—исполненныхъ. А мысль такая: предалъ, и они исполнились всякой неправды. Неправдѣ ихъ не было мѣры, ни ограниченія, ни удержи. И чѣмъ бы могла она удерживаться? Богъ забытъ, совѣсть заглушена, умъ извратился, совнѣ—среда, представляющая повсюдные соблазны. ***Неправда*** здѣсь можетъ означать и вообще неправедность, — „то, что прямо противоположно правдѣ" (Ѳеод.), или частный видъ неправаго дѣйствованія — несправедливость, нарушеніе правъ ближняго и должныхъ къ нему отношеній. Первую мысль указываютъ всѣ наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „замѣть, какъ усиливаетъ рѣчь; на-

зываетъ ихъ *исполненными* и притомъ *всякія неправды*. Сперва употребилъ общее наименованіе порока, а потомъ исчисляетъ виды онаго, и о подверженныхъ онымъ тоже выражается съ усиліемъ, называя ихъ *исполненными*,"— т.-е., дополнимъ изъ бл. Θеофилакта, „достигшими крайней степени всякаго порока." Но и вторая можетъ быть терпима, потому что общая мысль выражена уже въ словахъ: *предаде—творити неподобная*.

Блуженія. Прежде обличилъ противоестественные плотскіе грѣхи; здѣсь обличаетъ естественные, именемъ *блуженія*,—πορνεία,—„означая сожительство безъ брака" (Θеод.), или и нарушеніе брачныхъ отношеній.

Лукавства, — πονηρία—злокозненность, хитро подкапывающаяся подъ благо и покой ближняго (Геннадій у Экум.). „Это коварство противъ ближняго" (Θеоф.). „Звѣрскій нравъ" (Θеод.).

Лихоиманія,—πλεονεξία, страсть имѣть все больше и больше, отъ коей умноженіе стяжаній безъ разбора средствъ, чрезъ обманъ въ сдѣлкахъ и торговлѣ, чрезъ неправый ростъ и воровство.—„Это вожделѣніе имѣній" (Θеоф.),—„болѣзнь душевная, причиняемая чрезмѣрнымъ похотѣніемъ большаго и большаго" (Ген. у Экум.),—желаніе большаго и похищеніе непринадлежащаго" (Θеод.).

Злобы, κακία—„наклонность души къ худшему и помыслъ, устремленный ко вреду ближняго" (Θеод.), по которому находятъ „удовольствіе въ томъ, чтобы чѣмъ-нибудь озлобить ближняго" (Ген. у Экум.), словомъ, взглядомъ, дѣломъ, большимъ или малымъ. Или этимъ означается злопамятство (Θеоф.), и месть, которая сидитъ и думаетъ, какъ бы отплатить зломъ за зло.

Исполненныхъ зависти. Повторяя: *исполненныхъ*, Апостолъ имѣетъ въ виду или напомнить, что все это у нихъ было безмѣрно, или заставить подумать о предыдущихъ и послѣдующихъ порокахъ, чтобы отыскать

какую-либо нить ихъ послѣдовательности и взаимнаго отношенія—или просто дать нѣкоторый роздыхъ при перечисленіи, *Зависти*, *φθόνος*, которая терзаетъ сердце по поводу благосостоянія и успѣховъ ближняго (Генн.). „Это мучительная страсть; не можетъ она терпѣть благоуспѣшности ближняго“ (Θеод.).

Убійства, *φόνος*, — крайняя непріязненность, нетерпящая. чтобъ жилъ нелюбимый, и удовлетворяющаяся лишь тогда, когда успѣетъ стереть его съ лица земли. Разбойники и грабители убиваютъ ради прибытка; убійство тутъ не цѣль, а средство; его не учиняютъ когда можно и безъ него обойтись. Но ненависть, зависть, ревность желаютъ и ищутъ прямо крови, и ею только удовлетворяются. Такъ Авель убитъ по зависти; убійство между сынами Давида случилось по ревнивости (Генн., Θеод., Θеоф., св. Злат.).

Рвенія, — *ἔρις*, „достойное осужденія соревнованіе“ (Генн.), которое рвется изъ всѣхъ силъ не къ тому, чтобъ сдѣлаться такимъ, какимъ слѣдуетъ быть и внутренно и внѣшно, но къ тому одному, чтобъ не отстать отъ другихъ и не допустить кому-либо стать впереди себя. При этомъ, конечно, не истинное достоинство, добро и польза имѣются въ виду, а одна показность, видимость, молва, которыя нерѣдко удовлетворяютъ его и утишаютъ. Само же по себѣ оно истощаетъ, какъ и зависть: зависть сердце изсушаетъ, а рвеніе дѣятельныя силы истомляетъ и истощаетъ. То и другое—мученіе человѣку.

Лсти, — *δόλος*, — лесть и обманъ, льстивыя рѣчи съ цѣлію одурачить ближняго и настроить его такъ, что онъ самъ себѣ причиняетъ зло. Это пандантъ лукавства,— *πονηρία*. Одна словомъ направляетъ въ яму; другое безъ словъ на дѣлѣ опутываетъ сѣтями скрытно. Оно исчадіе злобы, — *κακία*, но можетъ происходить и отъ зависти.

Бл. Θеодоритъ пишетъ: „завистію порождено убійство и зачата лесть. Ибо завистію уязвившись Каинъ, и въ содѣйствіе употребивъ обманъ (δόλος), вывелъ брата въ поле, и отважился на убійство.“

Злонравія, κακοήθεια. Можетъ быть это сердитость и злючесть, отъ коихъ непрестанныя вспышки гнѣва, брани и ссоръ; подладить нельзя, все не по немъ, и за все серчаніе. Или злонравіе означаетъ „скрытную злобу“ (Θеоф.). Или „злонравными называетъ Апостолъ обращающихъ помыслы на злокозненность, и устрояющихъ вредъ ближнему“ (Θеод.).

Стт. 30, 31. ***Шепотники, клеветники, богомерзски, досадители, величавы, горды, обрѣтатели злыхъ, родителемъ непокоривы, неразумны, непримирительны, нелюбовны, неклятвохранительны, немилостивны.***

Новый оттѣнокъ въ образѣ выраженія; прежде исчислялись пороки, а теперь вниманіе переносится на людей порочныхъ. Можно предполагать, что это произошло не случайно какъ. Предоставляя домыслиться до сего желающимъ, замѣтимъ только, что прежде перечислялись пороки подобно тому, какъ они перечисляются въ посланіи къ Галатамъ, а теперь будутъ перечисляться такъ, какъ они перечисляются въ посланіи второмъ къ Тимоѳею, и что это сходство состоитъ не въ одномъ образѣ выраженія, но и въ содержаніи.

Шепотники,—ψιθυριστάς,—„тайные наушники,“ (Θеоф.), „наговаривающіе другому на ухо, и худо отзывающіеся о комъ-либо“ (въ тихомолку) (Θеод.).

Клеветники, καταλάλους,— „явные поносители“ (Θеоф.), „небоязненно дѣлающіе доносы на отсутствующихъ“ (Θеод.). То и другое, и потихоньку, и открыто. Худое говорить о другомъ заставляетъ злонравіе, ищущее уязвить другаго, неразбирая, правду ли говоритъ, или ложь. Говорить худо о другомъ не должно, хотя бы и

въ самомъ дѣлѣ водилось за нимъ что-либо худое; тѣмъ паче не должно говорить не увѣрившись, что онъ точно въ чемъ-либо погрѣшаетъ. Отсюда исходитъ худая молва, которая не всегда соотвѣтствуетъ истинѣ.

Богомерзски,—θεοςυλεις,— что можетъ означать „и ненавидящихъ Бога, и ненавидимыхъ Богомъ“ (Θеоф.); но здѣсь оно значитъ „не ненавидимыхъ Богомъ, ибо не объ этомъ теперь рѣчь Апостола, а ненавидящихъ Бога“ (Генн.),—„исполненныхъ вражды на Бога“ (Θеод.). Вотъ до чего дошли. Отвыкшіе отъ памятованія о Богѣ и о вещахъ божественныхъ и пристрастившіеся къ вещамъ видимымъ не находятъ удовольствія, когда кто наводитъ мысли ихъ на эти предметы. Иной можетъ и открыто выразить, сколько это ему непріятно. Но это еще не вражда на Бога, хоть достаточное сѣмя вражды. Откуда же вражда? Когда иной въ гордости полагаетъ, что Богъ долженъ для него сдѣлать то и то, и видитъ, что Онъ не только сего не дѣлаетъ, а наводитъ на него противное желаемому и требуемому,— вмѣсто прибыли убытокъ, вмѣсто повышенія отставку, вмѣсто успѣха раззореніе; тогда считая себя оскорбленнымъ отъ Бога, позволяетъ онъ себѣ враждовать на Бога, выражая сію вражду и въ словѣ хуленіемъ и ропотомъ. Но надо замѣтить, что это дѣло безъ участія врага нашего не обходится.

Досадители,—ὑβριςαί, — бранчивые,—„всегда готовые оскорбить другаго словомъ“ (Θеод.), „продерзые ругатели“ (Генн.). Сюда можно отнести ругающихся срамными словами. Все, что шепотникъ скажетъ на ухо, что клеветникъ облечетъ въ приличное слово, прикрываясь одною ревностію по правдѣ,—все это досадливый ругатель выскажетъ съ плеча, безъ удержи, словами, то колкими, то срамными.

Величавы, — ὑπερήφανοι — „высокодумающіе о своихъ

преимуществахъ" (Θеод.), „которые, имѣя какія-либо достоинства, надымаются и свысока смотрять на тѣхъ, которые не имѣютъ ихъ" (Генн.). Кто богатствомъ, кто властію, кто почетомъ, кто умомъ, тѣлесною силою и красотою величается; но чѣмъ бы кто ни величался. погрѣшаетъ: ибо все то не его, а дары Божіи, данные для славы Божіей и на благотвореніе братіямъ. Не величаться, а бояться отвѣтственности должно; и потому тѣмъ больше смиряться, чѣмъ больше кто имѣетъ. Это похитители славы Божіей.

Горды,—ἀλάζονες—„спѣсивые, чванные, надутые, которые не имѣютъ основанія къ высокому о себѣ мнѣнію и напрасно надымаются" (Θеод.), „не имѣя достоинствъ, высятъ себя, какъ бы имѣли ихъ" (Генн.). Это настоящая сатанинская гордость, въ коей пагуба наша. Св. Златоустъ говоритъ на это: „поставивъ въ число преступленій то, что для многихъ кажется ни худымъ, ни добрымъ, усиливаетъ обвиненіе, восходя къ твердынѣ золъ и присовокупляя: *горды*. Согрѣшить и думать о себѣ много—хуже самаго грѣха. Почему и Коринѳянъ въ томъ-же обвиняетъ Апостолъ, говоря: *и вы разгордѣсте* (1 Кор. 5, 2). Ежели гордящійся добрымъ дѣломъ все тѣмъ губитъ, то какого наказанія стоитъ грѣшникъ? Такой человѣкъ неспособенъ уже и раскаяться. – Бл. Θеофилактъ прибавляетъ къ сему: „Знай же, что величавость есть презрѣніе Бога, а гордость есть презрѣніе людей, отъ котораго раждается оскорбленіе, ибо презирающій людей, оскорбляетъ и попираетъ всѣхъ. Гордость по природѣ предшествуетъ оскорбленію; но намъ сначала становится явнымъ оскорбленіе, а потомъ уже дѣлается извѣстною мать его – гордость."

Обрѣтатели злыхъ, —'Εφευρέται κακῶν, — выдумщики зла, новые для него пролагающіе пути, руководители другихъ, коноводы. Апостолъ „показываетъ, что они не

довольствовались сдѣланнымъ уже зломъ, но изобрѣтали новое и новое“ (Св. Злат.) — „не только отваживались на вошедшія уже въ обычаи, но измышляли новыя худыя дѣла“ (Θеод.).

Родителемъ непокоривы,— „язычники и здѣсь (какъ въ похотствованіяхъ) возстали противъ природы“ (Св. Злат.). „Это величайшая несообразность: обвинителемъ сама природа“ (Θеод.). *Непокоривы*,—ἀπειθεῖς,—не внимательны къ ихъ слову и внушенію. Какъ ни будь худы родители, все не чуждо имъ бываетъ желаніе дѣтей своихъ направить на истинный путь, а тѣ не слушаютъ, что ни говорили. И это отъ потери страха Божія и преобладанія чувственности.

Неразумны, — ἀσύνετοι, — „потому что, поползнувшись на житіе беззаконное, утратили отличительныя черты разумности“ (Θеод.). Или *неразумны* — „ἀσυνειδήτοι, — не сознательны, безсовѣстны, неразумнѣе которыхъ нѣтъ“ (Генн.).

Непримирительны: — ἀσύνθετοι, съ которыми нельзя ладить, и которые сами не хотятъ жить въ ладу съ другими, вздорные и задорные,—„т.-е. возлюбившіе жизнь необщительную и лукавую“ (Θеод.). „Чѣмъ и доказываетъ Апостолъ, что они погубили самый даръ природы. Ибо мы имѣемъ природное расположеніе къ общенію другъ съ другомъ, свойственное даже самымъ звѣрямъ. Такъ сказано: *всяко животно любитъ подобное себѣ, и всякъ человѣкъ искренняго своего* (Сир. 13, 19). Но язычники сдѣлались свирѣпѣе звѣрей“ (Св. Злат.). Или можетъ быть ἀσύνθετοι—указываетъ на то, что они несчитали долгомъ быть вѣрными договорамъ. или сдѣлкамъ,— συνθήκαι,—въ которыя вступаютъ съ другими (Генн.), „неустойчивы въ договорахъ, вѣроломны“ (Θеоф.).

Нелюбовны,—ἄστοργοι. – Στοργή — любовь родственная, родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ, также вза-

имная любовь супруговъ, а далѣе братьевъ и сестеръ, и еще далѣе друзей. Не ищи у нихъ любви человѣка къ человѣку ради человѣчества; у нихъ нѣтъ даже той, которая естественно насаждена бываетъ въ сердцѣ: они и эту заглушаютъ въ сердцѣ. „И Господь сказалъ, что за *умноженіе беззаконій изсякнетъ любы многихъ* (Мѳ. 24, 12)" (Св. Злат.). Почему *нелюбовны* можно понять — „жестокосерды, не дружелюбны" (Генн.), „не пожелавшіе изучить законы дружбы" (Ѳеод.).

Неклятвохранительны,—ἄσπονδοι.—О врагѣ непримиримомъ говорятъ — ἄσπονδος. Потому здѣсь тоже, говорится, что — „непримиримы и злопамятны" (Генн.). Но можетъ означать это и тоже, что ἀσύνθετοι;—ибо и σπονδή означаетъ договоръ и сдѣлку. Будетъ: ἄσπονδοι,—„небоязненно нарушающіе взаимные договоры" (Ѳеод.), тоже что вѣроломные. Но первое, кажется, ближе выражаетъ силу слова.

Немилостивы, — ἀνελεήμονες,—неподатливы, несострадательны, не склонны на милость (Генн.). Ожестѣло сердце, не чувствуетъ позыва облегчать участь другихъ, пособлять, утѣшать. „Они подражаютъ въ жестокости звѣрямъ" (Ѳеод.). „Корень всѣхъ золъ охлажденіе любви: отсюда происходитъ, что одинъ съ другимъ не мирится, одинъ другаго не любитъ, одинъ другаго не милуетъ" (Ѳеоф.).

γ).

Наведеніе о безотвѣтности знающихъ и нетворящихъ.

1, 32—2, 16.

Изобразивъ худой нравъ язычниковъ, въ послѣднемъ стихѣ этой главы Апостолъ наводитъ, что они и въ семъ отношеніи безотвѣтны, какъ и въ отношеніи религіозномъ: ибо знали, но не дѣлали. Очевидно слѣдова-

тельно, что они и здѣсь содержали истину Божію въ неправдѣ и должны подлежать суду и осужденію.

Ст. 32. ***Иже и оправданіе Божіе разумѣвше, яко таковая творящіи достойни смерти суть, не точію сами творятъ, но и соизволяютъ творящымъ.***

Иже же,—οἵτινες,—какъ и *иже* 25-го стиха, тоже οἵτινες—значитъ: которые, или они; относится не къ части, а ко всѣмъ, о коихъ была рѣчь впереди. *Оправданіе, δικαίωμα*, право Божіе или Божія правда и правосудіе, праведный судъ и осужденіе съ наказаніемъ.

Достойны смерти: подъ смертію разумѣется или естественная смерть въ смыслѣ: дѣлающіе таковое недостойны и жить, или переносно—самое строгое наказаніе, или смерть вторая по послѣднемъ судѣ и осужденіи—адъ. Апостолъ утверждаетъ: язычники знали, что дѣлающимъ такія дѣла ни избѣжать праведнаго воздаянія. Это отнимаетъ у нихъ всякое извиненіе; не могутъ они прикрываться тѣмъ изворотомъ, что не знали. Вѣра въ судъ и воздаяніе по смерти обща всѣмъ народамъ земли.

Зная же все это, они не только сами беззаконновали, но и другихъ къ тому поощряли.

Соизволяютъ—συνευδοκοῦσι—означаетъ не то только, что снисходительно смотрятъ на грѣхъ другихъ, но смотрятъ благоволительно, покровительственно, одобрительно, съ желаніемъ, чтобы они грѣшили и грѣшили. А въ этомъ нельзя не видѣть большей степени развращенія, чѣмъ въ томъ, когда кто самъ только грѣшитъ, не содѣйствуя ничѣмъ другимъ въ грѣховныхъ дѣлахъ ихъ. Впадающій въ грѣхъ можетъ еще говорить въ облегченіе вины своей: страсть увлекла; но сознавая свою вину, другому покрайней мѣрѣ внушать: ты же поостерегись. Если же онъ, впадши въ тину, и другаго туда же заводитъ, то дважды виновенъ, и за себя и за другаго.

Св. Златоустъ говоритъ: „Предположивъ себѣ два воз-

раженія, Апостолъ оба рѣшилъ здѣсь предварительно Можешь ли сказать, говоритъ, будто ты не зналъ, как поступать тебѣ должно?—Еслибы и не зналъ, то глав нымъ образомъ самъ виновенъ; потому что оставилъ Бога дающаго познаніе. Но теперь представлено тебѣ многс доводовъ, что ты зналъ и грѣшилъ добровольно.—Ска жешь, что ты увлеченъ былъ страстію? Для чего ж увлекаешь другихъ и хвалишь? *Не точію сами творятъ* говоритъ Апостолъ, *но соизволяютъ творящимъ*. Такъ чтобъ осудить язычника, онъ прежде всего ставитъ н видъ самый тяжкій грѣхъ; потому что одобрять грѣх гораздо хуже, чѣмъ самому грѣшить." Послѣднюю мысл бл. Θеодоритъ такъ выражаетъ: „сама природа учит избирать доброе и избѣгать противоположнаго тому; а они мало того, что не почитаютъ достаточнымъ дѣлат послѣднее, но еще сплетаютъ похвалы дѣлающимъ подобное сему. А это крайній предѣлъ развращенія."

Нѣкоторымъ казалось, что соизволять другимъ слабѣе, чѣмъ дѣлать; потому они полагали, что слѣдовалс бы сказать: не только соизволяютъ другимъ, но и сами дѣлаютъ. Иные и чтеніе текста такое же подъискали. Св. Исидоръ обличивъ ихъ, что не слѣдуетъ такъ извращать текстъ обычнаго чтенія, потому что это дало бы неправую мысль, прибавляетъ затѣмъ: „хвалить грѣшащихъ большаго достойно наказанія, чѣмъ грѣшить только самому. Потому справедливо сказано: *не точію сами творятъ, но соизволяютъ творящимъ*. Кто грѣша сознаетъ, что не хорошо грѣшить и осуждаетъ свое дѣло, тотъ современемъ можетъ востать отъ паденія, имѣя сильное побужденіе и пособіе къ раскаянію въ семъ сознаніи и осужденіи грѣха. Хвалящій же худую жизнь, самъ себя лишаетъ пособія къ покаянію (—возбудителя къ раскаянію). Итакъ поелику такое сужденіе (хваленіе грѣха) есть знакъ крайняго развращенія сердца и

ума, то справедливо того, кто хвалитъ грѣхъ грѣшащаго, почитать болѣе беззаконнующимъ“ (у Экум.).

Иные толковники полагаютъ, что св. Апостолъ, съ перваго стиха второй главы обращаетъ рѣчь къ Іудеямъ. Но древніе наши толковники этого не дѣлаютъ. Св. Златоустъ говоритъ, что слова сіи относятся къ народнымъ правителямъ; такъ какъ Римъ у себя въ рукахъ имѣлъ тогда власть надъ всѣмъ свѣтомъ. Но сказавъ это, потомъ переходитъ къ той мысли, что Апостолъ говоритъ здѣсь вообще о всѣхъ судящихъ: всякъ, кто бы ты ни былъ. Вслѣдъ за нимъ такъ понимали и всѣ другіе наши толковники. Бл. Августинъ подразумѣваетъ Іудеевъ только потому, что и они должны заключаться подъ словомъ—*всякъ*. Амвросіастъ видитъ здѣсь отвѣтъ Апостола на предполагаемое возраженіе: нѣтъ, я не соизволяю, но осуждаю другихъ, хотя самъ грѣшу. Итакъ, чтобы кто изъ беззаконнующихъ не сталъ извинять себя, или облегчать свою вину тѣмъ, что хоть самъ и грѣшитъ, но другимъ грѣшащимъ не соизволяетъ, а осуждаетъ ихъ, Апостолъ говоритъ какъ бы такому: и тебѣ не легче; судя другаго, себя осуждаешь. — Итакъ, и это пониманіе древнихъ, и самый составъ рѣчи заставляетъ признать, что здѣсь св. Апостолъ продолжаетъ разъяснять виновность знающихъ и осуждающихъ, но не творящихъ, въ намѣреніи возбудить чувство страха суда, чтобъ тѣмъ охотнѣе приняли они потомъ его благую вѣсть о томъ, какъ избавиться отъ сего суда. Къ Іудеямъ же рѣчь обращается собственно съ 17-го стиха; а здѣсь идетъ общее разсужденіе, или общее внушеніе страха суда. Это похоже на ту часть нашихъ рѣчей, которую называютъ *приложеніемъ*.

Гл. 2, 1. *Сего ради безотвѣтенъ еси, о человѣче, всякъ судяй: имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши: таяжде бо твориши судяй.*

Бл. Өеофилактъ пишетъ: „Всѣ мы люди неодинаковаго настроенія: иногда покровительствуемъ злу, иногда бываемъ судьями чужихъ золъ, осуждаемъ подобныхъ себѣ. Итакъ, сказавъ прежде о тѣхъ, которые одобряли злыхъ, теперь ведетъ рѣчь объ осужденіи и говоритъ: *сего ради безотвѣтенъ еси.* То-есть, ты зналъ, что правосудіе Божіе состоитъ въ томъ, чтобы достойно наказывать злыхъ; поэтому и не имѣешь извиненія ты, осуждающій дѣлающихъ тоже, что и ты дѣлаешь. Кажется, что слова эти относятся къ народнымъ правителямъ, особенно же къ Римлянамъ, какъ тогдашнимъ властителямъ вселенной; ибо судить есть дѣло правителей. Впрочемъ это приличествуетъ и всякому человѣку; ибо всякій человѣкъ можетъ судить, хотя бы и не было у него судейскаго стула. Итакъ, когда осуждаешь, говоритъ, прелюбодѣя, а самъ прелюбодѣйствуешь, то осуждаешь себя самого.“

Изъ того, что сами дѣлали худое и поощряли къ тому другихъ, не слѣдуетъ, чтобъ и въ совѣсти своей,—въ сужденіи о дѣлахъ, какое ведутъ сами съ собою, они оправдывали худое. Нѣтъ, они разумѣли правду Божію, что худое худо и достойны кары, но, не умѣя совладать съ собою, и сами грѣшили и другихъ на тоже наводили. Апостолъ и выставляетъ теперь на видъ эту противоположность дѣлъ и жизни съ этимъ внутреннимъ судіею, чтобъ возвесть къ сознанію неправости своей и возбудить чувство опасенія,—быть нѣкогда осужденными предъ лицемъ правды Божіей. Какъ примѣръ осужденія грѣха, не смотря на свои грѣхи, можетъ быть, въ мысли Апостола въ самомъ дѣлѣ представлялся судъ судей. Законъ осуждалъ и наказывалъ убійство, воровство, прелюбодѣяніе, нарушеніе правъ другаго, обиды и подобное. Судья не могъ оправдывать всего этого, а долженъ былъ осуждать и присуждать виновнымъ наказаніе, не смотря на

то, что и самъ въ томъ же или въ другихъ отношеніяхъ не менѣе былъ виновенъ, какъ и осуждаемый. И народъ, смотрѣвшій на судопроизводство, тоже соглашался съ приговоромъ судьи, находя его правымъ.

Такимъ образомъ недостатка въ сужденіи о правости и неправости дѣлъ у насъ предполагать нельзя. Что же не право?—Не право направленіе нашего суда въ томъ, что осужденіе строгое мы переносимъ на другихъ, минуя себя, или отдаляя его отъ себя. Замѣчаютъ, кто чѣмъ самъ виновнѣе, тѣмъ строже судитъ другаго за то, въ чемъ самъ виновенъ. Апостолъ, кажется, здѣсь главнымъ образомъ и имѣетъ то въ намѣреніи, чтобъ расположить — это общее всѣмъ правосудіе отъ другихъ переводить на себя, съ приложеніемъ къ себѣ и послѣдствій осужденія, т.-е. безотвѣтности и каранія. — *Сего ради.* Чего же ради? Ради того, что знаютъ правду Божію, и вслѣдствіе того судятъ грѣшащихъ и осуждаютъ правильно. —*Безотвѣтенъ еси,*—ничего не можешь сказать въ оправданіе себя. *Всякъ судяй.* „Апостолъ рѣшительно говоритъ: всякій, кто бы ты ни былъ, самъ себя лишаешь извиненія“ (Св. Злат.). *Имже бо судомъ судиши друга,* ἐν ᾧ γὰρ κρίνεις, — тогда какъ судишь,—тѣмъ же дѣйствіемъ сужденія, коимъ судишь другаго, и себя осуждаешь. Сужденіе есть приложеніе общаго начала къ частному случаю. Когда осуждаешь кого за какое дѣло, сознаешь неправость вообще такого рода дѣлъ. Это сознаніе есть движитель сужденія и осужденія. Осуждаешь блудника. Почему? По сознанію, что блудъ есть грѣшное дѣло. Но если самъ ты блудишь, твой блудъ развѣ не столько же грѣшенъ? — Да. Такъ сознай же и это. — Св. Златоустъ говоритъ: „Всякій человѣкъ какъ въ разговорѣ и общихъ бесѣдахъ, такъ и предъ своею совѣстію судитъ проступившихся. Никто не осмѣлится сказать, что любодѣй не заслуживаетъ наказанія. Но всѣ, говоритъ Апостолъ, судятъ

другихъ, а не себя.“ Недостатокъ такого самоосужденія есть общій недостатокъ. Судъ отъ себя устремляемъ на другихъ, не захватывая себя. Апостолъ и хочетъ возвратить его на себя, и для этого беретъ правое осужденіе другихъ и говоритъ: право судишь другихъ; но это правое сужденіе о другихъ не менѣе право и въ отношеніи къ тебѣ. Всѣ грѣшатъ; и общее всѣхъ взаимносужденіе должно возвесть всѣхъ къ сознанію, что всѣ безотвѣтны.

Ст. 2. *Вѣмы же, яко судъ Божій есть поистиннѣ на творящихъ таковая.*

Вѣмы же: кто это? Мы, всѣ люди, всякъ человѣкъ. Обращается Апостолъ къ общему вѣрованію и убѣжденію, что есть судъ Божій: ибо всѣ живущіе на землѣ ожидали и будутъ ожидать такого суда. Это тоже, что выше: *открывается гнѣвъ Божій съ небесе.* Положенъ судъ,—никому не миновать его. Св. Златоустъ замѣчаетъ при семъ, что Апостолъ, говоря о вѣдѣніи Бога, указалъ и источникъ Боговѣдѣнія,—разсматриваніе природы,—а здѣсь не указываетъ, откуда знаютъ о судѣ, ибо это было всѣмъ вѣдомо само собою, и безъ всякихъ колебаній. И Өеодоритъ пишетъ: „для здравомыслящихъ явно, что отваживающіеся на беззаконія по Божественному опредѣленію подвергаются наказанію.“ Имѣя въ намѣреніи расположить каждаго судъ надъ другими перевесть на себя, Апостолъ внушаетъ: вѣдь то ужь несомнѣнно, что есть судъ Божій за такія дѣла; объ этомъ и говорить нечего, всѣ это знаютъ. Чего недостаетъ?—Недостаетъ того, чтобъ всякій себя подводилъ подъ этотъ судъ и себя сознавалъ безотвѣтнымъ предъ нимъ. Это внушить и старается онъ съ слѣдующаго стиха. Мысль настоящаго стиха можетъ быть двоякая,—что есть судъ Божій, и что судъ Божій истиненъ. Людской судъ иногда сфальшивитъ, Божій же судъ есть по истинѣ; ни лице-

пріятія, ни прикрытія дѣлъ не будетъ на немъ; насколько кто виновенъ, на столько и осужденъ будетъ,—точь въ точь по мѣрѣ дѣлъ своихъ.

У нашихъ толковниковъ проводится и эта мысль. Вотъ слова Экуменія за всѣхъ: „здѣсь (у людей) бываетъ судъ и не поистинѣ, потому что иные виновные оправдываются, а невинные осуждаются; въ будущемъ же вѣкѣ судъ будетъ поистинѣ. Впрочемъ и нынѣ, Богъ ни неправеднаго не оправдываетъ, ни праведнаго не осуждаетъ, когда являетъ Свой судъ.“ Прибавимъ и то, что говоритъ Амвросіастъ: „не безъизвѣстно намъ, что Богъ будетъ судить о таковыхъ по истинѣ, когда и мы осуждаемъ ихъ. Если намъ не нравятся такія дѣла, тѣмъ паче Богу, праведнѣйшему и ревнителю дѣла Своего! Когда говоритъ, что Богъ будетъ судить о таковыхъ по истинѣ, наводитъ страхъ, внушая, что Тотъ самый, о Коемъ они думаютъ, что Ему нѣтъ дѣла до ихъ дѣлъ (не взыщетъ), будетъ судить ихъ по истинѣ, т.-е. истиннѣйше воздастъ каждому по мѣрѣ дѣлъ его, и не пощадитъ.“ Та и другая мысль сообразна съ намѣреніемъ Апостола. Потому можно ихъ соединить въ одну такъ: то несомнѣнно, что на творящихъ такія дѣла есть судъ Божій, и судъ истиннѣйшій. Отсюда прямо слѣдуетъ: если есть, то какъ же ты самъ думаешь избѣжать сего суда?

Ст. 3. *Помышляеши ли же сіе, о человѣче, судяй таковая творящымъ, и творя самъ таяжде, яко ты избѣжиши ли суда Божія?*

Есть судъ Божій, и ты это знаешь. Перестань же думать, что ты избѣжишь сего суда за дурныя дѣла, особенно когда самъ же осуждаешь ихъ въ другихъ. Наведи мечь суда Божія на свою голову и проникнись страхомъ, какому естественно налегать на сердце, при ожиданіи, что вотъ-вотъ ниспадетъ сей мечь на главу твою. Не допускай мысли, что онъ минуетъ тебя, когда

ты виноватъ. Вопрошая: *помышляеши ли?*—Апостолъ внушаетъ, что, при здравомъ сужденіи такая мысль невозможна. Неужели думаешь?—Было бы изумительно, еслибъ кто такъ подумалъ, или, изумляться надо, если кто такъ думаетъ. „Своего суда не избѣжалъ, и избѣжишь суда Божія? Кто скажетъ сіе?—Ты самъ себя осудилъ; такова строгость сего судилища, что ты не могъ пощадить себя; такъ не гораздо ли больше осудитъ тебя Богъ, безгрѣшный и праведный? Или самъ ты себя осудилъ, а Богъ одобритъ и похвалитъ? Какъ это возможно? Ибо ты стоишь большаго наказанія, нежели осуждаемый тобою. Наказавши (осудивши) другаго за грѣхъ, самому впасть въ оный значитъ уже болѣе, нежели просто согрѣшить. Видишь ли, сколько Апостолъ увеличилъ вину? Если ты, говоритъ онъ, наказываешь (осуждаешь) за меньшій грѣхъ, между тѣмъ какъ самъ не перестаешь осквернять себя грѣхами; то Богъ никогда не причастный грѣху, не паче ли осудитъ и обвинитъ за гораздо большіе проступки тебя, уже осужденнаго собственными твоими помыслами?" (Св. Злат.).

При этомъ иной могъ подумать: сколько уже я нагрѣшилъ, но не вижу, чтобъ меня Богъ наказывалъ; не покараетъ и тогда. Апостолъ предотвращаетъ эту мысль, говоря:

Ст. 4. *Или о богатствѣ благости Его и кротости и долготерпѣніи нерадиши, не вѣдый, яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ?*

Теперешнее Божіе снисхожденіе и долготерпѣніе имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ тотъ, который ты даешь ему. Здѣсь благость Божія на покаяніе тебя ведетъ. Бери въ этомъ побужденіе не къ тому, чтобы погрязать во грѣхахъ, къ пагубѣ своей мечтая по сему поводу о всегдашней ненаказанности, а къ тому, чтобы отстать отъ грѣховъ и раскаяться. „Долготерпѣливъ

Богъ, но если не обратишься, заблистаетъ мечъ Его (надъ головою твоею). Милостивъ Господь, но не для того, чтобы ты бралъ отсюда поводъ къ большей закоренѣлости, а для того, чтобы ты имѣлъ время вступить на поприще покаянія“ (Экум.). Но если таково намѣреніе Божія ненаказыванія тебя здѣсь, то когда не воспользуешься сею милостію, какъ должно, навлечешь на себя еще большее осужденіе, какъ презритель милости Божіей. И самъ ты вмѣстѣ съ судомъ Божіимъ себя строже осудишь, когда увидишь, что въ рукахъ твоихъ было спасеніе и ты упустилъ его. Св. Златоустъ говоритъ: „если же самъ признаешь, что ты достоинъ наказанія, но полагаешься на Божіе долготерпѣніе, и поелику не былъ наказанъ во время преступленія, думаешь, что и впередъ не будешь наказанъ; то смотри, сіе самое должно тебя страшить и ужасать. Господь медлитъ наказаніемъ не для того, чтобы оставить тебя безъ наказанія, но для того, чтобы, если не исправишься, наказать тебя съ большею строгостію. И не дай Богъ случиться сему съ тобою! Итакъ Апостолъ, восхваливъ долготерпѣніе Божіе, и показавъ важнѣйшую его пользу для внимательныхъ — обращать согрѣшившихъ къ покаянію, усиливаетъ страхъ. Для пользующихся, какъ должно, служитъ оно виною спасенія; а для презрителей — напутствіемъ къ большей казни. А что касается до обыкновенной поговорки: благъ Богъ и долготерпѣливъ; Онъ не любитъ наказывать,—то, произнося оную,—внушаетъ Апостолъ, ты навлекаешь только на себя тягчайшее наказаніе. Богъ являетъ Свою милость, дабы ты освободился отъ грѣховъ, а не присовокуплялъ новые. Какъ скоро не сдѣлаешь сего, казнь будетъ ужаснѣе. Потому особенно, что Богъ долготерпѣливъ, тебѣ и должно не грѣшить, не должно Его благодѣяній обращать въ поводъ къ неблагодарности. Хотя

долготерпѣливъ, но безъ всякаго сомнѣнія и наказываетъ.“

Ст. 5. *По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія.*

Долготерпя Богъ ведетъ грѣшника на покаяніе. Но если онъ не внимаетъ сему и, несмотря на то, все остается въ тѣхъ же грѣхахъ, то все больше и больше углубляется въ грѣшность; а отъ этого жестѣетъ сердце и чувство тупѣетъ къ воспріятію возбуждающихъ къ покаянію впечатлѣній отъ представленія утѣшительныхъ и страшныхъ истинъ Божіихъ. Когда страсть увлекаетъ и совершается грѣхъ, возстаетъ совѣсть, грозящая судомъ, и понуждаетъ покаяться и исправиться. Внимаетъ кто, – благо ему. Не внимаетъ, - опять падаетъ во грѣхъ. Но и совѣсть опять возстаетъ, только слабѣе противъ прежняго. Если еще повторится то же, голосъ сей еще будетъ слабѣе. Наконецъ совсѣмъ смолкнетъ. Грѣшникъ грѣшитъ равнодушно. Равнодушіе къ грѣху—переходъ къ ожестѣнію сердца, но еще не ожестѣніе. Равнодушнаго можно еще разбудить, а ожестѣвшаго развѣ особая сила Божія претворитъ. Доходятъ до ожесточенія нѣсколькократнымъ пробужденіемъ отъ равнодушія и исправленіемъ жизни,—и опять ниспаденіемъ въ него чрезъ повтореніе грѣховъ. Возбуждаютъ истины Божіи. Когда всѣ истины сіи истощатъ надъ грѣшащимъ свою возбудительную силу, чѣмъ возбудишь его?—Сердце его стало, какъ камень, котораго не беретъ никакое орудіе. „Когда человѣка не смягчаетъ благость, не преклоняетъ страхъ; что можетъ быть жестокосерднѣе?“ (Св. Злат.). Вслѣдъ за такимъ ожесточеніемъ приходитъ враждованіе на Бога и все божественное, а за этимъ отчаяніе—конечная пагуба. Жестокость или жестокосердіе объясняется непокаяннымъ сердцемъ.

Дошелъ до нераскаянности и преспокойно валяется во грѣхахъ грѣшникъ, не подозрѣвая уже никакой себѣ опасности. Между тѣмъ что онъ дѣлаетъ? *Собираетъ себѣ гнѣвъ*. Гнѣвъ,—праведное воздаяніе Божіе за всякое дѣло, слово и помышленіе худое. Гнѣвомъ это названо „по чувству грѣшника“ (Амвр.), принимающаго опредѣленіе Судіи, а не по состоянію Судіи. „Смотри, какія приличныя употребляетъ Апостолъ реченія. Говоритъ: *собираеши себѣ гнѣвъ*, показывая, что причиною гнѣва не судія, а подсудимый. Самъ ты собираешь себѣ, а не Богъ. Онъ сдѣлалъ все, что было нужно, снабдилъ тебя способностію распознавать доброе и недоброе, явилъ долготерпѣніе, призвалъ къ покаянію, угрожалъ страшнымъ днемъ, всѣми мѣрами побуждая тебя покаяться. Если же ты непреклоненъ, то самъ *собираешь себѣ гнѣвъ, въ день гнѣва*“ (Св. Злат.).

Собираешь, — θησαυρίζεις, — сокровиществуешь. Какъ иной, рубль за рублемъ слагая въ сундукъ, большое наконецъ собираетъ сокровище: такъ всякій, живущій на землѣ, дѣло къ дѣлу прилагая, собираетъ себѣ сокровище на небѣ, которое будетъ служить для него вѣчнымъ провіантомъ или вѣчнымъ лишеніемъ. „Прекрасно сказалъ Апостолъ: *собираеши себѣ*, показывая, что ни одно изъ нашихъ словъ или дѣлъ не предастся забвенію, а напротивъ того, и любители добродѣтели собираютъ себѣ блага, и дѣлатели лукавства тоже дѣлаютъ (собираютъ, хоть не блага)“ (Θеод.). Теперь не видно это сокровище, но оно непремѣнно откроется въ день праведнаго суда Божія. Что для кого откроется, это можно и теперь предвидѣть. Но для многихъ многихъ откровенія сіи будутъ неожиданны, какъ даетъ разумѣть Господь въ изображеніи производства суда; ибо многіе скажутъ: *когда же Тя видѣхомъ?*

Такъ всѣ сокровиществуютъ, — сокровиществуетъ и

грѣшникъ; но что? *Гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія.* Что гнѣвъ?—Злыя дѣла, за которыя послѣдуетъ строгое наказаніе, имѣющее въ сердцѣ грѣшника отразиться, яко гнѣвъ Божій. Что день гнѣва, —это объясняютъ слѣдующія слова: *и отровенія праведнаго суда Божія.* Въ тотъ день будетъ производиться праведный судъ Божій; но какъ грѣшники, потерявъ всякое правое чувство, будутъ представлягь сію правду, какъ гнѣвъ, то для нихъ онъ есть день гнѣва. Милость Божія и тамъ будетъ изобрѣтать, какъ бы оправдать грѣшника, и будетъ предавать его правдѣ Божіей уже послѣ того, какъ не къ чему рукъ приложить въ оправданіи его: но, несмотря на это, для грѣшниковъ все-же это будетъ день гнѣва, имѣющаго проникать все ихъ существо. Апостолъ и ставитъ два выраженія, что будетъ день тотъ для грѣшниковъ и что онъ есть самъ въ себѣ: для грѣшниковъ *день гнѣва,* а самъ въ себѣ *день праведнаго суда Божія.* „Дабы, слыша о гнѣвѣ, не почелъ ты онаго дѣйствіемъ страсти, Апостолъ присовокупляетъ: *праведнаго суда Божія*" (Св. Злат.). Слово: *откровеніе* означаетъ явленіе. *День откровенія*—день, когда явится Судія и откроется судъ Божій. Но вмѣстѣ съ симъ можно домышлять, что день сей откроется внезапно: какъ молнія отъ края неба до края возсіяваетъ нежданно, такъ откроется и судъ Божій. И на той мысли можно при семъ остановиться, что тогда все раскроется, ничего утаить нельзя будетъ. „Будетъ тогда отровеніе всего; и воздаяніе сообразно будетъ съ тѣмъ, что откроется, а вслѣдствіе этого судъ праведный. Здѣсь правда не всегда одерживаетъ верхъ, потому что дѣла скрываются, а тамъ за откровеніемъ слѣдуетъ судъ праведный" (Ѳеоф.).

Ст. 6. *Иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его.*

Въ этомъ и состоитъ праведность суда. Мѣра дѣлъ—мѣра воздаянія. Что надѣлалъ, то и получишь: отъ дѣлъ твоихъ оправдишися и отъ дѣлъ твоихъ осудишися. Ничто

стороннее не будетъ взято во вниманіе. Сознавалъ, что должно дѣлать, могъ сдѣлать и не сдѣлалъ или сдѣлалъ совсѣмъ противное,—неси наказаніе. Созналъ, что должно дѣлать, понудилъ себя на сдѣланіе и сдѣлалъ, несмотря на противности внутри и внѣ,—прими воздаяніе. И вѣра—дѣло, но только начальное и руководительное, а не конечное и всеобъемлющее. Вѣра вводитъ въ путь спасенія, снабжаетъ силами; самое же спасеніе совершается дѣлами, соотвѣтствующими вѣрѣ. Повѣровалъ,—и принятъ въ число спасаемыхъ и снабженъ всѣмъ нужнымъ къ содѣянію спасенія: содѣлай же его; будь святъ и непороченъ въ дѣлахъ, словахъ, чувствахъ и расположеніяхъ. Ибо ничто нечистое не войдетъ въ царство Божіе. Когда услышишь: вѣрь только и спасешься; затыкай уши. Это рѣчь змѣиная.

Ст. 7. *Овымъ убо по терпѣнію дѣла благаго, славы чести и нетлѣнія ищущымъ, животъ вѣчный.*

На судѣ будетъ воздано каждому по дѣламъ его. Кому же что? Праведнымъ—рай, а грѣшнымъ—адъ. Ставитъ впереди воздаяніе праведнымъ, чтобъ дать мысли утѣшительный предметъ и нѣсколько смягчить грозную рѣчь, какую велъ доселѣ и будетъ вести далѣе. „Сказавъ, что Господь воздастъ каждому, началъ съ награды добрымъ, дѣлая такимъ образомъ рѣчь свою пріятною“ (Θеоф.). „Въ бесѣдѣ о судѣ и будущемъ наказаніи бывъ грознымъ и строгимъ, Апостолъ не вдругъ изображаетъ казнь, какъ ожидать надлежало, но обращаетъ рѣчь къ болѣе пріятному, къ наградѣ добрыхъ“ (Св. Злат.).

Тѣмъ, которые по терпѣнію дѣла благаго ищутъ славы, чести и нетлѣнія, воздастъ Богъ жизнь вѣчную.—*По терпѣнію дѣла благаго.* Дѣло благое означаетъ и каждое доброе дѣло, какое бы ни встрѣтилось, и вообще добродѣланіе или жизнь добродѣтельную и святую. Съ жизнію

такою терпѣніе такъ существенно связано, что безъ него въ ней шагу нельзя сдѣлать. Терпѣніе необходимо и въ началѣ, и въ продолженіи, и въ концѣ какъ каждаго дѣла, такъ и всей жизни. Вездѣ требуется напряженіе силъ, всегда упасть готовыхъ, преодолѣніе препятствій, какъ внутри, такъ и вовнѣ, придумываніе средствъ и приведеніе ихъ въ дѣло. Все же сіе безъ терпѣнія выдержано быть не можетъ. Терпѣніе—субстратъ (подстилка) святой и богоугодной жизни. Вотъ почему св. Павелъ, минуя другія соприкосновенности благаго дѣла спасительной жизни, помянулъ только о терпѣніи. Ибо когда оно есть, то и все есть: есть и ревность, есть и вниманіе ко всякому встрѣчающемуся случаю добра, есть и рѣшимость скорѣе умереть, чѣмъ опустить что изъ предлежащаго добраго, а тѣмъ паче—допустить что противное тому. Потому терпѣніе благаго дѣла можетъ означать постоянство въ добродѣланіи или въ доброй и святой жизни.

Славы, чести и нетлѣнія ищущымъ. Искать славы—славолюбіе, искать чести,—честолюбіе. То и другое—не добрыя стремленія; какъ же за нихъ животъ вѣчный? Исканіе славы и чести, когда оно обращено къ славѣ и чести пустымъ и непрочнымъ, человѣческимъ, питающимъ самость человѣческую, раждаетъ пороки: славолюбіе и честолюбіе. Но когда оно обращено къ вѣчной славѣ и чести у Бога въ царствіи небесномъ, то оно не пороки раждаетъ, а добрыя расположенія, наводящія на добрыя дѣла, кои не самость питаютъ, а самоотверженія требуютъ. Чтобы возжелать и взыскать той славы и чести, надо отвергнуться себя и всего высокаго и высящагося на землѣ и низойти на самую смиренную и уничиженную долю,—бросить, что предъ глазами, и ятися за то, что невидимо и для ума безвѣстно. Между здѣшнимъ и тамошнимъ—цѣлая бездна. Какъ перейти ее и кто перенесетъ черезъ нее? Какъ бы это ни совершилось, но оче-

видно, что это есть великій подвигъ. Ибо взыскавшій тамошняго, бываетъ весь тамъ сердцемъ и мыслію, хотя видимо остается здѣсь. Будущія блага объемлетъ надежда. Но надеждѣ нельзя установиться безъ любви; ибо она крѣпка только тѣмъ, что полагается на любимаго и любящаго. А любви нельзя породиться безъ вѣры; ибо только вѣра вводитъ въ созерцаніе достолюбезнаго. Такимъ образомъ взысканіе славы, чести и нетлѣнія имѣетъ высокое духовное совершенство, которому, поколику оно таково, не можетъ не принадлежать вѣчная жизнь: ибо оно ею уже и дышетъ.

Тамъ будутъ слава и честь; но никто ими не будетъ занятъ. То будетъ состояніе славное и пречестное: самое естество человѣческое станетъ славно и честно; вниманіе же обладающихъ имъ будетъ занято другимъ—высшимъ, созерцаніемъ Бога, всеблаженнаго и всеублажающаго. И здѣсь, на землѣ, взыскавшіе тамошняго, чаютъ его; но вниманіе ихъ обращено не къ нему, а къ тому, что ведетъ къ нему надежно, къ святой и богоугодной жизни и ко всякаго рода трудамъ, которые требуются для достиженія такой цѣли. Потому можно сказать, что въ чаяніи у нихъ неизреченныя будущія блага, безъ окачествованія ихъ какою-либо чертою. Апостолъ же называетъ ихъ славою, честію и нетлѣніемъ, заимствуя черты отъ того, что есть великаго у людей, не существо ихъ изображая, а намекомъ нѣкіимъ предъугадывать научая ихъ величіе. Св. Златоустъ говоритъ: „Замѣть, что, говоря о будущемъ, самъ Апостолъ не въ состояніи изобразить всѣхъ благъ, но говоритъ о славѣ и чести. Поелику блага сіи превосходятъ все человѣческое, и на землѣ ничего нѣтъ, что могло бы служить имъ подобіемъ, Апостолъ, сколько можно, объясняетъ чрезъ сравненіе съ тѣмъ что у насъ почитается блистательнымъ—съ славою, честію и жизнію, такъ какъ сіе для людей вожделѣннѣе. Въ самомъ же дѣлѣ небес-

ныя блага не таковы, но, какъ нетлѣнныя и безсмертныя, несравненно превосходнѣе.

Такимъ образомъ—*славы, чести и нетлѣнія ищущымъ*, то же значитъ, что ищущимъ небесныхъ благъ.—А то, что Богъ воздастъ имъ животъ вѣчный,—значитъ, что Богъ и обогатитъ ихъ сими благами. Все же мѣсто сіе можно выразить такъ: тѣмъ, которые, рѣшившись жить свято и богоугодно, терпѣливо и неуклонно идутъ симъ путемъ благимъ, воодушевляясь надеждою будущаго пресвѣтлаго состоянія, Богъ воздастъ животъ вѣчный,—дастъ имъ вѣчно вкушать неизреченныя блага небесныя. Здѣсь Апостолъ „и труды добродѣтели далъ видѣть, показалъ и вѣнцы. Словами: *по терпѣнію дѣла благаго* означаются труды. Ибо должно терпѣть и преуспѣвать въ добродѣтели, и такимъ образомъ ожидать вѣнцевъ ея. Но трудъ—временный, а пріобрѣтеніе вѣчное“ (Θеод.). „Тѣмъ, говоритъ, которые ищутъ чести, славы и нетлѣнія и никогда не выпускаютъ ихъ изъ мыслей своихъ, Богъ воздастъ въ воскресеніе жизнь вѣчную. Какимъ же образомъ снискиваются будущая слава, честь и нетлѣніе?—Постоянствомъ въ добромъ дѣлѣ. Ибо постоянный въ добромъ дѣлѣ и твердо стоящій противъ всякаго искушенія дѣйствительно снискиваетъ и славу, и честь, и безсмертіе или наслажденіе нетлѣнными благами въ нетлѣнномъ тѣлѣ“ (Θеоф.).

Ст. 8. *А иже по рвенію противляются убо истинѣ, повинуются же неправдѣ, ярость и гнѣвъ.*

„Какъ въ другомъ отдѣлѣ людей обѣщавалъ Богъ оныя блага не просто кому ни есть, и не тѣмъ, которые не съ усиліемъ упражняются въ добродѣтели, но рѣшившимся понести на себѣ труды ея; такъ и въ разсужденіи порока изрекаетъ такія угрозы не тѣмъ, которые по какому-либо обстоятельству поползнулись въ по-

рокъ, но предающимся пороку съ великимъ раченіемъ" (Өеод.). *Рвеніе*—ἐριθεία, - ретивость, по которой всѣ усилія употребляютъ, чтобы не дать кому-нибудь себя опередить. „Рвеніе, усиліе; *по рвенію*—съ усиліемъ" (Өеоф.). Усиліе дѣятельное исходитъ отъ сильнаго желанія; а это отъ возлюбленія желаемаго; любовь же означаетъ вседушную преданность. Такимъ образомъ рвеніе здѣсь означаетъ самоохотное возлюбленіе и усердную преданность жизни, противной правдѣ и добру,—раболѣпство страстямъ.

По рвенію противляются истинѣ. Когда кто хочетъ удержать другаго, а тотъ рвется у него изъ рукъ, очевидно, сей послѣдній противляется первому. Истина Божія, призывающая насъ къ вѣрѣ и добродѣтели, удерживаетъ порывы нашего суемудрія и нашихъ порочныхъ пожеланій. Кто стоитъ въ истинѣ, любя ее вседушно, тотъ противится симъ порывамъ; а кто имъ поддался и пошелъ въ слѣдъ ихъ, тотъ противится истинѣ, вырывается изъ рукъ ея, говоритъ ей: отойди, путей твоихъ вѣдать не хочу. Въ этомъ рвеніи на свободу суемудрія и пожеланій своихъ и состоитъ существо богопротивной жизни въ грѣхѣ и страстяхъ. Хоть она въ существѣ есть рабство, но рабствующій по самопрельщенію думаетъ, что онъ состоитъ на правахъ вольности и мечтательно усвояетъ ее себѣ, свысока посматривая на ревнителей добродѣтели, какъ на низкихъ рабовъ, не смѣющихъ ни сужденія своего имѣть, ни позволить себѣ какое-либо вольное дѣйствованіе. Истина здѣсь означать можетъ всякую истину,—и ту, которою опредѣляется вѣра, и ту, которою заповѣдуется добрая жизнь. Въ такомъ случаѣ и правда будетъ тоже означать всякую правду,—и ту, которая требуется отъ ума, и ту, которая требуется отъ сердца. Но по ходу рѣчи ближе будетъ разумѣть здѣсь истину дѣятельную,—тоже, что

правду. Ибо и впереди и послѣ говорится у Апостола о праведной жизни и о противоположной ей.

Когда говоритъ Апостолъ: *противляются истинѣ*, даетъ разумѣть, что они знаютъ истину, какъ истину, и сознательно противляются ей. И когда говоритъ: *повинуются неправдѣ*, даетъ разумѣть, что они знаютъ неправду, какъ неправду, и сознательно повинуются ей. Какъ знаютъ то и другое, ниже объясняетъ онъ: совѣсть ихъ научаетъ. А что возможно такое противосовѣстное дѣйствованіе,—это мы всѣ знаемъ по себѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „словомъ: *по рвенію*, Апостолъ доказываетъ, что они впали въ пороки по упорству и безпечности. Но вотъ и еще новая у нихъ вина: *противляются истинѣ,—повинуются же неправдѣ!* Какое извиненіе можетъ имѣть тотъ, кто убѣгаетъ свѣта и любитъ тьму? Не сказалъ Апостолъ: которые принуждены и терпятъ насиліе, но: которые *повинуются* неправдѣ, давая тѣмъ знать, что ихъ паденіе и преступленіе не отъ необходимости, но отъ произвола.“

Ярость и гнѣвъ. Если предъ: животъ вѣчный доразумѣваемъ—воздастъ, то и здѣсь тоже доразумѣть можно. Въ такомъ случаѣ подъ словами: *ярость и гнѣвъ* надо будетъ разумѣть состояніе, противоположное вѣчному животу, или совокупность вѣчныхъ нестерпимыхъ мученій. И безъ—воздастъ можно такъ читать: а этимъ—ярость и гнѣвъ. Ярость и гнѣвъ собственно выражаютъ отверженіе Божіе: *отойдите отъ Меня*. Это отверженіе и само въ себѣ есть страшнѣйшее наказаніе; но его усиливаютъ еще послѣдующія за нимъ душевныя терзанія и тѣлесныя муки. Хотѣлъ Апостолъ дать понять сими словами, что рабствующихъ неправымъ пожеланіямъ и страстямъ ожидаютъ крайнія муки. Ибо обычно тому, кто горитъ яростію и гнѣвомъ, желать подгнѣвному крайняго зла.

Ст. 9. *Скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое, Іудеа же прежде и Еллина.*

Снова повторяетъ, что уже высказалъ, подтверждая какъбы: да, такъ это будетъ, и иначе сему быть нельзя. Хочетъ посильнѣе напечатлѣть ту истину, что будетъ судъ, и на немъ всякій дастъ отчетъ въ дѣлахъ своихъ и соотвѣтственное тому получитъ воздаяніе. Только малый оттѣнокъ въ семъ изображеніи примѣчается въ томъ, что упоминаются раздѣльно Іудеи и Еллины. Этимъ дѣлается переходъ къ обличенію послѣ язычниковъ и Іудеевъ (Θеод.); къ сему однакожь онъ приступаетъ ниже—со стиха 17-го.

Скорбь и тѣснота,—будетъ или низпадетъ: *скорбь* — душевная мука, *тѣснота*—мука тѣлесная. Но и скорбь, терзая душу, мучитъ тѣло; и тѣснота. муча тѣло, томитъ душу. Оба слова, можно думать, выражаютъ всестороннія страданія и мученія, глубоко чувствуемыя. - *На всяку душу*—не тоже, что на всякое лицо, или на всякаго человѣка: ибо человѣкъ тутъ же стоитъ. Апостолъ хотѣлъ указать, что и внѣшнія и внутреннія страданія и мученія—всѣ сходятся въ душѣ. Она и за себя страдать будетъ и за тѣло: ибо все отъ нея. Въ ней зачинается грѣхъ, въ ней изрекается согласіе на грѣхъ, она услаждается имъ, и навыкъ къ нему усвояетъ. Ей и страдать за все слѣдуетъ. Можно и ту здѣсь видѣть мысль, что на судѣ будетъ имѣться въ виду одна душа съ дѣлами своими безъ всякихъ внѣшнихъ земныхъ отличій. Св. Златоустъ говоритъ: „сіе значитъ, что богатъ ли кто, начальникъ ли кто вольнаго государства, или самодержавный царь,—слово суда никого не уважаетъ; достоинства не имѣютъ на судѣ мѣста.“

Одно только отличіе будетъ имѣть вѣсъ на судѣ,—Іудей кто, или Еллинъ; но и это не по внѣшнему чему, а тоже по внутреннему состоянію. Іудей осязательнѣй-

шее имѣлъ удостовѣреніе, что есть Богъ—Творецъ, Промыслитель и Судія, и о волѣ Его и заповѣдяхъ имѣлъ полнѣйшее и яснѣйшее вѣдѣніе. То и другое имѣлъ и язычникъ, но въ меньшей мѣрѣ ясности и полноты. Потому тотъ больше виновенъ, забывая Бога и заповѣди Его преступая, нежели этотъ. Тому и наказаніе строже, нежели этому. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ тягчайшимъ наказаніемъ угрожаетъ Іудею: *Іудеа же прежде и Еллина.* Кто большее получилъ наставленіе, тотъ долженъ вытерпѣть большую казнь за преступленіе. Чѣмъ мы свѣдущѣе и могущественнѣе, тѣмъ тяжелѣе будемъ наказаны за грѣхи. Если ты богатъ, отъ тебя требуется больше пожертвованій, нежели отъ бѣднаго; если уменъ— больше послушанія; если облеченъ властію, покажи блистательнѣйшія заслуги. Такъ и во всемъ прочемъ ты дашь отчетъ по мѣрѣ силъ своихъ.“

Нельзя оставить безъ вниманія и замѣчанія бл. Ѳеофилакта на греческое слово, отвѣчающее нашему: *творящаго злое.* „Не сказалъ, говоритъ, Апостолъ: ἐργαζόμενος—дѣлающій, но κατεργαζόμενος—дѣлающій зло со тщаніемъ,—такой, который не только творитъ злое, но остается во злѣ и не раскаивается.“ На судъ хотя всѣ предстанутъ, но осужденію подпадутъ только нераскаянные. Раскаяніе извергаетъ худое изъ души; потому хоть и значится сіе худое за человѣкомъ, но не носится имъ въ себѣ самомъ. Раскаянный предстанетъ на судъ не имѣющимъ въ себѣ зла; а какъ быть съ тѣмъ зломъ, которое записано за нимъ? Это рѣшитъ милость Божія. Вѣруемъ, впрочемъ, что слезы покаянія изглаждаютъ и ту запись, силою таинства покаянія, по благодати Господа нашего Іисуса Христа.

Ст. 10. *Слава же и честь и миръ всякому дѣлающему благое, Іудееви же прежде и Еллину.*

Прибавляетъ будто въ утѣшеніе Іудеевъ, что ихъ

строже осудилъ, говоря какъбы: не сѣтуйте, что присуждается строжайшее наказаніе вамъ; ибо и награда назначается богатѣйшая.—*Слава и честь и миръ*—можно, не опредѣляя особо значенія каждаго слова, полагать, что ими выражаетъ Апостолъ всю полноту благъ воздаянія, примѣняясь къ тому, что на землѣ почитается высокимъ и утѣшительнымъ; ибо поистинѣ сами въ себѣ тѣ блага непостижимы и неизъяснимы для насъ. Превелики они и преблаженны, а что именно суть, того ни понять, ни высказать невозможно. Ибо не съ чѣмъ ихъ сравнить изъ вѣдомаго намъ: все высокое и утѣшительное у насъ—ничто въ сравненіи съ ними.

Слава и честь выше нѣсколько пояснены. Что миръ? - Миръ въ себѣ, миръ со всѣми, миръ паче съ Богомъ. Когда миръ водворяется и царствуетъ, то тѣ, которые имѣютъ счастіе жить подъ его царствомъ, наслаждаются непрестанно отраднымъ состояніемъ, повсюду разливающимъ радость жизни. Можетъ быть здѣсь прибавилъ Апостолъ—*миръ* къ прежде сказаннымъ: славѣ и чести, чтобъ означить верхъ тамошняго блаженства и вмѣстѣ указать, что тѣ слава и честь ничего раздѣляющаго и смущающаго не имѣютъ, какъ это имѣютъ онѣ на землѣ. Такъ св. Златоустъ: „какія бы блага ни имѣлъ кто на землѣ, обладаніе оными сопряжено со многими безпокойствіями; богачъ, владѣлецъ, царь, если не съ другими, то съ самимъ собою бываетъ часто въ раздорѣ, съ своими помыслами ведетъ жестокую брань. Но при обладаніи небесными благами не случается ничего подобнаго; напротивъ все тихо, безмятежно, наслаждается истиннымъ миромъ.“ — Тоже пишетъ и Ѳеофилактъ: „блага земныя всегда имѣютъ враговъ, сопряжены съ безпокойствами, подвержены зависти и кознямъ, и хотя бы совнѣ никто не угрожалъ имъ, самъ обладающій ими всегда безпокоится въ помыслахъ; а слава и честь у

Бога наслаждаются миромъ и чужды безпокойства въ помыслахъ, какъ не подлежащія казнямъ.“

Бл. Өеофилактъ, обратившій выше вниманіе на греческое выраженіе—*κατεργαζόμενος*—съ усиліемъ дѣлающій злое, располагаетъ обратить его на греческое выраженіе слова *дѣлающему* и здѣсь,—ἐργαζομένῳ, просто дѣлающему благое, хотя бы и безъ усилія. Апостолъ хотѣлъ будто намекнуть, что легче получить награду, чѣмъ подвергнуться наказанію, чтобъ воодушевить и отогнать безнадежность и нечаяніе въ чувствующихъ себя слабыми. Только начни хоть сколько-нибудь дѣлать добро,—и ты уже будешь на сторонѣ тѣхъ, которыхъ ожидаетъ слава и честь.

Іудееви же прежде и Еллину. Справедливо ли? Что большее наказаніе Іудею, дѣлающему злое, справедливость этого очевидна: ибо, имѣя болѣе побужденій и способовъ дѣлать добро, не только не дѣлалъ его, но уклонился къ противному, явно запрещенному злу. Награду же ему слѣдовало положить меньшую, потому же самому, что онъ большими былъ окруженъ побужденіями и способами къ добру, и потому ему легче было творить его. Язычнику труднѣе было противиться злу и устоять въ добрѣ; потому, если онъ окажется добрымъ, ему слѣдовать должна бы большая награда. Такъ казалось бы; но если Іудей больше имѣлъ побужденій дѣлать добро, то большій имѣлъ и кругъ добродѣланія. Оставаясь вполнѣ вѣрнымъ закону, онъ больше дѣлалъ добра, а потому больше несъ и труда. Это даже въ той части добра, которая вмѣстѣ съ писаннымъ закономъ была внушаема и совѣстію. Но на Іудея законъ возлагалъ многое такое, чего совѣсть не сказываетъ, что однакожъ неуклонно должно было быть исполняемо, и требовало труда, который дѣлалъ изъ закона чувствительное иго. Понесшему вѣрно съ терпѣніемъ сіе иго развѣ несправедливо воз-

дать больше? Не одна мѣра усердія и напряженія нравственныхъ силъ опредѣляетъ достоинство дѣятеля, но и кругъ предметовъ дѣйствованія. Къ тому же хотя іудейство не было окончательное устроеніе Божіе къ преспѣянію человѣческому, но оно никакъ не могло оставаться безслѣднымъ для души, не могло не оставлять на ней печати, полагавшей рѣзкое отличіе ея отъ души, естественно лишь доброй. Тамъ былъ зачатокъ освящающей силы отъ Господа Спасителя. Ибо іудейство характеризовало вѣру въ имѣющаго придти Спасителя. Потому вѣрный своему іудейству Іудей не могъ не стоять выше всякаго язычника, вѣрнаго лишь естественнымъ законамъ совѣсти. Св. Златоустъ разсуждаетъ: „Какого Іудея разумѣетъ здѣсь Апостолъ, и о какихъ говоритъ Еллинахъ? О жившихъ до пришествія Христова. Ибо не дошла еще рѣчь до пришествія благодати, напротивъ Апостолъ имѣетъ предметомъ времена отдаленнѣйшія. — Подъ Еллинами разумѣетъ здѣсь Павелъ не идолопоклонниковъ, но людей богобоязненныхъ, повинующихся естественному закону, которые, за исключеніемъ соблюденія іудейскихъ обрядовъ, сохраняли все относящееся до благочестія." Дополнимъ: вѣровали въ Бога Творца, Промыслителя и Воздаятеля, надежду свою всю на Него единаго возлагали и боялись оскорбить Его нарушеніемъ чего-либо, что совѣсть внушала имъ, какъ богоугодное, — и такъ бывъ настроены всегда, богатились дѣлами правды и любви, обязательность которыхъ сознавали.

Ст. 11. *Нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога.*

Какъ же нѣтъ на лица зрѣнія, когда Іудей больше награждается? — Апостолъ хочетъ сказать этимъ, что Іудей не награждается, поколику онъ Іудей, а поколику окажется вѣрнымъ предписанному ему закону заповѣдей; равно язычникъ не осуждается, поколику онъ язычникъ, а поколику окажется невѣрнымъ естественному закону

совѣсти. Іудей судится, а потомъ награждается или наказывается, яко Іудей, по его законамъ. Язычникъ судится, и затѣмъ награждается или наказывается, яко язычникъ, по его законамъ. И въ томъ и другомъ случаѣ участь рѣшится вѣрностію или невѣрностію тому закону, который каждый изъ нихъ считалъ для себя обязательнымъ. Исполненіе его сдѣлаетъ его достойнымъ награды въ мѣрѣ исполненія, а нарушеніе его сдѣлаетъ достойнымъ наказанія въ мѣрѣ нарушенія. Въ этомъ отношеніи всѣ равны — и Іудей и Еллинъ. *Нѣтъ на лица зрѣнія у Бога.* Св. Златоустъ говоритъ: „когда говорилъ, что Іудей и язычникъ наказываются за грѣхи, сіе не имѣло нужды въ доказательствахъ. Но когда хочетъ внушить, что и язычникъ удостоится чести, на это нужны уже доводы. Ибо казалось дивнымъ и страннымъ, чтобы не слышавшій Закона и Пророковъ удостоивался чести за добрыя дѣла. Апостолъ и внушаетъ намъ, что Богу несвойственно поступать иначе, потому что сіе было бы лицепріятіемъ, а въ Богѣ нѣтъ лицепріятія. *Нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога*, т.-е. Богъ испытуетъ не качество лицъ, а разность дѣлъ. — Одинъ пріемлетъ честь, а другой поруганіе не потому, что тотъ Іудей, а сей язычникъ; напротивъ каждому воздается по дѣламъ.“

Нельзя не видѣть, что Апостолъ, — съ 9-го стиха доселѣ и далѣе, — далъ особое направленіе своей мысли. Видимо, онъ незамѣтно подходитъ къ главной своей мысли — равенству Іудея и язычника предъ благодатію. Вдругъ выразивъ эту мысль, онъ могъ изумить и оттолкнуть Іудеевъ. Чтобъ расположить ихъ къ принятію ея издали, онъ ставитъ напередъ Іудея и Еллина равными предъ судомъ Божіимъ. Въ этомъ присужденіи за него стояло врожденное всѣмъ чувство правды, заграждая уста Іудею и заставляя его покорно согласиться на высказанное Апостоломъ рѣшеніе вѣчной участи каждаго неумытною

правдою Божіею. Св. Златоустъ говоритъ: „Такъ Апостолъ напередъ подкапываетъ преграду между обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ, еще издали готовитъ уничтоженіе сего различія, дабы совершить сіе, не подавъ никакого подозрѣнія. Еслибы сталъ онъ доказывать сіе прямо о временахъ благодати, то слова его навлекли бы не мало подозрѣнія. Но когда, разсуждая о господствующихъ въ мірѣ нечестіи и развращеніи, по связи рѣчи доходитъ и до сего предмета; ученіе его дѣлается вовсе неподозрительнымъ. Вникни!—Апостолъ привелъ слушателя въ страхъ, поразилъ слухъ его напоминаніемъ о страшномъ днѣ, сказалъ, сколь худа порочная жизнь, доказалъ, что всякій грѣшитъ не по невѣдѣнію, а потому и несвободенъ отъ наказанія, и ежели еще не наказанъ, то неминуемо подвергнется казни. Здѣсь хочетъ онъ уже доказывать, что ученіе закона не есть что-либо крайне необходимое, потому что и наказаніе и награда бываетъ за дѣла, а не за обрѣзаніе и необрѣзаніе. Апостолъ сказавъ, что язычникъ будетъ наказанъ, изъ сего положенія, какъ неоспоримаго, вывелъ заключеніе, что язычникъ будетъ и награжденъ, а симъ обнаружилъ, что законъ и обрѣзаніе уже излишни. Іудеи по гордости считали низкимъ для себя стать наравнѣ съ язычниками. По сему Апостолъ сперва обвинилъ язычниковъ, о которыхъ завелъ рѣчь, дабы не возбудить подозрѣнія и сильнѣе напасть на Іудеевъ; потомъ переходитъ къ разсужденію о наказаніи, и доказываетъ, что законъ не только не пользуетъ Іудею, но даже обременяетъ его. Если язычникъ неизвинителенъ, что не сдѣлался лучшимъ при руководствѣ природы и разума, то гораздо болѣе неизвинителенъ Іудей, который кромѣ такого же руководства обученъ былъ и закону. Такимъ образомъ Апостолъ, убѣдивъ Іудея согласиться, что грѣхи язычниковъ неизвинительны, поневолѣ заставляетъ тоже заключить и о своихъ грѣхахъ.“

Ст. 12. ***Елицы бо беззаконно согрѣшиша, беззаконно и погибнутъ; и елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ.***

Объясняетъ и утверждаетъ Божіе нелицепріятіе. Которые, говоритъ, *беззаконно*, т.-е., не имѣя писаннаго закона, а руководствуясь однимъ естественнымъ закономъ совѣсти, *согрѣшили,* тѣ *беззаконно* и погибнутъ,—т.-е. не по писанному закону будутъ осуждены на вѣчное мученіе. которое есть крайняя пагуба, а „по одному врожденному природѣ ихъ дару распознавать доброе и злое“ (Θеод.),—будутъ осуждены за то, что не слѣдовали сему естественному, въ сердцѣ ихъ написанному, закону. А которые *въ законѣ*, т.-е., имѣя писанный законъ, *согрѣшили*, тѣ по этому закону и судимы будутъ, и *судъ пріимутъ*, т.-е. будутъ осуждены на ту же вѣчную пагубу. Когда на горѣ Синайской изрекли они: все, что скажетъ Господь, сотворимъ и послушаемъ, тогда же приняли они всѣ предписанія закона въ совѣсть, и поставили себя отвѣтными предъ ними, какъ предъ совѣстію. Этимъ для нихъ расширилось пространство подсудности. Какъ постепенно возводитъ Іудеевъ къ сознанію большей для нихъ опасности, чѣмъ для язычника! Не говоритъ онъ этого явно; говоритъ только, что Богъ нелицепріятенъ и будетъ судить всякаго по тому закону, который онъ сознавалъ для себя обязательнымъ. Но поелику для Іудеевъ и предписанія закона были обширнѣе и вѣдѣніе ихъ яснѣе и полнѣе, то потому самому ему слѣдуетъ больше бояться за свою участь. Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь Апостолъ доказываетъ, что не только Іудей и язычникъ равны между собою, но на Іудея возложено большее бремя дарованіемъ ему закона. Хотя язычникъ осуждается безъ закона, но сіе осужденіе безъ закона означаетъ не большую строгость, а большую снисходительность въ судѣ,—именно то, что язычникъ не имѣетъ обвинителемъ за-

кона. Судимый безъ закона, т.-е. неподлежащій осужденію по закону, судится по одному естественному разуму. А Іудей судится по закону, т.-е. сверхъ природы имѣетъ обличителемъ законъ. Чѣмъ больше приложено о немъ попеченій, тѣмъ большему подвергнется онъ наказанію. Видишь ли, какъ Апостолъ поставилъ Іудеевъ въ большую предъ язычниками необходимость прибѣгать къ благодати? Поелику они говорили, что не имѣютъ нужды въ благодати, какъ оправдываемые однимъ закономъ, то Апостолъ доказываетъ, что Іудеямъ, если только подвергнутся они большему наказанію, благодать нужнѣе, нежели язычникамъ."

Ст. 13. *Не слышателіе бо закона праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сіи оправдятся.*

Видимо, что Апостолъ, оставляя язычниковъ, больше и больше налегаетъ на Іудеевъ. Какъ они хвалились закономъ, и за нимъ прятались, какъ за оградою; то законъ же обращаетъ онъ въ осужденіе имъ, и эту ограду подрывая, обрушиваетъ на нихъ судъ праведный, всею тяжестію подавляющій. Хорошо, что у васъ законъ, ясно изображающій, что должны вы дѣлать и чего не дѣлать, хорошо, что вы ясно слышали и слышите о всемъ этомъ. Это не малое преимущество. Но предъ Богомъ не то цѣнно, что у васъ есть Писаніе, изображающее законъ, и что вы слышите его, а то, если исполняете. Если исполняете, больше вамъ чести; а если не исполняете, что пользы отъ закона? Никакого не придастъ вамъ это вѣса. Одни творцы закона оправдятся.

Таковъ общій законъ божественнаго правосудія, по которому будетъ совершаться всемірный судъ. Творцы закона оправдятся: когда? *Въ день суда*—ст. 16. Потому ст. 16 стоитъ въ прямой связи съ настоящимъ 13-мъ, какъ его дополненіе. Въ стт. 14 и 15-мъ Апостолъ объясняетъ, что у язычниковъ есть свой законъ. Доселѣ не

разъ онъ говорилъ, что язычники знали законъ и, несмотря на то, грѣшили, потому безотвѣтны; но какъ знали,—не объяснялъ. Дѣлаетъ это теперь. Ибо поставивъ на одну линію предъ судомъ Іудея и язычника, и дѣлая того и другаго отвѣтнымъ—каждаго предъ своимъ закономъ, онъ долженъ былъ объяснить наконецъ и это. Что у Іудея былъ предъ глазами законъ, объ этомъ и говорить нечего. Но какой законъ у язычника?—Іудей могъ говорить: что ты его равняешь со мною? У него никакого закона нѣтъ, и всѣ дѣла его грѣшны и нечисты предъ Богомъ Какого ему ожидать оправданія, и соотвѣтственной награды?—Язычникъ могъ думать: если не данъ мнѣ законъ, за что меня осуждать? Пусть идутъ въ муку вѣчную одни Іудеи.—Апостолъ и объясняетъ, какъ у язычника написанъ законъ, и какъ потому и награда ему пристойна и наказаніе не неправедно.

Ст. 14. *Егда бо языцы, не имуще закона естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ.*

Говоритъ: *творцы закона оправдятся;* но гдѣ же у язычниковъ законъ? Да, ты смотри! Вѣдь язычники творятъ что-либо законное,—сообразное съ закономъ? Творятъ. А между тѣмъ писаннаго закона у нихъ нѣтъ?—Нѣтъ. Какъ же это они творятъ законное?—Естествомъ; т.-е., безъ особыхъ указаній свыше, своими естественными силами, руководствуясь тѣмъ однимъ, что Богомъ положено въ ихъ естество. Если такимъ образомъ они естествомъ законное творятъ, безъ писаннаго закона, то очевидно, что они сами себѣ суть законъ,—т.-е. сами въ себѣ носятъ законъ, сами въ себѣ его читаютъ, слушаютъ и исполняютъ. Ты, Іудей, слушаешь писанный законъ, принимаешь его на совѣсть, считаешь себя обязаннымъ исполнять его,—и исполняешь,—творишь законное; а у язычника все это совершается внутри, въ немъ самомъ,

въ естествѣ его: тамъ и слышится ему законъ, тамъ онъ внимаетъ ему, тамъ полагаетъ и творитъ его.

Какъ это происходитъ, объясняетъ Апостолъ въ слѣдующемъ стихѣ, а здѣсь только приводитъ опытное указаніе, что язычникъ творитъ законное, творитъ *естествомъ*,—безъ особаго свыше руководства,—и потому самъ себѣ есть законъ. Надо замѣтить, что когда Апостолъ говоритъ *естествомъ*, то не разумѣетъ: съ естественною необходимостію, а только: съ естественными силами, которыя имѣются отъ природы. Съ сими силами и узнаютъ законное, и рѣшаются на него и творятъ его, сохраняя полную свободу слѣдовать ему или не слѣдовать. „Говоря: *естествомъ*, разумѣетъ: по естественному разуму" (Св. Злат.), „имѣя убѣжденіе въ мысляхъ, напечатлѣвъ въ сердцахъ своихъ не письмена, но дѣло, и вмѣсто закона пользуясь, во свидѣтельство о добромъ, совѣстію и природными мыслями" (Θеоф.). Также когда говоритъ Апостолъ: *сами себѣ суть законъ*, не усвояетъ имъ права дѣйствовать, какъ кому ни захочется, а только то внушаетъ, что законъ не пришелъ къ нимъ совнѣ. По качеству же своему онъ столько же непреложенъ, какъ и писанный,—у всѣхъ одинаковъ, и равно для всѣхъ обязателенъ: ибо естество неизмѣнно, у всѣхъ одно, и дѣйствующій не по естеству разрушаетъ естество.

Но какъ же Апостолъ прежде изобразилъ язычниковъ такими непотребными, что сказать объ нихъ: *естествомъ законная творятъ,* уже не приходилось бы?—Тамъ онъ изобразилъ ихъ, какими они сдѣлались по своему произволенію, низпадши въ похоти плоти; а здѣсь указываетъ, какими слѣдовало бы имъ быть по естеству, т.-е., творить законное, написанное въ естествѣ ихъ. Тамъ представленъ преобладающій характеръ язычества, до какого нравственнаго униженія оно низпало, а здѣсь говорится, что при всемъ томъ были же и такіе, которые творили

законное. Эти послѣдніе и служатъ въ обличеніе тѣхъ, что знали, могли творить законное и не творили. Не будь творящихъ законное, беззаконнующіе могли бы говорить: что дѣлать? такъ ужь вѣрно мы устроены.—Апостолъ здѣсь и даетъ разумѣть, что не такъ устроены, чтобы нечествовать и развратничать, а напротивъ такъ, чтобы творить законное.—Апостолу нужно въ настоящемъ мѣстѣ не то положеніе, что язычники—всѣ и все законное творятъ, а только одно то, что творятъ законное, чтобы отсюда вывесть: слѣдовательно у нихъ есть свой законъ, въ нихъ дѣйствующій.

Ст. 15. *Иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти, и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ.*

Могъ иной сказать: что язычники творятъ иногда законное, это бываетъ случайно; между множествомъ беззаконныхъ дѣлъ выпадаетъ иногда какъ-нибудь и законное. Апостолъ предотвращаетъ эту мысль, изображая. какъ естественно совершается производство нравственныхъ дѣяній. Язычники *являютъ дѣло законное.* Какое? Всякое, какое ни являютъ,—что будетъ означать то же, что законныя дѣла. Или *дѣло законное* значитъ—дѣло закона, дѣло нравственности,—нравственное законодательство. То или другое являютъ *они написаннымъ въ сердцахъ своихъ.* Ибо всегда первое внушеніе на добро исходитъ изъ сердца. Встрѣтился страждущій, — изъ сердца исходитъ состраданіе, располагающее облегчить его участь. Видитъ кто обижающаго,—изъ сердца исходитъ неудовольствіе на него съ понужденіемъ защитить обижаемаго. Получилъ кто благодѣяніе,—сердце исполняется благодарностію къ благодѣтелю. Пришло помышленіе о Богѣ, - въ сердцѣ чувствуется благоговѣйное Ему поклоненіе и преданность, хотя бы не имѣлъ кто правыхъ понятій о Божествѣ.—Такъ всякое дѣло закон-

ное является написаннымъ въ сердцѣ и у язычника. Но въ сердцѣ откуда оно? Сердце—производитель законнаго внушенія, или только проводникъ?—Само оно есть законное дѣло, или оно только являетъ, указываетъ дѣло законное, принимая внушенія отъинуды и служа имъ только истолкователемъ?—Глубже сердца, въ духѣ лежитъ совѣсть, страхомъ Божіимъ оживляемая. Она перстомъ своимъ пишетъ въ сердцѣ при всякомъ случаѣ дѣло законное,—то, какъ слѣдуетъ поступить, иногда—помоги, иногда—защити, иногда—не тронь, это чужое, и подобное. Дѣло законное и является написаннымъ въ сердцѣ, и свидѣтельствуется чувствомъ, указывающимъ образъ дѣйствованія.

Но все ли здѣсь? Нѣтъ. Надо дойти до исполненія дѣломъ того, что внушено чрезъ сердце. И это идетъ такъ. Чувство сердца отражается въ сознаніи; лучъ сознанія опять низпадаетъ на совѣсть и вызываетъ обязательство сдѣлать такъ или иначе. Сердце только сочувствуетъ законному дѣлу, — какъ внушила ему совѣсть; совѣсть же, когда съ дѣломъ обратилось къ нему сознаніе, возлагаетъ теперь на него нравственную необходимость дѣйствованія такъ, а не иначе. Это и значитъ: *спослушествующей имъ совѣсти*. Спослушествующей,—συμμαρτυρούσης — свидѣтельствующей. Кому? Чувствамъ сердца. Совѣсть говоритъ сознанію или лицу человѣка: да, да; такъ должно поступить, какъ внушаетъ сердце.

Этимъ внутреннее законоположеніе на всякій разъ и кончается. Дѣло законное указано и сознано обязательнымъ. Но такое рѣшеніе постановлено лишь во внутреннѣйшей высшей палатѣ, гдѣ ничто законное не встрѣчаетъ препятствій. Чтобы перейти этому рѣшенію въ дѣло, ему надобно пройти чрезъ низшую палату—душу съ ея потребностями, привычками и принятыми въ правило внѣшними отношеніями. Сюда и поступаетъ всякое

законное дѣло,—и какъ только поступаетъ, всегда встрѣ чаетъ бурю противопомышленій.—Совѣсть между тѣмъ защищаетъ свое дѣло. Происходитъ борьба внутри — *между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ. Отвѣщающимъ*—ἀπολογουμένων,—защищающимъ исполняющимъ адвокатскую должность. Слышится съ одной стороны осужденіе, съ другой—защита и оправданіе. Какая сторона одолѣетъ, по той и исполненіе слѣдуетъ,—дѣло законное, внутри законоположенное, на дѣлѣ или отвергается или исполняется. Кто рѣшитель?— Свободное лице человѣка дѣйствующаго. И никто не можетъ рѣшить, почему это лицо склоняется на ту или другую сторону, и рѣшеній его никакимъ образомъ нельзя подвесть подъ какіе-либо законы, чтобы по немъ можно было и предугадывать его рѣшенія. Ибо у него бываетъ сейчасъ одно, а черезъ часъ другое рѣшеніе, при совершенно равныхъ обстоятельствахъ.

Вотъ все производство нравственнаго дѣянія. Изъ него видно, что нравственный законъ написанъ въ сердцѣ человѣка и подкрѣпляется совѣстію. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ всегда необходимо былъ исполняемъ: ибо встрѣчаетъ помыслы, въ борьбѣ съ которыми не всегда выходитъ побѣдителемъ. Виновникъ исполненія или неисполненія свободный человѣкъ, который за дѣла свои и дастъ отчетъ въ день, когда будетъ Господь судить тайная человѣковъ: ибо рѣшенія человѣка на дѣла совершаются втайнѣ, а они-то собственно и подлежатъ суду и осужденію.

Мы считаемъ стихи 14 и 15 вносными пояснительными положеніями. Но замѣтить слѣдуетъ, что древніе наши толковники такъ не думаютъ, а видятъ и здѣсь послѣдовательную рѣчь. Насъ заставляетъ видѣть здѣсь вносное то, что иначе нестройно будетъ стоять слѣдующій 16-й текстъ: *въ день, егда судитъ Богъ*. Но они слова

эти соединяютъ съ непосредственно предъидущими, и, когда толкуютъ, мѣсто все выписываютъ такъ: ***и между собою помысломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ въ день, егда судитъ Богъ*** и проч.—Показалъ выше Апостолъ, что на судѣ всѣ будутъ судимы по закону, который лежалъ на всякомъ, и объяснилъ затѣмъ, что и у язычниковъ былъ и есть свой, законъ, написанный въ сердцѣ и скрѣпляемый совѣстію;—теперь говоритъ, какъ будетъ происходить самый судъ. Именно, тамъ не нужны будутъ свидѣтели; всякой въ мысляхъ своихъ самъ надъ собою произнесетъ оправданіе или осужденіе: всякой будетъ видѣть свой законъ и дѣла свои, сличитъ то и другое. и рѣшитъ: виноватъ или нѣтъ. Св. Златоустъ говоритъ: „слова—***осуждающимъ*** (и проч.) относитъ Апостолъ ко всему роду человѣческому. Ибо въ день суда предстанутъ собственныя наши мысли, то осуждающія, то оправдывающія. И человѣку на ономъ судилищѣ не нужно другаго обвинителя.“ Такъ Ѳеофилактъ и Амвросіастъ. Экуменій приводитъ кромѣ своихъ мыслей толкованіе и бл. Фотія. Ѳеодоритъ объясняетъ при семъ и то, какъ подымутся осуждающіе помыслы, слѣдующими примѣрами: „Не излишнимъ считаю пояснить слово сіе какимъ-либо примѣромъ. Когда чудный Іосифъ приводилъ въ дѣйствіе составленный имъ замыслъ надъ Веніаминомъ, и покушался взять его въ рабы, какъ будто укравшаго чашу, и тѣмъ, какъ огнемъ, искушалъ расположеніе братьевъ; тогда ясно открылась сила свидѣтельства совѣсти. Ибо тогда, именно тогда, меньше занялись настоящимъ горестнымъ событіемъ, вспомнили же о преступленіи, совершенномъ за двадцать два года, и одни сказали: кровь брата нашего юнѣйшаго взыскуется отъ рукъ нашихъ, а Рувимъ припоминалъ сдѣланныя имъ увѣщанія. Поэтому надобно представить себѣ и будущій судъ, и то, какъ совѣсть жившихъ и внѣ закона будетъ то

оправдываться, выставляя въ предлогъ невѣдѣніе, то принимать обвиненіе и провозглашать справедливость произносимаго приговора.“

Это толкованіе не противорѣчитъ предъидущему и не отмѣняетъ его, а указываетъ только второй моментъ одного и того же суда: одинъ проявляется въ сей жизни, а другой наступитъ въ другой. Но въ существѣ и тотъ и другой одинаковы. И тамъ совѣсть также будетъ судить и осуждать, какъ это дѣлаетъ она здѣсь. Тамъ только голосъ ея будетъ сильнѣе и рѣшительнѣе; потому что не будетъ встрѣчать противорѣчій, какъ бываетъ здѣсь.

Ст. 16. *Въ день, егда судитъ Богъ тайная человѣкомъ, по благовѣстію моему, Іисусомъ Христомъ.*

Тамъ рѣшится вѣчная участь каждаго, т.-е. осудится онъ или оправдится, не поколику слышалъ законъ.— чрезъ слухъ ли уха или чрезъ сердце,—а поколику творилъ его;– и притомъ не какъ внѣшно творилъ его, а какъ построевалось всякое творимое дѣло внутренно. Ибо это внутреннее построеніе дѣлъ составляетъ душу дѣлъ, внѣшнее же производство ихъ есть только тѣло для того внутренняго, и постольку цѣнно, поскольку цѣнно то внутреннее. Эта внутренняя сторона дѣлъ обнимаетъ, какъ зараждались первыя мысли о дѣлахъ, какъ потомъ доходили они до вожделѣнія, какъ соприкасались совѣсти, какъ покарялись или сопротивлялись ей, какъ происходило рѣшеніе и почему, и каковъ вообще духъ и направленіе всѣхъ дѣлъ, всей жизни и дѣятельности. Все это и подобное составляетъ существо дѣлъ и рѣшаетъ достоинство ихъ въ осужденіе или оправданіе своего дѣятеля. Какъ все это невидимо, то Апостолъ и говоритъ, что въ послѣдній день Богъ будетъ судить тайная человѣковъ.—κρυπτὰ—сокровенная,—не то, что есть человѣкъ совнѣ, но что онъ есть по внутреннему

своему строю. „Апостолъ, дабы увеличить страхъ, не сказалъ: человѣческіе грѣхи (будетъ судить Богъ), но: *тайная человѣкомъ,*—чтобъ не заключилъ ты, что приговоръ Божій таковъ же, какъ и произносимый тобою, но зналъ, что оный гораздо строже твоего приговора. Ибо люди могутъ судить однѣ явныя дѣла“ (Св. Злат.), „а Богъ будетъ судить и тайное“ (Θеоф.).

По благовѣствованію моему Іисусомъ Христомъ. „Можешь и такъ разумѣть слова—*Іисусомъ Христомъ:* по благовѣствованію моему, предоставленному мнѣ Іисусомъ Христомъ“ (Θеоф.). Но прямѣе слова сіи относятся къ производству суда Іисусомъ Христомъ, такъ: „Богъ будетъ судить тайная чрезъ Іисуса Христа, т.-е. Отецъ чрезъ Сына, потому что Отецъ не судитъ никого, но всякій судъ отдалъ Сыну (Іоан. 5, 22)“ (Онъ же).

Когда Апостолъ говоритъ: *по благовѣствованію моему,* не то хочетъ симъ сказать, что онъ только объ этомъ возвѣщаетъ, а другой никто, а то, что въ проповѣди своей онъ никогда не опускалъ этого важнѣйшаго предмета. Кому бы ни проповѣдалъ, всѣмъ говорилъ о судѣ. Этимъ начиналъ проповѣдь, чтобы разбудить усыпленную совѣсть; потомъ за эту пробужденную совѣсть, какъ за поводъ взявши, и ко Христу приведши, обновивши благодатію и заповѣди христіанскія возложивши, заключалъ: такъ обновленный и благодатію укрѣпленный живи неуклонно по заповѣдямъ, каждую минуту чая втораго пришествія Христа Господа, Который пришедши воздастъ каждому по дѣламъ его. Мысль о послѣднемъ страшномъ судѣ—начало и конецъ въ проповѣди Апостольской: началомъ и концомъ она была и есть и въ жизни каждаго, ревнующаго о спасеніи. У кого она не выпадаетъ изъ вниманія, съ соотвѣтственными ей чувствами, тому нельзя грѣшить.

„Посему каждый, войдя въ сознаніе себя самого и раз-

мысливъ о грѣхахъ своихъ, потребуй отъ себя строгаго отчета, дабы тогда не быть осуждену съ міромъ. Ибо судилище сіе страшно, престолъ Судіи грозенъ, истязанія ужасны. *Братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ?* (Пс. 48, 8).—Представь себѣ, что еслибы теперь предъ одною церковію обнаружить тайный проступокъ кого-либо изъ насъ, то уличаемый согласился бы лучше погибнуть, дать себя поглотить землѣ, чѣмъ имѣть стольких свидѣтелей своего преступленія. Что же будетъ съ нами тогда, какъ предъ цѣлою вселенной будетъ все выставлено на семъ блистательномъ и открытомъ позорищѣ, какъ все сдѣлается видимымъ для нашихъ знакомыхъ и незнакомыхъ?"—(Св. Злат.).

бб).

И Іудеи содержали истину Божію въ неправдѣ.

2, 17—3, 20.

Поставивъ такимъ образомъ предъ судомъ Божіимъ Іудея на одной линіи съ язычникомъ и тѣмъ возбудивъ въ немъ опасеніе осужденія, Апостолъ расположилъ его выслушать и слѣдующее теперь обличеніе его, въ которомъ онъ, подобно какъ и въ обличеніи язычниковъ, α) сначала указываетъ, что они и по назначенію и по сознанію своему суть боговѣдцы и вѣдцы воли Божіей, не только сами для себя, 2, 17—18, но и для другихъ, 19—20. β) Если теперь при всемъ этомъ они оказываются неисправно живущими, въ противорѣчіе и своему назначенію и своему сознанію,—21—24, то γ) всѣ, означенныя преимущества—ни къ чему,—они представляютъ Іудея худшимъ язычника,— —25—29.—δ) Этотъ выводъ не могъ не встрѣтить возраженія: что убо лишшее Іудею? Устранивъ его,—3, 1—8,—Апостолъ ε) снова

налегаетъ на обвиненіе Іудеевъ (касаясь отчасти и язычниковъ), уже не самъ отъ себя, а отъ лица пророковъ, и тѣмъ заставляетъ ихъ смолкнуть, 3, 9 - 20.

а).

Ст. 17. ***Се ты Іудей именуешися, и почиваеши на законѣ, и хвалишися о Бозѣ.***

Се ты. По-гречески въ иныхъ рукописяхъ стоитъ εἰ δὲ σύ, если же ты,—а въ иныхъ ἴδε σύ,—смотри, ты, или вотъ ты. Преимущество по рукописямъ принадлежитъ первому, а по смыслу и теченію рѣчи—второму. Его и удерживаетъ нашъ славянскій и русскій переводъ.—***Се ты Іудей именуешися.*** Іудей отъ Іуды, сына Іакова, не перваго по рожденію, но перваго по обѣтованію; ибо ему обѣтованъ царскій скипетръ, и главное то, что отъ его племени имѣлъ родиться Тотъ, Кто есть чаяніе языковъ.—Назывались они также Израильтянами—отъ Израиля, какимъ именемъ названъ Іаковъ вслѣдствіе боговидѣнія,—и Евреями отъ Евера, предка Авраамова. Въ новозавѣтныхъ писаніяхъ они называются то Евреями, то Израильтянами, то Іудеями, то Жидами. Можетъ быть, въ то время, почетнѣйшимъ названіемъ считалось Іудей, какъ въ устахъ самихъ Іудеевъ, такъ и у другихъ. Его и употребилъ Апостолъ, желая показать, какое почетное они носятъ названіе, чтобы послѣ тѣмъ срамнѣйшимъ представилось ихъ несоотвѣтствіе сему имени въ жизни. Такъ и мы носимъ самое высокое имя—христіанинъ, какъ во Христа облеченные и Духомъ Святымъ помазанные; но сіе великое имя обращается намъ въ посрамленіе, если не соотвѣтствуемъ ему жизнію (Св. Злат.). Въ словѣ *Іудей* Апостолъ совмѣстилъ всѣ преимущества ветхозавѣтныя, которыя любилъ вращать въ мысли своей Іудей, говоря какъбы: вотъ ты любишь именовать себя Іуде-

емъ,—избраннымъ Божіимъ, пользующимся особымъ покровительствомъ Божіимъ, съ которымъ Богъ вступить благоволилъ въ особый завѣтъ, преимущественно предъ другими народами. Смотри же, таковъ ли ты на дѣлѣ?—Или, сказавъ: *именуешися Іудей,* этимъ самымъ сдѣлалъ уже намекъ на то, что онъ только именуетъ себя такъ, не будучи на дѣлѣ таковымъ, внушая, что за нимъ только одно это почетное имя осталось, какъ и намъ иногда говорятъ: ты по имени только христіанинъ (Св. Злат., Ѳеод.).

И почиваеши на законѣ,—ἐπαναπάυῃ.—Какъ иному покойно почивать, возлегши на хорошо приготовленномъ одрѣ: такъ покойно почивалъ Іудей на законѣ,—семъ несомнѣнно отъ Бога исшедшемъ спасительномъ учрежденіи, несомнѣнно приводившемъ къ предположенной въ немъ цѣли, обезопашивавшемъ отъ всякаго заблужденія въ дѣлѣ наиболѣе близкомъ къ сердцу всякаго,—въ богоугожденіи и спасеніи. Имѣя такое учрежденіе, Іудей почивалъ, отложа всѣ заботы по этой части, какъ будто имѣя это, онъ все имѣлъ, и ничего больше отъ него не требовалось; между тѣмъ какъ это только начало, а что требовалось по сему началу, тому и начало не положено. Такимъ образомъ въ словѣ—*почиваеши на законѣ* дается высокая похвала закону и намекается на укорное обличеніе состоящему въ законѣ. Это и къ намъ можетъ идти, когда успокоиваясь тѣмъ, что имѣемъ истинно-православное исповѣданіе, истинно-спасительныя таинства, боголѣпный чинъ приближенія къ Богу въ молитвахъ и вѣрное руководство въ дѣлѣ спасенія въ богоучрежденномъ пастырствѣ,—на этомъ одномъ почиваемъ, не двигаясь съ мѣста сами. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „*почиваеши на законѣ*: ибо не трудишься, подобно живущему внѣ закона, доискиваясь, что должно дѣлать, но имѣешь законъ, ясно научающій тебя всему.“ Тоже и

бл. Θеофилактъ: „не трудишься, не ходишь, не разузнаешь, что должно дѣлать, но имѣешь законъ, безъ труда наставляющій тебя на все.“—Не можетъ ли это выраженіе означать также и прилежнаго изученія закона, подобно тому, какъ мы говоримъ про инаго: спитъ на книгахъ? Любишь говорить, рыться въ книгахъ закона, чтобы знать навѣрное что угодно Богу; почему ниже и приложилъ: *научаемь отъ закона*. Іудеевъ нельзя похулить, что небрегли о знаніи закона. Съ этой стороны они исправны, исправнѣе насъ, христіанъ, которымъ, въ большинствѣ, заботы нѣтъ о томъ, что писано въ христіанскихъ книгахъ и чего хочетъ отъ нихъ Христосъ Господь, въ Коего вѣруютъ и Коего именемъ украшаются.

И хвалишися о Бозѣ — ἐν Θεῷ,—въ Богѣ, Богомъ. „Хвалишися о Возѣ, какъ предпочтившемъ тебя предъ всѣми народами вселенной, какъ удостоившемъ тебя великаго попеченія, давшемъ законъ и руководителей пророковъ“ (Θеод.). „Хвалишься, что ты любимъ Богомъ, и предпочтенъ прочимъ людямъ“ (Св. Злат.). Говоришь: вотъ какой у меня Богъ! Онъ мнѣ то и то сдѣлалъ, то и то далъ, то и то обѣщалъ,—любитъ меня и всегда готовъ помочь мнѣ. Я—Божій и Богъ мой,—Богъ истинный. Хвалиться Богомъ—воистину есть выраженіе того, что отношенія наши къ Богу находятся въ настоящемъ видѣ. Такъ поступать можетъ только тотъ, кто состоитъ въ живомъ союзѣ съ Богомъ, въ Немъ Единомъ и Имъ Единымъ живетъ. Это плодъ послѣднихъ степеней нравственно-духовнаго совершенства. Имѣющіе истинную вѣру всѣ должны быть таковы. И слѣдовательно хвалиться Богомъ есть долгъ тѣхъ, которые приняли отъ Бога истинную вѣру. И ничѣмъ другимъ хвалиться имъ не пристойно. *Хваляйся о Господѣ да хвалится* (2 Кор. 10, 17). Но можно хвалиться лишь языкомъ, не имѣя въ сердцѣ такого хваленія. Въ сердцѣ и притвориться нель-

зя такимъ хваленіемъ: оно плодъ жизни. Апостолъ говоритъ: ты хвалишься Богомъ? Это хорошо; но посмотри, искренно ли и истинно ли сіе хваленіе. Можно языкомъ хвалиться о Богѣ, чтобъ повеличаться предъ другими, не имѣя въ сердцѣ соотвѣтственныхъ тому чувствъ.—Св. Златоустъ и наводитъ: „симъ, думаю, хочетъ Апостолъ осмѣять высокоуміе и непомѣрное честолюбіе Іудеевъ, которые обратили сей даръ Божій (что любимы и предпочтены Богомъ) не въ собственное свое спасеніе, но въ поводъ заводить распри и презирать другихъ.“—Не хотѣлъ ли Апостолъ сказать этимъ, что они хвалятся здравыми понятіями о Богѣ, что знаютъ Бога истиннаго и знаютъ истинно?—Въ язычникахъ онъ обличалъ извращеніе истины о Богѣ, а за тѣмъ и о должной жизни. Въ Іудеяхъ, напротивъ, видитъ онъ и здравыя понятія о Богѣ, и вѣдѣніе истинной воли Его, какъ поминаетъ вслѣдъ за симъ. А предъ симъ на это наводить можетъ почиваніе на законѣ, изучая который со всѣми писаніями святыми, Іудей пріобрѣталъ истинное вѣдѣніе о Богѣ, коимъ неложно могъ хвалиться предъ всѣми народами. Тутъ же онъ уразумѣвалъ и волю Божію.

Ст. 18. *И разумѣеши волю, и разсуждаеши лучшая, научаемь отъ закона.*

И разумѣеши волю, „т.-е. волю Божію“ (Θеод., Θеоф.), опредѣленно выраженную въ законѣ и истолкованную пророками, съ опредѣленнымъ указаніемъ того, какъ Богу угождать, какъ богоугодно жить между собою, какъ заглаждать свои грѣхи и исправлять свои пороки,—и чего ожидать при всемъ этомъ въ жизни сей и по смерти. Все это, говоритъ, ты разумѣешь Іудей и былъ бы ты блаженъ, еслибы и творилъ такъ. Но какъ этого нѣтъ, то подобное разумѣніе служитъ только къ большему осужденію тебя. Св. Златоустъ говоритъ: „Разумѣть только—не важно, когда не свидѣтельствуется дѣлами,

хотя почиталось преимуществомъ; почему Апостолъ и замѣчаетъ сіе особенно. Не сказалъ онъ: исполняешь, но: разумѣешь, не слѣдуя тому и не дѣлая того."

И разсуждаеши лучшая δοκιμάζεις τὰ διαφέροντα.— Δοκιμάζειν—испытывать, опытно дознавать, распознавать и удостовѣряться. Διαφέροντα—то, что выдается изъ ряду, лучшее, отличное. Если разумѣть вообще, то будетъ: „различаешь противоположное между собою, правду и неправду, цѣломудріе и непотребство, благочестіе и нечестіе" (Θеод.). Но какъ δοκιμάζειν указываетъ на частную дѣятельность, или на опыты ея, то въ этихъ словахъ скорѣе можно видѣть указаніе на то, что Іудей хорошо могъ опредѣлять, что, когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ должно ему дѣлать въ видахъ богоугожденія, какой лучшій образъ дѣйствованія избрать ему. Что онъ разумѣлъ, что должно дѣлать вообще, это указано словами: разумѣеши волю;—словами же *разсуждаеши лучшая* указывается, что онъ могъ рѣшать и то, что лучше для него дѣлать въ частныхъ случаяхъ. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „подъ *лучшая* надобно разумѣть приличное или полезное каждому; а подъ *разсуждаеши*—рѣшаешь, что должно дѣлать, и чего не должно дѣлать (въ какомъ случаѣ)."

Научаемь отъ закона. „Ибо во всемъ этомъ онъ сталъ тебѣ учителемъ" (Θеод.). „*Научаемь*,—κατηχούμενος,—оглашаемь. Въ синагогахъ читали законъ и чрезъ слухъ уха всякій хотя и нехотя получалъ вѣдѣніе о достодолжномъ. Это оглашеніе закономъ научало точному различенію, какъ, въ какомъ случаѣ надлежало поступать. Но они, не исполняя ничего дѣломъ, величались однимъ этимъ умѣніемъ различать достодолжное" (Экум.).

Стт. 19. 20. *Уповая же себе вожда быти слѣпымъ, свѣта сущимъ во тмѣ, наказателя безумнымъ, учителя младенцемъ, имуща образъ разума и истины въ законѣ.*

Обладая истиннымъ вѣдѣніемъ о Богѣ и волѣ Божіей, и видя, какъ всѣ другіе народы погрязають во тьмѣ невѣдѣнія и влаются различными заблужденіями, Іудей не могъ не сознавать своего въ семъ отношеніи преимущества, и не счесть себя вождемъ, свѣтомъ и учителемъ для другихъ. Да и по назначенію Божію онъ долженъ былъ быть таковымъ; то и намѣреніе Божіе было, чтобъ храня истину въ Своемъ народѣ, посредствомъ непрерывнаго напоминанія и истолкованія ея свыше, чрезъ него мало-по-малу распространять ее и среди другихъ. И укоръ Апостола не на то падаетъ, что они таковы, а на то, что имѣя быть таковыми и сознавая такое свое назначеніе, они на дѣлѣ оказывались не лучше тѣхъ, которыхъ должны были руководить. Здѣсь только выставляетъ это преимущество, а далѣе,—съ 21-го ст.,—начинаетъ и самое обличеніе, говоря какъбы: все это такъ бы должно быть; но сами-то вы каковы?

Уповая же—πέποιθάς τε,—уповаешь притомъ, думаешь о себѣ, убѣжденъ о себѣ, что ты то и то.—Словамъ—*вождь, свѣтъ, наказатель, учитель*, можно не придавать особаго значенія, разумѣя подъ ними одно, въ разныхъ выраженіяхъ, указаніе на то, чѣмъ бываетъ обладающій истиною для невѣдающихъ ея, когда онъ ее сообщаетъ имъ. Сама истина тогда и учитъ, и наставляетъ, и просвѣщаетъ и руководитъ, будучи, какъ манна, пригодна ко всякому вкушенію. Но можно видѣть въ сихъ словахъ указаніе и на особенности просвѣщенія истиною. *Младенцы* сами по себѣ суть уже невѣдцы истины, ибо не доросли еще до употребленія разума, могущаго вѣдать истину.—*Безумные*—ἄφρονες—не лишенные ума, а не развившіе его, невѣжды, не позаботившіеся разумъ свой обогатить познаніемъ истины,—тѣ же младенцы, не понимающіе дѣла, только младенчествующіе не по естеству, а по своей винѣ.—*Сущіе во тмѣ* и глаза имѣютъ,

да не видятъ, ибо свѣта нѣтъ; *а слѣпые* и свѣтомъ окружены, да не видятъ, ибо глазъ не имѣютъ. Можно итакъ: младенцы, начинающіе учиться и познавать; неразумные—знаютъ, но не умѣютъ дѣйствовать по познанному. Первымъ нужно ученіе, ихъ и учатъ учители—διδάσκαλοι. Вторымъ нужно практическое наученіе умѣнію дѣлать; ихъ и обучаютъ наказатели—παιδευταί.—Такимъ образомъ здѣсь можно видѣть указаніе на двѣ стороны учительства: истолкованіе истины и обученіе, какъ жить по истинѣ. Тоже можно видѣть и въ послѣднихъ двухъ: сущему во тьмѣ - подаютъ свѣчу—свѣтъ вѣдѣнія; а слѣпца берутъ за руку и ведутъ сказывая, какъ гдѣ ступить. Этимъ указывается на образъ руководства въ познаніи и въ обученіи жизни. Всѣмъ этимъ Іудей могъ быть для всѣхъ народовъ,—и былъ дѣйствительно для прозелитовъ. За тѣмъ далѣе и въ словахъ: *имуща образъ разума и истины въ законѣ*,—подъ *разумомъ* можно разумѣть вѣдѣніе, а подъ *истиною*—жизнь, соотвѣтственную вѣдѣнію (Фот. у Экум.). Ибо вѣдѣніе становится настоящимъ вѣдѣніемъ только тогда, какъ входитъ въ жизнь и осуществляется на дѣлѣ.—И то и другое Іудей имѣлъ въ законѣ. Законъ писанный и вѣдѣніе ему сообщалъ, и указывалъ, какъ жизнь свою должно устроять. Образъ того и другаго,—настоящій образъ, какъ чему слѣдуетъ быть,—печатлѣлся въ умѣ Іудеевъ отъ оглашенія закономъ и изученія его.

Во всемъ этомъ ничего нѣтъ укорнаго; все это такъ и должно быть. Не за это и укоряетъ Апостолъ; но выставляетъ это, чтобъ напередъ предпослать основаніе къ укору. Укоръ здѣсь только намекнутъ въ словѣ: уповаешь себе быти,—думаешь о себѣ. Богъ чрезъ него училъ, а онъ себѣ присвоилъ учительство, какъ самоисточнику его. Не отъ этого ли самомнѣнія неисправность и въ жизни?—И затѣмъ неисправность въ жизни не по-

портила ли и самаго учительства? Ибо чья жизнь не соотвѣтствуетъ истинѣ, того слово и не внятно и не убѣдительно. Оттого Іудей—по назначенію своему, думалъ, что онъ вождь и учитель, а на дѣлѣ уже пересталъ быть таковымъ, когда пересталъ жить достодолжно. Св. Златоустъ и говоритъ: „опять не сказалъ: ты путеводитель слѣпыхъ; но говоритъ: считая себя такимъ, величаешься тѣмъ." Фотій же у Экуменія пишетъ: „усвояетъ себѣ образъ разума и сущей въ законѣ истины тотъ, кто познаетъ законъ и живетъ по нему: образъ разума усвояетъ, когда познаетъ, а образъ истины, когда исполняетъ дѣломъ (познанное). Ибо тотъ только показываетъ истиннымъ вѣдѣніе, которое въ законѣ, кто дѣломъ исполняетъ его,—таковый только (показываетъ его) вѣрнымъ. Ты же, говоритъ, почитаешь себя наказателемъ, вождемъ и учителемъ, не просто (кое-какимъ), но имѣющимъ образъ сущаго въ законѣ вѣдѣнія, и сущей въ законѣ истины; живешь же такъ, какъ никогда не слыхавшій законнаго ученія. Итакъ думая о себѣ, что имѣешь образъ вѣдѣнія и истины, думая, что ты наказатель неразумныхъ, вождь, учитель, научи прежде себя самого. Когда же дѣломъ покажешь, что ученіе твое истинствуетъ въ тебѣ, тогда научишь (и другихъ)."

Эти слова служатъ хорошимъ переходомъ къ слѣдующему за симъ обличенію – что знаютъ, но не дѣлаютъ.

β).

Ст. 21. *Научая убо инаго, себе ли не учиши?*

Язычники безотвѣтны, что зная доброе по внушенію совѣсти, дѣлали злое. Ты же Іудей отъ Самаго Бога получилъ познаніе о достодолжномъ, и не только это имѣлъ, но и сознавалъ себя учителемъ другихъ. Посуди теперь, сколько ты безотвѣтнѣе, когда дѣлаешь худое? — Другихъ учишь, а самъ что? – „Какъ поступилъ Апостолъ,

обличая язычниковъ, такъ поступаетъ и здѣсь. Какъ тамъ сказалъ: *имже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши*, такъ и здѣсь говоритъ: *научая иного, себе ли не учиши?*— Излагая мысль свою въ видѣ вопроса, стыдитъ Іудеевъ. Въ началѣ сказалъ, что одно слышаніе закона, если не присоединено будетъ исполненіе его, не приноситъ никакой пользы; а теперь доказываетъ гораздо больше, что не только слышаніе, но даже и важнѣйшее того, самое обученіе (другихъ) закону не поможетъ учащему, если онъ не исполняетъ того, чему учитъ. И не только не поможетъ, но еще навлечетъ большее наказаніе" (Св. Злат.). Когда учишь другаго, то, значитъ, не только знаешь должное, но и желаешь, чтобы оно признано было таковымъ другими и вошло въ жизнь. Самъ же ты, что остаешься назади, и не трогаешься съ мѣста, подобно столбу, который указываетъ другимъ дорогу, а самъ недвижимъ пребываетъ? Замѣчаютъ, что когда кто самъ въ чемъ погрѣшаетъ, то ревностнѣе обличаетъ за тоже другихъ. Апостолъ говоритъ какъбы: не трать ты эту ревность попусту, и вмѣсто другихъ, обрати лучше всю ее на себя самого.

Ст. 22. *Проповѣдая не красти, крадеши: глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши: гнушаяся идолъ, святая крадеши.*

Отъ общаго обличенія, что уча другихъ, самъ остается не обученнымъ, т.-е. не дѣлающимъ того, чему другихъ учитъ, переходитъ Апостолъ къ указанію частныхъ подобнаго рода случаевъ. Указываетъ только на три порока —воровство, прелюбодѣяніе и святотатство. Почему такъ? — Можетъ быть потому, что изъ главныхъ трехъ порочныхъ склонностей, — своекорыстія, сластолюбія и гордости,—представителемъ первой служитъ воровство, представителемъ второй — прелюбодѣяніе, представителемъ третьей —святотатство, не людей только и людское

презирающее, но самого Бога и Божеское. Тѣ три страсти обнимаютъ все порочное и грѣховное, и порожденія ихъ многочисленны. Не перечисляя всѣхъ, Апостолъ выставляетъ по одному изъ порожденій каждой, болѣе обычному, или болѣе рѣзкому. Своекорыстіе заставляетъ пріобрѣтать усиленнымъ трудомъ, усиленною торговлею, нѣкоторыми неправостями въ торговлѣ и сдѣлкахъ, неправыми ростами и подобное. Но когда кто рѣшается похищать чужое, очевидно, корыстность его выходитъ изъ всякихъ предѣловъ. Равно блудящій когда отъ своей жены бѣжитъ къ другой, сластолюбіе его видимо дѣлается неудержимымъ. И святотатство есть плодъ корысти,—но по духу оно есть плодъ презорства ко всѣмъ и всему; презорство же составляетъ существенную черту гордости.

Слова Апостола о воровствѣ и прелюбодѣяніи ясны; но слова о святотатствѣ не совсѣмъ понятны. *Гнушаяся идоловъ, святая крадеши.*—Ἱεροσυλεῖς—святотатствуешь. До плѣна Іудеи нерѣдко впадали въ идолопоклонство: но послѣ плѣна были свободны отъ сего величайшаго грѣха. И справедливо объ нихъ сказать, что они гнушались идоловъ. Но что значитъ: святое крадешь? Чье и какъ? Гдѣ и какъ святотатствовали? Судя потому, что тутъ говорится объ идолахъ, можно думать, что и святое крали тоже идольское и въ идольскихъ капищахъ. Такъ понимаютъ наши толковники. Чрезъ это Іудей осквернялся; ибо скверно все жертвованное идоламъ и чрезъ нихъ бѣсамъ. Если при этомъ идоламъ посвященное кралъ онъ, какъ святое, то соприкасался идолопоклонству: гнушеніе идолами было только кажующееся, на дѣлѣ же онъ не считалъ ихъ ничѣмъ, а чѣмъ-то. Если же такъ, то отвлекая мысль отъ идоловъ и останавливая вниманіе на одномъ похищеніи святаго, увидимъ въ этомъ дѣйствіи богопрезорство, богоборство, гордую дерзость

противъ Бога—вообще.—Но инымъ кажется, что, какъ за Іудеями не водилось грѣха ограбленія идольскихъ храмовъ, то краденіе святаго лучше разумѣть о похищеніяхъ изъ своего храма. Какъ и это не было такъ обще, чтобы можно было приписывать такой порокъ всякому Іудею; то иные подъ святотатствомъ стали здѣсь разумѣть неблагоговѣинство Іудеевъ къ своему храму и къ тому, что посвящается ему, или присвоеніе себѣ того, что должно бы быть отдано въ храмъ. Что надлежало отдавать въ храмъ, онъ утаивалъ, и чрезъ сіе кралъ то у храма. Говоритъ какъбы Апостолъ: идоловъ гнушаешься, но и свое-то святое не чтишь нисколько. За Іудеями, жившими внѣ Палестины, очень обычно могли водиться преступленія противъ установленнаго отношенія ихъ къ храму и священнодѣйствіямъ. Это неисполненіе Апостолъ можетъ быть и называетъ святотатствомъ. Или, можетъ быть, святотатствомъ наименовалъ Апостолъ ихъ небогобоязненность, забвеніе Бога и должнаго къ Нему сердечнаго поклоненія. Идоловъ гнушаешься,—но и истиннаго Бога не чтишь, какъ должно; крадешь у него сердце, которое Ему должно быть посвящено, и предаешь его вещамъ земнымъ и тварнымъ. Послѣдующая рѣчь у Апостола идетъ о томъ, какъ Іудей Бога безчеститъ, и какъ *имя* Его чрезъ него *хулится во языцѣхъ*. Не истолкованіе ли это святотатства, здѣсь поминаемаго?

Ст. 23. *Иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши.*

Въ законѣ хвалишися, — хвалишься закономъ, тѣмъ, что получилъ его отъ Самаго Бога, и потому имѣешь увѣренность, что Самъ Богъ не чуждымъ тебя имѣетъ, а особенно благоволитъ къ тебѣ. Но выставляя это преимущество, тебѣ слѣдовало быть вполнѣ вѣрнымъ закону, чтобы являть себя достойнымъ этой Божіей къ тебѣ милости—дарованія тебѣ закона,—предъ лицемъ всѣхъ

народовъ показать Божіе тебя избраніе непостыднымъ,— что Богъ правъ, сдѣлавъ тебѣ предпочтеніе предъ другими народами. А ты безпечно преступаешь законъ, и преступая его, безчестишь Бога, даровавшаго тебѣ его. Всѣ другіе народы могутъ жаловаться: вотъ кого избралъ! Избери Онъ насъ и дай намъ такой законъ, мы бы никогда не позволили себѣ оказаться преступленіемъ закона такими неблагодарными, какъ эти Іудеи. — „Двѣ выставилъ вины, или правильнѣе, три. Іудеи безчестятъ, безчестятъ тѣмъ, что служило къ ихъ чести; безчестятъ Того, Кто превознесъ ихъ честію, — а это самая крайняя неблагодарность“ (Св. Злат.).

Ст. 24. ***Имя бо Божіе вами хулится во языцѣхъ, якоже есть писано.***

„Дабы не подумали, что Апостолъ обвиняетъ Іудеевъ самъ собою, вводитъ онъ обвинителемъ Пророка Исаію (52, 5). Не я укоряю васъ въ томъ, говоритъ Павелъ, послушайте, что сказалъ Исаія: ***имя Божіе вами хулится во языцѣхъ.*** И въ семъ обвиненіи двѣ опять вины. Ибо говорится, что не только сами оскорбляютъ Бога, но и другихъ приводятъ къ томуже. Выше винилъ ихъ въ томъ, что уча другихъ, себя не учатъ; а теперь винитъ въ большемъ: вы не только сами себя, но и другихъ не учите тому, что должно дѣлать. А что всего хуже, не только не учите жить по закону, но учите противному,— учите хулить Бога, что противно закону“ (Св. Злат.).

Вами хулится,—не вашими устами, а изъ-за васъ, по причинѣ вашей невѣрности закону, который отъ Бога. ***Во языцѣхъ,***—языческіе народы, смотря на вашу порочность, говорятъ: „этихъ ли долженъ любить Богъ? Неужели Богъ, любящій такихъ, есть истинный Богъ?“ (Ѳеоф.). „Не слѣдовало Ему избирать такихъ, или давать имъ что либо. Ужели Онъ не предвидѣлъ, что они худы и будутъ худыми?!“ (Экум.).—Такимъ образомъ ты

Іудей „не только не сдѣлался виновникомъ славословія Божія, но многія уста подвигъ на хулу. Ибо, смотря на твою беззаконную жизнь, языки явно хулили избравшаго тебя Бога“ (Θеод.).

γ).

Ст. 25. *Обрѣзаніе бо пользуетъ, аще законъ твориши: аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть.*

Послѣ того, какъ сказалъ Апостолъ объ Іудеяхъ, что и они знали, но не дѣлали, слѣдовало бы ему и къ нимъ приложить приговоръ: слѣдовательно и вы безотвѣтны. Но какъ это уже само собою слѣдовало изъ сказаннаго выше, а между тѣмъ Іудей могъ выгораживать себя изъ-подъ сего приговора, приводя на мысль: у насъ обрѣзаніе, и прочее съ нимъ соединенное,—печать Божія избранія,—быть не можетъ, чтобы Богъ поставилъ насъ на одну линію съ язычниками: Апостолъ и разоряетъ теперь эти предубѣжденія Іудеевъ въ свою пользу. Обрѣзаніе, говоритъ онъ какъбы, конечно имѣетъ цѣну, но не безусловно. Оно пользуетъ, если исполняешь законъ; если же нарушаешь его, то почитай, что обрѣзанія будто не было. Ты уничтожилъ значеніе его преступленіемъ закона, и сталъ какъ необрѣзанный.

Какой законъ тутъ разумѣется у Св. Апостола?—Какъ здѣсь у Апостола выставляются двѣ стороны, изъ коихъ одна обрѣзаніе, и, надо полагать, все съ нимъ соединенное,—субботы, праздники, жертвы, омовенія, все внѣшнее религіозное устройство, весь внѣшній чинъ благочестиваго Іудея,—а другая—исполненіе закона; то надо признать, что подъ закономъ здѣсь разумѣется внутренній нравственно-религіозный строй благочестиваго Іудея, соотвѣтствующій тому внѣшнему,—страхъ Божій и подъ нимъ всѣ чувства, расположенія и дѣла, требуемыя прав-

дою и любовію. Для Іудея и весь внѣшній чинъ былъ закономъ, но не главнымъ. Религіозное устройство у Іудеевъ было таково, чтобы вести отъ внѣшняго къ внутреннему. Было цѣнно внѣшнее; но если подъ нимъ не выработывалось внутреннее, то оно теряло цѣну. Такъ и обрѣзаніе было цѣнно; но если обрѣзанный не видѣлъ въ семъ обязательства—обрѣзывать и свое сердце, и не обрѣзывалъ его, то обрѣзаніе теряло цѣну свою.

Бл. Θеофилактъ пишетъ: „Два разумѣетъ (Апостолъ) обрѣзанія и два необрѣзанія: одно наружное, а другое внутреннее. Именно: обрѣзаніе наружное есть обрѣзаніе плотское, когда обрѣзывается кто по плоти, а обрѣзаніе духовное состоитъ въ отверженіи плотскихъ страстей. И необрѣзаніе плотское бываетъ тогда, когда кто остается необрѣзаннымъ по плоти; а необрѣзаніе духовное бываетъ тогда, когда кто, имѣя языческую душу, нисколько не отсѣкаетъ страстей. Мысль Павла такая: если ты обрѣзанъ по плоти, но не выполняешь узаконеннаго, то ты еще необрѣзанный, необрѣзанный по духу; равнымъ образомъ, кто не обрѣзанъ по плоти, но выполняетъ узаконенное, тотъ обрѣзанный по духу, потому что у него отъяты плотскія страсти.“

Тоже пишетъ и бл. Θеодоритъ: „Апостолъ доказываетъ здѣсь, что обрѣзаніе (плотское) излишне, когда нѣтъ обрѣзанія душевнаго, потому что ради послѣдняго дано и первое. Если же нѣтъ послѣдняго, безполезно первое; потому что имѣетъ значеніе печати. Гдѣ лежитъ у насъ золото, или серебро, или драгоцѣнные камни, или дорогія одежды, тамъ обыкновенно прикладываемъ печати. Но когда внутри ничего не положено, тогда излишне приложеніе печатей.“

Слышать укоръ въ необрѣзаніи сердечномъ для Іудея не было новостію. Онъ нерѣдко слышалъ его прежде отъ пророковъ. Тамъ Пророкъ Іеремія говоритъ: *вси*

языцы необрѣзани плотію, домъ же Израилевъ необрѣзани суть сердцы своими,—и потомъ присовокупляетъ: *обрѣжите жестосердіе ваше* (Іер. 9, 26). Апостолъ, очевидно, подражаетъ слову Пророческому (Θеод.). Замѣть искусство Св. Павла. Онъ не сталъ нападать вдругъ на обрѣзаніе; но поставилъ значеніе его подъ условіе и указавъ, что Іудей не исполняетъ сего условія, тѣмъ самымъ расположилъ сего послѣдняго сознаться, что обрѣзаніе его ни къ чему. „Итакъ видишь, какъ Апостолъ, допуская обрѣзаніе на словахъ, уничтожаетъ его на дѣлѣ. Не сказалъ, что оно излишне, безполезно, ни къ чему не служитъ, но что говоритъ? *Обрѣзаніе пользуетъ,*—согласенъ, не спорю, что обрѣзаніе есть дѣло хорошее; но когда? Когда соблюдаешь законъ. *Аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть.*—И здѣсь не сказалъ, что оно безполезно, дабы не подумали, что уничижаетъ обрѣзаніе. Напротивъ сперва доказалъ, что Іудей не имѣетъ обрѣзанія духовнаго, а потомъ уже его плотское поражаетъ. Теперь укоризна падаетъ не на обрѣзаніе, а на того, кто утратилъ оное по нерадѣнію. Какъ съ чиновника, уличеннаго въ важныхъ преступленіяхъ, судьи сперва снимаютъ отличія чиновъ, а потомъ уже наказываютъ его, такъ Павелъ поступаетъ съ Іудеемъ. Сказавъ: *аще же закона преступникъ еси,* присовокупилъ: *обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть.* А доказавъ, что онъ необрѣзанный, небоязненно изрекаетъ уже надъ нимъ приговоръ“ (Св. Злат.).

Ст. 26. *Аще убо необрѣзаніе оправданіе закона сохранитъ, не необрѣзаніе ли его во обрѣзаніе вмѣнится?*

Слово—*необрѣзаніе* стоитъ вмѣсто *необрѣзанный.*—Поставивъ значеніе обрѣзанія подъ условіе исполненія закона и, указавъ такимъ образомъ, что Іудей, неисполняющій закона, сталъ то же что необрѣзанный,—теперь съ противоположной стороны впечатлительнѣе предста-

вляетъ туже мысль: положимъ, что необрѣзанный исполнитъ законъ; тогда онъ станетъ то же, что обрѣзанный. Апостолъ выставляетъ здѣсь недѣйствительный фактъ исполненія необрѣзаннымъ оправданій закона, а говоритъ это предположительно: если такъ случится, что необрѣзанный исполнитъ законъ. По теченію рѣчи у него прямо такъ выходило, а чтобъ и на дѣлѣ такъ было, отсюда заключить нельзя. Ибо на дѣлѣ хотя и бывали нехудые язычники, но строго говоря, всѣ они и понятій истинныхъ не имѣли о нравственномъ совершенствѣ, и тѣмъ паче силъ къ достиженію такого совершенства. Въ семъ смыслѣ можно только на частные указывать случаи, и грѣшника Іудея въ одномъ какомъ родѣ противопоставлять не грѣшащему въ семъ родѣ язычнику. Напримѣръ: иной Іудей воръ, а иной язычникъ не воръ: язычникъ исполняетъ въ семъ случаѣ требованіе закона, а Іудей нѣтъ; и въ семъ отношеніи тотъ обрѣзанный, а этотъ необрѣзанный. Полагать же на основаніи сихъ словъ, что Апостолъ почитаетъ возможнымъ, чтобъ язычникъ необрѣзанный явился нравственно совершеннымъ, нельзя. Онъ говоритъ о семъ только предположительно, чтобъ сильнѣе напечатлѣть въ умѣ Іудея мысль, какъ низко онъ падаетъ, нарушая законъ, и чрезъ то успѣшнѣе расположить его къ покаянію и ко взысканію иного оправданія, кромѣ обрѣзанія: въ чемъ вся цѣль у Апостола въ семъ отдѣленіи.

Смыслъ словъ: *аще необрѣзаніе оправданіе закона сохранитъ*—тотъ же, что въ предыдущемъ стихѣ смыслъ словъ: *аще законъ твориши*. Какъ тамъ разумѣется сердечное исполненіе нравственно-религіозныхъ требованій, такъ и здѣсь. *Оправданіе*—*διϰαιώματα*,—права, требованія неотложныя. Кто исполнитъ ихъ или будетъ святъ, тотъ, хоть и не обрѣзанъ, сочтется обрѣзаннымъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „Законъ требуетъ дѣла. Посему, если ты обрѣзанный дѣлъ не имѣешь, а необрѣзанный имѣетъ,

то не справедливо ли тебѣ называться беззаконнымъ, а ему принять на себя твое почетное названіе, и именоваться уже не необрѣзаннымъ, какъ ты въ укоризну называешь его, но паче обрѣзаннымъ, какъ обрѣзавшему порочность души?" Св. Златоустъ даетъ понять, что здѣсь у Апостола идетъ разсужденіе отвлеченно. Именно: онъ разбираетъ, что такое обрѣзаніе, и что такое необрѣзаніе, и говоритъ, что обрѣзаніе есть добрыя дѣла, а необрѣзаніе—худыя дѣла. И необрѣзаннаго, имѣющаго добрыя дѣла, включивъ въ понятіе обрѣзанія, а обрѣзаннаго, но ведущаго порочную жизнь, исключивъ изъ понятія обрѣзанія, отдаетъ преимущество необрѣзанному".

Ст. 27. ***И осудитъ еже отъ естества необрѣзаніе законъ совершающее, тебе, иже писаніемъ и обрѣзаніемъ еси преступникъ закона.***

Еже отъ естества,—естественное *необрѣзаніе*—стоитъ вмѣсто человѣка, который какъ родился, такъ и остается съ необрѣзанною плотію. Апостолъ говоритъ: этотъ необрѣзанный если совершитъ, т.-е. исполнитъ законъ, осудитъ тебя, если ты окажешься преступникомъ закона, къ исполненію котораго обязываетъ тебя обрѣзаніе, и побуждаетъ непрестанно Писаніе. ***Иже писаніемъ и обрѣзаніемъ еси преступникъ закона.*** Не при Писаніи и обрѣзаніи, а сильнѣе—чрезъ Писаніе и обрѣзаніе. И тотъ, кто не имѣя Писанія и обрѣзанія, преступаетъ законъ, есть преступникъ; но когда ты, имѣя Писаніе и обрѣзаніе, преступаешь законъ, то чрезъ сіе Писаніе и обрѣзаніе дѣлаешься вящшимъ и неизвинительнѣйшимъ преступникомъ.

На какомъ судѣ осудитъ?—На будущемъ. Апостолъ печатлѣетъ въ мысли картину будущаго суда, на немъ ставитъ Іудея противъ язычника необрѣзаннаго и говоритъ: этотъ необрѣзанный осудитъ тебя. „Не Іудей осудитъ Іудея, а необрѣзанный. Подобно сказалъ Христосъ: *мужіе ниневійстіи востанутъ и осудятъ родъ сей* (Матѳ.

12, 44)" (Св. Злат.). Если Іудей принялъ въ чувств сказанное выше, то онъ не могъ не сознать, что эт точно будетъ, и не возчувствовать опасности своего по ложенія, изъ-за котораго онъ есть неминуемо жертв суда и осужденія. Не можно было придумать сильнѣй шаго для Іудея побужденія раскаяться и взыскать сред ства избавиться отъ сего осужденія. Всѣмъ этимъ Апос толъ разоблачаетъ Іудея отъ чувства своей праведности которое губило его, и вводитъ въ чувство безотвѣтности предъ Богомъ, даже большей, нежели сколько безотвѣтны необрѣзанные. Такъ почтенъ ты Богомъ, такимъ окруженъ Его попеченіемъ и такими снабженъ пособіями къ тому, чтобы жить свято; а на судѣ будешь осужденъ необрѣзаннымъ, на котораго теперь смотрѣть не хочешь и общеніе съ которымъ считаешь нечистотою. Можно ли не быть пораженну этою возможностію, совершенно справедливою?!—Такихъ представленій не слѣдуетъ выпускать изъ мысли и намъ христіанамъ, которые получаемъ не внѣшнее обрѣзаніе, а внутреннее возрожденіе, и не Писаніе только, но и благодать Духа, просвѣщающую, укрѣпляющую, руководящую. Какой отвѣтъ, если все это попирается нами?!

Ст. 28. ***Не бо иже явѣ, Іудей есть, ни еже явѣ во плоти, обрѣзаніе.***

Такъ стало быть—Іудеемъ быть ничего не значитъ? Ничего не значитъ и обрѣзаннымъ быть?—Нѣтъ; не та мысль у Апостола. Онъ хочетъ внушить, что не тотъ настоящій Іудей, кто по наружности Іудей только: Іудеи всегда имѣли и имѣютъ свой типъ, такъ что ихъ можно разузнавать съ перваго взгляда. И не то настоящее обрѣзаніе, которое только во плоти бываетъ. „Онъ не отвергаетъ ни Іудея, ни обрѣзанія, а отвергаетъ того, кто не (настоящій) Іудей и не (вполнѣ) обрѣзанный" (Св. Злат.). Ветхозавѣтное устройство церкви представляло

богоучрежденное руководство отъ внѣшняго къ внутреннему. Правда, что вся жизнь Іудея во внѣшнихъ ея проявленіяхъ была опредѣлена закономъ, содержавшимъ внѣшнія чиноположенія; но не за тѣмъ, чтобы на этомъ одномъ онъ и останавливался, а чтобъ отъ этого внѣшняго восходилъ къ внутреннему, имѣя для него во внѣшнемъ и напоминаніе, и побужденіе, и поддержку. Это внутреннее тутъ же среди внѣшнихъ чиноположеній и указано. Настоящимъ Іудеемъ являлся только тотъ, кто при внѣшнемъ образовывалъ въ себѣ и соотвѣтственное внутреннее. Кто же внѣшно былъ исправенъ, а внутренняго не имѣлъ, тотъ не былъ настоящій Іудей. Но это тоже, что не-Іудей,—какъ не настоящая монета—не монета. Это и даетъ здѣсь разумѣть св. Павелъ, уясняя эту мысль еще полнѣе въ слѣдующемъ стихѣ, который составляетъ едино съ настоящимъ.

Ст. 29. *Но иже въ тайнѣ Іудей, и обрѣзаніе сердца духомъ, а не писаніемъ: емуже похвала не отъ человѣкъ, но отъ Бога.*

Вотъ кто настоящій Іудей!—Кто при внѣшнемъ имѣетъ и внутреннее,—то, что въ духѣ тайно созидается, и что будучи для людей невидимо и сокрыто, всегда видимо и открыто для Бога: не храмъ только вещественный чтитъ, но созидается самъ для Бога въ храмъ духовенъ; не жертвы только изъ своей собственности приноситъ Богу, но себя самого въ духѣ приноситъ Ему въ жертву живу и святу, готовъ будучи всегда и умереть славы ради имени Его; не устами только исповѣдуетъ и воспѣваетъ Бога, но и въ сердцѣ своемъ имѣетъ Его своимъ Богомъ, всегда о Немъ помнитъ, любитъ Его и боится оскорбить Его и всегда къ Нему единому прибѣгаетъ, все упованіе свое на Него возлагая; не дѣла только законныя внѣшно творитъ, но и соотвѣтственныя имъ питаетъ сердечныя чувства и расположенія—милосердъ, сострадателенъ, готовъ на всякую помощь брату,

уступчивъ, терпѣливъ, вѣренъ въ словѣ, цѣломудръ не тѣломъ только, но и окомъ, и сердцемъ,—и вообще украшенъ всѣми добродѣтелями въ сердцѣ своемъ. Вотъ настоящій Іудей!—Соотвѣтственно сему и обрѣзаніе настоящее не то только, которое во плоти, но то, когда при обрѣзаніи плоти совершается обрѣзаніе и сердца духомъ. Св. Моисей писалъ, что Богъ избралъ себѣ Іудеевъ и печатію избранія положилъ обрѣзаніе; но тутъ же приложилъ: *обрѣжите жестокосердіе ваше* (Второз. 10, 16), возводя чрезъ то обрѣзаніе къ полнотѣ его совершенства.—Обрѣзаніе сердца означаетъ отсѣченіе отъ него всѣхъ страстей,—гнѣва, похоти, зависти гордости, тщеславія, корыстолюбія, со всѣми ихъ порожденіями. Обрѣзанное сердце есть сердце чистое и непорочное, свободное отъ всего грѣховнаго и преисполненное святыхъ чувствъ и расположеній. Кто имѣетъ такое сердце, тотъ настоящій обрѣзанный.

Что значитъ—*обрѣзаніе сердца духомъ, не писаніемъ*? Поелику Апостолъ здѣсь противопоставляетъ внутреннее внѣшнему, то—*духомъ*—будетъ—въ духѣ, какъ и по-гречески стоитъ—ἐν πνεύματι, т.-е. внутри, сокровенно отъ очей, тоже что *въ тайнѣ; не писаніемъ*—οὐ γράμματι,—не по буквѣ, не то, какъ даетъ понять буква Писанія, которое въ законѣ объ обрѣзаніи точно говоритъ только объ обрѣзаніи плоти; т.-е. не то настоящее есть обрѣзаніе, которое по буквѣ Писанія явно во плоти совершается. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно подразумѣвать, что Апостолъ намѣренно прибавилъ—*духомъ*, давая понять, что истинное обрѣзаніе можетъ быть совершено только Духомъ Святымъ. Писаніе ветхозавѣтное требовало при внѣшнемъ обрѣзаніи и внутренняго; но какъ сіе послѣднее могло совершиться только Духомъ, ветхозавѣтные же чины не давали Духа, то чрезъ сіе самое Іудей долженъ былъ расположиться—чаять новаго учреж-

денія, въ коемъ онъ могъ бы получать Духа, и чрезъ Него быть обрѣзаннымъ въ сердцѣ. Посему наши толковники всѣ говорятъ, что въ словѣ—*духомъ* Апостолъ „пролагаетъ путь Іудею къ христіанскому образу жизни и показываетъ необходимость вѣры“ (Св. Злат.). Ибо истинное обрѣзаніе сердца отъ грѣховъ и грѣховнаго совершается только у вѣрующихъ и совершается Духомъ. Обрѣзанный такимъ образомъ въ сердцѣ отъ всякой нечистоты и есть истинно Іудей, исполняющій какъ должно законъ (Экум.). Эта мысль сообразна съ цѣлію Апостола, къ которой онъ направляетъ свою рѣчь, именно—убѣдить не язычника только, но и Іудея въ необходимости особенной благодати Духа отъ Бога.

Емуже похвала не отъ человѣкъ, но отъ Бога. Завершаетъ Апостолъ рѣчь, заграждаетъ уста Іудею и смиряетъ его помышленіе. Іудеи внѣшно были исправны; эту исправность они другъ въ другѣ видѣли, другъ друга за нее хвалили и на ней опирались надеждами. Переведши ихъ вниманіе отъ внѣшняго къ внутреннему, Апостолъ конечно сильно поколебалъ сію увѣренность; но когда теперь поставилъ ихъ предъ лицемъ Бога, то это должно бы пожечь въ нихъ всякое возносливое о себѣ помышленіе. Какъ ни думай кто о себѣ высоко, но когда поставитъ себя предъ Бога, испытующаго сердца, не можетъ болѣе оставаться въ томъже самомнѣніи. Не Богъ только есть огнь поядаяй, но и одна мысль о Богѣ поядаетъ всякое возношеніе. Іудеи знали, что не тотъ похваленъ, кто самъ себя, или кого люди хвалятъ, но кого Богъ похвалитъ. Убѣдившись изъ словъ Апостола, что предъ Богомъ цѣнно только внутренно доброе, которымъ они не могли похвалиться, должны были вмѣстѣ удостовѣриться, что имъ нельзя ожидать одобренія отъ Бога, видящаго сокровенное—такъ, какъ не видитъ его самъ человѣкъ.—*Емуже*—кому? Обрѣзанію,

или Іудею?—И тому и другому, Іудею съ обрѣзаннымъ сердцемъ, и обрѣзанному сердцу въ настоящемъ Іудеѣ.

д).

Всѣмъ, доселѣ сказаннымъ, и Іудей, подобно язычнику, не могъ не дойти до убѣжденія, что не только грѣшенъ, но и безотвѣтенъ предъ Богомъ, и, какъ безотвѣтный, имѣетъ нужду въ нѣкоемъ образѣ спасенія. Какъ въ этомъ и цѣль всей текущей рѣчи Апостола; то послѣ сего ему можно было прямо начать говорить то, что говорится съ 21 ст. 3 гл., то-есть прямо указать: вотъ вамъ образъ спасенія—вѣра въ Господа Іисуса Христа, мною проповѣдуемаго! Богъ провидѣлъ крайность, въ которой всѣ мы увидимъ себя находящимися, и устроилъ намъ образъ спасенія въ Сынѣ Своемъ, воплотившемся, умершемъ за насъ и воскресшемъ. И нигдѣ вы, кромѣ Его, не найдете себѣ спасенія.

Но Апостолъ вѣдалъ, что Іудею трудно сдѣлать вдругъ такой шагъ къ вѣрѣ. Какъ ни чувствовалъ онъ себя грѣшнымъ, не могъ однакожь не держать въ умѣ, что принадлежитъ къ народу Божію и пользуется Богоучрежденнымъ служеніемъ Богу; и если не могъ не сознавать, что это еще не приводитъ его къ цѣли, то не могъ вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжать и недоумѣнныхъ вопросовъ: къ чему же все это было и есть?—Какъ такое недоумѣніе, не бывъ устранено, могло замедлять ходъ обращенія Іудея къ вѣрѣ въ Господа, или колебать вѣру обращеннаго; то Апостолъ счелъ нужнымъ прежде указанія спасенія въ Господѣ, разсѣять его;—3, 1—8. Замѣтимъ, что мысли Апостола въ семъ отдѣленіи и особенно соотношеніе ихъ очень трудно уловить.

3, 1. *Что убо лишшее Іудею? или кая польза обрѣзанія?*

Теченіе рѣчи само собою привело къ такому вопросу. Предъ судомъ Божіимъ Іудей поставленъ наравнѣ съ

язычникомъ, такъ что и обрѣзаніе его не въ обрѣзаніе. Іудей, слыша сіе, не могъ воздержаться отъ вопроса: какъ же такъ?—Вѣдь это Божіе учрежденіе. Не мы придумали; все узаконилъ Самъ Богъ. Богъ не сталъ бы учреждать съ такою настойчивостію того, что ничего не значитъ. „Апостолъ предвидитъ естественно раждающееся возраженіе, и предотвращаетъ оное. Какое же это возраженіе? — Скажутъ: если во всемъ томъ нѣтъ никакой пользы, то на какой конецъ призванъ народъ и дано обрѣзаніе? (Св. Злат.).

Что убо лишшее Іудею? Лишшее,—περισσόν, большее, чѣмъ у язычника, особенное, преимущественное. Или „подъ *лишшее Іудею* Апостолъ разумѣетъ предпочтеніе предъ язычниками“ (Өеод.). *Іудею,*—всему народу Іудейскому, избранному отъ всѣхъ языкъ. Избранъ, особымъ завѣтомъ почтенъ: ужели это ни во что? А сколько потомъ явлено милостей и чудесныхъ руководствъ и избавленій по всей исторіи? Нельзя не видѣть, что Іудей состоитъ подъ особымъ Божіимъ покровительствомъ. Ужели же и это ни къ чему?—*Или кая пользи обрѣзанія?* Обрѣзаніе—дверь въ завѣтъ Божій и печать его. Оно началось раньше всего закона; и когда пришелъ онъ, то установлялся весь на обрѣзаніи. О немъ одномъ и поминается, какъ главномъ. Ибо если оно стоитъ, то стоитъ и все ветхозавѣтное служеніе Богу: если оно падаетъ, падаетъ и все прочее. Обрѣзаніе вводитъ въ завѣтъ Божій, дѣлаетъ обрѣзаннаго своимъ Богу, и причастникомъ всѣхъ Божіихъ обѣтованій: какъ же можно, чтобъ обрѣзаніе было не въ обрѣзаніе, и никакой отъ него не было пользы?

Вопросы эти не могли не родиться и не смутить Іудея, слышавшаго: явный Іудей—еще не настоящій Іудей, и обрѣзаніе во плоти—еще не настоящее обрѣзаніе. Истины сего онъ не могъ не сознать; но не могъ избѣжать и недоумѣнія: что же Іудей? и что обрѣзаніе? *Что убо?*—

воззваніе души, ищущей разъясненія недоумѣнія и умиротворенія смущеннаго сердца. Но отвѣтъ на это уже данъ въ предыдущей рѣчи, родившей вопросъ. Тамъ ясно, что есть Іудей, и что есть обрѣзаніе. Іудей—цѣнное лице предъ Богомъ, если исполняетъ законъ, и обрѣзаніе имѣетъ великую силу при обрѣзаніи сердца. Каждый Іудей, сознавая, что въ немъ нѣтъ ни вѣрнаго исполненія закона, ни обрѣзанія сердца, долженъ былъ сознать вмѣстѣ, что и обрѣзаніе и іудейство въ лицѣ его, для него, теряютъ всю свою силу, и онъ остается ни при чемъ. Естественно бы спросить: что убо сотворю?—А здѣсь мысль отводится на Іудея и на обрѣзаніе вообще,—что же они суть?—возбуждается отвлеченное разсужденіе о значеніи ветхозавѣтнаго домостроительства.

Вопросъ Апостолъ задаетъ отъ себя; но надо полагать, что онъ всегда его слышалъ отъ Іудеевъ, когда они были имъ доводимы до крайности сознаться, что кругомъ виноваты и опереться имъ не на чемъ. — Что же дѣлаетъ Апостолъ? При личныхъ бесѣдахъ вѣрно онъ пространно изъяснялъ значеніе ветхозавѣтнаго домостроительства; пространно говоритъ онъ о семъ и въ настоящемъ посланіи ниже—гл. 9—11. Здѣсь же полное разсужденіе о семъ отвлекло бы его отъ главной цѣли; почему онъ дѣлаетъ только такое указаніе, помощію котораго всякій Іудей уже самъ собою могъ найти себѣ полный отвѣтъ на родившійся у него вопросъ. Прямо бы сказать, что все это домостроительство—на время. Кончилось время, и ему конецъ. Но Апостолъ не говоритъ этого, а указываетъ только на Слово Божіе, которое само могло привесть ихъ къ такому выводу. Такъ и Спаситель отсылалъ Іудеевъ къ Писанію, говоря: *испытайте Писанія... и та суть свидѣтельствующая о Мнѣ* (Ін. 5, 39).

Ст. 2. *Много, по всякому образу. Первѣе бо, яко вѣрена быша имъ словеса Божія.*

Онъ говоритъ какъбы: не отвергаю преимуществъ Іудеевъ, содержавшихъ истинное Божіе домостроительство. Ихъ много. Я могъ бы помянуть, что Богъ, избравъ ихъ предковъ, освободилъ отъ владычества Египтянъ, содѣлалъ пресловутыми, совершилъ чудеса всякаго рода, далъ въ помощь законъ, воздвигъ пророковъ. Но изъ всего этого поставляю на видъ одно то, что имъ *ввѣрены словеса Божія* (Θеод.).

Первѣе бо. Подается мысль, будто Апостолъ намѣренъ перечислять подъ рядъ преимущества, и говоритъ: πρῶτον μεν,—и вопервыхъ. Но какъ такого перечисленія нѣтъ, то πρῶτον μεν стоитъ здѣсь въ значеніи: и преимущественно,—наипаче же.

Яко ввѣрена быша имъ словеса Божія. „Что значитъ: ἐπιστεύθησαν? Даны, поручены, ввѣрены. Богъ призналъ Іудеевъ достойными и потому ввѣрилъ имъ небесныя откровенія“ (Θеоф.).

„Знаю, что нѣкоторые слово ἐπιστεύθησαν толкуютъ: ими словеса Божіи увѣрованы были, или—что они увѣровали словесамъ Божіимъ; но теченіе рѣчи не допускаетъ сего. Апостолъ говоритъ то, что Богъ ввѣрилъ имъ слово Свое, а не то, что они увѣровали слову“ (Св. Злат.).

Сказавъ это, Апостолъ сказалъ все. Возьмемъ сіи слова отвлеченно, и они наведутъ на слѣдующія мысли. „Это—высокая честь, что когда другіе народы имѣли только естественную способность—познавать (истину), Іудеи получили законъ (словеса Божіи)“ (Θеод.). Преимущество сіе въ томъ, что божественное откровеніе сообщало имъ точныя и полныя познанія о всемъ потребномъ, рѣшало всѣ тѣ вопросы, которые неотразимо стоятъ въ умѣ и не даютъ ему покоя, пока не найдетъ онъ рѣшенія ихъ,—что Богъ, что міръ, что человѣкъ, какъ жить и чего ожидать впереди,—рѣшало, и свои рѣше-

нія скрѣпляло Божественнымъ авторитетомъ, не допускавшимъ никакихъ колебаній и сомнѣній. Сколь многоцѣнно такое преимущество, знаютъ и дѣломъ свидѣтельствуютъ тѣ, которые или не имѣютъ такой опоры убѣжденіямъ своимъ, или сдвигаются съ ней. И язычники многое знали, то по преданію, то по собственному изслѣдованію и разсужденію; но ни тотъ, ни другой путь не сообщалъ ихъ вѣдѣнію непоколебимаго убѣжденія, и они увлекались всякими ученіями.—Такъ и это драгоцѣнное преимущество—имѣть Божіе откровеніе вообще; но оно становится несравненно выше при той истинѣ, что въ немъ сообщаемы были и суть вѣрныя предуказанія о имѣющемъ придти въ міръ Спасителѣ міра,—предуказанія, на которыхъ должна была первоначально опираться вѣра въ Спасителя—неотложное условіе спасенія. Поелику сіе спасеніе предназначалось и для язычниковъ, то благо отъ ввѣренія Іудею словесъ Божіихъ было сѣменемъ благъ, имѣвшихъ раскрыться и въ отношеніи къ язычникамъ. Въ этомъ отношеніи и сами язычники должны были признавать великое преимущество Іудея, и они дѣйствительно признавали его, коль скоро узнавали о словесахъ Божіихъ.

Такимъ образомъ преимущество Іудея выставлено ясно. Но удовлетворяя Іудея, Апостолъ не хотѣлъ, чтобъ чувство виновности, возбужденное предъидущею рѣчью, изсякло въ немъ. Почему выставилъ сіе преимущество такъ, что оно прямо указывало только на Божіе къ Іудею благоволеніе, относительно же себя самого, Іудея наводило на мысль объ отвѣтственности предъ Богомъ въ силу сего самаго благоволенія. Ввѣреніе словесъ Божіихъ тогда только сочтено можетъ быть преимуществомъ лично и Іудея, когда окажется, что онъ вѣрно хранитъ и содержитъ ввѣренное ему сокровище; а такъ, само по себѣ, это лишь Божіе благодѣяніе, Божія милость. И очевид-

но, что, при мысли о семъ, у Іудея могло родиться не какое либо самодовольство и возношеніе, а скорѣе смиренное самоосужденіе. Съ сей преимущественно стороны смотритъ на отвѣтъ Апостола св. Златоустъ и другіе наши толковники.

Но сей отвѣтъ естественно могъ привесть Іудея самого и къ узрѣнію временнаго лишь значенія ветхозавѣтнаго домостроительства. Ибо если, вмѣсто отвлеченнаго представленія преимущества—имѣть словеса Божіи, мы обратимся вниманіемъ къ тому, что должно было произойти при сихъ словахъ Апостола въ душѣ Іудея; то увидимъ тамъ такой рядъ помышленій. — Словеса намъ ввѣрены!—Вотъ слово Бога къ Аврааму, Исааку и Іакову о сѣмени отъ нихъ, имѣющемъ разлить благословеніе на всѣ народы. Вотъ слово Іакова о чаяніи языковъ, имѣющемъ явиться по престатіи князя отъ чреслъ Іудиныхъ; вотъ слово Моисея законодавца о имѣющемъ придти иномъ пророкѣ, коего слушать должно; вотъ неисчетное множество пророческихъ указаній о грядущемъ Начальникѣ и Отцѣ будущаго вѣка и установленіи новаго закона; вотъ седьмины Даніила, вотъ Малахіино указаніе объ Ангелѣ предъ лицемъ Господа и внитіи Самого Господа въ церковь Свою. Все сіе видимъ сбывшимся на глазахъ нашихъ. Престалъ князь отъ Іуды, миновали седьмины Даніиловы, былъ Предтеча и вслѣдъ за нимъ Нѣкто, Мужъ силенъ словомъ и дѣломъ, учившій яко власть имѣяй, большій субботы и Соломона. — Итакъ, нѣтъ сомнѣнія, что престалъ законъ. Се возвѣщается новый прореченный пророками завѣтъ. Долгъ всякаго истиннаго Іудея вступить въ него, чтобъ не оказаться противникомъ Божіимъ.

Такой рядъ помышленій могъ породить отвѣтъ Апостола. Можно думать, что Апостолъ въ личныхъ бесѣдахъ съ Іудеями самъ проводилъ его предъ сознаніемъ

ихъ и чрезъ то побѣдительно дѣйствовалъ на нихъ. Какъ нѣкоторые изъ тѣхъ, къ коимъ писано посланіе, были лично знакомы Апостолу и знали такой образъ его воззрѣнія на ветхозавѣтныя словеса, то можно полагать, что, поминая здѣсь о семъ, Апостолъ имѣлъ въ мысли заставить и ихъ припомнить, при сихъ словахъ, о его бесѣдахъ, и передать другимъ, что значитъ и къ чему долженъ приводить Іудея этотъ отвѣтъ о ввѣреніи ему словесъ Божіихъ.

Св. Апостолъ, Духомъ Божіимъ водимый, дѣйствовалъ здѣсь также, какъ Господь, когда въ первый разъ явился Онъ по воскресеніи Своемъ всѣмъ Апостоламъ. Евангелистъ пишетъ, что Господь, вмѣсто того, чтобъ приводить пророчества о Себѣ, *отверзъ* Апостоламъ *умъ разумѣти Писанія*. И когда по дѣйствію сему они узрѣли умомъ, что написано, Господь только заключеніе приложилъ отъ Себя. *И рече имъ: яко тако писано есть и тако подобаше пострадати Христу и воскреснути отъ мертвыхъ въ третій день, и проповѣдатися во имя Его покаянію и отпущенію грѣховъ во всѣхъ языцѣхъ* (Лук. 24, 45—47). Такъ и св. Павелъ, сказавши, что Іудеямъ ввѣрены словеса Божіи, не сталъ разъяснять, къ чему это приводило, а предоставилъ самимъ симъ словамъ породить въ душахъ ихъ, что желательно ему было видѣть тамъ порожденнымъ. Представляется, что Апостолъ видитъ уже все сіе порожденнымъ въ умахъ читающихъ его Іудеевъ. Ибо слѣдующія слова Апостола относятся прямо не къ предъидущимъ словамъ, а къ тѣмъ помышленіямъ, которыя видитъ онъ породившимися въ умахъ Іудеевъ.

Рядъ мыслей, порожденныхъ отвѣтомъ Апостола въ умѣ Іудея, приводитъ его къ заключенію: итакъ законъ престалъ; надо принять, не смущаясь, новый завѣтъ, возвѣщаемый посланниками Божіими, подобно пророкамъ.

Но тогда какъ такъ успокоивались мысли Іудея, возставалъ новый смутительный помыслъ: какъ же это изъ нашихъ-то многіе и многіе не вѣрятъ новой проповѣди, и притомъ перваки, коимъ должно бы быть впереди?— Встрѣчаетъ этотъ помыслъ Апостолъ и отражаетъ его.

Ст. 3. *Что бо, аще не вѣроваша нѣцыи? Еда убо невѣрствіе ихъ вѣру Божію упразднитъ?*

Не смотри ты на это невѣріе. Оно не мѣшаетъ дѣлу Божію издревле предначертанному. Не вѣруютъ: пусть ихъ. Но Богъ не смотритъ на это невѣріе. а дѣлаетъ Свое дѣло. Обѣтовалъ Богъ, что придетъ Избавитель; Онъ и пришелъ и благовѣстіе о Немъ разносится по всей вселенной. То, будто ветхій завѣтъ неотложимъ, есть не Божія вѣра, а ложная вѣра вашихъ перваковъ. Божія же вѣра та, чтобъ завѣтъ тотъ стоялъ до времени, и въ свое время престалъ, уступивъ мѣсто лучшему завѣту. Вотъ онъ нынѣ и престалъ, по Божію устроенію, и мы о семъ возвѣщаемъ вамъ. Такимъ образомъ вѣра Божія входитъ въ дѣло и самимъ симъ явленіемъ своимъ на дѣлѣ обличаетъ лживость вѣры тѣхъ и лишаетъ всякаго вѣса то, что они не вѣрятъ новому завѣту. Ихъ невѣріе никакой не наводитъ тѣни на вѣру Божію. Не колеблись ихъ невѣріемъ, и твердо держи въ сердцѣ, что престалъ законъ и уже вошелъ въ силу новый завѣтъ.

Надо замѣтить, что въ первое время распространенія Евангелія невѣріе Іудеевъ, особенно знатнѣйшихъ и ученѣйшихъ, естественно возмущало покой вѣры вѣрующихъ, и они, и сами для себя и для другихъ, держали наготовѣ противовѣсныя тому указанія исторіи, что невѣріе предержащихъ не есть несомнѣнно вѣрное доказательство правоты ихъ невѣрія и слѣдовательно неправоты вѣры. Замѣчательна въ семъ отношеніи рѣчь св. Стефана первомученика въ синедріонѣ. По всей исторіи проводитъ онъ цѣпь опытовъ упорнаго противленія силь-

ныхъ Іудеевъ намѣреніямъ и распоряженіямъ Божіимъ,— что самими слышащими его въ настоящее время признается неправымъ. Потомъ заключаетъ: *жестоковыйніи и необрѣзанніи сердцы и ушесы, вы присно Духу Святому противитеся, якоже отцы ваши, тако и вы* (Дѣян. 7, 51). Изъ этого представленія прямо слѣдовало, что невѣріемъ предержащихъ Іудеевъ нечего смущаться. Они всегда были таковы. Ихъ невѣріе не должно колебать нашей вѣры и побуждать насъ отвергать вѣру Божію. Такого рода оправданія вѣры, надо полагать, нерѣдко происходили у христіанъ изъ Іудеевъ какъ въ бесѣдѣ съ другими, такъ и въ размышленіяхъ съ самими собою. Это же возставляется въ сознаніи Іудея и здѣсь Апостоломъ. Что же, говоритъ, что нѣкоторые не вѣровали? Нѣкоторые только не вѣровали, а нѣкоторые увѣровали. Тѣ знатны, богаты и славны; а эти невидны и не богаты. Двѣ стороны предъ тобою. Какъ первые уже не разъ оказывались не стоящими въ истинѣ противниками Божіихъ повелѣній, то тебѣ, по другимъ побужденіямъ склоняющемуся къ вѣрѣ, или уже склонившемуся къ ней и принявшему ее, нечего смущаться по причинѣ ихъ невѣрія. Ибо это предполагало бы въ тебѣ такое помышленіе, что Богъ можетъ не исполнить Своихъ предначертаній и отмѣнить Свои преднамѣренія, встрѣтивъ невѣріе нѣкоторыхъ. Но это значило бы, что Богъ отступился отъ Своего слова въ силу невѣрія ихъ, что невѣріе ихъ пересилило планы Божіи и сдѣлало, что Онъ оказался невѣренъ Своимъ обѣтованіямъ. А такъ думать можно ли? (Фот. у Экум.).

Ст. 4. *Да не будетъ. да будетъ же Богъ истиненъ, всякъ же человѣкъ ложъ, якоже есть писано: яко да оправдишися во словесѣхъ твоихъ и побѣдиши, внегда судити ти.*

Да не будетъ — желательная форма рѣчи, которая однакожъ есть рѣшительно утвердительная. Быть этому нельзя. Противъ этого возстаютъ всѣ религіозныя чув-

ства, и помышленіе то подавляютъ въ самомъ его возникновеніи. Не буди кому-либо такъ подумать о Богѣ и дѣлахъ Божіихъ.

Да будетъ же. Да содержитъ же всякій въ умѣ своемъ и въ сердцѣ своемъ, никакого не допуская въ семъ колебанія, что *Богъ истиненъ* всегда и во всемъ, — какъ обѣтовалъ, такъ и дѣлаетъ; и ничто въ мірѣ не можетъ помѣшать Ему исполнить Свои преднамѣренія. — *Всякъ же человѣкъ ложь,* т.-е. да будетъ же — да будетъ онъ такимъ признаваемъ. *Ложь*—ψεύστης, лживъ. Богъ всегда истиненъ и неложенъ въ словесахъ Своихъ; а человѣкъ бываетъ лживъ, заблуждается и упорствуетъ въ своемъ заблужденіи, себя обманывая и другихъ вводя въ обманъ, нерѣдко и съ намѣреніемъ. Потому если уже видѣть ложь, то полагай ее не на Божіей сторонѣ, а на людской. Въ томъ, что видишь ты совершившимся предъ очами твоими, понуждаешься ты видѣть исполненіе Божіихъ обѣтованій. Стань на сію сторону, и признай то истиннымъ, поколику Бога, явно свидѣтельствующаго истину сію, исповѣдуешь истиннымъ. А этихъ *нѣцыихъ* признай лживыми, претворяющими въ себѣ истину Божію во лжу. То, что они, какъ видишь, берутъ будто верхъ, незначительно. Это только на время. И здѣсь еще Богъ посрамитъ ихъ, прежде чѣмъ предъ всѣмъ міромъ обличитъ на судѣ Своемъ. Истина Божія восторжествуетъ: ибо Богъ всепобѣдителенъ.—Амвросіастъ пишетъ: „Оба положенія, что *Богъ истиненъ,* и что *всякъ человѣкъ ложь,* взяты изъ книги псалмовъ (85, 15; 115, 2). Лживымъ называетъ онъ человѣка, поколику онъ не вѣритъ тому, что обѣтовалъ Богъ; ибо отрицая, что Богъ дастъ то, что обѣтовалъ, онъ лжетъ. Будучи самъ лживъ, онъ по разнымъ поводамъ и Бога представляетъ лживымъ, когда не вѣритъ обѣтованіямъ Его. Апостолъ называетъ лживымъ всякаго человѣка, невѣрующаго обѣтованіямъ Божі-

имъ. Но больше это наименованіе прилично Іудеямъ, о которыхъ здѣсь разсуждаетъ онъ, въ томъ отношеніи, что они, видя Христа, отвергли, что Онъ есть Тотъ, Котораго обѣтовалъ Богъ. За это справедливо признать ихъ лживыми. Богъ же истиненъ, ибо Онъ послалъ Христа, какъ обѣтовалъ."

Въ подтвержденіе высказанной истины Апостолъ приводитъ слова пророка Давида изъ покаяннаго псалма: *яко да оправдишися во словесѣхъ твоихъ и побѣдиши, внегда судити ти*. Ты всегда оправдываешься, или Ты всегда правъ во словесѣхъ твоихъ, и остаешься побѣдителемъ, *внегда судити ти*, когда произносить станешь судъ надъ кѣмъ; т.-е. когда станешь судить кого, то сей судимый самъ сознается и исповѣдуетъ, что Ты правъ. Примѣнительно къ теченію рѣчи Апостола будетъ: невѣріе Іудеевъ не опровергаетъ истинности Божіей. Богъ всегда истиненъ въ обѣтованіяхъ Своихъ, всегда исполняетъ, что обѣтовалъ. Кто говоритъ иначе, тотъ лживъ. Это подтверждаетъ и пророческое слово, по коему Богъ всегда правъ бываетъ въ словахъ Своихъ и побѣдителемъ оказывается на судѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „Если разсудить и сравнить, что Богъ давалъ Іудеямъ, и какъ Іудеи вели себя предъ Богомъ; то побѣда на сторонѣ Божіей, Богъ правъ во всемъ. Богъ сдѣлалъ все съ Своей стороны; но Іудеи не стали отъ того лучшими."—Бл. Ѳеодоритъ приводитъ слѣдующіе примѣры, какъ Богъ оправдывается на судѣ. „Такъ и Израилю сказалъ: *людіе Мои, что сотворихъ вамъ? Или чимъ оскорбихъ васъ? Или чимъ стужихъ вамъ? Отвѣщайте Ми* (Мих. 6, 3); потомъ (чтобъ заградить уста имъ) подробно напоминаетъ о благодѣяніяхъ. Такъ и устами Іереміи взываетъ: *кое обрѣтоша отцы ваши во Мнѣ погрѣшеніе? яко удалишася отъ Мене, и ходиша въ слѣдъ суетныхъ и осуетишася* (Іер. 2, 5),—и также при-

лагаетъ перечисленіе благодѣяній."—Такъ Богъ всегда оправдывается на судѣ обиліемъ благодѣяній,—тѣмъ, что всегда вѣрно исполняетъ обѣтованія Свои." „Побѣждаетъ Онъ, внегда судити, тѣмъ, что исполняетъ то, въ исполненіе чего не вѣрятъ: ибо когда Ему не вѣрятъ, значитъ, почитаютъ слово Его лживымъ. А Онъ, исполняя то, о чемъ думаютъ, что Онъ не исполнитъ того, побѣждаетъ, показывая, что Онъ истиненъ, а невѣрующій словамъ Его лживъ" (Амвр.).

Можно нѣсколько и расширить предѣлы сего слова такъ: пусть нѣкоторые не увѣровали; Богъ же, несмотря на то, исполнилъ Свое обѣтованіе,—послалъ Сына Своего Избавителемъ міру,—и тѣмъ, что многіе увѣровали, показалъ, что точно словеса, ввѣренныя Іудеямъ, содержали предреченія о Немъ и все ветхозавѣтное учрежденіе служило приготовленіемъ къ принятію Его. Идетъ проповѣдь, Евангеліе распространяется,—и дѣло входитъ въ мѣру предреченія о Немъ. Но пусть иные останутся невѣрными: это только здѣсь. Настанетъ судъ, и истина Божія восторжествуетъ. „Узрятъ Сына Божія во славѣ, которой не хотѣли воздать Ему, и сознаются, что ихъ невѣріе обѣтованіямъ побѣждено истиною событія" (Амврос.).

Такъ разсѣеваетъ Апостолъ недоумѣніе, навѣваемое невѣріемъ *нѣцыихъ*, и возставляетъ убѣжденіе въ побѣдоносности истины Божіей. Въ умѣ печатлѣется славное теченіе вещей по предначертанію Божію и возвеличивается Богъ во славѣ Своей, а Іудей видится за невѣріе свое тѣмъ паче оскудѣвающимъ и обездоливающимъ себя. „Говоря о величіи обѣтованій въ словесахъ Божіихъ, Апостолъ повидимому защищаетъ Іудеевъ; но при всемъ томъ выставляетъ на видъ новое обвиненіе, доказывая, что они не увѣровали словесамъ Божіимъ, которыя служили къ ихъ чести" (Ѳеоф.). Но этимъ они

не только не повредили славѣ Божіей, а напротивъ еще болѣе возвысили ее.

Такое теченіе мыслей привело Апостола къ новому возраженію, которое, можетъ быть, приходилось ему слышать и въ самомъ дѣлѣ, въ своихъ разсужденіяхъ съ Іудеями, особенно Коринѳскими, привыкшими, среди Грековъ, къ утонченностямъ.

Ст. 5. *Аще ли неправда наша Божію правду составляетъ, что речемъ? Еда ли неправеденъ Богъ наносяй гнѣвъ?—По человѣку глаголю.*

Предъидущее поминаніе о невѣріи Іудеевъ главнымъ образомъ останавливаетъ мысль на невѣріи во Христа Господа, которое въ ту пору было на дѣлѣ, и всѣмъ явно.—Но невѣріе во Христа Господа, по пророческимъ обѣтованіямъ, должно сопровождаться страшными бѣдствіями для невѣрующихъ. Хоть эти бѣдствія тогда еще не послѣдовали, но Апостолъ не сомнѣвался, что они вотъ-вотъ настанутъ, или, можетъ быть, онъ уже прозрѣвалъ начатки ихъ. Приводя мѣсто изъ пророка Давида: *побѣдиши, внегда судити ти*, онъ, можетъ быть, на это намекалъ. Но какъ предъ этимъ онъ разъяснилъ, что невѣріе Іудеевъ явило истину Божію къ славѣ Божіей; то у Іудея, научившагося схоластикѣ у Грековъ, могли родиться такія мысли: если наша неправда возвеличиваетъ правду Божію, то за что же на насъ наносить гнѣвъ? Это было бы несправедливо. Какъ ни нелѣпо такое помышленіе, но оно могло умалять страхъ суда Божія, успокоивать начавшаго смущаться невѣра и тѣмъ пресѣкать путь его къ вѣрѣ. Провидя это, Апостолъ говоритъ какъ бы Іудею: ты не вѣруешь, и думаешь, что это—ничего. Нѣтъ, грозные суды Божіи падутъ на главу твою. Да не прельщаетъ тебя и тотъ изворотъ лжи, что будто поелику твоя неправда Божію являетъ правду, то Богъ не наведетъ на тебя заслуженной тобою кары за

твое невѣріе. Развѣ можно такъ разсуждать, что поелику наша неправда Божію правду составляетъ, то Богъ былъ бы неправеденъ, нанося гнѣвъ и потому не нанесетъ его?—Не изволь такъ разсуждать. Не миновать тебѣ кары Божіей, и Богъ, нанося на тебя гнѣвъ, нисколько не окажется неправеднымъ. Такая мысль прямо идетъ къ цѣли Апостола—поколебать самоувѣренность Іудея и, возбудивъ чувство опасенія за себя, расположить къ покаянію и вѣрѣ.

По человѣку глаголю, прибавилъ Апостолъ, чтобы показать, что у него самого не повернулся бы языкъ сказать такъ, и на мысль бы это никогда не пришло; но люди какъ я слышалъ, иногда такъ разсуждаютъ. Въ греческомъ такая мысль: если наша неправда правду Божію являетъ въ славѣ, то не будетъ ли несправедливъ Богъ, наводя гнѣвъ? Это, говоритъ, я по человѣку говорю. „Замѣть благоговѣніе Апостола! Сказавъ: не будетъ ли *неправеденъ Богъ наносяй гнѣвъ?* присовокупилъ онъ: *по человѣку глаголю*. Такъ сказалъ бы всякій, разсуждая по человѣческому разуму" (Св. Злат.). „Не о себѣ, говоритъ, произношу это, но привожу разсужденія другихъ" (Θеод.). Или *по человѣку глаголю* лучше соединять съ слѣдующимъ: *да не будетъ*, въ той мысли, что если и почеловѣчески разсуждать, то этого никакъ сказать нельзя. У Бога же могутъ быть такія основанія, до которыхъ намъ и не домыслиться. „Такъ, говоритъ, я отвѣчаю въ оправданіе Божіе по человѣческому разуму, т.-е. какъ только можетъ отвѣчать человѣкъ здравомыслящій: ибо дѣйствія Божіи имѣютъ нѣкоторыя непостижимыя для насъ основанія и превосходятъ человѣческій разумъ, и не нуждаются въ защитѣ нашей" (Θеоф.). „Ибо праведный судъ Божій несравненно превосходитъ то, что справедливо по нашему разсужденію" (Св. Злат.).

Умствованіе,—будто Богъ былъ бы неправеденъ, если-

бы наказывалъ тѣхъ, неправда коихъ Его правду являетъ,— истины не составляетъ, а есть хитрая изворотливость лукаваго ума (адвокатскаго). Неправда означаетъ здѣсь тоже, что впереди невѣріе. Не увѣровали Іудеи, послѣ того какъ были къ тому руководимы во всю свою исторію, потому не правы. Но Богъ, несмотря на то, исполнилъ Свое обѣтованіе: пришелъ Господь и устроилъ спасеніе всѣхъ. Это оправдало истину обѣтованій и явило въ сильномъ свѣтѣ безпредѣльную благость Божію,—что и означаютъ слова: *правду Божію составляетъ.*—*Составляетъ*— съ греческаго представляетъ, являетъ,—дѣлаетъ то, что надъ нашею неправдою ярко сіяетъ правда Божія; но осіявая ее, сама съ нею не сочетавается, не составляетъ одно съ нею. Апостолъ здѣсь выставляетъ именно это несочетаніе, и правдѣ Божіей отдаетъ свое, и неправдѣ нашей свое. Наша неправда по своей ли природѣ и по нашему ли намѣренію являетъ правду Божію? Нѣтъ, неправда наша существенно есть неправда; и мы, предаваясь неправости, думать не думали, что чрезъ то проявится правда Божія, да и странно было бы такъ думать;—мы только своему мудрованію слѣдовали и свою волю творили. Если теперь надъ такимъ родомъ дѣйствованія нашего возсіяла правда Божія, то сія послѣдняя никакъ не можетъ быть относима къ первому, какъ плодъ, и слѣдовательно придавать ему право на вознагражденіе, или по крайней мѣрѣ прикрывать его отъ праведнаго гнѣва и наказанія. Богъ по безпредѣльной премудрости и благости Своей дѣлаетъ, что наша неправда являетъ Его правду. Ему и слава; намъ же гнѣвъ. Ибо это никакъ не превращаетъ нашей неправды въ правду.

Ст. 6. *Да не будетъ: понеже како судити иматъ Богъ міру?*

Къ общему вѣрованію въ безпредѣльную правду Божію

и относится Апостолъ въ опроверженіе того хитроумія. Какъ можно какую-нибудь неправду въ какомъ-либо отношеніи видѣть въ Томъ, Кто всѣми исповѣдуется Судіею всей вселенной? Это вѣрованіе нераздѣлимо съ чувствомъ правды Божіей и убѣжденіемъ въ Его правосудіи; потому одно сильно разсѣявать всякую тѣнь, наводимую хитроуміемъ на правду Божію. Если Богъ исповѣдуется Судіею вселенной, то Онъ безпредѣльно правосуденъ. Если правосуденъ, то нельзя видѣть какую-либо неправду въ томъ, что Онъ присудилъ вамъ наказаніе за ваше невѣріе, и наведетъ его на васъ вскорѣ.

Въ словахъ: *како имать судити?* можно видѣть и такую мысль: иначе и суду не зачѣмъ быть. Наказываетъ ли насъ здѣсь Богъ, или не наказываетъ, то и другое являетъ Его славу: если наказываетъ, это являетъ правду Его, если не наказываетъ, это являетъ Его долготерпѣніе. Въ первомъ случаѣ правосудіе удовлетворено, потому не для чего быть суду; во второмъ явлена слава Божія, потому не за что обвинять, слѣдовательно и судить.—Если такое умствованіе справедливо, то какъ же вѣруемъ, что Богъ имѣетъ судить міру? И наоборотъ, если это вѣрованіе такъ обще и такъ глубоко укоренено въ умахъ и сердцахъ нашихъ, что мы не можемъ отказаться отъ него, или допустить мысли противныя ему; то надобно признать ложнымъ то умствованіе и его отвергнуть (Амвр.).

Ст. 7. *Аще бо истина Божія въ моей лжи избыточествова въ славу Его, что еще и азъ яко грѣшникъ осуждаюся?*

Повторяетъ Апостолъ предъидущее ложное умствованіе яснѣе и полнѣе. Это вопрошеніе надо ставить въ связи съ предъидущимъ такъ: какъ Богъ имѣетъ судить міръ, если справедливо такое умствованіе, что поелику истина Божія съ избыткомъ проявилась въ моей лжи къ

славѣ Божіей, то меня не слѣдуетъ осуждать, какъ грѣшника?—Апостолъ поставляетъ себя на мѣстѣ Іудея невѣрующаго и отъ своего лица излагаетъ его хитроуміе. Если *истина Божія,* Божія истинность—то, что исходящее изъ устъ Божіихъ есть всегда совершеннѣйшая истина—если это неотъемлемое свойство Божескаго естества, *избыточествова*—съ избыткомъ проявилась, *въ моей лжи,* — въ томъ, что я не повѣрилъ обѣтованіямъ Божіимъ и извратилъ ихъ смыслъ. Богъ ясно предвозвѣстилъ, что придетъ Избавитель, и какъ придетъ, и каковъ Онъ будетъ. Іудеи, особенно знать ихъ предержащая, всѣ эти предреченія извратили и такимъ образомъ превратили истину Божію во лжу. Не смотря на это, Богъ исполнилъ Свое обѣтованіе: въ лицѣ Христа Спасителя скончалось все написанное во пророцѣхъ и псалмѣхъ. Ложь іудейская не затмила сей истины; а напротивъ послужила только къ тому, что Богъ въ явленіе Своей истины, усугубилъ вокругъ лица Господа Іисуса поразительнѣйшія свидѣтельства того, что Онъ есть истинно обѣтованный,—и притомъ, какъ въ жизни Его земной, такъ и послѣ нея во время проповѣди Евангелія о Немъ. Это избыточество свидѣтельствъ истины о Христѣ Іисусѣ въ блистательнѣйшемъ свѣтѣ явило истину Божію, и являетъ, и всѣ, кои отъ истины, пріемлютъ ее. Кругъ вѣрующихъ расширяется, и вмѣстѣ съ тѣмъ множится слава Божія. Всѣ исповѣдуютъ сіе и прославляютъ всеблагаго Бога, спасающаго насъ чрезъ такое торжественное утвержденіе на землѣ истины Божіей, несмотря на невѣріе Іудеевъ. Все сіе оправдывалось тогда самыми событіями.

Такъ Богъ устроилъ; но это никакого не даетъ оправданія невѣрію Іудеевъ. Слава Божія славна, а невѣріе Іудеевъ остается мрачнымъ. Умствованіе Іудея: поелику мое невѣріе извлекло у благости Божіей разительнѣйшія

свидѣтельства истины Божіей, которыя чрезъ подтвержденіе ея и убѣжденіе въ ней явили славу Божію въ блистательнѣйшемъ свѣтѣ; то за что меня осуждать?—скорѣе слѣдуетъ наградить меня (Өеоф.),—такое умствованіе остается нелѣпѣйшимъ, —и слѣдовательно наказаніе Іудея за невѣріе праведнѣйшимъ,—предъ лицомъ того одного всеобщаго убѣжденія, что Богъ имѣетъ судить міру.

Ст. 8. ***И не якоже хулимся, и якоже глаголютъ нѣцыи насъ глаголати, яко сотворимъ злая, да пріидутъ благая: ихже судъ праведенъ есть.***

Итакъ, умствовать такимъ образомъ никакъ нельзя, и Богъ, наказывая Іудея за невѣріе и превращеніе истины во лжу не неправеденъ. Пусть Богъ противъ неправды нашей проявляетъ вящшую правду Свою, пусть истину Свою среди мрака лжи нашей облиставаетъ ярчайшимъ свѣтомъ къ славѣ Своей, пусть изъ нашего зла извлекаетъ большее добро,—все сіе служитъ къ одному лишь прославленію Бога, а не къ нашему оправданію. Несмотря на такое устроеніе дѣлъ промышленіемъ Божіимъ, правда остается правдою, а неправда—неправдою, истина—истиною, а ложь—ложью, добро—добромъ, а зло—зломъ. Еслибы было иначе, еслибъ то, что Богъ изъ нашего зла извлекаетъ добро, служило въ оправданіе намъ, и не только уничтожало достойную кары злобу зла, но и дѣлало его достойнымъ награды; тогда слѣдовало бы: дѣлай больше зла, чтобъ пришло больше добра. А это возмутительная нелѣпость, которая вызываетъ отвращеніе къ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ произносится.

Вотъ мое ученіе, вотъ что я внушаю и на чемъ настаиваю! Такъ учу, а не такъ, какъ иные говорятъ про меня, будто я говорю: ***сотворимъ злая, да пріидутъ благая***. Это явная на меня хула и клевета. Враги мои придумали это, чтобъ распространить предубѣжденіе противъ меня, и прежде чѣмъ кто услышитъ что отъ меня,

заградить слухъ его къ принятію проповѣдуемой мною истины Божіей. Если въ сей истинѣ Божіей—спасеніе людей, если то, чтобъ проповѣдывать ее всѣмъ всюду, есть непремѣнная воля Божія; то распространяющіе такіе лживые о мнѣ слухи противятся благимъ намѣреніямъ Божіимъ и пресѣкаютъ пути добра во спасеніе людей, т.-е. суть богоборцы и человѣконенавистники. На таковыхъ воистину праведенъ судъ Божій!

Такую клевету возносили на св. Павла враги его, надо полагать, изъ Іудеевъ. Св. Павелъ училъ, что для принятія въ царство Христово не требуется никакая заслуга предварительная. Какъ кто ни будь праведенъ, не правда его вводитъ въ сіе царство, а вѣра; и напротивъ какъ кто ни будь грѣшенъ, не грѣхъ заключаетъ ему входъ въ сіе царство, а то, если не увѣруетъ. Все сіе есть дѣло благодати Божіей, и бываетъ такъ, что *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествуетъ благодать* (Римл. 5, 20).—Но уча такъ, Апостолъ имѣлъ въ виду только вступленіе въ царство благодати; отъ тѣхъ же, которые вступили въ него, требовалъ совершеннѣйшей святости, даже и называлъ ихъ не иначе какъ святыми, показывая, что быть въ царствѣ Христовомъ и быть грѣшну – вещи несовмѣстимыя и немыслимыя. *Что убо? Пребудемъ ли во грѣсѣ?* (по принятіи благодати, или вступленіи въ царство Христово вѣрою). *Да не будетъ* (Рим. 6, 1). Такъ училъ Апостолъ; и такъ это самымъ дѣломъ совершалось. Въ царство Христово принимались всѣ безъ различія; но отъ вступившихъ въ него требовалась совершенная святость, и кто не являлъ ея и падалъ въ грѣхи, изгонялся вонъ.—Но враги св. Павла смѣшали эти два пункта, совершенно различные, и взводили на него хулу, будто онъ училъ вообще: *сотворимъ злая, да пріидутъ благая.* Онъ и припомнилъ это теперь: изъ вашего хитрословія прямѣе выходитъ то положеніе,

которое вы мнѣ навязываете. Но если оно, по вашему суду, нелѣпо, то бросьте и то умствованіе, будто Богъ неправеденъ, если наводитъ гнѣвъ на тѣхъ, которые неправдою своею являютъ правду Его въ славѣ.

ε).

Отразивъ такимъ образомъ представившееся возраженіе, Апостолъ сильнѣе налегаетъ на осужденіе и представленіе безотвѣтности Іудеевъ, уже не своимъ словомъ, а пророческимъ, 9 - 20. Иные думаютъ, что въ этомъ отдѣленіи Апостолъ обличеніе свое обращаетъ какъ на Іудея, такъ и на язычника вмѣстѣ. Прежде порознь обличалъ ихъ, а теперь и вмѣстѣ. Можно и такъ. Но лучше — относить рѣчь Апостола къ Іудеямъ, потому что, кончивъ приводить пророческія слова, которыя дѣйствительно могутъ быть признаны общими, онъ снова обращается къ Іудею.

Ст. 9. *Что убо? Преимѣемъ ли? Никакоже: предъукорихомъ бо Іудеи же и Еллины вся подъ грѣхомъ быти.*

Кто спрашиваетъ? Можно полагать, что Апостолъ отъ себя спрашиваетъ, ставя и себя въ рядъ Іудеевъ; и можно полагать, что спрашиваютъ Іудеи. — Іудей предложилъ вопросъ: *что убо лишшее Іудею?* — надѣясь прикрыться отъ осужденія преимуществомъ Іудея. Отвѣчая на этотъ вопросъ, Апостолъ прямо сказалъ: *много по всякому образу;* но потомъ въ дальнѣйшемъ объясненіи представилъ такія соображенія, изъ которыхъ выходило, что это многое не служитъ въ оправданіе Іудеямъ, что при всемъ томъ не избѣжать имъ суда, или потому самому паче и подлежатъ они ему. Предполагая, что это ясно вообразилось въ умѣ Іудеевъ, онъ обращается къ совопроснику своему и отъ себя даетъ ему вопросъ: послѣ всего сказаннаго мною, какъ думаешь, имѣемъ мы преимущества? Можемъ спрятаться за нихъ и ими прикрыться

отъ суда Божія? Онъ и себя ставитъ въ рядъ ихъ, чтобы смягчить очевидный отвѣтъ, непріятный.

Но такъ же могли спросить и Іудеи. Апостолъ не сказалъ прямо. что преимущества не укрываютъ отъ суда, а такую велъ рѣчь, чтобы Іудеи сами то вывели; а имъ этого не хотѣлось. Вотъ они и задаютъ вопросъ: и такъ что же? Скажи намъ прямо, *преимѣемъ ли?* Имѣемъ ли мы какое преимущество? Апостолъ удовлетворяетъ ихъ желаніе и говоритъ теперь прямо: *никакоже.*—Преимущества и были, но дѣла наши отняли у нихъ все значеніе; по причинѣ этихъ дѣлъ мы и остались безъ всякихъ преимуществъ. Бл Θеофилактъ пишетъ: „хотя и имѣли они, (т.-е. Іудеи) нѣкоторое преимущество, какъ избранные Богомъ; но какъ дѣлами своими они обезчестили почтившаго ихъ честію и избравшаго ихъ Бога, то не только уже не имѣютъ никакого преимущества, но и подвергаются большему осужденію. Говоритъ какъ бы отъ лица Іудеевъ: *что убо? Преимѣемъ ли?* т.-е. имѣемъ ли какое преимущество, превосходимъ ли другихъ, угоднѣе ли прочихъ Богу мы, Іудеи, которые получили законъ и обрѣзаніе? *Никакоже,* т.-е. нисколько. Ибо Іудеи, чтобы не сказать больше, согрѣшили такъже, какъ и язычники.“

Такой приговоръ изъ устъ Апостола Павла могъ показаться жесткимъ и помѣшать благотворному дѣйствію его обвинительной рѣчи. Почему онъ спѣшитъ отклонить это, говоря: не я это говорю; пророки гораздо прежде меня предукорили насъ въ этомъ. *Предукорихомъ*—*προῃτιασάμεθα*,—можетъ быть переведено и такъ: предукорены, прежде обвинены есмы,—какъ и дѣлаетъ славянскій нашъ переводъ въ подстрочномъ замѣчаніи. И это какъ по теченію рѣчи, такъ и по намѣренію Апостола должно почесть ближайшимъ къ подлиннику переводомъ. Апостолъ и себя ставитъ въ рядъ Іудеевъ,

хотя уже давно вышелъ изъ нихъ, чтобъ показать, что онъ и себя никакъ не исключаетъ изъ-подъ этихъ предосужденій, и что они-то послужили ему побужденіемъ укрыться отъ гнѣва Божія на основаніи ихъ подъ покровъ благодати, показавъ же это, и ихъ расположить къ скорѣйшему подражанію себѣ въ семъ дѣлѣ. Онъ говоритъ какъбы: давно уже это было предвидѣно; нечего потому этому дивиться, или этого дичиться и отрицаться, а скорѣе слѣдуетъ, сознавши истину сего, поискать вѣрнѣйшаго способа, какъ избыть отъ обвиненія.

Нѣтъ нужды возставать и противъ строчнаго перевода: *предукорихомъ*, т.-е. мы предъ симъ укорили, обвинили, доказали виновность. Если такъ, то будетъ значить, что Апостолъ указываетъ здѣсь на свою предыдущую рѣчь, въ коей точно онъ доказалъ, что и язычники, и Іудеи равно подъ грѣхомъ суть *Подъ грѣхомъ быти*, что грѣшны и безотвѣтны въ грѣшности, подлежатъ за нее суду и осужденію. Ибо не по неволѣ какой грѣшили, а по своему злому произволу, не по насильственному игу подведены подъ грѣхъ, а по самоугодію устремились къ нему и погрязли въ немъ. *Подъ грѣхомъ быти*—можетъ означать: и грѣшатъ, и подъ гнѣвомъ Божіимъ за грѣхъ состоятъ.—*Іудеи же и Еллины*. Мысль такая: Іудеи не меньше Еллиновъ, или подобно Еллинамъ, или также какъ Еллины. Ибо рѣчь объ Іудеяхъ; къ нимъ и пророческія обличенія обращаемы были. Еллины здѣсь стоятъ въ видѣ сопоставленія.

Ст. 10. *Якоже есть писано, яко нѣсть праведенъ никтоже.*

„Апостолъ обвинилъ язычниковъ, обвинилъ Іудеевъ; слѣдовало уже говорить объ оправданіи,—объ оправданіи чрезъ вѣру. Ибо если не помогъ законъ естественный, не больше сдѣлалъ и законъ писанный, напротивъ, тотъ и другой послужили бременемъ для людей, кото-

рые не воспользовались ими, какъ должно; то нѣтъ уже инаго средства спастися, кромѣ благодати. Итакъ, скажи и открой намъ оное, Павле!—Но Апостолъ еще не дерзаетъ, опасаясь безстыдства Іудеевъ, а снова обращается къ ихъ обвиненію. И сперва представляетъ обвинителемъ Давида, который пространно изображаетъ то, что Исаія выразилъ кратко. А симъ хочетъ наложить на слушателей крѣпкую узду, дабы всякій изъ нихъ, по загражденіи ему всѣхъ путей обвиненіями пророковъ, не могъ уже вырваться и ускользнуть, когда будетъ предъ нимъ раскрыто вполнѣ ученіе о вѣрѣ. Пророки же выставляютъ три самыя тяжкія вины, именно: что всѣ безъ исключенія дѣлали зло; что дѣлали зло безъ всякой примѣси добра, предаваясь единственно порокамъ; и наконецъ дѣлали зло со всѣмъ усиліемъ“ (Св. Злат.).

Якоже есть писано—прямѣе идетъ къ переводу; *предъукорены, прежде обвинены есмы*. Предобличенія беретъ св. Павелъ изъ псалмовъ и изъ пророка Исаіи. Сначала приводитъ такія пророченія, которыми обличается неправость вообще, а потомъ такія, которыми обличаются главнѣйшіе виды неправости—нечествованіе предъ Богомъ, нелюбіе и злотворство въ отношеніи къ ближнимъ. Замѣчательно, что нечестіе предъ Богомъ поставляется въ началѣ и въ концѣ, надо полагать, какъ источникъ и плодъ неправостей предъ ближними.

Слова: *Нѣсть праведенъ никтоже*, буквально не содержатся въ приводимыхъ мѣстахъ. Они выражаютъ общій смыслъ ихъ, и принадлежатъ св. Апостолу, какъ надписаніе пророческихъ изреченій, сводимыхъ во едино. Понимая это такъ, слову *праведенъ* надлежитъ дать обширное значеніе: праведенъ во всемъ, и предъ Богомъ, и предъ людьми, а по противоположности—неправеденъ,—тоже во всемъ и предъ Богомъ, и предъ людьми. Потому въ *нѣсть праведенъ* надо видѣть не ту мысль, что иногда

грѣшитъ или бываетъ неправеденъ, а ту, что совсѣмъ погрязъ въ неправдѣ, только и замышляетъ, только и дѣлаетъ, что неправду. И таковы всѣ,—никакого исключенія.

Ст. 11. *Нѣсть разумѣваяй, и нѣсть взыскаяй Бога.*

У пророка говорится, что Богъ приникъ только на землю, чтобъ посмотрѣть, есть ли кто *разумѣваяй или взыскаяй Бога* (Псал. 13, 52). Но какъ онъ въ слѣдъ за симъ прибавляетъ: *вси уклонишася;* то этимъ даетъ понять, что Богъ, приникши на землю, не увидѣлъ никого, кто бы разумѣвалъ и взыскивалъ Бога.—Св. Апостолъ эту мысль и беретъ, выражая ее по теченію рѣчи не вопросно, а утвердительно: *нѣсть разумѣваяй, нѣсть взыскаяй Бога.*

Этимъ означается вообще богозабвеніе, жизнь безъ всякаго вниманія къ Богу, какъ будто Бога совсѣмъ нѣтъ. Но можно различать въ каждомъ изъ сихъ терминовъ особенное значеніе. *Разумѣніе Бога*—занятіе ума Богомъ, чтобъ познать и созерцать Его безпредѣльныя совершенства, Его творчество и особенно промыслительное о насъ попеченіе. *Взыканіе Бога*—устремленіе къ Нему сердцемъ, и направленіе всей дѣятельности своей къ тому, чтобъ стяжать Его и въ себѣ Его имѣть, какъ первое всенасыщающее сокровище. Сіе послѣднее есть цѣль наша послѣдняя; разумѣваніе Бога, познаніе Его чрезъ разсужденіе о Немъ открываетъ въ Немъ наше сокровище; а это открытіе вызываетъ устремленіе къ Нему сердца и возбуждаетъ энергію дѣятельныхъ силъ къ достиженію Его и обладанію Имъ. Когда нѣтъ разумѣванія Бога, нѣтъ и взысканія Его. Нѣтъ взысканія—нѣтъ стяжанія и обладанія,—нѣтъ общенія съ Богомъ: человѣкъ внѣ цѣли своей. Почему долженъ блуждать и влаяться. Не Богомъ занятъ умъ, не къ Богу лежитъ и сердце. Но какъ ни умъ, ни сердце не могутъ пребывать праздными, то, отклонясь отъ Бога единаго, уст-

ремляются къ тварямъ—многимъ, и запутавшись среди ихъ, теряютъ правое свое направленіе и производятъ только всякую неправду. Въ ней только искусны, въ ней только находятъ вкусъ, къ ней только льнутъ сердцемъ и устремляютъ свои дѣятельныя силы.

Ст. 12. ***Вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единаго.***

Это слово въ слово 3-й стихъ 13-го псалма, или 4-й — 52-го. Онъ показываетъ, какъ за упадкомъ благочестія и богобоязненности послѣдовалъ упадокъ доброй нравственности. ***Вси уклонишася***—откуда и куда? Какъ выше говорилось о богозабвеніи и пресѣченіи стремленія къ Богу, ***то уклонишася***, надо полагать, продолжаетъ туже мысль,—уклонились отъ Бога умомъ и сердцемъ. Уклониться же такъ отъ Бога значитъ уклониться и отъ воли Его и отъ путей Его, отъ заповѣдей Его,—или отъ богоугожденія къ самоугодію. Если теперь самоугодіе дѣйствуется чрезъ удовлетвореніе страстей—похоти, гнѣва, гордыни, своекорыстія, зависти и проч., то уклонившійся отъ Бога естественно ниспадаетъ въ страстность, которая, держа его въ своихъ узахъ, дѣлаетъ негожимъ ни на какое добро. Почему и говорится: ***вкупѣ непотребни быша. Вкупѣ,*** ἅμα,—вмѣстѣ съ тѣмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ уклонились отъ Бога, стали непотребными, т. т. негожими ни на какое добро; потому что овладѣвшія ими вслѣдствіе уклоненія отъ Бога страсти отбивали ихъ отъ добра и увлекали на противоположное зло.

Нѣсть творяй благостыню. Благостыня—χρηστότης,—благое, на всякое добро готовое сердце со всякимъ самопожертвованіемъ. Наблюдай за людьми, когда они бываютъ въ добромъ расположеніи духа, и поймешь, что есть эта благостыня. Люди въ такомъ состояніи отъ какого добраго дѣла откажутся, и отъ какой жертвы

уклонятся? Всѣ у нихъ стали братья и сестры, и все ихъ достояніе стало общимъ; и не достояніе только, но и жизнь готовы они отдать, чтобъ только благо было другимъ. Вотъ это благостыня!—Она есть прямое отраженіе благости Божіей, и изливается въ сердце отъ богообщенія, при богобоязненности и боголюбіи. Уклонившійся отъ Бога и низпадшій въ страстность не можетъ уже проявлять сей черты богоподобія. Ибо душа страстности есть эгоизмъ, который, поставивъ себя цѣлію, все прочее обращаетъ въ средство. Какое потому при немъ мѣсто благостыни? Благостыня имѣетъ въ виду благо только другихъ, а онъ только свое. Они отрицаютъ себя взаимно. Такимъ образомъ работающій страстямъ естественно *нѣсть творяй благостыню.*

Творить благостыню значитъ дѣломъ исполнять, къ чему клонитъ благорасположенное сердце. Потому въ изреченіи—*нѣсть творяй благостыню* можно видѣть такую мысль: нѣтъ никого, кто бы исполнялъ дѣломъ добрыя внушенія сердца и совѣсти. Это будетъ значить, что стали непотребны, но не до того, чтобъ ничего добраго ужь и на умъ имъ не всходило. Нѣтъ,—и на умъ всходитъ добро, и позывъ на него чувствуется; но въ тоже время поднимается страсть, подавляетъ сіе доброе и не даетъ имъ творить благостыню. Богъ создалъ наше естество добрымъ и вложилъ въ него всякаго рода добрыя расположенія. Пришли потомъ страсти и отодвинули назадъ сіи добротности. Онѣ живы, и даютъ о себѣ знать каждый разъ, какъ представляется случай; но власти не имѣютъ. Господинъ ихъ—человѣкъ—отталкиваетъ ихъ и даетъ силу страстямъ, какъ иной законную жену загоняетъ въ уголъ и любодѣйствуетъ съ чужими. Въ этомъ отношеніи нетвореніе благостыни бываетъ не просто потому, что одни злыя помышленія и желанія роятся въ душѣ, но потому, что въ борьбѣ

съ благостынею они подавляютъ всякій разъ добрыя внушенія, возникающія въ сердцѣ. Это усугубляетъ вину.

Нѣсть даже до единаго. Одинъ отъ другаго перенимали и стали всѣ, какъ одинъ, непотребны и безблагостны. Страсти, обобщившись и завладѣвши всѣми, не давали уже показаться среди ихъ ничему противному страстямъ, коимъ служатъ всѣ. Какъ внутри отталкивается всякое доброе помышленіе и чувство, такъ внѣ никто въ такомъ обществѣ не смѣетъ поднять голоса въ противность общей страсти. Всякій вновь раждающійся въ семъ обществѣ, или поступающій въ него совнѣ, поглощается общимъ духомъ, или извергается вонъ.

Ст. 13. *Гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими льщаху: ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ.*

Первая половина стиха взята изъ 5-го псалма ст. 10; вторая изъ 3-го ст. 139-го псалма. *Гробъ отверстъ гортань ихъ.* Что внутри, то и на языкѣ. Что замышляютъ, въ чемъ находятъ удовольствіе, на что обращены всѣ планы, о томъ и рѣчь у нихъ всегда. И какъ тамъ преобладаетъ непотребство и безблагостность; то это же господствуетъ и въ бесѣдахъ. Гробъ отверстый распространяетъ зловоніе, и даетъ знать, что въ немъ тлѣетъ тѣло человѣка. И языкъ уклонившагося отъ Бога и впадшаго въ непотребство и злобу распространяетъ зловоніе нечестія, непотребства и злости и даетъ разумѣть, что душа его тлѣетъ отъ разлагающаго ее дѣйствія страстей.—Что въ каждомъ рѣчь, то въ обществѣ—литература. По ней можно узнавать, каково общество.

Языки своими льщаху. То вообще о языкѣ страстныхъ сказано; теперь переходитъ къ перечисленію видовъ непотребства языка. Первое—лесть. *Льщаху*—ἐδολιοῦσαν. Δόλος—злокозненность. Злокозненность языка есть искусство прикрывать злыя цѣли доброю рѣчью, и чрезъ то вводить другаго въ обманъ и въ ущербъ своихъ ради

выгодъ. Это прямое слѣдствіе эгоизма. Сходится ли эгоизмъ съ эгоизмомъ, или эгоизмъ съ благостынею, эгоизму безъ лести нельзя дѣйствовать. Тамъ потому, что иначе, раздраживъ эгоизмъ другаго, возбудитъ себѣ противодѣйствіе; здѣсь потому, что иначе, обнаживъ себя, обнаружитъ въ себѣ то, отъ чего отвращается благостыня. Страстному эгоизму неизбѣжно приходится потому хитрить, прикрывая себя лестію.

Ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ. Подъ устнами,—подъ рѣчами или въ рѣчахъ. *Ядъ аспидовъ*—зловредность и пагуба. Послушайся только того, что они говорятъ, и зло постраждешь. Будетъ съ тобою тоже, что съ пріявшимъ яда аспидова.—Этимъ означается высшая степень того, что означаетъ изреченіе: *языки своими льщаху*. Когда языкомъ льстятъ, еще наводятъ только на зло, вплетаютъ въ какія-либо дѣла и предпріятія, отъ которыхъ тѣмъ вредъ, а имъ выгода; а когда ядъ аспидовъ въ рѣчахъ, то зло впускается въ душу вмѣстѣ съ рѣчами. Тутъ можно разумѣть хулителей путей Божіихъ и распространителей злыхъ ученій. Прикрывъ ложь краснымъ правдоподобіемъ, вводятъ ее въ душу, и изгнавъ изъ ней истину, оядотворяютъ сею ложью.

Ст. 14. *Ихже уста клятвы и горести полна суть* (Пс. 9, 28).

Другіе два вида непотребства языка: *клятва и горесть*.—Прежде указано прикрытое зло языка, а здѣсь открытое. *Клятва*—ἀρὰ—клятьба; *горесть*—πικρία—рѣчь огорчающая, горечь въ душу вносящая. *Полна суть*—γέμει—кишатъ, биткомъ набиты. Указывается или особый классъ непотребныхъ по языку людей, или особое состояніе тѣхъже льстивыхъ и аспидоядныхъ: не всегда успѣваютъ прикрывать зло, прорывается оно. И тогда изрыгается то клятьба, — чтобъ тебѣ то и то пострадать, и подобное; то горечь,—рѣчи уязвляющія, въ ви-

дѣ ли тонкихъ намековъ, или въ видѣ грубой брани. То и другое въ средѣ страстныхъ въ ходу. Образованность и цивилизованность не спасаетъ. Когда сердце взяло, пошли и тутъ клятва и горечь, не рѣдко въ болѣе отвратительномъ видѣ, потому что болѣе имѣется способовъ выразиться посильнѣе.

Ст. 15. *Скоры ноги ихъ проліяти кровь* (Притч. 1, 16; Ис. 59, 7).

Послѣ безблагостности языка—безблагостность дѣлъ во взаимныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. Ибо ноги, руки, пути—въ словѣ Божіемъ означаютъ поведеніе людей, обычный имъ образъ жизни и дѣятельности. *Скоры ноги*—потому что сильно желаніе, неудержимо влекущее къ дѣлу. Какъ то, къ чему такъ стремятся, есть пролитіе крови; то этимъ выражается кровожадность. Идти это можетъ только къ разбойникамъ. Но и у нихъ жажда крови не главное, а случайность, главное же — корысть. Прямо пролитіе крови имѣютъ въ виду только месть и личная вражда. Общимъ слѣдовательно этого вида безблагостности считать нельзя. Итакъ, если *пролитіе крови* понимать въ собственномъ смыслѣ, то здѣсь указывается частное нѣкоторыхъ лицъ злодѣйство. Обобщаетъ его пророкъ и за нимъ Св. Апостолъ потому, что если оно является въ нѣкоторыхъ, то, значитъ, доходить до такого неистовства не чуждо Іудеямъ. Но можно подъ пролитіемъ крови разумѣть лишь чувствительное уязвленіе и ураненіе другаго. Въ такомъ случаѣ здѣсь будетъ выражаться состояніе гнѣвнаго и разсердившагося. Въ гнѣвѣ и сердцахъ, какъ отличительная черта, у всѣхъ является желаніе уязвить другаго, дать ему почувствовать не словомъ, а дѣломъ. И тутъ мелькаетъ маленькое желаніе пролитія крови. Если такъ понять пролитіе крови; то обобщеніе его не представля-

еть ничего недоумѣннаго. Апостолъ обличаетъ въ Іудеяхъ преобладаніе нелюбовныхъ и враждебныхъ чувствъ и дѣлъ.

Ст. 16. *Сокрушеніе и озлобленіе на путехъ ихъ* (Ис. 59, 7).

Сокрушеніе—*σύντριμμα*,—сотреніе; *озлобленіе*, — *ταλαιπωρία*,—всякаго рода бѣды, чувствительныя и болѣзненныя. Гдѣ пройдетъ шайка злодѣевъ, тамъ домы разграблены, разорены и пожжены, жители побиты, изранены и разогнаны. Вотъ сокрушеніе и озлобленіе! Но выдаются такія личности, которыя, живя среди другихъ, съ кѣмъ ни сойдутся, непремѣнно озлобятъ его и сокрушатъ,—сдѣлаютъ чувствительное зло. Между тѣмъ уличить ихъ бываетъ не всегда возможно: дѣйствуетъ самъ озлобляемый, а тѣ будто ничего не знаютъ. Иные впрочемъ оглашаются такими, и народный приговоръ предостерегаетъ отъ нихъ: съ этимъ не связывайся,—жалѣть будешь. *На путехъ ихъ*,—въ слѣдъ за ними идетъ, или они оставляютъ по себѣ. Какъ огню нельзя пройти гдѣ не пожегши, такъ имъ—не сдѣлавши зла.

Ст. 17. *И пути мирнаго не познаша* (Ис. 59, 8).

Это будто сведеніе воедино всего, сказаннаго о безблагостности языка и обычнаго поведенія.—Когда языкомъ язвятъ и дѣломъ причиняютъ вредъ, какой отъ нихъ миръ? Немирность и распространяется ими всюду. Эгоизмъ,—страсти,—есть разлагающая сила, какъ симпатія,—благорасположеніе,—соединяющая. Гдѣ эгоизмъ съ страстями, тамъ невозможенъ миръ, и миролюбивое настроеніе: ибо они все къ себѣ тянутъ; тогда какъ при мирѣ многимъ надо жертвовать.—Почему справедливо о нихъ говорится: *пути мирнаго не познаша*. Ни въ мысли, ни въ цѣляхъ не имѣютъ того, чтобъ устроять и хранить миръ. И не понимаютъ, сколь это нужно, и для чего нужно, и какъ это дѣлать. Мирность—для нихъ невѣдомая земля.

Ст. 18. *Нѣсть страха Божія предъ очима ихъ* (Пс. 35, 2).

Начато изображеніе худости Іудеевъ со словъ пророческихъ богозабвеніемъ, и кончено безстрашіемъ предъ Богомъ. То и другое означаетъ отпаденіе отъ Бога, вслѣдствіе котораго извращается нравъ. И народное присловіе тоже выражаетъ, когда въ лице злодѣю и обидчику говоритъ: Бога ты не боишься. Бога исповѣдуетъ, и судъ Его признаетъ, и ада не отвергаетъ; а между тѣмъ страха Божія не имѣетъ. Какъ это возможно и въ комъ?—Возможно подъ прикрытіемъ обольстительнаго изворота: нынѣ сдѣлаю по желанію своего сердца, а завтра покаюсь. Можно предполагать, что злодѣи не всѣ замышляютъ до конца злодѣйствовать, а злодѣйствуютъ будто вынужденные обстоятельствами. Но все же страха Божія и въ такихъ нѣтъ, а возможенъ. И бываетъ, что многіе изъ нихъ образумливаются. Но бываетъ и то, что отъ злодѣйства къ злодѣйству переходя, ожесточаются сердцемъ, и по множеству злодѣяній теряютъ всякую надежду помилованія: вслѣдствіе чего предаются въ руки злаго произволенія своего, и появляющуюся мысль о Богѣ прогоняютъ враждебно, съ непріязнію. Это настроеніе—сатанинское.

Таково изображеніе худости Іудеевъ въ параллель худости язычниковъ. Сличивъ то и другое, видимъ, что и тамъ и здѣсь все извращеніе нрава проистекаетъ изъ отпаденія отъ Бога умомъ и сердцемъ. Но замѣчательно, что тогда какъ язычники, отпадши отъ Бога, ниспали въ самую грубую похотливость, и потомъ уже во всякаго рода неправды,—Іудеи, переставъ разумѣвать и взыскивать Бога, предаются прямо дѣламъ неправымъ и безблагостыннымъ. И по исторіи видно, что хотя и Іудеи впадали въ грѣхи похоти плотской, но среди ихъ не было такого разліянія блуда, какъ среди язычниковъ. Св. Апостолъ и не счелъ нужнымъ особенно выставлять этого порока на видъ.

Ст. 19. ***Вѣмы же, яко елика законъ глаголетъ, сущымъ въ законѣ глаголетъ: да всяка уста заградятся, и повиненъ будетъ весь міръ Богови.***

Какъ будто Апостолъ слышитъ возраженіе со стороны Іудеевъ: да это все, что ты привелъ, не къ намъ относится,—и спѣшитъ предотвратить его, говоря какъбы: не къ вамъ!—Къ кому же будетъ говорить законъ, какъ не къ сущимъ въ законѣ,—какъ не къ вамъ?—разумѣя подъ закономъ все ветхозавѣтное писаніе, такъ какъ выше приводилъ онъ мѣста изъ Псалмовъ, Притчей и пророка Исаіи.—Такъ разумѣетъ сіе св. Златоустъ: „Іудеи могли возразить: не объ насъ говорится сіе. Апостолъ и говоритъ: какая была нужда пророку, посланному для вашего исправленія, обличать другихъ? Законъ данъ не другому кому, а вамъ.—Закономъ здѣсь называетъ св. Павелъ весь Ветхій Завѣтъ". Такъ и всѣ наши толковники. Цѣль у Апостола та, чтобъ отнять у Іудеевъ всѣ предлоги, какими, къ своему самообольщенію, могли бы они высвобождать себя въ мысляхъ своихъ отъ суда и осужденія Божія. Къ этому направлена вся рѣчь его къ Іудеямъ съ перваго поминанія ихъ вмѣстѣ съ язычниками (2, 9. 10) доселѣ.

Да всяка уста заградятся. Объ язычникахъ ужь и говорить нечего: они безотвѣтны. Но и вы, хоть имѣли бы что-нибудь сказать въ свое оправданіе, не можете того выставлять; потому что своею невѣрностію сами себя лишили всѣхъ преимуществъ и праведно осуждаетесь пророками. И вы безотвѣтны. И такимъ образомъ всѣ уста заграждаются,—никто ничего не можетъ представить въ свое оправданіе. Даетъ доразумѣть св. Павелъ: пророки издали провидѣли, что вы будете вывертываться изъ-подъ суда; потому такъ тяжко и обвинили васъ, чтобы заградить вамъ уста, дабы вы, вникнувъ въ дѣло, признали ихъ осужденіе справедливымъ, обвинили

себя, пришли въ раскаяніе, и искали оправданія въ томъ, въ чемъ искать его указываетъ вамъ Евангеліе.

Такъ излагаетъ теченіе мыслей св. Апостола св. Златоустъ: „Апостолъ доказываетъ симъ, что сіе сказано не просто въ обвиненіе, но дабы законъ пролагалъ также путь вѣрѣ. Таково согласіе Ветхаго Завѣта съ Новымъ, что обвиненія и обличенія имѣли безъ сомнѣнія цѣлію отверсть въ слушателяхъ свѣтлую дверь вѣры. Поелику Іудеевъ то особенно губило, что высоко о себѣ думали, что, не разумѣя правды Божіей и свою правду стараясь выставить, не покарялись они правдѣ Божіей; то законъ и пророки предварительно укрощали ихъ высокомѣріе и низлагали надменность, дабы, пришедши въ сознаніе своихъ грѣховъ, отложивши свое высокомѣріе и увидѣвши себя въ крайней опасности, притекли они съ полнымъ усердіемъ къ Давшему имъ прощеніе грѣховъ и приняли благодать чрезъ вѣру. Сіе самое и давалъ здѣсь разумѣть Павелъ, говоря: *да всяка уста заградятся*. Показываетъ онъ, что Іудеи хотя не смѣютъ похвалиться дѣлами, но хвастливы и безстыдны на словахъ. Посему въ собственномъ смыслѣ употреблено выраженіе: *да всяка уста заградятся*; имъ изображается безстыдное и непомѣрное хвастовство Іудеевъ, а равно и то, что языкъ ихъ надлежало всѣми силами обуздывать. Онъ былъ неудержимъ, подобно стремительному потоку; но пророкъ обуздалъ его. Когда же Павелъ говоритъ: *да*, — разумѣетъ не то, что для того грѣшили, дабы заградились уста ихъ; но для того были обличаемы, чтобы нагрѣшивши сознавали то.“

И повиненъ будетъ весь міръ Богови. Повиненъ Богови—виновенъ предъ Богомъ. Язычники и не поперечатъ тому, сознаютъ себя такими. Если теперь и вы примете на себя обличеніе пророковъ и сознаетесь, что не имѣете чѣмъ оправдаться, то выйдетъ, что весь міръ, не по суду

только внѣшнему, но и по собственному сознанію, виновенъ предъ Богомъ. Всѣ должны сознать, что открывающійся съ небесъ гнѣвъ Божій,—судъ и осужденіе,—праведенъ и неминуемъ. „Не сказалъ: Іудеи повинны будутъ, но—весь родъ человѣческій. Ибо какъ словами: *да всяка уста заградятся*, Апостолъ метитъ (болѣе) на Іудеевъ, хотя и не сказалъ того ясно, дабы рѣчь не сдѣлалась колкою; такъ слова: *повиненъ будетъ весь міръ Богови*, относятся вмѣстѣ и къ Іудеямъ и къ язычникамъ. Но и сіе не мало служитъ къ сокрушенію высокоумія Іудеевъ, когда они и въ семъ отношеніи не имѣютъ никакого преимущества предъ язычниками, но, въ дѣлѣ спасенія, наравнѣ съ ними поставлены. Ибо повиннымъ въ собственномъ смыслѣ называется тотъ, кто не можетъ защитить самъ себя, а имѣетъ нужду въ посторонней помощи. Таково и наше (съ вами) положеніе (говоритъ какъ бы Апостолъ), послѣ того, какъ мы погубили дарованныя намъ средства ко спасенію“ (Св. Злат.).

Ст. 20. *Зане отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть предъ Нимъ: закономъ бо познаніе грѣха.*

Что Іудеи виновны предъ Богомъ безотвѣтно, сіе доказалъ Апостолъ выше несообразнымъ съ закономъ поведеніемъ Іудеевъ и пророческими о нихъ приговорами. Теперь на тоже наводитъ изъ существа самаго закона, какъ-бы такъ: и думать не думайте—оправдаться дѣлами закона; не на то законъ данъ, а на то лишь, чтобъ всегда представлять предъ очи ваши познаніе грѣха и руководить васъ къ сознанію грѣшности. Вполнѣ раскрываетъ Апостолъ сіе положеніе ниже, здѣсь же только выставляетъ его.

Плоть—человѣкъ плоть носящій; *не оправдится всяка плоть*—тоже что никакой человѣкъ, плоть носящій, не оправдится предъ Богомъ *дѣлами закона*.—*Дѣла закона*—дѣла сообразныя съ закономъ. Но какой здѣсь разумѣет-

ся законъ?—Тотъ ли только, которымъ опредѣлялись жертвы и очищенія, или вмѣстѣ и тотъ, которымъ опредѣлялись благочестіе и добродѣтель?--И тотъ и другой. Первый не могъ оправдывать существенно потому, что не имѣлъ въ себѣ самомъ силы оправдательной, а служилъ лишь знаменіемъ и указаніемъ на то, въ чемъ истинно оправдательная сила. Ѳеодоритъ пишетъ: „это все служитъ знаменіемъ инаго, а само по себѣ, будучи исполнено, недостаточно къ тому, чтобы совершающаго это сдѣлать праведнымъ."—Вторый хотя и могъ бы оправдывать самъ по себѣ, ибо въ чемъ и оправданіе, какъ не въ полномъ исполненіи законовъ благочестія и добродѣтели?—но нѣтъ надежды получить симъ путемъ оправданіе потому, что по немощи своей не можемъ мы исполнить сего въ должной полнотѣ: такъ что и сей законъ безсиленъ къ оправданію нашему, хотя не самъ по себѣ, а по нашей винѣ. Почему и выраженіе такое употребилъ: *всяка плоть*, чтобъ указать, гдѣ источникъ безсилія,—не въ законѣ, а въ насъ. Яко человѣки, плоть носящіе, не можемъ мы исполнить закона; потому и думать нечего, чтобъ кто-нибудь могъ оправдаться симъ путемъ. „Попользовалъ бы законъ, конечно, еслибъ сохранили его тѣ, которые получили заповѣди его; поелику же не сохранили, то по сей случайности онъ больше повредилъ, не по природѣ своей, но по злонравію тѣхъ, кои не соблюли его, — по ихъ худобѣ" (Экум.).

Закономъ бо познаніе грѣха. Законъ опредѣлялъ все, какъ надлежало дѣйствовать, во всякомъ случаѣ; но поелику не давалъ силы къ исполненію того, а плоть увлекала къ противному, то онъ освѣщалъ только грѣшность. Пріявшій законъ видѣлъ, въ какомъ случаѣ, какъ грѣшитъ, и не могъ не сознавать, что грѣшитъ, а какъ выпутаться изъ этихъ узъ грѣха, не видѣлъ. Только и давалъ ему законъ, что научалъ познавать свою грѣш-

ность; но какъ и при семъ познаніи грѣхъ все же дѣйствовалъ и увлекалъ, то это познаніе лишь увеличивало грѣхъ: „ибо кто грѣшитъ съ сознаніемъ, тому грозитъ большее наказаніе“ (Өеоф.). „Законъ больше стыдитъ тебя, потому что обнаруживаетъ грѣхи твои. Онъ былъ причиною того, что грѣхъ сталъ тебѣ извѣстенъ; но въ твоей было волѣ бѣжать грѣха. Поелику не бѣжалъ, то навлекъ на себя большее наказаніе, и вразумленіе закона привели тебя къ большей казни“ (Св. Злат.). Но и это послѣднее,—подлежаніе вящшему наказанію за грѣшеніе съ сознаніемъ,—соотвѣтствуетъ цѣли закона. Таково и назначеніе его, чтобъ держать въ сознаніи грѣшности и въ слѣдствіе того безотвѣтности предъ Богомъ.

При всемъ томъ однакожь никакъ нельзя думать, чтобы грѣхъ былъ нѣчто роковое,—такое, что невольно влечетъ къ преступленію, хочешь или не хочешь. Плоть дѣйствительно влечетъ, но преступленіе всегда совершается потому, что человѣкъ самъ самоохотно вождельваетъ противнаго закону. Почему по преступленіи закона человѣкъ стыдится и чувствуетъ угрызеніе совѣсти. Это есть свидѣтельство того, что согрѣшившій могъ не грѣшить, но не хотѣлъ отказать своему пожеланію злому.

Нельзя такъ же думать, что поелику дѣлами закона не оправдится никакая плоть, то дѣла закона уже не нужны. Нѣтъ; въ томъ и оправданіе, чтобъ явиться во всемъ исправнымъ, исполнивъ все требуемое закономъ. Исполни всю волю Божію и спасешься. Такъ неоднократно говорилъ Спаситель, такъ внушали Апостолы. Въ томъ и все домостроительство спасенія, чтобъ возвесть насъ въ состояніе, въ коемъ мы являлись бы совершенно правы предъ закономъ. Затѣмъ отпущеніе грѣховъ, затѣмъ благодать на дѣланіе всякаго добра. И для Іудея. и для Еллина, и нынѣ для христіанина—одна цѣль—совершенная вѣрность Закону Божію. Ее и въ виду надо

имѣть, нимало не ослабляя чувства обязательства къ сему вѣрою; напротивъ возгрѣваніемъ сего чувства непрестанно подновляя и оживляя вѣру, подающую все, что нужно для удовлетворенія сему обязательству.

в)

Богъ устроилъ особый дивный образъ спасенія въ Единородномъ Сынѣ Своемъ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ.

3, 21—30.

Доказалъ св. Павелъ, что и Іудеи и язычники—безотвѣтно виновны предъ Богомъ и должны подлежать суду и осужденію,—открывающемуся съ небесъ гнѣву Божію (1, 18).—Этимъ возбудилъ у нихъ опасеніе за свою вѣчную участь и вмѣстѣ желаніе избавиться отъ угрожающей бѣды. Приведши же всѣхъ въ такое настроеніе, онъ предлагаетъ имъ теперь, гдѣ могутъ они укрыться, если не хотятъ погибнуть. Богъ, говоритъ, устроилъ для всѣхъ путь спасенія въ Сынѣ Своемъ: обратитесь къ Нему вѣрою и спасени будете. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Велъ Апостолъ рѣчь о жившихъ внѣ закона и подъ закономъ, и обличилъ, что одни преступили законъ естественный, а другіе законъ Моисеевъ, и достойны крайняго наказанія. Въ этомъ подражалъ онъ наилучшему врачу, который сперва даетъ видѣть страждущимъ тяжесть болѣзни, а потомъ уже предлагаетъ въ помощь цѣлительное врачевство. Ибо такъ и онъ, обличивъ беззаконіе тѣхъ и другихъ и показавъ, что подлежатъ они отвѣтственности и достойны наказанія,—предлагаетъ наконецъ врачевство вѣры, и открываетъ человѣколюбіе Божественнаго домостроительства.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ, послѣ того, какъ увеличилъ страхъ, начинаетъ уже слово о дарахъ благодати, и воз-

будивъ въ слушателяхъ сильное желаніе получить отпущеніе грѣховъ, говоритъ"—

Ст. 21. *Нынѣ же кромѣ закона правда Божія явися, свидѣтельствуема отъ закона и пророковъ.*

Нынѣ же,—послѣ того, какъ и язычники и Іудеи довольно уже научены опытомъ, что ни тѣ, ни другіе не могутъ стяжать настоящей праведности предъ Богомъ, и не имѣютъ потому основанія надеждѣ спасенія. Апостолъ предыдущимъ обличеніемъ не насильно набивалъ сознаніе виновности и бѣды отъ нея, но раскрывалъ то, что смутно, или явственно, у всѣхъ лежало на совѣсти. Онъ приводилъ только въявь, или точнѣе опредѣлялъ. Потому—*нынѣ же* можно объяснять: по исполненіи положеннаго для пришествія Христова времени.

Кромѣ закона—какого? Конечно даннаго Іудеямъ. Но какъ ниже онъ говоритъ о правдѣ *во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ*: *нѣсть бо разнствія* (—22); то подъ словомъ: *кромѣ закона* можно доразумѣвать намекъ на все, чѣмъ до пришествія вѣрѣ надѣялся человѣкъ оправдаться предъ Богомъ, т.-е. не на писанный только законъ, но и на неписанный. Говоритъ же о писанномъ, потому что непосредственно предъ симъ шла о немъ рѣчь, и потому, что если *кромѣ его*, то тѣмъ паче кромѣ всего другаго. Дивное нѣчто предлагаетъ Апостолъ: ибо „если жившіе въ законѣ не только не избѣгли наказанія, но даже навлекли на себя тягчайшее; какъ можно безъ закона не только избѣгнуть казни, но еще оправдаться?" (Св. Злат.). Почему—*кромѣ закона* не значитъ—при нарушеніи закона, но то значитъ, что предлагаемый новый способъ оправданія хотя есть *кромѣ закона*, таковъ однакожъ, что чрезъ него исполнится весь законъ, и правда явится въ совершенствѣ: ибо кромѣ правды нѣтъ спасенія.

Правда Божія явися. Правда Божія или божественная, совершенная и полная правда, или „правда, Богомъ

даруемая“ (Экум.). Можно соединить то и другое: полная правда, Богомъ даруемая. Богъ устроилъ и предлагаетъ всѣмъ такой образъ спасенія, въ коемъ всѣ силою Божіею вводятся въ совершенную праведность.—*Явися*, открылась, будучи доселѣ сокровенною, только какъ обѣтованная. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ сказалъ не просто—*правда*, но *правда Божія*, достоинствомъ лица доказывая величіе дара, и твердость обѣщанія. такъ какъ Богу все возможно. И не сказалъ: правда дана, но—*явися*, дабы не могли винить его въ нововведеніи. Ибо являться можетъ только то, что существовало прежде, но было сокрыто.“

Или—*явися*—открылась на дѣлѣ. Указываетъ будто на христіанъ: ни у васъ Іудеи, ни у васъ—язычники нѣтъ праведности, но посмотрите на христіанъ, какъ они всѣ святы. Вотъ гдѣ явною для всѣхъ представляется праведность.

Свидѣтельствуема отъ закона и пророковъ. Подтверждаетъ, что это не новость; а такъ было предназначено въ началѣ и такъ предсказано и предъизображено въ законѣ и пророкахъ. Не мое это ученіе. Посмотрите въ законѣ и пророкахъ, и увидите, что всему сему такъ слѣдуетъ быть по Божескому предначертанію. „Не приходи въ смущеніе отъ того, что правда Божія дарована только нынѣ, говоритъ Апостолъ, и не затрудняйся симъ, какъ дѣломъ новымъ и необычайнымъ. О семъ издревле говорили законъ и пророки. Частію доказалъ это Апостолъ выше, а частію докажетъ въ послѣдствіи. Выше, когда приводилъ слова Аввакума: *праведный отъ вѣры живъ будетъ*, а въ послѣдствіи, когда укажетъ на Авраама и Давида, которые говорили тамъ тоже. Ибо у Іудеевъ были въ большомъ уваженіи и Авраамъ и Давидъ; одинъ, какъ патріархъ и пророкъ, а другой, какъ царь и пророкъ; и обѣтованія о семъ даны были имъ обоимъ“ (Св. Злат.).

Ст. 22. *Правда же Божія вѣрою Іисусъ Христовою во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ: нѣсть бо разнствія.*

Для устрашенныхъ судомъ, жаждущихъ однакожъ спасенія, очень утѣшительно было слышать: *нынѣ явися правда Божія.* Но тѣмъ неудержимѣе могло быть желаніе опредѣленнѣе знать, что это за правда Божія. Скажи намъ поскорѣе, какая это правда? и въ чемъ она?—Вотъ она! — *Правда Божія вѣрою Іисусъ Христовою,* — т.-е. чрезъ вѣру во Іисуса Христа. Какъ праведность совершается симъ путемъ, Апостолъ объясняетъ ниже, именно,—что увѣровавшій получаетъ отпущеніе грѣховъ и благодать Св. Духа, которая, вошедши въ сердце, изгоняетъ грѣхъ изъ него и вселяетъ въ немъ праведность. Здѣсь только общее объ этомъ ставитъ положеніе: правда Божія возможна и дѣломъ является только вѣрою Іисусъ Христовою, давая разумѣть здѣсь подъ вѣрою Іисусъ Христовою все новозавѣтное домостроительство спасенія, усвояемое искреннею, сердечною вѣрою въ Господа. Θеодоритъ пишетъ: этими словами „повторено сказанное прежде, чтобы восполнить недостающее. Поелику Апостолъ сказалъ: *правда Божія явися,* а потомъ внесъ въ рѣчь нѣчто иное; то, понеобходимости повторивъ слово сіе, указуетъ, что пользуются сею правдою по вѣрѣ во Владыку Христа, будутъ ли пожелавшіе улучить ее Іудеи, будутъ ли Еллины.“

Во всѣхъ и на всѣхъ—наши толковники въ слѣдъ за Θеодоритомъ понимаютъ такъ: „сказавъ: *во всѣхъ,* разумѣетъ Іудеевъ, а сказавъ: на всѣхъ—вѣровавшихъ изъ другихъ народовъ.“ Это пониманіе оправдывается слѣдующими за симъ словами: *нѣсть бо разнствія.* Можно и такъ понимать, что Апостолъ симъ повтореніемъ хотѣлъ крѣпче утвердить мысль о всеобщности спасенія вѣрою Іисусъ-Христовою, внушая и то, что это есть единственный для всѣхъ образъ спасенія, и что онъ

открытъ для всѣхъ и всѣмъ предлагается, никто изъ него не исключается. Можно еще и такъ понимать: *во всѣхъ* εἰς—внутри всѣхъ, а *на всѣхъ*—ἐπὶ—надъ всѣми, поверхъ всѣхъ. Правда Божія вѣрою Іисусъ-Христовою внутри всѣхъ дѣйствуетъ и совершается,—и на всѣхъ простирается. Тамъ разумѣются увѣровавшіе, вкусившіе праведности, а здѣсь указывается сила домостроительства Христова, довлѣющая для всего человѣчества, во всѣ вѣка и на всѣхъ простирающаяся. Тамъ ублажаются увѣровавшіе, здѣсь приглашаются еще не увѣровавшіе, указаніемъ на осѣняющую ихъ спасительную силу Христову.

Во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ. Сила домостроительства Христова простирается на всѣхъ, но усвояется только вѣрующими, — тѣми, кои съ искреннею вѣрою пріемлютъ благовѣстіе Евангелія и исполняютъ, чего оно требуетъ, кои, т.-е., рѣшаются, отвергшись нечестія и мірскихъ похотей, *цѣломудренно, благочестно и праведно* жить въ мірѣ. Въ словахъ: *вѣрою Іисусъ Христовою* указывается на домостроительство спасенія, совершенное Іисусомъ Христомъ; а въ словахъ: *на всѣхъ и во всѣхъ вѣрующихъ* указывается на усвоеніе его вѣрою,— на то, что въ благахъ сего домостроительства можно сдѣлаться участникомъ только посредствомъ живой вѣры.

Нѣсть бо разнствія. Только одно требуется: вѣрь искренно; прочія же всѣ отличія, коими различаются между собою люди и народы, не имѣютъ въ семъ дѣлѣ никакого значенія,—ни *за* ни *противъ*, не даютъ никакого права, и не отнимаютъ никакого. Искренняя вѣра сглаживаетъ всѣ разности, и всѣмъ равно открываетъ входъ въ дворъ правды Божіей. Поставляя это слово, Апостолъ однихъ, Іудеевъ, смиряетъ, а другихъ, язычниковъ, воодушевляетъ. Тѣмъ говоритъ какъбы: нечего вамъ выситься, а этимъ: нечего вамъ отчаяваться. Никто не

имѣетъ права, но и никто не отверженъ безправіемъ. Кто бы ни пришелъ, не по другому чему облекается въ правду, а только по вѣрѣ. Когда нѣтъ вѣры, кто бы ты ни былъ, ничего не получишь; и когда есть вѣра, кто бы ты ни былъ, ничѣмъ задѣленъ не будешь. Принеси вѣру,—и купишь одежду правды, облечешься въ нее, и свѣтло прославишься въ ней, какъ бы ни было прежде низко состояніе твое.

Ст. 23. *Вси бо согрѣшиша, и лишени суть славы Божія.*

Одна сторона, въ какомъ отношеніи нѣсть разнствія,— что всѣ согрѣшили и лишены за то славы Божіей; другая,— что всѣ оправдываются *туне* (—24). Что всѣ согрѣшили это доказалъ Апостолъ выше, изводя на судъ и язычника и Іудея. Знали, какъ надлежало жить, а жили противно тому; грѣшили слѣдовательно съ сознаніемъ грѣха, попереча совѣсти и подавляя ее, грѣшили грѣхомъ смертнымъ. „Не говори мнѣ: тотъ Еллинъ, тотъ Скиѳъ, тотъ Ѳракіянинъ (а я Іудей); всѣ равно виновны. Если ты получилъ законъ, то изъ закона научился единственно, какъ распознавать грѣхъ, а не какъ избѣгать онаго“ (Св. Злат.).

И лишени суть славы Божія. Лишени суть—ὑστεροῦνται—не имѣютъ славы Божіей, нѣтъ у нихъ славы Божіей. А это можетъ имѣть и такой смыслъ: нѣтъ у нихъ или отъ нихъ славы Богу. Согрѣшили и нѣтъ отъ нихъ славы Богу, не славится у нихъ и отъ нихъ Богъ, а напротивъ хулится имя Божіе ими. Такъ Экуменій: „отстали отъ прославленія Бога,—всѣ отпали отъ воздаянія Богу достодолжнаго чествованія; Іудеи, яко преступники заповѣдей закона, язычники, какъ идоламъ поклонявшіеся.“—Но прямѣе здѣсь та мысль, что они грѣховъ ради лишены славы, коею были бы облечены отъ Бога, еслибы не грѣшили, а ходили въ волѣ Его и исполняли Его заповѣди. Тѣ, кои къ Богу прилѣпляются и вѣрными Ему пребываютъ, носятъ на себѣ отсвѣтъ славы Божіей. Богъ облекаетъ ихъ сею славою, ради

качествующаго въ нихъ богоподобія. Такъ быть предопредѣлено вначалѣ; и такъ было въ первозданныхъ. По преступленіи заповѣди померкла сія слава, и остается померкшею; и не только не возстановляется человѣкомъ, но еще болѣе и болѣе помрачается. Не почтили достодолжно Бога вѣрностію заповѣдямъ Его, и Богъ совлекъ ихъ предопредѣленной имъ славы.—Св. Златоустъ говоритъ: „дабы Іудеи не сказали: мы хотя и грѣшимъ, впрочемъ не такъ, какъ язычники, Апостолъ присовокупилъ: *и лишени суть славы Божія.* Хотя твои грѣхи и не одинаковы съ грѣхами другихъ; впрочемъ и ты равно лишенъ славы. Ибо и ты оскорбилъ Бога; а оскорбитель принадлежитъ не къ прославленнымъ, но къ постыжденнымъ.“—Θеофилактъ пишетъ: „Если онъ (Іудей) и не такъ согрѣшилъ, какъ язычникъ, но славы лишенъ одинаково; потому что оскорбилъ Бога, а оскорбитель такой пожинаетъ плодъ не славы, но безславія.“

Не одни впрочемъ Іудеи таковы, но всѣ вообще согрѣшившіе. Поминая о сей славѣ, Апостолъ хочетъ раздражить ихъ ревность—принять мѣры къ возстановленію ея. Ибо что можетъ быть достойнѣе нашихъ стремленій, какъ не то, чтобъ быть облеченными славою Божіею?—Но это возбужденіе ревности могло смѣниться отчаяніемъ по причинѣ повсюдной, прежде изображенной Апостоломъ, грѣшности, изъ которой вытти нѣтъ силъ, слѣдовательно и удостоиться славы. Въ предотвращеніе этого Апостолъ и спѣшитъ указать на богоучрежденный путь къ праведности, предлагаемой Евангеліемъ: *оправдаеми туне* и проч., говоря какъбы: „но ты не страшись; я сіе не для того сказалъ, чтобы ввергнуть тебя въ отчаяніе, а для того, чтобы показать человѣколюбіе Владыки“ (Св. Злат.).

Ст. 24. *Оправдаеми туне благодатію Его, избавленіемъ, еже о Христѣ Іисусѣ.*

Оправдаеми—δικαιούμενοι—что значитъ: и получая отпущеніе грѣховъ,—будучи обезвиняемы, и получая праведность, дѣлаемы будучи праведными Дѣло спасенія неотложно состоитъ въ томъ и другомъ; то и другое, потому; можно и должно совмѣщать въ семъ единомъ словѣ.

Что касается до теченія самой рѣчи, то это слово съ предъидущимъ можно сочетать такъ: и оправдываются уже благодатію, или: такъ что они оправдываются уже благодатію. Мысль же здѣсь такая: они въ такомъ состояніи, что имъ оправдываться иначе нельзя какъ благодатію; или: если есть для нихъ возможность оправданія, то не иначе какъ благодатію, что Богъ и устроилъ для нихъ. Внушается, что все уже готово къ тому; приди только и возьми. Прежнее все негоже; единственно благопоспѣшное есть мною предлагаемое оправданіе *благодатію туне.*

Благодать здѣсь—благость и человѣколюбіе. Никакой нужды со стороны Божіей не было къ тому; устроено все по единой Божіей благости. И мы, человѣчество, съ своей стороны ничего не представили и не могли представить такого, чѣмъ бы заслуживалось это дивное оправданіе. Безпредѣльно человѣколюбивый Богъ сжалился надъ нами и туне устроилъ для насъ способъ оправданія. Благодатію означается источникъ или причина въ Богѣ домостроительства нашего спасенія; средство же къ тому—искупленіе.

Избавленіемъ, еже о Христѣ Іисусѣ. Избавленіемъ—διὰ τῆς ἀπολυτρώσεως, т.-е. чрезъ искупленіе. Искупленіе—вотъ единственный способъ оправданія!—Искупаютъ, когда уплачиваютъ за кого деньги и высвобождаютъ его изъ узъ рабства. Родъ человѣческій чрезъ паденіе прародителей попалъ въ рабство грѣху и діаволу, обладавшимъ имъ по причинѣ виновности его, привлек-

шей на него и державшей надъ нимъ клятву Божію. Для спасенія его надлежало снять клятву, давъ праведное основаніе къ обезвиненію его, и затѣмъ влить въ него новую силу во истребленіе силы грѣха, и чрезъ то отразить власть діавола. Все сіе совершилъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій Единородный и Богъ, принявъ на Себя естество человѣческое, и имъ умерши на крестѣ, воскресши, вознесшись на небеса, возсѣдши одесную Отца, и Духа Святаго низпославши на св. Апостоловъ, а чрезъ нихъ и во все человѣчество. Все сіе въ совокупности и есть домостроительство спасенія нашего, или искупленіе рода человѣческаго. Приступающіе къ нему вѣрою получаютъ отпущеніе грѣховъ, а потомъ и благодать Духа чрезъ таинства, и являются не только обезвиненными, но и праведными, во внутреннемъ строѣ своемъ. Искупленіемъ иногда означается и не все домостроительство спасенія, а одно то дѣйствіе его, что Господь крестною смертію Своею избавилъ насъ отъ лежавшаго на насъ осужденія и тяготившей насъ клятвы Божіей. Въ выкупъ за насъ—неоплатныхъ должниковъ—далъ Онъ кровь Свою. Она и вопіетъ паче Авелевой, но призываетъ свыше не кару, а совершенное оправданіе на всякаго вѣрующаго.

Стт. 25. 26. *Егоже предположи Богъ очищеніе вѣрою въ крови Его, въ явленіе правды Своея, за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ, въ долготерпѣніи Божіи и въ показаніе правды Его въ нынѣшнее время, во еже быти Ему праведну, и оправдающу сущаго отъ вѣры Іисусовы.*

Выше все уже сказано о спасеніи въ Господѣ Іисусѣ Христѣ (—21—24). Можно бы прямо и къ заключенію: *гдѣ убо похвала?*—(27). Но таково свойство духа св. Павла, что, коснувшись спасенія въ Господѣ, не могъ онъ ограничиться краткимъ на то указаніемъ. Рѣчь его при семъ начинала течь быстрымъ потокомъ, чтобъ много-

сторонне обнять и полнѣе представить сіе великое дѣло Божія къ намъ благоволенія. Такъ дѣлаетъ онъ и здѣсь, выясняя ту особенно истину, что Богъ, милуя насъ въ Господѣ, милуетъ правдою; не по поблажкѣ милуетъ на перекоръ правдѣ, а потому, что правда удовлетворена, и открыла путь къ намъ милованію Божію. Видѣлъ Богъ, что нѣтъ спасенія, если не помощь свыше; но мы заградили ей путь своею виновностію. Что же творитъ благость Его? — Сына Своего Единороднаго даетъ, чтобъ Онъ безвинно понесъ на себѣ вину всѣхъ и удовлетворилъ правдѣ Его. Когда же правда удовлетворена, что можетъ препятствовать низойти помощи къ намъ свыше? И нисходитъ; но нисходитъ праведно, чрезъ удовлетвореніе правдѣ вѣчной. И когда устроенъ путь сей, на всѣхъ ли безъ разбора изливается милость свыше? Нѣтъ,— а только на вѣрующихъ. И тутъ слѣдовательно правда. Представь вѣру,—и получишь восполненіе всего, въ чемъ недостаточествуешь ко спасенію. Такъ домостроительство спасенія все устроено туне, и всякой спасается туне, но все сіе совершается праведно. И въ семъ дѣлѣ безпредѣльной благости сіяетъ правда Божія. Въ показаніе ея-то такъ это и устроено.

Егоже предположи Богъ. — *Егоже* — Сына Своего Единороднаго, воплотитися имѣвшаго и плотію Своею подъять крестную смерть за грѣхи всѣхъ. *Предположи* — προέθετο — можетъ означать и — предложилъ; но какъ Апостолъ въ слѣдъ за симъ бросаетъ взоръ на предшествовавшее пришествію Господа состояніе, то правильнѣе будетъ — предположилъ. „Давая разумѣть, что сіе не есть что-либо недавное и новое, Апостолъ говоритъ: *предположи*“ (Св. Злат.); „дабы показать, что избавленіе кровію Христовою предопредѣлено издревле“ (Θеоф.); „приводя на мысль древній о семъ совѣтъ“ (Экум.). Слѣдовательно предположилъ отъ вѣка Богъ-Отецъ не безъ

Сына и Духа. „Сказавъ: предположи *Богъ*, и тѣмъ показывая, что сіе есть дѣло Отца, показываетъ также, что оно принадлежитъ и Сыну. Ибо Отецъ предположилъ, а Христосъ совершилъ сіе дѣло Своею кровію“ (Св. Злат.).

Очищеніе вѣрою въ крови Его. Очищеніе—ἱλαστήριον— очистилище. Такъ называлась златая дщица, покрывавшая ковчегъ, на которой по краямъ утверждались Ангелы, соединявшіе вверху свои крылья и образовывавшіе такимъ образомъ мѣсто, гдѣ Богъ давалъ отвѣты Свои. Въ день очищенія, или всеобщаго покаянія сыновъ Израиля,—и только въ этотъ день, первосвященникъ входилъ съ жертвенною кровію во святая святыхъ, и кропилъ кровію седмижды на очистилище (Исх. 25. Лев. 16). Богъ невидимо присущъ былъ надъ очистилищемъ и принималъ кровь сію, какъ жертву умилостивленія. Чрезъ это и святилище, и жертвы, и весь Израиль дѣлались очищенными отъ всего нечистаго, приражавшагося къ нимъ въ продолженіи года.—Въ этомъ нельзя не видѣть великаго символа очищенія всего человѣчества кровію Сына Божія. Очистилище, пріемля кровь на себя, предносило оную Богу, здѣсь же присущему. Господь Іисусъ Христосъ, орошенный собственною Своею кровію и на Себѣ ее имѣвшій, предноситъ оную Богу-Отцу, съ Коимъ нераздѣльно пребываетъ и по воплощеніи,—и есть такимъ образомъ непрестающее, вѣчно дѣйственное очистилище рода нашего. Что прообразовательное очистилище давало однократно и на одинъ годъ, то въ Господѣ кровію Его, на Немъ сущею, дается непрерывно и во всѣ вѣка вѣковъ. Сію истину и внушаетъ Апостолъ, когда говоритъ, что Богъ отъ вѣка положилъ быть Господу Іисусу Христу для насъ очистилищемъ, или умилостивилищемъ: ибо умилостивляетъ Бога и пріемлетъ отпущеніе грѣховъ нашихъ, которое и есть истинное очищеніе.—Такъ всѣ наши толковники. Полнѣе всѣхъ изобразилъ это бл. Ѳеодоритъ. Вотъ его слова:

„Очистилищемъ служила златая дщица возлежала же она на ковчегѣ, съ обѣихъ сторонъ имѣла изображенія херувимовъ; на немъ служащему архіерею дѣлалось явнымъ Божіе благоволеніе. Посему Божественный Апостолъ учитъ, что Владыко Христосъ есть истинное очистилище. Ибо оное древнее было прообразомъ сего истиннаго. Имя же сіе приличествуетъ Ему, какъ человѣку, а не какъ Богу. Ибо какъ Богъ, даетъ Онъ отвѣты чрезъ очистилище, а какъ человѣкъ, пріемлетъ и сіе наименованіе, какъ и другія, какъ-то: овча, агнецъ, грѣхъ, клятва, и тому подобное. Но древнее очистилище было безкровно, какъ неодушевленное, принимало же на себя каплю крови жертвенныхъ животныхъ; а Владыка Христосъ—и архіерей, и агнецъ, и собственною Своею кровію пріобрѣлъ спасеніе наше, востребовавъ отъ насъ одной вѣры.“

Вѣрою въ крови Его. Не вѣрою въ кровь, а очищеніе въ крови посредствомъ вѣры. Кто испачкался грязью, омывается водою, погружаясь въ нее, и чистъ бываетъ. Кто оскверненъ грѣхами, омывается, погружаясь въ кровь Христову и чистъ бываетъ отъ скверны грѣховныхъ. Кровь Христова есть баня, омывающая грѣхи всякаго, погружающагося въ нее. Какъ же совершается сіе погруженіе? Вѣрою. Вѣрою всякъ привлекаетъ на себя очистительную кровь Христову. Кровь Христова, по силѣ своей, уже очистила грѣхи всего міра; но всякій лично содѣлывается очищеннымъ ею, когда вѣрою воспріемлетъ на себя окропленіе или орошеніе кровію Христовою. Таинственно сіе совершается въ водной купѣли крещенія, и послѣ въ слезной купѣли покаянія.

Устроилъ для насъ Богъ показанный образъ оправданія *въ явленіе правды Своея*, чтобъ для всѣхъ явно было, что Онъ милуетъ и оправдываетъ не по произволу, или преизбытку благости, а праведно. Миловать, когда правда не удовлетворена, не допустила бы правда; но когда

удовлетворена правда, сама правда требовала помилованія. Удовлетвореніе правдѣ устроено независимою благостію Божіею, есть свободная благодать, благодать туне даемая. А послѣ удовлетворенія оправданіе дѣйствуется уже не по одному преизобилію благости, но и по правдѣ. Апостолъ и говоритъ здѣсь о семъ,—что въ оправданіи насъ или въ очищеніи кровію Господа Іисуса Христа Богъ являетъ правду Свою.

Сіе явленіе правды представляетъ онъ въ двухъ видахъ—до пришествія Христова, и по пришествіи Христовомъ. Къ первому относятся слова: *въ явленіе правды Своея, за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ, въ долготерпѣніи Божіи;* ко второму: *и въ показаніе правды Его въ настоящее время, во еже быти Ему праведну, и оправдающу сущаго отъ вѣры Іисусовы.*

Какъ явлена правда Божія до пришествія Христова?—Такъ, что Богъ, взирая на имѣющую быть крестную смерть Господа, долготерпѣливо сносилъ грѣхи согрѣшавшихъ въ то время, не наказывалъ ихъ, какъ заслуживали, не погублялъ въ конецъ. Эту мысль подаетъ русскій переводъ, который гласитъ: *для показанія правды Его въ прощеніи грѣховъ, содѣланныхъ прежде.—Въ прощеніи.* Прощеніе πάρεσις,—что значитъ пропущеніе чего безъ вниманія, минованіе чего, будто не замѣчаешь. Апостолъ хотѣлъ посему выразить мысль, что Богъ, хотя и пропускалъ безъ вниманія, не наводилъ очей правды на прежде бывшіе грѣхи, тѣмъ не менѣе однакожъ и въ семъ являлъ правду, ибо напередъ положилъ быть Господу Іисусу очищеніемъ для всѣхъ въ крови Его. Итакъ, взирая на сію кровь, Онъ праведно миловалъ прежде согрѣшившихъ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „и собственную Свою благость показалъ Богъ, въ продолженіе многаго времени являя долготерпѣніе людямъ, нарушающимъ законъ, но и правду Свою сдѣлалъ для всѣхъ явною. Не

напрасно терпѣлъ людей преступающихъ законъ, но уготовляя имъ сіе врачевство." Также и Амвр.

Такъ выходитъ, если смотрѣть изъ подзаконнаго времени въ благодатное. Но если смотрѣть изъ благодатнаго въ предшествовавшее, то породится другая мысль, именно: Богъ положилъ быть Господу Іисусу очищеніемъ для всѣхъ въ крови Его, по причинѣ отпущенія прежде бывшихъ грѣховъ, чтобъ въ семъ отпущеніи не нарушалась, а явлена была правда Его. Какъ будто вопросъ раждался у Апостола: Господь пречистый проливаетъ невинно кровь плоти Своей,—за что?—За отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ. Прощалъ Богъ милостію, а правда не была удовлетворена. Се воздаетъ Онъ должное и правдѣ, проливая неповинную кровь Сына Своего,—возмѣщаетъ правдѣ за прежнія милости; и такимъ образомъ дѣлаетъ, что чрезъ прощеніе прежнихъ грѣховъ правда никакого не понесла ущерба.—На сію мысль наводитъ славянскій переводъ: *за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ*, который (переводъ) точь-въ-точь соотвѣтствуетъ греческому: *διὰ τὴν πάρεσιν*.

Такія мысли подаются, если слову *πάρεσις*—давать значеніе: пропущеніе, отпущеніе. Но оно значитъ еще разслабленіе, крайній упадокъ силъ, смертная агонія. Наши толковники, кромѣ приведенныхъ, принимаютъ его въ семъ значеніи, и выраженіе *διὰ τὴν πάρεσιν*,—понимаютъ: по причинѣ крайняго растлѣнія нравственнаго или омертвѣнія. Св. Златоустъ говоритъ: „*διὰ τὴν πάρεσιν* значитъ: по причинѣ разслабленія отъ прежде бывшихъ грѣховъ. Сильно выражается. Не сказалъ: по причинѣ грѣховъ, но по причинѣ разслабленія или омертвѣнія отъ грѣховъ. Не было уже надежды къ выздоровленію; напротивъ какъ разслабленному тѣлу нужна была высшая помощь, такъ и умершей душѣ. Богъ оказалъ намъ великое долготерпѣніе и человѣколюбіе. Когда дошли

мы до отчаянія, зло возрасло, грѣхи умножились; тогда Богъ явилъ силу Свою, дабы уразумѣлъ ты, какое у Него обиліе правды. Еслибъ сіе сдѣлано было въ началѣ, то не казалось бы столько чуднымъ и необычайнымъ, какъ теперь, когда испытаны уже были всѣ способы врачеванія.“ Также понималъ Фотій у Экуменія, самъ Экуменій и Ѳеофилактъ. И у св. Антонія великаго, св. Макарія, св. Ефрема, св. Василія великаго и другихъ встрѣчается мысль, что до Рождества Христова Богъ разные употреблялъ способы къ исправленію людей,— естественнымъ закономъ руководилъ, далъ законъ чрезъ Моvсея, посылалъ пророковъ. Но какъ ничто не помогло и люди дошли до послѣдняго нравственнаго растлѣнія, то Онъ послалъ наконецъ Сына Своего, чтобъ уврачевать такую болѣзнь нашу очистить и обновить естество наше.

Въ такомъ случаѣ—*въ явленіе правды Своея*—будетъ означать—не въ явленіе правосудія, а въ явленіе праведности и святости. Увидѣлъ Богъ, что люди никакъ не могутъ управиться съ собою и стать на правый путь; почему рѣшилъ Свою влить правду въ нихъ, какъ свѣжую кровь впускаютъ въ растлѣнный организмъ,—и явить ее такимъ образомъ въ нихъ. А чтобъ это могло совершиться, Сына Своего Единороднаго далъ, да будетъ очищеніемъ для всѣхъ вѣрующихъ,—не такъ только, чтобъ ради Его грѣхи прощались, но такъ, чтобы вѣрующіе внутренно содѣлывались чистыми и святыми чрезъ восприятіе благодати Духа Святаго вѣрою.—Св. Златоустъ говоритъ: „что значитъ явленіе правды?—Какъ явленіе богатства состоитъ въ томъ, чтобы не только самому быть богатымъ, но и другихъ дѣлать богатыми,—и явленіе жизни, чтобъ не только самому быть живымъ, но и мертвыхъ оживлять,—и явленіе силы, чтобы не только самому быть сильнымъ, но и укрѣплять изнемогшихъ;

такъ и явленіе правды состоитъ въ томъ, чтобы не только самому быть праведнымъ, но и другихъ, истлѣвшихъ во грѣхахъ, вдругъ дѣлать праведными.“ Въ явленіе такой-то праведности и положилъ Богъ Господа Іисуса очищеніе вѣрою въ крови Его.

Таковы мысли въ словахъ: *въ явленіе правды Своея, за отпущеніе прежде бывшихъ грѣховъ.* Слѣдующія за симъ слова: *въ долготерпѣніи Божіи*, указываютъ на время предшествовавшее пришествію Сына Божія во плоти, когда Богъ долготерпѣлъ. И какую изъ показанныхъ мыслей ни избрать себѣ, они ко всякой подходятъ въ семъ значеніи, съ малымъ лишь примѣненіемъ къ избранной мысли. Но что терпѣлъ и чего ждалъ Богъ?—Ждалъ, пока исполнится время и люди сдѣлаются способными, принявъ Евангеліе, вступить на новый путь правды подъ освященіемъ и руководствомъ благодати. Или ждалъ, пока люди перепробуютъ всѣ свои способы, и наконецъ, выбившись изъ силъ, придутъ въ сознаніе, что самимъ имъ исправиться нѣтъ возможности. Или ждалъ, не покаются ли, не исправятся ли, какъ *ожидаше Божіе долготерпѣніе во дни Ноевы* (1 Петр. 3, 20), между тѣмъ какъ они все болѣе и болѣе погрязали въ грѣхи и растлѣвались въ нихъ; такъ что оставалось или совсѣмъ предать ихъ пагубѣ, или придти къ нимъ съ Своею чрезвычайною, для ума непостижимою, помощію. Богъ избралъ послѣднее и устроилъ особый дивный способъ спасенія, который и предлагается нынѣ въ Евангеліи.

Какъ является правда Божія въ нынѣшнее время, по воплощеніи Бога Слова?

Предпошлемъ маленькую филологическую замѣтку на слова: *И въ показаніе правды Его въ нынѣшнее время,*— именно, что союза *и* нѣтъ въ греческомъ, и что выше— *въ явленіе* по-гречески стоитъ εἰς ἔνδειξιν, а здѣсь *въ показаніе*—πρὸς ἔνδειξιν. Прибавленіемъ *и* наши перевод-

чики на славянскій языкъ показали, что здѣсь начинается новый рядъ мыслей, соотвѣтственныхъ однакожъ предыдущимъ, — что вполнѣ оправдывается и содержаніемъ той и другой половины сего малаго отдѣленія, изъ коихъ одна начинается словомъ — *въ явленіе,* а другая — *въ показаніе.* — Но какая причина, что одно и тоже слово ἔνδειξις — тамъ переведено *явленіе*, а здѣсь *показаніе?* — Никакая, какъ чтобъ выдержать въ переводѣ оттѣнокъ мысли, который подается — тамъ предлогомъ εἰς, а здѣсь предлогомъ πρός. Ἐις ἔνδειξιν — въ явленіе чего-то вдали, какъ чего-то чаемаго, ожидаемаго, какъ цѣли. Πρὸς ἔνδειξιν, — въ показаніе того-же предъ очами, какъ исполненія чаяннаго и ожиданнаго, — какъ цѣли достигнутой.

Послѣ сего замѣчанія обратимся къ рѣшенію предложеннаго вопроса. Какъ прежде въ отвѣтъ на вопросъ: какъ явлена правда Божія до пришествія Христова во плоти, представлена не одна мысль; такъ и здѣсь въ отвѣтъ на то, какъ является сія правда по пришествіи Христовомъ, можно представить тоже не одну мысль, ведя ихъ въ соотвѣтствіи съ предыдущими. Беремъ первую изъ прежнихъ: Богъ явилъ правду Свою въ милованіи грѣшниковъ до воплощенія Бога Слова тѣмъ, что миловалъ ихъ не по одному преизбытку благости и человѣколюбія, но взирая на имѣющую быть пролитою за нихъ кровь Сына Своего, очистительную силу которой они и восприняли, когда Онъ, сошедъ во адъ, воспроповѣдалъ имъ готовое для нихъ избавленіе, искупленіе и очищеніе вѣрою въ Него. Какъ при сей мысли является правда Божія, въ милованіи и оправданіи грѣшниковъ нынѣ, когда проповѣдуется Евангеліе? — Тоже и здѣсь, — тѣмъ является правда Божія, что милованіе и оправданіе дается не по безразборному преизбытку благости, а по вѣрѣ пріемлющихъ сію милость. Вѣра покрываетъ предъ лицемъ правды сущаго отъ

вѣры Іисусовы, и оправданіе нисходитъ на него не безъ удовлетворенія, и не безъ участія правды, но праведно, съ явленіемъ правды. Этимъ являетъ Богъ, что Онъ праведенъ; ибо оправдываетъ того, кто предноситъ вѣру въ Господа Іисуса Христа. Вѣра же сія сочетаваетъ и объединяетъ вѣрующаго со Христомъ Господомъ, и представляетъ его предъ лицемъ Бога тѣмъ же, что есть предъ нимъ самъ Господь. Вотъ въ чемъ правда Оправдывающаго нынѣ!—Какъ тамъ, такъ и здѣсь милованіе опирается на лице Христа Іисуса Господа, на всеочистительную силу крови Его, пролитой за грѣшниковъ.

Если изъ предыдущихъ примемъ такую мысль: Богъ тѣмъ явилъ правду Свою въ милованіи прежнихъ грѣшниковъ, что за отпущеніе грѣховъ ихъ Онъ далъ Сына Своего, да будетъ Онъ кровію Своею очищеніемъ для всѣхъ вѣрующихъ; то показаніе правды въ нынѣшнее время будетъ состоять въ томъ, что вѣрующій тотчасъ принимаетъ на себя капли очистительной крови,—не обратно дѣйствуетъ кровь сія, а прямо на сущаго отъ вѣры. По этой мысли крестъ Христовъ съ кровію Его представляется водруженнымъ посреди, и очистительною силою Своею осѣняющимъ и всѣхъ прежнихъ грѣшниковъ и всѣхъ настоящихъ.

Если примемъ мысль св. Златоуста и другихъ нашихъ толковниковъ,—что когда растлѣніе нравственное дошло до послѣднихъ предѣловъ, тогда Богъ рѣшилъ влить въ человѣчество Свою праведность, и такимъ образомъ явить ее въ нихъ; то слова: ***въ показаніе правды въ нынѣшнее время*** служить будутъ подтвердительнымъ повтореніемъ прежде сказаннаго, такъ: ***въ явленіе правды*** и проч.—***въ показаніе,*** говорю, ***правды въ нынѣшнее время.*** Этимъ предыдущее и настоящее разсѣкается на двѣ половины: тамъ растлѣніе, а здѣсь начинается праведность и святость. Новая кровь потекла въ жилахъ человѣчества:

оно стало здравѣть и освящаться. Можно при семъ допустить, что здѣсь намекается и на дѣйствительный повсюдный опытъ, что вѣрующіе тотчасъ измѣнялись и изъ порочныхъ претворялись въ непорочныхъ и святыхъ.

Слова: *во еже быти Ему праведну и оправдающу* будутъ при этомъ имѣть такой смыслъ: чтобъ явно стало, что Онъ не только самъ праведенъ, но и другихъ дѣлаетъ праведными (Св. Злат.), подъ условіемъ вѣры въ Господа Іисуса. Вѣра знаменуетъ великій переворотъ въ вѣрующемъ, и великое измѣненіе отношеній къ нему Бога. Въ вѣрующемъ качествовать начинаетъ возлюбленіе всякой правды и возненавидѣніе всякаго беззаконія, ради любви къ Господу, а свыше разверзается заключенное прежде небо, и изливаетъ въ сердце вѣрующаго обильную благодать, дающую ему силу плодоприносить правду и святыню, подобно древу, посаженному при исходищахъ водъ.

Таково содержаніе стиховъ 25 и 26, изреченныхъ Апостоломъ въ поясненіе, что есть избавленіе еже о Христѣ Іисусѣ или оправданіе кровію Его. Изложивъ это, онъ снова налегаетъ на Іудея. Трудно было смять его гордыню. Потому Апостолъ разные употребляетъ къ тому пріемы: то изъ жизни ихъ выводилъ, что они не лучше язычниковъ, то пророческими обличеніями живописалъ, какъ они ниспали нравами. Теперь отнимаетъ у нихъ всякую похвалу указаніемъ на установленіе Новаго Завѣта.

Ст. 27. *Гдѣ убо похвала? Отгнася: которымъ закономъ? Дѣлы ли? Ни, но закономъ вѣры.*

Какъбы такъ: вы могли бы хвалиться, имѣя богоучрежденные порядки; но какъ вы не исполняли сихъ порядковъ, то тѣмъ самымъ отнимали у себя всякое основаніе къ похвалѣ. Но теперь хотя бы вы, спохватясь, и обратились къ точному исполненію всего, что вамъ повелѣно, это ужь ни къ чему не послужитъ. Другой уже

Богъ установилъ завѣтъ, и первымъ хвалиться отнята у васъ всякая возможность.

Отгнася—ἐξεχλείσθη—исключена, отмѣнена. „Не сказалъ: *уничтожена*, но *отгнася*, т.-е. не имѣетъ болѣе мѣста“ (Θеод.). „Не сказалъ: исчезла и погибла, но *отгнася*, чѣмъ означается болѣе—неблаговременность похвалы. Хвалиться было время, а теперь уже не время. Какъ по наступленіи суда нѣтъ уже времени для желающихъ раскаяться, такъ и Іудеямъ не время уже было говорить: мы можемъ исправиться, исполняя законъ, когда приговоръ произнесенъ и пришелъ Тотъ, Кто благодатію уничтожаетъ всякое зло. Имъ должно было заботиться объ этомъ прежде пришествія Христова. А когда пришелъ Спасающій чрезъ вѣру, прекратилось уже время подвиговъ (подзаконныхъ). Поелику всѣ средства оказались недѣйствительными; Христосъ спасаетъ благодатію. Посему и пришелъ Онъ нынѣ. А еслибы пришелъ въ началѣ, могли бы сказать, что возможно было спастися съ помощію закона собственными трудами и заслугами. Итакъ, дабы не подать случая къ такимъ безстыднымъ словамъ, Христосъ выжидалъ долгое время. И когда по всему стало видно, что людямъ недостаточно собственныхъ силъ, тогда спасаетъ Своею благодатію. А кто станетъ противорѣчить, тотъ поступитъ подобно человѣку, который, совершивъ тяжкія преступленія, и будучи не въ состояніи оправдаться предъ судомъ, осужденъ и приговоренъ къ казни, но потомъ освобожденъ по царской милости, и по своемъ освобожденіи имѣетъ довольно безстыдства хвалиться и утверждать, что онъ не учинилъ никакого проступка. Сіе надлежало показать прежде полученія милости; а когда милость оказана, хвалиться уже не время. Тоже случилось и съ Іудеями. Поелику они сами себя не защитили; пришелъ Христосъ, и Своимъ пришествіемъ лишилъ ихъ похвалы. Кто вы-

даетъ себя учителемъ младенцевъ, хвалится закономъ, именуется наставникомъ невѣждъ, между тѣмъ наравнѣ съ ними имѣетъ нужду въ Учителѣ и Спасителѣ; тому нечѣмъ хвалиться. Если и прежде обрѣзаніе бывало необрѣзаніемъ; то тѣмъ паче нынѣ. Ибо обрѣзаніе уничтожено и для прошедшаго и для настоящаго времени" (Св. Злат.).

Которымъ закономъ? „Сказавъ, что отгнася. Апостолъ показываетъ, какъ сіе случилось —какъ отгнася" (Св. Злат.). Слово *закономъ* можно и въ собственномъ смыслѣ разумѣть, и такъ: въ силу чего *отгнася?*

Дѣлы ли? Съ греческаго: дѣлъ ли?—т.-е. закономъ ли дѣлъ?—въ силу ли дѣлъ?—Нѣтъ; но въ силу вѣры, т.-е. въ силу Новаго Завѣта, установленнаго на вѣрѣ. Какъ въ силу вѣры отгнася похвала, это само-собою понятно. Но какъ она могла быть отгнана въ силу дѣлъ, или закономъ дѣлъ? Ибо хотя отрицаетъ сіе Апостолъ, но вопросомъ показываетъ, что сіе возможно. Какъ же это возможно?—Возможно въ томъ смыслѣ, что законъ обличаетъ Іудеевъ. Но это такъ и было, и этого отрицать Апостолъ не могъ, когда самъ закономъ обличаетъ Іудеевъ и отнимаетъ у нихъ похвалу имъ. Законъ обличалъ и отнималъ похвалу. И нельзя было сказать: *ни,* не закономъ дѣлъ отгнана похвала. Потому кажется, что этимъ вопросомъ и отрицательнымъ отвѣтомъ: *дѣлъ ли? ни,*— Апостолъ хотѣлъ только разительнѣе представить силу вѣры, поставивъ напередъ предъ лицемъ ея законъ. Ибо можно было сказать и прямо послѣ вопроса: которымъ закономъ?—Закономъ вѣры.

Ни, но закономъ вѣры. „Вотъ и вѣру Павелъ назвалъ закономъ; онъ для того держится старыхъ наименованій, дабы сдѣлать сноснымъ то, что казалось нововведеніемъ. Въ чемъ же состоитъ законъ вѣры? Въ томъ, чтобы спасаться по благодати. Здѣсь Апостолъ доказываетъ, что

все возможно Богу, Который не только спасъ, но и оправдалъ и далъ право хвалиться, не имѣя для того нужды въ нашихъ дѣлахъ, а требуя одной вѣры. И говоритъ сіе, дабы вѣрующаго Іудея пріобучить къ скромности, а невѣрующаго смирить и потомъ привлечь. Видишь ли, каково богатство вѣры?" (Св. Злат.).

Отгнана похвала закономъ вѣры не затѣмъ, чтобъ всѣхъ покрыть безславіемъ, но чтобъ всѣмъ указать путь къ истинной славѣ. Вѣрою въ Господа получали отпущеніе грѣховъ и открывали входъ въ себя благодати, которая и дается въ таинствахъ, и вѣрнаго условіямъ благодатнаго завѣта освящаетъ и являетъ чистымъ и славнымъ предъ лицемъ Бога, Ангеловъ и человѣковъ. Вотъ похвала!—Такой законъ вѣры отмѣнялъ похвалу закономъ,—и чрезъ то, что давалъ вѣрующимъ, чего не давалъ законъ, и чрезъ то, что былъ установленъ не для однихъ Іудеевъ, но для всѣхъ людей вообще. „Какъ скоро явилась благодать и излилась на всѣ народы, похвала Іудеевъ прекратилась; потому что Богъ далъ людямъ короткій способъ ко спасенію—вѣру" (Θеод.).

Ст. 28. ***Мыслимъ убо вѣрою оправдатися человѣку, безъ дѣлъ закона.***

Доказавъ, что оправданіе въ крови Христовой, а не въ дѣлахъ закона, заключаетъ рѣчь, и говоритъ: „изъ всего сказаннаго заключаемъ, что всякій человѣкъ оправдывается вѣрою" (Θеоф.). ***Мыслимъ***, думаемъ,—мы говоримъ обычно о мысляхъ еще неустановившихся; кто думаетъ какъ, можетъ и передумать. Апостолъ же, говоря: ***мыслимъ***,—λογιζόμεθα,—хочетъ сказать: таково непреложное правило для нашего умствованія—твердо содержать, что человѣкъ можетъ оправдаться только вѣрою. „Не сказалъ: ***оправдитися*** Іудею, или живущему подъ закономъ, но выражаясь общѣе и отверзая дверь спасенія всему человѣческому роду, употребилъ родовое имя,—

общее названіе естества,—говоря: человѣку“ (Св. Злат., ср. Өеод.). Предъ этимъ только онъ обнажилъ Іудея отъ сей похвалы и у дѣлъ закона отнялъ силу къ тому, и все человѣчество въ семъ отношеніи поставилъ на одну линію, указавъ всѣмъ одинъ путь спасенія вѣрою въ крови Господа. Теперь тѣже мысли выражаетъ въ формѣ начала, имѣя въ виду однакожъ все Іудея: ибо онъ одинъ стоялъ съ мнѣніемъ о возможности спастися инымъ путемъ, нерѣдко даже и по принятіи Евангелія, и не умѣлъ скоро примириться съ тѣмъ воззрѣніемъ, что отнынѣ условіе спасенія одно для всѣхъ. Почему и присовокупилъ: *безъ дѣлъ закона,* т.-е. безъ жизни по уставу ветхозавѣтныхъ учрежденій Ни къ принятію благовѣстія, ни къ усвоенію благодатныхъ силъ его, ни къ спасительной жизни по духу его, дѣла закона не даютъ никому никакой подмоги и никакого преимущества. „Іудеевъ возмущали двѣ мысли: первая, что тѣмъ, которые не спаслись дѣлами, возможно спастись безъ дѣлъ; другая, что необрѣзаннымъ даны права, равныя съ Іудеями, которые столько времени были воспитываемы въ законѣ. Сія послѣдняя мысль смущала ихъ гораздо больше первой. Посему Апостолъ, доказывая первую, переходитъ уже къ послѣдней, которая столько устрашала Іудеевъ, что они и по принятіи вѣры, возмущаясь сною, обвиняли Петра за Корнилія и за все, что онъ дѣлалъ для его обращенія“ (Св. Злат.). И сказаннаго довольно было для вразумленія, но для большаго убѣжденія Апостолъ присовокупляетъ и общее къ тому разсужденіе здраваго смысла,—говоря:

Ст. 29. *Или Іудеевъ Богъ токмо, а не языковъ? Ей, и языковъ.*

Апостолъ будто издали видитъ, какъ Іудеи, привыкшіе присвоять себѣ особыя преимущества предъ Богомъ, прочитавъ предъидущее слово, смутились отъ возродившихся

въ сердцахъ ихъ помышленій: какъ это можно, какъ это допустить?—Почему спѣшитъ укротить сіе волненіе, говоря какъбы: „не смущайся этимъ, Іудей, будто какою нелѣпостію“ (Өеоф.). *Или Іудеевъ Богъ токмо?* „Ужели Богъ есть частный какой Богъ?—Изъ сего видно, что желающіе унизить язычниковъ, унижаютъ тѣмъ славу Божію, не дозволяя Богу быть Богомъ всѣхъ. Если же Онъ есть Богъ всѣхъ, то о всѣхъ промышляетъ. А если о всѣхъ промышляетъ, то всѣхъ равно спасаетъ чрезъ вѣру“ (Св. Злат.). Обращается Апостолъ къ общему вѣрованію, у всѣхъ въ сердцѣ напечатлѣнному, и тѣмъ Іудею заграждаетъ уста, а язычника воодушевляетъ. И доселѣ Богъ не несвидѣтельствованна Себе оставлялъ и язычникамъ, хотя точно очевиднѣе руководилъ однихъ Іудеевъ. Такъ слѣдовало быть до времени; когда же время то прошло, теперь общее всѣмъ руководство ко спасенію предлагаетъ. Смыслъ словъ: *или Іудеевъ только Богъ*, будетъ посему такой: чтобы Богъ и навсегда только объ однихъ Іудеяхъ особое являлъ попеченіе, этому быть нельзя. Богъ—всѣхъ есть Богъ. До времени это нужно было; а теперь Богъ благоволитъ ко всѣмъ являть то, что доселѣ являлъ однимъ Іудеямъ.

Ст. 30. *Понеже единъ Богъ, иже оправдитъ обрѣзаніе отъ вѣры, и необрѣзаніе вѣрою.*

Вотъ какой теперь для всѣхъ законъ спасенія! Вѣруй, и спасенъ будешь. Обрѣзанъ ли ты, или не обрѣзанъ, одна вѣра сильна явить тебя праведнымъ предъ Богомъ. Это не мое умствованіе. Такъ Богъ учредилъ; Самъ Онъ и оправдываетъ. Итакъ ты, Іудей, не упорствуй, и ты, язычникъ, не отчаявайся. Воспріимите вѣру,—и Богъ равно оправдаетъ, и необрѣзаннаго, какъ обрѣзаннаго, и того не задѣлитъ, и этого не упреизбыточествитъ. На высотѣ оправдательнаго устроенія предсѣдитъ Богъ, и

Онъ одинъ оправдываетъ; человѣкъ съ своей стороны ничего не представляетъ оправдательнаго, одну лишь вѣру. И за нее Богъ оправдываетъ всякаго. Или—*Единъ Богъ*—ту мысль подаетъ, что другаго Бога нѣтъ, къ которому за оправданіемъ могли бы обращаться язычники. Единъ есть Богъ, отъ Него Единаго можетъ только исходить оправданіе. Если нельзя думать, что Богъ бросилъ язычниковъ на пагубу, то надлежитъ принять, что Онъ и имъ подастъ оправданіе. Если теперь Богъ одинъ, и люди всѣ одного естества, то и условіе оправданія должно быть одно для всѣхъ. Оно и есть—вѣра; вѣрою оправдываются и обрѣзанные и необрѣзанные. „Единъ есть Богъ всѣхъ, единъ Создатель всѣхъ, и невозможно, чтобъ Онъ прилагалъ попеченіе объ однихъ, а другихъ оставилъ безъ попеченія о нихъ. Слѣдовательно всѣмъ вѣрующимъ подаетъ спасеніе“ (Θеод.). Правда, Апостолъ обрѣзаннымъ усвояетъ оправданіе ἐκ πίστεως—отъ вѣры, изъ-за вѣры, а необрѣзаннымъ διὰ τῆς πίστεως—чрезъ вѣру. Но нельзя опредѣлительно указать, какой оттѣнокъ мысли объ оправданіи однихъ и другихъ хотѣлъ тѣмъ выразить Апостолъ. Кажется онъ хотѣлъ только раздѣльно обозначить оправданіе тѣхъ и другихъ, но нераздѣльною вѣрою, которой сила одинакова для обоихъ. Всѣхъ одинаково подводитъ онъ подъ сѣнь вѣры. Есть конечно нѣкое отличіе Іудея отъ язычника: для того въ законѣ и писаніяхъ пророческихъ засѣменены были какъ благовѣстіе, такъ и вѣра, и онъ находился уже въ оградѣ Божіей; а этотъ могъ возвышаться только до чувства невозможности спастися иначе, какъ Божіею особенною помощію, и что Богъ и его не оставитъ, яко Богъ всѣхъ; въ ограду же Божію ему войти еще предстояло какою-либо дверію. Эта дверь для него—вѣра; чрезъ вѣру—διὰ πίστεως онъ и входитъ. Іудею же предлежало только ороситься изъ источника вѣры, ἐκ πίστεως,—внушеніе

которой онъ могъ извлечь изъ закона и писаній. Плодъ же отъ сего для того и другаго одинъ—оправданіе.— Не на это ли намекаетъ здѣсь св. Апостолъ?!

II.

Апостолъ убѣждаетъ, привлекаетъ и склоняетъ къ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа.

3, 31—5, 21.

Объяснено, что спасеніе только въ вѣрѣ въ Господа Іисуса Христа, и показано, что тогда какъ и язычникамъ и Іудеямъ оставалось только ожидать кары гнѣва Божія, Богъ по благости Своей явилъ особый путь ко спасенію въ вѣрѣ, омывающей грѣхи и привлекающей освятительную благодать, и что такимъ образомъ теперь все отъ вѣры: Богъ оправдываетъ *и обрѣзаніе отъ вѣры и необрѣзаніе вѣрою*. Доказавъ это, Апостолъ приступаетъ къ тому, чтобъ убѣдить въ ней и склонить къ принятію ея. Первый а) источникъ убѣжденія даетъ ему примѣръ Авраама въ совокупности съ свидѣтельствомъ Давида,—гл. 4; второй б) подаютъ сокровища вѣры,—5, 1—11; третій в) представленіе значенія домостроительства Христова въ исторіи человѣчества—5, 12—21.

а)

Примѣръ Авраама разсматриваетъ Апостолъ всесторонне, но преимущественно налегаетъ на ту сторону его жизни, гдѣ дѣйствовала вѣра; а свидѣтельство Давида кратко вводитъ въ свое разсужденіе объ Авраамѣ. Но на переходѣ къ сему разсмотрѣнію ставитъ онъ вѣроятное, вслѣдствіе предыдущихъ разсужденій, у Іудеевъ недоумѣніе: и такъ, ты разоряешь законъ?—Разсѣявая это

недоумѣніе, Апостолъ отвѣчаетъ: нѣтъ, не разоряю, но утверждаю. Я здѣсь излагаю словомъ то, что праотецъ нашъ Авраамъ показалъ дѣломъ.

Ст. 31. *Законъ ли убо разоряемъ вѣрою? Да не будетъ: но законъ утверждаемъ.*

Словомъ *законъ* здѣсь названо все ветхозавѣтное Писаніе, а не одни законоположительныя книги Пророка Моисея, предвареніемъ коихъ служитъ написанное въ книгѣ Бытія, а разъясненіемъ — все написанное послѣ Моисеевыхъ книгъ. Все ветхозавѣтное учрежденіе, изображенное въ сихъ книгахъ, представляетъ Апостолъ подъ видомъ зданія, и спрашиваетъ: разоряю ли я это зданіе закона тѣмъ, что учу вѣрѣ? *Законъ ли убо разоряемъ вѣрою?* — Вопросъ сей и самъ по себѣ, и тѣмъ паче съ отвѣтомъ: *да не будетъ,*—совершенно неожиданный. Ибо вся непосредственно предшествующая рѣчь,— ст. 20—30,—отнимаетъ у закона всю силу и объявляетъ его ненужнымъ уже. Какъ же говорить: не разоряемъ, и еще такъ рѣшительно: *да не будетъ*, и притомъ съ такимъ противоположнымъ утвержденіемъ: *но законъ утверждаемъ?*

И однакожъ это совершенно истинно. Апостолъ здѣсь не разъясняетъ этого подробно, предоставляя намъ самимъ дѣлать объяснительныя на это наведенія. Законъ имѣлъ двѣ стороны: внѣшнюю,—всѣ видимыя учрежденія, и внутреннюю,—то, къ чему онъ руководилъ, что предуказывалъ и что обѣтовалъ въ будущемъ. Это послѣднее составляло душу его, а то—тѣло. Внѣшнее закона точно разорено, а внутреннее высвобождено изъ-подъ внѣшняго, приведено въявь и поставлено предъ очами всѣхъ — пришествіемъ Господа, благовѣстіемъ и вѣрою въ Него. Отвлекая мысль отъ того разореннаго, и останавливая вниманіе на семъ явленномъ и поставленномъ предъ очи всѣхъ, Апостолъ и могъ сказать: *не*

разоряемъ, но утверждаемъ. Тутъ тоже произошло, что бываетъ, когда проростаетъ посѣянное сѣмя. На видъ оно портится и раскисаетъ, — тоже что разоряется; а между тѣмъ живая скрытая въ немъ сила, получивъ свободу, чрезъ это самое, даетъ сначала стебль, потомъ колосъ, а далѣе и зерно. Смотря на раскисшее зерно, всякій сказалъ бы: что же это, — природа разрушаетъ сѣмя? И повидимости такъ будто есть; по существу же дѣла надо сказать: нѣтъ, не разрушаетъ, а созидаетъ.

Вотъ частныя положенія, вытекающія изъ сего общаго! Учрежденія подзаконныя прообразовали Христа Господа со всѣмъ дѣломъ спасенія, Имъ совершеннымъ, а пророчества предописывали все это. Когда пришелъ Господь и, устроивъ спасеніе, всѣхъ призывать сталъ къ вѣрѣ чрезъ Апостольское благовѣстіе; то вѣра, такимъ образомъ получившая господство, исполняла то, что составляло содержаніе закона, или законъ утверждала. Второе, — законъ данъ для того, чтобъ его исполняли и, исполняя, содѣлывались праведными. Но какъ онъ не давалъ силъ, то, по немощи нашей, оставался неисполняемымъ, и цѣль его не достигалась. Только и плода отъ него было, что познаніе грѣха; но чрезъ это обременялась лишь совѣсть и разгоралось желаніе лучшаго устроенія пути къ праведности. И вотъ вѣра пришла, какъ дождь на землю жаждущую. Она омываетъ грѣхи въ крови Христовой и въ благодати даетъ силу всякому стать святымъ и непорочнымъ. Вѣра слѣдовательно даетъ то, что имѣлъ въ виду законъ, но что не было достигаемо при одномъ его руководствѣ, и такимъ образомъ она законъ утверждаетъ, — ставитъ его въ свой чинъ.

Такъ разсуждаютъ всѣ наши толковники. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „издавна и законъ и пророки предвозвѣщали о вѣрѣ. Посему, пріемля вѣру, утверждаемъ за-

конъ.“ Амвросіастъ дополняетъ сіе, приводя слова Господа: „и Самъ Господь сказалъ: *не пріидохъ разорити законъ или пророки, но исполнити* (Матѳ. 5, 17).“ Полнѣе изъясняетъ все св. Златоустъ: „доказываетъ здѣсь св. Павелъ, что вѣра не только не вредитъ закону, но и помогаетъ ему, равно какъ и законъ пролагаетъ путь вѣрѣ. Какъ законъ, предваряя вѣру, о ней свидѣтельствовалъ,—ибо Павелъ называетъ ее свидѣтельствуемою отъ закона и пророковъ;—такъ вѣра возстановила изнемогающій законъ. Какъ же возстановила, спросишь?—Смотри, какая была цѣль закона, къ чему клонились всѣ его дѣйствія? Къ тому, чтобы сдѣлать человѣка праведнымъ. Законъ же не могъ достигнуть сего: *вси бо*, сказано, *согрѣшиша*. Когда же явилась вѣра, она успѣла въ томъ. Итакъ, вѣра возстановила желаніе закона и привела въ исполненіе то, для чего онъ трудился. Посему вѣра не уничтожила, а завершила законъ. Какъ Іудеевъ всего болѣе смущало то, что вѣра казалась противоборствующею закону, то Апостолъ, даже болѣе нежели сколько могъ желать Іудей, доказываетъ, что она не только не противоборствуетъ, но еще способствуетъ и содѣйствуетъ закону; а о семъ-то и желали особенно слышать Іудеи.“

Итакъ вѣра спасаетъ не тѣмъ однимъ, что омываетъ грѣхи кающихся кровію Христовой, но тѣмъ особенно, что, благодать привлекая, даетъ силу исполнить законъ. Неотложное условіе спасенія — исполненіе закона. Къ сему направлена вся новозавѣтная экономія. Принявъ благодатныя средства—стань и пребудь чистъ и непороченъ,—и спасешься, ибо въ царствіе Божіе не войдетъ ничто нечистое. Дверь въ него—чистота, не вмѣняемая, а существенная, чистота, чрезъ все естество человѣка проходящая, и тѣло и душу проникающая, и характеризующая.

4, 1. *Что убо речемъ Авраама отца нашего обрѣсти по плоти?*

Выраженную предъ симъ мысль о неразореніи закона вѣрою св. Павелъ объясняетъ и подтверждаетъ самымъ же закономъ, или ветхозавѣтными Писаніями. Не разоряемъ, говоритъ, законъ вѣрою, а утверждаемъ, ибо посмотри, какіе примѣры и какія свидѣтельства представляетъ законъ, или писанія подзаконныя? Вотъ тебѣ примѣръ Авраама, вотъ тебѣ свидѣтельство Давида (6—9)! Тотъ и другое всю силу въ оправданіи приписываютъ вѣрѣ. Слѣдовательно мы не идемъ противъ закона, а утверждаемъ тоже, что и онъ свидѣтельствуетъ.

Что убо речемъ?—Что, скажемъ напримѣръ, отецъ нашъ Авраамъ обрѣлъ по плоти? „Достаточно доказавъ, что для всѣхъ нужна вѣра, подтверждаетъ это еще примѣромъ Авраама, пользовавшагося у Іудеевъ большимъ уваженіемъ, и говоритъ, что и онъ, совершившій много великаго, оправдался не дѣлами, но вѣрою“ (Θеоф.). Спрашиваетъ Апостолъ, но вопросъ уже доказываетъ его мысль: ибо содержитъ въ себѣ и отвѣтъ. „Силу вѣры доказываетъ въ настоящемъ мѣстѣ Апостолъ, излагая доводъ свой въ вопросахъ, какъ всегда обыкъ дѣлать для ясности и по увѣренности въ истинѣ словъ своихъ. Такъ поступалъ онъ выше, говоря: *кое убо преимущество Іудея?* и: *что убо? Преимѣемъ ли?* и еще: *гдѣ убо похвала? отгнася.*—Такъ и здѣсь говоритъ: *что убо речемъ*, и пр.“ (Св. Злат.). — Вопросъ этотъ наводилъ на всю исторію праотца Авраама, какъ взятъ онъ отъ дома своего, отъ рода своего и изъ земли своея, какъ пошелъ и пришелъ въ землю невѣдомую въ началѣ, какимъ здѣсь подвергался испытаніямъ, и какъ послѣ всего получилъ обѣтованіе о неисчетномъ потомствѣ и о Потомкѣ, отъ Котораго изойдетъ благословеніе на всѣ народы. Прошед-

шій мыслію всю эту исторію не могъ не видѣть, что и какъ обрѣлъ праотецъ Авраамъ.

Слово: *по плоти* св. Златоустъ, Экуменій, Геннадій и Фотій у Экуменія, Өеофилактъ соединяютъ съ отцемъ: отецъ нашъ по плоти.—Это сочетаніе всю мысль останавливаетъ на Авраамѣ, говоря какъ бы: смотри, что, сколько и какъ обрѣлъ родоначальникъ нашъ Авраамъ?—Подражай же ему. „Оказываетъ Апостолъ Аврааму особенное уваженіе, называя его праотцемъ, дабы обязать тѣмъ Іудеевъ во всемъ повиноваться ему“ (Св. Злат.),—„дабы обязать ихъ этимъ во всемъ подражать ему“ (Өеоф.). Восходитъ Апостолъ къ тому времени, когда весь человѣческій родъ стоялъ еще на одной линіи: закона писаннаго не было, и путь къ оправданію открытъ былъ для всѣхъ одинъ. Въ лицѣ Авраама сосредочивается и іудейство, и внѣ-іудейство, имѣвшія образоваться въ будущемъ. Указывая на него, Апостолъ хочетъ „къ родству съ нимъ открыть путь и язычникамъ“ (Св. Злат.), а вмѣстѣ и Іудеямъ внушить, можно ли ограничиваться однимъ происхожденіемъ отъ Авраама по плоти, когда въ лицѣ его это происхожденіе не имѣло никакого значенія?

Бл. Өеодоритъ слово *по плоти* сочетаваетъ съ *обрѣсти:* что отецъ нашъ Авраамъ обрѣлъ по плоти?—Подъ плотію можно разумѣть естество человѣческое, или дѣла, во плоти и плотію совершаемыя, обрѣзаніе, напримѣръ, жертвы и проч. Будетъ мысль: что Авраамъ отецъ нашъ обрѣлъ естественными силами своими? или: обрѣлъ ли что праотецъ нашъ дѣлами, по чиноположенію подзаконному совершаемыми видимо во плоти и плотію?—Ни на то, ни на другое отвѣтить утвердительно нельзя. На первое, потому, что у Авраама все было по благоволенію Божію, а не по его заслугамъ; на второе, потому, что никакого такого чиноположенія еще не существо-

валю, и обрѣзаніе у него служило печатію отличій, дарованныхъ ему прежде обрѣзанія.

И на такую еще мысль наводятъ слова Апостола. Іудей, раждаясь на свѣтъ, что встрѣчалъ? Народъ Божій избранный, къ коему принадлежалъ по рожденію, а чрезъ восемь дней обрѣзаніе получая, содѣлывался наслѣдникомъ и всѣхъ преимуществъ Израиля. Ничего такого, родясь на свѣтъ, не встрѣтилъ Авраамъ; а между тѣмъ какъ возвеличенъ, — и какъ взысканъ милостями Божіими? Слѣдовательно есть путь къ благоволенію Божію, помимо дѣлъ закона. Посмотрись же, что это такое? чтобъ не сдѣлать ошибки, слишкомъ много приписывая важности симъ преимуществамъ?

Ст. 2. *Аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдися, имать похвалу, но не у Бога.*

Прежній вопросъ внушалъ: смотри на примѣръ Авраама. Слушавшій прошелъ мыслію всю жизнь Авраама. Апостолъ теперь говоритъ какбы ему: ну, что видишь? Чѣмъ онъ отличился? Чѣмъ заслужилъ такую милость, что Самъ Богъ объявилъ его праведнымъ и всегда оказывалъ великое къ нему благоволеніе? Дѣлами ли? Нѣтъ. Были и у него дѣла славныя, святыя и праведныя. Смотри, какъ сдѣлалъ онъ раздѣлъ съ Лотомъ, какъ защитилъ обиженные города и ничѣмъ за то не хотѣлъ воспользоваться, какъ принималъ всякаго странника, какъ смиренно уступалъ волю хотѣвшихъ обидѣть его. Но [illegible] только и было у него, что такія дѣла, то [illegible] смотря на великую цѣну этихъ дѣлъ, онъ былъ бы [illegible] прославляемъ, яко праведный, а Богъ и не воззрѣлъ бы на него, потому что при всемъ томъ [illegible] быть чуждымъ Бога, не къ Богу быть [illegible] сердцемъ и не для Него жить, а [illegible] Богъ же всегда смотритъ на сердце и [illegible] отношеніе къ человѣку, какъ человѣкъ [illegible]

сердцемъ. И такъ если Богъ такъ благоволилъ къ Аврааму, то надобно полагать, что это не за одни дѣла, а больше за устроеніе его сердца. А въ сердцѣ у него что было? Въ сердцѣ его жила безграничная вѣра.

Сл. 3. *Что бо писаніе глаголетъ? Вѣрова же Авраамъ Богови, и вмѣнися ему въ правду.*

Не потому онъ признанъ отъ Бога праведнымъ, что то и другое сдѣлалъ, а потому, что вѣровалъ Богу. Вѣра сія, проникая дѣла его, дѣлала ихъ угодными Богу; да она сама и рождала дѣла. Ибо смотри.—Повелѣваетъ ему Богъ оставить домъ отца, родъ свой и страну свою и идти въ землю, которую покажетъ ему. Онъ вѣруетъ и идетъ, не зная куда. Вѣра движетъ его и путь его углаждаетъ. Пришелъ въ землю обѣтованную. Богъ говоритъ ему: эту землю дамъ тебѣ и сѣмени твоему, которое будетъ многочисленно. Онъ вѣруетъ и ждетъ. Проходятъ годы, дѣтей нѣтъ, а онъ все вѣруетъ. Вотъ уже старость бездѣтная, а онъ все вѣруетъ, что отъ него будетъ потомство. И сія вѣра увѣнчалась наконецъ событіемъ. Далъ Богъ сына—опору надежды на потомство. Но только что онъ выросъ, какъ Богъ повелѣваетъ его принесть Себѣ въ жертву. Вѣруетъ Авраамъ, что такъ должно, и идетъ принесть въ жертву единороднаго своего, не теряя однакожъ увѣренности, что несмотря на то все же будетъ у него многочисленное потомство. Такъ у Авраама все вѣра и вѣра. Вѣра рождала и оживляла дѣла, сообщая и имъ и ему дѣйствующему особую цѣну предъ лицемъ Бога.

Св. Златоустъ говоритъ: „нимало не странно оправдываться вѣрою тому, кто не имѣетъ дѣлъ; но украшенному заслугами стать праведнымъ не по заслугамъ, а по вѣрѣ—сіе было удивительно, и особенно обнаруживало силу вѣры. Апостолъ вводитъ здѣсь въ состязаніе вѣру и дѣла, предметомъ же ихъ спора поставляетъ Авраама.

Аще, говоритъ, *Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, иматъ похвалу, но не у Бога*. Двѣ есть похвалы: одна за дѣла, другая за вѣру. Апостолъ утверждаетъ, что за вѣру можно имѣть большую похвалу. И спасеніе чрезъ вѣру гораздо въ большей мѣрѣ имѣетъ все то, чѣмъ могло хвалиться и обнадеживать себя спасеніе посредствомъ дѣлъ. Хвалящійся дѣлами будетъ выставлять собственные труды; а кто вмѣняетъ себѣ въ честь, что вѣруетъ въ Бога, тотъ выставляетъ гораздо лучшій предлогъ къ похвалѣ; потому что славитъ и величаетъ Господа. По вѣрѣ въ Бога признавъ истиннымъ то, чего не открыла природа видимыхъ вещей, онъ доказалъ тѣмъ искреннюю любовь къ Богу и торжественно провозвѣстилъ силу Его; а сіе означаетъ самое благородное сердце, любомудрый образъ мыслей и высокій умъ. Не красть, не убивать есть дѣло самое обыкновенное; но повѣрить, что Богъ силенъ совершить невозможное, на сіе требуется великій духъ, крѣпко приверженный къ Богу,— это служитъ знакомъ истинной любви. Хотя исполняющій заповѣди чествуетъ тѣмъ Бога; но гораздо болѣе чествуетъ тотъ, кто умудряется вѣрою. Первый покоренъ Богу, а послѣдній пріобрѣлъ о Богѣ надлежащее понятіе, прославилъ и почтилъ Его болѣе, нежели сколько можно почтить дѣлами. Первая похвала принадлежитъ самому подвижнику (труждающемуся въ дѣлахъ); а послѣдняя прославляетъ Бога и всецѣло Ему принадлежитъ. Вѣрующій хвалится высокимъ своимъ представленіемъ о Богѣ, и это составляетъ его славу. Посему сказано, что онъ имѣетъ похвалу предъ Богомъ; впрочемъ не по сей одной, но и по другой причинѣ. Вѣрный хвалится не тѣмъ однимъ, что искренно возлюбилъ одного Бога, но и тѣмъ еще, что удостоился отъ Него великой чести и любви. Какъ онъ возлюбилъ Бога, имѣя о Немъ высокое понятіе, что показываетъ любовь; такъ

и Богъ возлюбилъ его, и когда человѣкъ былъ тысячекратно виновенъ предъ Богомъ, не только освободилъ его отъ наказанія, но даже содѣлалъ праведнымъ. Посему вѣрующій имѣетъ причину хвалиться, какъ удостоившійся великой любви.“

Стт. 4. 5. *Дѣлающему же мзда не вмѣняется по благодати, но по долгу. А не дѣлающему, вѣрующему же во Оправдающаго нечестива, вмѣняется вѣра его въ правду.*

Послѣ словъ: *вѣрова Авраамъ и вмѣнися ему въ правду*—можно бы прямо говорить, что говорится въ ст. 10-мъ: *како вмѣнися ему?* Но какъ это главный пунктъ его ученія, то онъ долѣе останавливается на немъ и желаетъ углубить его во вниманіи нашемъ. Онъ говоритъ какъбы: сами посудите,—коль скоро сказано: *вѣрова и вмѣнися*, значитъ вся сила въ вѣрѣ, а не въ дѣлахъ. Еслибъ было иначе, не было бы такъ сказано. Еслибъ вся сила была въ дѣлахъ, то и сказано было бы: то и то сдѣлалъ Авраамъ, а не—*вѣрова*. И затѣмъ не сказано было бы: *вмѣнися*, разумѣется, по милости, но—воздано, разумѣется, по правдѣ. Ибо дѣлающему не вмѣняется по милости, а воздается по долгу,—отдается по правдѣ мзда, какую заслужилъ. *Дѣлающему мзда не вмѣняется по благодати*, т.-е. о томъ, что ему воздается, не говорится, что оно присуждено ему по благодати, а говорится, что это ему есть мзда, и дается она не по благодати, а *по долгу*, потому что того требуетъ правда. Если объ Авраамѣ не сказано такъ, то значитъ, что у него не дѣла заправляли всѣмъ. Если сказано: *вѣрова и вмѣнися*, значитъ тутъ главное—вѣра. Сказать: вмѣняется вѣра въ правду, можно только тому, кто не дѣлаетъ, а вѣруетъ въ Оправдающаго нечестива. Слѣдовательно тутъ вся сила въ вѣрѣ.

Этимъ вполнѣ опредѣляется смыслъ настоящихъ текстовъ; но для полноты пониманія ихъ, надо поточнѣе

опредѣлить, что значитъ у Апостола дѣлающій и вѣрующій, - дѣланіе и вѣра. Что же суть дѣланіе и вѣра? Хотя Апостолъ дѣлающему противополагаетъ недѣлающаго, а недѣлающаго считаетъ однозначительнымъ съ вѣрующимъ; но по всему ходу рѣчи видно, что у него вѣрующій не означаетъ ничего недѣлающаго, но такого, который не только вѣруетъ, но живетъ въ духѣ вѣры. Ибо ниже (въ ст. 11 и 12) указавъ, что Авраамъ сталъ ради вѣры отцемъ и необрѣзанныхъ и обрѣзанныхъ, прилагаетъ объясненіе, что подъ послѣдними онъ разумѣетъ не сущихъ только отъ обрѣзанія, но и ходящихъ въ стопахъ вѣры. Ходить въ стопахъ вѣры значитъ жить въ духѣ вѣры. Вѣрою слѣдовательно означается не одно мысленное признаніе чего-либо истиннымъ, но паче характеристика жизни. По противоположности теперь и подъ дѣланіемъ надлежитъ разумѣть не одни дѣла, но паче характеристику дѣлъ, духъ дѣланія, или духъ дѣятельной жизни Выходитъ, что у Апостола здѣсь противополагается одинъ духъ жизни другому.

Что же это за духи?

Возьмемъ опять слово—*вѣрующій,*—какія черты приписываетъ ему здѣсь Апостолъ? Онъ говоритъ: *вѣрующему во Оправдающаго*, ἐπὶ τὸν διϰαιοῦντα. Вѣровать съ ἐπὶ значитъ утверждаться на комъ вѣрою, съ непоколебимою увѣренностію полагаться на кого, силою вѣры въ кого преисполняться такимъ же чувствомъ безопасности, какимъ исполненъ тотъ, кто стоитъ на гранитномъ утесѣ, среди бушующихъ вокругъ его волнъ. Вѣрующій посему будетъ тотъ, кто все должное дѣлаетъ, но увѣренность въ спасеніи и оправданіи основываетъ не на дѣлахъ, а на вѣрѣ въ Бога; вѣруетъ, что Тотъ, Кому онъ служитъ всею душею и всѣмъ сердцемъ, по благости Своей не допуститъ его погибнуть,—спасетъ и оправдаетъ.— Дѣлающій послѣ сего опредѣлится противоположеніемъ

его вѣрующему. Это будетъ тотъ, кто хотя и вѣруетъ, что есть Богъ, Творецъ, Промыслитель и Воздаятель, благоволящій къ служащимъ Ему; но опору увѣренности во спасеніи и оправданіи имѣетъ не въ благости и силѣ Бога спасающаго и оправдывающаго служащихъ Ему, а въ дѣлахъ, какія онъ успѣваетъ сдѣлать, служа Богу.—Здѣсь указываются только главныя характеристическія черты духа вѣрующаго и дѣлающаго. Вѣра въ первомъ не безъ дѣлъ, и дѣла во второмъ не безъ вѣры; различіе ихъ въ томъ, на чемъ они опираются упованіемъ спасенія. Вѣра на вѣрѣ, не нерадя о дѣлахъ, и дѣланіе на дѣлахъ, не оставляя вѣры.

Таковы они по существу; но на опытѣ они могутъ являться съ разными оттѣнками. Иной вѣрующій до того можетъ уклониться на сторону вѣры, что совсѣмъ пренебрежетъ дѣла; тогда останется вѣра безъ дѣлъ. Равно иной дѣлающій можетъ до того втянуться въ дѣла, что забудетъ вѣру и ни во что ее вмѣнитъ; останутся дѣла безъ вѣры въ Бога. Это крайности въ проявленіяхъ вѣрующаго и дѣлающаго духа: вѣра съ дѣлами и дѣла съ вѣрою на одной сторонѣ; вѣра безъ дѣлъ и дѣла безъ вѣры—на другой. Между ними тотъ и другой духъ проявляется въ разныхъ видахъ, зависящихъ отъ степени приложенія дѣлъ къ вѣрѣ и вѣры къ дѣламъ. Нормальный духъ: вѣра при неослабномъ дѣланіи съ опорою на вѣрѣ. Всѣ другія проявленія жизни суть уклоненія отъ сей нормы и должны быть отвергаемы. Неослабное дѣланіе при вѣрѣ съ опорою на дѣлахъ могло бы имѣть мѣсто, еслибъ возможно было передѣлать все достодолжное. Но какъ этого нельзя, то, при всей благовидности, сей духъ чуждъ истины и вводитъ въ прелесть губящую, подставляя подъ главную часть зданія гнилую опору.

И такъ норма: вѣра при неослабномъ дѣланіи съ опорою на вѣрѣ. Что вѣра здѣсь не одна, а съ дѣлами

или съ твердою рѣшимостію на дѣла, это даютъ разумѣть и слова: *вѣрующему во Оправдающаго нечестива*. Нечестіе обнимаетъ всѣ нарушенія должныхъ отношеній къ Богу и всякой воли Его,—слѣдовательно и невѣріе. Потому нечестіе исключаетъ вѣру. Но слѣдовательно и наоборотъ—вѣра исключаетъ нечестіе. Вѣрующій перестаетъ быть нечестивымъ. И такъ когда св. Апостолъ говоритъ о вѣрующемъ *въ Оправдающаго нечестива*,—не другаго, а этого самого вѣрующаго,—то даетъ разумѣть, что сей вѣрующій пересталъ быть нечестивымъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ увѣровалъ. Кого же именно разумѣетъ здѣсь Апостолъ?—Того, кто нечествовалъ, но принявъ вѣру, отвратился отъ нечестія и положилъ всегда уже послѣ сего благочествовать. Такого обратившагося Богъ принимаетъ съ милостивыми отеческими объятіями, какъ въ притчѣ о блудномъ изображается; ради вѣры его забываетъ прежнее его нечестіе, и эту вѣру принимаетъ вмѣсто всѣхъ дѣлъ праведныхъ, какія слѣдовало ему являть во все время своего нечестія: вѣра одна въ сей моментъ замѣняетъ всякую правду. Итакъ вѣра пресѣкаетъ все прошедшее нечестіе и покрываетъ его, дѣлаетъ его какъбы несущимъ, и чрезъ это привлекаетъ вмѣненіе правды. Но если она пресѣкаетъ нечестіе, то, значитъ, вѣрующій, по существу вѣры, съ момента пріятія вѣры перестаетъ нечествовать и начинаетъ благочествовать, т.-е. онъ становится правымъ въ сердцѣ.—Предполагаетъ ли однакожъ сіе совершенную безгрѣшность?—Нѣтъ; ибо есть инъ законъ во удѣхъ, увлекающій къ тому, чего и не хотимъ. Какъ же быть съ этимъ вторженіемъ неправды въ область правды?—И она покрывается тоюже вѣрою, какою покрывается все нечестіе до момента вѣры, ради покаянія и присущаго въ сердцѣ постояннаго желанія правды и нежеланія неправды.—Слѣдовательно если есть

предъ лицемъ Божіимъ праведные, то это суть одни вѣрующіе, которымъ Богъ ради вѣры вмѣняетъ праведность, когда вмѣстѣ съ вѣрою присуще въ сердцѣ отверженіе всякаго нечестія и неправды и желаніе всякой правды.

Такую силу однакожъ являетъ вѣра не по существу своему, а по благости Бога, благоволящаго сочетавать такія дѣйствія съ вѣрою. Это прямое дѣло благодати, а не должное воздаяніе. Дѣлу дается воздаяніе, какъ плата, и дается въ мѣру дѣла. Сдѣлалъ на рубль, возьми рубль. А вѣрѣ, хотя она сама есть возвышенный актъ духа, дается не воздаяніе за это дѣло, а оказывается милующая милость. Противъ дѣлъ стоитъ мзда и воздаяніе по долгу, а противъ вѣры помилованіе и вмѣненіе правды по благодати. Почему такъ? По духу дѣлающаго и вѣрующаго. Дѣлающій, хотя и вѣруетъ, но опирается весь на дѣлахъ. Почему за дѣла и воздается ему: возьми, что искалъ и что хотѣлъ заслужить, что заслужилъ, и въ какой мѣрѣ заслужилъ. Вѣрующій же, хотя и неослабно дѣлаетъ, но не опирается на дѣлахъ, а на одной милости; ему и дается не по мѣрѣ дѣлъ, а по мѣрѣ милости. Дѣламъ никакого значенія онъ не приписываетъ, нѣтъ ихъ у него ни въ памяти, ни въ надеждахъ. Онъ весь опирается на милость Того, въ Кого вѣруетъ, минуетъ правду Божію и вселяется въ область милости Божіей. Милость же Божія есть сокровищница дарованій по единой милости, и какъ она безпредѣльна, то и даетъ безъ всякихъ предѣловъ, не поколику кто заслужилъ, а поколику кто вмѣстить можетъ. Такъ вѣрѣ отвѣчаетъ дарованіе по благодати безъ всякаго соображенія съ дѣлами. Не потому такъ, что въ ней нѣтъ дѣлъ, ибо вѣра безъ дѣлъ не вѣра, но потому, что вѣра не опирается на дѣла, несмотря на то, что богата ими.

Подумать можно: что же это, или неправда у Бога?—Одинъ потѣетъ надъ дѣлами и получаетъ только въ мѣру дѣлъ, а другой повѣровалъ только, и получаетъ безъ мѣры?—Но увѣровать искренно нельзя безъ готовности на всѣ дѣла, и вѣровать или хранить вѣру нельзя безъ неослабнаго дѣланія въ духѣ вѣры. Вѣра завершаетъ—восполняетъ дѣла; почему есть выше ихъ, есть совершеннѣйшій актъ духа. Если же она выше, то справедливо и получаетъ больше.—„Дѣлающій, пишетъ бл. Ѳеофилактъ, получаетъ мзду, какъ даваемую ему за трудъ по долгу, а вѣрующій, хотя не дѣлаетъ (не опирается на дѣлахъ), однако представляетъ съ своей стороны вѣру,—вещь весьма значительную; потому что убѣдиться въ томъ, что Богъ и живущаго въ нечестіи можетъ не только освободить отъ наказанія, но и сдѣлать праведнымъ, есть дѣло высокой цѣны."—Итакъ вѣрующаго нельзя считать не дѣлающимъ по одной значительности и высотѣ акта вѣры. Св. Златоустъ говоритъ: „вѣрующему не вмѣнялось бы, еслибъ ничего не было сдѣлано и съ его стороны.—И вѣрующій имѣетъ должникомъ Бога, и долгъ сей не маловаженъ, но значителенъ и высокой цѣны."

Ст. 6. *Якоже и Давидъ глаголетъ блаженство человѣка, емуже вмѣняетъ Богъ правду, безъ дѣлъ закона.*

Глаголетъ блаженство,—говоритъ, что блаженъ тотъ человѣкъ, или называетъ блаженнымъ того человѣка, которому *вмѣняетъ Богъ правду*, котораго признаетъ праведнымъ и принимаетъ въ качествѣ праведнаго; *безъ дѣлъ закона*, несмотря на то, что онъ не имѣетъ и не представляетъ дѣлъ правды, и не только не имѣетъ такихъ дѣлъ, а напротивъ имѣетъ дѣла противоположныя тому,—грѣхи и беззаконія, какъ показываютъ самыя слова, приводимыя отъ лица св. Пророка Давида. Такова мысль; связываются же сіи слова чрезъ *якоже* съ

непосредственно предъидущимъ, а чрезъ это со всею рѣчью: *мыслимъ убо вѣрою оправдитися человѣку безъ дѣлъ закона*, и стоятъ въ параллели съ примѣромъ Авраама, какъ новое доказательство той истины. „Доказавъ сказанное примѣромъ Авраама, Апостолъ обращается къ Давиду, который подтверждаетъ туже мысль. Итакъ, что говоритъ Давидъ? Кого называетъ блаженнымъ? Того ли, кто хвалится дѣлами, или того, кто удостоился благодати, и получилъ прощеніе грѣховъ и даръ?—И Давидъ оправдившагося чрезъ вѣру называетъ блаженнымъ, говоря“ (Св. Злат.):

Стт. 7. 8. *Блажени, ихже отпустишася беззаконія, и ихже прикрышася грѣси. Блаженъ мужъ, емуже не вмѣнитъ Господь грѣха* (Пс. 31, 1. 2).

Примѣръ праведнаго Авраама на ту особенно мысль упираетъ, что оправданіе совершается чрезъ вѣру, а свидѣтельство св. Давида—на ту, что оно дается безъ дѣлъ закона. Св. Пророкъ представляетъ грѣшника, пріемлемаго въ милость Божію, оправдываемаго и сподобляемаго блаженства. Блаженствомъ означается то свѣтлое состояніе, котораго ищетъ всякъ человѣкъ, послѣдняя цѣль, верховное благо. Оно бываетъ отъ близости Божіей, или отъ сближенія съ Богомъ, когда Богъ пріемлетъ кого въ милость Свою и объемлетъ Своимъ благоволеніемъ, такъ что сія милость и сіе благоволеніе ощущается и сердцемъ того, кто пріемлется. Пресѣкаетъ такое сближеніе и препятствуетъ ему грѣхъ, и пока онъ есть въ комъ и на комъ, не возможно состояться такому сближенію. Все дѣло значитъ въ томъ, чтобъ загладить и устранить грѣхъ. А это какъ дѣлается?—Сокрушеннымъ покаяніемъ съ обѣтомъ не грѣшить, но не иначе, какъ подъ условіемъ вѣры въ Оправдающаго. Въ чьей душѣ все сіе произойдетъ, тому Богъ милостиво прощаетъ всѣ грѣхи, принимаетъ его въ Свое бла-

говоленіе, сближается съ нимъ и даетъ ему носить ощущеніе сего сближенія. Чрезъ это вводится онъ въ состояніе блаженныхъ, ублажаемыхъ Пророкомъ.

Но скажетъ иной: у Пророка говорится только о прощеніи и прикрытіи грѣховъ; но ни о вѣрѣ, ни о покаяніи, ни объ обѣтѣ не грѣшить нѣтъ ни слова. — Надо опредѣлять мысль Пророка въ приводимыхъ словахъ по связи ихъ съ послѣдующимъ у него, и мысль Апостола, при приведеніи сихъ словъ, по связи ихъ со всею рѣчью Апостола. Прямо слова сіи говорятъ о томъ, что Богъ даетъ грѣшнику: отпущаетъ беззаконія, прощаетъ грѣхи, не вмѣняетъ ихъ. Но развѣ Богъ можетъ явить такую милость тому, кто не отвратился отъ грѣховъ, не возненадѣлъ ихъ, не возболѣзновалъ о нихъ, а напротивъ погруженъ въ грѣхъ и помышленіями и чувствами и желаніями? Нѣтъ; прощаетъ грѣхи тому, кто извергъ ихъ изъ сердца сокрушеніемъ и отвращеніемъ отъ нихъ. У Пророка и говорится о семъ тутъ же: *ниже есть во устѣхъ его лесть*. Тому Богъ прощаетъ грѣхи и не вмѣняетъ ихъ, у кого нѣтъ льсти во устахъ. Какъ же совмѣщаются въ одномъ и томъ же лицѣ грѣхи и отсутствіе льсти? — Такъ, что онъ, сознавая свои грѣхи, изъявляетъ предъ Богомъ раскаяніе въ нихъ, не прикрывая ихъ, и искреннее питаетъ желаніе не падать болѣе въ нихъ. Лесть, — δόλος, — есть грѣхолюбивое настроеніе сердца съ желаніемъ прикрывать его не только предъ людьми, но и предъ Богомъ. Когда нѣтъ его въ сердцѣ, надо полагать, есть противоположное тому искреннее добролюбіе съ отверженіемъ прошедшаго грѣхолюбія и сокрушеніемъ о томъ.

Такъ въ словахъ Пророка, говорящихъ только о прощеніи, естественно доразумѣвается мысль и о покаяніи съ искреннимъ нежеланіемъ грѣха. А вѣра въ Оправдающаго гдѣ? — А вѣра въ Оправдающаго въ теченіи

рѣчи св. Апостола, которая идетъ все о вѣрѣ, а наипаче — въ предшествующихъ словахъ, прямо выражающихъ сію истину.—Апостолъ внушаетъ: праведными праведники являются предъ Богомъ не ради дѣлъ, хотя они есть, а ради вѣры, какъ показываетъ примѣръ величайшаго изъ праведниковъ Авраама. А о грѣшникахъ и говорить нечего. Какія дѣла могутъ они представить, когда все грѣшили? — Нечего имъ представить, кромѣ сокрушенія и нежеланія грѣха, съ вѣрою въ безпредѣльную милость Оправдывающаго. Итакъ, не приходи никто предъ Бога, опираясь на дѣла. Иди съ одною вѣрою и получишь оправданіе.

Но какъ же это? Апостолъ словами Пророка Давида хотѣлъ доказать, что вѣра вмѣняется въ правду, а приводитъ такое мѣсто, которое говоритъ только объ отпущеніи беззаконій и невмѣненіи грѣха? Какъ будто „свидѣтельство не идетъ къ дѣлу“ (Св. Злат.).—Это недоумѣніе устраняется уже предъидущимъ объясненіемъ, что коль-скоро кому прощаются беззаконія и не вмѣняется грѣхъ, то въ этомъ милуемомъ должно предполагать присущими и всѣ условія прощенія,—нежеланіе болѣе грѣшить и вѣра въ Оправдывающаго. Съ другой стороны, такъ какъ два есть состоянія: одно—праведности и благоволенія Божія, другое — грѣшности и неблаговоленія Божія; то очевидно, что когда не вмѣняется кому грѣхъ, значитъ онъ не считается уже грѣшникомъ, состоящимъ подъ гнѣвомъ, а принимается въ благоволеніе въ качествѣ праведнаго. Невмѣненіе потому грѣха стоитъ на одной линіи со вмѣненіемъ правды, или то и другое совершается въ одинъ актъ милости милующаго и оправдывающаго Бога. Но, главное, надо поимѣть во вниманіи цѣль Апостола. Цѣль у него не ветхозавѣтное устроеніе разъяснять, а выяснять изъ ветхозавѣтнаго новозавѣтное. Когда проповѣдуя благовѣстіе Евангелія, Апостолы на-

чали принимать въ общеніе Божіе и язычниковъ, Іудеи укоряли ихъ: у васъ только все вѣра, да вѣра и никакихъ дѣлъ закона; вы и язычниковъ грѣшныхъ стали принимать, тогда какъ къ нимъ и прикасаться грѣшно. Апостолъ, предотвращая это, внушаетъ: что у насъ все вѣра, да вѣра, въ этомъ мы беремъ примѣръ съ Авраама, которому вѣра вмѣнена въ правду; а что грѣшниковъ принимаемъ въ общеніе Божіе, правоту этого предуказалъ Пророкъ Давидъ, ублажившій тѣхъ, коимъ прощены грѣхи. Мы принимаемъ грѣшниковъ, но напередъ разрѣшивъ всѣ ихъ грѣхи, по благодати милующаго Бога за вѣру въ Оправдающаго. А это такой порядокъ, который прославленъ Пророкомъ Давидомъ. Ублажая тѣхъ, коимъ не вмѣняетъ Богъ грѣха, онъ „явно ублажаетъ насъ и предвозвѣщаетъ дары благодати“ (Өеод.).

Доказавъ такимъ образомъ изъ Ветхаго Завѣта, что праведно мы мыслимъ вѣрою оправдитися человѣку безъ дѣлъ закона, наводитъ теперь силу сихъ доказательствъ на вѣрующихъ во Христа Господа; и для этого примѣръ праведнаго Авраама и свидѣтельство св. Давида сводитъ воедино, говоря:

Ст. 9. *Блаженство убо сіе на обрѣзаніе ли, или на необрѣзаніе? Глаголемъ бо, яко вмѣнися Аврааму вѣра въ правду.*

Кому это предрекаетъ св. Давидъ блаженство отъ помилованія и прощенія грѣховъ, — обрѣзанію, или и необрѣзанію, — однимъ обрѣзаннымъ Іудеямъ, или и необрѣзаннымъ язычникамъ? — Для рѣшенія этого, взойди повыше отъ св. Давида къ праведному Аврааму и смотри, какъ у него шло дѣло. — Мы (я, или всѣ Апостолы, или вообще христіане), основываясь на свидѣтельствѣ слова Божія, говоримъ, что праведному Аврааму вѣра вмѣнена въ правду. Теперь разсмотри, когда она вмѣнена ему въ правду, — до обрѣзанія, или послѣ обрѣзанія.

Ст. 10. *Како убо вмѣнися ему? во обрѣзаніи ли сущу, или въ необрѣзаніи? Не во обрѣзаніи, но въ необрѣзаніи.*

И что увидишь въ немъ, по примѣру того суди и о всѣхъ. Если вѣра вмѣнена ему въ правду послѣ обрѣзанія; то, значитъ, благодать такого вмѣненія правды, или по св. Давиду, блаженство невмѣненія грѣха, должны принадлежать только обрѣзаннымъ Іудеямъ; а если—до обрѣзанія, то все это должно простираться и на необрѣзанныхъ язычниковъ. Итакъ, что же видишь въ Авраамѣ? Когда вмѣнилась ему вѣра въ правду,—въ обрѣзаніи ли, или въ необрѣзаніи сущему? — *Не во обрѣзаніи, но въ необрѣзаніи.* Значитъ законъ благодати: вмѣненіе правды вѣрою и блаженство отпущенія грѣховъ,—долженъ простираться и на необрѣзанныхъ.—Такъ св. Павелъ „показалъ, что благодать сія предложена всѣмъ“ (Θеод.).

Но послѣ этого естественно спросить, для чего же обрѣзаніе? Если все отъ вѣры,—что же значитъ обрѣзаніе?—На это отвѣчаетъ св. Апостолъ:

Ст. 11. *И знаменіе пріятъ обрѣзанія, печать правды вѣры, яже въ необрѣзаніи.*

Обрѣзаніе есть внѣшній знакъ, показывающій, что тотъ, кто носитъ его, состоитъ подъ благоволеніемъ Божіимъ, а совсѣмъ не то, чѣмъ пріобрѣтается сіе благоволеніе. Чѣмъ пріобрѣтено такое благоволеніе, то состоялось въ сердцѣ прежде обрѣзанія, а обрѣзаніе пришло послѣ, чтобъ только служить знакомъ того. „Обрѣзаніе не есть правда, но свидѣтельство правды, печать и знаменіе вѣры, которую показалъ Авраамъ до обрѣзанія“ (Θеод.).

Такъ истолковываетъ Апостолъ теченіе событій въ жизни праведнаго Авраама,—того, что онъ сначала увѣровалъ и оправданъ за вѣру, а потомъ получилъ повелѣніе обрѣзаться. Но самое теченіе сихъ событій не есть случайность, а устроено Богомъ преднамѣренно, чтобъ въ лицѣ его представить пророчественный прообразъ

того, что имѣло быть, когда придетъ обѣтованное ему Сѣмя, о немъ-же благословятся всѣ языки. Послѣ праведнаго Авраама, оправданнаго вѣрою еще въ необрѣзаніи, а потомъ обрѣзаннаго, человѣчество пошло двумя линіями—обрѣзанныхъ Іудеевъ и необрѣзанныхъ язычниковъ. Когда пришелъ Обѣтованный Аврааму, въ Немъ снова совокупляются разъединенные прежде обрѣзанные и необрѣзанные. Законъ сего совокупленія тотъже, какой явленъ въ лицѣ Авраама,—вѣра въ Оправдающаго нечестива. Какъ это составляло духъ жизни праведнаго Авраама, то очевидно, что по духу онъ есть отецъ всѣхъ вѣрующихъ, и обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ. Такъ это было устроено въ лицѣ его,—

— *яко быти ему отцу всѣхъ вѣрующихъ въ необрѣзаніи, во еже вмѣнитися и тѣмъ въ правду.*

Ст. 12. *И отцу обрѣзанія, не сущимъ точію отъ обрѣзанія но и ходящимъ въ стопахъ вѣры, яже (бѣ) въ необрѣзаніи отца нашего Авраама.*

Необрѣзанные имѣютъ отцемъ Авраама, когда вѣруютъ, потому что въ такомъ случаѣ и имъ вмѣняется вѣра въ правду, какъ вмѣнена Аврааму необрѣзанному. И обрѣзанные имѣютъ отцемъ Авраама не ради одного того, что отъ него происходятъ и обрѣзаніе принимаютъ, но ради вѣры, когда вѣруютъ и ходятъ въ стопахъ вѣры, какую явилъ Авраамъ, бывши еще необрѣзаннымъ. Такъ что обрѣзаніе, какъ дѣло пришлое, не имѣетъ никакого вліянія на оправданіе, всецѣло зависящее отъ вѣры.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Если кто, происходя отъ язычниковъ и не принявъ обрѣзанія, пойдетъ по слѣдамъ той вѣры патріарха, которую показалъ онъ до обрѣзанія; то не будетъ чуждъ родства съ нимъ. Богъ всяческихъ, провидя, какъ Богъ, что изъ язычниковъ и Іудеевъ соберетъ одинъ народъ, и что даруетъ имъ спа-

сеніе чрезъ вѣру, то и другое предъизобразилъ въ патріархѣ Авраамѣ. Ибо, показавъ, что онъ еще до обрѣзанія пріобрѣлъ правду отъ вѣры, и по обрѣзаніи жилъ, водясь не Моисеевымъ закономъ, но пребывая подъ руководствомъ вѣры, назвалъ его отцемъ языковъ, чтобъ, на него взирая, Іудеи и Еллины ревновали не одни объ обрѣзаніи, а другіе о необрѣзаніи, но тѣ и другіе о вѣрѣ. Ибо Божественное Писаніе нарекло правдою не обрѣзаніе и необрѣзаніе, но вѣру.“

Св. Златоустъ проводитъ свои наведенія далѣе,—и все въ пользу необрѣзанныхъ (т.-е. нашу): „видишь ли, какъ Апостолъ доказалъ, что правильнѣе называть Іудеевъ принятыми изъ милости, нежели сказать, что находящіеся въ необрѣзаніи пріобщены къ Іудеямъ? Ежели Авраамъ оправдался и увѣнчанъ до обрѣзанія, а потомъ принялъ обрѣзаніе, и въ послѣдствіи взошли уже Іудеи; то слѣдуетъ, что Авраамъ первоначально есть отецъ необрѣзанныхъ, которые имѣютъ съ нимъ родство по вѣрѣ, а потомъ уже отецъ обрѣзанныхъ. Ибо онъ есть праотецъ двухъ поколеній. Видишь ли блистательность вѣры? Пока не было вѣры, патріархъ не оправдывался. Видишь ли, что необрѣзаніе ни мало не препятствуетъ? Авраамъ былъ необрѣзанъ, и сіе не помѣшало ему оправдаться. Слѣдовательно обрѣзаніе явилось позднѣе вѣры, и не только позднѣе оно, но и гораздо ниже ея,—ниже, сколько знакъ ниже означаемой имъ вещи, сколько, напримѣръ, воинская одежда ниже воина. А для чего, спросишь, Аврааму нужна была печать?—Для того, чтобы стать общимъ отцемъ вѣрующихъ, какъ въ необрѣзаніи, такъ и въ обрѣзаніи, а не просто только обрѣзанныхъ,—*не сущихъ точію отъ обрѣзанія.* Ежели Авраамъ есть отецъ необрѣзанныхъ не потому, что самъ былъ необрѣзанъ, хотя оправдался въ необрѣзаніи, но потому, что необрѣзанные подражали ему въ вѣрѣ; то тѣмъ менѣе

будетъ онъ прародителемъ обрѣзанныхъ по одному обрѣзанію, безъ присовокупленія къ оному вѣры. Для того принялъ онъ обрѣзаніе, чтобъ необрѣзанные не изгнали обрѣзанныхъ, но тѣ и другіе имѣли своимъ отцемъ Авраама. Тогда возможешь имѣть праотцемъ Авраама, когда будешь ходить *по стопамъ вѣры* его, когда перестанешь упорствовать и усильно стоять за законъ. Если не пойдешь по стопамъ вѣры, то хотя и тысячу разъ будешь обрѣзанъ, не сдѣлаешься сыномъ Авраамовымъ. Для того Авраамъ принялъ обрѣзаніе, дабы, оставшись необрѣзаннымъ, не отвергнуть тебя. Не въ немъ ищи причины обрѣзанія; оно совершено надъ нимъ въ пособіе тебѣ, а не ему. Ты имѣлъ нужду въ тѣлесныхъ знаменіяхъ. Поелику ты не подражалъ душевной доблести и не могъ ея видѣть, то дано тебѣ чувственное обрѣзаніе, дабы ты, помышляя о семъ тѣлесномъ знакѣ, восходилъ постепенно къ душевному любомудрію, и со всѣмъ усердіемъ пріявъ обрѣзаніе, какъ знакъ самаго высокаго достоинства, научался подражать прародителю (въ означенномъ, т.-е. въ вѣрѣ). Съ такимъ намѣреніемъ установлено Богомъ не одно обрѣзаніе, но и все прочее: я разумѣю жертвы, субботы и праздники. А что Авраамъ для тебя принялъ обрѣзаніе, можешь видѣть изъ послѣдующихъ словъ Апостола. Сказавъ, что Авраамъ принялъ знаменіе и печать, онъ присовокупляетъ и причину, говоря: *яко быти ему... отцу обрѣзанія*—для тѣхъ, которые примутъ и внутреннее обрѣзаніе (чрезъ вѣру); потому что, имѣя одно обрѣзаніе наружное, ничего чрезъ то не получишь. Обрѣзаніе тогда бываетъ знаменіемъ, когда видна въ тебѣ самая вещь, которой оно служитъ знаменіемъ, т.-е. когда видна въ тебѣ вѣра. А если не имѣешь вѣры, то и знаменіе не можетъ уже быть знаменіемъ. Ибо чего будетъ знаменіемъ, чего печатію, когда нѣтъ запечатлѣваемаго? Это значило бы, что ты по-

казываешь намъ кошелекъ, къ которому приложена печать, но въ которомъ нѣтъ ничего. Столько же смѣшно и обрѣзаніе, когда нѣтъ внутри вѣры. Ежели обрѣзаніе есть знаменіе праведности (отъ вѣры), а ты не имѣешь такой праведности, то знаменіе твое не въ знаменіе. Для того получилъ ты знаменіе, чтобъ искать вещи, которой у тебя знаменіе. А если найдешь вещь и безъ знаменія, то не нужно тебѣ знаменія. Обрѣзаніе возвѣщаетъ не только праведность, но именно праведность въ необрѣзаніи. Посему обрѣзаніе возвѣщаетъ одно то, что не нужно обрѣзанія.“

Ст. 13. ***Не закономъ бо обѣтованіе Авраму, или сѣмени его, еже быти ему наслѣднику мірови, но правдою вѣры.***

Доселѣ св. Апостолъ дѣлалъ наведенія изъ словъ: ***вѣрова Авраамъ и вмѣнися ему въ правду***, и изъ того обстоятельства, что обрѣзаніе пришло послѣ сего дѣла оправданія вѣрою, какъ печать его. Какъ это послѣднее привело къ тому преимуществу Авраама, что онъ есть отецъ всѣхъ вѣрующихъ, и въ обрѣзаніи и въ необрѣзаніи сущихъ, а въ этомъ состояло существо обѣтованія, даннаго ему; то св. Павелъ естественно остановился вниманіемъ и на семъ обѣтованіи, направляя и его къ доказанію, что оправданіе можетъ состояваться только вѣрою. Авраамъ, говоритъ, принялъ обрѣзаніе, какъ печать правды вѣрою, чтобъ быть ему отцемъ всѣхъ вѣрующихъ; а это тоже, что обѣтованіе быть ему, или сѣмени его, наслѣднику мірови. Но возьми ты, какъбы прибавляетъ онъ, это обстоятельство и особо отъ предыдущаго, - и опять увидишь, что оправданіе возможно только вѣрою.

Дано было обѣтованіе Аврааму или сѣмени его, что будетъ онъ или оно наслѣдникомъ міру. Въ силу чего дано это обѣтованіе? Въ силу ли вѣрности Авраама за-

кону, или въ силу вѣры его? *Не закономъ обѣтованіе, а правдою вѣры.* Закона тогда еще не было. Обрѣзаніе, которое есть дверь въ подзаконность. хотя началось тогда, но ему предшествовала вѣра, и собою опредѣляла значеніе его. Обѣтованіе дано вѣрѣ, и обрѣзаніе, служа знаменіемъ вѣры, служитъ знаменіемъ обѣтованія. Но если обрѣзаніе сюда ничего не привнесло, тѣмъ паче законъ, бывшій гораздо послѣ обрѣзанія. Итакъ, обѣтованіе дано въ силу вѣры.

Въ чемъ существо обѣтованія?—*Еже быти ему наслѣднику мірови,* т.-е., что онъ или сѣмя его наслѣдуетъ міръ. иначе, что весь міръ будетъ свой ему. Само собою разумѣется, что это свойство не могло быть плотское, но духовное. Въ чемъ же оно? Это надо объяснять изъ словъ обѣтованія: *благословятся о тебѣ и сѣмени твоемъ вся языки.* Наслѣдіе міру тоже, что сіе благословеніе всѣхъ народовъ. Но самое сіе благословеніе что есть?—Если станемъ вниманіемъ о страну Авраама въ моментъ обѣтованія, сила его для насъ будетъ не такъ ясна: видно, что обѣщается нѣчто великое и свѣтлое, но что такое, не такъ ясно. Если же взглянемъ на то, какъ оно исполнилось, все будетъ ясно. Сѣмя Авраама—Христосъ Спаситель міра. Въ Немъ всѣ силы къ животу, благочестію и вѣчному блаженству. Разліяніе изъ Него сихъ силъ на міръ есть благословеніе о Немъ. Сочетаваются съ Нимъ народы и почерпаютъ изъ Него сіе благословеніе. Но сочетываясь съ Нимъ, они становятся свои Ему, а чрезъ Него свои и Аврааму, коего сѣмя по плоти есть Христосъ Господь. Вотъ что есть Авраамово наслѣдство міру, или благословеніе о Немъ народовъ. Но въ силу чего такъ все устрояется? Въ силу вѣры. Обѣтованіе дано вѣрѣ, и исполняется оно тоже дѣйствіемъ вѣры. Ибо сочетаваются съ Господомъ Спасителемъ и благословеніе отъ Него принима-

ютъ только вѣрою. Чрезъ нее, выходитъ, и сталъ Авраамъ отцемъ всѣхъ вѣрующихъ, благословителемъ народовъ и наслѣдникомъ міра. Такъ ясно для насъ, отселѣ смотрящихъ, обѣтованіе, данное Аврааму. Въ силу такихъ понятій яснымъ его представить имѣлъ въ виду и св. Павелъ. Онъ говорилъ какъбы: вѣрою Авраамъ удостоился великаго обѣтованія, вѣрою оно нынѣ и въ исполненіе приводится. Почему вамъ, Іудеи, не слѣдуетъ примѣшивать сюда своего закона.

Но Іудеи могли возражать: это ты такъ превратно представляешь дѣло; надлежитъ же понимать его такъ: обѣтованіе получилъ Авраамъ праотецъ нашъ точно за вѣру,—но потомъ пришелъ законъ, и исполненіе обѣтованія должно зависѣть отъ подзаконности. Въ кругъ обѣтованія Авраамова могутъ входить только тѣ, которые примутъ законъ и подчиняться ему.—На это отвѣчаетъ Апостолъ: о, нѣтъ! этимъ вы разоряете обѣтованіе.

Ст. 14. *Аще бо сущіи отъ закона, наслѣдницы, испраздися вѣра, и разорися обѣтованіе.*

Это можно понимать двояко: и въ отношеніи къ дарованію обѣтованія, и въ отношеніи къ исполненію его. Въ первомъ отношеніи такъ: дано обѣтованіе вѣрѣ; вѣра слѣдовательно такъ связана съ обѣтованіемъ, что коль скоро устранитъ кто вѣру, уничтожаетъ самое обѣтованіе. Если теперь по вашему вся сила въ законѣ; то вы устраняете вѣру, упраздняете силу ея и значеніе. Но упраздняя силу ея, вы тѣмъ самымъ разоряете обѣтованіе, которое послѣ сего останется безъ основы.

Во второмъ отношеніи такъ: дано обѣтованіе вѣрѣ; вѣрою должно быть условливаемо и исполненіе его. Существо обѣтованія состоитъ въ томъ, что чрезъ исшедшее изъ чреслъ Авраама Сѣмя разольется благословеніе на всѣ народы, имѣющіе увѣровать въ сіе Сѣмя. Условіе участія въ семъ благословеніи—вѣра. Она дѣла-

етъ наслѣдниками благъ, обѣтованныхъ Аврааму. Но если вы поставите условіемъ сего причастія благословенію вмѣсто вѣры—законъ, то вы пресѣчете возможность такого причастія благословенію. Ибо благословеніе есть плодъ благоволенія; гдѣ нѣтъ благоволенія, тамъ невозможно и благословеніе. Но законъ гнѣвъ содѣлываетъ и слѣдовательно отстраняетъ благословеніе; если отстраняетъ благословеніе, то разоряетъ обѣтованіе. Обѣтованіе при законѣ неисполнимо. Вотъ что выходитъ изъ вашей ревности по закону! Упраздняя вѣру, вы разоряете обѣтованіе.

Ст. 15. *Законъ бо гнѣвъ содѣлываетъ: идѣже бо нѣсть закона, (ту) ни преступленія.*

Гдѣ законъ, тамъ преступленіе; гдѣ преступленіе, тамъ гнѣвъ карающій; гдѣ карающій гнѣвъ, тамъ пресѣкается благословеніе; а пресѣченіемъ благословенія разоряется обѣтованіе. Слѣдовательно, устраняя вѣру и выставляя законъ, вы разоряете обѣтованіе. Если подзаконные—наслѣдники, *испразднися вѣра, разорися обѣтованіе.*

Такое умозаключеніе ясно и опредѣленно; но не совсѣмъ ясно, какъ законъ гнѣвъ содѣлываетъ, когда давая законъ, Богъ засвидѣтельствовалъ, что если народъ будетъ вѣренъ Ему, то пріиметъ благословеніе и будетъ наслаждаться обиліемъ благъ и временныхъ и вѣчныхъ. Св. Апостолъ, хотя и приложилъ въ основаніе сему положенію то, что гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ преступленія, или, что съ закономъ связано преступленіе, поводомъ ли только онъ къ нему служитъ или прямою его причиною, давая доразумѣть: а гдѣ преступленіе, тамъ гнѣвъ; но и это самое, что законъ подаетъ поводъ или ведетъ къ преступленію, не совсѣмъ понятно. Ибо, законъ данъ, чтобъ всѣ видѣли, какъ должно дѣйствовать, чтобъ дѣйствовали праведно и слѣдовательно были чужды преступленія, а не съ тѣмъ, чтобъ вводить въ преступленіе.

Св. Павелъ рѣшаетъ возникающее при семъ недоумѣніе ниже, говоря, что не законъ тому причиною, а наша немощь. Законъ самъ въ себѣ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага; но я проданъ подъ грѣхъ, во мнѣ живетъ грѣхъ, увлекающій меня къ противозаконію. Вижу, чего требуетъ законъ, и порываюсь исполнить то, но приходитъ грѣховное возбужденіе и увлекаетъ меня къ преступленію закона. Итакъ законъ — плохой мнѣ помощникъ. Онъ только ярче изобличаетъ мою грѣшность и преступность. Не знай я закона, то хоть и грѣшилъ бы, но то были бы у меня грѣхи невѣдѣнія. А тутъ видишь и грѣшишь. И добро бы это разъ-два въ мѣсяцъ или недѣлю, а то каждый день и часъ: рѣдкое дѣло обходится безъ кривды. Выходитъ, что законъ только облѣпливаетъ тебя грѣхами, такъ что не знаешь, куда дѣваться отъ нихъ и какъ сбросить подавляющее бремя ихъ. Окаяненъ азъ: кто мя избавитъ?

Но какъ же быть? Такъ бы и быть, еслибъ Богъ навсегда оставилъ насъ съ однимъ закономъ. Глубже и глубже погрязалъ бы человѣкъ въ сознаніе своей грѣховности и, по причинѣ того, въ чувство подгнѣвности Божіей, — и только; а какъ поправить дѣло, способа къ этому не находилъ бы онъ въ законѣ.—Это сознаніе безвыходности своего положенія при одномъ законѣ и имѣетъ въ мысли Апостолъ внѣдрять всякій разъ, какъ разсуждаетъ объ отношеніи закона и вѣры. Тоже намѣреніе у него и здѣсь. Онъ говоритъ какъбы: останься только ты съ однимъ закономъ,—и будешь все въ грѣшности и подгнѣвности. Чрезъ это пресѣчешь благословеніе, не дашь возможности придти въ исполненіе надъ тобою обѣтованію Авраама, разоришь сіе обѣтованіе. Хочешь ли, чтобъ исполнилось надъ тобою обѣтованіе, данное Аврааму, прими вѣру. Вѣрѣ дано обѣтованіе; подъ условіемъ вѣры оно приводится и въ исполненіе. Вѣра

приноситъ прощеніе прегрѣшеній, бывающихъ въ отношеніи къ закону, даетъ силу на исполненіе закона, – и вводитъ такимъ образомъ въ праведность, на коей почиваетъ благословеніе: чѣмъ и исполняется обѣтованіе.

Ст. 16. *Сего ради отъ вѣры, да по благодати, во еже быти извѣстну обѣтованію всему сѣмени, не точію сущему отъ закона, но и сущему отъ вѣры Авраамовы, иже есть отецъ всѣмъ намъ.*

Выше сказалъ и доказалъ, что кто утверждаетъ, будто *сущіи отъ закона* (ст. 14) *наслѣдники,* тотъ разоряетъ обѣтованіе. Теперь заключаетъ: если законъ не даетъ быть обѣтованію исполненнымъ, то необходимо обратиться къ вѣрѣ. *Сего ради отъ вѣры,*—т.-е. сущіе отъ вѣры наслѣдники.—Выводъ изъ предыдущаго положенія, что при законѣ невозможно исполнену быть обѣтованію, этимъ вполнѣ опредѣляется. Если, говоритъ, такъ, то само собою разумѣется, что только сущіе отъ вѣры—наслѣдники. Но св. Павелъ, желая глубже внѣдрить сіе, представляетъ еще, насколько несомнѣнно исполненіе обѣтованія при вѣрѣ. При законѣ и возможности сего исполненія не видится, а при вѣрѣ и малое сомнѣніе въ семъ исполненіи представляется недопустимымъ. При ней обѣтованіе извѣстно, т.-е. несомнѣнно вѣрно исполнится, какъ изречено.

Къ этому утвержденію доходитъ св. Павелъ чрезъ понятіе о благодати, которое неразлучно съ понятіемъ о вѣрѣ. *Отъ вѣры, да по благодати.* Если отъ вѣры, то по благодати; а коль скоро по благодати, то нечего сомнѣваться въ исполненіи обѣтованія: оно вѣрно. Вѣра отверзаетъ сокровища благодати: а благодать чѣмъ можетъ быть препятствуема въ своемъ изліяніи, когда есть вѣра? Нечѣмъ быть ей препятствуемой. Слѣдовательно никакой при семъ не видится преграды исполненію обѣтованія. Когда условіемъ исполненія обѣтованія пола-

гается законъ или вѣрность ему, то тутъ сколько препонъ. Вся опора тутъ на усиліяхъ человѣка. Отъ человѣка же чего можно ожидать навѣрное? И усилій этихъ большею частію недостаетъ; но когда и есть, то и внутри и вовнѣ человѣкъ столько встрѣчаетъ неудобствъ къ исполненію дѣла законнаго, что едва ли можно найти и одно въ немъ дѣло достодолжно совершеннымъ во всю его жизнь. Какъ можетъ установиться при семъ увѣренность въ исполненіи обѣтованія—какая-нибудь, не только вѣрная и извѣстная? Когда же условіемъ этого исполненія ставится вѣра и по вѣрѣ благодать, то тутъ все зависитъ отъ благости благодѣющаго, который ни отъ кого и ни отъ чего не зависитъ, а все дѣлаетъ по изволенію воли своей — благой и щедродательной. Ты только увѣруй и вѣрою прилѣпись къ Благодѣющему; и тотчасъ вступишь въ область, очерченную обѣтованіемъ. Вѣра въ Оправдающаго нечестива ничего не предъявляетъ для привлеченія милости, кромѣ вѣры въ самую милость, и тѣмъ самую милость понуждаетъ миловать. Сочетаваясь неразлучно съ самою милостію, становится каналомъ, преливающимъ милость. И такъ, если отъ вѣры, то по милости или благодати; а милости или благодати ничто помѣшать не можетъ, когда есть вѣра. Такой порядокъ учредилъ Богъ теченію вещей въ духовной нашей жизни, *во еже извѣстну быти обѣтованію*.

При этомъ обѣтованіе Божіе извѣстно и само по себѣ, какъ объяснено предъ симъ, и въ приложеніи къ людямъ; ибо при этомъ только оно можетъ простираться на всѣхъ людей, не только подзаконныхъ, но и не сущихъ подъ закономъ,—только бы и сущіе подъ закономъ и сущіе въ беззаконіи, оставя все свое прошедшее, увѣровали. *Во еже быти извѣстну обѣтованію всему сѣмени.* При этомъ обѣтованіе закрѣпляется за всѣмъ сѣменемъ. Сѣменемъ же надлежитъ называть при семъ не

сущее подъ закономъ естественное потомство Авраама, а всѣхъ, кои увѣруютъ. *Сѣмени не точію сущему отъ закона, но и сущему отъ вѣры Авраамовы.* Вѣра всѣхъ объединяетъ, и изъ всѣхъ дѣлаетъ единое сѣмя или потомство Авраамово, дышащее единымъ съ Авраамомъ духомъ вѣры. Вслѣдствіе чего онъ и *есть отецъ всѣмъ намъ*, т.-е. всѣмъ вѣрующимъ христіанамъ.

Ст. 17. *Якоже есть писано: яко отца многимъ языкомъ положихъ тя, прямо Богу, емуже вѣрова, животворящему мертвыя, и нарицающу не сущая яко сущая.*

Такъ и въ обѣтованіи сказано: такъ слѣдовательно и исполняется обѣтованіе быть Аврааму отцемъ многихъ языковъ. Смотрите, говоритъ какъбы Апостолъ, — вотъ онъ и есть отецъ многихъ языковъ, когда есть отецъ всѣмъ намъ—вѣрующимъ. Ибо видите ли, кто мы: и Римляне, и Греки, и варвары разныхъ наименованій. Св. Златоустъ говоритъ: „Сказавши: *всему сѣмени,* Апостолъ опредѣляетъ затѣмъ, какому сѣмени, и говоритъ: *сущему отъ вѣры;* чѣмъ показываетъ, какъ родство Авраама съ язычниками, такъ и то, что не имѣющіе такой вѣры, какую имѣлъ Авраамъ, не могутъ имъ хвалиться. Вотъ плодъ вѣры! Она скрѣпила родственный союзъ съ праведникомъ, и его самого содѣлала праотцемъ многочисленнѣйшаго потомства. Посему Апостолъ наименовалъ его не просто Авраамомъ, но отцемъ всѣмъ намъ вѣрующимъ, подтверждая слова сіи и особымъ свидѣтельствомъ: *якоже есть писано, яко отца многимъ языкомъ положихъ тя.* Видишь ли, что это предопредѣлено еще прежде?“ — Предопредѣленіе сіе изречено Аврааму Самимъ Богомъ: *Азъ есмь Богъ твой... и се завѣтъ Мой съ тобою, и будеши отецъ множества языковъ* (Быт. 17, 14).

Мѣсто это приведено Апостоломъ для того, чтобъ показать, что, именуя Авраама отцемъ всѣхъ вѣрующихъ, онъ не самъ придумалъ это наименованіе, а заимство-

валъ его изъ слова Божія. Затѣмъ продолжаетъ рѣчь, прерванную этими вводными словами: *прямо Богу*, т.-е. *иже есть отецъ всѣмъ намъ,—прямо Богу, емуже вѣрова.*

Прямо Богу—можетъ означать *или:* соотвѣтственно намѣренію Божію, по Божію предназначенію и опредѣленію, по планамъ Его промышленія (отчасти Фотій у Экумен.); *или:* предъ лицемъ Бога,—судя по тому, какъ Богъ судитъ о родствѣ. Богъ же судитъ о родствѣ по сходству убѣжденій, чувствъ и нрава, какъ и Спаситель показалъ, назвавъ для противившихся Ему Іудеевъ отцемъ діавола, а своими братьями—вѣрующихъ слову Его и хранящихъ его. По вашему судя, Авраамъ—отецъ только Іудеевъ, прочіе же языки — чужіе ему; а по Божескому суду не такъ, но всѣ вѣрующіе, подобно Аврааму, суть дѣти его. Или *прямо Богу*—подобно Богу. Св. Златоустъ говоритъ: „смыслъ сихъ словъ таковъ: какъ Богъ не есть Богъ частный, но Отецъ всѣхъ, такъ и Авраамъ. И еще: какъ Богъ есть Отецъ нашъ—не по естественному родству, а по союзу вѣры, такъ и Авраамъ, ибо послушаніе дѣлаетъ его отцемъ всѣмъ намъ. И какъ Іудеи не обращали вниманія на сіе родство, держась грубѣйшаго естественнаго, то Апостолъ чрезъ примѣненіе Авраама къ Богу, доказываетъ, что родство по вѣрѣ гораздо важнѣе. А за симъ вмѣстѣ открываетъ и то, что Аврааму дано сіе въ награду за вѣру. Ибо скажи мнѣ, что удивительнаго быть отцемъ тѣхъ, которые произошли отъ него? Это свойственно и всякому человѣку. Напротивъ то удивительно, что бывшіе его дѣтьми по природѣ, сдѣлались дѣтьми по дару Божію.“

Прямо Богу, емуже вѣрова. Объяснилъ св. Апостолъ, какъ свидѣтельство о вѣрѣ Авраама (ст. 1—12) и обѣтованіе, данное ему (съ 13 ст.), доказываютъ, что вся сила въ дѣлѣ оправданія предъ Богомъ принадлежитъ вѣрѣ. Теперь начинаетъ раскрывать существенныя черты

вѣры Авраама, чтобы въ ней указать, какова должна быть и наша вѣра. Главное здѣсь то, что праведный Авраамъ вѣровалъ, тогда какъ и въ себѣ и въ теченіи обстоятельствъ видѣлъ многое противное своей вѣрѣ, могшее колебать и совсѣмъ уничтожить ее,—вѣровалъ потому одному, что такъ сказалъ Богъ, не имѣя никакихъ стороннихъ подкрѣпленій своей вѣрѣ. Слово обѣтованія было,—что отъ него произойдетъ многочисленное потомство; между тѣмъ самъ онъ и Сарра уже устарѣли. Несмотря однакожъ на это, Авраамъ ни мало не усомнился, что будетъ такъ, какъ сказалъ Богъ; и это тѣмъ дивнѣе, что по обѣтованіи не тотчасъ у Сарры былъ сынъ. Но годы текли, приближался конецъ жизни, а праведный Авраамъ не изнемогалъ вѣрою, что слово обѣтованія исполнится. Ибо вѣровалъ Богу—*животворящему мертвыя и нарицающему не сущая, яко сущая.*

Животворящему мертвыя. Сими словами усвояется Аврааму вѣра въ воскресеніе мертвыхъ (Св. Злат.). И она лежала у него въ основаніи вѣры обѣтованію о потомствѣ отъ него. Вѣровалъ онъ, что если Богъ силенъ оживотворить мертвыхъ, то какъ не вѣрить, что Онъ оживотворитъ омертвѣвшую плоть мою и Саррину? (Амвр.). Бл. Өеофилактъ пишетъ: „Авраамъ повѣрилъ, что омертвѣвшую плоть, какова была его, можетъ Богъ не только оживить, но и сдѣлать плодоносною.“

Нарицающу не сущая, яко сущая. Слова сіи выражаютъ вѣру Авраама *или* во всевѣдѣніе Божіе, *или* въ Его всемогущество. Въ первомъ случаѣ мысль будетъ такая: Богъ и о не сущемъ еще говоритъ такъ, какъ о сущемъ. Будущее у Него предъ очами, какъ предъ очами у насъ настоящее. Почему,—вѣровалъ Авраамъ,—если Богъ говоритъ, что отъ меня будетъ потомство, то говоритъ потому, что оно есть предъ очами Его всевѣдѣнія. Если такъ, то не могу не вѣровать, что такъ будетъ въ

свое время. Во второмъ—мысль будетъ такая: всемогущество Божіе безпредѣльно. Что ни восхощетъ, все совершаетъ и приводитъ въ бытіе. И это не напряженіемъ силъ и трудомъ, а однимъ словомъ. Скажетъ, и все является къ бытію. „Сколько легко для насъ назвать по имени что-либо существующее, столько удобно, даже гораздо удобнѣе, для Бога привесть въ бытіе не существующее“ (Св. Злат.). Если такъ вѣровалъ Авраамъ, то какъ могу я сомнѣваться, что и изъ чреслъ моихъ Богъ изведетъ многочисленное потомство?

Ст. 18. ***Иже паче упованія во упованіе вѣрова, во еже быти ему отцу многимъ языкомъ, по реченному: тако будетъ сѣмя твое.***

Вѣровалъ въ упованіе, т.-е. вѣровалъ въ исполненіе того, что обѣтовалъ Богъ, что оно несомнѣнно будетъ; а вѣровалъ *паче упованія*—значитъ, вѣровалъ, тогда какъ обстоятельства его были противъ того, не только не подкрѣпляли, а напротивъ разоряли упованіе. „Какъ сверхъ надежды повѣрилъ онъ съ надеждою? Сверхъ надежды человѣческой съ надеждою Божіею? Что было противорѣчащимъ другъ другу, то согласила вѣра“ (Св. Злат.).

Во что же повѣрилъ сверхъ упованія? Въ то, что будетъ отцемъ многихъ языковъ. Авраамъ, устарѣвши и не имѣя дѣтей, хотѣлъ сдѣлать наслѣдникомъ своимъ Еліезера изъ Дамаска. Но Богъ явился ему и сказалъ: не онъ будетъ наслѣдникъ тебѣ, но отъ тебя самаго изыдетъ сѣмя и сѣмя многочисленное. Смотри, сколько звѣздъ на небѣ! Тако будетъ сѣмя твое (Быт. 15, 1—5). Авраамъ повѣрилъ,—и эта-то вѣра была паче упованія. „Не имѣлъ онъ надежды, чтобъ родилось отъ него съ Саррою что нибудь, но повѣрилъ Богу, что родится, возъимѣвъ упованіе паче упованія; ибо зналъ, что для Бога все возможно. Онъ повѣрилъ тому, что, по теченію дѣлъ въ мірѣ, казалось невозможнымъ. Ибо не по есте-

ству было, чтобъ въ старости такой глубокой могли они родить и дать начало такому многочисленному потомству, котораго и пересчитать нельзя. Потому и многоцѣнна вѣра, что вѣруетъ въ сбытіе того, что противно всему вѣдомому и видимому. На такой вѣрѣ почилъ Авраамъ, потому что Обѣтователь былъ Богъ, на Котораго полагаться подобаетъ болѣе, нежели сколько доступно то немощи человѣческой“ (Амвр.).

Ст. 19. *И не изнемогъ вѣрою, ни усмотри своея плоти уже умерщвленныя, столѣтенъ нѣгдѣ сый, и мертвости ложеснъ Сарриныхъ.*

Не изнемогъ вѣрою, не допустилъ, чтобъ ослабѣла и немощною оказалась вѣра его. Было много такого, что могло поколебать, ослабить и развѣять вѣру его; но она была столько сильна, жива и могущественна, что и не почувствовала никакого подавляющаго вліянія отъ внѣшнихъ неблагопріятныхъ соприкосновенностей. Почему такъ? Потому что праведный Авраамъ, пріемля обѣтованіе изъ устъ Божіихъ, не на плоть свою умерщвленную и не на мертвость Саррину смотрѣлъ, а на неложное слово всемогущаго Бога. Еслибъ онъ посмотрѣлъ на увяденіе плоти, и припомнилъ бы еще притомъ, что до него и примѣра подобнаго никогда не было (Св. Злат.), то не дивно, что изнемогла бы вѣра его, подобно тому какъ изнемогла вѣра св. Петра, когда онъ вмѣсто Господа, повелѣвавшаго вѣтрами и моремъ, взглянулъ на бушевавшую бурю и воздымавшіяся волны. Но какъ онъ при семъ смотрѣлъ только на единаго Бога, могущаго и изъ камней воздвигать чадъ, то не изнемогъ вѣрою, несмотря на то, что самъ уже былъ почти столѣтенъ, а Сарра не только была престарѣла, но и безплодна.

Ст. 20. *Во обѣтованіи же Божіи не усумнѣся невѣрованіемъ, но возможе вѣрою, давъ славу Богови.*

Апостолъ входитъ внутрь души Авраама и изображаетъ,

что тамъ происходило, когда онъ слушалъ обѣтованіе Божіе. Видѣлъ, что обѣщается нѣчто невозможное для его плоти, но на это онъ не смотрѣлъ и не позволилъ себѣ входить въ распоряженія Божіи съ критикою ума: какъ такъ? Это противъ законовъ естества.—Εἰς τὴν ἐπαγγελίαν,—при обѣтованіи въ то время, какъ Богъ изрекалъ обѣтованіе,—οὐ διεκρίθη,—не сталъ раздумывать, не пустилъ въ ходъ критику ума, чтобъ додуматься до естественной возможности обѣтованія, и прежде увѣрованія найти разумныя основанія тому, чему долженъ былъ повѣрить,—τῇ ἀπιστίᾳ,—невѣрованіемъ, или встрѣтивъ обѣтованіе невѣрованіемъ, какъ велитъ разумъ, внушая: не сразу вѣрь. Ничего такого не было у Авраама; онъ сразу повѣрилъ, какъ только услышалъ слово обѣтованія. „Богъ ничѣмъ не подтвердилъ Аврааму Своего обѣтованія, не совершилъ притомъ никакого чуда; напротивъ оное заключалось въ однихъ только словахъ, а природа не обѣщала возможности исполненія. Впрочемъ Авраамъ не сталъ недоумѣвать, говоритъ Апостолъ. Замѣть же, не сказалъ онъ: не впалъ въ невѣріе, но не сталъ недоумѣвать; т.-е. не усумнился, не поколебался мыслію, несмотря на столько затрудненій. Изъ сего мы должны заключить, что ежели Богъ обѣщаетъ тысячи невозможностей, и слышащій обѣщаніе не пріемлетъ онаго, то слабость вѣры проистекаетъ не отъ свойства вещей, а отъ скудоумія пріемлющаго обѣтованіе“ (Св. Злат.).

Но возможе вѣрою,—ἐνεδυναμώθη.—Будто борьба была: силенъ былъ напоръ волнъ, но не сокрушилъ утеса; крѣпко гнулъ бурный вѣтеръ древо вѣры, но оно устояло; стремительно нападалъ противоборецъ, но борецъ вышелъ побѣдителемъ. Св. Златоустъ говоритъ: „И вѣра требуетъ не маловажнаго труда. Іудеи унижали вѣру, какъ нѣчто легкое и нетрудное. Апостолъ же сіе опровергаетъ и доказываетъ, что не только преуспѣвающему въ цѣло-

мудріи или другой какой либо добродѣтели, но и являющему вѣру, потребно много силъ. Ибо какъ первый имѣетъ нужду въ мужествѣ, дабы отрѣвать отъ себя нецѣломудренные помыслы, такъ и вѣрующему нужна душа мощная, дабы отражать внушенія невѣрія.“

„Чѣмъ же укрѣплялся Авраамъ?—Тѣмъ, отвѣтствуетъ Апостолъ, что все предоставилъ вѣрѣ, а не разуму; въ противномъ случаѣ и онъ бы палъ. А какъ преуспѣлъ въ самой вѣрѣ? *Давъ славу Богу*, говоритъ Апостолъ“ (Св. Злат.). Дать славу Богу—значитъ воздать достодолжное Богу, соотвѣтственно понятіямъ, какія имѣются о безпредѣльныхъ Его совершенствахъ. Богъ истиненъ, всевѣдущъ, всеблагъ, всемогущъ. Возставивъ и содержа въ умѣ сей свѣтлый ликъ божественныхъ совершенствъ, составляющихъ славу Бога вышняго, Авраамъ возмогъ вѣрою, мощнымъ оказался въ ней. Итакъ, когда говорится объ Авраамѣ, что онъ воздалъ славу Богу, то симъ означается, что онъ „уразумѣлъ Его правду, Его безконечное могущество и, составивъ себѣ надлежащее понятіе о Богѣ, совершенно чрезъ то увѣрился въ обѣтованіяхъ Божіихъ“ (Св. Злат.). „Не посредствомъ человѣческихъ умозаключеній увѣровалъ, но помышляя въ себѣ достойное славы Божіей“ (Бл. Θеоф.). Отсюда св. Златоустъ выводитъ: „Итакъ, не быть пытливымъ—значитъ славить Бога; а быть пытливымъ—значитъ грѣшить противъ Бога. Пытливые, какъ оскорбители славы Божіей, навлекаютъ на себя крайнее наказаніе“.

Ст. 21. ***И извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити.***

Извѣстенъ бывъ—πληροφορηθεὶς, – нося или держа убѣжденіе, убѣжденъ будучи. Непоколебимое убѣжденіе есть существо вѣры. „Апостолъ сказалъ не просто: повѣривъ, но—***извѣстенъ бывъ***. Ибо таковы убѣжденія вѣры; они гораздо яснѣе и сильнѣе доказательствъ разума; никакія про-

тивныя умствованія не могутъ поколебать вѣру. Кто вѣритъ доказательствамъ разума, тотъ можетъ и переувѣриться; а кто утверждается на вѣрѣ, тотъ заградилъ уже слухъ свой для внушеній, могущихъ ослабить вѣру“ (Св. Злат.).

Убѣжденіе и на волосъ не раздвояемое, убѣжденіе, столь же твердое, какъ убѣждены мы въ своемъ существованіи—первая черта вѣры; вторая, неразлучная съ нею, есть увѣренность въ Богѣ *яко, еже обѣща, силенъ есть сотворити*. Не догматовъ пріятіе—вѣра, но то, что должно осѣсть въ глубь сердца, какъ экстрактъ и итогъ всѣхъ догматовъ—увѣренность въ Богѣ. Малое подобіе сего есть увѣренность друзей одного въ другомъ. Какъ здѣсь вѣрятъ другъ другу, какъ себѣ, и каждый увѣренъ въ вѣрности другаго и готовности его сдѣлать для него все не только по силамъ, но и сверхъ силы,—увѣренъ такъ же, какъ въ себѣ: такъ и вѣрующій Богу увѣренъ въ Немъ, и сею увѣренностью покоится въ лонѣ Его всемогущей любви. Такая вѣра есть возвышеннѣйшій актъ духа и есть плодъ любви, или пріискренняго, живаго общенія съ Богомъ и исчезновенія въ Немъ сердцемъ. „Вѣровать, говоритъ св. Златоустъ, свойственно душѣ возвышенной и великой; а невѣріе служитъ признакомъ души неразумной и низкой. Невѣріе показываетъ умъ слабый, мелкій, скудный. И если кто вздумаетъ ставить намъ въ порокъ нашу вѣру, то мы наоборотъ укоримъ его въ невѣріи, какъ человѣка скудоумнаго, малодушнаго, малосмысленнаго, слабаго. Посему, не обращая вниманія на невѣрующихъ, будемъ подражать патріарху въ вѣрѣ, чтобъ тѣмъ прославить Бога, какъ онъ воздалъ славу Ему.“

По причинѣ сей-то высоты вѣры и сказано: *вѣрова... и вмѣнися*.

Ст. 22. *Тѣмже и вмѣнися ему въ правду*.

Не даромъ *вмѣнися*. И вѣра—подвигъ,—и подвигъ большій, чѣмъ дѣла; ибо обнимаетъ все естество чело-

вѣка, тогда какъ дѣла, не теряя цѣны, могутъ ограничиваться одною дѣятельною стороной. Вслѣдствіе сего „все свойственное дѣламъ, какъ-то: имѣть похвалу у Бога, требовать усилій и трудовъ, также славить Бога, — въ большей степени принадлежитъ вѣрѣ“ (Св. Злат.). Вѣрѣ оправданіе дается какъ награда. „Такъ многоцѣнна предъ Богомъ вѣра; ибо вѣритъ наперекоръ своему знанію, не сомнѣваясь, что Богъ можетъ сдѣлать и то, что по теченію дѣлъ тварныхъ совершиться не можетъ. Почему справедливо таковому присуждается воздаяніе отъ Бога, такъ какъ онъ больше вѣритъ Богу, Творцу своему, чѣмъ сколько постигаетъ умомъ своимъ. Что вѣра вѣруетъ тому, что помірски кажется невѣроятнымъ, въ этомъ слава вѣрующаго; и чѣмъ невозможнѣе то, чему вѣруется, тѣмъ досточестнѣе вѣрующій. Такое вѣрованіе могло бы названо быть неразумнымъ, еслибъ вѣруемое почиталось исполнимымъ безъ Бога“ (Амвр.). „Будемъ и мы прославлять Бога вѣрою, дабы въ награду за то и Онъ насъ прославилъ. Ибо сказалъ: *Азъ прославляющихъ Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30)“ (Св. Злат.).

Ст. 23. *Не писано же бысть за того единаго точію, яко вмѣнися ему: но и за ны....*

Изобразивъ со всѣхъ сторонъ вѣру Авраама, дѣлаетъ приложеніе къ вѣрующимъ во Христа Господа. Не для одного Авраама написано, что вмѣнилась ему въ правду, чтобъ только возвѣстить о вѣрѣ его и прославить его въ потомствѣ, но и для насъ. Событіе съ нимъ — есть пророчественное предъизображеніе того, что имѣло быть съ нами, и что теперь исполняется. Св. Златоустъ говоритъ: „Послѣ многаго, сказаннаго въ похвалу Аврааму о его вѣрѣ, праведности и чести у Бога, слушатель могъ возразить: что намъ изъ этого? Авраамъ одинъ оправдался. Посему Апостолъ опять равняетъ насъ съ патріархомъ. Такова сила духовныхъ глаголовъ! О томъ,

кто, бывъ язычникомъ, недавно присоединился къ церкви и ничего еще добраго не сдѣлалъ самъ. Апостолъ подтвердилъ, что онъ ни въ чемъ не имѣетъ недостатка не только въ сравненіи съ вѣрующимъ Іудеемъ, но и въ сравненіи съ патріархомъ и даже къ удивленію имѣетъ предъ нимъ превосходство. Таково наше благородство, что вѣра патріарха была только образомъ нашей. И Апостолъ не сказалъ: ежели ему вмѣнилось, то вѣроятно вмѣнится и намъ. Это значило бы доказывать чрезъ умозаключеніе (строить предположенія умственныя): а онъ говоритъ (рѣшительно и законоположительно), какъ предлагающій Божественный законъ, и слова свои обращаетъ въ изреченіе Писанія. Для чего и писано, говоритъ онъ, если не для того, чтобы научить насъ, что и мы такъ же оправдываемся? Мы повѣрили томуже Богу и тѣмъже Его обѣтованіямъ, хотя мы и не одно лицо съ Авраамомъ."

Ст. 24. *Но и за ны, имже хощетъ вмѣнитися, вѣрующимъ въ воскресившаго Іисуса Христа Господа нашего изъ мертвыхъ.*

Сказавъ, что бывшее по вѣрѣ съ Авраамомъ было прообразомъ того, что по вѣрѣ дѣйствуется въ насъ, Апостолъ подтверждаетъ это сравненіемъ вѣръ того и нашей. Авраамъ во что увѣровалъ?—Въ то, что Богъ, воскрешающій мертвыхъ и нарицающій не сущая, яко сущая, силенъ оживотворить мертвенность плоти его и Сарры, и дать имъ живой плодъ. А мы во что вѣруемъ?—И мы вѣруемъ въ тогоже Бога, воскресившаго Господа нашего Іисуса Христа отъ мертвыхъ. Авраамъ что получилъ за вѣру свою?—Вѣрова, и вмѣнися ему въ правду. Какъ же можешь ты сомнѣваться, что и намъ вѣрующимъ вмѣняется вѣра наша въ правду? Богъ сказалъ такъ объ Авраамѣ, чтобъ въ лицѣ его предсказать, что хотѣлъ сдѣлать съ нами, и что теперь дѣлаетъ,—

именно: кто вѣруетъ въ Господа Іисуса Христа, воскрешеннаго изъ мертвыхъ, тому вмѣняется вѣра его въ правду. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Патріархъ, видя мертвость ложеснъ супруги своей, повѣрилъ, что Богу нетрудно исполнить обѣтованіе; и мы, слыша, что Іудеи называютъ нашего Владыку мертвымъ, вѣруемъ, что Онъ воскресъ. Посему и мы познаемъ плодъ вѣры,—и пріобрѣтемъ возращаемую вѣрою правду. Ибо не напрасно написано, что Владыка Богъ сотворилъсъ патріархомъ Авраамомъ, но чтобы и мы, взирая на это, показали равную Аврааму вѣру. Словами: *воскресившаго Іисуса Христа Господа нашего,* Апостолъ сказалъ о человѣчествѣ; ибо чѣмъ пострадалъ, тѣмъ и воскресъ; страданіе же свойственно плоти, а не безстрастному Божеству.“

Ст. 25. ***Иже преданъ бысть за прегрѣшенія наша, и воста за оправданіе наше.***

Сказанное предъ симъ представляетъ одно внѣшнее подобіе наше съ Авраамомъ. Но есть и внутреннее у насъ съ нимъ сходство. Увѣровалъ онъ въ Могущаго оживить мертвость плоти его,—и мертвость сія ожила и дала плодъ. И мы мертвы грѣхами нашими; но сочетаваемся съ Господомъ вѣрою,—и мертвость наша исчезаетъ, а на мѣсто ея водворяется жизнь истинная. Какъ сіе совершается? Вѣруемъ въ распятаго Господа, грѣхи наши на крестѣ пригвоздившаго и ранами Своими рукописаніе беззаконій нашихъ разодравшаго,—и получаемъ отпущеніе грѣховъ. Вѣруемъ въ Воскресшаго въ свѣтлости и живоносности богочеловѣческой жизни,—и причащаемся жизни Его, просвѣтляющей грѣшную мрачность нашу свѣтлостію правды и святыни. То и другое совершается во святой купели, гдѣ омываются грѣхи и даруется жизнь правая по образу воскресшаго Господа, чтобы послѣ сего и намъ ходить во обновленной жизни. Сіе и выразилъ Апостолъ, сказавъ: ***иже преданъ бысть***

за прегрѣшенія наша и воста за оправданіе наше.—Преданъ на страданія и смерть, чтобъ уплатить наши долги грѣховные; а воскресъ за оправданіе наше, „чтобы сдѣлать насъ праведными“ (Св. Злат.). Эта праведность или святость засѣменяется пріобщеніемъ жизни воскресшаго Господа, а раскрывается въ силѣ дѣятельностію, соотвѣтствующею такому обновленію жизни. Что въ лицѣ Господа совершилось, то повторяется духовно и въ насъ. И мы должны сами рѣшимостію воли предать себя на смерть грѣху, чтобы востать къ праведной и святой жизни. Все сіе совершается вѣрою, которая, возносясь къ Богу и дары отъ Него пріемля, приноситъ и возлагаетъ на насъ соотвѣтственныя обязательства, въ водруженіе въ насъ и проявленіе всякой правды.

б).

Сокровища вѣры.

Вторымъ источникомъ убѣжденія къ принятію вѣры для Св. Павла служатъ духовныя сокровища вѣры во Христа Господа. Склоненіе наше идетъ за сердцемъ. Сердце же влечется къ благу. Укажи въ чемъ либо благо, и сердце уже будетъ на сторонѣ того. А гдѣ сердце, тамъ и воля. Сіе и дѣлаетъ теперь Апостолъ Павелъ, живописуя духовныя сокровища вѣры, 5. 1—11.

Гл. 5, 1. *Оправдившеся убо вѣрою, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ.*

Предъ симъ свою рѣчь о праведномъ Авраамѣ Апостолъ свелъ на то, что не его ради одного сказано о немъ—*вмѣнися ему вѣра въ правду*, но и насъ ради, вѣрующихъ въ Господа, умершаго за прегрѣшенія наши и воскресшаго за оправданіе наше, т. е. что и намъ вмѣнится въ правду сія вѣра.—Но вотъ мы вѣруемъ; слѣдовательно намъ вмѣнена уже вѣра въ правду, и мы оп-

равданы. Слава безпредѣльному милосердію Божію. Оправданы! Ибо если оправданы, то миръ имѣемъ къ Богу чрезъ Господа Іисуса, и то грозное опредѣленіе: *открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ*, не можетъ уже пасть на насъ. Гнѣвъ Божій, достойно и праведно угрозившій намъ, миновалъ; мы въ милости Божіей, примирены съ Нимъ Господомъ.—Это первое благо приносимое въ сердце вѣрою. Грѣшникъ, пришедшій въ сознаніе своей грѣховности предъ Богомъ, видитъ мечъ правды надъ главою, готовый поразить его. Съ указанія на это и рѣчь свою о дивномъ образѣ спасенія въ Господѣ началъ Св. Павелъ, говоря: вотъ-вотъ гнѣвъ Божій готовъ поразить грѣшниковъ. И не миновать его ни тѣмъ, кои внѣ закона, ни тѣмъ, кои въ законѣ. Но се милосердый Богъ устроилъ образъ спасенія смертію Сына Своего—всемощный и всеобъемлющій! Кто укроется подъ сѣнь Его, укроется отъ гнѣва Божія. Тому прощаются грѣхи, и онъ пріемлется въ миръ Божій. Сего блага сподобились мы, вѣрующіе въ Господа умершаго и воскресшаго. Слава Тебѣ, Господи! Миръ имамы къ Богу!—Разсмотрѣніе дѣла оправданія кончено,—будто кончена какая побѣда. Теперь обозрѣваетъ Апостолъ, что дала сія побѣда. Дѣлая сіе, онъ съ одной стороны не увѣровавшихъ еще приглашаетъ подъ сѣнь вѣры, говоря какъ бы: бросимъ упорство, всѣ поспѣшимъ къ примиренію съ Богомъ вѣрою въ Господа Спасителя;—съ другой, увѣровавшихъ убѣждаетъ пребыть въ дарованномъ мирѣ, говоря какъ бы: будемъ же ревновать о томъ, чтобы пребыть въ семъ мирѣ, живя въ духѣ вѣры. Наши толковники всѣ преимущественно ударяютъ на послѣднее; но Св. Златоустъ и за нимъ Экуменій слегка указываютъ и на первое. Вотъ слова бл. Ѳеодорита: „Показавъ силу вѣры и раскрывъ дары благодати, Апостолъ обращаетъ рѣчь къ увѣща-

нію, убѣждая заботиться о дѣятельной добродѣтели. Хотя вѣра даровала намъ отпущеніе грѣховъ и банею пакибытія содѣлала непорочными и праведными, однакоже надлежитъ вамъ хранить установившійся миръ съ Богомъ. Ибо Единородный, вочеловѣчившись, примирилъ васъ, бывшихъ во враждѣ, съ Богомъ. Непріязненность сію произвелъ грѣхъ, а установившійся миръ хранитъ правда.“

Вотъ слова Св. Златоуста: „Что значитъ: *миръ имамы?* Нѣкоторые объясняютъ, что не должно возставать противъ благодати, упорно поддерживая законъ. Но мнѣ кажется, что Апостолъ даетъ намъ наставленіе, какъ должны мы вести себя. Поелику выше послѣ многихъ разсужденій о вѣрѣ и объ оправданіи посредствомъ дѣлъ, предпочелъ онъ вѣру, а иной могъ бы такое ученіе взять для себя въ поводъ къ безпечности; то говоритъ: *миръ имамы* (да имѣемъ), т.-е. не будемъ впредь грѣшить и возвращаться на прежнее; потому что сіе значило бы враждовать противъ Бога. Спросишь: какъ возможно дойти до того, чтобы больше не грѣшить? А я спрашиваю: какъ было возможно освободиться, искупленными быть отъ грѣховъ? Ежели мы, будучи столько виновны, отъ всѣхъ грѣховъ освобождены (искуплены) Христомъ, то тѣмъ легче съ Его помощію остаться намъ въ томъ положеніи, въ какое приведены Имъ. Иное дѣло получить миръ, котораго не было, и иное—сохранить уже дарованный; пріобрѣтать всегда труднѣе, нежели сохранять. Между тѣмъ труднѣйшее содѣлалось уже легкимъ и приведено въ исполненіе. Слѣдовательно безъ труда успѣемъ въ удобнѣйшемъ, если прилѣпимся къ Тому, Кто совершилъ для насъ труднѣйшее. Думаю также, что Апостолъ и на ту мысль наводитъ здѣсь, что не только успѣхъ въ семъ (храненіи мира) удобенъ, но и что самое дѣло храненія необходимо съ нашей стороны (нравственною необходимостію, обязательно). Ибо ежели Христосъ

примирилъ насъ, когда мы были врагами, то съ нашей стороны необходимо пребывать примиренными и тѣмъ воздать за Его благодѣянія; а иначе вышло бы, что Онъ примирилъ съ Отцемъ жестокосердыхъ и неблагодарныхъ.“

Ст. 2. *Имже и приведеніе обрѣтохомъ вѣрою во благодать сію, въ нейже стоимъ, и хвалимся упованіемъ славы Божія.*

Приведеніе,—προσαγογή,—означаетъ и доступъ. Но доступъ означаетъ только возможность свободнаго приступанія, а приведеніе—не только сію возможность, но и самое приступаніе. Кажется, послѣднее значеніе здѣсь умѣстнѣе. Господь Спаситель не только доступъ открылъ всѣмъ къ Богу, но беретъ всякаго какъбы за руку и приводитъ къ Нему. Здѣсь таже мысль, какая и въ словахъ самого Господа: *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо мною.* Апостолъ указываетъ на себя и всѣхъ вѣрующихъ, объясняя, какъ сподобились они благодати спасенія. Всѣхъ привлекъ Господь, пославъ Апостоловъ съ проповѣдью и пособствуя имъ въ обращеніи къ вѣрѣ. Съ нашей стороны требуется только согласіе, выражаемое *вѣрою.* Господь, открывъ всѣмъ доступъ къ Богу, ко всякому чрезъ проповѣдь протягиваетъ Свою руку, чтобъ весть его къ Нему. Мы вѣрою влагаемъ свою руку въ Его руку и приводимся Имъ къ Богу.—*Во благодать сію,*—обнимаетъ все домостроительство въ Господѣ,—всѣ духовныя блага, даруемыя вѣрою: боговѣдѣніе, облагодатствованіе въ таинствахъ, силы на всякое добро, особый Божій покровъ, общеніе съ Богомъ и всѣми небесными силами.—*Въ нейже стоимъ,* указываетъ на то, что всякій испытывалъ. Благодать сія—не слова одни, а то, что уже имѣется. Всякій узналъ, чѣмъ былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь въ духѣ. Смотри, говоритъ, сколь сіе высоко, и прославляй даровавшаго то Госпо-

да.—*Стоимъ* указываетъ на то, что имѣется уже по благодати, а—*хвалимся упованіемъ славы Божія,*—указываетъ на блага, обѣтованныя въ будущемъ вѣкѣ. Все дѣло наше въ слѣдующемъ: увѣровалъ и принялъ благодатныя силы въ таинствахъ. Живи теперь съ помощію Божіею въ духѣ вѣры, и несомнѣнно причастникомъ будешь вѣчной славы Божіей въ будущемъ вѣкѣ. Несомнѣнно, почему и сказалъ: *хвалимся*; какъбы то, что обѣтовано и что чается, уже имѣлось самымъ дѣломъ. Въ семъ существо христіанскаго упованія!—Такова мысль сего текста. Приводимъ слова Св. Златоуста, который не мысль только указываетъ, но дѣлаетъ при семъ и разныя наведенія. „Итакъ, ежели Христосъ доставилъ намъ доступъ къ Богу, когда мы были отъ Него далеко, то тѣмъ скорѣе удержитъ, когда сдѣлались близкими. Но ты не оставляй безъ вниманія, что Апостолъ, когда говоритъ о благодѣяніяхъ Христовыхъ, всегда присовокупляетъ и то, что требуется съ нашей стороны. Но благодѣянія Христовы многочисленны и различны. Христосъ умеръ за насъ, примирилъ насъ, доставилъ намъ доступъ къ Богу, даровалъ неизреченную благодать; а мы съ своей стороны приносимъ одну вѣру. Посему Павелъ говоритъ: *вѣрою во благодать сію, въ нейже стоимъ.* Какую благодать, скажи мнѣ? Благодать, по которой мы удостоились вѣдѣнія о Богѣ, освободились отъ заблужденія, познали истину и получили всѣ блага, даруемыя чрезъ крещеніе. Ибо Христосъ для того и привелъ насъ ко крещенію, чтобы мы получили дары сіи, т.-е., не одно отпущеніе грѣховъ, не одно примиреніе, но и безчисленныя почести. Даже и тѣмъ не ограничился Онъ, но обѣщалъ новыя несказанныя блага, превышающія разумъ. Посему Апостолъ означилъ тѣ и другіе дары, и словомъ *благодать*—изобразилъ дары настоящіе, которые мы получили; а въ словахъ: *и хвалимся упованіемъ*

славы Божіей, открылъ намъ всѣ будущіе дары.—Такова благодать Божія! Она не имѣетъ конца и предѣловъ, и,—что невозможно почеловѣчески,—она непрестанно простирается на будущее. У людей случается, что иной достигъ начальства, славы, владычества, но не сохраняетъ сего надолго, а вскорѣ теряетъ. И если не похищаетъ того человѣкъ, то придетъ смерть и непремѣнно похититъ. Не таковы дары Божіи! Ни человѣкъ, ни время, ни обстоятельства, ни самъ діаволъ, ни постигшая смерть, не могутъ исторгнуть у насъ оныхъ. Напротивъ, когда умремъ, будемъ обладать ими безъ всякой утраты; хотя будемъ пользоваться ими, но дары будутъ умножаться. И если ты не увѣренъ въ будущихъ благахъ, то увѣрься въ оныхъ по настоящимъ, которыя уже получилъ. И дабы ты зналъ, какое сердце долженъ имѣть вѣрующій, Апостолъ сказалъ: *и хвалимся упованіемъ славы Божіей*. Ему надобно быть не только несомнѣнно увѣреннымъ въ дарованныхъ ему благахъ, но и будущія почитать, какъ бы уже дарованными. Ибо хвалиться можно тѣмъ, что уже имѣешь въ рукахъ. Поелику же надежда на будущія блага столь же тверда и несомнѣнна, какъ и надежда на дарованныя блага, то Апостолъ говоритъ, что мы хвалимся такъ же и надеждою на будущее. По сей увѣренности въ будущихъ благахъ Апостолъ назвалъ оныя *славою*. Если блага служатъ къ славѣ Божіей, то непремѣнно выполнятся, ежели не для насъ, то для Бога.“

Стт. 3. 4. *Не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ, вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ: терпѣніе же искусство, искусство же упованіе.*

„И что я говорю, продолжаетъ Апостолъ, что мы можемъ хвалиться будущими благами? Даже настоящія бѣдствія таковы, что служатъ къ нашей славѣ и мы можемъ ими превозноситься“ (Св. Злат.). Какъ будто Апостолъ слышалъ возраженіе: будущее, говоришь,

свѣтло. Пусть оно свѣтло, но настоящее очень скорбно: насъ лишаютъ имѣнія, чести, крова, насъ гонятъ, бьютъ и убиваютъ. Эти настоящія скорби не сильны ли колебать и совсѣмъ погашать упованіе будущей славы? — Нѣтъ, отвѣчаетъ Апостолъ, — и скорби эти туда же ведутъ, — къ укрѣпленію и возвышенію упованія. Почему мы и ими можемъ хвалиться, какъ и упованіемъ будущаго. Св. Златоустъ говоритъ: „Итакъ разсуди, каковы будущія блага, когда величаемся и тѣмъ, что повидимому для насъ горестно. Таковъ даръ Божій; въ немъ нѣтъ ничего горестнаго! Въ дѣлахъ мірскихъ подвиги сопровождаются трудомъ, болѣзнями, утомленіемъ, а удовольствіемъ питаютъ одни вѣнцы и награды; напротивъ здѣсь самая борьба доставляетъ удовольствіе не меньше, чѣмъ и награда. И какъ во времена Апостольскія искушенія были многочисленны, а царства только надѣялись, напасти были подъ руками, а блага въ ожиданіи, и все сіе лишало бодрости слабѣйшихъ; то Павелъ, сказавъ, что должно хвалиться скорбями, указываетъ имъ награды, получаемыя еще прежде небесныхъ вѣнцевъ. Впрочемъ не сказалъ: вы должны хвалиться, но поощряя къ подраженію собственнымъ примѣромъ, говоритъ: мы хвалимся. Поелику же представлялось страннымъ и необыкновеннымъ, чтобы человѣкъ борющійся съ голодомъ, находящійся въ узахъ, терпящій пытки, оскорбленія, поношенія, долженъ былъ всѣмъ тѣмъ хвалиться; Апостолъ приводитъ на сіе доказательство и, что еще важнѣе, утверждаетъ, что настоящія скорби не только по причинѣ будущихъ благъ, но даже сами по себѣ достойны того, чтобы ими хвалиться, потому что скорби сами по себѣ суть благо. — Замѣть, какъ Павелъ даетъ рѣчи своей совершенно другой оборотъ неожиданный. Поелику скорби всего чаще заставляли христіанъ отрекаться отъ будущихъ благъ и ввергали въ отчаяніе, то онъ утверж-

даетъ, что чрезъ скорби надлежитъ болѣе увѣряться въ будущемъ, а не отчаяваться. — Скорби не только не истребляютъ сей надежды, но еще подкрѣпляютъ оную."

Въ доказательство сей истины Апостолъ могъ бы прямо сказать: *ибо многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 21). Слѣдовательно скорбь за вѣру и жизнь по вѣрѣ есть знакъ, что мы прямо идемъ къ царству славы. Спаситель уже и ублажаетъ таковыхъ: *блажени изгнани правды ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное* (Мѳ. 5, 40). Почему скорбящіе въ этомъ смыслѣ суть какъбы обладающіе царствомъ небеснымъ, или славою Божіею, и смѣло могутъ хвалиться въ скорбяхъ. Но Св. Павелъ входитъ въ глубь души страждущаго за вѣру и изображаетъ цѣпь нравственно добрыхъ расположеній, какими она подъ скорбію восходитъ до непосрамляющаго упованія. *Вѣдяще,* говоритъ, *яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ*. Это первое звено съ сей цѣпи.

„Скорбь до полученія будущихъ благъ приноситъ уже важный плодъ—терпѣливость" (Св. Злат.). Скорбь даетъ поводъ и случай къ терпѣнію, и не только проявляетъ его, но даетъ ему стойкость и твердость, закаляетъ, дѣлаетъ тѣмъ, чѣмъ оно должно быть. Терпѣніе имѣетъ двѣ стороны: будучи обращено внутрь, оно есть постоянство въ добрѣ,—и въ семъ отношеніи не условливается ничѣмъ внѣшнимъ, а есть нераздѣльная и всегдашняя черта добраго настроенія. Будучи же обращено ко-внѣ, оно есть сносливость, перенесеніе всѣхъ трудностей, встрѣчаемыхъ на добромъ пути, или при исполненіи созрѣвающихъ внутри добрыхъ начинаній. Эта черта терпѣнія не можетъ проявиться, если не будетъ скорбей. Не будь скорбей, не видна будетъ сносливость и слѣдовательно терпѣніе.—Но очевидно, что сія черта терпѣнія—сносливость неотложно предполагаетъ присущіе первой черты, – постоянства въ добрѣ, или вѣрности

тому внутреннему строю, который созидается въ сердцѣ подъ дѣйствіемъ вѣры, примиряющей душу съ Богомъ и дающей ей ощутить возсоединеніе съ Богомъ, Котораго она всегда жаждетъ и ищетъ. Существо сего строя есть слѣдующее: хоть умереть, но не отступать ни въ чемъ отъ познанія воли Божіей.

Второе звено сей цѣпи есть: *терпѣніе же искусство*,— дополни, содѣлываетъ.—Искусство, δοκιμὴ,—искусъ, испытаніе чего дѣломъ, вкушеніе. Когда кто посредствомъ вкушенія познаетъ качество пищи, то это есть δοκιμὴ— искусъ. Итакъ мысль Апостола такова: терпѣніе даетъ испытать или самымъ дѣломъ вкусить доброкачественность. Чего же? — Того, на что рѣшилась душа подъ вліяніемъ вѣры, а она рѣшилась неотступно жить въ духѣ вѣры. Слѣдовательно терпѣніе даетъ вкусить доброкачественность жизни по вѣрѣ, вкусить, какъ она сладостна, успокоительна, отрадна, блаженна, несмотря на внѣшнія притрудности и прискорбности. Какъ же оно даетъ это вкусить?—Такъ, что удерживаетъ вѣрующаго на пути, на который онъ вступилъ вѣрою. Не будь этого удержанія, а будь то, чтобъ вѣрующій при всякомъ натискѣ совнѣ соступалъ бы съ пути вѣры, — не имѣлъ бы онъ возможности испытать дѣломъ и вкусить, коль сладка и блаженна жизнь въ духѣ вѣры. Терпѣніе, удерживая его въ путяхъ вѣры, даетъ ему вкусить сіе, содѣлываетъ въ немъ искусство. Этотъ искусъ обнимаетъ какъ всю жизнь вообще, такъ и въ частности, всякую сторону ея и даже всякое дѣяніе въ духѣ вѣры,—доставляетъ то, что въ другомъ мѣстѣ Апостолъ опредѣлилъ имѣніемъ чувствъ, обученныхъ на всякое добро.

Искусство же упованіе, — дополни: содѣлываетъ. Это третье звено цѣпи.—Зная, что есть искусство, не удивимся, какъ оно содѣлываетъ упованіе. Ибо это означаетъ: опытное сердцемъ вкушеніе, коль сладостна и

успокоительна жизнь въ духѣ вѣры, возгрѣваетъ и укореняетъ упованіе. Какъ это?—Посредствомъ слѣдующаго наведенія, не умомъ, а сердцемъ совершаемаго: если здѣсь, при всей внѣшней прискорбности, жизнь эта доставляетъ такое успокоеніе и такую блаженную сладость, то тамъ все сіе будетъ въ неизреченно высшей степени. Ничто не можетъ поколебать меня въ сей надеждѣ. Богъ, давшій мнѣ вкусить эту сладость здѣсь, ужели лишитъ меня оной тамъ? Быть сего не можетъ. Какъ вѣрно то, что я испытываю, такъ несомнѣнна надежда моя.—Изъ такого разсмотрѣнія дѣла само-собою очевидно, что скорби чрезъ терпѣніе и искусство приводятъ къ несомнѣнной надеждѣ подъ слѣдующими двумя условіями: вѣрности вѣрѣ или доброй совѣсти, и увѣренности въ Богѣ. То и другое Св. Златоустъ выражаетъ такъ: „ничто не ведетъ столько къ благой надеждѣ, какъ добрая совѣсть. Ни одинъ человѣкъ, живущій честно, не теряетъ увѣренности въ будущее; а нерадивый, будучи угнетаемъ лукавою совѣстію, не желаетъ ни суда, ни воздаянія. Мы утверждаемся на надеждѣ, но не на надеждѣ на людей, которая часто разрушается и пристыждаетъ надѣявшагося, когда обнадежившій покровительствомъ или умираетъ, или хоть и живъ, но перемѣняетъ расположеніе. Не такова наша надежда; она тверда и непоколебима. Давшій намъ обѣтованія всегда живъ, а мы, имѣющіе воспользоваться оными, хотя умремъ, но воскреснемъ, такъ что мы нимало не будемъ посрамлены, какъ напрасно и безразсудно утѣшавшіе себя слабыми надеждами.“

Ст. 5. *Упованіе же не посрамитъ, яко любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ даннымъ намъ.*

Здѣсь Апостолъ дѣлаетъ выводъ изъ предыдущаго, говоря: *упованіе же не посрамитъ.* И этимъ возвращаетъ свою рѣчь опять къ тому, съ чего началъ, на-

мѣреваясь изображать цѣпь доводящихъ до упованія добрыхъ расположеній въ сердцѣ вѣрующаго: *хвалимся упованіемъ славы.—Хвалимся упованіемъ славы*, ибо оно не посрамитъ. И скорби, которыя терпимъ, не только не погашаютъ его, напротивъ усиливаютъ и возвышаютъ до несомнѣнной непоколебимости.

Изъ двухъ опоръ непосрамляющаго упованія,—доброй совѣсти и увѣренности въ Богѣ,—первая изображена предъ симъ полнѣе, на вторую же сдѣланъ только намекъ Теперь Апостолъ дополняетъ изображеніе сей послѣдней, говоря: *яко любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ, даннымъ намъ*. Духъ Святый подается всякому вѣрующему. Привходя въ него, Онъ приноситъ съ Собою, возгрѣваетъ и даетъ ощутить сердцу его любовь Божію, любовь Бога къ намъ и любовь нашу къ Богу, изъ которыхъ та и другая держатъ упованіе на степени непосрамляющей увѣренности. Ощутившій теплоту любви Бога къ себѣ не можетъ допустить никакого сомнѣнія въ томъ, что Богъ, согрѣвающій его Своею любовію, сдѣлаетъ для него все, по Его же обѣтованію, ожидаемое отъ Него. Равно теплую любовь къ Богу питающій не можетъ допустить сомнѣнія, что любимый имъ Богъ откажетъ ему въ чемъ-либо. И это, еслибъ даже не было обѣтованій отъ лица Божія, тѣмъ паче при обѣтованіяхъ. Ибо такова природа любви, что не допускаетъ никакого колебанія увѣренности въ любимомъ и любящемъ относительно любимаго и любящаго. Такъ это бываетъ между людьми любящими себя взаимно. Не можетъ быть сіе иначе и въ тѣхъ, въ коихъ утверждается живое въ любви общеніе съ Богомъ.

Св. Златоустъ, а за нимъ и другіе наши толковники, подъ изліяніемъ любви Духомъ, даннымъ намъ, разумѣютъ показаніе Богомъ любви къ намъ чрезъ дарованіе намъ Св. Духа. Дарованіе Духа есть залогъ дарованія

и будущихъ благъ. Если Онъ Духа Своего далъ, можно ли сомнѣваться, что подастъ и прочія обѣтованныя блага?—„Въ будущихъ благахъ удостовѣряетъ Онъ благами уже дарованными. Могло имѣть мѣсто возраженіе: а если Богу не угодно будетъ оказать намъ такія благо дѣянія? Ибо хотя всѣ знаемъ, что Онъ всемогущъ, вѣченъ и живъ; но откуда извѣстно, что Онъ желаетъ нашего блаженства?—Апостолъ отвѣтствуетъ: это видно изъ благъ, намъ уже данныхъ. Какія же это блага?—Любовь, которую Богъ доказалъ намъ. Спросишь еще: какимъ дѣйствіемъ доказалъ оную? Дарованіемъ Св. Духа.—Богъ даровалъ намъ самое величайшее благо,—даровалъ не небо, не землю, не море, но что драгоцѣннѣе всего этого. Какой же это даръ?—Духъ Святый. Еслибы Богу не угодно было даровать намъ величественныхъ вѣнцевъ послѣ нашихъ трудовъ, то не далъ бы такого блага еще не трудившимся. Теперь же горячность любви Его открывается изъ того, что не по немногу и не по частямъ даетъ намъ дары, но вдругъ излилъ весь источникъ благъ, и притомъ прежде нашихъ подвиговъ. Посему хотя ты и не очень достоинъ, не отчаевайся; ты имѣешь великаго ходатая—въ любви Самого Судіи. По сейто причинѣ и Апостолъ, говоря: *упованіе не посрамитъ*, имѣлъ въ основаніи не наши заслуги, но любовь Божію."

Ст. 6. ***Еще бо Христосъ сущимъ намъ немощнымъ, по времени за нечестивыхъ умре.***

Будто начался особый поворотъ мысли. Но, присмотрѣвшись, нельзя не увидѣть, что Апостолъ и здѣсь и далѣе (до ст. 11) занятъ все тѣмъже,—укрѣпленіемъ упованія славы. Мы оправданы, примирены, состоимъ въ благодати, но все это только начатки. Главное у насъ—упованіе славы, непоколебимое при всѣхъ непріятностяхъ по поводу вѣры нашей. Эту непоколебимость упованія и хочетъ наипаче утвердить въ сердцахъ св. Апо-

столъ. Уже онъ утверждалъ ее искусомъ или испытаніемъ, сколь благъ путь вѣры, и увѣренностію въ Богѣ, подаемою изліяніемъ любви въ сердца вѣрующихъ чрезъ Духа Святаго. Но какъ сіи оба подтвержденія держатся на внутреннемъ чувствѣ, свидѣтельство котораго не у всѣхъ бываетъ живо сознаваемо, то Апостолъ спѣшитъ утвердить непоколебимость упованія и другимъ еще способомъ, именно—изложеніемъ того, какъ мы оправданы.

Надо замѣтить, что Апостолъ не теряетъ изъ виду главной нити своего разсужденія, начатой указаніемъ: вотъ-вотъ гнѣвъ Божій на содержащихъ истину въ неправдѣ. Ведя эту нить, онъ дошелъ до увѣренія, что этотъ гнѣвъ отвращенъ смертію Сына Божія воплотившагося, и что мы, вѣрующіе, укрывшись подъ сѣнь Креста, не только не должны страшиться сего гнѣва, а напротивъ должны хвалиться упованіемъ славы. Подтвердивъ и это послѣднее указанными предъ симъ свидѣтельствами, онъ говоритъ какъбы теперь: еще ли страшитъ тебя кара гнѣва? Еще ли колеблешься въ упованіи славы? Разсмотри, какъ все было и самъ увидишь, какъ неоснователенъ твой страхъ и твое колебаніе въ упованіи. Мы были нечестивы, грѣшны, враги Богу, и Христосъ за насъ умеръ, чтобъ оправдать насъ и отвратить гнѣвъ Божій. Неужели же не видишь, что теперь, когда мы оправданы уже, тѣмъ паче спасемся Имъ отъ гнѣва? И опять, если смерть Его оправдала и примирила насъ, то не множае ли паче спасетъ насъ животъ Его?

Таковъ смыслъ и такова связь съ предыдущимъ этого небольшаго отдѣленія, ст. 6—11.—Не новое что предлагается, а таже истина о смерти и воскресеніи Господа во спасеніе указывается, какъ основа неложности упованія.

Еще бо сущимъ намъ немощнымъ..., когда были мы

еще немощны, разумѣется нравственно; потому что одолѣваемы были грѣхомъ и высвободиться отъ власти его силъ не имѣли: тоже, что вслѣдъ за симъ—*нечестивы* и еще ниже *грѣшны*.—Подъ *намъ* Апостолъ разумѣетъ весь родъ человѣческій. А что мы были немощны, грѣшны и нечестивы, это не требовало доказательствъ и поясненій послѣ того, что сказано въ первыхъ главахъ сего посланія о нравственномъ состояніи язычниковъ и Іудеевъ, составлявшихъ весь родъ нашъ. — „Слово: *по времени* значитъ въ приличное и предопредѣленное время; ибо Господь умеръ тогда, какъ пришло приличное время" (Θеоф.). Частица *бо*—ибо,—ставитъ сіе изреченіе въ связь съ предыдущимъ, изъясняя, въ чемъ состояло особенное показаніе любви, не могущей допустить упованія до посрамленія. Какъбы такъ: „помыслимъ о томъ, что, когда мы были еще беззаконны и одержимы болѣзнію нечестія, Владыка Христосъ пріялъ за насъ смерть,— и познаемъ изъ сего бездну человѣколюбія" (Θеод.). Это впрочемъ говорится въ придатокъ къ тому показанію любви, которое представляется дарованіемъ Духа. „Сказавъ, что любовь Божія оказывается излитою въ насъ чрезъ Духа, Котораго мы имѣемъ въ себѣ, какъ даръ отъ Бога, показываетъ еще и величіе этой любви— изъ того, что Христосъ умеръ за насъ немощныхъ, т.-е., грѣшниковъ (ибо грѣхъ есть немощь, а правда здравіе), и не только за грѣшниковъ, но, что еще хуже, за нечестивыхъ" (Θеоф.).

Ст. 7. *Едва бо за праведника кто умретъ; за благаго бо негли кто и дерзнетъ умрети.*

Сколь великая бездна человѣколюбія явлена тѣмъ, что Христосъ умеръ за насъ грѣшныхъ и нечестивыхъ, это объясняетъ Апостолъ тѣмъ, что бываетъ между нами. Между нами, говоритъ, бываетъ такъ, что и за праведника едва ли кто захочетъ умереть, а Христосъ умеръ за

грѣшниковъ. Дивись любви Божіей!—Слова: *за благаго бо* и проч.—представляютъ будто оговорку: я говорю—за праведника; ибо за благаго, можетъ-быть, и рѣшится кто умереть. За благаго, т.-е., благодѣтеля своего. Я не утверждаю, что изъ людей никто уже за другаго не умираетъ; бываетъ и между ними, что иной порывается умереть, напримѣръ, за своего благодѣтеля. Словомъ,—*негли,*—можетъ-быть, показываетъ, что и это бываетъ рѣдко. Праведный привлекаетъ уваженіе, благій или благодѣтель вызываетъ признательность, готовую на соотвѣтственныя жертвы. Меньше воздается праведному, потому что хотя онъ и вызываетъ уваженіе, но остается чуждъ намъ, стоитъ внѣ насъ, вдали. А благодѣтель въ живой состоитъ съ нами связи. Сердце за него стоитъ, и носитъ готовность сдѣлать все для него. При всемъ томъ умереть за него согласится развѣ кто-кто, а за праведника едва ли и кто.—Суди теперь, коль велика любовь къ намъ Божія, когда Христосъ умеръ за насъ, не праведниковъ, а грѣшниковъ,—не благихъ, а враговъ?

Ст. 8. *Составляетъ же Свою любовь къ намъ Богъ, яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ Христосъ за ны умре.*

„Слова сіи значатъ: ежели не скоро кто согласится умереть и за добродѣтельнаго человѣка, то представь любовь Своего Господа, когда Его Самого видишь распинаемымъ не за добродѣтельныхъ, но за грѣшниковъ и враговъ“ (Св. Злат.). „Преизбытокъ любви Своей являетъ Богъ въ томъ, что смерть Христова совершилась не за праведныхъ, но за грѣшныхъ. Ибо нынѣ оправданы мы вѣрою въ Него; а когда подъялъ Онъ за насъ смерть, тогда обременяли еще насъ всякаго рода прегрѣшенія“ (бл. Ѳеод.).

Христосъ за насъ умеръ, а любовь чрезъ это являетъ къ намъ Богъ. Ибо Христосъ Господь есть едино съ Богомъ Отцемъ, и умеръ по волѣ Тріѵпостаснаго Бога.

Тако возлюби Богъ міръ, яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный (Ін. 3, 16). Почему теперь *всякъ видяй Сына и вѣруяй въ Него, имать животъ вѣчный* (Ін. 6, 40).

Ст. 9. *Много паче оправдани бывше нынѣ кровію Его, спасемся Имъ отъ гнѣва.*

Остановись теперь мыслію на сей истинѣ, что Христосъ умеръ за насъ грѣшныхъ, и смотри, какое отсюда вытекаетъ для насъ утѣшеніе чрезъ подтвержденіе надежды нашей. Христосъ Господь умеръ за насъ грѣшныхъ, чтобъ мы могли вѣрою въ Него стяжевать себѣ оправданіе и избавленіе отъ гнѣва грядущаго, т.-е. праведнаго суда Божія и осужденія насъ на вѣчныя муки. Вотъ мы приступили къ Нему, омылись кровію Его,—оправдались и отвратили отъ себя праведный гнѣвъ Божій. Если, будучи грѣшными, мы сподобились сего, не тѣмъ ли паче должна быть крѣпка и непоколебима наша увѣренность въ томъ, что спасемся отъ гнѣва, когда мы нынѣ оправданы и стоимъ въ семъ оправданіи. Колебаніе въ семъ есть разореніе вѣры, невѣдѣніе цѣны крови Христовой и того, что чрезъ нее изливается на вѣрующаго. Когда Онъ умеръ по любви и смертію оправдалъ насъ, тѣмъ паче теперь спасетъ отъ гнѣва насъ, которыхъ уже оправдалъ. Даровалъ намъ большее—оправданіе: какъ не спасетъ отъ гнѣва? А спасеннымъ отъ гнѣва даруетъ и блага по великой любви Своей (Ѳеоф.). „Очевидно, что за злочестивыхъ и беззаконныхъ подъявъ такую позорную смерть, увѣровавшихъ въ Него освободитъ и отъ будущаго мученія. Ибо гнѣвомъ Апостолъ называетъ будущее мученіе“ (Ѳеод.).

Ст. 10. *Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, множае паче примирившеся спасемся въ животѣ Его.*

„Въ словахъ сихъ съ перваго взгляда примѣчается тождесловіе (съ прежними), котораго однакоже нѣтъ“ (Св. Злат.). Выводъ и здѣсь и тамъ одинъ: *спасемся;* но сопоставленія, изъ которыхъ дѣлается выводъ, различаются. Одно и тоже дѣло милосердія Божія, спасающаго насъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, созерцается съ разныхъ сторонъ. Тамъ сопоставлялась преимущественно наша грѣшность съ смертію Единороднаго Сына Божія; а здѣсь сопоставляется оправданіе съ животомъ Его, т.-е., воскресеніемъ и сѣдѣніемъ одесную Отца. Умерши, Онъ оправдалъ насъ грѣшныхъ; чего не даруетъ Онъ, живъ будучи, т.-е., воскресши и сѣдя одесную Отца и имѣя всякую власть на небеси и на земли?—Бл. Ѳеофилактъ перифразируетъ это мѣсто такъ: „Повидимому говорится здѣсь тоже, но сопоставленія для вывода различны. Выше полагаетъ нашу грѣшность и потомъ, прилагая, что мы оправданы, чрезъ сопоставленіе такое заключаетъ: Кто оправдалъ насъ грѣшниковъ Своею смертію, тотъ тѣмъ паче спасетъ оправданныхъ. А теперь, упоминая о смерти и жизни Христовой, опять умозаключаетъ чрезъ сопоставленіе: когда мы примирены кровію и смертію Господа, то какъ теперь не спасемся въ Его жизни? Ибо Кто не пощадилъ Сына Своего, но далъ Его на смерть для нашего примиренія, Тотъ не тѣмъ ли паче теперь спасетъ насъ Его жизнію?“—Св. Златоустъ дѣлаетъ отсюда такія наведенія: „Итакъ, смотри! Апостолъ хочетъ, чтобъ Римляне увѣрились въ будущихъ благахъ. (И послѣ многихъ убѣжденій наипаче воодушевляетъ къ упованію смертію Сына Божія и воскресеніемъ). И то было бы уже весьма сильнымъ доказательствомъ, что Христосъ умеръ за насъ, нимало того не заслужившихъ. Когда же умершій оказывается подателемъ даровъ (ибо живъ бывъ сѣдитъ одесную Отца и увѣряетъ, что гдѣ Онъ, тамъ и слуга Его будетъ), и да-

ровъ весьма великихъ, то такое благодѣяніе превосходитъ всякую мѣру и ведетъ къ вѣрѣ самаго безчувственнаго. Спасетъ насъ не иной Кто, а Тотъ, Кто насъ, бывшихъ еще грѣшниками, возлюбилъ до того, что Самъ Себя предалъ за насъ. Видишь ли, какъ сильно здѣсь Апостолъ убѣждаетъ насъ надѣяться на будущее? Доселѣ два было затрудненія къ нашему спасенію: то, что мы были грѣшники, и то, что надлежало спастися смертію Владыки. Но послѣднее, пока не совершилось, было невѣроятно и не могло иначе совершиться, какъ по безмѣрной любви. Нынѣ же совершено сіе на самомъ дѣлѣ, а потому и прочее стало гораздо легче. Мы содѣлались друзьями, и Господу умирать уже не нужно. Кто до того щадилъ враговъ, что не пощадилъ за нихъ Сына, Тотъ ужели не спасетъ содѣлавшихся друзьями, и когда нѣтъ уже нужды Ему предавать Сына? Иной не спасаетъ потому, что не хочетъ, а иной потому, что не можетъ, хотя бы и желалъ.—Ни того, ни другаго нельзя сказать о Богѣ, послѣ того, какъ Онъ отдалъ Сына. А что Богъ можетъ спасти, Апостолъ и это доказалъ тѣмъ, что Богъ оправдалъ насъ, бывшихъ грѣшниками. Итакъ, какое остается препятствіе получить намъ будущія блага? — Никакого.“

Ст. 11. *Не точію же, но и хвалимся о Бозѣ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, Имже нынѣ примиреніе пріяхомъ.*

Не точію, — не только получимъ то, о чемъ предъ симъ сказано,—*примирившеся спасемся,*—но получимъ то, хваляся при томъ о Богѣ, — *ἀλλὰ καὶ καυχώμενοι. Не точію*—указываетъ на то, что послѣ него имѣетъ быть сказано нѣчто большее и высшее. Въ настоящемъ отдѣленіи,—5, 1—11,—Апостолъ перечисляетъ сокровища вѣры. Указалъ уже на призваніе, оправданіе, примиреніе, изліяніе Духа и любви Духомъ, упованіе славы. Те-

перь говоритъ: не только все это есть часть наша, но при этомъ мы еще хвалимся о Богѣ. Хваленіе о Богѣ посему есть верхъ сокровищъ вѣры,—такое благо, выше котораго ничего и быть не можетъ. Что же значитъ хваленіе о Богѣ?

Объяснимъ это чрезъ сравненіе съ тѣмъ, что бываетъ между нами, что разумѣется, когда иной хвалится кѣмъ-либо. Хваляся кѣмъ-либо, хвалимся близостію къ нему, тѣмъ, что вхожи къ нему, имъ любимы и увѣрены въ его крѣпкомъ благорасположеніи, готовомъ все для насъ сдѣлать и всѣмъ насъ снабдить. Обычно говоримъ въ такомъ случаѣ: у меня вотъ кто другъ и покровитель; никого и ничего не боюсь; я за нимъ, какъ за горою; стоитъ мнѣ слово сказать — и все будетъ. - Примѣнительно къ этому и хвалиться о Богѣ или Богомъ—значитъ хвалиться близостію къ Нему и тѣснымъ съ Нимъ общеніемъ,—тѣмъ, что Онъ нашъ и мы Его, Его любимъ и Имъ любимы и имѣемъ въ Немъ готоваго Заступника и Покровителя. И дѣйствительно это дается намъ о Христѣ Іисусѣ, и есть столь драгоцѣнно и возвышенно, что все прочее въ сравненіе съ симъ идти не можетъ. Оправданіе, примиреніе, наслѣдіе—великія и высокія блага; но не будь при нихъ такого Богообщенія, чтобы Богъ былъ нашъ и мы Божіи, они были бы безцвѣтны. Возмите провинившагося слугу, котораго господинъ простилъ и принялъ въ домъ. Это не можетъ не радовать помилованнаго; но если господинъ, простивъ его и принявъ въ домъ, опредѣлитъ жить ему на заднемъ дворѣ, а на глаза къ себѣ показываться не велитъ, то первая радость помилованія скоро у него поблекнетъ и замѣнится скорбію и тоскою. Могло быть и наше помилованіе такимъ же; Богъ могъ простить насъ и опредѣлить намъ вседовольную жизнь въ вѣчности, но при томъ постановить, чтобъ мы пребыли вдали отъ Него. Могъ Онъ такъ сдѣлать; ибо въ нашемъ спасеніи все зависитъ отъ

Него, а въ раздаянія благъ кто можетъ наложить на Него законъ?—Но еслибъ такъ было, это было бы, конечно благо и благо великое; но оно не могло бы облаженствовать насъ во всей полнотѣ, еслибъ при семъ не соблаговолилъ Богъ и сблизиться съ нами такъ, чтобы мы были предъ очами Его, въ живомъ общеніи съ Нимъ. Почему, когда Богъ дѣйствительно такъ устроилъ наше спасеніе, то не можемъ мы не считать сей близости къ Богу верхомъ благъ, даруемыхъ намъ вѣрою, и хваляся всѣмъ, во благодати пріемлемымъ, наипаче не хвалиться о Богѣ или Богомъ. Св. Златоустъ говоритъ: „ничто не служитъ столько къ славѣ и дерзновенію, какъ быть любимыми отъ Бога, и любить Его, насъ возлюбившаго. Сіе дѣлаетъ блистательными Ангеловъ, Начала и Силы. Сіе важнѣе самаго царства; а потому Апостолъ и предпочелъ сіе царству".

Какъ сдѣлалось, что мы хвалимся о Богѣ,—близостію Его, пріискреннимъ съ Нимъ общеніемъ?—Чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, *Имже нынѣ примиреніе пріяхомъ.* Вѣрою и покаяніемъ, приступая къ Господу, получаемъ мы отпущеніе грѣховъ и примиреніе обрѣтаемъ. Но на этомъ не останавливается дѣло спасенія,—мы идемъ дальше и глубже: въ крещеніи облекаемся во Христа, въ Св. Причащеніи сподобляемся того, что Онъ въ насъ пребываетъ и мы въ Немъ,—содѣлываемся едино съ Господомъ. А Онъ едино есть съ Богомъ-Отцемъ. И произошла такимъ образомъ Богоблагодатная цѣпь единенія: мы едино съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, Онъ едино съ Богомъ-Отцемъ, а чрезъ Него и мы. Сего ради и хвалимся теперь о Богѣ,—что Онъ нашъ и мы Его, и хвалимся чрезъ Господа нашего Іисуса Христа. Сіи слова Апостола приводятъ на память слова Самого Господа, въ коихъ Онъ изъясняетъ таинство нашего Богообщенія, моляся къ Богу Отцу: *да вси едино будутъ,*

яко же Ты, Отче, во мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ... Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ: да будутъ едино, яко же и Мы едино есмы. Азъ въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ совершени во едино (Ін. 17, 21—23).

в).

Значеніе домостроительства Христова въ исторіи человѣчества.

5, 12—21.

Доселѣ,—ст. 1 - 11,- Апостолъ влекъ къ вѣрѣ волю и сердце, излагая дивныя сокровища вѣры. Теперь хочетъ плѣнить умъ, введши его въ созерцаніе того, что есть домостроительство Христово въ теченіи исторіи человѣчества. Разъяснилъ онъ, что всѣ мы подъ гнѣвомъ и всѣмъ бы погибать; но Богъ сжалился надъ нами и Сына Своего далъ во спасеніе наше. И вотъ мы, вѣрою прилѣпляясь ко Господу умершему за насъ и ради насъ воскресшему, получаемъ оправданіе, примиряемся съ Богомъ, дѣлаемся благодатію Духа святыми и непорочными и неложно есмы наслѣдники вѣчной славы у Бога. Рѣзкая черта проводится между тѣмъ, что было доселѣ и что начинается отселѣ пришествіемъ Сына Божія во плоти. Всѣ отъ Адама доселѣ во грѣхѣ раждались, подъ гнѣвомъ жили, какъ осужденники на смерть, и умирали безъ примиренія. А теперь всѣ вѣрующіе въ Господа раждаются въ жизнь святую, живутъ во благодати подъ благоволеніемъ Божіимъ и умираютъ, чтобъ вступить въ наслѣдіе вѣчной славы у Бога. Совсѣмъ новый родъ начался отъ Христа Іисуса Господа, по духовному устроенію, совсѣмъ отличный отъ того, какой идетъ отъ Адама. И Онъ есть родоначальникъ, какъ Адамъ; но родъ отъ

Адама раждался на грѣхъ и смерть, а родъ отъ Христа Господа раждается на святость и животъ вѣчный. Такова главная мысль второй половины сей главы. Апостолъ входитъ съ домостроительствомъ спасенія въ теченіе исторіи человѣчества и опредѣляетъ, что здѣсь есть Господь воплотившійся, умершій и воскресшій, и что производятъ въ средѣ людей вѣра въ Него и благодать отъ Него,—и опредѣляетъ чрезъ сопоставленіе Его, яко новаго Адама, съ Адамомъ ветхимъ и чрезъ показаніе, что отъ того перваго исходило и что исходитъ отъ сего втораго. Дѣлаетъ же онъ сіе для того, чтобъ введеніемъ въ умы вѣрующихъ такого всеобъемлющаго созерцанія осѣнить, оживить и оградить отъ всякихъ колебаній возбужденныя предъ симъ чувства, вытекающія изъ воспріятія плодовъ вѣры,—указаніемъ, какъ устроенный для насъ образъ спасенія плѣнителенъ и для созерцаній разума.

Ст. 12. *Сего ради якоже единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша.*

Сего ради. Чего это ради?—Ради всего сказаннаго доселѣ съ 1, 17. Сообрази заразъ все сказанное, и вотъ что увидишь,—увидишь, что какъ *однимъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде* и проч.—„Искуснѣйшіе врачи, говоритъ св. Златоустъ, всегда стараются извѣдать корень болѣзней, доходятъ до самаго источника зла; такъ дѣлаетъ и бл. Павелъ. Выше сказалъ, что мы оправданы, и доказалъ сіе примѣромъ патріарха, ниспосланіемъ Духа, смертію Христовою; потому что Христосъ и не умеръ-бы, еслибы не хотѣлъ оправдать насъ. Теперь тотъже предметъ беретъ съ противной стороны и доказанное имъ подтверждаетъ уже другими доводами, а именно: разсматриваетъ, что такое смерть и грѣхъ, изслѣдываетъ, какъ, какимъ образомъ и откуда смерть взошла въ міръ

и возобладала. А какъ взошла и возобладала смерть?— Чрезъ грѣхъ одного.“

Смерть съ грѣхомъ была сочетана первоначально опредѣленіемъ Божіимъ. Давъ заповѣдь, Богъ сказалъ: какъ только согрѣшите, нарушивъ заповѣдь сію, такъ умрете, или подпадете закону смерти. Они согрѣшили и подпали закону смерти. Послѣ сего и дѣти ихъ, раждавшіеся въ то время, какъ они состояли подъ осужденіемъ смертнымъ, раждались подлежащими томуже закону смерти. И вошла такимъ образомъ смерть въ міръ по причинѣ перваго грѣха прародителей. Бл. Ѳеодоритъ излагаетъ сіе такъ: „Владыка Богъ, создавъ Адама и почтивъ его разумомъ, для упражненія разумной силы далъ одну заповѣдь. Ибо одаренному разумомъ, имѣющему способность различать доброе и противоположное тому, и не возможно было жить безъ закона. Онъ, обольстившись, преступилъ данную заповѣдь, а Законодатель въ самомъ началѣ къ заповѣди присоединилъ и угрозу наказаніемъ. Посему, когда Адамъ, находясь уже подъ смертнымъ приговоромъ, въ такомъ состояніи родилъ Каина, Сиѳа и другихъ,—то всѣ, какъ происшедшіе отъ осужденнаго на смерть, имѣли естество смертное. Божественный Апостолъ и сказуетъ теперь, что когда Адамъ согрѣшилъ и по причинѣ грѣха содѣлался смертнымъ, то и другое простерлось на весь родъ. Ибо *во вся человѣки вниде смерть,* потому что всѣ согрѣшили“.

Частица: *и тако*—въ словахъ: *и тако смерть во вся человѣки вниде,* не есть сравнительная,—*такъ и,* отвѣтственная выше стоящей частицѣ: *якоже,*—какъ,—въ словахъ: *якоже единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде;* а есть слѣдственная, указывающая на выводъ изъ двухъ предыдущихъ положеній: *единѣмъ человѣкомъ грѣхъ вниде, и грѣхомъ смерть.* Въ слѣдствіе такого сочетанія смерти со грѣхомъ *смерть во вся человѣки вниде*: ибо въ одномъ

всѣ согрѣшили. Перевесть надо: и такимъ образомъ, а не: такъ и. Но въ такомъ случаѣ гдѣ же: *такъ и*, которая требуется частицею—*якоже?*—И сія частица и соотвѣтственная ей мысль опущены и должны быть доразумѣваемы такъ: какъ однимъ человѣкомъ грѣхъ вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть и такимъ образомъ смерть вошла во вся человѣки, потому что въ немъ одномъ всѣ согрѣшили: такъ (доразумѣть надобно) однимъ человѣкомъ входитъ теперь въ міръ оправданіе (праведность и святость), и оправданіемъ животъ, и такимъ образомъ животъ входитъ во вся человѣки, потому что въ немъ единомъ всѣ оправдались и стали праведны. Такъ перифразируютъ сіе мѣсто наши толковники. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „показываетъ Апостолъ, что грѣхъ и смерть вошли въ міръ чрезъ одного человѣка, Адама, и опять однимъ же человѣкомъ, Христомъ, устранены“.—Экуменій наводитъ: „разнообразно доказавъ изъ Писанія, что мы всѣ оправдываемся смертію Сына Божія, теперь доказываетъ это и отъ благословнаго (соображеніями разума). И благословно, говоритъ, было, чтобы мы всѣ содѣлавшіеся грѣшниками и насмертниками чрезъ единаго человѣка, и спаслись чрезъ единаго же человѣка, бывъ оправданы въ немъ и отбывъ въ немъ оброкъ смерти“.—Тотъже Экуменій приводитъ мнѣніе бл. Фотія, въ коемъ излагается и причина, почему св. Павелъ не высказалъ второй половины сравненія. Бл. Фотій пишетъ: „и возможно это и благословно и послѣдовательно (т.-е. спасеніе въ единомъ Господѣ). Откуда же это видно?—Изъ противнаго, говоритъ. Ибо извѣстно, что чрезъ одного человѣка и грѣхъ вошелъ въ міръ и самая смерть. Если теперь чрезъ одного человѣка произошло такое зло, то возможно и послѣдовательно чрезъ одного же человѣка, Господа нашего Іисуса Христа, устранену быть этому привведенному злу и даровану быть высшему благу.—А что Апо-

столъ, предложивъ то, что произошло отъ Адама, пропустилъ совершенное для насъ Христомъ, то это сдѣлалъ онъ, давая доразумѣть сіе всякому самому по противоположности. Ибо какъ только сказалъ онъ предыдущее (что произошло отъ Адама), никакого уже нѣтъ труда додумать и послѣдующее (что—отъ Христа). Почему и поставилъ только одну предыдущую мысль, яко естественно привлекающую и мысль послѣдущую. Ибо онѣ одна другую вызываютъ. Такъ-то Апостолъ, чрезъ предыдущее предуказавъ послѣдующее, не выразилъ словомъ сего послѣдняго, а предоставилъ додумать намъ самимъ".

„Что значитъ: *въ немже вси согрѣшиша?* То, что всѣ согрѣшили въ Адамѣ. Какъ скоро онъ палъ, то чрезъ него содѣлались смертными и не ѣвшіе отъ запрещеннаго древа, какъ будто они и сами пали, потому что онъ палъ" (Θеоф.; тоже хотя короче и у Св. Злат.). „*Въ немже*, т.-е., во Адамѣ, или чрезъ того единаго человѣка, Адама" (Экум.).

Иные толковники другія мысли соединяютъ съ симъ выраженіемъ, основываясь на томъ, что по-гречески стоитъ не *въ немже*, 'εν ῷ,—но ἐφ' ῷ,—что слѣдуетъ перевести: поколику, такъ какъ. Но мысль и при этомъ будетъ таже, т.-е., что согрѣшили въ немъ. И напрасно думаютъ отнять у сего мѣста силу доказательства первороднаго грѣха, говоря, что точный переводъ сего мѣста долженъ быть таковъ: такъ какъ всѣ согрѣшили. А при этомъ не необходимо будетъ видѣть здѣсь мысль, что согрѣшили въ немъ: ибо можно еще всѣмъ согрѣшать по примѣру его, по поводу его.—То правда, что если взять эти слова: поелику всѣ согрѣшили, внѣ связи, то они могутъ не давать той мысли, что всѣ согрѣшили въ немъ; но если брать въ связи и съ предыдущимъ и съ послѣдующимъ, то и при этомъ переводѣ (поелику всѣ согрѣшили) необходимо дополнять переводъ словомъ:

въ немъ, чтобъ выдержать вполнѣ мысль Апостола. Онъ говоритъ: грѣхъ чрезъ одного вошелъ въ міръ и грѣхомъ смерть, и такимъ образомъ смерть во всѣхъ вошла. Грѣхъ отворяетъ врата смерти. Если она вошла во всѣхъ, то во всѣхъ предшествовалъ ей грѣхъ. Но во всѣхъ грѣхъ предшествовать смерти не могъ иначе, какъ тѣмъ, что всѣ согрѣшили въ томъ, чрезъ кого грѣхъ вошелъ, т.-е., въ первомъ человѣкѣ, Адамѣ. Такимъ образомъ читая: смерть вошла во всѣхъ людей, потому что всѣ согрѣшили,—не можемъ иначе понимать сіе послѣднее, какъ—согрѣшили въ немъ.

Но хотя это—*въ немъ*—само-собою должно было приходить на умъ, по ходу рѣчи, тѣмъ не менѣе однакожъ св. Апостолъ остановился на семъ и слѣдующіе два стиха употребилъ на укрѣпленіе сей мысли въ умѣ читающихъ, чтобъ они, читая: всѣ согрѣшили... и не могли иное разумѣть, какъ—согрѣшили въ немъ. Такъ важно это: въ немъ!

Для подтвержденія сего Апостолъ не вступаетъ въ глубокія разсужденія, а только наглядно представляетъ ходъ смерти. Всѣ умирали, говоритъ, послѣ Адама, но не грѣшили подобно ему. Хотя и грѣшили они, но не грѣшили подобно ему, потому что не имѣли закона; а гдѣ нѣтъ закона, тамъ нѣтъ преступленія, тамъ грѣхъ не вмѣняется. Если не вмѣняется, то не влечетъ и наказанія, т.-е. смерти. Если такъ, то откуда же смерть умиравшихъ послѣ Адама?—Ни откуда, какъ отъ грѣха самого Адама; ни откуда, какъ изъ того бѣдственнаго событія, что во Адамѣ уже всѣ согрѣшили. Такова мысль Апостола въ 13 и 14 стт. Онъ не доказываетъ углубленно, а лишь наглядно представляетъ дѣло.

Стт. 13. 14. *До закона бо грѣхъ бѣ въ мірѣ: грѣхъ же не вмѣняшеся не сущу закону. Но царствова смерть отъ Адама даже до Моусея и надъ несогрѣшившими по подобію преступленія Адамова, иже есть образъ будущаго.*

Вотъ перифразъ этого мѣста, сдѣланный бл. Ѳеофилактомъ, согласно со всѣми нашими толковниками!—„Апостолъ хочетъ доказать, что и не ѣвшіе отъ запрещеннаго древа и не согрѣшившіе подобно Адаму, по причинѣ грѣха его также сочтены согрѣшившими и умерли. Доказываетъ же это такъ: грѣхъ царствовалъ до изданія закона, т. е., и прежде закона. Какой же это былъ грѣхъ? Грѣхъ ли отъ преступленія закона? Но какъ могъ быть такой грѣхъ, когда не было закона? Грѣхъ тогда вмѣняется, когда есть законъ, и люди преступающіе законъ, по необходимости называются грѣшащими.—Но *смерть царствова даже до Моѵсея,* т.-е. до изданія закона. Значитъ былъ грѣхъ, чрезъ который смерть царствовала: еслибы не было какого-либо грѣха, который утверждалъ бы смерть, она не царствовала бы. Поелику же доказано, что грѣха отъ преступленія закона еще не было, то остается, что то былъ грѣхъ Адамовъ, чрезъ который смерть царствовала и надъ тѣми, которые не согрѣшили непосредственно (ибо не получившіе закона и не преступившіе его не называются согрѣшившими), но согрѣшили въ подобіи преступленія Адама и сдѣлались причастны паденію его, какъ праотца, который есть образъ Христа. Ибо какъ древній Адамъ сдѣлалъ всѣхъ повинными въ его паденіи, хотя они не пали (какъ онъ), такъ и Христосъ оправдалъ всѣхъ, хотя они не сдѣлали ничего, за что слѣдовало бы оправдать ихъ. Вотъ почему онъ есть *образъ будущаго*, т. е. Христа.“

Такъ все ясно, хотя нельзя отрицать, что и послѣ сего могутъ возникать недоумѣнія при чтеніи сего мѣста. Для устраненія ихъ надо поимѣть въ мысли, что у Апостола не было въ намѣреніи представить вседовлѣтельное доказательство того, что во Адамѣ всѣ согрѣшили, а только указать на нѣкоторыя очевидности,

которыя могли наводить на сію истину. И онъ указалъ ихъ, какъ изъясняетъ бл. Θеофилактъ.

Но какъ можно говорить, что грѣхъ не вмѣнялся до закона?—Каину вмѣненъ, вмѣненъ допотопнымъ, вмѣненъ столпоздателямъ, Содомлянамъ, Египтянамъ;—и всѣ они понесли соотвѣтственныя кары Божіи.—На это вотъ что!—Апостолъ разумѣетъ такое вмѣненіе, по которому бы за грѣхъ присуждалась смерть и смерть общая всѣмъ. Ибо онъ ищетъ источника смерти людей послѣ Адама, и, какъ смерть у него выше поставлена слѣдствіемъ грѣха, ищетъ такого грѣха, который былъ бы причиною смерти всѣхъ по опредѣленію Божію. Но такого грѣха не было; были грѣхи, но грѣха въ такомъ значеніи не было. Не было грѣшащихъ по подобію преступленія Адамова. Люди грѣшили, будучи уже насмертниками, осужденными на смерть. И на смерть нѣкоторые осуждались, какъ допотопные, Содомляне, Египтяне; но это было не первоначальное, не источное присужденіе смерти, а только ускореніе срока смерти, уже присужденной всѣмъ.

Какъ еще—*не сущу закону*, когда и до закона Моvсеева былъ законъ, — законъ совѣсти, Ноевъ законъ, законъ обрѣзанія?—Но Апостолъ требуетъ какъбы: укажи мнѣ такой законъ, при коемъ Богъ самъ лично сказалъ бы: дѣлайте такъ и такъ; если не будете дѣлать, станете умирать. Но такого закона не было, какъ извѣстно. Были законы, но съ другими угрозами, а не съ такою. Были и смерти присуждаемы за грѣхи, какъ потопомъ при Ноѣ, огнемъ въ Содомѣ и подобное. Но это не за нарушеніе какого-либо закона, даннаго съ угрозою смерти за нарушеніе его, а за беззаконіе вообще, возросшее до такой степени, что беззаконники сдѣлались недостойными жизни. Это было приложеніе къ дѣлу судоопредѣленія, на основаніи законовъ, данныхъ прежде,

безъ угрозы смертію. Смерть не въ началѣ съ этими дѣлами сочетана, а послѣ присуждена беззаконникамъ свободнымъ опредѣленіемъ правды Божіей.

Но зачѣмъ у Апостола имѣется во вниманіи только періодъ отъ Адама до Моvсея, какъ будто послѣ закона Моvсеева иные пошли порядки суда Божія, и смерть можно объяснять какъ слѣдствіе нарушенія его?—Можно предположить, что Апостолъ дѣлаетъ это условно. Откуда смерть? Отъ грѣха. Отъ какого же грѣха, когда напримѣръ до Моvсея и никакого не было торжественнаго законодательства, а не только съ угрозою общей смерти, какъ при Адамѣ? Пусть бы говорилъ кто, что смерть пришла за нарушеніе закона, даннаго чрезъ Моvсея; но откуда до Моvсея смерть? Не откуда ей быть, какъ отъ грѣха Адамова. При семъ у Апостола совсѣмъ не было въ намѣреніи опредѣлять, что, какъ и почему было послѣ Моvсея. Для его цѣли достаточно было остановиться на этомъ періодѣ до-Моvсеевомъ, чтобъ указать: видишь смерть; а откуда она, когда не было закона?—Отъ Адамова грѣха. Св. Златоустъ и говоритъ вообще: „ежели смерть имѣла свой корень въ грѣхѣ, а грѣхъ, пока не было закона, не вмѣнялся; то почему возобладала смерть надъ жившими до закона? Изъ сего видно, что не сей грѣхъ, не грѣхъ преступленія закона, но другой, именно грѣхъ преступленія Адамова былъ причиною общаго поврежденія. Чѣмъ же это доказывается?—Тѣмъ, что умерли всѣ жившіе до закона.“

Адамъ именуется образомъ будущаго, т.-е. Іисуса Христа — въ какомъ отношеніи? — Въ такомъ: „какъ Адамъ для своихъ потомковъ, хотя они и не ѣли древеснаго плода, содѣлался причиною смерти, введенной въ міръ Адамовымъ яденіемъ, такъ и Христосъ для вѣрующихъ въ Него, хотя они и не имѣли праведныхъ дѣлъ, содѣлался виновникомъ праведности, которую даровалъ

всѣмъ намъ чрезъ крестъ. Апостолъ, какъ выше, такъ и ниже поддерживаетъ эту мысль и многократно повторяетъ оную; останавливается же особенно на сей мысли для того, чтобы на возраженія Іудея: какимъ образомъ родъ человѣческій спасенъ заслугами одного Христа?— могъ и ты возразить ему: какимъ образомъ весь родъ человѣческій осужденъ за преслушаніе одного Адама?— тѣмъ болѣе, что нѣтъ и сравненія между грѣхомъ и благодатію; а напротивъ— безконечное разстояніе между однимъ и другою. Когда уже свойство дѣла, могущество совершившаго оное, и самое приличіе,—такъ какъ для Бога приличнѣе спасать, нежели наказывать,—все показываетъ, что превосходство и побѣда на сторонѣ Христовой; скажи мнѣ, какой предлогъ имѣешь ты къ невѣрію? Такъ Апостолъ доказываетъ, что въ дѣлѣ спасенія нѣтъ ничего несообразнаго съ разумомъ“ (Св. Злат.).

Послѣднія слова св. Златоуста выясняютъ смыслъ и значеніе послѣдующихъ стиховъ — 15 — 17, въ коихъ Апостолъ сказываетъ, что даръ не яко прегрѣшеніе. Они не представляютъ самостоятельныхъ положеній, а содержатъ придаточныя и пояснительныя мысли для усиленія высказаннаго предъ симъ положенія, что какъ однимъ грѣхъ и смерть, такъ однимъ же правда и животъ. Доказавъ такое положеніе, можно было прямо излагать полнѣе содержаніе его въ видѣ вывода, какъ это дѣлается въ 18 и 19 ст. Но какъ цѣль Апостола въ этомъ отдѣленіи (12—19) углубить убѣжденіе въ возможности спасенія всѣхъ чрезъ одного, чтобъ отстранить всякія колебанія ума въ признаніи сей истины, то доказавъ предъ симъ, что какъ грѣхъ и смерть чрезъ одного, такъ нѣтъ основанія сомнѣваться, что и правда и животъ чрезъ одного же, т.-е., что несомнѣнность перваго положенія сильна удостовѣрить въ несомнѣнности втораго,— онъ теперь выставляетъ, что для здравомыслящаго по-

слѣднее положеніе должно имѣть большую достовѣрность и должно быть принимаемо съ большимъ убѣжденіемъ въ истинѣ его. Почему такъ? Потому, что не *якоже прегрѣшеніе, тако и даръ*. Если грѣхъ подвергъ всѣхъ осужденію и смерти чрезъ одного, то тѣмъ паче благодать и даръ чрезъ одного же сильны всѣхъ оправдать и спасти. Это преизбыточество благъ во благодати предъ обиліемъ золъ отъ грѣха св. Павелъ разнообразно разъясняетъ въ 15—17 стихахъ; и хотя нѣкоторые въ нихъ термины и соотношенія понятій затруднительно уразумѣть, эта однакожъ главная мысль ясна.

Ст. 15. ***Но не якоже прегрѣшеніе, тако и даръ. Аще бо прегрѣшеніемъ единаго мнози умроша, множае паче благодать Божія и даръ благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова.***

Отъ Христа Господа ты долженъ ожидать гораздо болѣе добра, нежели сколько произошло зла отъ Адама. Если послѣднее признаешь ты истиннымъ, то какъ можешь сомнѣваться въ первомъ? „Ежели столько силенъ былъ грѣхъ, и притомъ грѣхъ одного человѣка, то ужели не произведетъ сильнѣйшаго дѣйствія благодать,—благодать Бога, и не только Бога Отца, но и Бога Сына? Сіе гораздо сообразнѣе съ разумомъ, нежели первое. Повидимому не совсѣмъ справедливо, чтобы одинъ былъ наказываемъ за другаго; но чтобы одинъ былъ спасенъ чрезъ другаго, это гораздо приличнѣе и сообразнѣе съ разумомъ. Если же первое подтверждается опытомъ,—тѣмъ паче должно быть возможно послѣднее“ (Св. Злат.). „Христосъ доставилъ пользу не въ такой лишь мѣрѣ, въ какой причинилъ вредъ Адамъ. Если грѣхъ столько былъ силенъ, что вслѣдствіе паденія одного осуждены всѣ потомки его, хотя они не пали (подобно ему); то гораздо большее и обильнѣйшее дѣйствіе произведетъ на многихъ благодать. Даръ Божій не можетъ быть

равномѣренъ осужденію чрезъ одного согрѣшившаго“ (бл. Θеоф.).

Основанія, на которыхъ должно утверждаться убѣжденіе, что благодать и даръ паче прегрѣшенія, надо видѣть выраженными въ условныхъ положеніяхъ 15—17 стиховъ; но какія они, это трудно уловить въ словахъ св. Павла и выразить удобопонятно, не отступая отъ сихъ словъ. Св. Златоустъ, какъ видѣли выше, указываетъ такія сему основанія: „свойство дѣла, могущество совершившаго и самое приличіе“.—И можетъ-быть онъ видѣлъ первое выраженнымъ въ 15-мъ, второе въ 16-мъ, третье въ 17-мъ стихахъ. Свойство дѣла: тамъ грѣхъ,—пагубныя слѣдствія его присуждаются правосудіемъ Божескимъ и конечно въ мѣрѣ и въ полномъ соотвѣтствіи грѣху, пагубность грѣха ограничивается мѣрою грѣха; а здѣсь—благодать,—благодати и дару нѣтъ мѣры, мѣра ихъ — благость Дающаго, и когда Онъ безпредѣленъ естествомъ, естественно безпредѣльна благость. Могущество совершившаго: тамъ человѣкъ, здѣсь Богочеловѣкъ, Богъ въ человѣческомъ естествѣ, дѣло Котораго—оправданіе не можетъ не преизобиловать паче дѣла человѣка—грѣха; благодатное возстановленіе падшаго, по самому естеству Возстановителя, не могло не поднять возстановляемаго выше, нежели какъ онъ стоялъ до паденія, не могло не ввесть его въ наслажденіе обильнѣйшими благами сравнительно съ прежними.—Приличіе—не даетъ особой мысли, а совмѣщаетъ оба предыдущія основанія въ видѣ заключительнаго положенія.

Итакъ, будемъ видѣть первое основаніе выраженнымъ въ 15-мъ стихѣ: *аще бо прегрѣшеніемъ единаго мнози умроша, множае паче благодать Божія и даръ благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова*. Тамъ грѣхъ, здѣсь благодать. Если у грѣха достало зловредности, чтобъ подвергнуть смерти многихъ: не мно-

жае ли паче съ преизбыткомъ на многихъ достанетъ благъ, въ благодати совмѣщаемыхъ? Слова — *мнози, во многихъ*, —стоятъ вмѣсто—*вси* и *во всѣхъ*. *Преизлишествова* указываетъ на явленную уже благодать и данный даръ, означая, что они съ преизбыткомъ содержатъ блага, въ смыслѣ: преизбыточественна есть.—Бл. Θеодоритъ пишетъ: „въ наказаніи Владыка Богъ сохранилъ законъ справедливости, и когда Адамъ согрѣшилъ и преданъ былъ смерти, послѣдовалъ за нимъ весь родъ; тѣмъ конечно справедливѣе сохраниться правдѣ въ Божіемъ человѣколюбіи и всѣмъ людямъ содѣлаться причастными воскресенію Владыки Христа.... Щедрота благодати превосходитъ уставъ правды“.

Ст. 16. *И не якоже единѣмъ согрѣшшимъ дарованіе: грѣхъ бо изъ единаго во осужденіе: даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе.*

Мѣсто сіе очень затруднительно: и перевесть его трудно, а уловить движущуюся въ немъ мысль еще труднѣе. Слова: *не якоже единѣмъ согрѣшшимъ*—наводятъ на мысль, что св. Павель, объяснивъ предъ симъ преизлишество благодати предъ грѣхомъ изъ понятій о благодати и грѣхѣ, теперь тоже самое намѣревается объяснить изъ понятій – о лицѣ согрѣшившемъ и о лицѣ дарующемъ оправданіе. Онъ какъбы говоритъ: смотри на того, кто согрѣшилъ и ввелъ грѣхъ и смерть, и на Того, Кто вводитъ оправданіе и животъ, и увидишь преизлишество благодати надъ грѣхомъ. Дарованіе, исходящее отъ сего послѣдняго, никакъ нельзя ставить въ сравненіе со вредомъ, вошедшимъ чрезъ перваго. Почему такое именно заключеніе слѣдуетъ вывесть изъ понятій о дѣйствующихъ здѣсь лицахъ, Апостолъ не раскрываетъ. Можно предположительно нагадать: потому такъ, что вводитель грѣха и смерти былъ человѣкъ, а истребитель ихъ есть Богъ въ человѣческомъ естествѣ, — сила же Бога и въ

человѣческомъ естествѣ простирается на всѣ вѣка и всѣ дѣла сихъ вѣковъ. Нагаданіе такого предположенія не будетъ натяжкою; напротивъ, его будто требуютъ послѣдующія слова св. Апостола.

Праотецъ нашъ согрѣшилъ. Этого одного грѣха достаточно было къ тому, чтобы всѣхъ насъ подвергнуть осужденію подобно тому, какъ бываетъ у насъ, что когда родоначальникъ потеряетъ дворянство, то всѣ потомъ отъ него происходящіе уже не будутъ дворянами.—Но мы, происходящіе отъ перваго согрѣшившаго, не потому только несемъ осужденіе, что тотъ одинъ согрѣшилъ, яко родоначальникъ нашъ, но и потому, что сами стали грѣшить и надѣлали множество грѣховъ. Почему для того, чтобы снять съ насъ осужденіе, надо не только грѣхъ единаго праотца нашего загладить, но и грѣхи всѣхъ насъ,—отъ Адама до конца вѣковъ. Если теперь благодать, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ явленная, совершаетъ сіе послѣднее, то не очевидно ли, что дарованіе отъ единаго Избавителя не якоже лишеніе чрезъ единаго согрѣшившаго? Но откуда такая сила во Христѣ Іисусѣ? Оттуда, дополнимъ отъ себя, что Онъ не человѣкъ только, но Богочеловѣкъ. Такая мысль видится въ словахъ: *грѣхъ бо изъ единаго во осужденіе, даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе*. Св. Златоустъ говоритъ послѣ сихъ словъ: „Что сіе значитъ?—То, что одинъ грѣхъ могъ навлечь смерть и осужденіе; а благодать изгладила не только сей единый грѣхъ, но и другіе грѣхи, за нимъ послѣдовавшіе. Дабы употребленіемъ сравнительныхъ частицъ—*какъ* и *такъ*,—не подать мысли, что для зла и добра берется одинаковая мѣра,—и дабы ты, слыша объ Адамѣ, не заключилъ, что изглажденъ только грѣхъ, сообщенный людямъ отъ Адама,—Апостолъ говоритъ, что изглаждены многія преступленія. Изъ чего сіе видно? Изъ того, что послѣ безчисленныхъ грѣховъ,

слѣдовавшихъ за грѣхомъ, учиненнымъ въ раю, все кончилось оправданіемъ".

Еслибы Господь Іисусъ Христосъ подавалъ только снятіе осужденія за грѣхи, и тогда слѣдовало бы, что *не якоже единѣмъ согрѣшшимъ—дарованіе.* Не тѣмъ ли паче слѣдуетъ такое заключеніе, когда извѣстно, что даръ отъ Господа Іисуса Христа не ограничивается однимъ снятіемъ осужденія, но сообщаетъ и самую праведность. *Даръ отъ многихъ прегрѣшеній*—не въ обезвиненіе только, но и *въ оправданіе* или въ праведность. Откуда же такая сила въ Іисусѣ Христѣ? Оттуда, опять дополнимъ отъ себя, что Онъ есть не человѣкъ только, но Богъ въ человѣческомъ естествѣ, а въ Богѣ источникъ всѣхъ благъ, достаточный на всѣхъ людей и на всѣ вѣка. Св. Златоустъ говоритъ: „Сперва (въ предыдущемъ 15-мъ ст.) сказалъ Апостолъ, что если грѣхъ одного умертвилъ всѣхъ, тѣмъ паче можетъ спасти благодать одного. Потомъ (въ этомъ 16-мъ ст.) обнаружилъ такую мысль, что благодатію истребленъ не одинъ первородный грѣхъ, но и всѣ прочіе грѣхи; даже не только истреблены грѣхи, но и дарована намъ праведность; и Христосъ не только исправилъ все то, что повреждено Адамомъ, но все сіе возстановилъ въ большей мѣрѣ и въ высшей степени".

Ст. 17. *Аще бо единаго прегрѣшеніемъ смерть царствова единѣмъ, множае паче избытокъ благодати и даръ правды пріемлюще, въ жизни воцарятся единѣмъ Іисусъ Христомъ.*

Эти слова подтверждаютъ сказанное выше, поясняя вмѣстѣ, какъ совершается, что отъ одного люди принимаютъ лишенія, а отъ другаго избытки дарованій. Какъ же? Чрезъ общеніе съ тѣмъ и другимъ. Тамъ естественно, происходя отъ одного человѣка, наслѣдуютъ отъ него грѣхъ, а чрезъ грѣхъ и смерть, такъ что смерть является царствующею въ родѣ нашемъ чрезъ одного. Здѣсь вѣ-

рою сочетаваясь съ Господомъ Іисусомъ Христомъ и пріемля отъ Него новую жизнь чрезъ таинственное возрожденіе, пріемлютъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ сокровища благодатей, въ Немъ сокрытыя, такъ что не жизнь только въ нихъ является царствующею, но они сами облекаются въ царственное состояніе въ жизни: жизнь всѣхъ преисполняетъ чрезъ единаго Господа Іисуса Христа, потому что Онъ, яко Богъ, есть источникъ жизни и всякихъ благъ податель. Преизбытокъ благодатей въ Немъ, бывъ пріемлемъ вѣрующими, не только всѣ лишенія, отъ перваго согрѣшившаго къ намъ перешедшія, отъемлетъ, но исполняетъ вмѣсто того всякими благами. Это само собою слѣдуетъ изъ того, что доказано предъ симъ, именно, что *не якоже единѣмъ согрѣшшимъ дарованіе*. Св. Златоустъ говоритъ на это: „Что вооружило смерть противъ всѣхъ людей? То, что одинъ изъ нихъ вкусилъ отъ древа. Ежели смерть пріобрѣла такую силу чрезъ преступленіе единаго, то, какъ скоро найдутся люди, которые получили благодать и праведность, несравненно превосходящія оный грѣхъ, могутъ ли они оставаться повинными смерти? Посему не сказалъ здѣсь Апостолъ: благодать, но: *избытокъ благодати*. Благодатныхъ даровъ сообщено намъ не столько, чтобы истребить только грѣхъ, но гораздо больше. Мы освобождены отъ наказанія, совлеклись всѣхъ злыхъ дѣлъ, возрождены свыше, воскресли по погребеніи ветхаго человѣка, искуплены, освящены, введены въ усыновленіе, оправданы, стали братьями Единороднаго, содѣлались Его снаслѣдниками, совокупились съ Нимъ въ одно тѣло, содѣлались Его членами, соединились съ Нимъ, какъ тѣло съ главою. Все сіе Павелъ наименовалъ избыткомъ благодати, доказывая тѣмъ, что мы получили не только врачевство, исцѣляющее рану нашу, но здравіе, красоту, честь, славу и такія достоинства, которыя гораздо выше нашей природы.

Каждый изъ сихъ даровъ могъ бы самъ по себѣ истребить смерть; когда же всѣ они стекаются вмѣстѣ, тогда смерть истребляется съ корнемъ, тогда не можетъ уже появиться ни слѣда, ни тѣни ея.—Представь, что заимодавцу задолжалъ кто-нибудь десятью оволами, и онъ ввергаетъ въ темницу не только самого должника, но даже жену его, дѣтей и слугъ; но приходитъ другой и не только вноситъ тѣ десять оволовъ, но еще даритъ десять тысячъ талантовъ золота, ведетъ узника въ царскій дворецъ, сажаетъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, осыпаетъ его почестями и отличіями. Точно такъ случилось съ нами! Христосъ заплатилъ гораздо больше, нежели чѣмъ мы были должны; Его уплата въ сравненіи съ долгомъ тоже, что безмѣрное море въ сравненіи съ малою каплею.—И такъ не сомнѣвайся, человѣкъ, видя такое богатство благъ; не любопытствуй знать, какъ потушена искра смерти и грѣха, когда на нее пролито цѣлое море благодатныхъ даровъ. Сіе самое разумѣлъ Павелъ, сказавъ, что пріявшіе обиліе благодати и даръ праведности будутъ царствовать въ жизни."

Ст. 18. ***Тѣмже убо, якоже единаго прегрѣшеніемъ во вся человѣки вниде осужденіе: такожде и единаго оправданіемъ во вся человѣки вниде оправданіе жизни.*** Ст. 19. ***Якоже бо ослушаніемъ единаго человѣка грѣшни быша мнози, сице и послушаніемъ единаго праведни будутъ мнози.***

Тѣмже убо—указываетъ, что слѣдующія за симъ два текста суть выводъ изъ предыдущаго разсужденія. Онъ говоритъ какъбы: итакъ видите теперь, или—итакъ доказано. Онъ и прежде уже доказалъ, что Богъ спасаетъ насъ нынѣ смертію единаго Сына Своего воплотившагося. Потомъ вознамѣрился приблизить сію истину къ убѣжденію, противопоставивъ сіе дѣло благодати Единаго тому, что произвелъ грѣхъ одного Адама, и говоря какъ бы: грѣхъ одного причинилъ всѣмъ пагубу, какъ можетъ

кто-либо сомнѣваться, что чрезъ Одного же устроянется и спасеніе?—Это выразилъ онъ въ ст. 12-мъ и д., гдѣ сказалъ: чрезъ одного грѣхъ и смерть, чрезъ одного правда и животъ; потому что какъ въ первомъ всѣ согрѣшили, такъ во второмъ всѣ стали правы и праведны. Объяснивъ затѣмъ, что послѣднее гораздо болѣе имѣетъ силы и достовѣрности въ ст. 15—17, онъ сводитъ теперь все разсужденіе опять къ томуже, что сказалъ въ ст. 12-мъ, именно, что какъ отъ одного грѣхъ и смерть, такъ отъ одного правда и животъ; потому что какъ въ первомъ всѣ согрѣшили, такъ во второмъ всѣ стали правы. Положеніе содержится въ ст. 18-мъ, а основаніе его въ ст. 19-мъ.

Положеніе выражено такъ: какъ прегрѣшеніемъ одного во всѣхъ людей вошло осужденіе,--разумѣется осужденіе на смерть,—такъ оправданіемъ одного во всѣхъ людей вошло оправданіе къ жизни. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Взирая на Адама, говоритъ Апостолъ, не сомнѣвайтесь въ сказанномъ мною (т.-е. что Богъ спасаетъ всѣхъ во единомъ Господѣ Іисусѣ Христѣ). Ибо если то истинно, какъ и дѣйствительно истинно, что когда преступилъ Адамъ заповѣдь, весь родъ пріялъ на себя смертный приговоръ, то явно, что правда Спасителева всѣмъ человѣкамъ устрояетъ жизнь.“—Апостолъ сказалъ: *вниде оправданіе жизни*, давая разумѣть, что спасительныя силы благодати уже вошли въ человѣчество, восприняты имъ и начали свое возстановительное дѣйствіе. А что сказалъ: *во вся человѣки вниде*, когда начало только входить, то этимъ выразилъ онъ съ одной стороны несомнѣнность дѣйствія благодати, созерцая его въ единомъ обзорѣ, съ другой—вседовлѣтельность благодати, которая все объемлетъ—и настоящее, и прошедшее и будущее. Не сомнѣвайся, что вошла уже благодать сія, и спѣши лишь воспользоваться ею, чтобъ уничтожить пагубныя слѣдствія перваго грѣха.

Основаніе, почему такъ сдѣлалось, что и тамъ пагуба, и здѣсь спасеніе — все отъ одного,—то, что какъ тамъ чрезъ ослушаніе одного всѣ стали грѣшны, такъ и здѣсь чрезъ послушаніе одного всѣ стали праведны. *Мнози* употребилъ Апостолъ вмѣсто *вси*. Св. Апостолъ не разъясняетъ, какъ чрезъ ослушаніе или грѣхъ одного стали всѣ грѣшны, но это доказывалъ опытъ; ибо послѣ Адама дѣйствительно и грѣшили всѣ, и грѣшными всѣ были почитаемы. Къ грѣху Адама прилагали свои и бывали сугубо грѣшны предъ Богомъ. Не объясняетъ онъ и того, какъ чрезъ послушаніе одного могутъ быть праведны всѣ; но въ примѣрѣ перваго даетъ разумѣть возможность послѣдняго. Почему говоритъ: *будутъ праведны*..., съ греч. состоятся праведными. Уже начали быть праведными; подожди, станутъ такими и всѣ. А что начали, это очевидно было для всѣхъ. Всѣмъ отпускаемы были грѣхи по вѣрѣ въ Господа и всѣмъ по тойже вѣрѣ была сообщаема благодать Св. Духа, научавшая ихъ дѣламъ всякой правды и дѣлавшая ихъ сильными къ совершенію ихъ: всѣ вѣровавшіе самымъ дѣломъ были праведны и святы и предъ всѣми являлись таковыми. Этимъ путемъ и всѣ люди могли сдѣлаться праведными. Они еще не сдѣлались, но Апостолъ созерцаетъ уже ихъ таковыми въ единомъ всеправедномъ и всесвятомъ Господѣ Іисусѣ Христѣ, какъ въ сѣмени можно узрѣвать все дерево многовѣтвенное и многоплодное.

Ст. 20. *Законъ же привниде, да умножится прегрѣшеніе: идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать.*

Въ слѣдъ за предыдущими словами (ст. 18. 19) надо читать стихъ 21-й, въ коемъ выражается промыслительная Божія цѣль въ такомъ устроеніи нашего спасенія во Господѣ; а этотъ—20-й стихъ есть вносный. Можно было обойтись и безъ него; но сказавши, что пагубныя

слѣдствія преступленія Адамова всѣ отъяты благодатію единаго Господа Іисуса Христа, Апостолъ будто услышалъ отъ кого вопросъ: да что же законъ? и мимоходомъ отвѣтилъ на него. „Кто-нибудь, вѣроятно, могъ усомниться и возразить: что же дѣлалъ въ теченіи столькихъ лѣтъ законъ, если оправдалъ насъ одинъ Христосъ?" (Θеоф.). Сущность отвѣта такова: законъ пришелъ, чтобъ ускорить пришествіе благодати, ибо законъ размножилъ грѣхи, а грѣхи преумноженные привлекли преизобильную благодать. *Законъ привниде, да умножится прегрѣшеніе.* „Частица: *да* означаетъ здѣсь не причину, но, по образу рѣчи, свойственному сему Апостолу, указываетъ на послѣдствіе" (Θеод. и Θеоф.). Можно читать: законъ пришелъ и умножились прегрѣшенія (Экум.). „Законъ, говоритъ, не только не принесъ никакой пользы (т.-е. такой, чтобъ послѣ него не требовалось другое спасительное средство) и не оказалъ никакого пособія, но еще съ появленіемъ его усилилась болѣзнь; впрочемъ не самый законъ былъ причиною сего, а только такъ открылось на опытѣ. Ибо законъ данъ не для умноженія грѣха, а для уменьшенія и истребленія онаго. А если вышло противное, то не по свойству закона, а по нерадѣнію принявшихъ законъ" (Св. Злат.). „Или такъ сказалъ онъ въ укоръ Іудеямъ, потому что къ нимъ обращаетъ рѣчь, а они слишкомъ высоко думали о законѣ. Итакъ, вразумляя ихъ, онъ внушаетъ имъ здѣсь, что напрасно они такъ много превозносятся закономъ. Ибо судя по вашимъ дѣламъ, надо сказать, что законъ привзошелъ, чтобъ умножить прегрѣшенія. Сказалъ же такъ по тому поводу, что помянулъ о пагубѣ во Адамѣ и избавленіи отъ нея во Христѣ. Такъ, чтобы кто не приписалъ чего въ семъ отношеніи закону, онъ говоритъ: законъ не на это данъ; отъемлетъ славу у закона, чтобы всю ее восписать Христу" (Экум.).

Апостолъ сказалъ: *привниде* законъ, чтобъ означить, что онъ есть нѣчто придаточное, на время установленное, въ дѣлѣ устроенія нашего спасенія,—„что былъ онъ временною потребностію, а не главною и важнѣйшею" (Св. Злат.). „Концемъ обѣтованія, даннаго патріарху, былъ Христосъ. Ибо сказано ему: *благословятся о сѣмени твоемъ вси языцы земніи* (Быт. 22, 18). Но въ срединѣ между Авраамомъ и Христомъ *привниде законъ*. Хотя сообщалъ онъ болѣе точное познаніе, что грѣхъ есть зло, однакоже не имѣлъ силы прекращать грѣхъ, а напротивъ того, до крайности умножилъ его; потому что, чѣмъ больше заповѣдей, тѣмъ больше стало преступленій" (Θеод.). Тутъ сдѣлано тоже, что дѣлаютъ иные лекаря: даютъ прежде такое лекарство, которое полнѣе обнаруживаетъ болѣзнь, выгоняетъ ее наружу, и потомъ уже уничтожаютъ ее Болѣзнь грѣховная при законѣ высыпала наружу, и стало явно всѣмъ, въ какой силѣ обладаетъ нами грѣхъ. Но это самое и привлекло благодать: или ускорило явленіе ея, или указало предопредѣленный моментъ къ явленію ея. „Не бойся (что умножился грѣхъ); все сіе послужило къ явленію большей благодати" (Св. Злат.).

Идѣже бо умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать.—*Идѣже*—коль скоро, когда. Когда такимъ образомъ умножился грѣхъ, *преизбыточествова*,—явилась въ преизбыточествѣ, или преизбыточественною, благодать. Она всегда была присуща и покрывала родъ нашъ, но теперь излилась въ преизбыткѣ, или въ предопредѣленной полнотѣ. Нечего было болѣе ждать; надлежало стереть главу змія, какъ обѣтовано. „Тогда какъ чрезъ законъ умножился грѣхъ, чрезъ Христа благодать Божія явилась преизобильно, не только освободивъ насъ отъ грѣховъ, но и оправдавъ и содѣлавъ небесными и усыновивъ Богу. Поэтому не сказалъ—избыточествова, но—

преизбыточествова, показывая этимъ большое изобиліе ея“ (Θеоф.). Не теперь только присуждена она быть такою; она по существу своему такова и отъ вѣка предназначена быть такою. Теперь только она явлена дѣломъ и какъ сама по себѣ преизобильна, то преизобильною и зрится.

Ст. 21. *Да якоже царствова грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣчную, Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ.*

Тутъ выражена сущность устроенія нашего спасенія. Царствовалъ грѣхъ, а чрезъ грѣхъ смерть; теперь воцаряется и отселѣ начнетъ царствовать благодать, которая, уничтожая грѣхъ и дѣлая праведными, сокрушаетъ въ корнѣ смерть и отверзаетъ врата въ жизнь вѣчную. Все же сіе Господомъ Іисусомъ Христомъ для насъ устроено и въ насъ совершается. Вѣрою прилѣпляющійся къ Господу становится единъ духъ съ Господомъ, чистъ, непороченъ, святъ, и воспріемлетъ чрезъ то сѣмя вѣчной жизни, которой и сподобится въ опредѣленное время силою воскресенія Христова.—Св. Златоустъ говоритъ: „Въ сихъ словахъ Апостолъ представляетъ грѣхъ царемъ, а смерть воиномъ, который у него въ службѣ и имъ вооруженъ. А ежели смерть вооружена грѣхомъ, то явно, что праведность, сообщаемая благодатію и уничтожающая грѣхъ, не только обезоруживаетъ смерть, но и разоряетъ и низвергаетъ все царство грѣха, поколику праведность сильнѣе грѣха, потому что произошла не отъ человѣка, но отъ Бога и благодати, и ведетъ жизнь нашу къ совершеннѣйшему и безконечному благу. Да и самая жизнь не будетъ имѣть предѣловъ, дабы ты изъ сего яснѣе позналъ могущество благодати. Все это пріобрѣлъ намъ заслугами Своими Христосъ. Посему, имѣя праведность, не сомнѣвайся о жизни. Ибо праведность выше жизни,—она есть матерь жизни.“

Итакъ, вотъ куда должна быть обращена вся наша забота,—чтобы быть намъ святыми и непорочными предъ Богомъ. За это и возьмись всякъ со всѣмъ усердіемъ, пользуясь всѣми благодатными средствами, какія подаетъ намъ богоучрежденная экономія нашего спасенія. Будешь таковъ, несомнѣнно войдешь въ животъ вѣчный. Ревнованіе о святости въ надеждѣ вѣчно блаженной жизни—се есть единое на потребу.

III.

Вѣра въ Господа налагаетъ на вѣрующихъ обязательство—быть святыми.

Гл. 6—7, 6.

Выше изобразилъ Апостолъ, что спасеніе устроянется для насъ благодатію, и что призывая къ сему спасенію, Богъ ни на что прошедшее не смотритъ, ни на обрѣзаніе, ни на необрѣзаніе, ни на праведность, ни на грѣшность; потому что и призваніе ко спасенію, какъ и устроеніе спасенія есть дѣло благости Божіей. Но хотя до призванія Богъ не смотритъ, грѣшенъ ли кто, или праведенъ;—не такъ однакожъ относится Онъ къ сему по призваніи. Здѣсь законъ неотложный: призванъ, пришелъ, облеченъ благодатію,—будь же святъ и непороченъ. На то и благодать, чтобъ царствовать въ принявшихъ ее, но царствовать правдою.

Это обязательство къ правдѣ и святости въ призванныхъ къ вѣрѣ и разъясняетъ Апостолъ въ настоящей главѣ. Сначала а) узаконяетъ сіе обязательство, выводя его изъ благодатнаго таинственнаго нашего сочетанія со Христомъ Господомъ, 6, 1—10,—потомъ б) предлагаетъ способы, какъ устоять въ сей святости и какъ

проявлять ее, 6, 11—14; съ приложеніемъ и в) побужденій къ тому,—6, 15—23;—и наконецъ г) отклоняетъ отъ употребленія средствъ, какія предлагалъ къ тому законъ,—7, 1 - 6.

а)

Гл. 6, 1. *Что убо речемъ: пребудемъ ли во грѣсѣ, да благодать преумножится? Да не будетъ.*

Этотъ вопросъ и отвѣтъ на него помѣстилъ здѣсь Апостолъ въ качествѣ перехода къ изложенію обязательства христіанъ быть святыми. Поводомъ къ нему послужило предшествовавшее слово: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Θеод.). Сказавши это, Апостолъ возбудилъ въ себѣ воспоминаніе о томъ, какъ враги его всюду распространяютъ о немъ клевету, будто онъ учитъ: *сотворимъ злая, да пріидутъ благая* (Рим. 3, 8). „Эту клевету онъ и выставляетъ здѣсь, только не отъ ихъ лица, а будто вопросъ, къ которому приводитъ теченіе рѣчи“ (Экум.). Дѣлаетъ же такъ, чтобъ изострить вниманіе къ тому, что намѣренъ говорить: ибо считалъ—послѣ таинства искупленія — главнѣйшимъ предметомъ своего ученія—разъясненіе обязанности христіанъ предъ Богомъ—быть святыми и непорочными. Чѣмъ кто былъ до призванія, до того нѣтъ дѣла; но коль скоро призванъ, будь святъ, потому что и призванъ къ святости и снаряженъ всѣмъ нужнымъ къ достиженію ея. Въ такой связи поставляетъ эти стихи Св. Златоустъ. Онъ говоритъ, что Апостолъ обращается къ нравственности, т.-е. къ внушенію быть святыми; но чтобъ не показаться обременительнымъ и несноснымъ, дѣлаетъ видъ, будто обращается къ сему не намѣренно, а будучи вынужденъ суемудріемъ немощныхъ умовъ. „Онъ доказалъ, что благодать достаточна къ уврачеванію тяжкихъ грѣховъ; но неразумные могли слова сіи счесть поблажкою ко грѣху.

Они стали бы разсуждать: ежели благодать открывается въ большей мѣрѣ, когда нами учинены тягчайшіе грѣхи, то не перестанемъ грѣшить, дабы обильнѣе являлась благодать. Замѣть же, какъ Апостолъ отклоняетъ отъ такого разсужденія и мнѣнія. Сначала опровергаетъ возраженіе простымъ отрицаніемъ, сказавъ: *да не будетъ*, какъ обыкновенно выражаются о чемъ-либо по общему признанію крайне нелѣпомъ. А потомъ приводитъ неопровергаемое доказательство.—Какое же?"

Ст. 2. ***Иже бо умрохомъ грѣху, како паки оживемъ о немъ (како еще жити будемъ въ немъ)?***

„Что значитъ—*умрохомъ?*—То, что увѣровавъ и просвѣтившись (крестившись), стали мы мертвы для грѣха. Что же значитъ стать мертвымъ для грѣха? Ни въ чемъ болѣе не слушаться грѣха. Хотя крещеніе совершило уже сіе однажды навсегда, т.-е., умертвило насъ грѣху; впрочемъ мы обязаны непрестанно употреблять все свое раченіе, чтобы оставаться въ томъже состояніи, и чтобы ни приказывалъ намъ грѣхъ, не только не повиноваться ему, но даже не трогаться съ мѣста, подобно мертвецу" (Св. Злат.).

Умрохомъ — мы. Кто это мы? — Мы всѣ христіане. Умертвіе разумѣется не физическое, а нравственное, состоящее въ отверженіи всякаго грѣха и возненавидѣніи его. Ибо какъ приступаютъ къ Господу? Каясь и крестясь, какъ указалъ Св Петръ въ день Пятьдесятницы вопрошавшимъ: *что убо сотворимъ? Покайтеся, и да крестится кійждо въ васъ*, отвѣтилъ онъ (Дѣян. 2, 38). А каяться что значитъ?—Говорить въ сердцѣ своемъ: согрѣшилъ не буду. Это *не буду* и есть смерть грѣху. Крещеніе же что придаетъ?—Закрѣпляетъ благодатію сіе рѣшеніе воли и даетъ силу устоять въ семъ рѣшеніи. Крещенный, въ чувствѣ силы о Господѣ, съ смертельною ненавистію относится ко всякому виду грѣха.

Въ этомъ существо нравственной смерти грѣху. Коль же скоро кто начинаетъ допускать симпатію къ чему-либо грѣшному, то въ какой мѣрѣ онъ допускаетъ сіе, въ такой оживаетъ въ немъ грѣхъ, или онъ грѣху. Подавленіе такихъ симпатій есть пребываніе въ умертвіи грѣху. „Отсюда узнаемъ, пишетъ Θеофилактъ, что чрезъ крещеніе всякій вѣрующій дѣйствительно умираетъ для грѣха, но, по нерадѣнію своему, самъ воскрешаетъ себя и тотчасъ оживаетъ для него, лишь только соединяется съ нимъ; напротивъ старательный всегда сохраняетъ въ себѣ эту мертвенность и чтобы ни внушалъ ему грѣхъ, не повинуется ему, какъ мертвый."

Ст. 3. *Или не разумѣете, яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся?*

„Какъ предыдущія слова были не совершенно ясны, то объясняетъ тоже самое въ другой разъ, и въ выраженіяхъ болѣе сильныхъ" (Св. Злат.). Сказалъ: *умрохомъ грѣху.* Когда и какъ? — Въ крещеніи, говоритъ. „Раскрываетъ, какъ умерли мы для грѣха, и говоритъ: чрезъ крещеніе" (Θеоф.). Когда окрестились во Христа, тогда и умерли грѣху. Ибо окрестившись во Христа, мы въ смерть Его окрестились. Очевидно, что крещеніе въ смерть Христову есть умертвіе грѣху. Какъ же это такъ?—Это объясняетъ значеніе и сила смерти Христовой. Умерши на крестѣ, Господь Спаситель грѣхи наши вознесъ на крестъ и сталъ очищеніемъ о грѣсѣхъ нашихъ. Въ крестной смерти Господа – очистительная сила грѣховъ. Кто крестится, — погружается,—въ смерть Христову, тотъ погружается въ очистительную силу грѣха. Сія сила въ самомъ дѣйствіи погруженія снѣдаетъ всякій грѣхъ, такъ что и слѣда его не остается. Здѣсь бываетъ тоже, какъ еслибы кто приготовилъ такой химическій составъ, который, когда погрузятъ въ него какое нечистое бѣлье или платье, тотчасъ растворялъ и снѣдалъ

бы всякую нечистоту: только погрузи въ него,—и всякая нечистота будетъ снѣдена. Такъ и смерть Христова, какъ очистительная сила грѣха, снѣдаетъ всякій грѣхъ, какъ только кто погружается въ сію смерть крещеніемъ. Въ крещенномъ и слѣда грѣха не остается: онъ умеръ ему.

Но надо при семъ имѣть въ мысли, что въ семъ умертвіи грѣху чрезъ крещеніе ничего не бываетъ механически, а все совершается съ участіемъ нравственно свободныхъ рѣшимостей самого человѣка. Существо умертвія грѣху всегда одно: это есть отвращеніе отъ грѣха, смертельное возненавидѣніе его. Гдѣ же оно въ крещеніи?—Тутъ же, въ духѣ крещаемаго. Ибо что дѣлаетъ крещаемый предъ погруженіемъ въ купель? Отрицается сатаны и всѣхъ дѣлъ его и всего служенія его; а это тоже, что отвращается отъ грѣха и возненавидѣваетъ его. Когда затѣмъ, въ семъ духѣ отвращенія и ненависти ко грѣху, погружается онъ въ купель, тогда благодать Божія, низшедши внутрь, закрѣпляетъ сіи расположенія и рѣшенія воли и даетъ имъ силу живую и дѣйственную. Крещенному всѣ прежніе грѣхи прощаются, а отъ будущихъ охранять его будетъ сія низшедшая въ него въ крещеніи сила. Онъ и есть воистинну мертвъ грѣху. И все сіе производитъ очистительная сила грѣха, сущая въ смерти Христовой, погруженіе въ которую совершается чрезъ погруженіе въ купель. Св. Златоустъ говоритъ: „Чѣмъ для Христа былъ крестъ и гробъ, тѣмъ для насъ стало крещеніе, хотя въ другомъ отношеніи. Ибо Христосъ умеръ и погребенъ плотію; а въ насъ умеръ и погребенъ грѣхъ. То и другое есть смерть, какъ во Христѣ, такъ и въ насъ есть смерть истинная. Но хотя грѣхъ и истинно въ насъ умираетъ чрезъ крещеніе; однакожъ надобно, чтобъ и сами мы содѣйствовали къ умерщвленію его.“ — Это содѣйствіе совершается возненавидѣніемъ грѣха, воспріемлемымъ до кре-

щенія, запечатлѣваемымъ въ крещеніи и хранимымъ съ помощію благодати по крещеніи. Крещеніе не освобождаетъ насъ отъ самоохраненія отъ грѣха, напротивъ обязываетъ къ нему. Отъ чего грѣшатъ по крещеніи? Отъ того, что, возложивъ все на силу крещенія, сами и перстомъ не хотятъ двинуть въ противленіи грѣху, и самоохотно склоняются на него, сначала мыслями, потомъ сочувствіями, далѣе желаніями, а наконецъ и паденіями. Чрезъ это грѣхъ оживаетъ, и опять начинаетъ жить, бывши такъ дѣйственно умерщвленъ въ крещеніи. Какъ истинно то, что, погружаясь въ смерть Христову въ крещеніи, мы умираемъ грѣху, такъ непреложно и то, что сіе умертвіе грѣху есть возненавидѣніе грѣха, которое надлежитъ намъ возгрѣвать въ себѣ самоохотно, при всей облекающей насъ силѣ благодати Христовой.

Ст. 4. *Спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть: да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ.*

Убо—указываетъ на выводъ изъ предыдущаго. Что же выводитъ Апостолъ?—Итакъ, говоритъ, мы спогреблись въ смерть Христову, чтобъ жить новою жизнію. Но прямо ли это выходитъ изъ предыдущаго?—Тамъ говорилось, что крестясь, мы крестились въ смерть Христову, что означаетъ: умерли грѣху. Прямой выводъ отсюда былъ бы такой: итакъ мы спогреблись въ смерть Христову, чтобы быть мертвыми грѣху. И это прямо соотвѣтствовало бы самоотвѣтному вопросу: *како еще будемъ жити въ немъ?* А онъ говоритъ: спогреблись, чтобы жить новою жизнію.—Зачѣмъ онъ такъ сказалъ? Затѣмъ, что это есть другое выраженіе одной и тойже мысли; ибо жить новою жизнію, значитъ жить жизнію противоположною прежней; и если прежняя была грѣховная, такая, въ коей мы жили грѣху,—то эта новая должна быть жизнію такою, въ коей не слѣдуетъ намъ

жить грѣху, или слѣдуетъ быть мертвыми ему. Или затѣмъ,—чтобы указать вторую половину дѣйствія св. крещенія; ибо въ немъ мы не умираемъ только, но и оживаемъ, или воскресаемъ. Умираемъ для грѣха, а воскресаемъ для правды и святости. И по существу нравственно-духовной смерти такъ должно быть. Когда душа умираетъ чему, то не сама умираетъ: ибо есть присноживуща, а только отвращается отъ того, чему умираетъ, и смертельною возненавидѣваетъ то ненавистію. Но ненависть и отвращеніе всегда такъ строятся въ душѣ, что отвращаясь отъ одного, она не въ пустоту обращается, а къ чему-либо противоположному тому, чего отвращается. По сему закону, возненавидѣвая грѣхъ и отвращаясь отъ него, она въ тоже время обращается къ правдѣ и святости, и возлюбляетъ ихъ. Это возлюбленіе правды и святости и есть новая жизнь.—Совершается сіе обновленіе жизни въ томъже св. крещеніи, въ коемъ умираетъ и грѣхъ. Совершается же не механически, а по внутреннимъ произвольнымъ измѣненіямъ или рѣшеніямъ; совершается такъ въ крещеніи потому, что напередъ крещаемый возлюбляетъ такъ жить. Почему предъ погруженіемъ въ купель мы, отрекшись отъ сатаны и дѣлъ его, сочетаваемся Христу Господу, чтобъ Ему посвящать всю жизнь. Это расположеніе въ купели благодатію Божіею запечатлѣвается и силу принимаетъ быть дѣйственнымъ. Выходя съ нимъ изъ купели, крещенный является такимъ образомъ совсѣмъ новымъ, обновленнымъ въ нравственно-духовной своей жизни,—воскресаетъ. Подобно тому, какъ Христосъ Господь умеръ и воскресъ, и крещеный, погружаясь въ купель, умираетъ, а выходя изъ купели, воскресаетъ: умираетъ грѣху и воскресаетъ для правды, для новой и обновленной жизни. Вотъ объ этомъ таинственномъ и вмѣстѣ свободно-охотномъ измѣненіи и говоритъ въ настоящемъ мѣстѣ св. Павелъ: спогреблись.., чтобъ ходить въ обновленной жизни.

Спогребохомся крещенiемъ въ смерть—тоже самое означаетъ, что выше—*въ смерть Его крестихомся*. Употребилъ же Апостолъ такое слово, чтобъ выразить ближайшее подобiе погруженiя въ купель смерти Христовой,—и не подобiе только, но и существенное причастiе очистительной и оживительной силѣ сей смерти. *Спогребохомся*—какъбы мы вмѣстѣ со Христомъ на крестъ возносимы и во гробъ полагаемы бываемъ, въ дѣйствiи крещенiя. Такъ подлинно сила смерти Христовой переходитъ на насъ въ крещенiи, какъбы наша смерть здѣсь была тоже, что смерть Его, или неразлучна и сочетанна съ нею.

Когда Апостолъ говоритъ, что Господь Iисусъ *Христосъ воскресъ славою Отчею* (διά), то симъ означаетъ, что Онъ воскресъ „собственнымъ Божествомъ; ибо сiянiе славы Отчей есть Сынъ“ (Θеоф.). „Славою Отчею Апостолъ называетъ Божество Христово“ (Θеод.). Но по теченiю рѣчи, видѣть надо у Апостола намѣренiе сказать здѣсь не то, чрезъ что, или какою силою воскресъ, а скорѣе то, въ какомъ состоянiи воскресъ, чтобъ потомъ съ симъ состоянiемъ сравнить то состоянiе, въ какомъ должны держать себя христiане по выходѣ изъ купели крещенiя, т.-е., что Христосъ воскресъ въ свѣтлости и славѣ Божества. Какъ Христосъ Господь по воскресенiи явился въ такой свѣтлости, такъ намъ, по выходѣ изъ купели, надлежитъ ходить въ новой, свѣтлой, чистой и непорочной жизни.

Не должно пропускать безъ вниманiя словъ: *ходити начнемъ*. Обновленiе жизни совершено во святомъ крещенiи,—благодатно-таинственно и свободно-охотно. Вышедшему изъ купели что предлежитъ?—Начать съ сей минуты ходить въ этой обновленной жизни. Жизнь есть обнаруженiе въ видимыхъ дѣлахъ того, что создалось внутри. Тамъ создались въ моментъ крещенiя умертвiе

грѣху и оживленіе правдѣ и святости. Если умертвіе грѣху есть смертельная къ нему ненависть, то оживленіе правдѣ есть положительное возлюбленіе ея. Ходить слѣд. въ обновленной жизни будетъ—ходить при ненависти къ грѣху въ любви къ правдѣ и святости. И это есть цѣль всей жизни пріявшаго св. крещеніе христіанина.

Ст. 5. ***Аще бо сообразни (снасаждени) быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенія будемъ.***

Доказываетъ, что правильно сказалъ предъ симъ, сказавъ: спогребохомся.., чтобъ ходить въ обновленной жизни. Ибо, говоритъ, ставъ сообразными смерти Его, мы должны быть сообразными и воскресенію Его. Но если первое совершается чрезъ умертвіе грѣху, то второе должно совершаться чрезъ новую жизнь въ святости и правдѣ; а это и есть ходить въ обновленной жизни, подобясь Христу Господу, воскресшему изъ мертвыхъ въ свѣтлости и славѣ.

Сообразни, — σύμφυτοι,—снасаждены срощены, какъ прививокъ съ деревомъ. Больше и больше углубляетъ мысль о нашемъ причастіи смерти Христовой въ крещеніи: ***въ смерть крестихомся... спогребохомся... снасаждени.***—Хочетъ сказать: мы срощены со Христомъ Господомъ; почему все, что въ Немъ, должно быть и нашимъ достояніемъ. Онъ умеръ и воскресъ. Не можетъ же случиться, чтобы мы причастились только смерти Его и на томъ остановились, не ставъ причастными и воскресенія Его. Нѣтъ; если мы причастны смерти Его, то необходимо уже намъ быть причастными и воскресенію Его. И чтобы не осталось никакого въ этомъ сомнѣнія, употребилъ слово: срощены. Ибо гдѣ дерево, тамъ же непремѣнно и прививокъ его.

Что значитъ снасажденіе смерти Христовой? — Умертвіе грѣху, благодатно - таинственно совершившееся въ

купели крещенія, и долженствующее быть хранимымъ по крещеніи свободнымъ нашимъ произволеніемъ и собственнымъ нашимъ раченіемъ. Св. Златоустъ говоритъ: „два умерщвленія разумѣетъ здѣсь Апостолъ. Одно совершается Христомъ въ крещеніи, а другое обязаны совершить мы сами своею рачительностію послѣ крещенія. Что въ крещеніи погребены прежніе наши грѣхи, это есть Христовъ даръ; а чтобы послѣ крещенія пребыть мертвыми для грѣха, сіе должно быть дѣломъ собственнаго нашего раченія, хотя и въ семъ подвигѣ всего болѣе помогаетъ намъ Богъ. Ибо крещеніе имѣетъ силу не только загладить прежнія согрѣшенія, но и ограждаетъ отъ будущихъ. Какъ для заглажденія прежнихъ грѣховъ ты съ своей стороны употребилъ вѣру; такъ, чтобы не оскверниться грѣхами по крещеніи, яви перемѣну въ расположеніи."

Почему Апостолъ не сказалъ: *смерти* снасаждены, но—*подобію смерти?*—Св. Златоустъ отвѣчаетъ на это такъ: „ибо въ тебѣ не самая сущность умерла, а умеръ грѣховный человѣкъ." И еще: „поелику мы погребены въ водѣ, а Христосъ въ землѣ, нашъ погребенъ грѣхъ, а Его тѣло; то Апостолъ не сказалъ: снасаждени быхомъ смерти, но—*подобію смерти*. Хотя то и другое есть смерть, впрочемъ не одно и тоже умерщвлено ею."

Какъ разумѣть: *то и воскресенія будемъ*, т.-е. будемъ снасаждены и подобію воскресенія?—По ходу рѣчи такъже должно бы сіе разумѣть, какъ и снасажденіе подобію смерти, т.-е., о нравственно-духовномъ воскресеніи для святости и правды. И въ такомъ случаѣ слову: *будемъ*, надо будетъ дать значеніе увѣщанія: да будемъ, будемъ же, — или должны быть и явиться снасажденными и воскресенію. *То... будемъ*, по гречески *ἀλλὰ καὶ... ἐσόμεθα*.... Можетъ быть позволительно перевесть и: будемъ же. Судя по сему Апостолъ предлагаетъ здѣсь

увѣщаніе, или налагаетъ на насъ обязательство, по крещеніи жизнію своею подобиться свѣтлости воскресшаго Господа,—т.-е. внушаетъ тоже, что предъ симъ: *да якоже Христосъ воста отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни ходити начнемъ*. У нашихъ толковниковъ оправданіе сей мысли можно находить только въ общемъ ихъ опредѣленіи содержанія сего стиха,—т.-е. что Апостолъ говоритъ здѣсь о томъ, какъ должны мы жить по крещеніи,—именно бѣгая грѣха и ревнуя о правдѣ. Прямо же они видятъ въ сихъ словахъ указаніе на будущее воскресеніе, которому предначатіе полагается въ возрожденіи (которое есть воскресеніе въ духѣ) чрезъ крещеніе. Такого пониманія нельзя укорять; потому что грамматическій строй рѣчи сего стиха именно этого требуетъ. Соглашаясь съ этимъ, мы можемъ предложить только вопросъ: чего ради Апостолъ помянулъ о будущемъ воскресеніи, когда рѣчь идетъ все о нравственномъ измѣненіи на лучшее?—Того ради, чтобъ въ свѣтлости воскресенія указать побужденіе къ свѣтлости и чистотѣ жизни здѣсь по крещеніи. Онъ говоритъ какъбы: умерли мы со Христомъ въ крещеніи; несомнѣнно и воскреснемъ съ Нимъ. Смотри же, соблюди себя чистымъ по крещеніи, чтобъ воскреснуть во славѣ и къ славѣ, а не къ посрамленію. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „мы будемъ общниками и воскресенія, наслѣдуемъ жизнь вѣчную, какъ показавшіе воскресеніе, состоящее въ добрыхъ дѣлахъ.“—Можно сюда перенести слова св. Златоуста изъ-подъ предыдущаго стиха: „Апостолъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы, въ ожиданіи будущаго воскресенія, воскресли инымъ образомъ, именно, чтобы мы въ настоящей жизни, измѣнивъ прежніе нравы, стали слѣдовать новымъ правиламъ. Ибо когда блудникъ дѣлается цѣломудреннымъ, сребролюбецъ нищелюбивымъ, жестокосердый кроткимъ; тогда еще здѣсь въ человѣкѣ совершается

воскресеніе, служащее началомъ будущаго. Въ какомъ же смыслѣ называется сіе воскресеніемъ? Въ такомъ, что грѣхъ умерщвленъ, а праведность воскресла; ветхая жизнь упразднилась, а начата жизнь новая и Ангельская."

Какъ же лучше понимать,—по первому или второму указанію?—Какъ кому угодно. То только не слѣдуетъ упускать изъ вида, что намѣреніе у Апостола въ сей рѣчи—расположить вѣрующихъ жить свято и непорочно по крещеніи.

Ст. 6. *Сіе вѣдяще, яко ветхій нашъ человѣкъ съ Нимъ распятся, да упразднится тѣло грѣховное, яко ктому не работати намъ грѣху.*

Сіе вѣдяще — показываетъ, что Апостолъ намѣренъ предложить истину такую, которая будетъ служить удостовѣреніемъ въ истинѣ того, что предъ симъ сказано (Св. Злат.). Если ты убѣжденъ въ послѣдующемъ, не можешь сомнѣваться и въ предыдущемъ. Почему можно положить, что слова: *сіе вѣдяще, яко*—значатъ тоже что: потому что, ибо.

Ветхій нашъ человѣкъ: „не естество, а лукавое расположеніе духа" (Θеод.), или „порчность" (Θеоф.). „Ветхій, т.-е. устарѣвшій во грѣхахъ. Ветхій человѣкъ тоже самое, что устарѣвшая во грѣхахъ жизнь наша. Человѣкомъ же онъ называетъ ее, въ показаніе, что симъ означается многовѣковый и нераздѣлимый съ человѣкомъ навыкъ грѣховный. Прежде пришествія Господня и устроенія нашего въ Немъ спасенія, люди такъ были поглощаемы грѣхомъ, что, по тогдашнимъ порядкамъ, безъ любосластной жизни и непотребныхъ дѣлъ, и человѣкъ не человѣкъ. Эту-то жизнь, ради того, что соплетались съ нею, срастворялись и срасленною съ собою имѣли, называетъ онъ человѣкомъ, яко такую, которую мы любили какъ себя, или даже болѣе чѣмъ себя" (Фотій и Экум.).

Съ Нимъ распятся,—„сближаетъ крещеніе и крестъ“ (Св. Злат.), и даетъ разумѣть, что ветхій человѣкъ „подобно тѣлу Христову погребенъ въ крещеніи“ (Θеоф.)— въ томъ смыслѣ, что „лукавое наше расположеніе умерщвлено въ крещеніи“ (Θеод.). Лукавое расположеніе, отметнутое предъ крещеніемъ самоохотно, свободнымъ произволеніемъ и рѣшеніемъ воли, и замѣненное добрымъ расположеніемъ, благодатію крещенія совсѣмъ обезсиливается и уступаетъ свое господство новому доброму расположенію. Это есть прямой смыслъ распятія въ крещеніи ветхаго человѣка.

Да упразднится тѣло грѣховное. „Подъ тѣломъ грѣховнымъ разумѣетъ Апостолъ не сіе наше тѣло, но всѣ наши пороки. Какъ именемъ ветхаго человѣка означаетъ вообще все, что есть въ человѣкѣ злаго; такъ тѣломъ ветхаго человѣка именуетъ опять злое, слагающееся изъ разныхъ видовъ порока“ (Св. Злат.). Подобно сему въ обычной нынѣ рѣчи говорится: корпусъ (тѣло) воинскій— совокупность воиновъ; корпусъ (тѣло) дипломатическій— совокупность дипломатовъ. Упраздненіе означаетъ дѣланіе недѣятельнымъ (Θеод.). *Да упразднится тѣло грѣховное*—будетъ тоже что: да содѣлаются недѣятельными въ насъ всѣ виды порока или грѣха, или да престанутъ дѣйствовать, - да замрутъ. Не сказалъ: распятся ветхій человѣкъ, и упразднися тѣло грѣховное, но: *да упразднится*, показывая, что въ этомъ послѣднемъ должно принимать участіе и свободное раченіе наше,—чѣмъ указывается на трудъ и подвигъ надъ пресѣченіемъ дѣйственности пороковъ, грѣховъ, страстей.

Но какъже это,—ветхій человѣкъ уже распятъ, т.-е., лукавое расположеніе уже умерщвлено, а между тѣмъ предлежитъ еще упразднять тѣло грѣховное, или разные виды порока? - На это скажемъ: грѣхъ, какъ и добродѣтель, является въ трехъ видахъ: грѣхъ, какъ дѣло,

и обнимаетъ всю совокупность грѣшныхъ дѣлъ; грѣхъ, какъ склонность, и обнимаетъ всѣ виды грѣшныхъ наклонностей, страстей, пороковъ; грѣхъ, какъ грѣхолюбіе вообще, означаетъ коренную падкость человѣка на грѣхъ вообще. Грѣхъ въ послѣднемъ значеніи есть собственно ветхій человѣкъ. Онъ умираетъ и распинается въ крещеніи; потому что въ немъ мы воспринимаемъ смертельную ненависть ко грѣху и любовь къ правдѣ и добру;—а это и есть смерть грѣхолюбія, т.-е. распятіе ветхаго человѣка. Но тогда какъ воспринято такое доброе расположеніе, настроеніе, рѣшеніе, частные виды грѣшности и лукавства—страсти остаются еще, и ихъ надо побѣждать и доводить до бездѣйствія, или упразднять, особыми противъ нихъ направленными трудами и подвигами. Труды и подвиги, не позволяя имъ дѣйствовать, истощаютъ ихъ, измождаютъ, замариваютъ; онѣ и дѣлаются недѣйственными. Поднимать эти подвиги противъ страстей нѣтъ нравственной возможности, пока въ сердцѣ качествуетъ грѣхолюбіе, или ветхій человѣкъ. Почему Апостолъ и сказалъ,—что для того, чтобъ упразднилось тѣло грѣховное, или истреблены были пороки и страсти, распятъ прежде ветхій человѣкъ,—восприняты возненавидѣніе грѣха и возлюбленіе добра. Это измѣненіе на добро, благодатію Божіею укрѣпленное въ крещеніи, является мощнымъ къ побѣжденію страстей и упраздненію ихъ.

Прибавимъ къ сему, что поелику страсти преимущественное сѣдалище имѣютъ въ тѣлѣ нашемъ, то упраздненіе ихъ будетъ тоже, что изгнаніе ихъ изъ тѣла. Тѣло, пока пребываетъ сѣдалищемъ страстей, есть страстное тѣло или тѣло грѣховное; а когда перестанетъ быть такимъ сѣдалищемъ, становится нестрастнымъ и негрѣховнымъ. *Да упразднится тѣло грѣховное*—можно потому такъ перифразировать: да изгонятся изъ тѣла всѣ стра-

сти, и оно станетъ чистымъ и непорочнымъ, совсѣмъ другимъ противъ прежняго, вмѣсто грѣховнаго безгрѣховнымъ, вмѣсто страстнаго безстрастнымъ.—Можно и къ этому еще прибавить: да содѣлается оно достойнымъ пресвѣтлаго воскресенія къ вѣчной славѣ и блаженству.

Яко ктому не работати намъ грѣху. Этимъ означается и *способъ*, какимъ упраздняется тѣло грѣховное, или истребляются страсти,—и *слѣдствіе* сего упраздненія. Хочешь, чтобъ упразднилось тѣло грѣховное, или страсти,—не работай грѣху, т.-е. всякой разъ, какъ представится случай ко грѣху, или помыслы на него зародятся, не подчиняйся сему,—прогоняй помыслъ, удаляйся отъ поводовъ. Не поддашься грѣху, не сдѣлаешь—его не, дашь пищи страсти. Она останется голодною на этотъ разъ. Не поддавайся грѣху въ другой, третій, и во всякой разъ; страсть совсѣмъ останется безъ пищи и замретъ съ голоду,—упразднится. Такъ дѣлай съ другою, третьею и всѣми страстями; и всѣ они замрутъ и упразднятся.

Итакъ не позволяй себѣ поблажать никакому грѣху, или не дѣлай никакого грѣшнаго дѣла, и тѣло грѣховное страсти—испразднится. Такъ неработаніе грѣху есть *способъ* упраздненія тѣла грѣховнаго, или страстей; но оно же есть и *слѣдствіе* сего послѣдняго. Только тамъ оно было дѣломъ самопринужденія, а здѣсь установившимся состояніемъ. Когда упразднено тѣло грѣховное, страсти погашены и задушены; тогда и позыва на грѣхъ никакого нѣтъ, никакой задержки въ добрѣ уже не бываетъ человѣку, свободно шествуетъ онъ въ добрыхъ начинаніяхъ своихъ, ничто противное тому не вяжетъ его и не тянетъ къ себѣ въ работу. Это состояніе есть состояніе безстрастности,—пресвѣтлое и многожеланное. И кажется св. Апостолъ, говоря: *яко ктому не работати намъ грѣху*, желалъ показать по-

слѣднюю мету, до коей доводитъ подаемый намъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ образъ спасенія. Такова цѣль! Воспріими же смѣло и вѣру и всѣ обязательства вѣры. Есть изъ чего поревновать о семъ и потрудиться.

Ст. 7. *Умерый бо свободися отъ грѣха.*

Сказанное предъ симъ подтверждаетъ примѣромъ: какъ мертвый никакого не являетъ движенія, такъ умершій грѣху въ купели крещенія не долженъ допускать никакого дѣянія грѣховнаго. Только,—что у мертваго является по физической необходимости, то у умершаго грѣху должно быть проявляемо свободнымъ рѣшеніемъ воли и раченіемъ. *Свободися,—δεδιχαίωται,* оправдался, развязался судебнымъ порядкомъ. Оправданному судья говоритъ: ты свободенъ, ничто тебя не вяжетъ. Такъ до крещенія мы держимы бываемъ въ узахъ грѣха, какъ рабы; по крещеніи же являемся свободными отъ сихъ узъ, потому что выходимъ изъ купели съ возненавидѣніемъ грѣха и возлюбленіемъ правды. А такое расположеніе означаетъ, что грѣхъ не имѣетъ уже для насъ ничего связующаго, нудящаго, порабощающаго: мы свободны стали отъ его надъ нами власти. Св. Златоустъ говоритъ: „сіе сказано о цѣломъ человѣкѣ. Какъ умершій свободенъ отъ возможности грѣшить уже тѣмъ самымъ, что лежитъ мертвъ“ (Θеодоритъ: „ибо кто когда-либо видѣлъ, чтобы мертвый или осквернилъ чужое ложе, или обагрилъ руки убійствомъ, или совершилъ что-либо иное несовмѣстное?“): такъ и вышедшій изъ купели крещенія. Ибо какъ скоро однажды тамъ умеръ, долженъ навсегда оставаться мертвымъ для грѣха. Итакъ, если ты умеръ въ крещеніи, оставайся мертвымъ; потому что всякой умершій не можетъ уже грѣшить. А если ты грѣшишь, то уничтожаешь тѣмъ даръ Божій.

Ст. 8. *Аще же умрохомъ со Христомъ, вѣруемъ, яко и живи будемъ съ Нимъ.*

Сказанное здѣсь сходно съ тѣмъ, что сказано въ пятомъ стихѣ. Тамъ казалось сообразнѣе съ ходомъ рѣчи понимать воскресеніе о воскресеніи, или возрожденіи духовномъ; также кажется и здѣсь не неумѣстно разумѣть подъ жизнію со Христомъ Господомъ жизнь новую въ духѣ Его и благодатію Его. Но тамъ всѣ наши толковники отнесли рѣчь Апостола къ будущему славному воскресенію, а здѣсь одинъ изъ нихъ, бл. Ѳеофилактъ, видитъ указаніе на духовное воскресеніе или оживленіе къ новой жизни по Богу. Онъ пишетъ: „Выше сказалъ Апостолъ, что мы всегда должны оставаться мертвыми для грѣха, а теперь разсуждаетъ о воскресеніи къ новой жизни по Богу, которую мы всегда должны имѣть. Если мы чрезъ крещеніе умерли со Христомъ, то вѣруемъ, что всегда будемъ имѣть присущимъ намъ воскресеніе, состоящее въ новой жизни; ибо и Христосъ, воскресши изъ мертвыхъ, живетъ всегда, уже не умретъ.“ Соглашаясь съ симъ толкованіемъ, слово: *вѣруемъ* будемъ принимать, какъ: да вѣруемъ,—видѣть въ немъ увѣщаніе, совѣтъ и внушеніе (Экум.). Въ словахъ же: *яко и живи будемъ съ Нимъ*—будемъ видѣть или обязательство, или обнадеженіе. Въ словахъ бл. Ѳеофилакта содержится первое (всегда должны имѣть новую жизнь), но проглядываетъ и второе (вѣруемъ, что всегда будемъ имѣть присущимъ воскресеніе). Если мы умерли со Христомъ, воспріявъ ненавидѣніе грѣха и возлюбленіе правды, то да вѣруемъ, да держимъ то убѣжденіе, что намъ должно уже все послѣдующее время жить съ Нимъ воскресшимъ, ходя въ обновленной жизни, по свѣтлости и чистотѣ соотвѣтствующей свѣтлости воскресшаго Господа. Такъ выразится обязательство; обнадеженіе же такъ: если мы умерли со Христомъ, да вѣруемъ, что возможемъ прочее съ Нимъ и жить, жить въ угожденіе Ему, ходя во святой волѣ Его непорочно,—и жить такъ потому, что сочетаны съ

Нимъ, жить силою Его, отъ Него въ насъ изливающеюся. Что и такую мысль можно здѣсь разумѣть, оправдываетъ образъ выраженія: да вѣруемъ, что и жить будемъ съ Нимъ,—да питаемъ надежду, что,сообщившись со смертію Его, не чужды будемъ и силы воскресенія Его, или твердости и постоянства обновленной Имъ въ насъ жизни духовной, по причинѣ непрестающаго общенія нашего съ Нимъ, воскресшимъ и уже не умирающимъ. Поводомъ къ такому обнадеживанію можно почесть предшествовавшее внушеніе—быть всегда мертвыми грѣху, не работать ему, послѣ того какъ ветхій человѣкъ въ насъ распятъ въ крещеніи, силою смерти Христовой. Сознавъ свое къ тому обязательство, всякой можетъ восколебаться недоумѣніемъ: да какъ я возмогу это сдѣлать, когда чувствую приражены грѣха, когда корпусъ страстей еще не упраздненъ во мнѣ?—Апостолъ, упреждая сіе, говоритъ какъбы: не безпокойся; имѣешь въ себѣ силу воскресшаго Господа и ею все побѣдишь, не поддашься грѣху, не умрешь имъ, а живъ пребудешь, съ Господомъ и силою Господа ходя всегда въ обновленной жизни. Надежду сію утверждай въ себѣ тѣмъ, что Христосъ, воскресши, уже не умираетъ и смерть овладѣть Имъ уже не можетъ. Какъ Онъ не можетъ умереть, такъ и ты, сочетанный съ Нимъ, не умрешь грѣхомъ; какъ Имъ смерть овладѣть не можетъ, такъ не овладѣетъ тобою грѣхъ, потому что съ тобою Христосъ.

Ст. 9. *Вѣдяще, яко Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ: смерть Имъ ктому не обладаетъ.*

Вотъ основаніе обязательства къ безгрѣшности и обнадеженія устоять въ ней!—Воскресшій Христосъ уже не умираетъ; и ты не долженъ допускать себя до того, чтобъ умереть грѣхомъ. Надъ Христомъ воскресшимъ смерть не имѣетъ власти; вѣрь и надѣйся, что и надъ

тобою грѣхъ не возобладаетъ, когда ты облеченъ силою не подлежащаго смерти Христа Господа. Будь только вѣренъ тому, что воспринялъ въ крещеніи,—храни возненавидѣніе грѣха и возлюбленіе правды. Еслибъ одинъ ты оставался, то конечно не надежна была бы твоя новая жизнь, и твоя безопасность отъ грѣха: но когда ты со Христомъ, то будь благонадеженъ, съ Нимъ ты силенъ столько, сколько Онъ силенъ. Ибо все, что въ Немъ есть, есть и твое по благости и человѣколюбію Его. Первое,—внушеніе,—видитъ въ сихъ словахъ бл. Θеодоритъ, который пишетъ: „Апостолъ въ сихъ словахъ достаточно показалъ, что хочетъ вѣрующихъ отвратить отъ грѣха.“ А второе,—обнадеженіе, само собою приходитъ на умъ, при мысли съ одной стороны о силѣ обязательства не грѣшить, а съ другой—о силѣ нашихъ страстей.

Ст. 10. *Еже бо умре, грѣху умре единою: а еже живетъ, Богови живетъ.*

Къ кому относить сіи слова?—Относятъ обыкновенно къ Господу Спасителю, какъ причину на предыдущее: *ктому не умираетъ. Грѣху умре* — понимаютъ: грѣха ради, или грѣхъ ради нашихъ; ибо умереть грѣху, какъ мы обязуемся умереть, Онъ не могъ, не имѣя грѣха. *Единою*—однажды навсегда; какъ и въ посланіи къ Евреямъ говорится, что явившись *во отметаніи грѣха, единою принесеся* (Евр. 9, 26—28). Отсюда дѣлается такое наведеніе: смотри же, какъ Христосъ однажды умеръ и въ другой не станетъ умирать; такъ и ты, умерши въ крещеніи грѣху, держись въ безгрѣшности и не попусти себѣ умереть вторично, чрезъ паденіе въ грѣхи. Св. Златоустъ говоритъ: „Что значитъ: *грѣху?* То, что Самъ по Себѣ не былъ повиненъ смерти, а умеръ за нашъ грѣхъ. Для того и умеръ, чтобы истребить грѣхъ, подрѣзать ему жилы, отнять у него всю силу. Примѣчаешь ли, сколько устрашилъ Апостолъ? Ежели Христосъ не уми-

раетъ въ другой разъ, то нѣтъ и втораго крещенія; а если нѣтъ втораго крещенія, бойся поползнуться въ грѣхъ."

Богови живетъ, т.-е. живетъ божественною силой; ибо Онъ всегда живетъ въ силѣ Бога и Отца" (Ѳеоф.); или „живетъ яко Богъ, непрестанно, безъ пресѣченія" (Экум.); или „живетъ вѣчно, такъ какъ смерть не имѣетъ уже надъ Нимъ власти" (Св. Злат.). Можно и такъ: Богови живетъ,—во славу Его, устрояя благодатное царство, основаніе коему положено въ смерти Его, и на устроеніе коего по воскресеніи воспріялъ Онъ власть на небеси и на земли. Отсюда наведеніе: и ты, оживши въ крещеніи новою жизнію, живи Богови, Ему посвящая всѣ помышленія, начинанія и дѣла твои, и на волосъ не позволяя себѣ склоняться на что-либо противное Ему.

Но приходитъ на мысль, не удобнѣе ли будетъ отнести слова сіи къ намъ крещаемымъ, и въ крещеніи умирающимъ и воскресающимъ,—умирающимъ грѣху и воскресающимъ къ жизни для Бога и по Богу. Рѣчь у Апостола идетъ все объ обязательствѣ крещенныхъ быть мертвыми грѣху и жить въ обновленной жизни. О смерти и воскресеніи Господа говорится только того ради, чтобъ показать, что силою ихъ совершаются въ крещеніи и наша нравственно-духовная смерть, и наше нравственно-духовное воскресеніе для новой жизни; а для уясненія этого достаточно, что сказано уже предъ симъ. Буква текста не даетъ прямаго указанія, къ кому относить сіи слова. Нашъ славянскій переводъ и выдерживаетъ это неуказаніе въ неопредѣленности выраженія, какъ этого требуетъ и греческій текстъ. Тотъ и другой гласитъ: ибо что умерло, грѣху умерло - заразъ, однажды навсегда, а что живетъ, Богу живетъ. Въ такомъ выраженіи слова сіи очень можно относить къ намъ крещеннымъ. Въ крещеніи одно въ насъ умерло, другое ожило: умеръ грѣхъ, или мы умерли грѣху; а ожила жизнь для

Бога и по Богу, или мы ожили для такой жизни. Сила рѣчи не въ умертвіи и оживленіи, а въ *единою*, — въ томъ, что то и другое совершилось однажды навсегда; однажды навсегда умерли мы грѣху, чтобъ всегда жить потомъ Богу. Симъ указывается на то рѣшительное возненавидѣніе грѣха и возлюбленіе правды, съ какимъ крещаемый входитъ въ купель, и какое запечатлѣвается тамъ въ немъ благодатію Божіей. Намѣреніе же у Апостола и есть то, чтобъ доказать вѣрующимъ и крещеннымъ необходимость всегда удерживать въ силѣ сіи рѣшенія и по нимъ вести жизнь свою. Выставляя впрочемъ такую мысль, не настаиваемъ на ея большей передъ прежнею умѣстности, а предъявляемъ ее, какъ возможную.

б)

Новую жизнь влила въ насъ благодать крещенія и таинственнаго съ Господомъ соединенія. Что мы отъ себя привнести должны для храненія ея и соблюденія святости? Первое - помышляй, что ты мертвъ.

Ст. 11. *Такожде и вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

Такожде. Если въ предыдущемъ стихѣ понимать рѣчь о Господѣ Спасителѣ, то будетъ: какъ Христосъ Господь, такъ и вы. А если понимать рѣчь о насъ крещаемыхъ, то будетъ: таковъ законъ для всѣхъ крещаемыхъ, что въ нихъ совершаются умертвіе грѣху и оживленіе для Бога, совершаются и благодатно и самоохотнымъ рѣшеніемъ. Какъ всѣ крещенные, — такъ и вы.

Въ томъ и другомъ случаѣ слѣдствіе одно: *помышляйте себе мертвыхъ быти грѣху, живыхъ же Богови.* Что значитъ быть мертвыми грѣху и живыми Богу, и сколько это обязательно для крещеныхъ, это достаточно объяс-

нено выше. Теперь вопросъ: какъ исполнить сіе обязательство?—*Помышляйте себе мертвыхъ быти грѣху, живыхъ же Богови.* Сила рѣчи въ—*помышляйте себе.* Положите въ умѣ своемъ и въ сердцѣ своемъ, такъ сложитесь во внутреннихъ рѣшеніяхъ, что вы уже мертвы для грѣха и живы только для Бога; потому какъ на первое не допускайте никакого движенія, такъ на второе устремляйте все свое раченіе. Какъ еслибы кто дошелъ до убѣжденія, что онъ мертвъ тѣлесно, то что бы ни происходило около него, онъ не обращалъ бы на то вниманія, и къ чему бы его ни приглашали окружающіе, у него на все былъ бы одинъ отвѣтъ: я уже мертвъ, нѣтъ мнѣ ни до чего дѣла: такъ, говоритъ, будьте вы въ отношеніи къ грѣху; не только движенія къ нему, но и вниманія не имѣйте; его для васъ нѣтъ, и васъ для него. Съ другой стороны, какъ машина какая заведенная, напримѣръ часы, только и дѣлаютъ, что время показываютъ; такъ и вы только и дѣлайте, о томъ только и раченіе имѣйте, какъ бы жить по Богу и Ему угодить. Только, что машина дѣлаетъ непроизвольно, то вы дѣлайте произвольно, съ такимъ только самоохотнымъ самопринужденіемъ, или съ сознаніемъ такой же нравственной необходимости дѣйствованія такъ, а не иначе, какія имѣютъ мѣсто въ машинѣ безъ воли ея.

О Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, -- или ради Христа Іисуса,—ради того, что таковыя условія спасенія въ Немъ, такъ устроено Имъ и въ Немъ спасеніе наше, что сему иначе быть нельзя, и что мы, сочетаваясь съ Нимъ вѣрою и благодатію чрезъ св. таинства, не можемъ иначе быть въ Немъ тѣмъ, чѣмъ должны быть, какъ являясь мертвыми грѣху и живыми только для Бога. Кто не таковъ, тотъ не Христовъ. Или—*о Христѣ Іисусѣ* - силою Христа Іисуса. Будь благонадеженъ, что дѣйствительно пребудешь таковымъ; ибо съ тобою Христосъ

Господь, Который и будетъ совершать въ тебѣ сіе, если ты пребудешь преданнымъ Ему. Съ другой стороны, какъ ни высоко—быть мертвымъ грѣху и живымъ Богови, не возносись и не думай о себѣ высоко, ибо не ты совершилъ и совершаешь сіе, а Христосъ Господь, съ Коимъ ты сочетался, къ сочетанію съ Коимъ однакоже ты призванъ по благости Его, и введенъ въ сіе сочетаніе благодатію Его, и пребываешь въ семъ сочетаніи помощію Его и Его осѣненіемъ ради одного того, что ты предаешь себя самоохотно Его въ тебѣ вседѣйствію.

Ст. 12. *Да не царствуетъ убо грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ, во еже послушати его въ похотехъ его.*

Второй отъ насъ пріемъ въ храненіи святости есть не дозволять грѣху царствовать въ насъ. А это какъ? Не слушаясь похотѣній грѣховныхъ. Мы умерли грѣху однажды навсегда; но произволеніемъ,—тѣмъ, что восприняли смертельное возненавидѣніе грѣха и возлюбленіе правды. Сѣдалище этого рѣшенія въ духѣ, въ коемъ благодать Божія, пришедши съ благовѣстіемъ, возбудила страхъ Божій, а чрезъ него совѣсть, кои оба, давъ ощутить горечь грѣшной жизни и сладость жизни святой и богоугодной, породили въ духѣ рѣшеніе отъ первой отвратиться, а ко второй прилѣпиться. Но между тѣмъ какъ это совершилось въ духѣ, душа и тѣло остаются еще на сторонѣ грѣха. Долговременнымъ пребываніемъ въ грѣхѣ въ нихъ образовался навыкъ дѣйствовать лишь по грѣховному; дѣйствовать же по святому они не умѣютъ, и не только не умѣютъ, но и питаютъ старое сочувствіе къ грѣховному. Оттого, когда духъ, воспріявъ новыя рѣшенія, начинаетъ заводить и новые порядки жизни, соотвѣтственно тѣмъ рѣшеніямъ, то всегда встрѣчаетъ сопротивленіе тому въ душѣ и тѣлѣ, и по непривычкѣ ихъ дѣйствовать въ этомъ родѣ и по несочувствію къ нему. Не знаютъ вкуса въ

сей новой жизни и не тянутся къ ней, напротивъ тянутся къ противоположному,—къ тому, чѣмъ всегда услаждались прежде. Духъ требуетъ помышлять доброе, а голова,—умъ съ памятію и воображеніемъ,—вся набита представленіями грѣховными; почему не только не помышляетъ доброе, а тѣснитъ въ сознаніе свое недоброе. Духъ требуетъ начинаній благихъ, съ самоотверженіемъ, а воля,—желанія, планы, цѣли, средства,—наклонена къ самоугодію и подсѣкаетъ все доброе саможалѣніемъ. Духъ требуетъ чувствъ благихъ, а сердце не отзывается на доброе и, не умѣя найти въ немъ вкуса, относится холодно ко всему, чего прежде не вкушало. Духъ требуетъ бодрствованія, труда, воздержанія, чистоты, уединенія, а тѣло хочетъ спать, всеутѣшничать, пространно питаться, похотствовать и всюду бывать для услажденія чувствъ своихъ. А тутъ полчище страстей, поселившихся среди отправленій тѣла и способностей души, съ своими выступаетъ противленіями и требованіями И все это не страдательно только пребываетъ въ насъ, т.-е. противясь только добру, но и дѣятельно,—влеча и побуждая на грѣхъ. Духу предлежитъ такимъ образомъ преобразовать душу и тѣло чрезъ борьбу съ противленіями ихъ себѣ и чрезъ препобѣжденіе противныхъ ему ихъ стремленій и похотѣній. Если назовемъ эти противленія и похотѣнія живущимъ въ насъ грѣхомъ, то духу предлежитъ борьба съ симъ грѣхомъ. Самъ онъ умеръ грѣху, но душа и тѣло еще живутъ ему; надо и ихъ сдѣлать мертвыми ему. Какъ это?—Противленіемъ имъ въ томъ, чего они хотятъ,—и понужденіемъ на то, чего не хотятъ. Хотятъ они грѣховнаго; не слушай ихъ, и не только не слушай, но и понуждай дѣлать противное ихъ хотѣнію.—Объ этомъ и говоритъ теперь Апостолъ. О понужденіи на добро говоритъ въ слѣдующемъ стихѣ, а о противленіи грѣховному говоритъ въ настоящемъ.

Да не царствуетъ грѣхъ. Прежде царствовалъ, и чего ни хотѣлъ, въ слѣдъ того, какъ ведомый, велся человѣкъ. Теперь другой царь возсѣлъ на тронъ внутри насъ и царству грѣха положилъ конецъ. По старой привычкѣ онъ можетъ предъявлять и предъявляетъ свои требованія, но всякій разъ получаетъ отказъ отъ возненавидѣвшаго его духа.—Зачѣмъ же предписаніе, когда все это строится само собою?—Строится не по какой-либо естественной необходимости, но въ силу свободнаго рѣшенія духа, благодатію Божіею осѣненнаго и укрѣпленнаго. Свободное же рѣшеніе на одно въ настоящій моментъ предполагаетъ возможность рѣшенія на противоположное ему въ слѣдующій. Оно можетъ быть сильно, какъ законъ правды, по силѣ поддерживающихъ его побужденій, но не восходитъ въ естественную неизмѣнность. Апостолъ и предостерегаетъ, говоря какъбы: смотри, берегись; какъ рѣшилъ, такъ и стой; грѣхъ опять подойдетъ съ требованіями, чтобы завладѣть тобою; не попускай ему этого, не давай ему опять царствовать въ тебѣ.

Въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ. О тѣлѣ только помянулъ, умолчавъ о душѣ, потому что преимущественное сѣдалище грѣха и страстей есть тѣло, такъ что за грѣховными влеченіями тѣла душевныхъ будто и не видно. „Грѣхъ преимущественно дѣйствуетъ въ тѣлѣ и чрезъ тѣло“ (Экум.). И общее мнѣніе такъ привыкло судить, что коль скоро выдается въ комъ плотская грѣховность, о душевной помина не бываетъ, хотя обычно она заправляетъ всѣмъ. И потому, можетъ быть, такъ сдѣлалъ Апостолъ, что съ тѣломъ, привыкшимъ грѣшить, труднѣе совладѣть. Кто преодолѣетъ тѣло въ грѣховныхъ его понужденіяхъ, тотъ справится и съ душею. Да и по нераздѣльности ихъ такъ бываетъ, что тѣлу не откажешь, не отказавъ душѣ. Потому можно думать, ...вомъ—*мертвенное тѣло,* Апостолъ означилъ во-

обще всѣ сѣдалища, въ которыхъ витаетъ еще въ насъ грѣхъ, породившій смерть.

Во еже послушати его. Грѣхъ не вяжетъ необходимо, а только предлагаетъ себя. Сами мы склоняемся на его предложенія и грѣшимъ. Это склоненіе есть самоохотное послушаніе ему. Сдѣлай то и то, внушаетъ грѣхъ. Мы можемъ послушать его, и не послушать. Когда слушаемъ, грѣшимъ; но это дѣлается не по необходимости какой, а по нашему произволу. Такимъ образомъ все дѣло въ томъ, чтобъ не слушать грѣха. Пусть вопитъ съ своими требованіями, пусть влечетъ; ты не слушай, и тѣмъ не дашь ему царствовать въ тебѣ.

Въ похотехъ его, т.-е. тѣла. Другіе читаютъ: во еже послушати похотей его. Но мысль одна и таже. Искушеніе на грѣхъ является въ видѣ похотѣнія. Бываютъ представленія грѣшныхъ предметовъ и дѣлъ безъ всякаго имъ сочувствія. Бываютъ представленія ихъ съ сочувствіемъ, безъ похотѣнія ихъ. Влеченіе ко грѣху начинается съ появленіемъ похотѣнія предметовъ и дѣлъ грѣховныхъ. И это есть искушеніе. Апостолъ прямо указываетъ на похотѣніе, потому что тутъ собственно предлежитъ опасность согрѣшить и вслѣдствіе грѣха, дѣломъ совершеннаго, опять подпасть власти его, или пустить его царствовать въ себѣ. Не слушай грѣха, противясь похотѣніямъ его и подавляя ихъ,—и тѣмъ не дашь грѣху царствовать въ тебѣ.

Св. Златоустъ говоритъ на сей стихъ: „Не сказалъ Апостолъ: да не живетъ, или—да не дѣйствуетъ плоть; но — да не царствуетъ грѣхъ. Христосъ пришелъ не упразднить природу, но исправить волю. Сверхъ того Апостолъ хочетъ показать, что мы удерживаемся во власти пороковъ не насильно и принужденно, а по собственному произволу; посему не сказалъ: да не тиранствуетъ (не насильствуетъ), что означало бы принужденность,

но—*да не царствуетъ.* Ибо нелѣпо было бы руководимымъ въ небесное царствіе имѣть царемъ грѣхъ, и призваннымъ царствовать съ Христомъ желать быть плѣнниками грѣха. Точно также, какъ еслибы кто, сложивъ съ головы діадему, захотѣлъ раболѣпствовать сумасшедшей, нищей, одѣтой въ рубище женщинѣ.—А какимъ образомъ, по разумѣнію Апостола, царствуетъ грѣхъ? Не собственною силою, но по твоей безпечности. Посему сказавъ: *да не царствуетъ*, объясняетъ самый образъ сего царствованія, присовокупивъ слѣдующія слова: *во еже послушати его въ похотехъ его.* Нѣтъ чести уступать тѣлу власть и все прочее, но напротивъ крайнее рабство и верхъ безчестія." Поясняя сіе, бл. Ѳеофилактъ прибавляетъ: „Какимъ образомъ царствуетъ грѣхъ? Если повинуемся ему въ похотяхъ тѣлесныхъ, такъ что не тѣло причиняетъ вредъ по естеству своему, но повиновеніе грѣху. Замѣть благодать Христову: Адамъ согрѣшилъ, хотя имѣлъ тѣло не смертное, а мы побѣждаемъ грѣхъ въ смертномъ тѣлѣ."

Ст. 13. *Ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху: но представляйте себе Богови яко отъ мертвыхъ живыхъ, и уды ваша оружія правды Богови.*

Третій съ нашей стороны пріемъ къ храненію святости и отрѣванію грѣха есть не давать членовъ своихъ въ орудія грѣху. Грѣхъ, когда царитъ, въ сердцѣ засѣдаетъ. Оттуда онъ овладѣваетъ и всѣми силами души и всѣми членами тѣла; вслѣдствіе чего все, что есть въ человѣкѣ, становится орудіемъ его. Когда же благодатію Божіею оживаетъ духъ и въ сознаніи созидаются святыя рѣшенія жить въ добрѣ на богоугожденіе; тогда грѣхъ, изгнанный такимъ образомъ изъ сердца, теряетъ свою опредѣляющую власть, но, по старой памяти, не прекращаетъ покушеній опять привлечь его къ себѣ и члены опять обратить въ орудія себѣ. Апостолъ говоритъ: ког-

да это случится и грѣхъ опять повлечетъ глазъ на смотрѣніе страстное, руки на хищеніе, ноги на содѣланіе зла,—не отдавайте ему членовъ на такое позорное для васъ употребленіе. *Ниже представляйте*, говоритъ, показывая, что это дѣло свободы. Никакъ нельзя ссылаться на силу грѣховныхъ влеченій. Какъ ни будь они сильны, рѣшеніе воли всегда можетъ пересилить ихъ. Которые не ѣдятъ по два, по три дня и болѣе, развѣ не чувствуютъ голода? Чувствуютъ, но преодолѣваютъ его. И которые ночи проводятъ въ бдѣніи, развѣ не испытываютъ припадковъ дремоты? Испытываютъ, но прогоняютъ сонъ. Такъ и всѣ прочія влеченія можно пресѣкать и преодолѣвать.

Не представляйте членовъ своихъ въ оружія неправды. Когда грѣшимъ, неправду дѣлаемъ или себѣ или другимъ, и болѣе себѣ (Св. Злат.). Грѣхъ, когда влечетъ, прикрывается очень привлекательною одеждою и выставляетъ себя правою стороною, внушая, что неудовлетвореніе ему есть насиліе природѣ. А это есть ложь и неправда. Когда грѣхъ совершаютъ, дѣлаютъ себѣ насиліе, а не тогда, когда ему отказываютъ. Не разобравъ этого, вдаемся въ обманъ и грѣшимъ, неправду себѣ дѣлая, думая однакожъ воздавать естеству правое. Которые уразумѣли это, строго содержатъ тѣло, и тѣмъ добро ему дѣлаютъ, а не насиліе и неправду.

Св. Златоустъ говоритъ: „тѣло служитъ средствомъ и къ пороку и къ добродѣтели, подобно какъ орудіе. Сіе послѣднее пригодно и на худое и на доброе, смотря по тому, у кого въ употребленіи. Такъ однимъ и тѣмъже оружіемъ дѣйствуютъ и воинъ, подвизающійся за отечество, и разбойникъ, вооружающійся противъ гражданъ. Слѣдовательно невиновно никакое оружіе, а виновенъ тотъ, кто употребляетъ оное во зло. Тоже самое надлежитъ сказать о плоти,—не по собственной природѣ, а по

расположенію души она бываетъ тѣмъ и другимъ. Когда ты съ жадностію смотришь на чужую красоту, глазъ дѣлается оружіемъ неправды не по собственному своему дѣйствію, но по лукавству управляющаго имъ помысла; потому что дѣло глаза смотрѣть, а не смотрѣть лукаво. Обуздай помыслъ, и глазъ сдѣлается орудіемъ правды. Тоже должно сказать объ языкѣ, о рукахъ и о прочихъ членахъ. И Апостолъ весьма хорошо наименовалъ грѣхъ неправдою. Кто грѣшитъ, тотъ несправедливо поступаетъ, или въ разсужденіи себя самого, или въ разсужденіи ближняго, но гораздо болѣе въ разсужденіи себя, чѣмъ въ разсужденіи ближняго."

Но представляйте себе Богови, яко отъ мертвыхъ живыхъ.

„Отведши отъ порока, ведетъ къ добродѣтели" (Св. Злат.). Тамъ показалъ, какими быть и что дѣлать не слѣдуетъ крещенымъ; теперь же научаетъ, какими слѣдуетъ имъ быть и что слѣдуетъ дѣлать. Слѣдуетъ быть свѣтлыми и чистыми, какими естественно быть воскресшимъ изъ мертвыхъ. Въ этомъ указаніи и образецъ и побужденіе.

Образецъ: вообрази, каковы воскресшіе изъ мертвыхъ, и себя старайся таковымъ держать. Если это трудно вообразить, смотри на Господа воскресшаго, какъ Онъ свѣтлъ, какъ чистъ, какъ отъ всего отрѣшенъ. Будь и ты таковъ. *Побужденіе*: вышедши изъ купели, вы духовно воскресли изъ мертвыхъ, явились въ обновленной жизни. Таковыми содѣлала васъ Божія благодать. Воздайте же Богу то, что Онъ содѣлалъ въ васъ,—представляйте себя Ему всегда живыми изъ мертвыхъ, ходящими въ обновленной жизни. „Приведите себѣ на мысль, говоритъ св. Златоустъ, что были вы прежде, и что стали теперь? Что же вы были? Мертвецы, и притомъ погибшіе такою погибелью, отъ которой не было возможности избавиться:

ибо никто не въ состояніи былъ помочь вамъ. И какими же вы стали изъ сихъ мертвецовъ? Безсмертно-живыми. Чрезъ кого? Чрезъ всемогущаго Бога. Итакъ долгъ требуетъ подчиниться Ему съ такимъ усердіемъ, какое свойственно содѣлавшимся изъ мертвыхъ живыми.“

Представляйте себя таковыми *Богови*. Сама чистота и свѣтлость обновленной жизни привлекательна; но вы таковыми представляйте себя не по одной сей привлекательности святой жизни, но паче потому, что это есть долгъ вашъ предъ Богомъ. Живите чисто и непорочно, принося чрезъ то Богу жертву благодаренія и Ему благоугодить ревнуя, забывъ о всемъ другомъ. И потому сказалъ здѣсь Апостолъ: *Богови*, чтобъ противопоставленіемъ Его грѣху сдѣлать непререкаемымъ налагаемое обязательство. Ибо стоитъ только представить себѣ, что есть Богъ и что грѣхъ, чтобъ со всею ревностію предать себя на служеніе первому съ отвращеніемъ отъ послѣдняго. Св. Златоустъ говоритъ: „смотри, какую силу увѣщанію своему придаетъ симъ словомъ Апостолъ: тамъ наименовалъ грѣхъ, а здѣсь именуетъ Бога. Ибо для того указываетъ на такое различіе между царствующими, чтобы лишить всякаго извиненія воина, который оставилъ Бога и пожелалъ подчиниться царству грѣха.“

И уды ваша оружія правды Богови.

Выше сказалъ, чтобъ не отдавали членовъ своихъ въ оружія неправды, а теперь внушаетъ отдать ихъ въ оружія правды. Тѣмъ и другимъ могутъ быть члены, смотря потому, куда склоняется произволеніе. „И тѣло не есть что-либо худое, но есть созданіе Бога благаго, потому что, если хорошо для добра управляется душею, можетъ служить Богу. Посему наклонность произволенія къ худшему—какъбы оружія грѣху доставляетъ въ членахъ, и обратно расположеніе воли къ доброму уготовляетъ члены на служеніе божественнымъ законамъ.

Языкъ цѣломудреннаго пѣвца произноситъ подобающее Богу всяческихъ пѣснопѣніе, а языкъ упившагося и сумазброднаго съ неистовствомъ издаетъ нестройные звуки хулы. Такъ и глазъ усматриваетъ цѣломудренное и непотребное, жестокое и человѣколюбивое. Такъ и рука и убиваетъ, и милуетъ; и словомъ сказать, всѣ члены тѣла бываютъ и орудіями правды, если хочетъ того умъ, и орудіями грѣха, когда возлюбитъ онъ владычество грѣха“ (бл. Θеод.).

Когда духъ оживаетъ благодатію Божіею, тогда беретъ во власть свою и душу и тѣло, и всѣ силы и отправленія заставляетъ работать Богу, Коему предалъ самъ себя. Работаніе Богу есть коренной законъ правды, въ естествѣ написанный и Евангеліемъ возобновляемый. Это есть хожденіе въ волѣ Божіей, въ заповѣдяхъ Господнихъ объявленной. Заповѣди есть на всякой членъ тѣла, на всякое дѣйствіе души. Навяжи эти заповѣди на всякую часть свою и пріучи ихъ не иначе дѣйствовать, какъ по симъ заповѣдямъ. Тогда заповѣдь, наложенная совнѣ, чрезъ навыкъ войдетъ внутрь и станетъ заправляющею силою соотвѣтственной себѣ части. И станешь тогда сосудомъ преисполненнымъ правды,—ходячею правдою. И все придетъ въ тебѣ въ гармонію, одно къ одному подладится, какъ подлаживаются струны на инструментѣ. Только играй и услаждайся,—и Бога услаждай со святыми Его Ангелами. Вотъ чего хочетъ Апостолъ, внушая сдѣлать уды свои оружіями правды!

Но это блаженное состояніе достигается не вдругъ. Доселѣ члены служили оружіями грѣху; надо отнять ихъ у грѣха и отдать правдѣ,—чего нельзя сдѣлать безъ брани. Она и начинается тотчасъ по принятіи рѣшенія работать всѣмъ существомъ Богу,—и благодатію Божіею благоспѣется. Св. Златоустъ при семъ словѣ и приглаѣтъ прямо къ брани. „Говоря объ оружіи, Апостолъ

даетъ знать, что наступила тяжкая брань. Посему намъ нужны—крѣпкое вооруженіе, духъ мужественный и хорошо знающій то, что потребно для браней такого рода, а всего нужнѣе вождь. Но сей Вождь уже съ нами; Онъ всегда готовъ споборать намъ и никогда непобѣдимъ. и намъ приготовилъ крѣпкое оружіе. Отъ насъ требуется только произволеніе употреблять оное, какъ должно, т.-е. повинуясь Вождю, дѣйствовать оружіемъ за отечество."

Ст. 14. ***Грѣхъ бо вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію.***

Да не обладаетъ,—по-гречески—*οὐ κυριεύσει*—не будетъ обладать,—разумѣется,—теперь, послѣ крещенія, по принятіи благодати. Прежде онъ обладалъ вами, и что ни внушалъ, все то вы тотчасъ дѣлали, идя въ слѣдъ его какъ связанные; а теперь власть его пресѣчена воспринятою вами благодатію, дѣйствіемъ коей вы умерли грѣху, т.-е. стали смертельно ненавидѣть его. Теперь появившись съ своими искушеніями, онъ не сочувствіе раздражаетъ, а возбуждаетъ отвращеніе къ себѣ, въ которомъ благодать помогаетъ и пребыть, не уступая ни въ чемъ грѣху. Итакъ не бойтесь, грѣхъ не одолѣетъ васъ; „ибо не одно естество ведетъ борьбу, но имѣетъ содѣйствующую благодать Духа. ***Нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію.*** Прежде благодати законъ училъ только, что должно дѣлать, а не подавалъ никакой помощи пріемлющимъ законъ. А благодать съ законоположеніемъ даетъ и пособіе. Посему-то законоположеніе благодати совершеннѣе закона, потому что своею помощію уничтожаетъ трудность" (бл. Θеод.). „Тѣло наше до пришествія Христова было подручно грѣху. Въ слѣдъ за паденіемъ покрылъ оное многочисленный рой страстей, и оно содѣлалось крайне неспособнымъ идти путемъ добродѣтели. Не было еще —

вспомоществующаго Духа, ни крещенія, могущаго умерщвлять (грѣху). Подобно необузданному коню, оно бѣжало и часто совращалось съ надлежащаго пути; потому что законъ, хотя предписывалъ что дѣлать и чего не дѣлать, впрочемъ кромѣ словесныхъ обѣщаній не оказывалъ ни малѣйшаго пособія подвижникамъ. По пришествіи же Христовомъ борьба сдѣлалась легче. Давать заповѣди свойственно не одному закону, но и благодати, которая прощаетъ прежнее и укрѣпляетъ для будущаго" (Св. Злат.). Но такое преимущество состоянію подблагодатному присвояется не механически какъ, а чрезъ укрѣпленіе нравственно-свободныхъ рѣшеній воли. Грѣхъ притупляетъ чувство къ добру, отъемля сладость его. Грѣшащій знаетъ одну сладость отъ грѣха, сладости же отъ добра не знаетъ. Отъ того, когда грѣховное влеченіе возбуждается, возбуждается и сласть грѣха, склоняющая волю. Волѣ въ этомъ случаѣ не на чемъ опереться, чтобъ предпочесть грѣху добро и, оставя первый, склониться на второе, потому что нѣтъ чувства сладости добра. Это чувство подаетъ благодать въ первый актъ обращенія отъ грѣха къ добродѣтели. Въ этотъ первый актъ даетъ она сердцу вкусить сладость добра всѣмъ чувствомъ, и это вкушеніе потомъ служитъ основою рѣшеній воли—отвергнуть грѣхъ и предпріять добро всякій разъ, какъ возгарается внутри борьба грѣха съ добромъ. Такое настроеніе принадлежитъ крещенымъ по существу облагодатствованія. До крещенія въ сердцѣ живетъ грѣхъ, а благодать дѣйствуетъ совнѣ, призывая на добро; а по крещеніи благодать обитать начинаетъ въ сердцѣ, а грѣхъ дѣйствуетъ совнѣ, искушая. Смотри у Діадоха въ Добротолюбіи 80-я глава и далѣе. Какъ городомъ владѣетъ тотъ, кто сидитъ въ крѣпости,—такъ по крещеніи власть владѣтельская надъ нами принадлежитъ благодати съ добролюбі-

емъ, а не грѣху: послѣдній уже не обладаетъ, а только порывается снова завладѣть.

в).

Ст. 15. *Что убо? Согрѣшимъ ли, зане нѣсмы подъ закономъ, но подъ благодатію? Да не будетъ.*

Возвращается Апостолъ къ вопросу, въ началѣ главы предложенному: *пребудемъ ли во грѣсѣ?* Тамъ онъ предложенъ былъ для рѣшенія, а здѣсь для вывода, слѣдующаго изъ рѣшенія его. Онъ какъбы говоритъ: итакъ, что же выходитъ изъ всего предложеннаго мною разсужденія? Грѣшить намъ? Дана намъ свобода грѣшить, потому что мы подъ благодатію, а не подъ закономъ? *Да не будетъ*, никакъ,—сами видите, что не слѣдуетъ такъ дѣлать, а напротивъ, слѣдуетъ пребывать во всякой правдѣ и святости по тому самому, что мы подъ благодатію; ибо обѣтъ дали, скрѣпили его твердою рѣшимостію и благодать спомоществующую получили. Намѣреніе же у Апостола при сихъ словахъ—привесть въ напряженіе принятое въ принятіи вѣры и благодати рѣшеніе—быть вѣрными Господу рабами, которое выразили словами: отрицаюсь сатаны,—сочетаваюсь Христу. Ибо предъ симъ сказалъ, что грѣхъ нами уже не обладаетъ, не имѣетъ надъ нами тиранской власти, потому что благодать освободила насъ отъ сего. Изъ этихъ словъ могъ иной вывесть: такъ мнѣ нечего заботиться, благодать все сдѣлаетъ за меня, нечего мнѣ остерегаться, предусматривать, напрягать силы въ борьбѣ. Все само собою будетъ течь благопріятно; мнѣ можно жить спустя рукава.—То правда, что благодать все совершаетъ и готова всегда со своею помощію, но она всегда дѣйствуетъ въ связи и согласіи со склоненіями воли человѣка. Приходитъ на помощь трудящемуся, когда у него недостаетъ силъ на совершеніе какого-либо дѣла. Потому

въ жизни благодать благодатію, а свободныя рѣшенія свободными рѣшеніями. Ни благодать безъ этихъ рѣшеній, ни эти рѣшенія безъ благодати ничего не дѣлаютъ; они дѣйствуютъ совмѣстно. Такъ ты не разслабляйся, услышавъ, что благодати ради грѣхъ уже не владѣетъ тобою, а береги принятое въ началѣ напряженіе— противостоять грѣху. Не владѣетъ грѣхъ, когда ты противишься ему, и благодать ради твоего противленія помогаетъ тебѣ. Но опусти руки, предайся нерадѣнію, ослабь возненавидѣніе грѣха, — грѣхъ подойдетъ, прельститъ, увлечетъ и снова завладѣетъ тобою; потому что благодать не станетъ за тебя дѣлать дѣло, когда ты опустишь руки. Когда ты бросишь дѣло противленія грѣху, благодать отъ тебя прочь отступитъ и ты останешься одинъ; а оставшись одинъ, не совладѣешь съ грѣхомъ и падешь. Чтобъ не случилось такого разслабленія, Апостолъ и предостерегаетъ: что же? грѣшить ли? оставить всякую заботу остерегаться грѣха, смежить глаза, опустить руки? Нѣтъ,—говоритъ,—будь всегда на стражѣ и во всеоружіи.

Такое внушеніе видитъ въ сихъ словахъ св. Златоустъ: „успокоивъ слушателя предыдущими словами (что грѣхъ уже не обладаетъ), Апостолъ ограждаетъ его совѣтомъ, который предлагаетъ въ видѣ возраженія.“— Экуменій яснѣе излагаетъ туже мысль: „чтобы слушатель не сдѣлался нерадивымъ и безпечнымъ, услышавъ, что грѣхъ уже имъ не обладаетъ ради ограждающей его благодати, Апостолъ подкрѣпляетъ его, говоря какъбы: если мы не подклонимъ себя подъ грѣхъ, то не будемъ плѣнены имъ.“

Но какъ напряженія воли зависятъ отъ силы окружающихъ его побужденій, то св. Апостолъ, сказавъ вообще: *да не будетъ*—не разслабляйтесь,—воодушевляетъ на противленіе грѣху, представляя пагубныя слѣдствія

поблажки ему и великія блага отъ вѣрности однажды принятому рѣшенію жить свято по волѣ Божіей. Это съ одной стороны рабство и смерть, а съ другой—свобода и животъ. Сіе разнообразно изъясняетъ Апостолъ до конца главы.

Ст. 16. ***Не вѣсте ли, яко емуже представляете себе рабы въ послушаніе, раби есте, егоже послушаете, или грѣха въ смерть, или послушанія въ правду?***

Кому или чему вы вседушно предаетесь съ готовностію слушаться, тому вы становитесь рабами. Если предаетесь грѣху, вы дѣлаетесь рабами грѣха; если предаетесь правдѣ, вы дѣлаетесь рабами правды. Можно бы подумать: такъ все равно,—и тамъ рабство, и тутъ рабство. Но кромѣ того, что рабство правдѣ есть истинная свобода, а рабство грѣху есть настоящее рабство, тягчайшее и срамнѣйшее, посмотри на слѣдствія: кто работаетъ грѣху, тотъ въ смерти, а кто работаетъ правдѣ, тотъ въ животѣ. Грѣхъ убиваетъ всѣ силы души и истощаетъ жизнь тѣла; а правда вводитъ въ истинную жизнь, въ которой разцвѣтаютъ и душа и тѣло. Послѣ словъ: ***грѣха въ смерть,*** ожидалось бы: или правды въ животъ; а онъ сказалъ: ***послушанія въ правду.*** Послушаніе, по противоположности преслушанію, стоитъ здѣсь вмѣсто вѣрности волѣ Божіей и святымъ Его заповѣдямъ. Грѣху противопоставляетъ онъ вообще доброе настроеніе сердца, рѣшившагося все посвящать Богу и быть Ему во всемъ преданнѣйшимъ. Такое настроеніе приводитъ въ правду, въ праведное состояніе, въ то состояніе, въ которомъ надлежитъ быть человѣку по естеству; а это и есть состояніе истинно-живущаго. Въ правду — тоже что — въ жизнь истинную.

Св. Златоустъ говоритъ на сіе мѣсто: „не говорю уже, разсуждаетъ Апостолъ, о гееннѣ и о тяжкомъ будущемъ наказаніи; но воображаю только вашъ стыдъ, когда станете рабами, рабами по своей волѣ, рабами грѣха, и за

такую цѣну, чтобы снова умереть. Ежели до крещенія грѣхъ произвелъ тѣлесную смерть, и рана требовала такого врачеванія, чтобы Владыка всяческихъ принялъ смерть и тѣмъ разрушилъ зло; то чего не произведетъ грѣхъ, овладѣвши тобою, когда послѣ толикаго дара и свободы снова и добровольно подклонишься подъ его иго? Итакъ, не устремляйся въ сію бездну, не предавайся добровольно грѣху. На войнѣ и поневолѣ иногда воину надобно бываетъ сдаться; но здѣсь никто не возьметъ тебя въ плѣнъ, ежели не сдѣлаешься самъ переметчикомъ. Послѣ сихъ убѣжденій отъ стыда, Апостолъ дѣйствуетъ страхомъ воздаяній и поставляетъ на видъ возмездія, ожидающія каждаго, праведность и смерть, смерть не тѣлесную, но гораздо ужаснѣйшую. Ибо если Христосъ уже не умираетъ, кто разрушитъ смерть сію? — Никто. Слѣдовательно должно будетъ вѣчно терпѣть наказаніе и мучиться. Ибо не будетъ уже и чувственной смерти, которая бы, подобно какъ въ здѣшней жизни, дала покой тѣлу и разлучила его съ душею. Ибо *послѣдній врагъ испразднится смерть* (1 Кор. 15, 26); слѣдовательно наказаніе будетъ безсмертно. Но не то ожидаетъ покорныхъ Богу. Ихъ наградою будетъ праведность и блага изъ нея произрастающія."

Ст. 17. *Благодаримъ убо Бога, яко бѣсте раби грѣху, послушасте же отъ сердца, въ оньже и предастеся образъ ученія.*

А какъ худо быть рабомъ грѣху, и какъ благо слушаться правды, - это вы теперь знаете по своему опыту. Держитесь же лучшаго!—Отъ общаго положенія переходитъ къ частному случаю,—къ тому, что было съ тѣми, къ кому пишетъ. Такъ со всѣми бываетъ, что они или рабы грѣха въ смерть, или рабы правды въ животъ. Не тому и другой — вмѣстѣ, но или тому, или другой: то правда одолѣетъ грѣхъ, то грѣхъ правду, смотря по тому,

куда склоняется сердце и на что направляется рѣшеніе ваше. Такъ было и съ вами: были вы рабы грѣха, но услышавъ Евангеліе, возлюбили его ученіе и предались вседушно всему, чего оно требуетъ. Это величайшее для васъ благо, съ которымъ никакое другое сравниться не можетъ, и благо сіе даровалъ вамъ Богъ. Онъ довелъ до васъ благовѣстіе и сдѣлалъ то, что, услышавъ его, вы предались ему вседушно. Вы не можете не сознавать въ семъ великаго Божія благодѣянія, сознаю его и я. Воззовемъ же: благодареніе Богу!

Но цѣль у Апостола не благодареніе возбудить, а чрезъ возбужденіе благодаренія расположить дорожить тѣмъ благомъ, полученіе котораго возбуждаетъ благодарность. Благо такъ велико, что нельзя удержаться, чтобъ не благодарить за него Подателя. Но если оно такъ велико, то и беречь его нужно съ величайшею бдительностію. Св. Златоустъ говоритъ: „какъ исхитившій плѣнника изъ рукъ лютаго мучителя, совѣтуетъ ему не возвращаться къ сему мучителю, напоминая объ ужасномъ его мучительствѣ; такъ и Павелъ съ великою силой изображаетъ претерпѣнныя бѣдствія (отъ грѣха), начиная благодареніемъ Богу. Потребна была не человѣческая сила, говоритъ онъ, чтобы освободить насъ отъ всѣхъ золъ; но благодареніе Богу, Который восхотѣлъ и возмогъ избавить насъ!—И прекрасно сказалъ Апостолъ: *послушасте отъ сердца*. Не по принужденію, не по насилію, но добровольно, по собственному расположенію отстали вы отъ грѣха. Въ семъ заключается какъ похвала, такъ вмѣстѣ и упрекъ. Ежели вы пришли добровольно, безъ всякаго принужденія, то будете ли имѣть какое извиненіе и оправданіе, когда возвратитесь на прежнее? А дабы ты зналъ, что все сіе зависѣло не отъ ихъ только расположенія, но и отъ Божіей благодати, Апостолъ, сказавъ: *послушасте отъ сердца*, присовокупилъ: *въ оньже и предастеся образъ ученія*

Послушаніе отъ сердца показываетъ свободную волю; а слово: *предастеся*—предполагаетъ помощь Божію. Какой же образъ ученія? Жить благочинно и благоустроенно.“

Ст. 18. *Свобождшеся же отъ грѣха, поработистеся правдѣ.*

Были вы рабами грѣха, но послушали Евангелія и предались вседушно правдѣ, имъ возвѣщаемой и требуемой. Что изъ этого вышло? То, что, когда было вами совершено все, необходимое для вступленія въ чинъ жизни, требуемой новымъ ученіемъ, которому вы предались, то этимъ самымъ дѣйствіемъ вы сбросили прежнее иго рабства грѣху и сами себя поработили правдѣ. Жить въ правдѣ, поэтому, есть существенное ваше дѣло и ваше благо; это должно составлять духъ жизни вашей, съ момента вступленія въ новый завѣтъ благодати. Вотъ истина о Христѣ Іисусѣ: *отложити вамъ по первому житію ветхаго человѣка тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ.... и облещися въ новаго созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. 4, 22—24). Она научаетъ насъ, *да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (Тит. 2, 12). Вслѣдствіе сего на насъ лежитъ неотложный долгъ—о томъ только помышлять и ревновать, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала* (Фил. 4, 8).

Вотъ что значатъ слова Апостола: *свобождшеся отъ грѣха, поработистеся правдѣ!* „Онъ указываетъ здѣсь на два дара Божіи,—на освобожденіе отъ грѣха и на порабощеніе правдѣ, которое лучше всякой свободы. Богъ поступилъ подобно человѣку, который беретъ къ себѣ сироту, уведеннаго варварами въ ихъ землю, дабы не

только освободить его отъ плѣна, но замѣнить ему собою попечительнаго отца и вывесть его въ люди. Такъ, говорю, и Богъ поступилъ съ нами,—не только освободилъ насъ отъ прежнихъ золъ, но ввелъ въ ангельскую жизнь и уравнялъ намъ путь къ совершеннѣйшей добродѣтели, отдавъ насъ подъ защиту праведности, убивъ древнее зло, умертвивъ ветхаго человѣка и руководствуя насъ къ безсмертной жизни“ (Св. Злат.).

Ст. 19. *Человѣческо глаголю за немощь плоти вашея. Якоже бо представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе: тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню.*

Слова: *человѣческо глаголю за немощь плоти вашея,* можно относить и къ предыдущему и къ послѣдующему. Въ первомъ случаѣ мысль будетъ такая: говорю—*поработистеся правдѣ,* по причинѣ немощи плоти вашей. Не слѣдуетъ, по настоящему, и поминать при семъ о какомъ-либо рабствѣ; потому что, предаваясь новому ученію съ рѣшимостію жить по его указаніямъ, вы вступили въ область свободы,—въ свободу чадъ Божіихъ. Но какъ немощь плоти вашей такова, что вы не можете исполнять всего внушаемаго новымъ закономъ безъ того, чтобъ не испытывать сопротивленія плоти, не бороться съ собою во злѣ и не принуждать себя на добро, то и новая жизнь, по сей немощи плоти вашей, представляется чѣмъ-то, похожимъ на рабство, будто идущій путемъ ея иго какое несетъ. Такъ разумѣетъ бл. Фотій у Экуменія. „*Человѣческо глаголю*, говоритъ, *поработистеся*; ибо, по настоящему, жить праведно не есть рабство, но истинная свобода и счастіе. Такъ что же ты называешь это рабствомъ, когда оно не есть рабство? По немощи плоти вашей, говоритъ, такъ называю. То-есть, поелику мудрованіе плоти въ началѣ обычно противится заповѣдямъ правды, тяготится ими и скучаетъ,

то, имѣя въ виду такую немощь плоти вашей, я назвалъ праведную жизнь рабствомъ, по обыкновенію человѣческому. Ибо мы обыкновенно, когда надъ чѣмъ скучаемъ или дѣлаемъ что съ самопринужденіемъ, прилагаемъ къ тому имя рабства и невольничества. Въ этомъ смыслѣ и Апостолъ Павелъ сказалъ: *человѣческо глаголю: поработистеся правдѣ.*“

Если относить сіи слова къ послѣдующему, то они будутъ указывать на мѣру порабощенія правдѣ, равную мѣрѣ порабощенія грѣху. Какъ вы поработали грѣху, такъ поработайте правдѣ. Это говорю я по немощи плоти вашей. Можно ли ставить на одну линію грѣхъ и правду? И справедливо ли, потому, то только требовать, чтобы вы правдѣ работали лишь столько, сколько прежде работали грѣху? Но по причинѣ немощи вашей плоти, я ограничиваю требованіе новой жизни лишь такою мѣрою. Надо бы потребовать несравненно болѣе, но сдѣлайте хоть это. Такъ разумѣетъ св. Златоустъ, тотъже Фотій и всѣ другіе. Св. Златоустъ говоритъ: „Выше Апостолъ требовалъ большей строгости въ поведеніи, повелѣвалъ имъ стать мертвыми для міра, умереть пороку и пребывать непоколебимымъ противъ стремленія грѣховъ. Но такія требованія казались великими и тяжелыми, даже превосходящими человѣческую природу. Посему желая доказать, что не требуетъ ничего чрезмѣрнаго, что требуетъ менѣе, нежели надлежало бы отъ человѣка, пользующагося даромъ благодати, и что заповѣдь его весьма соразмѣрна съ человѣческими силами и легка, говоритъ: *человѣческо глаголю.* Сіе тоже значитъ, еслибы сказалъ: говорю по человѣческому разсужденію, примѣняясь къ обыкновеннымъ человѣческимъ дѣламъ. Ибо словомъ,—*человѣческо,*—выражаетъ соразмѣрность требованія съ силами. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *[illegible]ченіе васъ не постиже, точію человѣческое* (1 Кор.

10, 13), т.-е. соразмѣрное съ силами и малое. Сколь ни велика разность между властелинами (грѣхомъ и правдою), Апостолъ требуетъ, чтобы служили и правдѣ въ одинаковой мѣрѣ, какъ служили грѣху. Хотя надлежало гораздо болѣе поработиться правдѣ и тѣмъ болѣе, чѣмъ владычество ея обширнѣе и лучше владычества грѣха, впрочемъ не требую, говоритъ Апостолъ, большаго порабощенія по вашей немощи. И не сказалъ: по немощи вашего произволенія или усердія; но, дабы не очень огорчить словомъ, говоритъ: *по немощи вашей плоти.*— Кто будетъ такъ жалокъ и бѣденъ, чтобы не согласился служить Христу съ такимъ же раченіемъ, съ какимъ служилъ грѣху и діаволу?"

Якоже представисте уды ваша рабы.—Представлять уды свои рабами кому значитъ отдавать ихъ ему въ орудія его дѣйствованія. Въ человѣкѣ всѣмъ правитъ его собственное самодѣятельное лицо. Отъ этого лица исходятъ замыслы и повелѣнія, исполняемыя разными членами души и тѣла, опять по повелѣнію тогоже лица. Сознаніе и самодѣятельность составляютъ лицо и суть исходища нашей жизни и дѣяній. Но эти свойства составляютъ только форму жизни и дѣяній, духъ же ихъ зависитъ отъ того направленія и настроенія, которыя принимаетъ лицо человѣка сознательно и самодѣятельно. Этихъ направленій два: жизнь по Богу въ правдѣ и преподобіи истины, и жизнь въ нечистотѣ и беззаконіи. Направленія эти образуются отъ возлюбленія въ первомъ случаѣ Бога и правды Его, а во второмъ—грѣха съ его нечистотами и беззаконіями. Ибо когда образуется въ лицѣ возлюбленіе чего-либо, тогда оно сознаніемъ и самодѣятельностію переходитъ на сторону возлюбляемаго, ему предается и по нему все въ себѣ и внѣ себя устрояетъ; а это и есть направленіе жизни и дѣяній. Такимъ образомъ возлюбленное становится источникомъ и

исходищемъ сознательной самодѣятельности. Самъ по себѣ и сознательно все дѣлаетъ человѣкъ, но въ угоду тому, что возлюбилъ и что по сей его любви завладѣло всѣмъ имъ. Это угождаемое есть властелинъ его; но какъ самъ онъ есть властелинъ всѣхъ членовъ своихъ, то чрезъ него становится властелиномъ ихъ и угождаемое возлюбленное. Въ моментъ возлюбленія самъ себя предалъ онъ возлюбляемому, а вмѣстѣ съ собою и всѣ члены свои, такъ что съ этого времени и самъ онъ и всѣ члены его становятся исполнителями и орудіями того, что возлюблено: если возлюбленъ грѣхъ —орудіями грѣха, если возлюблена правда – орудіями правды. Предъ симъ сказалъ Апостолъ, что научаемые имъ чрезъ сіе посланіе были рабами грѣха, а потомъ, услышавъ Евангеліе, вседушно предались ученію его съ твердою рѣшимостію во всемъ ему единому слѣдовать. Это тоже, что: вы прежде любили грѣхъ, а теперь возлюбили правду, отвратившись отъ грѣха. Итакъ, говоритъ, исполните теперь то, чего требуетъ любовь: отдайте себя и всѣ члены свои правдѣ, какъ прежде то и другое было предано у васъ грѣху. По устроенію душевному это иначе и не можетъ быть. Апостолъ излагаетъ законъ естества души.

Рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе. Слова: *нечистота и беззаконіе* можно не различать; ибо нечистота нравственная есть уже беззаконіе, и обратно всякое беззаконіе есть нравственная нечистота. Но можно и различать, относя къ нечистотѣ всѣ виды сластолюбія, наипаче плотскаго, а къ беззаконію – всѣ другіе виды грѣховъ предъ Богомъ и людьми, и, можетъ быть, наипаче неправды, обиды, зависти и всякаго рода злодѣянія въ отношеніи къ ближнимъ. Но что значитъ: *въ беззаконіе?*—Въ умноженіе беззаконія (Экум., Феоф.). Грѣхъ грѣху прилагая, умножали вы беззаконіе. Всякой

членъ вашъ, служа грѣху, приносилъ грѣхъ, какъ вѣтвь дерева приноситъ плодъ; и вы были многовѣтвистое дерево, богатое плодами грѣха.—Но можно, въ противоположность нижеслѣдующему указанію: *во святыню,*—разумѣть подъ *въ беззаконіе*—обеззаконеніе всего естества человѣка. Когда грѣхъ на грѣхъ прилагается, то беззаконіе все болѣе и болѣе проникаетъ внутрь: сначала внутрь того члена, коимъ творится, а потомъ членъ за членомъ проникнувши, проникаетъ и все естество человѣка, и онъ весь становится пропитаннымъ беззаконіемъ. Если беззаконіе, какъ уклоненіе отъ закона, лежащаго въ естествѣ, назовемъ уклоненіемъ отъ естества; то пропитаніе естества беззаконіемъ будетъ совершенное уклоненіе наше отъ естества нашего, обезображеніе, низвращеніе и омраченіе его. Если беззаконіе возведемъ къ источнику его сатанѣ, то обеззаконеніе естества нашего будетъ осатаненіе его.

Значеніе слова—*во святыню* опредѣляется само-собою по противоположности сказанному предъ симъ о—*въ беззаконіе*. *Во святыню* будетъ—въ умноженіе святости. Одно святое дѣло прилагая къ другому, умножаютъ святость. Каждый членъ, повинуясь правдѣ, приноситъ, какъ плодъ, святое дѣло; и человѣкъ въ этомъ случаѣ становится многовѣтвистымъ деревомъ, приносящимъ обильные плоды святости. Слѣдствіемъ этого должно быть освященіе всего естества. Всякой членъ, творя святое дѣло, проникается освящающею его силою его, а постоянствомъ въ дѣланіи святыхъ дѣлъ и весь преисполняется святостію. Когда такимъ образомъ и другіе члены одинъ за другимъ преисполнятся святостію, преисполнится ею и весь человѣкъ; и все естество его станетъ свято, чисто и свѣтло. Извнутрь возлюбленіе правды, совнѣ дѣла правды совсѣмъ изгоняютъ грѣхъ, и человѣкъ весь становится святымъ. Если назовемъ правдою

дѣйствованіе и стояніе по закону естества, то освященіе правдою естества нашего будетъ возведеніе его въ его естественный чинъ, въ то состояніе, въ коемъ ему надлежитъ быть по первоначальному его назначенію. Если возведемъ правду къ источнику—Богу, то освященіе правдою будетъ обоженіе.

Какой дивный плодъ,—а между тѣмъ какъ просто онъ достается?!—Возлюби правду и возненавидь беззаконіе, а затѣмъ, не жалѣя себя, понуждай всякой членъ души и тѣла исполнять лишь велѣнія правды. Какое несложное требованіе?! То правда, что если собрать все, что въ словѣ Божіемъ возлагается на каждый членъ нашего естества, то мы получимъ большое количество заповѣдей Божіихъ, обязательныхъ для насъ; но и то правда, что въ каждый моментъ одно только можетъ лежать на насъ дѣло, и нерѣдко на одномъ только членѣ нашемъ. Слѣдовательно выраженное Апостоломъ несложное требованіе, и есть таково во всякой моментъ нашей жизни. Внимай только себѣ и держи воспринятую любовь къ правдѣ, какъ направительный компасъ,—и никогда не будешь смущаемъ сложностію дѣлъ и подавляемъ численностію и тяготою ихъ, особенно если при этомъ не будешь сводить очей ума съ того дивнаго плода, какой вкусишь наконецъ отъ постоянства въ такомъ родѣ дѣйствованія.—Этотъ плодъ, предуказанный уже въ настоящихъ словахъ, въ слѣдъ за симъ полнѣе живописуетъ Апостолъ, для привлеченія желающихъ на путь къ стяжанію его, и на воодушевленіе къ постоянству шествованія по нему.

Стт. 20. 21. *Егда бо раби бѣсте грѣха, свободни бѣсте отъ правды. Кїй убо тогда имѣсте плодъ? О нихже нынѣ стыдитеся: кончина бо онѣхъ смерть.*

Чтобъ воодушевить къ исполненію предложеннаго внушенія. Апостолъ выставляетъ плоды того и другаго рода

жизни, жизни въ рабствѣ грѣху и жизни въ правдѣ. Вы, говоритъ, когда работали грѣху, грѣхомъ однимъ и жили, правда не входила въ ваши намѣренія и планы; вы ей дали отпускную и никакихъ относительно ея не сознавали обязательствъ; „исполняли велѣнія одного грѣха, не принимали законовъ правды“ (Өеод.). „Когда вы жили, предавшись пороку, нечестію и всякому злу, тогда находились въ такомъ повиновеніи грѣху, что вовсе не дѣлали ничего добраго. Таково значеніе словъ: *свободни бѣсте отъ правды*,—т.-е. вы не подчиняли себя правдѣ, но совершенно ея чуждались. Вы не раздѣляли своихъ услугъ такъ, чтобы иногда работать правдѣ, а иногда грѣху; но каждый изъ васъ всего себя предавалъ пороку“ (Св. Злат.).

Какъ испытатель естества, желая знать дѣйствіе какой-либо стихіи на наше тѣло, освобождаетъ ее отъ всякаго смѣшенія съ другими стихіями, чтобъ оказываемое ею дѣйствіе могло быть приписано исключительно ей одной—и чрезъ то безошибочно опредѣлены ея польза и вредъ: такъ и св. Павелъ, выведши своихъ слушателей изъ-подъ всякаго сторонняго вліянія и поставивъ подъ одно исключительно дѣйствіе грѣха, спрашиваетъ: оглянитесь назадъ и посмотрите, какой имѣли вы плодъ, когда работали грѣху?—Сами видите, какой. Такой, что стыдно и воспоминать о немъ: сами теперь стыдитесь того, что дѣлали и чѣмъ были вы тогда. *О нихже нынѣ стыдитеся*. Грѣхъ—срамъ для человѣка. Какъ для царской дщери, еслибъ она предалась постыднымъ дѣламъ, было бы срамно это такъ, что и описать того нельзя; такъ для души, созданной по образу Божію и естествомъ обязанной подобиться Создавшему ее, неописанно срамно предаваться грѣху и безобразить въ немъ. Но грѣшащій, пока грѣшитъ, не сознаетъ вполнѣ срамоты грѣха, нерѣдко даже величается имъ; когда же выйдетъ изъ

грѣха и оглянется назадъ, не можетъ не покрываться стыдомъ лице его. Почему Апостолъ не говоритъ: стыдились тогда, но: теперь стыдитесь. „Таково было рабство грѣху, что одно воспоминаніе объ ономъ заставляетъ васъ нынѣ стыдиться. А ежели воспоминаніе пристыждаетъ, тѣмъ паче самое дѣло постыдно. Слѣдовательно нынѣ получили вы двоякую пользу: освободились отъ стыда и узнали, въ какомъ были состояніи, равно какъ тогда терпѣли двоякій вредъ: дѣлали постыдныя дѣла и не знали, что оныя постыдны,—что еще хуже перваго. Впрочемъ, несмотря на вредъ, вы оставались въ рабствѣ“ (Св. Злат.).

Кончина бо онѣхъ смерть. Не довольно того, что грѣхъ стыдомъ покрываетъ лице человѣка, лучшей и совершеннѣйшей твари Божіей, низводя его въ состояніе, дѣлающее его худшимъ самой послѣдней твари; не довольно этого,—онъ подвергаетъ его смерти: конецъ жизни во грѣхѣ смерть,—смерть духовная (Экум.), за которою неминуемо слѣдуетъ и смерть вѣчная по смерти тѣлесной (Θеод.). Можно думать, что Апостолъ разумѣетъ здѣсь не одну тѣлесную смерть, но всестороннюю, и тѣлесную и духовную и вѣчную. Какъ только входитъ грѣхъ и начинаетъ тиранствовать въ человѣкѣ, начинаетъ дѣйствовать въ немъ и смерть. Грѣхъ разлагаетъ и разрушаетъ естество наше: разлагаетъ тѣло, производя въ немъ борьбу жизненныхъ стихій, возмущая естественный ходъ тѣлесныхъ отправленій и разстроивая ихъ гармонію чрезъ чрезмѣрное возбужденіе одного какого-либо и чрезъ подавленіе другаго,—слѣдствіемъ чего бываютъ болѣзни и всегда преждевременная смерть; разлагаетъ и душу, вооружая одну ея способность противъ другой, разъединяя ихъ, и тѣмъ лишая душу свойственной ей жизненности, которая условливается согласнымъ дѣйствіемъ всѣхъ силъ. Если не исправится душа, то она и въ вѣчность пере-

ходитъ съ этою разлагающею и разрушающею силою грѣха, вслѣдствіе чего вѣчнымъ наслѣдіемъ ея будетъ непрестанное томленіе и умираніе со всѣми ужасами смерти, раздирающими сердце. Все это привелъ на память Апостолъ, сказавъ, что кончина грѣховной жизни смерть.

Какое въ этомъ сильное побужденіе—не поддаваться болѣе рабству грѣха для тѣхъ, которые сами на себѣ испытали пагубное состояніе, въ какое ввергаетъ грѣхъ, и только что освободились отъ него!—Но Апостолъ не ограничивается этимъ, а прилагаетъ изображеніе блаженнаго состоянія, въ какое поставляетъ вѣрующаго христіанина порабощеніе правдѣ.

Ст. 22. ***Нынѣ же свобождшеся отъ грѣха, порабощшеся же Богови, имате плодъ вашъ во святыню: кончину же животъ вѣчный.***

Нынѣ же, — вышедши изъ того пагубнаго состоянія грѣховнаго, отвергши грѣхъ и возненавидѣвъ его, возлюбивъ правду и Бога—источникъ правды, и предавшись вседушно сему новому роду жизни, какъ рабы предаются господамъ,—***нынѣ имате плодъ вашъ во святыню.*** Грѣхъ осрамлялъ, унижалъ и извращалъ естество ваше, а правда, или паче Богъ, приведшій васъ къ правдѣ и держащій въ ней, освящаетъ естество ваше, приводитъ его въ святое, чистое и неповрежденное состояніе. Вы стали на путь къ сему свѣтлому состоянію, и если пребудете вѣрны принятому рѣшенію—ненавидѣть всегда и во всемъ грѣхъ и любить единую правду, или, что тоже, будете постоянно всѣми членами души и тѣла рабствовать правдѣ, какъ прежде рабствовали грѣху; то непремѣнно достигнете его. Если до конца жизни сохраните себя въ семъ спасительномъ настроеніи, то святыми и чистыми перейдете и въ другую жизнь и начнете тамъ наслаждаться неизсякаемымъ блаженствомъ. Кончина святой жизни о Христѣ Іисусѣ — животъ вѣчный, всеблаженный.

Что такъ будетъ, судите по тому, что получили уже: святыню имѣете. Она—залогъ и предначинаніе вѣчнаго блаженства. Имѣя сіе въ мысли, можете ли вы ослабѣвать въ ненависти ко грѣху и въ возлюбленіи правды?

Св. Златоустъ говоритъ: „плодомъ перваго состоянія есть стыдъ; а плодомъ нынѣшняго — святость. Но гдѣ святыня, тамъ много упованія. Концемъ прежняго есть смерть, а концемъ нынѣшняго — жизнь вѣчная. Примѣчаешь ли, что Апостолъ на одно указываетъ, какъ на данное, а на другое, какъ на ожидаемое? Но по данному удостовѣряемся въ ожидаемомъ, по святости—въ жизни (вѣчно-блаженной). И дабы не могъ ты сказать, что все есть только ожидаемое, Апостолъ доказываетъ, что ты и здѣсь пожалъ уже плоды. Вопервыхъ ты освободился отъ порока и отъ тѣхъ худыхъ дѣлъ, о которыхъ одно воспоминаніе приводитъ тебя въ стыдъ; вовторыхъ поработился правдѣ; въ третьихъ получилъ святость; въ четвертыхъ улучилъ жизнь, и жизнь не временную, а вѣчную. Но при всемъ томъ, говоритъ Апостолъ, служите Богу хотя въ тойже мѣрѣ, въ какой служили грѣху. Несмотря на то, что новый Властелинъ превосходнѣе, и велика разность, какъ въ самомъ служеніи, такъ и въ наградахъ, за которыя служите, я ничего больше отъ васъ не требую.“

Выше сказалъ Апостолъ: *свобождшеся отъ грѣха, поработистеся правдѣ;* а здѣсь говоритъ: *свобождшеся отъ грѣха, порабощшеся же Богови,*—чѣмъ показалъ, что порабощеніе правдѣ есть порабощеніе Богу, какъ и выше сего внушалъ, когда говорилъ, что надо члены свои отдать *въ оружіе правды Богови* (ст. 13). Такъ научаетъ насъ Апостолъ, что не должно останавливаться на одной правдѣ, а чрезъ нее простираться къ Богу, какъ послѣдней цѣли. Есть мудрователи, которые думаютъ построить добрую нравственность безъ Бога и вѣры въ Него. Слѣ-

дуй совѣсти—вотъ и все.—То правда, что должно слѣдовать совѣсти, но почему? Потому что она волю Божію открываетъ намъ. На совѣсть въ самомъ твореніи возложилъ Богъ, чтобъ она стояла за святую волю Его. Почему видимъ, что какъ только совѣсть сознаетъ, что то и то есть законъ правды Божіей, покоя не даетъ человѣку, пока не заставитъ его дѣйствовать по сему закону. Таково устроеніе совѣсти. Но и въ дѣйствованіи своемъ она всегда состоитъ въ зависимости отъ того, каковъ человѣкъ въ отношеніи къ Богу. Кто помнитъ Бога и страхъ Божій имѣетъ, у того совѣсть бываетъ сильна, а кто забываетъ Бога и теряетъ страхъ Божій, у того совѣсть немощна. Такъ въ естествѣ нашемъ совѣсть сочетана съ Богомъ, что безъ Бога сама она мало гожа къ дѣлу, для котораго имѣется въ насъ. Какъ же на ней одной основать добрую нравственность?

Есть другіе мудрователи, которые все свое нравоученіе совмѣщаютъ въ слѣдующемъ краткомъ положеніи: вѣруй въ Бога и слѣдуй совѣсти. Страхъ Божій съ совѣстію суть мощные производители доброй нравственности. И это—совершенная правда; иначе доброй нравственности и состояться нельзя. Но какъ оживить страхъ Божій, какъ совѣсть возвесть до яснаго и полнаго познанія воли Божіей, и какъ, по сознаніи сего, облечь волю силою неуклонно исполнять внушенія совѣсти?—Этого мудрователи не опредѣляютъ и сами-по себѣ опредѣлить не могутъ. Все это указываетъ намъ христіанское откровеніе, и не только указываетъ, но и возводитъ въ состояніе страха Божія, вѣдѣнія святой воли Его и обладанія силою слѣдовать ей. Первое призваніе Евангельское открывается возбужденіемъ страха Божія и оживленіемъ совѣсти, которыя раждаютъ возненавидѣніе грѣха и возлюбленіе правды, приводящія къ рѣшимости отвращаться отъ перваго и прилѣпляться къ послѣдней. Когда

затѣмъ сіе рѣшеніе запечатлѣвается въ крещеніи и пріемлетъ на себя благодать Божію; тогда лицо, выходящее изъ купели, есть уже мощный ревнитель добрыхъ дѣлъ, готовый скорѣе умереть, чѣмъ нарушить въ чемъ-либо святую волю Божію. Вотъ это и есть порабощеніе Богови, коего плодъ святыня, о коемъ говоритъ здѣсь св. Павелъ. Говоря—*Богови*, онъ разумѣлъ принятіе всего устроенія Богомъ нашего спасенія въ Іисусѣ Христѣ, какъ въ слѣдъ за симъ и выражаетъ, говоря о дарованіи Божіемъ за правду, что оно будетъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.

Ст. 23. *Оброцы бо грѣха, смерть: дарованіе же Божіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.*

Оброцы грѣха—тоже, что выше плодъ грѣха, или кончина его и воздаяніе за него. Выраженіе такое употребилъ Апостолъ ради того, что прежде грѣхъ изображалъ въ видѣ царя. Грѣшники потому похожи на воинство грѣха-царя. Какъ воины живутъ на царскомъ коштѣ или жалованіи, который называется оброкомъ, то и у грѣха-царя есть свой оброкъ его воинамъ. Какой же? Смерть. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „поелику грѣхъ древле царствовалъ и орудіями его Апостолъ назвалъ худо управляемые члены, то справедливо и награду за грѣхъ назвалъ оброкомъ. А такъ именовать обычно выдаваемое воину на его содержаніе. Ибо и въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: *кто воинствуетъ своими оброки когда?* (1 Кор. 9, 7).“ Созывая къ себѣ воиновъ—грѣшниковъ, онъ не объявляетъ: идите ко мнѣ, воинствуйте подъ моимъ знаменіемъ и получите за это отъ меня смерть. Но разными обольстительными именами и призраками прикрываетъ и себя и слѣдствія отъ себя; такъ что бросающійся къ нему думаетъ, что будетъ утопать въ морѣ блаженства. И эта лесть грѣховная столь велика, что, и видя послѣ каждаго грѣха, что такая надежда лжива, грѣшники не

перестаютъ надѣяться, что получатъ это блаженство. Только успѣвшій выдти изъ этого омута грѣховнаго узрѣваетъ, что оброкъ грѣха – смерть, смерть и душевная, и тѣлесная, и вѣчная.

Дарованіе же Божіе, животъ вѣчный. Противоположный грѣху царь есть правда, или Богъ правды. У Него свои воины—дѣлатели правды. Ожидалось бы, что Апостолъ скажетъ: оброкъ правды, или оброкъ Божій за правду; а онъ сказалъ: *дарованіе же Божіе.* Почему такъ? Потому что хотя жизнь вѣчная будетъ удѣломъ тѣхъ, кои воинствовали подъ знаменемъ правды и трудились въ дѣланіи ея; но воздаяніе за нее не будетъ въ мѣру нашей правды, а въ мѣру безпредѣльной благости Божіей. Почему приличнѣе назвать его дарованіемъ, а не наградою за правду, хотя оно будетъ дано подъ условіемъ правды. Да и самое устроеніе вѣчно-блаженной жизни, равно какъ и способы къ достиженію ея суть дары благости Божіей. Тутъ все есть дарованіе Божіе. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „здѣсь, сказалъ, не награда, но дарованіе, потому что вѣчная жизнь—Божій даръ. Еслибы кто преуспѣлъ въ самой высокой правдѣ, то вѣчныя блага не уравновѣшиваются временными трудами.“— Св. Златоустъ говоритъ: „сказавъ, что смерть есть воздаяніе за грѣхъ, Апостолъ не соблюлъ подобнаго порядка, когда сталъ говорить о жизни вѣчной, и не сказалъ: она есть награда за ваши заслуги, но дарованіе Божіе, давая тѣмъ разумѣть, что мы освободились не сами собою, и получили не долгъ, не награду, не воздаяніе за труды, напротивъ все сіе есть дѣло благости. И изъ сего видно преимущество благодати; она не только освободила насъ и улучшила нашъ жребій, но все сіе совершила безъ нашихъ усилій и трудовъ. Она не только освободила, но даровала гораздо болѣе, – даровала чрезъ Сына.“

О Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Животъ вѣчный есть вѣнецъ устроенія нашего спасенія въ Господѣ Христѣ. Но самъ Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій воплотившійся, есть намъ даръ благости и любви Бога всеблагаго, Который такъ возлюбилъ міръ, что и Сына Своего единороднаго далъ есть за насъ. Почему и животъ вѣчный есть намъ дарованіе Божіе о Немъ же, дарованномъ прежде. Путь въ животъ вѣчный былъ закрытъ, дверь въ него заключена. Прошелъ симъ путемъ и отворилъ входъ первый—Господь Іисусъ Христосъ, прошедшій путемъ новымъ и живымъ и вошедшій во внутренняя за завѣсу. Въ слѣдъ за Нимъ уже идутъ туда и всѣ увѣровавшіе въ Него и вѣрными пребывшіе законамъ вѣры, какъ Самъ Онъ обѣтовалъ, что гдѣ Онъ, тамъ и слуга Его будетъ.

г).

Изложивъ все сказанное, Апостолъ будто слышитъ рѣчь Іудея, къ нему обращенную: вотъ-вотъ,—ты на нашей сторонѣ. Вѣдь и законъ одной только правды и святости требуетъ. Зачѣмъ же намъ отставать отъ него?! Св. Павелъ отвѣчаетъ: „оставьте вы, братіе, законъ; онъ уже умеръ для васъ, и вы свободны отъ него, какъ свободна жена отъ обязанностей къ умершему мужу;—и всю заботу обратите на то, чтобы быть вѣрными новому завѣту, какъ обязана жена, по смерти перваго мужа вступившая въ новый бракъ, быть вѣрною новому мужу. Разъясняя это, Апостолъ и отъ закона отклоняетъ и обязательства вѣрующихъ ко святости не ослабляетъ.

7, 1. ***Или не разумѣете, братіе: вѣдущымъ бо законъ глаголю: яко законъ обладаетъ надъ человѣкомъ, во елико время живетъ?***

Оборотъ рѣчи: или не разумѣете,—указываетъ на прямую связь нижеслѣдующаго съ предыдущимъ. Прежде раз-

суждалось, что вѣрующіе не должны уже болѣе поддаваться грѣху, а жить свято и непорочно, поддерживая свою на то рѣшимость сознаніемъ пагубныхъ слѣдствій грѣха и великихъ благъ отъ святости и правды. Потому надо полагать, что и послѣдующая рѣчь (7, 1—6) у св. Апостола направляется къ тому. Хотя онъ начинаетъ потомъ говорить о престатіи закона и прекращеніи обязательствъ къ нему, но говоритъ съ тѣмъ, чтобъ поставить на видъ, что, развязавшись съ закономъ, мы не получили свободы беззаконновать, но вступили въ новыя обязательства, обязались жить новою жизнію по заповѣдямъ Евангелія *яко работати намъ Богови во обновленіи жизни* (ст. 6). Цѣль у Апостола не та, чтобъ доказать престатіе закона: онъ беретъ эту истину уже какъ доказанную,—и только дѣлаетъ изъ нея нужный ему выводъ. Дѣлаетъ это онъ сравненіемъ обязательства къ закону съ обязательствами жены къ мужу. Пока мужъ живъ, жена обязана жить съ нимъ; а когда мужъ умретъ, она свободна выдти за другаго и жить съ нимъ; но вышедши за другаго, она связуется равными прежнимъ обязательствами къ новому мужу. Тоже теперь имѣется и у вѣрующихъ. Они умерли закону и законъ умеръ имъ: всѣ обязательства между ними прекращены. Но освободившись отъ закона, они предаются иному, воскресшему изъ мертвыхъ Господу Іисусу Христу. Почему и обязаны жить для одного Его, въ духѣ Его и въ волѣ Его. Это таже истина, что и въ предыдущей главѣ—объ обязательствахъ вѣры: *помышляйте себе мертвыхъ быти грѣху, живыхъ же Богови, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ* (6, 11). Что вмѣсто грѣха здѣсь стоитъ законъ, это потому, что жить подъ закономъ у Апостола есть жить во плоти съ сознаніемъ требованій закона безъ силы исполнять ихъ, т.-е. тоже, что жить во грѣхѣ. Къ этому впрочемъ онъ тотчасъ и переходитъ и въ этой главѣ.

Слова: *братіе, и—вѣдущимъ бо законъ глаголю,*—пріятныя слова для тѣхъ, къ кому пишетъ, въ которыхъ однакожъ кромѣ привѣтливости сокрытъ намекъ и на то, что имъ нельзя не согласиться на выводъ, который въ слѣдъ за симъ имѣетъ Апостолъ въ мысли предложить имъ. Ибо названный знающимъ какое-либо положеніе и принявшій это названіе постыдится не согласиться на прямой изъ него выводъ.

Законъ обладаетъ, властвуетъ, господствуетъ, имѣетъ обязательную силу;—*надъ человѣкомъ,*—„не сказалъ: надъ мужемъ, или женою, но надъ человѣкомъ; такъ какъ сіе имя принадлежитъ обоимъ" (Св. Злат.). *Во елико время живетъ,*—кто?—Человѣкъ или законъ? Изъ этихъ словъ не видно; а въ нижеслѣдующей рѣчи выражается и та мысль, что законъ умеръ, и та, что человѣкъ умеръ закону. Слѣдовательно и здѣсь доразумѣвать можно и то и другое: пока живетъ законъ или человѣкъ. Есть основаніе предполагать, что Апостолъ и намѣревался вести двоякую параллель съ двоякимъ выводомъ: законъ ли умеръ, человѣкъ ли умеръ, взаимныя между ними обязательства прекращены. Но остановился на одной сторонѣ, потому что изъ этого ближе и скорѣе выходилъ нужный ему выводъ: *во еже быти иному*. Св. Златоустъ говоритъ: „Хотя повидимому говоритъ объ одномъ; впрочемъ два довода приводитъ въ подтвержденіе сказаннаго. Первый доводъ заключается въ томъ, что жена по смерти мужа не подлежитъ закону замужества, и ей невозбранено стать женою другаго. Второй же доводъ состоитъ въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ не одинъ мужъ, но и жена умерла, и потому пользуется двоякою свободой. Ибо если смертію мужа освободилась она отъ власти, то несравненно болѣе стала свободною, когда и сама оказалась умершею. Если одно обстоятельство освобождаетъ ее отъ власти, тѣмъ паче она свободна,

когда стекаются оба обстоятельства". Чтобъ понятнѣе была рѣчь св. Златоуста, надо имѣть въ мысли, что мужемъ именуется здѣсь законъ, а женою—вѣрующіе. Мужъ—законъ умеръ; потому что съ пришествіемъ Христа Господа престалъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ. Жена—вѣрующіе - умерла, когда спогреблась Господу крещеніемъ въ смерть. И стала она двояко свободна отъ закона: тамъ,—ибо мужа на стало; здѣсь,—ибо сама умерла, но въ умертвіи почерпнула новую жизнь, отличную отъ прежней, вслѣдствіе чего, развязавшись съ прежними обязательствами, свободно вступила въ новыя,— *во еже быти иному*.

Стт. 2. 3. ***Ибо мужатая жена живу мужу привязана есть закономъ: аще ли же умретъ мужъ ея, разрѣшится отъ закона мужескаго. Тѣмже убо живу сущу мужу прелюбодѣйца бываетъ, аще будетъ мужеви иному: аще ли же умретъ мужъ ея, свободна есть отъ закона, не быти ей прелюбодѣйцѣ, бывшей мужу иному.***

Это постановленіе закона объ отношеніи жены къ мужу ясно само по себѣ и не требуетъ особыхъ замѣчаній. Но что оно должно означать въ примѣненіи? Поелику мужъ представляетъ здѣсь законъ, а жена тѣхъ, кто связанъ закономъ, то приточное выраженіе апостолово будетъ выражать: пока законъ живъ, т.-е. стоитъ въ силѣ, дотолѣ люди, состоящіе подъ закономъ, обязаны повиноваться ему и жить по его предписаніямъ; когда же умретъ законъ, т.-е. престанетъ и потеряетъ свою силу, тогда состоящіе подъ нимъ сдѣлаются свободными отъ обязательствъ его, отъ повиновенія ему и слѣдованія предписаніямъ его. Почему, если состоящіе подъ закономъ отступятъ отъ него и подчинятся другимъ правиламъ, пока законъ живъ и имѣетъ силу; то они виновны предъ закономъ и должны подлежать карамъ его, подобно женѣ отдающейся иному при живомъ мужѣ. А если они

предадутъ себя инымъ правиламъ, по смерти закона, престатіи его и прекращеніи силы его; то они не могутъ считаемы быть виновными предъ закономъ и подлежать карамъ его: они по престатіи закона свободны подчиняться чему хотятъ, не дѣлаясь подобными женѣ прелюбодѣйцѣ. Прилагая сіе къ вѣрующимъ, оставившимъ законъ и предавшимся Господу Іисусу Христу чрезъ увѣрованіе въ Него и подчиненіе новымъ правиламъ жизни въ духѣ Его, слѣдовало сказать: такъ и вы, братіе, должны были повиноваться закону, пока онъ стоялъ и имѣлъ силу. Когда же онъ престалъ и потерялъ силу, то вы стали свободны отъ него и никакія его обязательства не вяжутъ васъ. Еслибы вы отстали отъ него, пока онъ былъ въ силѣ, то явились бы преступниками предъ нимъ и справедливо подлежали бы наказанію. Но какъ вы это сдѣлали послѣ того, какъ престалъ законъ и потерялъ свою силу, то, отставъ отъ него, вы не сдѣлали ничего преступнаго; ибо были свободны подчиниться вѣрѣ, которою вы замѣнили законъ. Такъ надлежало бы сказать. Но Апостолъ говоритъ иначе, и представляетъ умершимъ не мужа – не законъ, а жену, т.-е. увѣровавшихъ (Св. Злат.).

Ст. 4. ***Тѣмже, братіе моя, и вы умросте закону тѣломъ Христовымъ, во еже быти вамъ иному, воставшему изъ мертвыхъ, да плодъ принесемъ Богови.***

Для чего такъ сдѣлалъ св. Павелъ? Св. Златоустъ говоритъ: „для того, дабы не оскорбить своимъ словомъ Іудеевъ“. Хоть увѣровавшіе отказались отъ закона, но все еще не могли не питать къ нему уваженія. Апостолъ и не сказалъ прямо: законъ умеръ или престалъ; но ограничился намекомъ на то, равносильнымъ однакожъ умолчанному слову. Ибо какъ не видѣть, что Апостолъ даетъ здѣсь знать, что законъ уже умеръ? (Св. Злат.). Тоже объясненіе предлагаетъ и бл. Ѳеодоритъ: „Апосто-

лу въ соотвѣтственность съ примѣромъ слѣдовало сказать: законъ умеръ, т.-е., пересталъ имѣть силу; но онъ, снисходя къ немощи Іудеевъ, потому что весьма уважали законъ, и чтобы не дать повода къ осужденію закона еретикамъ, нападавшимъ на ветхій завѣтъ, не сказалъ, что законъ престалъ, но говоритъ: мы умерли закону въ спасительномъ крещеніи".

Можно допустить, что св. Павелъ имѣлъ въ мысли здѣсь сдѣлать приложеніе и изъ пресѣченія закона, именно: такъ для васъ теперь законъ умеръ—престалъ и сдѣлалъ васъ свободными; но не сдѣлалъ этого, предоставивъ дополнить то самимъ читающимъ, по очевидности дѣла, а только остановилъ вниманіе на приложеніи изъ сего случая—освобожденія отъ обязательствъ, когда жена умираетъ,—такъ какъ это давало ему болѣе удобства къ выводу той истины, которую хотѣлъ онъ внушить ученикамъ своимъ. Не то важно было для него, чѣмъ сталъ преставшій, а то, чѣмъ должны быть умершіе для него вѣрующіе,—именно: *во еже быти иному*. Это и спѣшитъ онъ выставить.

Ктому же въ постановленіи закона говорится о смерти естественной, а въ примѣненіи рѣчь о смерти нравственной. Эта же послѣдняя есть пресѣченіе взаимныхъ отношеній; потому всегда есть обоюдная. Кто умираетъ чему, для того умираетъ и то, чему онъ умираетъ. Потому въ словѣ: вы умерли закону,—содержится и другое: законъ для васъ умеръ. Взаимныя отношенія между вами прекращены; вы свободны отъ закона. „И самъ законъ умеръ и мы умерли, и власть закона надъ нами вдвойнѣ уничтожена" (Св. Злат.).

Что то и другое хотѣлъ совмѣстить Апостолъ въ одномъ выраженіи, можно наводить изъ того, какъ онъ представляетъ вѣрующихъ умершими закону. *Умросте*, говоритъ, *закону тѣломъ Христовымъ*,—т. е., пришестві-

емъ Сына Божія во плоти и крестною Его смертію (Св. Злат.). А силою сей смерти и законъ пресѣченъ и всѣ вѣрующіе умираютъ всему прежнему во святомъ крещеніи. Весь законъ былъ тѣнь, падавшая отъ имѣвшаго придти во плоти Господа и умереть крестною смертію. Законъ—сѣнь, тѣло же—Христосъ. Когда тѣло предъ лицемъ, кто обращаетъ вниманіе на тѣнь? Она уже не занимаетъ и всѣ ее забываютъ. Такъ и по пришествіи Господа законъ уже не нуженъ; сила его престала и пресѣчена, именно смертію Господа. Но силою сей же смерти умираютъ и вѣрующіе въ крещеніи, въ коемъ спогребаются Господу. Если умираютъ, то всѣ прежнія ихъ отношенія пресѣкаются. Пресѣкаются, слѣдовательно, и отношенія къ закону: они умираютъ и ему. И выходитъ изъ словъ Апостола, что вѣрующіе умираютъ закону тѣмъже, чѣмъ умеръ, или престалъ для нихъ законъ. И законъ умираетъ, когда они умираютъ ему тѣломъ Христовымъ. И такъ выраженіе Апостола, только по видимости, подаетъ мысль, будто оно не отвѣчаетъ теченію рѣчи; въ существѣ же дѣла онъ выражаетъ то, что и ожидается.

Словами: *умросте закону тѣломъ Христовымъ*, примѣненіе къ приведенному выше постановленію закона кончено. Апостолъ спѣшитъ въ слѣдъ за тѣмъ къ выводу изъ сего: ***во еже быти вамъ иному, воставшему изъ мертвыхъ.—Во еже быти*** такъ сочетано съ ***умросте,*** что то и другое представляется совершившимся въ одномъ актѣ. Умерли, чтобъ быть иному; или, потому и умерли, что отдались иному. Въ крещеніи это дѣлается гласно: сочетался ли еси Христу?—Сочетахся. Очевидно, здѣсь совершается новый бракъ: душа сочетавается со Христомъ Господомъ,—свободно, самоохотно, но такъ рѣшительно, какъ смерть.

Слова: ***воставшему изъ мертвыхъ*** показываютъ, что

слова: *тѣломъ Христовымъ* должно разумѣть „о смерти Владыки“ (Св. Злат.). Прибавилъ же ихъ Апостолъ, чтобъ привесть на память сказанное выше: *да якоже Христосъ воста отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы въ обновленіи жизни ходити начнемъ* (6, 4); что и выразилъ онъ здѣсь же, только другими словами: *да плодъ принесемъ Богови.* Развязались мы съ закономъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ одно и тоже время сочетались со Христомъ Господомъ. Отъ одного брака перешли къ другому; отъ однихъ обязательствъ къ другимъ. Но зачѣмъ же было и переходить, когда этотъ переходъ не на вольную волю, а на новыя обязательства,—изъ подчиненія къ подчиненію, изъ работы въ работу? За тѣмъ, что въ новомъ союзѣ мы будемъ плодъ приносить Богови. Прежній союзъ не дѣлалъ насъ плодоносными: подчиняться ему мы подчинялись, а плода не приносили, были безплодны для Бога. Теперь же, сочетавшись съ Воставшимъ изъ мертвыхъ, мы получили въ Немъ силу плодъ приносить Богови. Слово это очень сильно, и требовало подтвержденія: какъ такъ законъ безплоденъ?

Ст. 5. *Егда бо бѣхомъ во плоти, страсти грѣховныя, яже закономъ, дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ, во еже плодъ творити смерти.*

Теперь мы получили возможность—приносить плодъ Богови; прежде же что было? Прежде мы приносили плодъ смерти. Отъ чего такъ? Отъ того, что тогда страсти грѣховныя властвовали надъ нами, и заставляя насъ дѣлать беззаконныя дѣла, умерщвляли насъ чрезъ грѣхъ. Вотъ что было, когда мы были подъ закономъ!—Такова мысль настоящаго текста. При семъ раждаются вопросы, требующіе отвѣта:

1) Чего ради Апостолъ не сказалъ: когда мы были подъ закономъ, а говоритъ: *егда бо бѣхомъ во плоти?* Подается мысль, что быть во плоти, по Апостолу, есть

тоже, что быть подъ закономъ. Эта мысль подтверждается и нижеслѣдующимъ стихомъ: *нынѣ же упразднихомся отъ закона*, т.-е., перестали быть во плоти.—Въ какомъ же смыслѣ пребываніе подъ закономъ можно назвать бытіемъ во плоти?—Можно—въ томъ, что подзаконное служеніе было по преимуществу плотское,—тѣлесное, вещественное, приводившее къ плотской чистотѣ, не очищая и не исправляя души и сердца. Такъ разумѣетъ бл. Ѳеодоритъ: „*егда бѣхомъ во плоти*, т.-е., когда вели жизнь подзаконную; ибо плотію наименовалъ Апостолъ законоположенія, данныя плоти о пищѣ, о питіи, о проказѣ, и тому подо́бныя.“ Но далѣе, по тому самому, что законъ, какъ вещественное и тѣлесное служеніе, приводитъ только къ плотской чистотѣ, не исправляя сердца и слѣдовательно предоставляя тамъ господствовать грѣху и страстямъ, – пребываніе подъ закономъ равнозначительно пребыванію въ плотской жизни, въ похотной и самоугодной жизни. Такъ разумѣетъ Св. Златоустъ: „*во плоти*, т.-е., въ худыхъ дѣлахъ, въ плотской жизни: ибо не то хочетъ сказать, что доселѣ были мы во плоти, а теперь стали безплотными.“— То или другое значеніе принять, мысль слова одна и таже. Апостолъ хотѣлъ выразить духъ и силу закона, и характеръ подзаконной жизни; почему и сказалъ: *во плоти*, вмѣсто—подъ закономъ. Св. Златоустъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ такъ, чтобъ не подать какого-либо повода еретикамъ, не право судившимъ о законѣ.

2) Что значатъ слова: *страсти грѣховныя, яже закономъ, дѣйствоваху?*.... Какъ страсти грѣховныя закономъ?—Возбуждаются, покровительствуются, силу получаютъ?!! Ужели законъ располагалъ къ страстямъ, или потворствовалъ имъ?—Напротивъ онъ ихъ осуждалъ, запрещая даже и пожеланія непотребныя. Какъ же страсти грѣховныя закономъ?

Страсти грѣховныя не закономъ въ насъ вселены. Богъ создалъ естество наше чистымъ отъ страстей. Но когда отпали мы отъ Бога, и остановясь на себѣ, вмѣсто Бога себя стали любить и себѣ всячески угождать; тогда въ сей самости воспріяли мы и всѣ страсти, которыя въ ней коренятся и изъ ней разраждаются. Законъ же пришелъ послѣ, и не для того, чтобъ потворствовать страстямъ, а чтобъ обуздывать ихъ: ибо содержалъ предписанія, прямо противоположныя страстямъ, говоря, напримѣръ: не убій, или не укради, или не прелюбы сотвори, и даже не пожелай жены, которая не есть твоя жена. Какъ же страсти грѣховныя закономъ? Апостолъ сказалъ только—закономъ, оставивъ намъ самимъ доразумѣть: что же закономъ?—Порождены не закономъ; потворствуются не закономъ. Что же—*закономъ?* Обнаруживаются, познаются, обличаются Такъ всѣ наши св. толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „*Законъ* исправлялъ должность строгаго обличителя и обнаруживалъ грѣхи. Посему Апостолъ не сказалъ: *страсти грѣховныя,* бывшія подъ закономъ; но говоритъ: *яже закономъ,* т.-е. закономъ обнаруженныя, или познанныя.“ Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „законъ не побуждалъ ко грѣху, но осуждалъ во грѣхѣ; грѣхъ же худо пользовался тѣмъ, что было добро.“

При такомъ пониманіи, слова: *страсти грѣховныя, яже закономъ, дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ,*—можно иначе такъ пересказать: страсти грѣховныя, закономъ обнаруживанныя и познаванныя, или несмотря на то, что были обнаруживаемы, обличаемы и познаваемы закономъ, — дѣйствовали во удахъ нашихъ. Страсти представляются какими-то господами, съ которыми не было никакой управы. Какъ корчи или спазмы бываютъ отъ того, что какая-то сторонняя сила входитъ въ члены наши и крутитъ ихъ по своему; такъ страсти дѣйствуютъ во удахъ нашихъ, когда возбуждаются самоуправно. Гдѣ же сво-

бода и самодѣятельность? Тутъ же,—свободно человѣкъ предавалъ себя страстямъ и самъ напряженно дѣйствовалъ въ угоду имъ. Неужели же не видѣлъ человѣкъ зла отъ страстей? И что же совѣсть?—И совѣсть, усиленная и подкрѣпленная закономъ, возставала противъ страстей, и самъ человѣкъ видѣлъ разрушительное ихъ дѣйствіе,—и все же самоохотно предавалъ себя страстямъ и давалъ имъ власть самоуправно дѣйствовать во удахъ своихъ. Въ страстяхъ качествуетъ сласть грѣховная, а падшій принялъ за начало самоугодіе, которое всегда заодно со сластію грѣховною. Почему, какъ только подымется какая страсть, съ присущею ей сластію, самоугодіе тотчасъ становится на ея сторону, увлекая и сознаніе, и свободу, и самодѣятельность, прежде чѣмъ совѣсть успѣетъ подать отрезвляющій голосъ. Когда же произойдетъ такимъ образомъ сочетаніе лица человѣча со страстію, прежде голоса совѣсти, то послѣ, что ни говори совѣсть, человѣкъ на проломъ идетъ дѣйствовать по страсти. Это и изображаетъ Апостолъ, говоря: *страсти грѣховныя.... дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ,* какъ господа какіе или тираны. Ѳеодоритъ пишетъ: „не члены наши производили грѣхъ, но въ членахъ нашихъ наклонность души къ худшему давала свободу дѣйственности грѣха. И живя подъ закономъ (или несмотря на силу закона), подвергались мы сильнѣйшимъ приаженіямъ грѣха, потому что законъ показывалъ, что должно дѣлать, но чтобы сдѣлать это, не подавалъ къ тому помощи.“—И св. Златоустъ полнѣе говоритъ: „Апостолъ не обличаетъ и плоти, не сказалъ: страсти, которыя производимы были членами, но: *яже дѣйствоваху* въ членахъ нашихъ. Симъ показываетъ, что въ человѣкѣ есть иное начало порочности, именно: не управляемые члены, а управляющіе помыслы. Душа была какъбы музыкантъ, а тѣлесная природа—гусли; они издавали такой звукъ, какой застав-

лялъ издавать музыкантъ. Посему нестройную игру должно ставить въ вину не гуслямъ, а игроку.“

Что же было слѣдствіемъ такого порядка дѣлъ?—То, что мы своею жизнію и дѣлами своими только плодъ творили смерти, такъ что могло казаться, будто и цѣль такого порядка (преднамѣренная) была та, чтобъ намъ творить плодъ смерти: *во еже плодъ творити смерти*. Но это только по выраженію такъ выходитъ, мысль же у Апостола—показать лишь, что было слѣдствіемъ владычества надъ нами страстей. Иначе можно такъ пересказать: и такимъ образомъ мы только плодъ творили смерти. Это въ противоположность сказанному въ предыдущемъ стихѣ, что мы сочетались съ Господомъ Спасителемъ, чтобъ плодъ приносить Богу. Онъ какъбы отвѣчаетъ на вопросъ: съ Господомъ сочетались, чтобъ плодъ приносить Богови, а прежде что было? Прежде, говоритъ, страсти грѣховныя дѣйствовали во удахъ нашихъ, несмотря на обличеніе и запрещеніе закона, и мы только и дѣлали, что плодъ творили смерти.

Выраженіе—*плодъ творити смерти*—значитъ дѣлать такія дѣла, которыя только мертвили, а не живили. Разумѣется мертвеніе нравственное, которое прямо вытекало изъ качествовавшаго внутри человѣка разлада, по причинѣ господства страстей. Законъ обличалъ страсти, совѣсть согласовалась съ симъ обличеніемъ и подавала голосъ свой словамъ закона, и человѣкъ убѣждался словомъ закона и голосомъ совѣсти; но всякій разъ, какъ поднималась страсть, онъ наперекоръ закону и совѣсти, сознательно и самоохотно предавался страсти. Симъ онъ нещадно билъ и убивалъ себя нравственно. Всякій грѣхъ, какъ дѣло въ угоду страсти, противъ совѣсти, есть убійственный ударъ духу нашему. Ударъ за ударомъ,—и конечная смерть, т.-е. такое состояніе, когда добрыя возбужденія уже не поднимаются изъ сердца.

Ст. 6. *Нынѣ же упраздни́хомся отъ закона, умерше, имже держими бѣхомъ, яко работати намъ (Богови) во обновленіи духа, а не въ ветхости писмене.*

Нынѣ же,—по совершеніи благодатнаго домостроительства спасенія, по вступленіи нашемъ въ него, и по сочетаніи со Христомъ Спасителемъ. Въ 5-мъ и 6-мъ стихахъ объясняетъ Апостолъ, какъ сдѣлалось, что сочетавшись съ Господомъ, мы получили возможность плодъ приносить Богови. Въ 5-мъ объяснилъ, что было въ насъ прежде сего сочетанія,—что тогда страсти дѣйствовали, несмотря на обличеніе ихъ закономъ и только мертвенность въ насъ расплюжали. Въ 6-мъ показываетъ, что сталось съ нами по таковомъ сочетаніи, и вслѣдствіе его,—*нынѣ*. *Нынѣ* указываетъ не на одно устроеніе спасенія въ Господѣ, а болѣе на полученіе его каждымъ. Апостолъ ссылается на опытъ, говоря какъбы: смотри, что въ тебѣ, и суди. Ибо спасительная благодать всегда присуща въ истинно вѣрующихъ и съ плодами своими.

Упразднихомся отъ закона,—κατηργήθημεν—упразднены, раздѣлались, развязались. Мысль такая: не имѣемъ болѣе нужды въ законѣ. Законъ данъ былъ, чтобъ обуздывать страсти строгостію предписаній и страхомъ наказаній временныхъ и вѣчныхъ. Это и успѣвалъ онъ дѣлать, но самыхъ страстей не отнималъ; онѣ и при немъ оставались въ сердцѣ и влекли къ беззаконному. Сущіе подъ закономъ похожи на дитя. Дитя протягиваетъ руки къ тому, что вредно; мать бьетъ его по рукамъ,—и оно прячетъ руки; но все посматриваетъ на то, куда протягивало руки, и еслибы не мать, бьющая по рукамъ, непремѣнно схватило бы то вредное,—что и дѣлаетъ, какъ только увидитъ, что нѣтъ матери. Такъ и подзаконные, влекомы будучи страстьми, тянулись къ противозаконному. Законъ страхомъ суда обуздывалъ эти покушенія,—и пока память о семъ была жива, подзаконные удержи-

вались отъ противозаконныхъ дѣлъ, не переставая однакожъ сочувствовать имъ и желать ихъ. Но коль скоро память сія отходила, тотчасъ слѣдовали противозаконныя дѣла. Таковъ общій характеръ подзаконной жизни. *Нынѣ же*, говоритъ Апостолъ, совсѣмъ другое: намъ не нуженъ уже такой стражъ и обуздатель,—мы упразднены и освобождены отъ него. Почему же? Потому что нѣтъ уже въ насъ того, для обузданія чего онъ былъ къ намъ приставленъ,—въ насъ качествуетъ новое начало жизни—истинной, духовной.

Умерше, *имже держими бѣхомъ*, - умерши тому, чѣмъ были мы держимы.—Чѣмъ же были мы держимы? Самостію. или самоугодіемъ, которое, сочетавшись со сластію, присущею порожденнымъ отъ него страстямъ грѣховнымъ, держало насъ въ узахъ своихъ, не давая возникать высшимъ стремленіямъ, а возникавшія подавляя. Благодать Божія, по вѣрѣ въ Господа, чрезъ таинства вселяющаяся въ истинныхъ христіанъ, возбужденіемъ полнаго самоотверженія умерщвляетъ самость, а дарованіемъ живаго ощущенія высшихъ благъ отбиваетъ сласть грѣховную, и такимъ образомъ избавляетъ насъ отъ того, чѣмъ бываемъ держимы до пріятія благодати. Тутъ мы умираемъ тому, чѣмъ были держимы, и то, что насъ держало, умираетъ въ насъ.

Но это только одна сторона: *умерше*. Въ вещественной природѣ смерть есть отрицаніе жизни: живое престаетъ жить. Въ духовной жизни умираніе не есть престаніе жизни, а порожденіе новыхъ началъ жизни, отметающихъ прежнія. Самоотверженіе убиваетъ самость или самоугодіе; что же послѣ того? Ничего? Нѣтъ, не ничего. Отвергшійся себя, или пресѣкшій въ себѣ самоугодіе, не въ пустоту какую поступаетъ, но въ тоже время, какъ отвергается себя, привергается къ Богу, и въ тоже время, какъ убиваетъ въ себѣ самоугодіе, возрожденнымъ въ

себѣ чувствуетъ ревнованіе о богоугожденіи; равнымъ образомъ, когда подсѣкается сласть грѣховная, сущая въ страстяхъ, въ тоже время пораждается ощущеніе сладости высшихъ духовныхъ благъ, такой сладости, съ которою никакая сласть грѣховная въ сравненіе идти не можетъ. И даже потому отходитъ первое, что привходитъ послѣднее. Все сіе производитъ божественная благодать, возраждающая къ новой жизни.

Такимъ образомъ вѣрующіе въ Господа, умерши тому, что держало, бываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ оживлены противоположными тому началами духовными: вмѣсто самоугодія ревнованіемъ о богоугожденіи, вмѣсто сласти грѣховной—неизреченною сладостію духовною, заглушающею сласть грѣха. Присутствіе этихъ началъ дѣлаетъ то, что вѣрующіе уже не себѣ живутъ, а Богу, находя въ томъ радость и сладость. Это и выражаетъ Апостолъ, говоря: *во еже работати намъ Богови во обновленіи духа, а не въ ветхости письмене.*—*Обновленіемъ* духа называетъ онъ именно присутствіе въ насъ этихъ новыхъ, благодатію Божіею образуемыхъ и дѣйствующихъ въ насъ началъ духовной жизни, *а ветхостію письмене* - предписанія закона того не дѣлать, другаго не касаться. Теперь, говоритъ, мы такъ настроены, что можемъ работать Богу по возбужденіямъ, извнутрь обновленнаго духа исходящимъ, а не по указаніямъ совнѣ. Эти послѣднія нужны были прежде, а теперь уже они излишни,—*упраздпихомся отъ закона* тѣмъ самымъ, что сами по себѣ и хочемъ, и можемъ творить все, требуемое закономъ. Апостолъ назвалъ это *работаніемъ Богу*: ибо во Христѣ Іисусѣ отъ Бога все исходитъ и къ Богу все возвращается, поколику Имъ все и дѣйствуется.

Замѣтимъ, что несправедливо многіе толковники слова: *имже держими бѣхомъ*, относятъ къ закону и въ переводахъ своихъ дѣлаютъ перестановки, перепутывающія

апостольскія слова и тѣмъ паче понятія. Наши толковники подъ именемъ державшаго насъ разумѣютъ не законъ, а грѣхъ. Приводимъ слова св. Златоуста: „но какъ же *упраздихомся?* Такъ, что ветхій человѣкъ, одержимый грѣхомъ, умеръ и погребенъ. Сіе выразилъ Апостолъ, сказавъ: *умерше, имже держими бѣхомъ.* Симъ какъбы сказалъ онъ: та привязь, на которой насъ держали, предана тлѣнію и распалась; такъ что держащему, т.-е. грѣху, нечего стало держать.“ Такъ Ѳеофилактъ, Экуменій и другіе.

IV.

Благотворность вѣры въ Господа Іисуса Христа.

7, 7—8, 39.

Чтобъ впечатлительнѣе было представленіе благотворности вѣры Христовой, св. Павелъ напередъ изображаетъ силу нашего поврежденія въ паденіи, или силу живущаго въ насъ грѣха. Поводъ къ сему онъ взялъ изъ предшествовавшаго показанія безсилія закона. Это показаніе вызывало вопросъ: такъ, по твоему, законъ грѣхъ? Ты такъ говоришь о законѣ, что будто вся грѣшность отъ него. Не будь его, грѣха было бы меньше, или бы совсѣмъ не было. Онъ пришелъ и расплодилъ только грѣхи.—Отвѣчая на это, Апостолъ не отрицаетъ, что такимъ слѣдствіемъ сопровождалось введеніе закона; но вину этого полагаетъ не въ законѣ, а въ живущемъ въ насъ грѣхѣ, 7, 7—13. Затѣмъ излагаетъ, что это за живущій въ насъ грѣхъ, какъ дѣйствуетъ и въ чемъ обнаруживается, 7, 14—25. То и другое печатлѣетъ во вниманіи безотрадную картину нашего нравственнаго растлѣнія, сильную у всякаго вызвать жалобу: бѣдные мы! какъ же намъ быть? Противъ этого Апостолъ ставитъ другую картину отраднѣйшую, представляющую пресвѣтлое состояніе облагодатствованныхъ по вѣрѣ въ

Господа, въ коемъ сила на грѣхъ замѣняется противоположною силою на добро,—свѣтлое состояніе, приготовляющее еще болѣе свѣтлую жизнь въ будущемъ вѣкѣ,—гл. 8. Такъ что все это отдѣленіе можно озаглавить: а) изображеніе силы нашего поврежденія въ паденіи или силы живущаго въ насъ грѣха,—7, 7—25 и б) картина свѣтлаго состоянія возстановляемыхъ отъ паденія благотворнымъ дѣйствіемъ вѣры Христовой,—гл. 8.

а).

Изображеніе нравственнаго растлѣнія человѣческаго.

7, 7—25.

аа) Не законъ размножилъ грѣхи, но живущій въ насъ грѣхъ,—7, 7—13.

бб) Что это за живущій въ насъ грѣхъ и какъ онъ дѣйствуетъ,—7, 14—25.

аа).

Ст. 7. *Что убо речемъ? Законъ ли грѣхъ? Да не будетъ: но грѣха не знахъ точію закономъ: похоти же не вѣдѣхъ, аще не бы законъ глаголалъ: не похощеши.*

Бл. Өеодоритъ пишетъ: „Апостолъ въ сказанномъ выше употребилъ много такихъ выраженій, которыя желающимъ хулить законъ послужили бы поводомъ къ осужденію закона, еслибы онъ не сдѣлалъ предлагаемаго здѣсь рѣшенія вопросовъ. Сказано было: *законъ привниде, да умножится прегрѣшеніе* (5, 20), и: *законъ гнѣвъ содѣлываетъ* (4, 15), и: *отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть предъ Нимъ* (3, 20), и тому подобное. Представивъ по сему поводу возраженіе: *законъ ли грѣхъ?* Апостолъ отвѣтилъ на него рѣшительнымъ отрицаніемъ: *да не будетъ.*—Св. Златоустъ, приведши тѣже мѣста и кромѣ ихъ еще слѣдующія: *страсти грѣховныя, яже зако-*

номъ, дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ, и еще: *идѣже нѣсть закона, ту ни преступленія* (4, 15), присовокупляетъ: „какъ все сіе сказано по видимому въ обвиненіе закона, Апостолъ, дабы истребить такое подозрѣніе, вводитъ возраженіе и говоритъ: *что убо, законъ ли грѣхъ? Да не будетъ.* Отрицаетъ прямо, дабы расположить къ себѣ слушателя и исправить соблазняющагося. Ибо онъ, услышавъ уже и удостовѣрившись въ образѣ мыслей Апостола, вмѣстѣ съ нами будетъ изслѣдовать то, что представляется труднымъ, и не будетъ подозрѣвать говорящаго. Посему-то Апостолъ, предложивъ напередъ возраженіе, присовокупилъ и свой образъ мыслей, и не сказалъ: что мнѣ рещи? но: *что убо речемъ?* Такъ какъбы подавались совѣты и мнѣнія при собраніи всей церкви, такъ какъбы возраженіе сдѣлано не Апостоломъ, но само собою вытекало изъ сказаннаго выше и изъ сущности дѣла. Никто не станетъ спорить, говоритъ Апостолъ, *что письмя убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. 3, 6). (Это приводится какъ равновѣсное предыдущему: *во еже работати Богови во обновленіи духа, а не въ ветхости письмене*). Сіе такъ ясно, что не остается и мѣста возраженію. А когда нѣтъ въ томъ сомнѣнія: что должны мы сказать о законѣ? То ли, что онъ есть грѣхъ? Да не будетъ.“ —*Да не будетъ,*—никакъ нельзя думать, что законъ грѣхъ, т.-е. что онъ учитъ, поблажаетъ производить грѣхъ (Экум.). Послѣ такого отвѣта однакожъ, все еще оставалось неяснымъ, —что же значатъ высказанныя прежде слова. „Итакъ, разрѣши недоумѣніе“ (Св. Злат.). И Апостолъ рѣшаетъ это недоумѣніе въ слѣдующемъ отдѣленіи,—7, 7—13, содержаніе котораго можно выразить такъ: все сказанное дѣйствительно сопровождало законъ; но не законъ тому вина, а живущій въ насъ грѣхъ. Начало же такому рѣшенію полагаетъ словами, тотчасъ за рѣшительнымъ: *да не будетъ*, слѣдующими: *но грѣха не*

знахъ точію закономъ, похоти же не вѣдѣхъ, аще не бы законъ глаголалъ: не похощеши.

Эти слова подаютъ разныя мысли или разные оттѣнки одинаковой мысли, судя по тому, какъ ихъ сочетавать съ предыдущимъ: *да не будетъ.* Можно сочетавать ихъ такъ: *да не будетъ,*—не только законъ не грѣхъ, но я и не зналъ бы, что такое грѣхъ и похоть, еслибы не научилъ меня распознаватъ ихъ законъ. Законъ разъяснилъ мнѣ, что когда надо дѣлать и чего не дѣлать; я и знаю, какое доброе дѣло, и какое недоброе—грѣшное. И не только разъяснилъ все это, но приложилъ и наказаніе за неисполненіе, чтобъ я не подумалъ когда, что можно и не исполнить предписаннаго. Такимъ образомъ законъ есть добру учитель, а не грѣху. Такъ понималъ бл. Өеодоритъ: „законъ не только не есть учитель грѣха,—*да не будетъ,*—но совершенно напротивъ: онъ—обвинитель грѣха; потому что и не зналъ бы я, что худо, еслибы не научилъ меня онъ". „Не сказалъ Апостолъ: *грѣха не творилъ, точію закономъ*, но—*не знахъ*; такъ что законъ—виновникъ не творенія грѣха, а распознаванія его, какъ педагогъ, не позволяя по невѣдѣнію ниспадать на степень безсловесныхъ" (Фотій у Экум.).

При такомъ пониманіи слова сіи усиливаютъ: *да не будетъ.* Но можно съ ними соединять и такія мысли, при которыхъ они будутъ ослаблять сіе отрицаніе. Можно такъ: законъ не виновникъ и не учитель грѣха, но увеличитель и усилитель моей грѣшности. Онъ раскрылъ мнѣ все, что грѣшно, а силъ не грѣшить не далъ. Я теперь и знаю, что грѣшно, и все-таки грѣшу; и эти согрѣшенія мои стали при законѣ тяжелѣе, чѣмъ были прежде безъ закона. Я и безъ него грѣшилъ бы, но о многомъ не зналъ бы, что оно грѣшно; а теперь знаю и грѣшу. грѣхи мои стали сознательными и потому виновнѣйшими. Но въ этомъ не похуленіе закона, а похвала: ибо, раскры-

вая предъ очами моими тяготу моей виновности, онъ усиливалъ страхъ наказанія и тѣмъ заставлялъ остерегаться грѣха. Такъ понимаютъ Экуменій: „не то я говорю, что законъ виновникъ грѣха, но то, что онъ для меня виновникъ познанія грѣха или сознанія грѣшности, чѣмъ подвергъ меня тягчайшему наказанію, какъ согрѣшающаго въ вѣдѣніи“, —и Амвросіастъ: „законъ не грѣхъ, но указатель грѣха. Онъ показалъ, что и сокровеннѣйшіе грѣхи суть грѣхи и не могутъ пройти ненаказанными предъ Богомъ. Но узнавши это, человѣкъ долженъ былъ сознавать себя болѣе виновнымъ и отвѣтнымъ, и судя по сему не могь, повидимому, быть благодаренъ закону. Ибо кто станетъ благоволительно относиться къ тому, кто грозитъ тягчайшимъ наказаніемъ?... Однакожъ законъ и въ семъ отношеніи благъ и правъ: ибо указывать належащую бѣду есть доброе дѣло.“

Можно еще и такъ: законъ не учитъ грѣху и не потворствуетъ ему; но тѣмъ, что запрещаетъ грѣхъ, наводитъ на грѣхъ. Многаго я и думать не думалъ дѣлать; но когда законъ указалъ мнѣ всѣ беззаконныя дѣла, то о нѣкоторыхъ изъ нихъ, о коихъ я прежде и не думалъ, сталъ думать, подумавши пожелалъ ихъ, пожелавши склонился на нихъ, склонившись, сталъ грѣшить. Если и не наводилъ онъ на что-либо грѣшное—невѣдомое, то усиливалъ похотѣніе грѣшнаго вѣдомаго по какому-то живущему во мнѣ противленію закону. Такимъ образомъ законъ послужилъ мнѣ поводомъ ко грѣху. Но виновенъ въ этомъ не законъ, а я самъ. Законъ представлялъ себя мнѣ не поводомъ ко грѣху, а отводомъ отъ него. А я самъ для себя изъ закона устроилъ поводъ ко грѣху. Такъ св. Златоустъ: „видишь ли, какъ Апостолъ нечувствительнымъ образомъ даетъ разумѣть, что законъ не только обличаетъ грѣхъ, но и нѣкоторымъ образомъ подаетъ поводъ къ оному? Впрочемъ виною сего поставля-

етъ онъ не законъ, а неразуміе людей.“—Тоже говоритъ и Экуменій: „намекаетъ Апостолъ, что законъ есть нѣчто подготовляющее, служащее поводомъ ко грѣху, не по своей однакожъ природѣ, но по злонравію людей.“

Какое ни взять изъ этихъ пониманій, всякое обезвиняетъ законъ и подтверждаетъ—*да не будетъ.* Но ближе всѣхъ первое; не далеко и третье, будучи въ согласіи съ послѣдующею рѣчью. Второе же есть не прямое, а выводное.

Но въ какомъ смыслѣ говорится: *грѣха не знахъ,—похоти не вѣдѣхъ?* Ибо въ дѣйствительности и грѣхъ былъ знаемъ и похоть вѣдома. Въ томъ смыслѣ, что послѣ обнародованія закона все сіе стало вѣдомо яснѣе, опредѣленнѣе и подробнѣе; а до закона, хоть и было вѣдомо, но смутно, неопредѣленно и неполно. Отъ чего многое казалось позволительнымъ и покрывалось снисхожденіемъ и оправданіемъ почти всеобщимъ. А теперь такъ смотрѣть уже ни на какія дѣла не приходится. „О чемъ я и не подозрѣвалъ, что оно не позволительно у Бога, о томъ знаю теперь, что оно грѣхъ“ (Амвр.).—Бл. Θеодоритъ пишетъ: „слова: *не вѣдахъ, не знахъ*—не показываютъ здѣсь совершеннаго невѣдѣнія, но ими выражается, что въ законѣ получилъ я вѣдѣніе болѣе точное, нежели каково естественное мое различеніе (добра и зла).“ Св. Златоустъ туже мысль выражаетъ полнѣе: „Еслибы человѣкъ не зналъ похоти, пока не получилъ закона, отъ чего бы случиться потопу? За что бы сожигать Содомъ? Такъ въ какомъ же смыслѣ говоритъ такъ Апостолъ о похоти? Въ томъ, что хотя и до закона жившіе знали, что грѣшатъ, но узнали то обстоятельнѣе, когда объявленъ законъ, а потому съ сего времени стали подлежать большему осужденію. Ибо иное дѣло имѣть обличителемъ природу, и иное сверхъ природы и законъ, который даетъ на все ясныя предписа-

нія".—Бл. Θеофилактъ особый нѣкій оттѣнокъ указываетъ въ тойже мысли, имѣя въ виду болѣе дѣятельную сторону, именно: я испытывалъ и прежде грѣховныя и похотныя влеченія, но не въ такой силѣ; когда же пришелъ законъ, онѣ до того разсвирѣпѣли, что удержи не было,—дали онѣ мнѣ себя знать. „Знали, говоритъ, и тогда, что грѣхъ и похоть—зло; но тогда пожеланіе не было такъ усиленно."

Подъ словомъ—*грѣхъ*, можно разумѣть грѣхъ опредѣленный, а подъ словомъ *похоть*—вообще грѣховное влеченіе ко всему запрещенному. Но можно и наоборотъ, грѣхъ понимать, какъ грѣховное влеченіе вообще, а похоть, какъ опредѣленное похотѣніе чего-либо недолжнаго, такъ какъ въ законѣ, гдѣ говорится: *не пожелай*, опредѣленно указывается, чего не слѣдуетъ желать (Исх. 20, 16. 17). Въ слѣдующемъ стихѣ они такъ стоятъ, что очевидно грѣхъ считается источникомъ похоти; между тѣмъ какъ въ настоящемъ кажется скорѣе похоть ставится источникомъ грѣха. Потому можно не настаивать на одномъ какомъ-либо значеніи здѣсь сихъ словъ.

Апостолъ говоритъ въ своемъ лицѣ: я не зналъ, я не вѣдалъ. Но очевидно говоритъ не о себѣ одномъ. Ибо далѣе, продолжая рѣчь все въ своемъ лицѣ, говоритъ онъ: *живяхъ кромѣ закона иногда*, чего прямо о себѣ не могъ онъ сказать. Безъ закона писаннаго жилъ нѣкогда не онъ, а родъ человѣческій; почему надо полагать, что хотя онъ говоритъ здѣсь въ своемъ лицѣ, но не отъ своего лица: „онъ тутъ ведетъ общее всего человѣчества дѣло" (Амвр.). „Подъ собою разумѣетъ человѣка вообще" (Экум.). Это замѣчаніе здѣсь не столь нужно, сколько нужнымъ окажется оно послѣ, при толкованіи отдѣленія, начинающагося съ 14-го стиха.

Ст. 8. *Вину же пріемъ грѣхъ заповѣдію, содѣла во мнѣ всяку похоть: безъ закона бо грѣхъ мертвъ есть.*

Законъ не грѣхъ, не производитель и не учитель грѣху; напротивъ, онъ-то и научилъ меня распознавать опредѣленно, что есть грѣхъ запрещенный. Но какъ же сдѣлалось, что размножились грѣхи, когда привзошелъ законъ? — Такъ, что живущій во мнѣ грѣхъ, услышавъ заповѣдь, одно повелѣвающую, другое запрещающую, противъ всякой заповѣди началъ во мнѣ возжигать противоположную ей похоть и ввергать въ грѣхи,—грѣхи и размножились по поводу заповѣдей. Живущій во мнѣ грѣхъ лежитъ будто мертвый, пока не слышитъ закона, противнаго себѣ; но какъ только заслышитъ, пробуждается и начинаетъ лютовать, разжигать похоти. Онъ похожъ на ядовитаго змія, или кровожаднаго звѣря, которые смирно лежатъ въ своей норѣ или берлогѣ, будто нѣтъ ихъ, пока не почуютъ, что кто-либо вступилъ въ ихъ область; но какъ только почуютъ сіе, тотчасъ поднимаются со всею свирѣпостію и нападаютъ на нарушителя ихъ покоя.

Грѣхъ здѣсь у Апостола есть живущій въ насъ грѣхъ, или законъ самоугодія, овладѣвшій падшею природою нашею, по которому неотложнымъ имѣется дѣлать одно угодное себѣ, несмотря ни на что, противящееся тому и внутри и внѣ, сколько бы оно уважительно ни было. Это самоугодіе, по обширности своей области, молчитъ, будто не зная на что обратиться, будто сыто будучи; но какъ услышитъ запрещеніе чего-либо сладкаго ему, тотчасъ устремляется на защиту его, не желая съ нимъ разстаться. Такой законъ самоугодія замѣченъ даже язычниками, которые говорили, что мы обычно тянемся къ запрещенному, и горимъ еще большимъ желаніемъ къ тому, въ чемъ получаемъ отказъ. Самоугодіе лежитъ въ основѣ, въ глуби грѣховности. Оно раждаетъ похоти, то ту, то другую, то третью, судя по тому, какую встрѣтитъ заповѣдь, запрещающую что-либо. Похотей не

слишкомъ много; это—страсти. Но дѣлъ, удовлетворяющихъ всякую похоть, или страсть, много. Апостолъ говоритъ о похотяхъ и страстяхъ, какъ источникахъ дѣлъ. Всякая же похоть или страсть, или всѣ въ совокупности похоти и страсти исходятъ у него изъ живущаго въ насъ грѣха. Вотъ гдѣ корень того, что грѣхи размножаются, несмотря на заповѣди или даже по поводу самыхъ заповѣдей.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ пытается всѣмъ этимъ доказать, что законъ не подлежитъ обвиненію. Поелику сказалъ, что съ изданіемъ закона умножились грѣхи, то, чтобъ не подумалъ иной, будтобы законъ тому причиною, по необходимости показываетъ способъ, какимъ дѣйствовалъ грѣхъ, именно, что онъ, изданіе закона обративъ въ поводъ къ борьбѣ, преоборолъ немощный помыслъ.“ Ѳеофилактъ поясняетъ: „не сказалъ: законъ *содѣла похоть*, но *грѣхъ;* склонность къ удовольствію (самоугодіе) и стремленіе къ худшему самое наученіе закона употребили во зло.“—Но подробнѣе излагаетъ все производство грѣшности, при законѣ, св. Златоустъ:

„Видишь ли, какъ снялъ вину съ закона? Грѣхъ, говоритъ Апостолъ, а не законъ увеличилъ похоть; и вышло противное тому, чего желалъ законъ. Сіе доказываетъ слабость, а не злокачественность закона. Когда питаемъ къ чему-либо вожделѣніе, и намъ воспрещаютъ то, тогда огонь вожделѣнія возгарается сильнѣе. Но сіе происходитъ не отъ закона; онъ запрещалъ съ тѣмъ, чтобы отвесть отъ вожделѣнія. Грѣхъ же, т.-е., твоя безпечность, твоя злая воля, самое добро употребили во зло. А въ худомъ употребленіи лекарства виновенъ не врачъ, а больной. Богъ не для того далъ законъ, чтобы имъ воспламенять похоть, но для того, чтобы угашать оную. Хотя вышло противное, но виновенъ въ томъ не законъ,

а мы. Несправедливо было бы винить того, кто больному горячкою, который радъ непрестанно пить холодное, не даетъ много пить, и тѣмъ усиливаетъ въ немъ столь пагубное для него вожделѣніе. Дѣло лекаря только запретить; а воздерживаться долженъ самъ больной. Что изъ того, ежели грѣхъ получилъ поводъ посредствомъ закона? Худому человѣку и доброе приказаніе служитъ часто поводомъ сдѣлаться порочнѣе. Такъ діаволъ погубилъ Іуду, ввергнувъ въ сребролюбіе и содѣлавъ татемъ принадлежащаго нищимъ. Но не ввѣренный ему денежный ящикъ былъ причиною погибели, а худое расположеніе воли.—Не дивись, что Павелъ, говоря о законѣ, употребилъ весьма сильныя выраженія. Онъ ограничивается самонужнѣйшимъ; сколько не допускаетъ, чтобы слова его послужили поводомъ разумѣть дѣло иначе, столько заботится исправить уже разумѣющихъ неправо. Посему принимай здѣсь въ разсмотрѣніе не голыя слова, но вникни въ причину, которая заставила Апостола такъ говорить, представь себѣ неистовство Іудеевъ и непреодолимое ихъ упорство, которое старался преодолѣть онъ. Когда же повидимому много говоритъ противъ закона, не законъ винитъ, а низлагаетъ только упорство Іудеевъ. Ежели же въ вину закону поставить, что грѣхъ посредствомъ его получилъ поводъ, то найдешь, что сіе же самое случилось и въ Новомъ Завѣтѣ. Ибо и въ Новомъ Завѣтѣ есть тысячи законовъ, которые касаются многихъ, даже важнѣйшихъ предметовъ. И всякій видитъ, что тоже самое бываетъ и здѣсь не только въ разсужденіи похоти, но и вообще въ разсужденіи всякаго порока. *Аще не быхъ пришелъ и глаголахъ имъ*, говоритъ Христосъ, *грѣха не бяша имѣли* (Ін. 15, 22). Слѣдовательно грѣхъ и здѣсь нашелъ для себя поводъ и большее наказаніе. Такъ же и Павелъ, разсуждая о благодати, говоритъ: *колико мните горшія сподобится муки*,

иже Сына Божія поправый? (Евр. 10, 29). Слѣдовательно большее благодѣяніе послужило къ тягчайшей казни. Подобно и объ язычникахъ говоритъ Апостолъ, что они содѣлались безотвѣтными; потому что, будучи одарены разумомъ и имѣя возможность чрезъ изученіе красотъ творенія возвыситься умомъ до Творца, не воспользовались какъ должно Божіею премудростію. Видишь, что добрыя дѣйствія (Божіи благодѣянія) для порочныхъ всегда служили случаемъ быть болѣе наказанными. Но, конечно, не будемъ за сіе винить Божіихъ благодѣяній; напротивъ, при всемъ этомъ еще болѣе станемъ имъ удивляться; осудимъ же тѣхъ, которые самое добро обратили во зло. Точно такъ же поступимъ и въ разсужденіи закона. Замѣть, что Апостолъ сказалъ не просто: *содѣла во мнѣ похоть*, но *всяку похоть*, разумѣя чрезъ то чрезмѣрность похоти. Спросишь: какая же польза въ законѣ, ежели страсть имъ усилена? Никакой, напротивъ еще большій вредъ.—Такъ вышло; но не законъ въ томъ виновенъ, а виновна безпечность принявшихъ законъ. Ибо похоть произведена грѣхомъ, и хотя посредствомъ закона, но тогда какъ законъ заботился не о томъ, а о противномъ. Слѣдовательно грѣхъ сталъ гораздо сильнѣе закона. Но и сіе должно поставить опять въ вину не закону, а людской неблагодарности."

Что значитъ: *безъ закона бо грѣхъ мертвъ есть*? Не говоритъ: *бѣ*, но *есть*; слѣдовательно выражаетъ общее положеніе. Всегда, говоритъ, такъ бываетъ, что, пока не издается законъ, грѣхъ мертвъ есть. Но что означаетъ сія мертвость? То, что грѣхъ до закона не сознается грѣхомъ. Грѣшатъ, но не знаютъ, что грѣшатъ, и бываютъ покойны. А когда законъ ясно скажетъ, что то и то - грѣхъ, тогда грѣхъ видится, какъбы изъ сокровенности какой выступаетъ наружу. Но поелику у Апостола впереди стоитъ та мысль, что грѣхъ въ насъ

живущій по поводу закона содѣлалъ всякую похоть и слѣдовательно какъбы пробужденъ былъ закономъ; то подъ—*мертвъ*, не лучше ли разумѣть—недѣйственъ, какъбы спящъ и недвижимъ. У нашихъ толковниковъ встрѣчается то и другое пониманіе.

Бл. Өеодоритъ пишетъ: „Пока нѣтъ закона, показывающаго то, что должно дѣлать, и запрещающаго то, чего не должно дѣлать, грѣхъ не имѣетъ мѣста.“ Продолжаетъ сію рѣчь бл. Өеофилактъ: „то-есть, не почитается существующимъ (не сознается). Когда же есть законъ, предписывающій должное, то грѣхъ живетъ, т.-е., существуетъ и представляется грѣхомъ тѣмъ, которые преступаютъ законъ, грѣшатъ сознательно.“ Таже мысль и у Амвросіаста: „грѣхъ мертвымъ назвалъ Апостолъ, поелику думалось, что, такъ какъ онъ (до закона) не вмѣняемъ былъ у Бога, то у людей былъ мертвъ въ томъ смыслѣ, что имъ грѣшилось будто ненаказанно. Въ дѣйствительности грѣхъ не былъ подъ спудомъ сокрытъ, но не зналось, что Богъ имѣетъ судить за него,—такъ что, когда по изданіи закона стало явно, грѣхъ будто ожилъ. Онъ и прежде жилъ, но по безпечности людей почитался мертвымъ, будучи на дѣлѣ живымъ. Они думали, что онъ не вмѣнялся, тогда какъ вмѣнялся. То-есть, онъ живой почитался мертвымъ.“—Экуменій же подъ мертвостію разумѣетъ недѣйственность. „Грѣхъ мертвъ, т.-е., недѣйственъ. Хоть и прежде закона онъ дѣйствовалъ, но не съ такою силою. Многіе грѣхи, говоритъ, казалось, спали или замерли. Многаго я не зналъ, и дѣлая беззаконное въ невѣдѣніи, не такъ тяжко грѣшилъ. И грѣхъ тогда не такъ яростно нападалъ на меня. А когда пришелъ законъ, онъ озлился на меня.“

Ст. 9. *Азъ же живяхъ кромѣ закона иногда. Пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе, азъ же умрохъ.*

Живяхъ, по соотношенію съ послѣдующимъ, значитъ

здѣсь: живъ былъ; а *заповѣдь*, по соотношенію съ предыдущимъ, означаетъ законъ. Пока, говоритъ, не было закона, грѣхъ былъ мертвъ, а я былъ живъ; но когда пришелъ законъ, грѣхъ ожилъ и сталъ жить, а я умеръ. Что значитъ мертвость грѣха безъ закона, указано словами св. отцевъ выше, т.-е. или несознаваніе и не столь ясное сознаваніе грѣха, или недѣйственность его. Соотвѣтственно сему—*живяхъ*, при такомъ, по причинѣ отсутствія закона, состояніи грѣха, будетъ значить: живъ я былъ безъ закона, потому что безъ него не сознавалъ грѣха и не такъ ясно сознавалъ его, или потому что тогда грѣхъ спалъ во мнѣ, пребывалъ недѣйственнымъ. Въ противоположность сему ожитіе грѣха по изданіи закона будетъ—сознаваніе его яснѣйшее или приведеніе его въ дѣйственность раздраженіе его; а умертвіе человѣка или души будетъ—грѣшеніе съ сознаніемъ грѣха, или подлежаніе всему зловредному дѣйствію грѣха. Жизнь души—въ сознаніи правости своего дѣйствованія предъ Богомъ, предъ людьми и предъ собою. Когда образомъ жизни изгоняется такое сознаніе, жизнь души—не жизнь, а томленіе. Совѣсть вступаетъ съ свои права и начинаетъ точить душу, какъ червь точитъ дерево или моль платье. Пока закона не было, совѣсть была покойна; ибо не сознавала беззаконности дѣлъ. Но когда законъ раскрылъ всю область беззаконности, совѣсть не могла быть покойною и молчать; ибо природа ея въ томъ, чтобъ стоять за законъ Божій. Она и подняла голосъ и начала томить человѣка. Какъ онъ и при законѣ все оставался при томъже образѣ дѣйствованія,—грѣшномъ, то при немъ сталъ состоять подъ непрестаннымъ томленіемъ совѣсти, былъ будто разлагающійся и умирающій, по причинѣ этого разлада внутри. Грѣшеніе при сознаніи грѣха есть тоже для души, что пронзаніе сердца мечемъ. Душа въ

актѣ грѣха замираетъ. Но какъ она по природѣ не смертна, то опять отходитъ, будто оживаетъ, хотя уже не такою, какою была прежде. Новый сознательный грѣхъ снова поражаетъ ее, и она снова оживаетъ, но уже еще болѣе слабожизненною. Такъ жизнь истинная при сознательномъ грѣшеніи въ ней истощается, а наконецъ и совсѣмъ замираетъ. Она живетъ, ибо не смертна; но жизнь эта уже не жизнь. Такое слѣдствіе ускоряется еще тѣмъ, что грѣхъ, при появленіи противоположной ему заповѣди, приходитъ въ напряженіе, будто лице готовое постоять за себя. Ибо, приводя грѣхъ въ напряженіе, законъ не даетъ однакожъ силъ противостоять ему. И такимъ образомъ будто нарочно предаетъ человѣка въ руки грѣха. Такъ *пришедшей заповѣди* грѣхъ оживаетъ, а душа умираетъ, если вмѣстѣ съ заповѣдію не давать ей и силъ противостоять грѣху.

Экуменій пишетъ: „какъ ожилъ грѣхъ? Чрезъ законъ. Какимъ же это образомъ? Такимъ, что когда данъ былъ законъ, то грѣхъ болѣе раздражился къ нападеніямъ на человѣка и яростнѣе устремился всячески искушать его. Будто догадывался онъ, что если человѣкъ будетъ исполнять заповѣди закона, то получитъ вѣнцы, и потому болѣе озлился на него. Съ другой стороны и я, говоритъ Апостолъ въ лицѣ человѣка вообще, познавъ изъ закона грѣхъ, и однакожъ не переставая грѣшить, сталъ грѣшить болѣе тяжкими грѣхами, яко въ вѣдѣніи дѣлающій то, чего должно убѣгать, и такимъ образомъ болѣе вонзалъ въ себя грѣхъ и укоренялъ его въ себѣ, силу ему большую чрезъ сознательное грѣшеніе подавая, и его слабымъ бывшаго и будто замершимъ оживляя и воспламеняя. А онъ, оживши, умертвилъ меня; тогда какъ прежде ожитія его я жилъ паче. Такимъ образомъ грѣхъ, по изданіи закона, двумя способами ожилъ: вопервыхъ тѣмъ, что онъ чрезъ то возбудился и раздражился къ

сильнѣйшимъ нападкамъ; вовторыхъ тѣмъ, что мы, при гласномъ законѣ, грѣша сознательно, углубляли его въ себѣ и доставляли ему силу съ большею дерзостію нападать на насъ. Такъ онъ ожилъ, а я умеръ. Сказавъ: *оживе*, Апостолъ показалъ, что грѣхъ былъ, только безмолвствовалъ, притаившись будто. Законъ же, пришедши, открылъ его, обнаружилъ, съ благодѣтельною для насъ цѣлію,—чтобъ, познавъ его, убѣгали его. Не получепо такое благо отъ него по тому обстоятельству, что познавшіе чрезъ него грѣхъ не стали убѣгать его."

Надо при семъ имѣть въ вниманіи, что Апостолъ излагаетъ здѣсь исторію, что было вслѣдствіе закона, или что человѣкъ сдѣлалъ изъ закона, не касаясь благодѣтельныхъ намѣреній Божіихъ въ дарованіи закона. И эту именно сторону раскрываетъ съ тѣмъ, чтобъ заставить подзаконныхъ броситься въ объятія Евангелія, освятительныя дѣйствія котораго были такъ очевидны для всѣхъ. Несправедливо было бы, еслибы кто сталъ наводить изъ сихъ словъ, что Апостолъ хулитъ законъ безусловно. Св. Златоустъ говоритъ: „Хотя, повидимому, клонится сіе къ обвиненію закона; впрочемъ кто тщательно изслѣдуетъ, тотъ увидитъ въ семъ похвалу закону; потому что онъ не произвелъ грѣха, дотолѣ не бывшаго, а только обнаружилъ скрытый (или менѣе извѣстный). Сіе-то и похвально для закона. Если до закона грѣшили, не чувствуя грѣха; то послѣ закона хотя не получили другаго плода, по крайней мѣрѣ обстоятельно узнали, что грѣшатъ. А это не малый уже способъ освобожденія отъ порока. Если же люди не освобождались отъ порока, законъ, употреблявшій всѣ мѣры, чтобы отклонить отъ онаго, не подлежитъ за то отвѣтственности, а вся вина падаетъ на собственную волю людей, повредившуюся сверхъ всякаго ожиданія." Тутъ тоже сдѣлалось, что бываетъ нерѣдко при леченіи болѣзней, какъ

замѣчаетъ бл. Өеофилактъ: „Представь, что кто-нибудь боленъ, и не сознаетъ, что онъ боленъ, потомъ приходитъ врачъ и открываетъ ему, что онъ боленъ, и что ему надобно воздерживаться отъ такой-то пищи, какъ усиливающей болѣзнь: больной не послушался и умеръ.“ Очевидно, не врачъ виноватъ, а больной.

Ст. 10. *Азъ же умрохъ: и обрѣтеся ми заповѣдь, яже въ животъ, сія въ смерть.*

Вотъ что вышло, по причинѣ грѣха, живущаго въ насъ! Заповѣдь дана была въ *животъ*, чтобъ болѣе живить насъ и преисполнять истинною жизнію: *сотворивый та человѣкъ живъ будетъ въ нихъ* (Рим. 10, 5); но какъ поблажая грѣху, мы не стали ее исполнять, то, грѣша при ней сознательно, мы тѣмъ подавляли, заглушали и убивали въ себѣ истинную, свойственную намъ, жизнь. И живоносная *заповѣдь обрѣтеся ми въ смерть.*—*Обрѣтеся*—выражаетъ нечаянность такого явленія. Имѣлось въ виду одно, а вышло другое, совсѣмъ противоположное. „Для сего собственно сказалъ Апостолъ: *обрѣтеся*, желая показать, что иная была цѣль закона, иное же произошло, по причинѣ грѣха (т.-е. самоугодія)“ (Өеод.). „Не сказалъ: сдѣлалась смертію, или породила смерть; но *обрѣтеся въ смерть*, объясняя тѣмъ необычайность и странность такой несообразности, въ которой виновны единственно сами люди. Если хочешь знать цѣль закона, онъ велъ къ жизни, для чего и данъ; если же произошла изъ того смерть, виновны въ семъ принявшіе заповѣдь, а не самая заповѣдь, которая ведетъ къ жизни“ (Св. Злат.). „Апостолъ все приводитъ въ защищеніе закона и заповѣди, обличаетъ же лукавство грѣха. Ибо говоритъ: заповѣдь подательница жизни; но обращеніе къ худшему породило смерть“ (Өеод.).

Не пропусти кто безъ вниманія слово Апостола: *заповѣдь, яже въ животъ.* Хоть Апостолъ очевидно разсуж-

даетъ о законѣ ветхозавѣтномъ, но этимъ выраженіемъ обознаетъ и силу заповѣди вообще. Существо заповѣди — вводить въ животъ и источать изъ себя животъ тѣмъ, кои живутъ по ней. Заповѣдь есть выраженіе воли Божіей о томъ, какъ намъ слѣдуетъ дѣйствовать. И все сущее живетъ по волѣ Божіей: въ твореніи вложены во все законы воли Божіей; въ промышленіи они хранятся тоюже волею Божіею, и все направляется къ послѣднему концу сею же волею. Заповѣдь всюду царитъ. Вступающій въ путь заповѣдей вступаетъ въ согласіе со всѣмъ сущимъ—и съ міромъ умнымъ Ангельскимъ, и съ міромъ вещественнымъ, и первѣе съ самымъ Божествомъ, — погружается въ потокъ всеобщей жизни, движимой и производимой всеоживляющею волею Божіею. Вотъ почему и сказалъ Апостолъ: *яже въ животъ*. Природа заповѣди такова, чтобъ давать вкушать жизни. Евангеліе и все домостроительство спасенія тѣмъ и живоносно, что даетъ вѣрующему возможность пребывать въ томъ чинѣ жизни, какой требуется заповѣдію. Къ сему и слово Божіе, къ сему и благодать. И Апостолъ будто тѣнь какую наводитъ на законъ и заповѣдь не за тѣмъ, чтобъ отвращеніе къ нимъ возбудить, но чтобъ побудить устремиться ко Христу вѣрою (Экум.), и получивъ отъ Него оправданіе и освященіе, сдѣлаться способнымъ жить по заповѣди, или по волѣ Божіей, или даже не иначе жить, какъ такимъ образомъ.

Ст. 11. *Грѣхъ бо вину пріемъ заповѣдію, прельсти мя, и тою умертви мя.*

Объясняетъ, какимъ образомъ *заповѣдь, яже въ животъ, обрѣтеся въ смерть*. Грѣхъ, говоритъ, взявъ исходною точкой заповѣдь, прельстилъ меня и, ввергши въ дѣла, противныя заповѣди, умертвилъ меня. Грѣхъ здѣсь— коренная наша грѣховность, сущность которой самоугодіе: я самъ, я такъ хочу, мнѣ такъ нравится и пріятно,—

никакихъ другихъ уваженій знать не хочу. Заповѣдь подчиняетъ волѣ Божіей, а грѣхъ себѣ угождать научаетъ въ противность волѣ Божіей. Заповѣдь, подчиняя волѣ Божіей, вводи́тъ въ потокъ жизни всеобщей; а грѣхъ, выводя изъ подчиненія волѣ Божіей, въ пользу самоугодія исторгаетъ изъ сего потока и ввергаетъ въ область чуждую жизни,—мертвую и мертвящую.

Какъ грѣхъ успѣваетъ въ этомъ? Чрезъ прельщеніе. Ухитряется онъ представлять дѣла, противныя заповѣди въ такомъ свѣтѣ, что человѣку кажется, что гораздо лучше, будто даже разумнѣе, поступить противъ заповѣди, нежели какъ по заповѣди. Напримѣръ: обидѣлъ кто. Заповѣдь повелѣваетъ: прости. Но подходитъ грѣхъ и внушаетъ: будешь прощать, тебя затопчутъ, съ грязью смѣшаютъ, — и жить нельзя будетъ. Лучше постой за себя; докажи, что тебя нельзя трогать ненаказанно. И тутъ ничего не будетъ худаго. Законъ справедливости того требуетъ.—Кажется человѣку, по такимъ резонамъ, что лучше не прощать — и не прощаетъ. На дѣлѣ же лучше простить; а не простить только кажется лучше, но не есть. Вотъ и прельстился человѣкъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ бываетъ и во всякомъ дѣлѣ, противномъ заповѣди. Грѣхъ ухитряется такъ представить дѣло, что лучше кажется поступить противъ заповѣди, и прельщаетъ. Онъ вообще противъ заповѣди не возстаетъ, не споритъ, что заповѣди должно исполнять. Но во всякомъ частномъ дѣйствіи непремѣнно подстрянетъ и постарается отвратить отъ требуемаго заповѣдію, все туже употребляя уловку,—представляя, что въ этомъ случаѣ лучше сдѣлать не по заповѣди. И выходитъ, что человѣкъ, и зная, что должно жить по заповѣдямъ, и будучи убѣжденъ въ томъ, и даже имѣя въ мысли такъ именно дѣйствовать, дѣйствуетъ противно заповѣдямъ. Такова прелесть грѣха! Въ каждомъ грѣхѣ повторяется тоже, что было съ пра-

родителями. Тамъ врагъ лично представилъ, что лучше поступить противъ заповѣди, а у насъ, вмѣсто него, то же производитъ засѣянное имъ сѣмя грѣха, хотя и то вѣрно, что и онъ не бываетъ при этомъ празденъ (Θеод., Экум. и Амвр.).

Въ настоящемъ текстѣ Апостолъ тоже говоритъ, что сказалъ выше: *вину пріемъ грѣхъ заповѣдію содѣла во мнѣ всяку похоть.* Здѣсь объясняется только, какъ онъ содѣлалъ сію похоть, и что было вслѣдствіе того. Прельстилъ,—и породилъ похоть противнаго заповѣди; похоть заченьши, родила грѣхъ; грѣхъ же содѣланъ, родилъ смерть (Іак. 1, 15) (Экуменій).

Ст. 12. *Тѣмже убо законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага.*

Тѣмже убо — означаетъ, что послѣдующая рѣчь есть выводъ изъ предыдущаго: изъ всего сказаннаго выходитъ, или: вы сами видите. А если положить, что Апостолъ имѣетъ при семъ въ виду оправданіе себя, то рѣчь сію можно дополнить такъ: такъ я не осуждаю закона и не хулю его, напротивъ утверждаю, что онъ святъ, и проч.

Законъ святъ и заповѣдь свята. Законъ и заповѣдь одно и тоже означаютъ—ветхозавѣтное домостроительство. Но иные различаютъ ихъ, и притомъ въ разномъ смыслѣ. Бл. Θеодоритъ говоритъ, что подъ закономъ разумѣется законъ Моисеевъ, а подъ заповѣдію заповѣдь, данная въ раю. Св. Златоустъ приводитъ толкованія нѣкоторыхъ, будто законъ означаетъ законъ естественный, а заповѣдь — заповѣдь райскую, и признавъ ихъ неправыми, теченіемъ рѣчи твердо доказываетъ, что здѣсь разумѣется одинъ и тотъже законъ Моисеевъ. Бл. Θеофилактъ, симъ же образомъ понимая рѣчь, полагаетъ только, что Апостолъ здѣсь „различаетъ законъ отъ заповѣди, какъ общее отъ частнаго: ибо въ законѣ одно

составляетъ догматы, а другое заповѣди. И догматы закона святы, и заповѣди касательно дѣятельности святы и праведны и добры."

Заповѣдь свята и праведна и блага. Таково все ветхозавѣтное устроеніе! Свято, яко отъ святаго Бога исшедшее, учившее святости и руководившее къ ней; праведно, яко праведнымъ Богомъ законоположенное, все праведно установившее, и праведно соединявшее съ вѣрностію Ему—благобытіе, а съ невѣрностію—злостраданіе; благо, яко благимъ Богомъ возложенное на пріявшихъ оное, не для отягощенія, а для благоустроенія жизни здѣсь, и блаженства по смерти. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Божественный Апостолъ назвалъ заповѣдь *святою*, какъ научившую должному; *праведною*, какъ праведно произнесшую приговоръ на преступниковъ; *благою*, какъ уготовляющую жизнь хранящимъ ее." Экуменій такъ опредѣляетъ сіи черты: „*святъ* законъ, потому что сохранялъ отъ нечистоты соблюдавшихъ его; *праведенъ*, — потому что исполнявшихъ его награждалъ дарами, а на преступавшихъ налагалъ наказанія; *благъ*, — потому что не въ удовольствіе себѣ и не по гнѣву наказывалъ злостраданіями преступавшихъ его, а для спасенія, блага и исправленія ихъ, и еще потому, что за малыя исправности вознаграждалъ многимъ, а согрѣшавшихъ вразумлялъ и наказывалъ не въ мѣру преступленій." Бл. Θеофилактъ прилагаетъ: „Здѣсь Апостолъ весьма явно заградилъ уста Маркіонитовъ, Манихеевъ, Симоніанъ и всѣхъ охуждавшихъ Ветхій Завѣтъ. Изъ сихъ словъ явно, что законъ и заповѣдь суть законоположенія благаго и праведнаго Бога,—а не какъ эти еретики богохульствовали, будто законъ происходитъ отъ злаго бога."

Ст. 13. *Благое ли убо бысть мнѣ смерть? Да не будетъ: но грѣхъ, да явится грѣхъ благимъ ми, содѣвая смерть: да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію.*

Это ли доброе,—законъ святой, и праведный, и благій,—*бысть мнѣ смерть*, былъ для меня смертоносенъ, смерть мнѣ принесъ и причинилъ?—*Да не будетъ*,—никакъ нельзя такъ думать,—ни я такъ не полагаю, и никому не слѣдуетъ допускать такой мысли. Ни по намѣренію Законодателя, ни по существу закона нельзя сему быть, нельзя сего ожидать, нельзя и умствовать такъ. Не законъ смертоносенъ, но грѣхъ, живущій въ насъ. Онъ научаетъ нарушать законъ, данный во благо намъ, и такимъ образомъ причиняетъ смерть. Грѣхъ сей столько золъ, что даже то, что благо, превращаетъ въ зло намъ; подобно тому, какъ испорченный желудокъ и здоровую пищу обращаетъ въ усиленіе болѣзни. Эту его зловредность обнаружилъ законъ, который, между прочимъ, и данъ былъ съ тою цѣлью, чтобъ вызвать наружу кроющееся въ насъ зло грѣха, поставляя его въ такія обстоятельства, что онъ явно благимъ содѣвалъ смерть. Апостолъ возбуждаетъ ненависть ко грѣху, указывая въ немъ такого злостнаго намъ врага. Въ иныхъ мѣстахъ такой образъ выраженія: *да явится*, указываетъ на слѣдствіе; такъ что, по сему образу, здѣсь выходило бы: и явилось, что грѣхъ и проч. Но здѣсь такое выраженіе указываетъ на цѣль. Законъ и данъ былъ съ тою цѣлію, чтобъ явилось, что грѣхъ и благое превращаетъ въ зло; подобно тому, какъ иногда лекаря даютъ лекарства, чтобъ скрытая внутри болѣзнь высыпала наружу. „Законъ и успѣлъ въ этомъ не мало, показавъ, какое зло есть грѣхъ, обнаруживъ и изобразивъ всю ядовисть онаго“ (Св. Злат.). „Закономъ и заповѣдію показывается мнѣ грѣхъ, показывается, т.-е., что онъ худъ и золъ. Какъ же?—*Благимъ ми содѣвая смерть*. По плоду узнаю дерево; видя смерть, начинаю ненавидѣть матерь смерти. А учитель мнѣ въ этомъ—законъ“ (Θеод.).

Подъ грѣхомъ здѣсь разумѣется „безпечная воля, стрем-

леніе къ худшему и развращеніе сердца,—въ чемъ заключается причина всѣхъ золъ“ (Св. Злат.),—„склонная къ удовольствіямъ воля и стремленіе ко грѣху“ (Өеоф.),—„наклонность нашего произволенія къ худшему“ (Өеод.). Существо его—въ самоугодіи наперекоръ всему.

Да будетъ попремногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію. Второе благое слѣдствіе закона. Тамъ—обличеніе зловредности грѣха, а здѣсь—указаніе его крайней грѣшности. Грѣхъ и всегда грѣшенъ, какъ творимый съ сознаніемъ грѣшности его, съ презорствомъ къ явной волѣ законоположника - Бога. „И природа указуетъ намъ грѣхъ“ (Өеод.); но при ней одной можно какимъ-либо кривотолкованіемъ помирить его съ правдою; когда же законъ явно указываетъ должное, а грѣхъ, несмотря на то, беретъ силу, тогда грѣшеніе не бываетъ съ спокойною совѣстію, а прямо идетъ противъ нея. Грѣшеніе такое крайне грѣшно и предъ Богомъ и предъ совѣстію. „Сіе же: *да будетъ*, сказано съ опущеніемъ; подразумѣвается: *да будетъ* явно,—т.-е., да сдѣлается явнымъ вслѣдствіе заповѣди, что попремногу грѣшенъ, или лукавъ грѣхъ“ (Өеод., такъ и Өеоф., Экум. и Фотій у него). Можетъ-быть здѣсь можно подъ грѣхомъ разумѣть всю совокупность дѣйствительныхъ грѣховъ, которые стали грѣшнѣе при законѣ, тогда какъ въ предыдущемъ выраженіи разумѣется живущій въ насъ грѣхъ, производящій дѣйствительные грѣхи.

Св. Златоустъ наводитъ при семъ, что „Апостолъ усиливаетъ изображеніе грѣха, дабы показать преизбытокъ Христовой благодати и научить, отъ какого зла избавленъ ею человѣческій родъ, послѣ того, какъ всѣ врачебныя пособія усиливали болѣзнь, и всѣ средства остановить зло, увеличивали оное.“ И нѣсколько ниже: „симъ Апостолъ доказываетъ и превосходство благодати, превосходство, а не противоположность. Не смотри на то,

что принявшіе законъ сдѣлались хуже; но прими во вниманіе, что законъ не только не хотѣлъ усилить зла, но напротивъ старался пресѣчь зло, до него бывшее. А если и не въ состояніи былъ совершить то, увѣнчай за расположеніе. Но тѣмъ съ глубочайшею преданностію повергнись предъ Христовымъ всемогуществомъ; потому что Христосъ столь разнообразное и непреоборимое зло (грѣхъ) исторгъ съ корнемъ и истребилъ."

Обезвинивъ такимъ образомъ законъ и всю вину сложивъ на живущій въ насъ грѣхъ, Апостолъ приступаетъ теперь къ изображенію, что это за грѣхъ, и какъ онъ въ насъ дѣйствуетъ.

бб).

Ст. 14. *Вѣмы бо, яко законъ духовенъ есть: азъ же плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхъ.*

„Апостолъ сказалъ выше, что зло увеличилось, что грѣхъ, будучи сдерживаемъ заповѣдію, больше усилился, и на дѣлѣ вышло противное тому, чего домогался законъ, и симъ привелъ онъ слушателя въ большое недоумѣніе. Посему, освободивъ сперва законъ отъ худаго подозрѣнія (будто онъ—вина грѣха), объясняетъ потомъ причину, отъ чего такъ случилось" (Св Злат.). И это уже указано, именно, что такъ случилось отъ грѣха. Намекнуто и на то, какъ грѣхъ ухитряется успѣвать въ этомъ,—именно, чрезъ прельщеніе,—прельщаетъ, и увлекаетъ на противное закону. Теперь глубже входитъ онъ въ разсмотрѣніе того, что происходитъ въ насъ, при встрѣчѣ закона и грѣха.

Чтобъ удобнѣе было понять рѣчь Апостола, надо имѣть въ мысли, что онъ и здѣсь, какъ прежде, говоря о себѣ, говоритъ въ лицѣ падшаго человѣка, не пріявшаго благодати, возстановляющей отъ паденія, возчувствовавшаго однакожъ потребность возстать и возжелавшаго того.

Напрасно полагаютъ, что Апостолъ говоритъ здѣсь о себѣ самомъ и въ своемъ лицѣ о всякомъ облагодатствованномъ. Ибо къ облагодатствованному никакъ не могутъ относиться слова: *еже не хощу злое, сіе содѣваю,* и: *не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ* (—19. 20). Грѣхъ, хотя и ему даетъ себя знать, но не имѣетъ надъ нимъ опредѣляющей къ дѣлу и насилующей власти, какъ выше уже сказалъ Апостолъ: *грѣхъ вами не обладаетъ:* ибо вы *подъ благодатію* (—6, 14), и какъ говоритъ св. Іоаннъ: *всякъ рожденный отъ Бога грѣха не творитъ* (1 Ін. 3, 9). Напрасно также въ основаніе своего мнѣнія, будто рѣчь Апостола можетъ идти только къ облагодатствованному, выставляютъ то, что въ необлагодатствованномъ не бываетъ такого раздвоенія внутренняго, какое здѣсь у Апостола изображается: *соуслаждаюся закону Божію... вижду же инъ законъ.* У падшаго безъ благодати мирно царитъ грѣхъ: и мысли и чувства и желанія—все у него сложилось съ грѣхомъ, и разлада съ нимъ не бываетъ. Ибо падшій и грѣшащій, какъ ни портитъ свою природу, но не превращаетъ ее въ злую. Добрыя начала остаются въ ней, и бываетъ, что возвышаютъ сильно свой голосъ съ требованіемъ удовлетворенія. Вотъ и раздвоеніе! Апостолъ въ настоящемъ мѣстѣ и имѣетъ въ виду этого, возчувствовавшаго такое въ себѣ раздвоеніе, сознавшаго необходимость перейдти на добрую сторону отъ грѣха и возжелавшаго перейдти, но силъ къ тому въ себѣ ненаходящаго. Очевиднѣйшій примѣръ того имѣемъ въ борющихся съ пьянствомъ, или блудною страстію, или картежничествомъ. Какъ идетъ ко всѣмъ имъ слово Апостола: *еже не хощу злое, сіе творю!*

Наши всѣ толковники разумѣютъ здѣсь изображеніе состоянія человѣка до закона и подъ закономъ, т.-е., не пріявшаго благодати, чтобы возбудить желаніе сей бла-

годати и привлечь къ вѣрѣ Евангельской,—единой подательницѣ ея.

Вѣмъ бо. Вотъ причина почему законъ данъ на одно, а вышло совсѣмъ другое! Потому что *законъ духовенъ, азъ же плотянъ.*

Законъ духовенъ. „Снова увѣнчиваетъ законъ похвалою. Ибо что досточестнѣе сего наименованія?“ (Θеод.). „Симъ какъбы сказалъ Апостолъ: всякій знаетъ и согласится, что законъ духовенъ; а потому и невозможно, чтобы онъ былъ причиною грѣха,—чтобъ на немъ лежала вина происшедшихъ золъ. И замѣть, что онъ не только освобождаетъ его отъ обвиненія, но и хвалитъ безъ мѣры“ (Св. Злат.).

Духовенъ же законъ потому, что отъ Духа изшелъ и ведетъ къ духовному. „Онъ написанъ Духомъ Божіимъ; сей благодати пріобщившись, бл. Моисей написалъ законъ“ (Θеод.). „Есть даръ Святаго Духа, и Имъ продиктованъ“ (Экум.).—„Наименовавъ его духовнымъ, Апостолъ даетъ знать, что онъ есть наставникъ добродѣтели и врагъ порока. Быть духовнымъ, значитъ отводить отъ всякаго грѣха. Это и дѣлалъ законъ, устрашая, вразумляя, наказывая, исправляя, совѣтуя все то, что добродѣтельно“ (Св. Злат.). „Онъ (законъ) желаетъ духовнаго и требуетъ того, что душеполезно“ (Экум.).

Хотя подзаконное домостроительство по Апостолу было по преимуществу видимое и служеніе въ немъ было наипаче тѣлесное, ведшее къ плотской лишь чистотѣ (Евр. 9, 13) и къ оправданіямъ плоти (——10), но не затѣмъ, чтобъ состоящіе подъ нимъ останавливались на одномъ этомъ видимомъ и тѣлесномъ, а отъ него переходили къ невидимому и духовному. Оно было руководствомъ отъ внѣшняго къ внутреннему: тѣмъ, что всякое предписаніе, опредѣлявшее видимый образъ дѣйствованія, дано отъ лица Божія, оно чрезъ все видимое пе-

чатлѣло въ умѣ Бога, а тѣмъ, что все видимое въ немъ было учреждено съ особымъ духовнымъ значеніемъ, вводило въ сіе духовное. Отъ того служащіе въ немъ, хотя *служили образу и стѣни* (Евр. 8, 5), не были лишены возможности прозрѣвать за сію завѣсу и видѣть сокрываемое тамъ. Это надлежитъ сказать о самомъ внѣшнемъ устройствѣ подзаконныхъ порядковъ: о духовности же нравственно религіозныхъ положеній и говорить нечего. Послѣднія-то въ настоящемъ мѣстѣ и имѣетъ въ виду Апостолъ; онъ говоритъ, что законъ требовалъ духовнаго, т.-е. того, чтобы къ Богу устремляться, съ Нимъ пребывать умомъ и сердцемъ, Ему всячески угождать, исполняя по совѣсти святую волю Его, и услаждаться только тѣмъ, что божественно. Таковъ законъ, а я плотянъ.

Плотянъ не естествомъ, а внутреннимъ настроеніемъ, т.-е. ищу только того, что плоть услаждаетъ, или устрояетъ мое лишь земное благобытіе. Естественныя начала духовной жизни не истреблены, но обезсилены и заглушены, и когда-когда прорываются,—такъ что въ общемъ преобладаетъ плотяность.

Плотяность здѣсь не означаетъ одну плотскую, чувственную жизнь, а выражаетъ вообще нехорошее состояніе падшаго грѣшника. Въ посланіи къ Коринѳянамъ тоже самое называлъ Апостолъ *душевностію* (1 Кор. 2, 14). Но можно и различать душевность отъ плотяности, какъ два вида или двѣ стороны однородной жизни, подъ плотяностію разумѣя чувственную жизнь, въ плотоугодіяхъ проходящую, а подъ душевностію—жизнь проходящую въ устроеніи исключительно земнаго благобытія чрезъ удовлетвореніе лишь душевныхъ потребностей, естественныхъ и добытыхъ произвольнымъ навыкомъ, никогда однакожъ не остающихся въ своемъ чинѣ, но непремѣнно возмущаемыхъ и извращаемыхъ страстями,—

такъ что ее справедливо назвать жизнію, въ угодіи душевнымъ страстямъ проходящую, хотя движущуюся въ порядкахъ, опредѣляемыхъ естественными потребностями.

Вѣдать надлежитъ, что человѣкъ не тѣло только и душа, но тѣло—душа—духъ.—Что тѣло, ясно само-собою. Чтó духъ?—Духъ—всѣ тѣ проявленія внутренней нашей жизни, которыя устремляютъ человѣка отъ земнаго къ небесному, отъ временнаго къ вѣчному, отъ тварнаго къ божественному. Онъ есть та сила, которую вдунулъ Богъ въ лицо человѣка при сотвореніи его, и въ которой собственно лежитъ образъ и подобіе Божіе. Какъ такая, она устремляетъ человѣка къ Богу и довольна бываетъ только тогда, когда человѣкъ въ Богѣ живетъ и въ живомъ съ Нимъ состоитъ союзѣ. Осязательнѣе она открывается въ насъ страхомъ Божіимъ, дѣйствіями совѣсти, и тѣмъ, что не даетъ намъ удовольствоваться ничѣмъ тварнымъ. Всѣ сіи внутреннѣйшія движенія въ насъ, когда бываютъ въ силѣ, отрѣшаютъ отъ всего земнаго и заставляютъ не внимать никакимъ условіямъ земнаго быта. Они общи всему человѣчеству и присущи и у самыхъ дикихъ, какъ и у образованныхъ.

Что душа?—Чтó остается затѣмъ между тѣломъ и духомъ, принадлежитъ душѣ и составляетъ ея жизнь. Сюда относятся всѣ роды знаній и всякая научность; всѣ роды искусствъ, всякая художественность и всякое мастерство; всѣ роды практической жизни, семейная и общественная жизнь со всѣми способами ихъ устроенія и поддержанія. На все это въ душу вложены потребности, и на удовлетвореніе ихъ дарованы силы съ предуказаніемъ въ нихъ и способа удовлетворенія.

Само собою ясно, что жизнь тѣлесная ниже душевной, душевная ниже духовной. Слѣдовательно душевную жизнь должно подчинять духовной, а тѣлесную—той и другой. Норма жизни человѣка жить въ духѣ и духомъ

одуховлять и душу и тѣло. Таково первоначальное его устройство, такимъ вышелъ изъ рукъ Творца человѣкъ, и такимъ былъ въ раю до паденія. Жить въ духѣ есть жить въ Богѣ. Живущій такъ отъ Бога пріемлетъ силу управляться съ душею и тѣломъ и подчинять ихъ духу. Въ паденіи человѣкъ возсталъ противъ Бога,—истинно возсталъ. Грѣхъ прародителей по виду не большой, но по духу своему очень тяжекъ. Повѣривъ злому внушенію врага, будто Богъ за тѣмъ запретилъ имъ вкушать отъ древа, чтобъ и они не сдѣлались богами, они въ этомъ самомъ повѣрованіи извратили въ себѣ существеннѣйшее о Богѣ вѣдѣніе: ибо подумали, что Богъ завидуетъ имъ и потому отстраняетъ ихъ отъ принадлежащаго имъ, тогда какъ Богъ по существу Своему есть независтный, преизливающій источникъ благъ. Воспринявъ такую злую мысль, они рѣшили устроить свое благобытіе сами, наперекоръ волѣ Божіей. Нарушеніе заповѣди не было бы возможно, еслибы внутри у нихъ не произнеслось рѣшеніе: такъ мы сами себя устроимъ и станемъ тѣмъ, чѣмъ достоитъ намъ быть. Это рѣшеніе произвело полный переворотъ внутри человѣка. Рванувшись такъ отъ Бога, онъ духомъ своимъ отвратился отъ Бога; вслѣдствіе чего духъ его потерялъ силу властвовать надъ душею и тѣломъ и человѣкъ неизбѣжно подпалъ многообразнѣйшимъ требованіямъ души и тѣла, и сталъ душевно-тѣлесенъ, т.-е. господствующею у него стала жизнь душевная, обращенная на устроеніе временнаго быта, и тѣлесная, движущаяся въ угодіяхъ плоти; духовная же, хотя не уничтожена, но потеряла свое первое -- властное мѣсто и стала въ подчиненіе тѣмъ двумъ.

Потребностей души и тѣла много, и много способовъ удовлетворять ихъ. Поелику естественный управитель ихъ духъ потерялъ власть, то среди ихъ произошли большіе безпорядки: каждая потребность мѣру потеряла,

а всѣ потеряли законъ взаимнаго отношенія и соподчиненія и при всякой возможности стремятся занять преобладающее мѣсто и подчинить себѣ всѣ другіе. И это уже большое зло; но оно безмѣрно увеличилось отъ того, что вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ человѣкъ произнесъ внутри рѣшеніе: такъ я самъ устроюсь, низпалъ въ самость, и въ этой самости воспринялъ сѣмя злыхъ страстей, исходящихъ изъ сей самости и не коренящихся въ естествѣ. Онѣ проникли всю душевно-тѣлесность, пропитали ее ядомъ своимъ и зло отъ потери мѣры потребностей и порядка взаимнаго ихъ отношенія увеличили до чрезмѣрности. Состояніе падшаго можно опредѣлить: самостная страстная душевно-тѣлесность. Духъ ея—самоугодіе наперекоръ всему. Вотъ это самое и есть то, что св. Павелъ назвалъ плотяностію, и что есть живущій въ насъ грѣхъ, распложающій въ жизни нашей всякую законопреступность и всякаго рода грѣхи.

Такимъ остается всякій человѣкъ до пріятія имъ благодати, хоть и подъ закономъ кто состоитъ. Законъ, говоритъ Апостолъ, духовенъ, — онъ требуетъ, чтобы я жилъ въ духѣ; но у меня преобладаетъ душевно-тѣлесное самоугодіе; отъ чего и при законѣ я только грѣшу. Потребности души и тѣла — негрѣшны; но когда тѣлу удовлетворяютъ во вредъ душѣ, а душѣ и тѣлу наперекоръ духу, тогда грѣшатъ. И грѣхъ паче при семъ грѣшенъ, когда дѣйствуютъ такъ не собственно для удовлетворенія потребностей, а чрезъ удовлетвореніе имъ питаютъ страсти. Но въ такомъ именно положеніи и состоитъ непріявшій благодати. Его и разумѣетъ Апостолъ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ выводитъ на среду человѣка до благодати, волнуемаго страстями. Ибо *плотянымъ* называетъ не улучившаго еще духовной помощи.“ „Плотянъ есть человѣкъ, говоритъ Экуменій, не поколику человѣкъ, но поколику преданъ есть страстямъ и

творитъ плоти угодія.“ — Бл. Θеофилактъ и источникъ сего указываетъ: „*плотянъ есть*—значитъ: все естество человѣческое, какъ до изданія закона, такъ и во время закона наполнено было множествомъ страстей: ибо вслѣдствіе преступленія Адамова мы не только сдѣлались смертными, но природа наша получила страсти, продалась грѣху, и стала рабою, такъ что и головы не могла поднять.“ Полнѣе сіе изображено у св. Златоуста: „Въ слѣдъ за смертію, толпою нахлынули страсти. Какъ скоро тѣло учинилось смертнымъ, по необходимости допустило въ себѣ и похоть, и гнѣвъ, и болѣзнь и все прочее; а посему много нужно любомудрія, чтобы при наводненіи страстей разсудокъ не погрязъ въ глубину грѣха.“

Проданъ подъ грѣхъ. Хотя и не хотя грѣшу, какъ проданный рабъ исполняетъ волю господина своего. Примѣнительно къ вышеизложенному будетъ: живу въ душевно-тѣлесномъ самоугодіи и страстяхъ наперекоръ духу, или внушеніямъ страха Божія и требованіямъ совѣсти. *Проданъ*—наводитъ на мысль, будто не имѣетъ свободы не грѣшить и грѣшитъ будто по необходимости. Но этимъ выражается лишь сила грѣха, на дѣлѣ же бываетъ такъ, что грѣшащій въ угоду самости и страстямъ всегда дѣлаетъ это свободно, самоохотно рѣшается на такія дѣла. Припомнимъ, что сказано подъ 11-мъ стихомъ, о томъ, какъ прельщаетъ грѣхъ. Грѣхъ никогда не возстаетъ противъ закона вообще, а только въ каждомъ частномъ случаѣ представляетъ дѣло такъ, что человѣкъ считаетъ болѣе пригоднымъ поступить противъ закона, нежели по закону,—и грѣшитъ. Ученый не молится или мало молится, потому что ему некогда нынѣ: завтра помолится. Такъ всякій разъ. И не молится, зная и утверждая, что должно молиться. Такъ всякаго рода неправыя дѣйствія. Они совершаются самоохотно. Но когда посмот-

рѣть на нихъ въ сложности, то печатлѣется мысль, что человѣкъ, какъ проданный рабъ, работаетъ грѣху. Это однакожъ не значитъ, что онъ не можетъ не грѣшить, а только—что сильно охочъ на грѣхи, такъ что на требованія правды и не смотритъ.

Проданъ — въ грѣхопаденіи прародителей; но потомъ въ жизни самъ себя продаетъ грѣху всякій разъ. Бл. Ѳеодоритъ указаніе на это видитъ въ словахъ пророка Исаіи: *се грѣхами вашими продастеся* (50, 1), и слова Апостола толкуетъ такъ: „продался я грѣху и самъ себя продалъ ему.“

Ст. 15. *Еже бо содѣваю, не разумѣю: не еже бо хощу, сіе творю: но еже ненавижду, то содѣловаю.*

Еже бо содѣваю, не разумѣю. Не знать что дѣлаю, понять не могу, какъ это я дѣлаю все, что дѣлаю. Или общее: не знать, что во мнѣ дѣлается. Св. Златоустъ говоритъ, что Апостолъ не то хочетъ сказать, что—грѣшу въ невѣдѣніи: ибо никто никогда не грѣшилъ въ невѣдѣніи. Еслибъ люди грѣшили въ невѣдѣніи, то не за что было бы ихъ наказывать. Что же значитъ: не *разумѣю?* Пребываю во мракѣ, увлекаюсь, самъ не знаю, какъ даюся въ обманъ. И сами мы обыкновенно говоримъ: не знаю какъ такой-то человѣкъ пришелъ и увлекъ меня; хотя вовсе не думаемъ извиняться незнаніемъ, а выражаемъ только, что тутъ былъ нѣкоторый обманъ, умыселъ, омраченіе. — Бл. Ѳеодоритъ ограничиваетъ такъ же это неразумѣніе однимъ моментомъ, или дѣйствіемъ грѣшенія. „Побѣждаемый, говоритъ, сластолюбіемъ, а также упивающійся страстію гнѣва не имѣетъ яснаго вѣдѣнія о грѣхѣ, но, по прекращеніи дѣйствія страсти, начинаетъ ощущать зло.“—Сосложеніе съ грѣхомъ въ актѣ грѣшенія и разумомъ одобряется, а послѣ онъ ясно видитъ, что не слѣдовало такъ дѣлать, и озираясь назадъ, въ недоумѣніи спрашиваетъ: какъ же это такъ?—„Прельщаюсь и

совосхищаемъ бываю на грѣхъ,—бываю окрадаемъ, воровски увлекаемъ, и понять не умѣю, какъ сіе стражду“ (Экум.).

Не еже бо хощу, сіе творю: но еже ненавижу, то содѣваю. Хочу одного, а творю другое; что ненавижу, то дѣлаю. Хотѣніе и ненавидѣніе означаютъ общее убѣжденіе и помышленіе, а что дѣлается не то, что желаемо, но то, что ненавидимо, это относится къ каждому частному дѣйствію, и не то означаетъ, что дѣлается противъ воли и съ ненавистію, а то, что въ моментъ дѣйствія желаемое вообще становится нежелаемымъ и ненавидимое любимымъ. Ибо всякій грѣхъ дѣлается съ желаніемъ и любовію. До рѣшенія на дѣло бываетъ желаніе инаго и ненавидѣніе предлежащаго; но подходитъ сласть самоугодія и—все измѣняется. Бываетъ борьба, но потомъ все улегается, и нехотимое прежде творится всѣмъ лицемъ человѣка со всею охотою. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „словами: чего не хочу и что ненавижу, выражается не необходимость, а немощь, потому что не какою-либо необходимостію и не какимъ-либо насиліемъ принужденные, согрѣшаемъ, дѣлаемъ то самое, чѣмъ гнушаемся, какъ беззаконнымъ.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Изъ сего видно, что словами: *не еже хощу*, Апостолъ не уничтожаетъ свободнаго произволенія, и не означаетъ какой-либо-неотвратимой необходимости. Ибо ежели грѣшимъ непроизвольно, а по принужденію, то не видно причины, за что люди доселѣ были наказываемы. Но какъ словомъ: *не разумѣю* Апостолъ выразилъ не незнаніе, а то, что сказано нами выше; такъ присовокупивъ — *не еже хощу,* выразилъ не необходимость, а то, что не одобряетъ сдѣланнаго (и прежде и послѣ дѣла вообще). А еслибы не такую имѣлъ мысль, то къ словамъ—*не еже хощу, сіе творю,* почему бы не присовокупить ему: дѣлаю то, къ чему вынужденъ необходимостію. Но Апостолъ не сказалъ сего, а замѣнилъ то словами: *еже не*

навижу, дабы ты разумѣлъ, что онъ и словами, *не еже хощу,* не уничтожилъ свободы."

Какъ въ какой-либо семьѣ глава семейства держитъ намѣренія, по его убѣжденію полезныя, но когда надо дѣйствовать, собираются семьяне и уговариваютъ его дѣлать противное тому: онъ соглашается, и дѣлаетъ. Послѣ, хоть и видитъ, что не слѣдовало соглашаться, но ужъ сдѣланнаго не передѣлаешь. Это однакожъ не исправляетъ его; но когда приходится дѣйствовать въ томъже смыслѣ, семьяне опять сбиваютъ его сдѣлать по ихнему. Такъ и всегда дѣлаетъ онъ *не еже хощетъ.* Тоже самое происходитъ и внутри насъ. Всякій желаетъ добраго и ненавидитъ злое; но приходитъ сласть самоугодія, отуманиваетъ очи ума, извращаетъ расположеніе сердца,—и желаемое доброе не желается, а ненавидимое злое является привлекательнымъ; отъ чего не то творится, а это содѣвается.

Ст. 16. *Аще ли, еже не хощу, сіе творю, хвалю законъ, яко добръ.*

Говоря выше: творю не то, что хощу, и содѣваю, что ненавижу, хоть говорилъ отвлеченно, не опредѣляя,— чего же именно хочетъ и что ненавидитъ, но по ходу рѣчи видно, что онъ хочетъ законнаго, а ненавидитъ беззаконное. Если вставимъ эти термины въ рѣчь, получимъ: творю нѐ законное, которое хочу, но содѣваю беззаконное, которое ненавижу. Но если такъ, то очевидно, что я *хвалю законъ, яко добръ,*—и въ убѣжденіи ума и въ чувствѣ сердца одобряю законъ,—держу, что законъ благъ для меня, на благо мнѣ данъ и къ благу меня приведетъ, если буду слѣдовать ему. И въ падшемъ грѣшникѣ страхъ Божій цѣлъ, цѣла и совѣсть, указывающая достодолжное. Отъ того нравственно-религіозныя положенія — истинныя — имѣются у всѣхъ народовъ. У пріявшихъ же откровеніе, или писанный законъ, они и

полнѣе и опредѣленнѣе. Такъ всѣ хвалятъ законъ, яко добръ, и желаютъ законнаго дѣйствованія; но когда приходится дѣйствовать самымъ дѣломъ, возстаетъ душевно-тѣлесное самоугодіе, сбиваетъ ихъ съ пути и они дѣлаютъ не то, что одобряютъ и что хвалятъ въ обыкновенномъ состояніи. Надобно впрочемъ дополнить рѣчь Апостола, и въ словахъ его видѣть такое теченіе мыслей: если я говорю о себѣ, что дѣлаю не то, что хочу, значитъ сознаю, что не слѣдовало мнѣ такъ дѣлать, какъ дѣлаю; а если это сознаю, значитъ одобряю противоположное сему дѣйствованію, т.-е. одобряю законъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Видишь ли между прочимъ, что разумъ не поврежденъ, но дѣйствительно сохраняетъ свойственное ему благородство? Если и предается пороку, то, предаваясь оному, ненавидитъ оный. А сіе и служило всегда самою лучшею похвалою закона, какъ естественнаго, такъ и письменнаго. Что законъ добръ, разсуждаетъ Апостолъ, сіе видно изъ того, что я обвиняю самъ себя; хотя и не повинуюсь закону, но ненавижу и сдѣланное мною."

Ст. 17. *Нынѣ же не ктому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ.*

Нынѣ же—не время означаетъ, а есть заключительная частица, какъ и мы часто употребляемъ въ томъже значеніи: *теперь*. Можно перефразировать такъ: теперь видите, теперь выходитъ, или просто выходитъ. Одобряю законъ, хочу законнаго и ненавижу беззаконное, а дѣлаю все противное сему. Выходитъ, что не я это дѣлаю. Я тутъ не дѣйствующій, а дѣйствуемый. Кто-то другой завладѣлъ мною, беретъ меня, какъ связаннаго, и ведетъ, куда хочетъ, и я плетусь въ слѣдъ его. Кто же это такой? Живущій во мнѣ грѣхъ.—Грѣхъ олицетворяется по силѣ влеченія его, а человѣкъ обезличивается по причинѣ слабости его ко грѣху и падкости на него. Апостолъ будто слагаетъ вину съ человѣка,

какъ выше съ закона. Но на дѣлѣ бываетъ такъ, что человѣкъ всегда самоохотно соглашается на грѣхъ. Не соглашайся онъ на грѣхъ, грѣха не было бы. И мы часто въ рѣчахъ своихъ говоримъ: что будешь дѣлать? Никакъ не управлюся съ собою,—какъ будто по необходимости какой дѣлаемъ, что дѣлаемъ, между тѣмъ какъ знаемъ, что все то дѣлаемъ самоохотно. Такъ и слово Апостола не утверждаетъ невольности грѣха и не отвергаетъ самоохотности его. Обыкновенно бываетъ такъ, что до грѣха не хочетъ человѣкъ грѣха и по грѣхѣ не одобряетъ его, а когда грѣшитъ, и хочетъ грѣха и считаетъ сдѣланіе грѣшнаго дѣла лучшимъ, нежели несдѣланіе.—Кажется, будто кто сторонній пришелъ, взялъ его руки и ноги, и самую душу съ ея мыслями, чувствами и желаніями, и сдѣлалъ грѣхъ. На дѣлѣ же—грѣховное возбужденіе точно находитъ, но грѣшитъ человѣкъ самъ, всѣмъ лицемъ своимъ, и не иначе, какъ по самоохотномъ согласіи на грѣхъ. Можно только недоумѣвать, что за тайна въ грѣхѣ? Но обезвинять человѣка нельзя.

Повторимъ сказанное прежде. Человѣкъ—духъ-душа-тѣло. Норма его жизни—жизнь въ духѣ подъ дѣйствіемъ страха Божія и совѣсти съ подчиненіемъ ему души и тѣла и одухотвореніемъ ихъ. Когда въ паденіи рванулся человѣкъ отъ Бога и порѣшилъ самъ собою устроять свое благобытіе, то въ семъ актѣ воспріялъ, какъ новое начало жизни, самость и самоугодіе. Поелику, далѣе, духъ по природѣ своей отрѣшенъ и характеръ его жизни есть самопожреніе Богу; то самость не могла находить въ немъ пищи самоугодію и обратилась къ душѣ и тѣлу, которыя движутся обычно по побужденіямъ пріятнаго и полезнаго. Душа и тѣло имѣютъ множество потребностей, изъ коихъ каждая распложаетъ множество желаній, по множеству предметовъ, гожихъ къ ихъ удовлетворенію. Каждая потребность представляетъ особый

видъ самоугодія, а предметы, удовлетворяющіе ихъ, даютъ пищу самоугодію. Низпадши въ эту область, человѣкъ вступилъ въ нѣкую нестройную многогласную толпу, гдѣ всякій предлагаетъ ему свое, пріятное ему и угодное. Какъ онъ въ началѣ паденія, вкусивъ сласти самоугодія, самъ возвелъ сію страсть въ опредѣляющее его дѣятельность начало; то, вращаясь въ средѣ означенной толпы, какъ только почуетъ предлагаемое ему пріятное, тотчасъ падаетъ на него, подкупаемъ будучи такъ первоначально воспринятою сластію самоугодія.—Такъ какъ при такомъ образѣ дѣйствованія не смотрится на то, право или неправо дѣлаемое, а лишь на то, сладко ли оно; то тутъ въ самомъ корнѣ лежитъ грѣшность. Все дѣлаемое по началу самоугодія грѣшно, хотя не все такое, по роду дѣлъ, противно правдѣ. Неправда здѣсь та, что требованія духа, которыя принадлежатъ къ существеннымъ потребностямъ человѣческаго естества, не имѣются совсѣмъ во вниманіи. Вообще они не оспариваются, ибо присущи сознанію; но въ дѣйствованіи не берутся въ расчетъ, потому что не даютъ пищи сласти самоугодія, а требуютъ самопожренія. Такимъ образомъ человѣкъ падшій былъ бы грѣшенъ и тогда, какъ по виду дѣлалъ бы то, что естественно душѣ и тѣлу,—удовлетворялъ ихъ потребность. Но въ дѣйствительности, жизнь его болѣе не права, чѣмъ этимъ однимъ. Не права она при семъ еще тѣмъ, что мѣру удовлетворенія потребностей опредѣляетъ сластію, а не какимъ-либо высшимъ мѣриломъ, отъ того всегда впадаетъ въ безмѣрность, — и тѣмъ, что соотношеніе потребностей, какой больше и нужнѣе удовлетворять, равно какъ и выборъ предметовъ для сего удовлетворенія тоже опредѣляетъ не изъ высшаго какого начала, а опять тоюже сластію,—отъ чего является безпорядочность, неблаготворно дѣйствующая на человѣка, разрушающая себя

саму. И это уже все много увеличиваетъ грѣшность. Но тутъ еще не все. Духъ падшаго самость: я самъ. Изъ сей самости народились страсти, прямо изъ самости исходящія и ни на чемъ естественномъ не опирающіяся, каковы—гордыня, зависть, ненависть, злость, скупость, тщеславіе и подобныя. Самость, ищущая самоугодія и могущая находить его только въ душѣ и тѣлѣ, и въ нихъ нисшедшая, вошла туда со всѣмъ полчищемъ страстей. Тамъ уже и безъ того возможно было множество неправдъ (въ несоблюденіи мѣры удовлетворенія потребностей и взаимныхъ ихъ отношеній, равно какъ и въ выборѣ предметовъ для ихъ удовлетворенія); но по причинѣ подлитія въ нихъ сего яда страстей неправда превзошла всякую мѣру;—подъ вліяніемъ ихъ все тамъ извратилось и удовлетвореніе потребностей обратилось на удовлетвореніе страстей,—приняло противоестественное направленіе, разрушительное и для самаго дѣйствующаго и для другихъ.

Все сіе въ совокупности есть живущій въ насъ грѣхъ. Прикрывается онъ естественными потребностями души и тѣла, приходитъ въ движеніе сластію самоугодія, направляется страстями. Можно его описать такъ: самостная, страстная и сластолюбивая душевно-тѣлесная самоугодливость. Исчадій его много, но всѣ они обычно молчатъ и очень похожи на шайку разбойниковъ, кроющихся въ засадѣ. Какъ эти разбойники въ засадѣ, или звѣри въ норѣ, они скрыты гдѣ-то въ насъ, и будто нѣтъ ихъ. Поелику духъ человѣка все же и въ падшемъ живъ и составляетъ норму человѣческой жизни, то обычно человѣкъ стоитъ на сторонѣ духа, т.-е. признаетъ законность его требованій и не чуждъ желанія дѣйствовать по нимъ,—*хвалитъ законъ, яко добръ*. Но какъ только доходитъ до самаго дѣйствованія по духу, то, поелику онъ противоложенъ грѣху во всѣхъ прописанныхъ его проявленіяхъ, исчадіе грѣха, противъ котораго должно

направиться предлежащее дѣло, тотчасъ возстаетъ,—съ нимъ поднимается и все сродное съ нимъ и коренное, сласти ищущее, самоугодіе Происходитъ споръ и борьба: духъ предлагаетъ свои резоны, а грѣхъ съ исчадіями своими выставляетъ свои прелести. Поелику требованія духа отрѣшенны, и если обѣщаютъ благо, то тоже духовное, отрѣшенное, а грѣхъ даетъ сласть осязательную, прямо въ дѣйствіи противномъ требованію духа; то человѣкъ, первоначально избравшій сласть въ начало, опредѣляющее на дѣла, склоняется на сторону дѣйствія, дающаго сласть, и учиняетъ грѣхъ. Послѣ грѣха онъ опять внимаетъ духу и осуждаетъ свое дѣйствованіе. Но когда снова приступитъ къ какому дѣлу, по требованію духа, снова уступаетъ грѣху, напередъ подкупленный сластію грѣховною. Такъ дѣйствуетъ всякій грѣшникъ, пока грѣшникъ есть. Въ немъ исполняется то, что сказалъ Апостолъ: хвалю законъ, яко добръ; но живущій во мнѣ грѣхъ прельщаетъ меня и увлекаетъ къ дѣламъ противозаконнымъ, и я грѣшу. Экуменій спрашиваетъ: какъже грѣхъ ухитряется это дѣлать? И отвѣчаетъ: „сласть предлагаетъ онъ мнѣ въ предлежащемъ дѣлѣ, и такимъ образомъ прельщаетъ меня не оставаться вѣрнымъ тому, что я сознавалъ правымъ и чего хотѣлъ.“ Ѳеодоритъ пишетъ, что Апостолъ, говоря такъ, „грѣхомъ называетъ рабство ума (духа) и владычество страстей; умъ (духъ) не самъ содѣваетъ, потому что ненавидитъ дѣлаемое, но при этомъ дѣйствуетъ владычество страстей.“

Ст. 18. *Вѣмъ бо, яко не живетъ во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей, доброе: еже бо хотѣти прележитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю.*

Вѣмъ бо--знаю по опыту, опытами собственной моей жизни удостовѣрился я, что *не живетъ во мнѣ*, т.-е. *во плоти моей доброе*. Не живетъ доброе: что же живетъ? Недоброе. Такъ и тянетъ подумать, что мысль у Апо-

стола такая: опытно знаю, что во мнѣ живетъ что-то недоброе. Ибо вообще сказать, что ничего уже добраго нѣтъ, несообразно съ ученіемъ Апостола. И вслѣдъ за симъ говоритъ онъ: *еже хотѣти доброе прилежитъ ми;* а это есть доброе. Или—не живетъ во мнѣ доброе въ томъ смыслѣ, что не есть оно опредѣляющее начало (Экуменій). Власть дѣйственная перешла въ другія руки, а доброе ограничивается одними желаніями. Впрочемъ Апостолъ достаточно пояснилъ, въ какой нашей сторонѣ не живетъ доброе, прибавивъ: *во плоти моей.* Не въ естествѣ человѣческомъ не живетъ доброе, ибо оно, какъ твореніе Божіе, добро, но *во плоти,* какимъ словомъ обыкновенно Апостолъ означаетъ то недоброе, что образовалось въ насъ вслѣдствіе паденія и витаетъ тутъ же въ промежуткахъ естества. Въ настоящемъ посланіи онъ называетъ это плотяностію, а въ посланіи къ Коринѳянамъ душевластію. Соединивъ то и другое, получимъ душевно-плотяность, какъ выраженіе порчи падшаго. Душа и плоть, какъ твари Божіи, добры; но вслѣдствіе паденія стали сѣдалищемъ всего недобраго. Вселилась въ нихъ самость со страстями, и всѣ ихъ силы и потребности обращаетъ на самоугодіе. И образовался тутъ среди естества особый нѣкій корпусъ самостный, страстный, самоугодливый. И въ семъ-то корпусѣ—пришломъ—не живетъ доброе.

Еже бо хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе не обрѣтаю. Вотъ почему, говоритъ, знаю, что живетъ во мнѣ что-то недоброе, или, что не живетъ въ самостномъ и сластолюбивомъ, образовавшемся во мнѣ по паденіи корпусѣ, доброе,—потому что не удается мнѣ дѣлать доброе: желать его желаю, а какъ до дѣла дойдетъ,—нѣтъ. *Не обрѣтаю,*—опять на опытъ указываетъ; желанія добрыя въ себѣ вижу, а чтобъ дѣла шли по симъ желаніямъ, не вижу, не нахожу. Какъ это бываетъ,

объяснено подъ предыдущимъ стихомъ: доброе предлежащее дѣло желаемо, но имъ возбуждается противоположная ему страсть, прельщаетъ, и дѣло желаемое не дѣлается. „Желаю, но не дѣлаю, по причинѣ совосхищенія меня грѣхомъ: онъ совосхищаетъ меня, такъ что я не дѣлаю того, что одобряю“, пишетъ Экуменій. „Сказавъ: *не обрѣтаю*, Апостолъ разумѣетъ не невѣдѣніе или сомнѣніе, а нападеніе, и козни грѣха“, говоритъ св. Златоустъ. Это все дѣлаетъ „преобладаніе страстей“,—поясняетъ Өеодоритъ. „Слагаетъ вину и съ существа души, и съ существа плоти, и все приписываетъ порочной волѣ, воздѣйствію грѣха“, прибавляетъ Өеофилактъ. „И нравится законное, и желаніе есть сдѣлать его, но чтобъ исполнить его, недостаетъ власти и силы. Такъ стѣсненъ (падшій) властію грѣха, что не можетъ тещи, куда хочетъ, и не силенъ противорѣчить ему: онъ сталъ господиномъ у него. Ктому же и навыкъ грѣховный тяготитъ человѣка и онъ легче падаетъ на грѣхъ, чѣмъ умѣетъ слѣдовать добру. Хотя и желаетъ дѣлать доброе, но навыкъ тотъ не даетъ ему сдѣлать его. И врагъ злу помощникъ бываетъ.“ Такъ толкуетъ Амвросіастъ.

Ст. 19. *Не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сіе содѣваю.*

Доказываетъ опытомъ же, почему содѣяти *доброе не обрѣтаетъ*,—потому что вмѣсто добраго—желаемаго содѣваю недоброе—не желаемое. 19-й и 20-й стихи суть повтореніе стиховъ 15-го и 17-го, но съ особымъ оттѣнкомъ. Тамъ доказывалась преданность грѣху, а здѣсь объясняется необрѣтеніе въ себѣ дѣланія добра. Тамъ причина, здѣсь слѣдствіе. Объясненіе того, почему *еже не хощу, злое содѣваю*, можно заимствовать оттуда, прибавивъ: потому что я проданъ подъ грѣхъ. Слово—*содѣваю* указываетъ на всякій частный случай. Вообще хощу добраго, одобряю его и имѣю въ мысли дѣлать; но

въ частныхъ случаяхъ подходитъ грѣхъ—сластолюбивое самоугодіе,—прельщаетъ меня и увлекаетъ, и я содѣваю не то, что хочу обычно. Такъ *еже содѣяти доброе, не обрѣтаю.* „Указываетъ здѣсь Апостолъ на прельщеніе и увлеченіе грѣхомъ. Желаю, говоритъ, дѣлать доброе, желаю не дѣлать худаго; но нападаетъ похоть, плѣняетъ и склоняетъ презрѣть признаваемое добрымъ и желаемое, и сдѣлать то, что она внушаетъ“ (Экум.).

Ст. 20. *Аще ли еже не хощу азъ, сіе творю: уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ.*

Совсѣмъ будто слагаетъ съ себя вину. Не я, говоритъ, это дѣлаю, а живущій во мнѣ грѣхъ,—этотъ господинъ, коему я проданъ. Но что за личность этотъ господинъ? Это—лице, душу котораго составляетъ сластолюбивое самоугодіе, а тѣло—всѣ страсти, со всѣми привычками, питающими ихъ; душа же и тѣло со своими силами и отправленіями суть только орудія его. Если такъ, то какъ же тутъ обезвинять себя?—Апостолъ и не обезвиняетъ. И рѣчь у него не о томъ. Онъ только изображаетъ здѣсь бѣдственное положеніе падшаго, чтобъ побудить его взыскать дѣйственной помощи, а о виновности онъ разсуждалъ въ началѣ посланія. Самоугодничаетъ кто?—Самъ же грѣшащій. Сластію грѣха кто увлекается? Онъ же и самоохотно. Почему? Потому что самъ первоначально возлюбилъ ее и воспріялъ въ начало своей жизни. Въ этотъ моментъ онъ продалъ себя сему господину,—онъ и помыкаетъ имъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Все зависитъ единственно отъ худаго произволенія. Душа, тѣло и произволеніе въ сущности не одно и тоже, но первыя суть творенія Божіи, а послѣднее есть движеніе, раждающееся въ насъ самихъ, которое мы направляемъ куда хотимъ. Воля сама въ себѣ есть природная способность, данная отъ Бога; но воля, направленная къ извѣстной цѣли, есть нѣчто наше собственное,

дѣйствіе нашего расположенія.“ Бл. Θеофилактъ со словъ же св. Златоуста прибавляетъ: „грѣхъ, живущій въ насъ, есть порочная и грѣховная воля; въ ней и коренится мучительство грѣха, увлекающее умъ чрезъ удовольствіе.“ Тоже пишетъ и Амвросіастъ: *„не азъ..., но живый во мнѣ грѣхъ*,—тѣснимый и влекомый грѣхомъ, не свою, но его творю волю. Но неужели человѣкъ свободенъ отъ вины, когда Апостолъ называетъ его будто невольно грѣшащимъ? Никакъ; ибо грѣхъ плѣняетъ его по его собственной порочности и оплошности. Поелику онъ чрезъ согласіе на грѣхъ самъ себя отдаетъ въ рабство грѣху, то грѣхъ по праву завладѣваетъ имъ. Онъ прежде склоняетъ произволеніе человѣка, а потомъ уже властвуетъ надъ нимъ, какъ надъ плѣнникомъ. Это излагаетъ Апостолъ для того, чтобъ возвеличить благодать Божію, показывая, отъ какого зла избавляетъ она человѣка, или какое бѣдственное состояніе наслѣдуетъ онъ отъ Адама, и какого блага сподобляется во Христѣ.“

Ст. 21. *Обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ.*

Если принять здѣсь *законъ* въ смыслѣ закона писаннаго, то и синтаксическій строй рѣчи окажется затруднительнымъ, и мысль текста неясною, такъ что для опредѣленія ея потребуется доразумѣть и вставлять цѣлыя предложенія. Потому лучше подъ закономъ разумѣть законъ жизни, во мнѣ дѣйствующій, или всегдашній порядокъ происходящихъ во мнѣ явленій, какъ дѣлаетъ русскій переводъ. Экуменій приводилъ разные перифразы, какіе употребляемы были толковниками для уясненія сего мѣста, при пониманіи закона, яко закона писаннаго, и прибавляетъ наконецъ: „можно и такъ, ближе къ реченіямъ принять: нахожу, что, когда хочу я дѣлать доброе по закону, то мнѣ злое предлежитъ.“ Но никакой нужды нѣтъ относить слово *законъ*, къ—*доброе*, чтобъ сказать: *доброе* по закону;

потому что доброе само въ себѣ содержитъ мысль, что оно есть по закону писанному или неписанному. Потому, лучше оставить сіе слово на своемъ мѣстѣ, соединяя съ нимъ понятіе закона вообще, какъ однажды навсегда установленнаго порядка теченія явленій. Выйдетъ: такъ я нахожу въ себѣ такой законъ,—такой законъ совершающихся или происходящихъ внутрь меня явленій,—что, когда хочу творить доброе, то въ тоже время предлежитъ, или предлагается мнѣ—παράκειται—злое. Этимъ не особое что указывается, но что всѣ знаютъ по опыту. Тутъ начало соблазна на грѣхъ. Противъ всякаго добра есть въ насъ противоположное худо. Когда замышляетъ человѣкъ дѣлать добро, прямо ли отъ себя, или по поводамъ внѣшнимъ, тотчасъ выникаетъ извнутрь же—противоположное зло и себя предлагаетъ вниманію вмѣсто добра. Оно еще не нудитъ, а только предлагаетъ себя. Просятъ помощи: хочу подѣлиться. Но является своекорыстіе и говоритъ: себѣ нужно, для себя побереги,—и откажи. Такъ при всякомъ добромъ дѣлѣ. Не надо упускать изъ вниманія выраженіе: *хотящу ми творити доброе*. Злое, живущее въ насъ, молчитъ, будто его нѣтъ. Но какъ только задумаемъ сдѣлать что доброе, или подвинемся на него, оно откуда возьмется и начнетъ поперечить и вязать руки и ноги, мысли и желанія. Что же дальше?—Происходитъ споръ: доброе къ себѣ влечетъ, злое къ себѣ.

Ст. 22. *Соуслаждаюся бо закону Божію, по внутреннему человѣку.*

Внутренній человѣкъ—духъ, проявленія жизни котораго составляютъ страхъ Божій, требованіе совѣсти и недовольство ничѣмъ тварнымъ. Онъ цѣлъ и въ падшемъ, и въ самомъ большомъ грѣшникѣ даетъ о себѣ знать,—и всегда стоитъ на сторонѣ богоугоднаго, законнаго и добраго, сему сочувствуетъ, симъ соуслаждается. И никого нѣтъ, кто бы не испытывалъ сего. Въ обычномъ состояніи—спокойномъ—человѣкъ стоитъ на этой сторонѣ,—

и разсуждаетъ, и чувствуетъ хорошо. Посмотрите на того, о комъ говоримъ: онъ нынѣ въ добромъ духѣ,—совсѣмъ святой, но потомъ откуда что возьмется, и не узнать его.

Ст. 23. *Вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противувоюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ.*

Когда только замышлялъ я доброе, злое лишь предлагало себя; когда же появилось во мнѣ сочувствіе добру и соуслажденіе имъ, злое мое воздвигло противочувствіе тому и противоуслажденіе. Борьба растетъ. Злое противодѣйствуетъ по мѣрѣ дѣйствія добра, противовоюетъ закону ума. Умъ здѣсь тоже, что внутренній человѣкъ,—духъ. Вышеозначенныя дѣйствія духа св. Антоній великій, Василій великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, и другіе называютъ умомъ. Св. Исаакъ Сиріанинъ—иногда умомъ, иногда духомъ. Законъ ума или духа составляютъ требованія страха Божія и совѣсти, содержащей естественный законъ и пріемлющей въ себя законъ писанный. По дѣйствію страха Божія, совѣсть всякое, законнымъ сознаваемое, дѣйствіе пріемлетъ на свою опеку и стоитъ за него. Слѣдствіемъ этого и есть соуслажденіе закону Божію по внутреннему человѣку. Но когда сіе происходитъ, злое наше возстаетъ противъ сего закона ума и начинаетъ противовоевать ему, возбуждая противоположныя ему сочувствія и соуслажденія. Это, говоритъ Апостолъ въ лицѣ падшаго, я вижу въ себѣ,—*вижду инъ законъ во удѣхъ моихъ*. Не законъ удовъ видитъ, но законъ во удѣхъ, какъ нѣчто пришлое. Естественный, природный удамъ законъ не инъ отъ закона ума и не противовоюетъ ему; противовоюетъ законъ во удѣхъ, появившійся помимо естества, пришлый. Въ слѣдующихъ за симъ словахъ Апостолъ назвалъ его закономъ грѣховнымъ. Сей законъ точно привзошелъ въ естество и уды сталъ обращать въ орудія себѣ,—и есть потому

инъ законъ во удѣхъ—при законахъ удовъ. Можно это переложить такъ: вижу грѣхъ, дѣйствующій въ членахъ моихъ и противовоюющій закону ума. Св. Златоустъ говоритъ: „закономъ противовоюющимъ Апостолъ опять назвалъ здѣсь грѣхъ не по достоинству, а по чрезмѣрному послушанію покорствующихъ ему. Какъ мамону называетъ господиномъ и чрево богомъ не по собственному ихъ достоинству, а по великому раболѣпству подчиненныхъ; такъ и здѣсь назвалъ грѣхъ закономъ, потому что люди служатъ ему и боятся покинуть оный столько же, сколько принявшіе законъ страшатся не исполнить законъ.“ — Сами люди возвели его въ законъ себѣ.

Какое же слѣдствіе такого противувоеванія?—Плѣненіе грѣхомъ: *плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ*. Какъ происходитъ перевѣсъ на эту сторону, Апостолъ не сказываетъ, а свидѣтельствуетъ только, что такъ бываетъ. Но какъ же такъ бываетъ?—И тамъ законъ и здѣсь законъ,—и тамъ желаніе и здѣсь предложеніе, будто даже меньше,—и тамъ соуслажденіе и здѣсь противоуслажденіе. Все поравну. Отъ чего же перевѣсъ на эту злую сторону, а не на ту добрую?—Выше поминалъ Апостолъ, что такъ бываетъ потому, что грѣхъ *прельщаетъ* (— —11). Чѣмъ прельщаетъ? Сластію грѣховною. Эта сласть грѣховная доразумѣвается здѣсь въ словѣ: *противовоюющъ закону ума*. Ибо если это противовоеваніе вызвано соуслажденіемъ закону, то оно не иначе могло явиться, какъ въ видѣ противоуслажденія беззаконному. Но такое соуслажденіе беззаконному какъ только появляется, тотчасъ и влечетъ уже на свою сторону. Въ самомъ актѣ появленія своего, оно заслоняетъ собою соуслажденіе закону и занимаетъ сердце вмѣсто его; сердце и переходитъ на его сторону. Грѣхъ подкупаетъ произволеніе сластію, и оно преклоняется къ нему. Подкупаетъ же потому, что оно первоначально,—въ паденіи,—поддалось

на такой подкупъ. Грѣхъ и пользуется этою первою ошибкою, какъ контрактомъ: это для него стало будто правомъ, и для падшихъ закономъ. Подъ закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ, можно разумѣть именно эту сласть грѣха, обѣщающую попитать наше самоугодіе. Хоть эта сласть всегда оказывается призрачною, тотчасъ,—въ самомъ дѣйствіи грѣха,—исчезающею; но всякій разъ, какъ только появляется, опять увлекаетъ. Въ этомъ—плѣненіе. Св. Апостолъ Іаковъ возникающія несогласія между людьми производитъ *отъ сластей, воюющихъ во удѣхъ* (4, 1). Если и онѣ—отъ сластей, тогда какъ сами въ себѣ содержатъ нѣкую горечь; то конечно, по сему Апостолу, этотъ же источникъ и всѣхъ другихъ грѣховъ.

Раждается вопросъ: неужели же такой ходъ дѣлъ въ насъ запечатлѣнъ неизбѣжною необходимостію, такъ что коль скоро поднялась сласть грѣховная, неизбѣжно слѣдуетъ грѣхъ?—Никакой необходимости нѣтъ; а такъ бываетъ по нашей слабости и испорченности. Это стало закономъ, какъ сказалъ св. Златоустъ, потому что мы сами возвели то въ законъ для себя,—или лучше всякій разъ возводимъ въ законъ. Сласть грѣховную можно предупредить и не допустить до сердца, или въ сердце до такой степени, чтобъ она вытѣснила соуслажденіе закону ума. Можно и послѣ того, какъ сласть сія захватитъ сердце, опять ее выгнать и возставить соуслажденіе добромъ, хоть это довольно трудно. Но горе наше въ томъ, что не хотимъ, по причинѣ властвующаго въ насъ самоугодія и сластолюбія, не хотимъ побороться съ собою и боль себѣ причинить отказомъ. Грѣхъ этою слабостію нашею и беретъ въ насъ силу. Скажутъ: но какъ же,—вѣдь законъ ума тутъ же и сознается?—Грѣхъ не отвергаетъ сего закона и не требуетъ отмѣны его; но влечетъ согрѣшить только въ этотъ разъ. И чело-

вѣкъ грѣшащій грѣшитъ только въ этотъ разъ, а послѣ загадываетъ ужь всегда дѣлать по закону. Теперь же извиняетъ себя тѣмъ, что сласть взяла: что будешь дѣлать?—Этими двумя моментами: сластію и тѣмъ, что не навсегда отвергается законъ, грѣхъ всегда беретъ верхъ и увлекаетъ на грѣшныя дѣла,—всегда плѣняетъ.

Ст. 24. *Окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?*

Изображенное Апостоломъ состояніе падшаго вызываетъ жалость. Горько такое положеніе: бѣдный я человѣкъ! Но какъ у всякаго, какъбы онъ ни бѣдствовалъ, живо сродное естеству нашему желаніе благобытія; то вмѣстѣ съ чувствомъ бѣдственности положенія раждается и желаніе избавленія отъ него. Но кто избавитъ? У самого силъ нѣтъ: это дознано опытами всей жизни. Кто же избавитъ? Воззваніе сіе дышетъ надеждою избавленія. Еслибы не было такой надежды, то предлежало бы не взывать объ избавленіи, высматривая избавителя, но порѣшать съ жизнію: что и жить, когда такъ? - Тѣломъ смерти названо тѣло не потому только, что оно смертно, но потому особенно, что вмѣстѣ со смертностію приняло въ себя полчище страстей, какъ сказалъ Св. Златоустъ выше,—которыя, вводя въ грѣхъ, причиняютъ нравственную смерть (——11). Тѣло есть тѣло смерти, потому что стало сѣдалищемъ грѣха, убивающаго душу. Экуменій перелагаетъ жалобу сію такъ: „кто избавитъ меня отъ плотскихъ дѣлъ, душевную мнѣ причиняющихъ смерть? Или кто избавитъ меня отъ плѣненія похотьми живущими въ тѣлѣ, кои суть смерть мнѣ?“

Если Апостолъ всю предыдущую рѣчь велъ отъ лица человѣчества, то можно спросить: возчувствовало ли человѣчество бѣдность своего положенія? Возчувствовавъ, питало ли надежду избавленія? Допуская же надежду избавленія, взыскало ли его? И если взыскало,

гдѣ и отъ кого? — Отвѣтъ на это даетъ обнаруженное къ пришествію Христа Спасителя чаяніе языковъ, провозвѣстителями котораго были болѣе внимательные къ себѣ и болѣе возвышенные мудрецы. Они выражали подобныя апостольскому воздыханія о бѣдственности нравственнаго состоянія человѣка, и исповѣдали, что дѣйственная помощь избавленія можетъ придти только съ неба,—если самъ Богъ придетъ и избавитъ.

Что чаяли неопредѣленно всѣ, то исполнилось опредѣленно,—и Апостолъ отъ лица всѣхъ возсылаетъ благодареніе Богу, устроившему уже избавленіе въ Господѣ Іисусѣ Христѣ.

Ст. 25. *Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ. Тѣмже убо самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному.*

Тамъ: кто избавитъ?—А здѣсь: слава Богу! избавленъ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Какъ дѣйствуетъ сіе избавленіе, указано въ 6-й и изображается въ 8-й главѣ. Здѣсь же выставляется только общее положеніе, чтобъ разсѣять мракъ скорби, навѣянный предыдущею бесѣдою.—Св. Златоустъ оба эти,—и сѣтованіе—кто избавитъ? и успокоеніе Христомъ Господомъ—изображаетъ такъ: „Видишь ли мучительство зла, какъ оно побѣждаетъ умъ, даже находящій удовольствіе въ законѣ? Никто не можетъ сказать о себѣ, разсуждаетъ Апостолъ: грѣхъ дѣлаетъ меня своимъ плѣнникомъ, потому что ненавижу законъ и отвращаюсь онаго. Напротивъ я нахожу въ немъ удовольствіе, хвалю его, прибѣгаю къ нему; но онъ не силенъ спасти даже и прибѣгающихъ къ нему. А Христосъ спасъ и убѣгающихъ отъ Него. Видишь ли, сколь велико превосходство благодати? Но Апостолъ не сказалъ сего ясно, а только возстенавъ и проливъ горькія слезы подобно человѣку лишенному помощника, самою отчаянностію своего положенія доказываетъ силу

Христову и говоритъ: *окаяненъ азъ человѣкъ, кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* Законъ оказался безсильнымъ, совѣсть немощною, хотя я хвалилъ доброе, даже не только хвалилъ, но и боролся со зломъ. Ибо Апостолъ, назвавъ грѣхъ противовоюющимъ, далъ разумѣть, что и самъ вооружался противъ грѣха.— Итакъ откуда же будемъ надѣяться на спасеніе? *Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ, Господемъ нашимъ.* Видишь ли, какъ Апостолъ ввелъ необходимость явленія благодати (и самое ея явленіе)? — И не говоря уже о спасеніи, какъ о такомъ дѣлѣ, которое, по доказанному выше (въ первыхъ главахъ посланія), всѣми признано, переходитъ къ важнѣйшему и доказываетъ, что мы не только освободились отъ прежнихъ грѣховъ, но и на будущее время сдѣлались несподручными грѣху. Но сказалъ сіе (8, 1) не прежде, какъ упомянувъ еще разъ о прежнемъ состояніи: *тѣмже убо самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному.*"

Самъ азъ—тотъже самый я. Говоритъ опять въ лицѣ человѣка падшаго, а не отъ своего лица,—Апостола, облагодатствованнаго, и еще преимущественнымъ образомъ. Въ короткихъ словахъ совмѣщаетъ вышесказанное доселѣ, какъбы такъ: такъ запомните, вотъ въ какомъ состояніи находится падшій,—умомъ работаетъ онъ закону Божію, а плотію—закону грѣховному. Изрекши благодареніе устроившему избавленіе Богу и намѣреваясь изложить подробно, какъ оно дѣйствуетъ въ каждомъ, приводитъ на память, въ какомъ всякій по естеству,—состоя внѣ благодати,—находится положеніи, чтобъ, показавъ потомъ, какъ избавленіе примѣнено къ сему состоянію, яснѣе дать понять и премудрость образа избавленія и полноту явленной въ немъ благодати, и выраженное имъ благодареніе сдѣлать общимъ чувствомъ и расположить дорожить столь драгимъ избавленіемъ.—

Можетъ быть и такая не чужда Апостола мысль въ изреченіи сихъ словъ: стоитъ избавить, ибо божеская сила въ плѣну у грѣха, — и можно избавить, ибо не все испорчено, умъ или духъ цѣлъ.

Умомъ работаю закону Божію, плотію же закону грѣховному—тоже самое, что выше: соуслаждаюсь закону по внутреннему человѣку, но бываю плѣняемъ закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ, и грѣшу. Умъ или духъ и въ падшемъ цѣлъ. Онъ одобряетъ одно богоугодное, святое и праведное, услаждается тѣмъ и желаетъ того. Въ этомъ выражается его работа закону Божію, т.-е., только одними желаніями и стремленіями. Ибо на дѣлѣ всегда оказывается противное тому. Причина сего въ томъ, что въ дѣйствованіи одолѣваетъ законъ грѣховный, сущій во удѣхъ, или во плоти. Покоряюсь ему, ему работаю, членами тѣла исполняя его велѣнія. Но кончивъ это, опять перехожу на сторону духа и имъ работаю закону Божію, хотя опять однимъ соуслажденіемъ и желаніемъ. Очевидно, что естество человѣческое въ такомъ видѣ есть жаждуще избавленія и вопіюще о немъ, самымъ симъ положеніемъ оно выражаетъ, что жаждетъ его и вопіетъ о немъ. Божія ли благодать оставитъ тварь свою—образъ свой въ такомъ положеніи?!—И не оставила.

Апостолъ говоритъ: и умомъ,—духомъ,—я работаю, и плотію я же работаю. Надо замѣтить, что человѣкъ—духъ-душа-тѣло,—и притомъ въ правомъ и неправомъ ихъ состояніи. Лице же человѣка, себя сознающее и свободно дѣйствующее, одно и тоже. Когда сознаніе и свобода на сторонѣ духа, человѣкъ духовенъ; когда—на сторонѣ души, онъ душевенъ; когда на сторонѣ плоти, онъ плотянъ. Грѣхъ завладѣлъ душею и тѣломъ и всѣми силами ихъ, потребностями и отправленіями, извратилъ ихъ, такъ что когда человѣкъ состоитъ подъ грѣхомъ, онѣ дѣйствуютъ не по естеству. Духъ же остался непри-

частнымъ сему поврежденію: онъ всегда свое твердитъ. Совѣсть томитъ грѣшника и страхомъ Божіимъ поражаетъ. Человѣкъ грѣшникъ можетъ уши вниманія своего заткнуть и не слушать сего гласа; но онъ всегда готовъ и не остается бездѣйственъ. На этой несокрушимости духа основывается возможность избавленія. Не будь ея, не къ чему было бы рукъ приложить.

Говоря: *плотію работаю закону грѣховному,* не устраняетъ той истины, что вмѣстѣ съ плотію и душа работаетъ тому же закону: ибо много есть страстей собственно душевныхъ. Можно переложить такъ: душевно-плотяностію, испорченною и поврежденною грѣхомъ, работаю закону грѣховному,—т.-е., все грѣшу и грѣшу. Грѣхъ низводитъ сознаніе въ эту область страстной душевно-плотяности, вяжетъ мою свободу и заставляетъ грѣшить. Но духъ во мнѣ же, и какъ только пройдетъ туманъ грѣха, подаетъ свой голосъ. Я перехожу на его сторону: ибо не могу устоять противъ правоты его требованій. Перехожу и соуслаждаюсь имъ, и желаю того, что онъ внушаетъ. Пусть опять повторяю тоже, погружаюсь въ страстную душевно-плотяность на грѣховное; но и опять перехожу къ духу, и желаю духовнаго.

Надо полагать, что Апостолъ изображаетъ падшаго въ лучшемъ его состояніи, т.-е. въ томъ, когда духу внимаютъ. Ибо бываетъ, что въ иныхъ онъ совсѣмъ забитъ,—и въ человѣкѣ не видно ничего духовнаго.

б)

Изображеніе свѣтлаго состоянія христіанъ подъ благотворнымъ дѣйствіемъ вѣры Христовой.

Гл. 8.

Изобразивъ безотрадную картину нравственнаго нашего поврежденія, Апостолъ противополагаетъ ей пресвѣт-

лую картину нравственнаго совершенства, стяжаваемаго христіаниномъ во Христѣ Іисусѣ благодатію Святаго Духа. До благодати, говоритъ, люди работаютъ закону грѣховному; но благодать, пришедши, возстановляетъ силу духа, и христіанинъ уже не по плоти мудрствуетъ и живетъ, а по духу. Въ этомъ аа) сущность возстановленія падшаго естества нашего,—8, 1—10. Но здѣсь только полагается начало нашему возстановленію; бб) въ полной славѣ оно явится по воскресеніи, когда вступимъ въ обѣтованное наслѣдіе, яко сыны Божіи,—8, 10—18. Славы сей причастною содѣлается тогда вв) и вся тварь, теперь о томъ воздыхающая,—18—22. Заключаетъ сію картину св. Павелъ указаніемъ гг), коль прочны основанія упованія нашего въ Господѣ Іисусѣ Христѣ,—23—39.

аа)

Ст. 1. ***Ни едино убо нынѣ осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходящимъ, но по духу.***

Убо—указываетъ на выводъ слѣдствія. Откуда же и изъ чего?—Изъ 24-го и 25-го стиховъ. Спросивъ: ***кто мя избавитъ?*** и отвѣтивъ: ***Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ,***—Апостолъ сказалъ все, обозначилъ всѣ блага, получаемыя вѣрующими въ новозавѣтномъ благодатномъ домостроительствѣ спасенія,—и главное: грѣхи прощены и дана благодать Святаго Духа, коею противостоя грѣху, можемъ не по плоти жить, а по духу. Мы уже не рабы грѣха,—избавлены отъ ига его и лести. Все это привелъ онъ на умъ однимъ словомъ: ***благодарю*** и прочее. Теперь итогъ изъ того подводитъ: итакъ намъ нѣтъ осужденія, потому что мы не по плоти ходимъ, а по духу.

Но почему же сказалъ: ***ни едино осужденіе***, когда ожидалось бы: никакого рабства и работности грѣху, какъ

тотчасъ вслѣдъ за симъ и говорится: *законъ бо духа жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго* (——2)? Затѣмъ, чтобъ напомнить, что грѣхъ, какъ бы онъ ни былъ совершаемъ, всегда влечетъ праведное осужденіе. Изъ предложенныхъ предъ симъ объясненій, что такое живущій въ насъ грѣхъ и какъ дѣйствуетъ, иные могли выводить себѣ самооправданіе во грѣхѣ: что будешь дѣлать? грѣхъ одолѣваетъ, не совладаешь съ нимъ. На дѣлѣ же бываетъ такъ, что грѣхъ хоть и обольщаетъ и влечетъ, но грѣшное дѣло всегда дѣлается самоохотно. Слѣдовательно и осужденію подлежитъ, отъ котораго не избавишься такою пустою оговоркой. Кто виноватъ? Зачѣмъ склоняешься и увлекаешься сластію грѣха? Этой стороны не касался Апостолъ: онъ излагалъ только дѣло нашей грѣшности, какъ оно есть. А что всякая грѣшность подсудна, объ этомъ онъ толковалъ въ первыхъ главахъ, предпославъ имъ такой законъ правды Божіей: *открывается гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ*. Вотъ этотъ законъ онъ и теперь напоминаетъ, наводя на мысли: грѣшатъ, хотя покоряясь дѣйствію живущаго въ нихъ грѣха, но все же подлежатъ суду; а мы вѣрующіе— слава Богу! не подлежимъ сему суду и осужденію, потому что избавлены отъ закона грѣховнаго, дѣйствующаго во плоти,—не по плоти живемъ, но по духу.

До пришествія Христова было, говоритъ, такъ, а по пришествіи Его стало иначе. Но не для всѣхъ, какъбы по какому закону необходимости, а только для *сущихъ во Христѣ Іисусѣ*, которые прилѣпляются къ Нему вѣрою и любовію, пріемлютъ святое крещеніе, возраждающее къ новой жизни, и благодать Святаго Духа, дающую силу жить по закону сей новой жизни. Приступающіе къ Господу оставляютъ все грѣховное (сатану и дѣла его) и, раскаяваясь въ немъ, полагаютъ твердое

рѣшеніе жить прочее свято, блюдя сочетаніе со Христомъ. За сіе рѣшеніе пріемлютъ благодать и облекаются силою, воистину жить свято въ сочетаніи со Христомъ. Таковы *сущіе о Христѣ Іисусѣ*. Почему они суть *не по плоти ходящіе, но по духу*. Апостолъ ни заповѣди здѣсь не предписываетъ, ни объ условіи не напоминаетъ, а излагаетъ лишь дѣло жизни во Христѣ Іисусѣ, какъ оно есть, какъ прежде изображалъ дѣло жизни во грѣхѣ, какъ оно есть. Сущіе во Христѣ Іисусѣ, поколику таковы, не по плоти ходятъ, но по духу: такъ что коль скоро кто не по духу ходитъ, то онъ уже не во Христѣ Іисусѣ есть. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Нынѣ, если не хотимъ сами, не преодолѣваютъ насъ страсти; потому что пріяли мы благодать Духа Божія."

Ст 2. *Законъ бо духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти.*

Сказалъ, что пребывая во Христѣ Іисусѣ не по плоти ходимъ, но по духу, почему не подлежимъ осужденію, такъ какъ не грѣшимъ,—теперь входитъ глубже внутрь и объясняетъ, какъ сдѣлалось, что мы стали не по плоти ходить, а по духу, и потому не грѣшить. Какъ же?—Привзошелъ новый духъ и освободилъ меня отъ закона грѣховнаго,—я и не грѣшу. Теперь Апостолъ говоритъ въ лицѣ христіанина, обновленнаго во Христѣ Іисусѣ, какъ прежде говорилъ въ лицѣ человѣка падшаго.

Подлежать закону грѣховному есть тоже, что ходить по плоти и грѣшить, какъ видно изъ предыдущей главы. Игу сего закона подпалъ человѣкъ вслѣдствіе паденія или отпаденія отъ Бога. Припомнить надобно, что произошло вслѣдствіе того. Человѣкъ—духъ-душа-тѣло. Духъ жить въ Богѣ предназначенъ, душа—устроять земной бытъ подъ руководствомъ духа, тѣло—производить и блюсти видимую стихійную жизнь на землѣ подъ вѣдѣніемъ обоихъ. Когда отторгся человѣкъ отъ Бога и порѣшилъ *самъ*

устроять свое благобытіе, то низпалъ *въ самость*, душа коей всякое самоугодіе. Какъ духъ его не представлялъ къ тому никакихъ способовъ, по причинѣ отрѣшенной природы своей; то онъ обратился весь въ область душевной и тѣлесной жизни, гдѣ самоугодію представлялось пространное питаніе,—и сталъ душевно-плотянъ. Душевноплотяность уже сама по себѣ была для человѣка грѣхомъ противъ своей природы: ибо ему слѣдовало жить въ духѣ, одухотворяя и душу, и тѣло. Но бѣда этимъ не ограничилась Изъ самости породилось множество страстей, которыя вмѣстѣ съ нею вторглись въ душевно-тѣлесную область, извратили естественныя силы, потребности и отправленія души и тѣла, и сверхъ того внесли многое, чему нѣтъ никакой опоры въ естествѣ. Душевно-плотяность человѣка падшаго стала страстною. Итакъ падшій человѣкъ самостенъ, вслѣдствіе того самоугодливъ, и самоугодливость свою питаетъ страстною душевно-плотяностію. Въ этомъ—его сласть, самая крѣпкая цѣпь, держащая его въ сихъ узахъ паденія. Въ совокупности все сіе есть законъ грѣховный, сущій во удѣхъ нашихъ. Для того, чтобъ освободить отъ сего закона, надо разрушить означенныя узы—сласть, самоугодіе, самость.

Какъ же это возможно?—Въ насъ есть отрѣшенная сила—духъ, вдохнутый Богомъ въ лице человѣка, Бога ищущій, и только жизнію въ Богѣ могущій обрѣтать покой. Въ самомъ актѣ созданія его,—или издунутія,—онъ поставленъ въ общеніе съ Богомъ; но отторгшійся отъ Бога падшій человѣкъ отторгъ и его отъ Бога. Природа его однакожъ осталась неизмѣнною,—и онъ непрестанно напоминалъ падшему, погрязшему въ душевно-плотяность,—остращенную, — о своихъ потребностяхъ и требовалъ имъ удовлетворенія. Человѣкъ не отвергалъ сихъ требованій и въ спокойномъ состояніи полагалъ дѣлать угодное духу. Но когда надлежало приступать къ дѣлу, изъ

души или изъ тѣла поднималась страсть, льстила сластію и завладѣвала произволеніемъ человѣка. Вслѣдствіе того духу въ предлежащемъ дѣлѣ отказывалось, а удовлетворялась страстная душевно-плотяность, по причинѣ обѣщаемой сласти въ попитаніи самоугодія самостнаго. Какъ симъ образомъ поступаемо было при всякомъ дѣлѣ, то такой образъ дѣйствованія справедливо называть закономъ грѣховной жизни, державшимъ человѣка въ узахъ паденія. Падшій и самъ сознавалъ тяготу сихъ узъ и воздыхалъ о свободѣ, но освободиться силъ въ себѣ не находилъ: сласть грѣховная всегда его подманывала и подстрекала на грѣхъ.

Причина такой немощи въ томъ, что въ падшемъ духъ потерялъ опредѣляющую силу: она перешла отъ него въ страстную душевно-тѣлесность. По первоначальному своему устройству, человѣкъ долженъ бы жить въ духѣ, и имъ опредѣляемъ быть въ своей дѣятельности,—полной, т.-е. и душевной и тѣлесной, и все силою его одухотворять въ себѣ. Но сила духа держать человѣка въ такомъ чинѣ зависѣла отъ живаго общенія его съ Богомъ. Когда же общеніе сіе прервано было паденіемъ, изсякла и сила духа: онъ уже не властенъ былъ опредѣлять человѣка,—опредѣлять его начали низшія части естества, и притомъ острацённыя,—въ чемъ узы закона грѣховнаго. Очевидно теперь, что для освобожденія отъ сего закона, надлежитъ возставить силу духа и возвратить ему отнятую у него власть. Сіе и совершаетъ домостроительство спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ,—духъ жизни о Христѣ Іисусѣ.— И совершаетъ такъ.

Благодать Святаго Духа нисходитъ на человѣка и, оживляя его духъ, возстановляетъ его въ естественныхъ правахъ его. Съ сего момента у человѣка падшаго начинается новая, или возстановляется первоначальная жизнь, въ которой власть опредѣляющая на дѣла переходитъ въ

руки духа, отнята будучи у страстной душевно-тѣлесности, — и жизнь человѣка получаетъ характеръ жизни духовной, отрѣшенной отъ самости самоугодливой и сластолюбивой. Это—общее показаніе перемѣны, происходящей въ человѣкѣ, дѣлающемся христіаниномъ. Подробности при семъ бываютъ такія.

Стихіи духа суть страхъ Божій, совѣсть и жажда Бога, обнаруживающаяся недовольствомъ ничѣмъ тварнымъ. Въ падшемъ состояніи всѣ онѣ проявляются, но бываютъ слабы и не внемлются. Благодать Божія, чрезъ благовѣстіе Евангелія, входя внутрь, пробуждаетъ страхъ Божій; страхъ Божій оживляетъ совѣсть; тотъ и другая отрезвляютъ и отрѣшаютъ. Сквозь сознаніе и произволеніе проходитъ убѣжденіе: все суета, между тѣмъ изъ-за этого погибнешь. Съ сего момента начинается живая забота о спасеніи, которое есть едино на потребу. Идетъ работа внутри, благодати Божіей содѣйствующей и направляющей. Страхъ Божій грозитъ судомъ, совѣсть мучитъ за дѣла по душевно-тѣлесной страстности. Приходитъ рѣшеніе все измѣнить, по указанію Евангелія, которое обѣщаетъ миръ съ Богомъ чрезъ крестную смерть Господа и покой совѣсти ради рѣшимости жить прочее по ея внушеніямъ, или по заповѣдямъ, принятымъ ею въ законъ, или обновившимъ законъ въ ней написанный, — обѣщая въ семъ спомоществовать благодатію Святаго Духа. Сіе рѣшеніе измѣняетъ всю прежнюю жизнь: вмѣсто самости поставляетъ самоотверженіе, вмѣсто самоугодія — богоугожденіе, вмѣсто сласти — готовность на всѣ прискорбности и даже смерть, въ надеждѣ вѣчнаго упокоенія. Когда такое рѣшеніе образуется и укрѣпится подъ дѣйствіемъ вѣры и благодати (совнѣ еще дѣйствующей и обращающей), человѣкъ бываетъ готовъ къ принятію благодати внутрь, чрезъ богоучрежденныя таинства, по распоряженію приставниковъ благодатнаго дома Божія и его со-

кровищъ. Пріемлетъ таинства и преисполняется благодатію, которая въ первый моментъ вселенія даетъ человѣку ощутить всю сладость жизни по Богу, предъ которою всѣ испытанныя сласти ничто. Благодать сія дѣлаетъ человѣка мощнымъ на жизнь по Богу. Возставляя его духъ, она вводитъ его въ живое общеніе съ Богомъ, въ которое вступивъ, начинаетъ онъ жить въ Богѣ, неотступно предстоя Ему внутрь себя сознаніемъ, и всю свою дѣятельность, во всѣхъ малѣйшихъ ея проявленіяхъ,—слова, дѣла, помышленія,— направляя на угодное Ему, не только не внемля самостному и сластолюбивому самоугодію, но и вооружась намѣренно противъ него, удовольстіе находя въ дѣйствіяхъ самоотверженія и самоозлобленія, по внушеніямъ благодати, его руководящей и укрѣпляющей. Очевидно, что прежній законъ грѣховный спалъ съ человѣка; въ дѣйствіе вступилъ новый законъ жизни, который и есть законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ.

Страсти и теперь приступаютъ; но какъ для нихъ нѣтъ болѣе внутри прежнихъ опоръ, по устраненіи самости и самоугодія, то онѣ никакой уже опредѣляющей силы, какою обладали прежде, не имѣютъ, и прогоняются однимъ презрѣніемъ и невниманіемъ. Покушается увлекать, нѣкако прокрадываясь, и сласть грѣховная; но она и мгновенія не можетъ постоять предъ воспоминаніемъ о той пренебесной сладости, которую даетъ ощутить благодать въ моментъ вселенія своего внутрь, и предъ помышленіемъ о неизреченномъ будущемъ упокоеніи, или, въ случаѣ уступки, о страшныхъ вѣчныхъ мукахъ.

Законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ можемъ опредѣлить такъ: самоотверженная жизнь духомъ въ Богѣ, начинающая качествовать въ человѣкѣ, ко Христу Господу прилѣпившемся вѣрою и облагодатствованномъ и—дающая властное направленіе его душевной и тѣлесной

дѣятельности, обращая и ее всю на богоугожденіе, прежнее же самостное самоугодіе въ страстной душевно-тѣлесности попирая и презирая, — въ чемъ и состоитъ освобожденіе отъ закона грѣховнаго.

Съ освобожденіемъ отъ закона грѣховнаго соединяетъ Апостолъ освобожденіе и отъ смерти. Ибо какъ въ началѣ подпаденіе подъ иго грѣха причинило смерть, такъ теперь разрушеніе грѣховнаго ига должно приносить разрушеніе владычества смерти. И по пріятіи благодати умираютъ; но значеніе смерти теперь уже не то. Она есть переходъ къ блаженному безсмертію, а не къ нестерпимымъ мукамъ, въ коихъ бываетъ непрестанное умираніе безъ смерти. Сѣмя блаженнаго безсмертія полагается вмѣстѣ съ зарожденіемъ духовной жизни благодатію Святаго Духа. Почему вмѣстѣ съ помянутіемъ о началѣ сей жизни Апостолъ помянулъ и о пресѣченіи того безсмертнаго умиранія.

Все сіе производитъ благодать Духа Святаго, но внутри ничто не происходитъ механически. Духъ Божій претворяетъ внутренній нашъ строй, но не одною творческою властію и силою, а слѣдуя за сознательными и свободными рѣшеніями самого человѣка и соображаясь съ ними. При всемъ томъ однакоже — все отъ Духа: ибо самъ человѣкъ ничего не могъ бы произвесть въ себѣ, сколько бы ни напрягался. Наши толковники всѣ подъ закономъ духа жизни разумѣютъ Духа Святаго съ благодатію Его, освящающею насъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „Какъ закономъ грѣховнымъ назвалъ Апостолъ грѣхъ, такъ закономъ духа жизни нарекъ животворящаго Духа. Благодать Его, говоритъ онъ, чрезъ вѣру во Христа даровала тебѣ сугубую свободу, ибо не только сокрушила владычество грѣха, но и прекратила мучительство смерти.“

Св. Златоустъ пространнѣе излагаетъ силу настоящаго текста. Онъ говоритъ: „Подъ именемъ закона духа раз-

умѣетъ здѣсь Апостолъ Духа: ибо какъ грѣхъ назвалъ грѣховнымъ закономъ, такъ и Духа называетъ закономъ духа. Но Моисеевъ законъ наименовалъ также духовнымъ, сказавъ: *вѣмы бо, яко законъ духовенъ есть.* Итакъ какое же различіе? Великое и безмѣрное. Тотъ есть духовный законъ; а сей законъ Духа. Чѣмъ же отличается одинъ отъ другаго? Тѣмъ, что одинъ данъ только Духомъ, а другой пріявшимъ оный обильно преподалъ Духа. Посему Апостолъ наименовалъ его также закономъ жизни, въ отличіе отъ закона грѣховнаго, а не отъ закона Моисеева... Подъ закономъ грѣховнымъ разумѣется законъ, противовоюющій закону ума. Сію-то тяжкую брань прекратила благодать Духа, умерщвляющая грѣхъ, дѣлающая борьбу легкою для насъ, и сперва вѣнчающая, а потомъ подъ сильнымъ прикрытіемъ изводящая на подвигъ.—И какъ въ другихъ случаяхъ, Апостолъ, отъ Сына переходя къ Духу, а отъ Духа къ Отцу и къ Сыну, все совершенное для насъ приписываетъ Святой Троицѣ: такъ поступаетъ и здѣсь. Послѣ словъ: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* показалъ, что Отецъ совершаетъ сіе чрезъ Сына. Потомъ опять приписываетъ сіе Святому Духу вмѣстѣ съ Сыномъ; ибо говоритъ: *законъ духа жизни* во Христѣ Іисусѣ освободилъ. Потомъ снова приписываетъ Отцу и Сыну.“

Ст. 3. *Немощное бо закона, въ немже немоществоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти.*

Указалъ Апостолъ, что новый духъ жизни о Христѣ Іисусѣ освободилъ насъ отъ закона грѣховнаго. Сила показанія сего въ словѣ: о *Христѣ Іисусѣ,* какъ въ первомъ стихѣ: *ни едино нынѣ осужденіе* тоже *сущимъ о Христѣ Іисусѣ.* Теперь объясняетъ онъ, что иначе сему состояться не было бы возможности, какъ о Христѣ Іисусѣ. Послалъ Богъ Сына Своего въ подобіи плоти

грѣха, и Онъ осудилъ грѣхъ, или законъ грѣховный, отнялъ у него прежнюю власть и силу и освободилъ насъ отъ него. То не подлежитъ сомнѣнію и доказательствъ особыхъ не требуетъ, что мы должны, живя въ духѣ, ходить по волѣ Божіей, начертанной въ совѣсти и Имъ самимъ лично объявленной. Но чрезъ паденіе привзошелъ иной законъ во уды наши и давалъ другое направленіе нашей жизни и дѣламъ. Въ помощь совѣсти данъ былъ законъ; но онъ не поправилъ дѣла: законъ грѣховный еще злѣе сталъ дѣйствовать. Очевидна нужда въ новомъ домостроительствѣ, и Богъ благоволилъ даровать намъ его въ Сынѣ Своемъ, Который, воплотившись осудилъ,—истребилъ грѣхъ въ Своей плоти, и законоположилъ, чтобъ и мы, прилѣпляясь къ Нему вѣрою и въ таинствахъ содѣлываясь едино съ Нимъ, становились причастными силы Его, поправшей грѣхъ, и сею силою попирали его въ себѣ; въ чемъ и состоитъ свобода отъ закона грѣховнаго. Такимъ образомъ получаемъ мы возможность жить не по плоти, а по духу, ходить въ волѣ Божіей, въ вѣрности требованіямъ совѣсти и закону, и быть праведными предъ Богомъ,—и первоначальное наше назначеніе исполняется.

Таковъ смыслъ настоящихъ стиховъ, въ связи ихъ съ предыдущимъ и послѣдующимъ теченіемъ рѣчи. Но самый текстъ требуетъ особыхъ поясненій.

Немощное закона—не имѣетъ соотвѣтствующаго глагола, который требуется дополнить своею мыслію. Думается, что самымъ пригожимъ дополненіемъ будетъ: восполнено. Чего не силенъ былъ сдѣлать законъ, то восполнено особымъ Божіимъ домостроительствомъ, — тѣмъ, что Богъ послалъ для сего Сына Своего. Законъ самъ по себѣ святъ, и указывалъ вѣрный путь къ святости и праведности. Но въ человѣкѣ, которому онъ указывалъ сей путь, властвовала плоть—самостная сласто-

любивая страстность, и не давала ему идти симъ путемъ. Законъ же только указывалъ должное и запрещалъ недолжное, запрещалъ и самую эту страстность (—не похощеши), но силъ къ побѣжденію послѣдней не давалъ. Въ этомъ и состояла его немощность. То хорошо и благодѣтельно, что онъ разъяснялъ дѣло; но какъ дальше этого онъ не шелъ, то плоть, или страстность, оставаясь въ своей силѣ въ человѣкѣ, не давала ему слѣдовать указаніямъ закона, и законъ не достигалъ своей цѣли; не достигалась при немъ и первоначальная цѣль человѣка—быть святымъ и непорочнымъ предъ Богомъ. Сіе и означаетъ: *въ немже немоществоваше плотію*,—διὰ τῆς σαρκὸς, — по причинѣ плоти, — или по причинѣ крайне плотскаго мудрованія (Св. Злат.),—страстной и самолюбивой самоугодливости, сего живущаго во плоти нашей, во удѣхъ естества нашего, закона грѣховнаго.—*Въ немже*—ἐν ᾧ, можно выразить и такъ: *немощное закона*,—поколику т.-е. онъ *немоществовалъ плотію*; но лучше такъ: немощное закона,—то, въ чемъ онъ немоществовалъ по причинѣ плоти, восполнено посланіемъ Сына Божія, Который, пришедши, эту самую плоть осудилъ, отнялъ у ней силу надъ нами.

Богъ Сына своего посла въ подобіи плоти грѣха. Поелику законъ не приводилъ къ святости и праведности, а онѣ составляютъ первоначальное назначеніе человѣка,—то, безъ чего человѣкъ—не человѣкъ; то безпредѣльная благость Божія устроила иной дивный способъ къ освященію и оправданію человѣка,—тотъ, чтобъ Единородный Сынъ Божій воплотился и, побѣдивъ грѣхъ, далъ человѣку возможность неподдаваться власти его и быть святымъ.—Сынъ Божій посланъ въ *подобіи плоти грѣха.* Предъ симъ сказавъ, что законъ *немоществовалъ плотію*, „плотію назвалъ не самое существо (плоти), а мудрованіе чрезъ мѣру плотское, чѣмъ освобождаетъ отъ вины

тѣло" (Св. Злат.). Теперь плотію называетъ самое естество плоти, безъ привтекшаго въ нее мудрованія плотскаго или закона грѣховнаго. У людей плоть обычно была грѣховная, а у Господа Іисуса непричастная сему неестественному прибавленію. Она была у Него, какъ естественная плоть всѣхъ людей, за исключеніемъ неестественной грѣховности. Почему и сказано: *въ подобіи плоти грѣха*. Еслибъ сказалъ только: *въ подобіи плоти*, то выходило бы, что Онъ пришелъ не въ настоящей нашей плоти, а въ кажущейся. Еслибъ сказалъ: *въ плоти грѣха*, то сдѣлалъ бы и Господа воплотившагося причастнымъ грѣху. Но сказавъ: *въ подобіи плоти грѣха*, даетъ разумѣть, что Онъ пришелъ въ настоящей нашей плоти, только безъ грѣха, въ ней живущаго. Св. Златоустъ говоритъ: „Ежели сказано, что Богъ послалъ Сына *въ подобіи плоти*, то не заключай изъ сего, что плоть Христова была инакова. Но поелику плоть человѣческая названа *плотію грѣха*, то прибавлено слово: *подобіе*. Ибо Христосъ имѣлъ не грѣховную плоть, но хотя подобную нашей грѣховной, впрочемъ безгрѣшную и по природѣ одинаковую съ нами." — Прибавимъ и слова бл. Θеодорита: „Не сказалъ Апостолъ: въ подобіи плоти, но *въ подобіи плоти грѣха*. Ибо Сынъ Божій пріялъ на Себя естество человѣческое, но не пріялъ грѣха человѣческаго. Посему-то воспріятое назвалъ Апостолъ не подобіемъ плоти, *но подобіемъ плоти грѣха*. Ибо Христосъ, имѣя одно и тоже съ нами естество, не имѣлъ одного и тогоже направленія воли."

И о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти. Слово: *и о грѣсѣ*— можно относить и къ—*посла*—такъ: *послалъ Богъ Сына своего въ подобіи плоти грѣха и о грѣсѣ*,—περὶ ἁμαρτίας— по причинѣ грѣха,—грѣха тиранствующаго надъ людьми,—соединяя съ симъ мысль такую: для заглажденія грѣха жертвою своей плоти, какъ дѣлаетъ русскій пере-

водъ, или для изглажденія грѣха силою своею, сначала въ своей плоти, а потомъ чрезъ живое общеніе и во всѣхъ людяхъ вѣрующихъ,—или не соединяя опредѣленной мысли, по какой именно причинѣ, а держа въ умѣ вообще,—по причинѣ грѣха, указаніе же самой причины видя въ: *осуди грѣхъ*.—Можно относить сіе слово и къ *осуди: осуди грѣхъ о грѣсѣ*,—показалъ, что грѣшенъ грѣхъ,—тѣмъ, что явилъ плоть безгрѣшную. По причинѣ повсюдной грѣшности могли думать. что грѣхъ неизбѣженъ,—такъ плоть устроена, что нельзя не грѣшить; слѣдовательно грѣхъ безгрѣшенъ. Господь, явивъ плоть безгрѣшную, показалъ, что грѣхъ не отъ природы плоти, а отъ худаго произволенія, и потому грѣшенъ,—подлежитъ суду и осужденію,—„показалъ несправедливость и грѣшность грѣха“ (Ѳеоф.). И осудилъ его,—не простымъ приговоромъ осудительнымъ, ибо это дѣлалъ и законъ, а такъ, какъ иной правитель схватываетъ злодѣя, осуждаетъ его и ссылаетъ на каторгу. или предаетъ смерти,—осудилъ, побѣдивъ его и сдѣлавъ насъ побѣдителями его, такъ что мы можемъ презирать его, какъ ничтожнаго задору, и попирать его.

Наши толковники не обращаютъ вниманія на строй рѣчи, а болѣе разсуждаютъ вообще о цѣли и силѣ посланія Сына Божія,—что Онъ посланъ побѣдить грѣхъ, отнять у него всякую силу, чтобъ и насъ сдѣлать побѣдителями его.

Только бл. Ѳеофилактъ между прочимъ замѣчаетъ: „Выраженіе: *и о грѣсѣ* можно разумѣть и проще,—такъ: Отецъ послалъ Сына Своего *о грѣсѣ*, т.-е. преодолѣть грѣхи.“ И Экуменій приводитъ, какъ иной нѣкто представляетъ возможную здѣсь разстановку словъ: „Можно двоякую здѣсь принимать разстановку словъ, можно отдѣлить—*и о грѣсѣ* отъ—*осуди*, чтобъ было такъ: посла Богъ Сына въ подобіи плоти грѣха и о грѣсѣ, т.-е.

по причинѣ грѣха, чтобъ изъять его и освободить насъ отъ него. Какъ изъять?—Осудивъ его,—не простымъ судомъ, а побѣдивъ и плѣнивъ. Можно и соединять ихъ, чтобъ было такъ: *и о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти*,—осудилъ его, что онъ попремногу грѣшенъ, какъ благимъ содѣлавшій зло, о чемъ и выше говорилъ Апостолъ, наводя, что грѣхъ попремногу грѣшенъ. Какъ осудилъ? Во плоти, т.-е. плотію Своею. Сіе и дивно, что плотію нѣкогда повинною грѣху Онъ осудилъ грѣхъ. Какъ? Сохранивъ ее безгрѣшною. Побѣдивъ такимъ образомъ грѣхъ плотію Своею, Онъ и казнилъ его. Ибо казнь грѣху есть изъятіе его".

Но какое бы сочетаніе словъ ни принять, видно, что главная мысль Апостола здѣсь о цѣли и значеніи посланія Сына Божія во плоти, именно,—чтобъ побѣдить, казнить и изъять грѣхъ, и насъ сдѣлать побѣдителями и казнителями его. Ибо какъ Сынъ Божій пришелъ восполнить недостававшее закону, а закону недоставало того, чтобъ побѣждать грѣхъ въ насъ, или дѣлать насъ побѣдителями его; то въ словахъ опредѣляющихъ цѣль посланія Сына Божія и должно намъ видѣть восполненіе этого именно недостававшаго закону,—т.-е., побѣжденіе грѣха и сдѣланіе насъ побѣдителями его. Такой именно смыслъ должно видѣть въ словахъ: *осуди грѣхъ во плоти*,—осудилъ во плоти своей грѣхъ, отнялъ у него силу, и насъ сдѣлалъ побѣдителями его. Слову: осудить - и въ обычной рѣчи придается подобное сему значеніе, ибо говоря: осудили злодѣя, разумѣемъ не произнесеніе только осудительнаго приговора, но и отъятіе у злодѣя возможности злодѣйствовать, лишеніемъ свободы, или смертію. Тоже и здѣсь: осужденъ грѣхъ,—связанъ и лишенъ необузданной свободы тиранствовать надъ нами. Совершилъ сіе Сынъ Божій воплотившійся двояко: тѣмъ, что, предавъ на смерть безгрѣшную плоть Свою за грѣхи

міра, далъ намъ возможность получать прощеніе содѣянныхъ нами грѣховъ; и тѣмъ, что явилъ въ Себѣ безгрѣшную плоть и, учредивъ таинства для общенія съ Собою, далъ намъ возможность получать отъ Него грѣхопобѣдную силу, чтобъ не дѣлать другихъ грѣховъ. То и другое имѣетъ въ Немъ сокровищницу. Мы же дѣлаемся причастными сего сокровища, прилѣпляясь къ Господу вседушно. Первое указывается здѣсь, а второе въ слѣдующихъ за симъ словахъ.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Сказуетъ здѣсь Апостолъ, что поелику законъ не могъ выполнить собственнаго своего назначенія, по немощи пріемлющихъ законъ, такъ какъ имѣли они естество смертное и страстное; то Единородное Божіе Слово, вочеловѣчившись, человѣческою плотію сокрушило грѣхъ, исполнивъ всякую правду; не пріявъ же позора грѣха (т.-е. бывъ безгрѣшно), и подобно грѣшнику претерпѣвъ смерть грѣшниковъ, обличило неправду грѣха, такъ какъ предало на смерть неподлежащее смерти тѣло. Но оно-то само и сокрушило и грѣхъ и смерть. Ибо Слово Божіе, какъ неподлежащее смерти, потому что грѣха не сотворило, но пріявшее оную по несправедливому приговору грѣха, содѣлалось, какъ *въ мертвыхъ свободь* (Пс. 87, 6), искупленіемъ справедливо содержимыхъ подъ державою смерти.“— Здѣсь указывается преимущественно грѣхооправдательная сила пришествія Сына Божія во плоти. Св. же Златоустъ изображаетъ болѣе грѣхопобѣдную силу сего пришествія. Онъ говоритъ: „Представь, что царскій сынъ, увидѣвъ на рынкѣ, что бьютъ низкаго состоянія и безпріютную женщину, называетъ себя ея сыномъ и тѣмъ освобождаетъ ее изъ рукъ обидчиковъ. Тоже самое учинилъ Сынъ Божій; Онъ, исповѣдавъ Себя Сыномъ человѣческимъ, явился на помощь плоти и осудилъ грѣхъ. И грѣхъ не осмѣлился уже бить ее; или, лучше сказать,

хотя поразилъ смертельнымъ ударомъ, впрочемъ, что всего удивительнѣе, не пораженная плоть, но поразившій грѣхъ подвергся осужденію и погибъ. Еслибы побѣда совершилась не во плоти, сіе было бы менѣе удивительно. Но удивительно то, что Христосъ, бывъ во плоти, воздвигъ трофей, и та самая плоть, которую грѣхъ низлагалъ тысячекратно, одержала надъ нимъ побѣду блистательную. Вотъ сколько въ семъ необыкновеннаго! Первое то, что грѣхъ не побѣдилъ плоти; второе, что самъ онъ побѣжденъ и побѣжденъ плотію; третье, что плоть не только побѣдила, но и наказала. Христосъ тѣмъ, что не согрѣшилъ, явился непобѣдимымъ; а тѣмъ, что умеръ, побѣдилъ, и осудилъ грѣхъ, сдѣлавъ для него страшною ту самую плоть, которая была прежде презираема. Симъ уничтожилъ Онъ силу грѣха, и уничтожилъ смерть, введенную въ міръ грѣхомъ. Видишь ли, сколько одержано побѣдъ?! Плоть не преодолѣна грѣхомъ, самый грѣхъ побѣжденъ и осужденъ, и не просто осужденъ, но какъ согрѣшившій.“

Ст. 4. *Да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу.*

Все сказанное совершилъ Господь во плоти Своей, въ Своемъ лицѣ. „Ты спросишь: есть ли какая для меня польза изъ того, что сіе совершилось во плоти Христовой? — Для тебя именно и есть“ (Св. Злат.). Что же именно? То, что мы теперь не по плоти ходимъ, но по духу, „не хотимъ жить плотски, но духовно“ (Экум.). Апостолъ не объясняетъ, какъ совершилось въ насъ такое измѣненіе; потому что писалъ къ христіанамъ, носившимъ въ себѣ такое измѣненіе и знавшимъ, какъ оно совершилось. Грѣхооправдательная и грѣхопобѣдная сила отъ Христа Господа переходитъ во всякаго вѣрующаго, облекающагося во Христа во святомъ крещеніи и даръ Духа Святаго пріемлющаго въ мѵропомазаніи. Почему онъ и

начинаетъ тотчасъ вслѣдъ за симъ ходить не по плоти, а по духу. Но совершается сіе не механически, а вслѣдствіе свободныхъ измѣненій во внутреннѣйшемъ настроеніи человѣка. Припомнимъ сказанное подъ вторымъ стихомъ сей главы. Падшій сталъ самостенъ, самоугодливъ, сластолюбивъ. Страстная самоугодливость, качествовавшая въ душевно-тѣлесности, и двигавшаяся сластолюбіемъ, была источникомъ безъисходной грѣшности, закономъ грѣховнымъ, дѣйствовавшимъ во удѣхъ нашихъ, или тою плотяностію, о коей пишетъ здѣсь св. Павелъ. Но приходитъ благодать Божія во Христѣ Іисусѣ и возстановляетъ духъ человѣка въ правахъ его, образуетъ въ немъ самоотверженную ревность благоугождать Богу исполненіемъ святой воли Его, съ готовностію ради сего даже на смерть. На сіе настроеніе, происходящее въ началѣ только какъбы мысленно, благодать Божія, дѣйствовавшая доселѣ совнѣ, нисходитъ въ таинствахъ внутрь, и, вселяясь въ духѣ, то, что предъ симъ только преднамѣревалось, дѣлаетъ всуществленными стихіями и отправленіями внутренней жизни человѣка. Онъ и начинаетъ отселѣ жить духомъ въ Богѣ, благоугождая Ему, всячески и самоотверженно принося Ему въ жертву свою душевнотѣлесность, съ подавленіемъ всякой страстной самоугодливости,—начинаетъ, иначе сказать, ходить не по плоти, а по духу.—„Не по плоти ходить, а по духу, пишетъ Амвросіастъ, значитъ служить Богу умомъ, который есть духъ, не соглашаясь съ грѣхомъ (самоугодіемъ), который чрезъ плоть сѣетъ въ душѣ похоти.“

Какой плодъ такого хожденія не по плоти, но по духу?—Тотъ, что *оправданіе закона исполняется въ насъ*, т.-е. только въ насъ вѣрующихъ, а не въ комъ другомъ: ибо только мы получаемъ силу на то, и настроеніе пригодное къ тому въ себѣ образуемъ. Живущій по духу ревнуетъ благоугождать Богу; благоугодное Богу выра-

жено въ законѣ Его,—и въ законѣ совѣсти, и въ законѣ писанномъ, уяснившемъ и подтвердившемъ тотъ законъ, и слившемся съ нимъ. Живущій по духу такимъ образомъ ревнуетъ исполнять законъ, и какъ пріявшій силу на то, дѣйствительно исполняетъ его. Какъ таковы только вѣрующіе въ Господа, то они только и бываютъ вѣрными исполнителями закона,—иначе сказать: то въ нихъ только и исполняется оправданіе закона.—*Оправданіе закона* есть или праведность требуемая закономъ, или намѣреніе закона и цѣль его. Будетъ: то, что имѣлъ въ виду законъ, для чего онъ данъ,—а данъ онъ для того, чтобъ дѣлать насъ праведными и святыми,—исполняется въ насъ вѣрующихъ,—и только въ насъ. А почему въ насъ только? Потому что въ насъ только отъемлется то, по причинѣ чего немоществовалъ законъ, отъемлется законъ грѣховный, живущій во плоти, и начинаетъ дѣйствовать законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ, иначе: потому, что только мы можемъ жить и живемъ не по плоти, а по духу.

Св. Златоустъ говоритъ: „Что значитъ *оправданіе?* Конецъ, цѣль, успѣхъ. Чего же законъ домогался и что иногда производилъ? Чтобы человѣкъ былъ безгрѣшнымъ. Сіе-то самое совершено для насъ нынѣ Христомъ. Его было дѣло противоборствовать и побѣждать, а наше—пользоваться побѣдою. Итакъ мы не будемъ уже грѣшить, не будемъ, если не разслабнемъ и не упадемъ въ духѣ. Посему Апостолъ присовокупилъ: *въ насъ не по плоти ходящихъ.* А дабы слыша, что Христосъ избавилъ тебя отъ брани (единоборства) со грѣхомъ, и что чрезъ осужденіе грѣха во плоти исполняется въ тебѣ оправданіе закона, ты не пренебрегъ нужнымъ пріуготовленіемъ (настроеніемъ, готовностію), Апостолъ, какъ выше сказавъ—*ни едино осужденіе,* присовокупилъ: *не по плоти ходящимъ;* такъ и здѣсь тоже самое прибавилъ къ сло-

вамъ: *да оправданіе закона исполнится въ насъ*. Или правильнѣе сказать, здѣсь прибавлено нѣчто еще гораздо большее. Сказавъ: *да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ*, присовокупилъ: *но по духу*, давая тѣмъ разумѣть, что должно не только воздерживаться отъ зла, но и украшаться добромъ. Христово дѣло дать тебѣ вѣнецъ, а твое—сохранить на себѣ оный. Христосъ совершилъ для тебя то, въ чемъ состояло оправданіе закона, именно, чтобы ты не подлежалъ клятвѣ. Итакъ не утрать сего дара, но береги прекрасное сіе сокровище. Симъ Апостолъ внушаетъ тебѣ, что для нашего спасенія недостаточно крещенія, если послѣ онаго не покажемъ жизни достойной сего дара. Слѣдовательно и сіе сказано опять въ защищеніе закона. Ибо и по увѣрованіи во Христа надобно все дѣлать и выполнять, дабы оправданіе закона, исполненное Христомъ, въ насъ дѣйствовало, а не оставалось безъ силы.“

Опять само собою печатлѣется въ мысли наведеніе, что жизнь святая и праведная есть существенная норма жизни человѣка, достойнаго сего имени. Она была первоначальнымъ назначеніемъ человѣка въ созданіи; она была цѣлію всѣхъ промыслительныхъ дѣйствій Божіихъ до закона; ее имѣлъ въ виду законъ; для нея и все новозавѣтное домостроительство спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Существенное же условіе къ тому, чтобъ она и на дѣлѣ—въ дѣйствительности являлась, есть жизнь не по плоти, а по духу, т.-е. возстановленіе первоначальнаго строя человѣческаго естества—того, чтобъ человѣкъ духомъ жилъ въ Богѣ и силою его властно правилъ душею и тѣломъ,—строя, дѣйствительно возстановленнаго во Христѣ Іисусѣ благодатію Святаго Духа.

Ст. 5. *Сущіи бо по плоти, плотская мудрствуютъ: а иже по духу, духовная*.

Объясняетъ, почему оправданіе закона исполняется

только въ ходящихъ не по плоти, а по духу. Иначе нельзя, говоритъ: ибо ходящіе по плоти, или, что тоже, сущіе по плоти, только плотская мудрствуютъ,—имъ не до закона, заботы нѣтъ о законѣ. Только ходящіе по духу, или, что тоже, сущіе по духу, духовная мудрствуютъ, о томъ заботятся, что сообразно съ требованіями духа, или съ закономъ; ибо законъ духовенъ. Таковъ ужь строй плотскихъ и духовныхъ, что у тѣхъ душа не лежитъ къ законному; а эти о томъ только и помышляютъ, чтобъ все было законно, сообразно съ волею Божіею и богоугодно. Почему только эти и могутъ исполнять оправданіе закона,—цѣль закона, чтобъ мы были святы.

Сущіи по плоти—не то, что—носящіе плоть, а живущіе въ плотоугодіи, плоти угодія творящіе въ похоти (Рим. 13, 14). Не о естествѣ плоти рѣчь, а о настроеніи человѣка плотскомъ. „Сіе не клонится къ обвиненію плоти, говоритъ Св. Златоустъ. Доколѣ она соблюдаетъ собственный свой чинъ, не бываетъ ничего несообразнаго. Когда же дадимъ волю плоти и она, преступивъ положенные для ней предѣлы, возстанетъ на душу; тогда все губитъ и портитъ не по собственной своей природѣ, но по причинѣ неумѣренности и происходящаго отъ оной безпорядка."

Сущіи по плоти—однакожъ выраженіе очень сильное. Оно указываетъ на такое погруженіе въ плотяность, что будто кромѣ плоти ничего уже и не было въ человѣкѣ. Мы человѣческимъ окомъ своимъ мало усматриваемъ таковыхъ: ибо какъ ни будь кто преданъ плоти, все у него и душа выказывается дѣйствующею, а иногда и духъ—естественный человѣку. Но око Божіе не всѣхъ ли падшихъ видитъ такими: ибо таковъ законъ паденія, что низпадшій изъ духа не останавливается уже и въ душѣ, а низвергается на самое дно—въ плоть. Плотяность и

является заправляющимъ началомъ даже и у тѣхъ, кои живутъ душею (—научники, искусники, дѣльцы). Она—фонъ, а прочее все—разныя фигуры, рисуемыя на семъ фонѣ.

Мудрованіе здѣсь означаетъ не одни помышленія или образъ мыслей, а весь строй внутренній,—и мысли, и заботы, и планы, и сочувствія, и дѣла, и даже сны и мечтанія,—движущее, заправляющее и все устрояющее начало. „Плотскимъ, говоритъ, предавшіеся похотямъ, объ нихъ только всю заботу и попеченіе имѣютъ" (Экум.). „Предавшіеся неумѣренному рабству плоти всегда заботятся только о плотскомъ" (Θеоф.). „То только имъ и сладко, что плоть услаждаетъ" (Амвр.).

Сущіи по духу—это тѣ, кои духомъ въ Богѣ живутъ, о божескомъ помышляютъ, божескаго желаютъ, божескимъ утѣшаются, движимы будучи страхомъ Божіимъ и руководимы внушеніями совѣсти, просвѣщенной заповѣдями,—все по дѣйствію благодати Святаго Духа въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Быть по духу естъ норма жизни человѣка по созданію его. Но по паденіи онъ не сталъ уже быть по духу, хотя духъ въ немъже былъ: ибо въ немъ онъ былъ, но силы опредѣляющей не имѣлъ; голосъ подавалъ, но его не слушали. Таковы и всѣ не возставшіе еще отъ паденія. Начинаетъ быть по духу человѣкъ только по принятіи благодати,—возрожденный. Тутъ духъ вступаетъ въ свой чинъ, беретъ силу и заправляетъ всѣмъ въ человѣкѣ, собою опредѣляетъ норму его жизни. У такого о томъ только и забота, неотходно быть въ Богѣ духомъ, и все направлять только на угодное Ему. „Кто всецѣло покорился Духу, тѣ и мыслятъ, и дѣлаютъ все духовное" (Θеоф.). Душевная жизнь и тѣлесная не подавляются и не заглушаются, но, бывъ вставлены въ естественные свои предѣлы, туда же направляются, на угодное Богу, и чрезъ то одухотворяются,

одухотворяется и вся внѣшняя жизнь человѣка, во всѣхъ ея отношеніяхъ. Такъ сущіе по духу не забываютъ плотскаго, а только одухотворяютъ его; а сущіе по плоти забываютъ о духовномъ,—или можетъ быть, можно сказать, что и они не забываютъ, только оплотеняютъ.

Ст. 6. *Мудрованіе бо плотское, смерть есть: а мудрованіе духовное, животъ и миръ.*

Бо—ибо; —опять причина. Цѣпь причинъ вяжетъ здѣсь св. Павелъ: ибо и слѣдующій стихъ начинается причинною частицею: *зане.*—На что же причина выставляется въ настоящемъ стихѣ? - На то, полагаю, что ближайшимъ образомъ предшествуетъ, именно: *а иже по духу* (мудрствуютъ), *духовная;* показывается,почему они такъ дѣлаютъ: по сознанію, что только въ духовномъ мудрованіи—жизнь, а въ плотскомъ смерть. И опытъ это подтверждаетъ: ибо ничто столько не укрѣпляетъ жизни по духу, какъ сознаніе, ощущеніе и вкушеніе нравственно-религіознаго благобытія въ такомъ порядкѣ жизни, и воспоминаніе о томъ, какого безотраднаго въ сердцѣ томленія источникомъ служитъ жизнь по плоти.—И по теоріи такъ должно быть; ибо сущій по духу и духовное мудрованіе держащій живетъ духомъ въ Богѣ, и силою Его укрѣпляясь, дѣйствія души и тѣла и всѣхъ своихъ отношеній направляетъ къ благоугожденію Богу. Чрезъ это состоя въ живомъ союзѣ съ источникомъ всякой жизни, преисполняется истинною жизнію, которая, настраивая на единое всѣ проявленія собственной его жизни, и внутренней и внѣшней, вноситъ въ нее гармонію и миръ, прекраснѣе, сладостнѣе, и восхитительнѣе чего человѣкъ и вообразить на землѣ себѣ не можетъ. Напротивъ мудрованіе плотское, — жизнь въ отдаленіи отъ Бога и съ забвеніемъ о Немъ, жизнь сластолюбивой самоугодливости, движимой и волнуемой страстями, — тѣмъ, что держитъ въ дали отъ источ-

ника жизни, дѣлаетъ естество человѣческое скуднымъ, истощающимся, изсыхающимъ; а тѣмъ, что въ противность природному строю естества человѣческаго даетъ преобладаніе плоти и душѣ надъ духомъ, вводитъ разладъ въ сіе естество, разлагающій и разъѣдающій его. То и другое отзывается томленіемъ, похожимъ на агонію умирающаго.—Боясь этого, испытаннаго уже мертвящаго дѣйствія плотскаго мудрованія, вступившій въ мудрованіе духовное всеусиленно держится въ немъ, тѣмъ усерднѣе, что ощущаетъ и вкушаетъ источаемыя имъ жизнь и миръ.

Ст. 7. ***Зане мудрованіе плотское, вражда на Бога: закону бо Божію не покаряется, ниже бо можетъ.***

Зане,—*διότι*,—чрезъ то, что,—тѣмъ, что.—Сказалъ, что мудрованіе плотское—смерть, а мудрованіе духовное—животъ. Теперь поясняетъ, чрезъ что и чѣмъ первое производитъ смерть, давая доразумѣть, что противоположнымъ тому второе производитъ животъ. Чѣмъ же первое производитъ смерть? Тѣмъ, что оно по существу своему есть вражда на Бога. Жизнь—въ дружелюбномъ, живомъ сочетаніи съ Богомъ; а плотское мудрованіе, родившееся вслѣдствіе отторженія отъ Бога, не только чуждо сего союза, но не терпитъ его и отвращается отъ него, потому что онъ подсѣкаетъ его въ корнѣ. Почему естественно оно приноситъ смерть и даже есть смерть.

Мудрованіе плотское, какъ ужь не разъ говорилось, означаетъ общій строй падшаго, по коему онъ всю заботу обращаетъ на устроеніе земнаго благобытія, полагая его въ удовлетвореніи душевныхъ и тѣлесныхъ потребностей, испорченныхъ и извращенныхъ страстьми. Этимъ оно занято день и ночь и это только устроять оно умѣетъ, не помышляя о томъ, что выше земли, и что—за предѣлами земной жизни. Къ Богу и вещамъ божественнымъ у него душа не лежитъ. Это души нележаніе къ

божескому есть крайній, легчайшій предѣлъ враждованія на Бога. Крайній тягчайшій предѣлъ есть дѣятельное съ яростію возстаніе противъ божескихъ порядковъ, сопровождаемое богохульствомъ и рвеніемъ отвлекать отъ Бога и другихъ. Средину составляетъ тотъ образъ обнаруженія плотскаго мудрованія, по которому оно не возстаетъ гласно противъ божескаго и будто мирно съ нимъ; но какъ только приходитъ въ столкновеніе съ нимъ, всегда понуждаетъ дѣлать въ противность ему. И это-то послѣднее выставляетъ здѣсь Апостолъ въ видѣ непокоренія закону Божію, какъ наиболѣе распространенное и повсюдное, и какъ такое, въ коемъ первая степень заключается уже, а ко второй пролагается дорога.

Мудрованіе плотское выражаетъ свою вражду на Бога непокореніемъ закону Божію. Обычно оно молчитъ, будто его нѣтъ; но какъ только предлежитъ исполнить законъ, оно ухитряется такъ представить дѣло, что бѣдный человѣкъ въ данномъ случаѣ поступаетъ въ угоду ему противъ закона Божія. Такъ всякій разъ, слѣдовательно всегда, такъ что непокореніе закону Божію есть отличительная жизненная черта мудрованія плотскаго. Почему далѣе и прибавилъ Апостолъ: *ниже бо можетъ*. Мудрованіе плотское, пока оно таково, и не можетъ покоряться закону Божію; ибо какъ бы только оно покорилось, такъ и перестало бы быть мудрованіемъ плотскимъ. Человѣкъ можетъ держать и плотское, и духовное мудрованіе, ни тѣмъ ни другимъ не связанъ, можетъ переходить отъ одного къ другому. Онъ, пока преданъ мудрованію плотскому, не можетъ покоряться закону Божію; но какъ не связанъ онъ мудрованіемъ плотскимъ, а можетъ и отстать отъ него, то объ немъ нельзя вообще сказать, что онъ закону Божію не можетъ покоряться: можетъ, когда захочетъ, когда самъ вооружится противъ мудрованія плотскаго и прогонитъ его.

Св. Златоустъ пространно излагаетъ эту сторону, или этотъ видъ неможенія. „Не смущайся, слыша: *ниже бо можетъ.* Сіе затрудненіе отвратить еще удобно. Подъ именемъ плотскаго мудрованія Апостолъ разумѣетъ здѣсь разумъ оземленѣвшій, пристрастный къ житейскому и худымъ дѣламъ. О немъ говоритъ Апостолъ, что не можетъ покоряться Богу, а не вообще о человѣкѣ. Иначе самъ Павелъ какъ учинился бы столь великимъ? Какъ спасся бы разбойникъ? Какъ спасся бы Манассія? Какъ спаслись бы Ниневитяне? Какъ возсталъ бы Давидъ по своемъ паденіи? Какъ пришелъ бы въ себя Петръ, отрекшійся отъ Христа? Какъ могъ бы блудникъ быть принятъ въ стадо Христово? Какъ возвратили бы себѣ прежнее блаженство Галаты, утратившіе благодать? Итакъ Апостолъ не то говоритъ, что худому невозможно стать добрымъ, но то, что худое, пока худо, не можетъ покоряться Богу, а если перемѣнится, то станетъ добрымъ и удобно покорится Богу. Онъ не сказалъ, что человѣкъ не можетъ покоряться Богу, но говоритъ, что худой человѣкъ не можетъ дѣлать поступковъ добрыхъ. блудникъ, напримѣръ, отличаться цѣломудріемъ. Такъ и когда Христосъ говоритъ въ Евангеліи: *не можетъ древо зло плоды добры творити* (Мѳ. 7, 18); то не отрицаетъ симъ возможности перейти отъ порока къ добродѣтели, а разумѣетъ только, что, предаваясь пороку, нельзя приносить добрыхъ плодовъ. Не сказалъ, что худое древо не можетъ стать добрымъ, а говоритъ, что пребывая худымъ, не можетъ оно приносить добрыхъ плодовъ.—Итакъ Апостолъ называетъ плотскимъ мудрованіемъ порокъ, а духовнымъ мудрованіемъ данную благодать и дѣла одобряемыя благимъ произволеніемъ, и разсуждаетъ здѣсь вовсе не о существѣ и природѣ, а о добродѣтели и порокѣ. Чего не могъ ты, говоритъ, сдѣлать прежде, то можешь нынѣ,—можешь ходить прямо и не спотыкаясь, если получишь

помощь отъ Духа. Ибо мало еще не ходить по плоти, но должно ходить по духу; потому что для нашего спасенія нужно не только уклоняться отъ зла, но и дѣлать добро. *Сего же достигаемъ, когда душу предаемъ духу, а плоть убѣдимъ пребывать на своей чредѣ.* Ибо чрезъ сіе и ее сдѣлаемъ духовною, равно, какъ предаваясь безпечности, содѣлаемъ душу плотскою. Поелику даръ сообщенъ не по естественной необходимости, но врученъ свободному произволенію, то отъ тебя уже зависитъ стать тѣмъ или другимъ. Христосъ совершилъ все, что отъ Него зависѣло; грѣхъ не противовоюетъ закону ума нашего и не плѣняетъ насъ какъ прежде, напротивъ все сіе миновалось и кончилось: страсти усмирены, приведены въ страхъ и трепетъ благодатію Духа. Если же ты самъ угашаешь свѣтъ, сталкиваешь возницу, изгоняешь кормчаго, то самъ себя вини въ обуреваніи. Но что добродѣтель содѣлалась нынѣ болѣе удобоисполнима, а потому и любомудровъ больше, можешь видѣть сіе, сличивъ, въ какомъ состояніи находился родъ человѣческій прежде, и въ какомъ находится нынѣ, когда возсіяла благодать. Что прежде казалось ни для кого невозможнымъ, какъ-то: дѣвство, презрѣніе смерти и другихъ многочисленныхъ страданій, то нынѣ исполняется повсюду въ мірѣ. Не только у насъ, но и у Скиѳовъ, у Ѳракіянъ, у Индовъ, у Персовъ и у другихъ варварскихъ народовъ есть лики дѣвъ, сонмы мучениковъ, общины монаховъ,—вездѣ неподражаемый постъ, обиліе нищеты.— Итакъ видя истину событій, взывающую громогласнѣе трубы, не предавайся нѣгѣ, не утрачивай толикой благодати. Безпечному, и по принятіи вѣры, невозможно спастись. Подвиги сдѣлалися легче, дабы ты подвижникъ побѣждалъ, не дремалъ, и величія благодати не обращалъ для себя въ предлогъ къ нерадѣнію, погрузившись опять въ тину грѣховъ.“

Ст. 8. *Сущіи же во плоти, Богу угодити не могутъ.* *Же* — частица противоположительная, съ непосредственно предъидущимъ не вяжется. Поставляя въ связь настоящій текстъ съ предыдущимъ, надо бы употребить частицу: такимъ образомъ, или—посему. Если не употребилъ ихъ св. Павелъ, значитъ, не ставилъ сего стиха въ связи съ предыдущимъ. Съ чѣмъ же онъ состоитъ въ связи?—Съ 4-мъ стихомъ. Сказавъ, что оправданіе закона, цѣль его—дѣлать насъ святыми и богоугодными, исполняется въ насъ не по плоти ходящихъ, но по духу, св. Павелъ, въ стихахъ 5, 6 и 7-мъ выставляетъ характеристическія черты хожденія по духу и плоти, связывая ихъ, какъ цѣпь причинъ, частицами: *бо*, *бо, зане.* Всѣ они въ совокупности, слѣдовательно, суть поясненія сказаннаго въ 4-мъ стихѣ и представляютъ рядъ вставочныхъ положеній. Кончивъ поясненіе, св. Апостолъ возвращается къ прерванной рѣчи. Устроеніе спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ затѣмъ совершено, чтобы оправданіе закона—то, чтобы мы дѣлались святыми и богоугодными, исполнилось въ насъ. Оно исполняется въ насъ, не по плоти ходящихъ, но по духу. А въ тѣхъ, кои по плоти ходятъ, оно не можетъ быть исполняемо, потому что такіе Богу угодить не могутъ. *Сущіи же во плоти Богу угодити не могутъ.* Такова связь сего текста; мысль же его ясна сама собою. *Сущіи во плоти,* тоже что *сущіи по плоти,* т.-е. живущіе въ страстномъ и сластолюбивомъ самоугодіи. Угодить Богу не могутъ они, потому что не хотятъ исполнять волю Божію и законъ Божій, — что одно дѣлаетъ человѣка угоднымъ Богу, не лежитъ у нихъ къ тому душа, нѣтъ у нихъ къ тому вкуса, нѣтъ помышленій о томъ и желаній.

Св. Златоустъ говоритъ на сіе мѣсто: „Итакъ что же? Ужели, скажутъ, отсѣчь намъ тѣло, выдти изъ плоти, чтобы угодит[illegible] Ужели, ведя насъ къ добродѣтели,

велитъ (Апостолъ) намъ быть самоубійцами? — Нѣтъ. — Подъ именемъ плоти Павелъ и здѣсь разумѣетъ не тѣло, не сущность тѣла, а плотскую и мірскую жизнь, провождаемую въ забавахъ и роскоши, которая цѣлаго человѣка дѣлаетъ плотію. Какъ окрыленные духомъ самое тѣло дѣлаютъ духовнымъ, такъ удаляющіеся духа, служащіе чреву и удовольствіямъ, самую душу дѣлаютъ плотію, не измѣняя ея сущности, но губя ея благородство. Такой образъ выраженія часто встрѣчается и въ Ветхомъ Завѣтѣ; и тамъ именемъ плоти означается грубая и нечистая жизнь, преданная грубымъ утѣхамъ. Такъ и Ною сказано: *не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). Хотя самъ Ной обложенъ былъ плотію; но быть обложену плотію не составляло вины, такъ какъ сіе было естественно; преступно же любить плотскую жизнь."—Такъ и здѣсь— „Апостолъ не повелѣваетъ, чтобы мы стали внѣ тѣла, но чтобы освободились отъ плотскаго мудрованія" (Ѳеод.). Потому что „имѣющіе мудрованіе плотское, не могутъ угодить Богу, пока остаются такими" (Ѳеоф.).

Ст. 9. *Вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ. Аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Еговъ.*

Выше, въ 3-мъ стихѣ, сказавъ, что Сынъ Божій воплотившись, осудилъ грѣхъ, т. е. побѣдилъ и насъ сдѣлалъ побѣдителями его, вслѣдъ затѣмъ тотчасъ привелъ, что мы не по плоти уже ходимъ, но по духу, и силу имѣемъ исполнять оправданіе закона. А какимъ образомъ сдѣлалось то, что грѣхопобѣдная сила отъ Христа Господа перешла къ намъ и сдѣлала насъ такими сильными, объ этомъ намекнулъ только предъ тѣмъ въ ст. 2,— въ словѣ о законѣ духа жизни, освободившемъ насъ отъ закона грѣховнаго. Теперь же этотъ именно пунктъ выставляетъ яснѣе, говоря: вы не въ плоти, а въ духѣ,

потому что Духъ Божій живетъ въ васъ. Духъ Божій, низшедшій въ васъ въ таинствахъ, извлекъ вашъ духъ изъ узъ плотяности,—страстной, душевно-тѣлесной самоугодливости,—и поставилъ на своемъ мѣстѣ, во главу, заправляющую всѣмъ, во всѣхъ проявленіяхъ вашей жизни, и своею силою, ради вашего Ему себяпреданія, держа его въ семъ чинѣ, дѣлаетъ, что вы уже не во плоти, но въ духѣ, и слѣдовательно всегда творите только духовное, святое, Богу угодное, и стоите потому на пути спасительномъ, несомнѣнно ведущемъ въ вѣчному блаженству въ Богѣ о Христѣ Іисусѣ Господѣ. Этотъ послѣдній выводъ самъ собою уже приходитъ на умъ послѣ того, что предъ симъ сказалъ Апостолъ о существенныхъ чертахъ жизни по духу и плоти. Думается, что въ словахъ: *вы не во плоти, но въ дусѣ,*—духъ означаетъ естественную часть естества человѣческаго, вдунутый Богомъ, при сотвореніи, духъ и чрезъ паденіе подпавшій тиранству плоти. А въ слѣдующихъ затѣмъ словахъ: *понеже Духъ Божій живетъ въ васъ*, подъ Духомъ разумѣется Духъ Святый, благодатный, возраждающій и новую жизнь внутри устрояющій. Онъ, нисходя на духъ человѣка и сочетаваясь съ нимъ, дѣлаетъ его сильнымъ противостоять плоти и дѣйствовать, какъ свойственно ему, по его природѣ. Прекрасно излагаетъ сіе св. Златоустъ.

„Иное добро, иное зло, иное ни добро, ни зло. *Такъ душа или плоть есть нѣчто среднее* и можетъ стать какъ тѣмъ, такъ и другимъ; *а духъ всегда благъ*, и никогда не дѣлается чѣмъ-либо инымъ. Итакъ если душу и тѣло отдашь лучшему, то и самъ будешь принадлежать къ той же сторонѣ; если отдашь худшему, то будешь участвовать въ гибели, изъ того происходящей, не по природѣ души или плоти, но по расположенію, имѣющему власть избирать то и другое. А что дѣйствительно таковъ смыслъ апостольскихъ словъ, и оными не осуждается плоть (яко

плоть), сіе увидимъ, обратясь къ томуже опять выраженію и разобравъ оное точнѣе. *Вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ,* говоритъ Павелъ. Какъ это? Ужели они были не во плоти, но безтѣлесны?—Возможно ли это?—Примѣчаешь ли, что онъ разумѣетъ плотскую жизнь?—Для чего же не сказалъ: вы не во грѣхѣ живете?—Дабы ты вразумился, что Христосъ не только угасилъ мучительство грѣха, но плоть содѣлалъ легчайшею и болѣе духовною, не чрезъ измѣненіе природы, но болѣе чрезъ окрыленіе ея. Какъ желѣзо, отъ продолжительнаго соприкосновенія къ нему огня, само дѣлается огнемъ, сохраняя собственную природу: такъ у вѣрныхъ, имѣющихъ Духа, самая плоть перераждается въ туже дѣятельность, становясь совершенно духовною, во всемъ распинаемая и окрыляемая вмѣстѣ съ душою. Таково было тѣло Павла. Посему оно презирало всѣ пріятности и удовольствія, увеселялось голодомъ, побоями, узами, и терпя сіе, не скорбѣло. Сіе ясно выразилъ Павелъ, назвавъ это мгновеннымъ и *легкимъ страданіемъ* (2 Кор. 4, 17). Такъ обучилъ онъ плоть идти наравнѣ съ духомъ.“

Понеже Духъ Божій живетъ въ васъ.—Понеже, по-гречески стоитъ εἴπερ, если. Но это *если* не сомнѣніе выражаетъ, а несомнѣнное утвержденіе, и стоитъ вмѣсто ἐπειδήπερ—поелику. Славянскій текстъ въ точности передаетъ мысль Апостольскую.—„Слово—*аще*—εἴπερ, свидѣтельствуетъ св. Златоустъ, Апостолъ часто употребляетъ не для означенія сомнѣнія, но при полной увѣренности, вмѣсто ἐπειδήπερ—понеже,—какъ напримѣръ говоря: *аще праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ васъ* (2 Сол. 1, 6).“

Духъ Божій живетъ въ васъ. Съ какою рѣшительностію утверждаетъ сіе Апостолъ о вѣрующихъ Римлянахъ, должнымъ чиномъ вступившихъ въ сонм вѣрующихъ! *Духъ Божій живетъ въ васъ*, удостовѣрялъ онъ и Ко-

ринѳянъ (1 Кор. 3, 16), прибавляя: *вы есте церкви Бога жива* (2 Кор. 6, 16), *храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа* (1 Кор. 6, 19). Тоже напоминалъ онъ и Галатамъ, говоря, что Богъ *послалъ въ сердца ихъ Духа Сына своего* (Гал. 4, 6). И Ефесянамъ говорилъ, что они, *вѣровавше, знаменаны Духомъ обѣтованія Святымъ* (Еф. 1, 13), котораго и заповѣдуетъ имъ *не оскорблять* (—4, 30). Тоже утверждалъ онъ и въ другихъ посланіяхъ, и не онъ одинъ, но и всѣ другіе Апостолы, и самъ Господь и Спаситель. И все это съ такою рѣшительностію, что кто не имѣетъ Духа Святаго въ себѣ, тотъ и не христіанинъ, и если кто христіанинъ, то потому только и христіанинъ, что помазанъ Духомъ Святымъ. И въ царство небесное пріемлется только тотъ, кто приступаетъ къ вратамъ его, имѣя на челѣ своемъ и на всемъ существѣ своемъ печать дара Духа Святаго. Это—билетъ на входъ, почему и названо обрученіемъ наслѣдія (Еф. 1, 14).

Послѣ сего само собою ясно, почему далѣе у Апостола прибавлено: *аще же кто Духа Христова не имать, сей нѣсть Его́въ,* — т.-е. тотъ не Христовъ, тотъ и не христіанинъ. „Непричастный сей благодати не имѣетъ никакого общенія со Христомъ“ (Ѳеод.). И справедливо. Ибо Духъ есть печать. Посему кто не имѣетъ печати, тотъ не принадлежитъ Господу, назнаменуемому этою печатію (Ѳеоф.). Слыша сіе, кто удержится, чтобъ не подвигнуться желаніемъ—имѣть Духа Святаго?—Но ты имѣешь. Всякій, съ вѣрою пріемлющій божественныя таинства крещенія и мѵропомазанія, имѣетъ въ себѣ Духа. Слѣдовательно и ты. Скажешь: я оскорбилъ Духа Святаго грѣхами своими,—и Онъ отошелъ отъ меня. Но ты приносилъ покаяніе, и причащался тѣла и крови Христа Господа,—и божественный благодатный порядокъ въ тебѣ возстановленъ. Слѣдовательно ты имѣешь

Духа, ты Христовъ. Какъ утѣшительны сіи истины!— Но вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ быть не прискорбно, что христіанина надобно удостовѣрять, что онъ Христовъ, и имѣетъ Духа Святаго. И однакоже это бываетъ необходимо, не для пробужденія высокоумія, а для возбужденія вниманія къ себѣ самому, какъ носителю, жилищу и храму Духа, и для утвержденія въ порядкахъ жизни, показывающихъ, сколь дорожатъ симъ сокровищемъ.— При всемъ томъ впрочемъ не неумѣстенъ вопросъ: почему же, по какимъ признакамъ уразумѣть, что во мнѣ воистину есть Духъ Святый?—Апостолъ отвѣчаетъ на сіе:

Ст. 10. *Аще же Христосъ въ васъ, плоть убо мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради.*

Ожидалось бы, что Апостолъ скажетъ: если же Духъ Святый въ васъ, а онъ говоритъ: *аще же Христосъ въ васъ*. „Говоря сіе, Апостолъ не называетъ Духа Христомъ, — ни мало! — но даетъ разумѣть, что имѣющій Духа не только называется Христовымъ, но даже имѣетъ въ себѣ самого Христа. Ибо невозможно, чтобы не было Христа тамъ, гдѣ есть Духъ. Гдѣ одно изъ лицъ Троицы, тамъ и вся Троица. Такъ Она сама въ себѣ нераздѣлима и тѣснѣйшимъ образомъ соединена!“ (Св. Злат.). Крещающіеся облекаются во Христа; но какъ Христосъ, крестясь, принялъ нисшедшаго Духа, такъ и крещающіеся во имя Его пріемлютъ въ слѣдъ затѣмъ Духа въ мѵропомазаніи и имѣютъ и Христа и Духа. Почему сказать ли: *аще же Христосъ въ васъ*, или: аще же Духъ въ васъ,—будетъ однозначительно. Присутствіе Духа даетъ разумѣть и присутствіе Христа, а присутствіе Христа — присутствіе Духа. И не это только, но и присутствіе Отца, какъ удостовѣрилъ Христосъ—Сынъ Божій (Ін. 14, 23). Сколь великое носитъ въ себѣ христіанинъ таинство!

„Что же будетъ, спросишь ты, если Христосъ въ насъ?—*Плоть убо мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради*. Видишь, сколько золъ не имѣть въ себѣ Духа Святаго: смерть, вражда на Бога, невозможность угодить Ему покоряясь Его законамъ, быть Христовымъ и имѣть Его въ себѣ обитающимъ! Смотри также, сколько благъ имѣть въ себѣ Духа: дѣйствительно быть Христовымъ, имѣть въ себѣ самого Христа, состязаться съ Ангелами! Ибо возымѣть плоть мертвою для грѣха, значитъ начать жить вѣчною жизнію, еще здѣсь на землѣ носить въ себѣ залогъ воскресенія и удобность идти стезею добродѣтели.—Апостолъ сказалъ не просто: *плоть мертва*, но присовокупилъ: *грѣха ради*, для грѣха, дабы разумѣлъ ты, что умерщвляется порокъ, а не естество тѣла. Не о семъ говоритъ Апостолъ; напротивъ хочетъ, чтобы тѣло было мертво, оставаясь живымъ. Когда тѣла наши для плотскихъ воздѣйствій ничѣмъ не разнятся отъ лежащихъ въ могилѣ; это есть признакъ, что имѣемъ въ себѣ Сына, что въ насъ пребываетъ Духъ" (Св. Злат.).

Какъ предъ свѣтомъ не можетъ устоять тьма, такъ предъ Христомъ Господомъ и Духомъ Его плотское, страстное, грѣховное. Но какъ бытіе солнца не отнимаетъ бытія тьмы; такъ и присутствіе въ насъ Сына и Духа не отнимаетъ бытія въ насъ чего-либо грѣховнаго и страстнаго, а только отнимаетъ силу его. Страстное и грѣховное, какъ только случай, тотчасъ выступаетъ и предлагаетъ себя сознанію и произволенію. Если сознаніе обратитъ на то вниманіе и займется тѣмъ, то туда же можетъ уклониться и произволеніе. Но если сознаніе и произволеніе въ этотъ моментъ перейдутъ на сторону духа и обратятся ко Христу Господу и Духу Его; то все плотское и страстное тотчасъ исчезаетъ, какъ дымъ отъ дуновенія вѣтра. Это и значитъ—плоть мертва, безсильна.—Таковъ всеобщій законъ жизни истинныхъ

христіанъ. Но есть степени. Когда кто неисходно пребываетъ сознаніемъ и произволеніемъ на сторонѣ духа въ живомъ осязаемомъ общеніи со Христомъ Господомъ въ Духѣ Его; то въ ту пору плотское и страстное и показаться не можетъ, какъ предъ солнцемъ—тьма и предъ пламенемъ—холодъ. Тутъ плоть совсѣмъ мертва—недвижима. Эту степень и разумѣетъ въ настоящемъ мѣстѣ св. Павелъ. Св. Макарій Египетскій нерѣдко живописуетъ сію степень. А общій порядокъ духовной жизни лучше всѣхъ описанъ у преподобнаго Исихія. Сущность его наставленій въ слѣдующемъ: когда возстаетъ плоть и страсть, отворотись отъ нихъ невниманіемъ, презрѣніемъ, непріязнію, и обратись молитвенно ко Христу Господу, въ тебѣ сущему, — и плотское и страстное тотчасъ отойдетъ.

Духъ же живетъ правды ради. По-гречески стоитъ: не—*живетъ*, а—жизнь: духъ же — жизнь правды ради. Духъ здѣсь разумѣется человѣческій, котораго природа есть—жизнь въ Богѣ вниманіемъ и произволеніемъ съ преданностію Ему и усерднымъ угожденіемъ чрезъ строгое исполненіе воли Его, или Его заповѣдей: въ чемъ и состоитъ правда. Жизнь правды ради есть природа духа; такъ что сказать: тогда духъ—жизнь правды ради, есть тоже, что сказать: тогда духъ нашъ становится тѣмъ, чѣмъ слѣдуетъ быть ему по естеству—жизнію правды ради, возстановляется въ своемъ чинѣ. Если приложимъ къ сему ту мысль, что страстное и грѣховное въ тѣлѣ и душѣ есть пришлое и прибавочное къ естеству, а оно дѣлается мертвымъ въ томъ, въ комъ Христосъ съ Духомъ Своимъ: то очевидно будетъ, какъ въ сихъ немногихъ словахъ Апостолъ изобразилъ состояніе лица, въ коемъ падшее естество человѣческое возстановлено отъ паденія въ свой естественный чинъ по духу, душѣ и тѣлу.

Такимъ образомъ здѣсь можно видѣть сводъ всей рѣчи о возстановленіи падшаго. Изобразивъ въ седьмой главѣ плачевное состояніе падшаго подъ тиранствомъ живущаго въ немъ грѣха, Апостолъ пришелъ къ вопросу: *кто мя избавитъ?* Отвѣтомъ: *благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ,* исповѣдалъ, что уже избавленъ и указалъ, кѣмъ избавленъ. Изъяснивъ весь ходъ избавленія въ первыхъ стихахъ восьмой главы, въ настоящемъ стихѣ ея заключаетъ: вотъ наконецъ какая устанавливается жизнь въ человѣкѣ: *плоть мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради.* Это и есть въ твореніи предназначенное устроеніе человѣческой жизни.

Но исчерпывается ли этимъ вся возстановительная во Христѣ Іисусѣ сила? Нѣтъ. Ибо и человѣкъ еще оставленъ подъ видимостію тлѣнія, и природа вся работаетъ еще суетѣ. Полное возстановленіе требуетъ устраненія и сихъ неблаговидностей. И онѣ точно устранятся въ свое время, — къ указанію чего и приступаетъ теперь св. Павелъ. Предъ симъ онъ объяснилъ *образъ возстановленія;* а теперь хочетъ изобразить *пространство сего возстановленія*—въ самомъ человѣкѣ и въ природѣ видимой.

бб).

Ст. 11. *Аще ли же Духъ Воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздвигій Христа изъ мертвыхъ, оживотворитъ и мертвенная тѣлеса ваша, живущимъ Духомъ Его въ васъ.*

Тутъ отвѣтъ на слѣдующее: палъ человѣкъ духовно и подпалъ смерти; но теперь онъ возстановленъ духовно: зачѣмъ же смерть?—Зачѣмъ смерть оставлена, Апостолъ не разъясняетъ, а удостовѣряетъ только, что и смерть будетъ упразднена, говоря какъбы: не безпокойтесь! оживотворены будутъ и мертвыя тѣла ваши, силою тогоже

Духа, Который живетъ уже въ васъ, по примѣру и въ силу воскресшаго Христа Господа, Который тоже въ васъ. Кто воскресилъ Господа Іисуса, Тотъ воскреситъ и ваши тѣлеса, послѣ смерти; а что дѣйствительно такъ будетъ, берите удостовѣреніе изъ воскресенія Христова и изъ дарованія вамъ Духа Святаго. О связи дара Духа съ будущимъ воскресеніемъ говорится здѣсь ясно, а о связи съ нимъ воскресенія Христова только намекается тѣмъ, что поминается о немъ. Въ другихъ же мѣстахъ посланій своихъ Апостолъ и это, какъ и первое, излагаетъ ясно, такъ что, по нему, въ самомъ воскресеніи Христовомъ мы уже воскрешены (Еф. 2, 6). Христосъ Господь— начатокъ воскресшихъ. Поелику вѣрующіе облекаются во Христа и такъ съ Нимъ сочетаваются, какъ прививокъ съ деревомъ; то и имъ необходимо быть воскрешенными; ибо нельзя членамъ оставаться въ области смерти, когда глава пребываетъ въ свѣтлости воскресенія. Но всему свое время: *кійждо въ своемъ чину: начатокъ Христосъ, потомъ же Христу вѣровавшіи въ пришествіе Его (т.-е. воскреснутъ)* (1 Кор. 15, 23).—Связь дара Духа Святаго съ нашимъ воскресеніемъ Апостолъ всюду выражаетъ тѣмъ, что называетъ Его обрученіемъ наслѣдія нашего— наслѣдія царства со Христомъ воскресшимъ, слѣдовательно послѣ того, какъ и воскрешены будемъ (Еф. 1, 14). Благодать Духа Святаго—сѣмя воскресенія, которое непремѣнно прозябнетъ, разцвѣтетъ и плодъ принесетъ въ свое время. Надобно замѣтить, что слово Апостола: *оживотворитъ.... Духомъ*—по-гречески иные читаютъ: διὰ τοῦ πνεύματος, чрезъ Духа, Духомъ, а иные: διὰ τὸ πνεῦμα,— для Духа, ради Духа. Мысль та и другая пріемлема. Наши святые толковники въ изъяснительныхъ рѣчахъ своихъ употребляютъ то и другое выраженіе, но больше послѣднее. Спорить нечего: ибо дѣло всеобщаго воскресенія есть общее Пресвятыя Троицы, — Бога Единаго — Отца

чрезъ Сына во Святомъ Духѣ, или Отца чрезъ Духа въ Сынѣ.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ ободрилъ упованіемъ будущаго и въ достаточной мѣрѣ придалъ ревности для настоящихъ подвиговъ. Ибо говоритъ: въ скоромъ времени тѣлеса ваши будутъ безсмертны и сдѣлаются недоступными тревожащимъ васъ страстямъ. А сіе совершитъ самъ Богъ всяческихъ, нынѣ щедро дающій вамъ залогъ Духа. Представилъ же имъ Апостолъ въ поручительство воскресенія воскресеніе Христово." Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ начинаетъ говорить о воскресеніи потому, что надежда воскресенія особенно поощряетъ слушателя и укрѣпляетъ его примѣромъ Христовымъ. Не страшися, говоритъ, что ты обложенъ смертнымъ тѣломъ. Имѣй въ себѣ Духа, и тѣло несомнѣнно воскреснетъ.—Что же это? Развѣ не воскреснутъ тѣла, не имѣющія Духа? А какъже всѣ должны предстать судищу Христову? Достовѣрно ли ужь ученіе о гееннѣ? Если не имѣющіе Духа не воскреснутъ, то нѣтъ и геенны. Итакъ что же значитъ сказанное Апостоломъ? — Хотя всѣ воскреснутъ, но не всѣ въ жизнь, а одни въ наказаніе, другіе же въ жизнь. Посему не сказалъ: *воскреситъ*, но *оживотворитъ*, что означаетъ больше, нежели воскресеніе, и даровано однимъ праведнымъ. Показывая же причину сей чести, присовокупилъ: *живущимъ Духомъ Его въ васъ*. Посему ежели утратишь благодать Духа въ сей жизни и умрешь, не соблюдши ея въ цѣлости; то безъ сомнѣнія погибнешь, хотя и воскреснешь. Какъ, видя въ тебѣ блестящимъ Духъ свой, Христосъ не восхощетъ предать тебя наказанію: такъ, видя въ тебѣ Его угасшимъ, не согласится ввести тебя въ брачный чертогъ, какъ юродивыхъ дѣвъ. Итакъ не давай тѣлу жить нынѣ, дабы оно жило тогда. Пусть оно умретъ, дабы не умирать. Доколѣ пребываетъ живымъ, до-

толѣ не живетъ; а когда умретъ, будетъ жить. Тоже будетъ и при общемъ воскресеніи. Тѣло сперва должно умереть и быть погребено, а потомъ стать безсмертнымъ. Тоже совершилось и въ крещеніи. Сперва человѣкъ распятъ и погребенъ, а потомъ воскресъ. Тоже было и съ Господнимъ тѣломъ. И оно было распято и погребено, а потомъ воскресло. Поступимъ и мы также. Будемъ непрестанно умерщвлять тѣло въ дѣлахъ его. Говорю же сіе не о сущности тѣла,—совершенно не о томъ, а о наклонностяхъ къ порочнымъ дѣламъ. Ибо (даже и здѣсь на землѣ) не терпѣть въ себѣ ничего человѣческаго, не служить удовольствіямъ—составляетъ жизнь, даже единственную жизнь."

Ст. 12. *Тѣмже убо, братіе, должни есмы не плоти, еже по плоти жити.*

Должны есмы,—ὀφειλέται ἐσμὲν,—должники есмы не плоти, или мы не должники плоти, чтобъ жить по плоти,—по плотскому мудрованію, по началамъ самоугодливой, сластолюбивой и страстной самости. Простерши возстановительную силу во Христѣ Іисусѣ на всю вѣчность, Апостолъ останавливаетъ вниманіе на семъ пунктѣ, и опредѣляетъ условія, подъ которыми сіе дѣло благоволенія Божія къ роду нашему можетъ быть для каждаго изъ насъ истиннымъ благомъ, блаженною жизнію сопровождающимся. Ясно сіе выраженіе въ слѣдующемъ стихѣ: жизнь по духу съ умерщвленіемъ плотскихъ дѣлъ есть условіе блаженной жизни по воскресеніи. А здѣсь показывается, что сего требуетъ и прямо законъ установившейся въ насъ жизни. Мы, говоритъ, должники не плоти, чтобъ жить по плоти. Чьи же должники?—Того, Кто установилъ въ насъ строй новой жизни,—Христа Господа, сущаго въ насъ, Духа Божія, живущаго въ насъ, Который есть источникъ того духа жизни о Христѣ Іисусѣ, Который освободилъ насъ отъ закона грѣхов-

наго и смерти. „Ибо отъ Владыки Христа улучивъ спасеніе и пріявъ благодать Духа, Ему обязаны мы воздавать долгъ служенія“ (Θеод.). „Послѣ толикой благодати мы должны жить по волѣ Божіей, а никакъ не по плоти, т.-е. не во грѣхахъ, не въ поблажкахъ похотямъ плотскимъ“ (Экум.).

Св. Златоустъ говоритъ: „Показавъ, какая награда духовной жизни, именно, что ею вселяется въ насъ Христосъ, оживотворяются мертвенныя тѣла, окрыляемся къ небу, стезя добродѣтели дѣлается удобнѣйшею,—Апостолъ естественно потомъ присовокупляетъ увѣщаніе, и говоритъ: итакъ мы не должны жить по плоти. Впрочемъ не такъ онъ выражается, а гораздо разительнѣе и сильнѣе, говоря, что мы должники духу; ибо сіе разумѣлъ подъ словами: *должни есмы не плоти.* И вездѣ подтверждаетъ онъ тоже, доказывая, что все совершенное для насъ Богомъ, совершено не по долгу, а по единой благодати; напротивъ все, что мы послѣ сего дѣлаемъ для Бога, есть не даръ, а долгъ. Сіе даетъ разумѣть, когда говоритъ: *цѣною куплени есте, не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. 7, 23). Тоже самое показываетъ, когда пишетъ: *нѣсте свои* (1 Кор. 6, 19). О томъже самомъ поминаетъ еще и въ другомъ мѣстѣ, говоря: *Христосъ за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ* (1 Кор. 5, 14. 15).—Тоже подтверждаетъ и здѣсь словами: *должни есмы не плоти,*—дабы ты опять не понялъ сего о существѣ плоти,—не остановился онъ на томъ, а присовокупилъ: *еже по плоти жити.* Многое обязаны мы дѣлать и для плоти, питать ее, грѣть, покоить, лечить отъ болѣзней, одѣвать и оказывать ей множество другихъ услугъ. Итакъ, дабы не подумать тебѣ, что Апостолъ запрещаетъ таковое служеніе плоти, сказавъ: *должни есмы не плоти*, поясняетъ это, говоря: *еже по плоти жити.* Запрещаю, говоритъ онъ,

имѣть такое попеченіе о плоти, которое доводитъ до грѣха; между тѣмъ желаю, чтобы ты заботился о ней. Сію мысль обнаружилъ и въ послѣдствіи, когда сказавъ: *плоти угодія не творите*,—не остановился на семъ, но присовокупилъ: *въ похоти* (Рим. 13, 14). Томуже и здѣсь учитъ, говоря: пусть и плоть будетъ предметомъ попеченія, потому что мы обязаны ей тѣмъ; но не должны жить по плоти, т.-е. не должны дѣлать ее госпожею своей жизни. Надобно, чтобъ она шла позади, а не впереди; чтобъ она не распоряжалась нашею жизнію, а принимала законъ духа.—Итакъ, опредѣливъ сіе и подтвердивъ, что мы обязаны Духу, потомъ, показывая какими благодѣяніями Ему обязаны, Апостолъ говоритъ не о прошедшемъ, но о будущемъ, въ чемъ и должны мы особенно дивиться его благоразумію. Хотя и прежнихъ благодѣяній было достаточно; впрочемъ не выставляетъ ихъ теперь и не говоритъ о неизреченныхъ оныхъ милостяхъ, а указываетъ на будущія. Ибо многихъ, обыкновенно, трогаетъ не столько оказанное уже благодѣяніе, сколько ожидаемое будущее.“

Ст. 13. *Аще бо по плоти живете, имате умрети: аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете.*

Жить по плоти есть жить въ самоугодіи и по страстямъ. Если, говоритъ, станете такъ жить, то умрете. По теченію рѣчи здѣсь разумѣется смерть вѣчная. Но той смерти предшествуетъ смерть временная въ душѣ. Поелику Апостолъ писалъ къ ожившимъ въ духѣ благодатію Божіею, что надо напередъ потерять, чтобъ сдѣлаться повинными смерти; то, устрашая послѣднею, Апостолъ конечно имѣлъ въ мысли и первую. Какъ сѣмя тлѣнія, такъ и сѣмя вѣчной смерти кроется въ страстяхъ и самоугодіи. Онѣ вносятъ и въ душу и въ тѣло разъѣдающій ядъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Намѣре-

ваясь говорить о будущихъ благодѣяніяхъ, Апостолъ сперва устрашаетъ скорбными и худыми послѣдствіями плотской (страстной) жизни, и говоритъ такъ: *аще бо по плоти живете, имате умрети*, разумѣя здѣсь безсмертную смерть, т. е. казнь и мученіе въ геённѣ. Если же тщательно разсмотрѣть это,—живущій по плоти мертвъ даже и въ здѣшней жизни."—Бл. Ѳеофилактъ то и другое совмѣщаетъ въ краткомъ выраженіи: „смертію называетъ здѣсь не одну безсмертную казнь, но именуетъ смертію и жизнь, проводимую на землѣ въ злыхъ дѣлахъ."

Аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете.

Духъ—жизнь въ Богѣ съ ревнованіемъ о благоугожденіи Ему вѣрностію Его заповѣдямъ, и съ отчужденіемъ отъ земнаго. Духъ вдунутъ въ наше естество и всегда требуетъ такой жизни. Но паденіемъ онъ подавленъ и сила у него отнята. Приходящая по вѣрѣ въ Господа благодать, сочетаваясь съ духомъ симъ, возстановляетъ его въ правахъ и даетъ ему силу заправлять всею сознательною и свободною жизнію человѣка, направляя ее по своей природѣ къ Богу. Кто сподобился сего, тотъ духомъ симъ, облагодатствованнымъ, умерщвляетъ *дѣянія плотская*,—не внѣшнія только, но и внутреннія,—дѣйствія и движенія вообще страстнаго и сластолюбиваго самоугодія. Такъ есть; но какъ это не превращается въ законъ естества, а держится произволеніемъ, то Апостолъ и говоритъ: *аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете*,—почитая это дѣломъ произволенія, за склоненіями котораго слѣдуетъ благодать, всегда готовая спомоществовать и снабжать духъ нашъ умерщвляющею страсти силою.

Умерщвляете, говоритъ, давая разумѣть, что сіе дѣло не совершается однажды навсегда. Однажды навсегда оно полагается только въ рѣшимости—никогда, ни въ

большомъ, ни въ маломъ, не поблажать страстямъ самоугодія, но не уничтожаетъ возможности проявляться движеніямъ сихъ послѣднихъ. Апостолъ и говоритъ: всякій разъ какъ появятся сіи движенія похотныя, страстныя, плотскія,—*умерщвляйте* ихъ, прогоняя и пресѣкая. Ибо пресѣченіе ихъ и есть умерщвленіе ихъ: появились,—и нѣтъ ихъ, когда прогнаны и пресѣчены. Опять появились, — опять гони, и не будетъ ихъ. Такъ во всю жизнь свою *умерщвляйте*, говоритъ, *дѣянія плотская*. „Умерщвляются, когда престаютъ: ибо ихъ уже и нѣтъ, коль скоро престаютъ" (Амвр.). Впереди, со словъ преподобнаго Исихія, уже указываемо было, какъ сіе совершается. Какъ только покажется страстное движеніе или помыслъ, оттолкни его непріязнію и затѣмъ обратись молитвенно къ Господу Іисусу Христу,—и то страстное, которое безпокоитъ, тотчасъ отойдетъ. Сіе и есть духомъ умерщвленіе плотскихъ дѣяній. „Такія дѣянія (плотскія) умерщвляются только Духомъ. Какъ скоро явится Духъ, всѣ волненія утихнутъ, всѣ страсти усмирятся,—и ничто не будетъ возставать противъ насъ.— Благодѣяніе Духа состоитъ не только въ томъ, что Онъ отпускаетъ намъ прежніе грѣхи, но и въ томъ, что дѣлаетъ насъ и впредь непобѣдимыми отъ грѣха и удостоиваетъ безсмертной жизни" (Св. Злат.).

Если такъ, говоритъ, будетъ у васъ идти дѣло, то *живи будете*,——разумѣя жизнь вѣчную; потому что такая жизнь въ духѣ, *дѣянія плотская* всегда умерщвляющая, есть сѣмя вѣчно блаженной жизни. Сія жизнь тамъ раскрывается только въ силѣ и свѣтлости своей, зараждается же она еще здѣсь, когда благодать Духа Божія возставляетъ духъ нашъ и даетъ человѣку силу жить не по плоти, а по духу. Зародившись, она и зрѣетъ, и въ мѣрѣ зрѣлости своей туда переходитъ. Тутъ она не видна, закрыта, то нестроеніями внѣшней жизни, то

борьбами внутренними; но все зрѣетъ подъ прикрытіемъ сей невидимости. А тамъ и возсіяетъ въ свѣтлости своей. Сіе и есть—*живи будете*, если здѣсь живете духомъ и духомъ дѣянія плотская умерщвляете.

Ст. 14. *Елицы бо Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи.*

Высказавъ наставленіе — жить не по плоти, а по духу,—ст. 12. 13,—какъ условіе къ воскресенію для блаженства,—ст. 11, Апостолъ теперь углубляетъ убѣжденіе, что если такъ будетъ, то они несомнѣнно будутъ наслѣдниками царства. Ибо, говоритъ, если будете жить по духу, то это будетъ значить, что вы Духомъ Божіимъ водитесь; но которые Духомъ Божіимъ водятся, тѣ суть сыны Божіи; если же сыны, то и наслѣдники. Такова мысль Апостола въ 14—17 стихахъ. Сказавъ: *сыны*, ст. 14, могъ бы онъ прямо заключить: *аще сыны, то и наслѣдники*,—ст. 17. Но онъ счелъ нужнымъ подкрѣпить убѣжденіе въ сыновствѣ, кромѣ указанія на таинственное рожденіе отъ Бога и пріятія Духа въ таинствахъ крещенія и мνропомазанія, еще и свидѣтельствомъ внутреннѣйшаго чувства, удостовѣряющаго, *яко чада Божіи есмы*.

Почему водящіеся Духомъ Божіимъ водятся Имъ? Потому что рождены отъ Него и, бывъ отъ Него рождены, пріяли Его въ себя. Очевидно такимъ образомъ, что водящіеся Духомъ Божіимъ суть сыны Божіи. Не во внѣшнемъ состоятъ они отношеніи къ Богу, а во внутреннѣйшемъ, живомъ. Но это совершается въ таинствахъ благодатію Божіею; дѣло же жизни должно состоять въ продолженіи начатаго въ нихъ. А это какъ спѣться можетъ? Такъ, чтобы рожденные отъ Духа и водимы были Духомъ. Настоящіе сыны Божіи и суть тѣ, которые водимы бываютъ Духомъ Божіимъ. Апостолъ свелъ все дѣло къ опыту, къ свидѣтельству жизни.

Такъ нужно было ему, чтобъ, обусловивъ наслѣдіе сыновствомъ, а сыновство водительствомъ Духа, воспламенить возжелавшихъ наслѣдія вѣчнаго ревностію ходить по духу. Ибо ходящіе по духу и суть водимые Духомъ. Ты рожденъ отъ Духа, ты принялъ Духа въ таинствахъ; но этого мало: надо тебѣ быть водиму Духомъ, или водиться Духомъ,—жить по Духу. *Водятся*, значитъ, водимы бываютъ и сами себя водятъ. Духъ Божій влагаетъ руководительныя мысли, чувства и движенія, а вѣрующій соглашается на нихъ, принимаетъ ихъ въ руководство, и ими водится. Благодатное водительство дивнымъ образомъ сочетаваетъ силу Духа съ произволеніемъ человѣка.

Св. Златоустъ говоритъ: „говоря такъ, Апостолъ выражаетъ желаніе, чтобы Духъ Божій былъ господиномъ надъ нашею жизнію, какъ кормчій надъ кораблемъ, или возница надъ парою коней. Не на одно тѣло, но и на душу Апостолъ налагаетъ такую узду Самой душѣ не даетъ полномочія, напротивъ власть ея подчинилъ силѣ духа. Дабы обнадеженные даромъ крещенія не пренебрегали впредь благоустроеніемъ своей жизни, говоритъ: хотя ты и принялъ крещеніе, однакожъ, если послѣ онаго не будешь водиться Духомъ, то утратишь дарованное тебѣ достоинство и право усыновленія. Посему не сказалъ: всѣ пріявшіе Духа—сыны, но—всѣ водимые Духомъ Божіимъ. Сіе значитъ, что которые такъ ведутъ себя въ продолженіи цѣлой жизни, что водятся Духомъ, сіи суть *сынове Божіи*.—А какъ сіе достоинство дано было и Іудеямъ, ибо сказано: *азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси* (Пс. 81, 6); и еще: *сыны родихъ и возвысихъ* (Ис. 1, 2); и еще: *сынъ мой первенецъ Израиль* (Исх. 4, 22); а также самъ Павелъ говоритъ: *ихже всыновленіе* (Рим. 9, 4); посему и объясняетъ онъ разность, какая находится между тою и другою честію. Хотя наименованія тѣже, говоритъ онъ, но вещи инаковы.“

Ст. 15. *Не пріясте бо духа работы паки въ боязнь: но пріясте духа сыноположенія, о немже вопіемъ,— Авва Отче.*

Доказываетъ, что сыновство не есть нѣчто внѣшно усвояемое, а такое, что составляетъ существенное содержаніе всего строя жизни о Христѣ Іисусѣ. Какъ водительство Духа не внѣшно, а идетъ извнутрь, ибо Духъ Божій сочетался съ духомъ нашимъ и изъ него дѣйствуетъ: такъ и сыновство, исходя изъ всего строя духовной жизни, отражается въ чувствѣ и сознаніи и составляетъ духъ жизни о Христѣ Іисусѣ. Чтобъ это яснѣе было, Апостолъ сравниваетъ духъ жизни Евангельской съ духомъ жизни подзаконной. *Не пріясте,* говоритъ, *духа работы паки въ боязнь,* какъ было подъ закономъ. Такъ говоритъ онъ только для сравненія: ибо тамъ никакого духа не принимали, но таковъ былъ духъ закона, что онъ страхомъ удерживалъ въ покорности себѣ, и бывшіе подъ нимъ покорствовали ему, какъ рабы, невольники, такъ что духъ жизни ихъ, навѣванный на нихъ всѣмъ существомъ закона, былъ духъ работы изъ страха. Духъ Евангельской жизни не таковъ: здѣсь служатъ Богу духомъ не какъ рабы, а какъ сыны въ дому, разумѣя всѣ планы домувладыки—Отца своего. входя въ нихъ, сочувствуя имъ, желая ихъ и любя. Разность духовъ и изъ этого уже очевидно велика, но она еще больше изъ того, что Евангельскій духъ сыновства не однимъ содержаніемъ Евангелія навѣвается, какъ духъ рабства ветхозавѣтнаго—содержаніемъ закона, но, что гораздо важнѣе, созидается во глубинѣ нашего духа Духомъ Святымъ, пріемлемымъ нами о Христѣ Іисусѣ. Нося сего Духа, дерзаемъ вопіять къ Богу, безпредѣльно великому и необъятному умомъ: Авва, Отче! Отче нашъ!— какъ научилъ насъ все сіе устроившій для насъ Сынъ Божій единородный и Богъ.

Пространно изъясняетъ сіи оба духа св. Златоустъ. „Минуя противоположное рабству, т.-е. духъ свободы, Апостолъ выставилъ гораздо важнѣйшее—духъ усыновленія, чрезъ который сообщается и духъ свободы.—говоря: *но пріясте духа сыноположенія*. Понятно, что значитъ духъ усыновленія; но что такое духъ рабства, сіе непонятно. а потому необходимо нужно объяснить. Сказанное Апостоломъ не только не ясно, но даже совершенно невразумительно. Ибо народу іудейскому не дано было Духа. Итакъ о чемъ же говоритъ здѣсь Павелъ?—Духомъ рабства назвалъ онъ письмена. Почему же ветхозавѣтныя письмена были письменами рабства?—Разсмотри весь бытъ Іудеевъ, тогда и сіе сдѣлается яснымъ. У нихъ и наказанія шли въ слѣдъ за дѣлами, и награды не отлагались вдаль, а были выдаваемы въ точной мѣрѣ, какъ поденный паекъ слугамъ; повсюду взорамъ ихъ живо представлялись ужасы, строго соблюдались тѣлесныя омовенія, осторожность въ поступкахъ. Не такъ дѣлается у насъ; мы очищаемъ помыслъ и совѣсть. Христосъ не говоритъ только: не убивай, но и—не гнѣвайся; или только: не прелюбодѣйствуй, но и: не смотри нечистымъ окомъ. Онъ хочетъ, чтобъ мы не изъ страха настоящей казни, а изъ любви къ Нему снискали навыкъ въ добродѣтели и успѣвали во всемъ прочемъ. Намъ Богъ не обѣщаетъ земли текущей медомъ и молокомъ, но дѣлаетъ насъ сонаслѣдниками Единороднаго, и всѣми мѣрами старается отклонить насъ отъ настоящихъ благъ и обѣщаетъ преимущественно даровать такія, какія приличны содѣлавшимся сынами Божіими. У насъ ничего нѣтъ чувственнаго, ничего тѣлеснаго, но все духовно. Іудеи хотя назывались сынами, но какъ рабы; а мы, какъ сдѣлавшіеся свободными, получили усыновленіе и ждемъ себѣ неба. Съ Іудеями Богъ бесѣдовалъ чрезъ другихъ, а съ нами Самъ лично. Іудеи все дѣлали будучи къ тому

побуждаемы страхомъ наказанія; а духовные все дѣлаютъ по внутреннему расположенію и любви, что и доказываютъ, преуспѣвая сверхъ предписаннаго въ заповѣдяхъ. Іудеи, какъ наемники и неблагодарные, никогда не переставали роптать, а христіане угождаютъ Отцу. Тѣ, будучи облагодѣтельствованы, богохульствовали; а мы, бѣдствуя, благодаримъ. Хотя грѣшники и нынѣ не остаются безъ наказанія, но и въ семъ большая разность. Іудеевъ священники побивали камнями, жгли, увѣчили, а насъ обращаютъ иначе; для насъ довольно отлученія отъ Отчей трапезы, удаленія ея на нѣкоторое число дней отъ нашего взора. Для Іудеевъ усыновленіе было титломъ только на словахъ; для насъ оно сопровождается дѣйствительностію, очищеніемъ посредствомъ крещенія, дарованіемъ Духа и ниспосланіемъ прочихъ благъ.—Апостолъ, все сіе обозначивъ словами: духъ страха и сыноположенія, приводитъ новый доводъ въ подтвержденіе, что мы имѣемъ духа усыновленія. Какой же именно?—*О немже вопіемъ: Авва, Отче!* Сколь силенъ сей доводъ, знаютъ о семъ просвѣщенные; ибо сіе слово есть первое, какое предписано имъ произносить въ таинственной молитвѣ. А какъ, спросишь, развѣ Іудеи не называли Бога Отцемъ? Не слышишь ли, что говоритъ Моисей: *Бога рождшаго тя оставилъ еси?* (Втор. 32, 18). Не слышишь ли, какъ Малахія укоряетъ и говоритъ, что Богъ одинъ создалъ насъ и есть Отецъ всѣмъ намъ? (—2, 10). Но хотя приведены будутъ сіи и другія многія мѣста Писанія; впрочемъ нигдѣ не найдемъ, чтобы Іудеи называли симъ именемъ Бога, и молились Ему, какъ Отцу. У насъ же и священнослужителямъ, и мірянамъ, и начальникамъ, и подчиненнымъ, всѣмъ велѣно такъ молиться. Первое слово, произносимое по чудесномъ ономъ рожденіи, совершающемся по новому и необычайному уставу, есть: *Отче*! Притомъ, если Іудеи называли когда Бога Отцемъ,

то отъ своего ума; а живущіе по благодати именуютъ Его такъ, будучи движимы силою Духа. Какъ есть духъ мудрости, посредствомъ котораго немудрые стали мудрыми, и обнаружили то въ ученіи; какъ есть и духъ силы, посредствомъ котораго немощные воскрешали мертвыхъ и изгоняли бѣсовъ; какъ есть также духъ дара исцѣленій, духъ пророчества, духъ языковъ: такъ есть и духъ усыновленія. И какъ о духѣ пророчества знаемъ, что имѣющій его предсказываетъ будущее, и говоритъ то не отъ своего ума, но будучи движимъ благодатію: такъ тоже должно сказать и о духѣ усыновленія, что пріявшій его именуетъ Бога Отцемъ, будучи движимъ къ тому Духомъ. Апостолъ, желая показать, что мы сыны по рожденію, употребилъ и еврейское слово; не сказалъ только, — Отче, но — *Авва Отче*! ибо такъ преимущественно называютъ Отца подлинныя его дѣти."

Относительно сего послѣдняго прибавленія бл. Θеодоритъ замѣчаетъ: „Апостолъ прибавилъ: *Авва*, показывая дерзновеніе призывающихъ. Малыя дѣти, пользуясь большею предъ отцемъ свободою, такъ какъ разсудокъ ихъ еще несовершенъ, чаще употребляютъ слово сіе въ обращеніи къ отцамъ. Такъ и мы, по неизреченному Его человѣколюбію и по безмѣрной благости, какъ повелѣно, Отцемъ называемъ Творца всяческихъ; но не знаемъ, сколько разности между Имъ и нами, и себя самихъ не разумѣя въ точности, объ Его же естествѣ и совершенно не имѣя познанія."

Къ сему Амвросіастъ такой прилагаетъ урокъ. „Благодатію Божіею бывъ освобождены отъ страха, пріяли мы Духа сыноположенія; чтобъ, смотря на то, чѣмъ были и что по дару Божію получили, съ крайнимъ тщаніемъ благоустрояли мы жизнь свою, дабы имя Бога Отца не терпѣло въ насъ оскорбленія, и мы, ставъ неблагодарными, опять не подверглись тому, отъ чего избавлены.

Такую получили мы благодать, что дерзаемъ взывать: *Авва, Отче*! Это самое и должно побуждать насъ блюстись, да не, получивъ такое дерзновеніе, впадемъ въ безразсудство недолжной жизни; ибо если будемъ несходную такому взыванію: *Авва Отче!* являть жизнь,—то оскорбленіе Богу будемъ причинять всякій разъ, какъ назовемъ Его Отцемъ своимъ. Ибо того ради Онъ по благости Своей позволилъ намъ то, что выше нашего естества, чтобы мы дѣлами своими заслуживали то, чего недостойны по существу своему."

Въ этомъ изреченіи отвѣтъ на то: какъже такъ—Духа сыноположенія пріяли мы, а не чувствуемъ, что мы сыны?—Не имѣемъ жизни сыновней,—духъ сыновства и отошелъ. Ибо если не бываетъ сего несчастія; то внутри глубоко живетъ удостовѣреніе, что мы чада Божіи, какъ говоритъ сейчасъ Апостолъ:

Ст. 16. *Самый Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія.*

Спослушествуетъ,—συμμαρτυρεῖ,—сосвидѣтельствуетъ. Свидѣтельствуетъ нашъ духъ, что мы чада Божіи, и сосвидѣтельствуетъ ему Духъ Святый. Два свидѣтеля, при коихъ станетъ всякій глаголъ (2 Кор. 13, 1), слѣдовательно и глаголъ о чадствѣ нашемъ Богу. Духъ нашъ и по естеству можетъ свидѣтельствовать о семъ, какъ услышали нѣкоторые изъ мудрецовъ и на основаніи того утверждали, что мы — родъ Божій (Дѣян. 17, 28). Но это свидѣтельство въ падшемъ глухо и почти неслышно за шумомъ, внутри насъ дѣющимся. Но когда возстановляется духъ нашъ благодатію Божіею, тогда свидѣтельство его дѣлается яснымъ и ясно слышится. Хотя оно—даръ благодати, какъ даръ благодати и самое возстановленіе духа нашего въ правахъ и силѣ его; но поелику благодать пріискренне сочетавается съ духомъ нашимъ и становится едино съ нимъ, то все благодатное чрезъ нашъ духъ

дѣйствуется,—имъ пріемлемо будучи отъ Духа Божія, имъ же возвѣщается во внутреннемъ мірѣ нашемъ. Почему предъ симъ и сказалъ Апостолъ: *о немже вопіемъ: Авва, Отче!* Духъ благодати даетъ нашему духу силу и дерзновеніе такъ вопіять, но вопіемъ мы. Сему-то гласу, изъ глубины духа нашего исходящему, сосвидѣтельствуетъ самый Духъ. Какъ? Вѣроятно особымъ нѣкіимъ свидѣтельствомъ, не изъ глубины духа нашего исходящимъ, но хотя въ духѣ, однакожъ совнѣ слышимымъ и въ немъ отражающимся, отъ Духа же Божія идущимъ. Если мы за свидѣтельство духа нашего примемъ дѣтское чувство къ Богу, состоящее въ простотѣ несомнѣннаго довѣрія Богу и преданія себя Ему, яко не могущему оставить насъ ни въ чемъ; то за свидѣтельство Духа можно принять удостовѣреніе, что такое отношеніе къ Богу истинно, необманчиво и самому Богу угодно (Экум.).

Но можно сіе мѣсто понимать не какъ новое удостовѣреніе въ чадствѣ Богу, а какъ выводъ изъ предыдущаго, такъ: пріяли мы духа сыноположенія; такимъ образомъ самый Духъ свидѣтельствуетъ духу нашему, что мы чада Божіи. Духу нашему — будетъ — нашему чувству, нашему сознанію, вслѣдствіе чего и вопіемъ: *Авва, Отче!* Св. Златоустъ говоритъ: „мнѣ даетъ силы, говоритъ Апостолъ, не только слово (Авва, Отче!), но и причина, порождающая слово. Ибо произношу оное по внушенію Духа; что еще яснѣе выразилъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *посла Богъ Духа Сына своего въ сердца наша, вопіюща: Авва Отче!* (Гал. 4, 6).— Что значитъ: Духъ спослушествуетъ духови?—Утѣшитель, говоритъ Апостолъ, свидѣтельствуетъ о сообщенномъ намъ дарованіи. Ибо слово сіе есть не только голосъ дарованія, но и голосъ Утѣшителя, подавшаго даръ. Самъ Онъ посредствомъ дарованія научилъ насъ выговаривать слово сіе. А когда свидѣтельствуетъ Духъ,

остается ли мѣсто недоумѣнію? Еслибы обѣщалъ то человѣкъ, или Ангелъ, Архангелъ, или другая какая сила, иные были бы въ правѣ усомниться; но когда Высочайшее существо и даруетъ сіе и свидѣтельствуетъ о семъ тѣмъ словомъ, какъ велѣно произносить въ молитвѣ, тогда можетъ ли кто сомнѣваться въ достоинствѣ? Если царь кого-нибудь жалуетъ и при всѣхъ объявляетъ чинъ его, никто изъ подданныхъ не осмѣлится тому противорѣчить."

Но оба эти пониманія не противорѣчатъ другъ другу. Что въ первомъ говорится раздѣльно, то во второмъ утверждается въ совокупности. Важнѣе для насъ остановиться вниманіемъ на томъ, сколь таинственно сіе свидѣтельство. Блаженны христіане, къ которымъ пиша Апостолъ утверждалъ, что они имѣютъ такое свидѣтельство. Оно было для нихъ осязательно ясно. Въ наше время оно порождаетъ только изумленіе. Догматически мы не можемъ не полагать, что такъ должно быть, но опытнымъ въ томъ удостовѣреніемъ кто изъ насъ похвалится? — Одолѣлъ насъ духъ міра. И движенія Духа Божія мало внятны намъ. Но это не колеблетъ той истины, что вѣрные Духу Божію, дѣйствительно, носятъ въ себѣ сіе свидѣтельство Духа, или постоянно слышатъ его. Кто же вѣренъ Духу? Кто водится Духомъ.— Опять таинственно. Вотъ понятнѣе: кто духомъ живя въ Богѣ, ревнуетъ всячески благоугождать Богу исполненіемъ воли Его, выраженной въ заповѣдяхъ,—кто таковъ, тотъ непремѣнно доходитъ до чувства чадства Богу и слышитъ въ себѣ свидѣтельство о томъ Духа. Это—верхъ роста,—конецъ пути. Но удостовѣряютъ, что и въ самомъ началѣ дается ощутить сіе.—О такой практической сторонѣ сего свидѣтельства пишетъ Амвросіастъ: „Когда мы дѣйствуемъ добрѣ и когда Духъ Святый ради сего пребываетъ въ насъ; тогда гласу тому и духу нашему,

взывающему въ молитвѣ: *Авва Отче,* сей Духъ Божій, пока пребываетъ въ насъ, даетъ свидѣтельство, что мы не неразумно говоримъ: *Авва Отче.* Ибо достойную гласа сего жизнь изъявляемъ, такъ какъ то и есть вѣрное свидѣтельство о чадахъ (что они чада), когда чрезъ Духа видится въ нихъ отчій знакъ (отчій нравъ и духъ жизни).“

Ст. 17. *Аще же чада, и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, снаслѣдницы же Христу: понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся.*

Даказалъ, что чада. Отсюда само собою уже слѣдуетъ, что и наслѣдники. Дѣти у отца—наслѣдники. Но у людей дѣти становятся наслѣдниками по смерти отца, а у Бога не такъ: Его чада дѣлаются наслѣдниками послѣ своей смерти. Похоже на то, какъ еслибы какой отецъ, котораго дѣти самовольно разбѣжались по чужимъ странамъ, отдѣлилъ каждому его часть и постановилъ: какъ только кто раскается и воротится ко мнѣ, такъ вступитъ въ обладаніе своей части. Такъ и люди отбѣгли отъ Отца своего небеснаго и странствуютъ на сей землѣ. Милостивый Отецъ небесный постановилъ, что если кто раскается и возвратится къ Нему, Отцу своему, то получитъ свою часть, а во свидѣтельство, что такъ будетъ, даетъ обращающимся Духа Святаго Своего, полученіе котораго означаетъ, что и чадство таковымъ опять возвращается и наслѣдіе за ними утверждается, которое и получатъ, какъ только перейдутъ чрезъ смерть изъ чужой страны въ родную,—только бы снова не отвращались до того отъ Отца своего, милующаго ихъ. „Наслѣдіе у Бога не какъ у людей бываетъ, пишетъ Амвросіастъ. У Него оно есть даръ отца дѣтямъ повинующимся, такъ что живой дѣлается наслѣдникомъ живаго, не по случаю смерти отца, а по своему чину—сына. Это изобразилъ Господь въ притчѣ о блуд-

номъ сынѣ, введенномъ, по благости отца, въ наслажденіе всѣми благами сыновства, ради одного возвращенія къ отцу.—И Апостолъ, чтобъ сдѣлать насъ готовыми повиноваться Отцу небесному, убѣждаетъ къ тому такою же надеждою,—что будемъ за то наслѣдниками Божіими, сонаслѣдниками же Христовыми; чтобъ по величію чаемой награды, тѣмъ большее показывали мы усердіе къ дѣламъ Божіимъ, отодвигая назадъ всякую заботу о мірскомъ."

Зачѣмъ прибавлено: *снаслѣдницы же Христу?* Для точнѣйшаго опредѣленія мѣры наслѣдія и полнѣйшаго удостовѣренія въ несомнѣнности полученія его. Сокровища Божіи необъятны. Не всѣхъ ихъ можно быть наслѣдникомъ, а части, но какой? Можно полагать: и большой, и малой—какъ благоволитъ Раздающій наслѣдіе. Такъ какъ такая неопредѣленность могла бы омрачать свѣтлость и отраду упованія; то Апостолъ опредѣлилъ и родъ и мѣру наслѣдія, сказавъ, что мы сонаслѣдники Христу. „Поелику нерѣдко и слуга получаетъ нѣкоторую часть отъ господина, впрочемъ не дѣлается чрезъ то соучастникомъ сына; то Апостолъ прибавилъ: *снаслѣдницы же Христу,* чтобъ обнаружить несказанное человѣколюбіе" (Θеод.). Этимъ онъ „возвышаетъ цѣну наслѣдія, удостовѣряя, что мы будемъ находиться близко къ Господу нашему и Спасителю" (Экум.). „Что значитъ быть *снаслѣдниками Христу,* сему научаетъ насъ Апостолъ Іоаннъ, говоря: *егда явится, подобни Ему будемъ* (1 Ін. 3, 2)" (Амвр.). Этимъ же прибавленіемъ возвышается и несомнѣнность полученія наслѣдія. Ибо то уже несомнѣнно, что Христосъ Господь пребываетъ одесную Бога Отца во славѣ. Если вѣрующіе становятся едино съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, облекаются въ Него, прививаются къ Нему, какъ вѣтви къ дереву; то нельзя уже сомнѣваться, что гдѣ Онъ, тамъ и они будутъ, какъ

и самъ Онъ божескими устами Своими удостовѣрилъ. Напоминая о семъ, Апостолъ говоритъ какъбы: такъ не сомнѣвайтесь; вы всеконечно наслѣдники.

Замѣтимъ: Отецъ дѣлаетъ насъ сонаслѣдниками Сына, ради живущаго въ насъ Духа. Все въ христіанствѣ возводится къ живоначальной Троицѣ, да будетъ все отъ Отца въ Сынѣ чрезъ Святаго Духа, или чрезъ Сына во Святомъ Духѣ.

вв).

Указалъ Апостолъ одну часть пространства возстановительной силы Христовой, — имѣющей открыться въ воскресеніи вѣрующихъ для блаженной жизни, которая есть несомнѣнное ихъ наслѣдіе. Приступаетъ теперь къ объясненію другой—возстановленію всей твари въ ея предопредѣленный чинъ, съ коего она была сдвинута паденіемъ человѣка,—царя своего и главы. На переходѣ же къ тому останавливаетъ вниманіе на прискорбномъ внѣшнемъ положеніи христіанъ, которое, съ одной стороны, являя христіанъ и въ семъ отношеніи подобными Христу, подтверждаетъ несомнѣнность наслѣдія, съ другой—наводитъ на мысль, что и вся тварь, находящаяся въ подобномъ же положеніи прискорбномъ, не лишена надежды—быть нѣкогда въ положеніи лучшемъ и отраднѣйшемъ.

Понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся.

Понеже,—по-гречески—εἴπερ, собственно—если, но въ томъ же значеніи, какъ и въ 9-мъ стихѣ: поелику, понеже. И иначе переводить не слѣдуетъ. Поставивъ: если,—извратимъ смыслъ текста. Что же хочетъ сказать Апостолъ? Онъ будто слышитъ возраженіе: говоришь, что мы Божіи наслѣдники, а посмотри, каковы мы? Скорбнѣе насъ никого нѣтъ на свѣтѣ. Утѣшая ихъ, Апостолъ отвѣчаетъ: это не должно колебать нашу надежду наслѣ-

дія, а болѣе утверждать. Мы не просто страждемъ, а страждемъ за Христа и со Христомъ. И Христосъ страдалъ, но теперь во славѣ. Какъ Онъ по страданіи вошелъ въ славу, такъ войдемъ и мы. Затѣмъ и страждемъ съ Нимъ, чтобъ съ Нимъ прославиться. Ничего здѣсь не получаемъ, чтобъ все получить тамъ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Не безъ намѣренія присовокупилъ сіе Апостолъ, но въ утѣшеніе получающимъ сіе посланіе (а въ лицѣ ихъ и всѣмъ христіанамъ); ибо они подвергались приражёніямъ искушеній всякаго рода, терпѣли поруганія, мученія, заключенія и тысячи разныхъ смертей. Посему-то слагаетъ утѣшительное слово, ободряя будущимъ, и увѣщевая мужественно приносить настоящее.“

Но какъ во всѣ времена, такъ и въ началѣ не всѣ христіане бывали внѣшно страждущими; спострадателями же Христу были и эти всѣ. Какъ?—Чрезъ распинаніе себя со страстьми и похотьми. Эту мысль прилагаетъ здѣсь Амвросіастъ: „Что значитъ страдать вмѣстѣ со Христомъ? Страдать со Христомъ значитъ переносить благодушно гоненія въ надеждѣ будущихъ благъ, и плоть свою умерщвлять со страстьми и похотьми, презирая притомъ утѣхи и помпу міра. Когда все сіе умретъ въ человѣкѣ, тогда распинается міру вѣрующій въ жизнь будущаго вѣка, въ коемъ чаетъ онъ быть сонаслѣдникомъ Христу.“

Ст. 18. *Непщую бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ.*

Непщую, λογίζομαι,—держу въ умѣ и говорю языкомъ, т.-е. вполнѣ убѣжденъ. Апостолъ ставитъ себя въ положеніе страждущаго ради Христа, и сказываетъ, что воодушевляетъ его въ терпѣніи,—именно то, что всѣ эти страданія, какого бы рода они ни были, суть ничто въ сравненіи съ славою, которая за то окружитъ насъ, явится и возсіяетъ въ насъ. Держу такъ на сердцѣ,—и эти

страданія мнѣ—ничего. „Вѣнцы превосходнѣе подвиговъ, воздаянія несравнимы съ трудами, трудъ малъ, ожидаемая же польза велика; такъ что сіе ожидаемое Апостолъ назвалъ не наградою (равною труду), но славою“ — (Θеод.).

Апостолъ въ настоящемъ мѣстѣ не новую какую мысль предлагаетъ, а поясняетъ сказанное предъ симъ. Сказалъ: страждемъ со Христомъ, съ Нимъ и прославимся. Теперь прилагаетъ: и какъ прославимся? Такъ, что при одной мысли о той славѣ, всѣ эти страданія являются ничтожными. Но нельзя отвергнуть, что, поелику страданія были повсюдны и немалы, то онъ имѣлъ въ мысли и воодушевить тѣмъ страждущихъ. Пусть страждемъ; но подъ симъ не-краснымъ покровомъ кроется слава, которая въ свое время и откроется. Нынѣ не является сія слава вовнѣ, потому что состояніе нынѣшняго вѣка не можетъ вмѣстить сіянія этой славы. Чтобы она явилась въ своей силѣ, надо преобразить весь міръ,—все нынѣшнее состояніе тварей.

Св. Златоустъ всесторонне и пространно излагаетъ мысли, какія подаетъ настоящій текстъ. „Въ предыдущихъ стихахъ Апостолъ требуетъ духовнаго исправленія нравовъ; ибо говоритъ: вы должны жить не по плоти, т.-е. должны удаляться похоти, гнѣва, сребролюбія, тщеславія, зависти. А теперь, когда уже привелъ на память вѣрующему всю великость дара и въ настоящемъ, и въ будущемъ, когда вознесъ и возвысилъ его надеждами, сблизилъ его со Христомъ, объявилъ сонаслѣдникомъ Единороднаго,—теперь требуетъ, чтобы онъ смѣло и надежно шелъ на бѣдствія. Ибо не одно и тоже значитъ преодолѣвать собственныя страсти и переносить внѣшнія искушенія, побои, голодъ, переселенія, узы, оковы, веденіе на казнь. Для послѣдняго надобно имѣть въ душѣ болѣе благородства и бодрости. Замѣть же, какъ Апо-

столъ вмѣстѣ низлагаетъ и ободряетъ помышленія подвижниковъ. Показавъ, что награды выше трудовъ, побуждаетъ къ большимъ трудамъ и не попускаетъ высоко о себѣ думать, какъ побуждаемыхъ воздаяніемъ вѣнцовъ. Въ другомъ мѣстѣ, обращая рѣчь къ людямъ, болѣе успѣвшимъ въ любомудріи, онъ говоритъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ* (2 Кор. 4, 17). Но здѣсь не признаетъ страданій легкими, а утѣшаетъ въ нихъ воздаяніемъ будущихъ благъ, говоря: *непщую бо, яко недостойны страсти нынѣшняго времене*. И не сказалъ: ничего не стоятъ въ сравненіи съ будущимъ покоемъ, но, что гораздо сильнѣе, въ сравненіи съ будущею славою. Гдѣ покой, тамъ не всегда еще слава; а гдѣ слава, тамъ конечно и покой. Потомъ, сказавъ, что слава есть будущая, доказываетъ, что она уже началась. Ибо не сказалъ: въ сравненіи съ тою, которая будетъ, но— которая откроется. Слѣдовательно и теперь она есть но что скрыта, что яснѣе выразилъ въ другомъ стихѣ, сказавъ: *животъ нашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 2, 3). Надѣйся получить эту славу; она готова уже и ожидаетъ твоихъ трудовъ. Тебя огорчаетъ то, что это еще впереди; но сіе-то самое и должно радовать тебя. Ибо тамъ уготована слава величайшая, неизреченная и превосходящая настоящее твое состояніе. Не безъ намѣренія сказалъ Апостолъ: *страсти нынѣшняго времене;* симъ хочетъ онъ показать, что будущая слава превосходитъ настоящую, не только качествомъ, но и количествомъ. Нынѣшнія страданія, каковы бы они ни были, прекращаются съ настоящею жизнію; а будущія блага простираются въ безконечные вѣки. И поелику Апостолъ не могъ подробно исчислить и изобразить ихъ словомъ, то наименовалъ славою, такъ какъ слава для насъ кажется всего важнѣе, славу почитаемъ верхомъ и нача-

ломъ всѣхъ благъ. Апостолъ употребляетъ и другой способъ для возбужденія слушателей, усиливаетъ рѣчь указаніемъ на твореніе, предполагая въ слѣдующихъ словахъ двѣ цѣли: внушить презрѣніе къ настоящему и желаніе будущаго. Кромѣ же сего имѣетъ и третью цѣль, которую правильнѣе назвать первою, именно показать, сколь много Богъ печется о человѣческомъ родѣ и въ какой чести у Него естество наше. Сверхъ же того, симъ же ученіемъ, какъ паутину и дѣтскія игрушки, разрушаетъ всѣ толки философовъ, составленные ими о мірѣ семъ (ибо онъ будетъ инъ). Но для большей ясности выслушаемъ собственныя Апостольскія слова."

Ст. 19. *Чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ.*

„Слова сіи, продолжаетъ св. Златоустъ, имѣютъ такой смыслъ: самая тварь сильно мучится, ожидая съ заботливостію тѣхъ благъ, о которыхъ мы теперь говоримъ. Ибо чаяніе есть самое заботливое ожиданіе. А дабы рѣчь была выразительнѣе, Апостолъ олицетворяетъ весь міръ сей. Такъ дѣлаютъ Пророки,—у нихъ рѣки рукоплещутъ, холмы скачутъ, горы прыгаютъ; но поэтому не должны мы считать ихъ одушевленными и приписывать имъ сколько-нибудь смысла, напротивъ должны заключать о изобиліи будущихъ благъ, простирающихся и на самыя безчувственныя твари. Тоже самое нерѣдко дѣлаютъ Пророки при изображеніи чего-либо печальнаго,—тогда виноградникъ у нихъ плачетъ, вино, горы и своды въ храмахъ воютъ, чѣмъ и выражаютъ они чрезмѣрность золъ. Такъ Апостолъ,подражая Пророкамъ, олицетворяетъ здѣсь твореніе и говоритъ, что оно воздыхаетъ и мучится, не потому, чтобы дѣйствительно слышалъ вздохи земли или неба, но дабы выразить изобиліе будущихъ благъ и желаніе освободиться отъ настоящихъ золъ."

Приступаетъ Апостолъ къ указанію участія и всей твари въ возстановленіи падшаго человѣка, имѣющемъ

во славѣ открыться въ будущемъ вѣкѣ. Возстановленіе уже дѣйствуетъ, но внутри; въ будущемъ же вѣкѣ явится и во внѣ. Нынѣ оно не открывается въ своей свѣтлости, потому что та свѣтлость невмѣстима для нынѣшняго состоянія вещей. Но тогда нынѣшнее состояніе тварей измѣнится и будетъ примѣнено къ свѣтлому состоянію возстановленнаго и обновленнаго человѣческаго естества. Тварь и ждетъ этого откровенія во славѣ чадъ Божіихъ обновленныхъ и возстановленныхъ, потому что съ этимъ соединено ея собственное возстановленіе и обновленіе. Не просто чаетъ сего откровенія, чтобъ посмотрѣть только, но потому что и сама будетъ въ той славѣ участницею.

Симъ изображается и величіе будущаго прославленія со Христомъ; ибо показывается, что оно такъ велико и блестяще, что вся тварь рвется къ нему. „Не видите ли, говоритъ какъбы Апостолъ, небо, землю, море, воздухъ, солнце, луну, всю видимую тварь, и сверхъ сего и невидимыхъ тварей, Ангеловъ, Архангеловъ, Силы, Власти, Господства? Все это ожидаетъ нашего явленія въ совершенствѣ и славѣ“ (Θеод.). Изображается и участіе всей твари въ семъ прославленіи чрезъ участіе и ея въ возстановительной силѣ Христовой. Экуменій пишетъ: „Сама тварь съ нетерпѣніемъ ожидаетъ нашей будущей славы. Почему?—Потому что, бывъ создана нетлѣнною, по причинѣ грѣховъ человѣческихъ сдѣлалась тлѣнною; ибо и мы изъ нетлѣнныхъ сдѣлались тлѣнными. И такъ тварь желаетъ, чтобы люди опять вступили въ свое нетлѣніе, дабы и она могла получить свое нетлѣніе. Ибо когда человѣкъ, чрезъ котораго она сдѣлалась тлѣнною, получитъ нетлѣніе, тогда и она вмѣстѣ съ нимъ получитъ свойственное ей нетлѣніе.“ Приходитъ при семъ на мысль, что какъ слава чадъ Божіихъ откроется тогда, а созидается еще нынѣ, такъ и тварь явится тогда во славѣ, которая созидается въ ней невидимо еще нынѣ.

Будущее славное состоянiе всей твари и видимой промыслительными дѣйствiями всемогущества Божiя созидается незримо и нынѣ, а тогда откроется и зримо будетъ.

Стт. 20. 21. *Суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованiи, яко и сама тварь свободится отъ работы тлѣнiя въ свободу славы чадъ Божiихъ.*

Продолжаетъ олицетворенiе твари, открывая, на какомъ основанiи тварь чаетъ быть соучастницею въ славѣ чадъ Божiихъ. На томъ основанiи, что такъ первоначально, вслѣдъ за паденiемъ человѣка, положено—побыть ей въ этой некрасной видимости только до времени. Создана она не такою, какъ теперь видится, но понижена и облечена въ эту траурную одежду, въ примѣненiе ея состоянiя къ состоянiю падшаго. И какъ сему падшему дана надежда возстановленiя; то въ этомъ дарованiи падшему надежды возстановленiя заключается постановленiе, что когда совершится то возстановленiе, снимется и съ твари ея печальная одежда, избавится и она отъ работы суетѣ и тлѣнiю.

Подчиненiемъ суетѣ и работою тлѣнiю означается нынѣшнее несвѣтлое состоянiе твари видимой. Подчиненiе суетѣ можетъ быть и то значитъ, что она стала служить множеству пришлыхъ потребностей человѣка, между которыми много ненужныхъ, пустыхъ, суетныхъ, страстныхъ, грѣховныхъ. Но прямѣе суета есть непрочность бывающаго, тоже что работа тлѣнiю.—Амвросiастъ пишетъ: „Что значитъ: *суетѣ повинуся,* если не то, что все, раждаемое ею, непрочно и непостоянно? Она работаетъ, чтобъ производить плоды тлѣнные. Тлѣнiе и есть суета. Ибо все пораждаемое въ мiрѣ нетвердо, измѣнчиво и чрезъ то суетно. Суетно потому, что не можетъ удерживать состоянiя своего: въ ней все течетъ, измѣняетъ образъ свой и мятется. Это же разумѣлъ и Соломонъ, когда сказалъ, что все суета. Все въ ней слагает-

ся и разлагается, не постоитъ,—хотя очевидно, подъ сею текучестію скрывается нѣчто постоянное, неизмѣнное. лучшее. Прозрѣвая въ то сокровенное лучшее, Апостолъ то лучшее считаетъ существеннымъ, а видимость твари непригляднную—случайною: *повинуся,* говоритъ, *неволею.*

Неволею; но она и не имѣетъ воли. Все въ ней есть и бываетъ по волѣ Создавшаго. Это означаетъ, что, по планамъ Божіимъ, твари не слѣдовало быть въ такомъ состояніи. Вседержитель понужденъ былъ поставить ее въ сіе состояніе паденіемъ главы ея—человѣка. Поелику привзошло сіе послѣднее; то Онъ нашелъ необходимымъ подчинить и тварь, созданную для человѣка, томуже, чему подпалъ человѣкъ произволеніемъ. Но какъ?—Такъ ли, что, провидя паденіе человѣка, Онъ и создалъ тварь такъ, какъ прилично быть ей при падшей главѣ, — съ тѣмъ однакоже, чтобъ, когда возстановленъ будетъ падшій, приподнять ее въ мѣру его возстановленнаго состоянія; или она создана была въ лучшемъ состояніи, въ какомъ былъ и первозданный, а потомъ низведена въ худшее, когда палъ человѣкъ, съ тѣмъ, что и опять возстановлена будетъ въ лучшемъ видѣ, когда возстановится глава ея? Св. Апостолъ не рѣшаетъ этого. Онъ смотритъ на то, что есть, и предрекаетъ, что будетъ, не поднимая завѣсы, скрывающей отъ насъ первоначаліе твари. Такъ поступаютъ и наши толковники; и только мимоходомъ выражаются такъ, что ихъ мысль подходитъ будто—то къ первому, то ко второму.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „научаетъ здѣсь Апостолъ, что вся видимая тварь получила въ удѣлъ естество смертное, потому что Творецъ всяческихъ провидѣлъ преступленіе Адама и тотъ смертный приговоръ, который будетъ на него произнесенъ.—И было бы неприлично и несправедливо—тому, что для него создано, получить въ удѣлъ нетлѣніе, а ему самому, ради кого все это созда-

но, быть тлѣннымъ и смертнымъ. Но когда онъ чрезъ воскресеніе пріиметъ безсмертіе, тогда и созданное для него получитъ также въ удѣлъ нетлѣніе. Посему сказуетъ Апостолъ, что видимая тварь ожидаетъ сего переворота; потому что она содѣлалась измѣняемою не волею, но изъ любви къ опредѣленію Создавшаго. Видя же попеченіе о насъ, надѣется сего переворота."

На упованіи,—внѣ олицетворенія, означаетъ, что таковъ первоначально былъ планъ у Бога, чтобы тварь до времени только пребыла въ такомъ плачевномъ состояніи, пока и люди пробудутъ въ немъ же, а когда они вступятъ въ предопредѣленную имъ славу, тогда и она облечется въ свѣтлую одежду нетлѣнія. Апостолъ строго держитъ соотвѣтствіе въ состояніяхъ человѣка и видимой твари. Св. Златоустъ говоритъ: „Что значитъ: *суетѣ тварь повинуся?* Сдѣлалась тлѣнною. Для чего же и отъ чего? Отъ тебя, человѣкъ. Поелику ты получилъ смертное и подверженное страданіямъ тѣло, то и земля подверглась проклятію, произрастила тернія и волчцы. А что и небо, состарѣвшись, будетъ наконецъ имѣть лучшій жребій, послушай, какъ говоритъ о семъ Пророкъ: *въ началѣ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса. Та погибнутъ, Ты же пребываеши: и вся яко риза обетшаютъ и яко одежду свиеши я, и измѣнятся* (Пс. 101, 26. 27). Видишь ли, какъ тварь, послуживъ суетѣ, освободится отъ тлѣнія? Онъ говоритъ: *яко одежду свиеши я, и измѣнятся*. Тоже самое говоритъ и Павелъ въ послѣдствіи; а теперь разсуждаетъ о работѣ (твари тлѣнію) и показываетъ, отъ чего она произошла, и причиною почитаетъ насъ самихъ. И такъ чтоже? Ужели тварь, терпя сіе за другаго, терпитъ обиду? Ни мало. Она для меня и существуетъ. А если существуетъ для меня, то какая для ней обида, когда терпитъ сіе для моего исправленія? А иначе къ неодушев-

ленному и безчувственному нельзя даже приложить понятія о справедливомъ и несправедливомъ (т.-е. иначе, какъ поставляя тварь въ служебное отношеніе къ человѣку). Но Апостолъ не входитъ въ такія разсужденія, а спѣшитъ выставить другую мысль. Что ты говоришь, разсуждаетъ онъ, будто тварь чрезъ тебя потерпѣла зло и стала тлѣнною? Ей не сдѣлано симъ никакой обиды; потому что чрезъ тебя же она и опять будетъ нетлѣнною. Сіе значитъ: *на упованіи.*“

Яко и сама тварь свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ.

„Что значитъ: *сама?* Не ты одинъ, но что гораздо тебя ниже, что не имѣетъ ни смысла, ни чувства, и то будетъ съ тобою участвовать въ благахъ. То есть, не будетъ уже тлѣнною, но сдѣлается соотвѣтственною благообразію тѣла твоего. Какъ тварь учинилась тлѣнною, когда тѣло твое стало тлѣннымъ; такъ, когда тѣло твое возстанетъ нетлѣннымъ, и тварь послѣдуетъ за нимъ и содѣлается соотвѣтственною ему. Сіе самое выражаетъ Апостолъ, присовокупляя: *въ свободу славы чадъ Божіихъ,* т.-е., посредствомъ свободы. Какъ кормилица, воспитавшая царскаго сына, когда взойдетъ онъ на отеческій престолъ, имѣетъ свою долю въ царственныхъ его благахъ; такъ и тварь, по словамъ Апостола. Примѣчаешь ли, какъ человѣкъ вездѣ впереди, и что все для него дѣлается? — Видишь ли также, какъ Апостолъ утѣшаетъ подвижника, и доказываетъ неизреченное Божіе человѣколюбіе? Что сѣтуешь въ искушеніяхъ, говоритъ онъ? Ты терпишь самъ за себя, а тварь за тебя терпитъ. И не только утѣшаетъ, но и доказываетъ достовѣрность сказаннаго имъ. Если надѣется тварь, которая для тебя стала тѣмъ, что она теперь; тѣмъ болѣе надѣйся ты, чрезъ кого тварь будетъ наслаждаться всѣми оными благами. И у людей есть обыкновеніе одѣвать слугъ въ

богатое платье для чести сына, когда ему надо показаться въ свѣтѣ прилично. Такъ и Богъ облечетъ тварь нетлѣніемъ *въ свободу славы чадъ Божіихъ.*"

Въ свободу — отъ тлѣнія, т.-е., совлечется тлѣнія и облечется въ нетлѣніе соотвѣтственно славѣ чадъ Божіихъ. Если чада сіи, по Апостолу, облекутся въ нѣкое духовное тѣло; то не будетъ ли и вся тварь состоять изъ тончайшихъ стихій,—подобно разнообразному сочетанію радужныхъ цвѣтовъ?!

Ст. 22. *Вѣмы бо, яко вся тварь (съ нами) совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже до нынѣ.*

Вѣмы бо. Это слово наводитъ на мысль, что въ рѣчи Апостола болѣе нежели олицетвореніе. Въ самомъ дѣлѣ, что мѣшаетъ предположить общее всей твари сокровенное сѣтованіе о печальномъ ея вмѣстѣ съ нами положеніи?—Животныя имѣютъ смыслъ и чувство, въ растеніяхъ явны слѣды чувства и влеченій: что мѣшаетъ предположить темное нѣкое чутье и въ процессахъ кристаллизаціи и химическаго сродства? А за этимъ останется уже кое-что, въ чемъ не видится будто никакого чутья, стихіи и силы. Но и надъ ними слѣдуетъ предположить нѣчто господствующее, распоряжающееся, направляющее. Если допустимъ въ семъ послѣднемъ нѣкое чутье, то будемъ видѣть уже всю въ совокупности тварь нѣкако чувствующею. Въ семъ ея чувствѣ и можемъ предположить отраженіе общаго неблаговиднаго ея состоянія. Апостолъ его-то и видѣлъ и указалъ. *Вся тварь*, говоритъ, *совоздыхаетъ,* и подтверждаетъ это своимъ Апостольскимъ, богопросвѣщеннымъ умомъ: *вѣмы* мы, умъ Христовъ имѣющіе. *Совоздыхаетъ*—или сама въ себѣ въ своей совокупности, или съ нами: ибо *съ нами* нѣтъ въ греческомъ. Но это несущественно; существенно то, что воздыхаетъ. *Соболѣзнуетъ*—сильнѣе: ибо выражаетъ болѣзни рожденія. Подается мысль, что будущее свѣтлое

состоянiе твари уже зачато и зрѣетъ въ глубинѣ твари, какъ плодъ во чревѣ матери, и готовится къ проявленiю. Аналогiю сему видимъ въ происхожденiи существъ на землѣ. Самыя хорошiя изъ нихъ зачинаются и зрѣютъ въ невзрачныхъ положенiяхъ, и во всей свойственной имъ красотѣ являются уже по выходѣ на свѣтъ Божiй. Что съ каждою тварью, то и со всею совокупностiю ихъ. Подъ невзрачнымъ теперешнимъ положенiемъ твари зрѣетъ ея лучшее,—и въ свое время явится, какъ плодъ изъ чрева. Сiе предчувствуя, воздыхаетъ тварь, томясь желанiемъ, чтобы это совершилось поскорѣе. Ибо тогда, какъ ее ожидаетъ такое свѣтлое,—она все еще должна работать суетѣ и тлѣнiю.

„Воздыхаетъ тварь, пишетъ Амвросiастъ, по причинѣ непрестанной работы, подъ которою состоитъ. Ибо всѣ элементы съ томленiемъ ведутъ работы свои. И солнце и луна не безъ труда пробѣгаютъ положенныя имъ пространства, и духъ животныхъ не безъ стенанiй исполняетъ свои службы: ибо видимъ, какъ неохотно идутъ они на трудъ. Все это ожидаетъ покоя, чтобы избавиться отъ рабскаго служенiя. Еслибы это было служенiе къ угожденiю Богу направленное, конечно, тварь радовалась бы тому, а не болѣзновала; но какъ это есть работа тлѣнiю, коей она подверглась по нашей винѣ; то и болѣзнуетъ. Ибо видитъ, что каждодневно гибнутъ работы ея, каждодневно восходитъ и заходитъ трудъ ея. Итакъ праведно она болѣзнуетъ, когда работа ея не къ вѣчности идетъ, а къ истлѣнiю. Но, сколько дается уразумѣть, она безпокоится вмѣстѣ и о нашемъ спасенiи, зная, что она скорѣе доспѣетъ къ своему освобожденiю, если мы скорѣе познаемъ Творца своего. Зная сiе, потщимся со всѣмъ усердiемъ и ревностiю показать себя достойными (своего предъ Богомъ званiя), не о себѣ только самихъ заботясь, но имѣя въ виду и тварь, ко-

торая день и ночь воздыхаетъ, изъ-за насъ терпя напраслину."

Замѣтить надо, что когда пристращаемся мы къ твари, то пристращаемся къ ея видимости, по причинѣ коей она воздыхаетъ. Выходитъ, что неразумная тварь воздыхаетъ о томъ, къ чему мы, — разумные, — неразумно льнемъ. Св. Златоустъ говоритъ при семъ: „видишь ли, какъ Апостолъ стыдитъ слушателя, говоря какъбы такъ: не будь хуже твари, не прилѣпляйся къ настоящему. Тебѣ не только не должно прилѣпляться къ нему, но еще воздыхать, что твое преселеніе отсюда замедляется. Ежели и тварь такъ поступаетъ, тѣмъ болѣе сіе прилично тебѣ, одаренному разумомъ".

гг).

Ст. 23. *Не точію же, но и сами начатокъ Духа имуще, и мы сами въ себѣ воздыхаемъ, всыновленія чающе, избавленія тѣлу нашему.*

Когда говорилось о возстановленіи нашего естества во славѣ чрезъ воскресеніе; то, приступая къ указанію на возстановленіе и всей твари, Апостолъ теченіемъ рѣчи говорилъ: не только мы будемъ возстановлены и избавлены отъ тлѣнія, но и вся тварь. Но теперь, когда говоритъ о воздыханіи твари о семъ избавленіи, рѣчь должна идти обратно тому: не только тварь воздыхаетъ о семъ,—тварь не имѣющая никакихъ еще видимыхъ и осязательныхъ задатковъ того; но и мы, имѣющіе начатокъ Духа, какъ залогъ будущаго обновленія, и мы воздыхаемъ о томъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ тлѣнія и вступить въ полную свѣтлость сыновства Богу въ нетлѣнномъ тѣлѣ. Исходя изъ сего нашего воздыханія объ уповаемомъ избавленіи, Апостолъ начинаетъ говорить объ упованіи, изъясняя свойства его и твердыя

основанія его непоколебимости. Основанія сіи суть: α) начатки Духа,—23—27); β) предвѣчное опредѣленіе о спасаемыхъ, — 28—30; γ) цѣна воплощеннаго домостроительства,—31—34. Всѣ сіи основанія держатся δ) на неотпадающей любви, 35—39.

α).

Первое основаніе христіанскаго упованія суть начатки Духа, на коихъ останавливаетъ Апостолъ вниманіе въ настоящемъ текстѣ, какъ на томъ, изъ чего зародилось и чѣмъ держится упованіе полнаго избавленія. Начатки Духа, — это оставленіе грѣховъ, сила противостоянія грѣху, миръ совѣсти, сыновнее дерзновеніе къ Богу, и во многихъ особые дары Св. Духа. Все сіе есть доброе ручательство, что дѣло избавленія уже началось,—началось и дѣется, и даетъ предвкусить, что будетъ въ концѣ. Но сіе предвкушеніе и раждаетъ воздыханіе, чтобы чаемое поскорѣе стало дѣломъ. Чего же именно чая воздыхаемъ? *Всыновленія чающе.* Но мы уже пріяли духа всыновленія,—чего же еще тутъ чаять? Свѣтлости состоянія, соотвѣтствующаго сыновству. И въ насъ не все еще въ порядкѣ, и совнѣ большія нападенія, и тѣло тлѣнно. Вотъ и воздыхаемъ о томъ, чтобы все сіе миновалось, прешли всѣ тѣсноты и опасности и тѣло воскресло, чтобы явились мы сынами во всей свѣтлости сыновства.

Св. Златоустъ говоритъ: „Воздыхаемъ и мы, какъ предвкусившіе уже будущихъ благъ. Дарованнаго уже намъ достаточно, чтобы возбудить самаго каменнаго человѣка, чтобы отвлечь его отъ настоящаго и окрылить къ будущему, какъ великостію дарованнаго, такъ и тѣмъ, что сіи высокіе и многочисленные дары суть только начатокъ. Ежели начатокъ таковъ, что чрезъ него осво-

бождаемся отъ грѣховъ, пріобрѣтаемъ праведность и освященіе, а Апостолы изгоняли бѣсовъ своею тѣнію, и одеждами воскрешали мертвыхъ; то представь, каковы всѣ будущія блага. И ежели воздыхаетъ тварь, которая лишена разума и дара слова, которая о всемъ этомъ не имѣетъ никакого познанія; тѣмъ болѣе должны воздыхать мы. Но дабы еретики не имѣли повода думать, что Апостолъ охуждаетъ настоящее, онъ говоритъ далѣе: мы воздыхаемъ не въ охужденіе всего настоящаго, но отъ желанія большаго. Это самое выразилъ онъ словами: ***всыновленіе чающе.*** Что ты говоришь, Павелъ? Для чего обращаешься взадъ и впередъ, то восклицаешь, что мы стали уже сынами, то опять причисляешь сіе благо къ предметамъ надежды, и пишешь, что намъ должно еще получить оное? Сіе поправляетъ Апостолъ, прибавивъ слова: ***избавленія тѣлу нашему***, т.-е. совершенной славы. Теперь участь наша до послѣдняго нашего издыханія сокрыта еще втайнѣ. А когда переселимся отселѣ съ доброю надеждою, тогда даръ сдѣлается неотъемлемымъ, очевиднѣйшимъ и большимъ, тогда не будетъ страха, дабы грѣхъ и смерть отняли что-нибудь изъ онаго. Когда только благодать содѣлается непремѣнною, когда самое тѣло освободится отъ смерти и безчисленныхъ страданій. Слово—***избавленіе*** значитъ не простой выкупъ, но такой, послѣ котораго уже не возвратимся въ прежній плѣнъ. А дабы не впасть тебѣ въ недоумѣніе, когда непрестанно слышишь о славѣ, и не имѣешь о ней яснаго понятія, Апостолъ въ подробности раскрываетъ будущія блага, измѣняетъ твое тѣло, а сообразно съ онымъ и всю тварь. Сіе яснѣе выразилъ онъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: ***иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его*** (Филип. 3, 21). И въ другомъ посланіи, говоря: ***егда же смертное сіе облечется въ безсмертіе, тогда будетъ слово написан-***

ное: пожерта бысть смерть побѣдою (1 Кор. 15, 54). А въ доказательство того, что съ разрушеніемъ тѣла и все житейское терпитъ измѣненіе въ своемъ состояніи, Апостолъ написалъ въ другомъ мѣстѣ: *преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31).

Амвросіастъ останавливаетъ особое вниманіе на томъ, почему мы воздыхаемъ: „послѣ твари Апостолъ прибавляетъ, что и мы воздыхаемъ, чтобы избавиться отсюда, бывъ предназначены для жизни блаженной: ибо міръ сей для христіанъ есть море. Какъ море, воздымаясь противными вѣтрами, нападаетъ на плывущихъ и подвергаетъ ихъ опасности: такъ и вѣкъ сей коварствомъ непріязненныхъ движеній возмущаетъ умы вѣрующихъ; и это съ такимъ разнообразіемъ дѣлаетъ врагъ, что не знаешь, отъ чего прежде избавляться. Ибо если власть перестаетъ быть противъ насъ, онъ возбуждаетъ частныя лица; если и эти покойны, чрезъ домочадцевъ возжигаетъ пожаръ; если и это не подаетъ ему руки, между родными посѣяваетъ раздоръ, злокозньствомъ своимъ: такъ чтобы, съ четырехъ угловъ будучи поражаемъ домъ, въ какой-либо части далъ разсѣлину. По сему-то христіанамъ вседушно надо желать поскорѣе убѣжать отсюда. Примѣромъ въ семъ да будетъ имъ Симеонъ, который, зная съ какимъ коварствомъ ведется здѣсь противная война, молился отпустить его съ миромъ (Луки 2, 29). Объ этомъ же и всѣ мы молимся, когда говоримъ: *да пріидетъ царствіе Божіе* (Мѳ. 6, 10). Апостолъ, яко мужъ божественный, добрыя о насъ имѣетъ помышленія, говоря, что мы воздыхаемъ объ избавленіи отсюда, какъ воздыхалъ Симеонъ; но я вижу, что мы очень обдержимы утѣхами міра."

Фотій у Экуменія разсуждаетъ: „*Всыновленія чающе.* Какого? Что же,—развѣ не приняли уже его мы чрезъ святое крещеніе? И не самъ ли ты незадолго предъ

симъ сказалъ, что мы приняли духа сыноположенія? Да, говоритъ. Какого же еще всыновленія намъ чаятъ? Явнаго, говоритъ, для всѣхъ, сопровождаемаго и избавленіемъ тѣла (отъ тлѣнія).—Что же это—другое будетъ отъ сказаннаго? Никакъ нѣтъ; тоже самое, только въ совершенствѣ проявленное, всѣми видимое и познаваемое. Ибо тогда, по воскресеніи тѣла и пріятіи нетлѣнія, будетъ полное наслажденіе обѣтованными благами, наслѣдіе царства небеснаго и вступленіе во всѣ преимущества сыновства. И нынѣ, съ надеждою получить все сіе, мы пріяли сыноположеніе.“

Ст. 24. *Упованіемъ бо спасохомся. Упованіе же видимое, нѣсть упованіе: еже бо видитъ кто, что и уповаетъ.*

Приводитъ причину, почему, получивъ начатокъ, сѣтуемъ. Потому, что не все еще получили. Получили часть, какъ вѣрный задатокъ, а окончательное, совершенное, еще чается, хоть несомнѣнно знаемъ, что и оно уже принадлежитъ намъ; но какъ оно крайне хорошо, то не можемъ не болѣзновать, томясь желаніемъ поскорѣе получить его, какъ въ другомъ мѣстѣ о себѣ говорилъ Апостолъ, что горитъ желаніемъ разрѣшиться отъ тѣла и быть со Христомъ (Филип. 1, 23). *Упованіемъ,* говоритъ, *спасохомся.* Это не то значитъ, что мы еще не спасены. Нѣтъ; мы спасены: *спасохомся.* Умри кто сейчасъ, получитъ все принадлежащее спасенію. Но пока живемъ здѣсь, мы не все держимъ въ рукахъ, что принадлежитъ спасеннымъ. Воспріятіе спасенія въ совершенствѣ есть предметъ упованія нашего. *Не у явися, что будемъ,* говоритъ св. Іоаннъ Богословъ (1 Ін. 3, 2). Итакъ упованіемъ спасены мы. Упованіе же по природѣ своей таково, что не держитъ въ своихъ рукахъ, предъ очами своими не имѣетъ то, что уповаетъ. Еслибы такъ было, тогда упованію не было бы мѣста. Кто держитъ что въ рукахъ предъ глазами, тому пристало ли уповать

сего видимаго и держимаго. Такъ и мы уповаемъ, потому что еще не все имѣемъ въ рукахъ предъ глазами. Многое ужь получили, — получили отпущеніе грѣховъ, силу побѣждать грѣхъ и очищаться отъ страстей, сыновнее дерзновеніе предъ Богомъ, сподобляемся особенныхъ Божіихъ всеублажающихъ присѣщеній и даровъ. Но это еще не все. Окончательное явится въ свѣтлости воскресенія и соцарствованіи со Христомъ. Сего-то лучшаго упованіемъ ждемъ.

Но почему такъ устроено и обстановлено дѣло нашего спасенія? Это по свойствамъ немощной природы нашей. Дай все въ руки, мы тотчасъ все размотаемъ. А когда часть дана, и сказано: если будешь вѣренъ, то получишь лучшее, столь лучшее, что и вообразить того не можешь; то это держитъ насъ въ должномъ строѣ и въ напряженномъ исканіи и исполненіи условій, подъ которыя поставлено полученіе того лучшаго. Этимъ дается случай показать вѣру и вѣрность, чтобы имѣющее получено быть, было нѣкоторымъ образомъ и заслужено. Св. Златоустъ говоритъ: „не должно искать здѣсь всего, но надѣяться. То одно и приносимъ въ даръ Богу, что вѣримъ Ему, когда обѣщаетъ будущія блага. Это есть единственный путь ко спасенію. Если потеряемъ сей путь, потеряемъ все принесенное нами въ даръ Богу. Спрашиваю тебя, говоритъ Апостолъ: не виновенъ ли ты въ безчисленныхъ худыхъ дѣлахъ? Не погибшій ли ты человѣкъ? Не произнесенъ ли тебѣ приговоръ? Не тщетными ли показались всѣ покушенія спасти тебя? Итакъ, что же спасло тебя? Одна надежда на Бога, одна вѣра въ обѣщанное и дарованное Богомъ: ты ничего большаго и не могъ принесть въ даръ Богу. А если надежда спасла тебя, храни ее и теперь. Поелику она доставила тебѣ уже столько благъ; то очевидно не обманетъ тебя и впередъ. Если, найдя тебя мертвымъ, погибшимъ, плѣн-

никомъ, врагомъ, она сдѣлала тебя другомъ, сыномъ, свободнымъ, праведнымъ, сонаслѣдникомъ, доставила тебѣ блага, какихъ никто никогда не ожидалъ; то послѣ такой щедрости и благосклонности ужели оставитъ тебя впослѣдствіи? Итакъ не говори мнѣ: опять надежды, опять ожиданія, опять вѣра. Чрезъ сіе спасся ты въ началѣ,—это есть единственное вѣно, принесенное тобою жениху. Посему соблюдай оное и храни. Если будешь всего искать здѣсь, то погубишь свою заслугу, чрезъ которую ты прославился.“

Ст. 25. *Аще ли егоже не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ.*

Тутъ къ концу приведено показаніе, почему воздыхаемъ и мы. Получили, сказалъ, начатокъ, а совершеннаго, цѣлаго еще не получили: его чаемъ, надѣемся, а не видимъ еще, не держимъ въ рукахъ. Съ такимъ чаяніемъ неизбѣжно соединено пожданіе, а съ пожданіемъ терпѣніе. Такимъ образомъ естественно, что мы сего чаемаго, надѣемаго, невидимаго еще съ терпѣніемъ ждемъ. А терпѣніе, какъ ни облегчаетъ его несомнѣнность надежды, все же есть нѣчто тяготящее. Вотъ почему и воздыхаемъ, хотя начатокъ имѣемъ, хотя не имѣемъ ни малаго сомнѣнія въ полученіи.

Но объясняя такъ наше настоящее положеніе, св. Павелъ не одно это объясненіе имѣлъ въ виду, а болѣе хотѣлъ внушить, что если дѣло такъ есть, если неизбѣжно намъ ждать и ожидая терпѣть, то и терпите благодушествуя, въ несомнѣнномъ чаяніи лучшаго и совершеннѣйшаго, что бы ни случилось съ вами по внѣшнему быту вашему. Съ терпѣніемъ ждать въ надеждѣ,—это должно быть характеристическою, существенною нашею чертою. Св. Златоустъ говоритъ: „если всего будешь искать здѣсь, къ чему тогда и надежда? Надежда и есть твердая увѣренность въ будущемъ. Большаго ли

требуетъ отъ тебя Богъ, послѣ того, какъ самъ Онъ даровалъ тебѣ всѣ Свои блага? Онъ требуетъ отъ тебя одного только — надежды, требуетъ для того, чтобы и ты самъ сколько нибудь содѣйствовалъ своему спасенію. Богъ вѣнчаетъ надѣющагося, какъ слѣдовало бы увѣнчать того, кто трудится, бѣдствуетъ, переноситъ безчисленныя напасти." Но если онъ не тотчасъ переходитъ туда, гдѣ вѣнчается надежда, а остается здѣсь среди испытаній самой надежды, то цѣна его надежды, посредствомъ испытанія ея терпѣніемъ, становится несравненно выше. „Когда слышишь о терпѣніи, то подразумѣвай мысль о подвигахъ и усиленныхъ трудахъ. Ибо христіанинъ долженъ терпѣть, ожидая не видимаго, а чаемаго вѣрою" (Θеоф.). Чтобы удержать надежду въ силѣ, надо пребывать вѣрнымъ Тому, Кто обѣтованіями возродилъ и питаетъ надежду, а это требуетъ труда, пота и подвиговъ и въ себѣ и во внѣшнемъ.

Ст. 26. ***Сице же и Духъ способствуетъ намъ въ немощехъ нашихъ: о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы, но самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными.***

Сице же—ὡσαύτως — не сравненіе здѣсь означаетъ, а соединеніе,— ***также и.*** Св. Златоустъ и текстъ прочиталъ такъ: ***сице же и Духъ.*** — ***Немощи,*** по ходу рѣчи, разумѣются не нравственныя, а тѣ, коими искушается терпѣніе. Мы, сказалъ онъ, получили задатокъ, пріявъ Духа, а окончательную полную получку ожидаемъ пріять въ будущемъ; о чемъ и воздыхаемъ, — воздыхаемъ и потому, что оно очень свѣтло, и особенно потому, что, бывъ предназначены къ такому пресвѣтлому состоянію, въ настоящее время мы крайне стѣснены и уничижены. Но какъ ни тяжело такое положеніе, мы, опираясь на задатокъ, ждемъ съ терпѣніемъ полной получки, нисколько не сомнѣваясь, что вѣрно получимъ ее. Такимъ образомъ

унованіе, — чаяніе и ожиданіе лучшаго и совершеннѣйшаго составляетъ отличительную черту въ христіанскомъ настроеніи духа.

Дошедши до сего, св. Апостолъ останавливаетъ теперь вниманіе на семъ упованіи и воодушевляетъ къ нему, выставляя прочнѣйшія ему основы. Полученіе дара Духа Святаго есть уже прочное основаніе упованія, даже источникъ и всѣхъ другихъ основаній; но оно есть нѣкоторымъ образомъ умозаключительное. Основываясь на немъ, мы ждемъ съ полною увѣренностію и благодушно терпимъ всѣ непріятности. Но это мы такъ себѣ располагаемъ: что же Духъ? Также и Духъ способствуетъ намъ въ семъ дѣлѣ претерпѣванія немощей или непріятностей, насъ облежащихъ,—и тѣмъ, что утѣшаетъ сердце и сладостями духовными отбиваетъ горечь внѣшнихъ непріятностей, и тѣмъ, что научаетъ насъ, какъ достойно Бога молиться Богу.

Духъ способствуетъ намъ въ немощахъ нашихъ. Мы, получивъ Духа, посредствомъ благопомышленій о Божіихъ порядкахъ воодушевляемъ себя на терпѣніе; но и самъ Духъ есть въ насъ не какъ безучастный вкладъ въ сокровищницѣ естества нашего, а какъ всеоживляющая сила, производящая не помышленія только упователъныя, но упователъное благонастроеніе. *Способствуетъ*, — συναντιλαμβάνεται — заступается за насъ вмѣстѣ съ кѣмъ-то. Съ кѣмъ же? Съ нами. Когда мы благопомышленіями своими стараемся воодушевлять себя на упователъное терпѣніе; тогда подходитъ къ намъ на помощь Духъ Божій и влагаетъ въ сердце самое благодушное терпѣніе въ упованіи. „Хотя терпѣніе твое собственно дѣло, говоритъ св. Златоустъ; однакоже тебѣ дается Духъ, дабы поощрить тебя къ надеждѣ, а чрезъ нее облегчить и труды твои.“ Прибавимъ къ сему слова Экуменія: „не думай, что подавленъ будешь тяжестью терпѣнія. Духъ

не попуститъ тебя быть имъ подавлену, но будетъ тебѣ въ семъ дѣлѣ помощникомъ. Сами же мы немощны и безъ помощи Духа не можемъ справить и самаго терпѣнія." Но Апостолъ говоритъ болѣе сего,—говоритъ не о имѣющей придти помощи отъ Духа, а уже о присущей, какъ-бы такъ: смотри, какъ Духъ способствуетъ тебѣ,—и не унывай. Самое то, что терпишь и благодушествуешь въ немощахъ, свидѣтельствуетъ, что Духъ помогаетъ тебѣ. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Упомянувъ о терпѣніи, ободряетъ слушателя и говоритъ, что и Духъ подкрѣпляетъ насъ. Поэтому, не изнемогая въ надеждѣ и терпѣніи, ты приносишь только надежду и терпѣніе, а помогаетъ тебѣ Духъ."

Это первое заступленіе отъ Духа, что Онъ утѣшеніе вливаетъ въ сердце при непріятностяхъ и тѣмъ сообщаетъ терпѣнію крѣпость и благодушіе. А второе есть то, что Онъ научаетъ насъ, какъ должно молиться въ семъ случаѣ, и самую молитву влагаетъ въ сердце. Въ непріятностяхъ, скорбяхъ и бѣдахъ обыкновенно обращаемся къ Богу съ молитвою; но при этомъ рѣдко попадаемъ на слѣдъ Божій и молимся больше о томъ, что намъ желательно, не имѣя увѣренности, что то и спасительно для насъ. Духъ же Божій, находя въ молитвѣ и наводя молитву, внушаетъ именно о томъ молиться, что есть самое благопотребное. Это благопотребное или опредѣленно Имъ печатлѣется въ мысли, или сводится въ общее настроеніе Богопреданности. Ты все вѣдаешь, Господи, и какъ вѣдаешь, устрой благопотребное мнѣ! И сія-то есть настоящая духодвижная молитва, которую всѣ святые молитвенники поставляютъ на самой верхней ступени молитвеннаго къ Богу восхожденія.

О чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы. Иной проситъ здоровья, а оно не поведетъ его къ добру. Иной молится—избавить отъ бѣдности, а она для него полезна. Иной проситъ ума, а онъ для него—пагуба. Даже

и изъ духовныхъ потребностей не всѣхъ удовлетвореніе спасительно въ томъ смыслѣ, какъ мы то понимаемъ и о томъ просимъ. Св. Златоустъ говоритъ: „сими словами Апостолъ сколько обнаруживаетъ великій о насъ промыслъ Духа, столько же научаетъ Римлянъ не считать полезнымъ всего того, что такимъ представляется по человѣческому сужденію. Поелику христіанамъ того времени, которыхъ били, изгоняли, заставляли терпѣть безчисленныя напасти, естественно было желать покоя, считать его полезнымъ для себя и испрашивать у Бога таковой благодати; то Павелъ говоритъ: не считайте для себя дѣйствительно полезнымъ, что вамъ такимъ кажется. Мы имѣемъ нужду въ Божіей помощи и для того, чтобы знать для себя полезное. Столько человѣкъ слабъ и ничтоженъ самъ по себѣ! Посему Апостолъ сказалъ: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*. А дабы ученикъ не стыдился невѣдѣнія, открылъ, что сами учители находятся въ невѣдѣніи. Ибо не сказалъ: вы не вѣсте, но—*не вѣмы*. Но что сказалъ онъ сіе не изъ скромности, обнаруживалъ то въ другихъ обстоятельствахъ. Хотя непрестанно просилъ Бога въ молитвахъ своихъ о томъ, чтобы видѣться ему съ Римлянами, однакожъ сіе исполнилось не вдругъ по его прошенію. Также о жалѣ, данномъ ему во плоти, т.-е. о бѣдствіяхъ молился неоднократно, и вовсе не получилъ просимаго. Такъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ не получили желаемаго Моисей, просившій видѣть Палестину, Іеремія, молившійся за Іудеевъ, Авраамъ, ходатайствовавшій за Содомлянъ.“ Продолжимъ сіе словами бл. Ѳеодорита: „Не просите, говоритъ Апостолъ, избавленія отъ скорбей; ибо не знаете, что полезно, какъ знаетъ сіе Правитель Богъ. Предайте себя самихъ Держащему кормило вселенной; ибо Онъ, если и не будете просить, а только воздыхаете, по дѣйствію живущей въ васъ благодати, премудро управитъ

касающееся до васъ, и доставитъ, что будетъ для васъ полезно.“

Но Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными.

Ходатайствуетъ—ὑπερεντυγχάνει,—что значитъ—говорить за кого предъ сильными и говорить крайне сильною рѣчью, не престающею, пока не получитъ просимаго. Такъ говоритъ, *ходатайствуетъ* за насъ предъ Богомъ Духъ Святый, данный намъ. Когда говоритъ: *ходатайствуетъ*, явно указываетъ на то, что было обще всѣмъ и всѣмъ извѣстно. Какое блаженнос было оное время! Но что означаетъ это ходатайство? Сами, говоритъ, не умѣемъ молиться, а Духъ за насъ молится,—Духъ въ насъ сущій. Какъ же это бываетъ? Духъ молится, а мы и не знаемъ того,—или молится Духъ, проводя молитву свою чрезъ наше сознаніе и чувство? Нельзя, чтобы не зналъ человѣкъ молитвы своей. Онъ только знаетъ, что она не его, хотя въ немъ есть; она сложилась помимо его, но онъ вѣдаетъ ее, и вѣдаетъ откуда она. Духъ Божій влагаетъ въ сердце молитву истинную, а человѣкъ, воспріявшій ее, возноситъ ее къ Богу, въ томъ смыслѣ и въ той силѣ, какъ она вложена. Онъ есть при семъ дѣемый, а не дѣйствующій. Въ слѣдующемъ стихѣ говорится, что Испытующій сердца вѣдаетъ сію молитву,—вѣдаетъ, потому что видитъ ее въ сердцѣ, или какъ она исходитъ изъ сердца; въ сердце же очевидно влагаетъ ее Духъ, т.-е. Онъ дѣйствуетъ при семъ не помимо сознанія и чувства. Въ первенствующей Церкви, въ собраніяхъ, находилъ на иного духъ молитвенный. Онъ вставалъ и просилъ позволенія изречь сію молитву и, получивъ позволеніе, изрекалъ ее. Значитъ онъ сознавалъ ее, чувствовалъ ее сложившеюся въ сердцѣ и въ употребленіи ея имѣлъ свою долю свободы.

Понятнѣе будетъ сіе, если примѣнимъ то къ чему-либо,

бывающему въ наше время. Въ наше время тоже самое бываетъ въ молитвѣ находящей. Обычно молимся мы по молитвенникамъ, или своимъ словомъ. Бываютъ при семъ и чувства молитвенныя и воздыханія; но мы сами самодѣятельно ихъ возбуждаемъ въ себѣ. И это есть молитва. Но бываетъ, что влеченіе къ молитвѣ само находитъ и заставляетъ молиться и не даетъ покоя, пока молитва не изольется вся. Это или тоже есть, о чемъ говоритъ Апостолъ, или нѣчто похожее на то. Содержаніе такихъ молитвъ рѣдко бываетъ опредѣляемо какимъ-либо предметомъ; но всегда почти она дышетъ преданіемъ себя въ волю Божію, ввѣреніемъ себя водительству Бога, лучше насъ знающаго благопотребное для насъ, и для внутренняго и для внѣшняго нашего, и сильнѣе насъ желающаго того для насъ, и готоваго все то дать и устроить намъ, лишь бы только мы не упирали ногами. Всѣ молитвы, отъ св. отцевъ намъ преданныя, суть такого же происхожденія, суть духодвижныя и потому доселѣ такъ дѣйственны.

Св. Златоустъ говоритъ: „эти слова, самъ *Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными*,—не ясны, потому что чудеса, которыя были тогда многочисленны, нынѣ прекратились. Посему нужно сказать вамъ о тогдашнемъ состояніи; чрезъ сіе объясняется и сказанное Апостоломъ. Каково же было тогдашнее состояніе? Всякому, кто принималъ тогда крещеніе, Богъ сообщалъ какое-нибудь дарованіе, которое вообще называлось духомъ. Одинъ имѣлъ даръ пророчества и предсказывалъ будущее; другой—даръ мудрости и училъ народъ; иной даръ врачеванія и исцѣлялъ больныхъ; другой даръ силы и воскрешалъ мертвыхъ; иной—даръ языковъ и говорилъ на разныхъ языкахъ. Кромѣ же всѣхъ сихъ даровъ былъ также и даръ молитвы (надо полагать, общій всѣмъ). Кто имѣлъ сей даръ (у кого онъ приходилъ въ движеніе), тотъ молился за весь народъ. Такъ

какъ не зная многаго полезнаго для насъ, мы просимъ безполезнаго; то въ первенствующей Церкви даръ молитвы находилъ на кого-либо одного, который одинъ за всѣхъ просилъ общеполезнаго для всей Церкви и научалъ другихъ молиться. Итакъ Апостолъ называетъ здѣсь духомъ, какъ самый даръ, такъ и душу, которая получаетъ его, ходатайствуетъ предъ Богомъ и воздыхаетъ. Ибо удостоившійся такой благодати вставалъ въ собраніи, и съ великимъ сокрушеніемъ, съ самыми внутренними воздыханіями припадая къ Богу просилъ того, что полезно для всѣхъ. Сіе-то разумѣя, Павелъ говоритъ: *самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ, воздыханіи неизглаголанными.*"

Почему такія воздыханія названы *неизглаголанными?* Или по особенной силѣ ихъ, необычной въ простыхъ молитвословіяхъ, или потому, что они невѣдомо какъ зараждаются, или потому, что при семъ изрекается молитва, которой самъ собою человѣкъ никогда не изглаголалъ бы. Амвросіастъ пишетъ: „здѣсь говорится, что Духъ Господень ходатайствуетъ о насъ не обычными человѣческими изреченіями, но по свойству естества Своего. Ибо когда Сущее изъ Бога глаголетъ къ Богу, то Ему необходимо такъ глаголать, какъ глаголетъ Тотъ, изъ Кого Оно есть. Такъ обычно и у насъ, что съ своимъ гражданиномъ никто не говоритъ инымъ языкомъ. Преизливаетъ же себя данный намъ Духъ въ молитвахъ нашихъ, чтобы покрыть своимъ движеніемъ нашу неискусность и непредусмотрительность, и испросить намъ у Бога то, что намъ полезно."

Можетъ и та мысль въ словѣ: *неизглаголанными,*—что воздыханій сихъ, Духомъ внушаемыхъ, нельзя вполнѣ изложить человѣческимъ словомъ: сердце чувствуетъ ихъ, а мысль обнять то и языкъ выразить не въ состояніи. Эта мысль и съ опытомъ согласна и подтверждается слѣдующими словами: *Испытуяй же сердца вѣстъ, что есть*

мудрованіе Духа,—какъбы такъ: ты не безпокойся и не смущайся тѣмъ, что языкъ твой не можетъ изглаголать во всей силѣ вложенную въ сердце твое молитву. Богъ знаетъ, что у тебя въ сердцѣ, и знаетъ, чего хочетъ Духъ, вложившій то въ твое сердце, и не нуждается для сего въ ясности и выразительности твоей рѣчи.

Ст. 27. *Испытаяй же сердца, вѣсть, что есть мудрованіе Духа, яко по Богу приповѣдуетъ (ходатайствуетъ) о святыхъ.*

Повторимъ и еще сказанное. Духъ за насъ молится; а Богъ вѣдаетъ сіе мудрованіе Духа, яко испытующій сердца. Слѣдовательно сіе мудрованіе или сія молитва идетъ къ Богу не помимо человѣка, а сначала отражается въ сердцѣ его и чрезъ него восходитъ къ Богу. И еще: сія молитва, Духомъ вложенная, бывъ принята и чувствуема сердцемъ, можетъ быть не объята мыслію и не выражена, какъ слѣдуетъ, языкомъ, но это не мѣшаетъ ея дѣйственности: ибо Богъ видитъ, что на сердцѣ у молящагося симъ образомъ, и какая мысль у Духа, вложившаго молитву.

Яко по Богу приповѣдуетъ о святыхъ. — *Приповѣдуетъ*—тоже что ходатайствуетъ. *О святыхъ*, т.-е. о вѣрующихъ, которые и вѣру хранятъ и живутъ по вѣрѣ, благодатію Св. Духа. Но что значитъ: *по Богу?* Сообразно съ планами и намѣреніями Божіими, какъ относительно всей Церкви, такъ и относительно всякаго вѣрующаго. Сіи планы и намѣренія Духъ Божій, яко Богъ, вѣдаетъ: ибо у Него съ Богомъ Отцемъ едино вѣдѣніе. Вѣдая сіе, Духъ Святый сообразно съ симъ и молится о насъ, или слагаетъ для насъ молитвы и влагаетъ ихъ въ сердце наше. И Богъ напередъ ихъ вѣдаетъ, по единству вѣдѣнія въ Богѣ тріѵпостасномъ.

Амвросіастъ пишетъ: „Богу извѣстна молитва всѣхъ духовъ, потому что отъ Него ничего нѣтъ сокрытаго;

тѣмъ паче вѣдома ему молитва Духа Святаго, Который одного съ Нимъ естества, и когда ходатайствуетъ о насъ, то говоритъ не чрезъ сотрясеніе воздуха, и не какъ Ангелы или другія твари, но какъ свойственно Его Божеству. Такъ молится Онъ Богу въ насъ и проситъ того одного, о чемъ знаетъ, что оно угодно Богу и намъ полезно".

Можетъ быть—*вѣсть* означаетъ здѣсь не голое вѣдѣніе, а вмѣстѣ и благоволительное вниманіе, какъ въ первомъ псалмѣ: *вѣсть Господь путь праведныхъ*. Поелику такая молитва по Богу есть, и совершенно согласна съ намѣреніями Божіими; то она благоволительно внемлется и пріемлется и привлекаетъ скорое исполненіе. Наша собственная молитва не всегда попадаетъ на слѣдъ Божій; отъ того молимся, но не якоже подобаетъ, и не видимъ исполненія молитвъ. Молится како слѣдуетъ тотъ, кто молится не о томъ только, что угодно Богу вообще, но о томъ, что угодно Богу въ сей разъ, въ сихъ обстоятельствахъ. Поелику мы не можемъ сказать, что знаемъ сіе опредѣленно, то лучшая для насъ молитва есть: *буди воля твоя, Господи, на насъ, якоже уповахомъ на Тя*!

β).

Ст. 28. *Вѣмы же, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое, сущимъ по предувѣдѣнію званнымъ.*

Любящіе Бога суть вѣрующіе, которые, бывъ облагодатствованы, неуклонно ходятъ въ заповѣдяхъ Божіихъ, Богу предавъ себя всецѣло. На такую любовь и преданность Богу Богъ отвѣтствуетъ тѣмъ, что все случающееся съ ними, даже самое прискорбное обращаетъ имъ во благо. Удостовѣряя въ семъ, Апостолъ завершаетъ утвержденіе въ сердцѣ вѣрующихъ уповательнаго расположенія, которое, какъ сказалъ онъ выше, составляетъ

отличительную черту истинныхъ христіанъ. *Терпѣніемъ*, сказалъ, *ждемъ*. Это терпѣніе уже и потому требуетъ поддержки, что не скоро получается чаемое — пресвѣтлое и преблаженное; но нужда такой поддержки премного увеличивается отъ того, что внѣшнее положеніе сихъ ждущихъ крайне прискорбно. Апостолъ и выставляетъ теперь сіи поддержки упованія. Первая, говоритъ, есть самый Духъ, задатокъ уповаемаго. Ибо Онъ, посѣщая сердце, вливаетъ въ него сладкія утѣшенія, отбивающія горечь внѣшнихъ скорбей, а научая, какъ должно молиться, располагаетъ предать себя всецѣло Богу. Богъ же, видя, какъ они всецѣло Ему себя предаютъ и тѣмъ свидѣтельствуютъ великую къ Нему любовь, устрояетъ ихъ жизнь такъ, что все встрѣчающееся съ ними обращается имъ во благо, благо духовное, т.-е. въ очищеніе сердца, въ укрѣпленіе добраго нрава, въ случаѣ самопожертвованія Господа ради, высоко цѣнимые правдою Божіею и уготовляющіе неоцѣненное воздаяніе. Какъ естественно отсюда заключеніе: итакъ не смущайтесь, встрѣчая скорби, и не ослабляйте уповательнаго настроенія вашего!

Св. Златоустъ, указавъ, что настоящее мѣсто, какъ предшествующая рѣчь, направляется Апостоломъ къ бѣдствующимъ, чтобы, одушевивъ ихъ упованіемъ, укрѣпить въ терпѣніи, присовокупляетъ: „послѣ же всего того присовокупляетъ и теперь сказанное, употребляетъ доводъ, достаточный къ тому, чтобы ободрить ихъ. *Вѣмы*, говоритъ, *яко любящимъ Бога вся спосиѣшествуютъ во благое*. Когда говоритъ: *вся*, разумѣетъ и то, что намъ кажется прискорбнымъ. Скорбь ли, нищета ли, узы ли, голодъ ли, смерть ли, другое ли что постигнетъ тебя, Богъ силенъ измѣнить все сіе въ противоположное. Его неизреченной силѣ свойственно дѣлать для насъ легкимъ и обращать намъ въ пособіе то, что кажется тягостнымъ. Посему Апостолъ не сказалъ, что любящимъ Бога не

приключается бѣдъ, но говоритъ, что имъ все содѣйствуетъ ко благу; т.-е. Богъ самыя бѣдствія употребляетъ для прославленія бѣдствующихъ. А сіе гораздо важнѣе, чѣмъ не допустить до бѣды, или отвратить бѣду, когда она случилась. Такъ сдѣлалъ Богъ и въ пещи Вавилонской; не воспрепятствовалъ ввергнуть святыхъ отроковъ въ пещь, и когда они вcovержены, не угасилъ пламени, но давъ ему горѣть, чрезъ пламень содѣлалъ сихъ отроковъ болѣе, чѣмъ достойными удивленія. И на Апостолахъ показалъ Богъ разныя подобныя чудеса. Ежели люди, навыкнувшіе любомудрію, могутъ изъ вещей дѣлать употребленіе, противное ихъ свойству, живя въ бѣдности, казаться достаточнѣе богатыхъ и самое безчестіе обращать для себя въ честь; то кольми паче Богъ на любящихъ Его покажетъ не только что-нибудь подобное, но и гораздо большее. Для насъ одно только нужно,—любить Его искренно, а все прочее послѣдуетъ само собою. Какъ для любящихъ Бога и то, что повидимому вредно, обращается въ пользу; такъ не любящимъ Его вредитъ и полезное. Іудеямъ все служило во вредъ, и явленіе чудесъ, и правота догматовъ, и высота ученія. За одно они называли Христа Господа бѣснующимся, за другое богоотступникомъ, за чудеса покушались убить Его. Напротивъ разбойникъ, распятый, пригвожденный, поносимый, претерпѣвающій безчисленныя страданія не только не понесъ вреда, но еще извлекъ изъ того величайшую пользу. Видишь ли, какъ ***любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое?***"

Сущимъ по предувѣдѣнію званнымъ. Сею второю половиною настоящаго стиха Апостолъ начинаетъ новое основаніе твердости упованія,—то, что всѣ истинно вѣрующіе и по вѣрѣ живущіе и въ благодатномъ чинѣ содержащіеся суть избранники Божіи: ибо за нихъ, яко таковыхъ, Богъ; а если Богъ за нихъ, кто на нихъ?

Въ отношеніи же къ предыдущему слова сіи могутъ быть приняты, какъ причина. Почему все споспѣшествуетъ во благое любящимъ, и почему такъ дѣйствуетъ въ нихъ Духъ, утѣшая и укрѣпляя ихъ? Потому что они не кое-какъ, не случайно какъ попали въ сей чинъ жизни. Все, въ порядкѣ благодатномъ совершающееся, совершается по предначертанному отъ вѣка, и есть потому дѣло Божіе, которое разстроить не можетъ ничто человѣческое.

Сущимъ по предъувѣдѣнію званнымъ. Наши толковники силу рѣчи здѣсь полагаютъ не въ предъувѣдѣніи, а въ званіи. За всѣхъ привожу слова Экуменія: „поелику могло показаться невѣроятнымъ, какъ такъ злое превращается въ благое, то Апостолъ, приложивъ къ сему званіе Божіе, придалъ вѣры сказанному. Это, говоритъ, бываетъ не со всякимъ, а только со званными отъ Бога.“

По предъувѣдѣнію — κατὰ πρόθεσιν, — по предложенію воли, по изволенію. По чьему изволенію, по чьей воли предложенію? Званныхъ или Звавшаго? Наши восточные толковники—всѣ разумѣютъ волю и произволеніе званныхъ. Св. Златоустъ: „говоритъ Апостолъ объ изволеніи, дабы не все приписать званію, потому что въ такомъ случаѣ стали бы спорить и язычники и Іудеи. Ибо если достаточно одного званія, то почему не всѣ спаслися? Потому, говоритъ, что спасеніе званныхъ совершено не однимъ призваніемъ, но и произволеніемъ. Призваніе не было что-либо принудительное и насильственное. Всѣ были призваны, но не всѣ повиновались.“ Бл. Θеодоритъ: „Съ великою точностію (чтобы точнѣе опредѣлить мысль свою) Апостолъ къ *званію* присоединилъ *произволеніе.* Ибо не просто всѣхъ призываетъ Богъ, но имѣющихъ твердое изволеніе. Посему въ Коринѳѣ сказалъ Апостолу: *глаголи и да не умолкнеши, зане людіе суть Ми мнози во градѣ семъ* (Дѣян. 18, 9. 10); а въ

Мисіи не далъ ему говорить слово *). Въ Асіи же, сперва не дозволилъ, а потомъ позволилъ сдѣлать сіе. Посему и въ Іерусалимѣ сказалъ ему: *потщися скоро изыти* отсюда, *зане не пріимутъ свидѣтельства твоего* (Дѣян. 22, 18).“ Экуменій: „τοῖς κατὰ πρόθεσιν,—тѣмъ, кои по своему расположенію и произволенію сподобились званія. Показываетъ Апостолъ, что хотя всѣ званы, но не всѣ послушались. Почему и помощь (благодатную) встрѣчаютъ только тѣ, которые по собственному произволенію (изъ зовомыхъ) сдѣлались званными.“ Бл. Θеофилактъ: „званнымъ (разумѣется—изъ зовомаго) становится человѣкъ κατὰ πρόθεσιν, т.-е. по собственному произволенію. Ибо одного званія недостаточно, а нужно еще произволеніе.“

По-латыни это слово переведено — secundum propositum,—и Амвросіастъ толкуетъ сіе такъ: „secundum propositum зовомы бываютъ тѣ, о которыхъ Богъ предвидѣлъ, что по увѣрованіи они будутъ благоугодны Ему, такъ что они прежде чѣмъ увѣровали, уже вѣдомы были.“ Такимъ образомъ здѣсь предложеніе воли разумѣется не однихъ званныхъ, но вмѣстѣ Звавшаго. Мысль же со единяется съ симъ такая: по преднамѣренію, по предначертанію. Изъ званныхъ, какъ говоритъ Господь и дѣло показываетъ, не всѣ оказываются избранными. Столь значительная особенность въ сихъ послѣднихъ, оказывающаяся по призваніи ихъ, вѣроятно имѣетъ мѣсто и въ самомъ призваніи, гдѣ полагается ей если не причина, то прочное основаніе и здравое сѣмя, ради того, что при семъ произволеніе зовомаго вполнѣ соотвѣтствуетъ силѣ воздѣйствія Зовущаго. Св. Златоустъ говоритъ:

---

*) Ибо позванъ въ Македонію (Дѣян. 16, 9). Въ это же время и въ Асіи возбранено было говорить (——6). Но послѣ при переходѣ изъ Ефеса вторично въ Македонію и обратно оттуда, и въ этихъ странахъ проповѣдь шла невозбранно (2 Кор. 2, 12; Дѣян. 20, 6).

„благо сіе начинается со времени призванія.“ Можно потому допустить, что въ отношеніи къ избраннымъ и самое произволеніе совершается особеннымъ нѣкіимъ образомъ. Хотя особенность сію опредѣлить никто не можетъ, кромѣ можетъ быть званныхъ и Зовущаго, или вѣрнѣе одного Зовущаго. Но все же она не исключаетъ произволенія зовомыхъ, а только предполагаетъ полнѣйшее соотвѣтствіе сего произволенія преднамѣренію и силѣ Зовущаго. Дивны пути Твои, Господи!

Чье же произволеніе здѣсь надо разумѣть—званныхъ или Звавшаго? И то и другое надо разумѣть, потому что въ призваніи они совмѣщаются. Званные зовомы бываютъ по изволенію Божію; но изъ зовомыхъ дѣлаются они званными или призванными, по своему произволенію, когда самоохотно послушаются призыванія и пойдутъ въ слѣдъ его.

Ст. 29. *Ихже бо предъувѣдѣ, тѣхъ и предъустави сообразныхъ быти образу Сына своего, яко быти Ему первородну во многихъ братіяхъ.*

Въ 29 и 30 стихахъ Апостолъ изображаетъ промыслительныя предначертанія и дѣйствія Божіи относительно спасаемыхъ. Въ 29 стихѣ предначертаніе,—предувѣдѣніе и предуставленіе; а въ 30-мъ—дѣйствія во исполненіе того предначертанія,—призваніе, оправданіе, прославленіе.

Предопредѣленіе есть непостижимое дѣйствіе предвѣчнаго Бога; но оно явно требуется гармоніею Божескихъ свойствъ и совершенствъ. *Разумна отъ вѣка суть Богови вся дѣла Его* (Дѣян. 15, 18). *Если же вся вѣсть Богъ* (1 Ін. 3, 20), то Онъ вѣдаетъ и начало и продолженіе и конецъ всего сущаго и бывающаго,—вѣдаетъ и послѣднее свое опредѣленіе участи каждаго, какъ и всего человѣческаго рода, — вѣдаетъ, кого коснется Его послѣднее: *пріидите*, и кого коснется: *отъидите*. А какъ

вѣдаетъ, такъ и опредѣляетъ тому быть. Но какъ вѣдая напередъ Онъ предвѣдаетъ, такъ и опредѣляя напередъ предопредѣляетъ. И поелику вѣдѣніе или предвѣдѣніе Божіе отнюдь истинно и вѣрно, то и опредѣленіе Его неизмѣнно. Но касаясь свободныхъ тварей, оно не стѣсняетъ ихъ свободы и не дѣлаетъ ихъ невольными исполнителями своихъ опредѣленій. Свободныя дѣйствія Богъ предвидитъ, какъ свободныя, видитъ все теченіе свободнаго лица и общій итогъ всѣхъ его дѣяній. И видя то, опредѣляетъ, какъ бы то было уже совершившимся. Ибо не просто предопредѣляетъ, но предопредѣляетъ предувѣдавъ (Θеод.). Мы опредѣляемъ человѣка, что хорошъ или худъ, видя дѣла его, предъ нами имъ надѣланныя. И Богъ предопредѣляетъ по дѣламъ же,—но дѣламъ предвидѣннымъ, такъ какъ бы они уже были сдѣланы. Не дѣйствія свободныхъ лицъ суть слѣдствіе предъопредѣленія, а само предопредѣленіе—слѣдствіе свободныхъ дѣлъ.

Такъ предувѣдалъ Богъ и всѣхъ, которые истинно увѣруютъ въ Господа, внявъ призванію чрезъ благовѣстіе Евангелія, и послѣдуютъ за Нимъ вѣрнымъ исполненіемъ заповѣдей Его, и освятившись благодатію станутъ святы. И въ силу сего предвѣдѣнія предопредѣлилъ имъ быть такими и соотвѣтственную тому воспріять часть въ вѣчности. Предопредѣленіе Божіе обнимаетъ и временное и вѣчное. Апостолъ указываетъ, къ чему предопредѣлены предувѣдѣнные, именно—къ тому, чтобъ имъ *сообразнымъ быти образу Сына Его.* Но сіе сообразіе пріемлется и усвояется здѣсь, а завершается въ вѣчности. Здѣсь вѣрующіе и рѣшающіеся послѣдовать Господу облекаются во Христа Сына Божія воплощеннаго въ св. таинствѣ крещенія, и пріявъ даръ Духа Святаго въ мѵропомазаніи, преобразуются потомъ во всемъ своемъ естествѣ, взаимодѣйствіемъ свободы и благодати, въ

образъ Христа Господа. Облаченіе во Христа въ крещеніи полагаетъ норму для будущаго преображенія, какъ бы сѣмя, изъ котораго потомъ развивается новый человѣкъ—Христоподобный. Но все сіе здѣсь сокрыто, въявь же пріидетъ въ будущемъ. Въ полной силѣ явятся подобными Христу Господу истинные христіане, когда Онъ пріидетъ, теперь же еще не у явися, что они будутъ (1 Ін. 3, 2). „Видишь ли высоту чести,—взываетъ св. Златоустъ? Чѣмъ былъ Единородный по естеству, тѣмъ они стали по благодати.“ „Ибо и сами сдѣлались сынами Божіими“ (Ѳеоф.). Такъ перстные дѣлаются такими же, *яковъ Небесный* (1 Кор. 15, 49). (Кириллъ у Экум.).

Слову—*образъ*—въ словахъ: *сообразныхъ быти образу Сына Его*, можно не доискиваться особаго значенія, видя въ немъ одно усиленіе преобразованія вѣрующихъ во Христа, или полнѣйшее ихъ съ Нимъ сообразіе; но бл. Ѳеодоритъ усматриваетъ здѣсь такой оттѣнокъ мысли: „какъ вѣрующіе сообразны образу Сына Божія, сіе Апостолъ яснѣе изложилъ въ посланіи къ Филиппійцамъ. Ибо сказавъ: *житіе наше на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа Іисуса Христа*, присовокупилъ: *иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его* (Фил. 3, 20. 21). А тѣло наше, конечно, сообразно будетъ не Божеству Его, но тѣлу славы Его.“

Яко быти Ему первородну въ многихъ братіяхъ. Указывая на родство съ Господомъ Спасителемъ, слова сіи окрыляютъ надежду, утверждая нѣкую необходимость полученія чаемаго. Гдѣ Сынъ Божій воплотившійся, Спаситель нашъ тамъ необходимо быть и тѣмъ, кои содѣлались сообразными Ему. Онъ одесную Бога: тамъ окрестъ Его, подъ Нимъ, яко главою,—или братомъ первороднымъ, соберутся и всѣ сообразные Ему, братія Его. Не

затѣмъ Онъ воплотился и возставилъ въ Себѣ естество человѣческое, чтобы оставаться единичнымъ, но чтобы собрать къ Себѣ всѣхъ, въ коихъ возстановится сіе естество, по образу Его и силою Его. Онъ—начатокъ, перворoдный; за Нимъ и всѣ вѣрующіе, перерождающіеся по образу Его. „Перворoдный Онъ между многими братіями по домостроительству; ибо по Божеству Онъ естъ Единородный. Онъ, воспріявъ плоть, соединилъ ее всю и всецѣло со всѣмъ естествомъ Своимъ; сталъ начаткомъ нашимъ, освятивъ въ Себѣ осужденное наше естество, и потому достойно есть перворoдный, а мы именуемся братіями Его“ (Ѳеоф.). „Первороденъ Онъ въ рожденіи безъ грѣха; первороденъ - изъ мертвыхъ; первороденъ, по побѣдѣ надъ смертью, возшедши на небеса. Итакъ Онъ перворoднымъ намъ братомъ именуется, яко благоволившій родитися человѣкомъ; но въ тоже время Онъ есть и Господь нашъ, яко Богъ“ (Амвр.). „Апостолу показалось недостаточнымъ сказать: *сообразныхъ*; но онъ присовокупилъ еще: *яко быти Ему первородну*. И тѣмъ не ограничиваясь, послѣ сихъ словъ прибавляетъ еще: *во многихъ братіяхъ*. Всячески хочетъ показать явное родство. Впрочемъ все сіе должно разумѣть о Сынѣ Божіемъ относительно къ Его воплощенію, потому что по Божеству Онъ есть Единородный. Видишь ли, сколько сообщено намъ благодатныхъ даровъ? Итакъ не сомнѣвайся въ будущихъ дарахъ“ (Св. Злат.).

Сими двумя дѣйствіями -- предвѣдѣніемъ и предопредѣленіемъ, сходящимися воедино, исчерпывается предвѣчное предначертаніе Божіе о спасаемыхъ. Теперь Апостолъ укажетъ, какъ приводится самимъ же Богомъ сіе предначертаніе въ исполненіе.

Ст. 30. *А ихже предустави, тѣхъ и призва: а ихже призва, сихъ и оправда: а ихже оправда, сихъ и прослави.*

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Въ комъ предузналъ твердое

расположеніе, тѣхъ изначала *предустави*, а предуставивъ *призва*; потомъ призвавъ, *оправда* крещеніемъ; оправдавъ же, *прослави*, наименовавъ сынами и даровавъ имъ благодать Всесвятаго Духа.“ Предуставленъ былъ первоначально образъ спасенія всѣхъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, Который и совершилъ его и учредилъ всю экономію спасенія. Учредивъ все сіе, Онъ послалъ св. Апостоловъ звать ко спасенію желающихъ спасенія. Сіе изображаетъ Премудрый такъ: *Премудрость созда себѣ домъ, и утверди столповъ седмь: закла своя жертвенная, и раствори въ чаши своей вино, и уготова свою трапезу. Посла своя рабы, созывающи съ высокимъ проповѣданіемъ на чашу* (Прит. 9, 1—3). Тоже живописуетъ Спаситель въ притчѣ о брачномъ обѣдѣ, устроенномъ царемъ для сына своего. Приготовивъ все, онъ послалъ рабовъ звать на бракъ: *рцыте: се обѣдъ мой уготовахъ, юнцы мои и упитанная исколена, и вся готова: пріидите на браки* (Матѳ. 22, 4). *Шедше въ міръ весь проповѣдите Евангеліе всей твари* (Мр. 16, 15). Апостолы пошли и звали,— всѣхъ звали. Но какъ же говорится: *ихже предустави, тѣхъ и призва?* Предуставленные тоже, что избранные, а изъ званныхъ не всѣ избранные, сказалъ Господь и дѣло показало. Зовутся всѣ; но изъ званныхъ не всѣ последуютъ званію,—не всѣ дѣлаются призванными. Призваннымъ слѣдуетъ назвать того, который уже принялъ Евангеліе и увѣровалъ. Но и въ этомъ числѣ не всѣ избранные, не всѣ предопредѣленные къ сообразію съ Сыномъ въ правѣ и въ славѣ. Ибо многіе не остаются вѣрными званію, и—или въ вѣрѣ погрѣшаютъ, или въ жизни храмлютъ на обѣ плеснѣ. А избранные и предуставленные пребываютъ вѣрными до конца. Какъ же Апостолъ говоритъ, что которыхъ предуставилъ Богъ, тѣхъ и призвалъ?—Мы теперь всѣ призванные; ибо находимся въ церкви Божіей, въ домѣ Бога нашего. Но

кто изъ насъ, смотря на грѣхи свои, можетъ съ увѣренностью сказать, что онъ состоитъ въ числѣ предуставленныхъ избранниковъ? Слѣдовательно надобно различать между призванными и призванными. Одни изъ нихъ суть предопредѣленные ко спасенію и славѣ, а другіе не предъопредѣленные. И если сіе необходимо различать, необходимо положить различіе между призваніемъ и призваніемъ. Избранные и предуставленные особеннымъ образомъ проходятъ актъ призванія, хотя слово призванія всѣхъ оглашаетъ одинаково. Начавшись здѣсь, сіе различіе избранниковъ продолжается потомъ и во всѣхъ послѣдующихъ актахъ на пути спасенія, или къ Богу приближенія, и доводитъ ихъ до блаженнаго конца. Въ чемъ именно сія разность, опредѣлить нельзя; но не въ одной благодати, сопровождающей слово призванія, а и въ настроеніи и удобопріемлемости призываемыхъ, кои суть дѣло ихъ произволенія. Амвросіастъ пишетъ: „Призвать значитъ задумавшему вѣровать помочь увѣровать или побудить къ вѣрѣ того, о комъ предувѣдано, что онъ послушаетъ. Эти предувѣдѣнные пребываютъ вѣрными до конца и состоятъ подъ Божіимъ благоволеніемъ. О прочихъ же, коихъ не предувѣдѣлъ Богъ, нѣтъ Ему заботы, потому что Онъ не предувѣдѣлъ ихъ, что пребудутъ угодными Ему до конца. Пусть они и вѣруютъ и пріемлются на время въ сонмъ избранныхъ, такъ какъ кажутся добрыми, а справедливость требуетъ воздавать каждому свое: но не пребываютъ до конца, и не внидутъ въ славу, какъ видимъ на Іудѣ, Саулѣ и другихъ.“ Когда призываются избранники, идутъ и сіи вмѣстѣ съ ними и все получаютъ что и тѣ; но побудутъ много или немного въ оградѣ сей, и уходятъ, какъ тѣ, которые ходили въ слѣдъ Господа, но послѣ того, какъ Онъ предложилъ ученіе о причащеніи, оставили Его и не ходили уже болѣе съ Нимъ (Ін. 6, 71).

Очень смутительно видѣть себя въ числѣ званныхъ, и думать: ну-ка я случайно попалъ въ число званныхъ и совсѣмъ не принадлежу къ званнымъ предуставленнымъ? Доходить до сего всего удобнѣе намъ, раждающимся среди званныхъ, и когда приходимъ въ самосознаніе, видящимъ себя уже призванными. Потому ли призваны мы, что предуставлены? Отвѣтъ на это такой: если ты вѣренъ званію Христову; то знай, что тебѣ нѣтъ основанія исключать себя изъ числа предуставленныхъ. Пребудь вѣренъ и благословляй Бога, призвавшаго тебя къ сообразію съ Сыномъ Его помимо тебя. Если пребудешь такъ до конца, то не сомнѣвайся, что и тамъ срѣтитъ тебя безпредѣльная милость Божія. Если и падешь, не падай въ отчаяніе, а спѣши покаяніемъ опять стать въ чинъ, изъ коего испалъ, подобно Петру. Если и многократно падешь, вставай, вѣруя, что, вставши, ты опять вступаешь въ сонмъ призванныхъ по предуставленію. Только нераскаянные грѣшники и ожесточенные невѣры могутъ быть исключены изъ сего сонма; но и то не рѣшительно. Разбойникъ уже на крестѣ, въ послѣднія минуты жизни, былъ схваченъ и взятъ Сыномъ Божіимъ въ рай. Мы не можемъ сказать, что не состоимъ въ числѣ предуставленныхъ, но не можемъ сказать и противнаго тому. Но поелику путь къ тому всѣмъ открытъ, и всѣмъ возвѣщается и мы призваны идти по нему; то и будемъ идти въ увѣренности, что если дойдемъ до конца, то вступимъ и туда, что стоитъ въ концѣ семъ. Предуставилъ Богъ, какъ предвидѣлъ. Тоже и въ отношеніи къ намъ. Богъ предвидѣлъ, чего возжелаемъ мы и къ чему будемъ стремиться, и соотвѣтственно тому положилъ опредѣленіе о насъ. Слѣдовательно все дѣло въ нашемъ настроеніи. Блюди доброе настроеніе, и попадешь въ избранники предуставленные. О царствѣ Божіемъ Господь сказалъ, что неустанные ревнители, себя не жалѣющіе и на вся-

кое добро нудящіеся, восхищаютъ его,—ἁρπάζουσι,—будто насильно изъ рукъ Божіихъ вырываютъ. Напряги усиліе и ревнованіе, и завоюешь себѣ избраніе. Впрочемъ сіе-то и означаетъ, что ты изъ предуставленныхъ избранниковъ: ибо неизбранникъ не станетъ ревновать.

А ихже призва, сихъ и оправда. Призваніе завершается отъ лица Божія возвѣщеніемъ Евангелія съ великою благодатною силою, сопровождающею сіе слово, а со стороны человѣка принятіемъ благовѣстія, увѣрованіемъ въ него искреннимъ и полною готовностію жить по указаніямъ его. Когда совершится сіе въ духѣ человѣка, тогда облекается онъ отъ лица Божія въ оправданіе. Оправданіе сіе состоитъ въ прощеніи всѣхъ прежнихъ неправдъ и въ уготовленіи или снаряженіи человѣка на всякую правду послѣ сего, чрезъ сообщеніе ему благодати Всесвятаго Духа, возраждающей, просвѣщающей и укрѣпляющей. Совершается сіе въ св. крещеніи. Св. Златоустъ говоритъ: „оправдалъ банею возрожденія." Ѳеофилактъ: „*оправда,* освободивъ отъ грѣховъ и содѣлавъ праведными чрезъ баню возрожденія." Апостолъ пишетъ призваннымъ уже и оправданнымъ, носившимъ въ себѣ оправдательную силу о Христѣ Іисусѣ и чувствовавшимъ ее. Носится она и чувствуется и нынѣ всѣми, право шествующими въ слѣдъ Господа.

А ихже оправда, сихъ и прослави. Какъ *прослави,* когда христіанъ всюду презирали и гнали? Настоящее было не славно, а будущее, хотя и чрезъ мѣру славное, еще не пришло. Какъ же *прослави?* Внутреннимъ прославленіемъ, въ коемъ основа и для будущаго. Внутреннее прославленіе не то значитъ, чтобы внутри все изрекало славу оправданнымъ, а то, что чрезъ оправданіе внутри созидается преславное состояніе, дивное для Ангеловъ, благоволимое Богомъ. Благодать Духа ради всецѣлой покорности ихъ ея водительству проникаетъ

ихъ во всѣхъ частяхъ и силахъ и дѣлаетъ ихъ такими, какими быть они предопредѣлены, т.-е. сообразными образу Сына Божія воплотившагося, сынами Богу по благодати. Не славно ли сіе? И что другое можетъ сравниться съ сею славою? Св. Златоустъ говоритъ: „*прослави* благодатію, усыновленіемъ.“ Тоже и Ѳеофилактъ: „удостоивъ ихъ усыновленія и давъ имъ прочіе дары.“

Апостолъ пишетъ, что Богъ предувѣдѣлъ и предопредѣлилъ, затѣмъ—призвалъ, оправдалъ, прославилъ. Все—Богъ; а мы-то что-жь? Если все Богъ, то намъ не сложить ли уже рукъ? На кого захочетъ Онъ такъ дѣйствовать, того ужь непремѣнно доведетъ до блаженнаго конца. А когда не захочетъ, сколько хочешь бейся, ничего не выйдетъ. Но кто начинаетъ биться и бьется, тотъ-то и есть желаемый Богомъ. Когда говорится, что Богъ и призываетъ и оправдываетъ, это не значитъ, чтобъ призываемымъ и оправдываемымъ это ничего не стоило. Богъ влечетъ, они изъявляютъ желаніе послѣдовать и рѣшаются на то,—и текутъ, борясь съ предлежащими противностями и при помощи Божіей преодолѣвая ихъ. Теченіе сіе напряженно и путь сей есть кровный путь. Онъ совершается при взаимодѣйствіи благодатной силы Божіей и произволенія человѣческаго. Апостолъ изображаетъ въ семъ дѣлѣ только одну сторону—Божеское вседѣйствіе для того, чтобы потомъ вывесть: если такъ, чего намъ бояться? Ибо и рѣчь о семъ началъ съ цѣлію выставить твердыя основанія упованія. А это требовало останавливаться вниманіемъ преимущественно на томъ, что идетъ отъ Бога въ устроеніе нашего спасенія. Что отъ насъ, это всякій самъ уже дополнитъ при семъ. Но какъ иной можетъ мысль о нашемъ участіи обратить въ недоумѣніе и застрять на немъ; то нѣкоторые изъ нашихъ толковниковъ приходятъ таковымъ на помощь.

Какъ начало всего воедѣйствія Божія, здѣсь изображаемаго, есть предвѣдѣніе, ибо предувѣдѣвъ предустави, и потомъ сихъ предувѣдѣнныхъ и предуставленныхъ— *призва, оправда и прослави;* то бл. Ѳеодоритъ на немъ останавливается, чтобы сказать, что оно, — а слѣдовательно и всѣ послѣдующія дѣйствія Божіи,—не отнимаетъ свободы у предувѣдѣнныхъ. Онъ пишетъ: „Никто да не утверждаетъ, что причина сего (призванія, оправданія, прославленія)—предвѣдѣніе; потому что не предвѣдѣніе сдѣлало ихъ такими, но Богъ издалече предусмотрѣлъ будущее, какъ Богъ. Ибо если я, смотря на рьянаго коня, который закусилъ удила и сбросилъ съ себя сѣдока, скажу, что онъ, приближась къ стремнинѣ, бросится въ нее, и потомъ по слову моему исполнится это; то не я ввергнулъ коня въ пропасть; предсказалъ же, что это будетъ, воспользовавшись, какъ признакомъ, отчаяннымъ бѣшенствомъ коня. Богъ же всяческихъ издалека все предвидитъ, какъ Богъ; а не доводитъ до необходимости, одного преуспѣвать въ добродѣтели, другаго же дѣлать зло. Ибо еслибы самъ принуждалъ къ тому и другому; то несправедливо было бы одного провозглашать побѣдителемъ, а другому опредѣлять наказаніе. А если Богъ справедливъ, какъ и дѣйствительно справедливъ, то побуждаетъ къ доброму и запрещаетъ противное тому, хвалитъ дѣлателей добра и наказываетъ по волѣ своей возлюбившихъ порокъ."

Экуменій приводитъ слова св. Кирилла (не видно, какого), въ которыхъ онъ утверждаетъ, что во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ Божіихъ надо доразумѣвать сказанное предъ симъ: *сущимъ*—κατὰ πρόθεσιν,—по произволенію ихъ,—*званнымъ*. Именно *ихже предувѣдѣ, тѣхъ и предустави,*— τοὺς κατὰ πρόθεσιν — соотвѣтственно произволенію ихъ. *Ихже предустави, тѣхъ и призва,*—τοὺς κατὰ πρόθεσιν,— не связывая ихъ произволенія. *Ихже призва, сихъ и*

оправда, τοὺς κατὰ πρόθεσιν,—не безъ участія ихъ произволенія. *Ихже оправда, сихъ и прослави,*—опять *сущимъ* κατὰ πρόθεσιν *званнымъ,*—сообразно съ направленіемъ ихъ произволенія. Доразумѣвать сіе надобно, чтобы не пришелъ кто къ неумѣстному заключенію, будто Богъ однихъ создалъ для добра, а другихъ для зла. А если доразумѣвать это—κατὰ πρόθεσιν,—по произволенію; то во всѣхъ сихъ дѣйствіяхъ будетъ очевидно участіе и собственнаго произволенія вѣрующихъ, и Богъ будетъ созерцаемъ чуждымъ всякаго лицепріятія.“

γ).

Ст. 31. *Что убо речемъ къ симъ? Аще Богъ по насъ, кто на ны?*

Указавъ Божіи о спасаемыхъ предначертанія и дѣйствія, дѣлаетъ изъ того выводъ, направляя его къ утвержденію упованія, о чемъ и ведетъ теперь рѣчь. Онъ какъбы такъ говоритъ: изъ всего сказаннаго видно, что Богъ съ нами и за насъ стоитъ. А если *Богъ по насъ, кто на ны?* Если относить сіе къ будущимъ уповаемымъ благамъ, то будетъ: кто силенъ вырвать у насъ изъ рукъ сіе уповаемое, когда Богъ по насъ? А если относить къ настоящему положенію скорбному при богатствѣ внутреннемъ; то будетъ: кто силенъ этими внѣшними прискорбностями причинить намъ зло, умалить или разстроить дарованное намъ внутри, и чрезъ то лишить насъ уповаемаго? Фотій у Экуменія пишетъ: „*Что убо речемъ къ симъ?* Къ чему это? Къ тому, что предопредѣлилъ, призвалъ, оправдалъ и прославилъ,—смотря на это обиліе благодѣяній, что речемъ? Даже словъ благодарственныхъ не имѣемъ достаточно къ возблагодаренію, а не только дѣлъ къ воздаянію. Столь неизреченна благодать Его къ намъ! Затѣмъ, какъбы насытившись сихъ благъ, говоритъ: *Аще Богъ по насъ, кто на ны?* давая разумѣть, что—

никто. Но откуда видно, что Богъ по насъ? Изъ того всякій умъ изумленіемъ поражающаго блага, что Онъ и Сына Своего не пощадилъ за насъ. Итакъ, если Богъ по насъ, то явно, что Онъ все обратитъ въ полезное для насъ, и кажущееся прискорбнымъ сдѣлаетъ причиною радости, какъ для Апостоловъ и мучениковъ скорби, гоненія и смерти обратилъ въ предметъ, заслуживающій вѣнцы и награды и отверзающій дверь въ царство небесное. Такимъ образомъ, если только мы сами въ чемъ не преткнемся, никто не силенъ противъ насъ."

Св. Златоустъ пространнѣе изображаетъ, сколько основъ для упованія подаетъ Апостолъ въ семъ краткомъ изреченіи. „Апостолъ какъбы такъ говоритъ: не упоминай мнѣ о напастяхъ и козняхъ, встрѣчающихъ тебя всюду. Пусть нѣкоторые не вѣрятъ будущему, но они ничего не могутъ сказать противъ благъ уже дарованныхъ, какъ-то давней къ тебѣ Божіей любви, оправданія, славы. Но кто же не противъ насъ, спросишь ты? Противъ насъ цѣлая вселенная, и мучители, и народы, и сродники, и сограждане. Впрочемъ всѣ тѣ, которые противъ насъ, такъ далеки отъ возможности вредить намъ, что невольно дѣлаются для насъ причиною вѣнцевъ, ходатаями безчисленныхъ благъ. Такъ Божія премудрость обращаетъ всѣ козни въ наше спасеніе и славу. Видишь, какимъ образомъ противъ насъ никто? И Іова сдѣлало знаменитымъ то, что противъ него вооружался діаволъ. Діаволъ воздвигъ противъ него друзей, жену, раны, домашнихъ, безчисленныя другія ухищренія; однакоже ничто не было противъ него. Поелику за него былъ Богъ, то все, повидимому, возставшее противъ него за него было. Тоже случилось и съ Апостолами. — Іудеи, язычники, лжебратія, правители, народы, голодъ, нищета — безчисленныя бѣдствія возстали противъ нихъ; но ничто не было противъ нихъ. Ибо все сіе содѣлало ихъ осо-

бенно знаменитыми, славными и достойными похвалы предъ Богомъ и предъ людьми. Такъ и вѣрующему, строго исполняющему законъ Божій, не можетъ никакого зла сдѣлать ни человѣкъ, ни демонъ, ни другой кто. Лишишь ли его имущества, тѣмъ сплетешь ему награду. Отзовешься ли о немъ худо, своимъ злорѣчіемъ содѣлаешь его блистательнѣе предъ Богомъ. Доведешь ли его до голода, тѣмъ большая для него слава и большее воздаяніе. Предашь ли даже смерти, что всего ужаснѣе, тѣмъ сплетешь ему вѣнецъ мученическій. — Что можетъ сравниться съ жизнію человѣка, противъ котораго ничто не можетъ стоять, которому повидимому самые злоумышленники не менѣе приносятъ пользы, какъ и самые благодѣтели? Посему Апостолъ и говоритъ: *аще Богъ по насъ, кто на ны?* Потомъ, не довольствуясь этими словами, выставляетъ и здѣсь тотъ величайшій признакъ Божіей къ намъ любви, къ которому всегда Онъ обращается, — я говорю о смерти Сына. Богъ не только оправдалъ, говоритъ Павелъ, прославилъ, содѣлалъ насъ подобными образу Его, но не пощадилъ для тебя и Сына. Посему и продолжаетъ:"

Ст. 32. *Иже убо Сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его: како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?*

Въ отношеніи къ предыдущему слова сіи можно поставить такъ: Богъ далъ уже намъ такіе дары великіе — оправданіе, прославленіе въ духѣ, — и обѣщалъ еще больше. Если Богъ такъ благодѣйствуетъ для насъ, то не колеблись упованіемъ, что не только полученнаго никто не отъиметъ у насъ, но и обѣтованнаго не лишитъ. Такимъ образомъ, исходя изъ мысли о такой благопопечительности о тебѣ Божіей, ты не долженъ сомнѣваться ни въ чемъ этомъ. Но если тебѣ это основаніе кажется отвлеченнымъ, то посмотри на то, какъ Онъ даровалъ намъ

полученные нами дары. Чтобъ даровать ихъ намъ, Онъ Сына Своего не пощадилъ. Если Сына Своего не пощадилъ, выше и больше чего уже невозможно сдѣлать для насъ; то можешь ли колебаться, что Онъ дастъ и обѣтованное, когда оно не можетъ превышать сего? Большее далъ, меньшаго ли не дастъ?—Или такъ: много даровалъ, большее обѣтовалъ; но еслибы и еще и еще что оказалось потребнымъ и желательнымъ, не сомнѣвайся, что и то все даруетъ, когда Сына Своего не пощадилъ для насъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ говоритъ усиленно и съ великимъ жаромъ, дабы выразить любовь Божію. Оставитъ ли насъ Богъ, когда не пощадилъ для насъ Сына Своего, но за всѣхъ насъ предалъ Его? Вообрази же, какова благость—не пощадить Своего Сына, но предать, предать за ничтожныхъ, неблагодарныхъ, враговъ, богохульниковъ!—*Како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* Слова сіи значатъ: ежели Богъ даровалъ намъ Сына Своего, и не только даровалъ, но предалъ на убіеніе; то пріявъ въ даръ самого Владыку, что еще сомнѣваемся во всемъ прочемъ? Имѣя Господа, можно ли питать сомнѣніе въ разсужденіи полученія прочихъ даровъ? Кто даровалъ врагамъ (когда мы были враги) важнѣйшее, тотъ ужели не даруетъ друзьямъ (когда мы стали други) менѣе важнаго?"—Фотій у Экуменія касается нѣкоторыхъ и другихъ оттѣнковъ апостольскаго убѣжденія. „Приложилъ Апостолъ: *иже убо Сына своего не пощадѣ*—и прочее для того, чтобы показать неизреченное Божіе о насъ попеченіе, и для того, чтобы примѣромъ симъ расположить къ благодушному терпѣнію, когда случится пострадать что скорбное отъ другихъ, или даже—что больше сего,—чтобы воодушевить и окрылить на страданія. Ибо если Сынъ ради тебя столько пострадалъ, то тебѣ сколько надлежитъ пострадать ради Его? И если Онъ, пострадавъ такъ, никакого не понесъ ущер-

ба въ Отчей славѣ и Божествѣ; не малодушествуй и ты, будто крайне умаленный и окраденный, когда страждешь. Всеконечно ты сподобишься получить обѣтованное, и послѣ страданій, и послѣ смерти. Почему и прибавлено: *како не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* — желая удостовѣрить, что обѣтованное дарованіе никакимъ образомъ и ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ быть отмѣнено. *Съ Нимъ вся намъ дарствуетъ*, говоритъ. Скажешь можетъ быть: какъ бы Онъ не забылъ про насъ? Но въ такомъ случаѣ Онъ забылъ бы и о Сынѣ Своемъ. Ибо Онъ съ Нимъ вся намъ даровать обѣщаетъ; такъ что всеконечно и неотложно мы получимъ обѣтованное."

Ст. 33. *Кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдаяй.*

Уже всего сказаннаго достаточно было къ утвержденію упованія до непоколебимости; но будто опасаясь, какъбы не прокрались какія-либо помышленія къ поколебанію его, Апостолъ дѣлаетъ изъ сказаннаго нѣкоторыя наведенія, направленныя къ отраженію всего, могущаго напасть и колебать упованіе. И какъ прежде онъ утверждалъ упованіе, то щедродательностію и могуществомъ Божіимъ, то величіемъ домостроительства спасенія во Христѣ Іисусѣ; то и наведенія къ отраженію нападковъ на упованіе заимствуетъ изъ сихъ же источниковъ.

Вы, говоритъ онъ, получили великіе дары и еще большіе получите. Не сомнѣвайтесь, что такъ и будетъ, потому что все сіе устрояетъ Богъ. Но иному могло придти на мысль бывающее между людьми, что когда кому сильное лице дастъ что и пообѣщаетъ большее,—подкрадываются къ нему недоброжелатели получившаго даръ и, наговаривая на него всякую всячину, дѣлаютъ то, что даровавшій не только отмѣняетъ свое обѣщаніе даровать большее, но и дарованное имъ умаляетъ, или со-

всѣмъ отнимаетъ. Предполагая, что кому-либо могла придти мысль о такой случайности и въ области вѣры, Апостолъ обличаетъ ея неумѣстность, или обличеніемъ такой неумѣстности отвращаетъ даже возможность порожденія той мысли. Не безпокойтесь, какъбы говоритъ онъ; противъ васъ никто не посмѣетъ подать голоса (поемлетъ— ἐγκαλέσει). Вы Божіи избранники. Если между людьми бываетъ такъ, что когда изберутъ или опредѣлятъ что эксперты въ томъ родѣ; то никто уже не смѣетъ говорить противъ: противъ Божія ли избранія возможно ожидать противорѣчія? Но Богъ не только васъ избралъ, но и оправдалъ,—оправдалъ, не объявивъ только васъ помилованными, но сдѣлавъ существенно праведными: такъ что хотя бы и нашлись охотники подать голосъ противъ васъ, имъ не къ чему было бы придраться: вы праведны по благодати Божіей. Почему никакого нѣтъ повода колебаться вамъ въ упованіи, что и полученное будетъ сохранено въ васъ и обѣтованное на основаніи того не будетъ отнято у васъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „И смотри, какъ Апостолъ заграждаетъ уста, указывая на достоинство избраннаго! Не сказалъ, — кто будетъ обвинять рабовъ Божіихъ, но—избранныхъ Божіихъ. Избраніе есть знаменіе добродѣтели (достоинства избираемаго). Ежели занимающійся объѣзживаніемъ молодыхъ коней признаетъ ихъ способными къ бѣгу, никто не посмѣетъ опорочить его выбора, напротивъ смѣшенъ будетъ всякій, кто станетъ пересужать его. Тѣмъ смѣшнѣе, которые обвиняютъ, когда самъ Богъ избираетъ души.—*Богъ оправдаяй*. Апостолъ не сказалъ: Богъ отпускаетъ грѣхи, но, что гораздо важнѣе, Богъ оправдываетъ. Осуждающій такого, заслуживаетъ ли какое вниманіе? Итакъ не должно бояться ни искушеній, потому что за насъ Богъ, Который и доказалъ то Своими дѣлами,—ни іудейскаго пустословія,

потому что Богъ избралъ и оправдалъ насъ, а что еще удивительнѣе, оправдалъ смертію Сына.“

Амвросіастъ пишетъ: „Что никакъ не можетъ быть взято назадъ Божіе о насъ предвѣдѣніе и опредѣленіе, это очевидно. Ибо кто же есть, кто могъ бы не одобрить то, что одобрилъ Богъ, когда никого нѣтъ равнаго Богу? Итакъ другаго никого нѣтъ, кто бы могъ не одобрить одобреннаго Богомъ: развѣ самъ Богъ не осудитъ ли можетъ быть насъ? Но и Онъ какъ станетъ осуждать то, что оправдалъ?“

Ст. 34. *Кто осуждаяй? Христосъ Іисусъ умерый, паче же и воскресый, иже и есть одесную Бога, иже и ходатайствуетъ о насъ.*

Будто отвѣтъ на такую рѣчь: пусть некому со стороны навлечь на насъ нареканіе, а грѣхи-то? Не осудятъ ли насъ грѣхи наши? Экуменій пишетъ: „*осуждаяй*—подаетъ мысль, что рѣчь относится ко грѣхамъ.“ И грѣхи можно разумѣть или прошедшіе, которые, и по разрѣшеніи отъ нихъ, приходя на мысль, могутъ смущать упованіе, или паче—имѣющіе быть по принятіи оправданія: ибо кто безъ грѣха? Апостолъ отвѣчаетъ: какіе бы на комъ ни лежали грѣхи, не смущайтесь, только дѣйствуйте по тому правилу, какое законополагаетъ для очищенія отъ нихъ домостроительство нашего спасенія. Прежніе грѣхи омыты въ крещеніи; новые грѣхи, въ какіе впадете по немощи, будутъ прощены въ покаяніи. Ибо за грѣхи принесена жертва безпредѣльная; за нихъ умеръ Христосъ и, воскресши и вознесшись на небеса, сѣдитъ одесную Отца, чтобы ходатайствовать за согрѣшающихъ, которые прибѣгаютъ къ Нему со слезами покаянія. Грѣхи почитайте какъбы не сущими, и не колеблите ими упованія: только не ожесточайте сердца и спѣшите къ Господу съ покаяніемъ. Сія рѣчь Апостола схожа съ словами Іоанна Богослова: *Аще речемъ, яко грѣха не*

имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть въ насъ. Аще исповѣдуемъ грѣхи наша, вѣренъ есть и праведенъ, да оставитъ намъ грѣхи наша, и очиститъ насъ отъ всякія неправды. И далѣе: *сія пишу вамъ, да не согрѣшаете: и аще кто согрѣшитъ, ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа праведника* (1 Ін. 1, 8—9; 2, 1).

Христосъ умерый. Экуменій понимаетъ, что Апостолъ это говоритъ вопросительно, какъбы такъ: кто осуждаетъ? Христосъ ли умершій за грѣхи наши и возставшій за оправданіе наше, сѣдящій одесную Отца и ходатайствующій о насъ? выражая тѣмъ рѣшительную невозможность осужденія отъ лица Христа Господа, такъ что и возраженіе противъ сего не допускается.

Христосъ Господь умеръ за насъ, воскресъ, вознесся на небеса и сѣдя одесную Отца ходатайствуетъ о насъ. Какъ ходатайствуетъ? Самымъ присущіемъ Своимъ одесную Отца въ естествѣ человѣческомъ, носящемъ слѣды страданій и ранъ, которыя безъ словъ ходатайствуютъ о насъ непрестанно. Но Апостолъ выражаетъ болѣе,— ибо говоритъ: ἐντυγχάνει, бесѣдуетъ къ Богу ходатайственно о насъ. Этимъ всѣмъ выражается чрезмѣрная любовь къ намъ Христа Господа, всѣмъ желаніемъ желающаго спасти всѣхъ и каждаго изъ насъ. Если такова забота о насъ Господа, какъ не воодушевиться упованіемъ, что спасени будемъ, и царства небеснаго сподобимся?

„Чего ищешь выше сего? За насъ умеръ Владыка Христосъ и, воскреснувъ, совозсѣдаетъ со Отцемъ; даже и симъ не прекратилъ промышленія о насъ, но указуя на воспринятый отъ насъ начатокъ и показывая Отцу чистоту онаго, чрезъ него проситъ спасенія намъ“ (Θеод.).

„Кто насъ осудитъ, когда самъ Богъ вѣнчаетъ, когда Христосъ за насъ закалается, а по закланіи за насъ ходатайствуетъ? Явившись въ собственномъ своемъ достоин-

ствѣ (по воскресеніи и вознесеніи), Онъ не прекратилъ Своего о насъ промышленія, но ходатайствуетъ о насъ и сохраняетъ къ намъ туже самую любовь. Для Него мало было умереть за насъ, но, что особенно доказываетъ величайшую любовь, не только совершаетъ все, что отъ Него зависѣло, но умоляетъ о томъ Другаго. Это одно Апостолъ хотѣлъ показать словомъ—*ходатайствуетъ;* Онъ бесѣдуетъ человѣколюбиво и снисходительно, дабы показать любовь. А ежели Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными, ежели Христосъ умеръ и ходатайствуетъ о насъ, ежели Отецъ не пощадилъ за тебя Сына Своего, избралъ тебя и оправдалъ; то чего ты боишься? Что трепещешь, наслаждаясь такою любовію, такимъ попеченіемъ о тебѣ?“ (Св. Злат.).

Наши толковники считали нужнымъ прилагать при семъ объясненіе, въ какомъ смыслѣ здѣсь должно разумѣть ходатайство? Ходатайствуетъ, говорятъ, яко Искупитель и Спаситель нашъ по домостроительству спасенія въ вочеловѣченіи, а не яко Богъ Сынъ. Потому ходатайство сіе не означаетъ умаленія Божества Бога—Сына. Бл. Өеодоритъ пишетъ: „Сіе сказалъ Апостолъ о Немъ по человѣчеству. Ибо яко Богъ, не проситъ, но подаетъ. Если же еретики скажутъ, что Сынъ дѣлаетъ сіе по Божеству, то и симъ не умалятъ Его славы. Представимъ двухъ равночестныхъ царей, имѣющихъ одну и туже власть и обоихъ оскорбитъ какой-нибудь правитель области, или военачальникъ, но одинъ изъ нихъ, принявъ прежде просьбу оскорбившаго, проситъ о примиреніи съ нимъ своего соучастника въ царской власти; ужели это умаляетъ достоинство просящаго? Ни мало. Но здѣсь нельзя сказать и этого; потому что угодное Сыну, угодно и Отцу; у обоихъ одно хотѣніе. Посему у Апостола, вознамѣрившагося показать преизбытокъ попечительности, слово принимаетъ украшенный образъ рѣчи.“

Св. Златоустъ говоритъ: „Сперва сказалъ Апостолъ, что Христосъ *есть одесную Бога,* а потомъ присовокупилъ, что Онъ *ходатайствуетъ о насъ;* чѣмъ и доказалъ равночестіе и равенство, такъ что ходатайство надобно уже представлять себѣ слѣдствіемъ не меньшаго достоинства, но одной любви. Ибо когда самъ Онъ есть жизнь, источникъ всѣхъ благъ, равносиленъ Отцу, воскрешаетъ мертвыхъ и животворитъ, и все прочее дѣлаетъ; нужно ли Ему ходатайствовать для оказанія намъ помощи? Кто лишенныхъ надежды и осужденныхъ освободилъ отъ осужденія собственною властію, содѣлалъ праведными и сынами, Кто возводитъ ихъ на высочайшую степень чести, приводитъ въ исполненіе то, чего и ожидать было не возможно; тому, по совершеніи всего этого, по возведеніи естества нашего на царскій престолъ, нужно ли было ходатайствовать о томъ, что легче? Примѣчаешь ли, какъ все служитъ доказательствомъ, что словомъ *ходатайствуетъ* Апостолъ старался выразить не что иное, какъ горячность и силу любви Его къ намъ. И самъ Отецъ представляется умоляющимъ людей о примиреніи съ Нимъ: *о Христѣ убо посольствуемъ, яко Богу молящу нами* (2 Кор. 5, 20). И однакоже мы, когда говорится, что Богъ умоляетъ и что люди бываютъ отъ имени Христова посланниками къ людямъ, не представляемъ подъ симъ ничего унизительнаго для ихъ достоинства, а напротивъ изъ такихъ выраженій заключаемъ только о чрезвычайности любви. Такъ поступимъ и здѣсь.“

Экуменій приводитъ изъясненія сего ходатайства св. Кирилломъ и Фотіемъ. Св. Кириллъ говоритъ: „*ходатайствуетъ*—говорится въ отношеніи къ человѣчеству Христа Господа: ибо онъ Архіерей, какъ говорится: *Ты іерей во вѣкъ* (Евр. 7, 17. 22).“ Фотій пишетъ: „Господняго онаго гласа смыслъ здѣсь показываетъ и разъясняетъ Апостолъ, того гласа, который вознесъ Господь къ Отцу въ образѣ

молитвы: *Отче! Святи ихъ во истину Твою;* и: *молю, да соблюдеши ихъ отъ непріязни* (Іоан. 17, 17. 15), и подобное. Ибо тогда изреченная молитва такую имѣетъ силу, что она всегда дѣйственна, и всегда замѣняетъ мѣсто устнаго ходатайства."

Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „нѣкоторые понимали слова: *ходатайствуетъ о насъ*—такъ: поелику Онъ носилъ тѣло, и не сложилъ его (какъ пустословятъ манихеи), то это самое и есть предстательство и заступленіе ко Отцу: ибо, взирая на это, Отецъ воспоминаетъ о любви къ людямъ, по которой Сынъ Его понесъ тѣло, и такимъ образомъ склоняется къ милосердію и милости."

д).

Ст. 35. *Кто ны разлучитъ отъ любве Божія: скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечь? якоже есть писано.*

Рѣчь получаетъ новый оборотъ. Какъ поставить ее въ отношеніи къ предыдущей? Кажется такъ: изобразилъ Апостолъ основанія упованія нашего крѣпкія, кои всѣ исходятъ отъ чрезмѣрной къ намъ любви Божіей. Но какъ при всей силѣ основанія сіи прочны въ отношеніи къ каждому не безусловно, а подъ условіемъ его вѣрности къ Богу, то на это теперь и обращаетъ вниманіе св. Павелъ. Онъ говоритъ какъбы такъ: такою любовію Богъ объемлетъ насъ; не сомнѣвайтесь же, что и полученнаго не потеряете, и обѣщаннаго не лишитесь. Могло бы быть поколеблено такое упованіе наше, еслибы мы оказались невѣрными, неблагодарными и не любящими Бога. Но этого и быть не должно. Ибо *кто ны разлучитъ отъ любве Божія!* Кто приметъ въ чувство любовь Божію къ себѣ, тотъ не можетъ не возгорѣться любовію къ Богу. И затѣмъ пусть весь міръ возстанетъ на

него за сію любовь,—ужь онъ ни за что не отстанетъ отъ любви Божіей. А не отстанетъ отъ любви,—и въ упованіи своемъ ослабѣть, или поколебаться не можетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ, показавъ, сколь много промышляетъ о насъ Богъ, со всею свободою продолжаетъ рѣчь свою и говоритъ, что и вы должны столько же любить Бога; но, какъбы приведенный въ восторгъ симъ неизреченнымъ Промысломъ, восклицаетъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія?*"

Въ отвѣтъ на это онъ говоритъ: могли бы отлучить насъ отъ любве Божіей скорби и тѣсноты. Но имъ ли отлучить? Онѣ не должны имѣть на насъ такого дѣйствія (ст. 35—37). И затѣмъ прилагаетъ: и я увѣренъ, что онѣ и не возмогутъ возъимѣть такого на насъ разрушающаго дѣйствія (38—39). Ничего не можетъ быть воодушевительнѣе къ перенесенію скорбей и тѣснотъ любве ради Божія! Какъ въ обычномъ нашемъ быту бываетъ, что когда кто скажетъ другому: я увѣренъ, что ты того и того не сдѣлаешь, то этимъ дружескимъ или начальственнымъ словомъ налагаетъ на него обязательство несокрушимое къ тому, чтобы и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлать того: такъ поступилъ здѣсь и св. Павелъ.

Итакъ вопервыхъ Апостолъ указываетъ, что могло бы разлучить отъ любве Божія, но не возможетъ. И указываетъ только скорби и тѣсноты. Но онѣ ли однѣ могутъ это дѣлать? Развѣ прелести міра не сильны къ томуже? Даже не болѣе ли онѣ отводятъ отъ Бога и вѣрности Ему? И если не болѣе, то всегда могутъ быть выставлены на ряду съ скорбями и тѣснотами, какъ отвлекатели отъ любви Божіей. Почему же Апостолъ умолчалъ объ нихъ? Потому что кто устоитъ противъ натиска скорбей и тѣснотъ, на того прелести міра никакого уже вліянія возъимѣть не могутъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Дивись мудрости блаженнаго

Павла! Не упомянулъ о томъ, что ежедневно уловляетъ насъ въ плѣнъ,—о любви къ деньгамъ, о страсти къ славѣ, о мучительствѣ гнѣва; но перечисляетъ то, что гораздо сего мучительнѣе, дѣлаетъ насиліе самой природѣ, и часто противъ воли нашей потрясаетъ твердость ума,—онъ говоритъ о скорбяхъ и тѣснотахъ." А можетъ быть и потому не помянулъ Апостолъ о прелестяхъ, что тогда если и отклоняемъ кто бывалъ отъ любве Божія, то лишь скорбями, а никакъ не прелестями. Такъ много было скорбей и онѣ такъ были повсюдны, что прелести и на умъ никому не приходили.

Скорбь ли или тѣснота. Будто оглавленіе всего непріязненнаго любителямъ Бога о Христѣ Іисусѣ: *скорбь* болѣе съ внутренней стороны, — какъ непріязнь отражается въ сердцѣ; а *тѣснота* болѣе со внѣшней, относительно тѣла и внѣшняго положенія.—*Гоненіе*,—и въ семействѣ и въ обществѣ возстаютъ и не хотятъ терпѣть, чтобы между ними жилъ такой; и или прямо выгоняютъ или притѣсненіями и непріязнями самого заставляютъ убѣжать. И убѣгаетъ,—не рѣдко ни съ чѣмъ, и въ чемъ былъ; слѣдствіемъ чего неизбѣжнымъ бываетъ *гладъ и нагота*—кормиться нечѣмъ, одѣться не во что. Но это еще не все: гонители не успокоиваются изгнаніемъ и лишеніемъ всего,—ищутъ побить и убить; отъ этого *бѣда* неотступно виситъ надъ головою,—того и гляди схватятъ, измучатъ и убьютъ. Такъ всюду почти бывало въ частной жизни. Но иногда къ гонителямъ частнымъ присоединялось и правительство,—и брало *мечъ* въ руки, будто на пораженіе враговъ, на обезглавленіе любителей Божіихъ. Св. Златоустъ говоритъ: „каждое слово заключаетъ въ себѣ безчисленныя полчища искушеній. Когда Апостолъ говоритъ (напримѣръ) о скорби, разумѣетъ и темницы, и узы, и доносы, и изгнанія, и всѣ прочія бѣдствія; однимъ словомъ обтекаетъ безбрежное море

напастей, и, короче сказать, въ одномъ реченіи открываетъ предъ нами всѣ человѣческія злоключенія. И несмотря на то, онъ отваживается на всѣ сіи бѣдствія. Апостолъ употребляетъ образъ рѣчи вопросительный, какъбы нимало не сомнѣваясь, что кто такъ любимъ и находится подъ такимъ промышленіемъ, того ничто не можетъ отлучить отъ любви (къ Благодѣтелю).“

Якоже есть писано. Мѣсто писанія изъ псалма (43, 23) приводитъ Апостолъ въ подтвержденіе будто только бѣдственности любителей Божіихъ; но если взять слова тѣ въ связи съ содержаніемъ псалма, то ими подтверждается и непоколебимость любви любящихъ Бога. Псаломъ изображаетъ крайнее бѣдствіе, постигшее народъ Божій, всего вѣроятнѣе плѣнъ и разсѣяніе, со всѣми сопровождавшими его прискорбностями. Но замѣчаетъ, что, несмотря на то, что все сіе постигло насъ, *мы не забыхомъ Тебе и не неправдовахомъ въ завѣтѣ Твоемъ, и не отступи вспять сердце наше* (—18—19). Такимъ образомъ очевидно, что если мы *умерщвляемся весь день*, то не за что другое, *а Тебе ради* (—ст. 23). Видя въ этомъ предъизображеніе положенія первыхъ христіанъ и ихъ водителей, Апостолъ привелъ сіе мѣсто, давая разумѣть: если тѣ такъ вѣрными Богу пребыли несмотря на тѣсноты, мы ли не пребудемъ? И *препобѣждаемъ* (—ст. 37). Наша вѣрность любви Божіей уже предъизображена. Мы исполняемъ лишь предначертанное. Или: какъ можно намъ отступить отъ предначертаннаго,—того, что за столько вѣковъ предъизображено относительно насъ?

Ст. 36. *Яко Тебе ради умерщвляемы есмы весь день: вмѣнихомся, яко овцы заколенія.*

Такъ написано. Слѣдовательно „намъ опредѣлено терпѣть зло отъ всякаго“ (Св. Злат.). Это, конечно, само по себѣ тяжело; но поелику такъ бываетъ съ нами *Тебе ради*, Господи, то все это переносимъ мы охотно, раду-

ясь, что за имя Твое подъемлемъ безчестіе. „При столь многочисленныхъ и великихъ бѣдствіяхъ, среди сихъ необычайно плачевныхъ событій для насъ служитъ достаточнымъ утѣшеніемъ самая причина подвиговъ, или, правильнѣе сказать, не только достаточнымъ, но даже изобильнымъ; ибо мы терпимъ сіе не для людей, не для чего-либо житейскаго, но для Царя всяческихъ“ (Св. Злат.).

Умерщвляемы есмы весь день—всякій день, или цѣлый день,—поминутно, непрестанно насъ умерщвляютъ. Умереть можно только однажды; но какъ опасность смерти висѣла надъ главою ихъ поминутно, и они радостно готовы были на смерть; то, очевидно, они поминутно въ сердцѣ приносили Богу жертву смерти, и это принимаемо было какъ дѣйствительная жертва смерти. „Поелику имъ, какъ людямъ, нельзя претерпѣть безчисленныхъ смертей, то доказываетъ, что отъ сего награды нисколько не уменьшатся. Хотя по естественному жребію человѣку можно умереть только однажды; но если захотимъ, Богъ даровалъ намъ возможность ежедневно умирать произволеніемъ. А изъ сего видно, что по преселеніи отселѣ столько будемъ имѣть вѣнцевъ, сколько проживемъ здѣсь дней, или даже число вѣнцевъ будетъ и больше: ибо въ одинъ день можно умереть и однажды, и дважды, и многократно. Кто готовъ на сіе, тотъ всегда получаетъ совершенную награду. Сіе разумѣлъ и Пророкъ, сказавъ: *весь день*. Апостолъ же привелъ его слова для большаго возбужденія слушателей. Ежели ветхозавѣтные, говоритъ онъ, которые имѣли наградою трудовъ своихъ землю и то, что преходитъ съ настоящею жизнію, столько презирали настоящую жизнь, искушенія и бѣдствія; то какое извиненіе будемъ имѣть мы, которые имѣемъ наградою небо, горнее царство, неизреченныя блага, если ослабѣемъ духомъ и не достигнемъ даже той мѣры, какой до-

стигали ветхозавѣтные? Хотя Апостолъ не сказалъ сего прямо, довольствуясь однимъ свидѣтельствомъ; но далъ ясно разумѣть совѣстямъ слушателей" (Св. Злат.).

Вмѣнихомся яко овцы заколенія. Овцы заколенія сами себя защитить не могутъ, а другимъ и на мысль не приходитъ заступиться за нихъ. Всѣ думаютъ, что такъ имъ и должно и что въ этомъ для нихъ большая честь. Примѣняя это къ себѣ, Апостолъ говоритъ какъбы: мы это видимъ и знаемъ, и величаемся тѣмъ,—не только не противимся, но и сами охотно предаемъ себя на закланіе. „Доказываетъ, что тѣла ихъ суть жертва,— но что они не страшатся и не смущаются, потому что мздовоздаятель имъ—самъ Богъ. Видишь ли мужество и кротость? Какъ овцы не противятся, когда ихъ закалаютъ; такъ и мы, говоритъ Павелъ. Но поелику человѣческій разумъ и послѣ столькихъ примѣровъ по своей немощи могъ страшиться множества искушеній; то смотри, какъ Апостолъ снова возставляетъ, возвышаетъ и восторгаетъ слушателя, говоря:" (Св. Злат.).

Ст. 37. *Но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за Возлюбившаго ны.*

Слова псалма привелъ Апостолъ вмѣсто того, чтобы своимъ словомъ изображать скорбное тогдашнее состояніе—Апостоловъ и христіанъ. Теперь прилагаетъ отъ себя: *во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ.* Ничто изъ этого не колеблетъ нашей вѣры и преданности Господу: *препобѣждаемъ за Возлюбившаго ны.* Сила побѣдительная исходитъ отъ любви къ Господу. Онъ насъ столько возлюбилъ! Его любовь къ намъ возжгла въ насъ любовь къ Нему. Горя любовію къ Нему, мы пребываемъ Ему вѣрными несмотря на столько смертей, грозящихъ намъ. Ибо *крѣпка, яко смерть, любы* (Пѣснь пѣс. 8, 6). Мы уже отдали себя на смерть за Него однажды навсегда; потому эти предсмертныя только скорби для насъ ничего

не значатъ.—ихъ мы легко препобѣждаемъ. Отдали мы себя на смерть за Него: „ибо разсуждаемъ, что всего несообразнѣе Владыкѣ Христу принять за грѣшниковъ смерть, а намъ не со всею радостію терпѣть за Него закланіе" (Θеод.). Отсюда и силу беремъ препобѣждать всякія искушенія. „То и удивительно, что мы не только побѣждаемъ, но побѣждаемъ тѣмъ самымъ, посредствомъ чего строятъ намъ козни; и не просто побѣждаемъ, но препобѣждаемъ, т.-е. со всею легкостію, безъ трудовъ и пота. Повсюду воздвигаемъ памятники побѣдъ надъ врагами, не только когда дѣйствительно терпимъ. но даже когда имѣемъ одно готовое расположеніе. И весьма справедливо, потому что Богъ намъ споборствуетъ. Итакъ, не теряй вѣры, что мы, будучи подвергаемы побоямъ, одолѣваемъ біющихъ, будучи изгоняемы, держимъ въ своей власти гонителей и, умирая, поражаемъ живыхъ. Ежели примешь во вниманіе Божію силу и любовь, то увидишь, что нѣтъ никакого препятствія совершаться симъ чудеснымъ и необыкновеннымъ дѣйствіямъ, и возсіять величайшей побѣдѣ Апостолы не только побѣждали, но и удивляли своими побѣдами; всякій могъ видѣть, что у нихъ была брань не съ (одними) коварными людьми, но (паче) съ оною неодолимою силою. Смотри, какъ Іудеи, окруживъ ихъ, недоумѣваютъ и говорятъ: *что сотворимъ человѣкома сима?* (Дѣян. 4, 16). То и удивительно, что имѣвшіе ихъ въ своей власти, требовавшіе у нихъ отчета, имѣвшіе право вязать ихъ и убивать мечемъ, находятся въ затрудненіи, и опасаются быть побѣжденными отъ тѣхъ, кого надѣялись побѣдить. Ни мучитель, ни исполнитель казни, ни полчища бѣсовъ, ни самъ діаволъ не могли побѣдить ихъ; напротивъ, всѣ сами побѣждены совершенно, и видятъ козни свои обращающимися въ ихъ пользу. Посему и сказалъ Павелъ: *препобѣждаемъ*. Это былъ новый образъ побѣды—одолѣвать тѣмъ, чѣмъ враги думали одолѣть,

и никогда не быть одолѣваемымъ,—выходить на ратоборство, какъбы имѣя уже въ своей волѣ торжество побѣды!" (Св. Злат.).

Не такъ ли лучше понять рѣчь Апостола со словъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія?* до конца, — что здѣсь онъ говоритъ собственно объ Апостолахъ? Прежде, предлагая основанія упованія, онъ имѣлъ въ мысли и Апостоловъ, и всѣхъ вѣрующихъ; а теперь, когда надлежало говорить объ условіи непреложности обѣтованій со стороны вѣрующихъ, именно о ихъ къ Богу вѣрности и любви, Онъ вмѣсто убѣжденія къ тому, предлагаетъ примѣръ Апостоловъ, живописуя ихъ твердость восторженною рѣчью: *Кто ны разлучитъ?* И свидѣтельство псалма къ нимъ же болѣе идетъ, равно какъ и это: *препобѣждаемъ.*

Стт. 38. 39. *Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ.*

Спрашивалъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Божія?* Теперь отвѣчаетъ: *извѣстихся,* что-ничто и никто не можетъ насъ разлучить отъ любви сей. *Извѣстихся,*— πέπεισμαι,—я убѣдился, убѣжденъ. Извѣщеніе бываетъ свыше, но здѣсь говорится о свойственныхъ человѣку, яко человѣку, убѣжденіяхъ. Изъ всего, что мнѣ даровано, что было со мною, какія искушенія испыталъ, и какія избавленія видѣлъ, я вынесъ убѣжденіе, что ни меня, ни подобныхъ мнѣ, ничто не можетъ отлучить отъ любве Божія, т.-е. погасить въ насъ любовь къ Богу и уклонить къ исканію чего-либо другаго, кромѣ угоднаго Богу. Выставляетъ свое убѣжденіе; но сознавая, что онъ не одинъ таковъ, общую всѣхъ, подобно ему воодушевленныхъ любовію къ Богу, изъявляетъ непоколебимую вѣрность, чтобы и всѣхъ христіанъ во всѣ времена вооду-

шевлять къ такой же любви и такой же увѣренности. Я увѣренъ, что кто вкусить однажды истинную любовь къ Богу, того ничто уже отъ нея оторвать не можетъ, тотъ не промѣняетъ ея ни на что и не позволить себѣ прильнуть сердцемъ къ чему-либо другому, кромѣ Бога. Этимъ завершаетъ Апостолъ указаніе основъ упованія со стороны человѣка—въ вѣрности Богу непоколебимой, любовной. Онъ не предписаніе даетъ, а изъявляетъ свою воодушевленную ревность; а воодушевленіе, обычно, увлекаетъ всѣхъ, видящихъ воодушевленнаго.

Что касается до перечисленія того, что могло бы отвлечь отъ любви Божіей, то имъ Апостолъ имѣлъ въ виду выразить одну только мысль, что никто и ничто не можетъ отвлечь отъ Бога возлюбившаго Его,—ничто изъ того, что есть и воображаемо быть можетъ кромѣ Бога. Почему можно и не останавливаться особымъ вниманіемъ на указываемыхъ имъ предметахъ. Наши толковники и не стараются опредѣлять ихъ съ точностью, а только общую представляютъ картину всего. Такъ бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Противъ любви Божіей положивъ на вѣсы всю тварь въ совокупности, и къ видимому присоединивъ мысленное, ко благамъ настоящимъ приложивъ ожидаемыя и даже угрожающія наказанія (ибо глубиною, какъ думаю, называетъ геенну, а высотою царство), а сверхъ сего вѣчную жизнь и вѣчную смерть, и усматривая, что все это еще недостаточно, Апостолъ ищетъ, что еще приложить бы иное; не видя же другую такую, и многократно взятую тварь представляетъ въ словѣ и видитъ, что это все не равняется любви Божіей. Не соглашусь я, говоритъ какъбы, и царство небесное, и все видимое и мыслимое, и еще тоже самое, вдвое и втрое взятое, имѣть безъ любви (или вмѣсто любви) къ Богу. Если же кто предложитъ мнѣ настоящія и будущія скорби, временную и вѣчную смерть и вѣковѣчное мученіе въ

гееннҌ; то, при любви къ Богу, охотно со всею готовностію предпочту это всему блестящему, великому и превосходящему всякое слово, если только при этомъ последнемъ лишенъ буду любви."

Такъ св. Златоустъ говоритъ: „Высоки слова сіи: но мы не постигаемъ оныхъ, потому что не имѣемъ такой любви. Смыслъ же словъ его такой. Къ чему говорить о настоящихъ бѣдствіяхъ, неразлучныхъ съ сею жизнію? Если мнѣ укажутъ на будущія состоянія и силы; и то для меня мало въ сравненіи съ Христовою любовію. Еслибы кто сталъ угрожать мнѣ будущею нескончаемою смертію, чтобы отлучить меня отъ Христа, или обѣщалъ мнѣ за сіе безконечную жизнь, я не согласился бы. Укажешь ли мнѣ на Ангеловъ, на всѣ горнія силы, на все существующее, на все будущее; въ сравненіи съ любовію Христовою все для меня мало, все, что на землѣ, что на небѣ, что подъ землею, что превыше небесъ. Но какъбы и сего недостаточно было къ изображенію сильной любви, обладающей Апостоломъ, онъ представляетъ нѣчто другое равное прежнему, и говоритъ: *ни ина кая тварь*. Сіе значитъ: еслибы другая была такая же тварь, какъ видимая, такъ и постигаемая умомъ, и тогда ничто не отвлекло бы меня отъ сей любви. Выразился же такъ Апостолъ не потому, чтобы Ангелы или другія небесныя силы дѣйствительно стали отвлекать его отъ Христа, но желая единственно представить въ высшей степени ту приверженность, какую имѣлъ онъ ко Христу. Онъ любилъ Христа не ради принадлежащаго Христу; напротивъ, все Христово любилъ ради самаго Христа, къ Нему одному устремлялъ взоръ свой, но одного страшился— отпасть отъ сей любви. Отпасть отъ любви Христовой для него было ужаснѣе самой геенны, равно какъ пребывать въ любви вожделѣннѣе царства."

КОНСПЕКТЪ КНИГИ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*стр.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
40	8 св.	мунничанія	умничанія
74	1 —	вѣрующихъ	въ вѣрующихъ
80	15 —	ни	не
123	5 —	θεοςυλεις	θεοςυγεις
138	12 —	въ оправданіи	въ оправданіе
155	2 —	творитъ	творить
157	11 сн.	свидѣтельствующей	сосвидѣтельствующей
165	6 св.	любишь говорить	любишь, говоритъ,
200	2 сн.	мрачнымъ	безславнымъ
208	13 св.	*то*	то
221	12 св.	только	только то
270	16 —	подчиняться	подчинятся
278	8 —	такъ	такъ,
280	6 —	при обѣтованіи	при обѣтованіи, и
283	10 сн.	что	что вѣра
287	6 св.	угрозившій	угрожавшій
342	14 —	не сдѣлаешь—его не, дашь	не сдѣлаешь его,—не дашь
—	13 сн.	тѣло грѣховное страсти-- испразднится	тѣло грѣховное—страсти— испразднится
352	14 св.	правды	природы
433	17 —	душевластію	душевностію
519	11 —	себѣ	себя
526	16 —	како	какъ

ТОЛКОВАНІЕ

IX—XVI ГЛАВЪ

ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ РИМЛЯНАМЪ.

Епископа Ѳеофана.

ТОМЪ II.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, домъ Смирновой.
1890.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Апрѣля 17 дня, 1890 года.

Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій*.

V.

Невѣріе Іудеевъ предъ лицемъ христіанства.

Сущность христіанства со всѣми его благотворными дѣйствіями на падшее человѣчество объяснена. Можно бы и заключить тѣмъ теоретическую часть ученія и обратиться къ правиламъ жизни. Но у Апостола Павла, бывшаго такимъ ревнителемъ вѣры праотцевъ, по убѣжденію въ ея божественномъ происхожденіи, всегда въ умѣ предъ лицемъ христіанства стояло іудейство и навязывало вопросъ: что же оно, отъ Бога получившее начало, съ такими обѣтованіями отцамъ нашимъ и намъ? Самъ для себя, въ совѣсти своей Апостолъ носилъ умиротворяющее рѣшеніе этого вопроса въ томъ убѣжденіи, что и христіанство отъ Бога и вводится вседѣйствіемъ Божіимъ именно для того, чтобы замѣнить собою іудейство, исполнившее уже свое временное назначеніе,—убѣжденіи, водворенномъ въ умѣ и сердцѣ его такимъ живымъ и дѣйственнымъ путемъ, какъ неоднократныя явленія ему самого Христа Господа и необычайные дары, полученные имъ по вѣрѣ въ Него. Итакъ, самъ въ себѣ, онъ всегда имѣлъ въ противовѣсъ прежнимъ убѣжденіямъ, когда они приходили на умъ, сіи новыя и живыя убѣжденія. Но и когда другимъ объяснялъ дѣло устроенія нашего спасенія, не скупился дѣлиться съ ними этими новыми убѣжденіями, зная навѣрно, какъ углаждало это путь къ вѣрѣ въ Господа и какими крѣпкими узами при-

вязывало къ ней и держало въ ней. Почему напоминаніе о семъ встрѣчаемъ почти въ каждомъ его посланіи, какъ только подавался къ тому поводъ теченіемъ рѣчи. Тоже дѣлаетъ онъ и здѣсь, — и тѣмъ паче здѣсь, что въ началѣ посланія уже доказывалъ, что какъ Іудею, такъ и язычнику спасеніе одно—въ вѣрѣ во Христа Господа, и что цѣль посланія есть всестороннее изображеніе силы и значенія христіанства. Это изображеніе было бы не полно, еслибы Апостолъ не коснулся и іудейства, и не указалъ такимъ образомъ вѣрующимъ Іудеямъ, что отвѣчать невѣрующимъ, когда они станутъ выставлять на видъ Божіи имъ обѣтованія. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „божественный Апостолъ ясно доказалъ, что вочеловѣченіе Бога и Спасителя нашего необходимо и доставляетъ вѣрующимъ неизреченныя блага. Поелику же Іудеи, выставляя на видъ данныя Богомъ обѣтованія, покушались доказывать съ своей стороны, что проповѣдь Апостольская противна симъ обѣтованіямъ, какъ предлагаемая, вопреки Божію обѣтованію, и язычникамъ; то по необходимости предлагаетъ на среду и ихъ возраженія и весьма премудро разрѣшаетъ ихъ, кстати пользуясь и свидѣтельствами Писанія, и древними примѣрами“.

Впрочемъ, обращаясь къ іудейству, Апостолъ беретъ здѣсь во вниманіе не столько самое существо его, сколько то особенно обстоятельство, что есть невѣрующіе іудеи. Существа іудейства онъ касался и въ прежнихъ главахъ, доказывая, что оно должно уступить христіанству; теперь же, не выпуская и сего изъ мысли, рѣшаетъ паче слѣдующіе вопросы: б) если обѣтованія объ избраніи народа іудейскаго непреложны, то какъ есть нынѣ Іудеи невѣрующіе и слѣдовательно отверженные? в) Отъ чего это случилось, кто въ этомъ виноватъ? — Давъ на это должные отвѣты, именно, что обѣтованіе и дано было не всѣмъ, а только достойнымъ, и что непричастные те-

перь обѣтованія, не причастны по своей винѣ, Апостолъ наконецъ г) предлагаетъ и нѣкоторыя въ семъ отношеніи утѣшенія Іудею. Приступая же къ рѣшенію сихъ вопросовъ, при коемъ нельзя было не упоминать объ отверженіи Іудеевъ невѣрныхъ, Апостолъ предпосылаетъ а) удостовѣреніе въ своей чрезмѣрной любви къ народу своему, чтобы видѣли, что онъ говоритъ такъ не по нерасположенію къ нимъ, а по тому единому, что такъ воистину есть и что такъ повелѣлъ Богъ. Къ удостовѣренію же сему онъ естественно пришелъ, послѣ восторженнаго созерцанія, что будутъ христіане наконецъ, и послѣ выраженія упованія, что это несомнѣнно будетъ неотъемлемымъ достояніемъ ихъ. Любовь къ роду своему сказала ему: ты сего чаешь—столь высокаго, а братія твои по плоти что суть? Онъ отвѣчаетъ: ничего такъ не желалъ бы, какъ чтобы и они всѣ сподобились тогоже, даже готовъ всѣмъ этимъ пожертвовать для нихъ.

а).

Удостовѣреніе св. Павла въ чрезмѣрной любви своей къ народу своему.

9, 1—5.

Ст. 1. *Истину глаголю о Христѣ, не лгу, послушествующей ми совѣсти моей Духомъ Святымъ.*

Такое сильное удостовѣреніе! „Трехъ свидѣтелей приводитъ—Христа, собственную совѣсть и Духа Святаго чтобы повѣрили, что имѣлъ сказать, ибо имѣлъ сказать нѣчто очень важное и великое“ (Экум., Ѳеоф.). „Намѣреваясь коснуться того, чему многіе затруднятся повѣрить, Апостолъ свидѣтельствуетъ напередъ, что то, что намѣренъ сказать, есть непреложная истина. Такъ обыкновенно поступаетъ всякій, кто намѣревается говорить о

чемъ либо для многихъ невѣроятномъ и въ чемъ однакоже самъ онъ твердо убѣжденъ“ (Св. Злат.). Но на что собственно направлено такое удостовѣреніе? Прямо за симъ слѣдуетъ выраженіе великой скорби Апостола и непрестающей болѣзни сердца его объ отверженіи іудеевъ изъ благодатнаго царства за невѣріе ихъ въ обѣтованнаго и уже явившагося Спасителя, чѣмъ выражалась великая его любовь къ братьямъ. Почему можно полагать, что прямо въ этой любви удостовѣряетъ онъ. Удостовѣреніе въ любви такой шло къ лицу Апостола Павла: ибо Іудеи думали, что онъ разлюбилъ ихъ и вѣру ихъ. Такъ еслибы даже объ обычной любви говорилъ Апостолъ; то предпослать ему такое удостовѣреніе было бы прилично. Но когда онъ выражаетъ столь необычайно сильную любовь, что готовъ бы былъ за любимыхъ и отъ Христа отлученнымъ быть; то удостовѣреніе такое было уже совершенно необходимо. Вѣрующіе изъ Іудеевъ и простому слову могли повѣрить; но Апостолъ, излагая вполнѣ ученіе христіанское, имѣлъ въ виду не однихъ вѣрующихъ, но и невѣрующихъ, для побѣжденія предубѣжденія которыхъ нужно было и показаніе любви необычайной, и свидѣтельство въ томъ великое. Итакъ, прямо въ любви своей удостовѣряетъ Апостолъ такими свидѣтелями. Но поелику самое удостовѣреніе въ любви нужно было для того, чтобы угладить путь къ вѣрѣ въ то, что онъ имѣлъ сказать о невѣровавшихъ Іудеяхъ; то нѣтъ сомнѣнія, что тѣ удостовѣрительныя свидѣтельства силу свою простираютъ и на сіе послѣднее. Наши всѣ толковники въ этомъ паче смыслѣ и смотрятъ на эти свидѣтельства. Блажен. Ѳеофилактъ пишетъ, что такъ какъ въ послѣдующей рѣчи Апостолъ намѣренъ показать, почему не всѣ увѣровали, тѣмъ, что не всѣ сущіе отъ Авраама суть сѣмя Авраамово: то „дабы кто не подумалъ, что говоритъ сіе въ сильномъ возмущеніи духа (въ

раздраженіи на Іудеевъ), устраняя такое предположеніе, высказываетъ, что весьма любитъ ихъ."

Удостовѣрительны ли приведенные свидѣтели? Удостовѣреніе именемъ Христа Спасителя и Духомъ Святымъ очевидно имѣло силу. Ибо всѣмъ извѣстно было, что для Апостола Павла было *еже жити Христосъ* (Фил. 1, 21); всѣмъ также извѣстно было исповѣданіе его, что все, что ни дѣлаетъ онъ, не онъ дѣлаетъ, а сущая въ немъ благодать Духа, Котораго потому оскорблять ложью онъ ни за что не согласился бы. Но есть ли сила въ удостовѣреніи свидѣтельствомъ совѣсти? Въ лицѣ Апостола есть. Грѣшная совѣсть можетъ хромать то по причинѣ представляющейся выгоды, то отъ напора угрожающихъ бѣдъ. Но совѣсть, Духомъ Святымъ исторгнутая изъ узъ страстей, не преклоняетъ колѣнъ предъ сими идолами. Что такъ было у Апостола, о семъ свидѣтельствуетъ вся жизнь его. Но въ немъ еще прежде обращенія совѣсть являла полную силу. Если ревновалъ онъ такъ по Іудейству, то потому, что по совѣсти вѣрилъ, что въ немъ истина. Затѣмъ, когда подобное убѣжденіе, по основаніямъ непоперечимымъ, перешло на христіанство, онъ, силою тойже совѣсти влекомъ, вседушно предался Христу Господу, принесши Ему въ жертву все, что дорого было для него, яко Іудея. Послѣ сего уже ничто не могло колебать его совѣсти: тысячи смертей грозили ему, а онъ непоколебимо вѣрнымъ пребылъ тому, въ чемъ удостовѣряла его совѣсть его Духомъ Святымъ. На лице съ такою совѣстію можно было не колеблясь положиться, что не лжетъ. Амвросіастъ такъ выражаетъ силу предложенныхъ свидѣтельствъ: „Такъ какъ выше Апостолъ говорилъ по видимому противъ Іудеевъ, чаявшихъ оправдаться закономъ; то теперь изъявляетъ сильную къ нимъ любовь и благожелательность, удостовѣряя, что говоритъ по искренней совѣсти, во Христѣ Іисусѣ и въ Духѣ Святомъ,

чтобы, переставъ видѣть въ немъ врага своего, они дали полную вѣру словамъ его. Христа Іисуса и Духа Святаго даетъ свидѣтелями, потому что отъ нихъ нѣтъ ничего сокрытаго, и что свидѣтельство ихъ не можетъ быть не принято послѣ того, какъ они столько разъ уже давали свидѣтельство о немъ, творя чрезъ него знаменія.“

Ст. 2. *Яко скорбь ми есть велія и непрестающая болѣзнь сердцу моему.*

„Составъ сей рѣчи не полонъ, надлежало бы дополнить: непрестающая у меня печаль по причинѣ или отверженія, или невѣрія Іудеевъ; но наблюдая осторожность, Апостолъ не употребилъ сихъ реченій, смыслъ же сказаннаго даетъ уразумѣть изъ послѣдующихъ словъ“ (Ѳеод.). „Болитъ такъ душею Апостолъ о родѣ своемъ по плоти, того ради, что они невѣріемъ своимъ лишили себя сами вѣчнаго спасенія во Христѣ Іисусѣ“ (Амвр.). *Скорбь велія* уже много выражаетъ; но когда прибавилъ: *болѣзнь*, ὀδύνη, слово, которое употребляется наиболѣе для означенія боли раждающей, насколько усилилъ сіе выраженіе? Назвавъ же эту боль непрестающею, и притомъ сердце его мучащею, указалъ въ себѣ то, что рѣдкая душа можетъ носить и выносить. Св. Павелъ и о спасеніи всѣхъ людей болѣлъ. *Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю; кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. 11, 29), говорилъ онъ,—и это среди безчисленныхъ нуждъ, лишеній, бѣдъ и напастей. Но конечно о родѣ своемъ не могъ онъ не болѣть сильнѣе, потому что тутъ къ благодати прилагалось и естество. Св. Златоустъ, изобразивъ въ предъидущей бесѣдѣ въ концѣ толкованія осьмой главы любовь св. Павла вообще, настоящую бесѣду въ началѣ толкованія девятой главы начинаетъ такъ: „Не великимъ ли, не сверхъестественнымъ ли казалось вамъ то, что говорилъ я въ предъидущей бесѣдѣ о Павловой любви? Подлинно все это и само въ себѣ велико и пре-

выше всякаго слова! Но сказанное теперь (въ началѣ девятой главы) столько превосходитъ прежнее, сколько прежнее превосходитъ все, что можемъ сказать о себѣ. Я и самъ не представлялъ, чтобы могло быть что нибудь выше сказаннаго въ прошлой бесѣдѣ; но оказывается, что читанное намъ сего дня гораздо блистательнѣе всего прежняго. Самъ Павелъ чувствовалъ, и объявилъ въ самомъ началѣ, что онъ намѣренъ коснуться еще важнѣйшаго, чему многіе не повѣрятъ.“

Ст. 3. ***Молилбыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти.***

„Что ты говоришь, Павелъ? Отъ возлюбленнаго тобою Христа, отъ Котораго не могли отлучить тебя ни царство, ни геенна, ни видимое, ни представляемое умомъ, ни все тому подобное, отъ сего Христа желаешь теперь отлученъ быти? Что съ тобою сдѣлалось? Не перемѣнился ли ты, не отступился ли ты отъ любви? Ни мало; не опасайся сего; я только усилилъ въ себѣ любовь сію, отвѣтствуетъ Павелъ. Почему же желаешь быть отлученнымъ, домогаешься отчужденія и такого разрыва, послѣ котораго другой уже и невозможенъ? Потому что сильно люблю Его, отвѣтствуетъ Павелъ. Какъ же это, какимъ образомъ, объясни намъ, ибо слова твои походятъ на загадку“ (Св. Злат.).

Отлученъ быти,—*ἀνάθεμα εἶναι*, быть анаѳемою. „Слово—анаѳема имѣетъ двоякій смыслъ. Ибо и посвященное Богу именуется анаѳема, и чуждое сего имѣетъ тоже наименованіе. И первому значенію научаетъ насъ общій обычай, потому что приносимое Богу мы называемъ *ἀναθήματα*. А второму научилъ божественный Апостолъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: ***аще кто не любитъ Господа нашего Іисуса Христа, да будетъ проклятъ*** (*ἀνάθεμα* 1 Кор. 16, 22)“ (Ѳеод.). „То-есть, да будутъ прерваны съ нимъ связи и сдѣлается онъ для всѣхъ чуждъ. Какъ

никто не смѣетъ касаться безъ нужды руками или приближаться къ дару, который посвященъ Богу; такъ отлученнаго отъ церкви, отсѣкая отъ всѣхъ и какъбы сколько можно болѣе отдаляя, Апостолъ въ противоположномъ смыслѣ называетъ именемъ отложеннаго дара (ἀνάθημα), и тѣмъ предувѣдомляетъ всякаго, чтобы онъ со страхомъ удалялся и убѣжалъ прочь отъ такого человѣка. Къ дару никто не осмѣливался приближаться изъ уваженія; съ отлученнымъ же прерывали связи по другому, противоположному чувству. Въ обоихъ случаяхъ одинаково прерываются связи, и предметъ дѣлается для людей чуждымъ. Но способъ прерванія связей не одинаковъ; напротивъ, одинъ другому противоположенъ. Отъ одного оберегаются потому, что оно посвящено Богу, а отъ другаго потому, что отчуждено отъ Бога, отлучено отъ Церкви. Въ послѣднемъ смыслѣ сказалъ Павелъ: *молилбыхся отлученъ быти отъ Христа*" (Св. Злат.).

Отлученный отъ Христа не имѣетъ уже части со Христомъ, лишается наслѣдія Его—царства небеснаго, и часть его съ осужденными. Слѣдовательно Апостолъ готовъ принесть за братій своихъ такую жертву, выше которой уже нѣтъ: по великости желанія велика и жертва. Тутъ совмѣщено все, что только могъ принесть съ своей стороны св. Павелъ. Какая любовь! Подобную сей изъявлялъ пророкъ Моисей, когда умолялъ Бога простить Іудеямъ грѣхъ сліянія тельца, говоря: *молютися Господи: согрѣшиша людіе сіи грѣхъ великъ. И нынѣ аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изглади мя изъ книги твоея, въ нюже вписалъ еси мя* (Исх. 32, 31—32). Отлучену быть отъ Христа равносильно изглажену быть изъ книги живота. Св. Златоустъ говоритъ: „Иные думаютъ, будтобы Павелъ говоритъ здѣсь въ словахъ: *молилбыхся отлученъ быти отъ Христа*—о временной смерти. О такихъ скажу, что имъ столько же, или еще

гораздо болѣе неизвѣстенъ Павелъ, какъ слѣпымъ лучъ солнечный. Кто каждый день умиралъ, подвергся тучамъ бѣдъ и говорилъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Христовы, скорбь ли, или тѣснота, или гладъ, или гоненіе?* кто, не удовольствовавшись исчисленнымъ, превзошелъ небо и небо небеси, опередилъ ангеловъ, архангеловъ и все горнее; кто, совокупивъ все,—настоящее, будущее, видимое, постигаемое умомъ, горестное, благое, причастное тому и другому,—ничего не оставилъ безъ вниманія и тѣмъ не удовольствовался, но предполагаетъ другое подобное и еще не существующее твореніе: ужели бы такой человѣкъ при всемъ этомъ сталъ упоминать о временной смерти, какъ о чемъ нибудь важномъ? Нѣтъ, нѣтъ! Такъ думать о Павлѣ неприлично. Еслибы о семъ говорилъ онъ, на что бы ему желать быть отлучену отъ Христа? Временная смерть тѣснѣе соединяетъ съ ликомъ Христовымъ, и даетъ вкушать будущую славу. Итакъ, оставивъ сказки и пустословіе, которыя, подобно дѣтскому лепету, не стоятъ опроверженія, и возвратясь къ собственнымъ словамъ Апостола, насладимся моремъ любви его; будемъ представлять въ мысляхъ сей неизреченный пламень, о которомъ что ни говори, ничего не скажешь достойнаго. Ибо любовь Павла была шире моря, сильнѣе всякаго огня. И никакое слово не можетъ изобразить ее по достоинству. Одинъ Павелъ постигалъ ее, какъ вполнѣ ею обладавшій" (у св. Златоуста стоитъ сіе подъ 6 ст.).

Но возможна ли предлагаемая жертва и возможно ли желаемое въ силу сей жертвы? Того, кто пламенѣлъ такою любовію къ братьямъ по любви ко Господу, возможно ли отлучить? Внѣшно отдалить можно бы. Но какъ порвать живой союзъ любви, составляющей жизнь души Апостоловой? И какъ отдалить отъ Вездѣсущаго, не могущаго не благоволить къ любящимъ? Благоволеніе любви любимаго Господа и любовь дышащая люби-

мымъ Господомъ—это и есть рай. Любящій Господа и любимый Имъ вездѣ будетъ въ раю, хоть помѣсти его въ адъ; какъ наоборотъ нелюбимый Господомъ и не любящій Его вездѣ будетъ въ аду, хоть помѣсти его въ рай. Почему бл. Ѳеофилактъ толкуетъ: что Апостолъ желаетъ отлученъ быть не отъ любви, а отъ славы Христовой. „Видишь ли, что онъ по пламенной любви къ Богу желаетъ, если можно, быть отлученнымъ отъ сонма вѣчноживущихъ со Христомъ, не отъ любви Его, но отъ славы Его и наслажденія ею. Я, разсуждаетъ Апостолъ, совершившій неисчетное множество подвиговъ, любящій Бога безмѣрно, желаю, для славы Божіей, лишиться славы Христовой. А это не значитъ лишиться, но скорѣе пріобрѣсти.“ Съ другой стороны, чего желаетъ Апостолъ для братій? Чтобы и они стали участниками въ царствѣ Христовомъ—благодатномъ и славномъ. А это условливается вѣрою и приверженностію ко Господу, которыя безъ произволенія какъ вселить въ душу? Внѣшній даръ можно дать помимо произволенія; а внутреннее измѣненіе какъ произвесть безъ участія его? Насиловать же произволеніе Господь не хочетъ. Онъ все дѣлаетъ, чтобы вызвать его, но никогда не насилуетъ. Все это уже сдѣлано Имъ и для Іудеевъ; но они все упорничаютъ и о Христѣ Спасителѣ слышать не хотятъ. Такъ Апостолъ желалъ невыполнимаго.

Апостолъ самъ зналъ, что то и другое несбыточно; но сказалъ такъ, выражая свою крайне сильную любовь къ роду іудейскому. Еслибы можно было такою жертвою устроить спасеніе братій моихъ, то я готовъ на нее. „Говоритъ: желалъ бы optabam, а не: желаю—opto. Ибо знаетъ, что невозможно, чтобы такой славный членъ, безъ всякаго порока, былъ отсѣченъ отъ тѣла Христова. Онъ показываетъ этимъ только великую любовь и приверженность къ роду своему“ (Амвр.). И однакоже это

были не слова только, но искреннее, изъ глубины души исходящее желаніе,—желаніе безвозвратное. Будь возможно желаемое имъ, онъ готовъ былъ въ самомъ дѣлѣ на предлагаемую жертву. „Не говоритъ просто: желалъ бы, но выражаетъ усиленное желаніе, молилбыхся— ηὐχόμην, молитвою изъ сердца исторгающеюся и все существо его объемлющею“ (Св. Злат.).

Къ показанію сильной любви надлежитъ относить и слова: *самъ азъ*, т.-е. тотъ самый я, который предъ симъ свидѣтельствовалъ, что ничто не можетъ отлучить меня отъ Христа, теперь самъ желаю отлученія отъ Него, лишь бы спаслись братія мои. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „весьма кстати Апостолъ внесъ и сіе: *самъ азъ*, напоминая сказанное уже о любви ко Христу и какъбы такъ говоря: я, котораго ни жизнь, ни смерть, ни настоящая, ни грядущая, ни ина кая тварь не возмогутъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ, весьма охотно разлучился бы со Христомъ ради спасенія Іудеевъ.“

Но говоря, что онъ готовъ отлученъ быть отъ Христа *по братіи* своей *и сродницѣхъ* своихъ *по плоти*, не подаетъ ли Апостолъ мысли, что онъ любитъ родъ свой больше Христа и его предпочитаетъ Господу? То правда, что „словами: *по братіи моей и сродницѣхъ моихъ по плоти* Апостолъ указываетъ на самую нѣжную и пламенную любовь свою къ Іудеямъ“ (Ѳеоф.). Но самая любовь-то сія въ какомъ духѣ и въ силу чего имѣется? Въ духѣ Христовомъ, въ силу любви ко Христу, въ желаніи все принести въ жертву для славы имени Его. „Итакъ, причиною сего опять тотъже возлюбленный Іисусъ“ (Св. Злат.). „Явно потому, что Апостолъ не предпочиталъ Іудеевъ Спасителю, а изъявляя только любовь и приверженность свою къ нимъ, сказалъ это, желая увидѣть, чтобы всѣ покорились и охотно приняли спасительную проповѣдь“ (Ѳеод.). „Какъ Моисей, пови-

димому, ходатайствовалъ за Іудеевъ, но все дѣлалъ для славы Божіей и говорилъ: прекрати гнѣвъ, дабы не сказали, что Ты не могъ спасти и *извелъ погубити ихъ въ пустыни* (Второз. 9, 28); такъ и Павелъ говоритъ: я желалъ бы отлученъ быть, только бы не сказали, что обѣтованіе Божіе осталось безъ исполненія, что Богъ не устоялъ въ обѣщаніи и слова своего не привелъ въ дѣйствіе“ (Св. Злат.).

Мѣсто это подробнѣе излагаетъ Фотій у Экуменія. Приводимъ его слова, не желая лишить читателей удовольствія слышать сего премудраго учителя: „Тотъ, кого ничто не можетъ *разлучить отъ любве Божія*, ни смертъ, ни животъ, ни тамошнее, ни здѣшнее, ничто, что бы кто ни придумалъ,—ибо для этого помянулъ онъ и объ Ангелахъ и Силахъ, о глубинѣ и высотѣ,—кого ничто не можетъ разлучить, тотъ какъ самъ произвольно отступаетъ? И это за сродниковъ по плоти? И не просто отступаетъ своею волею, но сильно желаетъ, ищетъ и молится отлученъ быть отъ любве Христовой? Что же это такое? Какъ согласить несогласующееся? Вопервыхъ скажемъ, что сказанное не противно одно другому. Ибо не противно любить Христа такъ, чтобы ни по причинѣ мукъ, ни по причинѣ предлагаемыхъ благъ не отступать отъ любви къ Нему и любить ближнихъ такъ, чтобы спасеніе ихъ почитать равнымъ собственному своему спасенію и даже большимъ его. Это не противоположно, а очень согласно между собою. Ибо любящій брата своего любитъ и Господа и наоборотъ (Іоан. 4, 20. 21). *О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. 13, 35), говоритъ Господь. И самъ Павелъ пишетъ въ другомъ мѣстѣ: *исполненіе закона любы есть* (Римл. 13, 10). И опять Господь говоритъ о любви къ Богу и ближнему: *въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы висятъ* (Мѳ. 22,

40), показывая, что любовь есть глава и источникъ всѣхъ дѣлъ любительныхъ—и къ Богу и къ ближнему—совмѣстно. Это такъ, скажетъ кто; но здѣсь онъ любовь къ ближнему предпочитаетъ любви къ Богу и молится отлучену быть отъ Сего, да тѣхъ пріобрящетъ. Христосъ же говоритъ: *любяй отца или матерь паче Мене нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. 10, 37). Но то, что говоритъ Апостолъ, не означаетъ, что онъ любитъ ближнихъ паче Христа. Ибо чего хочетъ любовь его къ нимъ? Того, чтобы присвоить ихъ Христу. Гдѣ же тутъ любовь къ нимъ паче любви ко Христу, когда онъ и тѣхъ ревнуетъ привлечь въ любовь ко Христу и покорность Ему? Нѣтъ; онъ здѣсь показываетъ, что имѣлъ преимущественную любовь ко Христу, потому что и другихъ ревновалъ привлечь къ Нему. Было бы такъ, скажешь, еслибы онъ не отлучалъ себя отъ Христа. Да онъ и не отлучалъ; ибо не этого собственно желалъ, но, горя пламенною ко Христу любовію, ревновалъ привить къ Нему всѣхъ, паче же Іудеевъ. И сіе-то представить желая, говоритъ, что еслибы возможно было моею погибелію прославиться паче Христу и спастися Іудеямъ, то я не отказался бы отъ такой жертвы: *молилбыхся*,—еслибы это было умѣстно, еслибы принято было мое предложеніе, еслибы кто уступилъ моему выбору. Чего желалъ бы ты (слышитъ будто онъ): отлучену ли быть отъ Христа, чтобы весь народъ іудейскій соединился съ Нимъ, и чрезъ то паче прославился Христосъ и исполнились обѣтованія Отца,—или пребыть въ единеніи съ Нимъ, а народъ іудейскій оставался бы въ отчужденіи отъ Него и противленіи Ему,—и по причинѣ того хулимъ былъ Христосъ? Еслибы это, говоритъ, предложено было мнѣ; то я предпочелъ бы славу Христову и спасеніе многихъ собственному спасенію. Видишь ли преизбыточество любви ко Христу? Поели-

ку отъ всего сущаго показалъ уже онъ любовь свою ко Христу, то теперь представляетъ доказательство ея изъ не сущаго, изъ мысленно предполагаемаго: за славу Христову и за обращеніе Іудеевъ, я предположительно повергъ бы долу и собственное свое спасеніе. Но отлученъ бывъ отъ Христа и за славу Христову и соединеніе съ Нимъ Іудеевъ, Павелъ опять соединился бы и сочетался бы съ Нимъ, какъ младенецъ съ матерію, по отлученіи отъ чрева ея, и такимъ образомъ самъ опять бы спасся, Христосъ же наипаче прославился, народъ іудейскій спасся и обѣтованія ему и завѣты съ нимъ пришли бы къ концу. Даже что? Такъ и для сей цѣли отлучая себя, онъ не былъ бы отлученъ, но паче соединенъ."

Ст. 4. ***Иже суть Израилите, ихже всыновленіе и слава, и завѣти и законоположеніе, и служеніе, и обѣтованія.***

Не одна естественная любовь къ роду своему располагала Апостола предложить такую жертву за спасеніе его; но паче промыслительныя о немъ распоряженія, Богомъ излитыя на нихъ щедроты и благодѣянія. Жалѣлъ, что все это пропадетъ даромъ, не принесши соотвѣтственнаго плода, если Іудеи не обратятся ко Христу; потому готовъ былъ на крайнюю жертву, лишь бы отвратить эту пагубность, и не только это, но и—что имя Божіе хулимо было по причинѣ отчужденія Іудеевъ и обращенія язычниковъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Не безъ причины сказалъ Апостолъ слова сіи; но потому, что, обвиняя Бога, говорили, что изгоняются и лишаются чести тѣ, которые удостоились именоваться сынами Божіими, приняли законъ, познали Бога прежде всѣхъ другихъ народовъ, пользовались особою славою, служили Богу, когда еще никто не служилъ Ему, получили обѣтованія,—и, что всего важнѣе, стали праотцами самого Христа; ибо сіе значатъ слова: ***отъ нихже Хри-***

стосъ по плоти; и что вмѣсто ихъ вводятся люди изъ язычниковъ, никогда не знавшіе Бога. Поелику говорившіе такъ хулили Бога; то Павелъ, слыша сіе, терзался, скорбѣлъ о славѣ Божіей и желалъ быть отлученнымъ, еслибы то можно было, только бы спаслись Іудеи, богохульство прекратилось, и никто не оставался въ той мысли, что Богъ обманывалъ ихъ праотцевъ, которымъ обѣщалъ дары. Павелъ желалъ быть отлученнымъ, дабы ты зналъ, сколько его сокрушала мысль, какая могла поселиться во многихъ, будто бы осталось безъ исполненія обѣтованіе Божіе."

Очищая однакоже такимъ образомъ свою скорбь и болѣзнь сердечную отъ естественныхъ побужденій и освящая воздѣйствіемъ на рожденіе ея богопромыслительныхъ паче порядковъ, Апостолъ не меньше того имѣлъ въ виду раздражить и въ сердцахъ Іудеевъ жалѣніе о потерѣ стольких преимуществъ и привлечь къ вѣрѣ во Христа, безъ коей невозможно сохранить ихъ. Онъ какъбы не говоря говоритъ имъ: столько преимуществъ! И все это теряется по одному вашему нехотѣнію увѣровать въ Господа. Пожалѣйте же себя и приступите ко Господу Спасителю! Амвросіастъ пишетъ: „Апостолъ перечисляетъ такія высокія преимущества Іудеевъ и славныя имъ обѣтованія для того, чтобы у всѣхъ ихъ возродить болѣзненное о томъ жалѣніе. Ибо, не пріемля Христа, они теряли преимущества отцевъ и лишались обѣтованій, становясь такимъ образомъ хуже язычниковъ, которыхъ прежде презирали, какъ такихъ, кои были безъ Бога. Ибо болѣе горько потерять достоинство, нежели не имѣть его."

Иже суть Израилите. „Ибо и это имя было именито; потому что Богомъ дано праотцу и къ потомкамъ перешло какъ наслѣдство" (Θеод.). Дано было имя это Іакову послѣ того, какъ до утра пребылъ онъ въ борьбѣ съ

Явившимся, Который вслѣдствіе того и сказалъ ему: *не прозовется ктому имя твое Іаковъ, но Израиль будетъ имя тебѣ: понеже укрѣпился еси съ Богомъ и съ человѣки силенъ будеши* (Быт. 32, 28). Имя сіе означаетъ богозрителя, состоящаго подъ Божіимъ покровомъ и сильнаго Его благословеніями среди людей. Почему оно и почетно было у всѣхъ. Господь, увидѣвъ Наѳанаила, почтилъ его симъ именемъ, сказавъ: *се воистину Израильтянинъ, въ немже льсти нѣсть* (Іоан. 1, 48). Св. Павелъ, имѣя нужду показать, что и онъ не ниже другихъ, говоритъ: *Израилите ли суть? и азъ* (Филип. 3, 5). Когда потомъ іудейство разслылось, именемъ симъ хвалились христіане, называя себя новымъ Израилемъ.

Ихже всыновленіе. „Потому что они получили и это имя; сказано: *сынъ мой первенецъ Израиль* (Исх. 4, 22)“ (Ѳеод.). Такъ называлъ Господь Богъ народъ израильскій въ угрозѣ Фараону, когда за притѣсненіе сего народа, яко первенца, положилъ взять первенца и царева, и всѣхъ Египтянъ. Сынъ дорогъ, а первенецъ — тѣмъ паче. Почтены же такимъ именемъ Израильтяне по той причинѣ, что Богъ избралъ ихъ изъ всѣхъ народовъ и Себѣ присвоилъ, чтобы составляли какъбы домъ Его. Почему Моисей говоритъ во Второзаконіи: *сынове есте Господа Бога вашего. Яко людіе святи есте Господеви Богу вашему и васъ избра Господь Богъ вашъ быти вамъ людемъ избраннымъ Ему отъ всѣхъ языкъ, иже на лицѣ земли* (—14, 1—2). Избравъ ихъ Богъ и попеченіе имѣлъ объ нихъ особенное, какъ о своихъ Ему, какъ о дѣтяхъ. *И бысть часть Господня, людіе Его Іаковъ: уже наслѣдія Его Израиль. Удовли его въ пустыни, сохрани его яко зеницу ока. Яко орелъ покры гнѣздо свое, и на птенцы своя возжелѣ: простеръ крылѣ свои, и пріятъ ихъ и подъятъ ихъ на раму своею* (Втор. 32, 9—11). Почему когда Израильтяне оказывались неисправными

предъ Богомъ, Богъ укорялъ ихъ такъ: *Сыны родихъ и возвысихъ, тіи же отвергошася мене* (Ис. 1, 2). Но это всыновленіе—внѣшнее—было прообразомъ того истиннаго и существеннаго сыновства, котораго сподобляются христіане, бывая рождаемы отъ Бога Духомъ Святымъ и облекаемы во Христа—Сына Божія, благоволившаго содѣлаться братомъ намъ чрезъ воплощеніе.

И слава. „Ибо содѣлались славными по чудесамъ" (Θеод.). Какъ слава поставляется здѣсь въ ряду особенныхъ преимуществъ израильскаго народа; то она, надо полагать, означаетъ здѣсь особенное нѣчто. Это есть видимое знаменіе Божія присутствія среди сего народа. Первымъ изъ таковыхъ былъ столпъ облачный, водившій его днемъ и свѣтившій, какъ огонь, ночью (Исх. 13, 21), во все время странствованія по пустынѣ; вторымъ—слава Божія, сошедшая на гору Синайскую и покрывавшая ее (Исх. 24, 16); третьимъ—облакъ, покрывшій скинію свидѣнія въ моментъ освященія ея, когда скинія сія исполнилась славы Господней (Исх. 40, 34). Это повторилось и при освященіи созданнаго Соломономъ храма въ показаніе, что замѣна скиніи храмомъ не измѣнила Божія среди ихъ присутствія (3 Цар. 8, 11). Постояннымъ же знаменіемъ присутствія Божія среди Израильтянъ служилъ ковчегъ завѣта, осѣненный ангелами, изъ среды которыхъ Богъ давалъ отвѣты Свои (Исх. 25, 22). Почему, когда взятъ былъ ковчегъ завѣта Филистимлянами, народъ въ плачѣ воззвалъ: *преселися слава (Божія) отъ Израиля, яко взятся кивотъ Господенъ* (1 Цар. 4, 21). Ковчегъ возвратился, а съ нимъ и слава Божія, и св. пророкъ Давидъ, когда говорилъ о скиніи, именовалъ ее *мѣстомъ селенія славы Божіей* ради присущаго въ ней ковчега. *Господи, возлюбихъ благолѣпіе дому твоего, и мѣсто селенія славы твоея* (Пс. 25, 8). И когда приходилъ въ храмъ, говорилъ: *во свя-*

тьмъ явихся тебѣ видѣти силу Твою и славу Твою (Пс. 62, 3).

И завѣти. „Ибо Богъ обѣтовалъ дать имъ не только Ветхій, но и Новый Завѣтъ; сказано: *завѣщаю дому Израилеву завѣтъ новъ, не по завѣту, егоже завѣщахъ отцемъ ихъ* (Іер. 31, 31. 32); но сами они не захотѣли пріять послѣдняго завѣта“ (Θеод.). Но хотя они и не приняли его, когда пришло время вступленія его въ силу; но въ обѣтованіи приняли и чаяли прибытія его. Почему и Новый Завѣтъ есть ихъ же завѣтъ. Непринятіе его равносильно нарушеніямъ принятаго, и подобно сему дѣлаетъ ихъ виновными предъ Богомъ. Впрочемъ желающіе могутъ подъ завѣтами разумѣть одинъ Ветхій Завѣтъ, многократно возобновленный: данъ Аврааму, повторенъ Исааку и Іакову, торжественно провозглашенъ всему народу и послѣ того неоднократно возстановляемъ по причинѣ частыхъ нарушеній его со стороны народа.

И законоположеніе. „Потому что имъ данъ законъ Моисеевъ“ (Θеод.). Законъ былъ великимъ благодѣяніемъ для народа. Онъ опредѣлялъ подробно и семейную жизнь, и гражданскую, и отношенія къ другимъ народамъ и, главное, сочетавая во едино весь народъ, царемъ для него объявилъ Бога, Который, когда требовалось, открывалъ волю Свою изъ среды очистилища надъ кивотомъ и въ часъ нужды защищалъ Свой народъ рукою крѣпкою и мышцею высокою.

И служеніе. „Потому что, предпочтя ихъ другимъ народамъ, научилъ законному священнодѣйствію“ (Θеод.). Чины служенія Богу входятъ въ составъ законоположенія. Тамъ и всѣ дѣла, и законы положены и принимаемы были, какъ служеніе Богу. Апостолъ выдѣлилъ его изъ общаго законоположенія и помянулъ о немъ особо, потому что гражданство и прочіе житейскіе и правительственные порядки со времени учрежденія царей приняли

иной видъ и служенiемъ Богу осталось преимущественно богослуженiе. Особенно подъ конецъ оно одно и служило отличительною чертою народа израильскаго отъ прочихъ народовъ. Если взять во вниманiе цѣль Апостола —всячески привлекать ко Христу Господу; то можно положить, что онъ потому помянулъ особо о служенiи, что всѣ чины его были тѣнiю тѣла Христова.

И обѣтованiя. „И данныя Богомъ отцамъ, и возвѣщенныя пророками" (Θеод.). Отцамъ—Аврааму, Исааку и Iакову; пророкамъ всѣмъ, начиная отъ Моѵсея и кончая Малахiею. Предметъ обѣтованiй—Мессiя и царство Его. Въ пророческихъ вѣщанiяхъ все сюда относящееся опредѣлено подробно. И только ослѣпленiе и уклоненiе къ мiрскимъ цѣлямъ заправлявшихъ народомъ лицъ не дало въ явившемся Спасителѣ узнать обѣтованнаго.

Ст. 5. ***Ихже отцы и отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ, благословенъ во вѣки. Аминь.***

Ихже отцы. „Тѣ славные и именитые, Богомъ которыхъ наименовалъ Себя Богъ" (Θеод.). Разумѣются здѣсь Авраамъ, Исаакъ и Iаковъ. Хотя всѣ знаменитыя лица ветхозавѣтныя именуются отцами, но эти по преимуществу суть отцы, какъ родоначальники народа, и какъ такiе, съ которыми Богъ положилъ завѣтъ — начало и основанiе Ветхаго Завѣта и всѣхъ обѣтованiй. Почему какъ Богъ именовалъ себя Богомъ Авраама, Исаака и Iакова, такъ и Iудеи и Бога именовали Богомъ отцевъ своихъ и сами хвалились именами ихъ и дорожили тѣмъ преимуществомъ, что суть потомки такихъ родоначальниковъ и отцевъ.

И отъ нихже Христосъ по плоти. „Въ заключенiе Апостолъ приводитъ величайшее изъ благъ" (Θеод.). Тутъ основанiе и всѣхъ другихъ преимуществъ. Потому и всыновленiе, и слава, и завѣты, и законоположенiе, и служенiе, что имѣлъ родиться въ ихъ родѣ предопредѣ-

ленный Избавитель рода человѣческаго, къ Коему относились и всѣ обѣтованія. Все ветхозавѣтное держалось на Христѣ Господѣ. Почему отчужденіе отъ Господа Спасителя дѣлало ничтожнымъ всѣ другія преимущества.

Сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки. Сказавъ: *отъ нихже Христосъ по плоти,* Апостолъ далъ разумѣть, что Христосъ одно есть по плоти, а другое не по плоти. По плоти человѣкъ, а не по плоти что? *Сый надъ всѣми Богъ.* Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „хотя сего присовокупленія—*по плоти* достаточно было, чтобы дать видѣть божество Владыки Христа, однакоже, какъ въ самомъ началѣ, сказавъ: *бывшемъ отъ сѣмени Давидова по плоти,* Апостолъ присовокупилъ: *нареченнѣмъ Сынѣ Божіи въ силѣ* (—1, 3 - 4); такъ и здѣсь сказавъ: *отъ нихже Христосъ по плоти,* прибавилъ: *сый надъ всѣми Богъ, благословенъ во вѣки,* и различіе естествъ показуя, и научая, что Іудеи имѣютъ основательную причину плакать, потому что отъ нихъ по плоти Сый надъ всѣми Богъ, а они утратили сіе благородство и содѣлались чуждыми онаго родства.“

Сый надъ всѣми и по естеству, яко Богъ, и потому что есть Творецъ (Іоан. 1, 3), коимъ создана всяческая (Кол. 1, 16), Вседержитель, носяй *всяческая глаголомъ силы своея* (Евр. 1, 3), и Промыслитель, который, властвуя на небеси и на земли (Мѳ. 28, 18), все ведетъ къ тому послѣднему концу, *да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (1 Кор. 15, 28). Экуменій пишетъ: „здѣсь блистательнѣйше Апостолъ называетъ Христа Богомъ. Устыдись, треокаянный Арій, слыша, какъ Павелъ славословитъ Христа истиннымъ Богомъ. Пусть, говоритъ, Іудеи износятъ хулы на Него, но я, зная неизреченное въ Немъ домостроительство и вѣдая промышленіе Его, провозглашаю, что Христосъ достойно славословимъ есть, яко Богъ надъ всѣми сый и благословенный во вѣки.“

Въ заключеніе изображенія такихъ преимуществъ Іудеевъ, въ коемъ у Апостола такъ явно высказывалось сожалѣніе о потерѣ ихъ ими, бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ уподобляется плачущимъ женщинамъ, которыя въ своихъ причитаніяхъ надъ умершими и оплакиваемыми изображаютъ и красоту тѣла, и цвѣтущій возрастъ, и знаменитость предковъ, и богатство, и могущество.“

б).

Отверженіе части Іудеевъ не противорѣчитъ обѣтованіямъ Божіимъ.

Ст. 6. *Не такоже, яко отпаде слово Божіе: не вси бо сущіи отъ Израиля сіи Израиль.*

Жалѣешь, сказалъ бы иной, что столь значительная часть Іудеевъ осталась непричастною благъ обѣтованныхъ; значитъ сознаешь, что обѣтованія Божіи не исполнились: „однимъ обѣщано, а другимъ дано; Христосъ отъ однихъ родился, а другихъ спасъ; Богъ далъ обѣтованія предкамъ Іудеевъ и, оставивъ ихъ потомковъ, во владѣніе ихъ благами ввелъ тѣхъ, которые никогда не знали Его. Іудеи трудились, поучались закону, читали пророковъ, а язычники едва покинули свои олтари и идоловъ, какъ стали выше Іудеевъ. Итакъ, почему получившіе обѣтованіе лишились онаго, а никогда не слышавшіе объ обѣтованіи спаслись прежде первыхъ? На сіе отвѣтствуетъ Апостолъ: я сказалъ сіе не въ томъ смыслѣ, что слово Божіе осталось недѣйствительнымъ, но дабы доказать любовь ко Христу (и по Христѣ къ нимъ. — Экум.). Относительно же вашего вопроса, несмотря на настоящее положеніе дѣлъ, продолжаетъ Апостолъ, мы не колеблемся оправдать Бога и утверждать, что обѣтованіе непреложно“ (Св. Злат.). „Хотя и пре-

кословятъ они и не хотятъ (увѣровавъ) пожать плодовъ спасенія, обѣтованія данныя отцамъ, пребываютъ истинными“ (Θеод.). „Я, говоритъ, распаляюсь отъ того, что хулятъ Бога, будто не исполнилъ Онъ обѣтованія, и потому высказалъ желаніе, чтобы всѣ спаслись. Но если не всѣ спасутся, то отсюда не слѣдуетъ, будто Богъ солгалъ въ обѣтованіяхъ, данныхъ отцамъ, и не сбылось слово Его. Онъ исполнилъ обѣщанное, хотя хулители и говорятъ, что Онъ однимъ обѣщалъ, а другимъ далъ“ (Θеод.).

Въ доказательство того, что дѣйствительно такъ есть, Апостолъ выставляетъ: *не вси бо сущіи отъ Израиля, сіи Израиль*. Это общее положеніе, которое продолжается и въ слѣдующихъ стихахъ: *ни зане суть сѣмя Авраамле вси чада*. Вы, возражатели, говоритъ какъбы онъ, не право понимаете силу обѣтованія; по вашему родись только отъ Израиля и Авраама и ужь сталъ причастенъ обѣтованія, а на дѣлѣ не такъ: не плотское происхожденіе отъ отцевъ, пріявшихъ обѣтованіе, дѣлаетъ участникомъ въ немъ, а другое нѣчто, высшее того. Что именно есть это высшее, Апостолъ не указываетъ прямо, но ясно даетъ уразумѣть въ имени Израиля и чадъ обѣтованія (ст. 8). Израиль значитъ зритель Бога. Богозрѣніе есть высшее духовное совершенство, которое дается, приходитъ и пріемлется по омертвѣніи чреслъ, какъ у Іакова въ борьбѣ съ духовнымъ мужемъ, чѣмъ означается умертвіе страстей. Чада обѣтованія суть тѣ, которые раждаются по примѣру Исаакова рожденія; Исаакъ же образованъ и рожденъ словомъ Божіимъ: *въ сіе время пріиду и будетъ Саррѣ сынъ*. „Хотя женскія ложесна и утроба содѣйствовали къ рожденію; но не сила утробы произвела чадо“ (Св. Злат.). Къ естеству низошла сила свыше чрезъ слово, зачался плодъ и родился Исаакъ. Вотъ каковы должны быть тѣ, коимъ принадлежитъ обѣ-

тованіе: родиться силою свыше чрезъ слово, и затѣмъ востечь къ Богозрѣнію! Разсмотрите теперь, на комъ исполняется сіе? Ни на комъ кромѣ христіанъ истинныхъ, которые раждаются свыше въ купели словомъ, и затѣмъ имѣютъ животъ свой сокровенъ со Христомъ въ Богѣ. Слѣдовательно въ томъ, что вы видите теперь во очію вашею совершающимся, есть точное исполненіе силы обѣтованія и никому изъ здравомыслящихъ не должно приходить на мысль, будто *отпаде слово Божіе.*

Такую мысль проводятъ наши толковники, начиная съ настоящаго стиха и далѣе. Но она умомъ только зрится; Апостолъ же не высказалъ сего гласно. Имѣя дѣло съ умами плотски-мудрствовавшими, онъ старался навесть ихъ на такую мысль плотскими же осязательными примѣрами. Сказавъ: *не вси сущіи отъ Израиля, сіи Израиль,* и тѣмъ давъ уразумѣть имѣющимъ очищенный смыслъ, что родство съ нимъ опредѣляется не естественнымъ рожденіемъ, а добродѣтелью, возводящею къ Богозрѣнію (Θеод., Фотій у Экум.), надо бы для неимѣющихъ такого смысла показать примѣръ видимаго отдѣленія кого-либо изъ плотскихъ потомковъ Израиля изъ общей массы происшедшаго отъ него народа. Но какъ исторія не представляла тому примѣра, а всѣ сыны и дщери двѣнадцати сыновъ Израиля сплошь именовались Израилемъ, безъ видимаго выдѣленія кого-либо изъ среды ихъ и безъ гласнаго указанія на выдѣленіе по духу, хотя невидимо оно всегда совершалось, будучи вѣдомо единому Богу; то осязательный примѣръ сему выдѣленію находитъ св. Павелъ раньше, именно въ рожденныхъ отъ Авраама и Исаака. Онъ какъбы говоритъ: отъ Авраама родился не одинъ Исаакъ, а онъ одинъ есть чадо обѣтованія, прочіе же выдѣлены изъ сего ряда, равно и изъ рожденныхъ отъ Исаака Исавъ выдѣленъ и наслѣдникомъ обѣтованія признанъ одинъ

Іаковъ. Итакъ, какъ здѣсь осязательно и видимо дѣлано было выдѣленіе непризнанныхъ достойными обѣтованія; такъ и послѣ того изъ среды потомства Израиля было дѣлано подобное же выдѣленіе, но дѣлано не видимо, не гласно. Нынѣ же оно сдѣлано видимо чрезъ слово благовѣстія,—не пріявшіе благовѣстія выдѣлены, а увѣровавшіе приняты. Какъ на гумнѣ, когда лопатою вѣютъ намолоченное, мякина отвѣвается въ сторону, а зерно остается на мѣстѣ и собирается въ житницу; такъ дѣлается и теперь,—невѣрующіе отвѣваются въ сторону, чтобы вскорѣ быть развѣянными по лицу земли, а увѣровавшіе остались на мѣстѣ Божіемъ въ оградѣ Церкви, чтобы поступить въ житницу Божію. Итакъ, не помышляй никто, что отпаде слово Божіе; ибо не всѣ сущіе отъ Израиля по плоти суть Израиль и по духу.

Изложенная въ такомъ порядкѣ мысль Апостола освѣщаетъ и всю послѣдующую рѣчь до 13-го стиха и дѣлаетъ ее понятною. Пересмотримъ однакожъ ее умомъ и словомъ нашихъ богомудрыхъ толковниковъ.

Ст. 7. *Ни зане суть сѣмя Авраамле, вси чада: но во Исаацѣ, рече, наречется ти сѣмя.*

Не потому только есть кто чадо Авраамово, что родился отъ него по плоти. Не всѣ родившіеся отъ Авраама суть по тому самому и чада его, т.-е. чада Авраамовы истинныя, соотвѣтствующія намѣреніямъ Божіимъ, или чада обѣтованія, Божіи чада (ст. 8). И Измаилъ отъ Авраама и послѣ того дѣти Хеттуры тоже Авраамовы были дѣти по плоти, но ни тотъ, ни эти не приняты въ наслѣдники обѣтованія. Наслѣдникомъ его объявленъ одинъ Исаакъ: *во Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя*, т.-е. сѣмя достойное быть причастнымъ благъ обѣтованія. Св. Златоустъ говоритъ: „если выразумѣешь, кто называется сѣменемъ Авраамовымъ, то увидишь, какому сѣмени дано обѣтованіе, и узнаешь, что слово Божіе не оста-

лось безъ исполненія. Итакъ, скажи мнѣ, кто называется сѣмененъ? Не я говорю, отвѣчаетъ Апостолъ, но Ветхій Завѣтъ изъясняетъ самъ себя, говоря такъ: *во Исаацѣ наречется тебѣ сѣмя*" (Быт. 21, 12). Вотъ первый примѣръ выдѣленія изъ наслѣдія обѣтованія плотски рожденныхъ отъ отца, пріявшаго обѣтованіе!

Для цѣли Апостола—указать видимые примѣры выдѣленія изъ наслѣдія было бы достаточно сказаннаго; но какъ онъ имѣлъ при этомъ въ мысли такъ поставить сіи примѣры, чтобы въ нихъ видно было отображеніе того, что совершалось въ очію всѣхъ во Христѣ Іисусѣ въ дѣлѣ благовѣстія Евангелія, которое онъ теперь защищаетъ; то не ограничивается одними приведенными словами, а даетъ истолкованіе всему тому событію такое, въ которомъ нельзя не видѣть указанія на совершающееся о Христѣ Іисусѣ, котораго и понять нельзя, не предполагая сего указанія. Почему св. Златоустъ говоритъ, что Апостолъ „въ изъясненіи своемъ настоящее (бывающее о Христѣ) связуетъ съ ветхозавѣтнымъ."

Ст. 8. *Сирѣчь, не чада плотская, сія чада Божія: но чада обѣтованія причитаются въ сѣмя.*

Слово въ слово дѣла въ Ветхомъ Завѣтѣ не шли такимъ образомъ. Не всѣ причитавшіеся за сѣмя раждались по обѣтованію и притомъ такъ, чтобы ихъ скорѣе слѣдовало называть чадами Божіими, чѣмъ чадами плотскихъ отцевъ, родившихъ ихъ. Въ Іаковѣ, сынѣ Исаака, это еще можно видѣть, какъ въ слѣдъ за симъ и показываетъ св. Павелъ; но далѣе всѣ уже причитались за сѣмя безъ видимаго и гласнаго раздѣленія достойныхъ и недостойныхъ обѣтованія. Око Божіе, конечно, видѣло тѣхъ и другихъ, но Богъ не обличалъ однихъ и не одобрялъ другихъ гласно и видимо. Отдѣленіе однихъ отъ другихъ стало совершаться видимо уже при водвореніи христіанства, когда вѣровавшіе во Христа вступали въ

наслѣдіе обѣтованія, яко истинныя чада Авраама и чада Божіи, а не вѣровавшіе отчуждались отъ Него. Наши толковники прямо и видятъ въ сихъ и слѣдующихъ словахъ указаніе на бывающее во Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Свят. Златоустъ говоритъ: „смыслъ сихъ словъ Апостола таковъ: родившіеся по примѣру Исаака суть дѣти Божіи и сѣмя Авраамово. Для того и сказано: *во Исаацѣ наречется ти сѣмя*. Какъ же родился Исаакъ? Не по закону природы, не по силѣ плоти, но по силѣ обѣтованія.“ То-есть дѣйствіемъ силы Божіей, какъ мы и раждаемся въ купели (Ѳеоф.). Бл. Ѳеодоритъ прямо и пишетъ: „чадами плотскими называетъ Апостолъ рожденныхъ по естественному порядку, а чадами обѣтованія содѣлавшихся сынами по благодати.“ Такъ изъясняетъ сіе и Амвросіастъ: „Апостолъ даетъ разумѣть, что не потому уже и достойны всѣ, что суть сыны Авраама, но что тѣ только достойны, которые суть сыны обѣтованія, т.-е. о которыхъ предъувѣдѣлъ Богъ, что они имѣютъ получить обѣтованіе, изъ Іудеевъ ли они, или изъ язычниковъ. Ибо тѣ только достойны именоваться Израильтянами, т.-е. зрящими Бога, которые вѣруютъ. Если просто плотски разумѣть: *во Исаацѣ наречется ти сѣмя*, то всѣ Іудеи суть сыны Авраама, потому что весь родъ ихъ отъ Авраама есть чрезъ Исаака. Но поелику, какъ я сказалъ, тѣ только воистину суть сыны Авраама, которые наслѣдуютъ обѣтованіе, данное во Исаацѣ; то очевидно, что прочіе (не наслѣдующіе сего обѣтованія) не должны быть почитаемы сынами Авраама. Авраамъ вѣрующій получилъ Исаака (и въ немъ обѣтованіе) ради вѣры, потому что *вѣрова Богови*. Въ этомъ предъизображено таинство будущей вѣры, чтобы тѣ были братьями Исаака, которые возъимѣютъ туже вѣру, въ силу коей рожденъ Исаакъ. Исаакъ же рожденъ во образъ Спасителя по обѣтованію; такъ что вѣрующій во Христа Іисуса обѣтованнаго

Аврааму есть сынъ Авраама, братъ же Исаака. Аврааму было сказано: *о съмени твоемъ благословятся вси языцы* (Быт. 22, 18); что въ Исаакѣ не исполнилось, но исполнилось въ Томъ, Кто въ Исаакѣ обѣтованъ Аврааму, то-есть во Христѣ, въ Коемъ благословляются всѣ вѣрующіе народы. Очевидно потому, что прочіе Іудеи (невѣрующіе) суть сыны плоти, такъ какъ лишаются обѣтованія, и не должны быть причитаемы въ сѣмя Авраама, какъ не послѣдующіе вѣрѣ, коею достойнымъ (обѣтованія) явился Авраамъ. Почему и прибавилъ Апостолъ: *сирѣчь, не чада плотская, сія чада Божія, но чада обѣтованія, причитаются въ сѣмя.* И могутъ ли быть чада плотская чадами Божіими? Тѣ рождены отъ похоти плотскія, а эти раждаются чрезъ вѣру Духомъ. Тѣ только и должны быть причитаемы въ сѣмя Авраама, которые вѣруютъ.“ Прибавимъ изъ бл. Ѳеофилакта: „слѣдовательно слово Божіе не несбылось, но Богъ даровалъ обѣтованное истинному сѣмени, т.-е. вѣрующимъ изъ язычниковъ, сдѣлавшихся чадами Божіими, какъ и Исаакъ, потому что и они отъ обѣтованія. Если же Іудеи скажутъ, что слова: *во Исаацѣ наречется ти сѣмя,* означаютъ то, что родившіеся отъ Исаака причисляются въ сѣмя Авраама; то сѣменемъ Авраама надобно почитать и Идумеевъ и всѣхъ происшедшихъ отъ него, потому что праотецъ ихъ Исавъ былъ сынъ Исаака. Но Идумеи не только не называются сыновьями Авраама, но даже весьма чужды Израильтянамъ и называются иноплеменниками.“

Такъ наши толковники видятъ въ приведенныхъ словахъ Апостола предъуказаніе на то, что въ собственномъ смыслѣ исполнилось уже во Христѣ Іисусѣ, на вѣрующихъ въ Него. Но осязательнѣе сіе видится имъ въ слѣдующихъ за симъ словахъ:

Ст. 9. *Обѣтованія бо слово сіе: на сіе время пріиду, и будетъ Сарръ сынъ* (Быт. 18, 10).

По ходу рѣчи слѣдуетъ положить, что тѣ только и сѣмя Авраамово и чада обѣтованія, которые раждаются симъ образомъ, т.-е. въ силу особаго воздѣйствія Божія на естество. Но если мы будемъ понимать сіе о плотскихъ чадахъ Авраама, даже помимо тѣхъ, кои явно исключены изъ потомства его, каковы—Измаилъ, Исавъ, дѣти Хеттуры, со всѣми родами отъ нихъ происшедшими, то это не оправдывается исторіею. Но какъ слово Божіе неложно, то неложно и это, и слѣдовательно имѣетъ свое полное событіе. Гдѣ же мы найдемъ его? Нигдѣ, какъ во Христѣ Іисусѣ. Говоритъ Апостолъ, что въ сѣмя Авраамово причисляются чада обѣтованія; слово же обѣтованія даетъ разумѣть, что тѣ только чада обѣтованія, кои раждаются дѣйствіемъ Божіимъ, какъ Исаакъ. „Таково обѣтованіе, говоритъ св. Златоустъ; Исаакъ образованъ и рожденъ словомъ Божіимъ! Хотя женскія ложесна и утроба содѣйствовали къ рожденію; но не сила утробы, а сила обѣтованія произвела чадо. Такъ и мы раждаемся словомъ Божіимъ; ибо то, что раждаетъ насъ и образуетъ въ купели водной, есть слово Божіе, потому что когда крещаемся, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, раждаемся. Такое рожденіе не по естеству, а по обѣтованію Божію. Какъ предрекшій рожденіе Исаака Самъ тогда и совершилъ оное; такъ и о нашемъ рожденіи предвозвѣстилъ Онъ за долгое время устами всѣхъ пророковъ, а потомъ привелъ оное въ исполненіе. Видишь ли, сколько доказательствъ и съ какою удобностію Давшій великія обѣтованія исполнилъ оныя? —Видишь ли, что не плотскія чада суть чада Божіи, напротивъ въ самой природѣ (въ рожденіи отъ Сарры) прообразовано рожденіе свыше чрезъ крещеніе? Если скажешь мнѣ о ложеснахъ

(т.-е. что тамъ плоть участвовала), скажу тебѣ о водѣ (т.-е. что и здѣсь есть вещественное). Но какъ здѣсь все отъ Духа, такъ тамъ все отъ обѣтованія; ложесна отъ заматорѣлости и старости были холоднѣе воды. Итакъ, со всѣмъ вниманіемъ вникнемъ въ свое благородство и покажемъ жизнь достойную онаго. Въ нашемъ рожденіи нѣтъ ничего плотскаго и земнаго, пусть не будетъ онаго и въ насъ. Не сонъ, не похоть плотская, не объятія, не раздраженія вожделѣнія, но Божіе человѣколюбіе все совершило. И какъ тамъ, когда возрастъ не подавалъ никакой надежды, такъ и здѣсь, когда наступила грѣховная старость, вдругъ произошелъ новый человѣкъ, и всѣ мы стали сынами Божіими, сѣменемъ Авраамовымъ.“

Ст. 10. *Не точію же, но и Ревекка отъ единаго ложа Исаака отца нашего имущи.*

Второй примѣръ выдѣленія изъ наслѣдія обѣтованія, болѣе перваго очевидный. Въ первомъ примѣрѣ показано, какъ выдѣлены дѣти одного отца, но не одной матери; а здѣсь показывается выдѣленіе изъ дѣтей и одного отца и одной матери, и притомъ такихъ, которые и зачаты и рождены въ одно время. Противъ перваго могли возражать: изъ дѣтей Авраама прочіе выдѣлены, потому что они не отъ Сарры, а признанъ наслѣдниковъ одинъ Исаакъ, потому что онъ отъ Сарры. Апостолъ говоритъ какъ-бы: такое возраженіе не имѣетъ силы, потому что потомство считается по отцу, а не по матери (Ѳеод.); но чтобы не осталось у васъ сомнѣнія приведу вамъ другой примѣръ. Тоже случилось и съ дѣтьми Ревекки, которая въ одно время зачала отъ Исаака и родила близнецовъ. Но одинъ изъ нихъ выдѣленъ изъ наслѣдія, а другой избранъ въ наслѣдники обѣтованія. Противъ этого уже нечего было возражать. Такъ осязательно видно въ семъ примѣрѣ, что духовныя обѣтованія

совсѣмъ не зависятъ отъ плотскаго происхожденія. Самая рѣчь Апостола въ семъ текстѣ усѣчена и неполна. Дополнять ее можетъ всякій, какъ найдетъ лучшимъ, руководясь предложеннымъ теченіемъ мыслей Апостола. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „если думаешь, говоритъ Апостолъ, что Исаакъ ради Сарры предпочтенъ Измаилу и рожденнымъ отъ Хеттуры чадамъ Авраамовымъ, то что же скажешь о Ревеккѣ? Ибо здѣсь и матерь одна, и отецъ одинъ, и зачатіе одно; потому что дѣти близнецы. Сіе и выразилъ Апостолъ словами: *отъ единаго ложа имущи*, т.-е Ревекка въ одно и тоже время зачала обоихъ; однакоже одинъ любимъ Богу, а другой недостоинъ Божія о немъ попеченія.“ Св. Златоустъ сводитъ и прежній и этотъ примѣръ подъ одинъ обзоръ и дѣлаетъ общее наведеніе, соотвѣтственно цѣли Апостола: „чему дивиться, говоритъ Апостолъ, ежели изъ Іудеевъ одни спаслись, а другіе нѣтъ? Всякій знаетъ, что въ древности случилось тоже и съ патріархами. Почему одинъ Исаакъ называется сѣменемъ Авраамовымъ, хотя Авраамъ былъ отцемъ Измаила и другихъ многихъ? Потому ли, что мать Измаилова была раба? Но какъ это падаетъ на сына? Впрочемъ не спорю; пусть Измаилъ изгнанъ по матери. Но что сказать о дѣтяхъ Хеттуры? Они не были ли свободными, и родились не отъ свободной ли? Почему же они не удостоились преимуществъ, данныхъ Исааку? И что говорить о Хеттуриныхъ дѣтяхъ? Ревекка была единственною супругою Исаака, родила двоихъ сыновей и обоихъ отъ Исаака. Но родившіеся, будучи одного отца, одной матери, причинивъ ей однѣ и тѣже болѣзни рожденія, сіи, говорю, единокровные, единоутробные, и сверхъ того близнецы, получили не одинаковыя права. Здѣсь нельзя сослаться на рабство матери, какъ въ разсужденіи Измаила, и на то, что родились не изъ одной утробы. какъ въ разсужде-

ніи дѣтей Хеттуриныхъ и Сарриныхъ; у нихъ была одна мать, въ одинъ и тотъже часъ чувствовала болѣзни рожденія. Посему и Павелъ, какъбы почитая послѣдній примѣръ болѣе яснымъ, говоритъ, что не съ однимъ Исаакомъ то было, но и Ревекка и пр.“

Этимъ простымъ указаніемъ цѣль Апостола уже была достигнута—примѣрами изъ древней исторіи доказать, что Богъ съ самаго начала устранялъ нѣкоторыхъ отъ участія въ обѣтованіяхъ, несмотря на происхожденіе ихъ по плоти отъ отцевъ, принявшихъ обѣтованія, и что потому нечего дивиться, если и теперь нѣкоторые оказываются устраненными отъ участія въ благахъ, подаваемыхъ обѣтованнымъ Искупителемъ и Спасителемъ. Но какъ въ первомъ примѣрѣ, такъ и здѣсь Апостолъ не ограничивается однимъ указаніемъ, а прилагаетъ и пояснительныя мысли, глубже и глубже входя въ законы божественнаго промышленія.

Стт. 11—12. *Еще бо не родившимся имъ, ни сотворившимъ что благо или зло, да по избранію предложеніе Божіе будетъ, не отъ дѣлъ, но отъ призвавшаго, речеся ей: яко больший поработаетъ меньшему* (Быт. 25, 23).

Въ этихъ стихахъ различать надо двѣ части и мысли: одна служитъ только къ разительнѣйшему представленію предложеннаго примѣра, а другая вводитъ въ законы промыслительнаго Божія дѣйствованія. Къ первой относятся слова: *еще бо не родившимся имъ, ни сотворшимъ что благо или зло, речеся ей: яко больший поработаетъ меньшему*. Не только изъ двухъ, отъ одного отца и матери и отъ одного ложа рожденныхъ, одинъ выдѣляется изъ наслѣдія обѣтованія, а другой избирается въ наслѣдники его; но это дѣлается даже прежде, нежели они начали дѣйствовать и сдѣлали что-нибудь доброе или худое. Такъ естественно и будто необходимо такое выдѣленіе и устраненіе! Что же дивитесь и недоумѣваете,

говоритъ какъбы Апостолъ, что нынѣ видите вы устраненными, или паче устранившимися, отъ духовныхъ благъ, подаемыхъ явльшимся Избавителемъ?! Слова: *больший поработаетъ меньшему* на дѣлѣ не всегда осуществлялись: было такъ отъ Давида до Іорама (2 Цар. 8, 14; 4 Цар. 8, 20 - 22), и при Маккавеяхъ; большею же частію потомство Исава враждебно относилось къ потомству Іакова и было будто чуждое ему. Порабощеніе, здѣсь указываемое, означаетъ вообще состояніе отчужденія отъ наслѣдія, подобное состоянію рабовъ, не имѣющихъ части въ семъ наслѣдіи.

Ко второй относятся слова: *да по избранію предложеніе Божіе будетъ не отъ дѣлъ, но отъ Призывающаго.*

Это не вносныя слова, а напротивъ главныя; въ средину же они вставлены для того, чтобы понудительнѣе задержать на нихъ вниманіе. Они-то и указываютъ на ту особенность въ Божескихъ дѣйствіяхъ, какая обнаруживается въ избраніи къ наслѣдію обѣтованія однихъ и въ устраненіи отъ сего наслѣдія другихъ. Для чего Богъ объявилъ Ревеккѣ, что изъ двухъ дѣтей ея одинъ будетъ наслѣдникомъ, а другой подобно рабу устраненъ отъ сего прежде, чѣмъ они родились и сдѣлали что-либо? Для того, чтобы показать не ей только, но и всѣмъ вообще, что когда Онъ полагаетъ одного избрать, а другаго устранить, то это дѣлаетъ не на основаніи дѣлъ, уже сдѣланныхъ избираемымъ или устраняемымъ, но самъ по Себѣ, какъ свойственно Ему, избирающему или призывающему. Слова: *да по избранію предложеніе Божіе* и проч.—буквально даютъ такія мысли: *предложеніе Божіе,* Божіе рѣшеніе, опредѣленіе или прямо воля Божія; *по избранію,* по дѣлу избранія или относительно избранія—того къ наслѣдію, а этого къ устраненію отъ него; *да будетъ,* да вѣдомо будетъ всѣмъ, что такое предложеніе или воля и опредѣленіе бываетъ; *не отъ дѣлъ,*

которыя бы сдѣланы уже были тѣми, которыхъ касается это предложеніе, какъ это видно на Іаковѣ и Исавѣ, о которыхъ опредѣленіе состоялось прежде ихъ рожденія; *но отъ Призывающаго*, не зависитъ или происходитъ, но *бываетъ*, и бываетъ конечно такъ, какъ сіе свойственно Призывающему или сообразно со свойствами Его.

Здѣсь нѣтъ мысли о безусловномъ Божіемъ опредѣленіи однихъ къ наслѣдію обѣтованія, а другихъ къ устраненію отъ него, не принимая во вниманіе, достоинъ ли кто или не достоинъ, а есть только та, что такое опредѣленіе составляется не на основаніи проявленнаго достоинства или недостоинства, а какъ свойственно дѣлать сіе Ему, полагающему опредѣленіе. Или: Онъ знаетъ или умѣетъ положить такое опредѣленіе, помимо такого проявленія, совершенно согласно однакожь со своими свойствами—правдою и благостію. Можно постановлять такое опредѣленіе не по проявленному уже достоинству или недостоиству, а по предъувѣданному. По такому именно предвѣдѣнію и бываетъ всякое предложеніе Божіе по избранію.

Наши толковники на этой преимущественно мысли и останавливаютъ свое вниманіе. Св. Златоустъ говоритъ: „Почему одинъ любимъ, а другой отвергаемъ? Потому ли, что одинъ былъ пороченъ, а другой добръ? Но вѣдь одинъ почтенъ, а другой осужденъ, когда еще и не родились они; еще до рожденія ихъ Богъ сказалъ: *яко большій поработаетъ меньшему*. Почему же Богъ сказалъ это? Потому что Онъ не ждетъ, какъ человѣкъ, окончанія дѣла, дабы видѣть, кто добръ и кто нѣтъ, а напротивъ прежде сего знаетъ, кто добръ и кто нѣтъ.“ Тоже и у бл. Ѳеодорита читаемъ: „Богъ не ожидалъ испытанія на дѣлѣ, но, когда были еще носимы во чревѣ, предвозвѣстилъ ихъ различіе. Предвозвѣстилъ же, предъузнавъ ихъ расположеніе, потому что избраніе сіе

не противно справедливости, но согласуется съ расположеніемъ человѣческимъ.“ Фотій у Экуменія такъ изъясняетъ: „*предложеніе Божіе* означаетъ волю Божію въ избраніи. *Не отъ дѣлъ*—представляетъ величіе Божіе призванія и благодать Его, что Онъ избираетъ и призываетъ изъ тѣхъ, которые еще ничего не сдѣлали. Но скажешь: ничего не сдѣлавшіе какъ избираются? Избраніе бываетъ по отличіямъ избираемыхъ, а у ничего не сдѣлавшихъ какое отличіе?—Конечно такъ. Но надо вѣдать, что для человѣческихъ очей, поелику они ничего еще не сдѣлали, то и не отличаются ничѣмъ; а для божественнаго предвѣдѣнія, видящаго имѣющее быть, какъ настоящее, они очень много разнятся другъ отъ друга: одинъ богоугоденъ, а другой нѣтъ. Такъ что при семъ воля Божія въ избраніи, и не отъ дѣлъ была, а была по призванію и благодати и однакожь была праведна, хоть такая праведность не для всѣхъ людей очевидна.“

Амвросіастъ пишетъ: „Дѣйствующимъ въ сихъ дѣлахъ представляется Божіе предвѣдѣніе по тому, что вещи не могутъ происходить иначе, какъ такъ, какъ Богъ предвидитъ ихъ имѣющими быть. Зная, чѣмъ каждый изъ нихъ имѣлъ быть, сказалъ Богъ: достоинъ будетъ меньшій, а большій не достоинъ. Одного избрало предвѣдѣніе, а другаго отвергло. И на томъ, кого избрало, пребываетъ *Божіе предложеніе*, потому что съ нимъ не могло быть иное, какъ то, что предвидѣлъ Богъ и чему быть предположилъ въ немъ, т.-е. чтобы онъ былъ достоинъ спасенія (обѣтованія). И въ томъ, кого отвергло, равнымъ образомъ пребываетъ *предложеніе Божіе*, потому что предвидѣло, что онъ будетъ недостоинъ (какъ и дѣйствительно оказалось потомъ). Почему въ семъ, по причинѣ предвѣдѣнія, Богъ не является лицепріятнымъ: ибо никого не осуждаетъ—несогрѣшившаго, и никого не вѣнчаетъ—неодержавшаго побѣды.“

Ст. 13. *Якоже есть писано: Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ.*

Сими словами начинается пророчество Малахіи (—1, 2). Богъ чрезъ пророка изъясняетъ особое Свое благоволеніе къ Израилю. Не братъ ли, говоритъ, Іакову Исавъ?— но Іакова Я возлюбилъ, а Исава возненавидѣлъ. Словомъ: *возненавидѣлъ* означается неизбраніе, отверженіе, исключеніе изъ обѣтованія. Осязательнѣе нельзя представить, какъ одинъ избранъ къ наслѣдію обѣтованія, а другой отлученъ отъ него... Самъ Богъ сіе дѣлаетъ. Слѣдовательно то, чтобы наслѣдниками обѣтованія были не всѣ рожденные отъ отцевъ, пріявшихъ обѣтованіе,—находится въ порядкахъ Божественнаго о людяхъ промышленія. „Не на естество обращаетъ вниманіе Богъ, но взыскуетъ единой добродѣтели“ (Θеод.). Свидѣтельство приведено въ подтвержденіе значенія приведеннаго Апостоломъ примѣра, а не въ подтвержденіе того, какое наведеніе сдѣлалъ онъ изъ сего примѣра, о чемъ говорено было предъ симъ.

Св. Златоустъ такой дѣлаетъ обзоръ всего сказаннаго: „Главнымъ намѣреніемъ блаженнаго Павла было, посредствомъ всего имъ сказаннаго научить, что одинъ Богъ знаетъ достойныхъ, а изъ людей никто, и хотя многіе воображаютъ о себѣ, что знаютъ, впрочемъ часто ошибаются въ своемъ заключеніи. А Знающему тайны сердца совершенно извѣстно, кто достоинъ вѣнцевъ и кто—наказанія и мученія. Посему Онъ многихъ, которые по мнѣнію людей добры, изобличивъ наказалъ, и многихъ, которые были почитаемы порочными, увѣнчалъ и засвидѣтельствовалъ, что они не таковы. Онъ произноситъ приговоръ не по отзыву рабовъ, но по собственному строгому и безпристрастному суду. Онъ не дожидается окончанія дѣла, чтобы одного признать достойнымъ, а другаго—нѣтъ. Привожу примѣръ рожденныхъ отъ

одного отца и матери. Оба родились отъ Ревекки и Исаака, законнаго сына Авраамова, который одобренъ самимъ Богомъ и всѣмъ предпочтенъ и сдѣлался отцемъ (имѣющихъ наслѣдовать обѣтованія). А ежели онъ—отецъ, то и происшедшіе отъ него должны быть отцы же; но послѣдняго не было (ибо Исавъ выдѣленъ изъ сего чина).—Отсюда усматриваемъ, что дѣти Авраамовы называются собственными его дѣтьми не только по рожденію, но и потому, что они достойны доблестей родителя. А если-бы назывались по одному рожденію, Исаву и Іакову надлежало бы пользоваться равными правами, потому что и Исавъ произошелъ отъ тойже утробы омертвѣвшей. Напротивъ, требовалось не одно такое рожденіе, а нравы,—не что либо обыкновенное, но что могло бы служить къ назиданію нашей жизни.—Апостолъ однакоже не говоритъ, что какъ одинъ былъ добръ, а другой порочень, то первый и предпочтенъ. Но единственною причиною представляетъ Божіе предвѣдѣніе, противъ котораго развѣ одинъ совершенно безумный дерзнетъ спорить. Избрать отъ утробы матерней есть дѣло предвѣдѣнія. Сіе было, говоритъ Апостолъ, дабы обнаружилось избраніе Божіе, совершившееся по изволенію и предвѣдѣнію. Богъ съ перваго дня узналъ и предрекъ какъ доброе, такъ и противное тому. Итакъ, не говори мнѣ, продолжаетъ Апостолъ, что ты читалъ законъ и пророковъ и столько времени служилъ. Знающій и испытующій сердца знаетъ также, кто достоинъ быть спасеннымъ. Итакъ, уступи непостижимому Промыслу въ избраніи. Онъ одинъ вѣрно знаетъ, кого увѣнчавать. Не требуй же отчета у Творца, не спрашивай: почему одинъ увѣнчанъ, а другой наказанъ? Онъ умѣетъ во всемъ наблюдать справедливость. Посему сказалъ: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ*. Что сіе справедливо, ты знаешь по послѣдствію; но Богъ совершенно то зналъ и прежде исполне-

нія. Онъ требуетъ не только явленія дѣлъ, но свободной воли и непорочныхъ чувствъ. Такой человѣкъ, хотя бы и согрѣшилъ когда по обстоятельствамъ, скоро исправится. Даже хотя бы онъ и укоснѣлъ въ порокѣ, не будетъ презрѣнъ; напротивъ, всевѣдущій Богъ вспомнитъ объ немъ. А равно человѣкъ развращенный, хотя бы сдѣлалъ что-нибудь по видимому доброе, погибнетъ; потому что дѣлаетъ то съ худымъ расположеніемъ. Давидъ, ставъ убійцею и прелюбодѣемъ, скоро загладилъ свои преступленія, потому что увлеченъ былъ обстоятельствами и сдѣлалъ оныя не по привязанности къ пороку. А фарисей, не учинивши никакого злодѣянія, напротивъ хвалившійся добрыми, дѣлами, все испортилъ злою волею.“

Ст. 14. *Что убо речемъ? Еда неправда у Бога? Да не будетъ.*

Судя по сему образцу установленія Божескихъ опредѣленій объ участи того или другаго, можно ли говорить, что у Бога есть какая либо неправда? Не буди то. Мы не видимъ, почему Богъ постановляетъ то или другое опредѣленіе, а Богъ видитъ и если постановляетъ что, то постановляетъ потому, что иначе постановить было бы несправедливо Потому намъ вѣрующимъ въ Бога надлежитъ и всѣ Его опредѣленія принимать съ увѣренностію, что они совершенно правы, и всецѣло предавать себя Его владычеству, не позволяя своему скудоумію судить дѣла Божіи. „Апостолъ показываетъ здѣсь, что домостроительства Божіи превышаютъ человѣческій помыселъ“ (Өеод.). „Праведность рѣшеній Божіихъ относительно нашихъ участей ускользаетъ отъ ума нашего, но Судіи всѣхъ точно и непогрѣшительно вѣдомо, что такъ, а не иначе надлежитъ опредѣлить. Вѣруй же, что хотя многое совершается по невѣдомымъ для насъ причинамъ и инымъ кажется несообразнымъ, но совершается всегда такъ, какъ всевидящее око видитъ и судитъ быть тому праведно“ (Экум.).

„Послѣ сего Апостолъ присовокупляетъ новую мысль, которая темнѣе предыдущей. Какую же?“—(Св. Злат.).

Ст. 15. *Моисеови бо глаголетъ: помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю.*

Слова сіи означаютъ прямо: кто достоинъ помилованія, того помилую, и кто достоинъ щедротъ, того ущедрю. Таковую мысль можно видѣть въ русскомъ переводѣ: кого миловать, помилую; кого жалѣть, пожалѣю (Исх. 33, 19). И съ теченіемъ рѣчи она совершенно согласна. Спрашивалъ: ужели неправда у Бога, что Онъ рѣшалъ участи прежде рожденія и дѣлъ?—Нѣтъ, отвѣчаетъ. Ибо Богъ видитъ напередъ, кто достоинъ и кто недостоинъ. Такъ и Моисею сказалъ, что кого слѣдуетъ помиловать или кто достоинъ помилованія, того помилую, и кого слѣдуетъ ущедрить, ущедрю. Сообразна она и съ обстоятельствами, при которыхъ изречены слова сіи къ Моисею. Св. Пророкъ Моисей просилъ, чтобъ Господь Богъ сподобилъ его великой милости—увидѣть лице Его. Господь сказалъ ему, что лице Его нельзя видѣть, а вотъ что сдѣлаю для тебя. Я пройду предъ тобою славою Моею, или сдѣлаю, что предъ очами твоими пройдетъ видимое явленіе славы Моей, какъ знаменіе Моего присутствія, и воззову къ тебѣ: *Господь предъ тобою, и помилую, егоже аще милую, и ущедрю, егоже аще щедрю.* Т.-е. къ слову: Господь предъ тобою, прибавлю и эти слова. Такъ обѣщалъ Господь и велѣлъ Моисею взойти на гору. Когда взошелъ онъ, послѣдовало обѣщанное явленіе славы Божіей: *мимо иде Господь предъ лицемъ его, и воззва: Господь, Господь Богъ щедръ и милостивъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ, и истиненъ, и правду храняй и творяй милость, прощаяй кающіяся, отъемляй беззаконія, и неправды и грѣхи, и повиннаго не очиститъ* (кто виноватъ и нераскаявается, того не признаетъ чистымъ, а накажетъ) (Исх. 34, 6—7).

Слова сіи сказаны вмѣсто: *помилую, егоже аще милую, и ущедрю, егоже аще щедрю*, и служать пространнымъ ихъ изъясненіемъ, изъ устъ самого Господа изшедшимъ. Мысль же главная въ сихъ словахъ та, что кто достоинъ помилованія, того Господь милуетъ, а кто недостоинъ, того не минетъ наказаніе. Примѣняя ихъ къ вопросу: еда неправда у Бога въ томъ, что Онъ Іакова избралъ, а Исава отвергъ? не можемъ не видѣть прямаго отвѣта: нѣтъ; Онъ Іакова избралъ потому, что слѣдовало избрать, яко достойнаго, а Исава отвергъ потому, что слѣдовало отвергнуть, яко недостойнаго.

Прибавимъ къ сему, что св. Пророкъ Моисей просилъ себѣ милости у Господа—увидѣть лице Его послѣ того, какъ Господь отказался-было идти съ народомъ, а потомъ, умоленъ бывъ св. Моисеемъ, опять согласился идти съ ними. Это случилось, когда Израильтяне слили тельца и стали ему кланяться, яко Богу. Св. Моисей былъ въ эту пору на горѣ. Господь сказалъ ему: согрѣшилъ народъ, тельцу кланяется. Я истреблю его весь, и отъ тебя произведу новый народъ. Пророкъ сталъ умолять Господа, чтобъ не дѣлалъ сего, потому что иначе всѣ станутъ хулить Его, будто извелъ народъ изъ земли Египетской, чтобы погубить его въ пустыни. *Утоли гнѣвъ ярости твоея, и милостивъ буди о злобѣ людей твоихъ* (— 32, 12). Умилостивился Господь и отложилъ такое грозное опредѣленіе, но не и наказаніе. Св. Моисей, сошедши съ горы, призвалъ къ себѣ такихъ, которые оставались еще вѣрными Господу, и велѣлъ имъ избить зачинщиковъ зла. Они исполнили сіе, и пало тогда до трехъ тысячъ мужей. Послѣ сего св. Моисей опять взошелъ на гору къ Господу и сталъ молиться: *согрѣшиша людіе сіи грѣхъ великъ. И нынѣ аще убо оставиши грѣхъ ихъ, остави; аще же ни, изглади мя изъ книги твоея, въ нюже вписалъ еси*. Господь сказалъ Мои-

сею: *аще кто согрѣши предо Мною, изглажу его изъ книги моея.* И прибавилъ: *въ оньже день присѣщу, наведу на нихъ грѣхъ ихъ.* Это показываетъ, что Господь опредѣлилъ и отъ Своего лица наказать согрѣшающихъ. Затѣмъ пишется: *и порази Господь люди за сотворенiе тельца* (Исх. 32, 32—35). И еще, значитъ, пали многiе кромѣ тѣхъ трехъ тысячъ; многiе, но не всѣ, хотя согрѣшили почти всѣ. Кто же дѣлалъ выборъ? Божiе предвѣдѣнiе; оно видѣло могущихъ исправиться и принесть добрые плоды и пощадило ихъ; видѣло нераскаянныхъ въ сердцѣ и поразило ихъ, хотя, можетъ быть, въ настоящемъ случаѣ, иные изъ первыхъ были болѣе виновны, чѣмъ иные изъ послѣднихъ. Экуменiй пишетъ: „если нѣтъ неправды у Бога, и однакожь, когда всѣ поклонились тельцу, Богъ говоритъ: *помилую, егоже аще милую;* то конечно потому, что сокровенно очами Своими входилъ Онъ въ сердца людей и видѣлъ, кто достоинъ милости и кто недостоинъ.“

Но этимъ еще не утолился гнѣвъ Божiй. Онъ объявилъ Моисею: пошлю съ вами ангела, а Самъ не пойду, чтобы Мнѣ не истребить васъ за ваше жестокосердiе. Услышавъ о семъ грозномъ опредѣленiи, народъ пришелъ въ сильное сокрушенiе, скинулъ украшенiя свои и облекся въ плачевныя ризы. И Моисей сталъ умолять Господа, чтобы Самъ шелъ съ ними. Умилостивился Господь и сказалъ: *и сiе тебѣ слово сотворю: обрѣлъ бо еси благодать предо Мною* (—33, 17). Послѣ сего св. Моисей просилъ Господа явить ему лице Свое, и услышалъ слова, о коихъ у насъ рѣчь: *помилую, егоже аще милую.* Сопоставляя сiи слова съ тѣми, которыя сказалъ Господь, отказываясь Самъ идти съ народомъ, т.-е. чтобъ не истребить его весь за жестоковыйность, можно дать имъ еще такое толкованiе: пойти съ вами пойду, и хотя не истреблю васъ всѣхъ въ случаѣ какого прегрѣшенiя, но не буду

оставлять дѣла безъ наказанія. Кого же помиловать, и кого наказать, Я увижу тогда. Кто достоинъ будетъ милости, того помилую, и проч. Св. Златоустъ влагаетъ въ уста Господа такія слова: „не твое, Моисей, дѣло знать, кто достоинъ человѣколюбія; предоставь это Мнѣ.“

Такимъ образомъ изъ всего этого обстоятельства видно, что Господь, какъ милуетъ, такъ и наказуетъ, судя по тому, чего кто достоинъ, или по дѣламъ уже сдѣланнымъ, или по предвидѣнной ихъ жизни впереди. И таковъ именно смыслъ словъ: *помилую, егоже аще помилую*, и проч.

Амвросіастъ такъ перефразируетъ мѣсто сіе: „милостію, говоритъ, помилую того, надъ кѣмъ смилуюсь, т. е. того помилую, о комъ предувижу, что онъ обратится и пребудетъ вѣренъ Мнѣ, и щедроты Свои явлю тому, о комъ предувѣдаю, что онъ отъ заблужденія обратится ко Мнѣ правымъ сердцемъ. Это значитъ, давать тому, кому слѣдуетъ дать, и не давать тому, кому не слѣдуетъ давать.“

А Экуменій, примѣняя сіе къ теченію рѣчи Апостола, такъ говоритъ: „и въ отношеніи къ нынѣшнимъ Іудеямъ Богъ не неправедно дѣйствуетъ; но и нынѣ которые достойны, спасаются, потому что вѣруютъ, и которые недостойны, погибаютъ, потому что не вѣруютъ. *Помилую, егоже аще помилую*, — какъбы такъ: Я знаю, которые достойны спасенія и которые недостойны. Если Моисей не зналъ, какіе достойны и какіе недостойны; намъ ли знать причины бывающаго? Божіи суды кто изслѣдуетъ?“ Такимъ образомъ здѣсь мы можемъ видѣть третій примѣръ того, какъ Богъ однихъ принимаетъ, а другихъ отвергаетъ. И это уже изъ среды сонма сыновъ Израиля.

Можно слова сіи и такъ объяснить: кого хочу, того милую. Съ этимъ согласна и послѣдующая мысль. Но хотя бы и такъ разумѣть, все основная мысль будетъ

одна и таже, т.-е. что Богъ милуетъ достойныхъ, какъ и наказываетъ недостойныхъ. Богъ всегда дѣйствуетъ независимо, какъ хочетъ; но дѣйствуетъ сообразно съ правдою Своею безпредѣльною, какъ и милостію безконечною, а не такъ, чтобъ ни на что несмотря помиловалъ недостойнаго, а достойнаго наказалъ. Если остановимся на семъ толкованіи, то къ нему надо приложить предположеніе, что св. Павелъ ввелъ сіе изреченіе для того, чтобы недоумѣвающихъ, почему не всѣ Іудеи вошли въ обладаніе благами обѣтованнаго Избавителя, расположить разрѣшить сіе недоумѣніе не по какимъ-либо внѣшнимъ моментамъ, бросающимся въ глаза, но изъ идеи о Богѣ всеправедномъ, всеблагомъ, — говоря какъбы: Богъ, кого хощетъ милуетъ, такъ и изъ васъ кого хощетъ, того избираетъ. Но какъ у Бога нѣтъ неправды; то нѣтъ ея и въ семъ Его дѣйствіи. Предайте все Богу и успокойтесь! Вѣрьте, что тутъ не отпаде обѣтованіе.

Ст. 16. *Тѣмже убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога.*

Т.-е. избраніе къ наслѣдію обѣтованія есть дѣло ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога. Чтобы понять, откуда привзошли термины—*хотящаго и текущаго*, надо обратиться къ предъидущему. Рѣчь идетъ объ избраніи Іакова и отверженіи Исава еще прежде рожденія ихъ. Это рѣшеніе Божіе основывалось на предвѣдѣніи, что одинъ достоинъ того, а другой недостоинъ. Тотъ и другой оправдали это жизнію своею и своимъ нравомъ. Между тѣмъ по ходу дѣлъ слѣдовало Исаву получить обѣтованіе наслѣдія, и Исаакъ уже рѣшилъ такъ сдѣлать, и уже послалъ его уловити ловъ и приготовить себѣ снѣдь, чтобы, вкусивъ ея, благословить его. Случись такъ,—и не оправдалось бы слово Господа, что большій поработаетъ меньшему, ибо тогда въ благословеніи Исава стояло бы: *буди господинъ брату твоему*

(Быт. 27, 29). Но слово Божіе никогда не можетъ солгатися. Богъ вразумилъ Ревекку устроить такъ, чтобы благословеніе первенца получилъ Іаковъ и приведенныя слова, приготовленныя для Исава, присвоились ему. Такъ, что Богъ, по предвѣдѣнію Своему, судилъ, того никто измѣнить не можетъ, даже хотя бы кто намѣренно усиливался идти противъ, а не такъ, какъ въ этомъ примѣрѣ, гдѣ противъ шло обычное теченіе человѣческихъ дѣлъ. Вотъ былъ и хотящій Исаакъ и текущій Исавъ, а дѣло устроилось не по хотѣнію хотящаго, ни по труду текущаго, а по милости милующаго Бога. Помянувъ это обстоятельство, Апостолъ и сказалъ: *ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога*. Кого Богъ судилъ достойнымъ милости, у того никто не вырветъ ея; милость же присуждается не безъ разбора, а достойнымъ. Приводимъ это обстоятельство при толкованіи сихъ словъ, чтобъ указать, откуда привзошли термины—*хотящаго и текущаго*, потому что это осязательно очевидно въ томъ обстоятельствѣ; но можно послѣ сего и такъ разумѣть связь рѣчи. Впереди сказано, что кого слѣдуетъ миловать, того милуетъ Богъ; слѣдуетъ же миловать, по правдѣ Божіей, того, кто достоинъ. Изъ этого могъ бы иной заключить: слѣдовательно все здѣсь зависитъ отъ добрыхъ рѣшеній воли, отъ *хотящаго* и отъ соотвѣтственныхъ трудовъ по исполненію тѣхъ рѣшеній, отъ *текущаго*. Апостолъ предупреждаетъ: нѣтъ, не отъ этого. Хотѣть,—хоти, и течь,—теки: безъ этого нельзя; но все же окончательное рѣшеніе дѣла принадлежитъ милости Божіей или благодати, и хотѣніе укрѣпляющей, и силы къ исполненію его подающей. Кто при всемъ желаніи и трудахъ участь свою Божіей предаетъ милости, тотъ и оказывается у Бога достойнымъ милости. И милость сія вѣнчаетъ его.

Можетъ еще показаться, что, по мысли Апостола, все

зависитъ отъ милости и благости милующаго Бога, а собственное участіе человѣка будь не будь, все одно. Но такъ можетъ только показаться. Апостолъ не сказалъ: ни отъ хотѣнія, ни отъ теченія, но—*ни хотящаго, ни текущаго*, чтобъ показать, что хотѣніе и теченіе не исключаются, а только внушается, что хотящій и текущій не долженъ на этомъ одномъ основывать свое упованіе, и тѣмъ паче—посему предъявлять какія-либо права. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „здѣсь Апостолъ повидимому уничтожаетъ свободную волю; но на самомъ дѣлѣ—нѣтъ. О домѣ говоримъ, что онъ есть дѣло мастера. Хотя мастеру нужны и вещество и помощники въ постройкѣ; однакожь, поелику она зависитъ отъ него, говоримъ, что онъ построилъ весь домъ. Такъ и о Богѣ говоримъ, что все Его дѣло, хотя Богъ имѣетъ нужду въ нашемъ произволеніи. Онъ совершаетъ, Онъ и вѣнцы даетъ, Онъ и осуждаетъ; поэтому и говоримъ, что все есть дѣло Бога.“ Тоже читаемъ и у Экуменія: „должно хотѣть и тещи и всѣ свои употреблять въ дѣло силы; но при этомъ помнить, что безъ воли Божіей ни хотящій, ни текущій не достигнетъ цѣли, если не придетъ помощь Божія. Богъ милуетъ и хочетъ того, кто самъ хощетъ спастись.“

Какъ ни разумѣть приведенныя слова, они должны были поразительно дѣйствовать на Іудеевъ, невѣрующихъ устрашать, а вѣрующихъ исполнять радости. Послѣднее очевидно само собою; и Апостолъ не ихъ имѣлъ въ виду, а первыхъ. Онъ здѣсь доказываетъ, что если есть теперь невѣрующіе, то это не то значитъ, что отпаде обѣтованіе, а то, что они оказались недостойными его, подобно Исаву. Возражатели могли говорить: Іудеи желаютъ и текутъ, и законъ читаютъ, и службы всѣ исправляютъ, и жертвы приносятъ. За что же исключаются они изъ наслѣдія обѣтованія? Апостолъ говоритъ какъбы: и Исаву по видимости принадлежало наслѣдіе;

но какъ душа у него была другаго строя, то онъ и не получилъ его. Такъ и эти Іудеи, по видимости, должны бы быть наслѣдниками обѣтованія; но какъ душа у нихъ не такая, которая требуется отъ наслѣдниковъ его, т.-е. невѣрующая, то оно и не дается имъ. Принявъ въ чувство такое наведеніе, невѣрующіе должны были сильный чувствовать толчекъ къ тому, чтобъ построже вникнуть въ текущее и уразумѣть, чего хощетъ отъ нихъ готовый миловать ихъ Богъ; но еще болѣе сильный толчекъ должно было дать имъ наведеніе изъ упоминаемаго въ слѣдъ за симъ обстоятельства.

Ст. 17. ***Глаголетъ бо Писаніе Фараонови: яко на истое сіе воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу мою, и да возвѣстится имя мое по всей земли*** (Исх. 9, 16).

Богъ въ Писаніи говоритъ Фараону: ***на истое сіе воздвигохъ тя,*** т.-е. выдвинулъ тебя изъ среды другихъ, выставилъ на видъ, какъ знамя. Или—воздвигохъ, ἐξήγειρα, будто воскресилъ, въ смыслѣ: оставилъ пожить. Богъ повелѣлъ сказать Фараону, что съ перваго раза противленія его Онъ лишилъ бы его жизни, но что онъ храненъ доселѣ и еще будетъ пощаженъ ради того, чтобы явлена была на немъ сила Божія. Такимъ образомъ онъ былъ уже мертвый, какъ обреченный на смерть, и если жилъ, то по изволенію Божію для особыхъ цѣлей, будто изъ мертвыхъ живый. Или—***воздвигохъ***—возстановилъ противъ себя, сдѣлалъ, что ты все противился Мнѣ. Это будетъ тоже, что въ слѣдующемъ стихѣ,—кого хощетъ Богъ, ***ожесточаетъ.*** Богъ не силою Своею ожесточалъ Фараона, или возбуждалъ его противиться Себѣ; напротивъ Онъ все дѣлалъ, чтобы расположить Фараона добровольно отпустить Іудеевъ, а тотъ все противился. Казнь за казнію Богъ посылалъ на него и Египетъ; онъ на минуту смягчался, а потомъ снова ожесточался, говоря: ***Бога вашего не вѣмъ и Израиля не***

пущу. Росло ожесточеніе, возвышались и карательныя знаменія, пока не погруженъ былъ сей ожесточенный богоборецъ въ пучинѣ морской. Сила Божія съ торжествомъ явлена была на немъ и слава имени Божія пронеслась по всей землѣ, какъ исповѣдала Раавъ, говоря: мы слышали, какъ изсушилъ Богъ море и проч. (Іис. Нав. 2, 10). Экуменій говоритъ: „Фараонъ по собственному злонравію пострадалъ, что пострадалъ. Богъ спасти его хотѣлъ, почему и долготерпѣлъ столько, давая мѣсто покаянію. И кто не подивится Богу, столько долготерпѣвшему?“ Бл. Θеофилактъ пишетъ: „для того самаго, говоритъ Богъ, *Я и воздвигохъ тя*, т.-е. выставилъ тебя, Фараонъ, на видъ, чтобы чрезъ тебя сдѣлалась извѣстною сила Моя, и многіе обуздали себя, слыша объ имени Моемъ, какъ правосудномъ и мощномъ по всей землѣ.“ Амвросіастъ же такъ разсуждаетъ: „этотъ Фараонъ, виновный въ столь многихъ злахъ, что и жить былъ недостоинъ, такъ ожесточился въ злѣ, что и исправиться не хотѣлъ, думая, что несмотря ни на что будетъ живъ, или что Богъ, противъ Котораго столько погрѣшалъ, не смѣлъ воздать ему грознымъ воздаяніемъ. Почему и услышалъ отъ Бога: *на сіе истое воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу мою и да возвѣстится имя мое по всей земли*, т.-е. чтобы всѣ народы уразумѣли, что нѣтъ иного Бога, кромѣ Того, Который есть Богомъ Іудеевъ. Воздвиженнымъ же (suscitatus—будто воскрешеннымъ) названъ онъ потому, что у Бога онъ былъ уже мертвый и нѣсколько лишь времени получилъ казаться живымъ, чтобъ было на комъ обрушить столько казней и столько разнаго рода поразительныхъ истязаній, кончившихся его смертію; и всѣ народы, невѣдавшіе истиннаго Бога, бывъ поражены чрезъ то страхомъ, съ великимъ изумленіемъ исповѣдали, что Сей единый есть истинный Богъ, отъ Коего изошли такія пораженія. Такъ

древніе медики на людяхъ, приговоренныхъ къ смерти, научались помогать живымъ, открывая и изслѣдуя, что сокрыто внутри человѣка, чтобъ узнавать причины болѣзней, и казнь умирающихъ обратить во спасеніе живыхъ."

Но смыслъ сего мѣста и самъ собою очевиденъ; не очевидно только, чего ради Апостолъ помянулъ о семъ обстоятельствѣ. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „какъ изъ слившихъ тельца одни спасены, а другіе наказаны, когда одинъ Богъ зналъ, кто достоинъ спасенія и кто наказанія: такъ хотя много было и другихъ порочныхъ, однако гнѣву Божію подвергся одинъ Фараонъ." Онъ видитъ и здѣсь новый примѣръ выдѣленія одного изъ многихъ, только не для милованія, а для казненія. Съ теченіемъ рѣчи это совершенно согласно. Примѣръ сей могъ самъ собою придти на мысль Апостолу, по противоположности предыдущей рѣчи. Говорилъ о милованіи, пришло на мысль и казненіе. Но думается, что Апостолъ намѣренно избралъ примѣръ Фараона, чтобъ навесть невѣрующихъ Іудеевъ на мысль, что ожидаетъ противящихся Божіимъ распоряженіямъ. Изъ прежнихъ примѣровъ видно, что Богъ избираетъ достойныхъ, а недостойныхъ отвергаетъ. Это должно было показать Іудеямъ, что если есть въ нихъ отчужденные отъ обѣтованія благъ, подаемыхъ Спасителемъ, то причиною этому они сами, сами себя дѣлаютъ они того недостойными чрезъ свое упорное невѣріе. Теперь же примѣромъ Фараона онъ наводитъ ихъ на прозрѣніе того, что и съ ними можетъ быть и будетъ, если останутся въ своемъ упорствѣ. Упорничалъ Фараонъ, и погибъ. Смотрите, не случилось бы и съ вами того же?!—Св. Павелъ не истолковываетъ сего такимъ образомъ, а заставляетъ самихъ Іудеевъ нагадать сіе. Еслибы онъ самъ истолковалъ это такъ, то менѣе бы подѣйствовалъ на Іудеевъ, нежели какъ когда они

сами нагадаютъ сіе, не всѣ конечно, а которые нагадаютъ. И вся рѣчь Апостола такъ идетъ, что онъ указываетъ только на то, что отъ Бога исходитъ, умалчивая почти, что опредѣленія Его сообразуются съ расположеніемъ людей, для того, чтобъ, указавъ это и такъ очевидно обличивъ въ винѣ самихъ Іудеевъ, не оттолкнуть ихъ отъ себя и не вооружить противъ истины. Если же они сами додумаются до того, что преднамѣревался внушить Апостолъ, то не могутъ не принять того во вниманіе и не задуматься, а это большой шагъ къ вѣрѣ. Разумѣемъ невѣровавшихъ. Вѣровавшіе же конечно почерпали изъ сего наибольшее утвержденіе въ вѣрѣ.

Ст. 18. *Тѣмже убо егоже хощетъ, милуетъ: а егоже не хощетъ, ожесточаетъ.*

Это выводъ изъ всего сказаннаго,—не изъ послѣднихъ только примѣровъ,—пощадѣнія въ пустынѣ, когда сказалъ: *помилую, егоже аще помилую,* и ожесточенія Фараона,—но и изъ первыхъ,—избранія Исаака и Іакова съ отверженіемъ Измаила и Исава. Слово—*ожесточаетъ* не такъ слѣдуетъ понимать, что Богъ силою Своею производилъ ожесточеніе въ сердцѣ непокорныхъ, подобно Фараону, а такъ, что непокорные нравомъ, подъ дѣйствіемъ милостей Божіихъ, сами, по своему злонравію, не умягчаются, а болѣе и болѣе ожесточаются въ своемъ упорствѣ и непокоривости. Григорій Нисскій пишетъ: „что ожесточенъ былъ египетскій тираннъ, это не въ томъ смыслѣ надо понимать, будто Богъ нарочно силою Своею влагалъ въ душу его ожесточенное противленіе; но что такъ произошло, потому что произволеніе его, по склонности ко злу, не принимало слова, имѣвшаго цѣлію умягчить его ожесточеніе“ (у Экум.). Василій Великій говоритъ: „ожесточилъ Богъ Фараона, долготерпѣніемъ и отмѣненіемъ казней усиливая его злонравіе, чтобы когда возрастетъ до послѣдней мѣры злоба его, праведнымъ явил-

ся судъ Божій надъ нимъ" (у Экум.). Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „что значитъ *ожесточаетъ?* Повидимому это нелѣпо. Но о Богѣ говорится, что Онъ ожесточилъ грязное сердце Фараона подобно тому, какъ солнце дѣлаетъ жесткою грязь. Какимъ же образомъ? Долготерпѣніемъ, ибо Онъ дѣлалъ его жесткимъ, являя къ нему долготерпѣніе. Здѣсь случилось подобное тому, что бываетъ, когда кто, имѣя у себя порочнаго слугу, обращается съ нимъ человѣколюбиво. Чѣмъ человѣколюбивѣе обращается таковый съ нимъ, тѣмъ худшимъ дѣлаетъ его, не потому, будто самъ научаетъ его пороку, но потому, что слуга пользуется долготерпѣніемъ его къ увеличенію своей порочности, потому что пренебрегаетъ долготерпѣніемъ его."

Но какъ *милуетъ* Богъ тѣхъ, кои достойны милости, и хотя грѣшатъ, но каются, или предвидимы бываютъ имѣющими покаяться, такъ и ожесточаетъ, надо разумѣть, тѣхъ, которые недостойны и, когда погрѣшаютъ противъ Бога, не только не каются, но еще болѣе упорствуютъ противъ Него. Экуменій пишетъ: „достойнаго милости Богъ милуетъ, а жестокосердаго и непокорливаго оставляетъ быть ожестѣлымъ. Ибо настоящее время не есть время окончательнаго суда, а произвольнаго подвига и жизни свободной. *Ожесточаетъ* - стоитъ вмѣсто— попускаетъ оставаться ожестѣлымъ, уступая произволенію." Или—*ожесточаетъ* по противоположности слову— *милуетъ,* можно замѣнить—не милуетъ, отвергаетъ, лишаетъ благословенія и наслѣдія обѣтованія.

Изъ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ и разсужденій видно, что Богъ обѣтованіе Свое объявляетъ достойнымъ и дѣлаетъ наслѣдниками его тоже достойныхъ; а недостойныхъ не касается обѣтованіе; почему и наслѣдниками его они не дѣлаются. Въ этомъ прямое доказательство того, что хотя теперь многіе очень Іудеи и не вступи-

ли въ наслѣдіе благъ духовныхъ, обѣтованныхъ отцамъ ихъ, но чрезъ это *не отпаде обѣтованіе*. Таковъ смыслъ обѣтованія, что его наслѣдовать могутъ только достойные; если есть ненаслѣдующіе его, то, явно, потому, что они недостойны. Выражаетъ же сіе Апостолъ, возводя все къ Богу: кого хощетъ, милуетъ, кого хочетъ, не милуетъ, внушая, „что у Бога не должно требовать отчета" (Ѳеоф.). Онъ всегда правъ, дѣйствуя по волѣ Своей, которая всегда и праведна и блага. Въ настоящемъ случаѣ недостойными они оказываются потому, что не вѣруютъ. Еслибъ увѣровали и были отчуждены, отпало бы обѣтованіе; но поелику отчуждаются по причинѣ невѣрія, то обѣтованіе стоитъ, не отпаде. Невѣровать никто ихъ не принуждаетъ,—сами не вѣруютъ. Сами потому виноваты, что отчуждаются отъ благъ, обѣтованныхъ въ Избавителѣ. Пусть увѣруютъ, и вступятъ въ наслѣдіе ихъ. Но изъ того, что они упорничаютъ въ невѣріи, не слѣдуетъ, что отпаде обѣтованіе. И пусть они не убаюкиваютъ себя обѣтованіемъ, а скорѣе возмутъ во вниманіе страшный примѣръ Фараона, котораго упорство довело до казни потопленія въ морѣ, и поопасаются, не дожить бы и себѣ до чего подобнаго.

Ст. 19. *Речеши убо ми: чесо ради еще укоряетъ? Воли бо Его кто противиться можетъ?*

Объясняя, что, несмотря на отчужденіе многихъ Іудеевъ отъ обѣтованія благъ Спасителя, не отпаде обѣтованіе. Апостолъ въ доказательство того выставилъ твердое основаніе, что не *вси сущіи отъ Израиля, сіи Израиль*. Этимъ показалъ, что въ рѣшеніи судьбы лицъ и народовъ два дѣятеля: воля Божія и произволеніе человѣческое. Когда сіе послѣднее согласуется съ первою, то опредѣленіе Божіе исполняется на людяхъ, являющихъ то; а когда не согласуется, не исполняется,—иначе: на достойныхъ исполняется обѣтованіе, а на недостойныхъ

не исполняется. Но въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ рѣшенія участи людей Апостолъ, по цѣлямъ своимъ, установлялъ вниманіе преимущественно на первомъ дѣятелѣ, т.-е. волѣ Божіей, хотя онъ дѣлалъ это такъ, что не закрывалъ втораго дѣятеля, т.-е. произволенія человѣческаго, достойнаго, по своему настроенію, милости или гнѣва, а напротивъ давалъ ясно его доразумѣвать. Тѣмъ не менѣе однакожь предлагаемый вопросъ самъ собою раждался, особенно послѣ заключительнаго: *егоже хощетъ, милуетъ, егоже хощетъ, ожесточаетъ*. Если все отъ Бога, даже неугодныя Ему расположенія воли; то чего же ради Онъ укоряетъ? Ибо кто можетъ противиться волѣ Его? Неодобряемый, слѣдовательно, невиноватъ, когда Богъ дѣлаетъ его такимъ; ибо не самъ по себѣ онъ таковъ. „*Если егоже хощетъ, милуетъ, егоже хощетъ ожесточаетъ*, то отъ Его воли зависитъ человѣческое расположеніе. Если же это дѣйствительно такъ, то не по праву налагаетъ наказаніе на согрѣшающихъ; потому что невозможно противиться тому, что Ему угодно" (Θеод.). „Захотѣлъ Онъ, и ожесточилъ, а ожесточенный согрѣшилъ по справедливости: какъ же Ему обвинять и наказывать его?" (Θеоф.).

Возраженіе это изъ предыдущихъ словъ Апостола выходитъ только по видимости. Ибо, какъ замѣчено, хотя въ послѣднихъ стихахъ онъ преимущественно все относилъ къ волѣ Божіей, но такъ, что давалъ доразумѣвать при семъ участіе и произволенія человѣческаго, или достоинство и недостоинство людей. Почему онъ могъ сказать: вы неправильно поняли мою рѣчь. Но онъ уступалъ возражателямъ: пусть все отъ воли Божіей, которой никто противиться не можетъ; но изъ этого самаго слѣдуетъ, что вы не смѣете возражать; ибо тварь должна съ молчаніемъ покорствовать Богу. Какъ же вы дерзаете возражать?

Ст. 20. *Тѣмже убо, о человѣче, ты кто еси противъ*

отвѣщаяй Богови? Еда речетъ зданіе создавшему е: почто мя сотворилъ еси тако?

Св. Златоустъ замѣчаетъ, „что Апостолъ не вдругъ даетъ рѣшеніе, но сперва заграждаетъ уста возражающему. Останавливая безвременное его любопытство и излишнее любовѣдѣніе, налагаетъ на него узду, и научаетъ знать различіе между Богомъ и человѣкомъ, также и то, сколько непостижимъ и превыше нашего разумѣнія Божій Промыслъ, и какъ все должно покоряться Богу. И все сіе для того, чтобы, убѣдивъ въ томъ слушателя, укоривъ и смиривъ его волю, съ большею удобностію дать свое рѣшеніе, и слова свои сдѣлать несомнительными для слушателя. И не говоритъ, что невозможно сего рѣшить. Но что же? Самый вопросъ называетъ преступнымъ. Ибо, что сказано Богомъ, тому надобно повиноваться, а не разыскивать, хотя и не знаемъ тому причины. Посему Апостолъ говоритъ: *ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови?* Примѣчаешь ли, какъ уничтожаетъ и низлагаетъ надменность? *Ты кто еси?* Развѣ ты участвуешь съ Богомъ въ правленіи? Развѣ сидишь судіею вмѣстѣ съ Богомъ? Въ сравненіи съ Богомъ тебя нельзя и назвать чѣмъ нибудь, и сказать, что ты то или другое, напротивъ—ничто. А спросить: *ты кто еси?* уничижительнѣе, нежели сказать: ты ничто. Даже и другое, большее негодованіе выражаетъ своимъ вопросомъ Апостолъ. Не сказалъ онъ: ты *кто еси отвѣщаяй Богови?* но—*противъ отвѣщаяй*, т.-е. ты, который споришь, противишься. Говорить: сіе надлежало сдѣлать такъ или иначе, значитъ препираться. Видишь ли, какъ Апостолъ устрашилъ, поразилъ, заставилъ трепетать, а не спрашивать и любопытствовать? Это признакъ искуснаго наставника не слѣдовать во всемъ желанію учениковъ, но вести ихъ по своей волѣ; сперва исторгнуть терніе, а потомъ сѣять сѣмя; не вдругъ давать отвѣтъ на каждый вопросъ.“

Еда речетъ зданіе создавшему: почто мя тако сотворилъ еси? Подъ зданіемъ—πλάσμα—разумѣется всякое человѣческое издѣліе, особенно ваяніе и лѣпленіе. Подобное есть у пророка Исаіи, 29, 16; 45, 9. Къ Богу же относится сіе наводительно, какъ примѣръ. Начатое здѣсь сравненіе продолжается и въ слѣдующемъ стихѣ, который одну съ симъ выражаетъ мысль.

Ст. 21. *Или не имать власти скудельникъ на бреніи отъ тогожде смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь?*

„Симъ Апостолъ не уничтожаетъ свободнаго произволенія, но показываетъ, какъ должно повиноваться Богу. Когда ты требуешь (придетъ тебѣ на то позывъ), то представь себѣ, что ты не болѣе какъ бреніе. И долженъ не только не противорѣчить, не предлагать вопросовъ, но даже не говорить, не мыслить, а уподобляться бездушной глинѣ, которая покорна рукамъ горшечника и употребляется, на что онъ захочетъ. Для сего именно взятъ Апостоломъ такой примѣръ не въ образецъ жизни, но въ урокъ преданнаго и безмолвнаго повиновенія. Подобное правило наблюдать надо и вездѣ—принимать примѣры не въ точномъ значеніи, а выбирать изъ нихъ нужное, къ чему они приведены, оставляя все прочее. Такъ и здѣсь надлежитъ понимать слова: глина, горшечникъ, сосудъ. И когда Апостолъ присовокупляетъ и говоритъ: *или не имать власти скудельникъ на бреніи,* и проч., не заключай изъ сего, что онъ изображаетъ симъ причины творенія или необходимость опредѣленія; напротивъ, онъ выражаетъ власть и различіе въ распоряженіяхъ. Если же не въ этомъ смыслѣ принять слова его, то будутъ имѣть мѣсто многія нелѣпыя слѣдствія. Ибо ежели идетъ здѣсь рѣчь объ опредѣленіи, то выйдетъ, что Богъ—Творецъ какъ добра, такъ и зла, а человѣкъ и въ томъ и въ другомъ весьма неповиненъ. Тогда

окажется также, что и Павелъ, увѣнчавая вездѣ свободное произволеніе, самъ себѣ противорѣчитъ. Итакъ, Апостолъ хочетъ здѣсь достигнуть не иной цѣли, какъ убѣдить слушателя—во всемъ покорствовать Богу и ни въ чемъ не требовать отъ Него отчета. Какъ горшечникъ, разсуждаетъ онъ, изъ одной и той же глыбы дѣлаетъ что ему угодно, и никто ему не противорѣчитъ: такъ и ты не спрашивай и не допытывайся у Бога, почему людей, хотя они одного и тогоже рода, однихъ наказываетъ, а другихъ награждаетъ; напротивъ, благоговѣй предъ Нимъ и подражай глинѣ. Какъ она покорна рукамъ горшечника, такъ и ты покорствуй опредѣленію Распорядителя вселенной. Онъ дѣйствуетъ не безъ намѣренія и не какъ случилось, хотя ты и не постигаешь таинъ премудрости. Ты позволяешь горшечнику изъ одной и тойже глыбы приготовить разныя издѣлія, и не винишь его за это, а у Бога требуешь отчета въ распредѣленіи наказаній и почестей, а не предоставляешь Ему знать, кто достоинъ и кто недостоинъ. Но поелику въ томъже составѣ таже и сущность, то предполагаешь, что тѣже и произведенія. Какая неосновательность! Не отъ горшечника зависитъ, что изъ тойже глыбы иное выходитъ на почетное, а другое на низкое употребленіе, напротивъ отъ употребленія (произвольнаго) пользующихся издѣліемъ. Такъ и здѣсь дѣло зависитъ отъ свободнаго произволенія. Притомъ, какъ замѣтилъ я, примѣръ должно брать въ томъ одномъ отношеніи, что человѣкъ обязанъ не противорѣчить Богу, а предоставлять все Его неизслѣдимой премудрости. Примѣръ долженъ быть обширнѣе того предмета, въ объясненіе котораго приводится, дабы могъ сильнѣе подѣйствовать на слушателей. Еслибы оный не былъ обширнѣе и не заключалъ въ себѣ многихъ понятій, не могъ бы тронуть и пристыдить возражающаго, сколько нужно“ (Св. Злат.).

Св. Златоустъ, какъ видно само собою, все вниманіе обратилъ на то, чтобъ отклонить ту мысль, которая первою навязывается уму при чтеніи сихъ словъ Апостола, именно—если все отъ Бога, то нѣтъ свободы, и мы невиноваты. И опровергаетъ ее отвлеченно, не сообразая съ теченіемъ рѣчи, какъ и сами слова таковы. Онъ говоритъ, что Апостолъ симъ примѣромъ учитъ насъ только совершенной и молчаливой покорности Божескимъ распоряженіямъ. О самихъ же распоряженіяхъ Божіихъ общеизвѣстно, что они дѣлаются совершенно согласно какъ съ Божіею правдою, милостію и премудростію, такъ и съ достоинствомъ и недостоинствомъ людей или употребленіемъ ими своего свободнаго произволенія. Какъ ни того, ни другаго недальновидность наша не даетъ намъ видѣть какъ слѣдуетъ, а онѣ есть несомнѣнно во всѣхъ дѣлахъ Божіихъ, то неразумно возражать, смущаться и дѣлать нелѣпые выводы изъ того, въ родѣ такихъ: *чесо ради еще и укоряетъ?* Самое разумное, при порожденіи такихъ недоумѣній, возставивъ вѣру въ Божескую правду и благопопечительность, смиренно и молчаливо покорствовать Божіимъ распоряженіямъ, прогоняя всякое помышленіе, будто отъ Бога исходитъ что-либо неправедное и немилосердое, и совершенно успокоиваясь въ преданности Ему.

Сюда же, т.-е. на отверженіе той мысли, будто сими словами уничтожается свобода воли, направляетъ рѣчь и бл. Ѳеодоритъ, только другою дорогою. Онъ беретъ при семъ въ доказательство свободы самое дѣйствіе возраженія. Если, говоритъ, ты возражаешь, значитъ ты свободенъ. Еслибъ не былъ свободенъ, не возражалъ бы, а молча покорствовалъ, какъ глина скудельнику. Онъ говоритъ: „еслибы не былъ ты свободенъ, и не по своему изволенію избиралъ, что тебѣ дѣлать, но по необходимости рабски слѣдовалъ бы Божіей волѣ; то молчалъ бы, подобно неодушевленнымъ тварямъ, любя со-

вершающееся по Божію домостроительству. Но поелику почтенъ ты разумомъ, то и говоришь, и дѣлаешь, что тебѣ удобно, и не любишь совершающагося, но доискиваешься причинъ Божіимъ домостроительствамъ. Посмотри на бреніе у скудельника; оно, какъ неимѣющее разумной разсудительности, не противорѣчитъ работающему, но, если назначено на выдѣлку сосуда и нечестнаго, въ молчаніи принимаетъ то, что дѣлается съ нимъ. А ты противишься и прекословишь. Значитъ не связанъ ты естественною необходимостію, не противъ воли преступаешь законъ, но произвольно любишь лукавство, и по своей волѣ принимаешь на себя труды добродѣтели. Посему правъ и справедливъ приговоръ Бога всяческихъ, законно наказываетъ Онъ согрѣшающихъ, какъ произвольно отваживающихся дѣлать зло. Есть справедливость и въ человѣколюбіи; потому что, отъ насъ заимствуя поводъ, оказываетъ Богъ милость.“ Подобную мысль высказываетъ и Экуменій.

Стт. 22. 23. ***Аще же хотя Богъ показати гнѣвъ свой, и явити силу свою, пренесе во мнозѣ долготерпѣніи сосуды гнѣва совершены въ погибель: и да скажетъ богатство славы своея на сосудѣхъ милости, яже предуготова въ славу.***

Рѣчь сія усѣченна: для обѣихъ частей ея недостаетъ второй половины выраженія; прéдыдущее, начинающееся съ *аще же*, есть, а послѣдующаго, которому слѣдовало бы отвѣчать на *аще* чрезъ *то*, нѣтъ; но во второмъ стихѣ или части, даже и предъидущее неполно: ибо говорится только: *да скажетъ богатство* и проч.; а что именно сдѣлалъ Богъ, чтобъ сказать о семъ богатствѣ, сего не видно. Настоитъ потому первая надобность дополнить то и другое. Вотъ какъ, думается, это можно сдѣлать: послѣдующее, которое отвѣчало бы на *аще* чрезъ *то*, надо заимствовать изъ предъидущаго примѣра объ отно-

шеніи скудельника къ глинѣ, и глины къ скудельнику. О скудельникѣ говорится: *или не имать власти?* а о глинѣ: *еда речетъ создавшему?* Поелику стихи 22 и 23 даютъ примѣненіе этого примѣра къ предмету рѣчи; то совершенно справедливо будетъ недостающее въ нихъ пополнить изъ сего примѣра, и—или для обѣихъ частей взять одну какую либо изъ приведенныхъ фразъ, или для одной одну, а для другой другую, что можно оставить на произволеніе всякаго. Будетъ такъ: въ примѣрѣ сказано: скудельникъ не имѣетъ ли власти изъ одного и тогоже смѣшенія сдѣлать одинъ сосудъ въ честь, а другой не въ честь? Да и сосуды не возражаютъ ему, зачѣмъ онъ ихъ такъ сдѣлалъ. Въ приложеніи должно слѣдовать: если теперь Богъ однихъ недостойныхъ присуждаетъ къ нечести—въ пагубу, а другихъ достойныхъ вводитъ въ славу, то ужели Онъ, по твоему, не имѣетъ на это власти? Или—ужели сіи присужденные имѣютъ власть спросить: почто тако? Такъ дополнится недостающее послѣдующее для обѣихъ частей. Какъ дополнить недостающее во второй части предъидущаго,—что именно сдѣлалъ Богъ, да скажетъ богатство славы своей? Для сего надобно, какъ дѣлаетъ Экуменій, глаголъ - *пренесе* отнести какъ къ первой, такъ и ко второй части предъидущаго такъ: въ первой—*пренесе въ погибель*, во второй—*пренесе* въ славу. Всѣ другія остающіяся за симъ слова объясняютъ, какъ сдѣлалось, что одни къ одному присуждены, а другіе къ другому, и для чего сдѣлалъ Богъ то или другое.

Слово пренесе — ἤνεγκεν не значитъ — перенесть въ смыслѣ претерпѣть, а перенесть, какъ переносятъ вещи съ мѣста на мѣсто, перенесть, отнесть, внесть, отчислить, опредѣлить, присудить. Богъ однихъ отнесъ, отчислилъ, опредѣлилъ въ пагубу, а другихъ отнесъ, отчислилъ, опредѣлилъ въ славу.

Какъ сдѣлалось, что первые отнесены въ погибель, сіе выражается словами: *во многѣ долготерпѣніи сосуды гнѣва совершены;* именно: отнесъ Богъ въ погибель сосуды гнѣва совершившіеся или образовавшіеся во время многаго къ нимъ долготерпѣнія, или по случаю многаго долготерпѣнія, или чрезъ то, что худо пользовались многимъ Божіимъ долготерпѣніемъ. *Совершены*, κατηρτισμένα, отъ καταρτίζω — одну вещь къ другой подлаживать, упорядочивать, давать строй, образовывать. Будетъ: κατηρτισμένα—σκέυη—сосуды гнѣва образовавшіеся, которые образовались, настроились, подладились, въ такого рода сосуды. *Во многѣ долготерпѣніи* надобно относить къ *совершены*, κατηρτισμένα, какъ обстоятельство времени или обстоятельство, по которому случилось, что они такъ образовались. Здѣсь очевидное указаніе на то, какъ образовался сосудъ гнѣва изъ Фараона. Богъ долготерпѣлъ ему во благо ему, а онъ Божіе долготерпѣніе обратилъ во зло себѣ, все болѣе и болѣе ожесточаясь и богоборствуя. Онъ чрезъ это закалился въ ожесточеніи, какъ глиняный сосудъ въ огнѣ, и сталъ готовымъ сосудомъ гнѣва, законченнымъ, вполнѣ сформировавшимся.

Св. Златоустъ говоритъ: „Фараонъ былъ сосудомъ гнѣва, т.-е. человѣкомъ, который воспламеняетъ гнѣвъ Божій. Многократно испытавъ на себѣ Божіе долготерпѣніе, онъ не сдѣлался лучшимъ, но пребылъ неисправимымъ. Какъ Богъ ничего не оставилъ, служащаго къ его исправленію, такъ самъ онъ ничего не опустилъ, служащаго къ его погибели и къ тому, чтобы сдѣлать себя неизвинительнымъ. Впрочемъ Богъ, и сіе предвидя, показалъ много долготерпѣнія, ибо желалъ его привести въ раскаяніе. А еслибы не хотѣлъ сего, не терпѣлъ бы столько времени.“

Подъ Фараономъ же разумѣются и всѣ вообще невнимающіе велѣніямъ Божіимъ, презирающіе Его волю

и ни во что ставящіе Его распоряженія. Всѣ такіе сами собою отчисляются къ разряду погибающихъ, и Богъ утверждаетъ за ними сію участь, потому что иначе нельзя, или иного чего они недостойны. Проходитъ здѣсь у Апостола мысль о выдѣленіи изъ потомства Израиля тѣхъ, кои не суть Израиль. Сначала показалъ Онъ примѣры видимаго выдѣленія на Измаилѣ и Исавѣ; а потомъ не было такого выдѣленія видимаго, будто всѣ потомки Израиля были Израиль. Но это было только по видимости: недостойные сами собою выдѣлялись изъ сего чина, и Богъ вѣдалъ ихъ, хотя не объявлялъ о томъ. Нынѣ же чрезъ Евангеліе это пришло въявь. Образовавшіеся въ сосуды гнѣва отчисляются въ пагубу тѣмъ, что остаются внѣ области вѣры, отвѣваются отъ сонма спасаемыхъ, какъ плевелы отъ пшеницы на гумнѣ Божіемъ. Впрочемъ у Апостола въ виду имѣются не одни Іудеи, а вообще весь родъ человѣческій. На Іудеяхъ только это яснѣе видно,

Какъ сдѣлалось, что Богъ другихъ *пренесе*—опредѣлилъ въ славу? Такъ, что Богъ предуготовалъ ихъ въ сосуды милости. Это тоже во время долготерпѣнія. Тѣ сами себя образовали въ сосуды гнѣва, а этихъ Богъ предуготовалъ въ сосуды милости. Еда неправда у Бога? Нѣтъ; намѣреніе Божіе было и тѣхъ долготерпѣніемъ своимъ уготовать въ сосуды милости, но они этого не захотѣли, и вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать по Божіему указанію и устроенію, дѣйствовали по своему, и образовали изъ себя чрезъ то самочинниковъ, богоборцевъ, за что праведно лишены милости и отчислены въ разрядъ сосудовъ гнѣва. Напротивъ эти съ совершенною покорностію слѣдовали Божіимъ распоряженіямъ и велѣніямъ, и образовали такимъ образомъ себя въ богопреданныхъ рабовъ Божіихъ, неимѣвшихъ инаго закона, кромѣ воли Божіей. Будучи такъ настроены, они явно

были готовыми сосудами милости Божіей, по причинѣ такого образованія себя по волѣ Божіей. Говорится: *Богъ уготовалъ ихъ въ сосуды милости,* будто помимо ихъ произволенія. Говорится такъ потому, что все руководство къ образованію себя такимъ образомъ шло отъ Бога, и тѣ, которые самоохотно подчинялись сему руководству, были Богомъ спомоществуемы,—а не потому, чтобъ при этомъ не участвовало ихъ произволеніе. Поелику безъ того и другаго не могли они образовать изъ себя сосуды милости, то это и приписывается Богу, безъ исключенія однакожь участія въ семъ и произволенія.

Св. Златоустъ говоритъ: „какъ Фараонъ сдѣлался сосудомъ гнѣва по собственному беззаконію, такъ и спасшіеся сдѣлались сосудомъ милости по своему благочестію. Ежели большая часть принадлежитъ Богу, то и мы однакожь привносимъ нѣчто малое отъ себя. Не сказалъ: сосуды заслугъ, или—сосуды дерзновенія, но—*сосуды милости,* давая тѣмъ знать, что все принадлежитъ Богу. Также когда говоритъ онъ: *ни хотящаго, ни текущаго,* не уничтожаетъ тѣмъ свободы, но показываетъ, что не все принадлежитъ человѣку, а напротивъ ему нужна благодать свыше. Хотя должно и хотѣть и подвизаться; однакоже полагаться надобно не на собственные подвиги, а на Божіе человѣколюбіе, какъ въ другомъ мѣстѣ и о себѣ сказалъ Апостолъ: *не азъ, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10). Почему же одни бываютъ сосудами гнѣва, а другіе сосудами милости? По собственному произволу. Но Богъ, по безмѣрной Своей благости, оказываетъ милость тѣмъ и другимъ. Ибо миловалъ не только спасаемыхъ, но и Фараона, сколько могъ. И спасаемые и Фараонъ пользовались одинаковымъ долготерпѣніемъ. А ежели Фараонъ не спасся, то совершенно по собственной волѣ. Со стороны Бога не имѣлъ и Фараонъ ни въ чемъ недостатка предъ спасаемыми.“

Для чего Богъ такъ сдѣлалъ? Для того, чтобъ надъ сосудами гнѣва *показать гнѣвъ свой и явити силу свою*, а *на сосудѣхъ милости сказати богатство славы своея*. Первое очевидно взято съ опыта, явленнаго на Фараонѣ, которому сказано было: *на сіе истое воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу мою*. Но также дѣйствуетъ Богъ и въ отношеніи ко всѣмъ нечествующимъ и Богу непокорствующимъ. Богъ долготерпитъ на нихъ, а они сіе долготерпѣніе толкуютъ или безсиліемъ или поблажкою и слабосердіемъ. Почему Богъ не все терпитъ, а нерѣдко наказываетъ такихъ нечестивцевъ и упорниковъ, чтобъ показать и силу Свою и гнѣвъ Свой, какъ это ясно обозначилось на Фараонѣ. Таковъ общій законъ промышленія Божія о людяхъ, что Онъ все долготерпитъ, а если наказываетъ, то только для того, чтобы люди совсѣмъ не забыли, что есть Богъ, Который не безсиленъ, чтобъ наказать необычайно, и не слабосердъ, чтобъ рѣшиться на сіе. Когда кончится время Его долготерпѣнія и когда начнется праведное наказаніе и явится гнѣвъ Божій въ силѣ, никто опредѣлить не можетъ. Почему всякій долженъ держать себя на сторожѣ и не убаюкивать себя долготерпѣніемъ, а скорѣе поминутно ожидать гнѣва, и вѣря, что онъ непремѣнно грянетъ, спѣшить покаяться, чтобъ или отвратить отъ себя гнѣвъ, или, если подпасть подъ него вмѣстѣ съ другими, то подпасть не на пагубу себѣ, а на окончательное очищеніе. Чтобъ держать людей въ сихъ спасительныхъ помышленіяхъ, для этого именно и являетъ Богъ иногда гнѣвъ Свой и силу Свою въ наказаніе грѣшащихъ, а совсѣмъ не затѣмъ, чтобъ сдѣлать съ ними окончательную расправу. Нынѣшнее время не есть время такой расправы, а только приготовленія къ ней.

Въ противоположность этимъ, Богъ на тѣхъ, которые покорны Ему, являетъ *богатство славы своея*. „Славою

назвалъ Апостолъ человѣколюбіе Божіе, давая разумѣть, что оно преимущественно составляетъ славу Божію и что Богъ заботится о семъ болѣе, нежели о чемъ другомъ“ (Св. Злат.). Не просто же сказалъ: являетъ славу или человѣколюбіе, но являетъ богатство славы или человѣколюбія, потому что милость Божія всегда богато является, не въ мѣру ожиданія и тѣхъ, кои срѣтаютъ милость, и тѣхъ, кои видятъ то со стороны. Можетъ быть славою названа милость потому, что она возстановляетъ славу благочестивыхъ и богобоязненныхъ, а чрезъ то и самое благочестіе, и страхъ Божій. Обычно нечестивые уничижаютъ благочестивыхъ, и всю славу и честь себѣ присвояютъ и восхищаютъ. Но когда Богъ ихъ подвергаетъ гнѣву Своему, а благочестивымъ являетъ милость, то тѣ посрамляются, а эти прославляются и именно Божіимъ прославленіемъ. Слава Божія на нихъ возсіяваетъ. И это дѣлаетъ Богъ не для того, чтобъ явить окончательное воздаяніе покорнымъ рабамъ Своимъ, а для того, чтобы они не падали въ нечаяніе, встрѣчая презрѣніе, утѣсненіе и гоненіе, а будучи увѣрены, что милость Божія всегда покрываетъ ихъ и всегда готова явиться на нихъ, благодушествовали и все терпѣливо переносили съ радостію, зная, что все это бываетъ съ ними не къ худу, а къ добру имъже самимъ.

Таковы общія мысли, внушаемыя словами Апостола, но ихъ надобно еще примѣнить къ теченію рѣчи Апостола. Онъ объясняетъ, какъ сдѣлалось, что не всѣ Іудеи призваны къ участію во благахъ Христа Господа, тогда какъ Онъ обѣтованъ былъ именно имъ, и что на мѣсто отверженныхъ Іудеевъ призваны язычники. Казаться могло, что отпаде обѣтованіе. Противъ этого онъ говоритъ: *не отпаде*. Ибо и первоначально было показываемо, что не всѣ плотскія чада суть чада обѣтованія. Такъ выдѣленъ изъ сего ряда Измаилъ, такъ выдѣленъ Исавъ.

Чтоже дивиться, что и теперь оказывается часть Іудеевъ выдѣленныхъ изъ наслѣдія?! Сіе—въ порядкѣ Божія о насъ промышленія. Углубляясь болѣе и болѣе, почему одни выдѣляются, а другіе остаются наслѣдниками, Апостолъ хотя и положилъ, что кого хощетъ Богъ—милуетъ, а кого хощетъ—не милуетъ, далъ однакожь разумѣть, что то и другое дѣлаетъ Онъ не безъ разбора, но милуетъ достойныхъ и Ему покорныхъ, а не милуетъ недостойныхъ и Ему непокорныхъ,—что съ особенною очевидностію показалъ на Фараонѣ, подвергшемся казнямъ и смерти за упорство предъ Богомъ, прямо въ лице Ему. Но какъ сіе достоинство милуемыхъ и недостоинство немилуемыхъ не всегда (а въ точности никогда) бываютъ видимы для насъ, между тѣмъ пытливость ума относительно судебъ Божіихъ чрезъ это не укрощается и безпокойныя отъ того недоумѣнія не перестаютъ тревожить сердца, нерѣдко и благочестиваго: то съ одной стороны для укрощенія пытливости, а съ другой для успокоенія возмущеннаго тѣмъ благочестія, Апостолъ всѣхъ возводитъ къ преданности въ волю Божію, къ тому убѣжденію, что все, исходящее отъ Бога, благо и право, какъ благъ и правъ есть самъ Господь Богъ. И чтобъ это представить осязательнѣе, беретъ въ примѣръ скудельника, изъ одной и тойже глины выдѣлывающаго сосуды въ честь и не въ честь, между тѣмъ какъ издѣлія молчатъ и не пытаютъ: почему ты одинъ такъ сдѣлалъ, а другой иначе. Онъ говоритъ какъбы: какъ молчатъ эти сосуды, такъ молчите и вы предъ распоряженіями Божіими, видя, какъ Онъ однихъ лишаетъ милости, а на другихъ богато изливаетъ ее, вѣруя, что то и другое дѣлается согласно съ Божіею правдою. Милость эта, по теченію рѣчи, есть причисленіе къ наслѣдію благъ, обѣтованныхъ отцамъ въ Спасителѣ, а немилость въ лишеніи сего наслѣдія; по примѣру же скудельныхъ издѣлій, причисленіе къ наслѣдію есть избраніе въ сусуды

милости, а лишеніе наслѣдія есть отчисленіе въ сосуды гнѣва. Выводъ отсюда будетъ такой: видя, какъ однихъ избралъ Богъ въ сосуды милости, въ наслѣдники духовныхъ обѣтованій въ Избавителѣ, а другихъ выдѣлилъ изъ сего наслѣдія и явилъ чрезъ то сосудами гнѣва Своего. не смущайтесь и не допускайте мысли, будто тутъ есть какая неправда, или отпаде обѣтованіе; напротивъ вѣрьте, что Богъ во всѣхъ дѣлахъ Своихъ благъ и правъ, и успокойтесь въ преданности Его премудрымъ и непостижимымъ для насъ опредѣленіямъ и рѣшеніямъ.

Изъ сего видно, что сосуды гнѣва здѣсь у Апостола суть невѣрующіе въ Господа, а сосуды милости суть вѣрующіе. Пренесеніе или отчисленіе первыхъ въ пагубу есть оставленіе ихъ внѣ области вѣры, а пренесеніе или опредѣленіе вторыхъ къ славѣ есть принятіе ихъ въ ограду вѣры со всѣми благами ея. Что первое есть гнѣвное дѣло, сказалъ въ началѣ Предтеча Господень: уже сѣкира при корнѣ древа, уже лопата въ руцѣ. Но въ семъ начало гнѣва; окончательное его дѣло будетъ на послѣднемъ судѣ. Что увѣрованіе въ Господа славно, сіе свидѣтельствовалось и свидѣтельствуется всегда внутреннею духовною славою вѣрующихъ по благодати Святаго Духа; окончательное же прославленіе ихъ слѣдуетъ за гробомъ, и паче послѣдуетъ за всемірнымъ судомъ. И нынѣшнее прославленіе духовное есть уже богатство славы Божіей; сколь же оно богато будетъ въ будущемъ, сего ни мысль обнять, ни слово изречь не можетъ.

Этимъ возбужденная въ началѣ мысль объ отпаденіи обѣтованія вполнѣ отстраняется. Но Апостолъ на этомъ не останавливается, а ведетъ разсужденіе далѣе, чтобъ указать настоящую причину участи тѣхъ и другихъ, именно—въ вѣрѣ однихъ, и въ невѣріи другихъ (ст. 30 и дал.). Но напередъ останавливается еще нѣсколько на примѣрѣ скуделедѣланія.

Ст. 24. *Ихже и призва насъ не точію отъ Іудей, но и отъ языкъ.*

Эти слова суть пояснительное приложеніе къ сказанному предъ симъ о сосудахъ милости. Тамъ сказано, что Богъ ихъ предуготовалъ, а здѣсь говорится, что уже и призвалъ ихъ; будто отвѣтъ на предполагаемый вопросъ: какъ Богъ эти предуготованные сосуды пренесе въ славу? Пренесе тѣмъ, что призвалъ, призвалъ къ вѣрѣ, чрезъ вѣру — къ царству благодати славному, а чрезъ то и другое къ царству славы, неизъяснимо великому.

Но прежняя рѣчь шла объ однихъ Іудеяхъ, а тутъ поминаются и язычники; и если призвалъ Богъ предуготованныхъ, то, значитъ, предуготованы и язычники. Это заставляетъ предыдущую мысль Апостола расширить и примѣръ скуделедѣланія распространить и на язычниковъ. Въ такомъ случаѣ подъ скудельнымъ смѣшеніемъ надобно будетъ разумѣть весь родъ человѣческій, до пришествія Христова бывшій. Онъ былъ въ рукахъ Божіихъ глиною, изъ которой Онъ выдѣлывалъ Себѣ сосуды милости, чтобъ сдѣлать ихъ сосудами славы. Іудеевъ обдѣлывалъ Онъ ближе и непосредственнѣе, кромѣ разума и совѣсти, Своими явленіями, посыланіемъ ангеловъ и пророковъ, дарованіемъ закона и дивнымъ о нихъ промышленіемъ; а язычниковъ—разумомъ и совѣстію, оставшимися въ нихъ преданіями о томъ, что было до раздѣленія языковъ и доходившими до нихъ слухами о томъ, что творилъ Богъ среди Іудейскаго народа, и нѣкіимъ сокровеннымъ промыслительнымъ руководствомъ. Поелику дѣйствовалъ въ семъ самъ Богъ, то нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ и плодахъ Божескаго дѣйствованія. Гдѣ же показаніе сего? Въ увѣровавшихъ благовѣстію. Проповѣдь призывала предуготованные сосуды милости; какъ внявшіе сему призванію были не Іудеи только, но и язычники, то, значитъ, предуготованные были и тамъ, и здѣсь; и хотя

бы мы не могли объяснить, какъ это дѣлалось съ язычниками, но то, что такъ было, изъ-за сего не должно подлежать сомнѣнію. Можно только спросить: апостольское призываніе собирало приготовленные сосуды наличные; но приготовленіе шло во все предшествовавшее время, сначала всѣхъ людей совокупно, а тысячи двѣ слишкомъ раздѣльно, т.-е. особо Іудеевъ и особо язычниковъ; какъ же пренесены въ славу сосуды милости, предуготованные тогда? Тоже чрезъ призываніе. Господь, сошедши во адъ, проповѣдалъ духамъ прежде жившихъ и отшедшихъ, и всѣ, которые прежде предуготованы были въ сосуды милости, вняли призванію и вступили въ рядъ сосудовъ славы. Окончательное ихъ подготовленіе дѣлалъ св. Предтеча, явившійся туда годами двумя или тремя раньше Господа Спасителя.

Такое промыслительное распоряженіе Божіе о людяхъ въ язычникахъ не возбуждало никакого недоумѣнія: они только благоговѣйно принимали его, благодарныя вознося къ Богу хвалы и изумляясь непостижимой премудрости Божіей въ промышленіи о людяхъ. Но изъ Іудеевъ иные, несмотря на предшествовавшія объясненія— какъ не отпаде обѣтованіе при всемъ томъ, что призваны и язычники, все еще не легко могли отбиться отъ возникавшихъ у нихъ вопросовъ: какъ же такъ? Мы— Божій народъ, а тѣ не люди Божіи? Апостолъ окончательно успокоиваетъ таковыхъ приведеніемъ пророчествъ о томъ, говоря какъбы: это теперь только открылось, а предназначено быть сему изъ начала и предсказано совмѣстно съ тѣмъ, какъ и предуготовано. Я имѣлъ въ намѣреніи объяснить вамъ это предыдущими разсужденіями о томъ, что не чуждо Божіимъ совѣтамъ, если Онъ недостойныхъ выдѣляетъ изъ наслѣдія обѣтованія, даннаго отцамъ ихъ; но если для васъ это невнятно, неубѣдительно, приведу вамъ пророчества о томъ. Вѣ-

рите ли пророкамъ? Вѣрьте же, что если теперь въ стадо Христово вступаютъ язычники, тогда какъ многіе Іудеи остаются внѣ овчарни Божіей; то это дѣлается не по ошибкѣ проповѣдниковъ, а по прямой волѣ Божіей. Такимъ образомъ въ приводимыхъ пророческихъ предсказаніяхъ можно видѣть второе доказательство того, что не отпаде обѣтованіе чрезъ призываніе язычниковъ и невнитіе въ наслѣдіе нѣкоторыхъ Іудеевъ. Апостолъ приводитъ пророчества въ двухъ смыслахъ: одно о призваніи язычниковъ, а другое о невнитіи въ наслѣдіе многихъ Іудеевъ.

О призваніи язычниковъ приводитъ Апостолъ изъ Пророка Осіи два мѣста, но изъ одной рѣчи пророческой — первой.

Ст. 25. *Якоже и во Осіи глаголетъ: нареку не люди моя люди моя, и невозлюбленную возлюблену* (Осіи 2, 23).

Ст. 26. *И будетъ на мѣстѣ, идѣже речеся имъ: не людіе мои есте вы, тамо нарекутся сынове Бога живаго* (Осіи 1, 10).

Тѣ и другія слова говорятся у пророка отъ лица Самого Бога и говорятся по такому случаю. Израильтяне, десять колѣнъ, оставили Бога истиннаго и стали покланяться идоламъ, особенно Ваалу. Какъ они отвратились отъ Бога, то и Богъ отвратился отъ нихъ, и говорилъ имъ: вы не народъ Мой, не людіе Мои, и отвергалъ ихъ, какъ отвергаетъ кто нелюбимую жену, говоритъ: ты—невозлюбленная. Ради такого особенно укора воздвигъ Онъ пророка Осію, въ числѣ другихъ многихъ вразумлявшихъ ихъ. Богъ сказалъ Осіи: возьми жену блудницу и раждай съ нею чада. Пророкъ взялъ, и когда стали раждаться у него чада, Богъ самъ давалъ имъ имена. Между ними одну дочь велѣлъ Богъ назвать: непомилована, немила, нелюба, а одного сына: не людіе Мои. Объясняя же, почему такъ, говорилъ: вы отврати-

лись отъ Меня, и Я отвращаюсь отъ васъ и не буду болѣе миловать и любить. Вы не считаете Меня своимъ Богомъ и Я отнимаю у васъ дорогое имя народа Моего, людей Моихъ: вы не люди Мои.

Какъ пророкъ жилъ предъ лицемъ всѣхъ, и всѣ знали имена дѣтей его и значеніе ихъ, то это было непрерывнымъ нагляднымъ обличеніемъ, напоминавшимъ, чего они лишаются чрезъ свое отпаденіе отъ Бога. Израильтяне однакожь не внимали сему и продолжали нечествовать, къ великому сокрушенію и пророковъ, и людей богобоязненныхъ, скорбѣвшихъ о нечестіи братій своихъ и страшившихся немилости Божіей. Въ утѣшеніе имъ Богъ, вмѣстѣ съ обличеніемъ и угроженіемъ, предрекалъ и обращеніе нечествовавшихъ и милость, имѣющую открыться въ нихъ отъ лица Божія. Не всегда такъ будетъ, говоритъ Онъ имъ: обращу васъ къ Себѣ, и обратитесь. Обращу и обручу Себѣ въ вѣрѣ, и увѣдаете Меня Господа, Бога вашего. Тогда Я назову васъ, которые теперь не люди Мои, людьми Моими, и которые теперь не любы Мнѣ, какъ жена нелюбимая,—возлюбленною. И тамъже, гдѣ теперь говорится о васъ: не люди вы Мои, будетъ сказано: вы—сыны Бога живаго.

Такимъ образомъ рѣчь пророческая относилась не къ язычникамъ прямо, а къ Израильтянамъ оязычившимся. Тѣмъ не менѣе однакожь она духомъ апостольскимъ могла быть отнесена къ язычникамъ; ибо предъ лицемъ Бога плотское различіе ничего не значитъ, а цѣнятся одни внутреннія настроенія. Язычествующіе Израильтяне для Него тоже, что и самые язычники. Почему какъ пророческій духъ въ обращеніи Израильтянъ, яко язычествующихъ, могъ прозрѣвать безъ различія обращеніе всѣхъ нечествовавшихъ въ язычествѣ: такъ и духъ апостольскій могъ видѣть въ семъ предреченіи объ обращеніи первыхъ общее обращеніе всѣхъ язычествую-

щихъ, кто бы они ни были по плоти. Израильтянамъ предрекается милость и принятіе въ народъ не поколику Израильтяне суть, а поколику оставляютъ язычествованіе. Обобщивъ сіе, получимъ: что имъ обѣщано, то справедливо относить и ко всѣмъ оставляющимъ язычество, каковы увѣровавшіе въ Господа Спасителя. Почему наши толковники пророческія слова принимаютъ такъ, какъбы они сказаны были прямо о язычникахъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ привелъ во свидѣтели Осію, чрезъ котораго Богъ взываетъ и говоритъ: *нареку не люди моя, люди моя, и невозлюбленную, возлюблену*. Кто же *не люди моя?* Очевидно язычники. Кто *невозлюбленная*? Опять они же. Однакожь сказано о нихъ, что будутъ народомъ, возлюбленною, сынами Божіими. *Тамо нарекутся сынове Бога живаго*, продолжаетъ Апостолъ. Если скажутъ, что сіе говорится объ увѣровавшихъ изъ Іудеевъ (какъ бл. Өеодоритъ), то и тогда наше толкованіе будетъ имѣть мѣсто. Если произошла такая перемѣна въ народѣ, который послѣ многихъ благодѣяній оказался неблагодарнымъ, отложился, утратилъ даже то, что дѣлало его народомъ; то какое препятствіе быть призванными и удостоиться за послушаніе тѣхъже милостей тѣмъ, которые отчуждены были не послѣ того, какъ приняты, но съ самаго начала были чужды?“ Амвросіастъ пишетъ: „явно, что это предречено о язычникахъ, которые прежде не были народомъ Божіимъ, но послѣ, въ укоръ Іудеямъ, сподобились милости, названы народомъ Божіимъ; и тѣ, которые прежде не были любезными, по отверженіи Іудеевъ, удостоены всыновленія, стали возлюбленными; такъ что гдѣ прежде не назывались народомъ Божіимъ, тамъ стали называться сынами Бога живаго. Ибо прежде нигдѣ не назывались сынами Божіими, какъ въ Іудеѣ или въ Іерусалимѣ, гдѣ былъ домъ Божій, какъ говорится въ псалмѣ семьдесятъ

пятомъ: *вѣдомъ во Iудеи Богъ* (—2). Послѣ же въ пророчествѣ Захаріи говоритъ Богъ: *положу Iерусалима камень попираемый всѣми языки* (—12, 3). Тогда повсюду будутъ сыны Божіи и домъ Божій во всѣхъ мѣстахъ, который есть Церковь. Почему Господь сказалъ Iудеямъ: *сего ради отъимется отъ васъ царствіе Божіе и дастся языку, творящему плоды его*" (Мат. 21, 43).

И о томъ, что не всѣ Iудеи приняты будутъ въ обѣтованное царство спасенія во Христѣ Iисусѣ, приводитъ Апостолъ два пророчества и оба изъ Исаіи пророка.

Первое: стт. 27. 28. *Исаія же вопіетъ о Израили: аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ, яко песокъ морскій, останокъ спасется. Слово бо скончавая и сокращая въ правдѣ, яко слово сокращено сотворитъ Господь на земли* (Исаіи 10, 22. 23).

Исаія же вопіетъ о Израили. Приведенныя выше пророчества относятся къ принятію язычниковъ. Что же касается до Iудеевъ, кои именуются Израиль, хотя не всѣ суть Израиль, то объ нихъ вотъ что *вопіетъ Исаія*. „*Вопіетъ*, т.-е. смѣло и не скрываясь провозглашаетъ" (Св. Злат.), показывая, что говоритъ истину несомнѣнную, рѣшительную и для всѣхъ крайне важную. Что же вопіетъ Исаія? *Аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ, яко песокъ морскій, останокъ спасется.* Прямо смотря на сіи слова, всякій сознаетъ, что опредѣленнѣе пророчества о томъ, что не всѣ Израильтяне войдутъ въ спасительное наслѣдіе обѣтованія, и быть не можетъ. *Останокъ* означаетъ—немногіе, какъ и мы говоримъ нерѣдко: это остатки, т.-е. малая часть изъ цѣлаго. Почему св. Златоустъ, обращаясь къ слушателямъ своимъ, съ движеніемъ говоритъ: „видишь, что и по словамъ Исаіи спасены не всѣ, но достойные спастись. Не боюсь множества, говоритъ Богъ, Меня не устрашаетъ такое размноженіе рода; Я спасаю только тѣхъ, которые оказы-

ваются того достойными. Итакъ, чего же тревожитесь, называя обѣтованіе нарушеннымъ, когда пророки объявляютъ, что не всѣ спасутся?“

Но если посмотрѣть на сіе пророченіе и въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно проречено у Исаіи, и тогда не иную подаетъ оно мысль. Св. Исаія говоритъ въ десятой главѣ объ ассирійскомъ народѣ, что онъ назначенъ быть бичемъ Божіимъ на нечестивыхъ и беззаконныхъ, и дѣйствительно поразитъ ихъ, и заберетъ страны выше Вавилона, Аравію, Дамаскъ (Сирію), Самарію, Іерусалимъ (Палестину). Но когда исполнитъ онъ сіе дѣло Божіе, тогда и самъ подвергнется наказанію за то, что возгордится успѣхами своими, приписывая ихъ своей мудрости и крѣпости. За это наведетъ Господь на его честь безчестіе, и на славу огнь горя возгорится: все отнято будетъ у него. Тогда оставшіеся отъ его пораженія сыны Іаковли не будутъ уповать на него, т.-е. не будутъ къ нему обращатъ очи, чая тѣмъ избавиться отъ конечнаго истребленія, но будутъ уповать на Бога, Святаго Израилева, истиною. *И обратится останокъ Іаковль къ Богу крѣпкому* (— ст. 21). Послѣ сихъ словъ слѣдуютъ слова приведенныя Апостоломъ (— 22. 23), что именно только останокъ спасется. Съ перваго раза можетъ показаться, что у пророка слова сіи относятся къ возвращенію Израильтянъ изъ плѣна. Возвратились точно не всѣ, и возвратившіеся возвратились, обратясь къ Богу крѣпкому, отъ Коего уже не отпадали къ чужимъ богамъ. Но если и такъ разумѣть слова пророческія, все же привесть ихъ въ подтвержденіе того, что не всѣ спасутся и въ Господѣ Спасителѣ, можно было,—и привесть именно въ смыслѣ предсказанія сего послѣдняго событія. Потому что возвращеніе изъ плѣна Израильтянъ было прообразомъ возвращенія людей изъ плѣна духовнаго, совершеннаго Христомъ Господомъ. А прообразы имѣли предсказательное

значеніе. Почему все, сказанное о первомъ, можетъ быть относимо къ послѣднему, какъ пророческое предсказаніе. Но вникая ближе въ теченіе рѣчи пророка, приходимъ къ мысли, что онъ прямо здѣсь указываетъ на сбывшееся надъ Израилемъ во Христѣ Іисусѣ. Возьми всякъ во вниманіе, какая была нужда пророку снова повторять слово о спасеніи только остатка, когда уже онъ только что сказалъ то: *обратится остатокъ Іаковль къ Богу?* Не другая, какъ та, чтобъ, пользуясь симъ случаемъ, перевесть мысли слушающихъ въ далекое будущее, когда не въ прообразѣ, а дѣйствительно останокъ спасется. Почему вмѣсто—*обратится останокъ,* сказалъ—*спасется,* напоминая о чаемомъ Спасителѣ и Избавителѣ. Строй рѣчи у пророка такой, что прямо внушаетъ, что онъ хотѣлъ здѣсь сказать особое нѣчто, и особенно это внушаютъ слова: *слово бо совершая и сокращая* и проч. Здѣсь тоже видимъ, что часто встрѣчается и въ псалмахъ, гдѣ св. Пророкъ Давидъ, поя пѣсни Богу по случаю текущихъ событій, часто восторгаемъ былъ пророческимъ Духомъ къ созерцанію имѣвшаго быть въ чаемомъ Спасителѣ, и внезапно изрекалъ слова, которыя и поняты быть не могутъ иначе, какъ бывъ отнесены къ Спасителю. Тоже самое и здѣсь: помянулъ пророкъ объ обращеніи къ Богу остатка Іаковля послѣ пораженія сыновъ его Ассиріанами, и перенесенъ былъ духомъ пророческимъ къ устроенію спасенія въ лицѣ чаемаго Избавителя, и прозрѣвъ, какъ и тогда не всѣ, а нѣкоторые только вступятъ въ наслѣдіе спасенія, сказалъ: *и аще будутъ людіе Израилевы* (число сыновъ Израилевыхъ) *яко песокъ морскій, останокъ ихъ спасется.* Какъбы такъ: будетъ и еще время, когда повторится подобное.

Слышавшіе слово пророка могли не уразумѣть вдругъ, когда это будетъ, что такое хочетъ внушить пророкъ; но потомъ это должно было для нихъ уясниться, особенно

послѣ того, какъ *останокъ Іаковль* дѣйствительно обратился къ Богу крѣпкому, въ періодъ возвращенія изъ плѣна. Возвращеніе изъ плѣна, какъ уже замѣчено, было наияснѣйшимъ прообразомъ того извожденія изъ плѣна, которое имѣлъ совершить чаемый Избавитель; такъ что во вниманіи истинныхъ Израильтянъ въ первомъ всегда созерцалось послѣднее, слѣдовательно и то, что только останокъ спасется. И Апостолъ, приведши это мѣсто, не сказалъ ничего, что бы могло затруднять разумнаго Израильтянина. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „особенно кстати привелъ Апостолъ сіе свидѣтельство, давая знать, что Богъ всяческихъ изначала провидѣлъ и приступившихъ къ вѣрѣ и недугующимъ невѣріемъ. Поелику Іудеи (неразумные—ослѣпленные) говорили, что немногіе изъ нихъ приняли проповѣдь, всѣ же другіе бѣгутъ ея, какъ обмана; то показалъ онъ, что сіе предсказано издревле, что не всѣ улучатъ спасеніе, но одни, украшающіеся вѣрою.“

Еще болѣе видно сіе, т.-е. то, что пророкъ, говоря о тогдашнихъ дѣлахъ, прозрѣвалъ имѣющее быть въ далекомъ будущемъ, именно въ дѣлѣ спасенія, имѣвшаго устроиться чаемымъ Избавителемъ,—изъ того, что слѣдуетъ: *слово бо скончавая и сокращая въ правдѣ, яко слово сокращено сотворитъ Господь на земли.* Это слова ясно указываютъ на нѣчто совершительное или окончательное. Они очень напоминаютъ другаго пророка пророченіе, тоже Апостоломъ Павломъ приводимое въ посланіи къ Евреямъ, именно: *еще единою Азъ потрясу и небомъ и землею, и моремъ и сушею, и сотрясу вся языки и пріидутъ избранная всѣхъ языкъ, и исполню храмъ сей славы* (Агг. 2, 7. 8; Евр. 12, 26). Св. пророкъ Аггей поясняетъ св. Исаію, сказывая опредѣленнѣе, что такое есть то совершительное и окончательное, о коемъ сотнями лѣтъ раньше предвозвѣстилъ Исаія. Это—то, какъ всѣ языки, не исключая и Іудеевъ, будутъ потрясены при-

шествіемъ Христа Господа и проповѣдію апостольскою, и избранные отъ нихъ, не всѣ, останокъ, пріидутъ въ Церковь святую о Господѣ—чему начало положено во второмъ храмѣ Іерусалимскомъ, и что составить имѣло славу его, прореченную св. Аггеемъ. Что у пророка Аггея названо потрясеніемъ еще единою языковъ, то у Исаіи обозначено словомъ сокращеннымъ. *Сокращено*, συντετμημένον отъ τέμνω рубить. Въ нашей обычной рѣчи, когда кто скажетъ послѣднее рѣшительное слово, мы приговариваемъ: отрубилъ, сказалъ окончательное слово, нечего болѣе добиваться отъ него. Такую же мысль подаетъ пророческое реченіе: *слово сокращено,* т.-е. слово окончательное, рѣшительное, послѣднее, послѣ котораго не жди другаго. Подъ реченіемъ же: *слово,* надо разумѣть не слово только, но и дѣло, и опредѣленіе рѣшительное, и исполненіе его, окончательное Божіе учрежденіе на землѣ, или, какъ у пророка, во всей вселеннѣй. Это ни къ чему другому отнесено быть не можетъ, какъ къ пришествію Христа Спасителя и водворенію вѣры въ Него на землѣ. Было слово или распоряженіе Божіе о спасеніи до закона; было второе по немъ въ законѣ и пророкахъ, окончательное же слово о семъ, распоряженіе и учрежденіе, дано будетъ, предрекаетъ пророкъ, въ Единородномъ Сынѣ Божіемъ; и послѣ сего другаго слова уже не жди. Слово сіе послѣднее, говоритъ пророкъ, не скажетъ Господь, но сотворитъ. Оно и сотворено,—все исполнено и учреждено, и такъ пребудетъ до скончанія вѣка.

Таковъ смыслъ словъ: *слово сокращено сотворитъ Господь на земли.* Но какая мысль въ предъидущихъ словахъ: *слово бо скончавая и сокращая въ правдѣ?* Такая же и здѣсь мысль. Выраженіе это неполно. въ немъ недостаетъ правящаго глагола. Надо дополнить. Дополняется чрезъ—есть. Получимъ: Господь есть скончавая

и сокращая слово свое,—*скончавающъ и сокращающъ*. Не все будетъ Онъ вводить новыя и новыя учрежденія и распоряженія. Есть у Него окончательное слово и дѣло, которое Онъ наконецъ и сотворитъ. Слово—въ правдѣ – означаетъ: не въ образахъ и тѣняхъ, а въ самой существенности дѣла.

Въ какой же связи сіи слова стоятъ къ прежнимъ: *останокъ спасется?* Въ нихъ можно видѣть указаніе на время, когда исполнится сіе, т.-е. что *останокъ спасется*, въ настоящей дѣйствительности и существенности. Когда это? Когда Господь, Который не все будетъ съ вами размножать слова, сотворитъ наконецъ слово сокращено на землѣ.

Наши толковники, разумѣя подъ словомъ сокращеннымъ устроеніе спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, сокращеннымъ понимаютъ его не какъ окончательное, а какъ въ существѣ своемъ краткое, въ противоположность многосложному закону. Но это не противорѣчитъ сказанному, а только другую сторону указываетъ тогоже рѣшительнаго слова и дѣла Божія. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „*словомъ сокращеннымъ* назвалъ пророкъ вѣру. Ибо чему законъ обучалъ многими заповѣдями и не могъ доставить совершеннаго спасенія, въ томъ преуспѣло исповѣданіе Христово, то доставила вѣра. Вѣра же сокращена и не имѣетъ нужды въ дальнихъ обходахъ, судится по душевному расположенію и проповѣдуется языкомъ.“ Св. Златоустъ говоритъ: „сіе, т.-е. *слово сокращено сотворитъ Господь*, значитъ: не нужно далеко ходить, трудиться и утомлять себя дѣлами законными, напротивъ спасеніе совершится весьма короткимъ образомъ. Ибо такова вѣра; она въ краткихъ словахъ содержитъ спасеніе *Аще бо исповѣси усты твоими Господа Іисуса*, говоритъ Апостолъ, *и вѣруеши въ сердцѣ твоемъ, яко Богъ Того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися* (Римл.

10, 9). Понимаешь ли теперь, что значитъ: *слово сокращено сотворитъ Господь на земли?* Достойно удивленія то, что краткое слово сіе доставило не только спасеніе, но и праведность.“

Ст. 29. *И якоже прорече Исаія: аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, якоже Содомъ убо были быхомъ, и якоже Гоморру уподобилися быхомъ* (Исаіи 1, 9).

Это второе мѣсто изъ Исаіи же Пророка. *Прорече*—προέιρηχεν—прежде сего рече, въ началѣ своихъ пророческихъ рѣчей. *Якоже*—χαθώς, подобно тому какъ. Будетъ: подобно тому, какъ и впереди сего сказалъ тотъже Исаія. Св. Павелъ мѣсто сіе приводитъ въ поясненіе словъ: *останокъ спасется.* Хочешь разумѣть, что значитъ останокъ—читай у тогоже Исаіи выше: *аще не бы Господь оставилъ намъ сѣмене.* „Пророкъ, которыхъ послѣ назоветъ *останкомъ*, тѣхъже здѣсь наименовалъ *сѣменемъ*“ (Ѳеод.). Что же это за сѣмя? Пророкъ Исаія, въ томъ мѣстѣ, откуда взяты сіи слова, призвавъ во свидѣтели небо и землю, обличаетъ народъ Израильскій въ нечестіи, потомъ изображаетъ бѣдственное состояніе, какому подвергся онъ за такое нечестіе: *земля ваша пуста, гради ваши огнемъ пожжени, страну вашу предъ вами чуждіи поядаютъ, и опустѣ низвращенна отъ людей чуждихъ* (1, 7); остался одинъ Іерусалимъ, какъ куща въ виноградѣ. (Это очень сходно съ тѣмъ, что было при Езекіи, когда Богъ чудно спасъ Іерусалимъ отъ Ассиріанъ). Послѣ сего пророкъ прибавляетъ, что еслибъ не оставилъ въ насъ Богъ сѣмени, то мы всѣ до одного были бы истреблены, какъ случилось съ Содомомъ и Гоморрою. Это оставленное въ насъ сѣмя спасло насъ; ради его пощадилъ и прочихъ изъ насъ Господь Богъ. Слѣдовательно не всѣ оставшіеся живыми суть спасительное сѣмя. Сѣмя сіе среди ихъ есть, и ради его пощажены всѣ избѣгшіе конечнаго истребленія. Что

же это за сѣмя? Совокупность лицъ, противоположныхъ тѣмъ, кои привлекли кару небесную. Эти Бога отверглись, а тѣ, выходитъ, вѣрными Ему пребываютъ; эти исполнены грѣховъ, а эти, значитъ, заповѣди Божіи исполняютъ и во всякихъ добродѣтеляхъ преуспѣваютъ; эти такимъ образомъ разгнѣвали Святаго Израилева, а тѣ, очевидно, благоугодны Ему суть (—2—4). За то Богъ соблюлъ ихъ цѣлыми, а ради ихъ и прочихъ многихъ. Итакъ, сѣмя здѣсь у пророка суть люди вѣрующіе въ Бога, боящіеся Его и свято по заповѣдямъ Его живущіе. Привнесши это понятіе въ сказанное прежде, что останокъ спасется, получимъ мысль, что еще пророкъ Исаія провидѣлъ, какъ изъ многаго множества живущихъ теперь Іудеевъ спасутся очень немногіе, именно тѣ, которые Бога боятся и заповѣди Его хранить любятъ, каковы и суть всѣ оставляющіе іудейство и дѣлающіеся христіанами. Они и суть останокъ, коему предречено спасену быть.

Кажется, Апостолъ, приводя сіе мѣсто объ оставленномъ сѣмени, ничего другаго не имѣлъ, какъ пояснить, что это за останокъ, который спасется, какъ сказано выше. Но можно нѣсколько и расширить значеніе его. Ради сего останка спасаемаго, ради сего сѣмени соблюденнаго, оставлены жить и всѣ другіе Іудеи, жить доселѣ—отъ начала доселѣ. Іудеевъ, ради ихъ богоборства, нечестія и беззаконій, давно слѣдовало бы всѣхъ истребить, подобно Содомлянамъ и Гоморрянамъ. Другіе языки тоже нечествовали и беззаконновали; но они не знали Бога истиннаго и о законѣ Его не слышали. А эти знали Бога истиннаго, многократно дававшаго знать имъ о Себѣ самымъ осязательнымъ образомъ, и изъ устъ Его самого слышали законъ. Потому неизвинительно виновны, когда нечествовали и беззаконновали. За это давно бы быть имъ истребленнымъ. Если не истреблены, то по-

тому только, что среди ихъ Богъ всегда хранилъ достойное Его милости сѣмя. Ради его щадилъ Онъ и всю массу народа. Это-то собственно сѣмя и причитаемо должно быть въ сѣмя Авраамово, которому одному принадлежитъ обѣтованіе. Дорого же въ очахъ Божіихъ сіе сѣмя потому особенно, что отъ него должно было произойти то Сѣмя единое, о коемъ благословятся всѣ народы и о коемъ помянуто было еще въ раю предъ изгнаніемъ изъ него, и потомъ непрестанно поминаемо. То всегда блюдомое Богомъ сѣмя, прозрѣвая сіе единое, имѣющее породить отъ него Сѣмя, было едино съ нимъ въ духѣ и симъ единеніемъ питая свою богобоязненность и праведность, всегда состояло въ благоволеніи Божіемъ. Родилось наконецъ то Сѣмя, совершило свое дѣло въ своемъ лицѣ и послало друговъ своихъ собирать къ Себѣ всѣхъ, которые жили чаяніемъ Его. Это и дѣлается теперь, могъ сказать Апостолъ. Проповѣдь апостольская собираетъ ихъ. Что она не всѣхъ беретъ, это потому, что не всѣ суть отъ рода сего. Господь чрезъ насъ беретъ къ Себѣ своихъ Ему. А тѣхъ, которые прежде были Ему свои, Онъ самъ взялъ, сошедши во адъ. Итакъ, нечего вамъ, Іудеи, дивиться и недоумѣвать, видя, что не всѣ приступаютъ къ вѣрѣ. Тутъ не особое что творится, а лишь исполняется то, что давно пророками предсказано объ остаткѣ спасаемомъ и сѣмени соблюдаемомъ.

Здѣсь оканчиваетъ Апостолъ доказываніе того, что не отпаде обѣтованіе, хотя не всѣ Іудеи приходятъ въ ограду вѣры, и чрезъ то въ наслѣдіе духовныхъ благъ, обѣтованныхъ отцамъ, и хотя, тогда какъ Іудеи остаются внѣ наслѣдія, на мѣсто ихъ вступаютъ въ наслѣдіе язычники. Во все теченіе доказыванія Апостолъ только намекалъ на то, что если такъ есть, то потому, что одни достойными являются, а другіе недостойными.

Теперь же явно это высказываетъ, показывая, въ чемъ состоитъ достоинство однихъ и недостоинство другихъ.

в).

Какъ же такъ сдѣлалось, что многіе Іудеи отвержены, и на мѣсто ихъ призваны язычники? Какая тому причина? Вѣра однихъ и невѣріе другихъ, отвѣчаетъ Апостолъ.

9, 30—10, 21.

Ст. 30. *Что убо речемъ? Яко языки, не гонящіи правду, постигоша правду, правду же, яже отъ вѣры.*

Что убо речемъ? Что скажемъ на это? Какъ не-люди Божіи стали людьми Божіими, и невозлюбленная возлюбленною? Какъ язычники вступили въ наслѣдіе духовное о Христѣ, неискавши того, а Іудеи исключены изъ сего наслѣдія, чаявши его? Какая тому причина? Смотрите и увидите, отвѣчаетъ Апостолъ; увидите же вы одно то, что язычники увѣровали во Христа и вошли въ наслѣдіе, а Іудеи, преткнувшись о сей камень невѣріемъ, лишены наслѣдія. Отъ пророческихъ предсказаній въ далекомъ прошедшемъ Апостолъ переводитъ теперь мысль на то, что предъ глазами, и одно изъясняетъ другимъ.

Языцы не гонящіи правду. Язычники жили въ собственное удовольствіе; вся ихъ забота была о томъ, чтобъ устроить свое земное благобытіе. Они поминали и о Богѣ, но мимоходомъ; знали и о будущей жизни, но она у нихъ стояла на заднемъ планѣ; и правдою не гнушались, но не считали ее закономъ, а дѣломъ приличія и выгоды, и не стыдились попирать ее, когда она становилась поперекъ ихъ главной дороги къ земному благобытію. Не гнались, не ревновали они о томъ, чтобъ, помня Бога и страхомъ Его исполняясь, жизнь свою

устроять по волѣ Его праведно и тѣмъ приготовлять для себя блаженное будущее. Все сіе есть правда жизни человѣческой, Богомъ указанная въ устроеніи естества человѣческаго. Смутно носилось въ головѣ язычниковъ, что такъ бы слѣдовало; но имъ некогда было строго заняться тѣмъ: устроеніе земной самоугодной жизни поглощало все ихъ вниманіе и труды. Но когда начала проходить среди ихъ проповѣдь апостольская, тогда загнанная назадъ и забитая правда естества выступила, и стала предъ очами ума и совѣсти, и обличала не внимавшихъ ей. Имъ не на чемъ было опереться, чтобъ оправдаться, и обличеніе дѣйствовало на нихъ всею силою. Вслѣдствіе того они каялись, прилѣплялись ко Христу Господу вѣрою, получали благодать и начинали жить праведно, правду поставляя главною цѣлію своей жизни. Такъ не гонящіе правду постигали правду, правду же, яже отъ вѣры. Подъ правдою надо разумѣть здѣсь всѣ духовныя блага о Христѣ Іисусѣ: отпущеніе грѣховъ, полученіе благодати, благонастроеніе ею сердца и всякія добродѣтели,—чѣмъ всѣмъ возстановлялась правда, въ естествѣ человѣческомъ начертанная при созданіи и попираемая дотолѣ. „Знай, говоритъ Апостолъ, что вѣра для язычниковъ — причина благъ, ибо она ихъ, древле заблудившихся, неимѣвшихъ правды и нехотѣвшихъ взыскать ея, сподобила правды по благодати“ (Ѳеод.).

Стт. 31. 32. *Израиль же гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже. Чесо ради? Зане не отъ вѣры, но отъ дѣлъ закона: преткнушася бо о камень претыканія...*

Законъ правды, начертанный въ естествѣ человѣка, есть, какъ сказано выше,—помня Бога и страхъ Божій содержа жить по волѣ Его, совѣстію извѣщаемой, въ чаяніи блаженнаго будущаго. Сей законъ правды и язычниками былъ сознаваемъ, но смутно, и былъ пере-

путанъ ложью въ понятіяхъ и о Богѣ, и о достодолжномъ, и о будущей жизни. Израиль имѣлъ вѣрное Богопознаніе, имѣлъ законъ, точно и подробно опредѣлявшій все достодолжное, и будущую жизнь разумѣлъ разумнѣе и яснѣе. Почему онъ могъ вѣрнымъ путемъ тещи, или гнать въ слѣдъ закона правды, чтобъ его достигать. И конечно достигалъ. Ибо все у него было Божеское учрежденіе, которое не бываетъ тщетно. Святые и праведные, просіявшіе въ законѣ, всѣ суть постигшіе въ законъ правды. Богобоязненные, заповѣди Божіи хранившіе, и грѣхи свои очищавшіе установленнымъ отъ Бога порядкомъ, всѣ въ лонѣ Авраамовомъ. Они были то богохранимое сѣмя, ради коего хранима была и вся масса народа Израильскаго, и которое теперь проповѣдію апостольскою призвано и введено въ наслѣдіе Христово и составляетъ останокъ спасаемый. Когда Апостолъ говоритъ, что *Израиль въ законъ правды не постиже*, то разумѣетъ того Израиля, который былъ предъ лицемъ,— масса народа съ предержащими властями, духовными и гражданскими, и со всѣми порядками подзаконной жизни, въ Іерусалимѣ и по всѣмъ городамъ и селамъ, въ Палестинѣ и въ разсѣяніи. Повсюду были увѣровавшіе въ Господа; но ихъ было вездѣ понемногу, они были презираемы и гонимы, и исключаемы изъ сонма сыновъ Израилевыхъ, такъ что вообще справедливо было говорить: Израиль не вѣровалъ въ Господа своего Избавителя. Сію-то преоблацающую массу и разумѣлъ Апостолъ, когда говорилъ: *Израиль въ законъ правды не постиже*. Какъ же такъ сдѣлалось, что эта масса *не постиже*, тогда какъ среди ея же хранимое сѣмя немногочисленное постиже, и сей останокъ спасется?—*Зане не отъ вѣры, но отъ дѣлъ закона*. Гналъ и этотъ Израиль въ слѣдъ закона правды, но не постигъ; потому что гналъ не въ духѣ вѣры, а только дѣлами закона. Но

вѣдь и тѣ немногіе, постигшіе теперь въ законъ правды, не чужды были дѣлъ закона, - они вѣрно исполняли всякую законную правду, какъ и самъ Спаситель. Въ чемъ же тутъ разница столь большая, что одни, изъ одинаковыхъ, постигли, а другіе—нѣтъ?

Апостолъ характеризуетъ сію разницу словами: *зане не отъ вѣры, а отъ дѣлъ закона*. У этихъ многихъ одни дѣла закона, а у тѣхъ немногихъ не одни такія дѣла, но и вѣра, которая и прежде жила въ ихъ сердцѣ, какъ сѣнь, а теперь осуществилась и приняла свой истый, твердый образъ.

Въ дѣлахъ надобно различать собственно дѣла, видимо, въ своемъ мѣстѣ и въ свое время творимыя, затѣмъ расположенія, съ какимъ они творятся, а еще глубже—духъ, съ коимъ творятся. Возьмемъ примѣръ: подана милостыня добрая, тому-то, тамъ-то, тогда-то. Это—видимое дѣло. Расположеніе, которое подъ нимъ, невидимо: могло же это быть по естественному чувству сердоболія, по сознанію долга и заповѣди, по тщеславію, или для временнаго зарекомендованія себя предъ людьми, нужнаго еще для чего-либо. Правы первыя два, а послѣднія неправы, въ нихъ совсѣмъ нѣтъ милостивости и милостыня является безъ милостивой души. Духъ, съ которымъ дѣлаются дѣла, обнимаетъ обыкновенно множество расположеній и дѣлъ, а иногда, или большею частію, и всѣ,—это то, что движетъ дѣйствующаго: самость, міръ, Богъ, и притомъ—изъ страха, или изъ-за воздаянія, или изъ любви. Эти возбудители, то поодиночкѣ, то попарно, то сопутствуя другъ другу, то перекрещиваясь между собою, составляютъ духъ жизни каждаго. Духъ, естественною правдою требуемый, есть все дѣлать для Бога и по Богу. Въ какой бы силѣ это ни дѣлалось, все право. Первые же два неправы.

Дѣла никогда не бываютъ безъ сокрытаго подъ ними и въ нихъ расположенія и духа. Но бываетъ, и не боль-

шею ли частію? что послѣдніе (расположеніе и духъ) принадлежатъ совсѣмъ къ другому роду, чѣмъ первыя,—(дѣла); и тогда дѣла остаются одни, принадлежащими къ своему роду. Въ приведенномъ примѣрѣ, милостыня, изъ своекорыстныхъ цѣлей, безъ милостивости сердечной и безъ мысли о Богѣ поданная, остается одна лишь, какъ видимое дѣло, принадлежащею къ роду добрыхъ дѣлъ, а расположеніе и духъ не добры, суть другаго рода. Между тѣмъ сдѣлавшій ее можетъ опираться на ней для оцѣнки себя самого и другіе тоже могутъ оцѣнивать его по сему дѣлу. Только око Божіе иначе оцѣнитъ его; и еще,—если встрѣчается какая проба ему, то и отъ другихъ не укроется, что было внутри его. Обобщимъ сей случай и положимъ, что всѣ дѣла закона дѣлаются такъ, что въ нихъ съ закономъ сообразна видимая только сторона дѣлъ, расположеніе же и духъ несообразны. Тогда справедливо будетъ сказать, что у извѣстнаго круга лицъ есть только дѣла закона, и больше ничего; что внутри дѣлъ, то чуждо закона. Между тѣмъ и они сами могутъ, опираясь на сихъ дѣлахъ, считать себя исправными, и другіе тоже. Только Богъ видитъ, насколько они исправны; да окажется это, если подвергнуть ихъ какой-либо пробѣ, могущей вызвать и выказать, что кроется у нихъ внутри. Приложимъ сіе къ словамъ Апостола Павла. Почему Іудеи, разумѣя подъ ними массу народа не постигли въ законъ правды, тогда какъ и дѣйствовали по закону и были увѣрены, что исправны и больше для нихъ ничего не потребуется? Потому, отвѣчаетъ Апостолъ, что у нихъ только и было, что дѣла закона, а прочее все (духъ и расположеніе), требуемое при семъ, было не право, не сообразно съ закономъ правды. Это недостающее Апостолъ совмѣстилъ въ словѣ: *зане не отъ вѣры*. Что этимъ требуется? Въ другомъ мѣстѣ Апостолъ пишетъ: *безъ вѣры не возможно угодити Богу: вѣровати же подобаетъ прихо-*

дящему къ Богу, яко есть и взыскующимъ Его мздовоздатель бываетъ (Евр. 11, 6). Это общая всѣхъ вѣра, въ естествѣ человѣческомъ напечатлѣнная. Есть Богъ, отъ Коего мы всесторонне зависимъ и Коему должны всячески благоугождать, дѣйствуя предъ лицемъ Его искренно, по внушеніямъ даннаго Имъ закона въ совѣсти, въ чаяніи блаженной будущности. Это та естественная правда, о коей поминалось выше. И она-то есть духъ, который долженъ проникать всѣ дѣла и порождать всѣ добрыя расположенія (добродѣтели), осуществляемыя дѣлами. Недоставало этого у народа, о коемъ идетъ рѣчь,—онъ и не постигъ въ законъ правды.

Но вѣдь сего недоставало и у язычниковъ: какъ же говорится, что они постигли?—Постигли потому, что когда благовѣстіе Евангелія раскрыло имъ, въ чемъ существо дѣла, они тотчасъ восполнили сіе недостающее, ибо имъ не на чемъ было опереться. И Іудеи слышали о семъ недостающемъ, но были обманчиво увѣрены, что оно у нихъ есть, потому что есть дѣла закона. Они опирались на дѣлахъ закона и думая, что имъ больше ничего не потребуется, почили на сихъ дѣлахъ, считая излишнимъ всякое другое мѣропріятіе, слѣдовательно и то, что предлагало евангельское благовѣстіе. Духъ же у нихъ былъ совсѣмъ другой, духъ самости и міролюбія, котораго суть устроять и обезопашивать земное благобытіе или счастіе, обращая все въ средство къ тому, не исключая и божескаго. Въ семъ смыслѣ они на одной стояли линіи съ язычниками. На языкѣ у нихъ былъ и Богъ, но на сердцѣ не было Его, ни славы Его. Спаситель часто обличалъ сіе. Обращикъ ихъ фарисей, который говорилъ: Боже, хвалу Тебѣ воздаю. Но дальше что? На чемъ онъ опирался? На томъ, что явно не дѣлалъ неправды, не похищалъ, не обижалъ, не прелюбодѣйствовалъ; а дѣлалъ что? Постился два раза въ недѣлю, и давалъ

десятину. Все это конечно не худо. Но если нѣтъ при семъ страха Божія, ревности о славѣ Его и желанія все для Него дѣлать, нѣтъ любви къ братіямъ и желанія дѣлать имъ добро съ самопожертвованіемъ; то все то ничтожно. А очень возможно всему сему при высказанномъ не быть; возможно даже быть тому, что не только отнимаетъ всю цѣну такихъ дѣлъ, но относитъ дѣлателя совсѣмъ къ противному дѣламъ разряду людей. И Спаситель указывалъ на это: я, говорилъ иной, отдалъ на храмъ, что бы слѣдовало доставлять отцу, безсильному старику. Чтоже? И пусть умираетъ съ голоду? Не явно ли, что такой совсѣмъ стоитъ въ противной законникамъ части? Въ другой разъ укорялъ ихъ Господь, что славы Божіей не ищутъ, а только славу человѣческую. Выходитъ, общій духъ тогда былъ таковъ, что Бога у нихъ не было на сердцѣ и никакой заботы о братіяхъ, а лишь бы имъ было хорошо; и опирались они во всемъ на своихъ силахъ и способахъ и на внѣшнихъ соотношеніяхъ, а Богъ имъ не былъ нуженъ. Онъ былъ только на языкѣ. Конечно не всѣ Іудеи были таковы. Было между ними множество такихъ, у которыхъ жива была указанная Апостоломъ вѣра (т.-е. что есть Богъ и что Онъ есть мздовоздатель), составляющая сущность естественнаго закона правды. Они тоже творили всѣ дѣла закона на ряду съ другими, но на нихъ не опирались, и дѣлали ихъ не себя ради, а ради Бога, ради славы Его и угожденія Ему. Почему наравнѣ съ язычниками тоже не имѣли, на чемъ опереться. Отъ того, когда услышали благовѣстіе Евангелія, тотчасъ приняли его, какъ и язычники, съ тою только отъ нихъ разностію, что они, яко Іудеи, срѣтили въ семъ чаемое, а язычники приняли нечаемое.

Такова мысль Апостола, если подъ словомъ—вѣра разумѣть одинъ въ естествѣ нашемъ напечатлѣнный законъ правды. Но у него въ словѣ семъ содержится нѣчто го-

раздо большее. Ветхій Завѣтъ, и явнымъ словомъ, и устроеніемъ всѣхъ чиновъ своихъ, представлялъ указаніе на Грядущаго, въ Коемъ спасеніе не Іудеевъ только, но и всѣхъ языковъ. Жившіе въ семъ завѣтѣ или въ законѣ всѣ имѣли вѣру въ сіе и всѣ чаяли, что грядетъ Великій и Дивный, но не всѣ въ истинномъ духѣ вѣровали и чаяли. Та часть, которая жила только для устроенія своего земнаго благобытія, какъ въ законъ правды не постигла, такъ тѣмъ паче не могла право вѣровать и чаять Грядущаго. А другая часть, среди той сокрытая, какъ сѣмя и останокъ, и въ законъ правды постигала и въ истинномъ духѣ вѣровала и чаяла Грядущаго. Та часть чаяла, что Грядый пріидетъ и сдѣлаетъ ихъ счастливѣйшими на землѣ,—богатыми, славными, владыками всѣхъ народовъ; а эта чаяла, что когда пріидетъ Онъ, то восполнится въ нихъ все то, чего они не успѣваютъ стяжевать при всемъ желаніи и при всѣхъ усиліяхъ постигнуть въ законъ правды, иначе—чаяла, что Онъ удовлетворитъ вполнѣ ихъ духовныя потребности и нужды и сдѣлаетъ ихъ совершенными въ духѣ, очиститъ отъ грѣховъ и сдѣлаетъ святыми и благоугодными предъ Богомъ. Почему когда явился Іисусъ, глаголемый Христосъ, предъявилъ, что Онъ есть Грядый и Обѣтованный, Коего пришествія они чаютъ, и предлагалъ удовлетвореніе всѣхъ потребностей духовныхъ тѣмъ, кои увѣруютъ въ Него и прилѣпятся къ Нему, эти послѣдніе, томившіеся неудовлетворенностію духовныхъ потребностей, тотчасъ увѣровали въ Него и прилѣпились къ Нему. Какіе не успѣли по чему-либо увѣровать въ Господа при бытіи Его среди ихъ, тѣхъ собрала потомъ проповѣдь апостольская. Тѣ же первые, ни по слову, ни по дѣламъ Его не повѣрили, что это Онъ—обѣтованный, грядый, потому что Онъ не обѣщалъ имъ ничего такого, чего, по своему духу, чаяли они отъ

Грядущаго. Духъ у нихъ другой былъ; почему не только не повѣрили, но тѣснили и гнали Его, и не только тѣснили, но потомъ и на смерть Его предали. Затѣмъ какъ въ отношеніи къ Нему они себя держали, такъ относились и ко всѣмъ, увѣровавшимъ въ Него. Произошло раздѣленіе рѣзкое: стало явно, кто какого духа. Проповѣдь апостольская была пробою, кто истиннаго есть духа, а кто—не истиннаго. И обличилось, что масса народа только видимостію дѣлъ была Израиль и сѣмя Авраамово, а во внутреннемъ настроеніи совсѣмъ была иное; почему не приняла Пришедшаго по обѣтованію отцамъ: преткнулась о Него. *Преткнушася бо о Него, какъ о камень претыканія.*

Претыкается о камень тотъ, кто слѣпъ и не видитъ камня, или видя его, думаетъ, что не поткнется, и шагаетъ зря. Такъ и Іудеи не видѣли, что предъ очами ихъ камень, о который могутъ поткнуться, и устремясь на попраніе его, преткнулись и сокрушились, какъ предрекалъ имъ самъ Камень—Христосъ (Лк. 20, 18). „Претыкается тотъ, кто засматривается на что нибудь стороннее и не обращаетъ вниманія на то, что у него подъ ногами. Такъ и Іудеи, засмотрѣвшись на законъ, преткнулись о Христа, т.-е. не увѣровали“ (Θеоф.).

Язычники не получали обѣтованія, потому и не чаяли Грядущаго. Но тѣ изъ нихъ, которые стремились постигнуть въ законъ естественной правды, не менѣе первыхъ томились неудовлетворенностію духовныхъ своихъ потребностей: тяготились грѣхами и не знали, какъ избыть отъ нихъ, жаждали помощи на доброе и не знали, откуда и какъ получить ее, полагали обѣты быть исправными и всегда снова падали и падали. Почему когда евангельское благовѣстіе дошло до слуха ихъ, и они увидѣли, въ комъ можно получить удовлетвореніе такихъ потребностей, тотчасъ приступили къ Нему съ

вѣрою, и утоливъ духовную жажду свою въ Немъ, неотторжимо прилѣпились къ Нему всѣмъ существомъ своимъ. И тутъ только постигли въ законъ правды надлежащимъ образомъ: ибо инаго къ сему пути нѣтъ. Что было у нихъ прежде, было только начаткомъ; теперь же все это пришло въ совершенство, какъ и въ тѣхъ, кои подъ руководствомъ закона стремились постигнуть въ законъ правды. Ужь само собою не всѣ язычники были таковы; если Іудеи не всѣ, тѣмъ паче язычники. И среди ихъ было свое сѣмя, свой останокъ—спасаемый. Проповѣдь Евангельская изъ тѣхъ и другихъ собрала истинныхъ наслѣдниковъ обѣтованія, истинное сѣмя Авраамово, истиннаго Израиля.

Такъ вотъ какъ сдѣлалось, что одни приняты въ наслѣдіе обѣтованія, а другіе нѣтъ! *Зане не отъ вѣры, а отъ дѣлъ закона.* „Они думали, что для пріобрѣтенія правды достаточно для нихъ житія по закону, и пренебрегали вѣру. А поэтому не сдѣлались причастниками даровъ вѣры, и не пріобрѣли правды онаго житія“ (Θеод.).

Ст. 33. *Якоже есть писано: се полагаю въ Сіонѣ камень претыканія и камень соблазна: и вѣруяй въ онь не постыдится* (Ис. 28, 16; 8, 14).

Преткнулись, потому что не увѣровали, а не увѣровавши, не постигли въ законъ правоты и остались внѣ Божіихъ, коимъ принадлежитъ обѣтованіе. Не дивись сему. Такъ предсказано издревле. Пророчество сіе у Апостола сложено изъ двухъ мѣстъ св. пророка Исаіи, въ коихъ обоихъ говорится о камнѣ. Но въ одномъ (гл. 28) онъ именуется камнемъ краеугольнымъ, честнымъ, вѣрующій въ который не постыдится; а въ другомъ (гл. 8), что онъ есть камень для однихъ прибѣжища, а для другихъ претыканія. Оба тѣ пророческія мѣста всѣми Іудеями были относимы къ Грядущему, Обѣтованному. Почему ихъ употребляли, разсуждая о Грядущемъ, какъ

кому лучше приходилось, то поодиночкѣ, то совмѣстно. Св. Апостолъ совмѣстилъ оба мѣста, качество камня, какое ему дано въ гл. 28-й (краеуголенъ, честенъ), опустивъ, а на мѣсто его положивъ качество, какое дано ему въ гл. 8-й (камень претыканія).—Камнемъ названъ Обѣтованный, потому что Имъ и на Немъ имѣло основаться царство Божіе, царство правды и святости, царство сыновъ Божіихъ. Камнемъ же претыканія и соблазна Онъ названъ не потому, чтобъ намѣренно былъ положенъ для претыканія и соблазна: Онъ самъ въ себѣ есть камень прибѣжища и крѣпости; но потому, что многіе имѣли не понять, что Онъ есть, соблазниться Имъ, не повѣрить и чрезъ то преткнуться о Него. Какъ было предсказано, такъ и исполнилось на Христѣ Спасителѣ. Евангелисты не разъ замѣчаютъ, что многіе соблазнялись о Немъ. Онъ говоритъ о Себѣ, что пришелъ съ неба и есть Сынъ Божій; а по видимости былъ очень простъ и главы не имѣлъ гдѣ преклонить. Только взоръ, рѣчь Его и дѣла Его показывали, что Онъ не земенъ. Но это не всѣ могли уразумѣвать и ощущать. Большинство не поняло сего, и отвратилось отъ Него. Какъ во время пребыванія Его среди людей было, такъ было и послѣ во время проповѣди Евангелія. Вмѣненъ со беззаконными и распятъ; говорили: какъ можно повѣрить, что Онъ есть нѣчто великое и божеское,—и соблазнялись. Но какъ, въ пребываніе Его на землѣ, многіе подъ смиренною видимостію ясно узрѣвали въ Немъ божеское: такъ и во время проповѣди, несмотря на то, что проповѣдники безъ прикрытія предлагали вѣрѣ точію Іисуса Христа и сего распята, многіе уразумѣвали истину и покорялись вѣрѣ. Что предсказалъ св. Симеонъ Богопріимецъ о Господѣ Спасителѣ, то и исполнялось на Немъ всегда и доселѣ исполняется, что Онъ есть *на паденіе и возстаніе многимъ* (Лк. 2, 34). Предметъ вѣры

прикровенъ. Уразумѣваютъ тѣ, коимъ дано, какъ о притчахъ своихъ прикровенныхъ сказалъ Господь,—или лучше, кого Отецъ привлекаетъ къ Сыну (Ін. 6, 44).

Таковые не постыждались, какъ и пророкъ предрекъ: *вѣруяй въ онь не постыдится*, „т.-е. воистину сподобится величайшихъ благъ, какія возчаялъ вѣрою получить отъ Него“ (Θеод.). Сколько крѣпости надо имѣть, чтобъ вѣровать, когда кругомъ невѣріе, издѣвающееся надъ вѣрою, а предметъ вѣры прикровенъ!—И однакожъ вѣровали, являя въ вѣрѣ мужественнѣйшій подвигъ. Вѣровали и не постыждались, потому что съ перваго движенія вѣры начинали уже воспринимать въ себя невидимо, въ духѣ, то, что возчаяли и чего ничто и никто въ мірѣ подать не могъ,—ни собственныя усилія, ни пособія всѣхъ мощныхъ людей. А когда проходили всю стадію увѣрованія и восходили къ совершенству вѣры, тогда что получали и что начинали носить въ духѣ, того никакое слово описать не могло. Почему стыдѣніе и малѣйшаго движенія не могло въ нихъ возъимѣть, и тѣни его не могло появиться, хотя въ уши отвсюду доносились устыждающія слова. Скорѣе непонятнымъ казалось имъ, какъ можно стыдить, когда они обладаютъ такимъ сокровищемъ, какому цѣны нѣтъ.

Приведши такое пророчество, Апостолъ и недоумѣніе окончательно разсѣявалъ, какъ такъ есть не принятые въ наслѣдіе многіе Іудеи,—и причину того рѣшительную выставлялъ, такъ что послѣ нечего было ни возражающимъ привозразить, ни опровергающему возраженія—пріобъяснить. Дѣло ясно. Но кончивъ это, Апостолъ беретъ теперь Іудея за самую нѣжную струну его сердца—ревность по закону, которая у нихъ окрашивалась ревностію по Богу, и изъ ней хочетъ устроить путь къ вѣрѣ. Онъ самъ шелъ этою стезею, самъ ревновалъ, не слабѣе всѣхъ Іудеевъ, и однакоже дѣломъ испыталъ, что

одна ревность не непремѣнно уже и ведетъ прямою дорогою. Нѣтъ, ее надобно просвѣтить, чтобъ не устремиться по возбужденiю ея не туда, куда слѣдуетъ.

Гл. 10, 1. ***Братiе, благоволенiе убо моего сердца и молитва, яже къ Богу по Израили, есть во спасенiе.***

Послѣ словъ: *зане отъ вѣры,* Iудеи могли возражать: мы ли не отъ вѣры? Кто больше насъ проявляетъ ревность Божiю?—Имѣя въ виду объяснить имъ, что несмотря на сiю ревность, они все суть не отъ вѣры, потому что не туда направили свою ревность, и такимъ образомъ произнесть имъ укоръ самый чувствительный, Апостолъ опять увѣряетъ ихъ въ своемъ къ нимъ благорасположенiи, чтобы смягчить укоръ и расположить внемлющихъ слову его къ мирной благопокорности. *Благоволенiе,* говоритъ, *моего сердца,*—благожеланiе мое къ вамъ—не на языкѣ только; имъ полно все мое сердце; всѣмъ сердцемъ желаю и всегда молюсь Богу о томъ, чтобъ весь Израиль спасенiе улучилъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ намѣренъ нанести Израильтянамъ еще ударъ, сильнѣйшiй прежняго, а посему опять отклоняетъ отъ себя всякое подозрѣнiе въ непрiязни, и приступаетъ къ дѣлу послѣ многихъ оговорокъ. Смотрите не на слова и обличенiя, говоритъ онъ, а на то, что говорю сiе не съ враждебнымъ расположенiемъ. Несвойственно ненавидѣть и отвращаться Iудеевъ тому, кто желаетъ имъ спасенiя, и не только желаетъ, но и молиться объ ономъ. Ибо подъ словомъ *благоволенiе* Апостолъ разумѣетъ здѣсь сильное желанiе. Замѣть, что и молитва его происходитъ отъ сердца. Не о томъ прилагаетъ онъ великое старанiе и молится, чтобы Iудеи избѣгли наказанiя, но чтобы спаслись. И не въ сихъ только словахъ, но и въ слѣдующихъ обнаруживаетъ благорасположенiе, какое имѣетъ къ Iудеямъ. Апостолъ съ великимъ усилiемъ старается, сколько можно, извинить Iудеевъ, и ищетъ для

нихъ хотя тѣнь оправданія. И однакожъ не успѣваетъ въ томъ, будучи побѣжденъ свойствомъ самаго дѣла.“

Ст. 2. *Свидѣтельствую бо имъ, яко ревность Божію имутъ, но не по разуму.*

Свидѣтельствую,—не противорѣчу, согласенъ, имъ самимъ въ глаза говорю, и всѣхъ другихъ удостовѣряю о нихъ, что они имѣютъ *ревность.* Да это и доказывать нечего. Коснись субботы, храма, праздниковъ, жертвъ, десятинъ, и увидишь, какою всякой изъ нихъ загорится ревностію. И глаза, и выраженіе лица, и жестъ, и слово,—все скажетъ тебѣ о сей ревности. И ревность сія у нихъ есть *Божія,*—за Божіе дѣло, какъ по Богу ревнуетъ: ибо законъ отъ Бога. При всемъ томъ однакожъ ревность сія *не по разуму.* Ревнуютъ о законѣ, какъ по Богу, но не по смыслу и значенію закона; ревнуютъ по Богу, но не сообразуясь съ волею и указаніями Божіими. Законъ самъ въ себѣ содержалъ удостовѣреніе, что онъ есть тѣнь и слѣдовательно долженъ престать, когда явится тѣло, коего онъ есть тѣнь. И Богъ неоднократно свидѣтельствовалъ, что будетъ новый законъ, новый завѣтъ, имѣющій замѣнить собою первый завѣтъ и законъ. Слѣдовательно ревность о законѣ безъ всякихъ ограниченій, будетъ ревность не по разуму. Ревновать ревнуй; но и посматривай, не пришло ли то время, когда слѣдуетъ престать закону. Имъ говорятъ, что пришло, и доказываютъ то; а они, вмѣсто того, чтобъ вникнуть, не такъ ли и въ самомъ дѣлѣ есть, твердятъ одно: нашъ законъ отъ Бога, не хочемъ отступать отъ него,—забывая, что Богъ же извѣщалъ ихъ, что престанетъ законъ и что новый завѣтъ тоже отъ Бога изойдетъ и исходитъ. Новое неразуміе. Ревность, не руководимая истиною, ослѣпила очи ума ихъ, и повела ихъ дорогою, которой не можетъ одобрить разумъ, поіудейски же наученный истинѣ Божіей—ветхозавѣтной. Такъ

„съ похвалою соединилъ Апостолъ порицаніе, какъбы приманкою какою прикрывъ уду, чтобы польза слова содѣлалась для нихъ удобопріемлемою“ (Θеод.).

Ст. 3. *Не разумѣюще бо правды Божіей, и свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася.*

Мѣсто это пораждаетъ разное теченіе мыслей, сходящихся однакожь къ одному,—обличенію, что ревность у Іудеевъ точно неразумна. *Не разумѣюще правды Божіей*, такой, какою она изображена и предписана въ Ветхомъ Завѣтѣ. Тамъ и о страхѣ Божіемъ говорится, и о томъ, что все надо дѣлать во славу Божію, и всячески блюсти чистымъ сердце отъ всѣхъ страстей, насаждая въ немъ добрыя расположенія, и затѣмъ, въ семъ духѣ и настроеніи творить дѣла, какъ онѣ предписаны въ законѣ, — и дѣла благочестія, и дѣла правды и любви. Такова въ существѣ правда Божія ветхозавѣтная. А они не уразумѣли сей правды и, полагая, что достаточно одной внѣшней исправности, о сердцѣ, или о чувствахъ и расположеніяхъ къ Богу и ближнимъ, не заботились, а довольствовались одною этою дѣловою стороною, въ ложной увѣренности, что тутъ вся правда Божія и есть. Но это не была правда Божія, а правда ими самими сочиненная, которую они покушались поставить вмѣсто правды Божіей. Что же изъ этого вышло? Вышло то, что они правдѣ Божіей не повинулись,—что можно разумѣть двояко: не повинулись правдѣ Божіей, какъ она изображена и предписывалась въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ это видно изъ самаго строя ихъ жизни. Они извратили смыслъ той правды Божіей и утвердились въ такихъ порядкахъ жизни, кои противны истинному ея смыслу. Св. Златоустъ говоритъ: „сими словами Апостолъ показываетъ, что Іудеи впали въ заблужденіе,—и не поставили даже и той праведности, какая требуется закономъ.“ Или не повинулись правдѣ Божіей, теперь вно-

проповѣдуемой, правдѣ евангельской; потому что какъ та, ими измышленная правда, состоящая въ одной внѣшней исправности поведенія законнаго, имъ очень нравилась по легкости и нетребованію сердечныхъ жертвъ и самоотверженій; то они на ней и почили, и новой никакой принимать не хотѣли; этой принимать не хотѣли, а за свою упорно стояли и защищали ее.

Можно это мѣсто и такъ разумѣть,—что хотя бы Іудеи содержали ветхозавѣтную правду и въ истинномъ ея значеніи, все же нынѣ, когда вводится по Божію повелѣнію евангельская правда, они не свободны отъ обличенія, что свою правду ищуть поставити, не покоряясь предлагаемой теперь правдѣ Божіей евангельской. Ветхозавѣтная правда была Божія правда до времени, и кто покорялся ей, Богу покорствовалъ и Ему благоугождалъ. Но когда срокъ ея кончился и самъ же Богъ вводитъ новую правду, отмѣняя ту, то держащійся той правды уже не Богу покорствуетъ, а своему нраву, уже не Божіей волѣ слѣдуетъ, а своей, не Божію правду ищетъ поставити, а свою,—и ища сію,—свою уже теперь,—правду поставити, правдѣ Божіей не повинуется. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ *своею правдою* назвалъ неблаговременное храненіе закона; потому что стараются хранить законъ, утратившій уже свою силу; а *правдою* Божіею наименовалъ правду, пріобрѣтенную по благодати вѣрою.“

И еще такая можетъ быть здѣсь мысль: своя правда есть та, которая своими трудами стяжается, а Божія правда есть та, которая благодатію Божію въ сердцѣ водворяется. Эта послѣдняя и есть только настоящая правда Божія; всякая другая уже не Божія правда. Іудеи же, говоритъ Апостолъ, неуразумѣли сего, т.-е., что та только и есть правда Божія, которая Богомъ въ сердцѣ созидается, и на томъ стояли, что своими трудами должно достигать совершенства правды. Почему

когда, по Божію повелѣнію, предлагаемъ мы идти къ воспріятію отъ Бога Божіей правды посредствомъ евангельской вѣры, то они не повинуются сему. Св. Златоустъ говоритъ: „праведность Іудеевъ Апостолъ называетъ собственною, или потому, что она пріобрѣтается трудами и потомъ, или потому, что законъ не имѣетъ уже силы. А правдою Божіею называетъ праведность отъ вѣры; потому что она пріобрѣтается единственно по благодати свыше, и мы оправдываемся не трудами, но по дару Божію. Напротивъ тѣ, которые постоянно противятся Святому Духу и усиливаются оправдаться посредствомъ закона, далеки отъ вѣры. Будучи же далекими отъ вѣры и не получивъ оправданія, даруемаго вѣрою, а равно не имѣя возможности оправдаться закономъ, они все потеряли.“

Ст. 4. *Кончина бо закона Христосъ въ правду всякому вѣрующему*.

Не разумѣли, говоритъ, правды Божіей, потому что не разумѣли силы закона, и принявъ неправыя понятія о той и другомъ, свою правду составили, за которую и стоятъ, не покоряясь проповѣдуемой нами правдѣ о Христѣ Іисусѣ. Еслибы они уразумѣли силу закона, то въ концѣ его узрѣли бы Христа Господа и не стали бы отвергать Его, когда Онъ проповѣдуется. Законъ и устройствомъ своимъ указывалъ на грядущаго Христа, и словомъ своимъ возвѣщалъ о Немъ. Почему Христосъ есть послѣдняя цѣль закона, и кто вѣруетъ во Христа, исполняетъ то, для чего данъ законъ, и дѣлаетъ то, что въ немъ законъ достигаетъ своей цѣли—пріемлетъ кончину свою. Въ семъ смыслѣ бл. Θеодоритъ пишетъ: „Вѣра въ Господа не противна закону, но и весьма согласна съ нимъ; законъ путеводствовалъ насъ ко Владыкѣ Христу. Посему вѣрующій во Владыку Христа исполняетъ назначеніе закона.“

Но это нѣкоторымъ образомъ отвлеченная кончина закона во Христѣ; а въ Немъ есть сверхъ того и дѣйствительная кончина закона, о чемъ говорятъ слѣдующія за симъ слова: *въ правду всякому вѣрующему*. Законъ имѣетъ цѣлію дѣлать праведными, и кто бы исполнилъ его. какъ должно, былъ бы праведенъ. Но на такое исполненіе никто не былъ силенъ. Силу на это подаетъ лишь Христосъ тѣмъ, которые вѣруютъ въ Него; и они, пріявъ сію силу, дѣлаются истинно праведными по всей широтѣ закона: и оправданіе получаютъ, въ чемъ погрѣшили противъ закона, и силою облекаются дѣйствовать во всемъ сообразно съ закономъ. Такъ Христосъ есть въ правду всякому вѣрующему, т.-е. въ дарованіе правды вѣры ради; почему есть и кончина закона. Праведность вѣрою во Христа есть настоящая законная праведность; а праведность законная одна безъ вѣры во Христа не есть настоящая праведность. Были праведные и подъ закономъ, но лишь ради того, что вѣровали въ грядущаго Христа. Не будь сего, не быть бы имъ праведными. А теперь праведны законно всѣ тѣ, которые вѣруютъ въ пришедшаго уже Христа Господа. Праведность одна и тамъ и здѣсь. Не уразумѣли сего Іудеи, и по своему смышленію, составивъ себѣ обманчивый обликъ праведности, правдѣ Божіей о Христѣ Іисусѣ не покоряются, и остаются внѣ праведности, хотя ревнуютъ по ней. Св. Златоустъ говоритъ: „Замѣть благоразуміе Павлово! Поелику то и другое, законъ и Евангеліе, назвалъ онъ правдою; то вѣрующіе Іудеи могли подумать о себѣ, что они имѣютъ одну правду, а лишены другой, и потому обвиняются въ беззаконіи, а не вѣрующіе Іудеи могли надѣяться исполнить правду, и потому могли сказать: если мы доселѣ не исполняли, то безъ сомнѣнія исполнимъ. Смотри же, что дѣлаетъ Апостолъ! Онъ доказываетъ, что праведность одна, что законная праведность заключается

въ праведности по вѣрѣ; и кто пріобрѣлъ праведность по вѣрѣ, тотъ исполнилъ и праведность законную; а кто отвергъ первую, тотъ лишился и послѣдней. Ибо если конецъ закона есть Христосъ, то не имѣющій Христа, хотя и думаетъ имѣть праведность, однакожь не имѣетъ оной; а имѣющій Христа, хотя не исполнилъ закона, все пріобрѣлъ. Цѣль врачеванія — здравіе. Какъ тотъ, кто можетъ сдѣлать здоровымъ, хотя и не владѣетъ искусствомъ врачебнымъ, всѣмъ владѣетъ, а неумѣющій вылечивать, хотя и думаетъ дѣйствовать по искусству, ничего не имѣетъ: такъ должно сказать о законѣ и вѣрѣ. Кто имѣетъ вѣру, тотъ достигъ цѣли закона; а кто внѣ вѣры, тотъ чуждъ и вѣры и закона. Ибо чего хотѣлъ законъ? Сдѣлать человѣка праведнымъ. Но онъ не могъ сего сдѣлать; потому что никто не исполнилъ закона. Таковъ былъ конецъ закона; къ тому все клонилось, для того все было введено, и праздники, и заповѣди, и жертвы, и все прочее, чтобы человѣкъ тѣмъ оправдался. Но сей цѣли достигъ вѣрнѣе Христосъ чрезъ вѣру. Итакъ не бойся, говоритъ Апостолъ, что, приступивъ къ вѣрѣ, ты преступилъ законъ. Ты тогда преступаешь законъ, когда для закона не вѣруешь во Христа. Когда же вѣруешь въ Него, тогда исполняешь и законъ, даже въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ велѣно въ законѣ; потому что ты пріобрѣлъ гораздо большую праведность."

Когда сказалъ Апостолъ: *всякому вѣрующему,* то тѣмъ уничтожилъ всякое различіе по рожденію и крови. Кто ни будь, только увѣруй во Христа,—и въ тебѣ совершится кончина закона, т.-е. и ты будешь праведенъ. „Прекрасно сказалъ Апостолъ: *всякому вѣрующему;* потому что объялъ все естество человѣческое: будетъ ли кто еллинъ, или варваръ, но если увѣруетъ, улучитъ спасеніе" (Θеод.).

Ст. 5. *Моисей бо пишетъ правду, юже отъ закона: яко сотворивый та человѣка, живъ будетъ въ нихъ.*

Въ стихахъ 5—8 Апостолъ изъ тѣхъ самыхъ книгъ Писанія, въ коихъ изображается законъ, доказываетъ и то, что *кончина закона Христосъ въ правду всякому вѣрующему,* т.-е. что полное въ совершенствѣ исполненіе закона и достиженіе того, для чего данъ законъ, бываетъ только вѣрою во Христа Господа, ничѣмъ непоколеблющеюся. Первое мѣсто беретъ изъ книги Левитъ, 18, 5, гдѣ кратко, но полно показывается, чего требуетъ правда законная: *сотворивый та человѣка живъ будетъ въ нихъ.* Самъ Богъ сказалъ сіе чрезъ Моисея, когда, указывая на нечестіе Египтянъ, гдѣ жили Израильтяне, и Хананеевъ, куда они переводились, съ угрозою запрещалъ касаться того и другаго, но строго требовалъ, чтобы исполняли одни Его повелѣнія и судьбы. *Азъ Господь Богъ вашъ. И сохраните вся повелѣнія моя, и вся судьбы моя, и сотворите я: сотворивый та человѣка живъ будетъ въ нихъ.* Тѣ народы за ихъ нечестіе и худую жизнь понесутъ казни, а вы жить будете— безбѣдно и безопасно (— —25). Когда сказалъ: *вся,* не оставивъ мѣста никакому исключенію: все исполни, и будешь правъ по правдѣ законной, — и живъ будешь. Апостолъ не дѣлаетъ никакихъ наведеній, а только словами самаго закона показываетъ, чего требуетъ правда законная, „показываетъ, въ чемъ состоитъ законная праведность, и чѣмъ пріобрѣтается. Въ чемъ же она состоитъ и чѣмъ пріобрѣтается? Исполненіемъ закона. Сдѣлаться праведнымъ по закону нельзя иначе, какъ исполнивши всѣ заповѣди“ (Св. Злат.).

Такъ говоритъ законъ о праведности законной. Но этимъ не ограничиваются его опредѣленія праведности; есть въ немъ такія указанія о семъ, какія немыслимы и въ дѣло произойти никакъ не могутъ, если не при-

взойдетъ вѣра. Во Второзаконіи (гл. 30) въ заключительной рѣчи къ народу Богъ говоритъ чрезъ Моисея, что если онъ будетъ исполнять всѣ заповѣди Его, то благо ему будетъ; а если не будетъ, то бѣда за бѣдою постигнетъ его. Но если онъ, по прогнѣваніи Его, опять обратится къ Нему, то опять будетъ принятъ въ милость, и даже еслибъ былъ разсѣянъ по далекимъ странамъ, опять будетъ собранъ въ наслѣдіе отцевъ. Ибо тѣми бѣдствіями *очиститъ Господь сердце твое,—любити Господа Бога твоего отъ всего сердца твоего и отъ всея души твоея* (Втор. 30, 6). Оградивъ такимъ образомъ угрозами вѣрность закону, Богъ устраняетъ потомъ всякое извиненіе въ неисполненіи его, какое могъ бы кто предъявить по причинѣ трудности знать законъ и тяготы самаго закона, наложеннаго какъ иго.

Заповѣдь сія, юже Азъ заповѣдаю тебѣ днесь (впереди сказано): *обращену быть тебѣ ко Господу Богу твоему отъ всего сердца твоего, и отъ всея души твоея* (——10), *не тяжка есть, ниже далече есть отъ тебе; не на небеси есть, глаголя: кто взыдетъ отъ насъ на небо, и возметъ ю намъ, и услышавше ю сотворимъ? Ниже объ ону страну моря есть, глаголяй: кто прейдетъ намъ на ону страну моря, и возметъ ю намъ и услышавше ю сотворимъ?—Близъ тебе есть глаголъ зѣло, во устѣхъ твоихъ, и въ сердцы твоемъ, и въ руку твоею, творити его.*— Въ словахъ сихъ указывается одно такое, что было предъ очами, а другое, что имѣло быть, какъ обѣтованіе. Первое—то, что слово закона близъ есть въ руку твоею, т.-е., заповѣди всѣ ясно и подробно тебѣ изложены, ты знаешь и видишь ихъ, какъ кто видитъ вещь держимую на рукѣ (у насъ—какъ на ладонкѣ). Нечего тебѣ воспарять въ высь, или заноситься въ даль, чтобъ узнать ихъ, - онѣ предъ очами твоими. Второе—то, что глаголъ заповѣдей сихъ въ сердцѣ. Это особый и глав-

нѣйшій моментъ въ принятіи закона. Законъ, написанный на скрижаляхъ и хартіи, хотя и близко, такъ что глазъ видитъ и рука держитъ писмена его; но все же онъ внѣ есть. Переходъ его отвнѣ въ сердце есть особое дѣйствіе или состояніе пріемлющаго законъ, въ коемъ (состояніи) внѣшно принятое входитъ внутрь и сливается со всѣмъ существомъ человѣка, такъ что всѣ заповѣди тогда бываютъ написанными въ сердцѣ. Такое состояніе или такое воспріятіе закона не было условіемъ, при дарованіи и пріятіи закона, и не было проявляемо. Израильтяне усердствовали къ закону, но изъ благодарности и покорности къ Богу крѣпкому и благодѣющему, а самое указаніе законнаго не изъ сердца исходило. Это ожидалось впереди,—прозрѣваемо было и предъуказываемо. Въ настоящемъ мѣстѣ дѣлается намекъ только на это; но послѣ пророки изложили это яснѣе, когда предрекали о Новомъ Завѣтѣ, въ коемъ законы будутъ написаны не на скрижаляхъ каменныхъ, а на сердцахъ, для чего и самое сердце будетъ обновлено и духъ новый данъ будетъ вступающимъ въ завѣтъ тотъ (Іер. 31, 33; Іезек. 36, 26). Несмотря однакожь на прикровенность указанія, мѣсто сіе не чуждо предсказательнаго смысла, подобно тому какъ и предъ симъ мимоходомъ помянутое собраніе изъ разсѣянія (Втор. 30, 4). Почему ученые Іудеи не погрѣшали, видя здѣсь указаніе на время пришествія обѣтованнаго Избавителя и Предводителя народа. Для насъ же не это іудейское разумѣніе цѣнно, а то, что духъ апостольскій въ сихъ словахъ Бога, Духъ изводящаго, видѣлъ предъуказаніе того, что въ полномъ значеніи исполнилось во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.—Св. Павелъ все сіе мѣсто относитъ къ учрежденію Новаго Завѣта и всякій терминъ въ тѣхъ словесахъ Божіихъ прилагаетъ къ совершающемуся въ семъ завѣтѣ, какъ къ осуществленію предсказаннаго.

Стт. 6—8. *А яже отъ вѣры правда сице глаголетъ: да не речеши въ сердцы твоемъ: кто взыдетъ на небо? Сирѣчь Христа свести. Или кто снидетъ въ бездну? Сирѣчь Христа изъ мертвыхъ возвести. Но что глаголетъ Писаніе? Близъ ти глаголъ есть во устѣхъ твоихъ, и въ сердцѣ твоемъ, сирѣчь глаголъ вѣры, егоже проповѣдаемъ.*

Выше сказалъ, какъ пишетъ Моvсей о правдѣ, *яже отъ закона*. Теперь говоритъ: *а яже отъ вѣры правда, сице глаголетъ,* будто сама правда говоритъ, олицетворена будучи. Но лучше такъ изложить: а о той правдѣ, *яже отъ вѣры*, такъ говоритъ Моvсей или Богъ чрезъ Моvсея (Θеод.). Что же говоритъ? Судя по пророчественному смыслу приводимаго мѣста, Апостолу слѣдовало бы указать, какъ законъ новозавѣтный написывается въ сердцѣ; а онъ говоритъ о вѣрѣ,—будто совсѣмъ о другомъ, или о далекомъ отъ содержащагося въ томъ мѣстѣ. Но такъ только кажется; въ существѣ дѣла онъ говоритъ именно о предсказанномъ, только другими словами, или лучше—о предсказанномъ, какъ оно исполняется.—Какъ пишется Новый Завѣтъ со всѣми его законами въ сердцѣ?—Вѣруютъ въ Господа, обновляются крещеніемъ, пріемлютъ Духа Святаго, и сей Духъ пишетъ новые законы въ сердцѣ. Начало всего вѣра во Христа Господа, или она все: ибо и Духъ какъ пишетъ законы свои? Облекая во Христа Господа. Все слѣдовательно въ Немъ, и вѣрующій въ Него полно и искренно имѣетъ въ себѣ уже все новозавѣтное. и заповѣди новыя. Говорящій о пріятіи Господа вѣрою, говоритъ и о написаніи въ сердцѣ новыхъ законовъ. Это и дѣлаетъ Апостолъ. По теченію рѣчи ему нужно было остановить вниманіе на вѣрѣ во Христа Спасителя, не развлекая его указаніемъ на то, какъ при семъ и новыя заповѣди пишутся на сердцѣ, давая сіе пополнить самимъ читающимъ по руководству приводимаго мѣста. Почему къ вѣрѣ прямо относитъ и

все, что казалось бы, надлежало отнести къ начертанію на сердцѣ новаго закона.

Въ томъ мѣстѣ, откуда берется приводимое предсказаніе, говорится: не говори, кто взойдетъ на небо, чтобъ взять оттуда заповѣдь и принесть намъ?—Почему? Потому, что она уже принесена, изречена и написана. Св. Павелъ, съ прореченіемъ соединяя исполненіе, говоритъ: не говори, кто взойдетъ на небо, чтобъ Христа свести. дабы съ воспріятіемъ Его вѣрою возъимѣть начертаннымъ въ сердцѣ новый законъ? — Почему? Потому что уже пришелъ Христосъ, воплотился Единородный Сынъ Божій, и всякій, пріемлющій Его вѣрою, и новый законъ съ Нимъ и въ Немъ пріемлетъ.

Второй вопросъ въ приводимомъ мѣстѣ стоитъ такъ: не говори, кто пойдетъ за море,—тоже чтобъ взять тамъ заповѣдь и принесть къ намъ?—Она уже принесена. Св. Павелъ приводитъ сіе въ исполненіи такъ: не говори, *кто снидетъ въ бездну*, чтобъ *Христа изъ мертвыхъ возвести?* Онъ уже возведенъ, воскресъ. Это не противорѣчіе, а тоже другими словами. Море именуется и бездною—ἄβυσσος. Край моря въ даль есть другая сторона, а край его въ глубь есть дно, которое такъ далеко, что невольно подумаешь, будто нѣтъ его, и что въ этомъ направленіи—бездна. Имѣя сіе въ мысли, Апостолъ сказалъ: не говори, кто снидетъ въ бездну, чтобъ Христа изъ мертвыхъ возвести? Онъ уже вышелъ изъ ней, какъ Іона, пророчески погружавшійся въ нее. Два предмета вѣры указываетъ Апостолъ, что пришелъ Господь, умеръ и воскресъ. Пріявшій сіе вѣрою Христа имѣетъ въ себѣ, а съ Нимъ и новый законъ.

Въ пророчественномъ мѣстѣ далѣе говорится: *близъ ти глаголъ есть зѣло во устѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ.* И Св. Павелъ повторяетъ сіи слова, прилагая къ нимъ исполнительное истолкованіе: *сирѣчь, глаголъ вѣры,*

еюже проповѣдаемъ. Какъ близъ?—И такъ же, какъ заповѣди, Богомъ данныя чрезъ Моvсея,—т.-е., нечего вамъ далеко ходить, вотъ мы сами приходимъ, и проповѣдуемъ; близъ есть глаголъ вѣры, слушай и вѣруй;—и весь законъ найдешь тогда исполненнымъ въ себѣ: ибо будешь имѣть кончину закона—Христа. И въ томъ особенно отношеніи—близъ есть глаголъ вѣры, что законъ для исполненія своего требуетъ всегда тѣлеснаго дѣла и труда, своего времени, мѣста и другихъ соприкосновенныхъ обстоятельствъ; въ вѣрѣ же все исполняется однимъ восприятіемъ вѣры, совершающимся въ сердцѣ, а между тѣмъ сила сего дѣйствія такая, что въ немъ исполненнымъ является весь законъ и всѣ заповѣди: ибо имѣющій вѣру имѣетъ Христа, который есть кончина закона.

Такъ приведеннымъ предсказательнымъ мѣстомъ Апостолъ доказалъ, что кончина закона—Христосъ, и потому, что въ Немъ исполняется предъуказанное въ законѣ, и потому, что въ Немъ исполняется самый законъ и то, для чего данъ законъ. Законъ данъ для праведности; и тотъ, кто вѣруетъ во Христа, дѣлается праведнымъ,—потому что пріемлетъ въ Немъ и чрезъ Него благодать, претворяющую сердце и все его преисполняющую святыхъ чувствъ и расположеній, въ коихъ исполненіе заповѣдей, или изъ которыхъ исполненіе заповѣдей исходитъ, какъ плодъ естественный. Если другимъ способомъ исполненіе закона невозможно, то изъ ревности по закону непріемлющій вѣры во Христа уничтожаетъ то самое, чего хощетъ законъ, или идетъ противъ закона. Не очевидно ли, что такая ревность не по разуму?

Такова мысль Апостола въ приведеніи означеннаго мѣста съ указаніемъ исполненія сказаннаго въ немъ вѣрою. Но какъ дѣло вѣры всеобъемлюще, то слово о ней неудержимо касается и другихъ ея сторонъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Такъ и въ настоящемъ мѣстѣ—

Апостолъ внушаетъ и иное нѣчто, кромѣ того, о чемъ рѣчь. Правда законная требуетъ труда и подвига, чтобъ дѣла свои всѣ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ весть по закону. А правда отъ вѣры вся совершается внутри, не имѣя нужды въ разнообразіи дѣйствій и выраженій: увѣровалъ въ сердцѣ, и правъ. Однакожь это не означаетъ, что дѣло вѣры такъ легко, какъ легко поднимается перо движеніемъ воздуха. Вѣра внутреннее дѣйствіе; но потому самому оно и труднѣе дѣлъ. Что въ ней отъ благодати, то легко дѣйствуется, а что есть въ ней отъ человѣка, то представляетъ чувствительный трудъ, хотя все внутренній. Движеніе вѣры есть полный перестрой всего внутренняго. Подвергающееся перестрою есть устарѣлое и укорененное, которое не можетъ не предъявлять своихъ правъ, давностію пріобрѣтенныхъ, и не затруднять такимъ образомъ хода вѣры. Надо устранять сіе,—вотъ и подвигъ. Вѣра, когда изрекаетъ: „вѣрую,“ есть единичное, моментальное дѣйствіе; но доходятъ до сего не всегда въ одну минуту. Вѣра есть величайшій подвигъ, высшій всѣхъ подвиговъ, корень и основа ихъ. Почему Апостолъ и говоритъ: *да неречеши въ сердцы твоемъ*, кто сведетъ Христа на землю и кто возведетъ Его изъ мертвыхъ. Воплощеніе Сына Божія, Его смерть и воскресеніе—главный предметъ вѣры и проповѣди. Но сколько рѣчей всегда поднимало и поднимаетъ сіе въ сердцахъ слышащихъ?—Апостолъ говоритъ: не допускай сихъ рѣчей; да не речеши въ сердцѣ своемъ,—кто можетъ сіе совершить, и какъ можетъ сіе совершиться; вѣруй просто, какъ дитя, препобѣдивъ всѣ такія рѣчи. „Не должно входить въ изслѣдованіе о Владычнемъ домостроительствѣ, или подвергать сомнѣнію, какъ вочеловѣчился Единородный Сынъ Божій и пріявъ страданіе, совершилъ воскресеніе,—но вѣрою плодоносить спасеніе“ (Өеод.).

Св. Златоустъ той же мысли другой нѣкій даетъ от-

тѣнокъ: „дабы, доказывая, что путь сей удобенъ и кратокъ, не навести на мысль, что онъ не стоитъ и вниманія, смотри, какъ Апостолъ распространяется о немъ, *да не речеши въ сердцы твоемъ*.—Какъ добродѣтели, обнаруживающейся въ дѣлахъ, противоборствуетъ нерадѣніе и разслабленіе, дѣлающее неспособнымъ къ трудамъ, и дабы не предаться сему, потребна душа весьма бодрственная: такъ и въ дѣлѣ вѣры возстаютъ помыслы, возмущающіе и разслабляющіе сердце многихъ, и для отраженія оныхъ потребна душа самая бодрая. Посему Апостолъ обнаруживаетъ самые сіи помыслы. И какъ поступилъ, разсуждая объ Авраамѣ, такъ дѣлаетъ и здѣсь. Доказавши тамъ, что Авраамъ оправдался вѣрою, дабы не заключилъ кто, что вѣнецъ сей пріобрѣтенъ имъ даромъ и ни за что, Апостолъ восхваляетъ свойство вѣры, и говоритъ: *паче упованія въ упованіе вѣрова*. Симъ доказалъ, что Аврааму нужна была душа возвышенная, пріемлющая то, что выше надежды, и несоблазняющаяся видимымъ. Такъ поступаетъ и здѣсь, доказывая, что намъ потребенъ умъ любомудренный, воля сильная и взыскующая небеснаго. Не сказалъ просто: *да не речеши*, но: *да не речеши въ сердцы твоемъ*; т. е. даже не колеблись мыслію, и самъ въ себѣ не говори: какъ это возможно?—Видишь ли, что таково преимущественное свойство вѣры,—оставивъ всѣ земныя соображенія, искать того, что выше природы, и отринувъ помощь помысловъ, принимать все, утверждаясь на всемогуществѣ Божіемъ?“

Ст. 9. *Яко аще исповѣси усты твоими Господа Іисуса и вѣруеши въ сердцѣ твоемъ, яко Богъ Того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися.*

Сила сихъ словъ—*спасешися*. Уже помянуто было о глаголѣ вѣры въ устахъ и въ сердцѣ, и какой именно предметъ сего глагола; теперь прилагается только, что

если такъ будетъ, то спасешься. Это отвѣчаетъ послѣднему слову приведенныхъ мѣстъ: ибо и то мѣсто, которое къ закону относится, заключается словомъ: *живъ будетъ*, и то, которое о вѣрѣ говоритъ, заключается словомъ: *сіе животъ твой* (Втор. 30, 20). Живу быть чрезъ что-либо, или животъ имѣть чрезъ то, и есть спасену быть. Это есть заключительное примѣненіе предсказательной рѣчи, или послѣдняя конечная черта въ исполненіи предсказанія.

Что св. Павелъ особо говоритъ объ исповѣданіи устами, и особо о вѣрованіи сердцемъ, и что напередъ ставитъ устное исповѣданіе, а послѣ него вѣрованіе сердечное,—это дѣлаетъ онъ примѣнительно къ приведенному выше мѣсту. Въ существѣ дѣла все отъ вѣры сердечной. Отъ избытка сердца говорятъ уста: и исповѣданіе отъ вѣры, въ сердцѣ водруженной. Да оно и невозможно безъ такой вѣры; и если бываетъ иногда, значенія никакого не имѣетъ въ производствѣ спасенія. Но и вѣра, когда жива и пламенна, не можетъ укрываться въ сердцѣ безъ обнаруженія, а сама собой выходитъ и въ словѣ, и во взорѣ, и въ движеніи, и въ дѣлахъ. Такъ вѣра и исповѣданіе ея, въ истинѣ своей, неразлучны. Да и вниманіе здѣсь у Апостола устремлено все на вѣру, и приложивъ исповѣданіе, онъ не особое что хотѣлъ указать, а туже вѣру.

Предметъ исповѣданія—Господь Іисусъ: *аще исповѣси Господа Іисуса*. Можно такъ: если исповѣдуешь Господа Іисуса, какъ Онъ есть въ истинѣ, т.-е. Сынъ Божій и Богъ воплотившійся; или прямо: если исповѣдуешь Іисуса Господомъ, что Онъ есть Господь Богъ. Симъ утверждается какъ необходимое условіе спасенія—исповѣданіе Божества Іисуса Христа.—Предметъ вѣры сердечной—воскресеніе Христово. Почему такъ? Потому что отъ вѣрованія въ сіе зачиналась и зачинается вѣра и на

семъ основывалось и основывается все послѣдующее зданіе вѣры. Что Іисусъ, глаголемый Христосъ, распятъ и умеръ на крестѣ, это явно было всѣмъ и всѣмъ вѣдомо. И проповѣдь апостольская не скрывала сего, а напротивъ выставляла на видъ, какъ первый свой пунктъ; только на этомъ не останавливалась, а всегда прибавляла: на крестѣ умеръ, но и *воскресе и оживе* (Рим. 14, 19). Съ сего пункта и вѣра начиналась и имъ условливалась: ибо еслибъ только умеръ, кто бы сталъ вѣровать? Апостолы всегда и изображали вѣру въ воскресеніе, какъ основу вѣры Христовой и спасенія (1 Кор. 15, 14).

И по симъ предметамъ видно, что Апостолъ не раздѣляетъ вѣры и исповѣданія, какъбы возможно было исповѣдать Божество Іисуса Христа безъ исповѣданія Его воскресенія, или вѣровать въ Его воскресеніе безъ вѣры въ Божество,—не вредя дѣлу спасенія. То и другое нераздѣльно: ибо что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій и Богъ, сіе явно изъ воскресенія Его, какъ въ началѣ сказалъ Апостолъ (—1, 4); и вѣра въ воскресеніе Его прямо ведетъ къ исповѣданію и Божества Его. Почему мѣсто сіе по смыслу его можно читать такъ: если исповѣдуешь устами твоими и вѣруешь сердцемъ, что Іисусъ есть Господь и что Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, спасешься.

Апостолъ сказалъ: *Богъ воскреси*, по немощи слышащихъ, чтобъ не привзошла мысль, какъ возможно воскресеніе, и не пресѣкла теченіе вѣры. Поставивъ: *Богъ воскреси*, онъ устраняетъ всякое колебаніе о возможности: ибо то общая вѣра, что для Бога все возможно. Св. Златоустъ говоритъ: „что Христосъ есть Господь, сіе явствуетъ изъ воскресенія, какъ Апостолъ сказалъ и въ началѣ посланія: *нареченнѣмъ Сынѣ Божіи изъ воскресенія отъ мертвыхъ* (1—, 4). А что и воскресеніе

есть дѣло не трудное, то и для самыхъ несвѣдущихъ доказано силою Воскрешающаго.“ Что и воскрешенный есть Богъ, это онъ только что сказалъ, заповѣдавъ исповѣдать Іисуса Христа Господомъ. Кто Господь есть, Тотъ и самъ силенъ воскреснуть. Если говорится, что Богъ Его воскресилъ, то только для указанія нераздѣльности Его съ Богомъ Отцемъ. Ибо Сынъ Божій и Богъ воплотился, не оставивъ нѣдра Отча, и когда воскрешаемъ былъ Отцемъ, участвовалъ въ семъ дѣйствіи Его и самъ. Дѣйствія Божескія нераздѣльны,—исходятъ отъ тріѵпостаснаго Божества. И воскресеніе Христово есть дѣло Бога Отца и Сына и Святаго Духа.

Такъ вотъ, когда будешь такъ вѣровать и исповѣдывать, что Іисусъ Христосъ есть Господь, Богъ воплощенный, умершій и воскресшій, нашего ради спасенія, то спасешься. Но какъ сіе устрояется?—Отвѣтъ на это надо вывесть изъ всего предыдущаго. То неотложимый законъ, что безъ исполненія заповѣдей нѣтъ спасенія. *Аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди*, говоритъ Господь (Мѳ. 19, 17). И еще: *Не всякъ глаголяй ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца моего, иже есть на небесѣхъ* (Мѳ. 7, 21). Слѣдовательно, если спасеніе, которое и есть внитіе въ царствіе и животъ, условливается исповѣданіемъ и вѣрою во Христа и воскресеніе Христа Господа, то, надо полагать, потому такъ есть, что съ симъ неразрывно соединено исполненіе заповѣдей или воли Отца небеснаго. Такъ оно и есть. Припомнимъ, что говорилось впереди о близости закона. Св. Моѵсей говорилъ: близъ ти законъ, потому что написанъ и лежитъ у тебя предъ глазами; и хотя прибавилъ, что онъ и въ сердцѣ, но это было только обѣтованіе, котораго исполненіе потомъ пророки указали въ будущемъ пришествіи Обѣтованнаго, ...и коемъ весь законъ и всѣ заповѣди будутъ написаны

не на хартіи, а на сердцѣ. Такъ это и бываетъ. Пріемлющій пришедшаго Обѣтованнаго, вѣрою прилѣпляется къ Нему, а прилѣпляющійся къ Нему бываетъ единъ духъ съ Нимъ (1 Кор. 6, 17). Духъ же Его есть совокупность всѣхъ святыхъ чувствъ, расположеній и стремленій, требуемыхъ заповѣдями и составляющихъ исполненіе ихъ. Слѣдовательно вѣрою прилѣпляющійся ко Христу Господу носитъ въ себѣ исполненіе всѣхъ заповѣдей, и потому самому есть спасенный. И другимъ путемъ можно придти къ томуже заключенію. *Иже вѣруетъ и крестится, спасенъ будетъ*, говоритъ Господь (Мр. 16, 16). Но кто во Христа крестится, тотъ во Христа облекается (Гал. 3, 27). Христосъ же есть все святое и праведное. Слѣдовательно вѣрующій во Христа носитъ въ себѣ святость и правду, кои суть исполненіе заповѣдей, и потому спасенъ. Или такъ: крещающійся въ Господа, въ смерть Его крестится, чтобъ, какъ Христосъ восталъ отъ мертвыхъ въ славѣ Отчей, такъ и ему ходить въ обновленіи жизни; обновленная же жизнь есть жизнь святая и праведная, во всѣхъ заповѣдяхъ Божіихъ ходящая. Слѣдовательно опять вѣрующій потому спасается, что всѣхъ заповѣдей исполненіе имѣетъ. Или такъ: вѣрующій и крестящійся возрождается Святымъ Духомъ къ новой жизни и чадомъ Божіимъ бываетъ, не именемъ только, но существенно, потому что содѣлывается Богоподобнымъ, т.-е. святымъ, какъ и Родитель его—тріѵпостасный Богъ святъ,—и въ этомъ имѣетъ спасеніе.—Такимъ образомъ, чего ни коснись въ вѣрѣ во Христа Господа, отъ всего придешь къ одному заключенію, что кто воистину вѣруетъ, тотъ спасенъ; но потому, что по устроенію вѣры онъ бываетъ исполнителемъ всѣхъ заповѣдей, кои носитъ начертанными въ сердцѣ, во святыхъ чувствахъ и расположеніяхъ, Духомъ Святымъ тамъ созидаемыхъ.

Ст. 10. *Сердцемъ бо вѣруется въ правду, усты же исповѣдуется во спасеніе.*

Вѣра и исповѣданіе—двѣ стороны одного и тогоже: вѣра, поколику сокровенна, въ глубинѣ сердца пребываетъ, а поколику обнаруживается вовнѣ предъ всѣми и словомъ и дѣломъ, есть исповѣданіе. Въ существѣ дѣла то и другое неразлучны. Что за вѣра, если она въ благопотребное время не являетъ себя? И что за исповѣданіе, когда оно только въ устахъ? Настоящее исповѣданіе то есть, которое, хотя устами свидѣтельствуется, но исходитъ изъ сердца, и настоящая вѣра та есть, которая, хотя въ сердцѣ сокрыта, но тотчасъ даетъ о себѣ знать, коль скоро дѣло касается ея. „Есть потребность въ томъ и другомъ, какъ въ истинной и твердой вѣрѣ, такъ и въ исповѣданіи, произносимомъ съ дерзновеніемъ, чтобъ и сердце украшалось несомнѣнностью вѣры и языкъ просіялъ, небоязненно проповѣдуя истину“ (Өеод.). „Сердце имѣетъ нужду въ устахъ: ибо что пользы вѣровать въ душѣ и не исповѣдывать предъ людьми? Хотя вѣра оправдываетъ въ умѣ, но совершенное спасеніе зависитъ отъ исповѣданія; ибо тогда вѣра просіяваетъ и пользуетъ многихъ. Но и уста имѣютъ нужду въ сердцѣ. Многіе исповѣдуютъ Христа лицемѣрно, а сердце ихъ далеко отстоитъ отъ Него“ (Өеоф.). Почему когда Апостолъ вѣру помѣщаетъ въ сердцѣ, а исповѣданіе въ устахъ, то дѣлаетъ это примѣняясь къ предыдущей предсказательной рѣчи. Равно и указываемые плоды вѣры и исповѣданія одно означаютъ.—Правда созидается въ сердцѣ вѣрою, т.-е. всѣмъ устроеніемъ Христовой вѣры, и содѣваетъ то, въ чемъ состоитъ спасеніе; и кому принадлежитъ спасеніе, у того оно есть не иначе какъ въ силу насажденія въ сердцѣ всякой правды, т.-е. всего святаго, чистаго и непорочнаго, вѣрою, или всѣмъ устроеніемъ вѣры. Такимъ образомъ и сей текстъ, какъ и пре-

дыдущій, можно такъ читать: сердцемъ вѣруется и устами исповѣдуется въ правду и спасеніе.

Такъ доказалъ Апостолъ, что вѣра даетъ то, что законъ только обѣщалъ,—т.-е. правду и спасеніе,—и даетъ легко и дѣйственно; потому ревность по законѣ предъ лицемъ вѣры не имѣетъ смысла, есть ревность не по разуму. „Когда оправданіе, которое всего важнѣе, такъ легко и удобопріемлемо (вѣрою),—когда иначе (безъ вѣры) и спастися невозможно; не крайнее ли неразуміе, оставивъ удобное, легкое, браться за невозможное? Теперь никто уже не можетъ сказать, что отказался отъ дѣла по трудности его. Видишь ли, какъ Апостолъ лишаетъ Іудеевъ всякаго извиненія? Ибо стоютъ ли какого оправданія тѣ, которые избираютъ самое трудное и неудобоисполнимое, а оставляютъ легкое, но могущее ихъ спасти, чего и самый законъ не въ состояніи былъ доставить? Все это доказываетъ единственно упорную волю, противляющуюся Богу. Законъ обременителенъ, а благодать легка. Законъ при безчисленныхъ условіяхъ не спасаетъ, а благодать даетъ оправданіе какъ благодатное, такъ законное. Итакъ, что скажутъ въ свое защищеніе тѣ, которые упорствуютъ противъ благодати, которые безъ пользы и цѣли держатся закона?“ (Св. Злат.).

Тѣснитъ Апостолъ Іудеевъ и гонитъ ихъ къ вѣрѣ, представляя одно изъ сильнѣйшихъ побужденій, опредѣляющихъ волю нашу на дѣла,—разумность, если послѣдуютъ словамъ его и пристанутъ къ вѣрѣ,—и неразумность, если не послѣдуютъ и отвратятся отъ вѣры. Это достаточно уже объяснено, и можно бы остановить рѣчь на сдѣланномъ въ настоящемъ стихѣ выводѣ. „Но поелику сказанное Апостоломъ весьма важно; то онъ опять удостовѣряетъ въ томъ Писаніемъ“ (Св. Злат.). Выводъ у него былъ такой: вѣруй въ сердцѣ и исповѣдуй устами,—и будешь праведенъ предъ Богомъ и спа-

сешься. Могло казаться Іудею: это только твой выводъ. Апостолъ и прибавляетъ: не мой; и слово Божіе прямо говоритъ о спасительности, какъ вѣры, такъ и исповѣданія,—стт. 11—13. Прочитавъ сіи тексты, св. Златоустъ говоритъ: „Примѣчаешь ли, что Апостолъ приводитъ свидѣтельство о вѣрѣ и исповѣданіи?—Когда говоритъ: *всякъ вѣруяй* (ст. 11), указываетъ на вѣру; а когда говоритъ: *всякъ, иже призоветъ* (ст. 13), разумѣетъ исповѣданіе.“

Ст. 11. *Глаголетъ бо Писаніе: всякъ вѣруяй въ онь не постыдится*.

И потому еще счелъ нужнымъ Апостолъ привесть особыя свидѣтельства о вѣрѣ и исповѣданіи, чтобъ показать, что блага вѣры простираются на всѣхъ людей безъ исключенія. Почему въ обоихъ текстахъ направляетъ вниманіе на *всякъ*, и притомъ особо прилагаетъ и толкованіе сему слову: *нѣсть бо разнствія*. Въ предыдущихъ мѣстахъ онъ доказывалъ неразуміе ревности іудейской по законѣ изъ того, что тѣже Писанія, кои о законѣ учатъ, говорятъ потомъ, что вся сила въ вѣрѣ, которую имѣющій и весь законъ исполненнымъ имѣетъ. Но тамъ вниманіе было ограничено одними Іудеями, какъ и самый предметъ того требовалъ. Прослушавъ сказанное, Іудеи могли сказать: хорошо; видимъ, что неразумно уклоняться отъ вѣры изъ-за закона, вѣруемъ. Но зачѣмъ приводятся и язычники?!—Апостолъ отвѣчаетъ: затѣмъ, что сила вѣры и исповѣданія не стѣсняется плотскимъ происхожденіемъ: она на всѣхъ простирается и всѣхъ безъ различія обогащаетъ. Не въ родѣ сила спасенія, а въ вѣрѣ. Кто ни будь, только вѣруй—и спасешься. Смотри, что говоритъ Писаніе: *всякъ вѣруяй въ онь не постыдится* и не сомнѣвайся въ истинѣ словъ моихъ.

Но о какой здѣсь говорится вѣрѣ? Въ кого это предлагается вѣровать?—Во Христа Господа. Приведенныя

слова взяты изъ того мѣста у Пророка Исаіи, гдѣ онъ говоритъ отъ лица Господа: *се Азъ полагаю въ основаніе Сіону камень многоцѣненъ, честенъ, и вѣруяй въ онь не постыдится* (Ис. 28, 16). А подъ симъ камнемъ, съ того времени, какъ изошло изъ устъ пророка слово о немъ, до нашихъ дней, всѣ и Іудеи и христіане не другаго кого разумѣютъ, какъ Христа Господа. Онъ одинъ лежитъ въ основаніи духовнаго Сіона — святой Божіей Церкви, которая, утверждаясь на Немъ, стоитъ прочно и простоитъ непоколебимо до скончанія вѣка. Кто вѣруетъ въ Него не постыдится. Въ чемъ не постыдится? Въ надеждахъ своихъ; ибо несомнѣнно получитъ то, что ожидаетъ отъ вѣры сей. А ожидаетъ онъ чего?—Спасенія какъ въ семъ вѣкѣ, такъ и въ будущемъ. Въ семъ еще вѣкѣ, въ самомъ началѣ, въ крещеніи, получаетъ всякій прощеніе грѣховъ, новую жизнь и благодать Святаго Духа, освящающую и укрѣпляющую, которая служитъ и залогомъ того, что и въ будущемъ вѣкѣ благо будетъ тому, кто прилѣпляется къ Господу вѣрою. Амвросіастъ пишетъ: „Когда въ день суда начнется испытаніе всѣхъ дѣлъ, бывшихъ на землѣ, и всякіе ложные догматы и ученія будутъ посрамлены, тогда вѣрующіе во Христа возликуютъ, видя, какъ предъ всѣми явно откроется, что то, во что они вѣровали, истинно есть, и что почиталось буйствомъ, разумно. Ибо увидятъ, что между всѣми прочими они только славны и разумны, бывъ дотолѣ почитаемы буіими и презрѣнными. Ибо тамъ и рѣшительная проба дѣлъ, гдѣ присужденіе награды или наказаній.“

Ст. 12. *Нѣсть бо разнствія Іудееви же и Еллину: Той бо Богъ всѣхъ, богатяй во всѣхъ призывающихъ Его.*

Словами: *нѣсть бо разнствія Іудееви же и Еллину,*— „толкуетъ Апостолъ слово: *всякъ*“ (Феод.). „Возвѣщая, что въ благодати всѣ могутъ участвовать, и низлагая

надменность Іудеевъ, Апостолъ повторяетъ кратко, что выше доказывалъ пространно,—что нѣтъ разности между Іудеемъ и необрѣзаннымъ" (Св. Злат.). И какъ прежде доказывалъ сіе, вопрошая: *или Іудеевъ токмо Богъ, а не и языковъ? Ей, и языковъ* (Рим. 3, 29): такъ и здѣсь полагаетъ въ основаніе тому слѣдующее: *Той бо Богъ всѣхъ.* Ὁ γὰρ αὐτὸς Κύριος πάντων.—Ὁ αὐτος—одинъ и тотъже. Ибо одинъ всѣхъ Господь. Не другой у язычниковъ Господь, а тотъже, что и у Іудеевъ. Всѣ Его суть твореніе и о всѣхъ попечительно промышляетъ Онъ, по Своимъ сокровеннымъ премудрымъ планамъ. Такъ ты не скупись Богомъ и не представляй Его скупымъ, какъбы рука Его для тебя только была отверзта, а для другихъ всѣхъ сжата. На всѣхъ достанетъ у Него всякаго добра и Онъ готовъ щедро надѣлять имъ всѣхъ. „*Богатяй во всѣхъ*, т.-е. богатый для всѣхъ, призывающихъ Его" (Θеоф.).

Богатяй,—πλουτῶν εις πάντας, — богатымъ являющійся во всѣхъ призывающихъ Его тѣмъ, что ради призыванія ихъ изливаетъ въ нихъ и на нихъ богатство свое. Кто бы ты ни былъ, только призови, и станешь причастникомъ богатства Его. „Онъ всѣхъ есть Господь, яко Творецъ и Промыслитель, но богатъ есть только для тѣхъ, которые призываютъ Его. Для невѣрныхъ же Онъ небогатъ: ибо имъ невозможно сдѣлаться причастниками богатства Его, такъ какъ они не вѣруютъ, что Онъ дастъ имъ отъ него" (Амвр.).

Можно и такъ: богатъ сый призывающими Его въ той мысли, что Господь своимъ богатствомъ почитаетъ призывающихъ Его; почему не станетъ различать, Іудей ли кто, или язычникъ, а лишь бы призывалъ Его; и какъ только призоветъ, будетъ тотчасъ принятъ въ сокровищницу Божію: ибо Господь любитъ обогащаться такимъ добромъ. „Видишь ли, какъ Богъ сильно

желаетъ нашего спасенія? Ибо почитаетъ оное даже своимъ богатствомъ. Почитающій наше спасеніе своимъ богатствомъ не перестанетъ обогащаться, а изливать дары на всѣхъ для Него также есть обогащеніе“ (Св. Злат.).

Такимъ образомъ, если все отъ призыванія, а не отъ внѣшнихъ какихъ-либо отличій, то само собою уже очевидно, что Іудей въ дѣлѣ спасенія никакого преимущества не имѣетъ предъ язычникомъ. Такъ и предсказано пророками.

Ст. 13. ***Всякъ бо, иже аще призоветъ имя Господне, спасется.***

Сила рѣчи и здѣсь во *всякъ*. „Поелику Іудеевъ особенно возмущало то, что они пользовались преимуществомъ предъ всѣмъ человѣческимъ родомъ, а теперь вѣра низлагаетъ ихъ съ сего престола и предоставляетъ имъ не болѣе правъ, какъ и другимъ; то Апостолъ неоднократно дѣлаетъ указанія на пророковъ, которые предвѣщаютъ имъ о такомъ равенствѣ. ***Всякъ бо вѣруяй въ онь***, сказано, ***не постыдится; и всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется.*** Въ устраненіе всякихъ возраженій въ томъ и другомъ мѣстѣ поставлено слово: ***всякъ***“ (Св. Злат.).

Апостолъ не поминаетъ, что сіе мѣсто беретъ онъ изъ Писанія; но какъ оно слово въ слово читается у Пророка Іоиля 2, 32; то нѣтъ сомнѣнія, что онъ привелъ его, какъ взятое изъ Писанія, а не помянулъ вѣрно потому, что и его разумѣлъ, когда сказалъ выше въ ст. 11: ***глаголетъ бо Писаніе.***

Смыслъ приведеннаго изъ св. Іоиля мѣста ясенъ самъ по себѣ. У Пророка Іоиля оно приложено къ пророчеству о изліяніи Духа Святаго на всѣхъ рабовъ и рабынь Божіихъ. ***На рабы моя и на рабыни моя во дни оны излію отъ Духа моего, и прорекутъ*** (Іоил. 2, 29). И въ

концѣ: *и будетъ всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется* (— —32).—Спасется чѣмъ? Тѣмъ, что съ вѣрою призвавъ Господа, Духа Святаго пріиметъ, Который освятитъ его и святымъ сохранитъ до конца. Сіе пророческое мѣсто приводилъ уже св. Апостолъ Петръ въ день сошествія Святаго Духа. Когда Іудеи, смотрѣвшіе на восторгъ Апостоловъ въ моментъ изліянія на нихъ Духа Святаго, подумали, что они пьяны: то онъ въ опроверженіе сего сказалъ: не пьяны, а это исполнилось на насъ то, что предрекъ пророкъ Іоиль о изліяніи Св. Духа. Затѣмъ привелъ все мѣсто,—и въ концѣ тоже приложилъ: *всякъ, иже призоветъ имя Господне, спасется* (Дѣян. 2, 16—21). Наконецъ, когда цѣлыя тысячи Іудеевъ пришли въ сокрушеніе, и спрашивали, что же имъ дѣлать, то онъ, указывая имъ что дѣлать, симъ самымъ объяснилъ и то, что значитъ спастися и въ чемъ состоитъ призываніе имени Господня: призываніе—въ покаяніи и вѣрѣ въ Господа, а спасеніе—въ крещеніи во имя Его, во оставленіе грѣховъ и въ пріятіи дара Духа Святаго. *Покайтеся, и да крестится кійждо васъ во имя Господа Іисуса Христа, во оставленіе грѣховъ: и пріимете даръ Святаго Духа* (— —38). Сознай, что ты грѣшенъ кругомъ, и увѣруй, что нѣтъ тебѣ спасенія, какъ въ Господѣ; за тѣмъ въ сихъ чувствахъ и въ духѣ сей вѣры крестись, чрезъ что пріимешь отпущеніе грѣховъ и къ новой отродишься жизни. Ставъ же такимъ образомъ сосудомъ крѣпкимъ, пріимешь даръ Св. Духа, который, излившись въ тебя, научитъ тебя, какъ тебѣ быть святымъ, и силою исполнитъ къ тому, чтобъ ты содержалъ себя въ святости всѣ дни жизни твоей. Вотъ и спасеніе! Это есть апостольское изъясненіе того, какъ бываетъ, что призывающій имя Господне спасается. А не одно только взываніе: Господи, Господи! Ибо не всякій такой непремѣнно уже внидетъ въ царствіе, сказалъ Господь въ Евангеліи.

Стт. 14. 15. *Како убо призовутъ, въ негоже не вѣроваша? Како же увѣруютъ, егоже не слышаша? Како же услышатъ безъ проповѣдующаго? Како же проповѣдятъ, аще не послани будутъ?*

Съ 14-го стиха до конца главы идутъ новыя мысли, направленныя къ тому, чтобы отнять у Іудеевъ послѣднее возможное извиненіе въ невѣріи (Св. Злат.). Въ этой 10-й главѣ Апостолъ объясняетъ, какъ сдѣлалось, что большая часть Іудеевъ не участвуетъ въ наслѣдіи духовныхъ благъ о Христѣ Іисусѣ, обѣтованныхъ отцамъ. Какая тому причина? Причина тому, отвѣтилъ онъ, въ самихъ Іудеяхъ, въ томъ, что не вѣруютъ въ Господа Іисуса. Они прикрываютъ недоброту невѣрія своего тѣмъ, что стоятъ на законѣ и ревнуютъ по нему. Но это ихъ не извиняетъ, потому что самъ законъ или тѣ писанія, въ коихъ излагается и изъясняется законъ, руководятъ ихъ къ вѣрѣ и указываютъ на ея необходимость, указываютъ, что она есть прямое и единое истинное и надежное средство ко спасенію. Отсюда само-собою выходитъ обличеніе: такъ чего же вы не вѣрите? Для полноты обличенія Апостолъ теперь или самъ придумываетъ, или другаго кого вводитъ придумывающаго, чѣмъ бы можно было еще оправдать невѣріе Іудеевъ, и за тѣмъ доказавъ, что это послѣднее прибѣжище къ оправданію неумѣстно, выставляетъ во всей силѣ безъизвинительность іудейскаго невѣрія. Онъ говоритъ какъбы: можно было бы еще извинить невѣріе Іудеевъ и непризываніе ими Господа Іисуса или невозложеніе на Него надежды спасенія, еслибъ они не слышали о Немъ, а не слышали потому, что не было проповѣди, а проповѣди не было потому, что не было посланныхъ проповѣдниковъ. Это совершенно бы извиняло ихъ. Ибо естественно не призывать Господа или не возлагать на Него надежды спасенія тому, кто не увѣровалъ; естественно не вѣро-

вать тому, кто не слышалъ, чему должно вѣровать; естественно не слышать о семъ, когда нѣтъ проповѣди; и естественно не быть проповѣди, когда нѣтъ посланныхъ проповѣдниковъ. Но дѣло не такъ есть: и проповѣдники посланы (ст. 15). и тѣ, къ кому посланы,—Іудеи, слышали ихъ проповѣдь (ст. 18), и не только слышали, но и разумѣли (ст. 19);—и все же остаются въ невѣріи. Потому ничего послѣ сего не остается, чѣмъ бы можно было ихъ извинить: кругомъ виноваты. „Такъ Апостолъ, сказавъ это какъбы въ оправданіе Іудеевъ, тѣмъ самымъ увеличиваетъ обвиненіе, на нихъ произносимое.“ (Θеод.).

Первый вопросъ о призываніи къ вѣрѣ предложенъ по поводу предыдущей рѣчи, гдѣ объ нихъ разсуждалось, и предложенъ въ видѣ перехода къ тому, на чемъ преимущественно хотѣлъ остановиться вниманіемъ Апостолъ, и что ему больше нужно было для цѣли обличенія, т.-е. къ слуху проповѣди и посланію на проповѣдь. Ибо теперь въ этомъ главныя основанія обличенія, а о первыхъ двухъ уже сказано выше. Отвѣчая на эти три послѣдніе вопроса, Апостолъ начинаетъ съ послѣдняго (Θеод.) и идетъ вверхъ по вопросамъ. Развѣ проповѣдники не посланы? Посланы. Развѣ Іудеи не слышали? Слышали. Развѣ не разумѣли? Разумѣли.

Замѣчатѣльно, что Апостолъ отвѣты свои: посланы, слышали, разумѣли, беретъ не изъ указанія на то, что дѣломъ совершалось во очію всѣхъ, а изъ пророческихъ о томъ предсказаній. Въ отвѣтъ на то: развѣ не посланы проповѣдники? не говоритъ: смотри, вотъ я, вотъ двѣнадцать, вотъ множество другихъ помощниковъ нашихъ, всѣ мы не сами отъ себя ходимъ, а посланы. Не говоритъ такъ, а пророчество о семъ выставляетъ: *коль красны ноги благовѣствующихъ!* Въ отвѣтъ на то: развѣ не слышали? не говоритъ: какъ не слышать? мы прямо къ Іудеямъ идемъ и въ ихъ синагогахъ сначала пропо-

вѣдуемъ, но пророческое о семъ предлагаетъ слово: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ*. Въ отвѣтъ на то: развѣ не уразумѣли? не говоритъ: какъ не уразумѣть? мы подробно растолковываемъ имъ, въ чемъ дѣло; они понимаютъ, но, по пристрастію къ закону, не хотятъ вѣровать, и насъ гонятъ; особенно раздражаются, когда мы, отходя отъ нихъ, предлагаемъ слово вѣры язычникамъ и ихъ обращаемъ къ Господу Іисусу Христу. Не говоритъ такъ, но словомъ пророческимъ изображаетъ тоже: *раздражу вы не о языцѣ*.

Чего ради такъ сдѣлаетъ Апостолъ? Чтобъ разительнѣе представить дѣло. Какъ на всѣ вопросы отвѣчала дѣйствительность, всѣмъ было ясно, и говорить о томъ было бы только излишнимъ размноженіемъ словъ. Іудей, слышавшій такіе вопросы, получалъ на нихъ отвѣтъ въ себѣ самомъ, въ совѣсти своей. Апостолу оставалось только освѣтить и освятить сіи отвѣты тѣмъ, чѣмъ паче всего дорожилъ Іудей,—пророческимъ словомъ. Онъ какъбы говоритъ: видишь, что отвѣчаетъ тебѣ дѣйствительность; но ты не видишь того, сколь важно значеніе всего совершающагося предъ тобою. Помогаю тебѣ въ этомъ. Возвратись мыслію въ глубь пророческихъ предсказаній,—и уразумѣешь, что все, что теперь дѣлается и что ты дѣлаешь по поводу того, давно было предсказано: предсказано, что Іудеи услышатъ ихъ проповѣдь, уразумѣютъ, и однакожъ не увѣруютъ. Но если посланіе проповѣдниковъ есть дѣло прямой воли Божіей, то непринимaніе ихъ проповѣди ничѣмъ инымъ признано быть не можетъ, какъ противленіемъ волѣ Божіей. Богу же противиться какой смыслъ? Изъ сего уразумѣй, что тебѣ слѣдуетъ дѣлать. Сознать неразуміе своего вѣрѣ противленія, осудить себя въ немъ и поспѣшить исправить дѣло, достойное Божія осужденія, дѣломъ достойнымъ Божія благоволенія, невѣріе—вѣрою.

Что касается до вопросовъ, предложенныхъ въ настоящемъ 14-мъ стихѣ и въ началѣ 15-го, то они ясны сами собою, и предложены только за тѣмъ, чтобы напередъ обозначить пункты для обличенія Іудеевъ. Самое обличеніе идетъ опять вопросами, но съ приложеніемъ и отвѣтовъ на нихъ, наводящихъ на безотвѣтное обличеніе. При семъ замѣтимъ, что, по теченію рѣчи, послѣ: *како проповѣдятъ, аще не послани будутъ?* и предъ: *якоже писано есть,* надобно предположить вопросъ: но развѣ не посланы были проповѣдники? Посланы, какъ написано. Предположить это заставляетъ послѣдующій строй рѣчи. Ниже дается воврос: *еда не слышаша?* и предлагается отвѣтъ словами пророческими. Еще ниже дается другой вопросъ: *еда не разумѣ Израиль?* И опять предлагается отвѣтъ словами пророческими. Въ началѣ же сихъ вопросоотвѣтовъ, въ ст. 15, стоитъ пророческое слово, а вопроса не стоитъ. Почему есть потребность мысленно дополнить здѣсь рѣчь вставкою вопроса: развѣ не были посланы проповѣдники?—И затѣмъ читать отвѣтъ: были.

Ст. 15. *Якоже есть писано: коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая!*

Наши толковники всѣ предполагаютъ такой вопросъ. Хотя не выражаютъ они его прямо, но теченіе рѣчи ихъ показываетъ, что они предполагаютъ его. Св. Златоустъ говоритъ: „на вопросъ: почему не увѣровали Іудеи? могъ бы кто-нибудь возразить: какъ бы увѣровали они, не слышавши? Они слышали, отвѣтствуетъ Апостолъ. Опять возраженіе: какъ могли услышать безъ проповѣдующаго? И опять отвѣтъ: много было проповѣдниковъ, на то именно посланныхъ. Изъ чего же видно, что сіи проповѣдники посланы были? Въ отвѣтъ на это Апостолъ приводитъ слова пророка: *коль красны ноги* и проч.“ Сила доказательства лежитъ въ согласіи апостольской проповѣди съ благовѣстіемъ предвидѣнныхъ Пророкомъ бла-

говѣстниковъ. О чемъ Апостолы проповѣдывали? О мирѣ съ Богомъ, такомъ мирѣ, изъ коего истекали неисчетныя духовныя блага и для времени и еще паче для вѣчности. Св. Павелъ говоритъ о семъ: Богъ далъ намъ служеніе примиренія,—положилъ на насъ слово примиренія. *По Христѣ убо молимъ, яко Богу молящу нами, молимъ по Христѣ, примирится съ Богомъ* (2 Коринѳ. 5, 20). Здѣсь же приведши слово пророческое о благовѣстникахъ мира, онъ говоритъ какъбы: познай же въ насъ тѣхъ предвидѣнныхъ пророкомъ благовѣстниковъ, и не говори, что такъ какъ не было проповѣди и проповѣдниковъ, то я не могъ слышать и вѣровать. „Видишь ли, говоритъ св. Златоустъ, какъ самымъ образомъ проповѣди Апостолъ доказываетъ, что они—проповѣдники (предвидѣнные и посланные). Апостолы, обходя вселенную, возвѣщали не иное что, какъ неизреченныя блага и миръ Бога съ человѣками. Посему вы, невѣрующіе, не намъ не вѣрите, говоритъ Павелъ, но Исаіи, который за многіе годы предвозвѣстилъ, что мы будемъ посланы, станемъ проповѣдывать, и сказалъ то самое, что и мы говоримъ. Итакъ, ежели спасеніе зависитъ отъ призыванія, призываніе отъ вѣры, вѣра отъ слышанія, слышаніе отъ проповѣданія,—а Апостолы были посланы и проповѣдывали,—даже съ ними вмѣстѣ ходилъ пророкъ, указывалъ ихъ, возвѣщая и говоря: вотъ тѣ самые, о которыхъ за долгое время объявлено было свыше чрезъ меня, которыхъ ноги похвалялъ я за способъ проповѣди: то явно, что невѣріе есть собственная вина Іудеевъ, а со стороны Божіей все сдѣлано.“

Пророкъ Исаія въ томъ мѣстѣ, откуда взято его пророческое слово, воодушевляетъ Іудеевъ надеждою избавленія изъ плѣна: десять колѣнъ уже были въ плѣну у Ассиріанъ, плѣнъ остальныхъ Навуходоносоромъ настоялъ и былъ видимъ пророкомъ, какъбы уже совершившимся.

Чтобъ не пали они духомъ, пророкъ именемъ Господа обѣщаетъ имъ избавленіе: *востани Сіоне, облецыся въ славу твою Іерусалиме!* (52, 1).—Затѣмъ духъ пророческій переноситъ пророка въ далекое будущее, ко времени пришествія Обѣтованнаго, и заставляетъ его говорить отъ лица Божія: *васъ ради имя мое хулится во языцѣхъ;* но придетъ время, когда *познаютъ имя мое людіе мои* (—6). Какъ познаютъ? Самъ Я, говорящій сіе, буду среди ихъ, и будутъ посланы благовѣстники, проносящіе радостную о Мнѣ вѣсть. Это выражено словами: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая* (—7).—*И воцарится Богъ,—и узрятъ вси концы земли спасеніе, еже отъ Бога* (—10). Здѣсь указаніе о Христѣ Іисусѣ Господѣ—Спасителѣ такъ очевидно, что Іудеи легко познали тутъ пророческое указаніе о времени пришествія Его. Амвросіастъ такъ прилагаетъ сіе мѣсто ко времени Апостольской проповѣди. „*Ногами* означаетъ хожденіе Апостоловъ, обходящихъ весь міръ и проповѣдующихъ, что пришло царствіе Божіе. Это ихъ хожденіе освящало людей, показывая имъ путь, которымъ въ мирѣ шествуется къ Богу и который предуготоватъ сперва приходилъ Іоаннъ Креститель. Это тотъ есть миръ, къ коему спѣшно шествуютъ вѣрующіе во Христа. Царство Божіе есть миръ; ибо въ немъ, всякое отсѣкши несогласіе, всѣ единому Богу преклоняютъ колѣна. Такъ здѣсь; а вышній Іерусалимъ, который есть матерь наша, по имени своему есть и толкуется — зрѣніе мира (какъ наслажденіе миромъ).“

Ст. 16. *Но не вси послушаша благовѣстія. Исаія бо глаголетъ: Господи, кто вѣрова слуху нашему?*

Наши всѣ толковники первыя слова читаютъ, какъ вопросъ, въ видѣ возраженія: но скажетъ кто, какъ же не всѣ послушались благовѣстія? Ибо еслибъ оно было отъ Бога и посланные Имъ были посланы, то конечно

всѣ бы послушались ихъ и вняли слову ихъ. Въ отвѣтъ на это Апостолъ говоритъ: это нисколько не умаляетъ достоинства посланныхъ и истины ихъ благовѣстія. Ибо еще Исаія провидѣлъ, что такъ будетъ. И это сказалъ онъ въ слѣдъ за предсказаніемъ о благовѣстіи. О красныхъ ногахъ, благовѣствующихъ миръ, предсказалъ онъ въ половинѣ 52-й главы, а о томъ, что не всѣ повѣрятъ имъ, предсказалъ въ началѣ 53-й. Итакъ что не всѣ повѣрили благовѣстію, это не опровергаетъ того, что благовѣстники посланы отъ Бога и возвѣщаютъ истину: ибо такъ было предсказано Богомъ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „приведя свидѣтельство о проповѣдникахъ, Апостолъ ведетъ рѣчь въ видѣ вопроса: *но не вси послушаша благовѣстія?* а потомъ въ видѣ отвѣта приводитъ слова пророка.“

Пространнѣе изображаетъ сіе св. Златоустъ: „Іудеи опять дѣлали новое возраженіе, говоря: ежели Апостолы были посланы отъ Бога, то надобно, чтобы всѣ ихъ послушались. Замѣть же благоразуміе Павлово, какъ онъ доказываетъ, что то самое, что приводило въ смущеніе, должно уничтожить смущеніе и безпокойство. Что, говоритъ онъ, соблазняетъ тебя, Іудей, послѣ толикократнаго и столь важнаго свидѣтельства, и послѣ подтвержденія его самыми дѣлами,—что не всѣ послушались благовѣстія? Это самое, что не всѣ слушаются, при другихъ доказательствахъ достаточно къ тому, чтобы увѣрить тебя въ истинѣ проповѣдуемаго. Ибо и о семъ издревле предсказалъ пророкъ. *Что говорите вы,* спрашивалъ онъ? То ли, что *не вси послушаша благовѣстія?* Но Исаія давно предсказалъ и сіе; вѣрнѣе же онъ предсказалъ не это одно, но гораздо большее. Вы ставите въ вину то, что не всѣ послушались; а Исаія говоритъ еще больше. Что же именно? *Господи, кто вѣрова слуху нашему?*“— Приложимъ къ сему изъ бл. Ѳеофилакта: „впрочемъ

слово *кто* употреблено здѣсь вмѣсто: рѣдкіе, т.-е. немногіе повѣрили слышанному отъ насъ.“

Мѣсто пророческое взято изъ 53-й главы св. Исаіи, гдѣ онъ живописуетъ страданія и смерть Христа Спасителя такъ наглядно, какъбы они совершались у него предъ глазами. Въ самомъ началѣ сего изображенія онъ поставляетъ вопросъ: *Господи, кто вѣрова слуху нашему?* Онъ тутъ принимаетъ на себя лице Апостоловъ и отъ нихъ говоритъ такъ. Въ дѣйствительности такъ и было, что Апостолы проповѣдали Христа распятаго, какъ свидѣтельствуетъ Апостолъ Павелъ. А это для Іудеевъ было соблазномъ, для Еллиновъ же безуміемъ (1 Кор. 1, 23). Тѣ и другіе потому и упирались вѣровать. Вѣровали, но немногіе, — избранные. Справедливо потому было быть вопросу въ душѣ ихъ: Господи, какъ немногіе вѣруютъ тому, что мы влагаемъ въ ихъ уши? Кто—кто вѣруетъ? Провидя это, пророкъ и воззвалъ какъбы отъ лица ихъ предъ изображеніемъ страданій и смерти Господа Спасителя: *кто вѣрова?*

Читать вопросомъ слова: *но не вси послушаша благовѣствованія?*—ближе къ предмету 15 и 16 стиховъ. Въ сихъ стихахъ Апостолъ отвѣчаетъ на предложенный вопросъ: развѣ не посланы проповѣдники? Посланы, говоритъ, и проповѣдуютъ; и то, что не всѣ слушаютъ, не должно наводить сомнѣнія въ томъ, что они дѣйствительно посланы. — Если читать сіи слова безвопросно, то въ нихъ будетъ содержаться обличеніе Іудеевъ безотвѣтное, предметъ всего отдѣленія, 14—21. Слѣдовательно и это умѣстно; но нѣсколько возмущаетъ строй рѣчи. Въ отвѣтахъ на *еда не слышаша?* и на *еда не разумѣ Израиль?* приводятся только слова пророческія, безъ приложенія обличенія; а тутъ будетъ стоять обличеніе, тогда какъ у Апостола цѣль та, чтобъ не обли-

чать въ глаза, а чтобъ Іудеи сами на себя произнесли обличеніе на основаніи того, что онъ говоритъ.

Ст. 17. *Тѣмже убо вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ.*

Слова сіи сказаны по поводу словъ пророческихъ. Пророкъ говоритъ: *кто вѣрова слуху нашему*, т.-е. тому, что мы влагаемъ въ слухъ слышащихъ. Очевидно, что, по пророку, вѣрѣ предназначено зараждаться отъ слуха, или слушанія, когда слухъ поражаемъ бываетъ глаголами Божіими. Глаголы Божіи поражаютъ слухъ, чрезъ слухъ проходятъ въ умъ и сердце и зараждаютъ вѣру. Итакъ слушай, принимай слышимое за глаголы Божіи и вѣруй,—и больше этого ничего не требуй. Будто Апостолъ, послѣ того какъ объяснилъ, что то, что не всѣ слушаются проповѣди, не опровергаетъ дѣйствительности посланничества проповѣдниковъ, слышитъ еще возраженіе: какъ вѣрить имъ, когда они такіе простые? Пусть бы они творили знаменія и чудеса,—повсюду, явно; тогда бы и вѣровать легко. Апостолъ отвѣчаетъ: чудеса и знаменія—не естественная принадлежность благовѣстія. Естественный путь таковъ: приходитъ посланный отъ Бога благовѣстникъ, возвѣщаетъ глаголъ Божій, и тѣ, которые имѣютъ чѣмъ ощутить, что тутъ дѣйствительно возвѣщается глаголъ Божій, вѣруютъ. Чудеса же и знаменія не въ нашей власти. Ихъ творитъ Богъ, хотя чрезъ насъ, но не по нашему изволенію, а гдѣ и какъ угодно то Его святой волѣ. Потому непремѣнно требовать отъ благовѣстниковъ знаменій и чудесъ несправедливо. Они приняли глаголъ Божій и влагаютъ его чрезъ благовѣстіе въ слухъ; слышащіе пусть вѣруютъ, если суть отъ вѣры. Вотъ и все; больше этого не требуй.—„Вѣрующій, пріемля божественные глаголы, плодомъ слышанія приноситъ вѣру" (Θеод.). Св. Златоустъ такъ говоритъ о семъ: „Послѣ того какъ, приведши слова пророка, уничтожилъ ими смущеніе, Апо-

столъ, справедливо основываясь на семъ свидѣтельствѣ, говоритъ: *тѣмже убо вѣра отъ слуха.* И сіе сказано не безъ цѣли. Но какъ Іудеи непрестанно искали чудесъ, желали видѣть воскресеніе и много было такихъ, которые съ жадностію сего домогались; то Апостолъ говоритъ: пророкъ возвѣстилъ, что вѣра наша должна происходить отъ слышанія. Сіе самое и доказываетъ напередъ Апостолъ, говоря: *тѣмже убо вѣра отъ слуха.* А какъ сіе повидимому было еще незначительно, смотри, какимъ образомъ усиливаетъ рѣчь свою. Не о простомъ слышаніи сказалъ я, продолжаетъ онъ, не о томъ, что должно выслушать человѣческія рѣчи и имъ повѣрить; напротивъ говорю о слышаніи высокомъ: *слухъ же глаголомъ Божіимъ.* Проповѣдники не свое говорили, а возвѣщали слышанное отъ Бога. Это гораздо выше чудесъ. Богу, когда говоритъ Онъ и когда чудодѣйствуетъ, равно должно вѣрить и повиноваться, потому что дѣла и чудеса производятся словомъ Его. Такъ совершено небо и все прочее."

Ст. 18. *Но глаголю: еда не слышаша? Тѣмже убо (напротивъ) во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ.*

Доказалъ Апостолъ, что есть проповѣдники посланные, и что всѣ, основываясь на пророческомъ о нихъ предсказаніи, должны были признать ихъ таковыми и потому послушаться ихъ, ничего отъ нихъ не требуя, кромѣ того, что они дѣлали, т.-е., кромѣ возвѣщанія глагола Божія. Отсюда само-собою слѣдовало, что если есть невѣрующіе, то вина не въ недостаткѣ проповѣди и проповѣдниковъ, а въ упорномъ невѣріи слышащихъ. Это наведеніе оставляетъ Апостолъ сдѣлать Іудеямъ, а самъ снова обращается къ изысканію того, чѣмъ бы еще можно было извинить ихъ невѣріе. Но можетъ быть, говоритъ, они не слыхали. Если не слыхали, то конечно не

виноваты въ невѣріи: ибо какъ можно вѣровать въ то, о чемъ не слышишь? Но дѣло не такъ есть: нельзя сказать, что они не слыхали. Какъ имъ не слышать, когда вся вселенная слышала вѣщаніе ихъ?—Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „Апостолъ спрашиваетъ: что же изъ того, ежели проповѣдники были посланы и проповѣдывали то, что имъ повелѣно было, но Іудеи сего не слыхали?—И за симъ даетъ самое достаточное рѣшеніе возраженія: *напротивъ, во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* и проч. Что ты говоришь, спрашиваетъ Павелъ: они не слышали? Слышала вселенная, слышали всѣ предѣлы земные. Какъ же не слыхать вамъ, у которыхъ проповѣдники столько провели времени, и отъ которыхъ они произошли? Возможное ли дѣло? Ежели слышали предѣлы вселенной, тѣмъ болѣе вы.“—Продолжимъ эту рѣчь словами бл. Ѳеодорита. „Возможно ли было не слышать Іудеямъ, когда въ цѣлой вселенной слышали язычники? Іудеямъ первымъ возвѣстили проповѣдь проповѣдники истины. Ибо и самъ Господь сказалъ имъ: *идите паче ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Мѳ. 10, 6); и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ сказано: *вамъ бо лѣпо первѣе глаголати слово Божіе* (Дѣян. 13, 46).“

Пророческое слово взято изъ пс. 18, 5. Св. Пророкъ Давидъ въ томъ псалмѣ сначала изображаетъ, какъ небеса проповѣдуютъ о славѣ Божіей,—о премудрости, благости и всемогуществѣ, творчествѣ и промышленіи Бога безпредѣльнаго, и какъ такая проповѣдь всюду слышится и всѣмъ понятна, такъ что ее слышатъ всѣ люди, и всѣ, перенимая сію проповѣдь небесъ, повторяютъ ее на своемъ языкѣ. Затѣмъ присовокупляетъ, что милостивый Богъ не ограничился однимъ этимъ возвѣщеніемъ о Своей славѣ, но при сей безмолвной проповѣди о ней отъ лица тварей, даровалъ намъ еще и словесное откровеніе—законъ, оправданія, заповѣди, судьбы, которыя *вож-*

дел̀ѣнны паче злата и камене честна многа, и слаждша паче меда и сота (— —11). Если такимъ образомъ пророкъ откровеніемъ въ твореніи наведенъ былъ на мысль о лучшемъ откровеніи чрезъ слово; то ничего нѣтъ дивнаго, что сквозь то и другое, тогда бывшее предъ лицемъ его откровеніе, онъ пророческимъ духомъ своимъ прозрѣвалъ и будущее высшее откровеніе въ имѣвшемъ пріити обѣтованномъ Избавителѣ,—что дивнаго, что въ солнцѣ, исходящемъ на востокѣ, яко женихъ отъ чертога своего, и потомъ, яко исполинъ, совершающемъ теченіе свое до запада, онъ прозрѣвалъ Солнце правды, Христа Бога нашего, чрезъ проповѣдь апостольскую имѣвшаго обходить всю вселенную, начиная съ востока, чтобы всѣхъ согрѣть теплотою своею и просвѣтить свѣтомъ своимъ,—и что, когда слышалъ онъ, какъ на всѣхъ языкахъ повторяется слава Божія, возвѣщаемая твореніемъ, то въ тоже время слышалась ему и та проповѣдь, которую имѣли пронести на всѣхъ языкахъ, по всему міру апостолы?—Что прозрѣвалъ духъ пророческій сокровенно, то узрѣлъ и уразумѣлъ духъ апостольскій и возвѣщаетъ теперь всѣмъ явно, какъ пророчество: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ.*

Ст. 19. *Но глаголю: еда не разумѣ Израиль? Первый Моѵсей глаголетъ: азъ раздражу вы не о языцѣ (о не языцѣ), но о языцѣ неразумнѣ прогнѣваю васъ.*

Что еще можно бы придумать въ извиненіе невѣрія Іудеевъ? Думаю вотъ что. Можетъ быть они не *разумѣли*,—не поняли значенія настоящаго времени,—того, что въ немъ исполняется все предсказанное пророками, все обѣтованное Богомъ, какъ и Спаситель ихъ укорялъ не разъ, когда, напримѣръ, говорилъ, что они лице неба умѣютъ разсуждать, а знаменій временамъ (т.-е. настоящаго времени) не могутъ искусити (Мѳ. 16, 3), или когда плакалъ надъ Іерусалимомъ, приговаривая, что онъ не

разумѣлъ, что есть день сей,—не разумѣлъ времени посѣщенія своего (Лук. 19, 42. 44). Если точно не разумѣли, то для нихъ слышанное было тоже, что неслышанное. Въ такомъ случаѣ извиненіе умѣстно. Но правда ли, что *не разумѣ Израиль?* Можно ли о немъ сказать сіе? Со стороны смотря можно бы такъ отвѣтить: если и въ самомъ дѣлѣ не разумѣлъ, то это нисколько не извиняетъ его; потому что онъ имѣлъ и имѣетъ всѣ способы къ уразумѣнію, и долгъ имѣлъ уразумѣть, чтобъ разумѣніе свое предать потомъ и всѣмъ народамъ. Всѣмъ другимъ извинительно не разумѣть, а ему никакъ: виновенъ потому самому, что не разумѣлъ. Но Апостолъ на томъ настаиваетъ, что онъ разумѣлъ, да не вѣрилъ: тутъ ужь никакъ неумѣстно извиненіе, тутъ явно одно сатанинское упорство. Чѣмъ же доказываетъ Апостолъ, что Іудеи уразумѣли, въ чемъ дѣло? Исполненіемъ пророчества, въ коемъ предсказано было, что будетъ время, когда Богъ раздражитъ ихъ о не народѣ, т. е., такимъ народомъ, который Іудеи считать будутъ недостойнымъ того, чтобъ именовать его народомъ: такъ Іудеи думали о язычникахъ. Чѣмъ же раздражитъ? Тѣмъ, что приметъ ихъ въ милость свою и то, что слѣдовало бы Іудеямъ, на нихъ перенесетъ и имъ передастъ. Это исполнилось въ точности, когда язычники оглашены были благовѣстіемъ и вѣрою призваны къ наслѣдію духовныхъ благъ о Христѣ Іисусѣ, обѣтованныхъ отцамъ Іудеевъ, и вступили въ обладаніе имъ. Могли ли Іудеи этого не увидѣть и не уразумѣть?! „Сіе дѣлалось, говоритъ св. Златоустъ, не въ тѣсномъ углу, на сушѣ и морѣ, въ цѣлой вселенной. Тѣхъ, коихъ презирали прежде Іудеи, увидѣли они обладателями безчисленныхъ благъ. Итакъ надлежало имъ заключить, что это тотъ самый народъ, о которомъ говоритъ Моусей: *раздражу вы о не языцѣ, о языцѣ же неразумнѣ прогнѣваю васъ*. Видишь ли, что

Богъ заранѣе далъ Іудеямъ всѣ признаки и ясныя знаменія сихъ временъ, дабы отверсть слѣпоту ихъ?" И они въ самомъ дѣлѣ поняли, что видно изъ раздраженія ихъ на то, зачѣмъ призываются язычники. Если раздражались, значитъ видѣли, что язычники вступаютъ въ наслѣдіе ихъ благъ, какъ и Спаситель въ лице имъ сказывалъ: *отъимется отъ васъ царство и дастся языку, творящему плоды его* (Мѳ. 21, 43). И еще прежде: *мнози отъ востокъ и западъ пріидутъ. и возлягутъ со Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ во царствіи небеснѣмъ: сынове же царствія изгнани будутъ вонъ* (Мѳ. 8, 11. 12).

Слово пророческое взято изъ Второзаконія гл. 32, ст. 21. Изрекаетъ его Пророкъ Моѵсей, когда, исчисливъ благодѣянія Божіи къ народу Израильскому при изведеніи ихъ изъ Египта и въ охраненіи ихъ въ продолженіе сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ и прозрѣвъ, что со временемъ они забудутъ Бога и пожрутъ бѣсовомъ, а не Богу,—угрожаетъ имъ отъ лица Божія разными казнями, главнѣйшими изъ коихъ ставитъ слѣдующее: *тіи раздражиша мя не о Бозѣ, прогнѣваша мя во идолѣхъ своихъ: и Азъ раздражу ихъ не о языцѣ, о языцѣ же неразумливѣ прогнѣваю ихъ.* И грѣхъ Израильтянъ и то, чѣмъ угрожаетъ имъ Богъ, относится къ будущему. Видитъ Богъ впереди отступленіе Израиля и за него напередъ грозитъ наказаніемъ; но не опредѣляетъ, въ чемъ оно будетъ состоять и когда исполнится. Такъ какъ духъ апостольскій указалъ исполненіе сего наказанія въ призваніи язычниковъ въ наслѣдіе Христово вмѣсто Іудеевъ; то нѣтъ сомнѣнія, что и Богъ, изрекшій его устами Моѵсея, имѣлъ именно это въ виду при словахъ тѣхъ, хотя, можетъ быть, примѣнительно можно полагать исполненіе сего и въ чемъ-либо, бывшемъ прежде.

Св. Златоустъ къ слѣдующему стиху переходитъ такъ: „но одинъ ли Моѵсей говорилъ сіе? Нѣтъ. Напротивъ

послѣ него тоже подтвердилъ Исаія. Посему Павелъ и сказалъ: *первый Моѵсей,* давая тѣмъ знать, что есть и второй, говорящій о томъже яснѣе и открытѣе. И какъ выше сказалъ: *вопіетъ Исаія,* такъ и здѣсь."

Ст. 20. *Исаія же дерзаетъ и глаголетъ: обрѣтохся не ищущимъ Мене, явленъ быхъ не вопрошающимъ о Мнѣ.* (Ис. 65, 1).

Исаія дерзаетъ, т. е. съ увѣренностію говоритъ, и говоритъ ясно и открыто о призваніи язычниковъ въ лице Іудеевъ, не страшась ихъ убійственныхъ угрозъ (Ѳеод.). Св. Златоустъ говоритъ: „сіе значитъ, что Исаія усиливался и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы не выразиться темно, а представить дѣло взорамъ вашимъ во всей наготѣ, и лучше соглашался, сказавъ ясно, подвергнуться опасности, нежели заботясь о своей безопасности, оставить вамъ какой-нибудь предлогъ къ извиненію своего упорства. Чтобъ совершенно заградить вамъ уста, обо всемъ предсказываетъ со всею ясностію и прямыми словами. О чемъ же - обо всемъ? О вашемъ паденіи и введеніи язычниковъ, говоря такъ: *обрѣтохся не ищущимъ Мене, явленъ быхъ не вопрошающимъ о Мнѣ.* Кто же сіи не ищущіе и не вопрошающіе? Очевидно, что не Іудеи, а язычники, которые дотолѣ не знали Бога. Какъ Моѵсей отличительный ихъ признакъ выразилъ словами: *о не языцѣ, о языцѣ же неразумливѣ;* такъ и Исаія изображаетъ здѣсь тоже свойство въ нихъ—незнаніе въ крайней степени. Самымъ важнымъ обвиненіемъ для Іудеевъ было, что не ищущіе нашли, а ищущіе потеряли."

Обвиненіемъ и вмѣстѣ раздраженіемъ: какъ такъ язычники, столь ничтожные и нечистые въ глазахъ ихъ, сподобляются такой милости на глазахъ у нихъ?! Ибо обрѣсти Бога, сподобиться имѣть Его явленнымъ себѣ, есть великая милость. Іудеи никого не считали достойнымъ ея, и вотъ видятъ, что она дарована язычникамъ,—и

притомъ въ ущербъ имъ самимъ. Какъ не раздражиться?! Они и раздражились. А если раздражились, значитъ, повторимъ опять, понимали дѣло, совершившееся у нихъ предъ глазами. Слова Пророка Исаіи св. Павелъ приводитъ въ поясненіе того, чѣмъ грозилъ Богъ раздражить Іудеевъ въ лицѣ язычниковъ, и только усиливаетъ ими данный уже отвѣтъ на вопросъ: *еда не разумѣ Израиль?*

„Видишь, пишетъ Экуменій, сколько имѣли они поводовъ и случаевъ уразумѣть? Ибо видя, какое чрезъ вѣру являетъ Богъ благоволеніе къ язычникамъ, они должны были опомниться и отбросить ослѣпленіе.“ Да и прямо смотря, нельзя думать, чтобы, когда язычники, обрѣтшіе Бога чрезъ принятіе евангельской проповѣди, уразумѣли,—Израиль не уразумѣлъ. Уразумѣлъ, но по упорству не покорился истинѣ. О семъ и Исаія говоритъ вслѣдъ за приведенными словами о язычникахъ.

Ст. 21. *Ко Израилю же глаголетъ: весь день воздѣхъ руцѣ мои къ людемъ непокоривымъ и прекающимъ* (Ис. 65, 2).

Если Богъ простираетъ къ нимъ руки, призывая и привлекая ихъ къ Себѣ, то какъ Онъ могъ неувидѣнъ быть ими и неуразумѣнъ?—Увидѣнъ и уразумѣнъ, но они не пошли къ Нему по упорству и прекословливому нраву своему. *Весь день* у пророка означаетъ весь день Израиля, со времени изведенія его изъ земли Египетской, а въ исполненіи пророчества въ устахъ Ап. Павла означаетъ все время, какъ воплотился Господь и явилъ Себя среди Израиля (Экум.). Онъ самъ, ходя среди Іудеевъ, взывалъ: приблизилось царствіе; покайтесь и вѣруйте во Евангеліе. А потомъ апостоловъ послалъ, которые и во Іудеѣ и по всѣмъ странамъ, гдѣ ни случалось имъ встрѣчать Іудеевъ, первымъ имъ возвѣщали слово Евангелія. Такимъ образомъ въ призываніи ясномъ и понятномъ для всѣхъ не было недостатка. Недоставало только

благопокорливой вѣры и послушанія Зовущему. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „дабы Іудеи не имѣли права сказать Богу: ты обрѣлся язычникамъ, а съ нами не хотѣлъ обращаться, пророкъ присовокупляетъ: *Я весь день*, т. е. во всякое время, *воздѣхъ руцѣ мои*, т.-е. привлекалъ васъ, но вы оказались народомъ непослушнымъ и упорнымъ. Слѣдовательно вы виновны, а не Я. Я простиралъ руки Свои къ вамъ и призывалъ васъ, но вы не послушались. Отсюда видно, что Израильтяне и слышали и знали, но не хотѣли покориться.“

Этимъ заканчиваетъ Апостолъ отъятіе всякаго извиненія невѣрія Іудеевъ (стт. 14—21). И проповѣдники есть, и слышатъ, и разумѣютъ,— и все еще остаются въ невѣріи. Выводъ отсюда: никакого нѣтъ имъ извиненія. Но Апостолъ не дѣлаетъ его гласно, а даетъ всякому читающему или слышащему сдѣлать его самому, равно какъ и приложеніе его, т.-е.: если неизвинительны и неизвинительны предъ Богомъ, Котораго судъ нелицепріятенъ; то очевидно, что слѣдуетъ,—слѣдуетъ покориться проповѣди и увѣровать въ Евангеліе. Это-то приложеніе и имѣлъ въ виду Апостолъ, представляя Іудеевъ безотвѣтными, а не одно голое обличеніе.

Св. Златоустъ все сіе отдѣленіе заключаетъ такими словами: „вотъ какое ясное рѣшеніе далъ Апостолъ на всѣ предложенныя выше затрудненія, доказавъ, что Іудеи погибаютъ по собственной волѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ не заслуживаютъ извиненія. Хотя слышали, хотя понимали сказанное, но при всемъ томъ не захотѣли придти. И, что гораздо важнѣе, Богъ не только далъ имъ услышать и уразумѣть сіе, но и употреблялъ мѣры болѣе сильныя для побѣжденія и привлеченія упорныхъ и противящихся. Какія же именно? Раздражалъ ихъ, пробуждалъ въ нихъ соревнованіе. Вы сами знаете мучительство сей страсти, знаете, какую силу

имѣетъ соревнованіе къ преодолѣнію всякаго упорства, къ возстановленію падшихъ. И нужно ли говорить о взросломъ человѣкѣ, когда соревнованіе оказываетъ великое дѣйствіе и надъ дѣтьми въ незрѣломъ возрастѣ? Ребенокъ часто, когда призываетъ его отецъ, не слушается и продолжаетъ упрямиться; но когда видитъ, что ухаживаютъ за другимъ ребенкомъ, безъ всякаго зова бѣжитъ къ груди родительской, и чего не могло сдѣлать призываніе, то производитъ соревнованіе. Такъ и Богъ поступалъ съ Іудеями; не только умолялъ ихъ, простиралъ къ нимъ руки, но и возбуждалъ въ нихъ страсть соревнованія, надѣляя благами тѣхъ, которые были гораздо ниже ихъ,—что особенно производитъ соревнованіе, впрочемъ не тѣми благами, какія даны Іудеямъ, но, что гораздо важнѣе, что дѣлаетъ страсть мучительнѣйшею,—благами гораздо большими и нужнѣйшими,—такими, какихъ Іудеи и во снѣ себѣ не представляли. Но они при всемъ томъ не послушались. Итакъ какого стоютъ извиненія показавшіе въ такомъ избыткѣ свое упорство? Никакого. Впрочемъ Апостолъ не говоритъ сего самъ, но предоставляетъ совѣсти слушателей заключить о томъ изъ соображенія сказаннаго.“

г.

Утѣшеніе народа Божія.

Гл. 11.

Изъ предложенныхъ объясненій Апостола выходило, что если есть Іудеи, не участвующіе въ благахъ вѣры, какъ слѣдовало бы по обѣтованію, то причина этому въ нихъ самихъ, въ томъ, что они упорно отказываются принять благовѣстіе и покориться вѣрѣ,—чего имъ извинить никакъ нельзя. Тяжело должно было отозваться

такое обвиненіе въ сердцѣ увѣровавшихъ Іудеевъ, которые, несмотря на прилѣпленіе къ вѣрѣ, не могли однакожъ не жалѣть о народѣ своемъ, столь высокомъ по избранію Божію, и столь унизившемся по неразумію своему. Не желая оставлять ихъ подъ такимъ непріятнымъ впечатлѣніемъ, Апостолъ предлагаетъ теперь утѣшительныя для нихъ мысли, такія однакожъ, которыя могли благотворно подѣйствовать и на невѣрующихъ Іудеевъ. Онъ говоритъ съ сею цѣлію, что если не всѣ приняты, то и не всѣ отринуты, что отпаденіе непокорившихся вѣрѣ служитъ во спасеніе языкамъ, и что потому послѣднимъ нечего выситься надъ первыми; да къ тому же ослѣпленіе это, по цѣлямъ промышленія Божія о людяхъ, допущено лишь на время. Исполнится сей предѣлъ, и весь Израиль вступитъ въ ограду спасенія.

Гл. 11, ст. 1. *Глаголю убо, еда отрину Богъ люди своя? Да не будетъ: ибо и азъ Израильтянинъ есмь, отъ сѣмене Авраамля колѣна Веніаминова.*

Сими словами Апостолъ возвращается къ прежнему своему положенію: *не такожде, яко отпаде слово Божіе* (9, 6), и спрашиваетъ: послѣ всего сказаннаго можно ли утверждать, что Богъ отринулъ людей Своихъ? Никакъ. Ибо Онъ и обѣтованіе давалъ не всѣмъ, а только тѣмъ, которыхъ провидѣлъ покорными слову Своему. Эти собственно и суть люди Его. Вамъ слѣдуетъ только теперь осмотрѣться кругомъ и удостовѣриться, есть ли изъ сыновъ Израиля внимающіе благовѣстію и чрезъ то вступающіе въ наслѣдіе духовныхъ благъ, обѣтованныхъ въ Избавителѣ. Если есть, хоть одинъ, — обѣтованіе не нарушено. А одинъ — вотъ вамъ — я. *Я Израильтянинъ отъ сѣмени Авраамова, колѣна Веніаминова.* Если я, Израильтянинъ, принадлежу къ пріявшимъ обѣтованное наслѣдіе, то уже нельзя говорить, что отпаде слово Божіе, *и отрину Богъ люди своя.* „Въ доказатель-

ство того, что Іудеи не отвержены, говоритъ св. Златоустъ, указываетъ на себя: *ибо и азъ Израильтянинъ есмь*. Я учитель, проповѣдникъ, самъ Іудей. Еслибъ Богъ опредѣлилъ отринуть Іудеевъ, то не избралъ бы изъ нихъ и Павла, которому ввѣрилъ всю проповѣдь, дѣла цѣлаго міра, всѣ тайны, все домостроительство спасенія. Но само собою очевидно, что, указывая на себя, Апостолъ хотѣлъ только поскорѣе и понагляднѣе дать примѣръ неотриновенія Божія, а разумѣлъ подъ собою всѣхъ увѣровавшихъ изъ Іудеевъ. Они повсюду были: и въ Іерусалимѣ, и по всѣмъ другимъ городамъ и весямъ Палестины, и во всѣхъ мѣстахъ внѣ ея, гдѣ жили Іудеи. Всѣ они суть наслѣдники обѣтованій, данныхъ отцамъ. Слѣдовательно не слѣдуетъ говорить, что Богъ отринулъ людей Своихъ.

Ст. 2. ***Не отрину Богъ людей своихъ, ихже прежде разумѣ.***

Прежде разумѣ—προέγνω, — предвѣдалъ. Предвѣдалъ Богъ, что будутъ покорные слову Его и далъ обѣтованіе, выражая его общимъ ко всѣмъ сынамъ Израиля словомъ, въ виду же имѣя собственно сихъ покорныхъ и вѣрныхъ, коихъ однихъ и слѣдуетъ называть Божіимъ народомъ. И вотъ, что вы видите теперь совершающимся предъ очами вашими, все сіе идетъ по предувѣданному,—и есть прямое исполненіе обѣтованія. Не отринулъ Богъ людей Своихъ, а именно ихъ-то и пріялъ теперь и ввелъ въ наслѣдіе обѣтованія. Св. Златоустъ въ словахъ Апостола видитъ два доказательства того, что не отринулъ Богъ людей Своихъ: первое то, что и онъ Израильтянинъ, а второе „заключается въ словахъ: *люди, ихже прежде разумѣ*, т.-е. о которыхъ вѣрно зналъ, что они способны къ принятію вѣры, и примутъ оную. Ибо изъ Іудеевъ увѣровали три тысячи, пять тысячъ и многое множество. Дабы на слова его: *азъ Израильтянинъ* не возразилъ кто:

развѣ ты составляешь народъ, и изъ того, что ты призванъ, слѣдуетъ ли, что призванъ цѣлый народъ? Апостолъ присовокупилъ: *не отрину людей своихъ, ихже прежде разумѣ*. Онъ говоритъ такъ какъбы: со мною есть три тысячи, есть пять тысячъ, есть многое множество.“

Стт. 3—5. *Или не вѣсте о Иліи, что глаголетъ Писаніе? яко приповѣдуетъ Богу на Израиля, глаголя: Господи, пророки твоя избиша, и олтари твоя раскопаша: и азъ остахъ единъ, и ищутъ души моея, изъяти ю. Но что глаголетъ ему Божественный отвѣтъ? Оставихъ себѣ седмь тысячъ мужей, иже не преклониша колѣна предъ Вааломъ. Тако убо и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть* (3 Цар. 19, 14. 18).

Апостолъ говоритъ какъбы: то, что видите вы совершающимся теперь предъ очами вашими, очень похоже на то, что было при пророкѣ Иліи, когда, не встрѣчая кругомъ видимо ни въ комъ истиннаго благочестія, онъ жаловался Богу: всѣ уклонились въ нечестіе; остался я одинъ; и когда Господь сказалъ ему: нѣтъ, не всѣ; есть у Меня среди ихъ семь тысячъ мужей, вѣрныхъ Мнѣ, и отвращающихся отъ идоловъ. Какъ тогда было, что и царь, и вельможи, и всѣ власти, и всѣ, на кого ни взгляни, богоборствовали, а между тѣмъ среди ихъ было у Бога семь тысячъ истинныхъ Его чтителей: такъ и теперь есть. И цари наши, и правители народные, и первосвященники, и ученые, и весь народъ, если смотрѣть на него въ цѣломъ, богоборствуетъ, противится Христу Господу и апостоловъ Его преслѣдуетъ и убиваетъ; но между тѣмъ среди его же, во всѣхъ мѣстахъ, есть вѣрующіе въ Господа искренно, прилѣпляющіеся къ Нему всѣмъ сердцемъ и отъ всей души служащіе Ему. Вотъ эти и суть собственно люди Божіи, свои Богу, соблюденные Имъ для Себя, прежде предвидѣнные и теперь призванные, и чрезъ призываніе выбранные изъ народа. Какъ тогда свои

Богу были только тѣ семь тысячъ, а прочіе всѣ были чужіе Ему, такъ и теперь весь народъ, когда смотришь на него въ цѣломъ, чуждъ Христу и Богу нашему, свои же Ему суть только эти вѣрующіе, исчезающіе будто среди общей массы народа, на дѣлѣ же составляющіе настоящій народъ Божій. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „какъ тогда изъ неисчетныхъ тысячъ только семь тысячъ остались свободными отъ нечестія, такъ и нынѣ не увѣровавшихъ больше, а увѣровавшихъ и воспользовавшихся божественною благодатію меньшее число.“ Сила сравненія сихъ обстоятельствъ, т.-е. того, что было при Пророкѣ Иліи и что совершается теперь, заключается въ томъ, что, какъ тогда весь народъ въ цѣломъ богоборствовалъ, а семь тысячъ среди ихъ кроющіеся чтили Бога и Богъ ихъ назвалъ Своими, такъ и теперь весь народъ въ цѣломъ христоборствуетъ, а вѣрующіе, среди ихъ вращающіеся, вѣруютъ во Христа и поклоняются Ему,—и ихъ-то Богъ имѣетъ Своими. Сей остатокъ по избранію Божію бысть. Богъ выбралъ и выбираетъ его изъ среды народа благовѣстіемъ, вѣрою и благодатію. Отсюда заключай всякъ, что все теперь совершается сообразно съ волею и намѣреніями Божіими и не противно Его обѣтованіямъ; потому нельзя говорить, что Богъ отринулъ людей Своихъ.

Св. Златоустъ пространно выясняетъ и другія черты сходства въ сихъ обстоятельствахъ. „Смыслъ сихъ словъ таковъ: Богъ не отвергъ народа. Ибо еслибы отвергъ, никого бы не принялъ. А если нѣкоторыхъ принялъ, то не отвергъ. Но ежели не отвергъ, говоришь ты, то, значитъ, всѣхъ принялъ? Ни мало. Ибо и при Иліи спаслось не больше семи тысячъ. И нынѣ (кромѣ явно вѣрующихъ), вѣроятно, много есть увѣровавшихъ (тайно). Неудивительно, если вы и не знаете ихъ; потому что не зналъ сего также и Пророкъ Илія, столь великій мужъ. Но Богъ устроялъ Свои дѣла, хотя Пророкъ и не

зналъ (такъ и теперь сокровенно устрояетъ Онъ свое дѣло вѣры). Замѣть же благоразуміе Апостола, какъ онъ, доказывая то, что предположилъ доказать, непримѣтно увеличиваетъ вину Іудеевъ. Для того привелъ на память все это свидѣтельство, чтобы торжественнѣе обнаружить ихъ неблагодарность и показать, что они издревле таковы. А еслибъ не имѣлъ сего намѣренія, но хотѣлъ доказать одно то, что не многіе составляютъ народъ (собственно Божій), то сказалъ бы только, что и при Иліи осталось семь тысячъ. Но теперь приводитъ все свидѣтельство сначала, такъ какъ всѣми мѣрами старался доказать, что поступки Іудеевъ со Христомъ и апостолами нимало не странны (не новы), но обыкновенны у нихъ и обратились имъ въ навыкъ. Дабы не сказали они: мы убили Христа, какъ обманщика, преслѣдуемъ апостоловъ, какъ обольстителей,—Апостолъ приводитъ свидѣтельство, въ которомъ говорится: ***Господи, пророки твоя избиша и олтари твоя раскопаша.*** (Это означало, что какъ тогда они избили не лживыхъ, а истинныхъ пророковъ, такъ и теперь убили не лживаго, а истиннаго Спасителя и преслѣдуютъ не обольстителей, а истинныхъ проповѣдниковъ). Но Апостолъ, чтобъ не слишкомъ огорчить ихъ словомъ (не выразилъ сего явно, а) представляетъ другую причину на приведеніе сего свидѣтельства, будто бы приводитъ оное не съ тою главною цѣлію, чтобы укорить ихъ, но имѣя въ виду доказать нѣчто иное (именно что не многіе составляютъ собственно народъ Божій); а между тѣмъ лишаетъ ихъ всякаго извиненія и въ предшествовавшихъ дѣлахъ (распятіи Господа и преслѣдованіи апостоловъ). Смотри же, какъ обличеніе получаетъ особенную силу отъ лица обличающаго. Обличаетъ не Павелъ, не Петръ, не Іаковъ, не Іоаннъ, но тотъ, кому Іудеи удивлялись болѣе, нежели всякому другому, глава пророковъ, другъ Божій. Что же

говоритъ онъ?—*Господи, пророки твоя избиша и олтари твоя раскопаша, и азъ остахъ единъ и ищутъ души моея.* Что можетъ быть свирѣпѣе такого звѣрства? Надлежало молиться о содѣянныхъ уже грѣхахъ, а они намѣреваются убить еще Пророка. И это не во время голода, но при наступившемъ уже плодородіи. Все это дѣлаетъ ихъ совершенно неизвинительными. (Но какъ тогда было, такъ дѣлаютъ они и теперь). Когда бѣсы посрамлены, могущество Божіе явлено (во Христѣ Іисусѣ), они отваживаются на сіе злодѣяніе (противъ Него), переходятъ отъ убійствъ къ убійствамъ, умерщвляютъ учителей и исправителей ихъ нравовъ. И что могутъ сказать они противъ сего (обличенія, въ защиту себя)? Ужели и тѣ (пророки) были обманщики? Ужели и тѣхъ не знали, откуда они? Они огорчали васъ, но за то говорили полезное. (Такъ разумѣй и объ апостолахъ). А олтари? Ужели и олтари огорчали? Ужели и они оскорбляли? (Очевидно, что они дѣлали все сіе по богоборству (Θеод.). Вотъ какіе примѣры упорства и злонравія всегда показывали Іудеи. Посему Павелъ и въ другомъ мѣстѣ, пиша къ Θессалоникійцамъ, говоритъ: *таяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей, убившихъ Господа и Его пророки, и насъ изгнавшихъ, и Богу неугодившихъ и всѣмъ человѣкомъ противящихся* (1 Сол. 2, 14—15). Подобно и здѣсь говоритъ, что Іудеи раскапывали олтари и избивали пророковъ (чтобъ показать, что они всегда Богу противятся). *Но что глаголетъ ему Божественный отвѣтъ? Оставихъ Себѣ седмь тысящъ мужей, иже не преклониша колѣна предъ Вааломъ.* Ты спросишь, идетъ ли сіе къ настоящему времени? Весьма идетъ. Ибо симъ доказывается, что Богъ и всегда обыкновенно спасаетъ достойныхъ, хотя обѣтованіе дано и цѣлому народу. Тоже Апостолъ доказывалъ и выше, когда говорилъ: *аще будетъ число сыновъ Из-*

раилевъ, яко песокъ морскій, останокъ спасется; и аще не бы Господь Саваоѳъ оставилъ намъ сѣмене, якоже Содомъ убо были быхомъ. Также доказываетъ и здѣсь. Посему и присовокупилъ: *тако и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть.* Смотри, какъ каждое слово у Апостола удерживаетъ свою силу, выражая и благодать Божію и неукоризненность спасаемыхъ. Ибо словомъ—*по избранію*—Апостолъ показалъ достоинство спасаемыхъ, а словомъ—*благодати* означилъ даръ Божій."

Ст. 6. *Аще ли по благодати, то не отъ дѣлъ: зане благодать уже не благодать бываетъ. Аще ли отъ дѣлъ, ктому нѣсть благодать: зане дѣло уже не есть дѣло.*

Сказавши: *тако и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть,*—Апостолъ вводитъ въ глубь совершающихся событій. Тогда Богъ изъ множества многаго народа самъ соблюлъ для Себя семь тысячъ: и теперь Онъ же благодатію избираетъ изъ всей массы народа не многихъ спасающихся. Кто же такіе избранники? Всѣ тѣ, которые не надѣются на себя, на дѣла свои и на какія-либо стороннія преимущества, но все спасеніе свое предаютъ въ руки Божіи съ готовностію пріять его отъ Его благости, если благоволитъ Онъ удостоить ея. На такихъ смиренниковъ падаетъ лучъ благодати Божіей и привлекаетъ ихъ къ источнику спасенія. Она естественно находитъ ихъ, какъ вода сама собою стекаетъ въ низменныя мѣста. Это нахожденіе благодатію тѣхъ, кои способны пріять ее, и есть избраніе. На кого ниспадаетъ благодать, такъ что онъ воспріиметъ воздѣйствіе ея, тотъ внутренно выдѣляется изъ прочей массы и начинаетъ быть инаковымъ. Всѣ таковые суть останокъ спасаемыхъ благодатію подобно немногимъ спасеннымъ при Иліи.

Вотъ главная причина, почему одни нынѣ спасаются, а другіе нѣтъ! Это потому, что тѣ ни на что свое не

надѣются, но смиренно предаютъ дѣло спасенія своего въ руки Божіи,—и таковыхъ не много бываетъ всегда; а эти на дѣла свои опираются и спасенія будто по праву требуютъ себѣ отъ Бога. Какъ это противно законамъ спасительной жизни по Богу, то они и не пріемлются въ ограду спасаемыхъ, и таковыхъ самонадѣянниковъ всегда много. Такое положеніе выносится изъ предъидущихъ словъ: *останокъ по избранію благодати бысть*. Слова же настоящаго шестаго стиха прилагаются къ нимъ и въ видѣ укора, и въ видѣ увѣщанія,—такъ: если избраніе ко спасенію отъ благодати, то не отъ дѣлъ; ибо еслибъ было оно отъ дѣлъ, то не было бы по благодати, потому что благодать уже не бываетъ благодать, когда привходятъ дѣла. Что же ты, Іудей, опираешься на дѣла? Отбрось сію тщетную надежду и смиренно предай себя дѣйствію благодати. Если опираешься на дѣла, то не чувствуешь нужды въ благодати; не чувствуя такой нужды, не ищешь ея; не ища, не обрѣтаешь; не обрѣтая и не получая, спасенія чуждъ бываешь. И выходитъ, что то, на чемъ ты чаешь спасеніе свое основать, служитъ тебѣ въ пагубу. Совмѣстить то и другое невозможно. Если вносишь дѣла въ основу спасенія, устраняешь благодать; и основа твоя гнила бываетъ. А если къ благодати взоръ свой простираешь, то отвлеки его отъ дѣлъ: ибо при благодати дѣла уже не дѣла, т.-е. ничего не значатъ. Такими ты ихъ и сочти въ умѣ твоемъ и сердцѣ твоемъ, или совсѣмъ ихъ изгони изъ вниманія и голымъ себя представляй воздѣйствію благости Божіей.

Св. Златоустъ говоритъ: „итакъ почему же боишься ты приступить, когда не требуютъ отъ тебя дѣлъ? Что споришь и упорствуешь, когда предлагаютъ тебѣ благодать? Что безъ нужды и пользы ссылаешься на законъ? Закономъ себя не спасешь, а даръ сей умалишь. Если

упорно хочешь спасаться закономъ, то уничтожаешь благодать Божію. Но чтобы не сочли сего новымъ ученіемъ, Апостолъ говоритъ, что и оные семь тысячъ, приводимые имъ въ примѣръ, спасены благодатію. Ибо словами: *тако и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть,* даетъ разумѣть, что и тѣ спасены благодатію. Тоже самое видно изъ словъ: *оставихъ Себѣ.* Симъ показываетъ Богъ, что большую часть дѣла совершилъ Онъ самъ. А ежели по благодати, говоришь ты, то почему не всѣ спасаемся? Потому, что вы сами не хотите. Ибо благодать, при всемъ томъ, что она благодать, спасаетъ желающихъ, а не тѣхъ, которые не хотятъ и отвращаются благодати, которые постоянно возстаютъ на нее и противятся ей. Видишь, какъ Апостолъ вездѣ утверждаетъ ту истину, что не можетъ статься, чтобы слово Божіе не сбылось; и доказываетъ сіе тѣмъ, что обѣтованіе простиралось на достойныхъ и что достойные, хотя ихъ и не много, могутъ составить народъ Божій."

Какъ св. Златоустъ говорилъ свои бесѣды къ христіанамъ изъ язычниковъ, то и прибавилъ: „Итакъ возблагодаримъ Бога за то, что мы стали въ числѣ спасаемыхъ и когда не могли спастися отъ дѣлъ, спасены по дару Божію. Благодарность же нашу засвидѣтельствуемъ не словами только, но и дѣлами и поступками, сообразными съ чувствами благодарности. Ибо благодарность тогда бываетъ полною, когда исполняемъ то, что служитъ къ славѣ Божіей, когда избѣгаемъ того, отъ чего освободились." Эта рѣчь и къ намъ идетъ.

Ст. 7. *Что убо? Егоже искаше Израиль, сего не получи, а избраніе получи: прочіи же ослѣпишася.*

Что убо? Что же вышло изъ такихъ порядковъ жизни Израиля? То, что Израиль, если смотрѣть на него въ цѣломъ, во всей массѣ народовъ, не получилъ того, чего

искалъ; но среди сейже массы Богъ и прежде провидѣлъ и теперь узрѣлъ нѣкій останокъ достойныхъ лицъ и выбралъ ихъ изъ массы благодатію Своею, такъ что сей останокъ избранный получилъ искомое, а прочіе ослѣпились. Чего искалъ Израиль? Быть Божіимъ и наслѣдникомъ обѣтованій, данныхъ отцамъ. Но это есть доброе исканіе, сообразное съ намѣреніями Божіими; почему же онъ не получилъ сего? Потому что не воздалъ должнаго благодати Божіей. Онъ дѣлалъ дѣла закона и этими одними трудами своими и усиліями чаялъ получить искомое, забывъ, что полученіе сіе при всемъ томъ есть дѣло благодати, вѣрою пріемлемое, а не по праву приходящее. Отъ сего произошло то, что когда явилась благодать и ему предложено было слово вѣры, какъ условіе полученія искомаго, онъ возупорствовалъ, настаивая на томъ убѣжденіи, которое самъ себѣ набилъ въ умъ и сердце. Какъ это противно было порядкамъ Божіимъ, то Богъ за это упорство лишилъ его того, чего онъ чаялъ и что должно было сдѣлаться его достояніемъ, еслибъ онъ не упорствовалъ и не противился вѣрѣ. Напротивъ тѣ не многіе, кои суть останокъ Божій, хотя также вѣрно хранили законъ, но надежду полученія искомаго полагали въ одной благодати Божіей. Почему когда явилась благодать и возгласилось слово вѣры, они всѣмъ сердцемъ приняли его и прилѣпились къ Проповѣдуемому. За то получили больше, чѣмъ чаяли, или чаять могли. Тѣхъ ослѣпило неправое ихъ предубѣжденіе; а эти, не допуская предубѣжденія, всегда имѣли очи свои отверстыми къ Богу и удобно узрѣли ниспосылаемую отъ Него благодать, которая и избрала ихъ. Бл. Өеодоритъ пишетъ: „избраніемъ называетъ Апостолъ увѣровавшихъ изъ Іудеевъ. Сказуетъ же сіе: Израиль, привязавшись къ закону, не достигъ цѣли, потому что нынѣ противозаконно хранитъ законъ, и не пожинаетъ отъ того ни-

какой правды; но увѣровавшіе изъ Израильтянъ получили ее. „*Прочіи же ослѣпишася*, т.-е. невѣріе ожесточило сердце ихъ.“ Почему справедливо въ настоящемъ мѣстѣ св. Златоустъ видитъ „не только вопросъ, но и обличеніе. Апостолъ говоритъ, что Іудей самъ себѣ противорѣчитъ, ищетъ оправданія и не хочетъ пріять онаго. Онъ представляетъ Іудеевъ неизвинительными, доказывая неправость ихъ тѣмъ, что нѣкоторые получили: *избраніе*, говоритъ, *получи*. Іудеевъ осудятъ избранные. Такъ и Христосъ Господь сказалъ: *аще же Азъ о веельзевулѣ изгоню бѣсы, сынове ваши о комъ изгонятъ? Сего ради тіи будутъ вамъ судіи* (Лук 11, 19). Дабы никто не смѣлъ ссылаться на свойство самаго дѣла, а всякій винилъ произволеніе Іудеевъ, Апостолъ упоминаетъ о получившихъ. Почему и употребляетъ выразительное реченіе, изображающее вмѣстѣ и благодать свыше, и собственное ихъ тщаніе. Ибо словомъ: *получи* не свободное произволеніе уничтожаетъ, но выражаетъ величіе благъ и то, что большее, хотя и не все, было дѣломъ благодати. И у насъ о человѣкѣ, которому выходитъ большая прибыль, въ обычаѣ говорить: онъ получилъ, онъ нашелъ. Потому что большая часть пріобрѣтается не человѣческими трудами, но по дару Божію. *Прочіи же ослѣпишася*. Замѣть, когда Апостолъ отверженіе прочихъ осмѣлился назвать собственнымъ именемъ. Хотя и прежде говорилъ объ ономъ, впрочемъ обвинителями представлялъ пророковъ, а теперь самъ уже является обвинителемъ. Однакоже и здѣсь не довольствуется собственнымъ своимъ мнѣніемъ, но опять свидѣтельствуется пророкомъ Исаіею; ибо сказавъ: *ослѣпишася*, присовокупилъ:“

Ст. 8. *Якоже есть писано: даде имъ Богъ духъ умиленія, очи не видѣти и уши не слышати даже до днешняго дне* (Ис. 29, 10. Второз. 29, 4).

Эти слова взяты св. Павломъ изъ двухъ пророческихъ

мѣстъ, и самое пророчество выражено своими словами. Первыя слова, что Богъ далъ имъ духъ умиленія, или отупѣнія, взяты изъ 29 гл. Пророка Исаіи, а послѣднія — объ очахъ невидящихъ и ушахъ неслышащихъ взяты у Пророка Моvсея, Второз. 29, 4. Пророкъ Исаія въ той главѣ предсказываетъ крайнее нѣкое бѣдствіе для Іудеевъ отъ враговъ, и то, что, когда враги сіи будутъ считать цѣль свою уже достигнутою, явится помощь свыше и разоритъ ихъ надежды. Затѣмъ, обращаясь къ властямъ іудейскимъ, говоритъ, что они при этомъ отъ изумленія будутъ, какъ пьяные, потому что Господь напоитъ ихъ духомъ отупѣнія и смежитъ очи ихъ и пророковъ ихъ и князей ихъ; и они ничего не уразумѣютъ изъ совершающагося предъ ними; будетъ это для нихъ, какъ книга запечатанная. Къ какому бѣдствію и избавленію относятся пророчества, не видно; но какъ изображенное пророкомъ отупѣніе властей и всѣхъ набольшихъ лицъ іудейскихъ совершенно сходно съ тѣмъ, какъ относились сіи лица къ Господу Іисусу Христу—Избавителю и къ изумительному дѣлу Его и апостоловъ Его; то нѣтъ сомнѣнія, что духъ пророческій устами Пророка Исаіи предвозвѣщалъ именно это отупѣніе и умственное ослѣпленіе іудейскихъ властей, а за ними и всего народа, предъ лицемъ Господа Іисуса и св. Евангелія. Духъ апостольскій указалъ сіе Апостолу въ словахъ Пророка, и онъ вѣрно засвидѣтельствовалъ ими то, что имѣлъ нужду засвидѣтельствовать, именно, что *ослѣпишася*.

Св. Пророкъ Моvсей въ 29 гл. Второзаконія помянувъ, какъ Господь Богъ избавилъ Израильтянъ отъ рабства Египетскаго и сколько дивныхъ знаменій и чудесъ явилъ при семъ,—прибавляетъ затѣмъ: *И не даде вамъ Господь Богъ сердца разумѣти, и очесъ видѣти, и ушесъ слышати даже до дне сего.* То-есть: а вы смотрѣли на это открытыми очами, и не видѣли; слышали о семъ отверстыми

ушами, и не слышали и сердца не имѣли, чтобъ разумѣть, что значитъ все сіе. Избавленіе Израильтянъ изъ рабства Египетскаго св. Моусеемъ есть самый наглядный прообразъ избавленія нашего отъ рабства грѣху и діаволу Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Почему, что говорится пророками о первомъ, то несомнѣнно было пророческимъ прозрѣніемъ о второмъ. Духъ апостольскій уразумѣлъ сіе и слова, изображающія умственное состояніе тогдашнихъ, привелъ, какъ изображеніе настоящихъ. Какъ тогда сердца не имѣли уразумѣть, такъ и теперь слѣпотствуютъ—*ослѣпишася*.

Изъ сихъ двухъ мѣстъ апостольскій духъ взялъ мысль пророческую и предложилъ ее своимъ словомъ: *даде имъ Богъ духъ умиленія, очи не видѣти и уши не слышати.* И у пророковъ и у апостоловъ говорится такъ, что будто Богъ самъ Своею силою произвелъ такое не доброе состояніе. Такъ обычно говорить пророкамъ, все къ Богу относящимъ, какъ доброе, такъ и худое. Но иное прямо отъ Бога дается, а иное только попускается. Богъ всѣмъ людямъ добра желаетъ и всѣхъ надѣлить имъ ищетъ. Но когда встрѣчаетъ противленіе со стороны людей, то послѣ попытокъ къ преодолѣнію сего противленія оставляетъ ихъ въ рукахъ произволенія ихъ, которое, какъ Богу противляющееся, никогда къ добру не приводитъ, а всегда сопровождается худыми послѣдствіями. Эти худыя послѣдствія очевидно бываютъ въ видѣ наказанія Божія за сопротивленіе Его волѣ. Почему и приписываются Ему, хотя причина, почему такъ попускаетъ Богъ, находится въ самихъ людяхъ,—въ ихъ непокорности. Такъ было и съ Евангеліемъ. Сколько самъ Господь являлъ Іудеямъ доказательствъ, ясно указывавшихъ на то, кто Онъ есть? Сколько также апостолы и словомъ и дѣломъ убѣждали, что Онъ есть именно Обѣтованный и что должно слѣдовать ученію Его?—

Іудеи не имѣли сердца разумѣть совершающагося предъ очами ихъ, и слышать о значеніи того не хотѣли. Но кто виноватъ? Господь и оставилъ ихъ въ своемъ имъ ослѣпленіи. Бл. Өеодоритъ пишетъ: „Слово *даде,* какъ и *предаде,* значитъ—попустилъ. Ибо не Богъ сдѣлалъ это, что они не увѣровали; иначе возможно ли, чтобы самъ Онъ вложилъ въ нихъ невѣріе и Самъ же подвергъ за то наказанію? Сему же яснѣе научилъ и Пророкъ: *одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смежиша* (Ис. 6, 10). Посему не другой кто ослѣпилъ ихъ, но сами *очи свои* смежиша и не захотѣли видѣть свѣта.“ Св. же Златоустъ говоритъ: „отъ чего же произошло сіе ослѣпленіе? Апостолъ и прежде объяснилъ причины онаго, сложилъ всю вину на голову самихъ Іудеевъ, доказывая, что они подверглись ослѣпленію за безвременное упорство, и теперь повторяетъ то же самое. Ибо когда говоритъ: *очи не видѣти, уши не слышати,*—обвиняетъ не иное что, какъ упорную ихъ волю. Имѣя очи, чтобы видѣть чудеса, получивъ уши, чтобы слышать чудесное это ученіе, они ни тѣми ни другими не воспользовались, какъ должно. Почему подъ словомъ *даде* разумѣй здѣсь не дѣйствіе, а попущеніе.“

Даде имъ, говоритъ, *духъ умиленія*, κατανύξεως.—Κατάνυξις—умиленіе, сокрушеніе сердечное, есть доброе расположеніе; какъ же слово сіе употреблено для обозначенія недобраго состоянія? Но слово сіе, отъ νύσσω—поражать, можетъ изображать состояніе такого пораженія или поразительнаго впечатлѣнія, при которомъ пораженный теряется, съ мыслями собраться не можетъ, смотритъ и не видитъ, слышитъ и не ощущаетъ слышимаго. Таковы точно были Іудеи предъ лицемъ Господа и апостоловъ, какъ пораженные, отупѣвшіе, остолбенѣвшіе, подобные тѣмъ, о которыхъ у насъ говорится:

столбнякъ напалъ. Славянское въ сноскѣ замѣненіе сего слова словомъ: нечувствія, хорошо выражаетъ силу рѣчи. Наши толковники не измѣняютъ значенія слова, но берутъ во вниманіе при толкованіи не самое сокрушеніе и умиленіе, а силу его, ту, что когда оно овладѣетъ сердцемъ, то уже не преклоняется на худшее. Эту непреклонность умиленія они и берутъ здѣсь во вниманіе, и подъ духомъ умиленія—*κατανύξεως*,—разумѣютъ духъ непреклоннаго упорства Іудеевъ. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „духомъ умиленія назвалъ Пророкъ (и Апостолъ) непремѣнное расположеніе сердца; ибо какъ имѣющій похвальное умиленіе не пріемлетъ измѣненія на худшее, такъ совершенно предавшійся пороку не допускаетъ перемѣны на лучшее.“ Тоже говоритъ и св. Златоустъ полнѣе и яснѣе: „Умиленіемъ называетъ здѣсь Апостолъ такой навыкъ души къ худшему, который неисправимъ и непремѣняемъ. Ибо и въ другомъ мѣстѣ говорится: *яко да воспоетъ Тебѣ слава моя и не умилюся* (Пс. 29, 13), т.-е. не перемѣнюся. Какъ умилившійся въ благочестіи не вдругъ выходитъ изъ сего состоянія, такъ умилившійся во злѣ съ трудомъ можетъ измѣниться. Посему Апостолъ, желая выразить, что воля Іудеевъ неисправима и неудобопремѣнима, назвалъ это духомъ умиленія.“

Стт. 9. 10. *И Давидъ глаголетъ: да будетъ трапеза ихъ въ сѣть и въ ловъ, и въ соблазнъ и въ воздаяніе имъ: да омрачатся очи ихъ еже не видѣти, и хребетъ ихъ выну слячай* (Пс. 68, 23. 24).

Мѣсто сіе взято изъ 68 псалма, который есть пророчественный псаломъ, прорекшій о страданіяхъ Христа Спасителя и о наказаніи Іудеевъ. Изъ сего псалма въ Евангеліяхъ приводятся: *ревность дому Твоего снѣде мя* (ст. 10), и: *даша въ снѣдь мою желчь, и въ жажду мою напоиша мя оцта* (ст. 22). Этимъ стихомъ кончается изображеніе страданій Господа нашего Іисуса Христа,

а въ слѣдъ за нимъ стоятъ стихи, приводимые св. Павломъ,—23, 24, которыми начинается у Пророка Давида изображеніе пагубныхъ послѣдствій отъ несправедливаго осужденія Христа Господа на смерть. Несомнѣнно потому, что въ сихъ стихахъ содержится прореченіе, которое, уразумѣвъ духомъ своимъ, св. Апостолъ приводитъ въ подтвержденіе своего положенія. Наказаніе Іудеевъ за преданіе на смерть Господа выражается у Пророка желательнымъ: *да будетъ... да помрачатся*. Такъ приводятся слова сіи и Апостоломъ. Смыслъ же сего таковъ: и будетъ трапеза предъ ними въ сѣть,—и помрачатся очи ихъ, и хребетъ ихъ будетъ сляченъ.

Св. Аѳанасій Великій, толкуя сей псаломъ, говоритъ на слова: *да будетъ трапеза ихъ предъ ними въ сѣть*, слѣдующее: „симъ изображаетъ Пророкъ, что постигнетъ Іудеевъ по страданіи Господа.“ Слову *трапеза* св. Златоустъ и бл. Ѳеодоритъ даютъ иносказательный смыслъ, разумѣя подъ нею наслажденіе или удовольствіе. То, что обѣщало имъ удовольствіе и наслажденіе, чего они такъ желали, какъ питательной трапезы, то самое обратится имъ въ сѣть,—запутаетъ ихъ въ бѣдствія, изъ которыхъ не выпутаться имъ. Какъ жаждали и алкали они смерти Господа, крича: *распни, распни Его*, и никакимъ увѣщаніямъ Пилата не внимали! Наконецъ удовлетворили жажду крови, — насытились. И это самое привлекло на нихъ самыя крайнія бѣдствія. Крови жаждали, кровію расплатились. Св. Аѳанасій Великій пишетъ: „этими словами какъбы такъ отъ лица Господа говоритъ Пророкъ: потерпятъ они то самое, что уготовали для Меня, желая, чтобы Я испыталъ это. Горе лукавому, *лукавая бо прилучатся ему по дѣломъ рукъ его* (Ис. 3, 11).“

Прочія слова: ловъ, соблазнъ, тоже значатъ: соблазнились,—думали избавиться отъ бѣды, предавая на смерть Избавителя, и попали въ ловъ, на всякія бѣды. Слово

же — *и въ воздаяніе имъ* Пророкъ присовокупилъ, дабы видно было, что Іудеи потерпятъ все это въ наказаніе.

Да помрачатся очи ихъ, еже не видѣти, т.-е. и омрачатся очи ихъ. Не увидѣли они Господа въ сынѣ человѣческомъ, ходившемъ по землѣ, хотя въ немъ ясно давалъ видѣть Себя Господь. Но то было еще полуомраченіе. Полное же омраченіе настало для нихъ послѣ смерти и воскресенія Господня. Тутъ уже очевидно ослѣпленіе ихъ было карою на нихъ Божіею. Какъ было не увидѣть Господа въ знаменіяхъ, сопровождающихъ смерть Его, когда Его увидѣлъ язычникъ, въ предивномъ воскресеніи Его, въ сошествіи Св. Духа, въ свидѣтельствахъ Апостоловъ, подтверждаемыхъ силами и чудесами о имени Господа? Можно было осязать Господа во всемъ этомъ и воскликнуть подобно Апостолу Ѳомѣ: *Господь мой и Богъ мой!* А они не видѣли, потому что не хотѣли видѣть. И Господь омрачилъ очи ихъ, *еже не видѣти.*

И хребетъ ихъ выну сляцай, — и будутъ они навсегда уже состоять подъ игомъ рабства. Они уже были въ подданствѣ чуждой власти, но все еще удерживали за собою нѣкую часть самоуправленія. Когда же предали Господа на смерть, то скоро затѣмъ все потеряли, — и городъ и святилище, и разсѣяны были повсюду въ видѣ рабовъ. И до сихъ поръ состоятъ они подъ чуждыми властями; и всегда будутъ состоять подъ ними, какъ показываетъ пророческое слово: *выну сляцай,* т.-е. всегда держи ихъ подъ игомъ согбенными.

Св. Павлу для подтвержденія своей мысли пророчествомъ можно бы привесть только слѣдующія слова: *да омрачатся очи ихъ, еже не видѣти,* т.-е. помрачатся очи ихъ. А онъ привелъ и то, что впереди стоитъ у Пророка, и то, что послѣ. Для чего такъ онъ сдѣлалъ? Можетъ быть для того, чтобъ рѣчь не была скудна и болѣе округ-

лена. А вѣрнѣе для того, чтобъ показать, что омраченіе сіе по пророчеству есть имъ воздаяніе,—кара и наказаніе Божіе,—о чемъ говорится впереди, и что оно есть только преддверіе соблазна, сѣти и уловленія, конецъ же сего будетъ окончательное порабощеніе. Когда Апостолъ приводилъ сіи слова, омраченіе уже дѣйствовало въ Іудеяхъ, а сляченія хребта еще не было: они гордо еще держали главу свою и питали тщетныя надежды на свое возвеличеніе. Приводя о семъ предуказаніе пророческое, онъ наводилъ ихъ на мысль о томъ, что ожидаетъ ихъ вскорѣ, и тѣмъ чаялъ расположить къ принятію благовѣстія не принявшихъ еще его, и къ утвержденію въ вѣрѣ въ него принявшихъ.

Св. Златоустъ, писавшій бесѣды свои по исполненіи этой, предсказанной св. Давидомъ кары, сляченія выи, останавливается вниманіемъ паче на немъ и въ доказательство вѣрности пророчествъ и въ показаніе пагубности невѣрія.

„Нужно ли здѣсь, говоритъ онъ, какое-либо толкованіе? Не ясно ли это и для самаго малосмысленнаго? Еще прежде нашихъ словъ дѣйствительный опытъ засвидѣтельствовалъ сказанное Пророкомъ. Когда бывало, чтобъ Іудеи такъ легко плѣняемы и одолѣваемы были? Когда подвергались они такому рабству? Важнѣе же всего то, что симъ бѣдствіямъ конца не будетъ, какъ замѣтилъ объ этомъ Пророкъ. Ибо не просто сказалъ: *хребетъ ихъ сляцай*, но присовокупилъ: *выну*. Если же ты, Іудей, утверждаешь, что бѣдствія кончатся, то суди о настоящемъ по прошедшему. Ты переселенъ былъ въ Египетъ, но прошло двѣсти лѣтъ, и при всемъ твоемъ нечестіи, Богъ тотчасъ освободилъ тебя изъ сего рабства. По освобожденіи изъ Египта, ты покланялся тельцу, приносилъ сыновъ своихъ въ жертву Веелфегору, осквернилъ храмъ, погрузился во всѣ роды порока, наполнилъ мерз-

кими жертвами горы, дебри, холмы, источники, рѣки, сады, убилъ пророковъ, опрокинулъ жертвенники, вполнѣ преуспѣлъ въ злобѣ и нечестіи; однакоже Богъ, предавъ тебя Вавилонянамъ на семьдесятъ лѣтъ, опять извелъ въ прежнюю свободу, возвратилъ тебѣ и храмъ, и отечество, и прежній образъ пророчества. Даже и во время самаго плѣна ты не былъ оставленъ; но и тамъ были у тебя Даніилъ и Іезекіиль. Послѣ этого снова обратился ты къ прежнимъ порокамъ, предался распутству, и при нечестивомъ Антіохѣ принялъ еллинскія правила жизни. Но и тогда три года или немного больше пробывъ въ подданствѣ у Антіоха, чрезъ Маккавеевъ воздвигли вы себѣ новые знаменитые побѣдные памятники. Но теперь у васъ нѣтъ ничего подобнаго, напротивъ все пошло иначе. И что особенно удивительно, прежнихъ пороковъ не видно, а наказаніе увеличивается, и нѣтъ никакой надежды на перемѣну вашего положенія. Прошло не семьдесятъ, не сто и не двѣсти лѣтъ, но триста (а нынѣ—1800) и гораздо болѣе; однакоже непримѣтно и тѣни подобной надежды. И все это постигло васъ тогда, какъ не служите идоламъ, не дѣлаете ничего такого, на что отваживались прежде. Какая же тому причина? Та, что образъ замѣненъ истиною, и законъ исключенъ благодатію. Сіе-то древле предрекая, Пророкъ сказалъ: *хребетъ ихъ выну слячай*. Примѣчаешь ли точность пророчества, какъ въ немъ предсказано невѣріе, обнаружено упорство, объявленъ слѣдующій затѣмъ судъ и обозначена нескончаемость наказанія?."

Объяснивъ, что отверженіе Іудеевъ и принятіе язычниковъ въ царство Христово сообразно съ данными обѣтованіями, и указавъ причину того въ вѣрѣ однихъ и невѣріи другихъ, св. Павелъ вводитъ теперь сіе событіе въ планы Божественнаго промышленія о родѣ человѣческомъ, чтобъ такимъ образомъ окончательно успокоить умы и пресѣчь всякія на сей предметъ недоумѣнія. Но дѣлая

это, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ сильное внушеніе вѣрующимъ изъ язычниковъ—не небречь о явленной имъ милости и утѣшаетъ томящихся жалостію объ Іудеяхъ предсказаніемъ, что ослѣпленіе постигло Израиля только на время, послѣ весь онъ обратится и спасется. „Такъ поступаетъ Апостолъ для того, чтобы и Іудеямъ, ввергнувъ ихъ въ отчаяніе, не заградить путь къ вѣрѣ и увѣровавшимъ изъ язычниковъ не дать повода къ высокоумію, и они, возгордившись, не потерпѣли бы ущерба въ вѣрѣ. Мы должны не просто слушать то, что говорится, но вникать въ мысль и намѣреніе говорящаго. Если съ такимъ размышленіемъ будемъ принимать каждое слово, то ни въ одномъ не встрѣтимъ затрудненія. А въ настоящемъ случаѣ цѣль Апостола состоитъ въ томъ, чтобы въ увѣровавшихъ изъ язычниковъ истребить высокоуміе (а Іудеямъ внушить, что они не совсѣмъ пали); ибо, какъ язычники, научившись скромности, безопаснѣе пребудутъ въ вѣрѣ, такъ и Іудеи, будучи выведены изъ отчаянія, охотнѣе приступятъ къ благодати. Итакъ обращая вниманіе на сію цѣль Апостола, выслушаемъ все сказанное имъ въ настоящемъ мѣстѣ“ (Св. Злат.).

Ст. 11. *Глаголю убо, еда согрѣшиша, да отпадутъ? Да не будетъ: но тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ, во еже раздражити ихъ.*

Вы думаете, что это все случилось такъ себѣ, безъ особаго чего. Нѣтъ. Отпаденіе Израиля въ невѣріе имѣетъ послѣдствіемъ своимъ то, что въ ограду спасенія вводятся язычники, а это введеніе благоволено съ тѣмъ, чтобъ привлечь туда же послѣ и Израиля, возбудивъ въ немъ ревность или соревнованіе, и такимъ образомъ спасся весь родъ человѣческій. Вотъ промыслительное значеніе того, что совершается нынѣ предъ глазами нашими среди язычниковъ и Іудеевъ!

Еда согрѣшиша, да отпадутъ?—μὴ ἔπταισαν, ἵνα πέσωσιν?

Можно двояко перевесть: ужели они преткнулись, разумѣется, о камень, Христа Господа, невѣріемъ и тѣмъ согрѣшили, чтобы въ конецъ пасть, расшибшись до смерти? Или: ужели они преткнулись, чтобы только пасть и больше ничего? Послѣднюю мысль видитъ здѣсь бл. Фотій у Экуменія. Она ближе къ непосредственно слѣдующимъ словамъ, а первая - къ дальнѣйшей рѣчи. Ту и другую потому умѣстно принимать. Бл. Өеофилактъ пишетъ: „ужели они согрѣшили такъ, что нельзя уже уврачевать ихъ? Никакъ. Они *согрѣшили*, т. е. преткнулись, однако паденіе ихъ не таково, чтобъ не было средства поправить дѣло.“ Такъ и св. Златоустъ, Амвросіастъ, Экуменій. Послѣдній пишетъ: „грѣхъ Іудеевъ очень великъ; однакожъ такъ ли преткнулись они, чтобы падши возстать не могли, хотябы и захотѣли? Нѣтъ. Какъ сильно ни преткнулись они, однако могутъ быть приняты Богомъ опять въ милость, если захотятъ.“ Затѣмъ онъ приводитъ слова бл. Фотія. „Какъ изъ числа претыкающихся одни повихляются только, подобно поскользнувшимся, а другіе совсѣмъ падаютъ, то Апостолъ, желая съ одной стороны болѣзнованіе о себѣ возбудить въ Іудеяхъ, какъ достойно подвергшихся укору, а съ другой—расположить ихъ къ вѣрѣ, говоритъ, что преткновеніе ихъ случилось не въ совершенное ихъ паденіе, но что они будто только поскользнулись. И это не просто (не кое-какъ случилось), но попущено по нѣкоему промыслительному домостроительству, чтобъ по случаю ихъ паденія совершилось спасеніе язычниковъ, а потомъ и ихъ самихъ возстановленіе, когда они спасеніемъ язычниковъ раздражатся къ соревнованію и подражать станутъ имъ. Такъ что самое преткновеніе ихъ служитъ нѣкоторымъ образомъ къ ихъ возстановленію, именно такъ: въ преткновеніи ихъ спасеніе язычникамъ, въ семъ спасеніи раздраженіе ревности Іудеевъ, а чрезъ это возревнованіе—возстановле-

ніе преткнувшихся. Таково неизреченное и непостижимое Божіе промышленіе и домостроительство, извлекающее изъ вреднаго полезное и изъ разрушительнаго благотворное! Іудеи преткнулись и пали,—и лежать бы имъ, ни себѣ, ни другимъ ни доставляя никакой пользы. Но Богъ употребилъ это ихъ паденіе въ средство и ко спасенію язычниковъ и къ возстановленію ихъ самихъ отъ сего паденія. Такъ что они, по Божію благоустроенію, преткнулись не затѣмъ чтобы пасть, а чтобы чрезъ преткновеніе возстать и исправиться.“

Что въ преткновеніи Іудеевъ спасеніе язычниковъ было по Божескому устроенію, Апостолъ уразумѣлъ сіе изъ самыхъ событій. Какъ онъ, такъ и другіе апостолы всюду возвѣщали слово благовѣстія сначала Іудеямъ, и потомъ уже, видя, что, когда изъ Іудеевъ принимали благовѣстіе одинъ-другой, а прочіе упорствовали, язычники съ радостію внимали слову благовѣстія, они въ этомъ самомъ увидѣли указаніе перста Божія и убѣдились, что принятіе язычниковъ вмѣсто упорствующихъ Іудеевъ есть прямая воля Божія. Св. Златоустъ эту преимущественно развиваетъ мысль.

„*Тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ.* Это не Павловы только слова, напротивъ и притчи въ Евангеліяхъ имѣютъ такой же смыслъ. Сотворившій брачный пиръ для сына тогда уже сталъ звать съ перекрестковъ, когда не захотѣли идти званные (Мѳ. 22, 9). И насадившій виноградникъ тогда уже положилъ отдать оный другимъ виноградарямъ, когда первые убили наслѣдника (Мѳ. 21, 38). И Павелъ вооружавшимся противъ него Іудеямъ сказалъ: *вамъ бы лѣпо первѣе глаголати слово Божіе: а понеже недостойны творите сами себе, се обращаемся во языки* (Дѣян. 13, 46). Изъ всего этого явствуетъ, что по порядку слѣдовало сперва придти Іудеямъ, а потомъ язычникамъ; но поелику Іудеи оказались невѣрующими,

порядокъ измѣненъ. Невѣріе и паденіе Іудеевъ сдѣлали то, что язычники вошли прежде. Посему Апостолъ и говоритъ: *тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ во еже раздражити ихъ*. Смыслъ словъ его таковъ: Господь Іисусъ пришелъ къ Іудеямъ; но они, не смотря на великое множество совершенныхъ Имъ чудесъ, не приняли Его и распяли. Послѣ этого началъ Онъ привлекать къ Себѣ язычниковъ, дабы оказанною имъ честію уязвить безчувственныхъ Іудеевъ и взаимнымъ соревнованіемъ убѣдить ихъ придти къ Нему. Ибо надлежало прежде принять Іудеевъ, а потомъ и насъ. Почему и сказалъ Апостолъ: *сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему, Іудеови же прежде и Еллину* (Римл. 1, 16). Поелику же Іудеи отщепились, мы вторые стали первыми. Итакъ видишь, какія почести выводитъ для нихъ и изъ этого. Вопервыхъ ту, что мы призваны тогда уже, когда они не захотѣли; вовторыхъ ту, что мы призваны не для нашего единственнаго спасенія, но дабы и они стали лучшими, поревновавъ нашему спасенію. Что же, скажетъ кто-нибудь, ужели бы мы не были призваны и спасены, еслибъ это не стало нужнымъ для Іудеевъ? Были бы призваны и спасены, но въ надлежащемъ порядкѣ, т.-е. не прежде, а послѣ Іудеевъ. Посему и Христосъ Господь, посылая учениковъ Своихъ на проповѣдь, не просто сказалъ: *идите ко овцамъ погибшимъ дому Израилева*, *но—идите паче* (Мѳ. 10, 6), показывая тѣмъ, что послѣ Іудеевъ должно идти и къ язычникамъ. Все же это и сдѣлано и сказано, дабы Іудеи не прибѣгали къ безстыдному извиненію, что они оставлены безъ вниманія, а потому не увѣровали. Посему и Христосъ, хотя все предвидѣлъ, однакоже пришелъ къ нимъ первымъ.“

Ст. 12. *Аще ли же прегрѣшеніе ихъ богатство міра, и паденіе ихъ богатство языковъ: кольми паче исполненіе ихъ.*

Св. Златоустъ говоритъ на сіе: „здѣсь Апостолъ го-

воритъ пріятное Іудеямъ. Онъ ободряетъ падшихъ изъ нихъ, съ преизбыткомъ доказывая, что они могутъ надѣяться на спасеніе, если перемѣнятся. Ежели, говоритъ, столь многіе получили спасеніе, когда они преткнулись, и столь многіе призваны, пока они были отвержены, то подумай, что будетъ, когда они обратятся? Ибо не сказалъ: *кольми паче* обращеніе ихъ, или перемѣна ихъ, или исправленіе ихъ, но—*кольми паче исполненіе ихъ*, т.-е. когда всѣ придутъ ко Христу. А симъ даетъ Онъ разумѣть, что тогда будетъ большая или полная мѣра благодати Божіей."

Въ словахъ: *отпаденіе ихъ богатство языковъ*, отпаденіе погреч.—ἥττημα, что обозначаетъ между прочимъ и малость, малое число; а въ словахъ: *кольми паче исполненіе ихъ*, исполненіе погреч. πλήρωμα, что означаетъ полноту, полное число. Будетъ: если, когда малое число Іудеевъ увѣровало, столько добра принесено языкамъ, т.-е. что они увѣровали, приняли благодать и стали наслѣдниками царства небеснаго; то что будетъ, когда всѣ они увѣруютъ? Такъ толкуетъ сіе мѣсто бл. Θеодоритъ: „если, когда большая ихъ часть не увѣровали, увѣровавшіе изъ нихъ богатство боговѣдѣнія принесли язычникамъ, то явно, что, всѣ увѣровавъ, сдѣлались бы для всѣхъ людей снабдителями большихъ благъ. Ибо удобнѣе увѣровали бы всѣ, еслибы они не прекословили, но вмѣстѣ съ нами проповѣдывали истину."

Утверждая: *кольми паче исполненіе ихъ* принесетъ богатство, пророчествуетъ Апостолъ, что это со временемъ будетъ, т.-е. что Іудеи обратятся, вступятъ въ ограду вѣры, дадутъ полноту сонму вѣрующихъ. Когда же сіе сбудется, это объясняетъ ниже; здѣсь же дѣлаетъ только намекъ на это.

Ст. 13. *Вамъ бо глаголю языкомъ*, и проч. до 17 стиха.

Вамъ глаголю языкомъ—васъ, вѣрующіе изъ язычни-

ковъ имѣю въ виду, говоря сіе, васъ научить, вамъ дать предостереженіе хочу. Что именно намѣренъ онъ имъ внушить, объ этомъ начнетъ говорить ниже съ 17-го стиха. Но чтобы лучше принаровиться къ сему внушенію и сдѣлать его удобопріемлемѣе и впечатлительнѣе, напередъ еще разъ повторяетъ, что прежде сказалъ о значеніи текущихъ событій въ обращеніи однихъ и упорствѣ другихъ, стт. 13—16. Ходъ рѣчи его таковъ: какъ Апостолъ языковъ, я такъ высоко ставлю обращеніе ваше; но при этомъ не на васъ однихъ останавливаюсь вниманіемъ, но имѣю въ виду и родичей своихъ, чтобъ чрезъ ваше обращеніе и ихъ обратить, чего очень желаю не потому только, что люблю ихъ какъ плоть свою, но потому особенно, что какъ только обратятся они, тутъ и воскресеніе всеобщее, и настанетъ свѣтлое царствіе Божіе. А что такъ будетъ, что въ самомъ дѣлѣ Іудеи всѣ обратятся, въ этомъ сомнѣваться нельзя; ибо если корень святъ, т.-е. ихъ родоначальники, то и вѣтви, т.-е. ихъ потомки, эти самые невѣрующіе Іудеи, тоже сдѣлаются святыми. Но какъ этому сбыться иначе нельзя, какъ только вѣрою во Христа Іисуса Господа, то-и нельзя сомнѣваться, что они наконецъ обратятся къ Господу съ вѣрою. Дошедши до этого: если корень святъ, то будутъ святы и вѣтви, Апостолъ строитъ потомъ на этомъ задуманное имъ внушеніе вѣрующимъ изъ язычниковъ, ст. 17 и дал. Св. Златоустъ говоритъ о семъ отдѣленіи (стт. 13—16): „Апостолъ переходитъ къ язычникамъ и помѣщаетъ вводную рѣчь о нихъ, желая показать, что все это говоритъ, чтобъ научить ихъ скромности."

Понеже убо есмь азъ языкомъ Апостолъ: службу мою прославляю.

Службу прославляю, значитъ то, что онъ всячески заботится объ обращеніи язычниковъ, или то, что такъ

высоко ставитъ обращеніе сіе и такое большое придает ему значеніе, что отъ него зависитъ обращеніе Іудеевъ а далѣе всего міра преобразованіе. Первое выражает бл. Θеодоритъ: „поелику Богъ назначилъ мнѣ быть про повѣдникомъ для язычниковъ, то по необходимости домо гаюсь спасенія язычниковъ и за нихъ веду слово и дока зываю, что божественные пророки предвозвѣстили сі издревле.“ Второе св. Златоустъ: „Хвалю (обращені ваше и) васъ (обратившихся), говоритъ Апостолъ, п двумъ причинамъ: вопервыхъ, потому что имѣю въ том нужду, какъ посланный служить вамъ; вовторыхъ, дабы чрезъ васъ спасти мнѣ другихъ.“

Ст. 14. *Аще како раздражу мою плоть и спасу нѣкі отъ нихъ.*

И умноженіемъ числа вѣрующихъ изъ язычниковъ і возвеличеніемъ значенія обращенія ихъ Апостолъ косвен но имѣетъ въ намѣреніи и то, „чтобы по крайней мѣр этимъ возбудить Іудеевъ къ соревнованію и содѣлат нѣкоторыхъ изъ нихъ причастниками спасенія“ (бл. Θеод.)

Плотію своею назвалъ Апостолъ Іудеевъ потому, что хотя они коснѣли въ невѣріи и непріязненно относилис къ нему, но онъ не переставалъ любить ихъ, какъ лю бятъ плоть свою. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „словом *плоть* показалъ нѣжную свою любовь къ Іудеямъ.“ А мо жетъ быть и потому такъ назвалъ ихъ, что какъ они расходились съ нимъ въ убѣжденіяхъ, въ правилахъ жиз ни и чувствахъ, то близость съ ними осталась у него только по плоти. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ не сказалъ: братій моихъ, сродниковъ моихъ, но *плоть*.“ Поясняя сіе, бл. Θеодоритъ прибавляетъ: „*плотію* своею называетъ Іудеевъ, какъ чуждыхъ ему по образу мыслей, имѣющихъ же общеніе съ нимъ по одному плотскому сродству.“

„Потомъ, обнаруживая ихъ упорство, не говоритъ: не

бѣжду ли тѣмъ, но—*аще раздражу и спасу*; и при этомъ пять не говоритъ: всѣхъ, но—*нѣкія отъ нихъ*. Столь естокосерды были Іудеи!“ (Св. Злат.). „Каково упорство Іудеевъ! Нельзя было надѣяться привлечь ихъ къ ѣрѣ иначе, какъ чрезмѣрнымъ нѣкіимъ давленіемъ, и ɔ не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ“ (Экум.).

Сличая сказанное въ сихъ текстахъ,—13 и 14, о язычниахъ и Іудеяхъ, св. Златоустъ говоритъ: „и въ семъ опять бнаруживаетъ превосходство язычниковъ. Хотя Іудеи язычники взаимно служатъ другъ другу въ дѣлѣ спаенія, однакоже неодинаково. Іудеи доставляютъ блага зычникамъ невѣріемъ своимъ, а язычники Іудеямъ своею ѣрою. Откуда видно, что язычники равняются съ Іудеяи, даже превосходятъ ихъ. Ибо что скажешь ты, Іудей? слибы мы не были отвержены, васъ не призвали бы акъ скоро? Тоже скажетъ и язычникъ: еслибы я не ылъ спасенъ, въ тебѣ не возбудилось бы ревности. А ели хочешь знать, чѣмъ мы превосходимъ, то я спасаю ебя тѣмъ, что вѣрую, а ты, преткнувшись, доставилъ нѣ случай придти прежде тебя.“

Ст. 15. *Аще бо отложеніе ихъ, примиреніе міру: что ріятіе развѣ жизнь изъ мертвыхъ?*

Выставляется здѣсь причина заботы св. Павла о спаеніи Іудеевъ. Предполагается нѣкто спрашивающимъ: его ради ты, св. Павле, такъ заботишься объ Іудеяхъ, оворя: *аще како раздражу и спасу нѣкія отъ нихъ?* Зачѣмъ такой подвигъ? Нельзя, говоритъ, иначе, нельзя не заботиться и не подвизаться о нихъ; понуждаетъ меня къ тому то, что если *отложеніе ихъ примиреніе міру* и пр. То-есть,—если то, что они отвергли вѣру и за то отвергнуты были сами, послужило къ тому, что Богъ примирилъ Себѣ міръ (языческій) и разрушилъ средостѣніе древней вражды, то сколько добра, и добра предивнаго, произойдетъ, когда они приложатся къ вѣрѣ и спа-

сены будутъ? Если претвновеніе ихъ послужило во спасеніе міру,—что будетъ, скажи мнѣ кто можетъ, когда они возстанутъ, обратятся къ вѣрѣ и приняты будутъ Богомъ въ прежнюю милость? Что другое, говоритъ, развѣ воскресеніе изъ мертвыхъ? „(Фот. у Экум.). Можно приложить къ сему сказанное бл. Ѳеодоритомъ: „ежели, говоритъ Апостолъ, и когда не вѣровали они, язычники приняты и освобождены отъ прежняго невѣдѣнія; то явно, что еслибы всѣ они захотѣли увѣровать, ничему иному не оставалось бы совершиться, какъ воскресенію мертвыхъ. Сіе сказалъ и Господь: *и проповѣстся сіе Евангеліе царствія* у всѣхъ народовъ *во свидѣтельство* имъ; и *тогда пріидетъ кончина* (Мѳ. 24, 14).“

Св. Златоустъ обращаетъ вниманіе на то, что невѣріе Іудеевъ не причина вѣры язычниковъ, а только поводъ, равно какъ увѣрованіе всѣхъ язычниковъ не будетъ причиною принятія Іудеевъ, а только поводомъ: причина же всего вѣра. Не будь вѣры у язычниковъ, сколько бы ни отвергаемы были Іудеи, не было бы отъ того для нихъ никакой пользы и наоборотъ. Онъ говоритъ: „не дивись, что Апостолъ приписываетъ Іудеямъ случившееся по нуждѣ (т.-е. принятіе язычниковъ, помимо воли Іудеевъ). Ибо онъ такъ ведетъ рѣчь, чтобъ однихъ смирить, а другимъ подать совѣтъ. Между тѣмъ, еслибъ Іудеи тысячу разъ были отвергаемы, язычники же не показали вѣры, то послѣдніе никогда бы не спаслись. Сказанное Апостоломъ значитъ: ежели Богъ, прогнѣвавшись на Іудеевъ, оказалъ столько милости другимъ, то чего не даруетъ, примирившись съ ними? Но какъ воскресеніе мертвыхъ не отъ принятія ихъ, такъ не отъ нихъ же нынѣшнее наше спасеніе. Напротивъ они отвержены за свое невѣріе, а мы спасены своею вѣрою и благодатію свыше. И все это не можетъ принести имъ ни малой пользы, если не покажутъ надлежащей вѣры.“

Ст. 16. *Аще ли начатокъ святъ, то и примѣшеніе: и аще корень святъ, то и вѣтви.*

Примѣшеніе—φύραμα, тѣсто замѣшенное. Когда замѣшиваютъ тѣсто для хлѣбовъ, сначала основу полагаютъ, отъ которой зависитъ и хорошая замѣсь и хорошій всходъ или вскисаніе тѣста. Потомъ подсыпаютъ муки и мѣсятъ, пока тѣсто придетъ въ должную мѣру. Если основа заложена какъ должно, то хлѣбъ выйдетъ хорошій, а если въ основѣ что-либо неисправно, неисправенъ будетъ и хлѣбъ. Апостолъ называетъ ее начаткомъ и говоритъ, что если онъ святъ, то и все примѣшеніе, или вся замѣсь свята. Начатокъ для хлѣбной замѣси тоже, что корень для вѣтвей. Кого же разумѣетъ здѣсь Апостолъ, и для чего сказалъ это? Разумѣетъ подъ начаткомъ и корнемъ родоначальниковъ Израиля, Авраама, Исаака, Іакова, а подъ примѣшеніемъ и вѣтвями—весь народъ Израильскій, и утверждаетъ, что если родоначальники святы, какъ и дѣйствительно святы и во славѣ суть у Бога на небеси, то и вся масса народа свята. Сказалъ же сіе Апостолъ для того, чтобы внушить: вся масса народа должна быть свята,—такою она заложена въ родоначальникахъ и такою быть предназначена и способна. Почему видя теперь невѣрующихъ изъ Іудеевъ, не думай, что они такъ и останутся; придетъ время, увѣруютъ и они и святы станутъ. А такое удостовѣреніе представляетъ онъ въ подтвержденіе того, что не тщетно его предъ симъ высказанное ожиданіе, что они приняты будутъ, послѣ чего откроется и славное царство Божіе по воскресеніи мертвыхъ; не тщетны потому труды его надъ тѣмъ, чтобъ обращать поскорѣе язычниковъ и тѣмъ способствовать скорѣйшему обращенію Іудеевъ и скорѣйшему открытію царства Божія. Простирая же мысль свою въ далекое будущее, Апостолъ конечно не выпускалъ изъ вниманія и бывшихъ на лицо

Іудеевъ, и предложеннымъ приточнымъ изреченіемъ хотѣлъ, можетъ быть, тоже раздражить ихъ къ вѣрѣ, говоря какъбы: вотъ къ чему вы назначены! Чего же ждать? Обращайтесь скорѣе и вступайте въ чинъ святыхъ, чтобы не оставаться долго въ отчужденіи отъ корня своего святаго. Бл. Фотій у Экуменія говоритъ: „ежели съ начаткомъ и корнемъ—святыми—необходимо быть святыми замѣси (хлѣбной) и вѣтвямъ, а Іудеи не святы (по причинѣ невѣрія); то очевидно, что они состоятъ въ отпаденіи отъ родоваго корня своего—Авраама.“ Къ чему самъ Экуменій прибавляетъ: „называя ихъ святыми, онъ располагаетъ ихъ къ вѣрѣ, говоря какъбы: вы пригожи и подобающи для вѣры, одного только недостаетъ у васъ—желанія вѣровать.“

Ст. 17. ***Аще ли нѣцыи отъ вѣтвей отломишася, ты же дивія маслина сый, прицѣпился еси въ нихъ и причастникъ корене и масти маслинныя сотворился еси,*** (18) ***не хвалися на вѣтви.***

Дошедши до: ***аще корень святъ, то и вѣтви***, Апостолъ строитъ теперь на семъ свое внушеніе увѣровавшимъ язычникамъ—быть смиренными, какъ предположилъ, и дѣлаетъ это вотъ какъ: сказавши: ***аще корень святъ, то и вѣтви,*** подалъ мысль, что народъ іудейскій всею массою святъ, а между тѣмъ на лицо были многіе изъ нихъ не вѣровавшіе и слѣдовательно не святые. Это не могло не возбудить вопроса увѣровавшихъ язычниковъ: какъ же такъ? вѣтви не всѣ святы, какъ видимъ, Апостолъ уже, хотя не ясно, предрѣшилъ этотъ вопросъ въ словахъ: ***кольми паче исполненіе***, и: ***что пріятіе развѣ жизнь изъ мертвыхъ?*** То-есть, будутъ святы и они, или—въ возможности они уже святы. Потому не повторяетъ того теперь, но, соглашаясь съ возражателями относительно Іудеевъ, переноситъ взоръ свой на нихъ самихъ и ихъ самихъ располагаетъ на себя больше обращать

вниманіе, чѣмъ на Іудеевъ, говоря какъбы: пусть нѣкоторые отломились, ты на этомъ не упирайся глазами своими, а на себя болѣе смотри. Они отломились, а ты прицѣпился. Оставь ты отломившихся; ихъ устроитъ Богъ по благоволенію Своему. А все вниманіе свое устреми на то, къ чему тебя обязываетъ сіе прицѣпленіе и какъ тебѣ слѣдуетъ держать себя, чтобъ и самому не отломиться подобно имъ.

Давъ такой оборотъ мысли, Апостолъ пространно научаетъ потомъ вѣрующихъ язычниковъ смиренію и опасливости. Но, излагая сей урокъ, онъ вноситъ такія реченія, которыя, смиряя язычниковъ, не могли не затрогивать и Іудеевъ не вѣровавшихъ; такъ что нельзя не предположить, что онъ при этомъ и ихъ имѣлъ во вниманіи, не раздражитъ ли кого и этою рѣчью и не привлечетъ ли тѣмъ къ вѣрѣ.

Ты, язычникъ, дикая маслина, у которой и соки были дурны, и плоды негожи для употребленія, прицѣпился теперь къ доброкачественной и доброплодной маслинѣ, не извнутрь ея произросъ, а совнѣ прицѣпился,—будто хочетъ сказать: приклеенъ и непрочно сидишь; прицѣпился ты и причастенъ сталъ корня и доброкачественнаго сока маслины. Добрые соки чуждой тебѣ маслины вошли въ тебя, вытѣснили изъ тебя твои дурные соки и сдѣлали гожимъ къ принесенію добрыхъ плодовъ. У тебя нѣтъ ничего своего, все чужое. Одинъ толковникъ замѣчаетъ: обыкновенно прививокъ облагораживаетъ соки дерева; но, какъ замѣчаютъ древніе и новые путешественники, у маслинъ бываетъ иначе: дикая маслина, привита будучи къ корню, принимаетъ въ себя соки добрые. Такъ обновляютъ устарѣвшія маслины. Все это указанія смирительныя для язычника. Изъ нихъ выходило: то конечно похвально, что ты прицѣпился, но тебѣ самому нечѣмъ тутъ похвалиться.

Но въ этихъ реченіяхъ сколько содержится внушеній, сильныхъ затронуть Іудея?! Эту преимущественно сторону выясняетъ св. Златоустъ: „обрати вниманіе на мудрость Апостола, съ какою онъ, повидимому, говоритъ въ пользу Іудеевъ и придумываетъ для нихъ утѣшеніе, но скрытнымъ образомъ поражаетъ ихъ и чрезъ слова: корень и начатокъ, представляетъ неимѣющими никакого извиненія. Ибо вообрази себѣ негодность вѣтвей, которыя, имѣя сладкій корень, не уподобляются ему, и негодность примѣшенія (замѣси хлѣбной), когда оно не измѣняется (не всходитъ, и не вскисаетъ) отъ начатка. *Аще ли нѣцыи отъ вѣтвей отломишася*. Отломилась большая часть вѣтвей, но Апостолъ хочетъ утѣшить Іудеевъ (что немного такихъ). Между тѣмъ однакоже уязвляетъ ихъ, доказывая (словомъ *отломишася*), что они отступили отъ родства съ Авраамомъ. Ибо то именно и старался сказать Апостолъ, что у Іудеевъ невѣрующихъ ничего нѣтъ общаго съ Авраамомъ. Потому что ежели корень святъ, а они не святы, то далеки отъ корня. Потомъ, повидимому, утѣшая Іудея, снова поражаетъ его самымъ обвиненіемъ (охужденіемъ) язычниковъ. Ибо сказавъ: *аще нѣцыи отъ вѣтвей отломишася*, присовокупляетъ: *ты же дивія маслина сый, прицѣпился еси въ нихъ*. Чѣмъ малоцѣннѣе язычникъ, тѣмъ болѣе скорбитъ Іудей, видя, что онъ наслаждается его достояніемъ. Язычнику же не столько приноситъ стыда его малоцѣнность, сколько чести его перемѣна. И замѣть мудрость въ словахъ Апостола,—не сказалъ: ты посаженъ, но *прицѣпился еси*, чѣмъ опять язвитъ Іудея, и показываетъ, что язычникъ сталъ на древѣ вмѣсто Іудея, а Іудей лежитъ на землѣ. А потому не остановился на этомъ, и сказавъ: *прицѣпился еси*, не кончилъ тѣмъ рѣчи, хотя все уже высказалъ; напротивъ продолжаетъ описывать благоденствіе язычника, и распространяется въ изображе-

нiи чести, говоря: *и причастникъ корене и масти маслинныя сотворился еси.* Хотя, повидимому, поставляетъ язычника на степени чего-то придаточнаго (смиряетъ его); однакожъ показываетъ, что онъ отъ сего не терпитъ никакого вреда, а имѣетъ все, что свойственно вѣтви, происшедшей отъ корня. Дабы изъ словъ: *ты же прицѣпился еси* нельзя было заключить, что язычникъ унижается предъ природною вѣтвiю, смотри, какъ Апостолъ уравниваетъ его, говоря: *и причастникъ корене и масти маслинныя сотворился еси*, т.-е. достигъ тогоже благородства, принялъ туже природу (этимъ поражаетъ Iудея). Потомъ, когда вразумляетъ и говоритъ: *не хвалися на вѣтви*, повидимому, утѣшаетъ тѣмъ Iудея, въ самомъ же дѣлѣ показываетъ его малоцѣнность и большее безчестiе. Посему не сказалъ: не хвалися, но: *не хвалися на вѣтви*, не превозносись предъ ними, какъ предъ отломленными. Ты поставленъ на ихъ мѣсто и пользуешься тѣмъ, что имъ принадлежало. Видишь ли, какъ повидимому укоряетъ язычниковъ, а въ самомъ дѣлѣ уязвляетъ Iудеевъ.“

Ст. 18. *Не хвалися на вѣтви: аще ли же хвалишися, не ты корень носиши, но корень тебе.*

Не хвалися на вѣтви, не возносись надъ этими отломившимися вѣтвями, не унижай ихъ и не потѣшайся надъ ними, видя, въ какую бѣду ввергло ихъ невѣрiе. „Этого, какъ замѣтилъ Амвросiастъ, не должно было дѣлать и по общему правилу Премудраго, по коему не слѣдуетъ радоваться преткновенiю другаго, потому что это не угодно Господу (Прит. 24, 17). Но Апостолъ въ побужденiе къ тому приводитъ то самое, какъ язычники приведены въ такое состоянiе, что имъ можно, хоть съ грѣхомъ, похвалиться надъ Iудеями, именно то, что хотя они лучше стали отломившихся вѣтвей, но все же суть вѣтви на чужомъ корнѣ, а не особое дерево съ своимъ

корнемъ. *Не ты*, говоритъ, *корень носишь, но корень тебя*, т.-е. ты не имѣешь самъ въ себѣ никакой твердости и все у тебя чужое, почему нечѣмъ тебѣ похвалиться." *Аще ли хвалишися*, если приходитъ тебѣ искушеніе похвалиться, то, надо дополнить, „разсуди, что корень тебя носитъ, а не ты носишь корень, и что ты имѣешь въ немъ нужду, а не онъ въ тебѣ" (Ѳеод.), и пройдетъ искушеніе, прогонишь тѣмъ зачинающуюся самопохвальбу. Этимъ смиряетъ Апостолъ язычниковъ. „Но, какъ замѣчено, придумывая нѣкую слабую тѣнь утѣшенія для Іудея, онъ даже тѣмъ самымъ, что укоряетъ язычниковъ, наноситъ благовременный ударъ Іудеямъ. Сказавъ: *не хвалися*, и: *аще же хвалишися*, далъ разумѣть Іудею, что совершавшееся достойно того, чтобъ имъ похвалиться, хотя и не должно тѣмъ хвалиться; а симъ возбуждаетъ и поощряетъ его къ вѣрѣ, представляетъ себя защитникомъ его, показываетъ ему понесенный имъ ущербъ, и то, что чужіе владѣютъ его собственностію" (Св. Злат.).

Сими словами Апостолъ подаетъ мысль, что родъ спасаемыхъ одинъ отъ начала міра, какъ одно древо жизни, и что никто не спасается особнякомъ, но, если хочетъ спастися, долженъ привиться къ сему древу спасеннаго рода, вступить въ общеніе съ его жизнію и стать едино съ нимъ. Сей родъ особеннымъ божественнымъ промышленіемъ былъ соблюдаемъ въ народѣ іудейскомъ, а потомъ чрезъ Господа Іисуса Христа входъ въ него или сродненіе съ нимъ открыты всѣмъ народамъ. Это и Спаситель показалъ, когда, бесѣдуя съ Самарянкою, сказалъ: *что спасеніе отъ Іудей есть* (Ін. 4, 22). Сюда же можно отнести и пророческое благословеніе Ноя праведнаго, данное Іафету,—*да вселится* онъ *въ селеніихъ Симовыхъ*. Симу же прежде предсказалъ, что въ его родѣ пребудетъ родъ спасаемыхъ, и Господь Богъ всегда будетъ Богомъ Симовымъ (Быт. 9, 26. 27).

Стт. 19—20. *Речеши убо: отломишася вѣтви, да азъ прицѣплюся. Добрѣ: невѣрiемъ отломишася, ты же вѣрою стоиши: не высокомудрствуй, но бойся.*

Продолжаетъ Апостолъ смирять увѣровавшаго язычника и поражать невѣрующаго Іудея. „Представляется возражающимъ язычникъ: какъ мнѣ не хвалиться, когда столько прибыло мнѣ благъ? Тѣ отломились, а я привился, и пользуюсь обѣтованiями, имъ данными, я чуждый имъ и ни въ какомъ не состоящiй съ ними родствѣ" (Экум.). Что ни слово, то пораженiе Іудею. Что же Апостолъ? Хотя тутъ нѣтъ причинной связи, отломленiе однихъ не есть причина прицѣпленiя другихъ; но Апостолъ соглашается съ сею рѣчью и говоритъ: *добрѣ*. Такъ; ты видишь, вижу и я и всякiй другой видитъ, что сiи событiя послѣдуютъ одно за другимъ. Но ты не останавливайся на одномъ этомъ видимомъ послѣдованiи, а вникни въ причину того и другаго. Причина отломленiя Іудеевъ не твое привитiе, а ихъ невѣрiе, и причина твоего привитiя не ихъ отломленiе, а твоя вѣра. Каждое изъ сихъ событiй, одно за другимъ послѣдующихъ, не одно въ другомъ имѣютъ причину, но каждое свою имѣетъ причину. Въ тѣхъ невѣрiе, въ тебѣ вѣра. Сюда каждый изъ участвующихъ въ сихъ событiяхъ и направляй свое вниманiе. Ты вѣрою прицѣпился, но вѣра даетъ все даромъ и никакiя стороннiя преимущества не берутся при семъ въ счетъ. Потому, тебѣ не чѣмъ хвалиться. Тѣ отломились невѣрiемъ; но что легче, удобнѣе и подручнѣе вѣры? Ни времени особаго, ни особаго мѣста, ни труда она не требуетъ; только внутреннiй поворотъ—Богу себя предать и на Него все возложить. Потому ваше невѣрiе никакого не можетъ имѣть извиненiя. „Вотъ опять новая похвала язычникамъ, низлагающая однакожъ киченiе ихъ, и новое обвиненiе Іудеевъ, могущее однакожъ послужить имъ сильнымъ побужденiемъ къ вѣрѣ" (Св. Злат.).

О тѣхъ сказалъ: *отломишася*, а этому говоритъ: не прицѣпился, а — *стоиши*. Хочетъ симъ выразить, что онъ твердо установился на корнѣ, и потому можетъ быть благонадеженъ, если не потеряетъ конечно той силы, которою прицѣпился и стоитъ теперь: ибо тутъ „все не есть дѣло природы, но дѣло вѣры и невѣрія" (Св. Злат.). Поелику же какъ отъ невѣрія въ вѣру, такъ и отъ вѣры въ невѣріе переходъ удобенъ и можетъ мгновенно совершиться, то Апостолъ и прибавилъ: *не высокомудрствуй, но бойся*. Ничего себѣ не приписывай и не думай о себѣ высоко, сподобясь великихъ духовныхъ благъ по благодати. Ибо тутъ все отъ Бога и самая вѣра отъ Него. Ты только согласился увѣровать, самую же вѣру далъ Богъ, а по вѣрѣ уже и все прочее даровано. Да и самая основа вѣры есть крайнее самоуничиженіе: я неоплатный Божій должникъ и осужденникъ; нѣтъ мнѣ спасенія ни въ чемъ, кромѣ Господа Іисуса Христа; Ему и предаю себя вседушно. И вѣра, какъ зачинается въ семъ духѣ самоуничиженія, такъ и стоитъ имъ, и отъ него вся ревность и благопопечительность у вѣрующихъ. Почему Апостолъ, сказавъ: *вѣрою стоиши*, не другое что приложилъ, какъ: *не высокомудрствуй*, потому что въ невысокомудріи и смиренномъ самоуниженіи духъ вѣры и сила жизни по вѣрѣ. Кто мало-мало начнетъ уклоняться въ мнѣніе о себѣ, у того уже начала колебаться вѣра, уже зародилось презорство къ самому дѣлу вѣры, уже пришло въ движеніе нерадѣніе о спасеніи (Св. Злат.). А во всемъ этомъ какая крайняя опасность?! Почему и присовокупилъ Апостолъ: *но бойся*. Съ опасностію ходи и со всею зоркостію слѣди за сердцемъ, какъбы не прокралось туда высокое о себѣ мнѣніе. Ибо какъ только оно прокрадется, такъ ослабитъ вѣру, а за симъ ослабленіемъ послѣдуетъ надломленіе, а отъ надломленія недалеко до отломлен[illegible] этомъ пагуба. Бойся

высокоумія, какъ огня, и со всякимъ страхомъ и трепетомъ содѣвай свое спасеніе.

Ст. 21. *Аще бо Богъ естественныхъ вѣтвей не пощадѣ, да не како и тебе не пощадитъ.*

Естественными вѣтвями называетъ Іудеевъ, происшедшихъ отъ патріарховъ, родоначальниковъ ихъ, которымъ и роду которыхъ даны обѣтованія. Обѣтованія и на сей родъ простерты подъ условіемъ, если лица, составляющія его, пребудутъ въ одномъ съ патріархами-родоначальниками духѣ вѣры Богу и покорности Его велѣніямъ. Такъ это и есть: которые увѣровали и послушали Евангелія, тѣ причастны, какъ видите, обѣтованіямъ и состоятъ въ милости Божіей, какъ и отцы ихъ, а которые не вѣруютъ и упорно противятся волѣ Божіей въ семъ, тѣ лишены обѣтованій и исключены изъ рода отцевъ своихъ, потому что они стали не одного духа съ сими отцами. Не посмотрѣлъ Богъ на то, что они происходятъ отъ такихъ великихъ отцевъ и такого благословеннаго рода, а отвергъ ихъ, когда они невѣріемъ своимъ сдѣлались недостойными милости. Ибо у Бога нѣтъ лицепріятія. Кто чего стоитъ, тотъ сообразно съ тѣмъ и получаетъ,—или милость, или непощадѣніе. Вотъ, ты, язычникъ, увѣровавшій и за то принятый въ благословенный родъ Божій, родъ людей спасаемыхъ; разсуждай и держи въ мысли, что, если Богъ за невѣріе отвергъ тѣхъ, родъ которыхъ Онъ имѣлъ своимъ и столь попечительно блюлъ доселѣ; то тѣмъ паче не пощадитъ тебя, чуждороднаго, со стороны принятаго въ родъ Божій, если ослабѣешь въ вѣрѣ, или пошатнешься въ ней, или будешь вести себя недостойно ея. Держи это въ мысли, и бойся,—бойся потерять благо, котораго сподобленъ, и лишиться милости Божіей.

„И Іудеевъ чуждыми корню содѣлало невѣріе, и тебя соединила съ корнемъ и содѣлала причастнымъ тука его вѣра. Посему надлежитъ не высокомудрствовать, но боять-

ся и трепетать. Чего же? (Того, чтобъ не потерять этого духа вѣры и за то не лишиться милости Божіей). Ибо если имъ не принесло ни малой пользы сродство по естеству, когда не стали они имѣть одного и того же произволенія (съ отцами своими); тѣмъ паче ты, не сохранивъ благодати, содѣлаешься чуждымъ корню“ (бл. Ѳеод.). „И праведно. Ибо если тѣхъ, которые по преимуществамъ отцевъ своихъ были достойны, которымъ дано даже и обѣтованіе быть усыновленными Богу, Богъ по причинѣ невѣрія отсѣкъ; то чего не сдѣлаетъ Онъ тѣмъ, которые такъ возвышены безъ всякихъ преимуществъ, если они поколеблются въ вѣрѣ, или возгордятся? Они вѣдь почтены совсѣмъ не по достоинству“ (Амвр.).

Мысль Апостола въ словахъ: *да не како и тебе не пощадитъ,*—та, что всеконечно не пощадитъ и тебя; но онъ выразился такъ нерѣшительно и колебательно, *или* въ соотвѣтствіе слову: *бойся*, такъ какъ боязнь обнаруживается обычно нерѣшительными ожиданіями, не случилось бы то-то, не потерпѣть бы того-то; *или* чтобъ смягчить въ словѣ строгость приговора (Экум.), давая доразумѣть его самимъ читающимъ. И св. Златоустъ говоритъ: „сказавъ: *аще бо Богъ естественныхъ вѣтвей не пощадѣ,* Апостолъ не продолжалъ такъ: и тебя не пощадитъ, но говоритъ: *да не како и тебя не пощадитъ.* Такимъ образомъ, исключая изъ рѣчи жесткія выраженія и вѣрующаго заставляя быть заботливымъ, Іудеевъ привлекаетъ, а язычниковъ смиряетъ.“

Ст. 22. *Виждь убо благость и непощадѣніе Божіе: на отпадшихъ убо непощадѣніе, а на тебѣ благость Божія, аще пребудеши въ благости: аще ли же ни, то и ты отсѣченъ будеши.*

Два предъ очами твоими примѣра—примѣръ благости Божіей, и примѣръ Божія непощадѣнія, т. е. строгаго осужденія и отверженія виновныхъ. Не увѣровали Іудеи,

не покорились въ семъ волѣ Божіей, отпали чрезъ то отъ рода избранныхъ сыновъ Божіихъ,—и Богъ не пощадилъ ихъ, не посмотрѣлъ, что они такихъ имѣютъ отцевъ по плоти и что самъ Онъ столько иждилъ на нихъ попеченія, а какъ только сдѣлались они недостойными Его благости упорнымъ невѣріемъ своимъ, тотчасъ отвергъ ихъ и лишилъ Своей милости. Ты увѣровалъ смиренно и благопокорливо,—и благость Божія излила на тебя всѣ блага, предопредѣленныя таковымъ. И блага сіи навсегда пребудутъ твоимъ достояніемъ, если ты до конца жизни будешь держать себя достойнымъ Божія человѣколюбія и чрезъ то пребывать въ благости Божіей. Но „если не будешь такъ поступать, то будешь отсѣченъ и ты“ (Феоф.). Не жди пощады; примѣръ предъ глазами. Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ Апостолъ: ***виждь*** заслуги свои, ***виждь*** труды свои, но—***виждь*** человѣколюбіе Божіе. Симъ показываетъ тебѣ, что все совершено благодатію свыше, и приводитъ тебя въ трепетъ. Самый предлогъ къ тщеславію заставляетъ тебя бояться. Владыка сталъ къ тебѣ милостивъ, потому и бойся. Какъ у тебя не неотъемлемы блага, если вознерадишь, такъ и для Іудеевъ не неотвратимо зло, если перемѣнятся.“

Ст. 23. ***И они же, аще не пребудутъ въ невѣріи, прицѣпятся: силенъ бо есть Богъ паки прицѣпити ихъ.***

Богъ и милуетъ и отвергаетъ, смотря по настроенію произволенія людей: благопокорливымъ являетъ милость, а непокорливыхъ отвергаетъ. Но пока мы здѣсь на землѣ, отверженіе Божіе не бываетъ окончательнымъ: оно всегда есть только исправительное. Отвергаетъ Богъ, чтобъ самымъ отверженіемъ образумить и привлечь къ Себѣ. Какъбы ни былъ кто отвергнутъ, но коль-скоро образумливается и прибѣгаетъ къ Богу, Онъ опять принимаетъ его въ милость. Такъ и съ Іудеями будетъ: если они бросятъ свое невѣріе и перестанутъ упорствовать,

Богъ опять приметъ ихъ въ родъ Свой, въ родъ спасаемыхъ, избранныхъ и святыхъ. Св. Златоустъ говоритъ: „видишь ли, какова сила свободы? Какова власть воли? Ничто не неизмѣнно, ни твое (язычникъ) благо, ни его (Іудея) зло. Видишь ли, какъ Апостолъ и отчаявающагося Іудея возставилъ, и смирилъ самонадѣяннаго язычника? И ты, Іудей, слыша о строгости, не приходи въ отчаяніе; и ты, язычникъ, слыша о благости, не надѣйся на себя. Тебя не пощадилъ и отсѣкъ для того, чтобы ты пожелалъ возвратиться; а тебѣ оказалъ благодать для того, чтобы пребывалъ, и не сказалъ Апостолъ—въ вѣрѣ, но *въ благодати*, т.-е. чтобы ты дѣлалъ достойное Божія человѣколюбія; потому что требуется не одна вѣра. Примѣчаешь ли, какъ Апостолъ не даетъ падшимъ лежать, а другимъ высокомудрствовать; напротивъ первыхъ еще возбуждаетъ къ соревнованію, изъ примѣра язычниковъ показывая Іудею возможность снова стать на мѣстѣ язычника, такъ какъ язычникъ предзанялъ мѣсто Іудея? Язычниковъ, дабы они не превозносились предъ Іудеями, устрашаетъ примѣромъ Іудеевъ и тѣмъ, что съ ними случилось; а Іудею внушаетъ смѣлость тѣмъ, что сдѣлано для Еллина. И ты будешь отсѣченъ, говоритъ Апостолъ язычнику, если вознерадишь. Іудей отсѣченъ, но онъ прицѣпится, если потщится, потому что и ты прицѣпился. И весьма мудро поступаетъ Апостолъ, что обращаетъ всю рѣчь къ язычнику, и по всегдашнему своему обыкновенію, нанося ударъ сильнѣйшимъ, исправляетъ тѣмъ слабѣйшихъ.—Потомъ, дабы рядъ его умозаключеній не могъ быть оспариваемъ, беретъ доказательство отъ всемогущества Божія. Хотя Іудеи отсѣчены и отвержены, хотя другіе заступили ихъ мѣсто, но имъ не слѣдуетъ, при всемъ томъ, отчаяваться. *Силенъ бо есть Богъ*, говоритъ, *паки прицѣпити ихъ*. Богъ силенъ произвесть и то, что сверхъ надежды. Но если

требуешь опытныхъ доводовъ, то на себѣ самомъ имѣешь самый достаточный примѣръ."

Ст. 24. *Аще бо ты отъ естественныя отсѣченъ дивія маслины, и чрезъ естество прицѣпился еси къ добрѣй маслинѣ: кольми паче сіи, иже по естеству, прицѣпятся своей маслинѣ.*

Объясняетъ возможность прицѣпленія Іудеевъ, отпадшихъ отъ древа спасаемыхъ, прицѣпленіемъ къ нему непринадлежавшихъ ему язычниковъ. Все отъ вѣры, а вѣра отъ произволенія. Примутъ Іудеи вѣру, и прицѣпятся. „Ежели вѣра возмогла произвесть, что не по природѣ, тѣмъ паче произведетъ, что по природѣ" (Св. Злат.). Дикою маслиною называетъ весь родъ язычниковъ, потому что они не были воспитываемы, какъ воспитываемы были Іудеи, не имѣли ни закона, Богомъ даннаго, ни пророковъ, Богомъ посылаемыхъ, ни особыхъ не испытали промыслительныхъ Божескихъ дѣйствій. Расли, какъ растетъ дикая маслина, не воспитываемая искуснымъ садовникомъ. Почему не имѣли въ себѣ ничего особеннаго божескаго, кромѣ того, что вложено въ естество: и однакожъ привились благодатію по вѣрѣ. У Іудея же, хотя онъ не вѣруетъ еще, все же остаются слѣды того особеннаго божескаго, что дано и явлено было его предкамъ,—у него законъ и пророки. Слѣдовательно онъ имѣетъ въ себѣ много сроднаго съ началами вѣры. Почему тѣмъ скорѣе можетъ обратиться, когда захочетъ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „если ты, будучи дикою маслиною (потому что не было у тебя ни закона воздѣлывающаго, ни пророковъ, орошающихъ, очищающихъ и прилагающихъ надлежащее о тебѣ попеченіе), отдѣленъ отъ злочестивыхъ предковъ и родственниковъ, содѣланъ же причастникомъ Авраамовой вѣры и хвалишься, что Авраамъ — твой корень, отецъ и праотецъ, не по естественному закону, но по щедро-

сти Божіей: тѣмъ конечно законнѣе и естественнѣе Іудеямъ, увѣровавъ, быть присоединенными къ собственному ихъ корню. Сіе же говоритъ Апостолъ, и увѣровавшихъ изъ язычниковъ научая скромности, и невѣровавшихъ изъ Іудеевъ привлекая ко спасенію.“ Пространнѣе излагаетъ такое внушеніе св. Златоустъ, обращая рѣчь свою къ невѣрующему Іудею: „ты, если захочешь возвратиться, утвердишься не на чужомъ, какъ язычникъ, а на собственномъ корнѣ. Итакъ, будешь ли достоинъ какого-либо извиненія, когда для язычника стало возможнымъ, что не въ его природѣ, а ты не возможешь сдѣлать того, что въ твоей природѣ, и напротивъ погубишь природное? Поелику же Апостолъ сказалъ (о язычникѣ): *чрезъ естество*, и: *прицѣпился еси*, а изъ сего могъ бы ты заключить, что язычникъ получилъ нѣчто большее; то онъ устраняетъ такое заключеніе, говоря, что и Іудей прицѣпится. *Кольми паче сіи*, говоритъ онъ, *иже по естеству, прицѣпятся своей маслинѣ;* и еще: *силенъ Богъ прицѣпити ихъ;* и выше сказалъ: *аще не пребудутъ въ невѣрствіи, прицѣпятся*. Когда же слышишь, что Апостолъ часто употребляетъ выраженіе: *чрезъ естество*, и—*по естеству*, не заключай изъ того, что онъ разумѣетъ здѣсь непреложную природу; напротивъ сими наименованіями означаетъ онъ какъ сообразное и соотвѣтственное, такъ и несообразное природѣ. Добрыми и злыми бываютъ не естественныя дѣйствія, а только дѣйствія воли и свободы.“

Ст. 25. *Не бо хощу васъ не вѣдѣти тайны сея, братіе, да не будете мудри о себѣ, яко ослѣпленіе отъ части Израилеви бысть, дондеже исполненіе языковъ внидетъ.*

О чемъ прежде говоритъ по соображеніямъ, то теперь предлагаетъ, какъ промыслительную волю Божію, извѣщенную ему по откровенію. Ибо когда говоритъ, что хочетъ возвѣстить имъ тайну, то даетъ знать, что это

возвѣщаемое есть нѣчто сокровенное, недовѣдомое для ума; а когда обѣщаетъ возвѣстить сіе, даетъ понять, что оно открыто ему—свыше. Если же свыше открыто, значитъ такова воля Божія, чтобъ бывающее было такъ, какъ онъ возвѣщаетъ. „Тайною здѣсь называетъ онъ, говоритъ св. Златоустъ, недовѣдомое и сокровенное, въ чемъ много чудеснаго и непонятнаго. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *се тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся* (1 Кор. 15, 51)“.—Бл. Θеодоритъ къ сему прибавляетъ: „тайна есть то, что извѣстно не всѣмъ, но однимъ довѣреннымъ. Почему Апостолъ сказываетъ: хочу сдѣлать для васъ извѣстнымъ, какую тайну о предметѣ нашего разсужденія знаемъ мы (по откровенію).“ Въ чемъ состоитъ тайна сія? *Яко ослѣпленіе отъ части Израилеви бысть. Отъ части* значитъ или не въ конецъ, не навсегда, а только на опредѣленное время, или что не всѣ подвергались слѣпотѣ сей по причинѣ невѣрія, но что есть и вѣрующіе, или то и другое вмѣстѣ, что часть увѣровала, а часть остается въ ослѣпленіи, но и въ нихъ не должно отчаяваться; увѣруютъ въ послѣдствіи и они, когда спадетъ ослѣпленіе съ очей ихъ. Ослѣпленіемъ назвалъ состояніе невѣрующихъ Іудеевъ, потому что въ самомъ дѣлѣ у нихъ лежало покрывало на очахъ ума, по причинѣ пристрастія ихъ къ закону, и не давало имъ узрѣть истину о Христѣ Господѣ,—они не вѣровали по заблужденію. Разсѣются заблужденія, и увѣруютъ. Когда? *Когда исполненіе языковъ внидетъ.* Будетъ продолжаться ослѣпленіе Израиля, пока не внидутъ въ ограду вѣры „всѣ предузнанные Богомъ язычники“ (Θеоф.). „По принятіи же проповѣди язычниками, увѣруютъ и они, когда придетъ великій Илія и возвѣститъ имъ ученіе вѣры. Сіе и Господь изрекъ въ святомъ Евангеліи: Илія пріидетъ и устроитъ вся (Мѳ. 17, 11)“ (Θеод.). Амвросіастъ пишетъ: „ослѣпле-

ніемъ поражены Іудеи только на время, и изъ нихъ только тѣ, которые ревнуя о законѣ, не увидѣли, что обѣтованныя Богомъ блага пришли во Іисусѣ Христѣ Господѣ и возвѣщаются. Такъ они ослѣпились неразумною ревностію и думая, что законъ дѣлъ никогда не долженъ престать, ревнуютъ о субботѣ. Такимъ преткновеніемъ они ослѣплены отчасти, чтобъ помучились за невѣріе свое, видя, какъ язычники съ радостію пользуются ихъ невѣріемъ и вступаютъ въ наслѣдіе обѣтованія Авраамова. Когда же внидетъ полное число язычниковъ, тогда спадетъ ослѣпленіе съ очей ума ихъ, и они возмогутъ увѣровать, и увѣруютъ. Духъ отупѣнія, наводящій на нихъ слѣпоту, отступитъ отъ сердца ихъ и возвратитъ свободу доброму произволенію ихъ. Невѣріе ихъ не отъ зловолія, а отъ заблужденія: исправятся и спасутся."

Такое откровеніе сообщаетъ Апостолъ *братіямъ*, т.-е. всему сонму вѣрующихъ Римлянъ, какъ изъ Іудеевъ, такъ и изъ язычниковъ, и сообщаетъ для того, *да не будутъ мудри о себѣ*. Можетъ быть симъ желаетъ избавить ихъ отъ труда изслѣдованія и рѣшенія предлежащаго недоумѣнія относительно отверженія Іудеевъ и призванія язычниковъ, какъбы такъ: чтобъ вамъ не ломать надъ этимъ головы и по ошибкѣ не прійдти къ заключеніямъ ложнымъ, которыя для васъ однакожъ будутъ казаться вѣрными и тѣмъ надымать васъ. Или такъ: Римляне были образованнѣе другихъ и естественно имъ было придавать себѣ нѣкоторое предъ другими преимущество, особенно по просвѣщеніи вѣрою, которая сообщала воззрѣнія, обнимающія все сущее отъ начала до послѣднихъ дней и на всю вѣчность. Апостолъ и говоритъ: чтобъ вы не возмечтали о себѣ, будто уже все знаете, сообщаю вамъ изумительную, неизреченную и недовѣдомую тайну промышленія Божія о всѣхъ людяхъ въ отверженіи Іудеевъ на время и въ призваніи языч-

никовъ. Уразумѣйте и смиритесь (Геннадій у Экум.). Подобное, кажется, имѣлъ въ мысли и бл. Θеодоритъ, когда написалъ: „чтобы вы, почитая себя очень разумными, не составили оттого высокаго о себѣ мнѣнія.“

Стт. 26. 27. *И тако весь Израиль спасется, якоже есть писано: пріидетъ отъ Сіона Избавляяй и отвратитъ нечестіе отъ Іакова. И сей имъ отъ Мене завѣтъ, егда отъиму грѣхи ихъ.*

И тако,—а какъ, не говоритъ, а даетъ доразумѣть изъ теченія рѣчи. Ослѣпленіе Израиля до внитія полнаго числа язычниковъ. Слѣдовательно, когда внидетъ сіе число, тогда спадетъ ослѣпленіе съ очей Израиля, узритъ онъ истину, увѣруетъ въ Господа Спасителя,—и тако спасется. „*Весь Израиль,* вмѣсто—большая часть,—отвратится отъ грѣховъ и обратится ко Господу“ (Экум). Какъ во время проповѣди апостольской говорили: весь Израиль не вѣруетъ, разумѣя большинство, массу; такъ въ послѣднее время будутъ говорить: весь Израиль спасся, обратясь къ истинной вѣрѣ, тоже по причинѣ большинства увѣровавшихъ. Спасаемые всегда суть избранные, изъ язычниковъ ли то, или изъ Іудеевъ, а не всѣ изъ того или другаго рода людей. *Весь Израиль,* можетъ быть, и означаетъ у Апостола всѣхъ вѣрующихъ, кто бы они ни были; потому что собственно они-то и суть Израиль. Бл. Θеодоритъ такъ и полагаетъ: „*всѣмъ Израилемъ* называетъ Апостолъ вѣрующихъ, будутъ ли то Іудеи, имѣющіе естественное сродство съ Израилемъ, или язычники, присоединяемые къ Израилю сродствомъ вѣры.“

„Поелику благовѣствуемое Апостоломъ важно, то онъ приводитъ во свидѣтели Пророка, говорящаго тоже. Не представляетъ свидѣтельства на то, что произошло ослѣпленіе, такъ какъ это очевидно; но что Іудеи увѣруютъ и спасутся, свидѣтельствуется Исаіею, который

восклицаетъ и говоритъ: *пріидетъ отъ Сіона Избавляяй и отвратитъ нечестіе отъ Іакова*“ (Св. Злат.).

Пророкъ Исаія предвозвѣстилъ пришествіе Христа Спасителя, называя Его избавляющимъ, или Избавителемъ и сказывая, что Онъ придетъ отъ Сіона, т.-е. изъ среды самихъ же сыновъ Израиля, и отвратитъ нечестіе отъ Іакова, который первый названъ Израилемъ. Отвратитъ нечестіе — значитъ: сдѣлаетъ благочестивымъ, т.-е. научитъ вѣрѣ, снабдитъ благодатію, освятитъ и представитъ Богу искренними благовѣстниками. Во времена Апостоловъ отъ многихъ-многихъ Израильтянъ отвращено было нечестіе вѣрою въ Господа и благодатію Святаго Духа, — отъ многихъ, но не отъ всѣхъ, — масса народа оставалась въ нечестіи. Поелику же Пророкъ Исаія рѣшительно утверждаетъ, что Избавитель, пришедши, отвратитъ нечестіе отъ Іакова безъ ограниченій, а это еще не сбылось, то всеконечно сбудется: ибо пророческое слово не можетъ солгатися. Сбудется то, что отъ всего Іакова отвращено будетъ нечестіе; но какъ этому нельзя совершиться, пока онъ состоитъ въ ослѣпленіи, то будетъ время, когда отпадетъ сіе ослѣпленіе, и Израиль спасется, ставъ истинно благочестивымъ. Что и хотѣлъ подтвердить Апостолъ приведеннымъ пророчествомъ.

Но чтобы кто не сталъ криво толковать слова Пророка и говорить, что это отвращеніе нечестія означаетъ, что Израильтяне сдѣлаются совершенно вѣрными данному имъ закону, а не то, что они освятятся вѣрою и благодатію, — Апостолъ приводитъ другія слова тогоже Пророка, показывающія, въ чемъ будетъ состоять сіе отвращеніе нечестія. *И сей имъ отъ Мене завѣтъ, егда отъиму грѣхи ихъ.* Сущность сего завѣта и знаменія, по которому можете уразумѣть, что обѣтованное исполнилось, — есть, когда *отъиму грѣхи ихъ*. *Отъиму*, не прощу только вину, но ихъ самихъ сдѣлаю чистыми,

изгнавъ изъ нихъ грѣхи. „Явно, что слово сіе означаетъ очищеніе грѣховъ, подаваемое крещеніемъ“ (Бл. Ѳеод.). Вотъ сущность завѣта, вотъ признакъ, когда исполнится: *отвращу нечестіе отъ Іакова!* Какъ этого еще нѣтъ,—надо опять прибавить,—какъ не всѣ еще Израильтяне увѣровали и крещены, и потому лежатъ еще на нихъ грѣхи ихъ, а пророческое слово не можетъ солгатися; то это непремѣнно будетъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ указываетъ здѣсь на знаменіе спасенія, дабы кто не отнесъ и не приложилъ его ко временамъ прошедшимъ. Не тогда, говоритъ, совершится сіе, когда будутъ они обрѣзываться, приносить жертвы, совершать прочія законныя дѣла, но когда получатъ отпущеніе грѣховъ. А ежели это предвозвѣщено и доселѣ не исполнилось надъ Іудеями, они еще не получили отпущенія грѣховъ посредствомъ крещенія; то непремѣнно исполнится.“ Амвросіастъ прибавляетъ: „Господь не тотчасъ осуждаетъ (и отвергаетъ) невѣрующихъ, но ожидаетъ обращенія ихъ, зная, что и они могутъ придти въ познаніе Бога.“

Пророческія слова—до—*сей имъ завѣтъ* взяты изъ 59 гл. Пророка Исаіи ст. 20. 21; а послѣднія слова: *егда отъиму грѣхъ ихъ* взяты изъ 27 главы ст. 9, тогоже Пророка. Но хотя бы и изъ разныхъ пророковъ взявши слова, Апостолъ сложилъ одно прореченіе, и то было бы правильно; ибо не въ словахъ сила, а въ мысли. Пророческій же духъ есть одинъ и тотъже и апостольскій, и Апостолы вѣщанія всѣхъ пророковъ видятъ, какъ единое вѣщаніе.

Ст. 28. *По благовѣствованію убо врази васъ ради: по избранію же, возлюблени отецъ ради.*

Изъ всего сказаннаго выходитъ, что если смотрѣть на Іудеевъ по отношенію ихъ къ Евангелію, то они враги. Чьи? Божіи, какъ вслѣдъ за симъ и возлюбленные они—тоже Божіи. Поколику они противятся Евангелію и враж-

дуютъ какъ на благовѣстниковъ, такъ и на вѣрующихъ. и чрезъ то Божіимъ противятся распоряженіямъ,—потолику и Богъ не благоволитъ къ нимъ, отвергъ, не пощадилъ, отсѣкъ отъ маслины, какъ негодныя вѣтви. И это *васъ ради*, язычники, — чтобъ вы вошли въ ограду вѣры и спаслись. Такъ и пребудетъ, пока вы всѣ войдете. Этимъ внушаетъ Апостолъ язычникамъ: видите, какъ возблаговолилъ къ вамъ Богъ! „Поелику вы призваны, Іудеи стали упорнѣе. Однакоже Богъ и при этомъ не прекратилъ вашего призванія, но ожидаетъ, пока взойдутъ всѣ, имѣющіе увѣровать изъ язычниковъ. Тогда уже взойдутъ и Іудеи“ (Св. Злат.).

А что это дѣйствительно будетъ, заключать слѣдуетъ изъ того, что, хотя теперь Іудеи за свое невѣріе не пользуются дѣйствительными благодѣяніями Божіими, но поелику они принадлежатъ къ избранному роду,—такому, который изъ всѣхъ языковъ выбранъ Богомъ и себѣ усвоенъ; то Богъ ради сего избранія, котораго удостоены они ради отцевъ своихъ великихъ, не въ конецъ отвратился отъ нихъ, не въ конецъ отвергъ ихъ, но продолжаетъ отечески воззрѣвать на нихъ и готовъ опять принять ихъ, какъ только увѣруютъ. Такимъ образомъ они не перестаютъ быть возлюбленными Богу, ради отцевъ своихъ, въ силу избранія родоначальниковъ ихъ, а въ нихъ—и ихъ самихъ. Этимъ внушаетъ Апостолъ Іудеямъ: видите, какъ любитъ васъ Богъ, что, несмотря на ваше невѣріе и противленіе Ему, все еще не отвергаетъ васъ въ конецъ, а ждетъ вашего обращенія. Видите также, „что добродѣтели предковъ ни мало не пользуютъ вамъ, если сами не вѣруете“ (Св. Злат.). Итакъ спѣшите къ вѣрѣ, чтобъ не истощилось Божіе ожиданіе и вы не подпали конечному отверженію. „Апостолъ не перестаетъ утѣшать Іудеевъ словами, дабы привлечь ихъ“ (Св. Злат.).

Ст. 29. *Нераскаянна бо дарованія и званіе Божіе.*

Это приводитъ Апостолъ, какъ основаніе убѣжденія въ сказанномъ. *Нераскаянна*,—не раскаявается Богъ, и не отмѣняетъ, что даровалъ и кого призвалъ. Напоминаетъ первоначальное избраніе народа Іудейскаго. Сколько было родоначальниковъ изъ потомковъ Ноя, и сколько народовъ образовалось изъ нихъ по столпотвореніи?! Но изъ всѣхъ ихъ Богъ избралъ только Еверовъ родъ, и его не весь, а только взялъ изъ него одного Авраама, отъ котораго и произвелъ Себѣ особый народъ. Этотъ народъ и есть избранный, имѣвшій особое званіе и предназначеніе, и пользовавшійся столькими благодѣяніями и дарованіями: ему данъ законъ, къ нему посланы пророки, для него явлены знаменія и чудеса. И послѣ всего этого возможно ли, чтобы Богъ въ конецъ отвергъ его?! Нѣтъ; кого избралъ Богъ, того будетъ наказывать исправительно, будетъ лишать милости Своей на время, но въ конецъ не отвергнетъ его. Ибо иначе Онъ и не избралъ бы его, еслибы предвидѣлъ, что онъ когда-нибудь окончательно сдѣлается недостойнымъ милости Его. Іудеи имѣли свои недостатки, и имѣютъ; но изъ всѣхъ народовъ никто ни могъ лучше ихъ исполнить намѣренія Божіи о спасеніи людей. Предвидѣлъ сіе Богъ и избралъ ихъ. Если же избралъ, то не отвергъ въ конецъ, несмотря на то, что въ настоящее время они являются достойными отверженія, и отвержены. Это только на время. Послѣ опять возвратится къ нимъ то, что первоначально для нихъ предназначено.

Ст. 30. 31. ***Якоже бо и вы иногда противистеся Богови, нынѣ же помиловани бысте сихъ противленіемъ: такожде и сіи нынѣ противишася вашей милости, да и тіи помиловани будутъ.***

И вы, язычники, нѣкогда противились Богу,—ἠπειθήσατε,—не убѣждались словомъ истины Его, и не слушались, не шли въ слѣдъ ея. Когда это? Можетъ быть,

разумѣется то время, когда Богъ одинаково руководилъ всѣ языки, еще до призванія Авраама. Богъ, видя, что они не вразумляются ни потопомъ, ни смѣшеніемъ языковъ, и все больше и больше уклоняются отъ Божіей истины и правды, не по Его, но по своей волѣ и умствуя и ходя,—видя все это, рѣшилъ избрать и какъбы создать особый народъ, который исполнялъ бы Его предначертанія. Избралъ Авраама и изъ него создалъ народъ Іудейскій. Очевидно, что этотъ народъ образованъ по случаю непокорливости всѣхъ языковъ. Или—*иногда* означаетъ время по изданіи закона и устроеніи по нему народа Іудейскаго. Живя по сему закону, Іудеи Богу покорствовали, а язычники и знать не хотѣли сего Божія учрежденія и никакъ не соглашались подчиниться ему, хотя, какъ въ моментъ установленія, такъ и послѣ, слухъ о немъ проходитъ всюду. Въ такомъ случаѣ рѣчь сложится такъ: вы иногда, или прежде сего противились, а Іудеи покорствовали, но не ради вашего противленія, а такъ, что ваше противленіе шло объ руку съ ихъ послушаніемъ. Такъ было иногда. Нынѣ же вышло наоборотъ: Іудеи стали противиться волѣ Божіей и Божію учрежденію о спасеніи людей, и Богъ, по поводу сего противленія, къ вамъ простеръ слово призванія; вы послушались, и приняты въ милость вмѣсто Іудеевъ. Разсудите же: вы противились, Іудейскій народъ образованъ и содержимъ былъ въ милости; теперь онъ воспротивился, и вы приняты въ милость ради ихъ противленія. Если такимъ образомъ вы, противившіеся иногда сами по себѣ, приняты въ милость; что дивнаго, что и они, нынѣ противящіеся съ пользою для васъ,—такъ какъ вы помилованы по сему случаю,—и сами нѣкогда помилованы будутъ?

Приводимъ слова нашихъ толковниковъ. Св. Златоустъ говоритъ: „здѣсь Апостолъ показываетъ, что прежде были призваны (и руководимы) всѣ языки; а потомъ,

когда они не захотѣли (слѣдовать руководству Божію), избраны Іудеи, и что теперь случилось тоже самое, поелику Іудеи не захотѣли вѣровать, то снова призваны языки. Но онъ не останáвливается на этомъ, и все клонитъ не къ тому, что Іудеи отвержены, а къ тому, что и они опять будутъ помилованы. Смотри, язычникамъ даетъ онъ столько же, сколько прежде того далъ Іудеямъ. Поелику вы, язычники, говоритъ Апостолъ, были нѣкогда непослушны, то взошли Іудеи. И опять, поелику они стали непослушны, взошли вы, однакоже они не совсѣмъ погибнутъ (а будутъ помилованы).“

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „припомните, какъ всѣ вы весьма долгое время нечествовали, и человѣколюбивый Владыка не посмотрѣлъ на это долговременное и упорное нечестіе, но восхотѣвшихъ сподобилъ неизреченнаго человѣколюбія, и, когда Іудеи не увѣровали, васъ призвалъ вмѣсто нихъ. Посему ни мало не странно, если и противящіеся нынѣ (Іудеи), пожелавъ увѣровать, будутъ приняты Богомъ, и улучатъ тоже человѣколюбіе. Употребилъ же опять Апостолъ реченіе—*да*, по свойственному для него образу выраженія. Ибо не для того противились, чтобъ имъ быть помилованными; но хотя противились по упорству разума, однакоже будутъ помилованы, прибѣгнувъ къ покаянію.“

У Амвросіаста читаемъ: „поелику, говоритъ, вы, языки, когда Іудеямъ ввѣрены были словеса Божіи, противились Богу, нынѣ же получили милость не по вашему достоинству, но по причинѣ предосудительнаго образа дѣйствій Іудеевъ; то почему не паче получатъ милость они, прежде подъ закономъ Божіимъ жительствовавшіе и удостоенные особыхъ обѣтованій Божіихъ?“

Фотій у Экуменія такъ разсуждаетъ: „такими словами Апостолъ располагаетъ Іудеевъ къ вѣрѣ и благія имъ подаетъ надежды, всякое стыдѣніе отъемля. Не стыдись,

говоритъ, того, что поупорствовалъ приступить къ вѣрѣ, и не отчаявайся, какъ позже приступающій: получишь милость и поздо (подъ вечеръ) приступая. Ибо и язычники, бывъ призваны, не послушались прежде, но нынѣ увѣровали, ни прежняго не устыдясь непослушанія, ни въ опозданіи не встрѣтивъ препятствія ко спасенію. Такъ и ты, Іудей, не стыдись и не отчаявайся, но съ готовымъ сердцемъ приступи къ вѣрѣ, и всеконечно помилованъ будешь. Итакъ или въ видѣ такого увѣщанія и внушенія сказано сказанное, или въ видѣ пророчества, располагая къ вѣрѣ въ имѣющее быть примѣненіемъ того къ бывшему уже. А что говоритъ: *помиловани бысте сихъ ради противленія,* и: *противишася вашего ради помилованія,*— то говоритъ ни потому, чтобъ противленіе Іудеевъ было причиною помилованія язычниковъ, ни потому, чтобъ помилованіе язычниковъ было причиною противленія Іудеевъ, но чтобъ показать и научить, что Богъ никогда не перестаетъ дѣлать Свое и источать милость Свою. Пусть древле не слушались язычники, а нынѣ не слушаются Іудеи,—Онъ однакожъ не прекращаетъ Своихъ благодѣяній и милостей. Это видно изъ того, что, какъ тогда по случаю непослушанія языковъ милости сподоблены Іудеи, такъ нынѣ милуются языки, по случаю непослушанія Іудеевъ. И еще яснѣе это видно изъ того, что Онъ помилуетъ этихъ самыхъ Іудеевъ, нынѣ непокорствующихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Апостолъ дѣлаетъ наказъ Іудеямъ, говоря какъбы: хотя вы отстранились отъ вѣры, не думайте, чтобъ чрезъ сіе вѣра сколько-нибудь умалялась въ своемъ значеніи. Ибо какъ древле, когда отступили языки, не терпѣли умаленія дѣла служенія истинному Богу, такъ и нынѣ, когда вы отсѣкли себя отъ вѣры, дѣла вѣры нисколько не умаляются въ своемъ значеніи. Преобразилъ же сказанное на язычникахъ, желая сдѣлать укоръ и внушеніе Іудеямъ чувствитель-

нѣйшими. Можно и такъ принять, что Апостолъ сказалъ сіе, имѣя въ виду вѣрующихъ язычниковъ, чтобъ они не высокомудрствовали, что увѣровали. Вы, говоритъ, по милости увѣровали; увѣруютъ и будутъ помилованы и Іудеи, нынѣ не покоряющіеся вѣрѣ.“

Ст. 32. *Затвори бо Богъ всѣхъ въ противленіе, да всѣхъ помилуетъ.*

„То-есть всѣхъ обличилъ, объявилъ непослушными (всѣхъ заключилъ въ одинъ разрядъ непослушныхъ),— не для того, чтобы всѣ оставались непослушными, но для того, чтобъ спасти однихъ упорствомъ другихъ, Іудеевъ чрезъ язычниковъ, а язычниковъ чрезъ Іудеевъ. Смотри же: вы (язычники) были непослушны, и они (Іудеи) спаслися. Потомъ они стали непослушными, и вы спасены; впрочемъ спасены не для того, чтобы снова удалиться, подобно Іудеямъ, но для того, чтобы, пребывая въ вѣрѣ, и ихъ привлечь, побудивъ къ соревнованію“ (Св. Злат.).

Ст. 33. *О глубина богатства и премудрости и разума Божія! Яко неиспытани судове Его, и неизслѣдовани путіе Его.*

Глубиною называетъ непостижимость; *богатствомъ*— полноту благости; *премудростію*—благоуспѣшное приведеніе въ исполненіе великихъ плановъ промышленія Своего о родѣ человѣческомъ, пригодными средствами, которыхъ пригодность непостижима для ума нашего, хотя онъ и видитъ ее; *разумомъ*—вѣдѣніе Божіе, наилучшимъ образомъ опредѣляющее все, чему какъ слѣдуетъ быть. Или, можетъ-быть, *богатство* относится къ премудрости и къ разуму такъ: о глубина богатства какъ премудрости, такъ и разума Божія, т.-е. богатой премудрости, и богатаго разума! И премудрость и разумъ Божій богаты и глубоки. *Судами* называетъ Божіи присужденія и опредѣленія, чему какъ быть, а *путями*—

способы исполненія опредѣленнаго. Все сіе у Бога непостижимо и недомышлимо. Св. Златоустъ говоритъ: „востекая мыслію къ первымъ временамъ, обозрѣвая въ умѣ древнее Божіе домостроительство отъ начала міра и до настоящихъ событій (и до конца міра прозрѣвая его), размышляя о томъ, какъ разнообразно Богъ все устроялъ, Апостолъ пришелъ въ изумленіе и воскликнулъ, удостовѣряя тѣмъ слушателей, что сказанное имъ совершится непремѣнно. А еслибы не надлежало непремѣнно тому совершиться, онъ не сталъ бы восклицать и изумляться. И хотя знаетъ, что это глубина, однакоже не знаетъ, какая глубина. Это рѣчь человѣка удивленнаго, который не знаетъ всего. Исполненный же удивленіемъ и изумленіемъ предъ благостію, возвѣстилъ о ней двумя выразительнѣйшими словами, какія только нашелъ: *богатство и глубина.* А въ изумленіе приведенъ тѣмъ, что Богъ восхотѣлъ и могъ совершить это, и произвелъ противоположныя дѣйствія одно другимъ. *Яко неиспытани судове Его.* (*Яко*—ως.—Какъ неиспытанны!) Не только невозможно постигнуть оные, но даже испытывать. *И неизслѣдовани путіе Его!* т.-е. способы домостроительства; потому что и сихъ не только невозможно познать, но даже изслѣдовать. И я, говоритъ Апостолъ, не все нашелъ, но открылъ малую часть, а не все. Одинъ Богъ совершенно знаетъ Свои дѣла. Посему Апостолъ присовокупилъ."

Стт. 34. 35. *Кто бо уразумѣ умъ Господенъ? и кто совѣтникъ Ему бысть? Или кто прежде даде Ему и воздастся ему?*

Слова Пророка Исаіи 40, 13. 14. Все мѣсто читается у него такъ: *кто уразумѣ умъ Господенъ, и кто совѣтникъ Ему бысть, иже научаетъ Его? Или съ кѣмъ совѣтова и настави и (Его)? Или кто показа Ему судъ? Или путь разумѣнія кто показа Ему? Или кто прежде*

даде Ему, и воздастся Ему? „Эти слова значатъ то, что Богъ, будучи столько премудръ, не отъ другаго заимствуетъ премудрость, но Самъ есть источникъ (ея, какъ и всѣхъ) благъ; что Онъ, столько для насъ совершившій и столько насъ облагодѣтельствовавшій, не заимствованное у другаго даровалъ намъ, но излилъ это отъ Себя; что Онъ никого не долженъ вознаграждать, какъ взявшій что-либо у другаго, но всегда Самъ есть главный источникъ благъ. Богатство въ томъ и состоитъ особенно, чтобы во всемъ изобиловать, и ничѣмъ не одолжаться другому" (Св. Злат.). Приложимъ къ сему и сказанное бл. Θеодоритомъ: „Апостолъ предложилъ три сіи вопроса въ показаніе трехъ преимуществъ,—богатства, премудрости и вѣдѣнія: *кто разумѣ умъ Господенъ?..* въ показаніе вѣдѣнія; *кто совѣтникъ Ему бысть?*—въ показаніе премудрости; *и кто прежде даде Ему и воздастся ему?*—въ показаніе богатства. Ибо столько неизмѣримо богатство благости, что несуществовавшимъ далъ бытіе, и приведеннымъ въ бытіе даруетъ благобытіе, и не воздаетъ, но даетъ блага, по человѣколюбію же даяніе называетъ воздаяніемъ."

Ст. 36. *Яко изъ Того и Тѣмъ и въ Немъ всяческая. Тому слава во вѣки. Аминь.*

„Самъ изобрѣлъ, Самъ сотворилъ, Самъ поддерживаетъ, потому что богатъ, и не имѣетъ нужды брать у другаго; потому что премудръ и не нуждается въ совѣтѣ" (Св. Злат.). „Онъ Самъ есть источникъ всего: это значитъ—*изъ Того.* Онъ и Творецъ всего: это значитъ—*Тѣмъ.* Онъ и поддержка всего: это значитъ *въ Немъ.* Все имѣетъ начало отъ Него, и Имъ сотворено, и все стоитъ и держится, опираясь на Немъ, какъ на основаніи какомъ" (бл. Θеод.). Св. Василій Великій этимъ мѣстомъ доказываетъ божество Св. Духа, относя къ Нему слово: *въ Немъ*, *Тѣмъ*—къ Сыну Божію, а *изъ Того*—къ Богу Отцу, кои

совмѣщены въ единомъ имени—Господь и Богъ, какъ единосущные и равнопокланяемые. „Въ словахъ: *изъ Того. и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая* въ единое имя соединены отличительныя свойства Отца и Сына и Святаго Духа. Ибо одинъ Богъ, отъ Котораго все; и одинъ Господь Іисусъ Христосъ, Которымъ все; одинъ также Духъ Святый, въ Которомъ все, какъ сказано: *вы нѣсте во плоти, но въ Дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ* (Рим. 8, 9). Почему сказанное: *въ Богѣ живемъ и движемся и есмы* (Дѣян. 17, 28), ясно выражаетъ отличительное свойство Духа въ Богѣ. Тварь содержится, живетъ и существуетъ, конечно не тварію, которая сама имѣетъ нужду въ поддержкѣ силою Сотворшаго; конечно не дѣйствіемъ твари прославляется Богъ, когда о Немъ самомъ говорится, что *въ Немъ живемъ, движемся и есмы*; но дѣйствительно Божескій Духъ все, что отъ Бога и что чрезъ Сына, поддерживаетъ въ бытіи. Посему пріобщающимся Его даруетъ продолженіе бытія. И въ Немъ снова живемъ мы, которые прежде, чрезъ удаленіе отъ Него, стали растлѣнны.“

Тому слава! „У Павла въ обычаѣ заканчивать рѣчь благодареніемъ, когда говоритъ онъ о чемъ-нибудь важномъ. Такъ поступаетъ онъ теперь. Такъ какъ онъ исполнился изумленія благости, премудрости, вѣдѣнію и способамъ домостроительства Божія, то и славословитъ наконецъ Бога, научая тѣмъ и насъ благодарить Бога за великія блага и прославлять Его словами и жизнію“ (бл. Өеоф.). „Ибо Самъ Онъ все сотворилъ, Самъ продолжаетъ править твореніемъ. Къ Нему надлежитъ обращать всѣмъ взоры, принося благодареніе за то, что имѣютъ въ настоящемъ, и прося промышленія о послѣдующемъ. Ему же должны мы возсылать и подобающее славословіе“ (бл. Өеод.).

НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

12—15, 13.

„Достаточно побесѣдовавъ о догматахъ, Апостолъ переходитъ наконецъ къ нравственному ученію“ (Θеоф.). „Начало и основаніе благъ есть вѣдѣніе божественнаго естества, вѣра въ Него и приверженность къ Нему. Что глазъ въ тѣлѣ, то въ душѣ вѣра и вѣдѣніе божественнаго. Впрочемъ вѣра имѣетъ нужду и въ дѣятельной добродѣтели, какъ глазъ въ рукахъ, ногахъ и другихъ членахъ тѣла. Посему-то божественный Павелъ къ догматическимъ ученіямъ присовокупилъ и ученіе нравственное, пріуготовляя въ насъ совершеннѣйшую добродѣтель. Ибо уча Римлянъ, оказалъ онъ пользу всѣмъ людямъ“ (Θеод.).

На первомъ мѣстѣ ставитъ Апостолъ, въ очеркѣ краткомъ, но всеобнимающемъ.

I.

Изображеніе духа христіанской жизни.

Ст. 1 и 2.

Ст. 1. *Молю же васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, богоугодну Богови, словесное служеніе ваше.*

Молю.... щедротами Божіими. „Послѣ длинной бе-

сѣды о Божіемъ человѣколюбіи, въ которой Павелъ доказалъ неизрѣченную Божію попечительность, несказанную и неизслѣдованную благость,—сею уже самою благостію убѣждаетъ онъ облагодѣтельствованныхъ Богомъ явить жизнь достойную дара. И будучи столь великъ и высокъ, не отказывается умолять ихъ, умолять не о томъ, что послужило бы собственно для него, но о томъ, изъ чего они могли извлечь для себя пользу. (Апостолъ даетъ законы и скрываетъ власть, и прося предлагаетъ ученіе—Ѳеод.)". „И удивительно ли, что не отказывается умолять, когда представляетъ умоляющимъ самое милосердіе Божіе? Поелику отъ Божіихъ щедротъ, говоритъ онъ, излились на васъ безчисленныя блага: то устыдитесь, убойтесь оныхъ, потому что самыя щедроты сіи обращаются къ вамъ съ просьбою не обнаруживать въ себѣ ничего ихъ недостойнаго. И я, говоритъ Апостолъ, умоляю васъ ими же, тѣми щедротами, которыми вы спасены. Такъ желающій пристыдить много облагодѣтельствованнаго, обыкновенно, представляетъ умоляющимъ самого благодѣтеля" (Св. Злат.).

И опыты жизни подтверждаютъ, что самое сильное побужденіе къ богоугодной жизни есть сознаніе великихъ Божіихъ благодѣяній, какъ вообще ко всему роду человѣческому, такъ и въ особенности къ самому лицу ревнующему о томъ. Оно раждаетъ теплое чувство благодарности и возбуждаетъ готовность посвятить Богу всѣ силы свои и все достояніе свое. Потому что засѣменяетъ любовь, которая ничего не удерживаетъ для себя, а все приноситъ въ жертву Тому, Котораго возлюбила душа.

Представите тѣлеса ваша жертву живу. Уже училъ онъ сему прежде, говоря: *да не царствуетъ грѣхъ въ мертвеннѣмъ вашемъ тѣлѣ, во еже послушати его въ похотѣхъ его: ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху: но представляйте себе Богови, яко отъ мертвыхъ*

живы (Рим. 6, 12. 13). И нѣсколько ниже: *человѣческо глаголю, за немощь плоти вашея: якоже представисте уды ваша рабы нечистотѣ, и беззаконію въ беззаконіе: тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню* (— —19). Тутъ подробно изображено, какъ изъ тѣлъ нашихъ можемъ мы и должны представлять Богу жертву, именно—не слушать ихъ въ похотѣхъ ихъ, не отдавать членовъ своихъ въ орудіе грѣху, но предавать ихъ въ орудіе правды Богови, не дѣлать ихъ рабами нечистоты и грѣха, но заставлять работать правдѣ во святыню. Св. Златоустъ говоритъ: „спросишь, какъ тѣло можетъ быть жертвою? Глазъ не смотри ни на что худое; и онъ сталъ жертвою. Языкъ не произноси ничего срамнаго; и онъ сталъ приношеніемъ. Рука не дѣлай ничего беззаконнаго; и она стала всесожженіемъ. Но и сего недостаточно,—мы должны дѣлать добро: пусть рука раздаетъ милостыню, уста благословляютъ обидящихъ, слухъ постоянно упражняется въ слушаніи Слова Божія. Жертва есть начатокъ того, что имѣешь. Принесемъ же Богу начатокъ рукъ, ногъ, устъ и всего прочаго.—Замѣть, какая точность въ реченіяхъ у Павла. Не сказалъ онъ — приготовьте тѣла свои въ жертву, но—*представите.* Симъ какъбы сказалъ: вы не имѣете уже надъ ними власти, вы отдали ихъ другому. Поставщики боевыхъ коней по поставкѣ не имѣютъ на нихъ права собственности. И ты, поставивъ члены свои на брань съ діаволомъ, въ сіе грозное ополченіе, не отвлекай ихъ на собственныя свои услуги.“

Начинаетъ Апостолъ уроки съ того, какъ относиться должно къ тѣлу; потому что грѣховная жизнь, противъ которой онъ вооружаетъ христіанъ, и которая ими оставлена и подсѣчена въ рѣшеніи противостоять грѣху, укрѣпленномъ благодатію обновленія въ крещеніи, преимущественно опирается на плоти, и самоугодіе—душа

грѣшности—исключительно почти есть плотоугодіе. Почему опредѣлившій не поблажать грѣху, съ перваго шага начинаетъ новую жизнь непощадѣніемъ тѣла. Эту необходимость подтверждаетъ св. Павелъ и освящаетъ словомъ своимъ, требуя непрестанную дѣлать изъ тѣла своего жертву Богу. Кто держитъ тѣло свое какъ должно, дѣйствительно и приноситъ такую жертву Богу,—всегда *распиная плоть свою со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 12). И тутъ есть закаланіе, и закаланіе для Бога, есть жертва Богу. И именуется сіе самоумерщвленіемъ, но не смерть приносящимъ, а жизнь истинную. Подзаконная жертва умерщвляла живую тварь, а христіанская живымъ оставляетъ приносимое и жизнь воспламеняетъ самою жертвою, или самопожреніемъ Богу. Апостолъ и наименовалъ сію жертву живою. Св. Златоустъ говоритъ: „Поелику сказалъ: *жертву;* то дабы иной не подумалъ, что велитъ закалать тѣла, тотчасъ присовокупилъ: *живу*... Въ іудейской жертвѣ жертвуемое дѣлалось мертвымъ; *наша* жертвуемое дѣлаетъ живымъ. Когда умертвимъ члены тѣла, тогда въ состояніи будемъ жить. Но въ этомъ уставъ жертвоприношенія; потому и родъ огня необыкновененъ. Нѣтъ нужды въ дровахъ и въ сгараемомъ веществѣ; напротивъ огонь поддерживается у насъ самъ собою, и не сожигаетъ жертву, а еще оживляетъ ее. Такой жертвы Богъ требовалъ издревле, почему Пророкъ и сказалъ: *жертва Богу духъ сокрушенъ* (Пс. 50, 19). Такую жертву приносили три отрока, говоря: *нѣсть князя и пророка, ни мѣста, еже пожрети и обрѣсти милость; но душею сокрушенною и духомъ смиреннымъ да пріяты будемъ* (Дан. 3, 38. 39).“

Сія самая жертва должна быть и *свята. Представите... жертву... святу*. Св. Златоустъ говоритъ: „при семъ Апостолъ внушаетъ еще и то, что, принося члены свои въ жертву, должны мы сдѣлать ихъ неукоризненными;

потому что представляемъ ихъ не земному человѣку, но самому Царю вселенной — Богу, и не для употребленія только на брани, но дабы возсѣдалъ на нихъ самъ Царь. Ибо Господь не гнушается возсѣдать на нашихъ членахъ; напротивъ весьма сего желаетъ, и чего не избралъ бы царь, служащій одному съ нами Господу, то избираетъ Владыка Ангеловъ. И такъ поелику члены твои должны быть принесены и суть жертва; то отсѣки отъ нихъ всякую скверну. Доколѣ есть въ нихъ что-либо скверное, дотолѣ не будутъ они жертвою. Глазъ, если онъ смотритъ на предметы, возбуждающіе сладострастіе, не можетъ быть принесенъ въ жертву; а равно негодны для жертвоприношенія—рука хищная и любостяжательная, ноги храмлющія и входящія въ театръ, чрево раболѣпствующее сластолюбію и возжигающее страсть къ удовольствіямъ, сердце питающее гнѣвъ или нечистую любовь, языкъ говорящій срамное. Со всѣхъ сторонъ надобно осмотрѣть, нѣтъ ли въ нашемъ гнѣвѣ чего сквернаго. Если въ Ветхомъ Завѣтѣ приносившіе жертвы обязаны были все осматривать, и не позволялось приносить безухаго, безхвостаго, въ струпьяхъ, въ наростахъ; тѣмъ болѣе мы, которые приносимъ не безсловесныхъ овецъ, но себя самихъ, должны наблюдать большую осмотрительность и во всѣхъ отношеніяхъ быть чистыми. — И мы сдѣлаемся чистыми, если потребимъ ветхаго человѣка, умертвимъ земные члены, распнемъ для себя міръ. Въ такомъ случаѣ не нужно уже намъ будетъ ни ножа, ни жертвенника, ни огня; или, правильнѣе говоря, все сіе будетъ нужно, только ни руками сдѣланное: подается намъ то свыше,—и огнь свыше, и ножъ, и широта неба будетъ для насъ жертвенникомъ. Ежели Илія приносилъ чувственную жертву, и сошедшій съ неба пламень истребилъ все—и воду, и дрова, и камни; то тѣмъ паче совершится сіе съ тобою. Ежели и есть въ тебѣ что-ни-

будь житейское, но приносишь жертву съ надлежащимъ расположеніемъ; то снисшедшій отъ Духа огнь потребитъ сіе житейское и все приношеніе содѣлаетъ совершеннымъ."

Святая жертва, надо бы полагать, уже и благоугодна Богу; однакожъ Апостолъ счелъ нужнымъ особо прибавить: *представите... жертву... благоугодну Богови*. Этимъ Апостолъ внушаетъ имѣть въ дѣлѣ жертвы надлежащія расположенія, какъ сказалъ предъ симъ св. Златоустъ,— именно, надобно жертву сію приносить Богу, ничего сторонняго не имѣя въ намѣреніи, кромѣ угожденія Богу: ибо возможно, что жертва, чистая по дѣлу, будетъ нечиста по намѣренію. Надобно еще, чтобы жертва сія совершаема была въ духѣ вѣры Христовой, — потому что самъ Христосъ прошелъ крестнымъ путемъ, и что спасенія, крестомъ намъ дарованнаго, нельзя причастнымъ быть иначе, какъ крестомъ же, въ произволеніи подъемлемымъ,—что бываетъ именно тогда, когда кто изъ тѣла своего дѣлаетъ жертву Богу.

Такъ настроиваться должны вы для того, продолжаетъ Апостолъ, чтобы въ васъ совершалось непрестанно *словесное служеніе*. *Служеніе*—λατρέια, служба Богу, богослуженіе. Служба сія будетъ словесна, т.-е. разумна, мысленна, духовна, когда вы будете изъ тѣлъ святыхъ представлять Богу жертву. Что всякій долженъ совершать такое богослуженіе, это пріемлется не требующимъ особаго доказательства и поясненія. Апостолъ только указываетъ вѣрный способъ къ тому. Приноси Богу въ жертву тѣло, и будешь непрестанно совершать духовную Богу службу, которую обязанъ совершать. На твоемъ жертвенникѣ всегда такимъ образомъ будетъ куриться жертва, и не плотская, хотя тѣло въ ней жрется. Тѣло станетъ и жертвою и храмомъ, въ коемъ жрецъ умъ или духъ жертву Богу приноситъ, или службу Божію совершаетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Что такое *словесное*

служеніе? Духовное служеніе. Какъ служащій и священнодѣйствующій въ Божіемъ дому, каковъ бы ни былъ въ другое время, при служеніи входитъ въ себя и дѣлается благоговѣйнѣйшимъ; такъ и мы цѣлую жизнь должны быть въ такомъ расположеніи духа, какъ совершающіе служеніе Богу и священнодѣйствующіе. А сего достигнешь, ежели каждый день будешь приносить Богу жертвы, содѣлаешься священникомъ своего тѣла и душевной добродѣтели, принося то цѣломудріе, то милостыню, то кротость и терпѣніе. Исполняя сіе, будешь совершать словесное служеніе, т.-е. неимѣющее ничего тѣлеснаго, грубаго, чувственнаго.“

Ст. 2. *И не сообразуйтеся вѣку сему, но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего, во еже искушати вамъ, что есть воля Божія благая, и угодная, и совершенная.*

Давъ законъ для тѣла, пишетъ законъ и для души. *И не сообразуйтеся вѣку сему*, т.-е. духу вѣка сего, не живите по сему духу, не по нему себя образуйте, чтобы никто не могъ будто написаннымъ на челѣ вашемъ читать: вотъ человѣкъ вѣка сего или міра сего. Но въ чемъ состоитъ духъ вѣка сего? —Въ томъ, когда всю заботу и попеченіе имѣютъ лишь о томъ, какъбы получше устроить свое земное благобытіе всѣми подручными средствами, какія могутъ быть даны, своими личными способностями и силами, семействомъ, имѣніемъ, связями, всѣмъ гражданскимъ бытомъ и порядками его, даже порядками и дѣлами вѣры и церкви, и теченіемъ всѣхъ событій, и близкихъ и далекихъ, и зависящихъ и независящихъ отъ насъ,— устроить, полагаясь въ этомъ на себя, на свои способы, на людей и тварей, а не на Бога, все правящаго, хотя и—*Вѣрую* и—*Отче нашъ* читаютъ, и даже разглагольствуютъ о Промыслѣ Божіемъ и упованіи на него. Они помышляютъ и о Богѣ, знаютъ, что есть другой міръ и другая жизнь, но сердцемъ живутъ въ семъ вѣкѣ и въ

томъ, что даетъ онъ, вкуса не имѣя ни къ чему, что выше его и стремленія никакого не испытывая къ тому, что не чувственно, не плотяно, не земно. Духъ вѣка не означаетъ непремѣнно безстыдную порочность и необузданную страстность. Онъ грѣхолюбивъ и страстенъ, и самоугодіе въ семъ составляетъ неотъемлемую черту его; но явнаго зла и грѣха онъ не терпитъ, а хочетъ казаться добропорядочнымъ и честнымъ, скрывая нерѣдко за такою благовидною ширмою грѣхи иногда до злодѣйства и страстность даже самую срамную. Но не всѣ чада его таковы. Главное въ немъ, какъ въ началѣ сказано, то, что онъ въ вѣцѣ семъ только уповающій есть, земное счастіе преслѣдуетъ, и своими средствами устроить его напрягается.

Въ комъ качествуетъ такой духъ, въ томъ нѣтъ ничего христіанскаго, хотя онъ христіанинъ. Христіанство начинается съ того момента, когда зарождается въ сердцѣ позывъ и стремленіе къ небесному, духовному, вѣчному и божескому, съ отвращеніемъ отъ земнаго, чувственнаго, временнаго и тварнаго. Духъ Христовъ противоположенъ духу вѣка сего, и тогда какъ сей послѣдній весь на землѣ и въ земномъ, тотъ весь на небѣ, и въ небесномъ, въ Богѣ и божескомъ,—сіе одно любитъ, сіе одно преслѣдуетъ, въ семъ одномъ находитъ вкусъ. Это не значитъ, что онъ, будучи отрѣшенъ отъ всего земнаго и тварнаго, ничего уже такого не касается, и ничего не имѣетъ въ дѣлахъ своихъ похожаго на дѣла сыновъ вѣка. Формы жизни человѣческой одинаковы, какъ тамъ, такъ и здѣсь; но духъ и направленіе всего инаковы. Духъ Христовъ не пресѣкаетъ удовлетворенія естественныхъ потребностей человѣческихъ, не гонитъ непремѣнно изъ семьи и общества. Онъ допускаетъ и гражданскія службы, и воинствованіе, и торгованіе, и научность, и художественность, но все сіе обращаетъ въ средства къ преспѣянію въ

духѣ, къ стяжанію благъ неземныхъ, къ угожденію Богу, изгоняя безщадно изъ всего этого лишь то, что противно такому направленію. Бываетъ, что онъ иныхъ совсѣмъ отрѣшаетъ отъ семьи и общества, но это не исключительная его принадлежность, а высшее и совершеннѣйшее его проявленіе, въ истинномъ своемъ видѣ достояніе немногихъ избранныхъ.

Зараждается такой духъ жизни христіанской, когда благодать Божія, нашедши входъ въ сердце человѣка, пробуждаетъ тамъ страхъ Божій и растревоживаетъ совѣсть, и чрезъ нихъ приводитъ человѣка къ возчувствованію опасности пребыванія въ духѣ вѣка сего и въ порядкахъ жизни его, далѣе къ раскаянію и перемѣнѣ направленія жизни своей въ мысляхъ, чувствахъ, желаніяхъ и дѣлахъ, и къ рѣшимости жить не по земному, а по небесному, духовному и божескому. Послѣ сего кто не крещенъ, крестится; а кто крещенъ, пріемлетъ таинство покаянія, и благодатію Божіею вооруженъ будучи, въ томъ и другомъ случаѣ начинаетъ жить не по духу вѣка сего. Къ таковымъ и обращаетъ слово свое св. Павелъ: *не сообразуйтеся вѣку сему*. Кто состоитъ еще подъ обаяніемъ духа вѣка сего, тому это правило невмѣстимо,—и слышитъ, но не внемлетъ, и понять его, какъ должно, не можетъ. Говоритъ же сіе къ тѣмъ, которые уже прогнали духъ вѣка и начали жить по духу Христову, потому что духъ вѣка сего обольстителенъ, и снова можетъ увлечь тѣхъ, коимъ по прежней жизни знакомы мутныя сласти дѣлъ его. Онъ говоритъ какъбы имъ: смотрите, не увлекъ бы васъ опять духъ вѣка и не сталъ снова передѣлывать по своему, совлекая съ неба на землю, отъ духа въ плоть, отъ Бога къ твари. Не слушайте его, и не хотите сообразоваться съ нимъ и порядками дѣлъ его. Ибо духъ вѣка, маня земнымъ благобытіемъ, изобрѣлъ такія дѣла, утѣхи и блага, изъ которыхъ, кажется, такъ

и течетъ рѣкою счастіе. Увлеченные имъ кружатся въ этихъ его порядкахъ, чая упоиться счастіемъ, и хоть никогда его не вкушаютъ, но чаютъ вкусить впереди. У кого выгнанъ духъ вѣка сего духомъ Христовымъ, тѣ извлекаются изъ сего круженія, крушащаго сердце. Но какъ они все же вращаются въ сопредѣльности съ порядками духа вѣка, то есть опасность, не зацѣпило бы ихъ снова это круженіе и не увлекло бы въ прежній круговоротъ. Апостолъ и предостерегаетъ: ужъ это все надо оставить, вамъ не слѣдъ вращаться въ такихъ порядкахъ и сообразоваться съ ними.

Св. Златоустъ, толкуя сіе мѣсто, отъ этого старается отвратить своихъ слушателей, преимущественно изображая призрачность благъ вѣка сего. „Образъ (духъ) вѣка сего прилѣпленъ къ землѣ, низокъ, кратковременъ, въ немъ нѣтъ ничего возвышеннаго, постояннаго, правильнаго, и все извращено. Посему, если хочешь идти надлежащимъ путемъ, то не напечатлѣвай въ себѣ образа настоящей жизни. Въ немъ ничего нѣтъ непремѣннаго и твердаго; потому и названъ образомъ, какъ въ другомъ мѣстѣ Апостолъ говоритъ: *преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31). Въ немъ ничего нѣтъ постояннаго, неподвижнаго, но все временно; посему и сказалъ: *вѣку сему*, означая тѣмъ кратковременность, словомъ же *образъ* выразилъ безсущность. Укажешь ли на богатство, славу, тѣлесную красоту, забавы и все прочее, что люди почитаютъ за великое,—все сіе есть одинъ образъ, а не дѣйствительная вещь, явленіе и личина, а не пребывающая сущность. Но ты не сообразуйся съ симъ, говоритъ Апостолъ, а преобразуйся обновленіемъ ума. Не сказалъ онъ: преобразуйся наружно, но—преобразуйся существенно, показывая тѣмъ, что міръ имѣетъ наружный только образъ, а добродѣтели принадлежитъ не наружный, но истинный, существенный

образъ, который имѣетъ природную красоту, для котораго не нужно наружныхъ притираній и личинъ, вдругъ появляющихся и исчезающихъ; такъ какъ все сіе исчезаетъ прежде, нежели появится. Посему если сорвешь личину, тотчасъ увидишь настоящій образъ. Ничего нѣтъ слабѣе порока, ничто такъ скоро не старѣется."

Но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего. Духъ вѣка прогнанъ со всѣми порядками и проявленіями его, воспринятъ духъ Христовъ. Что далѣе?—Далѣе предлежитъ преобразовать себя. Живя по духу вѣка, по его обычаямъ и правиламъ, настроиваемся на то всею душею, и образъ мыслей у насъ мірской или вѣка сего, и склонности съ дѣлами и предпріятіями таковы же, и вкусы съ чувствами и сочувствіями такіе же. Воспріявъ новый духъ, предлежитъ все сіе передѣлать, перенастроить, преобразовать. Новый духъ, благодатію Божіею возстановленный и поддерживаемый, есть сила великая. Въ комъ пробудится онъ, того влечетъ неудержимо къ высшему, неземному, духовному. Но внутренняя жизнь человѣка, въ комъ пробуждается сей духъ, не вдругъ вся перестраивается по нему. Воспріята только сила къ тому, а для самаго преобразованія требуется и время и трудъ. Вотъ сіе и внушаетъ Апостолъ, говоря: *преобразуйтеся обновленіемъ ума.* Умъ, или духъ вашъ обновленъ, т.-е., какъ сказано выше, благодатію Божіею ожилъ въ васъ страхъ Божій и растревожилъ совѣсть, и подъ дѣйствіемъ ихъ помощію Божіею вы дошли до рѣшимости оставить жизнь вѣка сего и начать жить по требованіямъ вѣка инаго, рѣшимости, скрѣпленной благодатію въ таинствахъ крещенія или покаянія. Такъ совершилось въ васъ обновленіе ума вашего, или духа. Теперь силою сего обновленнаго ума или духа преобразуйте себя, т.-е. мысли свои, расположенія и склонности свои, чувства и вкусы свои,—всю душу свою. Душа ваша вся обращена

была къ землѣ и земному, къ вѣку сему и дѣламъ его,— и только тѣмъ и занята была, какъбы устроить благобытіе земное. Сему же она подчиняла и умъ или духъ вашъ, и содержала его въ подъяремномъ у себя и у вѣка сего положеніи. Теперь,—благодареніе Богу!—онъ высвобожденъ изъ сихъ узъ и вступилъ въ права свои; теперь уже не онъ душѣ, а душа ему покорствовать будетъ и перестроиваться по его требованіямъ. Научите же ее усвоить себѣ образъ здравыхъ словесъ, чтобъ о всемъ судить и на все смотрѣть очами духовными, или Божіими, какъ указано въ Божественномъ откровеніи; научите ее вкоренять въ себѣ, вмѣсто страстныхъ, святыя расположенія, или всякаго рода добродѣтели, чтобъ добродѣтели составили неотъемлемый нравъ вашъ, какъ прежде составляли его страсти; научите ее воспитать въ себѣ вкусы и сочувствія къ духовному, невидимому, небесному и вѣчному, чтобъ сокровище ваше было не въ плотяномъ, осязаемомъ, земномъ и преходящемъ, а въ противоположномъ тому,—а за сокровищемъ и сердце было уже не здѣсь, а тамъ. Все же сіе не думайте и не надѣйтеся совершить сами собою, но и это все и всю участь свою предайте въ руки Божіи и единственно отъ Его благодатной помощи ожидайте вѣрнаго успѣха, повѣсивъ будто себя на десницѣ Божіей—всемощной.

Для всего сего нѣтъ нужды принимать что-либо особенное; но тѣ же обычныя всѣмъ дѣла человѣческія дѣлать по новому духу. Предлежитъ какое-либо дѣло: возстаютъ прежнія о немъ мысли,—прогони ихъ и прими новыя; показываются прежнія страстныя движенія, руководившія имъ,—пресѣки ихъ и пробуди новыя движенія; раздражается старое чувство самоугодія, сласть находившее въ немъ и питавшееся имъ,—подави его и раздражи сочувствіе къ тому, что есть въ дѣлѣ семъ неземнаго. Такъ въ каждомъ дѣлѣ,—и преобразованіе души будетъ

идти вѣрнымъ путемъ, дѣйственно и плодоносно. Только обновленный умъ или духъ храни въ воспринятомъ имъ обновленіи.

Но нѣтъ человѣка безъ грѣха. Какъ ни блюдись,— недобрыя мысли, чувства, расположенія, дѣла и слова проторгнутся и проторгнутся. Отъ этого ходъ преобразованія души замедляется и самый умъ или духъ слабѣетъ въ обновленіи. Почему надобно непрестанно обновлять себя покаяніемъ. Покаянность есть неотъемлемая принадлежность новаго духа жизни христіанской, выражающейся всегдашнимъ содержаніемъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго. Св. Златоустъ говоритъ: „Поелику Павловымъ слушателямъ, какъ людямъ, было сродно каждый день грѣшить; то Апостолъ утѣшаетъ ихъ, совѣтуя ежедневно обновляться. Какъ поступаешь съ домомъ, то и дѣло починивая въ немъ все обветшавшее, такъ поступай и съ самимъ съ собою. Ты согрѣшилъ сегодня? Душа твоя обветшала? Не отчаявайся, не унывай, но обновляй ее покаяніемъ, слезами, исповѣдію, добрыми дѣлами, и никогда не оставляй сего дѣла.“

Во еже искушати вамъ, что есть воля Божія благая, и пр.—Предлежитъ обновленнымъ умомъ преобразовывать себя. По какой нормѣ? По волѣ Божіей. Въ Словѣ Божіемъ все показано, какъ это дѣлать. Изучай, усвояй и прилагай у себя къ дѣлу, несмотря на противленіе тому внутри, и препоны вовнѣ. Нѣтъ лучшаго и вѣрнѣйшаго указателя и руководителя. И когда станете вы во всемъ поступать по волѣ Божіей, тогда самымъ дѣломъ искусите и испытаете, что если хочетъ кто преобразовать себя по новому, то не достигнетъ сего иначе, какъ дѣйствуя по волѣ Божіей. Дѣйствіе по ней тотчасъ будетъ давать плодъ, явный и ощутительный, и удостовѣрять дѣломъ, сколь воля Божія блага, угодна и совершенна.—У Апостола плодомъ преобразованія себя полагается не позна-

ніе воли Божіей, а испытаніе и опытное вкушеніе качествъ сей воли, ея благотворнаго на насъ дѣйствія. *Во еже искушати* — εἰς τὸ δοκιμάζειν. Δοκιμάζειν — отвѣдывать, вкушать, дѣломъ испытывать. Познаніе воли Божіей можно поставлять подъ условіе обновленія ума, а не преобразованія себя обновленнымъ умомъ, что уже предполагаетъ познаніе воли Божіей. И дѣйствительно, пока не обновленъ умъ, или духъ, пока онъ весь объятъ и подавленъ духомъ вѣка сего, до тѣхъ поръ не можетъ человѣкъ познать и понять волю Божію; невнятна она для него, невмѣстима, сколько ни толкуй. Поставляя познаніе воли Божіей въ зависимость отъ обновленія ума, св. Златоустъ говоритъ: „Спросишь: кто же не знаетъ, въ чемъ состоитъ воля Божія? Всякій кто прилѣпленъ къ настоящему, кто почитаетъ завиднымъ богатство, а бѣдность уничижаетъ; кто домогается власти, пристрастенъ къ мірской славѣ; кто считаетъ себя великимъ человѣкомъ, когда настроилъ великолѣпныхъ домовъ, заготовилъ пышныя гробницы, имѣетъ толпу слугъ, водитъ за собою множество евнуховъ; такой человѣкъ не знаетъ, что для него полезно, и въ чемъ состоитъ воля Божія. Ибо то и другое есть одно и тоже: что полезно для насъ, того хочетъ Богъ; и чего хочетъ Богъ, то полезно для насъ. И такъ чего же хочетъ Богъ? Того, чтобы мы любили нищету, смиренномудріе, презирали славу, жили воздержно, а не раскошно, въ скорби, а не въ нѣгѣ, плакали, а не веселились и смѣялись, — исполняли все то, что заповѣдалъ намъ Богъ. Но многіе отвращаются сего какъ зла, а не только не согласны признавать полезнымъ и волею Божіею; и потому не могутъ никогда даже приближаться къ подвигамъ добродѣтели. Такіе люди, не зная того, что есть добродѣтель, и восхищаясь порокомъ, какъ могутъ отрѣшиться отъ настоящаго вѣка?“

При семъ св. Златоустъ предлагаетъ и другую, полезную въ жизни мысль. Полагая возможнымъ подъ обновленіемъ ума разумѣть пріобрѣтеніе здравыхъ о вещахъ сужденій, онъ учитъ, что и это хорошо, хотя нѣтъ соотвѣтствующей тому жизни, хоть и не такъ живемъ; но знаніе должнаго образумитъ наконецъ и приведетъ къ дѣламъ должнымъ. „Прежде всего прочаго, говоритъ онъ, надлежитъ намъ имѣть правильное сужденіе о вещахъ. Если еще не слѣдуемъ добродѣтели, по крайней мѣрѣ, научимся хвалить ее. Если еще не убѣгаемъ порока, по крайней мѣрѣ, навыкнемъ порицать худое, дабы хотя судъ нашъ былъ правый. Держась сего пути, можемъ приняться и за самыя дѣла. На сей конецъ и Павелъ повелѣваетъ обновляться, *во еже искушати, что есть воля Божія.*“

Въ поясненіе того, что значитъ воля Божія—*благая и угодная и совершенная*, бл. Ѳеофилактъ сокращенно приводитъ толкованіе сихъ словъ, данное Василіемъ Великимъ, въ краткихъ его правилахъ, въ отвѣтѣ на 276 вопросъ. Приводимъ сіе мѣсто вполнѣ. „Вопервыхъ надобно искать, что есть благая воля Божія; это прямая заповѣдь дѣлать что либо, напримѣръ: *будите милосерди. якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (Лк. 6, 36)—или: *ходите въ любви, якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ* (Еф. 5, 1. 2); потомъ, когда узнаемъ благую волю, должно изслѣдовать, угодна ли Богу сія благая воля (въ отношеніи къ намъ). Ибо иное въ особомъ отношеніи есть воля Божія, и воля благая; но когда это дѣлается или не тѣмъ лицомъ, или не въ то время, какъ бы надлежало, то не бываетъ уже благоугоднымъ Богу. Напримѣръ: была воля Божія и воля благая, чтобы кадили Богу; но не благоугодно было Богу, чтобы дѣлали сіе Даѳанъ и Авиронъ. И еще: есть воля Божія и воля благая, чтобы творили милостыню; но чтобъ дѣлали сіе ради

прославленія отъ людей, это уже не благоугодно Богу. И еще: была воля Божія и воля благая, чтобы ученики, *еже во уши слышали, проповѣдали на кровѣхъ* (Мѳ. 10, 27); но чтобъ говорили о чемъ-либо (о нѣкоторыхъ вещахъ) прежде времени, сіе не благоугодно было Богу. Ибо говоритъ: *никомуже повѣдите видѣнія* сего, *дондеже Сынъ Человѣческій изъ мертвыхъ воскреснетъ* (Мѳ. 17, 9). И вообще всякая воля Божія благая тогда и благоугодна, когда исполняется въ ней сказанное Апостоломъ: *вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31), и: *вся благообразно и по чину да бываютъ* (—14, 40). Но опять, если на что есть воля Божія, и воля благая и воля угодная, то и въ семъ случаѣ должно не безпечности предаваться, но подвизаться и заботиться, чтобъ сіе было совершенно и безъ недостатковъ, въ мѣрѣ какъ самаго дѣла, такъ и силы совершающаго дѣло. (Можно прибавить: со всѣмъ усердіемъ, вниманіемъ и тщаніемъ; потому что не благоволитъ Богъ къ творящему дѣло Его небрежно). Ибо сказано: *возлюбиши Господа Бога твоего отъ всея души твоея, и всею силою твоею, и всею крѣпостію твоею, и всѣмъ помышленіемъ твоимъ: и ближняго своего, яко самъ себе* (Лк. 10, 27), какъ и Господь научилъ въ Евангеліи отъ Іоанна: *якоже возлюбихъ вы, да и вы любите себе* (—13, 34). Да и всякую заповѣдь люби, какъ написано (Втор. 6, 6). Ибо сказано: *блаженъ рабъ той, егоже, пришедъ господинъ его, обрящетъ тако творяща* (Мѳ. 24, 46).“

Очертивъ духъ жизни христіанской, Апостолъ начинаетъ теперь изображать

II.

КАКЪ ОНЪ ДОЛЖЕНЪ ВЫРАЖАТЬСЯ ВЪ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОЙ ЖИЗНИ.

а).

Сначала среди ихъ самихъ, яко христіанъ.

На первомъ мѣстѣ здѣсь ставитъ онъ аа) *общее* для сего *правило,* именно: въ сказанномъ духѣ дѣйствуй въ средѣ вѣрующихъ по своимъ дарованіямъ, какія получилъ отъ Бога,—имѣя въ виду преимущественно лица, заправляющія обществомъ, ст. 3—8.

Чтобъ приблизить это къ понятію, онъ представляетъ общество христіанъ подобнымъ тѣлу, и говоритъ: тѣло одно, а много имѣетъ членовъ; каждый членъ свое имѣетъ дѣло, и всѣ, дѣлая свое дѣло, устрояютъ и хранятъ жизнь тѣла. Такъ и мы вѣрующіе—одно тѣло о Христѣ Господѣ, а особо каждый—члены сего тѣла. Каждому дано свое дарованіе и въ немъ назначено свое дѣло. Дѣлай каждый сіе дѣло свое, указываемое дарованіемъ Божіимъ, и духовное благосостояніе всѣхъ вѣрующихъ будетъ цвѣсти безпрепятственно. Это указывается въ 4 8 стихахъ. Но въ заглавіе всему этому уроку Апостолъ ставитъ урокъ смиренія, который можно выразить такъ: какъ бы велико ни было твое дарованіе, не высокомудрствуй о себѣ, и какъ бы оно ни было мало, не тянись въ высь и не бери на себя того, что не по силамъ твоимъ,—ст. 3.

Ст. 3. *Глаголю бо благодатію давшеюся мнѣ, всякому сущему въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати: но мудрствовати въ цѣломудріи, коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры.*

Желая научить смиренію, свое обнаруживаетъ смиреніе: *глаголю бо благодатію, давшеюся мнѣ.* Слово мое къ

вамъ не мое, но благодать Божія, данная мнѣ, внушаетъ его и понуждаетъ предложить вамъ. Благодать, данная Св. Павлу есть благодать апостольства, которая выражалась во власти вязать и рѣшить,—все установлять, предписывать правила и взыскивать за неисполненіе ихъ,—и въ томъ, что Апостоламъ Духъ Святый внушалъ, что кому когда говорить. Едва ли Апостолъ въ приведенныхъ словахъ имѣлъ въ виду первую сторону апостольской благодати; потому что высказываніе власти не располагаетъ къ смиренію, а раздражаетъ сознаніе и своего достоинства. А скорѣе, онъ хотѣлъ выразить, „что узаконяетъ пишемое не онъ, но дѣйствующая чрезъ него благодать Духа, говоря какъ бы: я—орудіе благодати (Θеод.); не сталъ бы самъ докучать вамъ этимъ урокомъ, но понуждаетъ Духъ Божій, Коему не могу противиться.“ Св. Златоустъ говоритъ: „Выше сказалъ: *молю щедротами Божіими*, а теперь опять говоритъ: *глаголю благодатію*. Замѣть смиренномудріе учителя, замѣть кротость его сердца! Для такихъ увѣщаній и совѣтовъ онъ никакъ не признаетъ достаточными собственныхъ своихъ словъ, но въ подтвержденіе оныхъ ссылается то на милосердіе Божіе, то на благодать. Не отъ себя предлагаю я слово, говоритъ онъ, но отъ Бога. И не сказалъ: убѣждаю васъ премудростію Божіею, закономъ Божіимъ,—но благодатію,—непрестанно напоминая о благодѣяніяхъ, дабы внушить большую благодарность и доказать, что и благодать требуетъ исполненія того, о чемъ здѣсь говорится.“

Всякому сущему въ васъ. „Не тому или другому, но всѣмъ,—начальнику и подчиненному, рабу и свободному, неученому и мудрецу, женщинѣ и мущинѣ, юношѣ и старцу; это общій законъ, потому что Господній. Итакъ Апостолъ никого не оскорбляетъ словомъ своимъ; предлагаетъ наставленіе всѣмъ, даже и тѣмъ, которые не виновны

въ противоположномъ наставленію порокѣ), дабы удобнѣе приняли сіе вразумленіе и исправленіе виновные“ (Св. Злат.).

„И что же говоришь ты, скажи мнѣ? *Не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати.* Предписываетъ смиренномудріе, матерь всего добраго, подражая въ томъ своему Учителю. Какъ Христосъ, взойдя на гору, дабы предложить нравственную бесѣду, началъ словомъ о смиренномудріи, и такое предложилъ основаніе: *блажени нищіе духомъ* (Мѳ. 5, 3); такъ и Павелъ, отъ догматическихъ истинъ переходя къ нравственнымъ, хотя преподалъ урокъ о добродѣтели вообще (въ 1 и 2 ст.), требуя отъ насъ удивительной жертвы, но, намѣреваясь описать добродѣтели порознь, начинаетъ съ смиренномудрія, какъбы съ главы, и совѣтуетъ *не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати,*—потому что такова воля Божія“ (Св. Злат.).

Не мудрствовати паче, μὴ ὑπερφρονεῖν—выше мѣры своей мудрствовать,—мудрствовать или о себѣ самомъ, что будетъ тоже, что высокомудрствовать, гордиться своимъ дарованіемъ, высясь надъ другими и свысока смотря на нихъ, — или мудрствовать выше мѣры—загадывать дѣла не по силамъ, и требовать себѣ мѣста и должности не по способностямъ, что будетъ тоже, что—быть притязательнымъ не въ мѣру, честолюбивымъ, властолюбивымъ, славолюбивымъ. Все сіе и подобное запрещается однимъ словомъ—*не мудрствовати паче,* знай свою мѣру, и какъ въ мысляхъ о себѣ не выходи изъ ней, такъ и въ замыслахъ и требованіяхъ своихъ—не заходи за черту ея. Это и будетъ *мудрствовати въ цѣломудріи,*— φρονεῖν εἰς τὸ σώφρονεῖν, мудрствовать такъ, чтобъ это значило цѣломудрствовать. Цѣломудріе здѣсь—не добродѣтель чистоты, а здравомысліе. Σωφρονεῖν собственно и значитъ здравоумствовать,—отъ σόος—цѣлый, неповреж-

денный, здравый,—и φρονεῖν—мудрствовать. Φρονεῖν не отвлеченное мудрствованіе означаетъ, а обдумываніе дѣлъ, занятій, предпріятій. Σωφρονεῖν будетъ умѣть обдумывать все сіе здраво, благоразумствовать. Апостолъ одну сторону благоразумія беретъ, именно не загадывать и не требовать ничего выше своей мѣры,—какъ и Спаситель училъ притчею о замышляющихъ строить домъ, или вести войну. Кто себя и дѣла свои держитъ въ своей мѣрѣ, тотъ цѣломудрствуетъ, или здравомудрствуетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „слова сіи—φρονεῖν εἰς τὸ σωφρονεῖν—значатъ: мы получили силу разсужденія, дабы обращать оную не въ высокоуміе, но въ цѣломудріе. Не сказалъ Апостолъ: думайте о себѣ смиренно, но—цѣломудренно, разумѣя здѣсь подъ цѣломудріемъ не противоположную безстыдству добродѣтель, и не удаленіе отъ распутства, но умъ трезвенный и здравый. Ибо имѣть здравыя мысли называется σωφροσύνη—цѣломудріемъ. Называя смиренномудріе цѣломудріемъ (здравомудріемъ), Апостолъ показалъ, что нескромный (несмиренный) не здравъ умомъ, но сумасбродствуетъ, безчинствуетъ и поступаетъ несмысленнѣе всякаго безумнаго.“ „Гордыня есть болѣзненный образъ мыслей“ (Θеод.).

Коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры. Какая же мѣра здравомудрія? Та, чтобъ всякій мудрствовалъ въ мѣрѣ дара, который получилъ отъ Бога. Мѣрою вѣры назвалъ здѣсь Апостолъ мѣру дарованій, поставляя причину вмѣсто дѣйствія,—потому что вѣра причина дарованій, и мѣра сихъ опредѣляется мѣрою той. Θеодоритъ пишетъ: „Апостолъ вѣрою назвалъ здѣсь благодать. Ибо вѣрою пріобрѣтается дяяніе благодати, и по мѣрѣ вѣры даются дары благодати. Повелѣваетъ же данною благодатію измѣрять мудрованіе души.“—А Св. Златоустъ говоритъ: „поелику многіе изъ Римлянъ и изъ Коринθянъ по причинѣ духовныхъ дарованій впали въ высоко-

уміе, то замѣть, какъ Апостолъ выводитъ наружу причину сей болѣзни, и по немногу отклоняетъ оную. Сказавъ, что должно *мудрствовать въ цѣломудріи*, присовокупилъ: *коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры*, называя здѣсь вѣрою духовное дарованіе. Словомъ же—*раздѣлилъ*, какъ утѣшилъ получившаго меньшій даръ, такъ смирилъ пользующагося большимъ даромъ. Ежели Богъ раздѣлилъ такъ, а не отъ твоего зависитъ успѣха, то почему тебѣ думать о себѣ много? Ежели же кто скажетъ, что здѣсь о вѣрѣ говорится, а не о дарованіи; то сіе еще болѣе доказываетъ, что Апостолъ хочетъ смирить тщеславныхъ. Ежели вѣра есть причина дара, ею творятся чудеса, и все сіе (т.-е. и самая вѣра) отъ Бога, то на какомъ основаніи думаешь о себѣ много? Еслибы Богъ не пришелъ на землю и не воплотился; вѣра не имѣла бы такихъ успѣховъ. Итакъ все доброе имѣетъ начало въ Богѣ. А если самъ Онъ даетъ, то умѣетъ и раздѣлить. Самъ все сотворилъ, и о всѣхъ равно печется. Отъ Его человѣколюбія зависитъ, какъ дать, такъ и дать въ извѣстной мѣрѣ. Явившій благодать въ главномъ,—въ томъ, что сообщилъ дары свои, не обойдетъ тебя въ раздѣлѣ. Еслибы хотѣлъ Онъ лишить тебя чести, то не далъ бы тебѣ и самаго перваго.“ Мѣра вѣры есть мѣра дарованія; но какъ и самая вѣра отъ Бога, то нѣтъ существенной разности—мѣру ли собственно вѣры разумѣть здѣсь, какъ слово требуетъ, или мѣру дарованія, условливаемую мѣрою вѣры, какъ требуетъ теченіе рѣчи. Ибо послѣ Апостолъ говоритъ уже не о мѣрѣ вѣры, а о мѣрѣ дарованій.

Стт. 4. 5. *Якоже бо во единомъ тѣлеси многи уды имамы, уды же вси не тожде имутъ дѣланіе: такожде многи едино тѣло есмы о Христѣ, а по единому другъ другу уди.*

Сказанное предъ симъ Апостолъ поясняетъ примѣромъ. Потребовавъ не мудрствовать паче мѣры своей, т.-е. знать свою мѣру, и какъ не думать о себѣ паче мѣры, такъ и не загадывать дѣлъ выше своихъ силъ и не требовать себѣ мѣста и должности выше своихъ способностей, теперь убѣждаетъ: смотри на тѣло, и научишься всему сему. У насъ въ одномъ тѣлѣ много членовъ, и не всѣ члены одно дѣлаютъ дѣло, но у каждаго есть свое дѣло, которымъ однимъ онъ и занятъ, и не заявляетъ требованія, чтобъ ему дали другое дѣло, которое кажется ему повыше. Не всѣ члены видятъ, не всѣ слышатъ, не всѣ дышатъ... Но зрѣніе дано глазу, онъ имъ и занятъ; слышаніе—уху, — оно то и дѣлаетъ; дыханіе—легкимъ, они и дышатъ: такъ и прочіе члены имѣютъ всякій свое дѣло—желудокъ варитъ пищу, сердце обращаетъ кровь, и проч. Желудокъ не заявляетъ требованія: дай я буду смотрѣть,—потому что онъ къ этому не настроенъ и способности не имѣетъ. Такъ и всякій членъ не лѣзетъ туда, гдѣ онъ негожъ,—свою мѣру знаетъ и о томъ лишь заботится, чтобъ свое дѣло исправлять какъ должно. Похоже на тѣло и общество христіанское, продолжаетъ Апостолъ. Насъ много, но всѣ мы—одно тѣло о Христѣ Іисусѣ Господѣ, Который есть Глава сего тѣла. Всѣ мы—одно тѣло, но не всѣ—одно и тоже, но разнимся другъ отъ друга; мы тоже въ отношеніи другъ къ другу, что члены.—Далѣе сего сравненіе у Апостола нейдетъ. Ожидалось бы, что онъ скажетъ: такъ и мы, какъ члены одного духовнаго тѣла о Христѣ, не одно и тоже имѣемъ или должны имѣть дѣланіе, какъ не одно имѣютъ дѣланіе и члены тѣла вещественнаго. Но какъ это само собою было очевидно, то Апостолъ не счелъ нужнымъ дѣлать такое приложеніе, равно какъ выводить отсюда урокъ: свое дѣло всякой дѣлай, и выше своего дарованія не лѣзь.

Очевидно, что Апостолъ такъ поставилъ сіе сравненіе, чтобъ поддержать вторую особенно сторону немудрствованія паче должнаго, т.-е., ту, чтобъ не быть притязательнымъ, не искать высшаго себя, а свою мѣру знать и свое дѣло дѣлать. Но и первая тутъ же: ибо такихъ притязаній нельзя имѣть, не думая о себѣ паче мѣры. Почему не неумѣстно наши толковники и въ сихъ стихахъ видятъ продолженіе апостольскаго наставленія о смиренномудріи. „Почему ты думаешь о себѣ высоко? Не всѣ ли мы, большіе и малые, составляемъ одно тѣло? А когда по отношенію къ Главѣ мы одно тѣло, и одинъ для другаго члены; для чего ты отторгаешься высокоуміемъ? Для чего стыдишься брата? Какъ онъ есть твой членъ, такъ и ты его членъ; и въ этомъ отношеніи вы равночестны" (Св. Злат.).

Ст. 6. ***Имуще же дарованія по благодати даннѣй намъ различна: аще пророчество по мѣрѣ вѣры.***

Рѣчь Апостола усѣченна; дополнимъ ее. Члены тѣла не одно имѣютъ дѣланіе; и мы должны не одно имѣть дѣланіе, а каждый свое. Какое же?—На какое получилъ каждый дорованіе отъ Бога. Имѣя такимъ образомъ разныя дарованія, мы должны дѣйствовать каждый своимъ дарованіемъ: кто получилъ пророчество, пророчествуй и прочее. Экуменій пишетъ: „усѣченно говоритъ Апостолъ, не всѣ употребляя реченія, какія нужны для выраженія мысли. Здѣсь надо дополнить послѣ: ***имуще дарованія различна*** такія слова: пребывай каждый въ томъ дарованіи, которое получилъ, или—довольствуйся имъ, или дѣйствуй по нему и согласно съ нимъ, или что подобное."

Дарованія, о которыхъ поминаетъ здѣсь Апостолъ, разумѣются не естественныя, которыя каждый получаетъ въ рожденіи, хотя и они всѣ отъ Бога; но разумѣются дарованія сверхъестественныя, благодатныя, подаемыя Святымъ Духомъ по крещеніи въ мѵропомазаніи, что

при Апостолахъ совершалось возложенiемъ рукъ и составляло неотъемлемую принадлежность всякаго вѣрующаго и признакъ того, что онъ есть Христовъ, вѣрующiй. Дарованiя сiи Апостолъ подробно перечисляетъ въ посланiи къ Коринѳянамъ (12, 7—11). Такое раздаянiе дарованiй явно было для всѣхъ. Почему Апостолъ не доказываетъ сего, а только указываетъ: *имуще дарованiя*.

Св. Златоустъ и здѣсь видитъ урокъ къ смиренiю: „И такъ не думай о себѣ много. Все, что ты получилъ. дано тебѣ отъ Бога, а не самъ ты прiобрѣлъ. По сей причинѣ Апостолъ, коснувшись духовныхъ дарованiй, не сказалъ, что одинъ получилъ больше, а другой меньше: а какъ наименовалъ дарованiя? Различными. Ибо говоритъ: *имуще дарованiя* не большiя и меньшiя, но *различна*. Что за дѣло, ежели не тоже тебѣ ввѣрено, когда ты принадлежишь къ томуже тѣлу?“

Но и къ дополнительной мысли, т.-е. той: получили вы разныя дарованiя, и дѣйствуй теперь каждый сообразно съ своимъ,—св. Златоустъ дѣлаетъ особое внушенiе: „Поелику достаточнымъ образомъ усмирилъ уже слушателей, то желаетъ сдѣлать ихъ ревностными и подвинуть къ большей рачительности, указывая на то, что и отъ нихъ самихъ зависитъ получить большiй или меньшiй даръ. Дабы смирить горделивыхъ, онъ утверждаетъ, что дается сiе отъ Бога, когда, напримѣръ, говоритъ—*коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры*, и еще—*по благодати даннѣй намъ*. Но для поощренiя безпечныхъ присовокупляетъ, что первое основанiе полагаютъ сами люди. Для тѣхъ же двухъ цѣлей тоже самое утверждаетъ онъ и въ посланiи къ Коринѳянамъ. Когда говоритъ: *ревнуйте дарованiй* (1 Кор. 12, 31), показываетъ, что и они сами бываютъ причиною разности даруемаго. А когда говоритъ: *вся же сiя дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя властiю коемуждо, якоже хощетъ* (1 Кор.

12, 11), доказываетъ тѣмъ, что получившіе даръ не должны онымъ превозноситься. Такъ въ обоихъ отношеніяхъ врачуетъ недугъ Кориноянъ. Подобно поступаетъ и съ Римлянами.“ Приложимъ и слова бл. Өеодорита: „каждая часть тѣла не себѣ только полезна, но приноситъ пользу и цѣлому. Посему и пріявшему свыше какую-либо благодать надлежитъ ясно знать, что для общей потребности пріялъ онъ даръ сей... Мы другъ для друга члены, по данной намъ благодати имѣющіе разныя дарованія; ибо хотя они и различны, однакоже божественною благодатію подаются къ общей пользѣ.“

Аще пророчество, по мѣрѣ вѣры. И здѣсь рѣчь усѣченна. Апостолъ хотѣлъ сказать: имѣетъ ли кто даръ пророчества, пророчествуй по мѣрѣ вѣры. Онъ начинаетъ перечислять разныя дарованія, и указывать ихъ должное употребленіе. Слова: *по мѣрѣ вѣры* наши толковники относятъ не къ употребленію дара пророчества, а къ полученію его, именно въ томъ смыслѣ, что даръ сей получается по мѣрѣ вѣры. Такъ св. Златоустъ: „хотя пророчество дается по благодати, но изливается не просто, а заимствуетъ мѣру отъ пріемлющихъ; и течетъ столько, сколько великъ будетъ подставленный сосудъ вѣры.“ Такъ бл. Өеодоритъ: „вѣрою каждаго измѣряетъ благодать Податель благъ.“ Такъ и другіе. Но и въ такомъ случаѣ все же надо будетъ рѣчь дополнять: пророчество ли получилъ кто по мѣрѣ вѣры,—пророчествуй во благо другимъ. А что такъ дополнить необходимо, обязываетъ вся рѣчь. Ибо далѣе говорится: если служеніе получилъ, служи; если ученіе, учи, и т. д. Слѣд. и здѣсь надо доразумѣвать указаніе на употребленіе дара пророчества, относить ли слова: *по мѣрѣ вѣры* къ полученію дара пророчества, или къ употребленію его.

„Пророчествомъ Апостолъ называетъ не только предвѣдѣніе будущаго, но и вѣдѣніе сокровеннаго“ (бл. Өеод.),

и частнѣе вѣдѣніе сокровенныхъ помышленій сердечныхъ, вмѣстѣ съ которымъ находило и понужденіе повесть рѣчь объ открытыхъ помышленіяхъ, для отгнанія ли ихъ и измѣненія, если они неодобрительны, или для большаго ихъ утвержденія, если они хороши. Въ какомъ бы смыслѣ ни принять слово—*пророчество*, употребленіе сего дара требуетъ большой вѣры и опытности духовной. Иначе можетъ случиться, что или совсѣмъ останется безъ употребленія даръ сей, по излишней скромности и несмѣлости, или къ употребленію его примѣшается многое личное, свое, а не благодатію внушенное. Вѣра же и дерзновеніе подаетъ и научаетъ вѣрному различенію своего отъ Божіяго. Вѣра дѣтски смиренная ни въ томъ ни въ другомъ случаѣ не постыждаетъ. Ей принадлежитъ преданность Богу, за которую, какъ за поводъ, ведетъ Богъ смиреннопреданнаго Ему непогрѣшительнымъ путемъ. Потому *по мѣрѣ вѣры* можно понимать—по мѣрѣ убѣжденія, внутренняго свидѣтельства совѣсти. По-гречески стоитъ: κατὰ τὴν ἀναλογίαν τῆς πίστεως,—что справедливо можно перевесть—согласно съ вѣрою. Вѣра здѣсь, какъ совокупность догматовъ,—сvмволъ вѣры. Это проба пророческихъ созерцаній и откровеній и программа для ихъ употребленія. Изъ открываемаго предлагай другимъ то, что согласно съ общею вѣрою, ее разъясняетъ, питаетъ, утверждаетъ.

Ст. 7. *Аще ли служеніе, въ служеніи: аще учай, во ученіи.*

Если получилъ даръ служенія, пребывай въ служеніи. Служеніе—διακονία—разумѣется собственно исправленіе чего-либо по церкви: смотрѣніе за входящими въ храмъ, и за порядкомъ въ немъ, прислуживаніе при совершеніи таинствъ, и все прочее есть διακονία. Этимъ обнимается не діаконскій только, но и весь священно-церковно-служебный чинъ. Св. Златоустъ говоритъ: „служеніе взято

здѣсь въ общемъ понятіи; ибо и апостольство называется служеніемъ, и всякое доброе духовное дѣло есть служеніе. Хотя сіе же наименованіе употребляется для означенія частной должности; впрочемъ здѣсь говорится вообще.“ Тоже пишетъ и бл. Ѳеофилактъ: „Есть служеніе и дарованіе особенное въ чинѣ церковномъ, каково служеніе седми діаконовъ. Но здѣсь подъ именемъ служенія разумѣй вообще всякое духовное дѣло. Каковое, говоритъ, получилъ ты служеніе, въ исправленіи того пребывай (это слово должно приложить здѣсь), не ищи чего-либо большаго и не превозносись предъ другимъ, а будь доволенъ тѣмъ, что получилъ.“

Аще учай, во ученіи. Если ты—*учай*, учитель, получилъ даръ учительства; то пребывай въ ученіи, объ немъ думай, имъ занятъ будь, его исправлять, какъ должно, всячески старайся и ревнуй.—„Подъ ученіемъ разумѣется истолкованіе божественныхъ догматовъ“ (Ѳеод.)—о Пресвятой Троицѣ, о твореніи и промышленіи, о блаженномъ состояніи въ раю и паденіи, о воплощеніи Бога и нашемъ въ Немъ спасеніи, о благодати Святаго Духа и надеждахъ христіанскихъ. Что это есть особое дарованіе, видимъ доселѣ: ибо иной очень ясно преподаетъ догматы, но утѣшить, но распутать нравственную запутанность и вывесть на путь не умѣетъ. Отъ пророчества этотъ даръ отличается тѣмъ, что духъ пророческій находилъ внезапно и понуждалъ къ слову, не ограничиваясь лицами и не стѣсняясь ни временемъ, ни мѣстомъ; а даръ ученія дѣйствовалъ постоянно, и давалъ учащему свободу избирать предметы и порядокъ ученія, наблюдать время и готовить поученія. Св. Златоустъ говоритъ при семъ: „Замѣть, что Апостолъ не наблюдаетъ строгаго порядка, но малое (служеніе) ставитъ впереди, а большое (ученіе) послѣ, научая томуже, чему научилъ прежде, т.-е. не надмѣваться и не превозноситься.“

Ст. 8. *Аще утѣшаяй, во утѣшеніи: подаваяй, въ простотѣ: предстояй, со тщаніемъ: милуяй, съ добрымъ изволеніемъ.*

Если ты *утѣшаяй*, получилъ даръ утѣшенія, то пребывай *въ утѣшеніи* другихъ. Утѣшеніе, — παράκλησις двоякое можетъ имѣть значеніе, — или утѣшеніе въ скорби, умиротвореніе и успокоеніе смущеннаго сердца. или убѣжденіе къ доброй жизни. упорядоченіе нравственной стороны. То и другое можетъ исправлять одинъ и тотъже даръ по однородности дѣла и одинаковости требуемаго къ исправленію его настроенія. Почему и здѣсь то и другое можно разумѣть, какъ и дѣлаютъ наши толковники. Бл. Ѳеодоритъ подъ „*утѣшеніемъ* разумѣетъ убѣжденіе къ добродѣтели;" а бл. Ѳеофилактъ— успокоеніе скорбящаго сердца, говоря: „И утѣшеніе есть особый видъ ученія. Ибо ученіемъ называется вообще разсужденіе о всякомъ предметѣ, а утѣшеніемъ собственно то, когда кто успокоиваетъ словомъ души, возмущенныя скорбію или гнѣвомъ. Итакъ утѣшающій, говоритъ, пусть пребываетъ въ утѣшеніи, дѣлая свое дѣло, и не превозносится предъ другимъ."

Въ апостольскія времена были въ церкви особые чины пророковъ и учителей, кромѣ Апостоловъ, и особые чины служащихъ по церкви. Но былъ ли особый чинъ утѣшающихъ и на путь правый наставляющихъ? Вѣрно, былъ, когда о дарѣ къ тому особо говоритъ Апостолъ. Ихъ дѣломъ могло быть смотрѣніе за нравственностію и уговариваніе неисправныхъ исправиться, прежде чѣмъ возмется за сіе власть церковная.—Не слѣдъ ли сего чина есть ὁ εὐταξίας—смотрящій за благочиніемъ въ церкви?

Подаваяй, въ простотѣ. Если ты *подаваяй,* получилъ дарованіе экономства и приставленъ къ раздаванію потребнаго нуждающимся отъ лица церкви; то подавай *въ простотѣ*, т.-е. не подозрѣвая того, кто предъявляетъ

свои нужды, въ лукавствѣ, а въ простотѣ сердца вѣря его слову, что точно онъ нуждается такъ, какъ говоритъ,— или въ простотѣ сердца подавай ему, не скупясь, не жалѣя, сердцемъ широкимъ. Въ первенствующей церкви общества христіанскія содержали своихъ бѣдныхъ, и для того каждый по силѣ жертвовалъ въ общую церковную экономію отъ имѣнія своего, что кто могъ и чѣмъ усердствовалъ. Для раздаянія пособій избирались особыя способныя къ тому лица. Въ Іерусалимской церкви Апостолы избрали на то семь діаконовъ. Такъ, надо полагать, дѣлалось и во всѣхъ церквахъ. Потомъ, когда діаконы отошли на прислуживаніе при совершеніи таинствъ, для раздаянія потребнаго нуждающимся избирались особые экономы, на попеченіи которыхъ были всѣ бѣдные, вдовы, сироты, больные и всѣ всякаго рода нуждающіеся. Что умѣніе вести такого рода дѣла есть особое дарованіе, это всякой знаетъ по всегдашнимъ опытамъ. Объ этомъ дарованіи и говоритъ здѣсь Апостолъ, но не какъ о естественной способности, а какъ о благодатномъ дарѣ, давая разумѣть, что такого рода дарованіе проявлялось тогда въ лицахъ, которыя естественно не выказывали къ тому особаго предрасположенія. Но если и предполагать въ иномъ подобное предрасположеніе, все надо полагать, что благодать Божія, пришедши, вызывала, возвышала, и направляла его.

Полагать, что здѣсь Апостолъ разумѣетъ особый даръ— распоряжаться церковнымъ имѣніемъ заставляетъ то, что сей *подаваяй* стоитъ у него между *учай* и *утѣшаяй* съ одной стороны, и *предстояй* съ другой, т.-е. въ ряду чиновъ, ведущихъ благообразные порядки по церкви. Наши толковники говорятъ при семъ болѣе о томъ, съ какими расположеніями должно подавать нуждающимся,— такъ однакожъ, что все сказанное ими можетъ относиться не къ общей только добродѣтели подаванія милостыни,

но и къ особымъ экономамъ церковнымъ. Вотъ слова ихъ: —Св. Златоуста: „Недовольно еще того чтобы подать, но надо подать нескудно; ибо сіе разумѣется вездѣ подъ словомъ—*простота;*“ бл. Өеодорита: „*подаваяй въ простотѣ,* не славу себѣ отъ другихъ уловляя, но удовлетворяя потребности нуждающагося, и не разсуждая, достаточно ли будетъ или недостаточно для себя, но полагаясь на Бога, и щедро дѣлая подаяніе;“ бл. Өеофилакта: „Сказавъ объ ученіи и утѣшеніи, т.-е. о томъ, что относится къ попеченію о душахъ, теперь говоритъ о тѣлесномъ, какъ занимающемъ второе мѣсто. *Простотою* называетъ щедрость; слѣдовательно учитъ раздавать со щедростію. Ибо никакая добродѣтель не бываетъ добродѣтелію, если совершается не надлежащимъ образомъ. Такъ и дѣвы, хотя имѣли елей, но имѣли его недостаточно, почему и отвержены“ Всѣ сіи наставленія могутъ идти къ раздаятелямъ какъ своего, такъ и церковнаго имущества.

Предстояй, со тщаніемъ. Если ты предстоятель, веди дѣло предстоятельства со тщаніемъ. Апостолы гдѣ ни насаждали вѣру, вездѣ поставляли священниковъ, или и епископовъ съ рукоположеніемъ, чтобъ они управляли образовавшимся христіанскимъ обществомъ или церковію, во всемъ касающемся вѣры и спасенія. Были назначаемы предстоятели и для каждаго собранія вѣрующихъ. Храмовъ пока не было; собирались въ домахъ. Если общество вѣрующихъ было велико, то собирались не въ одномъ домѣ. Для каждаго такого собранія былъ особый предстоятель съ полною властію предстоятельства. Это было зачало многихъ приходовъ въ одномъ мѣстѣ жительства—городѣ, мѣстечкѣ или большемъ селѣ. Всякому такому предстоятелю, и большому и малому, заповѣдуетъ Апостолъ предстоять со тщаніемъ. Куда весть и направлять и какъ дѣйствовать, было извѣстно. Не лѣнись только, и все будетъ идти добрѣ. Это тоже, что

внушалъ св. Павелъ и св. Тимоѳею: *не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества* (1 Тим. 4, 14). „Не довольно быть начальникомъ, но надобно начальствовать съ раченіемъ и усердіемъ“ (Св. Злат.). „Тому, кто получилъ попечительное о братіяхъ настоятельство, надлежитъ вмѣстѣ съ властію воспріять и тщательную о нихъ заботу, чтобъ начальствуемые имъ преуспѣвали, и ему имѣть въ нихъ плодъ и для себя самого“ (Амвр.).

Милуяй, съ добрымъ изволеніемъ. Съ добрымъ изволеніемъ,—ἐν ἱλαρότητι,—что выразить вполнѣ слѣдуетъ такъ: съ радостнымъ сердцемъ и веселымъ лицемъ,—радушно. Но кто сей *милуяй?* Поелику онъ стоитъ въ ряду лицъ строящихъ и держащихъ порядки въ христіанскомъ обществѣ, то и подъ нимъ пригожѣе разумѣть какой-либо чинъ. Можетъ быть, это пекущійся о больныхъ. Онъ вмѣстѣ съ *подаваяй* и *утѣшаяй* залѣчивали всѣ раны вѣрующаго общества, кто пособіемъ, кто словомъ, кто попеченіемъ о здоровьѣ. И тѣмъ надо быть радушными, но паче ихъ ходящему за больными.

Но можетъ быть Апостолъ перечисленіе чиновъ церковныхъ и особыхъ дарованій для нихъ кончилъ предыдущимъ: *предстояй, со тщаніемъ*, а съ сего слова начинаетъ предписывать общія всѣмъ христіанамъ добродѣтели, поставляя на первомъ мѣстѣ радушную милостивость къ нуждающимся. Наши толковники разумѣютъ здѣсь общую добродѣтель милосердія. Св. Златоустъ говоритъ о сей добродѣтели пространно: „Мало оказывать милосердіе, но надобно дѣлать сіе нескудно и безъ скорби; или лучше сказать, не только безъ скорби, но еще съ веселымъ и радостнымъ духомъ. Ибо не одно и тоже не быть печальнымъ, и радоваться. Тоже самое съ великимъ тщаніемъ доказывалъ Павелъ и въ посланіи къ Ко-

ринѳянамъ. Ибо, побуждая ихъ къ щедрости, говорилъ: *сѣяй скудостію, скудостію пожнетъ; а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. 9, 6), и научая, съ какимъ расположеніемъ должно оказывать щедрость, присовокупилъ: *не отъ скудости, ни отъ нужды* (——7). Въ оказывающемъ милосердіе должно быть то и другое, и щедрость и веселое расположеніе. Для чего плачешь, подавая милостыню? Зачѣмъ тужишь, оказывая милосердіе, и чрезъ то лишаешься плода заслугъ своихъ? Ежели тужишь, то нѣтъ въ тебѣ милосердія; напротивъ ты жестокъ и безчеловѣченъ. Ежели самъ тужишь, то какъ можешь ободрить того, кто въ горѣ? Нелегко сдѣлать, чтобы въ немъ не родилось худаго подозрѣнія, когда подаешь ему и съ радостію; потому что человѣку кажется всего унизительнѣе принимать что нибудь отъ другаго. Ежели ты особенною веселостію своего расположенія не отвратишь подозрѣнія и не покажешь, что самъ одолжаешься больше, нежели одолжаешь; то скорѣе уронишь, чѣмъ возстановишь пріемлющаго. Посему Апостолъ говоритъ: *милуяй, съ добрымъ изволеніемъ*. Кто съ печальнымъ лицемъ получаетъ царскую власть? Кто остается съ потупленными взорами, получивъ прощеніе грѣховъ? Смотри не на трату денегъ, но на плоды сей траты. Ежели сѣятель радуется, хотя и на удачу сѣетъ; тѣмъ болѣе долженъ радоваться дѣлатель неба. Если и малое дашь съ радостію, дашь много. Равнымъ образомъ, если ты и много подалъ, но съ прискорбіемъ; то изъ многаго сдѣлалъ мало. Такъ двѣ лепты вдовицы превзошли многіе таланты, потому что ея расположеніе было не скудно. Скажешь: какъ можетъ подавать съ радушіемъ, кто самъ живетъ въ крайней бѣдности, у кого истощено все? Спроси вдовицу, у нея научишься, какъ это можно, и узнаешь, что не отъ бѣдности происходитъ душевное безпокойство, но что собственная воля производитъ какъ

сіе, такъ и все противное. Можно и въ бѣдности быть великодушнымъ, и при богатствѣ малодушествовать. Посему Апостолъ требуетъ при поданіи простоты, при милосердіи радушія, при начальствованіи раченія. Онъ желаетъ, чтобы мы помогали нуждающимся не только деньгами, но и словами, дѣлами, тѣлеснымъ трудомъ, и всѣмъ прочимъ. И сперва упомянувъ о главномъ родѣ вспоможенія,—ученіемъ, совѣтами,—которые тѣмъ нужнѣе, что служатъ пищею душѣ, потомъ уже переходитъ къ вспоможенію деньгами и всѣмъ прочимъ.“

Указавъ, какъ должны дѣйствовать лица, заправляющія дѣлами христіанскаго общества, пишетъ теперь Апостолъ—

бб)

Правила, какъ должны дѣйствовать всѣ другіе христіане.

Здѣсь онъ представляетъ перечень расположеній и дѣйствій, въ какихъ выражаться долженъ указанный въ началѣ духъ жизни о Христѣ Іисусѣ --въ каждомъ христіанинѣ (—9—21).

Ст. 9. *Любы нелицемѣрна: ненавидяще злаго, прилѣпляйтеся благому.*

Любовь нелицемѣрная должна составлять душу и всѣхъ предъ симъ показанныхъ дѣйствій, какъ изъясняетъ св. Златоустъ: „Апостолъ научая, какъ можно преуспѣвать въ тѣхъ добродѣтеляхъ, представляетъ матерь ихъ—любовь. Если будешь имѣть любовь, то не почувствуешь траты отъ денегъ, ни тѣлеснаго труда, ни тяжести при наученіи другихъ, ни пота при служеніи; напротивъ все перенесешь мужественно, потребуется ли помощь ближнему тѣлесными трудами, деньгами, словомъ, или инымъ чѣмъ.“ Но она должна составлять душу и всѣхъ христіанъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ, служа отличительною

чертою истиннаго христіанства, какъ самъ Господь указалъ: *о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ін. 13, 35). Сознаніе, что такъ должно быть, глубоко лежитъ въ сердцѣ христіанъ, и всѣ стараются являть себя и словомъ и дѣломъ любящими другихъ. Но какъ показываніе себя любящимъ не всегда исходитъ отъ любящаго сердца, то Апостолъ и приложилъ: любовь да будетъ нелицемѣрною, т.-е. не внѣшно только показывайте любовь, но, главное, въ сердцѣ ее питайте. Св. Златоустъ и говоритъ далѣе: „Какъ Апостолъ требуетъ не просто подаянія, но въ простотѣ, не просто начальствованія, но со тщаніемъ, не просто милостыни, но съ радушіемъ; такъ не просто же требуетъ онъ любви, но любви непритворной. Ибо такова истинная любовь; а если она такова, все прочее послѣдуетъ само собою.“

Апостолъ не заповѣдь любви предписываетъ: это у него есть общепризнанная истина. Но указываетъ качество любви, въ видѣ предостереженія отъ уклоненія къ неправости въ семъ главномъ дѣлѣ. Любовь печатлѣется въ сердцѣ вмѣстѣ съ принятіемъ возрожденія, которое созидается на разрушеніи самости, какъ въ другомъ мѣстѣ пишетъ Апостолъ: *любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ* (Рим. 5, 5). Но потомъ возможно, что самость опять прокрадется въ сердце, и оставляя на дѣлѣ внѣшнюю любезность, ослабитъ любовь сердца, или совсѣмъ изгонитъ ее оттуда и займетъ ея мѣсто. Тогда любовь хоть видна будетъ въ дѣлахъ, но будетъ уже лицемѣрная. Вотъ отъ сего и предостерегаетъ Апостолъ.

Ненавидяще злаго, прилѣпляйтеся благому. Подъ злымъ и благимъ не люди разумѣются, а злое и благое,—дѣло, слово, помышленіе, всякое зло и всякое добро. Что въ поведеніи христіанъ недолжно ничего быть худаго, укор-

наго и зазорнаго, а напротивъ они должны быть святы и непорочны во всемъ житіи своемъ, объ этомъ и говорить нечего. Но требуется не одно поведеніе, чуждое грѣха и полное добродѣтели, но сердце, съ ужасомъ отвращающееся отъ всего худаго и пламенно любящее все доброе. Какъ это не всегда бываетъ, то Апостолъ и напоминаетъ о семъ особою заповѣдію.—Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ велитъ не удерживаться только отъ зла, но ненавидѣть оное, и не просто ненавидѣть, но съ ужасомъ отвращаться отъ него. Поелику многіе, хоть не дѣлаютъ зла, но имѣютъ злыя пожеланія; то Апостолъ сказалъ: отвращайтесь съ ужасомъ. Онъ хочетъ, чтобъ наши помышленія были чисты, чтобъ мы объявили пороку явную вражду, ненависть и войну. Поелику я предписалъ вамъ, говоритъ Апостолъ, любить другъ друга; то не заключайте изъ моихъ словъ, что велю и въ худыхъ дѣлахъ содѣйствовать другъ другу. Я предписываю вамъ совершенно противное,—чуждаться зла не только дѣломъ, но и расположеніемъ; и не только чуждаться злыхъ расположеній, но и всячески отвращаться зла и ненавидѣть оное. И симъ еще не довольствуется Павелъ, но требуетъ упражненія въ добродѣтели, говоря: *прилѣпляйтеся благому*. Не сказалъ: дѣлайте добро, но—будьте привержены къ оному; ибо сіе выразилъ онъ, повелѣвъ прилѣпляться къ добру. Такъ Богъ, сопрягая мужа и жену, сказалъ: *прилѣпится къ женѣ своей* (Быт. 2, 24).“

Ст. 10. *Братолюбіемъ другъ ко другу любезни: честію другъ друга больша творяще.*

Любовь и взаимноуваженіе суть основныя расположенія, которыми заправляются и держатся христіанскія другъ къ другу отношенія. Гдѣ они въ силѣ, тамъ глубокій миръ и прочное благоденствіе. Любовь связуетъ,

а взаимноуваженіе отгоняетъ все пошлое изъ любовныхъ союзовъ, могущее какъ нибудь омрачить ихъ.

Братолюбіемъ другъ ко другу любезни. Какъ выше, такъ и здѣсь Апостолъ не заповѣдь любви пишетъ, а качество ея опредѣляетъ. Тамъ сказалъ, что она должна быть нелицемѣрна, искренняя; а здѣсь указываетъ, какъ она можетъ быть таковою, опредѣляя новыя ея качества, именно родственныя другъ къ другу чувства. Ибо *любезни,*— φιλόστοργοι,—указываетъ собственно на родственную любовь; а братолюбіе изъ круга родственной любви выбираетъ братскую. Мы и по естеству братья, но паче братья по духовной жизни: рождены единою благодатію Св. Духа о Христѣ Іисусѣ отъ единой матерней утробы—святой купели; напоены едиными водами благодатныхъ даровъ изъ единаго источника—муропомазанія; омываемся въ единой банѣ—въ слезныхъ водахъ таинства покаянія; питаемся единою нетлѣнною пищею отъ единой трапезы,—таинства Пречистаго Тѣла и Крови Господа. Въ комъ все сіе истинно и въ силѣ совершается, тѣ имѣютъ себя въ чувствахъ сердца братьями, безъ особыхъ предписаній и напоминаній. И однакоже Апостолъ напоминаетъ. Потому что въ жизни непрерывное теченіе разнообразныхъ случайностей, а около сердца (и въ возрожденныхъ) навязчивый рой чуждыхъ движеній затуманиваютъ свѣтлый ликъ братской любви и обезображиваютъ черты ея. Апостолъ разсѣиваетъ сей туманъ, твердя каждому изъ насъ: смотрите, вы—братья; относитесь же другъ къ другу какъ относятся кровные братья. „Имѣйте другъ къ другу горячую любовь и братьямъ приличную расположенность“ (Ѳеод.). „Вы братья, вы произошли изъ одной утробы (т.-е. купели крещенія, какъ у Ѳеофилакта стоитъ). Слѣдовательно симъ самымъ обязаны уже любить другъ друга. Любовь должна быть у васъ не только непритворная, но крѣпкая, горячая,

пламенная. Что пользы, если любишь, хотя искренно, однакоже безъ горячности? Посему и сказалъ Апостолъ: другъ другу любезни,—φιλόστοργοι, т.-е любите горячо. Не дожидайся, чтобы другой обнаружилъ къ тебѣ любовь; но бѣги къ нему самъ и начни первый. Тогда ты пріобрѣтешь награду и за его любовь“ (Св. Злат.).

Честію другъ друга больша творяще. Προηγούμενοι ἀλλήλους, предпочитая другъ друга, ставя другаго выше себя, достойнѣе, совершеннѣе, почетнѣе,—держась всегда въ отношеніи другихъ послѣднѣйшей, смиреннѣйшей части. „Показавъ причину, по которой обязаны мы любить другъ друга, Апостолъ объясняетъ, какъ любовь наша можетъ сдѣлаться непоколебимою. Посему присовокупляетъ: *честію другъ друга больша творяще*. Ибо чрезъ сіе любовь раждается и поддерживается. Ничто не пріобрѣтаетъ намъ столько друзей, какъ стараніе превзойти ближняго почтительностію. Отъ сего возрастаетъ не только любовь, но и почтеніе. Какъ любовь отъ почтенія, такъ равно почтеніе отъ любви“ (Св. Злат.). Есть великіе христіане, которые умѣютъ почитать всѣхъ выше себя, несмотря даже на явные недостатки иныхъ,—и это не по видимости только, но въ чувствѣ сердца. Такова имъ благодать Божія. Совершенству отдавать почтеніе ничего нѣтъ мудренаго; но предпочитать менѣе совершеннаго или даже имѣющаго явные недостатки и непочтительные пороки—это выходитъ изъ естественнаго порядка и есть прямое дѣло благодати Божіей. И благодать Божія не вдругъ совершаетъ такое расположеніе высокое. Необходимъ навыкъ и самопринужденіе съ самопротивленіемъ. Въ самомъ зародышѣ благодатной жизни полагается чувство сокрушенія и самоуничиженнаго смиренія. Растетъ жизнь, растетъ и сіе чувство. Но чѣмъ болѣе оно углубляется, тѣмъ выше становятся въ глазахъ сего преуспѣвающаго всѣ другіе. Онъ видитъ въ нихъ

образъ Божій, Христа Господа въ нихъ обитающаго, и надъ главою ихъ вѣнецъ царствія имъ уготованный. Недостатки и паденія ихъ, по его мысли, шагъ впередъ, какъ у Ап. Петра. Нынѣ отстали немного,--завтра всѣхъ упредятъ: силенъ бо есть Богъ даровать имъ сіе. Великая при семъ премудрость—всегда держать ликъ всякаго ближняго не запятнаннымъ или лишь случайно забрызганнымъ. Опыты жизни желающаго и ревнующаго о совершенствѣ всему научатъ.

Ст. 11. *Тщаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеви работающе.*

Внушаетъ, какова должна быть ревность наша о Богоугожденіи и спасеніи. Идетъ и тотъ, кто съ ноги на ногу переваливаетъ, но явно показываетъ, что у него душа не лежитъ къ тому, куда и для чего онъ идетъ. У кого душа въ дѣлѣ дѣлаемомъ, тотъ быстродвиженъ, не жалѣетъ силъ, весь въ напряженіи. Такую энергію подрываетъ лѣность — одна изъ главныхъ страстей, злодѣйствующихъ въ человѣкѣ. Ее и изгоняетъ Апостолъ, заповѣдуя быть нелѣнивыми. Быть нелѣнивымъ значитъ усердствовать къ дѣлу, быстро и усиленно дѣйствовать. Но не одну быстродвижность внушаетъ Апостолъ, а вмѣстѣ и тщаніе о дѣлѣ. Иной и быстро дѣйствуетъ, но безъ всякаго вниманія къ дѣлу, спѣшитъ, чтобъ поскорѣе дѣло съ рукъ свалить, и оно дѣлается кое-какъ. Это другая сторона лѣности, ничего не дѣлающей. Противъ этого Апостолъ велитъ дѣлать дѣла свои со всѣмъ тщаніемъ, со всѣмъ вниманіемъ къ дѣлу, всячески заботясь, чтобъ дѣло выходило вполнѣ совершенное, такое, какимъ должно ему быть. Какъ премудро соединилъ Апостолъ слова: *тщаніемъ не лѣниви!* Чтобъ кто не вздумалъ оправдывать своей медлительности тщаніемъ, говоря: надобно же дѣло сдѣлать какъ слѣдуетъ, онъ заповѣдуетъ быть при тщаніи не лѣнивыми. А чтобы кто по тойже

лѣности не сталъ спѣшить дѣломъ, стараясь поскорѣе отдѣлаться, сдѣлавши дѣло кое-какъ, онъ при нелѣни вости заповѣдуетъ быть тщательными. Съ той и другой стороны ограждаетъ правую энергичность.

Но какой предметъ нелѣностнаго тщанія? Если поставить слова сіи въ связь съ предыдущимъ, то это будутъ дѣла любви къ ближнимъ. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „такъ какъ многіе, по видимому, душевно почитаютъ и любятъ другъ друга, но руки къ нимъ не простираютъ; то Апостолъ научаетъ заботиться другъ о другѣ и самымъ дѣломъ помогать другимъ.“ Эту рѣчь заимствовалъ онъ у Св. Златоуста, который пространнѣе говоритъ въ томъ-же смыслѣ: „Апостолъ требуетъ отъ насъ не одной почтительности, но чего-то еще большаго, говоря: *тщаніемъ не лѣниви*. И сіе раждаетъ любовь, когда при почтительности оказываетъ услуги. Ибо ничто такъ не заставляетъ любить, какъ почтеніе и почтительность. Не довольно любить, но нужно имѣть и сіе, или лучше сказать, какъ это происходитъ отъ любви, такъ и любовь дѣлается отъ сего горячѣе; одно подкрѣпляетъ другое. Многіе, хотя сердечно другъ друга любятъ, однакоже не подадутъ другъ другу помощи. Посему Апостолъ отвсюду подкрѣпляетъ любовь.“—Такъ и Экуменій.

Но ничто не препятствуетъ предметомъ нелѣностнаго тщанія признать вообще дѣятельность въ духѣ вѣры, все доброе, богоугодное и спасительное, куда войдутъ и дѣла любви къ братіямъ. Ибо нелѣностная тщательность требуется не въ этихъ только дѣлахъ, но вообще во всѣхъ дѣлахъ христіанина, которыя исключительно должны быть направляемы на угожденіе Богу и представляемы Ему, какъ служеніе Ему. Амвросіастъ и пишетъ: „Въ словахъ: *тщаніемъ не лѣниви*, то же говорится, что говоритъ Пророкъ Іеремія: *проклятъ всякъ творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ* (—48, 10). Лѣнивый въ

дѣлахъ Богоугожденія есть безъ надежды (ни теперь дерзновенія къ Богу не имѣетъ, ни въ будущемъ ничего свѣтлаго ожидать не можетъ)." Такъ понимаетъ и Бл. Θеодоритъ: „будьте, говоритъ Апостолъ, *тщаніемъ не лѣниви,* показывая живое усердіе къ хорошему и совершенно избѣгая лѣности."

Духомъ горяще,—т.-е. будьте горящи духомъ. Указываетъ источникъ нелѣностной тщательности. Кто горитъ духомъ, у того и всѣ дѣла горятъ въ рукахъ, т.-е. скоро и хорошо дѣлаются; потому что дѣлаются со всѣмъ усердіемъ и ревностію. „Замѣть, говоритъ св. Златоустъ, что Апостолъ во всемъ требуетъ усиленія. Онъ сказалъ: не только подавайте,—но неоскудно; не только начальствуйте, но съ раченіемъ; не только совершайте дѣла милосердія, но съ радостію; не только будьте почтительны, но предупреждайте въ почтеніи другихъ; не только любите, но любите непритворно; не только удерживайтесь отъ зла, но ненавидьте оное; не только держитесь добраго, но прилѣпляйтесь къ оному; не только будьте дружелюбны, но съ нѣжностію; не только будьте тщательны, но неослабно; не только имѣйте духъ, но пламенѣйте духомъ, т.-е. будьте усердны и ревностны."

Духомъ называется та сила или та сторона нашей внутренней жизни, которая обращена къ Богу, добродѣтели, небу и вѣчности. Въ паденіи она ослабла и подавлена; но когда приходитъ благодать, оживляетъ ее, и человѣкъ начинаетъ ревновать о Божескомъ, святомъ, неземномъ. Горѣть духомъ значитъ ревновать пламенно о Богоугожденіи, спасеніи и стяжаніи царства небеснаго. И душа ревнуетъ, но лишь по устроенію земнаго быта; а къ духовному она холодна. И весь человѣкъ бываетъ къ сему холоденъ, пока въ немъ преобладаетъ душевная сторона. А когда духъ пробудится благодатію, тогда онъ не только дѣлаетъ духовное ревностно, но и

все душевное, тѣлесное, семейное и гражданское туда же направляетъ и одухотворяетъ.

Мы всѣ пріяли благодать въ крещеніи и мѵропомазаніи. Потому слѣдовало бы намъ горѣть духомъ, который оживляется благодатію Св. Духа. Отчего же не можемъ сказать, что горимъ духомъ?—Отъ того, что занимаемся болѣе или исключительно душевнымъ, житейскимъ, гражданскимъ; духъ и заглохъ, хотя и даетъ знать о себѣ. Чтобъ разжечь духъ, надо сознать неудовлетворительность направленія нашей дѣятельности, наипаче къ земному и житейскому,—углубляться размышленіемъ въ созерцаніе Божескаго, святаго, небеснаго и вѣчнаго,—а главное—начать ходить въ дѣлахъ, духовными именуемыхъ. И загорится духъ: ибо всѣмъ симъ возгрѣется даръ благодати, живущій въ насъ. Такъ толкуютъ святые отцы и учители наши. Св. Златоустъ, перечисливъ, какъ выше приведено, роды усиленной дѣятельности, прибавляетъ за тѣмъ: „Если будешь имѣть все теперь исчисленное, то привлечешь Духа. А если пребудетъ въ тебѣ Духъ, то содѣлаетъ тебя рачительнымъ ко всему исчисленному. Когда же воспламененъ будешь Духомъ и любовію, тогда все сдѣлается для тебя легкимъ. Ужели ты не видывалъ, сколько ужасенъ для всѣхъ волъ, когда у него на хребтѣ зажженъ огонь? Такъ и ты сдѣлаешься нестерпимымъ для діавола, если возмешь оба сіи пламенника (т.-е. благодать Духа и любовь).“ Амвросіастъ пишетъ: „Горѣть духомъ значитъ не быть въ дѣлѣ Божіемъ ни теплымъ, ни холоднымъ, о каковомъ состояніи говоритъ въ Апокалипсисѣ св. Іоаннъ: *яко обуморенъ еси, и ни теплъ, ни студенъ, изблевати тя отъ устъ моихъ имамъ* (Апок. 3, 16). Если хочешь избѣжать сего, размышляй о божественныхъ вещахъ. Всегдашнее о семъ размышленіе гонитъ усыпленіе и сообщаетъ живодѣйственную бодренность.“—Полнѣе о семъ слово Бл.

Θеодорита: „Духомъ Апостолъ назвалъ дарованіе (благодати, возбуждающей духъ нашъ), и повелѣлъ, чтобы усердіе наше доставляло ему пищу, какъ дрова—огню (разумѣются, — размышленіе о Божественномъ и духовныя дѣла). Тоже говоритъ онъ и въ другомъ мѣстѣ: *духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19). Угашается же духъ недостойными благодати; потому что, не имѣя чистаго ока ума, не пріемлютъ онаго луча. Такъ и для слѣпотствующихъ тѣлесно тьмою бываетъ и свѣтъ, и среди дня служатъ они мраку. Посему Апостолъ повелѣваетъ намъ горѣть духомъ и имѣть горячую любовь къ Божественному.“

Господеви работающе, т.-е. будьте Господни работники, на Господа работайте, а не на кого-либо другаго, ни на себя, ни на міръ. Съ сего слова, и во весь слѣдующій стихъ, Апостолъ опредѣляетъ направленіе горящаго духа. Первое у него въ сознаніи и стремленіи есть Господь, живый союзъ съ Нимъ и всяческое угожденіе Ему, и невыступленіе изъ Его воли ни въ маломъ, ни въ великомъ, ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ, ни въ мысли. Духъ по естеству своему божественъ; почему, когда пробуждается, къ Богу устремляется, къ Богу прилѣпляется, Богомъ живетъ и жить хочетъ. Въ вѣрѣ Христовой у человѣка къ сему присоединяется сознаніе, что купленъ безцѣнною цѣною крови Господней, а съ этимъ сознаніемъ неразрывно связано чувство обязательства неустанно работать Купившему, и Ему только единому. Почему онъ все къ сей работѣ и направляетъ, даже *аще ястъ или піетъ* (1 Кор. 10, 31), помня внушеніе Апостола: *куплени есте цѣною. Прославите убо Бога въ тѣлесѣхъ вашихъ и въ душахъ вашихъ, яже суть Божія* (1 Кор. 6, 20). По этому признаку всякій можетъ непогрѣшительно опредѣлять, ожилъ ли и живетъ ли въ немъ духъ его: если онъ съ ревностію направляетъ всю свою дѣятельность къ Господу, значитъ живетъ духъ его; если нѣтъ—

не живетъ. И надо слѣдовательно позаботиться оживить его: средства у всѣхъ подъ руками.

Ст. 12. *Упованіемъ радующеся, скорби терпяще, въ молитвахъ пребывающе.*

Вотъ признаки горѣнія духа! „Кто горитъ духомъ, тотъ усердно работаетъ Владыкѣ, ожидаетъ наслажденія уповаемыми благами и преодолѣваетъ встрѣчающіяся искушенія, приражѣніямъ ихъ противопоставляя терпѣніе, и непрестанно призывая на помощь Божественную благодать“ (Бл. Θеод.). „Все сіе служитъ къ поддержанію онаго огня (т.-е. горѣнія духа)“ (Св. Злат.).

Упованіемъ радующеся. Съ первой минуты пробужденія духа благодатію, сознаніе и стремленіе человѣка переходятъ отъ твари къ Богу, отъ земнаго къ небесному, отъ временнаго къ вѣчному. Тамъ, въ той области, сокровище его, тамъ и сердце его. Здѣсь ничего онъ не ждетъ, всѣ надежды его объ-ону сторону. Отпадаетъ сердце его отъ здѣшняго, ничто изъ сего не влечетъ его, ничего здѣсь не ждетъ онъ, ничѣмъ не радуется. Радуется будущимъ благамъ, которыми несомнѣнно чаетъ обладать. Сіе преселеніе благъ и надеждъ сердца есть существенная черта пробужденнаго и горящаго духа. Оно дѣлаетъ человѣка существенно странникомъ на землѣ, взыскующимъ отечества, Іерусалима небеснаго. Всѣ христіане, какъ облагодатствованные, должны быть таковы. Почему Апостолъ всѣмъ предписываетъ и въ другомъ мѣстѣ: *Аще воскреснусте со Христомъ* (т.-е. если ожили вы духомъ благодатію Христовою), *вышнихъ ищите, идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя: горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо* (т.-е. умерли для всего земнаго, тварнаго, временнаго), *и животъ вашъ сокровенъ есть со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 3, 1—3).

Что Апостолъ говоритъ: радуйтесь упованіемъ, этимъ внушаетъ несомнѣнность полученія благъ уповаемыхъ.

Хотя они еще въ будущемъ, но несомнѣнно наши. Потому, считая ихъ своими уже, можемъ радоваться. И потому такъ онъ могъ сказать, чтобъ поддержать ревность къ добродѣланію, къ которой обязалъ предъ симъ. Много трудовъ онъ назначилъ; но какъ трудъ поддерживается плодами труда, а на землѣ добродѣланіе ничего не должно ожидать, то и вперяетъ наше вниманіе въ созерцаніе будущихъ отъ того благъ, могущее всякій трудъ сдѣлать незамѣчаемымъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Какъ Апостолъ требовалъ денежныхъ издержекъ, тѣлесныхъ трудовъ, покровительства, раченія, ученія и другихъ подвиговъ, то сверхъ любви и духа умащаетъ еще подвижника надеждою. Ибо добрая надежда всего болѣе дѣлаетъ душу мужественною и на все готовою.“

Скорби терпяще, — будьте въ скорби терпѣливы. И прискорбность, и терпѣніе суть неотъемлемыя принадлежности духа горящаго или возбужденнаго. Возбужденный благодатію духъ встрѣчаетъ неизбѣжно противленіе и въ самомъ человѣкѣ, и въ порядкахъ текущей вокругъ жизни. Противленіе раждаетъ нападки; нападки причиняютъ скорбь. Почему Спаситель сказалъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Ін. 16, 33). *Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы: якоже отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ* (Ін. 15, 19). Прискорбность — неизбѣжный спутникъ живущихъ по духу.—И было, и бываетъ, и будетъ всегда такъ.

И терпѣніе въ истинномъ своемъ видѣ,—благодушное, ничѣмъ *отъ сопротивныхъ не колеблющееся* (Фил. 1, 28), имѣетъ мѣсто только въ тѣхъ, у коихъ въ силѣ облагодатствованный духъ. Гдѣ нѣтъ этого, тамъ качествуетъ саможалѣніе, не любящее ничего прискорбнаго и не могущее мириться съ нимъ. Отъ того тамъ прискорбное несутъ, но терпѣнія не имѣютъ, а лишь страдаютъ, ропщутъ, осуждаютъ всѣхъ и все и горятъ местію. Кто ду-

хомъ горитъ, тотъ себя не жалѣетъ, и съ первой минуты пробужденія его опредѣляетъ себя на все скорбное, даже до смерти; почему встрѣчаетъ прискорбности не какъ нѣчто чуждое (1 Петр. 4, 12), а какъ естественное и ожидаемое. Самое же благодушіе при семъ исходитъ у него отъ того, что онъ есть упованіемъ радующійся. Переселился онъ надеждами своими въ иной міръ, въ семъ же мірѣ никакой надежды не имѣетъ; почему въ безнадежномъ положеніи находящимся никогда себя не чувствуетъ.

Въ молитвахъ пребывающе. Какъ дыханіе—тѣлу, такъ молитва естественна духу. Почему какъ только оживаетъ онъ благодатію, начинаетъ воздыхать молитвенно, и дышетъ такъ непрестанно. Естество его таково, что онъ Бога ищетъ, и на Божіей десницѣ почиваетъ преданностію. Все же сіе суть стихіи молитвы. Почему онъ и есть пребывающъ въ молитвѣ, когда оживаетъ и горѣть начинаетъ. Верхъ совершенства въ семъ дѣлѣ указалъ Апостолъ, когда сказалъ о духѣ, въ коемъ живетъ Духъ Святый: *самый Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными* (Рим. 8, 26). Въ псалмахъ такъ изображаются воздыханія духа. *Тебѣ рече сердце мое: Господа взыщу, взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу* (—26, 8). *Возжада Тебе душа моя* (—62, 2),—*когда пріидеши ко мнѣ?* (—100, 2). *Въ кровѣ крылу Твоею возрадуюся. Прилпе душа моя по Тебѣ: мене же пріятъ десница Твоя* (—62, 9). *Исповѣмся имени Твоему, яко благо, яко отъ всякія печали избавилъ мя еси* (—53, 8). *Очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнетъ отъ сѣти нозѣ мои* (—24, 13). *Къ Тебѣ возведохъ очи мои, живущему на небеси. Се яко очи рабъ въ руку господій своихъ, яко очи рабыни въ руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему, дондеже ущедритъ ны* (—122, 1. 2). Но и то не чуждо внушенія Апостола въ семъ мѣстѣ, чтобы не опускать общихъ молитвъ, а всегда бы-

вать на нихъ. Ибо сказалъ: не въ молитвѣ, непрестанно въ духѣ дѣйствующей, а—въ молитвахъ, кои бываютъ въ свои времена, и бываютъ разнообразны.—Всякій разъ, какъ бываетъ общая молитва, спѣши на нее. И то еще можетъ значить слово Апостола: чаще становись на молитву дома. Какъ только возможность есть, становись и молись. Такъ будешь пребывать въ молитвахъ.

Ст. 13. *Требованіемъ святыхъ пріобщающеся, страннолюбія держащеся.*

Изобразивъ горящій духъ съ его отличительными чертами или неотъемлемыми его свойствами, обращается Апостолъ къ дѣятельному его проявленію, чѣмъ онъ занятъ бываетъ и какія дѣла творитъ. Предъ симъ изображеніемъ горящаго духа сказавъ: *братолюбіемъ другъ ко другу любезни*, въ изображеніи его указалъ силу, изъ коей исходитъ братолюбіе; а теперь обозначаетъ дѣла, въ коихъ выражается братолюбіе, движимое силою горящаго духа. Горящій духъ Богу лишь угождать ревнуетъ. Но поелику самъ Богъ сказалъ, что никто Ему не можетъ угодить безъ благотворенія братіямъ, то онъ ревность свою и обращаетъ преимущественно на это. Святыми, какъ вездѣ, такъ и здѣсь называетъ Апостолъ христіанъ. „Учитъ о милостынѣ къ вѣрнымъ; ибо ихъ называетъ святыми“ (Θеоф.). *Требованіями* ихъ называетъ потребности и нужды, пищу, питіе, одежду, кровъ. Пріобщаться симъ нуждамъ святыхъ, когда кто изъ нихъ имѣетъ ихъ, есть имѣть часть въ удовлетвореніи ихъ. „Не сказалъ: пріобщайтесь большимъ издержкамъ ихъ, но — *требованіемъ* ихъ, — чтобъ удовлетворить нуждамъ святыхъ“ (Θеоф.). Словомъ — *пріобщайтеся,*—общитеся,—указывается на нѣкую при семъ взаимность, т.-е. что при семъ одно дается, а другое получается. Помогающіе имъ даютъ вещественное, чѣмъ сами богаты; а отъ нихъ получаютъ духовное, чѣмъ тѣ богаты,—мо-

литвы. Эта взаимность может служить и побужденіемъ къ помоганію. Такъ пишетъ бл. Ѳеодоритъ: „Напоминаніемъ общенія убѣждаетъ къ щедрости. Ибо кто не согласится отдать деньги и содѣлаться общникомъ преспѣяній (т.-е. того, въ чемъ преуспѣваютъ и въ чемъ богаты святые)? Сіе сказалъ Апостолъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ: *ваше избыточествіе во онѣхъ лишеніе: да и онѣхъ избытокъ будетъ въ ваше лишеніе* (2 Кор. 8, 14).“ Св. Златоустъ указываетъ и то, что именно получается при семъ отъ святыхъ. „Не сказалъ: помогайте святымъ въ нуждахъ, но—пріобщайтеся ихъ нуждамъ, показывая тѣмъ, что помогающіе болѣе получаютъ, нежели даютъ, что вспоможеніе есть и купля, такъ какъ оно есть общеніе. Ты даешь деньги, а они даютъ тебѣ дерзновеніе предъ Богомъ (т.-е. у помогающаго молитва, спомоществуемая молитвою святыхъ къ Богу, дерзновеннѣе и доступнѣе).“—Въ другомъ мѣстѣ (подъ 11-мъ стихомъ) св. Златоустъ говоритъ о семъ такъ: „что дѣлаешь для брата, то Владыка твой относитъ къ Себѣ, и какъбы Самъ получивъ отъ тебя благодѣяніе, вознаграждаетъ тебѣ за то.“ Благотворя входишь въ часть Божію. Избавлять святыхъ отъ нуждъ есть Божіе дѣло, Божій трудъ. Удовлетворяя симъ нуждамъ, ты входишь въ часть труда съ Богомъ. Такъ Богъ и пріемлетъ сіе, и вознагражденіе за то готовитъ.

Страннолюбія держащеся—διώκοντες,—гоняще, усиленно заботясь о немъ, и всячески стараясь не пропустить къ тому случая. „Странными Апостолъ называетъ святыхъ, пришедшихъ откуда-либо изъ другаго мѣста, и имѣющихъ нужду въ услуженіи; о нихъ-то и повелѣваетъ прилагать попеченіе“ (Ѳеод.).—Тогда многіе были лишаемы своего крова и изгоняемы изъ своихъ городовъ и селъ. Почему и вынуждены бывали искать крова въ другихъ мѣстахъ. Тогда новсемѣстнымъ среди христіанъ

дѣломъ было упокоеніе странныхъ. Убѣждая гнаться за страннолюбіемъ, Апостолъ внушаетъ какъбы отбивать у другихъ являющихся странниковъ, по ревности упокоевать ихъ.—Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ Апостолъ: будьте страннопріимны, но преслѣдуйте страннопріимство, научая насъ, чтобы мы не дожидались, когда нуждающіеся (въ кровѣ и покоѣ) придутъ къ намъ, но сами бѣжали къ нимъ и догоняли ихъ. Такъ поступалъ Лотъ, такъ поступалъ Авраамъ. Цѣлый день провелъ онъ, выжидая сего прекраснаго лова, и увидѣвъ, вскочилъ, побѣжалъ на встрѣчу, поклонился до земли и сказалъ: *Господи, аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою. не мини раба Твоего* (Быт. 18, 3). Онъ не подражалъ намъ, которые какъ скоро увидимъ странника или нищаго, поднимаемъ брови и не хотимъ удостоить его даже словомъ. А если, тронувшись тысячею просьбъ. велимъ кому изъ слугъ подать небольшую монету, то думаемъ, что съ нашей стороны выполнено все должное. Не такъ поступалъ Авраамъ: онъ представлялъ изъ себя просителя и слугу, хотя не зналъ, кого приметъ у себя. А мы совершенно знаемъ, что принимаемъ у себя Христа; однакожъ не становимся отъ того снисходительными. Авраамъ зоветъ, проситъ, кланяется; а мы оскорбляемъ приходящихъ къ намъ. Авраамъ все исправляетъ самъ съ женою; а мы не хотимъ заставить слугъ. Особенно заслуживаетъ онъ удивленіе тѣмъ, что показалъ щедрость и усердіе не зная, кто были пришедшіе къ нему. Такъ и ты не любопытствуй; потому что принимаешь для Христа. Принимающій и недостойнаго не дѣлается виновнымъ, но имѣетъ свою награду. *Ибо пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ* (Мѳ. 10, 71). Итакъ не любопытствуй о жизни и дѣлахъ; за одинъ кусокъ хлѣба подвергать испытанію цѣлую жизнь, показываетъ крайнюю неразборчивость.“

Ст. 14. *Благословляйте гонящія вы; благословите, а не кляните.*

Не вращаніе языка разумѣетъ Апостолъ, заповѣдуя не клясть, а благословлять, но чувства сердца. Можно благословлять безъ благожеланій: можно не клясть языкомъ, питая въ сердцѣ непріязнь, месть, зложелательство и клятьбу: чтобъ тебѣ то-то было, чтобъ съ тобою то и то случилось. Апостолъ требуетъ, чтобъ къ гонителямъ не только ничего не имѣть непріязненнаго, но напротивъ питать доброжелательное расположеніе, какъ къ благодѣтелямъ и друзьямъ. Какъ это возможно? Возможно, когда кто живетъ духомъ, возбужденнымъ и горящимъ подъ воздѣйствіемъ благодати Божіей, въ немъ обитающей. Перешедши сознаніемъ и произволеніемъ на сію сторону духа, христіанинъ ничего уже не имѣетъ на землѣ, а переселяется сердцемъ, помыслами и надеждами въ иной міръ. Тамъ его блага. тамошнимъ онъ занятъ; земное же все не занимаетъ и не тревожитъ его. Отрѣзанъ онъ отъ здѣшняго, и оцѣниваетъ его по отношенію его къ тамошнему. Что способствуетъ къ стяжанію, умноженію и сохраненію тамошнихъ благъ, то имѣетъ онъ благомъ, а что противное сему имѣетъ дѣйствіе, то—зломъ. И это не языкомъ и мыслію, а въ глубинѣ сердца, всѣмъ чувствомъ. Вслѣдствіе сего у него блага міра—зло, а зло его—благо. Такъ и въ гоненіяхъ не зло видитъ онъ и чувствуетъ, а благо; почему благословляетъ гонящихъ, какъ благодѣтелей. Зачѣмъ же напоминаетъ о семъ Апостолъ, когда и безъ того естественно сему быть на сердцѣ у живущихъ духомъ облагодатствованнымъ, каковы всѣ истинно вѣрующіе, таинствами освященные? Затѣмъ, что внутрь насъ всегда есть подлѣ высшей духовной стороны сторона низшая, душевная, которой природа есть устроять земное благополучіе. Пока сія сторона не пересоздана

духомъ, не одухотворена и не перенесена вмѣстѣ съ духомъ въ иной міръ, дотолѣ она не перестаетъ предъявлять требованій своихъ. По ея требованіямъ, когда гонятъ, надо защищаться, отмщать, доказывать, что намъ нельзя причинить никакой напраслины ненаказанно: иначе и жить на землѣ нельзя. Кто приметъ къ сердцу такія предъявленія, тому нельзя будетъ благословлять гонящихъ. Но какъ это есть неотложное требованіе жизни во Христѣ Іисусѣ, то Апостолъ и напоминаетъ: смотрите, не допускайте до сердца непріязненныхъ къ гонителямъ самостныхъ чувствъ, а держитесь того, что требуетъ духъ Христовъ: *благословите, а не кляните*.

Пространно о семъ толкуетъ Св. Златоустъ: „Не сказалъ Апостолъ: не помните обидъ, не мстите; но требовалъ гораздо большаго. Первое исполняетъ и человѣкъ любомудрый; а то, чего требуетъ Апостолъ, есть дѣло ангельское.—Гонители суть приставники для раздачи намъ наградъ. А если будешь бодрствовать, то сверхъ этой награды самъ пріобрѣтешь себѣ другую. Онъ доставитъ тебѣ награду за то, что ты гонимъ; а самъ пріобрѣтешь за то, что благословляешь гонителя; ибо сіе служитъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ любви твоей ко Христу. Какъ проклинающій гонителя показываетъ, что не съ большою радостію терпитъ гоненія за Христа; такъ благословляющій обнаруживаетъ тѣмъ сильную любовь. Итакъ, не укоряй гонителя, дабы тебѣ самому получить большую награду, а его вразумить, что терпишь по усердію, а не по нуждѣ,—что это составляетъ для тебя торжество и веселіе, а не бѣдствіе и горесть. Посему и Христосъ сказалъ: *радуйтеся, егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще* (Мѳ. 5, 11. 12). Посему и Апостолы возвратились изъ синедріона радуясь, что не только ихъ злословили, но и били. Сверхъ того пріобрѣтешь и дру-

гую немаловажную выгоду: ты приведешь въ изумленіе противниковъ и вразумишь ихъ своими дѣлами, что ты готовишься къ другой жизни. Какъ скоро заслышитъ твой гонитель, что ты съ радостію и охотою терпишь зло, то самымъ опытомъ увѣрится, что у тебя есть иныя надежды, превосходящія все настоящее. А если станешь вести себя иначе, будешь плакать и жаловаться; изъ чего узнать ему, что ты ожидаешь другой жизни? Кромѣ сего, тебѣ представляется еще новый успѣхъ. Когда гонитель увидитъ, что ты не оскорбляешься обидами, но еще благословляешь обидѣвшаго; перестанетъ тебя безпокоить. И такъ вотъ сколько происходитъ отсюда добра! Награда твоя увеличивается, искушеніе уменьшается, гонитель прекращаетъ гоненія, Богъ прославляется, любомудріе твое обращается для заблуждающагося въ урокъ, руководствующій ко благочестію. Посему оскорбляющимъ не только словомъ, но и дѣломъ, даже гонителямъ Апостолъ повелѣлъ воздавать противнымъ. И сначала заповѣдуетъ благословлять ихъ; въ послѣдствіи же (ст. 20. 21) убѣждаетъ оказывать имъ благодѣянія.“

Ст. 15. *Радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими*.

Таковъ законъ любви, что любящіе себя взаимно живутъ одинъ въ другомъ; потому, что бываетъ съ однимъ, другой принимаетъ это такъ, какъбы оно случилось съ нимъ самимъ. И радуется съ радующимися, и плачетъ съ плачущимъ. Состраданіе естественно намъ, и глубоко чувствуется; но сорадованіе не такъ обычно, рѣже встрѣчается и поверхностнѣе проявляется. Это оттого, что состраданіе можетъ не проявиться только въ отношеніи къ обидѣвшимъ. Въ этомъ случаѣ живетъ въ душѣ желаніе отмщенія. Прискорбность, посѣтившая обидѣвшаго, удовлетворяетъ это желаніе, и вмѣсто состраданія отзывается злорадствомъ. Но какъ обиды въ общежитіи не

повсюдны; то сострадание рѣдко встрѣчаетъ препоны къ своему проявленію. Напротивъ, сорадованіе предполагаетъ предпочтеніе благобытія другихъ своему благобытію, тогда какъ, въ естественномъ порядкѣ, качествующее въ сердцѣ самолюбіе заставляетъ и мудрствовать, и чувствовать противно сему. Благобытіе другаго прямо оскорбляетъ самость, которая вмѣсто сорадованія томитъ завистію. Такъ бываетъ въ естественномъ порядкѣ жизни. Но когда благодать приходитъ и оживляетъ духъ, тогда вмѣстѣ съ возгорѣніемъ его возраждается и безкорыстная любовь къ братіямъ; однако не вдругъ обнимаетъ все существо, а восходитъ до пламени чрезъ борьбу съ самостію. Мѣра подавленія самости бываетъ мѣрою возвышенія любви. Когда та совсѣмъ истниваетъ,— сія пламенемъ начинаетъ горѣть. И тогда сорадованіе и соскорбѣніе проявляются во всей силѣ. До того же они выдерживаются искренно не иначе, какъ чрезъ борьбу. И сія борьба, т.-е. самопобѣдительное, наперекоръ себѣ, возбужденіе и удерживаніе въ силѣ чувствъ сорадованія и сострадания служитъ наилучшимъ средствомъ къ преуспѣянію въ любви и возвышенію ея до должной степени.

Св. Златоустъ и эти чувства пространно истолковываетъ: „Апостолъ хочетъ, чтобы мы были согрѣты дружелюбіемъ. Посему присовокупилъ, что должно соболѣзновать и сострадать, когда видимъ, что ближніе впали въ несчастіе.—Согласенъ, скажешь; но ежели Апостолъ имѣлъ причину предписать, чтобы мы скорбѣли съ плачущими; то для чего далъ онъ другое повелѣніе (радоваться съ радующимися), въ которомъ, кажется, никакой нѣтъ нужды?—Напротивъ для того, чтобы радоваться съ радующимися, душѣ нужно болѣе любомудрія, нежели для того, чтобы плакать съ плачущими. Къ послѣднему влечетъ насъ сама природа; и нѣтъ такого каменнаго че-

ловѣка, который бы не плакалъ при видѣ несчастнаго. Но чтобы, видя человѣка въ благополучіи, не только не завидовать, но еще раздѣлять съ нимъ радость, на сіе потребна душа очень благородная. Посему Апостолъ и сказалъ о семъ напередъ.—Всего болѣе располагаетъ насъ къ любви, когда раздѣляемъ другъ съ другомъ и радости, и печали. Итакъ, не чуждайся состраданія, потому что бѣды отъ тебя далеко. Когда твой ближній терпитъ зло, ты долженъ несчастіе его считать какъбы своимъ. Раздѣляй съ нимъ слезы, чтобы облегчить печаль его; раздѣляй радости, чтобы веселіе было прочнѣе, любовь неразрывнѣе, чтобы не одинъ ближній, но и самъ ты получилъ пользу, когда, плача съ нимъ, пріобучишься къ милосердію, и радуясь съ нимъ, прогонишь зависть и недоброжелательство. Смотри же, какъ необременительна заповѣдь Павлова! Не сказалъ онъ: избавь отъ бѣды; тогда могъ бы ты возразить, что сіе во многихъ случаяхъ невозможно. Напротивъ, Апостолъ предписалъ легчайшее, что совершенно въ твоей волѣ. Если не можешь отвратить несчастія, проливай слезы, и тѣмъ весьма уменьшишь оное. Если не можешь увеличить благополучія, присовокупи свою радость, и тѣмъ много придашь оному. Итакъ, Апостолъ повелѣваетъ не только не завидовать, но гораздо важнѣе, радоваться вмѣстѣ съ ближнимъ; потому что сіе гораздо больше значитъ, чѣмъ не завидовать.“

Ст. 16. *Тожде другъ ко другу мудрствующе: не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся. Не бывайте мудри о себѣ.*

Тожде другъ ко другу мудрствующе—можетъ имѣть не одинъ смыслъ. Можно видѣть здѣсь урокъ о единомысліи вообще, какъ въ посланіи къ Филипписеямъ: *да тожде мудрствуете единодушни, единомудренни* (—2, 2). Разрозненность въ воззрѣніяхъ на вещи и въ суждені-

яхъ о нихъ есть начало раздѣленія и сердечнаго, вслѣдствіе коего неизбѣжно разномыслящіе становятся другъ для друга иными, чуждыми, а послѣ сего не будетъ уже у нихъ радости съ радующимся и плача съ плачущимъ, ни единства въ молитвѣ. Почему ниже Св. Павелъ и молится: *Богъ терпѣнія и утѣшенія да дастъ вамъ тожде мудрствовати другъ ко другу о Христѣ Іисусѣ, да единодушно едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа* (Рим. 15, 5. 6).

Но можно и такъ понять: будьте одинаковыхъ другъ о другѣ мыслей, примѣняйтесь другъ ко другу, мыслію и сердцемъ входите другъ въ друга, ни въ чемъ не особьтесь. Св. Златоустъ говоритъ: „Что значатъ слова: *тожде другъ ко другу мудрствующе?* Къ тебѣ въ домъ пришелъ нищій: будь съ нимъ единомысленъ, не принимай на себя слишкомъ важнаго вида, потому что ты богатъ. Во Христѣ нѣтъ ни богатаго, ни бѣднаго. Не стыдись наружнаго одѣянія, а принимай по внутренней вѣрѣ. Видишь ли плачущаго,—не считай его недостойнымъ утѣшенія. Видишь ли благоденствующаго,—не стыдись раздѣлять его удовольствія и чувствованія; но какъ думаешь о себѣ, такъ думай и о немъ. Напримѣръ, ты считаешь себя большимъ человѣкомъ? Почитай и его такимъ же. Ты подозрѣваешь, что онъ малъ и низокъ? Произнеси такой же судъ и о себѣ, отринь всякое неравенство. А какъ возможно сіе? Возможно, если отложишь высокоуміе. Посему Апостолъ присовокупилъ: *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся.*“

Не высокая мудрствующе. Не думайте о себѣ высоко. Высокоуміе раждаетъ презорство къ другимъ и производитъ раздѣленіе. Высокоумный уже отдѣлилъ себя отъ другихъ; но и другіе, какъ только замѣтятъ высокоуміе въ комъ, тотчасъ отдѣляются отъ него сердцемъ. Высокоуміе есть ядъ, разъѣдающій и разлагающій общества.

Апостолъ всюду и вооружается противъ сего зла, и особенно у Римлянъ, къ которымъ ближе было зло сіе, чѣмъ къ другимъ. Выше уже говорилъ онъ противъ этого; теперь „снова запрещаетъ надменіе гордыни“ (Θеод.). „Опять, какъ и въ началѣ рѣчи, весьма заботится о смиренномудріи, потому что Римляне и по мѣсту жительства, и по другимъ многимъ причинамъ, какъ и естественно, исполнены были гордости. Посему Апостолъ постоянно старается удалить болѣзнь и низложить надменіе. Ибо ничто такъ не раздѣляетъ тѣла церкви, какъ высокомѣріе“ (Св. Злат.). „Высокая мудрствовать есть гордость. И діаволъ, возмудрствовавъ высокая, отпалъ отъ Бога. Да не будетъ возношенія въ сердцѣ, чтобъ, присвояя совершенство дѣламъ своимъ, не уничижать брата, будто грѣшника, когда самъ состоишь уже въ грѣхѣ потому самому, что возносишься, и въ грѣхѣ большемъ всякаго другаго. Сіе означая и Господь сказалъ: *лицемѣре, изми первѣе бревно изъ очесе твоего, и тогда прозриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (Лк. 6, 42). Возносящійся возносится, будто безгрѣшный, и этимъ самымъ грѣшитъ: ибо кто безъ грѣха? Онъ становится грѣшникомъ, какъ только начинаетъ высокоумствовать и гордиться. И за то гнѣву Божію подпадаетъ больше всякаго другаго. Посему премудрый Соломонъ и написалъ: *Богъ гордымъ противится* (Пр. 3, 34)“ (Амвр.).

Но смиренными ведущеся. Слово—*смиренными* можно принять и въ смыслѣ людей уничиженныхъ по состоянію и внѣшнему положенію. Такъ Св. Златоустъ: „подъ именемъ смиренныхъ Апостолъ разумѣетъ здѣсь не просто смиренномудрыхъ, но уничиженныхъ и презираемыхъ.“ Такъ и всѣ наши. Бл. Θеодоритъ мысль Апостола выражаетъ такъ: „Апостолъ узаконяетъ снисходить до тѣхъ, которые, по людскому мнѣнію, унижены.“ Съ ними водиться, входить въ ихъ нужды, и самому лично удовле-

творять ихъ, не боясь потерпѣть чрезъ то какое либо униженіе. Св. Златоустъ говоритъ: „снизойди, примѣнись, приспособись къ его низости. Не только раздѣляй смиренныя его чувствованія, но помогай, подавая ему руку, не чужую, а свою, какъ отецъ радѣетъ о сынѣ, голова о тѣлѣ. Тоже самое говоритъ Апостолъ и въ другомъ мѣстѣ: *поминайте юзники, аки съ ними связани* (Евр. 13, 3).

Но можно подъ *смиренными* разумѣть смиренныя мысли и чувства. Наставленіе будетъ такое: не думайте о себѣ высоко, но руководитесь смиренными о себѣ мыслями и чувствами. У св. подвижниковъ часто встрѣчается урокъ: держись всегда смиреннѣйшей или послѣднѣйшей части. Идешь ли съ кѣмъ, пріотставай немного; въ собраніе ли входишь, избирай послѣднее мѣсто; бесѣда ли ведется, или молчи, или, если долженъ говорить, говори послѣднимъ; послушаніе ли избираешь, бери низшее. Такъ и во всемъ. Это самый надежный путь къ стяжанію истиннаго смиренія. Такая мысль проглядываетъ у Амвросіаста, который пишетъ: „смиренными водитесь, чтобъ имѣть благодать у Бога.“

Не бывайте мудри о себѣ. Не думайте, что сами все можете хорошо обдумать и устроить, а свои мысли повѣряйте совѣщаніемъ съ другими опытнѣйшими. *Съ совѣтомъ вся твори*, училъ еще Премудрый (Прит. 31, 4). И это какъ въ житейскихъ, такъ тѣмъ паче въ духовныхъ дѣлахъ. Бл. Θеодоритъ мысль Апостола выражаетъ такъ: „не довольствуйтесь тѣмъ, что сами придумали, но принимайте совѣты отъ другихъ.“ Св. Златоустъ такъ толкуетъ: „не думайте, что сами себя во всемъ удовлетворять можете. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ Писаніе: *горе иже мудри въ себѣ самихъ, и предъ собою разумни!* (Ис. 5, 21). Апостолъ опять подрываетъ здѣсь высокоуміе, низлагаетъ киченіе и гордость. Ибо ничто такъ не отвращаетъ и не отдѣляетъ насъ отъ людей, какъ мысль,

что я самъ во всемъ себя удовлетворить могу. Богъ поставилъ насъ въ зависимость другъ отъ друга. Хотя ты и уменъ, но имѣешь нужду въ другомъ. А если думаешь обойтись безъ сторонней помощи, то ты самъ глупѣе и безсмысленнѣе всякаго. Кто такъ думаетъ, тотъ самъ себя лишаетъ сторонней помощи; если онъ въ чемъ согрѣшитъ, некому его поправить и извинить; онъ раздражитъ Бога своимъ высокоуміемъ и учинитъ множество грѣховъ. Часто и очень часто бываетъ, что умный не видитъ должнаго, а менѣе умный открываетъ должное. Это случилось съ Моисеемъ и тестемъ его, съ Сауломъ и отрокомъ его, съ Исаакомъ и Ревеккою. Не считай для себя униженіемъ имѣть нужду въ другомъ. Напротивъ это возвышаетъ тебя, дѣлаетъ сильнѣе, знаменитѣе, доставляетъ тебѣ большую безопасность.“

О томъ, сколь опасно въ духовной жизни полагаться на одинъ свой разумъ, и сколь спасительно все здѣсь дѣлать съ совѣтомъ, пространно учитъ Св. Авва Дороѳей въ пятомъ поученіи своемъ. Желающаго пообстоятельнѣе узнать о семъ, отсылаемъ къ сему поученію. Но и у всѣхъ другихъ подвижниковъ много о семъ уроковъ. У нихъ и особая фраза придумана для обозначенія сей болѣзни ума: принимать помыслы или вѣрить своему уму. Опасность главная въ томъ, что врагъ подоспѣваетъ и влагаетъ многое, что кажется добрымъ, а не есть. Какъ самъ онъ въ Ангела свѣтла претворяется, такъ и мыслямъ своимъ умѣетъ придавать свѣтлую благовидность. И водитъ такимъ образомъ иного отъ одного кажущагося добра къ другому, а тамъ заводитъ и ко злу, кажущемуся добромъ, далѣе къ настоящему злу, и наконецъ— ввергнетъ въ пагубу.

Ст. 17. *Ни единому же зла за зло воздающе: промышляюще добрая предъ всѣми человѣки.*

Воздавать зломъ за зло, отмщать, стало естественною

потребностію падшаго. Онъ самъ на себя взялъ самоохраненіе и самозащиту и считаетъ закономъ правды для себя не оставлять неотмщеннымъ зла потерпѣннаго, чтобъ пресѣчь повтореніе или большій притокъ его. Месть есть прямое порожденіе самости, которая не успокоивается, пока не найдетъ прямо или косвенно удовлетворенія себѣ. Месть ослабѣваетъ, когда пріемлется въ законъ себѣ самоотверженіе, и совсѣмъ погасаетъ лишь вмѣстѣ съ окончательнымъ погашеніемъ эгоизма. Въ совершенномъ видѣ это имѣетъ мѣсто только въ освященныхъ благодатію. Благодать, оживляя духъ, возставляетъ жизнь въ Богѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ пораждаетъ богопреданность, все попеченіе о себѣ, о жизни своей и дѣлахъ своихъ возлагающую на Бога. Почему все и доброе и злое пріемлетъ какъ отъ руки Божіей и не вмѣшивается съ своими усиліями въ поправленіе того, въ убѣжденіи, что, если нужно, Богъ все исправитъ Самъ. Отмщеніе такимъ образомъ исчезаетъ въ преданности Богу и совершенномъ на Него возложеніи всякаго упованія. „И это есть преспѣяніе, близкое къ совершеннѣйшей добродѣтели и къ безстрастію“ (Θеод.).

Заповѣдь о неотмщеніи и невоздаваніи зломъ за зло дана, когда пришла благодать,—въ знаменіе того, что только благодатное возрожденіе дѣлаетъ способнымъ къ тому. Заповѣдь сія изошла изъ устъ Самого Спасителя: *слышасте, яко речено есть: возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитеся за творящимъ вамъ напасть и изгонящія вы* (Мѳ. 5, 43. 44). И какими сильными, понудительными и вмѣстѣ достолюбезными побужденіями сіе обставляется!—*Да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, иже солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя.*

е бо любите любящихъ васъ, кую мзду имате? Не и тари ли тождe творятъ? И аще цѣлуете други ваша лько, что лишше творите? Не и язычы ли тождe творятъ? Будите убо совершени, яко Отецъ вашъ небесный ершенъ есть (— —45—48). Къ сему немного ниже ибавляетъ Господь: *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ* (что и есть неотмщеніе), *отпуститъ и вамъ тецъ вашъ небесный: аще ли не отпущаете человѣкомъ грѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ грѣшеній вашихъ* (—6, 14. 15).

Амвросіастъ пишетъ: „Господь сказалъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете ь царствіе небесное.* Въ законѣ было написано: *возлюбиши искренняго твоего и возненавидиши врага твоего* (Мѳ. 5, 13). Это по видимости будто и справедливо. Но да избудетъ правда христіанъ, они получили заповѣдь не воздавать зломъ за зло, чтобъ быть совершенными и получить за сіе награду на судѣ Божіемъ. Ибо кажется превышающимъ самую правду тотъ, кто, подражая небесной правдѣ, не дѣлаетъ того, что считается позволительнымъ въ средѣ мірскихъ людей.“

Отмщеніе считается отмщающимъ мѣрою благоразумія. Но такъ думать научаетъ только ослѣпляющая страсть. Настоящее благоразуміе не можетъ не видѣть, что масломъ не тушатъ огня. Если горитъ уже огонь непріязни въ сдѣлавшемъ зло; то воздаяніе ему зломъ не угаситъ, а воспламенитъ его болѣе. Если хочешь погасить сей огонь, залей его водою кротости, невзысканія, благотворенія.—И опять что за благоразуміе подражать злу?! Если полагаешь, что сдѣлавшій тебѣ зло поступилъ худо; зачѣмъ идешь наперекоръ своему же сужденію и напрягаешься сдѣлать зло, которое дѣлать почитаешь худомъ? Св. Златоустъ говоритъ: „если упрекаешь другаго въ зломъ умыслѣ, то для чего и себя

дѣлаешь виновнымъ? Если онъ сдѣлалъ зло, для чего не уклоняешься отъ подражанія ему?—Замѣть, что Апостолъ не сдѣлалъ здѣсь никакого разграниченія, но далъ общій законъ. Онъ не сказалъ: не воздавай зломъ за зло вѣрному; но говоритъ: не воздавай никому, ни язычнику, ни злодѣю, кто бы то ни былъ.“

Промышляюще добрая предъ всѣми человѣки. Если сіи слова поставлять въ связь съ предыдущими и въ обоихъ положеніяхъ видѣть одинаковую мысль; то смыслъ ихъ будетъ такой: доброе всегда промышляйте въ отношеніи къ другимъ людямъ. Желающій отмстить другому сидитъ и придумываетъ разные пріемы, какъбы уязвить сдѣлавшаго ему непріятность. Апостолъ, запретивъ воздавать зломъ за зло и слѣд. ухитряться въ сдѣланіи зла, говоритъ теперь: не занимайте этимъ головы своей, не то придумывайте, какъбы зло сдѣлать обидѣвшему или оскорбившему, а какъбы дѣлать добро всякому человѣку, кто бы онъ ни былъ,—объ этомъ только пекитесь, это имѣйте въ сердцѣ. Такъ между прочимъ толкуетъ Экуменій: „поелику выше сказалъ: *ни единому же зла за зло воздающе,* то приложилъ и: *промышляюще добрая,* какъбы тáкъ говоря: недовольно только не воздавать зломъ, надобно еще и попеченіе имѣть о сдѣлавшемъ намъ зло. И выше еще, не удовольствовался онъ сказать: не кляните гонящихъ, но заповѣдалъ и благословлять ихъ.“

Но если взять сіи слова отдѣльно отъ предыдущихъ и видѣть въ нихъ особый урокъ, то въ нихъ мысль будетъ такая: пекитесь всегда дѣлать добро предъ лицемъ всѣхъ людей,—изъ опасенія, какъбы кого не соблазнить. Еще Премудрый училъ: *промышляй добрая предъ Господемъ Богомъ и человѣки* (Притч. 3, 4). И Апостолъ не разъ уже повторялъ сей урокъ въ прежнихъ посланіяхъ. Такъ во второмъ посланіи къ Коринѳянамъ, заповѣ-

дуя собирать милостыни для бѣдствующихъ въ Іерусалимѣ братій. совѣтуетъ имъ дѣлать сіе съ благоразумною осторожностію, чтобъ не пала какая-либо тѣнь и на него самого съ его спутниками, которымъ предлежало отнести сію милостыню къ мѣсту назначенія. *Блюдитеся*, говоритъ, *да не кто насъ поречетъ въ обиліи семъ служимѣмъ нами, промышляюще добрая не токмо предъ Богомъ, но и предъ человѣки* (2 Кор. 8, 20. 21). А въ первомъ къ нимъ же посланіи тотъже урокъ, по случаю указанія правилъ, какъ поступать въ отношеніи къ идоложертвеннымъ животнымъ, иными словами выразилъ онъ, говоря: *безпреткновенни бывайте Іудеемъ и Еллиномъ и церкви Божіей: якоже и азъ во всемъ всѣмъ угождаю, не ищій своея пользы, но многихъ, да спасутся* (1 Кор. 10, 32. 33). И Спаситель заповѣдалъ: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ* (Мѳ. 5, 16). И св. Павелъ предъ вышеприведенными словами сказалъ: *аще ясте, аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31).

Такъ понимаютъ слова сіи всѣ наши толковники, не исключая и Экуменія. Бл. Ѳеофилактъ, со словъ св. Златоуста, пишетъ: „такъ говоритъ Апостолъ не для того, чтобы мы жили для тщеславія, но для того, чтобы не подавали повода укорять насъ тѣмъ, которые желаютъ этого. Ибо требуетъ, чтобы мы жили несоблазнительно и безъ преткновеній; потому что за нами и касающимися насъ наблюдаютъ многіе.“ Амвросіастъ останавливаетъ вниманіе болѣе на томъ, когда наиболѣе приложимо это правило, именно въ дѣлахъ не опредѣленныхъ заповѣдію, а оставленныхъ на произволъ,—позволительныхъ. О заповѣдяхъ рѣдко когда приходится подумать, какъ ихъ исполнить; но позволительное всегда надо обдумывать, чтобы какъ-нибудь свободою въ немъ

не соблазнить брата. „Промышлять доброе, говоритъ онъ, есть провидѣть, или предъ очами имѣть добро, имѣющее быть отъ дѣлъ нашихъ, чтобы то, что дѣлается, не могло быть обращено намъ въ укоръ, а напротивъ служило въ похвалу какъ предъ Богомъ, такъ и предъ людьми. Не думай никто, что такъ какъ позволительное не непріятно Богу (иначе оно не было бы позволительно), то нечего заботиться о томъ, послужитъ ли оно въ соблазнъ брату, или нѣтъ. Предотвращая сіе, Апостолъ учитъ, что надобно такъ дѣйствовать, чтобъ дѣлаемое было и Богу не неблагоугодно, и брату не служило въ соблазнъ. Пусть иное позволительно, но если оно соблазняетъ брата, то уже не благоугодно Богу; потому что Богъ хощетъ, чтобъ мы взаимно пеклись о спасеніи другъ друга. Такимъ образомъ промышляется доброе предъ Богомъ и человѣки, когда позволительное такъ дѣлается, что не соблазняетъ брата.“

Ст. 18. *Аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте.*

Се что добро или что красно, но еже жити братіи вкупѣ, т.-е. въ мирѣ и согласіи (Пс. 132, 1). Всѣ это знаютъ по опыту и всѣ стараются о храненіи мира и взаимнаго согласія; но пока есть какіе-либо остатки самости внутри, есть и для внѣ всегда источникъ раздѣленія, разлада, неудовольствій другъ на друга, и непріязни взаимной. Изъ-за чего все?—Изъ-за земныхъ интересовъ. Небесное никогда не служитъ къ тому поводомъ: ибо оно независтно. Бери всякой сколько можешь и сколько хочешь. А земное все таково, что коль-скоро досталось одному, то другому уже нечего взять.

Въ живущихъ по духу вѣка сего, т.-е. съ одними земными цѣлями, въ самости и въ самоугодіи, едвали и бываетъ настоящій миръ, а если бываетъ, случайный, непрочный. Отвергшіеся себя и въ слѣдъ Господа пошед-

шіе имѣютъ въ себѣ прочную основу мира; но какъ и въ нихъ ветхій человѣкъ не вдругъ умираетъ, то и въ нихъ нерѣдко чувствуются припадки раздраженія, покушающіеся разрушить взаимный миръ. И подобаетъ блюстись. — Не многое требуется: жертвуй всегда своимъ въ пользу другаго, и никогда миръ твой съ другими не нарушится. Кажется это убыточнымъ; но на дѣлѣ всегда оказывается прибыльнымъ. Чрезъ это не только внутреннее, духовное, неземное преспѣяніе и довольство упрочивается; но и земное благоспѣется, то благословеніемъ свыше, то силою дѣйствія такого рода дѣйствованія на другихъ.

Если такъ будемъ дѣйствовать, миръ съ нашей стороны не будетъ нарушаемъ. Но можно ли ручаться, что онъ не будетъ при этомъ нарушаемъ и другими?—Нельзя: ибо есть люди *ненавидящіи миръ,* какъ даетъ знать Пророкъ Давидъ (Пс. 119, 6). Какъ тутъ быть и что дѣлать? Тоже что дѣлалъ и св. Давидъ: *съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ,* говоритъ онъ. Такъ и всѣмъ надо поступать. И въ сердцѣ будь миренъ и вовнѣ не позволяй себѣ ничего такого, что обычно разоряетъ миръ и можетъ обратить начавшуюся искру разлада въ пламень раздора и непріязни враждебной. Посему-то Апостолъ и прибавилъ: *аще возможно, еже отъ васъ.* Съ своей стороны употребляй все возможное, чтобъ не нарушился миръ, а случайно нарушившійся скорѣе возстановился. Если не увѣнчивается такое стараніе успѣхомъ, буди воля Божія: потерпи, не прекращая усилій къ водворенію мира. И Богъ да устроитъ, что благоугодно есть предъ Нимъ. „Кто не воздаетъ зломъ за зло, а старается добрымъ побѣдить злое, тотъ уже есть миротворецъ. Пусть другой не будетъ любитель мира; но ты, стараясь быть въ мирѣ, сколько отъ тебя зависитъ, исполняешь заповѣдь—имѣть со всѣми миръ. Будемъ мы готовы со всѣ-

ми мирствовать; если другіе противятся тому, не наша вина“ (Амвр.).

Но бываютъ случаи, когда истина попирается и правда нарушается. Заповѣдь велитъ заступиться за неправо обижаемаго и отстаивать истину; между тѣмъ ни того ни другаго нельзя исполнить не возбудивъ разлада. Какъ быть?—Мужественно стой за истину и защищай обидимаго; но въ сердцѣ будь миренъ съ тѣмъ, противъ кого возстаешь за истину и правду. Дѣлай сіе въ духѣ любви, а не изъ самолюбивыхъ побужденій. Св. Златоустъ къ этимъ случаямъ относитъ слово Апостола: *аще возможно, еже отъ васъ*. Ибо иногда невозможно быть въ мирѣ, напримѣръ: когда идетъ рѣчь о благочестіи, и когда ты заступаешься за обиженныхъ. Смыслъ Апостольскихъ словъ таковъ: „сколько отъ тебя самого зависитъ, никому не подавай случая ко враждѣ и брани, ни Іудею, ни язычнику. Если же видишь, что нарушается благочестіе, не предпочитай согласія истинѣ, но стой за нее мужественно, даже до смерти. И въ этомъ случаѣ не враждуй сердцемъ, не теряй добраго расположенія, а возставай только противъ поступковъ. Вотъ что значатъ слова: *еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте*. Если другой не соблюдаетъ мира, ты не воздвигай бури въ душѣ своей; но внутренно будь его другомъ, однакоже ни мало не измѣняя истинѣ, какъ замѣтилъ я выше.“—Тѣже мысли бл. Ѳеофилактъ выражаетъ такъ: „Апостолъ внушаетъ: исполняй свои обязанности и никому не подавай случая къ враждамъ и смятеніямъ. Если же видишь, что оскорбляется благочестіе, то возстань мужественно, сражаясь за истину, однако не противъ человѣка враждуя, но противъ нечестія, а о человѣкѣ, напротивъ, сожалѣя и щадя его. Такимъ образомъ, что прежде казалось невозможнымъ, то становится возможнымъ: ибо что касается тебя, то ты находишь-

ся въ мирѣ съ нимъ, а брань ведешь съ однимъ нечестіемъ.“

Ст. 19. *Не себе отмщающе, возлюбленніи, но дадите мѣсто гнѣву: писано бо есть: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь.*

Уже говорилъ, чтобъ не воздавали зломъ за зло: что и значитъ не отмщать за себя. Что же значитъ новое внушеніе не отмщать за себя?—Или повтореніе тогоже для усиленія заповѣди; потому что отмщеніе такъ соблазнительно и такою благовидностію прикрывается, что и не считается грѣхомъ, — а между тѣмъ случаи къ тому въ житейскихъ столкновеніяхъ очень часты. Этимъ повтореніемъ напоминаетъ Апостолъ быть внимательными, не прорвалось бы какъ чувство или дѣло мщенія. Или можетъ быть, говоря сіе, Апостолъ имѣлъ въ виду особый родъ отмщенія – судомъ, именно: когда терпите какую напраслину отъ другаго, очевидно, неправо, не ищите возстановленія своего права порядкомъ судебнымъ, ибо ἐκδικεῖν это собственно означаетъ. Хоть это, пограждански, и неукорное дѣло; но какъ при семъ все же питается и удовлетворяется чувство мести, то Апостолъ не велитъ совсѣмъ заводить судебныхъ дѣлъ. Потерпи лучше, пребудь лучше обидимымъ, какъ въ посланіи къ Коринѳянамъ говорится: *почто не паче обидими есте?* (1 Кор. 6, 7), или какъ учитъ Спаситель: если кто хочетъ взять *ризу твою, отдай ему и срачицу* (Мѳ. 5, 40). То или другое намѣреніе припишемъ Апостолу, болѣе всего должно обратить вниманіе на выставляемое здѣсь побужденіе къ неотмщенію, именно—преданіе дѣла суду Божію. Отмщающій считаетъ дѣло свое правымъ, и отмщая держитъ ту мысль и то чувство, что стоитъ за правду. Пресѣченіе отмщенія кажется ему будто отступленіемъ отъ правды. Апостолъ дѣлаетъ отводъ этому помышленію, говоря какъбы: правда ничего отъ твоей

17

уступчивости не потерпитъ. Есть отмститель правды—Богъ. Предай дѣло отмщенію Божію; Онъ воздастъ, если должно. Это и значатъ слова: *дадите мѣсто гнѣву*, гнѣву Божію, т.-е. праведному Его воздаянію: ибо у Бога нѣтъ гнѣва, а есть праведное воздаяніе, которое кажется гнѣвомъ тому, кто подвергается ему. Такъ толкуетъ Св. Златоустъ: „Чьему гнѣву должны мы дать мѣсто? Божію. И какъ обиженный всего болѣе желаетъ видѣть сіе, дабы насладиться мщеніемъ; то Богъ дастъ то самое въ большей мѣрѣ. И если ты самъ не отмстишь, то Онъ будетъ твоимъ мстителемъ. Итакъ Ему, говоритъ Апостолъ, предоставь отмщеніе. Вотъ что значатъ слова: *дадите мѣсто гнѣву!*“—Туже мысль выражаетъ нѣсколько сильнѣе и Бл. Феофилактъ: „Дайте, говоритъ, мѣсто гнѣву Божію въ отношеніи къ обижающимъ васъ. Если вы мстите сами за себя, то Богъ не будетъ мстить за васъ; а если вы простите, то Богъ отомститъ строже.“—Экуменій прибавляетъ: „если ты самъ отмстишь за себя, то гнѣвъ Божій, пришедши, не будетъ имѣть, что воздать обидѣвшему, потому что ты напередъ уже взыскалъ съ него.“ А Амвросіастъ наводитъ даже на такую мысль, что гнѣвъ Божій, пришедши, найдетъ, что ты, взявшись стоять за правду, преступилъ мѣру правды, взыскавъ болѣе должнаго, паче мѣры, и вмѣсто воздаянія обидѣвшему тебя, тебѣ воздастъ за излишекъ взысканія, допущенный тобою. А что это возможно, можешь судить по свойству гнѣва, всегда стоящаго въ содружествѣ съ отмщеніемъ. Гнѣвъ никогда праведной мѣры не соблюдаетъ, а всегда забираетъ выше мѣры. Почему Апостолъ Іаковъ и написалъ: *гнѣвъ мужа правды Божіей не содѣловаетъ* (1, 20). Амвросіастъ именно пишетъ: „Для сохраненія союза мира Апостолъ убѣждаетъ воздерживаться отъ гнѣва, потому особенно, что въ гнѣвѣ нельзя не погрѣшить: ибо движимый гнѣвомъ обычно взыскиваетъ

болѣе, нежели сколько требуетъ неправое дѣло,—чѣмъ и себѣ самому причиняетъ вредъ, оказываясь неправымъ по причинѣ несоразмѣрнаго взысканія, и обидѣвшаго дѣлаетъ худшимъ, тогда какъ снисходительностію могъ бы исправить его. Почему Премудрый Соломонъ учитъ: *не буди праведивъ вельми.... есть праведный погибаяй въ своей правдѣ* (Еккл. 7, 17. 16): ибо когда гнѣвъ обдержитъ насъ, находитъ въ насъ мѣсто врагъ, и подъ благовидностію правды, внушаетъ неправое и пагубное."

Писано бо есть: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь. „Для большаго убѣжденія Апостолъ привелъ свидѣтельство, подкрѣпляя слово свое" (Св. Злат. Ѳеоф.). Не моя это заповѣдь; но такова воля Божія, таковъ законъ промыслительныхъ о насъ дѣйствій Божіихъ. Богъ Самъ на Себя беретъ дѣло омщенія. Не вмѣшивайтесь въ сіе дѣло, говоритъ какъбы Онъ, Я самъ воздамъ, Мое это дѣло. Вы не сумѣете сдѣлать это какъ должно. По вашему сейчасъ надо отмстить, а по лучшему порядку, лучше отложить отмщеніе, или на время, или совсѣмъ. Можно бываетъ обойтись и совсѣмъ безъ отмщенія: обидѣвшій самъ придетъ въ чувство, и исправитъ свою неправду; а это гораздо лучше.—Или—сдѣлай ему теперь отмщеніе, и онъ паче ожесточится; но покарай его чѣмъ-либо послѣ,—и онъ умягчится сердцемъ и исправится. Какъ вы этого ничего не знаете, то и не беритесь лучше за сіе дѣло. Ктомуже ты обиженный самъ бывалъ неправъ во многомъ. Я послалъ эту тебѣ напраслину, въ воздаяніе тебѣ за твои неправды и грѣхи, чтобъ избавить тебя отъ будущаго воздаянія. Если претерпишь, видишь, какую бѣду предотвратишь? А если отмстишь, сгубишь весь благой плодъ для тебя отъ напраслины. Грѣхи твои на тебѣ остаются и жди вѣчнаго воздаянія, если въ очищеніе тебѣ не выпадетъ на твою долю другая напраслина. Такъ не ищи отмщенія. Съ тѣмъ,

кто причинилъ тебѣ напраслину, Я лучше тебя знаю, какъ поступить по всей правдѣ, а ты прими ее, какъ врачество для тебя и какъ отводъ большаго и страшнѣйшаго зла. У Меня все направляется къ тому, чтобы изъ всего всѣмъ выходило благо,—не временное, а вѣчное, не земное, а небесное, не видимое, а духовное. Такъ и бываетъ, когда вы не вмѣшиваетесь со своими правдами; а когда вмѣшиваетесь, возмущаете Мои порядки, и вмѣсто добра размножаете и пожинаете зло.

Слова: ***Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ***, не читаются слово въ слово въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ, но мысль эта ясно выражена Пророкомъ Моисеемъ другими словами, именно: *въ день отмщенія воздамъ* (Втор. 32, 35). Духъ апостольскій взялъ мысль духа пророческаго,—тотоже съ апостольскимъ,—и выразилъ ее другимъ, сильнѣйшимъ словомъ.

Ст. 20. *Аще убо алчетъ врагъ твой, ухлѣби его: аще ли жаждетъ, напой его. Сіе бо творя, угліе огненное собираеши на главу его.*

Слова сіи взяты изъ притчей Премудраго (25, 22. 23) и указываютъ единственный благословенный способъ отмщенія—благотвореніе тѣмъ, которые сдѣлали и дѣлаютъ намъ что-либо непріятное и худое. Тоже самое заповѣдалъ и Спаситель, говоря: *добро творите ненавидящимъ васъ* (Мѳ. 5, 44). Это одно отмщеніе приводитъ въ чувство, и притомъ очень сильное, того, кто оказываетъ намъ непріязнь. Уподобительное выраженіе,—*собираеши угліе огненное на главу его*,—означаетъ не злое что, а выражаетъ сокрушеніе, въ какое приходитъ злотворецъ по случаю сдѣланнаго зла тому, кто ему дѣлаетъ добро на мѣсто зла. Сіе угліе огненное, собираемое на главу его благотвореніемъ, погашаетъ или испаряетъ огнь непріязни, горящій въ сердцѣ его, и водворяетъ миръ. Тому, кто добро творитъ ненавидящему

его, это умиротвореніе и надобно имѣть въ мысли при семъ, а не то скорбное состояніе, въ какое поставленъ будетъ тѣмъ ненавидящій его: ибо тутъ все же будетъ проскользать чувство отмщенія, которое не дивно, что помѣшаетъ и благотворному дѣйствію благотворенія. Можетъ быть впрочемъ въ словахъ Апостола содержится и угроза ненавидящему,—что если онъ не исправится, то добро ему сдѣланное вмѣсто его зла увеличитъ наказаніе, которое Богъ пошлéтъ ему, отмщая за обиженнаго: такъ что слова сіи съ одной стороны поощряютъ обиженнаго, съ другой обуздываютъ страхомъ обидчика. Такая мысль видна у всѣхъ нашихъ толковниковъ. Св. Златоустъ видитъ здѣсь нѣкоторую поблажку или уступку чувству отмщенія. Чувство сіе, сливаясь съ правомъ самозащищенія, бываетъ такъ неотвязчиво, что будто уже и возможности нѣтъ отстать отъ желанія видѣть обидчика терпящимъ что-либо непріятное. Апостолъ будто и не поперечитъ сему, обнадеживая, что обидчику еще болѣе достанется отъ Бога, если будешь благотворить ему. Но не съ тою цѣлію говоритъ онъ такъ, чтобъ оправдать сіе чувство, а чтобъ, утоливъ его нѣсколько, проложить путь къ охотному прiятію слѣдующаго за симъ правила: *не побѣжденъ бывай отъ зла*. Вотъ что именно говоритъ Св. Златоустъ: „Что я говорю, продолжаетъ Апостолъ, надобно жить въ мирѣ со врагомъ? Я повелѣваю благодѣтельствовать ему. Накорми его и напой, сказано. Поелику же заповѣдь сія весьма трудна и велика, то присовокуплено: *сіе бо творя, угліе огненное собираеши на главу его*. Апостолъ сказалъ сіе для того, чтобы обидчика обуздать страхомъ, а обиженнаго поощрить надеждою воздаянія (возмездія врагу отъ Бога). Ибо когда обиженный ослабѣваетъ въ духѣ, не столько поддерживаютъ его собственныя блага, сколько казнь оскорбившаго его. Всего пріятнѣе для человѣка видѣть

врага наказаннымъ. А чего человѣкъ желаетъ, то Апостолъ и даетъ ему прежде. Когда же ядъ извлеченъ, предлагаетъ ему увѣщанія болѣе возвышенныя, говоря: *не побѣжденъ бывай отъ зла*. Апостолъ зналъ, что врагъ, хотя бы онъ былъ звѣрь, будучи накормленъ, не останется врагомъ, и что обиженный, сколько бы онъ ни былъ мстителенъ, накормивъ и напоивъ врага, не станетъ уже желать мщенія. Посему, будучи увѣренъ въ окончаніи дѣла, не только угрожаетъ, но дѣлается щедрымъ на самыя наказанія. Не говоритъ, что навлечешь мщеніе (т.-е. Божіе), но — *угліе огненное собиравши на главу его*. Апостолъ даетъ свою заповѣдь, говоря: *не побѣжденъ бывай зломъ, но побѣждай благимъ злое.* Чрезъ сіе же скрытнымъ образомъ внушаетъ, что не съ такимъ намѣреніемъ должно благодѣтельствовать врагу (чтобъ т.-е. угли собирать на главу его). Ибо помнить обиду— значитъ уже быть побѣждаему зломъ. И хотя сначала Апостолъ не сказалъ сего, потому что сіе было еще неблаговременно; впрочемъ какъ скоро утолилъ гнѣвъ слушателя, немедленно присовокупилъ: *побѣждай благимъ злое.*“

Вотъ слова Бл. Θеодорита: „Указавъ Судію и объявивъ праведное Его опредѣленіе (ибо сіе означаютъ слова: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ*), Апостолъ повелѣваетъ мужественно переносить наносимыя обиды, обидчикамъ воздавать не обидами, и непріязненнымъ доставлять потребное для нихъ. Ибо сіе сплетаетъ вѣнцы любомудрымъ, а обидчикамъ увеличиваетъ наказанія. Впрочемъ надобно знать, что не для того надлежитъ услуживать непріязненнымъ, чтобы понесли они большія наказанія. Ибо божественный Апостолъ привелъ слова сіи, съ намѣреніемъ угасить раздраженіе въ обиженномъ, а не на то покушаясь, чтобы добромъ увеличить зло.“ Вотъ слова Амвросіаста: „Не предоставлять только Богу отмщеніе заповѣдуетъ Апостолъ, но и оказывать благодѣянія вра-

гамъ; чтобы показать, что мы не дѣлами своими надѣлали себѣ враговъ, когда для укрощенія ихъ враждебности, стараемся побѣдить ихъ услугами имъ. Если они ожесточатся во враждебности своей, по нечестію ума своего, то наши имъ услуги послужатъ къ большему имъ наказанію; а можетъ быть, будучи тронуты усердностію нашихъ услугъ, они оживутъ благорасположеніемъ къ намъ, какъ иногда разгараются замершіе уголья. Итакъ, желая сдѣлать насъ совершенными и научить не только самимъ себѣ, но и другимъ стяжевать жизнь вѣчную, Господь чрезъ Соломона не только запрещаетъ отмщать врагамъ нашимъ, но убѣждаетъ благорасположеніемъ къ нимъ и дѣлами тому соотвѣтственными возвращать ихъ къ дружбѣ.“ Вотъ слова Бл. Фотія у Экуменія: „Не съ тѣмъ благотвори обидѣвшему, чтобы большее навлечь на него наказаніе. Это въ утѣшеніе тебѣ нѣкое сказано, что насыщая и напаяя его, угліе огненное собираешь на главу его, а не за тѣмъ, чтобы съ этимъ именно чувствомъ и добро ему дѣлалъ. Пусть Богъ, по тому случаю, что ты благотворишь врагу, больше прогнѣвается на него, въ отмщеніе за тебя, и огнь искушеній и озлобленій, устроенныхъ имъ для ближняго, обратитъ на главу его: но ты не съ той цѣлію благотвори ему, чтобъ увидѣть его подверженнымъ такой бѣдѣ, иначе ты окажешься побѣжденнымъ отъ зла. И будетъ, что тотъ ничего болѣе не постраждетъ, что слѣдовало ему пострадать, а ты потеряешь мзду, бывъ побѣжденнымъ отъ зла. И еще болѣе того,—если Богъ увидитъ въ тебѣ такое намѣреніе, то и отмщать за тебя не станетъ. Ибо за добраго и кроткаго, когда его обижаютъ, Онъ отмщаетъ, а не за того, кто самъ за себя отмщаетъ гнѣвомъ и зложелательнымъ расположеніемъ, чрезъ доброе дѣло благотворенія злоумышляя противъ оскорбившаго его и желая видѣть его разорившимся. Итакъ благотвори, чтобы побѣдить

благимъ злое, и быть сыномъ Отца небеснаго, какъ сказалъ Господь.“

Ст. 21. *Не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое.*

Это—точнѣйшее опредѣленіе сказаннаго выше. Когда кто, встрѣчая оскорбленіе, обиду и напраслину, поддается чувству оскорбленія, тогда онъ побѣждаемъ бываетъ зломъ, а еще болѣе, когда гнѣвается, и еще болѣе, когда замышляетъ отмщеніе. Но когда кто ничему такому не поддается, а напротивъ вмѣсто зла полагаетъ дѣлать добро, тогда онъ является побѣдителемъ. Апостолъ и заповѣдуетъ — перваго не допускать, а второе себѣ избрать въ правило жизни. „Ибо отмщать значитъ уступать надъ собою побѣду, славная же побѣда — за зло вознаграждать добромъ“ (Ѳеод.). „Этими словами убѣждаетъ Апостолъ не воздавать врагамъ взаимно зломъ. Больше для насъ пользы, когда уступимъ злобѣ; ибо побѣждаетъ зло, кто на время кажется имъ побѣжденнымъ. Отмщеніе дѣйствуетъ противъ себя и думаетъ, что одерживаетъ побѣду, когда терпитъ пораженіе. Тутъ и врагъ дѣйствуетъ, стараясь, отвлекши насъ отъ расположенія, ввергнуть въ грѣхъ. Но когда мы, будучи имъ разжигаемы, не воздаемъ зломъ за зло, то побѣждаемъ его добромъ. Для того не противимся мы злу, чтобъ сохранить благо (мира), оставя безъ удовлетворенія справедливость: ибо къ возмездію, обыкновенно, побуждаетъ чувство правды (хотя не всегда справедливое)“ (Амвр.).

Св. Златоустъ пространно бесѣдуетъ о семъ: „*Побѣждай благимъ злое.* Ибо это и есть побѣда. Боецъ одерживаетъ побѣду не тогда, какъ подвергаетъ себя ударамъ противника, но когда приводитъ себя въ такое положеніе, что противникъ принужденъ бить воздухъ одинъ. Чрезъ сіе какъ самъ онъ спасается отъ ударовъ,

такъ противникъ понапрасну тратитъ силы свои. Тоже бываетъ и при оскорбленіяхъ: когда укоризну отражаешь укоризною, тогда побѣждаетъ тебя не человѣкъ, а, что гораздо стыднѣе, низкая страсть; потому что тобою владѣетъ гнѣвъ. Когда же молчишь, ты побѣдилъ и безъ труда воздвигъ себѣ трофей, тысячи людей готовы увѣнчать, и признать ложь злословія. Кто опровергаетъ злословіе, тотъ своими возраженіями показываетъ, что оно уязвляетъ его; а кто уязвляется, тотъ внушаетъ подозрѣніе, что сознается въ томъ, за что злословятъ. Но ежели отвѣчаешь смѣхомъ, то самый смѣхъ опровергаетъ худое о тебѣ сужденіе. И если хочешь имѣть ясное доказательство справедливости словъ моихъ, спроси самого врага своего, что для него больнѣе, то̀ ли, что ты, разгорячившись за оскорбленіе, платишь ему оскорбленіемъ, или то, что смѣешься надъ обидчикомъ? Онъ скажетъ, что послѣднее гораздо для него больнѣе. Не столько пріятно для него то, что не слышитъ отъ тебя оскорбленій, сколько мучительно то, что не можетъ вывесть тебя изъ терпѣнія. Лишая врага успѣха въ томъ, чего особенно онъ желаетъ, ты его унижаешь, показываешь, что достоинъ презрѣнія, что онъ ребенокъ, а не мужъ. Самъ ты пріобрѣтаешь тѣмъ славу любомудраго человѣка, а о немъ заставляешь думать, какъ о негодномъ звѣрѣ. Тѣже употребимъ мѣры, ежели случится принять побои; и кого хотимъ бить, тому не будемъ платить ударомъ за ударъ. Ударившему тебя подставь другую щеку; симъ нанесешь ему тысячи ранъ. Тѣ, которые будутъ рукоплескать тебѣ и дивиться, сдѣлаются для него страшнѣе бросающихъ въ него камнями; а еще прежде осудитъ и приговоритъ его къ ужасному наказанію совѣсть, и онъ пойдетъ прочь со стыдомъ, какъ осужденный на смерть. Если ты заботишься и о людской славѣ, то пріобрѣтешь ее въ большей мѣрѣ

такимъ поступкомъ. Ибо къ злостраданіямъ другихъ во всякомъ случаѣ имѣемъ мы нѣкоторое сострадание. А когда видимъ человѣка, который не платитъ за ударъ ударомъ, но самъ подставляетъ щеку; то не столько о немъ сожалѣемъ, сколько дивимся ему.—Побѣждать, дѣлая зло, есть одинъ изъ діавольскихъ уставовъ. Не таковъ уставъ наградъ на поприщѣ Христовомъ; тамъ узаконено увѣнчивать не поражающаго, но пораженнаго. Таково поприще Христово; всѣ постановленія онаго противоположны; не одною побѣдою, но еще болѣе самымъ способомъ побѣды оно возбуждаетъ удивленіе. Что въ другомъ мѣстѣ считается низложеніемъ, то здѣсь составляетъ побѣду. Это сила Божія, это небесное поприще, это ангельское позорище!"

То и другое, т.-е. и то, какъ должны дѣйствовать лица, заправляющія порядками дѣлъ общества христіанъ, и то, какъ должны дѣйствовать и какими добродѣтелями украшаться всѣ другіе христіане, не исключая и тѣхъ заправляющихъ лицъ, относится къ христіанамъ, яко христіане суть. Теперь Апостолъ хочетъ указать

б)

Какъ они должны дѣйствовать, какъ члены гражданскаго общества или государства.

Гл. 13.

аа) Первое здѣсь—повиновеніе властямъ.

13, 1—7.

13. 1. *Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть.*

„Образовавъ нравы (т.-е. показавъ въ предыдущей главѣ, какими должны быть христіане по нраву), Апостолъ повелѣваетъ и начальствующимъ воздавать подобающую честь. Ибо, какъ преизобильно пріявшій благодать Всесвятаго Духа, предвидѣлъ, что иные, водясь паче кичливостію, нежели ревностію (къ доброму), будутъ пренебрегать мірскихъ начальниковъ, почитая себя высшими по вѣдѣнію; притомъ же дѣлаетъ это, чтобъ подавить распространившуюся объ Апостолахъ молву; ибо клеветали на нихъ, будтобы низвергаютъ общественные порядки; и одни говорили: *иже развратиша вселенную, сіи и здѣ пріидоша* (Дѣян. 17, 6); а другіе: *они вводятъ иные обычаи* (—16, 21). Посему-то поставилъ неизлишнимъ постановить законъ и о семъ“ (Бл. Ѳеод.).

„Апостолъ много разсуждаетъ о семъ и въ другихъ посланіяхъ, когда говоритъ о подчиненности, какъ слугъ господамъ, такъ и подначальныхъ начальникамъ. А чрезъ сіе желаетъ онъ показать, что Христосъ ввелъ Свои законы не для испроверженія общаго гражданскаго устройства, но для исправленія и улучшенія онаго; и вмѣстѣ хочетъ научить, чтобы мы не предпринимали лишнихъ и безполезныхъ войнъ. Съ насъ довольно тѣхъ казней, какія устрояютъ противъ насъ за истину; а лишнихъ и безполезныхъ искушеній прилагать не должно. Замѣть же, какъ кстати завелъ Апостолъ рѣчь объ этомъ предметѣ. Послѣ того, какъ предложилъ слушателямъ различныя требованія христіанскаго любомудрія, настроилъ ихъ жить въ мирѣ съ друзьями и врагами, научилъ быть полезными и для счастливыхъ и для несчастныхъ, и для нуждающихся, коротко сказать—для всѣхъ, насадилъ уставы общежитія, приличные Ангеламъ, истощилъ гнѣвъ, низложилъ высокоуміе, и совершенно умягчилъ ихъ сердца,—послѣ всего этого предлагаетъ свои увѣщанія о повино-

веніи властямъ. Онъ призываетъ насъ къ повиновенію представленіемъ долга. И, желая внушить, что заповѣдь его простирается не на однихъ мірскихъ людей, но на всѣхъ, и на священниковъ, и на монаховъ, объявляетъ о томъ напередъ, говоря такъ: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется*. Хотя бы ты былъ апостолъ, хотя бы евангелистъ, хотя бы пророкъ, хотя бы другой кто, повинуйся. Подчиненіе власти не подрываетъ благочестія. Апостолъ здѣсь разумѣетъ не простое повиновеніе, но подчиненіе (смиренное съ преклоненіемъ главы). Первое основаніе такого установленія, удовлетворяющее разуму вѣрныхъ, состоитъ въ томъ, что власти учреждены отъ Бога. *Нѣсть бо власть аще не отъ Бога*,— говоритъ Апостолъ. Какъ это? Ужели всякій начальникъ поставленъ отъ Бога? Не то, говорю я, отвѣтствуетъ Апостолъ. У меня идетъ теперь рѣчь не о каждомъ начальникѣ въ особенности, но о самомъ начальствѣ. Что есть начальства, что одни начальствуютъ, а другіе подчинены имъ, и что нѣтъ того неустройства, чтобъ происходило что-нибудь кое-какъ и безъ порядка, чтобы народы носились туда и сюда подобно волнамъ,—все сіе я называю дѣломъ Божіей премудрости. Посему Апостолъ не сказалъ, что нѣтъ начальника, который не былъ бы поставленъ отъ Бога, но, разсуждая вообще о начальствѣ, говоритъ: *нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть*. Подобно сему, когда Премудрый говоритъ, что *отъ Господа сочетавается жена мужеви* (Пр. 19, 14), разумѣетъ чрезъ сіе, что бракъ установленъ отъ Бога, а не то, что Богъ сочетаваетъ каждаго вступающаго въ бракъ. Ибо видимъ, что многіе вступаютъ въ бракъ съ худыми видами и не по закону, чего однакожъ никакъ не можемъ вмѣнить Богу. Но что сказалъ Христосъ: *сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть; и рече: сего*

ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прилѣпится къ женѣ своей (Мѳ. 19, 4. 5),—тоже самое разумѣлъ и Премудрый. Поелику равенство часто доводитъ до ссоръ, то Богъ установилъ многіе виды начальства и подчиненныхъ, какъ-то: между мужемъ и женою, между сыномъ и отцемъ, между старцемъ и юношею, рабомъ и свободнымъ, между начальникомъ и подчиненнымъ, между учителемъ и ученикомъ. И дивиться ли такому установленію между людьми, когда то же самое учредилъ Богъ въ тѣлѣ? Ибо Онъ такъ устроилъ, что не всѣ члены имѣютъ равное достоинство, но одинъ ниже, другой важнѣе, и одни управляютъ, другіе состоятъ подъ управленіемъ. Тоже самое замѣчаемъ и у безсловесныхъ животныхъ: у пчелъ, у журавлей, въ стадахъ дикихъ овецъ. Даже и море не лишено такого благоустройства, но и тамъ во многихъ родахъ рыбъ одна управляетъ и предводительствуетъ многими, и подъ ея начальствомъ онѣ отправляются въ отдаленныя путешествія. Напротивъ безначаліе вездѣ есть зло и производитъ замѣшательство" (Св. Злат.).

Впрочемъ изъ другихъ мѣстъ Писанія видно, что и начальники такіе или другіе бываютъ по Божескому промыслительному устроенію; только добрыхъ и благодѣтельныхъ поставляетъ Богъ, а худымъ попускаетъ быть начальниками въ наказаніе за грѣхи людскіе. Такъ пишетъ Бл. Ѳеодоритъ: „Если благоволитъ Богъ, то даетъ начальниковъ, почитающихъ справедливость. Ибо сказано: *дамъ вамъ пастыри по сердцу моему и упасутъ васъ разумомъ* (Іер. 3, 15); и еще: *приставлю судіи твоя, якоже прежде, и совѣтники твоя, яко отъ начала* (Ис. 1, 26). Но чтобы вразумить погрѣшающихъ, попускаетъ Богъ начальствовать и злымъ начальникамъ. Ибо сказано: *поставлю юноши князи ихъ, и ругатели господствовать будутъ ими* (Ис. 3, 4)."

Ст. 2. *Тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется: противляющіися же себѣ грѣхъ пріемлютъ.*

„Апостолъ, сказавъ, кѣмъ установлены начальства, присовокупилъ: *тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется.* Смотри, куда ведетъ дѣло, чѣмъ устрашаетъ, и какъ доказываетъ, что повиноваться начальству есть наша обязанность. Дабы не сказалъ кто изъ вѣрующихъ: ты насъ унижаешь и дѣлаешь презрѣнными, подчиняя (земнымъ) начальникамъ тѣхъ, кому предоставлено небесное царство,—Апостолъ доказываетъ, что и въ настоящемъ случаѣ подчиняетъ ихъ не (земнымъ) начальникамъ, но опять Богу. Ибо подчиняющійся начальству повинуется Богу. Впрочемъ Апостолъ не говоритъ сего прямо и такими словами: кто слушается начальства, тотъ повинуется Богу; но устрашаетъ противнымъ, и тоже самое подтверждаетъ съ большею силою, сказавъ: кто не повинуется начальнику, тотъ противится Богу, узаконившему начальства; какъ и вездѣ старается внушать, что повиновеніе начальству есть не добровольная какая съ нашей стороны уступка, а нашъ долгъ. Такими наставленіями Апостолъ и вѣрныхъ побуждалъ къ повиновенію, и невѣрныхъ начальниковъ располагалъ въ пользу христіанскаго благочестія. Тогда повсюду носилась молва, будто Апостолы—мятежники и нововводители, которые словомъ и дѣломъ стараются подорвать общественные уставы. А доказавъ, что общій намъ Владыка всѣмъ Своимъ чтителямъ повелѣваетъ соблюдать сіи уставы, можно и заградить уста клеветниковъ, обвиняющихъ насъ въ нововведеніяхъ, и съ большею смѣлостію защищать истинное ученіе. Итакъ не стыдись подчиненности, говоритъ Апостолъ. Этотъ законъ далъ Богъ, и грозно отмщаетъ презрителямъ онаго. Если ослушаешься, то

Онъ накажетъ тебя, накажетъ не легкимъ, а самымъ строгимъ образомъ; никакія отговорки не спасутъ тебя, напротивъ и отъ людей понесешь жесточайшее наказаніе, потому что никто за тебя не вступится, и Бога сильно прогнѣваешь. Сіе-то самое внушаетъ Апостолъ, говоря: *противляющіися же, себѣ грѣхъ пріемлютъ*" (Св. Злат.).

Грѣхъ пріемлютъ — κρίμα λήψονται, — пріимутъ κρίμα, — осужденіе и наказаніе вслѣдствіе того: ибо κρίμα означаетъ то и другое.

Ст. 3. *Князи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ. Хощеши же ли не боятися власти? Благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него.*

„Подѣйствовавъ страхомъ, Апостолъ доказываетъ пользу повиновенія, и убѣждаетъ изъ разума, говоря такъ: *князи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ* (т.-е., „дѣлающимъ добрыя дѣла, но злодѣйствующимъ"—Экум.). Прежде нанесъ глубокую рану, привелъ слушателей въ страхъ; теперь дѣлаетъ опять послабленіе, и, какъ мудрый врачъ, даетъ успокоивающее врачевство, утѣшаетъ, говоритъ: чего боишься? Чего ужасаешься? Развѣ начальникъ бранитъ дѣлающаго добро? Развѣ онъ страшенъ для ревнующаго о добродѣтели? Посему Апостолъ и присовокупляетъ: *хощеши же ли не боятися власти, благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него*. Видишь ли, какъ онъ дѣлающаго добро примиряетъ съ начальникомъ, показавъ, что начальникъ поставленъ хвалитъ его? Видишь ли, какъ обезоруживаетъ всякое негодованіе" (Св. Злат.).

Ст. 4. *Божій бо слуга есть тебѣ во благое. Аще ли злое твориши, бойся, не бо безъ ума мечъ носитъ: Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ злое творящему.*

„*Божій бо слуга есть тебѣ во благое.* Начальникъ не только не страшенъ для тебя, но еще и хвалитъ тебя;

не только не препятствуетъ тебѣ, но еще способствуетъ. Если же хвалитъ и помогаетъ, для чего не подчиняешься? Онъ облегчаетъ тебя въ подвигахъ добродѣтели даже и тѣмъ, что наказываетъ злыхъ, а добрыхъ осыпаетъ благодѣяніями и почестями, содѣйствуя тѣмъ волѣ Божіей,— въ какомъ смыслѣ Апостолъ и назвалъ его слугою Божіимъ. Смотри же: я совѣтую тебѣ быть цѣломудреннымъ; и онъ тогоже требуетъ по законамъ. Я убѣждаю тебя не быть любостяжательнымъ, грабителемъ; и онъ надъ тѣмъже поставленъ судіею. Слѣдовательно онъ намъ сотрудникъ и помощникъ; на то онъ и поставленъ Богомъ. Итакъ въ двоякомъ отношеніи достоинъ онъ нашего уваженія,—и какъ Божій посланникъ, и какъ приставленный къ одному съ нами дѣлу" (Св. Злат.). „И тебѣ онъ есть служитель во благое, будучи слугою Божіимъ. Какъ же онъ есть тебѣ служитель? Ограждая тебя отъ злыхъ, предотвращая вредъ, который они могли бы тебѣ причинить, и доставляя тебѣ просторъ дѣлать благое. Служитъ онъ тебѣ во благое и тѣмъ, что страшитъ за зло, и тѣмъ отъ него тебя отвращаетъ, а къ добродѣтели направляетъ" (Фотій у Экум.).

„*Аще ли злое твориши, бойся.* Итакъ не начальникъ причиною страха, но наши собственные пороки. *Не бо всуе мечъ носитъ.* Видишь ли, что Апостолъ представляетъ его вооруженнымъ подобно воину, дабы содѣлать страшнымъ для преступниковъ закона? *Божій бо слуга есть, отмститель во гнѣвъ злое творящему.* А дабы ты, слыша о наказаніи, казни и мечѣ, не побѣжалъ прочь, Апостолъ снова подтверждаетъ, что начальникъ исполняетъ Божій законъ. Какая тебѣ нужда, если онъ и самъ того не знаетъ? Довольно того, что такъ учредилъ Богъ. Итакъ, если начальникъ, наказываетъ ли онъ, или награждаетъ, Божій есть слуга, потому что защищаетъ добродѣтель и гонитъ порокъ, чего самъ Богъ хочетъ; то

для чего противишься тому, кто производитъ столько добра и споспѣшествуетъ твоей пользѣ? Многіе сначала старались жить добродѣтельно для начальниковъ, а въ послѣдствіи прилѣпились къ добродѣтели изъ страха Божія. На людей грубыхъ не столько дѣйствуетъ будущее, сколько настоящее. А кто и страхомъ и почестями предрасполагаетъ сердца людей, чтобы они были способнѣе принять слово ученія, тотъ справедливо называется Божіимъ слугою" (Св. Злат.).

Отмститель во гнѣвъ, εἰς ὀργήν, не въ наказаніе, а на страхъ: ибо наказаніе уже содержится въ словѣ—отмститель, воздаятель,—что въ отношеніи къ злымъ исполняется чрезъ наказаніе. „Начальникъ какъ служитъ Богу, хваля добрыхъ, такъ и, наказывая злыхъ, подражаетъ Богу тѣмъ, что гнѣвается на нихъ и взыскиваетъ съ нихъ", и тѣмъ страхъ на нихъ наводитъ (Фот. у Экум.).

Ст. 5. *Тѣмже потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть.*

Повиноваться должно не только по страху наказанія, но и по совѣсти, по сознанію долга. Совѣсть всегда стоитъ за познанную волю Божію. Почему Апостолъ, указавъ въ начальствѣ слугъ Божіихъ и повиновеніе имъ освятивъ волею Божіею, заключаетъ: повиноваться должно не по одному страху, но хотя бы не было никакого страха, по совѣсти. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „*Гнѣвомъ* Апостолъ назвалъ наказаніе (страхъ наказанія). Повелѣваетъ же повиноваться по той и другой причинѣ: и по страху наказанія, и чтобы выполнить должное; ибо сіе назвалъ *совѣстію*." „Хотя бы и никакого не было страха отъ начальства, прибавимъ слова Фотія, совѣсть понуждаетъ слушаться его и повиноваться ему. Злые и нехотя повинуются ему изъ страха, а ревнители порядка и добра должны повиноваться ему по совѣсти, добровольно и отъ сердца."

Св. Златоустъ такъ толкуетъ сіе мѣсто. „Что значитъ,—*не только за гнѣвъ?* Ты долженъ повиноваться, говоритъ Апостолъ не потому только, что, не подчиняясь начальнику, противишься Богу, и тѣмъ отъ Бога и людей самъ навлекаешь на себя великія бѣдствія; но и потому, что начальникъ, какъ охранитель мира и гражданскаго благоустройства, есть величайшій твой благодѣтель. Тысячами выгодъ государства обязаны своимъ правительствамъ. Какъ скоро упразднить начальство, все разсыплется; не устоятъ ни города, ни селенія, ни домы, ни торжище, ни какое другое заведеніе; напротивъ все испровергнется отъ того, что сильнѣйшіе поглотятъ слабѣйшихъ. Итакъ, еслибы неповинующихся и не преслѣдовалъ гнѣвъ, тебѣ и тогда надлежало бы соблюдать подчиненность, дабы не оказаться безсовѣстнымъ и неблагодарнымъ благодѣтелю."

Ст. 6. *Сего ради и дани даете: служители бо Божіи суть во истое сіе пребывающе.*

„*Сего ради и дани даете.* Не перечисляя всѣхъ благодѣяній, какими государства обязаны своимъ правительствамъ, и каковы суть: благочиніе, миръ и другія услуги какъ по военной, такъ и по гражданской части, Апостолъ на все то приводитъ одно слѣдующее доказательство. Платя дань правительству, говоритъ онъ, симъ самымъ ты свидѣтельствуешь, что оно благодѣтельствуетъ тебѣ. Замѣть мудрость и искусство блаженнаго Павла. То, что признавалось тягостнымъ и несноснымъ, т. е. налоги, обращаетъ онъ въ доказательство попечительности правительства. За что, спрашиваетъ онъ, даемъ царю дани? Не за то ли, что онъ промышляетъ о насъ? Не есть ли это награда правителю за его попеченія? Мы не стали бы платить даней, еслибы напередъ не знали, что покровительство начальства будетъ для насъ полезно. Напротивъ, издревле, съ общаго согласія, всѣми принято,

чтобы правители содержались на нашъ счетъ; потому что они, оставивъ собственныя дѣла, пекутся о дѣлахъ общественныхъ, и все свое время проводятъ въ заботахъ о томъ, чтобы наша собственность была неприкосновенна.

„Приведши побужденія, заимствованныя отвнѣ, Апостолъ опять возвращается къ прежнему своему доказательству; ибо такимъ образомъ онъ удобнѣе могъ привлечь на свою сторону вѣрныхъ. Посему снова показываетъ, что такъ угодно Богу, чѣмъ и заключаетъ свои убѣжденія, говоря: *служители бо Божіи сутъ*. Потомъ, изображая труды и безпокойства, сопряженныя со властію, присовокупляетъ: *во истое сіе пребывающе*, т.-е. на то посвящена вся жизнь ихъ, о томъ всѣ заботы ихъ, чтобы ты наслаждался миромъ. (*Пребывающе*, *προσκαρτεροῦντες*, —а это слово означаетъ—корпѣть надъ чѣмъ неусыпно). Посему и въ другомъ посланіи Павелъ повелѣваетъ не только подчиняться начальникамъ, но и молиться за нихъ; при чемъ показываетъ и общую отъ того пользу, присовокупивъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ* (Тит. 2, 2). Ибо начальники не мало содѣйствуютъ къ спокойствію настоящей жизни нашей тѣмъ, что вооружаются противъ враговъ, отражаютъ ихъ, усмиряютъ внутренніе мятежи, рѣшаютъ всякіе споры. Не говори мнѣ, что иной употребляетъ власть во зло; напротивъ, обрати вниманіе на стройность гражданскаго постановленія, и разсуди, сколько было мудрости въ томъ, кто узаконилъ сіе въ началѣ“ (Св. Злат.).

Ст. 7. ***Воздадите убо всѣмъ должная: емуже убо урокъ, урокъ: а емуже дань, дань: а емуже страхъ, страхъ: и емуже честь, честь.***

Урокъ—*φόρος*, дань—*τέλος*. Бл. Θеодоритъ толкуетъ сіи слова такъ: „Апостолъ *урокомъ* называетъ поземельную подать; *данію* же—сборъ за право торговли.“ по-

шлину. А Экуменій съ Бл. Өеофилактомъ такъ: „отдавайте всякому, какъ долгъ, то, что слѣдуетъ ему отдавать по роду ввѣреннаго ему начальствованія: кому слѣдуетъ отдавать урокъ—φόρον,—поголовную подать, тому отдавайте урокъ; а кому слѣдуетъ отдавать дань—τέλος,—взносъ за землю, тому отдавайте дань.“—Святый же Златоустъ, оставя деньги, обращаетъ все вниманіе на то, что требуется словами: *страхъ* и *честь*, т.-е. на нравственную сторону дѣла. „Апостолъ продолжаетъ еще прежнюю мысль и повелѣваетъ въ дань начальникамъ приносить не только деньги. но честь и страхъ.—Какъ же онъ сказалъ выше: ежели хочешь не бояться власти, то дѣлай добро; а теперь говоритъ: воздадите страхъ?—Здѣсь подъ страхомъ разумѣетъ онъ высшую степень почтенія, а не страхъ, происходящій отъ худой совѣсти. какой разумѣлъ выше И не сказалъ: дайте, но—*воздадите*; притомъ присовокупилъ: *должная*. Ибо исполненіе этого не есть даръ, но долгъ; и если не выполнишь сего, то будешь наказанъ, какъ неблагодарный. — Не думай, что унизится и потерпитъ ущербъ честь твоего любомудрія, если въ присутствіи начальника встанешь или откроешь голову. Ибо ежели Апостолъ такъ узаконилъ, когда начальниками были язычники, то кольми паче надлежитъ наблюдать сіе нынѣ, когда имѣемъ начальниковъ христіанъ. Если же скажешь, что тебѣ самому ввѣрено больше (разумѣются вѣра и благодатные дары); то знай, что еще не пришло твое время. Теперь ты странникъ и пришлецъ; а будетъ время, когда окажешься сильнѣе всѣхъ. Нынѣ жизнь твоя сокрыта *со Христомъ въ Богѣ; когда же Христосъ явится, тогда и вы съ Нимъ явитеся во славѣ* (Кол. 3, 3. 4). Итакъ не ищи себѣ воздаянія во временной жизни; но еслибы нужно было тебѣ и со страхомъ предстать начальнику, не считай сего унижающимъ твое благородство. Такъ

угодно Богу, чтобы пріявшій отъ Него почесть власти начальникъ имѣлъ свою силу. А для тебя послужитъ сіе еще къ большей чести; ибо человѣкъ унижается еще не тѣмъ, что оказываетъ другому почтеніе, а тѣмъ, что не оказываетъ онаго. Да и начальникъ тебѣ же удивляться больше станетъ, и еслибы даже онъ былъ невѣрный, прославитъ за то Господа.“

Бл. Θеофилактъ согласно съ Экуменіемъ такъ толкуетъ сіе мѣсто „не однѣ только деньги давайте, воздавайте и страхъ, т.-е. почтеніе, благоговѣніе и отмѣнную почесть. Поэтому присовокупляетъ: *емуже честь, честь.* Страхъ двухъ родовъ. Одинъ страхъ тотъ, которымъ боятся преступники,—страхъ, происходящій отъ нечистой совѣсти: этотъ страхъ еще прежде отвергъ Апостолъ. Другой же страхъ тотъ, который имѣютъ любящіе къ любимому, т.-е. высшая степень почтенія.“

Но можно страхъ относить ко всѣмъ начальственнымъ лицамъ, а честь—ко всѣмъ другимъ почтеннымъ въ обществѣ лицамъ. Такую мысль выражаетъ Амвросіастъ: „Страхъ изъявлять пристойно предъ начальствомъ и властію, потому что страхъ не допускаетъ до погрѣшностей и преступленій (преслѣдуемыхъ властію). А въ отношеніи къ родителю и господину сынъ и рабъ должны оказывать честь изъ чувства благодарности. Можно указываемую здѣсь честь относить къ лицамъ, высокимъ помірски въ мірѣ, чтобъ они, видя смиреніе рабовъ Христовыхъ, болѣе хвалили, а не укоряли Евангельское ученіе.“

бб) *Второе*, въ гражданскомъ отношеніи, α) исполненіе всѣхъ обязанностей общежитія, 8—10, съ β) удаленіемъ однакожъ отъ худыхъ обычаевъ, получившихъ гражданство въ языческомъ обществѣ, 11—14.

a)

Апостолъ говоритъ въ семъ отдѣленіи, ст. 8—10, о соблюденіи обязанностей общежитія, закономъ опредѣленныхъ. Эти законы онъ и указываетъ, ст. 9. Всѣ они отрицательнаго свойства: того не дѣлай, другаго не дѣлай, и взяты изъ второй скрижали Десятословія. Для язычника, и даже для Іудея, достаточно не дѣлать, а для христіанина мало сего: надобно еще имѣть добрую основу недѣланія. Апостолъ указываетъ ее въ любви. О любви къ братіямъ онъ уже говорилъ; теперь говоритъ о ней, какъ объ основаніи и источникѣ достохвальной жизни гражданской. Онъ говоритъ какъбы: законовъ тутъ много; но люби, и ты все исполнилъ, хоть бы ты и не зналъ законовъ, любовь сама научитъ тебя законному дѣйствованію, и съ нею ты всегда будешь самый исправный гражданинъ.

Ст. 8. ***Ни единому ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга: любяй бо друга исполни законъ.***

Предъ симъ указалъ, что должностнымъ лицамъ, какою бы то ни было властію облеченнымъ, надлежитъ воздавать должное, всякому свое по чину его. Раждается вопросъ: а въ отношеніи къ другимъ согражданамъ, что есть должное? ***Ни единому ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга.*** Тутъ неуплатимымъ долгомъ своимъ имѣйте любовь. Поголовную или поземельную подать отдалъ, пошлину уплатилъ,—и свободенъ; а любовь считайте всегдашнимъ долгомъ, всегда его уплачивайте, но никогда не считайте вполнѣ уплаченнымъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ снова обращается къ матери благъ, къ совершительницѣ всякой добродѣ-

тели,—къ любви, и говоритъ, что она есть долгъ нашъ не временный, каковы подать или пошлина, но всегдашній. Ибо онъ хочетъ, чтобы долгъ сей никогда не былъ выплаченъ, и хотя всегда уплачиваемъ, но не вполнѣ, а такъ, чтобы все еще оставаться въ долгу. Потому что это такого рода долгъ, что непрестанно уплачивается, но никогда не выплачивается. Сказавъ же, какъ должно любить, Апостолъ открываетъ и выгоды любви, говоря: *любяй бо друга, законъ исполни.*"

Въ этомъ и заключается отвѣтъ на вопросъ, какъ дѣйствовать должно въ отношеніи къ другимъ. Люби,— и все должное въ семъ отношеніи исполнишь. Ибо любовь есть исполненіе закона,—она и указываетъ должное, и силу даетъ къ исполненію того; она есть исполнительная сила закона, источникъ, изъ котораго исходитъ все законное и одно законное. У любви только и дѣла, что творить законное, не потому, чтобы законъ навязывалъ ей сіе совнѣ, а потому, что если она въ движеніи, то ничего не можетъ дѣлать кромѣ законнаго, сознаетъ ли она сіе законное, или не сознаетъ. Она же есть основа мира, благоденствія и спокойствія общественнаго. Когда бы сдѣлалась она общедвижущею силою, тогда не нужно было бы ни охранителей порядка, ни судовъ. Все спѣлось бы стройно само собою. А безъ любви общежитіе не прочно. Внѣшно всѣ одно, а внутренно разрозненны: это куча песку несцѣпленнаго. „Если нѣтъ любви въ насъ, то весь составъ тѣла расторгнутъ," говоритъ св. Златоустъ.

Ст. 9. *Еже бо не прелюбы сотвориши, не убіеши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, не похощеши: и аще кая ина заповѣдь, въ семъ словеси совершается,— во еже: возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе.*

Показываетъ, какъ любовь исполняетъ законъ. Перечисляетъ такія дѣла, которыя и гражданскимъ закономъ

преслѣдуются, и внушаетъ, что любовь не допуститъ ни до одного изъ сихъ и подобныхъ дѣлъ. Любящій друга можетъ ли позволить себѣ соблазнить жену его? Можетъ ли поднять руку на него, или протянуть ее къ его собственности? Повернется ли у него языкъ, чтобъ взнесть на него что ложное? И сердце подвинется ли пожеланіемъ чего-либо, что принадлежитъ другу его или позавидовать ему? И ничего другаго непріятнаго и вреднаго другу его не позволитъ онъ себѣ сдѣлать ему. Такъ что гдѣ любовь, тамъ только одни законныя дѣла, — и дѣла не только правды, но и взаимносодѣйствія, помоганія и поддержанія. Бл. Фотій у Экуменія пишетъ: „Какъ любящій ближняго исполняетъ законъ, видно изъ слѣдующаго. Любящій не покусится расторгнуть брачный союзъ любимаго, понавѣтовать противъ того, что есть самое главное въ жизни, и въ этомъ главномъ причинить ему вредъ. Но и смертоубійственныхъ рукъ не вооружитъ онъ противъ него, ни украсть что-либо у него не позволитъ себѣ, ни другимъ какимъ-либо образомъ насильственно отнять что-либо у него не рѣшится, потому что не можетъ поблажить похотѣнію того, *елика суть ближняго его*. Ничто такое не свойственно любящему. Ни ложнаго свидѣтельства не дастъ онъ противъ ближняго, ни клятвопреступной клятвою не поклянется во вредъ ему. Оградившій же себя такими расположеніями, какую другую добродѣтель не приложитъ къ сказаннымъ? — Такъ что любящій ближняго воистину является вѣрнымъ исполнителемъ всего закона.“

И аще ина кая заповѣдь, въ семъ словеси совершается, во еже: возлюбиши. — Совершается, — ἀνακεφαλαιοῦται, — возглавляется, подъ это заглавіе подходитъ: *еже возлюбиши*, и въ немъ содержится, и въ исполненіи его исполняется. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ сказалъ не просто: дополняется, но ἀνακεφαλαιοῦται, — то-есть, въ сей

заповѣди сокращенно вмѣщается весь составъ заповѣдей. Ибо начало и конецъ добродѣтели есть любовь. Она есть и корень и необходимое условіе, она и вершина добродѣтели. А если любовь есть начало и полнота, то что ей равняется? Впрочемъ Апостолъ требуетъ не просто любви, а любви въ высшей степени, ибо не просто сказалъ: *возлюбиши*, но присовокупилъ: *яко самъ себе.*"

Ст. 10. *Любы искреннему зла не творитъ: исполненіе убо закона любы есть.*

Существо любви жертвовать собою и всѣмъ своимъ для любимаго и дѣлать ему всевозможное благо. Если таково свойство ея, то какъ возможно, чтобъ она сдѣлала какое-либо зло?—Апостолъ эту вторую сторону любви,—что она зла не творитъ,—выставляетъ, имѣя въ виду гражданскую жизнь. Законъ гражданскій преслѣдуетъ нарушителей добрыхъ взаимныхъ отношеній, дѣланіе же добра предоставляетъ совѣсти каждаго. Почему хочешь ли быть граждански исправнымъ, не дѣлай зла. Но чтобы быть тебѣ сильнымъ не дѣлать зла, и быть исправнымъ предъ гражданскимъ закономъ,—люби. Если любишь, всѣ гражданскіе законы легко будутъ тобою исполнены, и тебѣ нечего будетъ бояться и безпокоиться въ этомъ отношеніи.

Такая мысль здѣсь по теченію рѣчи. Но если взять сіи слова отвлеченно, то въ нихъ выражаются общія черты любви. Св. Златоустъ говоритъ: „Видишь ли, что любовь имѣетъ то и другое совершенство: какъ воздержаніе отъ зла,—ибо сказано, что она *зла не творитъ,* такъ и дѣланіе добра,—ибо сказано, что она есть исполненіе закона? Любовь не только преподаетъ намъ сокращенное ученіе о томъ, что должно дѣлать, но и облегчаетъ исполненіе нравственныхъ законовъ. Она не только заботится о томъ, чтобы мы познали свои обязанности, (это дѣлаетъ и законъ), но и много способствуетъ намъ къ испол-

ненію сихъ обязанностей и совершаетъ въ насъ не одну только какую-нибудь часть заповѣдей, но цѣлую добродѣтель во всей ея полнотѣ.—Въ ней для насъ царство небесное, въ ней наслажденіе благъ, въ ней всякое утѣшеніе, въ ней веселіе, въ ней радость, въ ней блаженство, и, что бы ни сказалъ я о семъ благѣ, ничто не изобразитъ его вполнѣ: оно дознается только опытомъ."

β)

Изобразивъ, какъ слѣдуетъ быть исправнымъ гражданиномъ въ духѣ христіанскомъ, предъотвращаетъ теперь Апостолъ Римлянъ отъ срамныхъ обычаевъ, получившихъ гражданство въ языческихъ обществахъ. Побужденіемъ къ тому выставляетъ онъ пришествіе Христово. Пришествіе Христово есть день, а тѣ обычаи темны, какъ ночь; потому намъ христіанамъ не должно слѣдовать имъ и участіе въ нихъ принимать. Какое пришествіе Христово разумѣетъ Апостолъ? Одни полагаютъ второе, имѣющее быть, а другіе первое, уже бывшее. Будемъ принимать и то и другое.

Ст. 11. *И сіе, вѣдяще время, яко часъ уже намъ отъ сна возстати. Нынѣ ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ.*

И сіе. Слово сіе можно относить и къ предыдущему и къ послѣдующему. Въ первомъ случаѣ оно будетъ значить: и это тѣмъ болѣе. Сказалъ: не бывайте никому ничѣмъ должны, кромѣ любви, и указалъ тому причину въ томъ, что любовь сама собою все должное исполнитъ. Теперь прилагаетъ новое побужденіе: и это „особенно потому, что теперь не время сну, а бодрствованію" (Θеод.). Т.-е. что пришелъ Христосъ Господь и просвѣтилъ насъ,—или, что вотъ-вотъ пріидетъ, и настанетъ день будущаго воскресенія славнаго. А во второмъ

будетъ значитъ: кромѣ того еще и сіе. Сказалъ: любите и чрезъ то легко исполните все законное. Теперь прибавляетъ: кромѣ того еще и сіе должно вамъ дѣлать. Что же это?—Зная время, что пришелъ Христосъ Господь и просвѣтилъ насъ, или—что вотъ-вотъ пріидетъ и день вѣчный настанетъ,—отложимъ дѣла темная—козлогласованіе, піянство и подобное. Послѣднее лучше подходитъ къ теченію рѣчи.

Вѣдяще время. Очевидно вѣдѣніе времени выставляетъ Апостолъ въ побужденіе къ сообразному съ нимъ дѣйствованію. И Спаситель говорилъ въ укоръ Іудеямъ: *лицемѣры, лице небу и земли вѣсте искушати: времени же сего како не искушаете?* (Лк. 12, 56), давая разумѣть, что еслибъ они уразумѣли, то не упорствовали бы въ невѣріи и противленіи Ему: это разумѣніе заставило бы ихъ совсѣмъ иначе дѣйствовать. Тоже говорилъ Онъ и къ Іерусалиму, при торжественномъ входѣ въ него: *аще бы разумѣлъ и ты, въ день сей твой, еже къ смиренію твоему,* т.-е. къ миру, благоустроенію, спасенію. Но не разумѣлъ, и не разумѣя дѣйствовалъ не какъ слѣдуетъ, и тѣмъ навлекъ на себя кары небесныя: *понеже,* говоритъ, *не разумѣлъ еси времени посѣщенія твоего* (Лк. 19, 42. 44),—посѣщенія Господомъ, не въ этотъ только разъ, но вообще пришествія Его на землю. Тоже и Апостолъ теперь говоритъ: *вѣдая время,* сознавая ясно то, къ чему оно насъ обязываетъ,—а оно обязываетъ къ тому, чтобъ не спать, а бодрствовать,—отложимъ дѣла темныя, ночныя.

Время разумѣется пришествія Христова. Какого? Перваго или втораго?—Разумѣй первое, разумѣй и второе. То и другое есть день. Въ первое возсіяло Солнце правды Христосъ Богъ нашъ, и насталъ день Боговѣдѣнія; и во второе возсіяетъ свѣтлое воскресеніе и возустроеніе всяческихъ, и настанетъ невечерній день блаженной

и вѣчной жизни. Когда первое сличишь съ предшествовавшимъ временемъ, то оно есть день; а когда сличишь его со вторымъ, то оно есть только разсвѣтъ дня. Какое время ни разумѣть, то и другое громогласно взываетъ къ каждому изъ насъ: вставай, будетъ спать,—какъ добрый хозяинъ кричитъ сыновьямъ и работникамъ: вставайте, пора работать. Размышленіе и памятованіе о пришествіи Христовомъ, какъ первомъ, такъ и второмъ, всегда было и есть самымъ сильнымъ побужденіемъ къ удаленію отъ худыхъ дѣлъ и къ преуспѣянію въ добрыхъ,—къ тому, чтобъ отъ сна востать и начать бодрствовать. бросить нерадѣніе и воспріять ревность о спасеніи и дѣлахъ приводящихъ къ нему. Св. Златоустъ, обращая мысль ко второму пришествію, говоритъ при семъ: „Апостолъ, предписавъ все нужное, побуждаетъ Римлянъ къ добрымъ дѣламъ и самою краткостію времени. Время суда, говоритъ онъ, стоитъ уже при дверяхъ. Такъ писалъ онъ Коринѳянамъ: *яко время сокращено есть прочее* (1 Кор. 7, 29), и также къ Евреямъ: *еще мало елико елико, грядый пріидетъ и не укоснитъ* (Евр. 10, 37). Но тамъ говорилъ онъ въ одобреніе трудящимся, и въ утѣшеніе тѣхъ, которые отъ частыхъ искушеній пришли въ изнеможеніе; а здѣсь хочетъ пробудить спящихъ И дѣйствительно, апостольское слово сіе полезно для насъ въ обоихъ случаяхъ. Что же значитъ это: *часъ уже намъ отъ сна востати?* То, что близокъ день воскресенія, близокъ страшный судъ, близокъ день, ражженный какъ пещь; и намъ должно уже отложить нерадѣніе.“ Амвросіастъ же, держа вниманіе на первомъ пришествіи, пишетъ: „отъ сна востать значитъ дѣлать добро, какъ днемъ, явно; ибо ночью въ сокровенности дѣлаются обыкновенно дѣла запрещенныя. Мы же, находясь въ состояніи освѣщенныхъ, т.-е. въ Боговѣдѣніи и зная, чему надлежитъ слѣдовать,

должны всячески стараться жить чисто и свято, отрясши сонъ невѣдѣнія и нерадѣнія."

Нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ. Держа вниманіе на первомъ пришествіи Христовомъ, слова: *егда вѣровахомъ*, отнесемъ къ ветхозавѣтному времени, когда только чаяли и ожидали Христа Спасителя, съ полною вѣрою, что придетъ, а нынѣ мы уже видѣли Его, слышали и осязали. И тогда было спасеніе вѣрою въ Грядущаго, но нынѣ оно ближе къ намъ. Теперь самъ Спаситель съ нами, облекаетъ насъ въ Себя и питаетъ Собою, и всякія божественныя *силы подаетъ, яже къ животу и благочестію* (2 Пет. 1, 3). Потому намъ никакъ не пристало спать, а надо бодрствовать и бодренно трудиться. Какъ въ рабочее время, когда погода хороша, никто себѣ сна не даетъ, всѣ спѣшатъ на работу, чтобъ не пропустить удобнаго времени: такъ и мы христіане, имѣя такое благопріятное время для спасенія, напряжемъ всѣ усилія къ дѣланію только того, чѣмъ содѣвается спасеніе, устраняясь отъ всего, вредящаго ему. Сіе внушаетъ Апостолъ и Коринѳянамъ, говоря: *споспѣшествующе же и молимъ, не вотще благодать Божію пріяти вамъ: се нынѣ время благопріятно, се нынѣ день спасенія* (2 Кор. 6, 1. 2).

Но очевидно, что эта мысль переводитъ и къ помышленію о второмъ пришествіи: пропустишь срокъ, настанетъ день суда Божія, что тогда скажешь, и чѣмъ оправдаешься, если Онъ застанетъ тебя спящимъ, или за темными нощными дѣлами? Почему Амвросіастъ и пишетъ: „явно, что тѣ, которые послѣ бани пакибытія въ купели крещенія живутъ добрѣ и ревнуютъ о дѣлахъ любви, недалеки отъ славы обѣтованнаго воскресенія. Ибо добрая христіанская жизнь—знаменіе будущаго спасенія." Святый же Златоустъ говоритъ на сіи слова: „Видишь, какъ Апостолъ выразилъ имъ приближеніе

воскресенія? Съ теченіемъ времени, говоритъ онъ, настоящая жизнь исчерпывается; а жизнь будущаго вѣка дѣлается къ намъ ближе. Ежели ты готовъ и выполнилъ все заповѣданное Богомъ; то день сей будетъ для тебя днемъ спасенія. Въ противномъ же случаѣ не надѣйся сего. Впрочемъ Апостолъ убѣждаетъ Римскихъ христіанъ не представленіемъ горькихъ послѣдствій, но указаніемъ на блага, и такимъ образомъ стараясь отвлечь ихъ отъ пристрастій къ настоящему. Притомъ не удивительно, что они сначала и вскорѣ по принятіи вѣры, когда усердіе было еще въ самой силѣ, отличались большею ревностію, съ теченіемъ же времени ревность ихъ ослабѣла. Потому Апостолъ внушаетъ, что надлежитъ поступать совершенно напротивъ, и съ продолженіемъ времени не ослабѣвать, но болѣе воспламеняться. Чѣмъ ближе къ намъ Царь, тѣмъ болѣе должны мы быть готовы. Чѣмъ ближе награда, тѣмъ больше должны мы возбуждать себя къ подвигамъ. Такъ дѣлаютъ состязающіеся въ бѣгу; они когда приближаются къ цѣли и къ полученію награды, тогда съ большею ревностію напрягаютъ послѣднія силы. Посему Апостолъ сказалъ: ***нынѣ ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ.*** “ Когда мы увѣровали, т.-е. приняли вѣру Христову; то спасеніе, т.-е. второе пришествіе Христово, когда обнаружится, спасенъ ли кто, или нѣтъ, было отъ насъ дальше; но послѣ того, чѣмъ больше живешь, тѣмъ оно становится ближе, и сколько мы прожили послѣ крещенія, настолько оно стало ближе. Но пока не придетъ второе пришествіе, для каждаго изъ насъ часъ смерти есть тоже, что оно само. Бл. Фотій у Экуменія пишетъ: „Спасеніемъ Апостолъ называетъ конецъ жизни, потому что тогда открывается уже, достоинъ ли кто спасенія и блаженства.“

Такія внушенія подаются, если въ приведенныхъ словахъ разумѣть второе пришествіе. Но прямѣе будетъ ра-

зумѣть въ нихъ первое пришествіе, какъ показываютъ и слѣдующія слова.

Ст. 12. *Нощь убо прейде, а день приближися. Отложимъ убо дѣла темная и облечемся въ оружіе свѣта.*

Слова: *нощь убо прейде, а день приближися,* Бл. Θеодоритъ толкуетъ такъ: „Апостолъ *нощію* называетъ время невѣдѣнія, *и днемъ*—время по пришествіи Владыки; потому что Солнце правды, возсіявъ, освѣтило вселенную свѣтомъ Боговѣдѣнія.“ И Амвросіастъ пишетъ: „нощію назвалъ Апостолъ ветхаго человѣка, который чрезъ крещеніе дѣлается новымъ. Прешелъ, говоритъ, сей человѣкъ, какъ ночь, а день приближился, во свѣтѣ коего истина намъ открылась,—чтобъ мы вѣдали, что должно намъ дѣлать. Прежде, не зная Христа, мы были во тмѣ; но когда познали Его, свѣтъ возсіялъ въ насъ, потому что мы перешли отъ лжи къ истинѣ.“

А другіе наши толковники, держась все тойже мысли, что здѣсь Апостолъ говоритъ о второмъ Христовомъ пришествіи, подъ нощію разумѣютъ настоящую жизнь и настоящій вѣкъ, а подъ днемъ будущій вѣкъ; а что говоритъ Апостолъ: *прейде и приближися,* то здѣсь то выражается, что какъ положено одному прейти, а другому приблизиться, и то и другое непремѣнно будетъ, то содержи въ умѣ, что это уже и есть,—ночь прешла, а день приближился. Бл. Θеофилактъ пишетъ одинаково съ Экуменіемъ: *„нощь прейде,* т.-е. ночь скоро кончится. Напримѣръ: положимъ, что ночь состоитъ изъ двѣнадцати часовъ. Когда пройдетъ десять часовъ, то говоримъ, что ночь уже пресѣклась—προέκοψεν, вмѣсто: прошла, близка къ концу. Ночью называетъ Апостолъ настоящій вѣкъ, потому что въ немъ многіе находятся во тмѣ и житіе каждаго покрыто тмою; а днемъ именуетъ вѣкъ будущій, какъ по причинѣ свѣтлости праведныхъ, такъ и потому, что тогда откроются тайны всѣхъ.“ И св.

Златоустъ говоритъ: „Итакъ, ежели ночь скончавается, а день приближается, то займемся уже дневными дѣлами, а не ночными. Сіе наблюдается и въ дѣлахъ житейскихъ. Какъ скоро видимъ приближеніе разсвѣта и слышимъ пѣніе ласточекъ, то будимъ другъ друга, хотя бы ночь еще не прошла. А когда она пройдетъ, то понуждаемъ другъ друга, говоря: наступилъ день, пора одѣваться, разстаться съ грезами, отрясти сонъ и приниматься за дѣла дневныя. Пусть день застанетъ насъ готовыми; ибо поздно уже вставать и сряжаться, когда освѣтятъ солнечные лучи. Такъ мы ведемъ себя въ дѣлахъ житейскихъ; такъ будемъ поступать и въ дѣлахъ духовныхъ. Оставимъ мечты, разстанемся съ грезами настоящей жизни, отложимъ глубокій сонъ, и вмѣсто одежды облечемся въ добродѣтели.“

Отложимъ убо дѣла темная и облечемся во оружіе свѣта. Какъ мы просвѣщены святымъ крещеніемъ,—оправданы, освящены, и облечены благодатію, то намъ не пристало уже дѣлать темныя дѣла грѣховныя; надо отложить ихъ, сбросить и отбросить, а вмѣсто того облещися во оружіе свѣта, т.-е. въ добродѣтели. Грѣхи суть темныя дѣла, потому что во тьмѣ творятся, и въ тьму погружаютъ творящаго ихъ, въ тьму невѣдѣнія, ослѣпленія, страстности и плотяности чувственной. Добродѣтели же суть оружіе свѣта, потому что каждая добродѣтель, утверждаясь въ сердцѣ, поражаетъ противоположную страсть грѣховную, которая иначе и поражена быть не можетъ, какъ сею противоположною ей добродѣтелію. Добродѣтель поставляетъ человѣка въ свѣтлое состояніе: онъ тогда предъ Богомъ ходитъ и дерзновенно воззрѣваетъ на Него, видитъ себя самого ясно, и не прячется отъ людей, смѣло смотритъ всѣмъ въ глаза. Такія свойства добродѣтели и грѣшности отражаются и во всемъ естествѣ человѣка; и тѣ, у которыхъ открыты

очи духовныя, однихъ видятъ темными, а другихъ свѣтлыми. Ангелы же Божіи и всегда насъ видятъ или свѣтлыми, или темными, смотря по тому, каково наше внутреннее настроеніе.

Бл. Ѳеофилактъ пишетъ о семъ такъ: „Дѣлами темными назвалъ Апостолъ грѣховныя дѣйствія, а оружіями свѣта наименовалъ дѣйствія добродѣтельныя. Словами: *отложимъ и облечемся* показалъ удобство того и другаго, т.-е. удаленія отъ злыхъ дѣлъ и обращенія къ добродѣтели. Какъ не трудно отложить одежду и облечься въ другую; такъ возможно удалиться отъ порока и воспріять добродѣтель.“ --Но можетъ быть такъ говорится не потому, чтобъ было легко то и другое: ибо на дѣлѣ какъ совлеченіе грѣховъ и страстей, такъ и облаченіе въ добродѣтели сопровождается не малымъ трудомъ; но для того, чтобъ внушить, что то и другое должно быть сдѣлано полно, въ совершенствѣ, такъ чтобы и слѣда не оставалось ничего порочнаго, и напротивъ добродѣтель была видна во всемъ, съ какой стороны ни посмотри на человѣка.

Амвросіастъ такъ разсуждаетъ: „Дѣла тьмы—плотская жизнь, которая водится приманками и прелестями вѣка сего. Будучи темны, они и достойны тьмы, какъ говоритъ Господь: *связавше ему* (не имѣвшему одѣянія брачнаго) *руцѣ и нозѣ, возмите его и ввергзите во тму кромѣшную* (Мѳ. 22, 13). Оружія же свѣта суть добрыя дѣянія. Какъ худыя дѣла отлагаются до темноты ночной,—потому что обыкновенно дѣлающими ихъ дѣлаются утаенно; такъ и дѣлающіе добро дѣйствуютъ явно; потому что не стыдятся дѣлъ своихъ, а смѣло и радостно дѣлаютъ ихъ. Добрыя дѣла суть оружія свѣта, потому что прогоняютъ тьму плотскихъ страстей.“

Св. Златоустъ останавливаетъ вниманіе болѣе на словѣ—оружіе свѣта, и воодушевляетъ къ воинствованію

за добро.—„День, говоритъ онъ, призываетъ насъ въ воинскіе ряды и на сраженіе. Но не пугайся, слыша о воинскихъ рядахъ и объ оружіи. Тяжело и несносно облекаться въ вещественное оружіе; но облечься въ духовное оружіе вожделѣнно и должно составлять предметъ нашихъ молитвъ; потому что это оружіе есть оружіе свѣта. Оно сдѣлаетъ тебя свѣтлѣе солнечныхъ лучей, блистающихъ какъ молнія; оно поставитъ тебя въ безопасность, потому что есть оружіе; оно содѣлаетъ тебя свѣтоноснымъ, потому что есть оружіе свѣта. Что же? По этому не нужно и сражаться? Сражаться нужно; но не опасайся при этомъ бѣдъ и изнуренія. Ибо это не брань, а ликованіе и торжество. Таково свойство сего оружія, таково могущество вождя! Облеченный въ сіе оружіе столько же украшенъ, какъ и женихъ выходящій изъ брачнаго чертога; ибо онъ вмѣстѣ и женихъ и воинъ.“

Ст. 13. *Яко во дни, благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію.*

Грѣхъ прячется во тьму ночи, а днемъ боится показаться наружно: ибо и самые грѣшники грѣха стыдятся и предъ людьми стараются показывать себя добропорядочными. Этотъ обычный порядокъ беретъ Апостолъ во вниманіе, и внушаетъ, что какъ мы теперь во дни, въ свѣтѣ Боговѣдѣнія и въ освѣщающей благодати, то намъ надлежитъ ходить благообразно; не по внѣшности только, но паче по внутреннему настроенію, въ душѣ и сердцѣ: ибо тамъ и день у насъ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ посредствомъ тѣлеснаго указуетъ духовное. Ибо и возлюбившіе жизнь беззаконную, беззаконіе творятъ ночью, а днемъ принимаютъ на себя видъ благочинія. Посему желательно ему, по прошествіи ночи и по прекращеніи невѣдѣнія, избавиться отъ дѣлъ злыхъ.“ Тоже

и у Амвросіаста: „публично не грѣшатъ; будемъ же и мы дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ публично.“

Но грѣхъ не всегда прячется. Бываютъ состоянія общества, когда грѣхъ смѣло выступаетъ наружу и не боится хвастаться самыми срамными дѣлами. Это еще Пророкъ Давидъ замѣчалъ: *видѣхъ беззаконіе и прерѣканіе во градѣ. Днемъ и нощію обыдетъ ѝ по стѣнамъ его: беззаконіе и трудъ посредѣ его и неправда: и не оскудѣ отъ стогнъ его лихва и лесть* (Пс. 54, 10—12). Впрочемъ и то вѣрно, что такое безстыдство грѣха бываетъ только напускное и держится ожиданіемъ, что и общество сочувствуетъ такимъ дѣламъ. Но стоитъ только кому властно обнаружить неодобреніе, какъ беззаконное общество разбѣжится и попрячется. Стыдъ ходитъ въ слѣдъ грѣха и всегда покрываетъ грѣшащаго, въ большей или меньшей степени. Св. Златоустъ говоритъ: „поелику Римляне много цѣнили людское мнѣніе, то Апостолъ и предлагаетъ имъ въ побужденіе то, чѣмъ всего болѣе трогаются люди обыкновенные, т.-е. благообразіе.“

Въ чемъ должно состоять это благообразіе, Апостолъ означаетъ указаніемъ безобразія, котораго должно избѣгать. Безобразіе это составляли пьянство, пирушки, срамныя пѣсни, блудныя дѣла, ссоры, споры и подобное. Отъ всего этого желающему жить благообразно надлежитъ воздерживаться. Мы христіане, сыны свѣта и дня, — пріяли свѣтъ вѣры и благодать Духа. Не слѣдуетъ намъ увлекаться такими дѣлами, или какое-нибудь принимать въ нихъ участіе. Это языческіе обычаи, и для насъ они совсѣмъ непригодны. Тоже писалъ Апостолъ и Солунянамъ, и тоже выставлялъ побужденіе: мы не во тьмѣ ночи, а во свѣтѣ дня. Упиваются ночные, а намъ надлежитъ трезвиться и бодрствовать (1 Сол. 5, 5—7). Это главный предметъ настоящаго отдѣленія, въ коемъ Апостолъ требуетъ, чтобъ христіане, пребывая добрыми гражда-

нами, воздерживались однакожъ отъ худыхъ обычаевъ, получившихъ гражданство въ языческихъ обществахъ. Св. Ап. Петръ замѣчаетъ, что христіане тогда такъ себя и держали. *Довлѣетъ вамъ мимошедшее время житія, волю языческую творившимъ, ходившимъ въ нечистотахъ, въ похотехъ, въ піянствѣ, въ козлогласованіихъ, въ лихоиманіи. О немже дивятся* (т.-е. язычники) *не сходящимся вамъ въ тоже блуда разліяніе* (1 Пет. 4, 3. 4). Изъ этого надлежитъ заключить, что послабленіе такимъ обычаямъ есть вѣрный признакъ ослабленія духа христіанской жизни и что общество, въ которомъ они въ ходу, язычествуетъ, прикрываясь именемъ христіанскимъ.

Козлогласованія—„пирушки, на которыхъ имѣютъ обычай буйствовать и сквернить языкъ срамными пѣснями; а виновникъ этого—пьянство. Оно же бываетъ матерію непотребства и наставницею въ ссорахъ и спорахъ" (Θеод.). Это—разгульныя пирушки, которыя или сообща въ складчину учреждаются, или поочередно устрояются каждымъ соучастникомъ. На нихъ никто не почитаетъ стыдомъ говорить и дѣлать срамное и нечестное, потому что каждый считаетъ пирушку какъбы своею. За чужимъ столомъ стыдъ удерживаетъ, а здѣсь за тѣмъ и сходятся, чтобъ посрамничать, подъ дѣйствіемъ винныхъ возліяній, и потѣшиться разными услажденіями похотными. Посему Апостолъ заповѣдуетъ избѣгать такого рода пирушекъ" (Амвр.).

Піянство—излишнее употребленіе хмѣльныхъ напитковъ, которое омрачаетъ смыслъ и ведетъ къ безсмысленнымъ дѣламъ, возбуждая срамныя похотѣнія. „Не пить запрещаетъ Апостолъ, а пить безъ мѣры; не употребленіе вина, но піянство" (Св. Злат.). Оно причина всѣхъ безобразій, бывающихъ на пирахъ и внѣ ихъ.

Любодѣяніе,—(κοίτη—слежаніе) незаконное смѣшеніе съ женою, а *студодѣяніе;*—ἀσελγεία,—означаетъ или неудер

жимость похотѣнія, или неестественное его удовлетвореніе. „Послѣ запрещенія разгульныхъ пирушекъ и піянства Апостолъ приложилъ запрещеніе и того, что обычно слѣдуетъ за тѣмъ, т.-е. безстыднаго смѣшенія: ибо это прямой плодъ разгульности“ (Амвр.). „Апостолъ возбраняетъ не сообщеніе съ женщинами, а блудъ,—предписываетъ мѣру наслажденія“ (Св. Злат.).

Два источника страстей и страстныхъ дѣлъ—похоть и гнѣвъ. Отклонивъ отъ дѣлъ похоти, Апостолъ отклоняетъ теперь и отъ дѣлъ раздраженія, отъ *рвенія и зависти*. Зависть—плодъ гордости, не терпящей, что кто-либо выдвинулся въ какомъ-либо отношеніи впередъ насъ. Зависть раждаетъ задоръ (ἔρις), который въ мирномъ видѣ понуждаетъ ко всякаго рода усиліямъ, чтобъ снова опередить опередившаго, а не въ мирномъ задираетъ его, заводитъ споры, ссоры и драки, безъ которыхъ не обходятся разгульныя пирушки. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ старается угасить тѣ страсти, отъ которыхъ воспламеняются прочія, именно: вожделѣніе и гнѣвъ. И потому возбраняетъ не самыя только страсти сіи, но и источникъ оныхъ. Ибо нетрезвость и пьянство всего сильнѣе разжигаютъ вожделѣніе и воспламеняютъ гнѣвъ. Посему сказавъ сначала: *не козлогласованіи и піянствы,* присовокупилъ потомъ: *не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію.*“

Ст. 14. *Но облецытеся Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и плоти угодія не творите въ похоти.*

Которые крещены, тѣ уже и облечены въ Господа Іисуса Христа; какъ же говоритъ: *облецытеся?*—То было и есть таинственное облеченіе, а это—дѣятельное; тамъ все совершаетъ благодать, а здѣсь требуется и собственное усиліе. *Облецытеся* значитъ являйте себя облеченными во Христа, блюдите всячески на себѣ сіе Божественное облаченіе, чтобъ всѣ видѣли васъ облечен-

ными въ него, и не иначе разумѣли васъ. Но что значитъ самое облеченіе во Христа?—*Или* то, чтобы являть себя всегда такъ дѣйствующимъ, какъ дѣйствовалъ Христосъ Господь, являть такія въ себѣ свойства и расположенія, какія были во Христѣ Іисусѣ, такъ чтобы всѣ видящіе говорили: это подобникъ Христовъ,—настоящій Христовъ. *Или* то, чтобы, отвергши всякую самонадѣянность и самоувѣренность, всю надежду успѣха въ дѣлахъ по Богу возложить на Христа Господа, Ему себя предать, да будетъ вседѣйствующимъ въ насъ, въ мысляхъ, въ чувствахъ, расположеніяхъ, словахъ и дѣлахъ, питая и полную вѣру, что Онъ ради сей преданности нашей и совершитъ въ насъ все должное, и приведетъ къ чаемому блаженному концу. Послѣднее облеченіе есть причина перваго, которое безъ него и явлено быть не можетъ. Въ настоящемъ мѣстѣ будто болѣе первое разумѣется, но конечно не безъ сего послѣдняго. Св. Златоустъ говоритъ о семъ: „Упоминая о порокахъ, Апостолъ сказалъ: отвергнемъ дѣла тьмы. А когда началъ рѣчь о добродѣтели, то называетъ ее не простыми дѣлами, а оружіемъ, показывая тѣмъ, что добродѣтель поставляетъ обладающаго въ совершенной безопасности и полномъ блескѣ. Даже и симъ онъ не ограничился, но, простираясь выше, вмѣсто одѣянія даетъ намъ, что несравненно ужаснѣе, самого Владыку, самого Царя. Кто въ Него облеченъ, тотъ вполнѣ вмѣщаетъ въ себѣ всякую добродѣтель. Когда же говоритъ: *облецытеся*, повелѣваетъ намъ отвсюду Имъ себя обложить. Подобное сему онъ выражаетъ и въ другихъ мѣстахъ, именно: *аще же Христосъ въ васъ* (Рим. 8, 10), и еще: *во внутреннемъ* нашемъ *человѣцѣ вселитися Христу* (Еф. 3, 16—17). Апостолъ желаетъ, чтобы душа наша была домомъ Христовымъ, чтобы Христосъ облегалъ насъ, какъ одежда, былъ для насъ всѣмъ, и свнутри и совнѣ. Ибо

Христосъ есть наше исполненіе, такъ какъ Онъ есть *исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Еф. 1, 23). Онъ путь, Онъ супругъ и женихъ: *обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту* (2 Кор. 11, 2). Онъ корень, и питіе, и пища, и жизнь: *живу не ктому азъ*, говоритъ Павелъ, *но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Онъ—Апостолъ, и Архіерей, и Учитель, и Братъ, и Отецъ, и снаслѣдникъ и сообщникъ въ гробѣ и крестѣ. *Спогребохомся Ему*, сказано, *и снасаждени быхомъ подобію смерти Его* (Рим. 6, 4. 5). Онъ умоляетъ насъ: *по Христѣ убо молимъ* (2 Кор. 5, 20). Онъ защищаетъ насъ предъ Отцемъ; ибо, какъ говоритъ Павелъ, *ходатайствуетъ о насъ* (Рим. 8, 34). Онъ домъ и обитатель: *во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ Немъ* (Ін. 15, 14). Онъ—основаніе и краеугольный камень; а мы Его члены, Его нива, Его зданіе, Его вѣтви, Его сотрудники. И чѣмъ не желаетъ Онъ сдѣлать насъ, дабы, какъ-нибудь, прилѣпить и присоединить къ Себѣ? Все сіе доказываетъ безмѣрную любовь Его къ намъ. Итакъ покорись Ему, востань отъ сна, и облекись въ Него, а облекшись, держи въ покорности предъ Нимъ и плоть свою. Сіе разумѣлъ Апостолъ, сказавъ: *плоти угодія не творите въ похоти* (попеченія о плоти не простирайте до похотей).

Угодіе, πρόνοια—промышленіе, попеченіе. Не творите въ похоти,—μὴ ποιεῖσθε εἰς ἐπιθυμίας—не творите по побужденіямъ похотей, во удовлетвореніе похотей, или не превращайте въ похоти. Потребностей тѣлесныхъ: ѣсть, пить, спать, одѣваться, имѣть кровъ, давать отдыхъ,—нельзя не удовлетворять; но это удовлетвореніе просто и несложно и не требуетъ большихъ заботъ, когда кто держится естественнаго порядка. Когда же кто выступаетъ изъ сего порядка, тогда столько у него разраждается потребъ плоти, что ужъ и силъ и имѣнія недостаетъ у него къ удовлетворенію ихъ; день и ночь

трудится, и все мало,—и тянетъ онъ ярмо, какъ подъяремное животное. А отбросить эти неестественности не хочетъ; ибо претворилъ ихъ въ похоти; похоти же считаетъ самимъ собою, такъ что отказать въ чемъ-либо похоти считаетъ будто покушеніемъ на жизнь. Такъ и тиранствуетъ надъ плотоугодниками плотиугодіе, претворенное въ похоти, и не даетъ имъ высвободиться отъ узъ своихъ. Но у христіанъ не должно имѣть мѣста такое рабство похотямъ плоти. Похоти плоти имѣютъ тиранскую власть тамъ, гдѣ духъ заглушенъ. У христіанъ же духъ Божіею благодатію пробужденъ и возведенъ въ сильную власть, которая прежде всего обращается на укрощеніе плоти. Ибо похотѣнія плоти суть послѣдній предѣлъ низпаденія человѣка; почему и подниманіе его или возстаніе неизбѣжно начинается съ отверженія ихъ. *Иже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). А это почему? Потому что стали жить духомъ; ставши же жить духомъ, и ходить должны по духу, противоположно плотской похотливости (— — 25). Духомъ же начинаетъ жить кто вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ облекается во Христа. Почему Апостолъ и соединилъ съ облеченіемъ во Христа пресѣченіе похотей плотскихъ.

Св. Златоустъ пространно говоритъ о семъ: „какъ выше воспрещалъ Апостолъ не употребленіе вина, но пьянство, не брачную жизнь, но распутство; такъ и теперь запрещаетъ не попеченіе о плоти, но попеченіе простирающееся до похотей, т. е. сверхъ нужды. А что онъ самъ велитъ имѣть попеченіе о плоти, послушай, какъ говоритъ о семъ Тимоѳею: *мало вина пріемли стомаха ради твоего и частыхъ недуговъ* (1 Тим. 5, 23). Подобно и во всемъ прочемъ имѣй попеченіе о плоти, но для поддержанія здоровья, а не для удовлетворенія чувственности. Ибо [illegible]ъ уже имѣть попеченіе, когда под-

кладываешь огонь и разжигаешь печь. А дабы точнѣе вамъ узнать, когда попеченіе о плоти простирается до похоти, и избѣгать такого попеченія, представьте себѣ людей, предающихся пьянству, объяденію, пристрастныхъ къ нарядамъ и забавамъ, ведущихъ жизнь изнѣженную и роскошную,—и тогда уразумѣете сказанное Апостоломъ. Такіе люди что ни дѣлаютъ, дѣлаютъ не для поддержанія здоровья, а для веселости, для воспламененія похоти. Напротивъ ты, облекшійся во Христа, удали отъ себя все сіе; въ заботахъ о тѣлѣ имѣй въ виду только то, чтобы оно было здорово и, сколько нужно для здравія, прилагай попеченіе о тѣлѣ, далѣе же сего не простирайся. Напротивъ все свое попеченіе употреби на заботы о духовномъ.“

Затѣмъ изобразивъ, какъ плотепохотная жизнь есть сонъ, отъ котораго любящихъ такую жизнь ожидаетъ прегорькое пробужденіе по смерти, Св. Златоустъ прилагаетъ: „Умоляю тебя, возстань отъ сна, исторгни съ корнемъ сіи тернія, и—отрезвись отъ піянства, отъ кото раго и сонъ. Предлагаю совѣтъ свой тѣмъ наипаче, которые любятъ пировать съ пріятелями. Такихъ пиршествъ нельзя назвать ни удовольствіемъ, ни отдыхомъ; напротивъ они суть наказаніе и муки. Удовольствіе состоитъ не въ срамномъ разговорѣ, но въ благопристойной бесѣдѣ, не въ пресыщеніи, а въ томъ, чтобъ быть сыту.... Но говоря сіе, не запрещаю вамъ сойтись другъ съ другомъ и отобѣдать вмѣстѣ; а только требую, чтобы вы себя не позорили; желаю, чтобы ваше удовольствіе было дѣйствительнымъ удовольствіемъ, а не обращалось въ наказаніе, въ муку, въ пьянство и буйное веселіе (отъ коего тягота головы и разныя болѣзни). Пусть узнаютъ язычники, что христіане всѣхъ лучше умѣютъ веселиться, но веселиться, наблюдая благоприличіе.—Ибо сказано: *радуйтеся Господеви съ трепетомъ* (Пс. 2, 11). Какъ же

должно радоваться? Произнося духовныя пѣсни, совершая молитвы, воспѣвая псалмы вмѣсто срамныхъ пѣсенъ. Такимъ образомъ самъ Христосъ будетъ присутствовать при твоей трапезѣ, и исполнитъ благословеніемъ все пиршество,—когда ты будешь молиться, когда будешь пѣть духовныя пѣсни, когда созовешь нищихъ раздѣлять съ тобою предлагаемое, когда въ своемъ пирѣ будешь соблюдать благочиніе и умѣренность. Такимъ образомъ мѣсто вашего собранія сдѣлается Божіею церковію, когда, вмѣсто неприличныхъ криковъ и рукоплесканій, будешь ты воспѣвать Владыку всяческихъ. Не говори мнѣ, что нынѣ заведенъ другой обычай; напротивъ исправь, что худо. *Аще ясте*, говоритъ Апостолъ, *аще ли піете, аще ли ино что творите, вся во славу Божію творите* (1 Кор. 10, 31). А отъ вашихъ пировъ раждаются у васъ худыя пожеланія; отъ нихъ сладострастіе; отъ нихъ супруги у васъ въ презрѣніи, а развратныя женщины въ чести; отъ нихъ падаютъ домы, тысячи раждаются золъ,—и все приходитъ въ безпорядокъ...... Въ избѣжаніе всего этого облечемся во Христа, и всегда съ Нимъ пребудемъ. Ибо облечься во Христа значитъ ни на минуту не быть безъ Него, но всегда являть Его въ себѣ своею святостію и правотою. И о друзьяхъ, чтобъ изобразить ихъ сильную любовь и неразрывную связь, мы говоримъ, что одинъ облеченъ въ другаго. Ибо облекшійся представляется тѣмъ, во что облеченъ. Такъ и въ насъ всегда пусть будетъ видѣнъ Христосъ. Когда же Онъ будетъ въ насъ видѣнъ? Когда будемъ подражать дѣламъ Его. Что же дѣлалъ Христосъ? *Сынъ Человѣческій*, говоритъ Онъ о Себѣ, *не имать гдѣ главу подклонити* (Лук. 9, 58). И ты подражай Ему. Когда нужно было вкусить пищу, Христосъ употреблялъ ячменные хлѣбы. Когда бывалъ въ пути, не имѣлъ у себя ни коней, ни другихъ вьючныхъ скотовъ, но ходилъ пѣшкомъ, даже до утомленія.

Когда необходимо было уснуть, ложился вмѣсто возглавія на носу лодки. Когда надобно было возлежать, приказывалъ садиться на травѣ. Одежды Его были недорогія; хаживалъ часто одинъ, никого при Себѣ не имѣя. Далѣе, разсмотри всѣ слова и дѣла Его, на крестѣ и среди различныхъ поруганій, и вообще всю жизнь Его,— и старайся подражать ей. Такимъ образомъ ты облечешься во Христа, когда попеченій о плоти не будешь простирать до похоти.“

Показавъ, какъ христіане должны жить и дѣйствовать, яко христіане и яко члены гражданскаго общества, Апостолъ

III.

Приступаетъ къ исправленію одной неисправности римскихъ христіанъ, особенно выдававшейся.

Гл. 14—15, 13.

Неисправность сія состояла въ томъ, что они не какъ слѣдуетъ относились другъ къ другу, по случаю разностей въ употребленіи пищи. Одни изъ нихъ воздерживались отъ нѣкоторыхъ яствъ, или всегда или въ иные только дни, а другіе не дѣлали никакого различенія въ яствахъ. Тѣ и другіе, считая свой образъ дѣйствованія правымъ, осуждали не державшихся его и нарушали тѣмъ законъ братской любви и мира. Эту-то неисправность исправляетъ теперь Апостолъ. Онъ оставляетъ безъ опредѣленія, какой образъ дѣйствованія лучше, а все вниманіе обращаетъ на то недоброе чувство, съ какимъ они относились другъ къ другу по сему случаю. Не суди, говоритъ, не твое дѣло. Пусть всякій дѣйствуетъ, какъ внушаетъ ему его совѣсть.

Кто были эти воздержники, Апостолъ не указываетъ.

Судя по тому, что было въ другихъ церквахъ, можно полагать, что это были или Іудеи, строго державшіеся закона о яствахъ, или язычники, которые полагая, что идолъ есть нѣчто, думали, что приносимыя имъ жертвы пріемлютъ нѣчто отъ нихъ и сквернятся, и потому не рѣшались вкушать иныхъ яствъ, боясь, не идоложертвенныя ли онѣ, какъ бывало въ церкви Коринѳской. Наши всѣ толковники видятъ здѣсь первыхъ, а Климентъ Александрійскій и Бл. Августинъ, какъ указываетъ одинъ толковникъ, — послѣднихъ. Можно разумѣть и тѣхъ и другихъ: ибо встрѣчаются выраженія, которыя можно относить или только къ первымъ, или только ко вторымъ. Апостолъ самъ не указалъ, кого разумѣлъ; потому что это не требовалось для подтвержденія правила, которое онъ предписывалъ.

Гл. 14, 1. ***Изнемогающаго же въ вѣрѣ пріемлите не въ сомнѣніе помышленій.***

Изнемогающаго, — ἀσθενοῦντα, — немоществующаго въ вѣрѣ. Законъ уже престалъ, и вѣра истинная разрѣшаетъ совѣсть отъ всякаго чувства обязательства въ отношеніи къ нему. Но немощная вѣра не даетъ совѣсти такого разрѣшенія и дѣлаетъ ее также немощною. Страждущій такою немощію достоинъ всякаго братскаго снисхожденія и вниманія. *Пріемлите,* говоритъ Апостолъ, принимайте въ братское общеніе, не отворачивайтесь отъ него, не чуждайтесь его, не отталкивайте отъ себя. Слова: ***не въ сомнѣніе помышленій***, не такъ ясны. Μὴ εἰς διακρίσεις διαλογισμῶν.—Διάκρισις,—разсужденіе; отсюда съ одной стороны,—раздумываніе, колебаніе въ мысляхъ и сомнѣніе, а съ другой,—разборъ, сужденіе и осужденіе.—Отсюда разныя толкованія. Бл. Фотій у Экуменія пишетъ: „не осуждай его, а принимай братски, какъ немощнаго." А Бл. Ѳеофилактъ перифразируетъ сіи слова разно: „не осуждайте его, не соблазняйтесь, не смущайтесь многи-

ми помыслами, но всячески старайтесь уврачевать его, какъ немощнаго.“ Можно и такъ: безъ споровъ о мнѣніяхъ, какъ въ русскомъ переводѣ, или такъ: не разбирая, по какимъ мыслямъ онъ то или другое дѣлаетъ,— или: не осуждая такихъ помышленій. Ихъ будетъ судить Богъ. Ты же видишь только одно воздержаніе, которое само по себѣ есть дѣло похвалы достойное.

Св. Златоустъ говоритъ на сіе мѣсто: „Знаю, что слова сіи для многихъ трудны къ уразумѣнію. Посему нужно напередъ изложить, что подало поводъ къ симъ наставленіямъ, и что хочетъ исправить Апостолъ этими словами. Что же такое хочетъ онъ исправить? Многіе изъ увѣровавшихъ Іудеевъ, и по принятіи вѣры имѣя совѣсть связанную закономъ, наблюдали строгую разборчивость въ пищѣ, потому что не осмѣливались вовсе отступить отъ закона. Притомъ, дабы, воздерживаясь только отъ свинаго мяса, не подпасть за то нареканію, они стали уже воздерживаться отъ всего мяснаго и ѣсть одни овощи подъ тѣмъ видомъ, что наблюдаютъ постъ, а не іудейскую разборчивость въ пищѣ по закону. Съ другой стороны были и болѣе совершенные въ вѣрѣ, которые сами нисколько не наблюдали подобной разборчивости въ пищѣ, и еще наблюдавшихъ оную отягощали и огорчали своими укоризнами и обличеніями и даже ввергали въ уныніе. Посему блаженный Павелъ опасался, чтобы они, имѣя намѣреніе исправить неважный недостатокъ, не испортили всего,—чтобы, желая отучить немощныхъ въ вѣрѣ отъ разборчивости въ пищѣ, не довели ихъ до отпаденія отъ вѣры, и прежде времени стараясь все возвести къ совершенству, не разстроили того добра, какого надлежало ожидать отъ нихъ въ это время, т.-е. чтобы непрестанными своими укоризнами не поколебали ихъ въ исповѣданіи Христовомъ, такъ что послѣ этого нельзя было бы исправить ни того, ни другаго.— Смот-

ри же, какъ благоразумно дѣйствуетъ Апостолъ, и съ свойственною ему мудростію заботится о пользѣ той и другой стороны! Онъ не отваживается сказать укоряющимъ: вы дѣлаете худо; ибо симъ далъ бы поводъ другимъ утвердиться въ своей разборчивости. Не говоритъ также: хорошо вы дѣлаете; ибо тогда они стали бы нападать еще сильнѣе. Напротивъ вразумляетъ какъ должно тѣхъ и другихъ, и хотя повидимому дѣлаетъ выговоръ сильнѣйшей сторонѣ, однако же сей самый выговоръ весь падаетъ и на противную сторону. Это есть самый легкій и нечувствительный способъ исправленія, когда, обращая слово къ одному, наносишь ударъ и другому. Тогда вразумляемому не даешь причины сердиться, и непримѣтнымъ образомъ вливаешь въ него врачевство исправленія. Замѣть же, какъ благоразумно и благовременно дѣлаетъ сіе Апостолъ! Сказавъ: *плотиугодія не творите въ похоти*, переходитъ вдругъ къ настоящей рѣчи, дабы нельзя было подумать, что говоритъ въ пользу тѣхъ, которые запрещали разборчивость и приказывали ѣсть все. Слабую сторону всегда нужно больше беречь; почему и Апостолъ обращается съ выговоромъ къ сильнѣйшей сторонѣ, и говоритъ такъ: *изнемогающаго въ вѣрѣ пріемлите*.—Но видишь ли, что симъ нанесенъ уже ударъ и наблюдающему разборчивость? Назвавъ его немоществующимъ, Апостолъ даетъ почувствовать, что онъ боленъ. Потомъ наноситъ другой ударъ, сказавъ: *пріемлите*. Симъ показываетъ, что много надобно прилагать о немъ попеченій; а это служитъ признакомъ крайней болѣзни. *Не въ сомнѣніе помышленій*: вотъ уже и третій нанесенъ ударъ! Изъ сихъ словъ видно, сколь важно дѣло его; ибо оно возбуждаетъ сомнѣніе даже въ тѣхъ, которые не участвуютъ въ немъ (вѣроятно, наводя на мысль: ужъ и въ самомъ дѣлѣ, не слѣдуетъ ли и намъ держаться подобной разбор-

чивости?).—Примѣчаешь ли, какъ повидимому говоритъ однимъ, а между тѣмъ непримѣтно, и не нанося огорченія, упрекаетъ другихъ?“

Ст. 2. *Овъ бо вѣруетъ ясти вся, а изнемогаяй зелія* (да) *ястъ*.

Указываетъ Апостолъ, кого разумѣетъ онъ подъ сильнымъ и кого подъ немоществующимъ. Сильный тотъ, кто вся ястъ; но не потому онъ силенъ, что все ѣстъ, а потому что не колеблясь вѣруетъ, что *всякое созданіе Божіе добро и ничтоже отметно, со благодареніемъ пріемлемо* (1 Тим. 4, 4). А немощный—тотъ, кто зелія ястъ; но не потому онъ немощенъ, что зелія ястъ, ибо таковые бываютъ сильнѣе ядущихъ вся, а потому, что по слабости вѣры полагаетъ, будто пища можетъ *насъ поставити предъ Богомъ* (1 Кор. 8, 8) и будто есть яства, которыя могутъ сквернить человѣка. Немощенъ не отъ малоястія, а отъ немощи вѣры: „ибо не имѣя совершенной вѣры, думаетъ, что оскверняется какою-либо снѣдію“ (Θеод.). Совершенный, дерзая по вѣрѣ, питается всѣмъ, безразлично, а несовершенный, какъ немощный, ястъ зелія. Поэтому послѣдній заслуживаетъ врачеваніе, а не укора“ (Θеоф.). „Тотъ, вѣруя читаемому въ Писаніи, не сомнѣвается ѣсть все, что дано на употребленіе человѣку. Ибо читаетъ въ книгѣ Бытія, что все, созданное Богомъ, добро зѣло (1, 31). Почему ничего не должно отметать. И ни объ Енохѣ, который первый угодилъ Богу, ни о Ноѣ, который во время потопа одинъ найденъ былъ праведнымъ, ни объ Авраамѣ, другѣ Божіемъ, ни объ Исаакѣ и Іаковѣ, праведныхъ и другахъ Божіихъ, между которыми и Лотъ былъ, ни о прочихъ праведникахъ не читаемъ, чтобъ они воздерживались отъ какихъ яствъ. Но иной полагаетъ, что нельзя все безъ различія ѣсть, и ѣстъ овощи. И пустъ ѣстъ. Не надобно заставлять его ѣсть мяса, чтобъ не сталъ онъ вкушать

пищу съ сомнящеюся и мятущеюся совѣстію, и не согрѣшилъ чрезъ то, что не соблюлъ своего рѣшенія или предложенія своего произволенія“ (Амвр.). Надо полагать, что ядущими только зелія обнаруживались нѣкоторые на какихъ-нибудь общихъ обѣдахъ. Здѣсь Іудей вѣрующій не ѣлъ совсѣмъ мяса, чтобъ не показаться воздерживающимся отъ иныхъ яствъ, изъ уваженія къ закону: а иные, изъ Іудеевъ ли то или язычниковъ, не ѣли, опасаясь напасть на идоложертвенное.

Ст. 3. *Ядый не ядущаго да не укоряетъ: и не ядый ядущаго да не осуждаетъ. Богъ бо его пріятъ.*

Ты, вѣрующій, что можно все ѣсть, и ядущій все, не укоряй того, кто иначе думаетъ и держитъ на совѣсти, и потому не все ѣстъ. И ты, не все ядущій, не осуждай все ядущаго. Между Римлянами же бывало такъ, что „какъ болѣе совершенные (ядущіе все) уничижали не ядущихъ, считая ихъ маловѣрными, не прямыми христіанами, носящими внутри себя скрытный недугъ, и придерживающимися еще іудейства; такъ послѣдніе осуждали первыхъ, считая ихъ нарушителями закона, или даже предающимися объяденію“ (Св. Злат.). Самыхъ дѣлъ тѣхъ и другихъ, т. е. ядѣнія и неядѣнія, Апостолъ не касается; ибо, отвлеченно судя, „на волю человѣку дано ѣсть или не ѣсть, и никакіе въ отношеніи сего вопросы и споры неумѣстны. Все сотворенное подчинено господству человѣка и предано въ волю его“ (Амвр.). Но обращая вниманіе на то, что у тѣхъ и другихъ на сердцѣ, говоритъ—однимъ: не укоряй, а другимъ: не осуждай. Есть ли въ ядѣніи и неядѣніи грѣхъ, никто изъ васъ рѣшительно сказать не можетъ, а въ укореніи и осужденіи уже есть явный грѣхъ. Гдѣ больше бѣды и гдѣ она очевиднѣе, туда и спѣшитъ, чтобъ ее отвратить и пресѣчь.

Богъ бо его пріятъ, „т. е. язычника. Апостолъ продол-

жаетъ рѣчь, обращенную къ Іудею“ (Θеод.). Не осуждай его, Іудей, когда Богъ пріялъ его въ благодать Свою, не положивъ препятствіемъ къ сему пріятію то, что онъ не былъ подъ закономъ, а слѣдовательно подъ закономъ о различіи яствъ,—и по пріятіи не возложилъ на него никакой тяготы подзаконной. „Что говоришь ты ему о законѣ, какъ преступнику? Богъ принялъ его, т.-е.—явилъ на немъ неизреченную благодать Свою и освободилъ его отъ всякой вины“ (Св. Злат.).

Но, можетъ быть, слова: *Богъ бо его пріятъ*, относятся къ тому и другому, такъ: ядущій не укоряй неядущаго; *Богъ бо его пріятъ*, и неядущій не осуждай ядущаго; *Богъ бо его пріятъ*. Вы оба—въ благодати Божіей, приняты въ царство Его, почтены всыновленіемъ: не выгоняйте же другъ друга изъ сей спасительной ограды изъ-за такихъ мелочей, какъ различеніе и неразличеніе яствъ. Іудею не помѣшало быть приняту въ благодать то, что онъ держался разборчивости въ пищѣ. Почему думаешь, что это помѣшаетъ ему пребывать въ благодати? Язычнику не помѣшала быть приняту въ благодать его свобода въ употребленіи пищи. Почему думаешь, что она помѣшаетъ ему пребыть въ ней? Сію благодать имѣйте въ сердцѣ и благодарите Бога. Взаимное укореніе и осужденіе, порождающее раздѣленія и изсушающее любовь, скорѣе изгонитъ васъ изъ ограды Божіей, чѣмъ разборчивость и неразборчивость въ пищѣ.

Слова сіи: *Богъ бо его пріятъ*—можно употреблять какъ врачевство противъ осужденія вообще. Осуждаешь грѣшника за содѣланный грѣхъ, а того не берешь во вниманіе, что у него на душѣ послѣ грѣха. Онъ уже воздохнулъ къ Богу, сокрушился, оплакалъ грѣхъ, и Богъ опять пріялъ его въ милость Свою, а ты осуждаешь его.—Видишь, какая несообразность? Не осуждай же никого никогда.

Ст. 4. *Ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоитъ или падаетъ: станетъ же, силенъ бо есть Богъ возставити его.*

Это общее основаніе къ неосужденію не въ настоящемъ только случаѣ, но и во всякомъ другомъ. Всѣ люди Божіи суть, яко Божіи созданія; Богу и работать должны и предъ Нимъ только отвѣтны. Хорошо ли онъ поступаетъ—стоитъ, или худо—падаетъ, тебѣ до этого дѣла нѣтъ. Предъ Господомъ онъ хорошъ, или худъ,—Господь и Судія ему. Какъ ни съ чѣмъ несообразно, вошедши въ чужой домъ, судить тамошнихъ слугъ, такъ ни съ чѣмъ несообразно судить людей въ ихъ отношеніяхъ къ Богу, или въ дѣйствіяхъ ихъ совѣсти. Апостолъ и заповѣдуетъ не судить. Онъ говоритъ какъбы: „я заповѣдую тебѣ не судить другаго не потому, что образъ дѣйствованія его не стоитъ осужденія, но потому, что онъ чужой рабъ, т.-е. не твой, а Божій. Стоитъ ли онъ или падаетъ, то и другое касается Господа. Ежели падаетъ, ущербъ для Бога; равно, ежели стоитъ, пріобрѣтеніе для Бога же.—Смотри же, какъ сильно слова Апостольскія должны были пристыдить укоряющаго. Ежели Богъ, разсуждаетъ св. Павелъ, хотя терпитъ ущербъ, однакожъ не дѣлаетъ укоризнъ, то сколь безвременно (несообразно) дѣйствуешь ты, и какъ далеко выходишь изъ границъ и мѣшаешься въ чужое дѣло, такъ муча и безпокоя слабаго въ вѣрѣ брата?“ (Св. Злат.). „Рабу судить сораба не должно: не дано ему на то власти. Съ какою совѣстію ѣстъ кто, или не ѣстъ, судія тому Богъ, чей рабъ есть поступающій такъ или иначе“ (Амвр.).

Станетъ же. Ты вдругъ сталъ твердо на основаніи вѣры, а тотъ колеблется еще. Не вообще колеблется, а лишь въ отношеніи къ тому кругу дѣлъ, въ которыхъ ты его осуждаешь. Будучи твердъ въ общей вѣрѣ, онъ

мало-по-малу окрѣпнетъ и въ этомъ отношеніи и станетъ не хуже тебя. Хотя онъ и немощенъ въ этой части, но не отступаетъ отъ Бога. И Богъ, видя его къ Себѣ приверженность, поможетъ ему избавиться отъ немощи, почитаемой укорною. Ибо, и являясь немощнымъ, онъ не себѣ угождаетъ, но мнится службу приносити Богу,— дѣйствуетъ такъ изъ благоговѣинства предъ Богомъ (Фотій у Экум.), опасаясь оскорбить Его неправымъ дѣйствованіемъ. Богъ и не оставитъ его, но простретъ къ нему руку помощи и возставитъ его.

Ст. 5. *Овъ убо разсуждаетъ день чрезъ день, овъ же судитъ на всякъ день. Кійждо своею мыслію да извѣствуется.*

Овъ разсуждаетъ день чрезъ день, т.-е. различаетъ дни, и иногда ѣстъ, иногда не ѣстъ извѣстныя яства. *Овъ судитъ на всякъ день,*—всякій день почитаетъ равнымъ, и или ѣстъ всякій день, или не ѣстъ иныя яства. Но можетъ быть Апостолъ говоритъ здѣсь о пощеніи и непощеніи въ извѣстные дни, или постоянномъ, какъ замѣчаетъ Св. Златоустъ: „здѣсь, какъ думаю, Апостолъ слегка намекаетъ и о постѣ. Вѣроятно нѣкоторые изъ постоянно постившихся осуждали непостившихся (и наоборотъ); или можетъ быть, и между разборчивыми въ пищѣ были и такіе, которые въ извѣстные дни наблюдали разборчивость, а въ другіе нѣтъ.“

Но сила рѣчи апостольской не въ этомъ, а въ томъ положеніи, какое выражается при семъ относительно безразличныхъ дѣлъ и вещей: всякій дѣйствуй по своей совѣсти. Что заповѣдію опредѣлено и что догматомъ постановлено, того держись и то исполняй неотложно. Нечего тутъ спрашивать, какъ твое убѣжденіе или твоя совѣсть. Хотя бы все твое и внутреннее и внѣшнее шло противъ того, не отступай. Богъ такъ повелѣлъ: хоть умри, но пребудь вѣренъ повелѣнному. Не то въ отно-

шеніи къ дѣламъ и вещамъ безразличнымъ. Тутъ пусть твое убѣжденіе и твоя совѣсть опредѣляютъ, какъ дѣйствовать и какъ умствовать. Только во всемъ имѣй въ виду славу Божію, а не себѣ угожденіе,—ни своему уму, ни своему сердцу. И умствовать многое оставлено на произволъ: только не допускай ничего, что прямо или косвенно противно было бы догматамъ, или несообразно съ ними. И дѣла многія оставлены на произволъ: только ни въ чемъ не позволяй себѣ лишь угождать и допускать чувства и расположенія, которыя не могутъ быть благоугодны предъ Богомъ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „*кійждо своею мыслію да извѣствуется*,—Апостолъ сказалъ не вообще; ибо о Божественныхъ догматахъ не повелѣваетъ такъ разсуждать, но предаетъ анаѳемѣ дозволяющихъ себѣ учить противному истинѣ и говоритъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 9). Посему объ одныхъ только яствахъ даетъ право судить разумѣнію каждаго. Ибо обычай сей и донынѣ пребываетъ въ церквахъ: одинъ любитъ воздержаніе, другой небоязненно пріобщается всякаго яства, и послѣдній перваго не осуждаетъ, и первый не порицаетъ послѣдняго, но оба хвалятся закономъ единомыслія.“

Ст. 6. *Мудрствуяй день Господеви мудрствуетъ: и не мудрствуяй день Господеви не мудрствуетъ: ядый, Господеви ястъ: благодаритъ бо Бога: и неядый Господеви не ястъ, и благодаритъ Бога.*

Св. Апостолъ полагаетъ, что тотъ и другой дѣйствуютъ въ видахъ Богоугожденія. *Мудрствуяй день*—различающій дни и яства, *Господеви мудрствуетъ*,—различаетъ ихъ въ увѣренности, что это благоугодно Ему. *И не мудрствуяй день*, не различающій дней и яствъ, *Господеви не мудрствуетъ*, не различаетъ въ той увѣ-
[illegible]ости, что вѣра въ Господа освободила его отъ всѣхъ

подобныхъ обязательствъ. „Кто, говоритъ, различаетъ дни, для Господа различаетъ, какъ благоговѣйный; и кто не различаетъ дней, для Господа не различаетъ, какъ совершенный уже о Христѣ и возвысившійся надъ законными наблюденіями“ (Бл. Өеоф.). Такимъ образомъ тотъ и другой дѣйствуютъ, желая угодить Господу для Господа. „Богъ же всяческихъ знаетъ намѣреніе ядущихъ и неядущихъ, не на дѣло одно взираетъ, но испытуетъ разумѣніе, съ какимъ оно дѣлается“ (Бл. Өеод.). Потому пріемлетъ того и другаго. — Богъ пріемлетъ, а ты осуждаешь: съ чѣмъ это сообразно? И кого ты изъ себя представляешь?

Ядый Господеви ястъ: благодаритъ бо Бога. Благодаря Бога за то, что далъ пищу въ наслажденіе, утоленіе голода и поддержаніе жизни, показываетъ, что ѣстъ во славу Божію для Господа. Поелику благодаритъ Бога, пріемля пищу, Господеви ястъ. *И не ядый, Господеви не ястъ, и благодаритъ Бога.* Благодаритъ Бога за то, что далъ силу воздержаться и принесть Ему сію жертву самоотверженія. Ястіе дѣлается ястіемъ для Господа чрезъ благодареніе; а неястіе прямо есть для Господа, и благодареніе имѣетъ слѣдствіемъ, украшеніемъ, освященіемъ. Св. Златоустъ говоритъ: „смыслъ словъ Апостола тотъ, что не въ томъ важность, чтобы ѣсть или не ѣсть. А спрашивается, для Бога ли дѣлаетъ тотъ и другой, благодареніемъ ли оканчиваютъ оба? По словамъ Апостола, тотъ и другой благодарятъ Бога. А если благодарятъ Бога, то разность не велика.“ Подобное пишетъ и Фотій у Экуменія: „Ядущій благодаритъ Бога за пріятіе пищи, — за то, что Богъ далъ пищу въ насыщеніе и поддержаніе жизни. И не ядущій благодаритъ Бога за то, что далъ людямъ воздержаніе и терпѣніе, въ пособіе къ преодолѣнію плотскихъ страстей. Но въ какомъ либо другомъ смыслѣ ядущій, или постящійся, подлежитъ осужденію, какъ нѣ-

которые изъ еретиковъ. Слова Апостола должно принимать въ отношеніи къ постящимся и ядущимъ богоугодно. а не иначе какъ. Не о всѣхъ можно такъ говорить, но только о тѣхъ, кои поступаютъ и въ томъ и другомъ случаѣ какъ должно. Почему слова сіи уже не совсѣмъ приличествуютъ тому, о комъ говорено было предъ симъ, т.-е. различающему яства въ іудейскомъ духѣ. И такой не ѣстъ, но не во славу Христову не ѣстъ, а какъ немощный и неутвержденный въ вѣрѣ. Впрочемъ и его не должно осуждать, по обстоятельствамъ времени; потому что тогда было еще только начало проповѣди. А ядущаго каждый день (съ благодареніемъ) и постящагося по цѣлымъ днямъ, или больше дня (по воздержанію)— ни того, ни другаго со всѣмъ не должно осуждать, потому что они оба во славу Господа дѣлаютъ то, что дѣлаютъ.“

Св. Павелъ утвердительно говоритъ, что и различающій и неразличающій дни дѣлаютъ это для Господа, хотя зналъ, что возможно и то и другое дѣлать не для Господа; утвердительно также говоритъ, что ядущій и неядущій для Господа дѣлаютъ сіе и благодарятъ Бога, хотя зналъ, что въ обоихъ ихъ возможно не быть ни тому, ни другому. Для чего же онъ такъ сказалъ? Для того, чтобы тѣмъ напомнить, что дѣйствуя такъ, они должны дѣйствовать именно въ такомъ духѣ, а намъ дать урокъ не судить о нихъ иначе, какъ въ добромъ смыслѣ. Поелику мы не можемъ знать, что у нихъ на сердцѣ, знаемъ же, что они должны во всемъ дѣйствовать для Господа и за все благодарить Бога и обязательство къ тому приняли на себя, то для насъ нѣтъ никакого основанія думать, будто они не такъ дѣйствуютъ; не имѣя же основанія, и судить о нихъ не можемъ: осужденіе ихъ будетъ клевета.

Ст. 7. *Никтоже бо себѣ живетъ и никтоже себѣ умираетъ.*

Въ стихахъ 7—9 излагается общій законъ, что жизнь наша вся безъ изъятія должна быть посвящена Господу, слѣдовательно ястіе или неястіе. Это въ подтвержденіе сказаннаго выше: Господеви мудрствуетъ или не мудрствуетъ. Апостолъ счелъ нужнымъ подолѣе подержать на семъ мысль, чтобы всѣхъ научить освящать симъ закономъ всѣ частности жизни, и всѣхъ уравнять и сосредоточить въ семъ общемъ настроеніи духа. Ибо при семъ только ястіе или неястіе и все прочее могутъ быть одинаково благоугодны Богу. Выраженіе же: никтоже себѣ живетъ, или умираетъ, не то означаетъ, что всѣ такъ и дѣлаютъ, а что всѣ должны такъ дѣлать,—таковъ общій для всѣхъ законъ Творца и Бога, чтобъ никто себѣ не жилъ и никто себѣ не умиралъ. Слово—*себѣ*—можно принять и въ смыслѣ: для себя, и въ смыслѣ: самъ собою: никто для себя не долженъ жить и умирать, и никто самъ собою не живетъ и не умираетъ. Можно совмѣстить то и другое, въ послѣднемъ полагая основаніе для перваго,—такъ: жизнь и смерть наши не отъ насъ и не въ нашей власти; потому не для себя должно жить и умирать. Слова: жить и умирать—подобны употребляемымъ въ общей рѣчи выраженіямъ: на животъ и на смерть, или жить и умирать съ тобою. Они выражаютъ цѣлость нашего бытія. Потому можно не доискиваться, какъ кто для себя живетъ и для себя умираетъ, чтобъ видѣть, какъ напротивъ того дѣйствовать, чтобъ исполнить заповѣдь Апостола; равно и того не доискиваться, какъ не сами собою живемъ и не сами собою умираемъ. А вообще исповѣдать, что вся цѣлость бытія нашего не отъ насъ и не нами седержится; потому не для себя самихъ должна быть и иждиваема.

Ст. 8. *Аще бо живемъ, Господеви живемъ: аще же умираемъ, Господеви умираемъ. Аще убо живемъ, аще умираемъ. Господни есмы.*

Сообразно со сказаннымъ выше будетъ: если живемъ, или пока живемъ (Θеод.), для Господа должны жить; и если умираемъ, или когда конецъ придетъ, какимъ бы то ни было образомъ, такъ должны умирать или разстаться съ жизнію, чтобъ и это было для Господа, во славу Его. Или такъ: если живемъ, или пока живемъ, Господомъ живемъ,—Его десница насъ содержитъ, Его сила живитъ; и когда умираемъ, по Его опредѣленію умираемъ, и, умирая, не исторгаемся изъ Его вседержащихъ рукъ. Господь—Владыка жизни и смерти. Ему вся цѣлость бытія нашего и посвящена должна быть. Примѣръ сему показалъ самъ св. Павелъ, *со всякимъ дерзновеніемъ* чая и уповая, что *возвеличится Христосъ въ тѣлѣ* его, *аще животомъ, аще ли смертію* (Филип. 1, 20). Чаялъ сего потому, что все посвящалъ Господу, не постыждающему рабовъ Своихъ.

Аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы. „Не господа мы сами надъ собою: и пока мы живы—Господни мы, и по смерти Господни же“ (Θеод.). „Видишь ли, какъ сильно Его владычество? видишь ли, какъ непреоборима Его крѣпость? видишь ли, какъ всеобъемлющъ Его Промыслъ?“ (Св. Злат.). Господни есмы; объемлетъ наше бытіе сила Божія; убѣжать некуда. Въ этомъ самое понудительное побужденіе къ тому, чтобы все посвятить Господу и, возревновавъ, быть Ему благоугоднымъ. Благоугодишь ли Ему, посвящая все Ему, будешь въ десницѣ Его,—на всеблаженствованіе; не благоугодишь ли, угождая лишь себѣ самому, будешь въ десницѣ Его,—на нескончаемыя муки. Таковъ законъ. Брось же самоугодіе и дѣлай все для Господа. Апостолъ не дѣлаетъ такого вывода, но желаетъ, чтобы всякій сдѣлалъ его самъ для себя. Ибо къ тому клонится цѣль внушеній его въ 7—9 стихахъ. Изъ этого

же онъ начнетъ потомъ опять выводить убѣжденія къ неосужденію братій.

Ст. 9. *На сіе бо Христосъ и умре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладаетъ.*

Что мы въ рукахъ Божіихъ и Божіи есмы, этому учитъ и естественный законъ вѣры. Въ сердцѣ каждаго отъ естества написано, что и начало, и продолженіе и конецъ бытія нашего,—все въ рукахъ Господа. Господни есмы, и Онъ Владыка нашъ. Но къ христіанамъ пиша, Апостолъ къ естественному прилагаетъ и христіанское въ томъ удостовѣреніе. Господь нашъ Іисусъ Христосъ на то и умеръ, и воскресъ, и ожилъ, чтобъ всѣми обладать и которые живы, и которые умерли. Чрезъ сіе Онъ вторично сталъ Владыкою нашимъ. Онъ уже Владыка нашъ, какъ Творецъ и Промыслитель; благоволивъ же устроить дивный образъ спасенія нашего, сталъ еще Владыкою, какъ Искупитель нашъ. Купилъ насъ и обладаетъ нами. Мы рабы Его и должны работать Ему единому. Это тоже, что такъ многократно выражалъ уже Апостолъ: все должно быть у насъ для Господа. „Онъ—Владыка всѣхъ,—Онъ, Себя предавшій за насъ на смерть, разрушившій державу смерти и всѣмъ намъ дарующій обѣтованіе воскресенія. Поэтому Ему мы подвластны, какъ отъ Него пріявшіе жизнь" (Ѳеод.). „Господомъ создана тварь, которая по причинѣ грѣха отчуждена отъ Творца своего и стала плѣнною. Богъ Отецъ, да не погибнетъ дѣло Его, пославъ Сына Своего съ небесъ на землю, научилъ, что надобно дѣлать, чтобъ избѣжать отъ рукъ хищниковъ. Для сего Онъ и смерть претерпѣлъ отъ враговъ, дабы, низшедши во адъ, освободить изъ него держимыхъ имъ. Итакъ, поелику Онъ живымъ показалъ путь спасенія и принесъ Себя за нихъ въ жертву, а умершихъ освободилъ изъ ада, то и владычествуетъ какъ надъ живыми, такъ и

надъ мертвыми: ибо изъ погибшихъ Онъ претворилъ ихъ Себѣ въ рабовъ" (Амвр.).

Ст. 10. *Ты же почто осуждаеши брата твоего? или ты что уничижаеши брата твоего? Вси бо предстанемъ судищу Христову.*

Утвердивъ такимъ образомъ, что мы рабы Господа, и по творенію и промышленію, и тѣмъ паче по искупленію, Апостолъ снова обращается къ убѣжденію, чтобъ мы не осуждали другъ друга. Мы рабы Господа; слѣдовательно сами между собою сорабы и собратія. Вся забота наша должна быть обращена на то, чтобы Господу своему угождать, а не на то, какъ другіе, сущіе съ нами, работаютъ томуже Господу. Прежде уже говорилъ онъ: что ты судишь чуждему рабу? Онъ Божій рабъ, а не твой; тебѣ же онъ сорабъ, какъ и ты ему. Теперь же обращаетъ вниманіе на другую сторону дѣла: мы братья и одинаково рабы единому Господу; о томъ должны заботиться, чтобъ Ему угодить, а не другъ за другомъ смотрѣть; ибо всѣ предстанемъ судищу Христову, гдѣ всякій дастъ отчетъ за себя только самого. За себя будетъ давать отвѣтъ и братъ твой, судимый тобою; тебѣ же что тутъ? Самъ будешь давать отчетъ: отвѣтишь и за самое осужденіе сіе. Такъ лучше ты воздерживайся отъ осужденія, а болѣе на себя смотри, не оказалось бы что и у тебя достойное осужденія на судищѣ Христовомъ.

Апостолъ въ сихъ словахъ предлагаетъ общее убѣжденіе къ неосужденію; но вмѣстѣ такъ выражается, что подавшіе поводъ къ тому не могли не видѣть, что онъ и ихъ особенно не упускаетъ изъ вниманія; ибо говоря: *ты же,* и потомъ: *и ты,* будто пальцемъ указываетъ то на немощнаго Іудея, не ядущаго вся въ духѣ іудейскомъ, осуждающаго однакожъ вся ядущаго, то на послѣдняго сильнаго въ вѣрѣ, но укоряющаго перваго, несмотря

на его немощность. Примирить же ихъ между собою, изгнавъ изъ нихъ осужденіе и укореніе, отзывающееся разладомъ, старается Апостолъ убѣжденіемъ ихъ, что они равны другъ предъ другомъ,—равны какъ братья, и равны, какъ равно имѣющіе предстать судищу Христову. Съ одной стороны чувство братства, съ другой общая опасность, сильны расположить—оставить взаимные нападки, а скорѣе озаботиться обезопашеніемъ и себя и взаимно всѣхъ. „Такъ Апостолъ прекращаетъ споры сперва наименованіемъ брата, а потомъ напоминаніемъ о страшномъ днѣ суда“ (Св. Злат.). „Онъ нашъ Слѣдователь, Онъ — нашъ Судія, Его престолу необходимо намъ предстать“ (Θеод.). Его потому умилостивлять всею заботою озаботимся, прекративъ взаимныя осужденія и укоренія.

Ст. 11. *Писано бо есть: живу Азъ, глаголетъ Господь: яко Мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣстся Богови.*

Писано сіе у Исаіи Пророка, въ 45 гл. ст. 23. *Живу Азъ*,—клятвенно удостовѣрительное слово отъ лица Божія, многократно употребляемое въ Писаніи, когда говорится о какихъ-либо важныхъ предметахъ, требующихъ безпрекословной вѣры. Значатъ сіи слова тоже, что: *клянуся Мною Самимъ*, какъ и стоитъ у Св. Исаіи. И это выраженіе также часто употребляется въ Писаніи, какъ и первое. Какъ мысль у обоихъ одна, то они могутъ замѣнять одно другое, что и сдѣлалъ Св. Павелъ. У Св. Исаіи въ означенной главѣ изображается возвращеніе Киромъ Израильтянъ изъ Вавилонскаго плѣна, возстановленіе въ семъ народѣ истиннаго Боговѣдѣнія и Богопочтенія, и за тѣмъ распространеніе сего во всѣхъ народахъ земли. Всѣ пріидутъ и обратятся къ Богу истинному, исповѣдавъ, что неправо поступали, покланяясь тому, что не есть Богъ. Обращеніе всѣхъ

народовъ указываетъ на проповѣдь Евангелія, которая имѣетъ наполнить всю землю и заключиться страшнымъ судомъ. Итакъ, въ словахъ Св. Исаіи предуказуется первое пришествіе Господне, а чрезъ него и второе. То ли, или другое имѣть въ мысли, читая сіи слова у Св. Павла, равно будетъ соотвѣтствовать цѣли, съ какою они приводятся. Говорилъ онъ предъ симъ, что Господь Владыка нашъ, мы рабы Его и Ему дадимъ отчетъ въ томъ, хорошо ли работали Ему. Приводя пророческое свидѣтельство, Апостолъ могъ направлять его и на первое, т.-е. владычество Господа и наше Ему рабство, и на второе, т.-е. на нашъ предъ Нимъ отвѣтъ на судищи. Первое исполняется, когда вѣруемъ въ Господа и покланяемся Ему, яко Богу, что совершаетъ благовѣстіе Евангелія; второе исполнится на второмъ пришествіи Христовомъ. При первой мысли въ словахъ Апостола будетъ такая связь: всѣ предстанемъ судищу Христову; ибо Онъ Господь нашъ, какъ написано: *Мнѣ поклонится всяко колѣно*; Ему и судъ надъ нами принадлежитъ, а не другому кому. При второй—связь прямая: ибо приведенныя Апостоломъ слова живописуютъ предъ нами картину появленія Христа Господа во второе пришествіе Его: всѣ народы со всѣхъ концевъ земли собраны, и узрѣвъ грядущаго съ небесъ Господа съ сонмами Ангеловъ, всѣ притрепетно поклонятся Ему и исповѣдуютъ Его Богомъ своимъ, предъ Коимъ отвѣтны, вѣровали ли они тому прежде, или нѣтъ.—Всеобщее исповѣданіе Христа Спасителя Богомъ тогда собственно проявится и торжественно возгласится. Дотолѣ все будутъ упорствующіе въ невѣріи. Потому слова Пророка, можно полагать, прямо указываютъ на это. И Св. Павелъ, приводя ихъ въ семъ смыслѣ, не чуждую Пророку даетъ имъ мысль. Св. Златоустъ говоритъ: „Св. Павелъ привелъ слова Пророка, который свидѣтельствуетъ, что

какъ жившіе въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ и всѣ безъ исключенія подвластны Богу. и подвластны Ему во всемъ. Ибо не просто сказано: всякій поклонится; но—*исповѣстся*, т.-е. дастъ отчетъ въ томъ. что сдѣлалъ. Итакъ, представляя себѣ общаго Владыку сѣдящимъ на престолѣ, будь внимателенъ къ себѣ," а не суди другихъ.

Ст. 12. *Тѣмже убо кійждо насъ о себѣ слово дастъ Богу.*

Всякій изъ насъ,—смягчаетъ слово и себя поставляетъ въ рядъ со всѣми дающими отчетъ, — всякой изъ насъ за себя дастъ Богу слово, — отвѣтъ или отчетъ, — отчетъ во всемъ надѣланномъ, добромъ и худомъ; но больше такія слова приводятся для напоминанія о предстоящей отвѣтственности въ худомъ, для устрашенія худыхъ и побужденія ихъ къ исправленію. Воображай себя стоящимъ на судѣ и истязуемымъ, зачѣмъ сдѣлалъ то и другое, когда зналъ, что не должно того дѣлать, и могъ не дѣлать, имѣя подъ руками благодатныя средства,—и никогда не согрѣшишь. Имѣя въ намѣреніи отвратить отъ худаго римскихъ христіанъ, а въ лицѣ ихъ и всѣхъ насъ, Апостолъ печатлѣетъ въ умѣ эту предстоящую намъ и неизбѣжную отвѣтственность. Нѣкто изъ святыхъ сказалъ: самое лучшее мѣсто, гдѣ тебѣ надлежитъ стоять, есть судище Христово; тамъ установись и не движься, и все у тебя пойдетъ хорошо, и вопль молитвенный, и борьба со страстьми, и дѣланіе всякой добродѣтели; страхъ Божій всегда будетъ осѣнять тебя и руководить. Самый обычный у насъ грѣхъ есть осужденіе, которое и грѣхомъ считать не считаемъ, разучились даже замѣчать его за собою. Но когда будемъ помнить объ отвѣтности своей на судищи Христовомъ, то и замѣчать сей грѣхъ навыкнемъ и не поддаваться ему научимся. Св. Павелъ потому указываетъ самое дѣйственное средство къ уврачеванію обличаемой имъ немощи Римлянъ.

Ст. 13. ***Не ктому убо другъ друга осуждаемъ: но сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату, или соблазна.***

„Поелику Апостолъ указалъ Владычнее судилище, то необходимо совѣтуетъ не судить другъ друга, но ожидать онаго приговора“ (Θеод.). ***Не ктому другъ друга осуждаемъ,***—общую для всѣхъ пишетъ заповѣдь, подчиняя ей и себя самого,—общую для всѣхъ и касающуюся всѣхъ вообще дѣлъ, какія замѣчаемъ въ другихъ. Осужденіе. кого бы и чего бы оно ни касалось, не должно имѣть среди насъ мѣста.

Итакъ, не ходи умомъ своимъ по чужимъ дѣламъ, и не утомляй тѣмъ своего вниманія. На что же его надо обратить? На обсужденіе, какъ бы такъ вести дѣла свои, чтобъ никого ими не соблазнять. По ходу рѣчи видно, что Апостолъ опредѣляетъ здѣсь образъ внѣшняго поведенія, и именно относительно дѣлъ безразличныхъ, которыя можно дѣлать и не дѣлать, дѣлать такъ или иначе. Общій законъ: веди такъ сіи дѣла, чтобъ никого ими не соблазнять, и слѣдовательно наоборотъ, чтобы всѣхъ назидать. И здѣсь Апостолъ пишетъ тоже общее правило, хотя по поводу частнаго случая, и его не выпуская изъ вниманія, какъ показываютъ слѣдующія за симъ слова.

Это второе правило, выпавшее у насъ изъ вниманія. Никому почти и въ голову не приходитъ подумать, не соблазнить бы кого тѣмъ или другимъ. У Апостола не разумѣются явные грѣхи и беззаконія, имъ между христіанами рѣшительно не дается мѣста, такъ, чтобы уже и имя ихъ позабыть. Но разумѣются всякія другія дѣла позволительныя. Какъ образомъ ихъ совершенія можно соблазнять, то Апостолъ и говоритъ: смотри, обсуждай эти дѣла и такъ ихъ дѣлай, чтобъ не соблазнять. И вотъ о семъ-то никто почти не думаетъ, и не только о

семъ, но и о явныхъ грѣхахъ и беззаконіяхъ: безстыдно грѣхъ ходитъ у насъ по стогнамъ. Св. Златоустъ сильно вооружается противъ небреженія о семъ: „разсуди, какому подвергнемся мы наказанію, если соблазняемъ ближнихъ безъ всякой доброй цѣли.“ Ежели здѣсь, гдѣ вся ошибка состояла въ неблаговременности упрековъ (за яденіе и неяденіе), Апостолъ воспрещаетъ оные, дабы не соблазнялся и не претыкался братъ; то чего будемъ достойны мы, когда соблазняемъ брата, совсѣмъ не имѣя намѣренія исправить его? Ежели не сберечь (брата, не принесть ему пользы) есть проступокъ, какъ это видно на примѣрѣ закопавшаго въ землю талантъ, то чего не навлечемъ на себя, соблазняя другаго? Ты скажешь: что же мнѣ дѣлать, если онъ соблазняется самъ отъ себя, потому что слабъ? Но по сему-то самому тебѣ и слѣдовало переносить все. Еслибы онъ былъ крѣпокъ, не имѣлъ бы нужды въ такой попечительности. А теперь чѣмъ онъ слабѣе, тѣмъ большаго требуетъ раченія. Итакъ будемъ о немъ пещися и поддерживать его во всѣхъ случаяхъ. Ибо мы дадимъ отвѣтъ не за свои только грѣхи, но и за то, въ чемъ служили соблазномъ для другихъ. Но если трудно отвѣчать и за свои грѣхи; какъ спасемся, когда ляжетъ на насъ и сія отвѣтственность? Если сдѣлаешься виною гибели другихъ, подпадешь тягчайшему наказанію, нежели доведенные тобою до паденія. „Не такъ пагубно самому согрѣшить, какъ ввести въ грѣхъ и другихъ, кромѣ себя.“

Ст. 14. ***Вѣмъ и извѣщенъ есмь о Христѣ Іисусѣ, яко ничтоже скверно само собою, точію помышляющему что скверно быти, оному скверно есть.***

Вѣмъ и извѣщенъ есмь—я вполнѣ убѣжденъ, убѣжденъ глубокимъ, совершеннѣйшимъ убѣжденіемъ, но не самъ отъ себя, не своими соображеніями дошелъ до этого, а наученъ будучи Христомъ Іисусомъ Господомъ. Имъ

внѣдрено во мнѣ сіе убѣжденіе. Апостолы не только однажды навсегда были просвѣщены, но и въ частностяхъ были научаемы Господомъ и Духомъ Святымъ. Бывали у нихъ и свои соображенія; но они умѣли съ точностію отличать, что свое, и что отъ Господа и Духа Божія. Не почитать ничего изъ съѣстнаго сквернымъ было Господнимъ внушеніемъ. Получивъ его отъ Господа, Апостолъ и всѣмъ его сообщалъ, — говоря: *ничтоже скверно само собою.* „Ничего нѣтъ нечистаго по природѣ, сему наученъ я отъ Господа. Онъ Самъ удостовѣрилъ меня въ этомъ, это приговоръ не человѣческаго ума“ (Св. Злат.). Но бываетъ, что иной одно, другой другое, по какимъ-либо помышленіямъ, считаетъ нечистымъ; въ такомъ случаѣ для него только оно и нечисто. Его помышленіе, что та и та пища нечиста, не дѣлаетъ пищи нечистою по себѣ, или и для другихъ: она только для него нечиста, не сама по себѣ, а по тому его убѣжденію; и пока сіе убѣжденіе остается у него, она пребываетъ для него нечистою. Онъ скверпитъ себя, принимая ее противъ убѣжденія совѣсти. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „если кто, думая, что такая-то снѣдь нечиста, вкушаетъ оную; то сіе нечисто не по естеству (снѣди), но ради помысла вкушающаго.“ Надобно напередъ перемѣнить убѣжденіе, и потомъ уже вкушать съ спокойною совѣстію; а наперекоръ совѣсти ничего не должно дѣлать, хотя бы совѣсть и заблуждалась.

Кого имѣлъ въ виду Апостолъ, говоря сіе?—И Іудея, который не освободился еще отъ чувства обязательства соблюдать законъ о яствахъ,—и другихъ, особенно язычника, который все еще думая, что идолъ есть нѣчто, боится, какъ бы не напасть на идоложертвенное въ яствахъ, предлагаемыхъ, или покупаемыхъ, въ той мысли, что они отъ идола приняли нѣкую скверну; потому воздерживается не только отъ явно-идоложертвен-

наго, но и отъ всякой другой пищи, которая могла быть отъ идоложертвеннаго. Послѣднее Апостолъ подробно объясняетъ въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, въ 8-й главѣ. Выраженія тамъ и здѣсь одинаковы; потому надо полагать, что Апостолъ и здѣсь имѣлъ въ виду подобные же случаи.

Чего же хочетъ Апостолъ? Не укорять, не нападать, не увлекать и не принуждать таковыхъ вкушать то, что они считаютъ нечистымъ: ибо иначе они будутъ дѣйствовать противъ своей совѣсти, дѣлать ее нечистою, подвергаться ея угрызеніямъ и вслѣдствіе того скорбѣть. И не этого только требуетъ Апостолъ, но и благоразумія въ пользованіи свободою, въ употребленіи пищи. Это особенно касалось идоложертвеннаго. Иный, убѣдившись, что идолъ есть ничто и не дѣлаетъ пищи нечистою, свободно ѣстъ всюду явно-идоложертвенное,— и ему ничего. Но иной, не имѣя такого убѣжденія, а увлекаясь только примѣромъ его, станетъ ѣсть что-нибудь такое; почему будетъ ѣсть наперекоръ своей совѣсти, осквернитъ ее и будетъ потомъ скорбѣть, угрызаемый ею. Апостолъ и далъ правило – опасливо пользоваться свободою относительно яствъ, чтобъ не нарушить иначе любви къ брату.

Ст. 15. ***Аще же брашна ради братъ твой скорбитъ, уже не по любви ходиши. Не брашномъ твоимъ того погубляй, за негоже Христосъ умре.***

Будешь ли укорять брата за различеніе яствъ, или понудишь его вкусить, что считаетъ онъ нечистымъ, или примѣромъ своимъ увлечешь его къ тому,—во всякомъ случаѣ ты скорбь причинишь брату, и тѣмъ нарушишь братскую любовь. Но любовь у насъ главное, а различеніе яствъ дѣло безразличное. Благоразумно ли такъ поступать? Не только неблагоразумно, но и преступно. „Скажешь: почему же не исправить брата, чтобы онъ

не почиталъ чего-либо нечистымъ? Почему не употребить всей своей власти, чтобы очистить отъ сей привычки и мнѣнія—признавать что-либо скверным? Боюся, отвѣтствуетъ Апостолъ, чтобы не огорчить его" (Св. Злат.). Конечно не худо отучить отъ этого; но для сего самое вѣрное—измѣнить его убѣжденія. Измѣнить же ихъ нельзя нападками и понужденіями. Яви лучше снисходительность и осторожность любви; и она исправитъ все дѣло. Живя среди свободно относящихся къ жертвамъ и между тѣмъ объемлющихъ его теплою любовію, онъ скорѣе поколеблется въ своихъ убѣжденіяхъ, а потомъ и совсѣмъ измѣнитъ ихъ. Время съ любовію все исправитъ мирно: ни споровъ, ни укоровъ, ни понужденій не нужно. Они только портятъ дѣло, а не способствуютъ ему. „Видишь ли, сколько Апостолъ заботится о сохраненіи любви? Ибо зналъ, что любовь можетъ все исправить. А посему и требуетъ отъ слушателей чего-то большаго. Не только не должно вамъ, говоритъ, доводить ихъ до крайности; но еслибы требовалось сдѣлать снисхожденіе, и отъ того не отказываться" (Св. Злат.).

Не брашномъ твоимъ того погубляй, за негоже Христосъ умре.

Вотъ до чего можетъ дойти неразуміе въ дѣлахъ безразличныхъ! брата погубить. Какъ? Соблазнивъ брата, понудивъ или увлекши его дѣйствовать противъ своего убѣжденія, или совѣсти. Апостолъ писалъ уже именно это къ Коринѳянамъ: ***блюдите, да не како власть ваша*** (свободно относиться къ яствамъ) ***претыкновеніе будетъ немощнымъ. Аще бо кто видитъ тя имуща разумъ*** (убѣдившагося, что идолъ ничто и не сквернитъ идоложертвеннаго) ***въ требищи возлежаща, не совѣсть ли его немощна сущи созиждется идоложертвенное ясти?*** (совѣсть его, оставаясь немощною, не имѣя подобныхъ твоимъ убѣжденій, согласится, увлекаясь примѣромъ твоей

мудрости, ѣсть идоложертвенное, держа въ мысли, что оно осквернено). *И погибнетъ немощный братъ въ твоемъ разумѣ, егоже ради Христосъ умре. Такожде согрѣшающе въ братію и біюще ихъ совѣсть немощну сущу, во Христа согрѣшаете* (1 Кор. 8, 9—12). Это именно разъясненіе напоминаютъ и настоящія слова: *не брашномъ твоимъ того погубляй, за негоже Христосъ умре.* Св. Златоустъ видитъ здѣсь такія внушенія: „ужели брата не почтешь стоющимъ того, чтобы чрезъ воздержаніе отъ пищи пріобрѣсть его спасеніе? Христосъ не отказался стать за него рабомъ и умереть, а ты для его спасенія не соглашаешься отказаться отъ пищи? Хотя Христосъ зналъ, что не всѣхъ пріобрѣтетъ; однакоже исполнилъ Свое дѣло и умеръ за всѣхъ. А ты знаешь, что споромъ о пищѣ развращаешь въ важнѣйшемъ и несмотря на то упорствуешь,—почитаешь презрѣннымъ, кого Христосъ призналъ достойнымъ толикихъ почестей, безчестишь, кого Онъ возлюбилъ? Христосъ умеръ не только за немощнаго въ вѣрѣ, но и за врага, а ты для немощнаго въ вѣрѣ не хочешь воздержаться отъ пищи? Христосъ совершилъ самое великое дѣло, а ты не хочешь сдѣлать малаго? Онъ Владыка, а ты братъ.“

Ст. 16. *Да не хулится убо ваше благое.*

Чье—*ваше*? Тѣхъ, которые не вязали себя никакими предубѣжденіями относительно яствъ. Что *благое*? Эта самая свобода отъ предубѣжденій и сила вѣры, возведшая до сей свободы. „Обвиненіе соединяетъ съ похвалою. Хвалю, говоритъ Апостолъ, вѣру того (свободнаго отъ предубѣжденій), но не хочу, чтобы она содѣлалась причиною вреда и хулы“ (Θеод.). *Да не хулится.* Не другихъ имѣетъ въ виду, а самого этого, чувствующаго себя свободнымъ отъ предубѣжденій; не позволяй себѣ такъ пользоваться сею свободою, чтобъ это унижало ее

и подвергало осужденію. Ибо если ты по своей свобод одного оскорбляешь, а другаго соблазняешь; то не подлежишь ли справедливо похуленію за свое неразуміе, тѣмъ паче, что изъ за-сего хула переходить можетъ и на самую вѣру твою, а отъ твоей и вообще на вѣру Христову? „Ты имѣешь совершенство въ вѣрѣ: не злоупотребляй же совершенствомъ своимъ и не подавай повода хулить онаго. Ибо если ты, будучи совершеннымъ, губишь совершенство, то подалъ поводъ хулить благо, которое имѣешь. Но ты понимаешь, что и ученіе наше благо, и что оно не желаетъ подвергаться хулѣ со стороны невѣрныхъ, когда они видятъ расколы и соблазны касательно пищи“ (Θеоф.).

Но можно подъ *благое* разумѣть—вѣру христіанскую вообще, и подъ *ваше*—Римлянъ. Да не подвергнетесь хулѣ за то, что приняли вѣру Христову. Вотъ какая вѣра, скажутъ, что учитъ ихъ спорамъ и раздорамъ изъ-за такихъ мелочей, каково употребленіе яствъ позволенныхъ. Такъ разумѣетъ Св. Златоустъ: „подъ именемъ *благаго* Апостолъ разумѣетъ здѣсь вѣру, или надежду будущихъ благъ, или совершенное благочестіе. Ты не только не помогаешь брату, говоритъ Апостолъ, но заставляешь хулить самый догматъ, Божію благодать и даръ. Когда ты споришь, упорствуешь, огорчаешь, раздираешь церковь, укоряешь брата, обходишься съ нимъ непріязненно; тогда сторонніе хулятъ церковь. И ты не только не исправляешь, но дѣлаешь совершенно противное. Ваше доброе состоитъ въ томъ, чтобы жить въ любви, въ братствѣ, въ единеніи, въ союзѣ, мирно и кротко.“

Ст. 17. *Нѣсть бо царство Божіе брашно и питіе, но правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ.*

Царство Божіе пріобрѣтается не тѣмъ, чтобъ одно ѣсть, а другаго не ѣсть, и одно пить, а другаго не пить. Или—не въ этомъ состоитъ царство Божіе, не этимъ оно украшается, не это составляетъ его отличительную

черту. Или—не этимъ славны вступившіе въ царство Божіе, и не это есть признакъ, въ царствѣ ли кто Божіемъ или нѣтъ. „Не думайте, что въ этомъ весьма великое преуспѣяніе, и что пріобрѣтается симъ царство небесное“ (Θеод.). „Ужели думаешь, что сіе поставлено будетъ тебѣ въ заслугу? И въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ тоже: *ниже аще ямы избыточествуемъ*; *ниже аще не ямы*, *лишаемся* (1 Кор. 8, 8). Здѣсь нечего доказывать, а довольно сказать. Смыслъ же Апостольскихъ словъ таковъ: ежели ты ѣшь, то ужели сіе введетъ тебя въ царство?“ (Св. Злат.).

Что же вводитъ въ царство? Какія блага его? Что служитъ признакомъ, что кто-нибудь принадлежитъ къ наслѣдникамъ его?—*Правда*, *миръ и радость о Дусѣ Святѣ*. „Добродѣтельная жизнь, миръ съ братомъ, радость, происходящая отъ согласія“ (Св. Злат.). „Пріобрѣтаютъ намъ царство истинная праведность въ мирѣ и любви, согласіе и рачительность, которыми порождается веселіе по Богу“ (Θеод.). *Правда*—не оправданіе только и отпущеніе грѣховъ, но внутренняя праведность, изгнавшая все неправое изъ сердца и вселившая въ немъ правочувствіе и правомысліе, отъ коихъ православіе и праводѣланіе, словомъ—святость, готовая на всякое дѣло благое и сильная совершить оное. *Миръ*—мирное устроеніе въ себѣ, въ мысляхъ и чувствахъ, вслѣдствіе освобожденія отъ мятущихъ страстей самоугодія;—миръ, свыше сходящій и осѣняющій душу чувствомъ благоволенія Божія, блюдомымъ сознаніемъ, что произвольно не допущено ничто неправое, и дающимъ дерзновеніе весело воззрѣвать къ всещедрому Богу,—и миръ любви со всѣми братіями, дѣлающій изъ всѣхъ одну душу и каждаго обогащающій чувствомъ силы такой жизни, которая слагается изъ всѣхъ жизней состоящихъ въ мирномъ сердечномъ союзѣ. *Радость*, не ка-

кая-либо чувственная, но отрѣшенная и отрѣшающая отъ всего чувственнаго, не изъ себя выводящая, какъ обычно, но въ себя углубляющая, по той причинѣ, что тамъ дается вкушать сердцу обвеселяющія блага, ихъже око не видѣ, — изъ коего вкушенія непрестаннаго и точится радость, которой ничѣмъ другимъ купить нельзя. Радость неразлучна съ жизнію; но истинная радость бываетъ только въ духовной жизни, душевная же и чувственная жизнь имѣютъ лишь мимолетныя радости и всегда смутныя и немирныя. Духовной жизни радость истинная отъ того неотлучно принадлежитъ, что эта жизнь не иначе водворяется, какъ въ силу соединенія со всеблаженнымъ Богомъ благодатію Его. Богъ всеблаженный изливаетъ непрестанную радость въ сердце, съ Нимъ живо сочетанное вѣрою, любовію и упованіемъ.

Все же сіе о *Дусѣ Святѣ*. Хотя у Апостола о *Дусѣ Святѣ* стоитъ въ связи только *съ радостію;* но по существу дѣла не радость только, но и миръ съ правдою есть лишь о Дусѣ Святѣ. Духъ Святый даетъ силы, яже къ животу и благочестію, и слѣдовательно дѣлаетъ человѣка праведнымъ. Духъ Святый исторгаетъ духъ нашъ изъ устъ душевныхъ и тѣлесныхъ страстей, и водворяя миръ внутри, держитъ его въ мирѣ съ Богомъ и братіями. Духъ Святый и радость подаетъ, прямо по обращеніи къ Богу, только въ видѣ предвкушенія и приманки, а по очищеніи отъ страстей, въ видѣ постояннаго, или болѣе или менѣе постояннаго вкушенія: ибо тогда начинается ощутительное дѣйствіе благодати Св. Духа въ сердцѣ, съ коимъ неразлучна сладость духовная, и съ сладостію сею и радость. Изъ сего слѣдуетъ заключить, что правда, миръ и радость въ истинномъ своемъ значеніи бываютъ только въ христіанахъ; и между христіанами въ тѣхъ, въ которыхъ возгрѣтъ даръ благодати.

Ст. 18. ***Иже бо сими служитъ Христови, благоугоденъ естъ Богови и искусенъ человѣкомъ.***

Вотъ чѣмъ служи Христу Господу! Вотъ что существенно въ христіанствѣ! А не то, что бы одно ѣсть, а другое не ѣсть, или все ѣсть безъ разбора. И это можетъ пойти въ дѣло, но не какъ главное, а какъ придѣлокъ. Но какъ—же говоритъ: самъ служи, а между тѣмъ правда, миръ тѣмъ паче радость суть плодъ благодати Святаго Духа?—Благодать дается; но то, что производитъ и плодоприноситъ въ насъ благодать, есть дѣло не одной благодати, а и свободнаго произволенія. Благодать содѣйствуетъ труду и ревности,—и бываетъ плодъ духовный. Напрягайся на праведность и съ помощію благодати станешь праведенъ не внѣшно, а въ сердцѣ; трудись надъ умиреніемъ себя въ себѣ самомъ и въ своихъ отношеніяхъ къ Богу и людямъ,—и съ помощію благодати стяжешь миръ; радость же придетъ, какъ неотъемлемое слѣдствіе правды и мира. Радость на душѣ дѣлаетъ человѣка отрадою для всѣхъ, съ которыми онъ входитъ въ сношеніе. И ею служатъ братіямъ, а чрезъ нее и Христу Господу.

Кто будетъ такъ служить Господу, тотъ два плода пріобрѣтетъ, или двухъ цѣлей достигнетъ: ***будетъ благоугоденъ Богови и искусенъ человѣкомъ.*** Во Христѣ Іисусѣ исходный пунктъ есть самоотверженіе После же себя кто еще останется? Богъ и люди; къ нимъ и направляется дѣятельность человѣка: Богу благоугодить ревнуетъ и для людей быть полезнымъ во всемъ старается. Апостолъ говоритъ: хочешь этого достигнуть благоуспѣшно и въ совершенствѣ? вотъ чѣмъ запасись: правдою, миромъ и радостію, или ихъ напередъ созижди въ сердцѣ, и тогда будешь благоугоденъ Богови и искусенъ человѣкомъ чрезъ то самое, что будешь имѣть ихъ въ сердцѣ. Не

опирайся слишкомъ на внѣшнее, хоть и оно нужно; а главное, сердце созижди.

Искусенъ—*δόκιμος*—испытанъ, что и то умѣетъ сдѣлать, и другое, и третье. Хорошо выражаетъ сіе слово наша поговорка: молодецъ на всѣ руки, все дѣлаетъ славно. И въ общежитіи предорогой человѣкъ тотъ, къ кому благонадежно можно обратиться и на котораго во всемъ можно положиться: не обманетъ, не обидитъ, поможетъ, совѣтъ дастъ и, что ни поручи, все устроитъ. Таковъ и бываетъ всегда тотъ, у кого въ сердцѣ водворены правда, миръ и радость; да тотъ только и таковъ, у кого есть такое устроеніе сердца.

Ст. 19. ***Тѣмже убо миръ возлюбимъ, и яже къ созиданію другъ ко другу.***

Прямо указываетъ на болѣзни, именно, что своимъ неразумнымъ дѣйствованіемъ въ употребленіи пищи и питія они и миръ взаимный нарушали, и соблазняли другъ друга,—и что еще тягчае,—замѣчая сіе, не хотѣли измѣнить своего поведенія. Болѣе это относилось къ недержавшимъ различенія яствъ и являвшимся болѣе совершенными въ вѣрѣ; миръ они нарушали тѣмъ, что презрительно и укорно относились къ воздерживавшимся отъ нѣкоторыхъ яствъ, а соблазняли, вмѣсто назиданія, тѣмъ, что иныхъ наперекоръ совѣсти увлекали ѣсть идоложертвенное. Но и къ воздерживавшимся отъ нѣкоторыхъ яствъ это же шло: и они миръ нарушали уже тѣмъ, что особились отъ другихъ, и тѣмъ болѣе, если при семъ вступали въ споръ, вообще неблагопріятный миру, и на укоръ отвѣчали укоромъ укорявшихъ, укоряя ихъ, яко всеядцевъ, невоздержныхъ и чревоугодливыхъ; а соблазняли тѣмъ, что иныхъ изъ недержавшихъ различенія яствъ, но не крѣпкихъ сердцемъ, располагали подражать себѣ, чая такъ совершеннѣйшими явиться, тогда какъ это означало не совершенство, а немощь.

Для насъ отсюда можно заимствовать правило—во внѣшнемъ нашемъ поведеніи и особенно въ отношеніи къ предметамъ безразличнымъ главнымъ образомъ имѣть въ виду не то, какъ мы сами положили дѣйствовать, но то исключительно, чтобъ мира взаимнаго не нарушать и не соблазнить кого-либо, а напротивъ такъ вести дѣла, чтобъ взаимный миръ болѣе и болѣе укрѣплялся и все служило ко взаимному назиданію.

Ст. 20. *Не брашна ради разоряй дѣло Божіе. Вся бо чиста, но зло человѣку претыканіемъ ядущему.*

Дѣло Божіе—то, что Онъ хощетъ всѣмъ спастися. А ты неразумнымъ пользованіемъ свободою относительно яствъ разоряешь сіе дѣло, понуждая или увлекая его ѣсть то, что не одобряетъ его совѣсть, и тѣмъ губя его; ибо оскорбленіе совѣсти есть зло пагубное. То правда, что все чисто, какъ ты вѣруешь; но ты, вкушая все на претыканіе и соблазнъ брату, дѣлаешь зло,—зло себѣ самому, ибо *горе человѣку, имже соблазнъ приходитъ* (Мѳ. 18, 7). Св. Златоустъ говоритъ: „дѣломъ Божіимъ Апостолъ называетъ спасеніе брата и увеличиваетъ страхъ, доказавъ, что соблазняющій брата дѣлаетъ противное тому, о чемъ заботится. Ты не только не созидаешь, какъ думаешь, говоритъ Апостолъ, но разоряешь, и разоряешь не человѣческое дѣло, а Божіе; и притомъ разоряешь не для чего-либо важнаго, но для маловажной вещи—*брашна ради*. Если ты принудишь, и онъ станетъ ѣсть, ни малой не будетъ въ томъ пользы (а вредъ: ибо онъ будетъ ѣсть съ оскорбленіемъ своей совѣсти). Не яства дѣлаютъ нечистымъ, а расположеніе, съ какимъ ѣсть. Посему ежели не исправишь расположенія, то весь твой трудъ напрасенъ и вреденъ. Иное дѣло почитать что нечистымъ, и иное ѣсть что почитаешь нечистымъ. Въ послѣднемъ случаѣ грѣшишь ты вдвое, своимъ споромъ усиливаешь предразсудокъ, и заставляешь ѣсть не-

чистое (т.-е. почитаемое таковымъ наперекоръ совѣсти). Доколѣ не убѣдишь, дотолѣ не принуждай."

Слова: *претыканіемъ ядущему* можно принять въ такомъ смыслѣ: зло человѣку, который ѣстъ съ претыканіемъ, несмотря на то, что совѣсть несогласна на сіе. Толкованіе Св. Златоуста на это болѣе направлено.

Ст. 21. *Добро не ясти мясъ, ниже пити вина, ни о немже братъ твой претыкается или соблазняется, или изнемогаетъ.*

Добро не ясти. Въ продолженіи всей главы толкуя о семъ, Апостолъ явно требовалъ сего, какъ должнаго, и давалъ заповѣдь къ исполненію. Но выразился такъ, что кажется будто онъ говоритъ: *лучше*, въ видѣ своего мнѣнія и совѣта; для того, чтобы, давая заповѣдь крѣпкому вмѣстѣ съ немощнымъ, внушить сему послѣднему, что ему дѣлается снисхожденіе по немощи его, и тѣмъ побудить позаботиться объ оздравленіи. Не ѣсть мясъ и не пить вина не вообще предписываетъ, а на тотъ случай, если этимъ кто соблазняется. Того не касается здѣсь Апостолъ, что то и другое должно дѣлать въ видахъ воздержанія,—объ этомъ онъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ: *подвизаяйся отъ всѣхъ воздержится* (1 Кор. 9, 25); здѣсь же говоритъ онъ о семъ только въ отношеніи къ тѣмъ недоразумѣніямъ и разномысліямъ, какія происходили среди Римлянъ, въ умиротвореніе ихъ. Отсюда и для всѣхъ насъ, и на всѣ случаи законъ: ничего не дѣлать. чѣмъ можно соблазнить брата. Св. Златоустъ говоритъ: „опять Апостолъ требуетъ большаго, не только не принуждать, но и оказывать снисхожденіе. Такъ и самъ онъ поступалъ нерѣдко: обрѣзывалъ, стригъ волосы, приносилъ іудейскую жертву. Не говоритъ онъ: дѣлай; но предлагаетъ въ видѣ своего мнѣнія, дабы слабѣйшаго не сдѣлать еще болѣе безпечнымъ. И что же говоритъ? *Добро не ясти мясъ.* И что я говорю о мя-

сахъ? Воздерживайся также отъ вина и отъ всего, что только служитъ соблазномъ; потому что спасеніе брата не идетъ ни съ чѣмъ въ сравненіе. Сіе собственнымъ примѣромъ показалъ Христосъ, Который снизшелъ съ небесъ и все претерпѣлъ за насъ, что ни претерпѣлъ. Замѣть же, какъ Апостолъ вразумляетъ и другаго, говоря: *претыкается, или соблазняется, или изнемогаетъ* (ибо симъ означается, что онъ не въ добромъ положеніи и имѣетъ нужду въ исправленіи). — Не говори мнѣ, продолжаетъ Апостолъ, что это безразсудно (что слабый самъ виноватъ, по неразумію своему); напротивъ, помни, что сіе можетъ исправить. А для тебя достаточное оправданіе, что немощному поможешь, а себѣ нимало не повредишь. Твой поступокъ не лицемѣріе; напротивъ, онъ служитъ къ созиданію и сбереженію брата. Ежели будешь принуждать его, онъ станетъ противиться тебѣ, осуждать тебя и еще болѣе утвердится въ своихъ правилахъ—воздерживаться отъ пищи (по предубѣжденію). А если окажешь ему снисхожденіе, полюбитъ тебя, безъ всякаго подозрѣнія будетъ слушать твое ученіе, и наконецъ нечувствительно дастъ тебѣ волю посѣять въ немъ правые догматы. А ежели однажды поселишь въ немъ ненависть къ себѣ, то заградишь входъ словамъ своимъ. Итакъ, не принуждай брата, напротивъ самъ для него воздерживайся; воздерживайся не какъ нечистаго, но потому, что онъ соблазняется,—и онъ больше полюбитъ тебя."

Слова: *претыкается*, *соблазняется*, *изнемогаетъ* — всѣ къ одному направлены и одно значатъ; но можно видѣть въ нихъ и нѣкоторые оттѣнки немощи. Бл. Ѳеофилактъ говоритъ: „словомъ: *претыкается* показалъ, что онъ (по предубѣжденію некасающійся иныхъ явствъ) ослѣпленъ; ибо претыкаются слѣпые. А соблазняется онъ, какъ легкомысленный, изнемогаетъ же, какъ маловѣрный" (Такъ и Экуменій). Можно видѣть здѣсь и постепенность по-

пранія совѣсти немощнымъ: *изнемогаетъ* — колебаться сталъ, *соблазняется* — склонился, *претыкается* — поѣлъ противъ совѣсти. Внушеніе же идетъ въ обратномъ порядкѣ: не только не доводи до претыканія, но даже до склоненія или колебанія помысломъ.

Ст. 22. *Ты вѣру имаши: о себѣ самъ имѣй предъ Богомъ. Блаженъ не осуждаяй себе, о немже искушается.*

Ты вѣру имѣешь,—ты убѣжденъ, что въ яствахъ все добро и ничтоже отметно, и что брашно не поставляетъ насъ предъ Богомъ. Это хорошее убѣжденіе; но по обстоятельствамъ, въ какихъ находишься нынѣ ты, обнаруживать на дѣлѣ такое убѣжденіе долженъ ты осторожно, чтобы неразумнымъ пользованіемъ свободою въ семъ отношеніи не соблазнить брата и не повредить ему. Имѣй такую вѣру въ себѣ самомъ предъ Богомъ; но когда видишь, что безразличнымъ ястіемъ всего можешь соблазнить кого, воздержись отъ ястія. Этого требуетъ отъ тебя долгъ любви къ братьямъ и заповѣдь—все обращать въ славу Божію, ѣшь ли, или пьешь. Для тебя отъ этого никакого не будетъ вреда: ибо по вѣрѣ твоей вкушать и не вкушать что—дѣло безразличное. Ты можешь съ покойною совѣстію и воздержаться отъ извѣстной пищи. Совѣсть не будетъ тебя осуждать; напротивъ, одобритъ за то, что дѣлаешь нѣкую жертву для пользы брата. Вообще блаженъ, кого не осуждаетъ совѣсть за то, на что онъ рѣшается, что избираетъ и дѣлаетъ. Искушается,—δοκιμάζει,—собственно—избираетъ съ одобреніемъ совѣсти.

Не было ли такихъ, которые любили хвастаться своимъ отрѣшеннымъ отъ всякихъ предубѣжденій смысломъ и выказывали его ничѣмъ не стѣсняясь, на показъ. И Св. Павелъ ихъ вразумляетъ симъ словомъ. Св. Златоустъ подозрѣваетъ сіе. „Здѣсь, кажется мнѣ, Апостолъ тайно намекаетъ на тщеславіе совершеннѣйшаго въ вѣрѣ.

Смыслъ словъ его таковъ: хочешь доказать мнѣ, что ты во всемъ исправенъ и совершенъ; не доказывай (показаніемъ ея), а довольствуйся свидѣтельствомъ совѣсти. Вѣру же беретъ здѣсь относительно не къ догматамъ, а къ предмету разсужденія. Объ одной вѣрѣ сказано: *усты исповѣдуется во спасеніе* (Рим. 10, 10); также— *иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергнуся его и Азъ* (Мѳ. 10, 33). Одна постыждаетъ тебя, если ее не исповѣдуешь; а другая (эта—относительно пищи) посрамитъ тебя, если исповѣдуешь (дѣломъ обнаружишь) не вовремя. *Блаженъ не осуждаяй себе, о немже искушается.* Доказываетъ, что съ него довольно одобренія совѣсти. Хотя другой не видитъ твоего блаженства, ты будь доволенъ самъ собою (т. е. свидѣтельствомъ своей совѣсти). Поелику Апостолъ сказалъ: *о себѣ самъ имѣй*; то дабы ты не почелъ сего судилища маловажнымъ, утверждаетъ, что оно для тебя лучше вселенной. Если всѣ обвиняютъ тебя, но самъ себя не осуждаешь, и совѣсть не укоряетъ, ты блаженъ. Но Апостолъ не о всякомъ безъ исключенія далъ такой отзывъ. Много есть людей, которые сами себя не осуждаютъ и весьма грѣшатъ; они всѣхъ несчастнѣе. Но Апостолъ занимается настоящимъ предметомъ (говоритъ т. е. относительно различенія яствъ).“

Бл. Фотій у Экуменія рѣшаетъ такое возраженіе. „Чтоже, скажетъ кто, ужели и мнѣ чуждаться иныхъ яствъ изъ-за немощнаго? Не будетъ ли это значить, что я присталъ къ его части? Не стану ли подобенъ ему? Противъ этого говоритъ Апостолъ: никакъ нѣтъ. Ибо вѣра твоя остается предъ Богомъ чистою и неповрежденною. Но что я говорю,—что это не повредитъ тебѣ и что вѣра твоя остается цѣлою предъ Богомъ? Ты блаженство себѣ пріобрѣтаешь, если для пользы и спасенія брата воздержишься отъ извѣстныхъ яствъ. *Блаженъ*, говоритъ, *не осуждаяй себе, о немже искушается*, т. е.

имѣющій совѣсть, свидѣтельствующую ему (что не сдѣлалъ худо, поступивъ такъ и такъ). Не въ этомъ только, когда кто для пользы брата воздерживается отъ иныхъ яствъ, но и вообще во всякомъ дѣлѣ, если кто послѣ должнаго испытанія найдетъ, что то или то хорошо, и сдѣлаетъ то,— будетъ имѣть одобряющее и ублажающее свидѣтельство совѣсти. Блаженъ таковый; а не только не терпитъ вреда отъ того, что избираетъ и что дѣлаетъ по совѣсти."

Ст. 23. *А сомнящійся, аще ястъ, осуждается, зане не отъ вѣры; всяко же, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть.*

Ты блаженъ, вкусишь ли или воздержишься, потому что то и другое можешь дѣлать съ покойною совѣстію. А несчастенъ тотъ, кто не убѣжденъ, что можно ѣсть и то и то, а напротивъ думаетъ, что едва ли нужно такъ дѣлать, и, несмотря на то, ястъ не отъ вѣры, безъ удостовѣренія своей совѣсти, что такъ можно. Совѣсть и мятется, лишаетъ его покоя, не даетъ вкусить того блаженства, которое есть удѣлъ тѣхъ, которыхъ не осуждаетъ совѣсть за ихъ поступки. Слѣдовательно ты дѣлаешь ему зло. „Опять увѣщеваетъ щадить немощнаго. Какая польза ѣсть съ сомнѣніемъ и осуждать самому себя? Я одобряю того, кто ѣстъ, и ѣстъ безъ всякаго сомнѣнія. А кто сомнѣваясь ѣстъ, осуждается. Причина тому: *зане не отъ вѣры*. Осуждается не потому, что нечисто, но потому, что не съ вѣрою, потому что не былъ увѣренъ, что это чисто, но думалъ, что прикасается къ нечистому. А симъ Апостолъ вразумляетъ, сколько дѣлаютъ вреда, когда принуждаютъ неубѣдившихся прикасаться къ тому, что по ихъ мнѣнію нечисто, и желаетъ хотя симъ удержать ихъ отъ того, чтобы они не укоряли немощныхъ въ вѣрѣ" (Св. Злат.).

Всяко же, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть. Это общее положеніе на всѣ случаи, на которомъ основываются и наставленія Св. Павла. Отсюда слѣдуетъ, что всѣ

обязаны ясную имѣть совѣсть относительно того, что предпринимаютъ и дѣлаютъ, чтобы все дѣлать съ яснымъ сознаніемъ правости дѣла. Св. Златоустъ учитъ: „настоящая жизнь есть поприще; на всякомъ шагу нужно имѣть множество глазъ,—и не должно думать, что для оправданія достаточно невѣдѣнія. Будешь, непремѣнно будешь наказанъ и за невѣдѣніе, если оно не простительно. И Іудеи были въ невѣдѣніи, однакожъ ихъ незнаніе не поставлено имъ въ извиненіе. И язычники были въ невѣдѣніи, однакоже не имѣютъ оправданія. Когда не знаешь того, что знать невозможно, ты не будешь виновенъ. А когда того не знаешь, что можно и удобно познать. понесешь крайнее наказаніе. Притомъ же, ежели не будемъ слишкомъ безпечны, то употребимъ всѣ возможныя мѣры; Богъ подастъ намъ руку и въ неудобопознаваемомъ. Такъ Павелъ говорилъ Филлиписійцамъ: *аще ино что мыслите, и сіе Богъ вамъ открыетъ* (—3, 15).“

Стт. 24—26. *Могущему же васъ утвердити по благовѣствованію моему и проповѣданію Іисусъ Христову, по откровенію тайны, лѣты вѣчными умолчанныя, явльшіяся же нынѣ, писаніи пророческими по повелѣнію великаго Бога, въ послушаніе вѣры во всѣхъ языцѣхъ познавшіяся. Единому премудрому Богу, Іисусомъ Христомъ, емуже слава во вѣки. Аминь*

Это славословіе прерываетъ теченіе рѣчи о благоразумномъ пользованіи свободою относительно яствъ и о щадѣніи немощныхъ въ отношеніи къ сему, которая въ слѣдъ за симъ начинается снова: *должни есмы мы сильніи немощи немощныхъ носити* (—15, 1). Этотъ перерывъ показался столь неестественнымъ что ради сего эти три текста стали относить къ концу посланія, помѣщая ихъ послѣ 24 стиха 16-й главы. Совершенно незаконно: Святому Павлу обычно прерывать свое ученіе молитвеннымъ къ Богу обращеніемъ; настоящее славосло-

віе совершенно согласно съ предметомъ рѣчи, а въ концѣ оно ни къ чему; рукописей, оправдывающихъ такое перенесеніе, весьма немного. Наши толковники всѣ имѣютъ сіе славословіе въ настоящемъ мѣстѣ.

Само славословіе—въ немногихъ словахъ таково: *могущему же утвердити васъ, слава во вѣки, аминь!* (Св. Злат.). Прочее все относится къ показанію, въ чемъ утвердить, и что восторгнуло Апостола къ славословію. Любимая Апостоломъ истина—сліяніе Іудеевъ и язычниковъ въ единое тѣло Церкви во Христѣ Іисусѣ. Доселѣ раздѣляло ихъ со стороны Іудеевъ средостѣніе стихійнаго служенія, отособлявшее ихъ отъ всѣхъ, а со стороны язычниковъ—невѣдѣніе Бога истиннаго. Явился Господь, пошла проповѣдь Евангелія,—разоряетъ іудейское средостѣніе, разгоняетъ мракъ невѣдѣнія языческаго, и изъ тѣхъ и другихъ образуетъ одинъ народъ, вѣдущій Бога и покланяющійся Ему въ духѣ и истинѣ. Дѣло сіе было тайною, сокрытою отъ вѣка и отъ родовъ и открывающеюся только теперь въ самой дѣйствительности, хотя она предусмотрѣна была Пророками. Служеніе сему дѣлу, какъ сознавалъ Апостолъ, ввѣрено преимущественно ему, и всякій успѣхъ въ немъ исполнялъ его радостію и благодареніемъ. Предъ этимъ онъ сказалъ: какъ блаженны пришедшіе въ свободу чадъ Божіихъ! Тутъ бы и прибавить: слава Давшему такую благодать! Но какъ его занимала немощная часть увѣровавшихъ Іудеевъ, которыхъ полную свободу онъ только впереди еще видѣлъ, то у него славословіе естественно слилось съ симъ чаяніемъ; и въ несомнѣнности, что такъ будетъ, онъ воззвалъ: *могущему утвердити васъ слава!* Этимъ онъ хотѣлъ воодушевить немощныхъ, говоря какъбы: мы снисходимъ немощи вашей, но надѣемся, что вы скоро укрѣпитесь и станете на ноги. Св. Златоустъ говоритъ: „Это всегдашній обычай Павловъ—заключать увѣщанія молитвами и славосло-

віемъ. Апостолъ зналъ, что въ этомъ заключается не малая сила, и привыкъ дѣлать это по сильной любви и благочестію. Чадолюбивому и Боголюбивому учителю свойственно не только научать словомъ, но и молитвами испрашивать у Бога помощи учащимся. Такъ поступаетъ Павелъ и въ настоящемъ случаѣ. Здѣсь онъ опять имѣетъ въ виду немощныхъ и къ нимъ обращаетъ слово. Когда онъ предлагалъ обличенія, то обличалъ и тѣхъ и другихъ. Но теперь, когда молится, онъ приноситъ молитву за немощныхъ."

По благовѣствованію моему, утвердити по предмету моего благовѣствованія, — въ томъ, что благовѣствую. Сущность благовѣстія — спасеніе въ Господѣ Іисусѣ Христѣ; сущность вѣры — упованіе спасенія въ Немъ единомъ безъ всякой примѣси чего либо, на чемъ бы хоть малость какую опиралось то упованіе, и что дерзало бы раздѣлять честь сего упованія съ Господомъ. Отъ пріявшаго благовѣстіе и вступившаго въ путь спасенія требуется престрогая дѣятельность—многотрудная; но упованіе спасенія на единомъ Господѣ утверждается. А тѣ думали, будто спасеніе ихъ благонадежнѣе, если того не ѣсть, другаго не пить. „Симъ дается разумѣть, что они не были еще утверждены, но хотя стояли, впрочемъ колебались" (Св. Злат.).

И проповѣданію Христову. „Благовѣствованіе мое, внушаетъ Апостолъ, и проповѣданіе Христово одно и тоже, ибо это не наше ученіе, а Его законы" (Θеоф.). Проповѣдаю то, что Христосъ заповѣдалъ, или мой языкъ, а проповѣдуетъ чрезъ меня Христосъ.

По откровенію тайны, лѣты вѣчными умолчанныя. Какой тайны? *Яко быти языкомъ снаслѣдникомъ и стѣлесникомъ и спричастникомъ обѣтованія Божія о Христѣ Іисусѣ* (Еф. 3, 6). Никакихъ преградъ нѣтъ. Всѣмъ открытъ доступъ къ единенію съ Богомъ. Ни іудейство

ничего въ семъ не помогаетъ, ни язычество ничѣмъ тутъ не мѣшаетъ. Вѣрою прилѣпись ко Господу, — и спасешься. Не внѣшнее что приводитъ къ Богу или отводитъ отъ Него. Это устрояется внутреннимъ настроеніемъ. Сію-то тайну возвѣщать языкамъ поручено было Святому Павлу, какъ подробно излагаетъ онъ въ посланіи къ Ефесеямъ.

Ст. 25. ***Явльшіяся же нынѣ, писаніи пророческими.*** Явною дѣлается она нынѣ и въ дѣло приводится апостольскою проповѣдію, ***Господу поспѣшествующему, и слово утверждающу послѣдствующими знаменіи*** (Мр. 16, 20). Пророческія сказанія служили Апостоламъ къ утвержденію убѣжденія, что такъ отъ вѣка опредѣлено, чтобъ всѣ языки призвать къ вѣрѣ въ Господа, не связывая ихъ іудейскими постановленіями, а даже самихъ іудеевъ освобождая отъ нихъ.

Писаніи пророческими — будетъ тоже, что сообразно съ пророчествами. Это внушало Іудею: „чего тебѣ бояться? Чтобы не отступить отъ закона? Но того хочетъ законъ, то предсказано издревле“ (Св. Злат.).

По повелѣнію вѣчнаго Бога. Не сами мы, воспользовавшись предсказаніями пророческими, принялись за это дѣло. Мы дѣйствуемъ по гласному повелѣнію вѣчнаго Бога: ***шедше научите вся языки,*** — не іудействовать, а вѣровать въ Господа — конецъ закона и пророковъ. И всякой видитъ перстъ Божій на дѣлѣ проповѣди нашей. — Спросишь: какъ-такъ нынѣ только явилась тайна? — Нечего пытать, когда Богу такъ угодно, и явна Его воля въ открытіи ея. „Если ты допытываешься, почему тайна явилась нынѣ; то берешь на себя дѣло не безопасное, когда любопытствуешь о тайнахъ Божіихъ и требуешь въ нихъ отчета. Не любопытствовать тебѣ должно объ нихъ, но принимать ихъ съ любовію и находить въ нихъ успокоеніе своего сердца. Посему Апостолъ, желая оста-

новить въ тебѣ такое расположеніе духа, присовокупилъ: *по повелѣнію вѣчнаго Бога.* Когда повелѣваетъ Богъ, должно повиноваться, а не любопытствовать" (Св. Злат.). *Вѣчнаго*—же приложилъ, потому что говоритъ о тайнѣ сокровенной отъ вѣка: сокрытая въ вѣчномъ Богѣ, и открывается она по повелѣнію вѣчнаго Бога, изъ вѣчности проявляясь во времени. Кто могъ извлечь ее изъ глубинъ Божіихъ, кромѣ самого вѣчнаго Бога?

Въ послушаніе вѣры во всѣхъ языцѣхъ познавшіяся. Вотъ для чего открыта сокровенная тайна! Тайна сама состояла въ томъ, что всѣ народы предопредѣлены быть участниками въ дѣлѣ спасенія, совершеннаго Господомъ. Она была сокрыта; а нынѣ явлена—для чего? Не для того, чтобъ узнали только о ней, но чтобъ самымъ дѣломъ совершилось то, въ чемъ она состояла, т.-е., чтобъ всѣ народы услышали, увѣровали и покорились вѣрѣ, имъ возвѣщенной и сдѣлались участниками въ благахъ искупленія и спасенія. Не насильно, не внѣшнею силою загоняются они въ ограду вѣры, въ стадо Христово, а имъ возвѣщается благо, которое имъ и на умъ не приходило, чтобъ, если хотятъ, поспѣшили усвоить его вѣрою и послушаніемъ. Для немощнаго отсюда такое внушеніе выводитъ Св. Златоустъ: „Не ты одинъ, но цѣлая вселенная такъ вѣруетъ, и научена тому не человѣкомъ, но Богомъ."

Ст. 26. *Единому премудрому Богу, Іисусомъ Христомъ... слава.*

Въ иныхъ мѣстахъ, судя по теченію рѣчи, Апостолъ славитъ Бога блаженнымъ (1 Тим. 1, 11), единымъ сильнымъ, безсмертнымъ, живущимъ во свѣтѣ неприступномъ (1 Тим. 6, 15. 16). А здѣсь славитъ Его единымъ премудрымъ. Не могъ надивиться, и всегда дивился великой премудрости Божіей: какъ Онъ однимъ и тѣмъже и Іудеевъ разоблачилъ отъ ихъ благоукрашенія законностями и язычниковъ просвѣтилъ и очистилъ, и изъ тѣхъ

и другихъ слилъ одинъ народъ, поклоняющійся Богу въ духѣ и истинѣ. Сокрыто было сіе и вдругъ явилось, какъ цвѣтъ изъ сѣмени. Не дивно ли, что бросается въ землю сѣмя, а чрезъ нѣсколько времени выходитъ изъ него прекрасный цвѣтъ и плодъ?—Такъ дивится Апостолъ тому, что сѣмя слова, сокрытое въ іудействѣ, вдругъ проросло и дало древо, покрывающее вѣтвями своими всю землю. Св. Златоустъ говоритъ: „выражается въ семъ славословіи изумленіе предъ непостижимостію сихъ таинъ. Ибо и нынѣ, когда тайны открыты, невозможно постигнуть ихъ умственно, но должно познавать ихъ не иначе, какъ вѣрою. Прекрасно сказалъ Апостолъ: *Единому премудрому Богу*. Ибо когда размыслишь, какъ Богъ ввелъ въ Свою Церковь язычниковъ и пріобщилъ ихъ къ древнимъ праведникамъ, какъ спасъ безнадежныхъ, какъ недостойныхъ земли возвелъ на небо, потерявшихъ право на настоящую жизнь ввелъ въ жизнь высшую, безсмертную и неизреченную, попираемыхъ демонами сдѣлалъ равными Ангеламъ, отверзъ рай, уничтожилъ все древнее зло, и все это совершилъ въ непродолжительное время, путемъ удобнымъ и сокращеннымъ; тогда уразумѣешь премудрость Божію, увидѣвъ, что, чего не знали ни Ангелы, ни Архангелы, тому язычники вдругъ научены Іисусомъ Христомъ. Итакъ надлежало бы тебѣ удивляться Его премудрости и прославлять Его; а ты занимаешься малостями (того не ѣсть, другаго не пить), привязываясь еще къ тѣни (закону). Это значитъ, что ты мало прославляешь Христа. Ибо кто не имѣетъ упованія на Него и дерзновенія въ Немъ, кто не руководствуется вѣрою, тотъ не исповѣдуетъ величія дѣлъ Его. Но Павелъ самъ воздаетъ за нихъ славу Богу; а тѣмъ и ихъ побуждаетъ къ такому же усердію.—Когда же слышишь, что Апостолъ говоритъ: *единому премудрому Богу*, не подумай, чтобы это было ска-

зано къ униженію Сына. Ежели все то, въ чемъ обнаруживается премудрость Божія, совершено чрезъ Христа, и ничего не совершено безъ Него; то явно, что Онъ и въ премудрости равенъ Отцу." Къ сему послѣднему приложимъ изъясненіе Бл. Θеодорита: „Ежели еретики скажутъ, что Богъ именуется единымъ премудрымъ (такъ что Христосъ Іисусъ уже не Своею премудростію премудръ); то пусть дознаютъ, что Владыка Христосъ называется не только премудрымъ, но и самою премудростію. А если думаютъ лишить Сына сего наименованія премудрымъ, то пусть не называютъ Его и безсмертнымъ. Ибо сей же Апостолъ говоритъ о Богѣ: *единъ имѣяй безсмертіе* (1 Тим. 6, 16)."

Іисусомъ Христомъ,—διὰ—чрезъ Іисуса Христа, можно относить и къ *утвердити васъ*, и къ *явльшіяся*, и *познавшіяся*, т.-е. тайны. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „Слова *Іисусомъ Христомъ* можно соединять такъ: *могущему васъ утвердити Іисусомъ Христомъ*. Но можно понимать ихъ и такъ: открытой тайны всѣмъ народамъ Іисусомъ Христомъ; ибо тайну открылъ народамъ самъ Тотъ, Кто послалъ учениковъ научить всѣ народы" (Такъ и Св. Златоустъ, и Экуменій и Фотій).—Но можно и такъ читать и толковать: *Іисусъ Христомъ — слава*. Ибо самъ Іисусъ Христосъ говоритъ, что Отецъ прославился и прославляется въ Немъ—Сынѣ (Ін. 13, 31; 14, 13). Это тѣмъ удобнѣе допустимо, что иные—емуже—ᾧ—считаютъ излишнимъ (Экуменій и еще кто-то у него). Есть и рукописи, въ которыхъ оно опускается, и теченію рѣчи сіе опущеніе не противно, а кажется болѣе согласно съ нимъ. Но большинство удерживаетъ сіе реченіе, и въ такомъ случаѣ оно представляется стоящимъ вмѣсто αὐτῷ, какъ читается въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. Могущему утвердить васъ—премудрому Богу, Ему—таковому слава.—Требовалось привнесеніе сего (Ему) тѣмъ, что

между *могущему утвердити* и *слава* много поставлено словъ, отвлекавшихъ вниманіе на другое.

„Такимъ образомъ, воздавъ славословіе, Апостолъ отъ молитвы опять переходитъ къ увѣщанію“ (Св. Злат.), новыя однакожъ выставляя побужденія къ исполненію того, что внушаетъ и чего требуетъ.—Доселѣ онъ увѣщавалъ неразрывать согласія изъ-за мелочей, заимствуя побужденія къ тому изъ самаго предмета; теперь же ведетъ къ томуже общею обязанностію не себѣ угождать, какъ и *Христосъ не себѣ угоди* 1—6,—и тѣмъ, что Христосъ, Устроитель спасенія, всѣхъ пріемлетъ, и Іудеевъ и язычниковъ, какъ и предсказано; вслѣдствіе чего вамъ не слѣдуетъ дѣлиться изъ-за іудейства и язычества (7 — 13). То и другое выводится отъ лица Іисусъ-Христова.

Гл. 15, 1. *Должни есмы мы сильніи немощи немощныхъ носити, и не себѣ угождати.*

Сильные—это тѣ, которые дошли до крѣпкаго убѣжденія, что Богоугожденіе и спасеніе зиждется внутреннимъ благонастроеніемъ, истекающимъ изъ вѣры; а *немощные*—тѣ, которые упованіе спасенія основываютъ еще и на чемъ-либо внѣшнемъ. Но можетъ быть Апостолъ, переходя отъ частнаго къ общему, подъ немощами разумѣетъ и немощи нрава и всякаго вообще рода, какія бы ни были. „Слово — *должни* показываетъ, что это дѣло обязанности, а не милости. — Что же мы должны дѣлать? *Немощи немощныхъ носити*. Должны *мы сильные*. Видишь ли, какъ Апостолъ поощряетъ ихъ къ этому похвалами, не только называя ихъ сильными, но и ставя на ряду съ собою? И не этимъ однимъ привлекаетъ ихъ, но и представленіемъ пользы ближняго безъ всякаго обремененія для нихъ самихъ. Ты силенъ, говоритъ онъ; и, если снизойдешь, не потерпишь вреда. А ему, если ты не

будешь сносить его немощей, угрожаетъ крайняя опасность. И не говоритъ: сносить *немощныхъ*, но—*немощи немощныхъ;* чѣмъ призываетъ и превлекаетъ ихъ къ милосердію, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *вы духовніи исправляйте таковаго* (Гал. 6, 1). Ты сталъ силенъ? Воздай должное Богу, содѣлавшему тебя сильнымъ. Но ты воздашь должное, врачуя немощь изнемогающаго. Ибо и мы были немощны, но содѣлались сильными по благодати. Такъ должно поступать не только въ семъ случаѣ, но и съ немощными другаго рода. Гнѣвливъ ли кто, или обидчивъ, или имѣетъ другой какой недостатокъ; ты перенеси. Какъ же это возможно? Выслушай, что далѣе говоритъ Апостолъ. Сказавъ: *должни есмы немощи немощныхъ сносити*, онъ присовокупилъ: *и не себѣ угождати*" (Св. Злат.).

Не себѣ угождати. Въ другомъ мѣстѣ: *никтоже своего си да ищетъ* (1 Кор. 10, 24). И Спаситель говоритъ, что первый шагъ на пути спасенія есть: *да отвержется себе* (Мѳ. 16, 24). Двинувшись отъ себя, кого встрѣчаемъ? Бога и братій. Богъ благоугождается внутреннимъ настроеніемъ,—вѣрою, страхомъ Божіимъ, преданностію Богу, сердечнымъ къ Нему прилѣпленіемъ и упованіемъ. Внѣшняя же дѣятельность вся почти идетъ у насъ въ соприкосновеніи съ братіями, и тутъ-то главное: *не себѣ угождать, не своимъ си искать*,—чего бы это ни касалось. Казалось бы, что отъ этого разоришься, или подавленъ будешь; а на дѣлѣ бываетъ такъ, что этимъ только прочно и зиждется благо каждаго и всѣхъ. Откуда сила на это? Отъ любви, которая все братнее считаетъ своимъ; ибо любитъ ихъ какъ себя. Противоположно ей—самоугодіе, источникъ всего недобраго и всѣхъ нестроеній между нами, большихъ и малыхъ. Какъ только потянулся кто къ себѣ-угодному, тотчасъ ущербъ другому, отъ него непріятность, а далѣе и раздоръ.—Апо-

столъ помянулъ о подавленіи самоугодія, потому что у него рѣчь о воздержаніи отъ яствъ, чтобъ не соблазнить брата. Если для тебя дѣло безразличное ѣсть или не ѣсть извѣстныя яства, то воздержаться тебѣ ничего не стоитъ, и если не воздержишься, то не по чему другому, какъ по самоугодію. А самоугодничать не должно; ибо это значитъ жить по живущему въ насъ грѣху, который долженъ быть умерщвляемъ.

Ст. 2. ***Кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію.***

Тамъ вообще говорилъ: мы не должны себѣ угождать; а тутъ приложеніе дѣлаетъ къ внимающимъ слову его: ***кійждо васъ ближнему да угождаетъ.*** Отъ себя отвернувшись, на ближняго обращай взоръ, какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: ***не своихъ си кійждо, но и дружнихъ смотряйте*** (Фил. 2, 4), или: ***никтоже своего си да ищетъ, но еже ближняго кійждо*** (1 Кор. 10, 24). Апостолъ и самъ всегда такъ дѣйствовалъ, почему и предлагалъ себя въ примѣръ: ***якоже и азъ во всемъ всѣмъ угождаю, не искій своея пользы, но многихъ, да спасутся*** (1 Кор. 10, 33).

Самъ угождалъ всѣмъ, ***да спасутся;*** и другихъ учитъ угождать ближнему ***во благое:*** „ибо можно угождать и ко вреду, какъ себя самого, такъ и ближняго“ (Θеод.). „Каждый дѣлай то, что угодно ближнему, и служи брату, только во благое“ (Θеоф.).

Но зачѣмъ Апостолъ прибавилъ еще: ***къ созиданію?*** Сего требовалъ образъ дѣйствованія сильныхъ Римлянъ. Они ко благу вели, требуя не держаться различенія яствъ, какъ условія спасенія; но какъ дѣлали это не въ порядкѣ, то не созидали, а разоряли. Надлежало переубѣдить ихъ; и тогда-то различеніе яствъ само собою устранилось бы, а они сразу силою все хотѣли переломить, и вмѣсто пользы причиняли вредъ. Почему „дабы не ска-

залъ кто изъ совершенныхъ: вотъ я влеку брата во благое (обличая его и понуждая), Апостолъ присовокупилъ: ***къ созиданію***. Ибо хотя и благо то, что дѣлаешь теперь, но такъ какъ это неблаговременно, то дѣло твое обращается въ разореніе; ибо неблаговременное обличеніе не назидаетъ" (Ѳеоф.). И въ премногихъ-многихъ случаяхъ это ограниченіе имѣетъ спасительное примѣненіе: и благо дѣлай, но съ разумомъ.

„Итакъ богатъ ли ты, облеченъ ли властію, не себѣ угождай, но бѣдному и имѣющему нужду. Чрезъ это ты и пріобрѣтешь истинную славу, и принесешь много пользы. Житейская слава скоро пролетаетъ; а слава духовная пребываетъ постоянно, если будешь это дѣлать къ созиданію" (Св. Злат.).

Ст. 3. ***Ибо и Христосъ не Себѣ угоди, но якоже есть писано: поношенія поносящихъ Тебѣ нападоша на Мя.***

„Поелику Апостолъ далъ правило особенной важности, предписавъ совершенному нисходить со степени своего совершенства для уврачеванія немощи другаго; то представляетъ въ примѣръ Христа. Такъ и всегда дѣлаетъ Павелъ. Когда разсуждаетъ о милостынѣ, представилъ сей же примѣръ: ***вѣсте благодать Господа, яко васъ ради обнища, богатъ сый*** (2 Кор. 8, 9). Когда увѣщавалъ къ любви, убѣждалъ тѣмъже примѣромъ, сказавъ: ***якоже и Христосъ возлюби насъ*** (Еф. 5, 25). Когда совѣтовалъ терпѣть стыдъ и бѣдствія, прибѣгнулъ къ томуже примѣру, говоря: ***иже вмѣсто предлежащія Ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ*** (Евр. 12, 2). Такъ и здѣсь показываетъ, что самъ Христосъ поступалъ такимъ образомъ: ***не себѣ угоди***" (Св. Злат.).

Христосъ Спаситель ничего не дѣлалъ для Себя, а все для устроенія нашего спасенія. Только однажды Онъ выразилъ предъ Отцемъ Своимъ, чего бы Ему хотѣлось для Себя, именно: ***да мимо идетъ чаша сія;*** но тотчасъ

же и отказался отъ сего: *обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты*. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Самъ Владыка не Своего искалъ, но за наше спасеніе предалъ Себя на смерть. Ибо слышимъ, что предъ страданіемъ молится и говоритъ: *Отче, аще возможно есть, да мимо идетъ отъ Мене чаша сія: обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты* (Мθ. 26, 39).“ Такое же примѣненіе читаемъ и у Амвросіаста.

Господь испилъ чашу сію, и потопилъ въ ней грѣхи наши. Грѣхи наши Онъ понесъ и за насъ поболѣзновалъ, и тѣмъ спасъ насъ. Поелику въ этомъ преимущественно выразилось, что Онъ *не Себѣ угоди*; то примѣнительно къ сему надлежитъ понимать и приведенныя пророческія слова, именно: *поношенія поносящихъ Тебѣ*—Богу Отцу, *нападоша*, напали, налегли *на Меня*, Сына Божія воплотившагося для подъятія грѣховъ всего міра, и спасенія его. Поношенія поносящихъ Бога будутъ грѣхи міра; ибо всякій грѣхъ, поелику предъ лицемъ Бога вездѣсущаго творится, оскорбляетъ лице Божіе и въ поношеніе Ему творится. Сынъ Божій, воплотившись, исповѣдуетъ предъ Отцемъ, что всѣ эти поношенія на Него налегли, и Онъ охотно подъемлетъ ихъ, чтобъ снять вину поношенія съ творившихъ его и тѣмъ спасти ихъ. Этимъ особенно и показалъ Онъ, что не Себѣ угоди, но съ другихъ всѣхъ снялъ вину и за нихъ понесъ ее.

У Пророка все мѣсто читается такъ: *ревность дому твоего снѣде Мя, и поношенія поносящихъ Тебѣ нападоша на Мя* (Пс. 68, 10). Въ первыхъ словахъ: *ревность дому Твоего снѣде Мя*—Господь устами Пророка исповѣдуетъ, что подъять поношенія поносящихъ, или грѣхи грѣшниковъ, побудила Его ревность о домѣ Бога Отца, т.-е. о славѣ сего дома. Домъ Божій—вся тварь, наипаче разумная. Грѣхомъ домъ сей помрачился. Сынъ Божій возревновалъ возстановить свѣтъ славы его; для того при-

шелъ на землю, воплотился, и подъявъ грѣхъ, отъялъ то, чѣмъ омрачалась слава дома Божія. По отъятіи грѣха, низшелъ Духъ Святый, Который, обновляя вѣрующихъ, расширяетъ свѣтъ славы дома Божія, пока внидутъ въ него всѣ потребные.

Ст. 4. *Елика бо преднаписана быша, въ наше наказаніе преднаписашася: да терпѣніемъ и утѣшеніемъ Писаній упованіе имамы.*

По поводу приведенія сказаннаго мѣста изъ Писанія, Св. Павелъ выражаетъ общую мысль о назначеніи и благотворномъ дѣйствіи Божественныхъ Писаній. Онъ какъ-бы говоритъ: я привелъ одно мѣсто изъ Писанія, но тамъ и все таково, что можетъ быть обращено намъ въ наученіе: съ этою цѣлію онѣ и написаны. *Въ наше наказаніе*—въ наученіе насъ—христіанъ. Все христіанство тамъ предъизображено. Читай, или слушай, вникай и размышляй,—и учись. „О нашей пользѣ промышляя, Богъ сообщилъ намъ Писанію преданное ученіе“ (Θеод.). Всякаго пункта христіанскаго ученія можно найдти тамъ предначертаніе—явное или сокровенное. Можетъ быть, говоря сіе, Апостолъ имѣлъ намѣреніе навесть немощнаго Іудея на мысль, что если по духу христіанства нѣтъ необходимости держаться различенія яствъ, какъ какого либо условія спасенія, то это ученіе не есть какая либо особенность отъ прежнихъ Писаній; оно и тамъ содержится: поищи и найдешь.

Какъ назначеніе Писанія выражено обще, такъ и благотворное дѣйствіе его тоже указывается въ общихъ чертахъ: *да терпѣніемъ и утѣшеніемъ Писаній упованіе имамы.* Главное тутъ: *да—упованіе имамы*. Это упованіе есть упованіе спасенія,—непоколебимая увѣренность, что вѣруя такъ, какъ вѣруемъ, живя такъ, какъ живемъ, и освящаясь таинствами, какъ освящаемся, мы несомнѣнно содѣваемъ спасеніе свое. Опора же сего упованія — Гос-

подь нашъ Іисусъ Христосъ. Если самъ Сынъ Божій и Богъ пришелъ, воплотился, пострадалъ, умеръ, воскресъ, вознесся на небеса и сѣдитъ одесную Бога Отца, то что можетъ быть ненадежно и непрочно въ нашемъ уповании?—При всемъ томъ однакожъ могутъ приходить помышленія, колеблющія упованіе. Что тогда дѣлать? Обращайся къ Писанію и тамъ найдешь утѣшеніе, почерпнешь оттуда удостовѣренія, которыя успокоятъ возстающее внутри смятеніе помышленій. Если придетъ смущающее помышленіе,—хорошо ли мы сдѣлали, что возъуповали на Христа,—смотри въ Писаніе и тамъ найдешь, что Онъ есть чаяніе языковъ, что на Него, какъ сказано, языцы уповати имутъ, что и видимъ исполняющимся,—что Онъ есть Отецъ будущаго (т.-е. настоящаго теперь) вѣка, Богъ крѣпкій. Если придетъ помышленіе, хорошо ли дѣлаемъ, что слѣдуемъ Его заповѣдямъ; смотри, что повелѣлъ Моисей: когда придетъ, послушайте Его. Если придетъ помышленіе, не ново ли то, что пріемлемъ чрезъ таинства благодать Духа Святаго; читай пророковъ и найдешь, что давно предсказано: *во дни оны излію отъ Духа Моего*. Такъ и всякое другое помышленіе, какое бы ни пришло, можетъ быть развѣяно утѣшеніемъ, почерпаемымъ изъ Писаній, и оставлять наше упованіе въ покоѣ и силѣ.

Изъ сказаннаго явно, какъ утѣшеніе Писаній вліяетъ на твердость упованія нашего. Но какъ къ симъ проявленіямъ духовнымъ относится терпѣніе? Въ текстѣ оно стоитъ на одной линіи съ утѣшеніемъ Писанія: все предписано въ наше наученіе, чтобъ терпѣніемъ и утѣшеніемъ Писаній имѣли мы упованіе, т.-е. стояли въ немъ, были тверды и не падали (Св. Злат.). Какъ утѣшеніе Писаній вліяетъ на твердость упованія, очевидно: какъ вліяетъ на это терпѣніе? Поставимъ раздѣльно: все преднаписано въ наше наученіе, да терпѣніемъ упованіе има-

мы. Наученіе изъ преднаписаннаго даетъ терпѣніе, терпѣніемъ хранится упованіе. Подъ терпѣніемъ не всегда разумѣется перенесеніе прискорбностей, но иногда постоянство въ принятыхъ правилахъ. Можно въ этомъ значеніи принять его и въ настоящемъ случаѣ. Будетъ: наученіе, почерпаемое изъ преднаписаннаго, раждаетъ постоянство въ правилахъ вѣры, жизни и благодатнаго освященія, а сіе постоянство поддерживаетъ упованіе. Упованіе дѣйствительно слабѣетъ, коль скоро допускается какое опущеніе или уклоненіе въ вѣрѣ, жизни или освятительныхъ порядкахъ Церкви. Постоянная же вѣрность всему этому сообщаетъ упованію дерзновеніе и воодушевленіе. А какъ преднаписаннымъ можетъ воспитываться такое постоянство, это не требуетъ объясненій.

Но можно принять здѣсь терпѣніе и въ значеніи перенесенія прискорбностей. Прискорбности неразлучны съ вѣрою и жизнію по вѣрѣ. Писаніе, проповѣдуя всюду такую неразлучность, и словомъ наученія и примѣрами терпѣнія воодушевляетъ на терпѣніе, а терпѣніе оживляетъ упованіе и даетъ ему твердость. Послѣднее свидѣтельствуется повсюдными опытами. Св. Златоустъ говоритъ: „Много предлежитъ намъ различныхъ подвиговъ и внутреннихъ и внѣшнихъ, (неизбѣжность этого преднаписана), дабы мы, почерпая укрѣпленіе и утѣшеніе изъ Писаній, оказывали терпѣніе, и дабы, живя въ терпѣніи, пребывали въ надеждѣ. Одно располагаетъ къ другому, терпѣніе къ надеждѣ, надежда къ терпѣнію; терпѣніе же и надежда почерпаются въ Писаніи.“

Стт. 5. 6. *Богъ же терпѣнія и утѣшенія да дастъ вамъ тожде мудрствовати другъ ко другу о Христѣ Іисусѣ: да единодушно едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа.*

Опять молитвою прерываетъ теченіе рѣчи, и направляетъ ее къ устраненію разномыслія между Римлянами,

щественнѣйшее. Ради сей великой милости общей вамъ, разорите средостѣніе, раздѣляющее васъ; единымъ объятіемъ любви Божіей держимые, обымитесь и сами другъ съ другомъ. Или,—такъ Апостолъ говоритъ къ сильнѣйшимъ въ вѣрѣ,—такое предлагаетъ онъ побужденіе: вы каковы были, когда пріялъ васъ Господь? Изъ немощныхъ немощные. И однакожъ Господь не почуждался васъ ради немощей вашихъ, а милостиво пріялъ васъ въ любовь Свою, и въ общеніе съ Собою. Итакъ, какъ Господь поступилъ въ отношеніи къ вамъ, нѣкогда немоществовавшимъ, такъ поступайте и вы въ отношеніи къ немощнымъ братіямъ, не чуждайтесь ихъ, а принимайте въ любовь свою, въ объятія свои и во всякое общеніе съ собою. Такъ Бл. Өеодоритъ: „И Владыка Христосъ не тогда, когда были мы праведны, возлюбилъ насъ, но пріялъ и оправдалъ грѣшниковъ. Посему и вамъ надлежитъ переносить немощь братій и прилагать всѣ мѣры къ ихъ спасенію.“ Такъ Амвросіастъ: „Мы приняты отъ Христа такъ, что Онъ *недуги наши пріятъ и болѣзни понесе* (Мө. 8, 17). Посему, побуждаясь симъ примѣромъ, мы должны съ терпѣніемъ переносить взаимныя немощи наши, чтобъ не испразднить славы воспринятаго нами имени; ибо, по благодати Христовой, мы именуемся сынами Божіими.“

Во славу Божію—можно относить и къ пріятію Христову: якоже Христосъ пріятъ васъ въ славу Божію,—разумѣя подъ славою Божіею или славу Божескую, великую, которой сподобились пріятые, какъ предсказывалъ и Пророкъ Исаія: *дамъ мѣсто именито, и имя вѣчно дамъ,* говоритъ Господь,—тѣмъ, кои вступятъ въ завѣтъ Его и будутъ вѣрны Ему (Ис. 56, 4. 5). Такъ Амвросіастъ. Или—*въ славу Божію,*—славы ради имени Божія,—да прославится Отецъ въ Сынѣ, яко многомилостивый.—Можно относить сіе и къ взаимному другъ-друга пріятію.

Пріемлите другъ друга,—въ славу Божію. Такъ прочіе наши толковники. Θеофилактъ пишетъ: „Повторяетъ Апостолъ прежнее увѣщаніе и приводитъ Христа въ примѣръ, чтобы мы принимали другъ друга, потому что это служитъ къ славѣ Божіей. Ибо единеніе наше наипаче прославляетъ Бога; напротивъ несогласіе наноситъ Богу безчестіе. Ибо язычники, видя, что христіане разногласятъ между собою, обвиняютъ самую вѣру.“ Св. Златоустъ выводитъ изъ сего: „Тѣмъ особенно и прославляется Богъ, если мы ограждаемся другъ другомъ. Итакъ если ты, огорчаясь за несогласіе съ тобою, заводишь раздоръ съ братомъ твоимъ; подумай, что отложивъ гнѣвъ, прославишь тѣмъ своего Владыку, и примирись съ братомъ, если не для него самого, то для славы Божіей; или лучше сказать, для нея прежде всего и примирись. Объ этомъ непрестанно повторялъ и Христосъ, и бѣсѣдуя съ Отцемъ Онъ сказалъ: потому узнаютъ всѣ, что Ты Меня послалъ, ежели (ученики Мои) будутъ едино (Ін. 17, 21).“

Но изъ послѣдующаго видно, что *во славу Божію* Апостолъ поставлялъ въ соединеніи съ—*пріятъ васъ:* ибо говоритъ, что Іудеи приняты для того, чтобъ явна была истина Божія въ обѣтованіяхъ отцамъ ихъ, а язычники приняты по милости, чтобъ прославился тѣмъ Богъ.

Стт. 8. 9. *Глаголю же, Христа Іисуса служителя бывша обрѣзанія по истинѣ Божіей, во еже утвердити обѣтованія отецевъ: а языкомъ по милости прославити Бога.*

Говоря: *Христосъ пріятъ васъ во славу Божію,* я разумѣю то, что Христосъ Іисусъ есть *служитель,*—διάκονος,—посланникъ и святитель,—ἀρχιερέυς,—исповѣданія нашего (Евр. 3, 1), совершитель домостроительства Божія о насъ, устроитель спасенія нашего,—есть все сіе,—для обрѣзанныхъ *по истинѣ Божіей,* ради истинности Божіей, да явится Богъ истиненъ въ словахъ Своихъ и

въ обѣтованіяхъ своихъ, данныхъ отцамъ ихъ, чрезъ исполненіе ихъ во Христѣ Іисусѣ; а для язычниковъ Онъ есть все сіе по милости,—потому что въ отношеніи къ нимъ Богъ не связанъ никакимъ словомъ обѣтованія, и если принимаетъ ихъ въ участіе благъ о Христѣ Іисусѣ, то по одному тому, да явитъ богатство благости Своей къ нимъ, чтобъ всѣ языки, сподобясь сего, прославляли Бога, многомилостиваго и человѣколюбиваго Отца. То и другое, конечно, относительно: ибо и тамъ милость, потому что самыя обѣтованія по милости, и здѣсь истинность, потому что и относительно ихъ изречены обѣтованія, хотя не отцамъ ихъ. Но Апостолу нужно было выставить особенно послѣднее, по цѣлямъ рѣчи своей. Если тебѣ явлена такая милость, будь же самъ милостивъ къ немощнымъ. Если явлена тебѣ милость сія, да прославится Богъ, прославляй же Его не языкомъ, но дѣломъ, подражая Ему въ сердоболіи и снисхожденіи къ братіямъ и тѣмъ являя, что имѣешь Его милостивымъ Отцемъ всѣхъ. Ничѣмъ такъ не славится Богъ, какъ взаимнымъ союзомъ братій.

Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ, держась прежняго предмета рѣчи, снова разсуждаетъ о томъ, какое принялъ о насъ попеченіе Христосъ, и показываетъ, сколько Онъ сдѣлалъ для насъ, и какъ Онъ не Себѣ угождалъ. А вмѣстѣ съ этимъ доказываетъ также, что вѣрующіе изъ язычниковъ болѣе одолжены Богу. Если же они болѣе одолжены, то ихъ обязанность терпѣть немощныхъ изъ Іудеевъ. Поелику Апостолъ нанесъ послѣднимъ сильные удары, то дабы не возгордились отъ того первые, укрощаетъ теперь ихъ высокоуміе, доказывая, что Іудеямъ дарованы блага по обѣтованію отцамъ ихъ, а призваннымъ изъ язычниковъ по одному милосердію и человѣколюбію. Почему и говоритъ: *а языкомъ по милости, прославити Бога.*—Іудеи имѣли обѣтованія, а

ты того не имѣешь, но спасенъ по одному человѣколюбію. Апостолъ для того упоминаетъ объ обѣтованіяхъ, чтобъ язычники тѣмъ смирились и не возставали на немощныхъ. О язычникахъ онъ говоритъ, что они спаслись только по милости; а потому обязаны особенно славить Бога. А Богъ славится, когда мы живемъ въ союзѣ и единеніи, когда единодушно благословляемъ Бога, терпѣливо сносимъ того, кто немощнѣе насъ, и не презираемъ отторгающагося члена."

Ст. 9—12. *Якоже есть писано: сего ради исповѣмся Тебѣ во языцѣхъ, Господи, и имени Твоему пою. И паки глаголетъ: возвеселитеся языцы съ людми Его. И паки: хвалите Господа вси языцы и похвалите Его вси людіе. И паки Исаія глаголетъ: будетъ корень Іессеовъ, и востаяй владѣти языки: на того языцы уповаютъ.*

Что язычники призваны по милости, да прославятъ Бога, сіе доказываетъ Апостолъ свидѣтельствами пророковъ, которые предвозвѣщая призваніе языковъ, приглашаютъ ихъ славить Бога.

Первое пророчество взято изъ Пс. 17, 50. Пророкъ отъ лица Христа Господа говоритъ: *исповѣмся Тебѣ во языцѣхъ, Господи.* Призванные языки облекаются во Христа, и имѣютъ Его въ себѣ живущимъ. Когда прославляютъ они за сіе Бога, то это Христосъ Господь въ нихъ живущій подвигаетъ ихъ на сіе славословіе. Пророкъ представляетъ Господа издали провидящимъ сіе, и влагаетъ во уста Его такую пѣснь къ Богу Отцу: языки, бывъ обращены къ вѣрѣ благовѣстіемъ Моимъ, Меня воспріимутъ, и Я ихъ устами исповѣмся Тебѣ, и буду пѣть хвалу имени Твоему, подвигая ихъ на славословіе Твое. Амвросіастъ пишетъ: „Пророкъ пишетъ, что языки будутъ допущены въ благодать Божію для полученія спасенія. Это гласъ Христа, изрекающій, что благовѣстіе Его среди языковъ будетъ имѣть плодомъ испо-

вѣданіе Бога; почему Сынъ благодаритъ Отца за покорность языковъ. И въ Евангеліи Онъ взываетъ: *исповѣдаютися Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ. Ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою*" (Мѳ. 11, 25).—И въ день торжественнаго вшествія Его въ Іерусалимъ, когда нѣкіе еллины, пришедшіе, да поклонятся въ праздникъ, были представлены Ему Апостолами, Онъ воззвалъ: *пріиде часъ, да прославится Сынъ Человѣческій..*, и въ концѣ: Отче, прослави имя Твое (Ін. 12, 20. 23. 28).

Второе пророчество взято изъ заключительной пѣсни Моvсея во Второзаконіи, 32, 43.—Пророкъ приглашаетъ всѣ языки возвеселиться съ людьми Божіими, провидя будущее призваніе ихъ къ ўчастію въ благахъ, кои народъ Божій наслѣдуетъ по обѣтованію отцамъ его. Амвросіастъ пишетъ: „Пророкъ показываетъ, что Богъ, по милосердію Своему, издревле опредѣлилъ во едино собрать Іудеевъ и язычниковъ, чтобъ языки, ставъ причастными благодати, содружились съ Іудеями, которые и сами по дару милости Божіей наименованы народомъ Его,—и чтобъ всѣ вмѣстѣ, обрадованы бывъ познаніемъ истины, прославили Бога, присоединеніемъ языковъ умножившаго число вѣрныхъ людей своихъ. Когда, по поводу роптанія Іудеевъ на Ап. Петра за пріятіе Корнилія сотника въ число спасаемыхъ, Апостолъ сей объяснилъ имъ, какъ было дѣло; тогда они успокоились, говоря: *убо и языкомъ Богъ покаяніе даде въ животъ*" (Дѣян. 11, 18).

Третье пророчество взято изъ Пс. 116, 1. Пророкъ обще призываетъ всѣ народы хвалить и воспѣвать Господа, потому что *утвердися милость Его* на всѣхъ насъ. Утвердилась, твердо установилась, стала непоколебимою и неотъемлемою. Когда же это совершилось, какъ не

въ пришествіе на землю Христа Господа, въ силу коего всѣ просвѣщены истиннымъ Боговѣдѣніемъ и освящены благодатію Духа Святаго, – и церковь Божія созиждена и поставлена хранительницею сихъ благъ до скончанія вѣка? Сознавая сіе, народы хвалите и воспѣвайте Господа многомилостиваго.

Четвертое пророчество взято изъ Пророка Исаіи, 11, 10. „Слова: *будетъ корень Іессеовъ* сказаны вмѣсто: отъ корня Іессеова выростетъ Тотъ, Кто востанетъ владѣть народами, т.-е. Христосъ“ (Θеоф.). „Многими свидѣтельствами доказываетъ Апостолъ, что то было вѣчное опредѣленіе Божіе, чтобъ всѣ народы сподобились благословенія о Христѣ Іисусѣ. А это доказываетъ за тѣмъ, чтобъ внушить народамъ, что упованіе ихъ твердо и не подлежитъ сомнѣнію“ (Амвр.). Языки увѣровавшіе и уповаютъ, и поелику уповаютъ великаго, не могутъ удержаться отъ славословія Богу, особенно получивъ вѣрные залоги, удостовѣряющіе въ полученіи уповаемаго.

Св. Златоустъ заключаетъ сіи свидѣтельства такимъ наведеніемъ: „Все это приводитъ Апостолъ въ доказательство того, что должно всѣмъ соединиться и славить Бога, а вмѣстѣ хочетъ симъ—и смирить Іудея, дабы онъ не превозносился предъ язычникомъ, потому что всѣ пророки призываютъ и язычниковъ (къ славословію Божію), — и внушить скромность язычнику, показывая, что онъ обязанъ болѣе благодарить Бога.“

Ст. 13. *Богъ же упованія да исполнитъ васъ всякія радости и мира въ вѣрѣ, избыточествовати вамъ во упованіи, силою Святаго Духа.*

Опять молится Св. Апостолъ. Это заключительная молитва на все, о чемъ такъ много говорилъ онъ, начиная съ предыдущей главы. Слова молитвы примѣняются къ предшествующему пророческому слову. Тамъ говорилось: на Того языцы уповать будутъ; а здѣсь говорится: и

дай вамъ Господь, Богъ упованія,—уповать и не только уповать, но избыточествовать упованіемъ. Упованіе здѣсь—упованіе спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, которое коль скоро кто возъимѣетъ, не станетъ уже придумывать новыя для него опоры, — ненадежныя и хрупкія, каковы напримѣръ,—то ѣсть, а этого не касаться, или все ѣсть: отъ чего отстать убѣждалъ Апостолъ выше. Такъ сія молитва, словесно прикрѣпляясь къ только что приведеннымъ словамъ пророка, содержаніемъ своимъ соотвѣтствуетъ всему предыдущему отдѣленію (гл. 14 и 15).

Замѣчательно очерченное здѣсь Апостоломъ въ сжатомъ словѣ соотношеніе духовныхъ чувствъ и расположеній. Предметъ молитвеннаго благожеланія есть избыточество упованія; чтобъ оно было, благожелается исполненіе сердца радостію и миромъ; источникомъ этихъ указывается вѣра. Вѣра раждаетъ радость и миръ, радость и миръ множитъ упованіе, все же сіе бываетъ силою Духа Святаго. Почему и молитва къ Богу упованія.

Богъ есть Богъ упованія, потому что одно слово—Богъ движетъ—уже упованіе: ибо Онъ есть сама благость, безпредѣльно намъ благожелающая и благодѣющая, лучше насъ знающая потребное намъ, всегда готовая удовлетворить, и всѣми способами къ тому обладающая. Почему Пророкъ Давидъ исповѣдуетъ, что *Богъ нашъ—Богъ, еже спасати* (Пс. 67, 21). *И блаженъ мужъ, емуже есть имя Господне упованіе* (Пс. 39, 5). И потому Богъ есть Богъ упованія, что самъ Онъ вселяетъ его въ сердце; ибо есть источникъ всѣхъ духовныхъ благъ.

Богъ упованія, говоритъ, *да исполнитъ васъ всякія радости и мира въ вѣрѣ*. *Въ вѣрѣ*,—ἐν τῷ πιστεύειν,—поелику вѣруете, или поколику вѣруете. Напередъ—вѣра. Богъ далъ вамъ вѣру,—и вы вѣруете. Поелику вѣруете, то нѣтъ никакой препоны, чтобъ Богъ исполнилъ васъ

всякими духовными благами, и дѣйствительно исполнитъ, поколику будете вѣровать. Вѣра есть и каналъ для протеченія милостей Божіихъ и вмѣстилище для пріятія ихъ.

Изъ всѣхъ духовныхъ благъ Апостолъ благожелаетъ Римлянамъ только *радости и мира*. Отвлеченно отъ состоянія Римлянъ, радость и миръ потому паче другихъ благъ указаны, что они суть неотлучные спутники вѣры, осязательнѣе дающіе себя ощутить вѣрующему. Вѣрующему грѣхи прощаются. Возьми сіе въ чувство, будешь чувствовать, будто гора свалилась съ плечъ. Какъ этому не радоваться? Вѣрующій пріемлется въ милость Божію, въ сыновство Богу и объемлется теплотой отеческой любви Божіей. Пріявшій сіе въ чувство какъ можетъ не радоваться? -- Такъ съ вѣрою неразлучна радость; а съ радостію и миръ неразлученъ: безъ мира и радости быть нельзя. Миръ водворяется отъ осѣненія благодатію. Благодать, пришедши, подавляетъ, ради самоотверженія, всѣ страсти и не даетъ имъ хода и силы. А когда страсти не въ движеніи, тогда нечему возмущать мирнаго строя ни внутри, ни внѣ. Все тогда пребываетъ въ естественномъ чинѣ; а естественный чинъ есть мирное всего теченіе и устроеніе. Паче же миръ отъ того, что благодать съ Богомъ соединяетъ, который есть Богъ мира, всюду съ Собою миръ приносящій.

Примѣнительно къ состоянію Римлянъ потому особенно желаетъ Апостолъ радости и мира, что когда они будутъ, то тѣ незначительныя разности въ убѣжденіяхъ, о коихъ онъ говоритъ, не будутъ уже имѣть тѣхъ недобрыхъ послѣдствій, какія теперь отъ нихъ происходятъ,—радость и миръ подавятъ всякую размолвку, раздѣленіе и отчужденіе, и не дадутъ болѣе возникать имъ. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Апостолъ молитъ, чтобы вѣрующіе изъ Іудеевъ исполнились радости, ибо они печалились отъ укоризнъ, а вѣрующіе изъ язычниковъ

исполнились мира, ибо они являлись немирными въ отношенiи къ придерживающимся закона; лучше же сказать, молитъ, чтобы тѣ и другiе исполнились радости и мира.“

Но Апостолъ не останавливается благожеланiемъ на радости и мирѣ, а простираетъ его далѣе: *избыточествовати вамъ въ уповании. Избыточествовати*, — εἰς τὸ περισσεύειν, — во еже избыточествовати. Желаетъ исполненiя сердца радостiю и миромъ, чтобъ можно было избыточествовать упованiемъ. Упованiе, что Богъ, ради Господа Iисуса Христа, наилучшимъ образомъ устроитъ существенное наше благо, зараждается вмѣстѣ съ вѣрою; а растетъ и множится по мѣрѣ вкушенiя благъ вѣры. Полученное и вкушенное благо удостовѣряетъ, что и все прочее получится несомнѣнно, и тѣмъ множитъ упованiе. Радость и миръ блага вѣры. Апостолъ и благожелаетъ: даруй вамъ, Господи, исполняться миромъ и радостiю, чтобъ избыточествовали вы и упованiемъ. Упованiе, или избыточество упованiемъ поставляется высшимъ благомъ, предѣломъ благожеланiй. Такъ оно и есть. И въ житейскомъ порядкѣ безнадежному нельзя жить, тѣмъ паче въ духовномъ. Какъ напротивъ жизнь цвѣтетъ въ томъ и другомъ порядкѣ, вмѣстѣ съ умноженiемъ, расширенiемъ и избыточествомъ упованiя!

Но надобно имѣть въ мысли, что духовныя чувства и расположенiя такъ тѣсно связаны между собою и такъ влiяютъ другъ на друга, что послѣдовательности ихъ нельзя установлять въ видѣ общаго и неизмѣннаго закона. Мы говоримъ: вѣра раждаетъ радость и миръ, а радость и миръ множитъ вѣру. Но можно и такъ: вѣра множитъ упованiе, а упованiе исполняетъ радостiю и миромъ; или такъ: упованiе исполняетъ радостiю и миромъ и чрезъ то поддерживаетъ и оживляетъ вѣру.

Жизнь духовная движется переливами духовныхъ чувствъ и расположеній однихъ въ другія; и только такіе переливы свидѣтельствуютъ, что жизнь духовная жива.

Все же сіе совершается *силою Духа Святаго.* Сила Духа Святаго зарождаетъ духовную жизнь; она же поддерживаетъ ее и къ совершенству ведетъ; отъ ней и всѣ движенія и измѣненія въ духовной жизни. Какъ безъ души нѣтъ жизни въ тѣлѣ, такъ и безъ Духа Божія нѣтъ духовной жизни въ душѣ. Богъ упованія прежде всего посылаетъ благодать Духа; и она уже и вѣру порождаетъ, и радостію съ миромъ исполняетъ, и упованіе множитъ, и всякія между ними взаимновліянія и переходы устрояетъ. Почему и завершилъ Апостолъ свое благожеланіе благожеланіемъ, чтобъ все было у нихъ силою Духа Святаго. Гдѣ сія сила, тамъ все прочно и благонадежно.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

15, 14—16, 24.

Его составляютъ 1) нѣкоторыя извѣщенія; 2) цѣлованія и 3) предостереженіе, послѣ котораго приложена 4) приписка съ новыми цѣлованіями. Все дышетъ теплою любовію и дружественнымъ расположеніемъ.

1.

Извѣщенія.

15, 14—33.

а) Извинившись, что писалъ нѣсколько дерзѣе, Св. Павелъ б) сказываетъ имъ, что содѣла имъ Господь по дѣлу проповѣди, — 17 — 22, и в) какіе онъ имѣетъ въ семъ отношеніи планы на будущее, обѣщаясь и къ нимъ зайдти, 23—29; и наконецъ г) проситъ споспѣшествовать въ семъ ему молитвою, – 30—33.

а.

Гл. 15, 14. ***Извѣщенъ же есмь, братіе моя, и самъ азъ о васъ, яко и сами вы полни есте благости, исполнени всякаго разума, могуще и иныя научити.***

Похваляетъ,—и похвалою побуждаетъ исполнить то, о чемъ писалъ: „ибо слышащій себѣ похвалу, обычно берется за усиліе оправдать ее и явить неотложною“

(Амвр.). Укорялъ ихъ за нѣкій между ними разладъ, обличающій недобросердечіе, и за неумѣніе держать себя въ сихъ обстоятельствахъ, обличающее неразуміе. Теперь смягчаетъ сей укоръ, говоря: я увѣренъ, что вы и добросердечны и мудры,—такъ что даже другихъ можете вразумлять, — νουθετεῖν. Св. Златоустъ такъ изображаетъ мысли Апостола: „Апостолъ выше сказалъ: *понеже есмь азъ языкомъ Апостолъ, службу мою прославляю* (Рим. 11, 13); также: *да не како и тебе не пощадитъ* (—11, 21); и еще: *не бывайте мудри о себѣ* (—12, 16); и потомъ: *ты же почто осуждаеши брата твоего?* (—14, 10). И опять: *ты кто еси, судяй чуждему рабу?* (—14, 4). И кромѣ этихъ выраженій много употреблялъ подобныхъ. И такъ высказавъ въ своемъ посланіи много жестокаго, напослѣдокъ врачуетъ нанесенныя раны, и чѣмъ началъ, тѣмъ и оканчиваетъ. Въ началѣ сказалъ онъ: *благодарю Бога моего о всѣхъ васъ, яко вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ* (—1, 8). Здѣсь же говоритъ: *извѣщенъ есмь, яко вы полни есте благости*, и проч.—И въ этомъ мѣстѣ сказано еще больше, нежели въ первомъ. Не сказалъ онъ, слышалъ я, но *извѣщенъ есмь:* я не имѣю нужды навѣдываться отъ другихъ, но я самъ увѣренъ въ васъ,—я самъ, который васъ обличалъ и укорялъ. *Яко полни есте благости:* это относится къ недавно сдѣланному увѣщанію. Апостолъ какъбы такъ говоритъ: я и не почиталъ васъ жестокими и братоненавистниками, когда совѣтовалъ принимать другъ-друга, не оставлять и не разорять дѣла Божія. Ибо я знаю, что вы *полны благости.* Благостію же, какъ думаю, именуетъ онъ здѣсь полноту добродѣтели (доброту). И не сказалъ: имѣете благость, но—*полни есте благости.* Съ такимъ же усиліемъ и продолжаетъ: *исполнени всякаго разума.* Что было бы пользы, еслибы они при всей любви не знали, какъ должно обращаться съ любимыми? Посему Апостолъ присовокупилъ: *испол-*

нени всякаю разума, могуще и иныя научити,—не только научиться, но учить и другихъ.“

Наши всѣ толковники читаютъ—иныхъ—ἄλλους—научить, кромѣ Амвросіаста, съ которымъ и другіе читаютъ—ἀλλήλους—взаимно другъ друга учить, или вразумлять.

Ст. 15. *Дерзѣе же писахъ вамъ, братіе моя, отчасти, яко воспоминая вамъ, за благодать, данную ми отъ Бога.*

Не сказалъ бы кто или не подумалъ: если увѣренъ, что мы мудры, то зачѣмъ такъ строго пишешь и учишь. Не учу, отвѣчаетъ Св. Павелъ, а только привоспоминаю,—ὡς ἐπαναμιμνήσκω, — слегка напоминаю. Бываетъ, что и хорошо что нибудь знаешь, да запамятуешь (Амвр.). Такъ вотъ я вамъ слегка и привоспоминаю. Не подумалъ бы кто: а привоспоминать-то намъ какое тебѣ дѣло? Св. Павелъ прилагаетъ: долгъ имѣю: ибо поставленъ быть служителемъ Іисусъ-Христовымъ во языцѣхъ. Такъ хотя и вижу, что по вашему,—по столичному,—это можетъ показаться неумѣстнымъ, не могъ не привоспомянуть вамъ слегка. Св. Златоустъ дивится здѣсь смиренію и мудрости Св. Павла. „Замѣть Павлово смиренномудріе, замѣть его мудрость, какъ онъ, нанесши передъ тѣмъ глубокую рану, когда уже достигъ, чего хотѣлъ, прикладываетъ къ оной разныя врачевства. Довольно было уже къ успокоенію ихъ одного сказаннаго; но Апостолъ сознается еще и въ излишней смѣлости. Тоже дѣлаетъ онъ и въ посланіи къ Евреямъ, говоря: *надѣемся же о васъ, возлюбленніи, лучшихъ и придержащихся спасенія, аще и тако глаголемъ* (Евр. 6, 9). Подобно и къ Коринѳянамъ пишетъ: *хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите* (1 Кор. 2, 2). И въ посланіи къ Галатамъ говоритъ: *азъ надѣюся о васъ, яко ничтоже ино разумѣти будете* (Гал. 5, 10). И во всѣхъ посланіяхъ Павловыхъ не разъ встрѣтишь туже мысль, но здѣсь особенно; потому что Римляне пользовались большимъ уваженіемъ, и надменный

ихъ разумъ надлежало смирять не однѣми строгими, но и кроткими мѣрами. Апостолъ и употребляетъ тѣ и другія. Поэтому и здѣсь говоритъ имъ: *дерзпѣе писахъ вамъ;* даже не довольствуясь тѣмъ, присовокупляетъ—*отчасти,*—нѣсколько. Но и на этомъ не останавливается, а что говоритъ? *Яко воспоминая вамъ*. Не сказалъ,—уча васъ или напоминая вамъ, но—*воспоминая*, т.-е. слегка напоминая.—Примѣчаешь ли, какъ конецъ (посланія) соотвѣтствуетъ началу (онаго)?—И здѣсь и тамъ сходитъ онъ съ учительской каѳедры и бесѣдуетъ съ ними, какъ съ братьями, какъ съ друзьями, какъ съ равными. А это главное достоинство учителя, чтобы дѣлать разнообразнѣе рѣчь свою для пользы слушателей. Замѣть же, что Апостолъ, сказавъ: *дерзпѣе писахъ вамъ*, притомъ *отчасти*, и еще—*яко воспоминая вамъ*, не удовольствовался тѣмъ, но, выражаясь еще скромнѣе, присовокупилъ: *за благодать данную ми отъ Бога*. И въ началѣ сказалъ онъ: *долженъ есмь* (—1, 14), какъ бы такъ говоря: не самъ я восхитилъ себѣ честь, не самъ собою взялся за дѣло, но Богъ повелѣлъ мнѣ это, и притомъ по благодати, а не потому, чтобы нашелъ меня достойнымъ того. Итакъ не огорчайтесь: не я возстаю на васъ, Богъ повелѣваетъ. И какъ тамъ сказалъ Апостолъ: *Емуже служу во благовѣстіи Сына Его* (—1, 9), такъ и здѣсь сказавъ: *за благодать данную ми отъ Бога,* присовокупилъ:“

Ст. 16. *Во еже быти ми служителю Іисусъ Христову во языцѣхъ, священнодѣйствующу благовѣстіе Божіе, да будетъ приношеніе, еже отъ языкъ благопріятно и освященно Духомъ Святымъ.*

Объясняетъ, какая благодать дана ему отъ Бога,—благодать Апостольства среди язычниковъ. Я служитель,—λειτουργός,—тоже, что священникъ литургію совершающій,—я служитель Іисусъ-Христовъ, и служба моя Ему есть благовѣствованіе Его среди язычниковъ. Это моя

литургія, которую и ревную совершать со всѣмъ усердіемъ и благоговѣинствомъ. Почему не могу быть равнодушнымъ къ тому, что у васъ происходитъ, совѣсть моя Апостольская заставляетъ меня принять въ томъ участіе. И принимаю, въ желаніи споспѣшествовать вашему въ христіанствѣ преспѣянію. Такъ вы ужъ не ропщите на меня, что я нѣсколько строго писалъ вамъ. Иначе мнѣ нельзя было: долгъ.

Замѣчательно опредѣленіе благовѣстія священнодѣйствіемъ. Апостолъ—литургисающій,—проповѣдь Евангелія—литургія. Что же есть жертва? Жертва—вѣрующіе. Самоотверженіемъ и преданіемъ себя Господу они закалаютъ себя; благодать Св. Духа, нисходя на нихъ чрезъ таинства, освящаетъ ихъ и дѣлаетъ благопріятною Богу жертвою. Св. Злат. говоритъ: „Апостолъ обращаетъ рѣчь къ важнѣйшему достоинству своего Апостольства, и называетъ оное не просто служеніемъ, какъ въ началѣ, но священнымъ служеніемъ, священнодѣйствіемъ. Проповѣдывать и благовѣствовать—это для меня священство, это жертва, мною приносимая. А священнику никто не поставитъ въ вину его заботливость о томъ, чтобы приносимая имъ жертва была безпорочна. Такими словами Апостолъ вмѣстѣ окрыляетъ умы вѣрующихъ, показывая имъ, что они жертва, и оправдываетъ себя, внушая, что ему такъ повелѣно. Мой жертвенный ножъ, говоритъ онъ, есть Евангеліе и слово проповѣди, и цѣль моя не та, чтобъ самому прославиться и сдѣлаться знаменитымъ, но *да будетъ приношеніе, еже отъ языкъ, благопріятно и освященно Духомъ Святымъ*, т.-е. да будутъ пріятны Богу души научаемыхъ мною. Богъ, изведши меня на дѣло сіе, не столько хотѣлъ меня прославить, сколько имѣлъ попеченіе о васъ. Какъ же приношеніе можетъ сдѣлаться благопріятнымъ? Во Святомъ Духѣ. Не одна вѣра нужна, но и духовная жизнь, дабы мы

могли удержать въ себѣ Духа, даннаго однажды. И дрова, и огонь, жертвенникъ и ножъ,—все замѣняетъ у насъ Духъ. Посему я всѣми мѣрами стараюсь, чтобъ этотъ огонь не угасалъ. Ибо мнѣ поручено это. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ священникъ предстоялъ (предъ Богомъ), возжигая огонь, такъ я (служу Богу), возбуждая ваше усердіе (привоспоминаніемъ). И замѣть, не сказалъ онъ: да будетъ приношеніе отъ васъ, но—*приношеніе еже отъ языкъ*. А подъ словомъ: *отъ языкъ* разумѣетъ вселенную, т.-е. всю землю и море; и такимъ образомъ смиряетъ гордость Римлянъ, дабы они не почитали за низкое имѣть своимъ учителемъ того, котораго дѣйствованіе простирается до предѣловъ вселенной. Тоже сказалъ онъ и въ началѣ посланія: *якоже и въ прочихъ языцѣхъ* (т.-е. да имѣю плодъ и въ васъ). *Еллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь* (Рим. 1, 13. 14).“

Въ словахъ: *да будетъ приношеніе, еже отъ языкъ, освященно Духомъ Святымъ*, скрыта мысль, что если строго писалъ, то заботясь объ ихъ совершествѣ. Я ревную о томъ, говоритъ, чтобъ приношеніе отъ языкъ было освящено Духомъ Святымъ. Таже ревность у меня и въ отношеніи къ вамъ. „Правда, увѣровавъ и крестившись, вы получили Духа; но если не будете и жить духовно, то благодать угаснетъ“ (Экум., Θеоф.). Какъ я замѣтилъ у васъ нѣчто, что служитъ въ ущербъ духовной жизни, то и напомнилъ вамъ поправить неисправное, чтобъ иначе, если закоснѣете въ сей неисправности, не отошелъ отъ васъ Духъ, и вы не перестали быть приношеніемъ, освященнымъ отъ Духа Святаго.

б.

Для чего св. Павелъ разсказываетъ о томъ, что содѣла имъ Господь доселѣ въ его Апостольскомъ служе-

ніи? Его могло привести къ сему предыдущее упомянутіе о своемъ назначеніи быть Апостоломъ языковъ, чтобъ показать, что благодать сія не тща бысть въ немъ, и заключить: теперь ужъ я все здѣсь передѣлалъ, пойду дальше, въ Испанію, и мимоходомъ зайду къ вамъ, какъ издавна желалъ. Или такъ: помянувъ о данной ему благодати, онъ располагался сказать, что въ силу сей благодати собираюсь идти въ Испанію и мимоходомъ зайду къ вамъ. Но какъ при семъ раждался вопросъ: чего же ради до сихъ поръ медлилъ? – то онъ упреждаетъ, говоря: тутъ было дѣло, трудился въ проповѣди, и посѣялъ слово благовѣстія отъ Іерусалима до Иллирика. Покончивъ здѣсь, иду туда. Какъ разсказъ о семъ могъ показаться похвальбою; то Апостолъ начинаетъ рѣчь устраненіемъ этого предположенія, говоря какъбы: конечно, есть чѣмъ похвалиться; но похвала не мнѣ принадлежитъ, а Богу и благодати Его, являвшей силу свою при проповѣди въ знаменіяхъ и преклонявшей тѣмъ умы къ покорности Евангелію.

Ст. 17. ***Имамъ убо похвалу о Христѣ Іисусѣ въ тѣхъ, яже къ Богу.***

Да, я имѣю похвалу,—меня хвалятъ,—или мнѣ можно хвалиться, есть чѣмъ, но не за что либо земное, человѣческое, а ***въ тѣхъ, яже къ Богу***, за Божіе дѣло, за то, что возвѣщаю всѣмъ Слово Божіе и всѣхъ привожу къ Богу, отторгая ихъ отъ земнаго, тлѣннаго и тварнаго къ небесному, вѣчному и божескому. Но я не присвояю сей похвалы, а отношу все ко Христу Іисусу, Господу моему. Самъ въ себѣ не имѣю ничего похвальнаго: все содѣваетъ Господь. Ему буди и слава. Св. Златоустъ такое видитъ побужденіе къ симъ словамъ: „Поелику Апостолъ предъ этимъ весьма унизилъ себя, то опять возвышаетъ слово и дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы Римляне не почли его презрѣннымъ.“ Возвышая же

себя и говоря: *имамъ похвалу*, не измѣняетъ своему нраву. Хвалюся, говоритъ, не самимъ собою, не попеченіями своими, но благодатію Божіею. Нельзя сказать, что я поставленъ Богомъ, но не выполнилъ порученнаго. Выполнилъ, но не я, а Христосъ. Потому и хвалюся въ Немъ, хвалюся не маловажными какими-нибудь дѣлами, но духовными. Это самое означаютъ слова: *яже къ Богу*.

Стт. 18. 19. ***Не смѣю бо глаголати что, ихже не содѣя Христосъ мною, въ послушаніе языковъ, словомъ и дѣломъ, въ силѣ знаменій и чудесъ, силою Духа Божія.***

Не посмѣю,—οὐ τολμήσω,—говоритъ, чего Христосъ Господь не сдѣлалъ мною, потому что это была бы низкая ложь и пустая похвальба,—не посмѣю изъ благоговѣинства предъ Богомъ, Который есть истина. Но здѣсь же заключается и такая мысль: но не смѣю и не говорить о томъ, что Господь содѣлалъ мною: ибо какъ эти дѣла на виду у всѣхъ и сдѣланы чрезъ меня; то могутъ подумать, что я самъ ихъ надѣлалъ. А это будетъ опять ложь; ибо не я ихъ дѣлалъ, а Христосъ мною. Вотъ почему я говорю о дѣлахъ сихъ; но говоря объ нихъ, не себѣ ихъ приписываю, а отношу ихъ гласно къ ихъ источнику,—Христу Господу, да славится во всемъ Онъ единъ—Спаситель нашъ и Господь. Можетъ быть симъ способомъ можно отгонять и всякое самохваленіе, возбуждая сознаніе и чувство, что вызывающее его доброе есть отъ Господа: ибо все доброе дѣйствительно отъ Него есть, а не умомъ изъ благочестія придумывается, что такъ есть.

Апостолъ свидѣтельствуетъ, что все, что ни сдѣлано имъ, содѣлалъ Христосъ чрезъ него. „Смотри, какъ онъ усиливается доказать, что все принадлежитъ Богу, а не ему. Говорю ли я что, дѣлаю ли, чудодѣйствую ли,—все производитъ Христосъ, все производитъ Духъ Святый“ (Св. Злат.), „пользуясь мною, какъ орудіемъ“ (Өеоф.).

Владыка Христосъ даровалъ мнѣ благодать Всесвятаго Духа для творенія знаменій и чудесъ, чтобы ими уловлены были язычники и пріяли лучь Боговѣдѣнія“ (Ѳеод.). Подъ *словомъ* разумѣется благовѣстіе и изъясненіе таинствъ вѣры, а подъ *дѣломъ*—жизнь по вѣрѣ, подтверждающая искренность убѣжденія въ проповѣдуемомъ. *Силa же знаменій и чудесъ* обнимаетъ всѣ сверхъестественныя дѣйствія, сопровождавшія благовѣстіе, въ удостовѣреніе слушавшихъ, что благовѣствующій истинно есть посланникъ Божій и слово его—слово Бога, Коему тварь покорствовать должна. Св. Златоустъ говоритъ: „Говоря: *словомъ и дѣломъ, въ силѣ знаменій и чудесъ*, Апостолъ подъ симъ разумѣетъ ученіе, любомудрствованіе о царствѣ Божіемъ и стремленіе къ нему, явленіе дѣлъ и жизни, воскрешеніе мертвыхъ, изгнаніе бѣсовъ, прозрѣніе слѣпыхъ, скаканіе хромыхъ и всѣ другія чудесныя дѣйствія, какія совершалъ чрезъ него Духъ Святый.“ Бл. Ѳеофилактъ полагаетъ различіе и между знаменіями и чудесами. „Между знаменіемъ и чудомъ есть различіе. Знаменіемъ совершается то, что совершается сообразно съ природою, только необыкновеннымъ образомъ. Таково внезапное исцѣленіе тещи Петра, больной горячкою. Здѣсь исцѣленіе горячки есть дѣло сообразное съ природою; но оно совершено необыкновеннымъ образомъ: какъ только коснулся Христосъ, горячка прошла (Мѳ. 8, 14. 15). А чудо есть дѣйствіе совершаемое надъ тѣмъ, что бываетъ несообразно съ природою. Таково исцѣленіе человѣка, слѣпаго отъ рожденія (Ін. 9, 1—7).“ Облеченъ же я былъ отъ Господа въ такое всеоружіе благодати Св. Духа для того, чтобы покорять вѣрѣ язычниковъ,—*въ послушаніе языковъ*: въ чемъ и успѣть даровалъ мнѣ Господь.

Ст. 19. *Якоже ми отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнити благовѣствованіе Христово.*

Римскіе Іудеи, бывавшіе въ Іерусалимѣ, равно находившіеся въ сношеніяхъ съ Азіею по торговымъ дѣламъ, въ числѣ каковыхъ могли быть и язычники, и тѣ, которые недавно воротились въ Римъ изъ изгнанія, могли знать, какое обширное пространство земель и народовъ пройдено Апостоломъ и оглашено благовѣстіемъ, и разъяснить то другимъ не знающимъ. Общее впечатлѣніе слова сіи должны были оставить такое, что Св. Павелъ есть всемірный Апостолъ, котораго всѣ должны слушать, слѣд. и Римляне; ибо онъ таковъ по Божію избранію. „Говоря это, Апостолъ далекъ былъ отъ всякаго киченія, говорилъ же это для Римлянъ, дабы они не много о себѣ думали“ (Св. Злат.). А можетъ быть и для того сказалъ это, чтобъ воодушевить ихъ въ вѣрѣ, возвысивъ ее въ глазахъ ихъ. Ибо сими словами онъ говоритъ какъбы: вѣра наша, Евангеліе Христово, вѣдома не въ какомъ-либо безвѣстномъ уголкѣ міра. Она вотъ уже какое пространство занимаетъ; и это еще не конецъ ея успѣхамъ: она пойдетъ далѣе и обтечетъ всю землю. Отсюда прямо выходило, что если вы Римъ свой считаете владычественнымъ центромъ міра, то вы хорошо сдѣлали, не давъ другимъ упредить васъ въ вѣрѣ; стойте же въ ней, чтобъ служить въ ней образцемъ для всѣхъ.

Слово: *исполнити* даетъ такую мысль, что благовѣстіемъ не слухъ только исчисленныхъ народовъ оглашенъ, но что оно принято ими и вкоренилось среди ихъ: такъ что всѣ помянутыя страны не словомъ только благовѣстія исполнены, но наполнены и вѣрующими. Какое впечатлительное удостовѣреніе въ божественности вѣры Христовой?!

Ст. 20. *Сице же потщахся благовѣстити, не идѣже именовася Христосъ, да не на чуждемъ основаніи созижду.*

Сице же потщахся, φιλοτιμούμενον,—(т.-е. μὲ), при

чемъ я любочествовалъ, въ честь себѣ ставилъ, дѣломъ Апостольской чести почиталъ—благовѣствовать не тамъ, гдѣ уже знали Христа Господа, а тамъ, гдѣ не знали Его. Я не позволялъ себѣ втѣсняться въ кругъ дѣйствованія другихъ, чтобъ не пожать плода трудовъ ихъ. Похвала принадлежитъ не положившему только основаніе, но совершившему зданіе. Между тѣмъ, въ дѣлѣ благовѣстія, положить основаніе,—засѣменить гдѣ-либо вѣру,—гораздо труднѣе, чѣмъ довесть дѣлое я до конца. Если бы я втѣснялся въ чужую область, и видя готовое основаніе, завершалъ зданіе, то являлся бы поѣдающимъ труды другихъ, сдѣлавъ послѣ ихъ большихъ трудовъ легчайшее, а похвалу восхищая за все зданіе вѣры, или полное устроеніе гдѣ-либо церкви. Бл. Ѳеофилактъ, по Св. Златоусту, мысль Апостола изображаетъ такъ: „Я не только благовѣствовалъ этимъ и столькимъ народамъ, и обратилъ ихъ, но и не ходилъ къ тѣмъ людямъ, которымъ возвѣщено уже было имя Христово. Такъ я далекъ отъ того, чтобы подчинять себѣ чужихъ учениковъ и дѣлать это для собственной славы. Поэтому и написалъ я къ вамъ не изъ желанія снискать у васъ славу, но потому, что исполняю свое служеніе.“ Говоря такъ, Апостолъ даетъ разумѣть, что въ тѣхъже странахъ проповѣдывали и другіе Апостолы; но этимъ, не умаляя цѣны трудовъ, возводитъ къ представленію, сколь обиленъ былъ плодъ трудовъ Апостоловъ всѣхъ, какъ глубоко вкоренена тамъ вѣра, и какъ стала общею. Я, говоритъ, не ходилъ туда, гдѣ другіе трудились; но они благовѣстили въ однихъ мѣстахъ, а я въ другихъ: „я не щадилъ своихъ трудовъ, бралъ неразработанныя еще нивы, воздѣлывалъ ихъ, засѣвалъ и возращалъ на нихъ обильныя жатвы“ (Ѳеод.). Тоже дѣлали и другіе. Отсюда читавшіе сіи слова должны были заключить: если они такъ трудились, и этому уже болѣе двадцати пяти лѣтъ; то

какъ много должно быть тамъ вѣрующихъ? Какъ свѣтло сіяетъ тамъ благодать вѣры? А такое представленіе, какъ воодушевительно и какъ возбудительно для всякаго вѣрующаго, и утверждая его въ вѣрѣ, и подвигая дѣломъ свидѣтельствовать ее!

Св. Златоустъ устраняетъ при семъ могущее породиться недоразумѣніе отъ словъ: *на чуждемъ основаніи*. „*Основаніе*, положенное другими Апостолами, Св. Павелъ называетъ *чуждимъ* не потому, чтобы самыя лица были чужды ему, или проповѣдь ихъ была иная, но по отношенію къ наградѣ каждаго. Ихъ проповѣдь сама по себѣ не была чуждою для него, но была чуждою только по отношенію къ наградѣ; такъ какъ чужда была для него награда за труды, понесенные другими.“

Ст. 21. *Но якоже есть писано: имже не возвѣстися о Немъ, узрятъ: и иже не слышаша, уразумѣютъ* (Ис. 52, 15).

Въ пророческомъ предсказаніи Апостолъ видитъ для себя заповѣдь. Такъ было предсказано, говоритъ, отъ лица Божія: я и старался такъ дѣйствовать. Предсказаніе касается всѣхъ благовѣстниковъ. Св. Павелъ прилагаетъ его къ своему образу дѣйствованія. потому что и всѣ Апостолы такъ поступали. Всѣ они посланы были научать тѣхъ, которые не вѣдали истиннаго Бога, въ Троицѣ покланяемаго; и куда направлялись они, знали, что идутъ къ такимъ, которые не вѣдаютъ Бога истиннаго и святой истины Его, чтобъ просвѣтить ихъ вѣдѣніемъ. *Имже не возвѣстися о Немъ*, которымъ не было возвѣщено о Христѣ Господѣ, что Онъ, единъ сый Святыя Троицы, воплотился ради насъ, пострадалъ и спасъ насъ,—тѣмъ возвѣщено будетъ и такъ ясно, что они будто предъ очами своими узрятъ распятаго Господа, созерцая въ тоже время умно и все таинство домостроительства спасенія. *Иже не слышаша*, тѣ услышатъ и

уразумѣютъ, что *нѣсть иного имене подъ небесемъ, о немже подобаетъ намъ спастися*, кромѣ имени Господа нашего Іисуса Христа (Дѣян. 4, 12). — Таково пророчество о трудахъ благовѣстниковъ, такъ я и дѣйствовалъ.

Ст. 22. *Тѣмже и возбраненъ быхъ множицею пріити къ вамъ.*

„Въ началѣ сказалъ: *множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ* (—1, 13); а здѣсь представляетъ самую причину, которая задерживала его не разъ, и не дважды, а многократно“ (Св. Злат.). Порывался къ вамъ; но въ то время, какъ я собирался удовлетворить моему сильному желанію видѣть васъ, открывалась новая дверь для проповѣди, и я долженъ былъ входить въ нее, отказываясь отъ преднамѣреннаго къ вамъ шествія. При семъ онъ разумѣетъ и всѣ другіе труды по устроенію основанныхъ уже церквей. Возникали у нихъ недоразумѣнія, нестроенія и нужды. Нельзя было ихъ оставить не умиротворивъ; а это требовало времени и отдаляло отъ того часа, въ который наконецъ возмогу свободно двинуться къ вамъ.

Стт. 23. 24. *Нынѣ же къ тому мѣста не имый въ странахъ сихъ, желаніе же имый пріити къ вамъ отъ многихъ лѣтъ: яко аще (егда) поиду во Испанію, пріиду къ вамъ. Уповаю бо мимо грядый видѣти васъ, и вами проводитися тамо, аще васъ отъ части насыщуся.*

Мѣста не имый—не то означаетъ, что уже всѣ мѣста сплошь наполнены были Евангеліемъ, а то, что не осталось мѣста, которое по планамъ Апостола слѣдовало бы засѣменять Евангеліемъ. Св. Павелъ, какъ и всѣ Апостолы, дѣйствовалъ по притчѣ о закваскѣ хлѣбнаго тѣста и о сѣмени. Кладутъ закваску, и она уже сама о себѣ проникаетъ все тѣсто и дѣлаетъ то, что оно все вскисаетъ; бросаютъ сѣмя въ землю, и оно уже само о себѣ даетъ стебль, колосъ и зерно (Мр. 4,

28). Такъ и Св. Павелъ положилъ закваску и сѣмя Евангелія въ главнѣйшихъ городахъ, и говоритъ: сдѣлано все,—въ той увѣренности, что сила истины Евангельской и благодать Св. Духа, сами о себѣ, по дѣйствію Божественнаго промышленія, перейдутъ изъ главнѣйшихъ городовъ въ другіе города и веси, и всѣхъ просвѣтятъ и привлекутъ къ Господу. Вотъ почему и сказалъ: *мѣста не имый,*—не осталось уже мѣста, гдѣ бы слѣдовало мнѣ класть закваску или засѣвать сѣмя Евангелія.

Желаніе же имый... „Еслибы Апостолъ сказалъ: иду къ вамъ, потому что нѣтъ у меня другаго дѣла, Римляне почли бы то для себя унизительнымъ. Потому онъ обращаетъ къ нимъ слово любви и говоритъ: *желаніе же имый пріити къ вамъ отъ многихъ лѣтъ.*" Желаніе это не теперь только родилось отъ нечего дѣлать: оно всегда было, и было сильно, но не могло быть удовлетворено по причинѣ неотложныхъ дѣлъ; теперь же, получивъ свободу отъ дѣлъ, первымъ дѣломъ считаю поспѣшить къ вамъ, чтобъ увидѣться съ вами и насладиться вами. „Но дабы этимъ опять не пробудить въ нихъ гордости, смотри, какъ смиряетъ ихъ, говоря: *аще* (когда) *поиду во Испанію, пріиду къ вамъ.* Для того онъ написалъ это, чтобъ они не подумали о себѣ много. Ему желательно и любовь свою показать, и ихъ не допустить до киченія. Поэтому часто повторяетъ одно и тоже, и попеременно употребляетъ слова, ведущія къ той или другой цѣли. По этой же опять причинѣ, чтобы Римляне не сказали: онъ хочетъ только мимоходомъ быть у насъ, Апостолъ присовокупилъ: *и вами проводитися,* т.-е. вы сами будете свидѣтелями, что спѣшу не изъ презрѣнія къ вамъ, но по крайней нуждѣ. Поелику же и это могло показаться для нихъ оскорбительнымъ, то успокоиваетъ ихъ утѣшительнымъ словомъ: *аще васъ прежде отъ части*

насыщуся. Выраженіемъ *мимоидый* даетъ разумѣть, что не ищетъ отъ нихъ славы; а словомъ *насыщуся* выражаетъ, что желаетъ видѣть ихъ изъ любви, и притомъ не просто, но сильно желаетъ. Посему не сказалъ *насыщуся,* но *отъ части насыщуся.* Сколько бы времени ни пробылъ я съ вами, никогда вполнѣ не насыщуся, или никогда пребываніе съ вами не наскучитъ мнѣ. Видишь ли, какъ доказываетъ любовь свою тѣмъ, что и при всей необходимости поспѣшать, не прежде хочетъ оставить ихъ, какъ насытившись. И это уже служитъ признакомъ любви его; а не менѣе и то, что онъ употребляетъ выраженія, исполненныя толикой горячности. Не сказалъ: увижусь съ вами, но — *насыщуся,* подражая тому, какъ говорятъ родители къ дѣтямъ. Въ началѣ онъ говорилъ: *да нѣкій плодъ имѣю въ васъ* (или — *соутѣшитися въ васъ*); а здѣсь выражается: *да насыщуся.* То и другое обнаруживаетъ сильное влеченіе его сердца къ нимъ. Въ тѣхъ словахъ содержится величайшая имъ похвала, такъ какъ Апостолъ ожидаетъ плода отъ ихъ послушанія (или чая соутѣшиться ихъ вѣрою, ставитъ ихъ наравнѣ съ собою); а здѣсь онъ уже прямо показываетъ искреннюю привязанность. Также точно писалъ онъ и къ Коринѳянамъ: *да вы мя проводите, аможе аще поиду* (1 Кор. 16, 6). Такъ онъ во всемъ выражалъ свою любовь къ ученикамъ, любовь ни съ чѣмъ несравненную. Этимъ онъ всегда начиналъ свои посланія и оканчивалъ. Какъ чадолюбивый отецъ любитъ свое единственное дѣтище, такъ онъ любилъ всѣхъ вѣрныхъ. Посему и говорилъ: *кто изнемогаетъ и не изнемогаю? Кто соблазняется и азъ не разжизаюся?* (2 Кор. 11, 29)" (Св. Злат.).

Стт. 25—27. *Нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ. Благоволиша бо Македонія и Ахаія общеніе нѣкое сотворити къ нищымъ святымъ, живущимъ въ Іеру-*

салимъ: благоволиша бо, и должни имъ суть. Аще бо въ духовныхъ ихъ причастницы быша языцы, должни суть и въ плотскихъ послужити имъ.

„Поелику Апостолъ сказалъ: *не имѣю мѣста въ странахъ сихъ*, и: *съ давнихъ лѣтъ имѣю желаніе идти къ вамъ*, а между тѣмъ нужно было ему еще промедлить; то дабы Римляне не подумали, что онъ смѣется надъ ними, объясняетъ причину, по которой до времени не можетъ придти къ нимъ, и говоритъ: *гряду во Іерусалимъ*. Но высказывая, повидимому, предлогъ своего медленія, Апостолъ имѣетъ въ виду и другое, именно—побудить ихъ къ подаянію милостыни и сдѣлать къ этому усерднѣйшими. Еслибы онъ не объ этомъ заботился, ему довольно было бы сказать: *гряду во Іерусалимъ*. Но теперь присовокупляетъ и причину сего путешествія: *гряду*, говоритъ, *служай святымъ* (святыми называя всѣхъ вѣрующихъ въ Іерусалимѣ). Здѣсь особенно подивиться должно мудрости Апостола въ томъ, что онъ придумалъ такой способъ совѣтовать. На Римлянъ онъ могъ этимъ болѣе подѣйствовать, нежели прямымъ увѣщаніемъ. Ибо они почли бы для себя оскорбительнымъ, еслибы Апостолъ представилъ имъ Коринѳянъ и Македонянъ въ образецъ подражанія. По этому Коринѳянъ, въ посланіи къ нимъ, увѣщаваетъ такимъ образомъ: *сказую же вамъ благодать Божію, данную въ церквахъ Македонскихъ* (2 Кор. 8, 1); равно и на Македонянъ дѣйствуетъ примѣромъ Коринѳянъ: *яже отъ васъ ревность раздражи множайшихъ* (2 Кор. 9, 2).—Но съ Римлянами обходится иначе, съ ними онъ осторожнѣе. И смотри, съ какимъ приличіемъ употребляетъ выраженія. Не сказалъ: иду отнести милостыню, но—*гряду служай святымъ*. А если Павелъ служитъ, то разсуди, какъ это важно, когда самъ учитель вселенной беретъ на себя трудъ отнести подаянія; и хотя намѣревался

путешествовать въ Римъ и сильно желалъ видѣться съ Римлянами, однакоже первое предпочитаетъ послѣднему. *Благоволиша бо Македонія и Ахаія*, т.-е. съ общаго согласія пожелали, *общеніе нѣкое сотворити.* Опять не сказалъ: милостыни, но—*общеніе.* Не безъ мысли также вставилъ слово: *нѣкое,* но дабы Римляне не приняли сказаннаго за укоризну себѣ. И не сказалъ просто: къ нищимъ, но — къ *нищымъ святымъ*, убѣждая двоякимъ образомъ къ вспомоществованію,—какъ нищетою, такъ и добродѣтелію. Даже и симъ не удовольствовался, но присовокупилъ: *должни суть.* Потомъ доказываетъ, почему должны: *Аще бо въ духовныхъ ихъ* (Іудеевъ) *причастницы быша языцы, должни суть* (языцы) *и въ плотскихъ послужити имъ* (Іудеямъ). Это значитъ: имъ принадлежатъ обѣтованія, отъ нихъ Христосъ, къ нимъ первымъ и пришелъ Онъ, почему и самъ Онъ сказалъ: *спасеніе отъ Іудей есть* (Ін. 4, 22); оттолѣ Апостолы, оттолѣ Пророки, оттолѣ всѣ блага. Но всего этого сдѣлалась причастницею вселенная. Слѣдовательно, заключаетъ Апостолъ, ежели вы стали причастниками важнѣйшаго, и когда, по Евангельской притчѣ, вечеря была приготовлена для нихъ, вы вошли и вкусили предложеннаго; то и вамъ должно допустить ихъ до участія въ тѣлесныхъ благахъ и удѣлить имъ оныхъ Но Апостолъ не сказалъ прямо: допустить до участія, а *послужити*; чрезъ это же представилъ ихъ какъбы діаконами, или приносящими дани царямъ. Не сказалъ такъже: въ тѣлесныхъ вашихъ, какъ выше сказано —*въ духовныхъ ихъ*; потому что духовныя блага принадлежали однимъ Іудеямъ, а тѣлесныя принадлежатъ не однимъ язычникамъ, но всѣмъ вообще. И Апостолъ повелѣвалъ, чтобы имѣніе было общимъ всѣхъ, а не однихъ владѣтелей.“

Ст. 28. *Сіе убо скончавъ и запечатлѣвъ имъ плодъ сей, поиду вами во Испанію.*

Скончавъ,—исполнивъ это дѣло служенія святымъ бѣднымъ. *Запечатлѣвъ,* „какъ бы положивъ въ царскую сокровищницу, въ неприступное и безопасное мѣсто“—(Св. Злат.). *Имъ,*—„т.-е. Македонянамъ и Ахеянамъ“ (Θеод.). Ихъ милостыню чрезъ руки бѣдныхъ святыхъ кладу въ сокровищницу Божію и запечатываю, такъ что она сохранится тамъ для нихъ самихъ навсегда. „Ибо руками святыхъ приношу посланное десницѣ Божіей, а она сохранитъ сіе неприкосновеннымъ и невредимымъ“ (Θеод.). „И не сказалъ: милостыню, но опять—*плодъ,* давая тѣмъ разумѣть, что подающіе милостыню сами остаются отъ того въ прибыли“ (Св. Злат.). *Поиду вами во Испанію.* „Опять поминаетъ объ Испаніи, показывая тѣмъ, что путь его туда необходимъ для него и что онъ будто мимоходомъ будетъ въ Римѣ, не изъ презрѣнія къ Римлянамъ“ (Θеоф.).

Ст. 29. *Вѣмъ же, яко грядый къ вамъ, во исполненіи благословенія благовѣстія Христова пріиду.*

Во исполненіи,—ἐν πληρώματι,—въ полнотѣ;—пріиду въ полнотѣ благословенія или полный благословенія благовѣстія Христова, т.-е. всѣхъ благодатныхъ даровъ, какіе подаются пріемлющимъ и содержащимъ благовѣстіе Христово, или вѣру во Христа Господа; пріиду, говоритъ, такимъ, конечно, съ тѣмъ, чтобъ и ихъ сдѣлать причастниками даровъ. Обѣщаетъ, будучи извѣщенъ о томъ Духомъ, что дѣйствительно подано имъ будетъ нѣкое дарованіе духовное ко утвержденію ихъ,—съ какою цѣлію онъ и желалъ видѣть ихъ (—1, 11); или, что какъ въ другихъ мѣстахъ Христосъ Господь многое содѣвалъ чрезъ него, *словомъ и дѣломъ, въ силѣ знаменій и чудесъ,* такъ и среди ихъ воздѣйствуетъ такимъ же образомъ. Такъ разумѣетъ Амвросіастъ: „Будучи увѣренъ въ Божіемъ къ нимъ благоволеніи и благодати, обѣщаетъ, что придетъ къ нимъ съ обиліемъ благословенія, которое возвѣщается о Христѣ Іисусѣ. Благословеніе же сіе есть

сила знаменій, которою они утверждены въ вѣрѣ и которою еще болѣе утвердятся.“ Такъ Экуменій: „пріиду, чтобъ исполнить васъ благословенія, которое источается Евангеліемъ; ибо преподамъ помазаніе къ утвержденію васъ въ вѣрѣ и добродѣтели.“—Такое обѣщаніе должно было расположить Римлянъ ожидать Св. Павла, какъ благодѣтеля, и усердно молиться, да благопоспѣшитъ Господь пришествію его къ нимъ, о чемъ онъ проситъ ихъ вслѣдъ за симъ.

г.

Ст. 30. *Молю же вы, братіе, Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ и любовію Духа, споспѣшествуйте мнѣ въ молитвахъ о мнѣ къ Богу.*

Проситъ молиться о немъ, или во свидѣтельство величайшаго смиренія своего, по коему чувствуетъ себя имѣющимъ нужду въ молитвѣ ихъ (Экум., Ѳеоф.), или въ удостовѣреніе въ силѣ молитвы, совершаемой цѣлою какою-либо церковію. Амвросіастъ пишетъ: „Проситъ о молитвенной помощи не потому, чтобъ его собственная молитва не имѣла силы предъ Богомъ, но для того, чтобъ, соблюдая богоучрежденный чинъ, и церковь молилась о своемъ устроителѣ: ибо когда множество малыхъ соберется на единодушную молитву, то они дѣлаются великими; и молитвами многихъ нельзя не испросить просимаго. Итакъ, говоритъ, если и вы искренно желаете видѣть меня, то усерднѣе молитесь чтобъ, освободивъ меня молитвами своими отъ всего непріязненнаго, вы могли наконецъ пріять меня въ объятія свои съ полною любви радостію.“

Споспѣшествуйте,—συναγωνίσασθαι,—сподвизаться молю. Слѣдовательно и самъ онъ подвизался въ молитвахъ о томъже, а ихъ приглашаетъ только въ сотрудники. Не легкою молитвою молился, а подвизался въ молитвѣ,

держалъ молитвенный подвигъ. Отсюда выводится: видите, какъ любилъ ихъ и какъ желалъ видѣть ихъ, что держалъ особый подвигъ молитвы, чтобъ Господь привелъ его къ нимъ! Это и имѣлъ въ намѣреніи показать Римлянамъ Св. Павелъ; а намъ между тѣмъ дать урокъ— что для того, чтобъ сдѣлаться причастнымъ силѣ церковной молитвы, надобно самому въ тоже время держать молитвенный подвигъ, приготовляя тѣмъ изъ себя сосудъ, способный пріять и содержать просимое церковію. И еще: если Апостолъ почиталъ нужнымъ свою молитву усилить общею молитвою; кто дерзнетъ считать себя настолько близкимъ къ Богу и стоющимъ Его благоволительнаго услышанія, чтобъ не обращаться къ общей молитвѣ вѣрующихъ?

Апостолъ не ожидаетъ, чтобъ Римляне поусердствовали о немъ молитвою изъ одного уваженія къ нему; почему представляетъ ходатаями предъ ними за себя Христа Господа и Св. Духа, въ той увѣренности, что стоитъ только помянуть сіи сладчайшія и дражайшія для христіанъ имена, какъ всѣ поспѣшатъ исполнить просимое. *Молю*, говоритъ, *Іисусомъ Христомъ*, умершимъ и воскресшимъ для спасенія вашего, котораго уже вы и причастны, и *любовію Духа*, облагодатствовавшаго васъ своими дарами. Или: *Іисусомъ Христомъ*—вѣрою вашею во Христа Іисуса и готовностію по вѣрѣ въ Него дѣлать все угодное Ему; а *любовію Духа*, любовію, изліянною Имъ въ сердца ваша, коею онъ сочеталъ васъ со всѣми сущими во Христѣ и нужды каждаго сдѣлалъ общими всѣхъ нуждами, такъ что вамъ довольно узнать о сихъ нуждахъ, чтобъ расположиться къ молитвѣ о нихъ.

Ст. 31. *Да избавлюся отъ противляющихся во Іудеи, и да служба моя, яже во Іерусалимѣ, благопріятна будетъ святымъ.*

Показываетъ, что молитвою ихъ получить желаетъ;

желаетъ же того, чтобъ не встрѣтить въ Іерусалимѣ непріятностей, какія предвидитъ, предчувствуетъ, или предполагаетъ. Онъ идетъ въ Іерусалимъ къ вѣрующимъ; но Іерусалимъ полонъ былъ и невѣрующими, готовыми растерзать Св. Павла за проповѣдь о престатіи силы закона. Отъ этихъ онъ могъ ожидать всякаго зла; но и среди вѣрующихъ были предубѣжденные противъ него, по своей привязанности къ закону. Отъ послѣднихъ онъ не могъ ожидать прямыхъ бѣдъ, потому что другіе вѣрующіе и главы церкви ихъ не допустили бы ихъ до этого; но онъ могъ опасаться, не отвергли бы они его приношенія, какъ нечистаго, приносимаго лицемъ, унижающимъ и уничтожающимъ законъ, и не увлекли бы къ тому другихъ, хотя нераздѣляющихъ съ ними такихъ мыслей, но составляющихъ меньшинство, безсильное сладить съ большинствомъ тѣхъ. И того могъ онъ опасаться, не заподозрили бы какъ-нибудь его въ дѣлѣ приношенія и нечуждавшіеся его вѣрующіе, не подумали бы какъ о немъ несообразно съ тѣмъ духомъ, съ какимъ совершалось сіе служеніе: что могло крайне огорчить Апостола. Вотъ какія опасенія занимали Апостола при его движеніи въ Іерусалимъ. Объ устраненіи ихъ онъ и самъ крѣпко молился, и проситъ сподвизаться съ нимъ въ молитвѣ и Римлянъ.

Первое: *да избавлюся отъ противляющихся*,—ἀπειθούντων,—невѣрующихъ, не въ Іерусалимѣ только, но и во всей *Іудеѣ*. Но и эти всѣ стекались въ Іерусалимъ; потому главная опасность была тамъ. Или опредѣленно предвидѣлъ, или неопредѣленно предчувствовалъ Апостолъ, что тамъ ожидаютъ его большія бѣды и опасности. Почему и молитъ объ избавленіи. Но не бѣжитъ отъ бѣды, а мужественно идетъ на встрѣчу ей, въ преданности въ волю Божію. Это онъ засвидѣтельствовалъ потомъ на пути въ Іерусалимъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „кто и

какими похвалами увѣнчаетъ блаженную и треблаженную главу сію? Вопервыхъ знаетъ, что съ нимъ будетъ, и предсказываетъ это; ибо еще въ Милетѣ сказалъ пресвитерамъ Ефесскимъ: *Духъ по вся грады свидѣтельствуетъ* о мнѣ, *яко узы мене и скорби ждутъ* (Дѣян. 20, 23), (но несмотря на то идетъ). И когда Агавъ предсказывалъ тоже самое, и всѣ о томъ сѣтовали, и покушались удержать его, божественный мужъ изрекъ: *что плачете и сокрушаете ми сердце? Азъ бо не точію связанъ быти, но и умрети готовъ есмь за имя Господа* нашего *Іисуса* Христа (Дѣян. 21, 13).“ Это говорилось послѣ написанія посланія; но видѣлось или предчувствовалось и теперь. Почему и молитва, не какъ свидѣтельство страха, а какъ удостовѣреніе въ упованіи и несомнѣнномъ чаяніи избавленія. Св. Златоустъ говоритъ: „конечно великая борьба предстояла Апостолу; потому и проситъ ихъ молиться о себѣ.—И не сказалъ: да вступлю въ состязаніе, но—*да избавлюся,* какъ повелѣлъ Христосъ: *молитеся, да не внидете въ напасть* (Мѳ. 26, 41). Сими словами онъ выражаетъ, что на него готовы напасть какіе-то злые волки, не люди, а—справедливѣе сказать—звѣри.“

Второе: *да служба моя, яже во Іерусалимѣ, благопріятна будетъ святымъ*. Благопріятна,—не то, чтобъ послужила въ пользу святымъ, а чтобъ благосклонно была принята,—εὐπρόσδεκτος,—святыми, чтобъ они увидѣли въ этомъ съ его стороны трудъ любви безкорыстной, неимѣвшей въ виду ничего другаго, кромѣ желанія облегчить участь нуждающихся, а со стороны Македонянъ и Ахеянъ,—дѣло не вынужденнаго пособія, а свободнаго, однимъ чувствомъ братства вызваннаго сострананія,—и свидѣтельство о духовномъ съ ними союзѣ. Молитесь, говоритъ, чтобъ служеніе сіе было принято, какъ совершенное именно въ такомъ духѣ. Амвросіастъ пишетъ: „И о

томъ, говоритъ Апостолъ, молиться надобно, чтобъ служеніе мое было благосклонно принято святыми въ Іерусалимѣ, показывая, что онъ желаетъ, чтобъ все шло сообразно съ волею Божіею; чтобъ какъ онъ въ служеніи, Богу угодить стараясь, трудился, такъ и они въ пріятіи настроеніемъ сердца своего соотвѣтствовали судьбамъ Божіимъ (приняли такъ, какъ Богъ желаетъ быть принимаемымъ такимъ приношеніямъ),— чтобъ, увидѣвъ въ семъ Божіе къ себѣ благоволеніе, вмѣстѣ съ Апостоломъ единодушно принесли благодареніе Богу. Такъ великимъ дѣломъ считалъ Апостолъ, чтобъ они, бывъ обрадованы его служеніемъ, прославили Бога.“

Ст. 32. *Да съ радостію пріиду къ вамъ волею Божіею, и упокоюся съ вами.*

Да съ радостію пріиду;—или радость поставляетъ въ зависимость отъ избавленія отъ противящихся и благопріятія служенія его святымъ, такъ: „если избавлюсь отъ противящихся и благопріятно будетъ служеніе мое, то въ радости и благомъ расположеніи духа пріиду къ вамъ“ (Экум.); потому что позади меня не останется ничего такого, воспоминаніе о чемъ тяготило бы меня и наводило печаль на сердце. Избавленіе отъ бѣдъ само собою радостно; но, во время ихъ нашествія и во время минованія, всегда возможны случайности, или со стороны враговъ, или даже со стороны друговъ, которыя причиняютъ раны сердцу, неизлечиваемыя и избавленіемъ. Но еслибы служеніе было принято не такъ, какъ желалъ и ожидалъ Св. Павелъ, то тутъ не случайная была бы какая непріятность, а прямая и самая глубокая. Съ бѣдами, гоненіями и смертями уже свыкся Апостолъ, и ничего болѣе не ожидалъ: *мы насмертники,* говорилъ онъ. Но тутъ всегда утѣшеніемъ служила ему увѣренность, что подъ этою скорбною внѣшностію спѣется дѣло духовное въ тѣхъ, для кого трудится и терпитъ. Ущербъ

въ этомъ лишилъ бы его всякаго утѣшенія; а таково было бы неблагопріятное принятіе святыми его приношенія; и память объ этомъ всегда бы тяготила его. Вотъ и молится самъ и другихъ проситъ молиться, чтобъ этого не было

Или радость здѣсь разумѣется та, которою чаетъ исполниться, увидѣвъ Римлянъ, такъ: помогите мнѣ вашею молитвою поскорѣе вкусить радости свиданія съ вами,—да пріиду къ вамъ на радость, пріиду—и нарадуюсь, и упокоюсь. „Для того забочусь и молю Бога избавиться оттолѣ, чтобъ скорѣе увидѣть васъ, и увидѣть съ удовольствіемъ, не навлекши тамъ (въ Іерусалимѣ) себѣ никакой скорби“ (Св. Злат.).

Волею Божіею. „Какъ говорилъ въ началѣ: *аще когда волею Божіею поспѣшенъ буду пріити къ вамъ;* такъ и здѣсь прибѣгаетъ къ тойже волѣ Божіей“ (Св. Злат.). Какъ богопреданный, успѣха во всемъ ожидаетъ отъ единаго Бога. Строитъ планы, употребляетъ усилія, а на сердцѣ держитъ, что будетъ то и такъ, что и какъ угодно святой и благой волѣ Божіей, которой вседушно и подчиняетъ себя во всемъ. „Даже и хорошаго не хочетъ сдѣлать безъ воли Божіей“ (Ѳеод.).

И упокоюсь съ вами. Это одинаково съ тѣмъ, что въ началѣ говорилъ: *соутѣшитися въ васъ общею вѣрою, вашею же и моею.* „Упокоюсь, т.-е. вы оживитесь ученіемъ моимъ, а я оживлюсь приращеніемъ вашей вѣры“ (Ѳеоф.). Отрадно вступить въ общество единомысленныхъ. Единство убѣжденій, чувствъ и расположеній изъ всѣхъ дѣлаетъ одну душу, богатую жизнію, движенія которой по всѣмъ проходя, всѣхъ согрѣваютъ, питаютъ и упокоеваютъ. Или—*упокоюсь съ вами,*—συναναπαύσωμαι, — соупокоюсь, отдохну вмѣстѣ съ вами. Предполагается, что и онъ и они состоятъ въ непрестанномъ подвигѣ; потому, „какъ подвизающіеся и трудящіеся, имѣютъ нужду въ отдыхѣ“

(Θеоф.), который и доставленъ будетъ общеніемъ любви и единомыслія.

Ст. 33. *Богъ же мира со всѣми вами. Аминь.*

„По обыкновенію своему къ увѣщанію Апостолъ присовокупляетъ и молитву“ (Св. Злат.) „и желаетъ Римлянамъ мира, по причинѣ разномыслія, какое было между ними въ разсужденіи наблюденія законныхъ предписаній“ (Θеод.). „*Богъ мира* есть Христосъ Господь, Который сказалъ: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Іоан. 14, 27). Апостолъ желаетъ, чтобы Господь былъ съ ними, какъ Самъ въ лицѣ Апостоловъ обѣтовалъ всѣмъ вѣрующимъ, говоря: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матθ. 28, 20). Желая же сего, желаетъ вмѣстѣ быть имъ такими, чтобъ съ ними пребывалъ Господь Іисусъ Христосъ, Который бы, отъявъ всякій между ними разладъ по причинѣ заблужденія человѣческаго, показалъ имъ и далъ познать, что есть истина, да въ истинѣ сей пребываютъ мирными“ (Амвр.).

2.

Цѣлованія.

Съ привѣтствіями или поклонами соединяетъ Апостолъ и одно порученіе относительно Фивы, подательницы сего посланія.

Гл. 16. Ст. 1. *Вручаю же вамъ Фиву сестру нашу, сущу служительницу Церкве, яже въ Кегхреехъ.*

Вручаю--συνίστημι--представляю, рекомендую, а лучше, на ваши руки, на попеченіе ваше отдаю. „Настоящее посланіе доставила Римлянамъ Фива. Поэтому Апостолъ и знакомитъ ихъ съ нею. Высказываетъ свое уваженіе къ ней и тѣмъ, что упомянулъ о ней на первомъ мѣстѣ, и тѣмъ, что назвалъ ее сестрою, и тѣмъ, что показалъ ея должность, наименовавъ ее служительницею (діакониссою)“ (Θеоф.).

Сестру нашу. Сестру по благорасположенію и единству духа; *нашу,* или Св. Павла, или его и спутниковъ его, или—*нашу*—всѣхъ здѣшнихъ христіанъ, или нашу съ вами, Римляне, т.-е. общую всѣхъ христіанъ, по ея добродѣтелямъ и благотворительности всѣмъ. Можетъ быть она извѣстна была всѣмъ или нѣкоторымъ изъ возвратившихся недавно съ востока Іудеямъ.

Сущу служительницу, διάκονον. Въ первенствующей церкви, для служенія при крещеніи женщинъ, для раздаянія имъ милостыни и для присмотра за больными изъ нихъ, были избираемы отличавшіяся святостію жизни и готовностію на всякое добро, дѣвственницы и вдовицы. Изъ числа таковыхъ была и Фива. Церковь, гдѣ она служила, была въ Кегхреяхъ,— большой веси, стоявшей противъ Коринѳа на берегу, у пристани. „Кегхрея, есть одна изъ весьма большихъ Коринѳскихъ весей. Посему достойна удивленія сила проповѣди; ибо Апостолъ въ короткое время, не только города, но и веси наполнилъ благовѣстіемъ. И таково было устройство Кегхрейской церкви, что имѣла діакониссу, и притомъ женщину знаменитую и всюду извѣстную. Таково было богатство преспѣяній ея, что и отъ Апостольскихъ устъ пріобрѣла похвалы“ (Ѳеод.).

Ст. 2. ***Да пріимете ю о Господѣ достойнѣ святымъ, и спосиѣшествуйте ей, о нейже аще васъ потребуетъ вещи: ибо сія заступница многимъ бысть, и самому мнѣ.***

Пріимите ю о Господѣ, „т.-е. для Господа примите ее съ честію. Потому что пріемлющій для Господа, даже и незначительнаго человѣка принимаетъ со тщаніемъ. А какъ Фива была святая, то разсуди самъ, какъ надлежало ей услуживать. Посему Апостолъ присовокупилъ: ***достойнѣ святымъ,*** т.-е. какъ слѣдуетъ принимать святыхъ. Вы должны услуживать ей по двумъ причинамъ,

и потому что принимаете ее для Господа, и потому что она святая“ (Св. Злат.).

И споспѣшествуйте ей,—παραστῆτε,—заступитесь за нее, будьте предстателями и ходатаями ея. Не бѣдность гнететъ ее, а у ней есть дѣло, которое надобно выхлопотать. Такъ вы тамъ употребите свое посредство, кто гдѣ и какъ можетъ. Она и сама не безсильна; но можетъ случиться, что потребуется и отъ васъ услуга. Такъ не откажите ей тогда. „Видишь ли, какъ это не обременительно? Не сказалъ: удовлетворите всѣмъ ея нуждамъ, но—подайте ей руку помощи и пособите, въ чемъ будетъ она у васъ имѣть нужду. Говорю не о всѣхъ нуждахъ, но о тѣхъ, какія будетъ имѣть у васъ (по дѣлу своему). Сдѣлайте по сему, что будетъ въ вашихъ рукахъ“ (Св. Злат.).

Заступница бысть. Тутъ разумѣется не одно пособіе нуждающемуся, не одинъ кровъ страннику, хотя и это велико; но особенно заступленіе предъ властями, когда кто неправедно былъ обижаемъ, терпѣлъ напраслину и угнетеніе. „Опять несказанная похвала!—Но примѣчаешь ли благоразуміе Павлово? Напередъ поставилъ похвалу, за нею посрединѣ увѣщаніе, потомъ опять похвалу; и этою двукратною похвалою тѣмъ паче обязываетъ помочь нуждамъ блаженной жены. Ибо не благоразумна ли Фива, когда удостоилась такого свидѣтельства отъ Павла, и была въ состояніи помогать самому Павлу, учителю вселенной? Это вѣнецъ всѣхъ ея совершенствъ! Потому и Апостолъ поставилъ это въ концѣ, сказавъ: *и самому мнѣ*. Т.-е. тому, кто былъ проповѣдникомъ вселенной, претерпѣлъ безчисленныя страданія и одинъ довлѣлъ для многихъ тысячъ“ (Св. Злат.). „Св. Павелъ и вознаграждаетъ ее за то всякими почестями. Ибо хотя она, какъ вѣроятно, приняла его въ домъ (однажды—дважды) и на короткое время, когда онъ бывалъ въ Коринѳѣ (и за-

ходилъ къ нимъ); но онъ открылъ ей вселенную, и вездѣ и на сушѣ и на морѣ стала славною жена сія; о ней узнали не одни Римляне и Еллины, но и всѣ варвары“ (Ѳеод.).

Память Фивы 3-го сентября.

Стт. 3. 4. *Цѣлуйте Прискиллу и Акилу, споспѣшника моя о Христѣ Іисусѣ, иже по души моей своя выя положиша, ихже не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія: и домашнюю ихъ церковь.*

Объ Акилѣ съ Прискиллою изъ книги Дѣяній—18 г.—извѣстно, что Акила былъ Понтянинъ родомъ, жилъ въ Римѣ съ женою своею. Оттуда они вмѣстѣ съ другими евреями изгнаны были при Клавдіи, и поселились въ Коринѳѣ. Когда Св. Павелъ пришелъ съ проповѣдію въ Коринѳъ, сошелся съ ними, жилъ у нихъ и работалъ вмѣстѣ палатки По установленіи церкви въ Коринѳѣ, Св. Павелъ, отправляясь въ Сирію, взялъ съ собою и Акилу съ Прискиллою, и на пути заѣхавъ въ Ефесъ, оставилъ ихъ тамъ. Тамъ они и жили все время, какъ Св. Павелъ побывавъ въ Іерусалимѣ и Антіохіи и обошедши прежде основанныя церкви въ Малой Азіи, остановился въ Ефесѣ, и во все время пребыванія его здѣсь. Къ концу этого времени, пиша первое посланіе къ Коринѳянамъ, Апостолъ посылалъ имъ цѣлованіе отъ Акилы и Прискиллы. Значитъ они еще были тамъ. Но спустя около года послѣ того, когда писалъ настоящее посланіе къ Римлянамъ изъ Коринѳа, пишетъ имъ привѣтствіе въ Римъ. Значитъ они уже тамъ были, возвратившись по смерти Клавдія вмѣстѣ съ другими евреями,—въ числѣ которыхъ находились и всѣ тѣ, къ коимъ пишетъ здѣсь привѣтствіе Св. Павелъ.

Споспѣшниками своими— συνεργούς —называетъ ихъ Апостолъ потому, что они помогали ему въ дѣлѣ благовѣстія или вообще способствовали къ обращенію языч-

никовъ, которое Св. Павелъ почитаетъ своимъ личнымъ дѣломъ. Почему сказалъ не просто: „*споспѣшника моя*, но прибавилъ: *о Христѣ Іисусѣ*, чтобы не подумалъ кто, что (называя ихъ такъ) онъ подразумѣваетъ (одно) общеніе въ художествѣ, потому что и они *бяху скинотворцы* (Дѣян. 18, 3)" (Θеод.). Онъ говоритъ какъбы: „они помогали мнѣ въ словѣ и ученіи и раздѣляли со мною труды и опасности" (Θеоф.). Примѣръ такого споспѣшничества представляетъ ихъ руководство Аполлоса къ совершеннѣйшему познанію пути Господня, или христіанства (Дѣян. 18, 26). Конечно это былъ не единственный примѣръ.

Говоритъ далѣе въ похвалу ихъ Св. Павелъ, что они свои выи положили за душу его. Это даетъ мысль, что для спасенія жизни Апостола, или для избавленія его отъ большой какой-либо опасности, они сами подверглись нападкамъ, или даже побоямъ. Могло это случиться въ Коринѳѣ, могло случиться и въ Ефесѣ, или гдѣ-либо около его: ибо не было мѣста, гдѣ бы смертныя опасности не угрожали Св. Павлу.

Чтобъ не подумали, что онъ такъ хорошо отзывается о нихъ, по особой съ ними дружбѣ, Апостолъ представляетъ свидѣтелями ихъ достохвальныхъ дѣяній всѣ языческія церкви. *Имже*, говоритъ, *не азъ единъ благодарю, но и вся церкви языческія*. Благодарятъ не за совершенство въ духѣ, а за благотворенія. „Апостолъ разумѣетъ страннолюбіе и вспомоществованіе деньгами" (Св. Злат.).

„И другую еще достохвальную ихъ добродѣтель выставляетъ Апостолъ, привѣтствуя *и домашнюю ихъ церковь*. Сіе слово даетъ видѣть превосходство ихъ благочестія; ибо, какъ вѣроятно, они всѣхъ домашнихъ обучили высокой добродѣтели и усердно совершали въ домѣ божественныя службы" (Θеод.). Св. Златоустъ говоритъ: „Столько были они добродѣтельны, что обратили домъ свой въ церковь, такъ что всѣ ихъ домашніе содѣла-

лись вѣрными, и домъ ихъ отверстъ былъ для всѣхъ странныхъ. Ибо Апостолъ не имѣетъ обычая безъ разбора называть домы церквами, ежели въ нихъ нѣтъ примѣрнаго благочестія, и не укорененъ особенный страхъ Божій. Поэтому, и пиша объ Онисимѣ, говоритъ: *Павелъ Филимону и Апфіи возлюбленнѣй, и домашней ихъ церкви*. Ибо и въ супружеской жизни можно быть достойнымъ удивленія и благороднымъ. Вотъ и Акила съ Прискиллою жили въ супружествѣ и весьма просіяли, хотя ихъ промыселъ былъ незнатенъ. Они дѣлали палатки, однакоже добродѣтель покрыла все и показала ихъ блистательнѣйшими солнца. Ни ремесло, ни брачный союзъ не вредили имъ; напротивъ они явили въ себѣ такую любовь, какой требовалъ Христосъ, сказавъ: *больши сея любви никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (Ін. 15, 13). Они исполнили то, что служитъ признакомъ Христова ученика: взяли крестъ, и послѣдовали за Христомъ. Ибо дѣлавшіе это для Павла, тѣмъ, конечно, паче показывали такое же мужество для Христа Господа."

О послѣдующей жизни Акилы съ Прискиллою, святитель Димитрій Ростовскій говоритъ такъ: Св. Павелъ Акилу поставилъ епископомъ и послалъ его обратно въ Малую Азію распространять Евангеліе. Прибывъ туда и съ подружіемъ, Акила много помогалъ св. Тимоѳею въ Ефесѣ, и Св. Павелъ, пиша второе къ Тимоѳею посланіе, привѣтствуетъ ихъ, говоря: *цѣлуй Прискиллу и Акилу* (2 Тим. 4, 19). Проповѣдуя же Акила Христа въ Асіи, и Ахаіи, и во Иракліи, многое множество душъ человѣческихъ привелъ ко спасенію, обративъ ихъ отъ идольскаго неистовства къ Богоразумію и крестивъ. Прошелъ онъ и другія разныя страны, благовѣствуя царствіе Божіе; и гдѣ-то былъ убитъ невѣрными. Память его 14-го іюля. Апостолъ изъ 70.

Ст. 5. *Цѣлуйте Епенета, возлюбленнаго ми, иже есть начатокъ Ахаіи во Христа.*

„*Цѣлуйте Епенета возлюбленнаго ми*. Изъ этого видно, что Апостолъ воздаетъ каждому свою похвалу: ибо быть возлюбленнымъ Павла, который умѣлъ любить не даромъ, но съ разборомъ,—такая похвала не маловажна а напротивъ очень велика, и показываетъ въ Епенетѣ много добродѣтелей. Потомъ слѣдуетъ другая похвала: *иже есть начатокъ Ахаіи*. Симъ Апостолъ показываетъ, что Епенетъ или прежде всѣхъ притекъ ко Христу и увѣровалъ (въ Ахаіи, т.-е. въ Аѳинахъ или Коринѳѣ), что также составляетъ не малую похвалу (ибо пролагалъ путь другимъ и воодушевлялъ), или преимущественно предъ прочими, показавъ въ себѣ большее благочестіе. Посему сказавъ: *иже есть начатокъ Ахаіи*, Апостолъ не умолкъ, дабы не сталъ ты здѣсь разумѣть мірскихъ отличій, но присовокупилъ: *во Христа*. Ежели первенствующій въ гражданскихъ дѣлахъ почитается великимъ и знатнымъ, то тѣмъ паче первенствующій въ дѣлахъ духовныхъ. И поелику Епенетъ, какъ вѣроятно, былъ низкаго рода, то Апостолъ высказываетъ истинное его благородство и преимущество и тѣмъ украшая его, говоритъ, что онъ не для одного Коринѳа, но для цѣлаго народа былъ начаткомъ, т.-е. содѣлался какъбы дверію и входомъ для прочихъ. А такимъ дается не малая награда. Такой человѣкъ получитъ великое воздаяніе за добродѣтели другихъ, какъ не мало содѣйствовавшій имъ въ началѣ" (Св. Злат.). Память его 30 іюля. Святитель Димитрій пишетъ, что онъ былъ епископомъ въ Карѳагенѣ. Апостолъ изъ 70.

Ст. 6. *Цѣлуйте Маріамъ, яже много потрудися о насъ.*

„Что это? Опять вѣнчается и восхваляется женщина; а мы мущины опять постыждены, или лучше сказать, и почтены. Почтены тѣмъ, что у насъ есть такія жен-

щины; а постыждены тѣмъ, что мы мущины далеко отстаемъ отъ нихъ. Но если, узнавъ, чѣмъ украшаются сіи женщины, постараемся подражать имъ, то и мы вскорѣ уподобимся имъ. Чѣмъ же онѣ украшаются? — Да слышать это и мужи и жены!—Не перстнями, не ожерельями, не златотканными одеждами, но трудами ради истины. *Яже много потрудися о насъ*, говоритъ Апостолъ. Не за себя одну, не для собственнаго только усовершенія въ добродѣтели, она постилась, молилась въ землю, что и нынѣ дѣлаютъ женщины; но и для спасенія другихъ вступала въ подвиги апостоловъ и евангелистовъ. Какъ же говоритъ Павелъ: *женѣ же учити не повелѣваю*? (1 Тим. 2, 12). Онъ запрещаетъ женщинѣ занимать почетное мѣсто среди церкви и засѣдать на возвышеніи; но не запрещаетъ учить словомъ. Въ противномъ случаѣ сказалъ ли бы онъ женѣ, имѣющей мужемъ невѣрнаго: *что бо вѣси, жено, аще мужа спасеши*? (1 Кор. 7, 16).—Итакъ Апостолъ запрещаетъ въ словамъ сихъ не домашнія назидательныя бесѣды, но собесѣдованія въ общихъ собраніяхъ, что прилично однимъ учителямъ. И опять когда мужъ—человѣкъ вѣрный, но она оказалась бы свѣдующѣе его, Апостолъ не запрещаетъ ей учить и исправлять. И здѣсь не сказалъ онъ: которая многому учила, но—*много потрудися*, давая тѣмъ разумѣть, что Марія, кромѣ слова служила и инымъ образомъ, именно тѣмъ, что подвергалась опасностямъ, ссужала деньгами, совершала путешествія. Ибо тогда женщины были неустрашимѣе львовъ, и раздѣляли съ Апостолами труды проповѣдничества; почему съ ними вмѣстѣ путешествовали и исправляли всѣ прочія службы. И за Христомъ слѣдовали женщины, усердствуя Учителю имуществомъ своимъ и прислуживая Ему“ (Св. Злат.).

Ст. 7. *Цѣлуйте Андроника и Іунію сродники моя и*

сплѣнники моя, иже суть нарочиты во Апостолѣхъ, иже и прежде мене вѣроваша во Христа.

„*Сродники моя.* Хотя и это кажется похвалою, однако слѣдующее гораздо важнѣе. Чтоже именно?—*И сплѣнники моя*. Вотъ самый славный вѣнецъ, вотъ громкое провозглашеніе! Гдѣ же былъ плѣнникомъ Павелъ, называющій ихъ своими сплѣнниками? Плѣнникомъ онъ не былъ (въ томъ смыслѣ, чтобъ чужой какой народъ бралъ его въ плѣнъ), но пострадалъ гораздо болѣе всякаго плѣнника (заключеніе въ темницы разумѣетъ, что многократно приходилось терпѣть Св. Павлу (2 Кор. 11, 23); Климентъ Римскій, въ 1 посланіи къ Коринѳ. гл. 5, говоритъ, что онъ семь разъ сидѣлъ въ узахъ темничныхъ; гдѣ-нибудь при этомъ посидѣли вмѣстѣ съ нимъ и Андроникъ съ Юніею). Потомъ слѣдуетъ новая похвала: *иже суть нарочиты во Апостолѣхъ*. И то важно, чтобъ быть Апостоломъ; посуди же, сколько похвальнѣе быть отличнымъ между Апостолами! Отличались же они своими дѣлами, своими заслугами. Но Павелъ и на семъ не останавливается, а присовокупляетъ еще другую похвалу, говоря: *иже и прежде мене вѣроваша во Христа*. И это— предупредить другихъ и придти прежде — есть весьма большая похвала. Смотри же, сколько святая душа Павлова чиста была отъ тщеславія! При всей своей славѣ Павелъ предпочитаетъ себѣ другихъ, не скрываетъ того, что пришелъ послѣдній, и не стыдится признаться въ томъ. Поелику не могъ предпочесть ихъ въ этомъ другимъ Апостоламъ, то отыскалъ пришедшаго ко Христу послѣ другихъ, именно себя, и изъ этого составилъ имъ похвалу“ (Св. Злат.).

Память ихъ 17-го мая; Андроника съ другими еще 30 іюля. Онъ Апостолъ изъ 70. Былъ епископомъ въ Паннонiи, а проповѣдывалъ во многихъ странахъ. Мощи его и Юніи открыты въ царство Аркадія и Гонорія

395—423 предъ вратами Константинополя, носившими имя Евгеніевыхъ;—память о чемъ бываетъ 22 февраля.

Ст. 8. *Цѣлуйте Амплія возлюбленнаго ми о Господѣ.*

„Апостолъ опять обращаетъ въ похвалу любовь свою; потому что Павлова любовь была любовь для Бога и заключала въ себѣ безчисленныя блага. Ежели за великое почитается заслужить любовь царя, то какая похвала быть возлюбленнымъ Павла! Кто не обладалъ многими добродѣтелями, тотъ не привлекъ бы его любви къ себѣ. Апостолъ живущихъ худо и беззаконно не только не любилъ, но даже предавалъ проклятію. Такъ напримѣръ говоритъ: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. 16, 22); *и аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 9)" (Св. Злат.). „Апостолъ назвалъ Амплія возлюбленнымъ о Господѣ, что указываетъ на его преспѣяніе" (Ѳеод.).

Память его 31 октября. Апостолъ изъ 70. Св. Апостолъ Андрей поставилъ его епископомъ въ Діосполь; проповѣдывалъ онъ въ Одиссѣ, въ Мизіи, что нынѣ Варна, и тамъ убитъ еллинами. Мощи его перенесены въ Константинополь и положены въ Пигахъ — на источникахъ.

Ст. 9. *Цѣлуйте Урвана споспѣшника нашего о Христѣ и Стахія возлюбленнаго ми.*

Урвана споспѣшника. „Эта похвала больше предыдущей, потому что въ ней заключается и предыдущая" (Св. Злат.). Споспѣшникъ конечно „въ проповѣди Христовой" и въ подвигахъ благовѣстія (Ѳеод.). „А кто таковъ, тотъ посему самому есть и возлюбленный" (Ѳеоф.). Сказавъ: *споспѣшника нашего,* даетъ разумѣть, что онъ трудился не съ однимъ Апостоломъ Павломъ, но и съ другими Апостолами. Св. Димитрій Ростовскій говоритъ, что онъ Св. Апостоломъ Андреемъ былъ постав-

ленъ епископомъ для Македоніи, гдѣ мученически скончался.

Стахія возлюбленнаго ми. „И этого вѣнчаетъ тѣмъ же“ (Св. Злат.). Св. Апостолъ Андрей поставилъ его въ Аргираполѣ первымъ епископомъ Византійскимъ.

Память Урвана и Стахія вмѣстѣ съ Ампліемъ 31 октября. И мощи ихъ вмѣстѣ перенесены въ Константинополь и въ одномъ мѣстѣ, въ Пигахъ, положены.

Ст. 10. *Цѣлуйте Апеллія искусна о Христѣ. Цѣлуйте сущія отъ Аристовула.*

Апеллія искусна, — δόκιμον, — или искуснаго, хорошо умѣющаго и проповѣдывать вѣру и утверждать въ ней, и защищать ее, и вообще вести всѣ дѣла о Христѣ Господѣ; или испытаннаго, такъ что на него во всемъ положиться можно; ибо онъ дѣломъ доказалъ, что искренно вѣруетъ, искренно преданъ дѣлу вѣры и всѣмъ вѣрующимъ. „Вотъ свидѣтельство высокой добродѣтели; ибо не имѣть ничего поддѣльнаго—верхъ доброты“ (Θеод.). „Ничто не равняется съ этою похвалою — быть неукоризненнымъ и не подавать даже повода къ укоризнѣ въ дѣлахъ по Богу. И когда Апостолъ называетъ Апеллія искуснымъ о Христѣ, выражаетъ тѣмъ всѣ добродѣтели.—Почему Апостолъ не употребляетъ въ привѣтствіяхъ своихъ такихъ выраженій: государя моего такого-то, господина моего? Потому, что Апостольская похвала важнѣе этой. Въ той выражается одна честь, а въ Апостольской похвалѣ выражаются добродѣтели. И Апостолъ не безъ разбора почтилъ ихъ оною, привѣтствуя многихъ низшихъ на ряду съ высшими и знаменитыми. Тѣмъ, что привѣтствуетъ ихъ, и привѣтствуетъ вмѣстѣ съ другими въ томъ же посланіи, Апостолъ оказалъ всѣмъ равную честь; а тѣмъ, что каждаго хвалитъ въ особенности, представилъ намъ собственную каждаго добродѣтель. И это дѣлаетъ для того, чтобъ не поро-

дить зависти, почтивъ однихъ и не почтивъ другихъ, а также чтобъ не смѣшать недостойныхъ съ достойными и не довести до нерадѣнія, удостоивъ тойже чести всѣхъ и неравно достойныхъ“ (Св. Злат.).

Память его 31 октября, вмѣстѣ съ предыдущими тремя. Апостолъ изъ 70. Епископъ въ Иракліи отъ Апостола Андрея, — по многихъ трудахъ и подвигахъ блаженную свою душу предалъ въ руки Господа.

Цѣлуйте сущія отъ Аристовула. — „Эти, вѣроятно, были не таковы какъ прежніе, потому и не помянулъ о нихъ поименно“ (Θеод.). Были вѣрующіе, но ничѣмъ не отличавшіеся. Разумѣются или семейные его съ слугами, или и всѣ родные. Или такъ: „У Аристовула были собранія братій о Христѣ. Желая показать, сколько одобряетъ дѣло его, онъ удостоиваетъ привѣтствія собиравшихся у него“ (Амвр.).

Непонятно, почему самому Аристовулу не положено привѣтствія. Можетъ быть его самого не было тогда въ Римѣ, а одни сущіе отъ дома его. Аристовулъ Апостолъ изъ 70. Былъ епископомъ въ Британіи, гдѣ по многихъ трудахъ и страданіяхъ скончался. Память его 31 октября, вмѣстѣ съ четырьмя предъидущими.

Ст. 11. *Цѣлуйте Иродіона сродника моего. Цѣлуйте иже отъ Наркисса сущія о Господѣ.*

Иродіона сродника, и ничего болѣе не прибавилъ. Но потому, что привѣтствуетъ, даетъ разумѣть, что онъ достойно стоитъ въ ряду съ другими. Святитель Димитрій Ростовскій пишетъ, что онъ родомъ былъ изъ Тарса, прилѣпился къ Апостоламъ и усердно служилъ имъ, перенося и всѣ страданія вмѣстѣ съ ними; былъ епископомъ Неопатрскимъ; а усѣченъ вмѣстѣ съ другими многими, въ то время какъ былъ распятъ Петръ и обезглавленъ Павелъ.

Апостолъ изъ 70. Память 8 апрѣля.

Изъ тѣхъ, кои *отъ Наркисса*, привѣтствуются только *сущія о Господѣ;* „потому что были, конечно, у него и другіе, которые не содѣлались еще таковыми“ (Ѳеод.). Амвросіастъ пишетъ о немъ: „Наркиссъ этотъ былъ въ то время пресвитеромъ, какъ читается въ нѣкоторыхъ кодексахъ. Какъ его самого не было въ Римѣ на лицо, то Апостолъ привѣтствуетъ, яко святыхъ, тѣхъ только, кои отъ дома его. Самъ же онъ исправлялъ дѣло посѣщенія вѣрующихъ внѣ Рима, утверждая ихъ въ вѣрѣ своими увѣщаніями. Апостолъ не зналъ, какими достоинствами отличались сущіе отъ дома его; почему написалъ общее привѣтствіе сущимъ изъ нихъ о Господѣ, какъбы такъ: кого изъ нихъ признаете достойными привѣтствія моего, — которые, т.-е., въ Господѣ положили упованіе свое,— тѣхъ привѣтствуйте отъ моего имени.“

Наркиссъ — Апостолъ изъ 70 — епископствовалъ въ Аѳинахъ. Память 31 октября.

Ст. 12. *Цѣлуйте Трифену и Трифосу труждающіяся о Господѣ. Цѣлуйте Персиду возлюбленную, яже много трудися о Господѣ.*

„Опять Св. Павелъ начинаетъ привѣтствовать женщинъ. О Трифенѣ и Трифосѣ говоритъ, что онѣ еще трудятся“ (Св. Злат.). „Трудомъ означаетъ или страннолюбіе, или постъ, или другую какую добродѣтель“ (Ѳеоф.). „Не малая похвала всегда быть въ дѣлѣ, и не только содѣйствовать, но и трудиться (отдѣльно отъ другихъ). А Персиду называетъ Апостолъ возлюбленною, показывая тѣмъ, что она выше упомянутыхъ предъ нею. Ибо говоритъ: *цѣлуйте Персиду возлюбленную,* и свидѣтельствуетъ о многихъ трудахъ ея сими словами: *яже много трудися о Господѣ.*—Такъ умѣлъ Св. Павелъ наименовать каждаго по его достоинству; и однихъ поощряетъ къ большей ревности тѣмъ, что никого не лишаетъ принадлежащаго ему, но возвѣщаетъ и о малѣйшемъ

преимуществѣ каждаго; а другихъ ведетъ къ большей дѣятельности, возбуждая въ нихъ своими похвалами туже ревность, какую оказали первые" (Св. Злат.).

Преданіе ничего не сохранило болѣе о сихъ святыхъ женахъ.

Ст. 13. *Цѣлуйте Руфа избраннаго о Господѣ, и матерь его и мою.*

„Такой сынъ, такая мать, — корень соотвѣтственный плоду, и домъ полный благословенія. Ибо не даромъ сказалъ Апостолъ: *матерь его и мою,* но засвидѣтельствовалъ тѣмъ о многихъ добродѣтеляхъ сей женщины" (Св. Злат.). *„Руфа избраннаго о Господѣ* И сія похвала также вожделѣнна; *мнози бо суть звани, мало же избранныхъ* (Матѳ. 20, 16). И матерь Руфа прославилъ за многія преспѣянія въ добродѣтели, иначе не удостоилась бы она наименоваться матерью Павловою. Ибо матерію Руфа содѣлала ее природа, а матерію божественнаго Павла— достоуважаемая добродѣтель" (Ѳеод.).

Руфъ Апостолъ изъ 70, епископствовалъ въ Ѳивахъ, что въ Элладѣ. Память 8 апрѣля.

Ст. 14. *Цѣлуйте Асигкрита, Флегонта, Ерма, Прова, Ерміа, и сущую съ ними братію.*

„Не на то смотри здѣсь, что Апостолъ перечислилъ ихъ, не приписавъ имъ никакой особой похвалы, но на то, что хотя они были гораздо ниже другихъ, однакоже удостоились его привѣтствія. Лучше же сказать, что не малая похвала, что называетъ ихъ братіями, равно какъ и другихъ съ ними святыхъ" (Св. Злат.). „Чего ради вмѣстѣ ихъ привѣтствуетъ? Ибо зналъ, что они единодушны о Христѣ и соединены христіанскимъ дружествомъ" (Амвр.). Это будто особое собраніе (по нашему—приходъ съ старшими въ немъ).

Асигкритъ—Апостолъ изъ 70, былъ епископомъ въ Ирканіи, странѣ Асійской. Флегонтъ—тоже изъ 70; епископ-

ствовалъ въ Мараѳонѣ Фракійскомъ. Ермій изъ 70—же,—потомъ епископъ Далматскій. Память ихъ 8-го апрѣля.

Ермъ—изъ 70,—былъ потомъ епископомъ въ Филиппополѣ. Провъ—тоже изъ 70, епископствовалъ въ Неаполѣ и Путеолѣ. Память ихъ 5-го ноября. Ермъ особо—31-го Мая.—Сей Ермъ не писатель книги „Пастырь."

Ст. 15. *Цѣлуйте Филолога и Іулію, Нирея и сестру его и Олимпана и сущія съ ними вся святыя.*

„И эти всѣ, разумѣется, были единодушны, по какой причинѣ Апостолъ и привѣтствуетъ ихъ вмѣстѣ. Достоинство же ихъ указывается тѣми, кои были съ ними. Именуя сихъ послѣднихъ святыми, Апостолъ даетъ знать, что и первыхъ почитаетъ святыми, и потому привѣтствуетъ ихъ по достоинству" (Амвр.). „Всѣ они, живя вмѣстѣ, за добродѣтель, какую имѣли, сподобились Апостольскаго привѣтствія" (Ѳеод.). Можетъ быть и эти составляли особое собраніе, какъ и предыдущіе.

Филологъ—изъ 70,—былъ потомъ Св. Апостоломъ Андреемъ поставленъ въ епископа Синопіи.—Память его 5-го ноября.

Олимпанъ, тоже изъ 70, послѣдуя Св. Петру, при смертномъ страданіи его, въ Римѣ отъ Нерона посѣченъ вмѣстѣ со святымъ Иродіономъ. Память его 10-го ноября.

Ст. 16. *Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ. Цѣлуютъ вы вся церкви Христовы.*

„Дабы не подать повода къ распрямъ тѣмъ, что однихъ привѣтствуетъ такъ, а другихъ иначе, однихъ поименно, а другихъ вообще, однихъ съ большими, а другихъ съ меньшими похвалами, Апостолъ наконецъ всѣхъ уравниваетъ равночестіемъ любви и святымъ лобзаніемъ, говоря: *цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ.* Симъ миромъ удаляетъ отъ нихъ всякій помыслъ, могущій возмутить ихъ, и всякій поводъ къ малодушію, дабы высшій не презиралъ низшаго, и низшій не завидовалъ высшему,

но удалены были презорство и зависть, и святымъ лобзаніемъ все умиротворялось и уравнивалось“ (Св. Злат.).

„И не это только имѣлъ онъ въ виду, пиша это, но и то, чтобъ они взаимнымъ лобзаніемъ замѣнили его собственное лобзаніе, какое онъ далъ бы каждому, еслибъ находился среди ихъ.“ Поэтому, какъ отсутствующій, не могъ самъ заключить ихъ въ свои объятія, то дѣлаетъ это чрезъ нихъ самихъ, повелѣвая цѣловать другъ друга,— и цѣловать *лобзаніемъ святымъ*, честнымъ, цѣломудреннымъ, искреннимъ, родственнымъ, свободнымъ отъ всякаго коварства (Θеод.); *цѣлованіемъ святымъ*,—„т.-е. въ мирѣ Христовомъ, не съ плотскими чувствами, но въ Духѣ Святомъ, чтобъ цѣлованія были благочестныя и благоговѣйныя, а не чувственныя“ (Амвр.).

Цѣлуютъ вы вся церкви Христовы.

Вы, „не того или другаго, а всѣхъ,—и не тотъ или другой, а всѣ *церкви Христовы*“ (Св. Злат.). Соединяетъ востокъ и западъ, и изъ всѣхъ составляетъ одно братство, дышащее взаимною любовію о Христѣ Іисусѣ, полною и чистою.

Св. Златоустъ, приступая къ изъясненію сихъ привѣтствій, говорилъ: „думаю, что многіе проходятъ безъ вниманія сію часть посланія, какъ безполезную и незаключающую въ себѣ ничего важнаго.“ Окончивъ же ихъ изъясненіе и включивъ въ него множество назидательныхъ наведеній, прибавляетъ: „Видишь ли, какую великую пользу получили мы отъ сихъ привѣтствій? Сколько сокровищъ прошли бы мы мимо, еслибы этой части посланія не разобрали со тщаніемъ, разумѣю, такимъ, какое было для насъ возможно? А еслибы сыскался мудрый и духовный мужъ, онъ проникъ бы глубже, и увидѣлъ бы большее число жемчужинъ. — Но поелику нѣкоторые неоднократно спрашивали: почему Апостолъ въ этомъ посланіи многихъ привѣтствуетъ, чего не дѣлалъ онъ въ

другихъ посланіяхъ? то отвѣтствуемъ, что Римляне были знаменитѣе прочихъ, и въ Римѣ, какъ въ безопаснѣйшемъ и царственномъ городѣ, жили пересилившіеся туда изъ другихъ городовъ. И такъ, поелику они жили на чужой сторонѣ и имѣли нужду въ большемъ покровительствѣ, нѣкоторые же изъ нихъ были лично знакомы Павлу, а другіе, находясь въ Римѣ, весьма много служили за него, то и прилично было Апостолу похвалить ихъ на письмѣ; такъ какъ Павелъ былъ тогда въ такой уже великой славѣ, что удостоившіеся его посланія, въ самомъ этомъ посланіи находили для себя великую защиту. Павла всѣ уважали; всѣ высокое о немъ имѣли мнѣніе. Посему желая, чтобы они (къ кому пишетъ, и кого привѣтствуетъ) были въ безопасности и въ чести, Апостолъ привѣтствуетъ и отличаетъ каждаго по возможности. Инаго назвалъ возлюбленнымъ, инаго сродникомъ, инаго сплѣнникомъ, инаго споспѣшникомъ, инаго искуснымъ, инаго избраннымъ. Равно и касательно женщинъ, то указываетъ на званіе; ибо Фиву назвалъ служительницею,—не просто, но потому что была она рукоположена въ діакониссы, а иначе такъ же бы наименовалъ и Трифену съ Персидою; то называетъ споспѣшницею и сотрудницею, то величаетъ матерію, то выставляетъ труды, какіе понесены. Инымъ обращаетъ въ похвалу славу ихъ дома, другихъ привѣтствуетъ именемъ братій и святыхъ. Однихъ отличаетъ тѣмъ, что удостоиваетъ привѣтствія, другихъ тѣмъ, что привѣтствуетъ по имени; иныхъ тѣмъ, что именуетъ начаткомъ, а иныхъ отличаетъ по старшинству; болѣе же всѣхъ выхваляетъ Прискиллу и Акилу. Ибо хотя всѣ они были вѣрные, но не всѣ равны между собою, а различались другъ отъ друга подвигами. А потому Апостолъ, побуждая всѣхъ къ большимъ трудамъ, не утаилъ ничьей похвалы. Ибо когда бы болѣе трудившіеся получили небольшую награду, многіе сдѣлались бы нерадивыми."

3.

Предостереженіе.

Ст. 17. *Молю же вы, братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, емуже вы научистеся, и уклонитеся отъ нихъ.*

Въ заключеніе Апостолъ дѣлаетъ одно предостереженіе, именно отъ лжеучителей. Не видно, чтобъ среди Римлянъ были уже такіе, но онъ предвидѣлъ, что будутъ, — и предостерегаетъ. Эти развратители умовъ шли всюду по пятамъ Св. Павла, и много ему причиняли вездѣ безпокойствъ и зла, и истинѣ Божіей наносили большой вредъ и ущербъ. Желая избавить отъ сего зла Римлянъ, онъ говоритъ имъ: *блюдитесь* — σκοπεῖν, — прошу зорко смотрѣть, не прокрались бы къ вамъ творящіе разномыслія и смятенія. Кто такіе, не сказываетъ, а вообще опредѣляетъ: такіе, которые будутъ учить не тому, чему вы научены. Чему вы научены, то есть непреложная истина. Кто будетъ учить противно тому, или разно отъ того, тотъ учитель лжи. Удаляйтесь отъ него: слуха ему не открывайте, и въ общеніе не входите съ нимъ ни въ какое.

Св. Златоустъ говоритъ при семъ: „Опять увѣщаніе. Замѣть же, какъ снисходительно его увѣщаніе: онъ предлагаетъ его не какъ совѣтникъ, но какъ ближайшій къ нимъ, и даже съ большимъ къ нимъ уваженіемъ. Ибо Апостолъ называетъ ихъ братіями и проситъ, говоря: *молю вы, братіе*. Потомъ предостерегаетъ ихъ, обнаруживая козни людей зловредныхъ. Но такъ какъ эти люди не дѣйствовали явно, то Апостолъ говоритъ: *молю же вы блюдитеся,*—παρακαλῶ — σκοπεῖν, т.-е. зорко смотрите, тщательно испытывайте, вызнавайте, разбирайте. Кого же именно остерегаться? *Творящихъ распри и раздоры, кро-*

мь ученія, емуже вы научистеся. Ибо раздѣленіе всего болѣе подрываетъ Церковь. Это діавольское орудіе, имъ все низвращается! Доколѣ единеніе будетъ соблюдаемо въ тѣлѣ Церкви, дотолѣ діаволъ не можетъ имѣть къ ней доступа; но отъ раздѣленія происходитъ соблазнъ. Отъ чего же раздѣленіе? Отъ ученія, противнаго ученію Апостоловъ. Не было бы ни соблазновъ, ни раздѣленія, еслибы не было выдумано ученія, противнаго ученію Апостольскому. На что самое указывая здѣсь, Апостолъ говоритъ: *кромѣ ученія.* Онъ не сказалъ: которому мы учили васъ, но—*емуже вы научистеся,*—чѣмъ показываетъ, что они совершенно убѣждены, выслушали и приняли ученіе.— Что же намъ дѣлать съ этими зловредными людьми? Апостолъ не сказалъ: сходитесь и бейтесь съ ними, но—*уклонитеся отъ нихъ.* Еслибы они дѣлали это по незнанію или по заблужденію, ихъ надлежало бы исправить. Но поелику намѣренно погрѣшаютъ, бѣгите отъ нихъ прочь.“

Ст. 18. *Таковіи бо Господеви нашему Іисусу Христу не работаютъ, но своему чреву: иже благими словесы и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ.*

Знайте, что у этихъ развратителей на языкѣ все Господь, но они не Господу работаютъ, а только именемъ Его прикрываютъ свое злоуміе. Работаютъ же они чреву своему,—чѣмъ означается, можетъ быть, вообще самоугодіе, забота жить въ довольствѣ и покоѣ. Какъ самый безпокойный у насъ тираннъ—желудокъ, то самоугодники больше всего заботятся о томъ, чтобы напхать его и заставить молчать. Имѣя въ виду сію немощь, Апостолъ и сказалъ, что они только чреву своему работаютъ. Желудокъ движетъ ихъ; они и круговращаются всюду, изобрѣтши легкій способъ къ прибыли—распространеніе ложныхъ ученій, на которыя, надо сказать, повсюду очень падокъ простой народъ. Приходятъ подъ покровомъ благочестія, облекаются въ тайну, шепотомъ

будто на ухо начинаютъ вбрасывать въ бесѣду непонятныя слова, чтобъ раздражить любопытство; когда же вниманіе возбуждено, прибавляютъ льстивыя рѣчи къ слушающимъ, и между этимъ вливаютъ ядъ зломыслія и уловляютъ въ сѣти свои простѣйшихъ. Средство, какое они употребляютъ, Апостолъ назвалъ χρηστολογία и εὐλογία,—слова, пріятныя для слуха и льстящія сердцу. Св. Златоустъ говоритъ: „Какъ же теперь не стыдно рабу Христову имѣть учителями рабовъ чрева? — Но какъ чревоугодіе служитъ у нихъ причиною, побуждающею распространять заблужденіе, такъ способъ, какимъ производится сіе коварство, есть ласкательство—новая опять болѣзнь. *Благими словесы прельщаютъ сердца незлобивыхъ*, говоритъ Апостолъ. Хорошо сказано: *благими словесы*. Услуги льстецовъ только на словахъ, а сердце ихъ не таково; тамъ одно коварство. Далѣе не сказалъ Апостолъ: прельщаютъ васъ, но—*сердца незлобивыхъ*.“ Апостолъ говоритъ вообще: вездѣ такъ поступаютъ эти развратители умовъ, что подкрадываются къ простѣйшимъ, потому что ихъ удобнѣе прельстить. А отъ тѣхъ, которые тверды умомъ и нравомъ, они бѣгаютъ, боясь отраженія и пораженія. Какъ вездѣ, такъ и у васъ они будутъ дѣйствовать. Такъ смотрите.

Ст. 19. *Ваше же послушаніе ко всѣмъ достиже: радуюся же еже о васъ: хощу же васъ мудрыхъ убо быти во благое, простыхъ же въ злое.*

Ваше послушаніе—послушаніе вѣрѣ, покорность и преданность вѣрѣ. *ко всѣмъ достиже*, всѣмъ извѣстно, или, какъ въ началѣ, *возвѣщается во всемъ мірѣ* (—1, 8). Хочетъ этимъ сказать Апостолъ: развратители умовъ успѣваютъ въ другихъ мѣстахъ прельщать простосердечныхъ. Но что касается до васъ, то „я увѣренъ въ вашей твердости, не станете вы свергать ига послушанія вѣрѣ и не поколеблетесь въ ней. И невѣроятно было,

чтобъ они, столь мудрые, послѣ познанія истины подчинились какимъ-либо глупымъ мудрованіямъ" (Амвр.). „Намѣренно выставляетъ столь многихъ свидѣтелей ихъ покорности въ вѣрѣ, чтобъ держа это въ мысли, они не позволили себѣ посрамиться уклоненіемъ къ какому-либо худому ученію" (Экум.).

Радуюся же еже о васъ. Зная это, я только радуюсь о васъ, или не нарадуюсь вами. А что говорю такъ, или прописываю такое предостереженіе, то дѣлаю это по искреннему желанію, чтобъ вы и на будущее время всегда являлись мудрыми въ добрѣ, т.-е. и знали доброе и умѣли дѣлать его, а простыми на зло, т.-е. и не знали его и не умѣли дѣлать его. Доброе въ настоящемъ случаѣ есть вѣрность истинѣ и отверженіе всякой лжи. Апостолъ желаетъ, чтобъ они сразу замѣчали ложь и коварство лжеучителей, и тотчасъ же рѣшались противостать имъ и оградить отъ нихъ и себя и своихъ, и сумѣли все это сдѣлать. Злое же есть хоть на волосокъ склониться на сторону лжи, подумавши напримѣръ: ужъ въ самомъ дѣлѣ не такъ ли? Апостолъ желаетъ, чтобъ слыша ложь, они являлись ничего непонимающими въ ней, какъ дѣти малосмысленныя, и только бы отъ сердца взывали: какъ это можно, какъ это можно?

Ст. 20. *Богъ же мира да сокрушитъ сатану подъ ноги ваша вскоръ. Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами.*

Апостолъ видитъ ихъ уже борющимися съ учителями лжи, наученными сатаною, и, или пророчествуетъ, что Богъ мира скоро сокрушитъ общаго учителя всякой лжи сатану подъ ноги ихъ, или молится, чтобъ Богъ благоволилъ это сдѣлать для нихъ. Тѣмъ и другимъ воодушевляетъ ихъ мужественно противостоять врагамъ истины, говоря какъбы: немного вамъ придется побороться съ ними, скоро увидите ихъ подъ ногами, одолѣете и прого-

ните. Не бойтесь же ихъ; постойте за истину Божію. Св. Златоустъ говоритъ: „поелику Апостолъ упоминалъ о вводящихъ раздоры и соблазны, то говоритъ теперь о Богѣ мира, дабы смѣло надѣялись освободиться отъ оныхъ. Ибо кто любитъ миръ, тотъ ниспровергаетъ все, нарушающее миръ. И не сказалъ Апостолъ: покоритъ, но, что гораздо важнѣе, *сокрушитъ*. Сокрушитъ же не только тѣхъ, которые вводятъ раздоры, но и вождя ихъ—сатану. И не просто сокрушитъ, но *сокрушитъ подъ ноги ваша*, такъ что они одержатъ побѣду и воздвигнутъ себѣ блистательный побѣдный памятникъ. Апостолъ утѣшаетъ также непродолжительностію времени—*вскорѣ*. А посему въ словахъ его заключались вмѣстѣ и молитва и пророчество.“

Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами. Рѣчь идетъ въ томъ же духѣ. Благодать съ вами: чего вамъ бояться? Дѣйствія ея вы уже испытали: явитъ она несомнѣнно опыты силы своей непреоборимой и въ будущемъ, когда придется вамъ вступить въ борьбу даже съ самимъ сатаною. Или благожелаетъ имъ, да будетъ благодать Господа нашего съ ними неотлучно, охраняя ихъ и дѣлая ихъ побѣдителями всякаго зла. Ибо у насъ все отъ благодати. Усилія и свои надо употреблять, но успѣхъ всегда отъ благодати. Св. Златоустъ говоритъ: „*Благодать съ вами.* Вотъ надежнѣйшее оружіе, несокрушимая стѣна, непоколебимый столпъ! Ибо для того Апостолъ напомянулъ имъ о благодати, чтобы сдѣлать ревностнѣйшими. Ежели вы освободились отъ большаго, и освободились по одной благодати; то тѣмъ болѣе освободитесь отъ меньшаго, когда содѣлались и друзьями и присовокупили собственныя усилія. Видишь, что Апостолъ не отдѣляетъ и молитву отъ дѣлъ, и дѣла отъ молитвы. Сперва засвидѣтельствовалъ объ ихъ послушаніи; а потомъ сталъ молиться, давая тѣмъ разумѣть,

что если всячески стараемся улучить наше спасеніе, необходимо для насъ и то и другое,—и собственныя усилія, и благодать Божія. Въ благодати Божіей не только прежде имѣли мы нужду, но и теперь имѣемъ, какъ бы ни были мы велики и искусны.“

Аминь—всѣ наши толковники въ семъ мѣстѣ не читаютъ. Если читать, то оно будетъ значить: истинно такъ,—или буди вамъ такъ, какъ я сказалъ. Но кажется, Апостолъ здѣсь закончилъ посланіе; и слѣдующую за симъ приписку сочтено нужнымъ помѣстить уже по заключеніи посланія. Въ такомъ случаѣ слова: *благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами*, будутъ составлять обычное заключительное слово Апостола Павла, послѣ коего *Аминь* необходимо.

4.

Приписка.

Ст. 21. *Цѣлуетъ васъ Тимоѳей, споспѣшникъ мой, и Лукій и Іасонъ и Сосипатръ, сродницы мои.*

Они были знакомы съ тѣми изъ римскихъ христіанъ, которые были на этой сторонѣ и возвратились въ Римъ. Когда кончилось посланіе, они упросили Апостола и отъ нихъ приписать поклоны, что Св. Павелъ и исполняетъ. Всѣ лица, отъ коихъ пишется здѣсь привѣтствіе, были знамениты въ церкви. „Одинъ знаменитъ участіемъ въ дѣлѣ благовѣстія, а другіе родствомъ. Но споспѣшникъ гораздо почтеннѣе сродника. Таковъ Тимоѳей, котораго Павелъ обрѣзалъ въ Листрахъ, и къ которому потомъ написалъ два посланія“ (Ѳеод.).—*Лукій* не тотъ ли, который поминается вмѣстѣ съ другими пророками и учителями Антіохійскими: *Лукій Киринеянинъ* (Дѣян. 13, 1). „Объ Іасонѣ также упоминаетъ Св. Лука въ Дѣяніяхъ,

и выставляетъ намъ его мужество, говоря: *влечаху его ко градоначальникомъ, вопіюще* (Дѣян. 17, 6). Вѣроятно, что и прочіе были люди отличные. Ибо Павелъ не упомянулъ бы просто о сродникахъ, еслибы они не уподоблялись ему по благочестію“ (Св. Злат.). Іасонъ, помянутый Св. Златоустомъ есть Іасонъ, у котораго останавливался Св. Павелъ въ Солуни. Когда возстали на Св. Павла солунскіе Евреи, то не нашедши его у Іасона, повлекли въ судъ самого Іасона, который тамъ отплатился отъ бѣды. *Сосипатръ* не тотъ ли, который поминается въ числѣ спутниковъ Св. Павла, на возвратномъ его пути изъ Еллады, въ это именно время, т. е. вскорѣ послѣ написанія посланія къ Римлянамъ: *Сосипатръ Пирровъ Берянинъ?* (Дѣян. 20, 4).

По преданію—*Лукій*—изъ 70, былъ потомъ епископомъ въ Лаодикіи Сирской. Память его 10 сентября. *Іасонъ,* тоже изъ 70, епископствовалъ потомъ въ Тарсѣ. Память его 28 апрѣля. *Сосипатръ*—изъ 70 же, епископствовалъ въ Иконіи. Память его 10 ноября. *Іасонъ и Сосипатръ* поминаются еще и 28 апрѣля. Они основали церковь въ Керкирѣ, какъ говорится здѣсь.

Ст. 22. *Цѣлую вы и азъ Тертій, написавый посланіе сіе.*

„Сказалъ это Тертій, вмѣняя себѣ въ великую похвалу—быть переписчикомъ у Св. Павла“ (Экум.). „И это не малая похвала—быть Павловымъ писцомъ. Впрочемъ онъ говоритъ сіе не въ похвалу себѣ, но дабы служеніемъ своимъ привлечь къ себѣ горячую любовь Римлянъ“ (Св. Злат.). „И онъ былъ одинъ изъ удостоившихся внимать Апостольскому наученію. Посему-то получилъ повелѣніе, пріемля изъ устъ Апостола порожденія святой души его, полагать ихъ на хартію“ (Ѳеод.).

О Господѣ можно относить и къ *цѣлую вы,* и къ *написавый посланіе.* Въ послѣднемъ случаѣ онъ выразить хотѣлъ, что трудился въ той увѣренности, что тѣмъ спо-

собствуетъ славѣ Господа и успѣхамъ благовѣствія о Немъ. Любовь къ Господу одушевляла его.

И онъ изъ 70. Былъ въ Иконіи вторымъ епископомъ, послѣ Сосипатра, и мученически скончался. Память его 30 октября и 10 ноября.

Ст. 23. *Цѣлуетъ вы Гаіе страннопр'имецъ мой и церкве вся. Цѣлуетъ вы Ерастъ строитель градскій, и Куартъ братъ.*

Гаіе страннопріимецъ мой. „Видишь ли, какой вѣнецъ сплелъ ему Апостолъ, засвидѣтельствовавъ о такомъ его страннолюбіи, и собравъ всю церковь къ нему въ домъ. А когда слышимъ, что Гаій принималъ у себя въ домѣ Павла, дивись не только щедрости, но и строгой жизни Гаія. Потому что, еслибы Гаій не былъ достоинъ Павловыхъ добродѣтелей, то и Павелъ не пошелъ бы къ нему въ домъ. Стараясь исполнить болѣе, нежели сколько предписывалось многими изъ заповѣдей Христовыхъ, Апостолъ конечно не преступалъ того закона, по которому повелѣвалось напередъ извѣдывать пріемлющихъ, и останавливаться въ домахъ у достойныхъ" (Св. Злат.). „Гаій сей былъ Коринѳянинъ; и о семъ извѣщаетъ насъ божественный Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, гдѣ говоритъ: *благодарю Бога, яко не единаго отъ васъ крестихъ, точію Криспа и Гаія* (1 Кор. 1, 14)" (Ѳеод.). Всей церкви страннопріимцемъ названъ вѣроятнѣе потому, что у него находили пріютъ всѣ христіане странники, откуда бы они ни были; а можетъ быть и потому, что у него бывали собранія христіанъ для священнодѣйствія и молитвы.

Гаій изъ 70; былъ потомъ епископомъ въ Ефесѣ послѣ Св. Тимоѳея. А Оригенъ по преданію говоритъ, что онъ былъ епископомъ Солунской церкви. Память 5 ноября.

Ерастъ, строитель градскій. „Не просто присовокупляетъ слова: *строитель градскій.* Но какъ писалъ Апо-

столъ Филиппійцамъ: *цѣлуютъ вы, иже отъ Кесарева дома* (Фил. 2, 22), дабы показать, что проповѣдь коснулась и людей знатныхъ; такъ и здѣсь съ тоюже самою цѣлію упоминаетъ о чинѣ Ераста, давая тѣмъ уразумѣть, что внимательному къ себѣ человѣку не служатъ препятствіемъ (въ дѣлѣ спасенія) ни богатство, ни заботы по должности, ни другое тому подобное" (Св. Злат.). „Называетъ Ераста строителемъ не церковнымъ, но градскимъ, потому что ему конечно ввѣрено было попеченіе о чемъ либо. Апостолъ упоминаетъ о немъ еще и въ посланіи къ Тимоѳею, говоря такъ: *Ерастъ оста въ Коринѳѣ* (2 Тим. 4, 20)" (Ѳеод.). — Его вмѣстѣ съ Св. Тимоѳеемъ посылалъ Св. Павелъ въ Македонію, чтобъ оттуда пробрались они и въ Коринѳъ для развѣданія о положеніи тамъ дѣлъ (Дѣян. 19, 22).

Куартъ братъ — общее прозвище всякаго вѣрующаго христіанина. Не имѣлъ выдающихся особенностей, но былъ лице почтенное, и былъ знаемъ римскимъ вѣрующимъ.

Ерастъ изъ 70, сперва былъ экономомъ церкви іерусалимской, а потомъ епископомъ Панеадскимъ. Куартъ тоже изъ 70, епископствовалъ въ Беритѣ. Память ихъ 10 ноября.

Ст. 24. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами. Аминь.*

И еще повторяетъ обычное свое заключительное благожеланіе. Оно уже было изречено въ ст. 20. Но какъ пришлось еще нѣчто написать, то повторяется. Мы въ подобныхъ случаяхъ пишемъ: и еще прощайте. „Снова Апостолъ преподалъ имъ духовное благословеніе, и какъбы нѣкоею адамантовою стѣною оградилъ ихъ Господнею благодатію" (Ѳеод.). „Видишь ли, чѣмъ должно все начинать и оканчивать? Это же самое положилъ Апостолъ въ основаніе своего посланія, и этимъже покрылъ все

зданіе, – какъ испрашивая Римлянамъ у Бога благодать— матерь всѣхъ благъ, такъ и напоминая имъ о всѣхъ благодѣяніяхъ Божіихъ. Это преимущественная черта умнаго и добраго учителя, помогать ученикамъ не только словомъ, но и молитвою. Посему и сказано: *мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ* (Дѣян. 6, 1)" (Св. Злат.).

„Да содѣлаемся и мы причастниками Апостольской молитвы, чтобъ, озаряясь его благословеніемъ, неуклонно шествовать по прямому пути, и, держась Апостольскихъ слѣдовъ, сподобиться, по ходатайству его, улучить обѣтованныя блага по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Коимъ Отцу со Святымъ Духомъ подобаетъ слава и величіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь" (Θеод.).

КОНСПЕКТЪ КНИГИ.

IX—XVI ГЛАВЫ ПОСЛАНІЯ КЪ РИМЛЯНАМЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*стр.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
33	15 сн.	призвавшаго	Призывающаго
76	7 св.	σουτετμημένον	συντετμημένον
100	8 —	непоколеблющеюся	неколеблющеюся
—	13 сн.	неоставивъ	неоставилъ
121	11 св.	сдѣлаетъ	дѣлаетъ
133	16 сн.	паденіи	отпаденіи
144	7 св.	выносится	выводится
182	10 —	искренними благовѣстниками	искреннимъ вѣрователемъ
183	8 сн.	и Апостольскій	съ Апостольскимъ
185	14 —	ни	не
193	14 св.	всеобнимающемъ.	всеобнимающемъ,—
197	17 —	гнѣвѣ	тѣлѣ
—	6 сн.	ни	не
267	12 —	казней	козней
271	8 св.	ληφονται	ληφονται
276	4 —	ωορον	φόρον
293	11 —	что	чтобы
295	12 сн.	похотей).	похотей)."
319	5 св.	цѣли."	цѣли.
—	9 сн.	„Не такъ	Не такъ
325	12 —	православіе	правословіе
362	12 —	дерзѣе	дерзѣе,—14—16,—
368	1 —	презрѣннымъ."	презрѣннымъ.
369	7 св.	*къ Богу.*	*къ Богу."*
378	3 сн.	владѣтелей."	владѣтелей." (Св. Злат.)
393	16 —	въ словамъ	въ словахъ
402	3 св.	пересилившіеся	переселившіеся